

— УСТОЙЧИВОСТЬ —
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕСУРСЫ

Российская академия наук
Уральское отделение
**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ**

Отделение
общественных наук

Российская Академия Наук

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

**УСТОЙЧИВОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕСУРСЫ**

Сборник научных статей

Екатеринбург
2024

УДК 314
ББК 60.7 (2 Рос)
У 81

Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации

Сборник подготовлен в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Редакторы: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А. П. Багирова, канд. экон. наук Е. Б. Бедрина, д-р истор. наук, проф. Г. Е. Корнилов, д-р экон. наук Н. В. Кривенко, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б. Ю. Берзин, канд. экон. наук Н. П. Неклюдова, О. А. Пышминцева.

Рецензенты: д-р экон. наук Т. А. Коркина, д-р экон. наук В. А. Антропов.

I. Демографическая устойчивость: исторический опыт

<i>Алексеева Л. В.</i> О населении Широковской волости в XIX в. (Шадринский уезд Пермской губернии)	6
<i>Араловец Н. А.</i> Брак и семья мужского населения РСФСР по данным переписей населения 1959 и 1970 гг.	16
<i>Борщик Н. Д.</i> Всероссийская городская перепись 1923 г. в Крыму: подготовка, проведение, результаты.....	24
<i>Вербицкая О. М.</i> Социально-демографические процессы в сельском населении России в 2000-е гг.....	32
<i>Горбачев О. В.</i> Города Среднего Урала в XX веке: динамика численности населения и факторы развития.....	41
<i>Жарков А. В.</i> Динамика уровня образования населения Пермской области в 1960-е гг.....	52
<i>Жиров Н. А.</i> Демографические процессы в пореформенной орловской деревне на примере православных приходов Елецкого уезда Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.	65
<i>Жиромская В. Б.</i> К вопросу о начале демографического перехода в России.....	74
<i>Задкова Т. Ю.</i> Население Мордовской АССР по данным всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг.....	86
<i>Исянгулов Ш. Н.</i> Рождаемость в послевоенной деревне (на примере Башкирской АССР)	95
<i>Корнилов Г. Е.</i> Вклад в людские потери союзных республик СССР в годы Великой Отечественной войны	103
<i>Лыткина У. В.</i> Периодизация естественного движения населения Республики Коми в советский период	113
<i>Мазур Л. Н., Хорькова В. М.</i> Социально-демографический профиль Свердловска (паспорт города 1959 г.)	122
<i>Роднов М. И.</i> Поздние миграции русского населения в екатеринбургско-челябинском «пограничье» (начало XX в.).....	133
<i>Саидова З. А.</i> Рождаемость в Узбекистане (1890–1990 гг.)	140
<i>Сулейманова Р. Н.</i> Динамика миграционных процессов в конце XX — начале XXI века: региональные особенности	148
<i>Тимошина И. А.</i> Младенческая смертность на Европейском Севере России в 1980-е гг. (по материалам Архангельской и Вологодской областей)	155
<i>Шукрюров К. К.</i> Демографические процессы в Азербайджане: историографические аспекты	163

II. Население и экономика в системе устойчивого развития

<i>Воронина Л. Н., Пышминцева О. А.</i> Тренды самозанятости в Свердловской области: региональные особенности развития и направления экономического поведения... ..	169
<i>Глухих П. Л.</i> Предпринимательский потенциал населения: роль в устойчивом развитии и подходы к измерению	179
<i>Дорошенко С. В.</i> Демографические особенности криминального экономического поведения населения России	187
<i>Зотиков Н. З.</i> Роль населения в развитии экономики.....	196
<i>Кондратьева В. И.</i> Демографические процессы в муниципальных образованиях Республики Саха (Якутия).....	208
<i>Латушкин В. В., Шубат О. М.</i> Свердловская область: устойчивое развитие и демографические тренды региона	218

<i>Логинов В. Г.</i> Коренные малочисленные этносы Арктики: ретроспективный анализ демографического развития	229
<i>Мартыненко С. В.</i> Поколение Z: особенности потребительского поведения в цифровой среде	241
<i>Масалова Ю. А.</i> Демографические проблемы и стратегия устойчивого развития сельских территорий.....	249
<i>Масленникова Е. В., Антонова О. А., Колесник Е. А., Елисеева Е. Н.</i> Дефицит работников на рынке труда: возможности преодоления для устойчивого развития региона	259
<i>Минеева Н. Н.</i> Диверсифицированная агроэкономика — основа демографической устойчивости сельских территорий Урала	271
<i>Петухова С. В.</i> Гендерные проблемы высшей школы в контексте гуманитарных специальностей	280
<i>Реутов Е. В., Вангородская С. А.</i> Обеспечение социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья (экспертная оценка).....	289
<i>Ридевский Г. В.</i> Комплексная оценка устойчивости демографического развития регионов Беларуси в условиях ограниченной демографической информации	297
<i>Россель А. С.</i> Межсекторное взаимодействие в сфере трудоустройства подростков	309
<i>Русанов А. В.</i> Подмосковные дачи: остаться СНТ или стать населенным пунктом?.....	321
<i>Смолькова Е. М., Какадий И. И.</i> Методы оценки эффективности на государственной гражданской службе.....	328
<i>Тельнов В. И.</i> Анализ потерь жизненного потенциала у населения Уральского федерального округа и Российской Федерации по причинам смерти (2005–2020 гг.)	335
<i>Трушкова Е. А.</i> Детерминанты отклоняющегося социально-экономического поведения населения в результате цифровизации и развития метавселенной	349
III. Рождаемость в регионах: решения для формирования новых трендов	
<i>Архангельский В. Н.</i> Современные тенденции рождаемости в России и их особенности в Свердловской области.....	358
<i>Долгих Е. А., Давлетишина Л. А.</i> Статистический анализ региональных различий рождаемости населения в Российской Федерации.....	374
<i>Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В.</i> Новые тенденции абортов и контрацепции в России.....	383
<i>Секицки-Павленко О. О.</i> Мотивы рождения вторых детей в российских семьях	390
<i>Скрябина Я. А.</i> Семейно-репродуктивные стратегии государственных и муниципальных служащих Республики Башкортостан	399
IV. Демографическое поведение: социологические и психологические аспекты	
<i>Барашкова А. С., Стручкова Е. С.</i> Взгляды молодежи на модели брака (по материалам конкретного исследования в Якутии)	414
<i>Берзин Б. Ю., Обвинцева А. В.</i> Репродуктивное поведение: сущность, виды и особенности проявления	424
<i>Молодец К. В.</i> Проблема организации социальной работы с неблагополучными семьями: на примере Приднестровья	431
<i>Степуть И. С., Аверьянов А. О.</i> Различия личностных характеристик при выборе способа трудовой миграции в Российской Арктике	439
<i>Тобышева А. А.</i> Медиация в изучении влияния когнитивных искажений на корпоративную демографическую политику: теоретические подходы к анализу	452

V. Миграция: смыслы, цели и результаты

<i>Ахмедов А. П.</i> Новые вызовы во взаимосвязях миграции и демографии	460
<i>Бедрина Е. Б., Селина К. В., Шведова П. С.</i> Трудности вхождения международных мигрантов в принимающее российское общество	467
<i>Белоусова А. В., Грицко М. А.</i> Миграция рабочей силы: оценка последствий для экономики Дальневосточного макрорегиона	476
<i>Богданова Л. П., Шукина А. С.</i> Международная миграция и ее влияние на структурные характеристики населения регионов России	484
<i>Злотников А. Г.</i> Миграция в формировании белорусского этноса	493
<i>Ивашина Н. В., Олейник Е. Б., Храмова М. Н.</i> Ипотечное кредитование как сдерживающий фактор миграционного оттока населения в регионах Дальнего Востока	510
<i>Куприна Т. В., Минасян С. М.</i> Виртуальная миграция как новый вид миграционного перехода	519
<i>Муродов М. К.</i> Динамика численности внешних трудовых мигрантов Таджикистана и уровень их денежных переводов	525
<i>Неклюдова Н. П., Садыкова С. К., Сединкина П. О.</i> Внешняя трудовая миграция в Свердловской области из стран Центральной Азии: сравнительный анализ	534
<i>Седова К. Е., Дружинин В. П.</i> Пространственные особенности расселения: сравнение Киргизии и российских регионов	542
<i>Султангулов В. Р.</i> Современные внешние миграционные потоки Республики Башкортостан: исторические связи и перспективы развития	551
<i>Фаузер В. В.</i> Миграции в зеркале переписей населения	558
<i>Хотеева Е. А., Симакова А. В.</i> Социальный портрет молодежи, переехавшей в Арктическую зону России	572

VI. Российский и зарубежный опыт здоровьесбережения населения

<i>Калугина Д. А., Палаухин А. С.</i> Опыт медико-социальной реабилитации и абилитации инвалидов в Пермском крае	581
<i>Мастерова С. Н.</i> Экономический аспект важности сбалансированного питания: снижение нагрузки на здравоохранение	590
<i>Медведева В. И., Кузьмин К. В., Киселев А. Ф.</i> О конкурсе «Доброволец в сфере охраны здоровья населения» в Свердловской области (2021–2023 гг.)	599
<i>Нацун Л. Н.</i> Система гериатрической помощи: оценка развития и соответствия потребностям стареющего населения (на примере Вологодской области)	611
<i>Филоненко В. И.</i> Здоровье российского студенчества: профилактика и сбережение (на примере вузов Ростовской области)	620
<i>Цветков А. И., Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Ларионова Н. Н.</i> Анализ медико-демографических результатов реализации регионального проекта «Развитие детского здравоохранения»	628
<i>Шматова Ю. Е.</i> Самооценка здоровья старшим поколением (опыт социологического исследования в Вологодской области)	638

I. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

УДК 94(47).084.6

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-1>

О населении Широковской волости в XIX в. (Шадринский уезд Пермской губернии)¹

Л. В. Алексеева

Нижневартковский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Автор для корреспонденции: Л. В. Алексеева (lvalexeeva@mail.ru).

Аннотация. В центре внимания автора малоисследованная тема микроуровня исторической реальности — Широковской волости густонаселенного Шадринского уезда в XIX в. Впервые в отечественной региональной историографии рассматривается вопрос о создании волости, численности населения в ней, рождаемости и смертности. Обращение к анализу данных роста населения в масштабах Шадринского уезда и отдельной волости позволило выявить схожие факторы, повлиявшие на увеличение численности населения. Осуществленная систематизация архивного материала способствовала определению основных фактографических данных демографических процессов, происходивших на уровне микроистории.

Ключевые слова: население; численность; волость; село; деревня

On the Population of Shirokovskaya Volost in the 19th Century (Shadrinsky Uyezd of the Perm Governorate)

L. V. Alekseeva

Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Corresponding author: L. V. Alekseeva (lvalexeeva@mail.ru).

Abstract. The study focuses on an underexplored topic of the level of micro-history and examines Shirokovskaya volost of the densely populated Shadrinsk uyezd in the 19th century. The establishment of the volost, the number of its population, birth rate and mortality are considered in the national regional historiography for the first time. Analysis of relevant data in Shadrinsky uyezd and its individual volost revealed similar factors that influenced population growth. The systematisation of archival materials facilitated the identification of basic factual data on demographic processes that occurred at the level of micro-history.

Keywords: population; number; volost, village; countryside

Введение

Обращение к вопросу формирования населения Шадринского уезда в XIX в. объясняется недостаточной изученностью демографического развития Южного Зауралья, хотя исследование различных аспектов одного из густонаселенных уездов Пермской губернии не обделено вниманием региональных историков. В меньшей степени исследованы демографические процессы в отдельных волостях и населенных пунктах

¹ © Алексеева Л. В. Текст. 2024.

Шадринского уезда. Рассмотрение на микроуровне позволяет, прежде всего, детализировать и конкретизировать исследуемые явления, а также не только увидеть общее и особенное в развитии отдельных локусов, но и экстраполировать ряд выводов, полученных специалистами по исторической демографии. С другой стороны, типологические выборки позволяют переносить наблюдения микроистории на более широкой уровень. Предметом рассмотрения статьи является население Широковской волости Шадринского уезда Пермской губернии в XIX в. Цель статьи — на основе исследовательской литературы, опубликованных источников и новых архивных данных представить процесс изменения численности населения, выявить факторы его роста как в Шадринском уезде в целом, так и в Широковской волости в отдельности.

Материалы и методы

Из исследовательской литературы наиболее востребованными стали труды, в которых присутствуют демографические сведения по Шадринскому уезду — работы Е. И. Красноперова, Г. Н. Плотниковой, В. А. Никитина, П. А. Свищева, В. В. Менщикова, Н. П. Шушариной, С. А. Пьянкова. При изучении микроуровня демографических процессов указанные работы позволяют осуществить ряд сравнений основных демографических явлений губернии, уезда и изучаемой волости.

Основой данного исследования послужили архивные материалы (Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК), Государственный архив Курганской области в г. Шадринске (далее — ГКУ «ГАШ»), Далматовский муниципальный архив Курганской области). Сведения о населении Широковской волости содержатся в документах Иоанно-Предтеченской церкви с. Широковского, приход которой включал население волостного села Широковского, деревень Тропиной и Смирновой, входивших в состав волости и данного прихода (с 1786 г.). С 1863 г., когда начал действовать храм в селе Тропинском, демографические сведения о населении этого села, а также и деревни Смирновой, находившейся в двух км от села, жителей которой отнесли к этому приходу, представлены в документах Покровской церкви. Кроме архивных источников, автор обращается к опубликованным документам. Наиболее информативными являются статистические губернские сборники, содержащие сведения о Шадринском уезде по волостям и уезду в целом. Методологической основой работы является теория демографического перехода, его первая фаза, выразившаяся в равновесии высокой смертности и высокой рождаемости. Ведущими в исследовании стали методы демографического анализа и синтеза.

Дискуссия и результаты

Сложившиеся типы воспроизводства населения в России и их эволюция за длительный период по регионам, как отмечается в специальных исследованиях, ставят задачу более развернутого изучения их социально-экономической обусловленности (Малявина & Смагина, 2009, с. 45). В изучении населения Шадринского уезда Пермской губернии нельзя обойти вниманием труды обобщающего характера, выполненные на губернских материалах. Прежде всего стоит выделить диссертацию Г. Н. Плотниковой, исследовавшей демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии в пореформенный период¹. Автором установлено влияние

¹ Плотникова, Г. Н. (2006). Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006, 215. <https://www.disserscat.com/content/demograficheskie-izmeneniya-krestyanskogo-naseleniya-permskoi-gubernii-vo-vtoroi-polovine-xi>

природно-географических, социально-экономических и миграционных факторов на демографическую ситуацию в крае (рождаемость, смертность, брачность и естественный прирост) и осуществлен анализ изменений численности крестьянского населения.

В состав Пермской губернии, образованной в 1797 г. вошло 12 уездов, в числе которых был и Шадринский. На рубеже XVIII–XIX вв. население губернии насчитывало 940,2 тыс. чел.¹ Крестьянское население Шадринского уезда по данным на 1784 г. составляло 28 926 (муж.), 29 139 (жен.); прочие сословия — 1205 человек, всего 59 270 чел. В 1800 г. статистики учли в уезде 35 975 мужчин и 53 688 женщин, всего, таким образом — 89 663 чел. За 16 лет население увеличилось почти на 30 тыс. (т.е. на 33 %). В середине XIX в. в уезде насчитывалось 76 сел и 303 деревни, а население составляло уже 181 873 чел. (Алексеева, 2019, с. 58), а в 1860 г. — 247 937 чел. (Красноперов, 1886, с. 115). Эти данные показывают наибольший прирост населения за десятилетний временной промежуток, когда население увеличилось почти на 60 тыс. чел. Главным фактором увеличения численности населения выступал механический, а не естественный прирост, обусловленный прибытием новых поселенцев. Благодатные почвы, обилие пресной воды, лесов и лугов создавали привлекательные условия для переселенцев Европейского севера, страдавших от малоземелья и бедствовавших в экономическом плане.

Сокращение миграционных потоков начало проследиваться с 1860-х гг. и было характерно в большей степени для последней трети XIX в., что объяснялось нехваткой свободной земель. Такого же мнения придерживается и В.А. Никитин, выявивший, что приток населения извне в конце XIX в. существенно уменьшился (Никитин, 2012, с. 74), но следует подчеркнуть, что не остановился. В.В. Менщиковым установлено, что к 1871 г. население Шадринского уезда все же росло. Оно увеличивалось ежегодно, пусть и менее чем на 1 % (Менщиков, 2015, с. 14). В 1884 г. население уезда составило 244 992 чел. (Алексеева, 2019, с. 58), т.е. по сравнению с 1847 г. уменьшилось незначительно. К 1890 г. показатель роста численности населения несколько повысился (до 1,4 %) (Менщиков, 2015, с. 14). В 1889 г. по сведениям, опубликованным земством, население Шадринского уезда составляло 306 735 чел.: русские — 273 825 (муж. — 132 272; жен. — 140 553), башкиры — 33 910 чел. (Осокин, 1890, с. 22). Всеобщая перепись 1897 г. установила, что в уезде проживало 319 286 чел.² С.А. Пьянков привел другие данные — 310, 7 тыс. чел. (Пьянков, 2014, с. 26). Анализ приведенных сведений свидетельствует, что наибольший рост численности населения произошел в 1800–1841 гг. в два раза, в 1858–1860 гг. на 25 %. В последующие годы (1860–1889 гг.) население увеличилось более чем на 20 %. Динамика роста численности населения оставалась положительной и в последнее десятилетие XIX в. Г.Н. Плотникова придерживается мнения, что миграции не оказали существенного влияния на рост численности крестьянского населения Пермской губернии. При этом она обращает внимание на то, что во второй половине XIX в. в губернии преобладала внутренняя миграция, которой отличался и Шадринский уезд как густонаселенный, для которого было характерно аграрное

¹ Лебедеенко, Е. Ю. (2011). Мещанство Пермской губернии в конце XVIII — начале 60-х годов XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: УрО РАН. 25 с.

² Всеобщая перепись населения 1897 года. Население империи по переписи 28 января 1897 г. по уездам (1897). Санкт-Петербург : Товарищество печати С. П. Яковлева. https://archive.org/details/perepis_1897/vyp.%201%20%28RAW%29/page/n13/mode/1up, с. 12.

перенаселение¹. В.В. Меншиков склонен считать, что Шадринский уезд на рубеже XIX–XX вв. уже не принимал новых переселенцев, а стал «перевалочным пунктом» для мигрантов из европейской части России в восточные регионы страны (Меншиков, 2015, с. 14).

Для уезда были характерны высокая рождаемость и смертность (особенно детского населения). Н.П. Шушариной осуществлен анализ демографических последствий (в том числе и связанных с голодными годами) в Шадринском уезде за период 1891–1895 гг., где 53,2 % умерших составила младенческая смертность (дети до 1 года). Детская смертность (дети до 5 лет) за 15 лет (1882–1896 гг.) составила 67,1 % от числа умерших (Шушарина, 2018, с. 64–65). Курганские историки установили, что несмотря на высокий уровень детской смертности, естественный прирост в Шадринском уезде превышал общероссийский показатель в 2,8 раза (Емельянов, 1995, с. 218). Как выявил П.А. Свищев, возрастной состав населения уезда характеризовался следующими данными: дети до 15 лет составляли 33,4 % населения, люди старше 60 лет — 8,2 %. Ежегодный коэффициент естественного прироста составлял приблизительно 1,3 % (Свищев, 1994, с. 119). По национальному составу 90 % населения уезда — русские.

В Шадринском уезде в 1891 г. имелось 48 волостей². Одной из волостей являлась Широковская, расположенная в северо-западной части уезда. Сведения о Широковской волости в научной литературе почти не отразились. Волостные правления в Пермской губернии учреждены в 1797 г. как новая система управления государственными крестьянами. Крестьяне Широковской волости — это бывшие монастырские крестьяне. Переход бывших монастырских крестьян Далматовского Успенского монастыря в статус государственных произошел в 1786 г. В 1794 г. в селе Широковском насчитывалось 133 двора с населением 1024 чел. (478 муж. и 546 жен.)³. В процессе административных и крестьянских реформ в Российской империи Широковская волость создавалась и расформировывалась не один раз. По Ревизской сказке 1834 г. село Широковское, деревни Тропина и Смирнова, наряду с другими населенными пунктами (всего — 8), входило в состав Кривской волости (Алексеева, 2023, с. 5). Документы Широковского волостного правления прослеживаются с 1838 г. Вероятно, тогда она и была сформирована, так как в 1837 г. экономические крестьяне (бывшие монастырские) были переданы в ведение вновь учрежденному Министерству государственных имуществ. Волость просуществовала лишь до 1842 г. и в том же году село Широковское, д. Тропина оказались в составе Далматовской волости⁴. Возможно расформирование волости было связано с «картофельными бунтами» начала 1840-х гг., где в протестных выступлениях особенно отличились ширококовские крестьяне. Упоминается Широковская волость вновь в 1847 г.⁵ Однако с 1850 г. с. Широковское опять указано в составе Далматовской волости. По данным Пермского губернского статистического комитета в составе Далматовской волости находилось 17 населенных пунктов, в том числе и Широковское село⁶. В 1858 г. Широковское с деревнями Тропиной и Нижнеярской все

¹ Плотникова, Г. Н. Указ соч.

² Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1900 гг. (1903). Ч.1. Шадринский уезд. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 78.

³ Далматовский муниципальный архив Курганской области. Ф. И — 329. Оп. 1. Д. 3. Л. 27–28.

⁴ ГКУ «ГАШ». Ф. И-72. Оп. 1. Д. 6. Л. 7 об.

⁵ ГКУ «ГАШ». Ф. И-72. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

⁶ ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

еще находились в административном подчинении Далматовского волостного правления¹. В 1860-х гг. в результате реформы из государственных крестьян снова сформировали Широковскую волость (не позднее 1866 г.), просуществовавшую до 1923 г. Постоянный состав волости по населенным пунктам не менялся: село Широковское, деревни Смирнова и Тропина, находившиеся в 7 верстах от волостного села.

В 1801 г. в селе Широковском проживало 1073 чел. (517 муж. и 556 жен.)². Ревизией 1834 г. в селе учтено 1716 чел. (797 муж. и 919 жен.)³. Число дворов составляло тогда 377⁴. Семьи (а правильнее — семейства) были большими по количеству родственников, как правило, трехпоколенными: родители, дети, внуки. Население при высокой рождаемости могло бы увеличиваться естественным путем, но этому мешала высокая смертность младенцев. За 30-летний период численность сельчан увеличилась на 70 %. В селе проживали семьи Никулиных (27), Широковых (23), Третьяковых (15), Дебеловых (13), Захаровых (13), а также семьи Дегтяревых, Мануйловых, Коноваловых, Пономаревых, Овчинниковых, Толоконниковых, Мутиных, Фоминых, Мамонтовых, Белых, Рябковых, Запрудиных и др. В Ревизской сказке 1858 г. отражено, что в селе проживало 2273 чел. (1035 муж., 1238 жен.)⁵. Следовательно, по сравнению с 1834 г. население еще выросло на треть. В 1900 г. в Широковском численность дворов составляла 516 (Грязнов и др., 2002, с. 228), а проживало в них — 3550 чел.⁶ Увеличению численности дворов способствовал не только рост численности населения, но и стремление части молодых семей жить отдельно от старшего поколения.

Выявленные данные о численности населения Широковской волости свидетельствуют о положительной динамике его роста. В 1847 г. в волости насчитывалось 650 дворов. Проживало 4527 чел. (1938 муж. и 2589 жен.)⁷. На начало 1890 г. насчитывалось 4911 чел.⁸, спустя 10 лет (в 1900 г.) население составило 6730 чел. (3322 муж. и 3408 жен.). По данным волостного правления, население в 1895 г. насчитывало 5419 чел., а в 1898 г. — 6858⁹. Половина населения волости, следовательно, проживала в волостном селе. Увеличение численности населения с середины до конца XIX в. произошло в Широковской волости на 2203 чел. (т.е. на 1/3, как и в целом по Шадринскому уезду)¹⁰.

Интересен сословный состав населения Широковской волости (табл. 1).

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что крестьяне являлись самым многочисленным сословием, что закономерно, и довольно значительным в волости являлось военное сословие (общее число военных с семьями). После строевой службы солдаты зачислялись на несколько лет в запас. Отставных нижних чинов насчитывалось 755 чел., а военных в запасе — 310 чел.

¹ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2576. Л. 1.

² Далматовский муниципальный архив Курганской области. Ф. И-329. Оп. 1. Д. 9. Л. 212 об.

³ ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Д. 54. Л. 111–112.

⁴ ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 27. Л. 78.

⁵ ГКУ «ГАШ». Ф. И-605. Д. 605. Л. 109 об.-110.

⁶ ГКУ «ГАШ». Ф. И-72. Оп.1. Д. 128. Л.1.

⁷ ГКУ «ГАШ». Ф. И-72. Оп.1. Д. 50. Л. 8.

⁸ ГКУ «ГАШ». Ф. И-23. Оп. 1. Д. 44. Л. 4 об.

⁹ Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1900 гг. (1903). Ч.1. Шадринский уезд. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, с. 46.

¹⁰ В настоящее время (2020 г.) население насчитывает на территории бывшей волости в: Широковском — 497, Тропино — 85, Смирново — 199 (всего 781) чел.

Таблица 1

Население Широковской волости по сословиям (1891 г.)

Сословие	Количество, чел., всего	В том числе	
		муж.	жен.
Духовенство	41	н. с.	н. с.
Почетные граждане	6	н. с.	н. с.
Крестьяне	4425	2153	2272
Военных запасных нижних чинов	310	150	160
Отставных нижних чинов	755	375	380
Всего населения	5537	н. с.	н. с.

Источник: ГКУ «ГАШ». Ф. И-72. Оп. 1. Д. 128. Л. 1 об.

Обратимся к выборочным данным о количестве рождений и смертей, которые варьировались и зависели не только от ненадлежащих условий быта и ухода за детьми (ценность детства тогда находилась на крайне низком уровне), но и от внешних факторов, основным из которых являлись неурожайные годы, вследствие которых наступало ухудшение питания и иногда голод. Анализ выборки данных метрических книг по Широковскому приходу за 15 лет (1840–1854 гг.) выявил, что количество смертей в волости составляло в отдельные годы 40–50 % к числу родившихся. Например, в 1840 г. родилось 179, а умерло 137, в 1847 г. родилось 314 чел., умерло — 73. Количество смертей в 1852 г. достигло 90 %¹.

В 1883–1884 гг. произошло сокращение численности населения из-за неурожая и возникшего недоедания, а местами и голода. Детская смертность в Широковском приходе составила 54,4 % к числу рождений, а в Тропинском — 52,5 %². 1891–1892 гг. вновь являлись неурожайными, что привело к нехватке продовольствия и голоду. За 5 лет (1891–1895 гг.) в Широковском приходе умерло 522 чел., в Тропинском — 364 чел.³, что составило 1/5 населения волости.

Анализ данных о числе рождений и смертей последней четверти XIX в. подтверждает высокий уровень детской (и особенно младенческой) смертности (табл. 2).

Сведения, приведенные в таблице 2, показывают высокую рождаемость и высокую младенческую смертность, но за счет высокой рождаемости наблюдался тем не менее естественный прирост населения.

За 1882–1901 гг. родилось в Широковской волости 2751 чел., а умерло 2061, то есть смертность составила 40,8 %. Дети до 1 года в числе умерших составили 1178 чел., к числу родившихся — 42,8 %, к общему числу умерших — 57,1 %⁴.

Г.Н. Плотникова на материалах Пермской губернии отметила не только высокие темпы рождаемости, но и детской смертности, связываемые с плохим уходом за детьми, эпидемиями и недоступностью медицинского обслуживания⁵. Эти же тенденции

¹ ГКУ «ГАШ». Ф. И-72. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; Далматовский муниципальный архив Курганской области. Ф. И-329. Оп. 1. Д. 33. Л. 288, 211, 131 об., Д. 37. Л. 80 об., 167, 259; Д. 39. Л. 83, 165, 222 об.; Д. 42. Л. 55, 116 об., 74; Д. 39. Л. 63, 128, 200.

² Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1900 гг. (1903). Ч.1. Шадринский уезд. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, с. 43–44.

³ Там же, с. 63–64.

⁴ Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1900 гг. (1903). Ч.1. Шадринский уезд. Пермь: Типография Губернской Земской Управы, с. 46.

⁵ Плотникова, Г. Н. Указ соч.

Число рождений и смертей в с. Широковском (1876–1897 гг.)

Показатель	1876	1877	1879	1880	1881	1882	1884	1895	1896	1897
Родилось	160	199	174	185	210	193	180	155	148	178
Умерло	166	175	113	121	133	153	137	125	123	119
Детей до 1 года	103	109	76	78	86	104	66	87	79	79

Источник: Далматовский муниципальный архив Курганской области. Ф. И-293. Оп. 1. Д. 1–2. Л. 72, 195 об., 259 об. 336 об.; Д. 3. Л. 166; Д. 7. Л. 104,172; И-329. Оп. 1. Д. 49. Л. 422 об. - 433.

характерны для Шадринского уезда в целом и отдельно взятой волости. Так, медицинская помощь жителям Широковской волости могла быть оказана только в Далматовской земской больнице. В 1874 г. в Далматово был создан врачебный участок. К нему отнесли и селения Широковской волости. Кроме них, в зоне ответственности этого участка находились жители еще трех волостей: Далматовской, Замараевской и Крутихинской, общей численностью 20 260 чел. Земский врач В. Хохряков проживал не в Далматово, а в уездном городе, и навещался в больницу 1–2 раза в месяц. В 1882 г. стал работать в больнице доктор Г.К. Шмидт. С приездом врача А.А. Тимофеева ситуация в больнице намного улучшилась. С 1 августа 1892 г. по 1 августа 1893 г. из Широковской волости на лечение в Далматовской больнице побывало 35 чел. (Грязнов и др., 2002, с. 257–258). В волости, как и в уезде и в губернии, имели место случаи вспышек оспы, кори, тифа, скарлатины, холеры. Из-за отходничества крестьян, с их возвращением, среди населения стали распространяться и венерические заболевания. Для контроля над инфекционными заболеваниями губернское правление через земство требовало информационных отчетов о состоянии заболеваемости населения, предоставлявшиеся по декадам¹. Обращение за медпомощью крестьян волости имело эпизодический характер.

Заключение

Анализ данных по численности населения Широковской волости выявил неравномерность ее формирования за счет социально-экономического и миграционного факторов. Быстрый рост населения Шадринского уезда (включая Широковскую волость) в первые две трети XIX в. обусловлен прибытием новых поселенцев, когда еще имелся свободный пахотный фонд черноземов. Наибольший прирост населения наблюдался в первой трети XIX в., когда население увеличилось на 70 %. Росло население и в последующие 30 лет, увеличившись на 25 %. Постоянное население Широковской волости сформировалось к середине XIX в. Незначительное сокращение численности населения произошло с 1858 г. по 1869 г., но затем снова произошло увеличение на треть к 1890 г.

Согласно выводам Г.Н. Плотниковой, в Пермской губернии в пореформенный период наблюдался непрерывный рост численности сельского населения, главным образом за счет естественного прироста. Однако в формировании населения Широковской волости миграционный фактор оставался весьма значительным и во второй половине XIX в. Лишь в последнем десятилетии XIX в. население перестало увеличиваться теми темпами, как это было ранее, поскольку вселение в волость новых поселенцев почти прекратилось, так как все земли были уже распределены. Доминирующим фактором, обеспечившим естественный прирост населения, стала высокая рождаемость.

¹ ГКУ «ГАСХ». Ф. И-23. Оп.1. Д. 47. Л. 1–3.

Если бы не громадная детская смертность, численность населения росла бы очень быстро. Основные демографические потери приходились на младенческий период (дети первого года жизни) и раннее детство (дети до 5 лет). Влияние экзогенных факторов являлось преобладающим в ситуации с детской смертностью.

Список источников

- Алексеева, Л. В. (2019). *Повседневная жизнь государственных крестьян Шадринского уезда Пермской губернии (конец XVIII–XIX вв.)*. Нижневартовск: НВГУ, 414.
- Алексеева, Л. В. (2023). Состав и население Кривской волости Шадринского уезда. В: *Зыряновские чтения: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «XXI Зыряновские чтения» (Курган, 7–8 декабря 2023 г.)* (с. 5–6). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 182.
- Грязнов, Д. С., Лепихина, Т. Н., Пономарева, Г. А. (2002). *Край по имени Далмата*. Курган: Изд-во «Зауралье». Т. 1, 336.
- Емельянов, Н. Ф. (Ред.). (1995). *История Курганской области. Т.1. С древнейших времен до 1861 года*. Курган: КГПИ: Кург. обл. о-во краеведов, 370.
- Красноперов, Е. И. (1886). *Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем Императором Александром II. Историко-статистический очерк*. Пермь: Пермское Губернское земство, 205.
- Малявкина, Л. И., Смагина, И. В. (2009). *Региональные демографические процессы: методологические основы и методы анализа и прогнозирования: монография*. Орел: Издательство ОрелГИЭТ, ООО ПФ «Картуш», 160.
- Меншиков, В. В. (2015). Основные тенденции и факторы формирования русского населения Зауралья в XVII — начале XX в. В: *XIII Зыряновские чтения: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Курган, 10–11 декабря 2015 г.)* (с. 13–15). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 311.
- Никитин, В. А. (2012). Население Южного Зауралья в конце XIX в. (по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.). В: *X Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 6–7 декабря 2012 г.)* (с. 72–74). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 316.
- Осокин, Н. А. (Ред.). (1890). *Народное начальное образование в Пермской губернии со введения земских учреждений по 1890 год: Табл. по уездам: Доп. ко 2 изд. Учебного каталога Казанской научно-промышленной выставки*. Казань: Типография Императорского университета, 28.
- Плотникова, Г. Н. (2006). *Демографические изменения крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX в.* Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 215. <https://www.dissercat.com/content/demograficheskie-izmeneniya-krestyanskogo-naseleniya-permskoi-gubernii-vo-vtoroi-pолоvine-xi>
- Пьянков, С. А. (2014). *Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX — начале XX века*. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 216.
- Свищев, П. А. (1994). Естественное движение сельского населения Шадринского уезда в конце XIX — начале XX в. В: *XI Бирюковские чтения: Тез. докл.* Шадринск: Исеть, 188.
- Шушарина, Н. П. (2018). Смертность крестьян православного прихода с. Песковского Шадринского уезда пермской губернии (по материалам метрических книг Казанско-Богородицкой церкви XIX века). В: *XVI Зыряновские чтения: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Курган, 6–7 декабря 2018 г.)* (с. 63–67). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 316.

References

- Alekseeva, L. V. (2019). *Povsednevnyaya zhizn gosudarstvennykh krestyan Shadrinskogo uyezda Permskoy gubernii (konets XVIII — XIX vv) [The modern life of a statesman of the Adriansky district of the Perm province (late XVIII — XIX centuries)]*. Nizhnevarтовsk: NVSU, 414. (In Russ.)
- Alekseeva, L. V. (2023). The composition and population of the Krivskoy parish of the Shadrinsky district. In: *Zyryanovskie chteniya: Mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem «XXI Zyryanovskie chteniya» (Kurgan, 7–8 dekabrya 2023 g.) [XXI Zyryanov readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Kurgan, December 7–8, 2023)]* (pp. 5–6). Kurgan: Publishing house of Kurgan State University, 182. (In Russ.)
- Emelyanov, N. F. (Ed.). (1995). *Istoriya Kurganskoy oblasti. T.1. S drevneyshikh vremen do 1861 goda [The history of the Kurgan region. Vol. 1. From ancient times to 1861]*. Kurgan: KSPI: Kurgan society of local lore, 370. (In Russ.)
- Gryaznov, D. S., Lepikhina, T. N., & Ponomareva, G. A. (2002). *Kray po imeni Dalmata [A region named Dalmata]*. Kurgan: Publishing house «Trans-Urals». Vol. 1, 336. (In Russ.)
- Krasnoperov, E. I. (1886). *Dvadsatipyatiletie Permskogo kraja so vremeni otmeny krepostnogo prava tsarem-osvoboditelem Imperatorom Aleksandrom II. Istoriko-statisticheskiy ocherk [The twenty-fifth anniversary of the Perm Krai since the abolition of serfdom by the emancipating emperor Alexander II: Historical and statistical essay]*. Perm: Perm Provincial Zemstvo, 205. (In Russ.)
- Malyavkina, L. I., & Smagina, I. V. (2009). *Regionalnye demograficheskie protsessy: metodologicheskie osnovy i metody analiza i prognozirovaniya: monografiya [Regional demographic processes: methodological foundations and methods of analysis and forecasting: monograph]*. Orel: OrelGIET Publishing House, PF Kartush LLC, 160. (In Russ.)
- Menshchikov, V. V. (2015). The main trends and patterns of development of the Russian population of the Trans-Urals in the XVII - early XX century. In: *XIII Zyryanovskie chteniya: Mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Kurgan, 10–11 dekabrya 2015 g.) [XIII Zyryanov readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kurgan, December 10–11, 2015)]* (pp. 13–15). Kurgan: Publishing house of Kurgan State University, 311. (In Russ.)
- Nikitin, V. A. (2012). The population of the Southern Trans-Urals at the end of the XIX century (based on the materials of the first general correspondence of the population of the Russian Empire in 1897). In: *X Zyryanovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kurgan, 6–7 dekabrya 2012 g.) [X Zyryanov readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kurgan, December 6–7, 2012)]* (pp. 72–74). Kurgan: Publishing House of the Kurgan State University, 316. (In Russ.)
- Osokin, N. A. (Ed.). (1890). *Narodnoe nachalnoe obrazovanie v Permskoy gubernii so vvedeniya zemskikh uchrezhdeniy po 1890 god: Tabl. po uezdnam: Dop. ko 2 izd. Uchebnogo kataloga Kazanskoy nauchno-promyshlennoy vystavki [People's primary education in the Perm province with the introduction of zemstvo institutions in 1890: Tables by counties: Extras. to 2 ed. «Educational catalog of the Kazan scientific and industrial exhibition»]*. Kazan: Printing House of the Imperial University, 28. (In Russ.)
- Plotnikova, G. N. (2006). *Demograficheskie izmeneniya krestyanskogo naseleniya Permskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. Diss. ... kand. ist. nauk [Demographic changes of the Christian population of Perm province in the second half of the XIX century]*. Diss. ... candidate of Historical Sciences. Perm, 215. <https://www.dissercat.com/content/demograficheskie-izmeneniya-krestyansko-gosudarstvennoy-permskoy-gubernii-vo-vtoroi-polovine-xi>. (In Russ.)

Pyankov, S. A. (2014). *Krestyanskoe khozyaystvo Permskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX veka [The peasant economy of the Perm province in the late XIX — early XX century]*. Ekaterinburg: RIO Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 216. (In Russ.)

Shusharina, N. P. (2018). The size range of the peasant of the Orthodox parish of the village of Peskovsko-Adrinsky district of the Perm province (based on the materials of the metrical book of the Kazan-Bogorodichnaya church of the XIX century). In: *XVI Zyryanovskie chteniya: Mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Kurgan, 6–7 dekabrya 2018 g.) [XVI Zyryanov readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kurgan, December 6–7, 2018)]* (pp. 63–67). Kurgan: Publishing house of Kurgan State University, 316. (In Russ.)

Svishchev, P. A. (1994). The state movement of the rural settlement of the Adrin district in the late XIX — early XX century. In: *XI Biryukovskie chteniya: Tezisy dokladov [XI Biryukov readings: Abstracts of reports]*. Shadrinsk: Iset, 188. (In Russ.)

Информация об авторе

Алексеева Любовь Васильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения, Нижневартковский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052> (Российская Федерация, 628600, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3б; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

About the author

Lyubov V. Alekseeva — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department for Russian History and Document Science, Nizhnevartovsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052> (3B, Mira St., Nizhnevartovsk, 628600, Russian Federation; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

УДК 314.1, 16,36

JEL classification: J12, N34,P23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-2>

Брак и семья мужского населения РСФСР по данным переписей населения 1959 и 1970 гг.¹

Н. А. Араловец

Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия).

Автор для корреспонденции: Н. А. Араловец (aralovetz@yandex.ru).

Аннотация. Автор на основе данных переписей населения 1959 и 1970 гг., а также исторических, демографических и статистических методов исследования изучает брачное состояние и семейный состав мужского населения РСФСР. В историографии мужское население исследовалось недостаточно. В статье показывается, что в условиях послевоенной деформации возрастно-половой структуры населения РСФСР большинство мужчин состояло в браке, в т. ч. в пожилых возрастах, и имело семьи. Мужчины в основном были членами семей, проживавших совместно с семьей, особенно в сельских местностях. Заметно меньше мужчин жило отдельно от семьи, но были связаны с ней общим бюджетом, а также одиночек, преимущественно в городах. За переписной период с 1959 г. по 1970 г. среди мужчин повысилось число членов семей, проживавших совместно с семьей, и снизилось — проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом. Увеличилось также число одиноких мужчин. Это явление негативно сказывалось на стабильности брачно-семейных отношений в последующие годы. Статья адресована научным работникам, преподавателям, бакалаврам, магистрантам и аспирантам.

Ключевые слова: РСФСР; мужчины; брачное состояние; семейный состав

Marriage and Family of the Male Population in the RSFSR According to the Population Censuses of 1959 and 1970

N. A. Aralovets

Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia).

Corresponding author: N. A. Aralovets (aralovetz@yandex.ru).

Abstract. Based primarily on data from the population censuses of 1959 and 1970, as well as historical, demographic and statistical research methods, the study examines the marital status and family structure of the male population in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR). Male population is understudied in historiography. The article shows that in conditions of the post-war deformation of the age-sex structure in the RSFSR, most men, including the elderly, were married and had families. Men were mostly members of big families living together, especially in rural areas. There were noticeably fewer men who lived separately, but were connected to the family by a common budget, as well as single men, mostly in cities. During the census period from 1959 to 1970, the number of men living together with the family increased, and the number of those living separately from the family, but connected to it by a common budget, decreased. The number of single men also increased. This trend had a negative impact on the stability of marital and family relations. The article is addressed to researchers, teachers, undergraduate and graduate students.

Keywords: RSFSR; men; marital status; family structure

Введение

В XX в. прошедшие мировые войны, а также социально-экономические, политические, демографические изменения в России, разрушение патриархальной идеологии,

---

¹ © Араловец Н. А. Текст. 2024.

традиционных ролей мужчин и женщин в обществе и семье в значительной степени изменили численный и возрастной состав мужчин, их ценностные установки, социальное и демографическое поведение. Все это отразилось на их занятиях, уровне образования, социальной активности, мобильности, состоянии здоровья и т. д. Заметные изменения произошли и в брачно-семейных отношениях мужчин. Их изучение крайне важно для углубленного понимания особенностей социальных и демографических процессов как в прошлом, так и в настоящем, а также для проведения в России научно обоснованной демографической и семейной политики. Выбор хронологических рамок статьи, охватывающих межпереписной период с 1959 г. по 1970 г., обусловлен осуществлением в России демографического перехода, что отразилось на брачном состоянии и семейном составе, в т. ч. мужского населения. Цель статьи — изучение брачного состояния и семейного состава мужского населения РСФСР по данным переписей населения 1959 и 1970 гг.

Обзор литературы

Изучение мужского населения РСФСР в 1959–1970 гг. осуществлялось исследователями разных направлений, в т. ч. историками. Однако отечественные ученые рассматривали только отдельные проблемы мужского населения. Следует отметить, что научные результаты проводимых исследований затрагивались, главным образом, в обобщенных коллективных и индивидуальных трудах, посвященных демографической истории России в XX в. и ее регионам (Поляков, 2005; Исупов, 2017; Жиромская, 2012). Частично освещались в работах о браке и семье (Араловец, 2015), о гендерных отношениях (Римашевская, 2001). Раскрывались отдельные аспекты образа жизни мужчин ((Гурко & Мацковский, 1979) и др.). Рассматривалась роль отца и отцовства в целом (Кон, 2009; Воронова, 2019). В то же время в историко-демографической литературе практически отсутствовали самостоятельные исследования, непосредственно посвященные социально-демографическим проблемам мужского населения, включая брак и семью.

Материалы и методы

Состояние в браке и семейный состав мужского населения РСФСР изучается на основе данных переписей населения 1959 и 1970 гг. В них были зафиксированы численность мужчин, число состоявших в браке мужчин в возрасте 16 лет и старше по возрастным группам с распределением на городское и сельское население, членов семей и одиночек. Поставленная в статье проблема исследовалась историческими, статистическими, демографическими методами, что позволило раскрыть особенности состояния в браке и семейного состава мужского населения РСФСР в период между переписями населения 1959 и 1970 гг.

Результаты

В конце 1950-х гг. в городах РСФСР большинство мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке. К тому же, по данным переписей, женатых мужчин было численно больше, чем замужних женщин. Этому явлению способствовало численное преобладание женщин в активных брачных возрастах.

Особая ситуация складывалась в возрастных группах мужчин и женщин. В подростковых возрастах 16–17 лет женатых мужчин было значительно меньше, чем замужних женщин. В возрасте 18–19 лет численный разрыв между состоявшими в браке женатыми мужчинами и замужними женщинами усиливался. Такое брачное соотношение мужчин и женщин сохранялось до возраста 20–24 года. С повышением возраста,

особенно в средних и пожилых возрастных группах численность мужчин, состоявших в браке, была заметно выше, чем женщин. В возрастном интервале от 30–34 до 70 лет и старше практически все мужчины были женатыми. Самое большое число женатых мужчин фиксировалось в возрастах 40–44 года и 45–49 лет. С дальнейшим увеличением возраста число женатых мужчин снижалось, но было заметно больше по сравнению с замужними женщинами. Максимальная численность женщин, состоявших в браке, фиксировалась в возрасте 30–34 года. В последующих возрастах 40–44 года и старше число состоявших в браке женщин сокращалось. Состояние в браке мужчин и женщин было непосредственно связано с возрастом вступления их в брачный союз.

Мужчины активно вступали в брак в возрастах 20–24 года и 25–29 лет. В возрасте 25–29 лет большинство мужчин уже состояло в браке. В отличие от мужчин женщины вступали в брак раньше — до 20 лет. В возрастных группах 20–24 года значительное число женщин было замужем, наибольшее их число отмечалось в возрасте 21 года. В возрасте 25–29 лет большинство женщин состояло в браке.

В сельских местностях число женатых мужчин было выше, чем в городах, замужних женщин — ниже.

По сравнению с городом в сельских местностях состоявших в браке мужчин было численно больше практически во всех возрастах за исключением пожилых возрастов 70 лет и старше. Сельские замужние женщины преобладали в возрастах молодых от 16–17 до 20–24 лет и в пожилых 60 лет и старше. В остальных трудоспособных возрастах число сельских замужних женщин было ниже, чем городских.

В сельских местностях, как и в городах, преобладали женатые мужчины. Брачное состояние сельских мужчин изменялось с увеличением их возраста. Ранние браки (16–17, 18–19 лет) у сельских мужчин не имели распространения. Вместе с тем их было больше, чем в городах. Увеличение числа женатых мужчин отмечалось в возрастах 20–24 года. Однако в этих возрастах состоявших в браке мужчин было численно меньше, чем женщин. В возрасте 25–29 лет большинство мужчин состояло в браке. В последующих возрастах число мужчин, состоявших в браке, повышалось. В возрасте 45–49 лет отмечалась самая большая численность женатых мужчин. С дальнейшим увеличением возраста число состоявших в браке мужчин снижалось. Наряду с этим и в пожилых возрастных группах большинство мужчин состояло в браке.

У женщин в возрастном интервале от 16–17 до 20–24 лет численность замужних превалировала. В возрасте 20–24 года их число было наибольшим. В последующих возрастных группах видно численное сокращение состоявших в браке женщин. В пожилом возрасте 70 лет и старше численность замужних женщин была минимальной. Таким образом, в городах и сельских местностях РСФСР среди состоявших в браке заметно преобладали мужчины.

В РСФСР в целом отмечалась близкая ситуация. В 1959 г. в РСФСР на 1000 чел. населения в возрастах 16 лет и старше было женатых мужчин 692 (в городах — 687, в сельских местностях — 698), женщин — 505 (520 и 488). Однако в РСФСР в возрастах от 16–17 лет и до 20–24 лет число женатых мужчин было ниже, чем замужних женщин. В молодых, средних и пожилых возрастных группах от 25–29 лет до 70 лет и старше численность состоявших в браке мужчин заметно выше, чем женщин. Важно отметить, что численность женатых мужчин в молодых и средних возрастах повышалась, в пожилых — снижалась, но оставалась высокой. В отличие от мужчин число замужних женщин с увеличением возраста существенно сокращалось.

Численное преобладание состоявших в браке мужчин объяснялось сокращением численности мужчин в возрастно-половом составе населения РСФСР, связанным с их огромными потерями в годы Великой Отечественной войны. Из данных переписей населения видно, что в 1939 г. в РСФСР мужчин было численно меньше женщин, особенно в сельских местностях. В 1959 г. в условиях послевоенной деформации возрастно-полового состава населения число мужчин снизилось, женщин — увеличилось. Это явление изменяло численное соотношение мужчин и женщин. На 1000 женщин было мужчин: в 1939 г. в РСФСР — 892 (в городах — 901, в сельских местностях — 888); в 1959 г. соответственно — 805, (814, 795). Таким образом, в 1959 г. по сравнению с 1939 г. в РСФСР численность мужчин заметно снизилась, прежде всего, в сельских местностях.

В регионах РСФСР также преобладали состоявшие в браке мужчины. Из данных переписи населения 1959 г. видно, что самое большое число женатых мужчин фиксировалось в Горно-Алтайской автономной области, Краснодарском крае, Чечено-Ингушской АССР.

Таким образом, в условиях численного преобладания женщин в РСФСР большинство мужчин вступало в брак, в активных брачных возрастах практически все мужчины состояли в браке. Число женщин, состоявших в браке, особенно в пожилых возрастах — заметно меньше, чем мужчин. Эти явления были характерны и для городов, и для сельских местностей РСФСР.

В конце 1950-х гг. в РСФСР мужчины наиболее многочисленных национальностей преимущественно состояли в браке. Это явление у мужчин отмечалось в возрасте 25–29 лет. Максимальное число женатых мужчин было в средних возрастах 45–49, 50–54 лет. В пожилых возрастных группах число женатых мужчин сокращалось. Данные переписи населения 1959 г. зафиксировали численное преобладание женатых мужчин у чеченцев, евреев, украинцев, карелов, мордовцев, кумыков, удмуртов, а также у даргинцев, марийцев, русских. Вместе с тем минимальное число женатых мужчин было у якутов, осетин, балкарцев, тувинцев.

Заметно меньше женщин состояло в браке. Однако большинство чеченок, твинок, украинок, белорусок, кумычек, лезгинок, ингушек, калмычек, даргинок, аварок, кабардинок, евреек, русских женщин вступало в брак. К возрасту 25–29 лет в составе женщин численно преобладали замужние. К возрасту 35–39 численность состоявших в браке женщин уменьшалась. Численно меньше женщин состояло в браке, особенно у марийцев, удмуртов, чувашей, осетин, карел, мордовцев, балкарцев. Численность женщин, состоявших в браке, повышалась у башкир, бурят, коми, татар.

Таким образом, в конце 1950-х гг. городах и сельских местностях РСФСР большинство мужчин состояло в браке, в т. ч. в пожилых возрастах и имело семьи.

В РСФСР мужчины в основном были членами семей, проживавших совместно с семьей. Значительно меньше было мужчин, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом. Часто такими членами семьи были взрослые дети, еще не вступившие в брак и не имевшие собственных семей. Одиноких мужчин, не связанных с семьей общим бюджетом и не имевших семьи, было численно немного.

В городах так же, как и в РСФСР в целом, мужчины в большинстве случаев проживали совместно с семьей. Однако в городах таких членов семей было численно меньше, чем в РСФСР в целом. Наряду с этим в городах численность мужчин членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом и особенно одиночек, была больше, чем в целом в РСФСР.

В сельских местностях преобладали мужчины члены семей, проживавшие совместно с семьей. Их число было больше, чем в целом в РСФСР и в городах. Численность мужчин,

проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, и особенно одиночек была ниже, чем в РСФСР и в городах. Особенности семейного состава населения были зафиксированы в данных переписи населения 1959 г. В РСФСР — на 1000 чел. постоянного населения мужчин членов семей, проживавших совместно с семьей, было 390 (в городах — 381, в сельских местностях — 400), проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, — 43 (50 и 35), одиночек — 12 (17 и 7).

Таким образом, мужчины, проживавшие совместно с семьей, преобладали в сельских местностях, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, и одиночки — в городах.

Женщины, как и мужчины, в большинстве случаев проживали совместно с семьей. Однако у женщин число таких членов семьи было больше, чем у мужчин. Членов семьи, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, — заметно меньше, чем у мужчин. Данные переписи населения 1959 г. показали, что одиноких женщин было существенно больше, чем одиноких мужчин. Женщины — члены семей, проживавшие совместно с семьей, численно преобладали в сельских местностях, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, и особенно одиночки — в городах. В 1959 г. на 1000 чел. постоянного населения женщин — членов семей, проживавших совместно с семьей, в РСФСР было 498 (в городах — 485, в сельских местностях — 512), проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, — 21 (25 и 17), одиночек — 36 (42 и 29).

Стабильность состава семьи зависела от продолжительности жизни в браке мужчин и женщин. Однако послевоенная деформация возрастно-половой структуры населения РСФСР, несмотря на увеличение продолжительности жизни, повышала длительность брачной жизни у мужчин и сокращала у женщин. В 1926 г. продолжительность в браке у мужчин составляла 34,6 года, у женщин — 29,9; в 1959 г. — 41,21 и 28,3 соответственно (Дарский, 1979; Рыбаковский, 1988).

Таким образом, в конце 1950-х гг. в РСФСР в составе семей у мужчин преобладали члены семьи, проживавшие совместно с семьей. Заметное их преобладание было в сельских местностях. В городах увеличивалось число членов семьи, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, и одиночек. Женщины чаще мужчин проживали совместно с семьей, реже жили отдельно от семьи, но оставались связанными с семьей общим бюджетом. Среди женщин повышалось число одиночек, прежде всего, в городах.

За межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. в условиях оздоровления возрастно-половой структуры населения РСФСР изменялась численность и соотношение состоявших в браке мужчин и женщин. В городах РСФСР число женатых мужчин и замужних женщин повысилось. Однако это повышение было незначительным по сравнению с данными 1959 г. Состоявших в браке женщин в данных переписях населения фиксировалось заметно меньше, чем мужчин.

Однако численное соотношение женатых мужчин и замужних женщин в возрастном составе населения российских городов складывалось по-разному. В 1970 г. в городах число состоявших в браке мужчин в возрастах (лет) 18–19, 20–24, 55–59, 60–69, 70 и старше повысилось, 25–29, 50–54, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54 понизилось, но было выше, чем у женщин. К тому же большинство мужчин состояло в браке, в т. ч. в пожилых возрастах. Наибольшее число женатых мужчин отмечалось в возрасте 50–54 года, но в последующих возрастах 55–59 лет, 60–69, 70 лет и старше их число понижалось.

Численность замужних женщин, как отмечалось, увеличилась практически во всех возрастах. Однако их было меньше, чем женатых мужчин. Важно отметить, что число

состоявших в браке женщин в возрастах от 16–17 лет до 30–34 лет повысилось, притом особенно в возрасте 30–34 года. В последующих возрастах видно его снижение.

В 1970 г. по сравнению с 1959 г. в сельских местностях, как и в городах, число мужчин и женщин, состоявших в браке, повысилось. Вместе с тем в сельских местностях численность женатых мужчин была выше, чем в городах, замужних женщин — немного ниже. Важно отметить, что в сельских местностях численность женатых мужчин в возрастах от 18–19 и до 20–24 лет была ниже, чем в городах, от 25–29 лет до 70 лет и старше — выше. У замужних женщин ситуация была сложнее: в возрастах от 16–17 до 35–39 лет число состоявших в браке женщин было выше, чем в городах, от 40–44 до 55–59 лет — ниже, от 60–69 и до 70 лет и старше — выше.

В сельских местностях мужчин состояло в браке численно больше, чем женщин, особенно в возрастном интервале от 35–39 до 70 лет и старше. В молодых и средних возрастах от 16–17 лет и до 30–34 лет численность женатых мужчин была ниже, чем замужних женщин. Ранние браки до 20 лет у мужчин, как и в прошлые десятилетия, не получили распространения. Большинство сельских мужчин в возрастах 25–29 лет состояло в браке. Максимальное число женатых мужчин отмечалось в возрасте 50–54 года. В последующих возрастах их число снижалось. Таким образом, в сельских местностях, как и в городах, большинство мужчин пожилых возрастов состояло в браке.

У женщин ранних браков было немного, но больше, чем у мужчин. Большинство женщин вступало в брак в возрасте 20–24 года. Наибольшее число состоявших в браке женщин фиксировалось в возрасте 30–34 года. С увеличением возраста численность замужних женщин сокращалась. В возрасте 70 лет и старше их было заметно меньше, чем женатых мужчин.

В 1970 г. в городах и сельских местностях РСФСР увеличение числа мужчин и женщин, состоявших в браке, было связано с повышением по сравнению с 1959 г. мужчин и снижением женщин в возрастно-половой структуре населения РСФСР.

Улучшилось численное соотношение мужчин и женщин. В 1970 г. — на 1000 женщин было мужчин: в РСФСР — 838, в городах — 847, в сельских местностях — 824¹. В 1970 г. численность мужчин была выше, чем в 1959 г., но ниже, чем в 1939 г. Таким образом, в 1970 г., несмотря на определенное оздоровление возрастно-половой структуры населения РСФСР, диспропорция полов сохранялась. Это явление сказывалось на брачном состоянии и семейном состоянии российского населения. Мужчины в основном состояли в браке и были членами семей.

В 1970 г., как и в 1959 г., в РСФСР мужчины преимущественно были членами семей, проживавших совместно с семьей. Однако было численно меньше мужчин, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, и особенно одиночек. За межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. видно численное повышение членов семей, проживавших совместно с семьей, снижение проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, и увеличение одиночек. Аналогичный состав семей отмечался в городах и сельских местностях. Члены семьи, проживавшие совместно с семьей, преобладали в сельских местностях, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, и одиночки — в городах. В 1970 г. на 1000 чел. постоянного населения в РСФСР мужчин — членов семей, проживавших совместно с семьей, было 406 (в городах — 398, в сельских местностях — 421), проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, — 32 (38 и 21), одиночек — 17 (22 и 9).

¹Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года (1972). Москва: Статистика, 272 с.

Женщины проживали в основном в семьях. Однако в 1970 г. по сравнению с 1959 г. видно понижение численности женщин, проживавших совместно с семьей, а также проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, и увеличение числа одиночек. Женщины, проживавшие совместно с семьей, преобладали в сельских местностях, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, — в городах. Важно отметить близкие численные соотношения одиноких женщин в городах, сельских местностях и в РСФСР в целом. В 1970 г. на 1000 чел. постоянного населения в РСФСР женщин — членов семей, проживавших совместно с семьей, было 483 (в городах — 476, в сельских местностях — 494), проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, — 13 (17 и 7), одиночек — 49 (49 и 48)¹. Таким образом, мужчины, проживавшие совместно с семьей, численно преобладали, особенно в сельских местностях, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, и одиночки — в городах.

Обсуждение

Рассмотрение по данным переписей населения 1959 и 1970 гг. малоизученного в отечественной историко-демографической литературе мужского населения позволяет углубить научное понимание демографической ситуации этого периода, показать особенности демографического перехода, выработать необходимые меры для проведения эффективной демографической и семейной политики.

Заключение

Изучение данных переписей населения 1959 и 1970 гг. показало, что в РСФСР в условиях послевоенной деформации возрастно-половой структуры населения среди состоявших в браке преобладали мужчины. В активных брачных возрастах практически все мужчины были женаты. В пожилых возрастах мужчины в основном состояли в браке и имели семьи. Мужчины преимущественно были членами семей, проживавшими совместно с семьей, особенно в сельских местностях. Заметно меньше мужчин жило отдельно от семьи, но оставались связанными с ней общим бюджетом, а также одиночек, особенно в городах. За переписной период с 1959 г. по 1970 г. среди мужчин повысилось число членов семей, проживавших совместно с семьей, и снизилось проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом. Увеличилось число одиноких мужчин. Это явление в целом негативно сказывалось на стабильности брачно-семейных отношений, репродуктивных установках, усложняло социальную помощь населению в последующие годы. Численное увеличение одиноких мужчин и женщин способствовало дальнейшей трансформации брака и семьи.

Список источников

Араловец, Н. А. (2015). *Городская семья в России во второй половине XX в.* Москва: Ин-т российской истории РАН, 355.

Воронова, Е. А. (2019). Отцы и отцовство в СССР: «женский» и «мужской» взгляд (по материалам писем 1950–1960-х гг.). *Российская история*, 5, 108–117.

Гурко, Т. А., Мацковский, М. С. (1979). Одинокий мужчина в большом городе. В: *Становление брачно-семейных отношений* (с. 7–24). Москва: ИС.

---

¹Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года (1974). Москва: Статистика, 455 с.

- Дарский, Л. Е. (1979). *Формирование семьи: демографо-статистическое исследование*. Москва: Статистика, 208.
- Жиромская, В. Б. (2012). *Основные тенденции демографического развития России в XX веке*. Москва: Кучково поле, 318.
- Исупов, В. А. (Ред.). (2017). *Демографическая история Западной Сибири, конец XIX-XX в.* Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 347.
- Кон, И. С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. Москва: Время, 495.
- Поляков, Ю. А. (Ред.) (2005). *Население России в XX веке: ист. очерки*. Москва: РОССПЭН, 302.
- Римашевская, Н. М. (Ред.). (2001). *Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века: проект «Таганрок»*. Москва: ИСЭП, 314.
- Рыбаковский, Л. Л. (Ред.). (1988). *Население СССР за 70 лет*. Москва: Наука, 215.

References

- Aralovets, N. A. (2015). *Gorodskaya semya v Rossii vo vtoroy polovine XX v [Urban family in Russia in the second half of the XX century]*. Moscow: Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 355. (In Russ.)
- Darskiy, L. E. (1979). *Formirovanie semi: demografo-statisticheskoe issledovanie [Family formation: a demographic and statistical study]*. Moscow: Statistics Publ., 208. (In Russ.)
- Gurko, T. A., & Matskovsky, M. S. (1979). A single man in a big city. In: *Stanovlenie brachno-semeynykh otnosheniy [Formation of marital and family relations]* (pp. 7–24). Moscow: IS. (In Russ.)
- Isupov, V. A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri, konets XIX-XX v. [Demographic history of Western Siberia, the end of the XIX-XX centuries]*. Novosibirsk: Institute of history of the Russian Academy of Sciences, 347. (In Russ.)
- Kon, I. S. (2009). *Muzhchina v menyayushchimsya mire [A man in a changing world]*. Moscow: Vremya, 495. (In Russ.)
- Polyakov, Yu. A. (Ed.). (2005). *Naselenie Rossii v XX veke: ist. ocherki [Population of Russia in the XX century: Historic Essays]*. Moscow: ROSSPAN, 302. (In Russ.)
- Rimashevskaya, N. M. (Ed.). (2001). *Zhenshchina, muzhchina, semya v Rossii: poslednyaya tret' XX veka: proekt «Taganrok» [A woman, a man, a family in Russia: the last third of the 20th century: the Taganrok project]*. Moscow: IPEP, 314. (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L. (Ed.). (1988). *Naselenie SSSR za 70 let [The population of the USSR for 70 years]*. Moscow: Nauka, 215. (In Russ.)
- Voronova, E. A. (2019). Fathers and fatherhood in the USSR: the «male» and «female» perception (based on the letters to the authorities of the 1950–1960s). *Rossiyskaya istoriya [Russian history]*, 5, 108–117. (In Russ.)
- Zhiromskaya, V. B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke [The main trends in the demographic development of Russia in the XX century]*. Moscow: Kuchkovo pole, 318. (In Russ.)

Информация об авторе

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

About the author

Natalia A. Aralovets — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Institute of Russian History of RAS (19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

УДК 314.04(292.471)

JEL classification: J11, N33, O15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-3>

Всероссийская городская перепись 1923 г. в Крыму: подготовка, проведение, результаты¹

Н. Д. Борщик

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Республика Крым, Россия).
<https://orcid.org/0000-0001-8234-4381>

Автор для корреспонденции: Н. Д. Борщик (arktur4@gambler.ru).

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению малоизвестного в отечественной историографии сюжета: организации одного из ранних советских статистических мероприятий — переписи городского населения, торговых и промышленных предприятий 1923 г. Для Крымского полуострова это было первое обследование, проведенное в установленные правительством сроки. Показано, что в результате достаточно четкой организации, наличия множества методологических и инструктивных материалов центрального и местного уровня удалось получить данные, характеризующие бедственное состояние Крыма в начале 1920-х гг. На их основе был разработан комплекс мер по выводу крымской экономики из кризиса.*

Ключевые слова: историческая демография; статистические обследования; Крымский полуостров

All-Russian Urban Census of 1923 in Crimea: Preparation, Conduct, Results

N. D. Borshchik

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-8234-4381>

Corresponding author: N. D. Borshchik (arktur4@gambler.ru).

Abstract. *The article considers a little-known subject in the Russian historiography: the organisation of one of the first Soviet statistical events, namely, the census of urban population, commercial and industrial enterprises in 1923. For the Crimean peninsula, this was the first Soviet survey completed within the deadline set by the government. As a result, due to an efficient organisation and the use of various methodological and instrumental materials at the central and local levels, it was possible to obtain data characterising the poor state of Crimea in the beginning of the 1920s. Accordingly, a set of measures was developed to eliminate the crisis of the Crimean economy.*

Keywords: historical demography; statistical surveys; Crimean peninsula

Введение

Вопросы сбора на государственном уровне статистической информации всегда актуальны и востребованы государством и обществом. Несмотря на многолетний опыт организации в нашей стране всеобщих обследований населения и материальных ресурсов, ни одна из ранее состоявшихся переписей не безупречна: их программы, методика, способы сбора и обработки данных, полученные количественные итоги часто вызывают нарекания специалистов и общественности (Борщик, 2022).

Традиции изучения истории того или иного статистического обследования, обработки и публикации его результатов были заложены в отечественной историографии дооктябрьского периода и касались организации, проведения и анализа результатов

---

¹ © Борщик Н. Д. Текст. 2024.

Всероссийской переписи населения 1897 г., так и оставшейся единственной в дореволюционной России. Это направление остается востребованным до сих пор: научные публикации по данной тематике позволяют решить ряд принципиальных вопросов, в том числе и о достоверности полученных в ходе обследования цифровых данных, и о целесообразности их использования.

Необходимо отметить, что дореволюционный Крым входил в состав Таврической губернии, имеющей довольно сложное административно-территориальное устройство. Собственную статистику одновременно вели Таврический губернский статистический комитет и Таврическое губернское земство, Керчь-Еникальский и Севастопольский городские статистические комитеты, городские общественные управления (например, Ялтинское), уездные статистические бюро. Тем не менее, наличие результатов местных переписей не проясняло ситуацию в целом по губернии в отношении количества и качества земельного и жилищного фондов, посевах и урожаях, ремеслах и промыслах, наличном и пришлом населении и пр. Такая же ситуация сохранялась и в первые годы советской власти, установившейся в Крыму только в ноябре 1920 г. Поэтому очень важно изучить результаты первых советских статистических обследований полуострова, которые могут стать основой для изучения демографической истории полуострова. Пока можно констатировать, что тема статистических описаний Крымского полуострова еще ждет своего тщательного исследования; можно привести лишь единичные работы, посвященные изучению материалов статистических обследований Крыма нач. XX столетия (Борщик, 2022).

Основная часть

Обратимся к так называемой «городской» переписи 1923 г. Пока что ее результаты крайне редко привлекают к себе внимание специалистов. Может быть, это связано, во-первых, с переписью исключительно городского населения, во-вторых, с отсутствием в результатах переписи 1923 г. данных о сельском населении (вследствие чего ее данные считаются неполными), в-третьих, с наличием исчерпывающих материалов Всесоюзной переписи 1926 г., охватившей уже все слои населения СССР. Естественно, что сразу после обработки переписных материалов 1923 г. появились публикации статистической направленности с попытками дать сведения о состоянии различных отраслей местной хозяйственной жизни, иногда в сравнении с данными предыдущих обследований по отдельным регионам (Михайловский, 1923). Но затем исследовательский интерес к этому обследованию был утрачен на долгие годы.

Вместе с тем, анализ итогов городской переписи 1923 г. занимает важное место в изучении демографической истории страны (бывшего СССР и России). Например, анализ ее результатов позволяет подвести хотя бы предварительные итоги и сделать выводы о последствиях достаточно драматичных событий: Гражданской войны 1918–1920 гг. и страшного голода 1921–1922 гг. Тем не менее, можно указать лишь единичные специальные современные публикации по этой тематике. Например, основательное исследование В.Б. Жиромской с использованием комплекса материалов всероссийской городской переписи 1923 г. позволило автору провести анализ состава городского населения первых лет существования СССР (Жиромская, 1988).

Большую роль в подготовке и проведении этого обследования сыграл О.А. Квиткин — известный российский и советский статистик, демограф, с 1919 г. и до своей гибели в 1937 г. работавший на руководящих должностях в органах государственной статистики. Именно ему как специалисту в сфере городской статистики принадлежат

многие методологические разработки в организации самой переписи 1923 г., обработки и публикации ее результатов (Пирожков, 1974).

В Крыму в ноябре 1920 г. после окончательной победы большевиков началось формирование органов власти по «советскому» образцу, в том числе и статистических. В стране Советов даже на самом раннем этапе ее истории знание точных сведений о состоянии важнейших отраслей экономики было в приоритете (Бененсон, 1919). Уже в первые годы существования Советской власти был принят ряд нормативов, регулирующих область государственной статистики; в соответствии с ними было учреждено Крымское статистическое управление. Но организация и проведение всероссийской городской переписи 1923 г. были возложены на Крымское экономическое совещание (КрымЭКОСО), созданное при Совете народных комиссаров Крымской АССР для курирования экономических вопросов.

Весь механизм переписи 1923 г. в целом напоминал организацию и проведение первой советской переписи населения 1920–1921 гг. Из документов Государственного архива Республики Крым (далее ГАРК) известно, что на местах подготовка к переписи была достаточно результативна. Заведующий Крымским статистическим управлением Георгий Александрович Кущенко (занимал эту должность в 1921–1925 гг.) неоднократно выступал с разъяснениями по этому вопросу¹.

На основе методических документов ЦСУ РСФСР в Крыму были разработаны собственные инструктивные материалы. Из материалов ГАРК следует, что в самом общем виде проведение городской переписи 1923 г. сводилось к нескольким основным моментам. Подсчет населения в Крыму проводился в 14 городах и городских поселениях полуострова. Из опубликованных данных следует, что в Крыму всего проживало 251 080 городских жителей. В таблице 1 представлена численность городского населения Крымского полуострова.

Одновременно с переписью городского населения в 1923 г. проводилась перепись торговых предприятий Крыма согласно разработанной КрымЭКОСО инструкции. Сообщалось, что «предстоящая регистрация, организуемая по поручению Отдела статистики внутренней торговли ЦСУ, имеет своей целью учет действующих торговых предприятий и мелких торговцев как в городах, так и в сельской местности Крыма за период с 1 января по 1 апреля 1923 г.». Регистрации подлежали «все лица и учреждения, выбравшие до 15 марта патент на право торговли за первую четверть 1923 г. независимо от размера и характера торговли». Сообщалось также, что «перепись производится силами самих учреждений. Для этого каждое учреждение должно назначить особое лицо, ответственное за правильность и полноту переписи. <...> Окрстатбюро инструктирует уполномоченных и дает им разъяснения по различным вопросам, связанным с производством переписи и ее программой. <...> По окончании переписи Окрстатбюро проверяет материалы со стороны правильности и полноты заполнения и при описи с особым нарочным высылает их в КрымЦСУ. Также должен быть выслан список всех учреждений, заведений, организаций и т. д., которые по той или иной причине уклонились от переписи для привлечения руководителей к ответственности. О ходе переписи и о всех ее местных особенностях должен быть по окончании переписи представлен в КрымЦСУ доклад». Особо отмечалось, что «следует обратить особое внимание на то, чтобы решительно все учреждения и предприятия были переписаны

¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-219. Оп. 2. Д. 3. Л. 74–76 об.

Таблица 1

Численность населения Крымского полуострова в городах и городских поселениях

Города	Население		
	мужчин	женщин	всего
Симферополь	32 150	38 629	70 779
Алушта	1843	1941	3784
Бахчисарай	3149	3692	6841
Карасубазар	2546	3203	5749
Севастополь	29 172	34 267	63 439
Балаклава	717	831	1548
Евпатория	7746	9344	17 290
Джанкой	3227	3646	6883
Армянск	1102	1216	2318
Алупка	697	840	1537
Керчь	11 707	14 426	26 133
Феодосия	10 166	12 571	22 737
Старый Крым	1626	2025	3651
Ялта	8195	10206	18401
ИТОГО	114043	137 037	251 080

Источник: Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь: КрымЦСУ, 1924. С. 3.

(служащие и рабочие военного и морского ведомств, а также частных предприятий переписи не подлежат)»¹.

В ГАРК в фонде Статистического управления Крымской АССР сохранились сведения о количестве предприятий и учреждений на 1 января 1923 г.², представленные в таблице 2.

Сейчас сложно сказать, какова была методика подсчета предприятий, возможно, эти данные (табл. 2) взяты из более ранних обследований. В «Бюллетене ЦСУ Крыма. № 5», посвященном итогам переписи 1923 г., приведены совсем другие цифры (табл. 3).

Из данных таблицы 3 следует, что среди всех торговых заведений Крыма подавляющее большинство (93,7 %) были частными. Практически половина всех государственных предприятий (45 из 97) находилась в Симферополе; почти треть кооперативных предприятий (45 из 156) была в Севастополе.

Организаторы в ходе переписи 1923 г. считали «самодетальное население», к которому отнесли «лица, имеющие свой заработок или живущие на свои средства, а также живущие на средства государственных и общественных учреждений, содержащиеся в закрытых учебных заведениях, призреваемые, больные, арестованные, получающие жалованье, паек или стипендию». Среди городских жителей таковых насчитали 37,1 %, среди городских мужчин доля «самостоятельных» была 55 %, среди женщин — 22 %. Наиболее высок процент «самостоятельных» был в Ялте — 45,5 %, на последнем месте была Евпатория с 30,4 % «самостоятельных»³.

Отдельно считали безработных, под которыми подразумевали «лиц, которые к моменту переписи лишились заработка или занятия, приносящего доход и ищут работы»

¹ ГАРК. Ф. Р-3966. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12 об.

² ГАРК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 104. Л. 7.

³ Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь: КрымЦСУ, 1924. С. 4–5.

Таблица 2

Численность предприятий в Крыму на 1 января 1923 г.

Название городов и окружных центров	Предприятия			
	государственные	кооперативные	частные	всего
Евпаторийский	81	6	10	97
Ялтинский	133	7	50	190
Керченский	152	3	28	183
Феодосийский	117	2	29	148
Симферопольский	377	36	73	485
Алушта	53	1	-	54
Бахчисарай	78	7	5	90
Карасубазар	80	2	6	88
Севастопольский	310	34	66	410
Балаклава	26	2	2	30
ИТОГО	1407	99	269	1775

Источник: ГАРК. Ф. Р-3966. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12 об.

Таблица 3

Количество торговых заведений в Крыму на 15 марта 1923 г.

Название городов и окружных центров	Торговые заведения			
	государственные	кооперативные	частные	всего
Евпаторийский	10	10	296	316
Ялтинский	5	11	309	325
Керченский	6	15	376	397
Феодосийский	8	21	377	406
Симферопольский	45	41	1419	1505
Алушта	3	4	31	38
Бахчисарай	1	2	90	93
Карасубазар	3	6	97	106
Севастопольский	16	45	754	815
Балаклава	—	1	13	15

Источник: Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь: КрымЦСУ, 1924. С. 22–23.

(табл. 4). В инструктивных материалах отмечалось, что «безработица представляется феноменом значительной сложности», а для подробного его изучения необходимо «производство отдельного статистического обследования с обширной программой», что в рамках городской переписи 1923 г. является невыполнимой задачей.

В среднем по Крыму насчитали 6,8 % безработных — 7,7 % мужчин и 6,0 % женщин среди всего городского населения. Но если брать только «самодельных» горожан, то в этой категории уровень безработицы значительно выше — 15,5 %. Безработных мужчин среди «самодельных» было 8,1 %, женщин — 21,4 %.

Итоги этой переписи в Крыму стали основой для обращения республиканских властей Крыма к правительству СССР. Масштабный голод, охвативший отдельные регионы страны в 1921–1922 гг., затронул и Крымский полуостров. В целом в европейской части РСФСР, по оценкам современных отечественных демографов, сокращение численности населения России в 1914–1922 гг. составило 11 %, общие демографические потери колеблются от 22 млн до 30 млн чел. (Соловьева, 2016).

Таблица 4

Численность безработных в Крыму по данным переписи 1923 г.

Название городов	Среди городского населения, %	Среди «самодельных», %
Евпатория	9,0	23,0
Ялта	5,3	10,6
Керчь	6,8	16,8
Феодосия	7,7	17,4
Симферополь	7,4	17,0
Алушта	2,2	5,1
Бахчисарай	2,0	5,9
Карасубазар	4,0	10,6
Севастополь	7,7	17,6
Балаклава	2,3	5,0
Старый Крым	0,8	2,0

По данным одного из организаторов всероссийской городской переписи 1923 г. и разработчика ее результатов О.А. Квиткина, «население городов уменьшилось под влиянием голода 1921 г., но наибольшую убыль дали средние города (от 10 до 50 тыс.), сосредоточенные главным образом в самых голодных губерниях», причем «города потребляющей полосы потеряли 24 %, а производящей — 14,4 % своего населения» (Квиткин, 1923).

После подсчета итогов переписи 1923 г. в Крыму (по данным, опубликованным КрымЭКОСО), стало очевидно «колоссальное опустошение, произведенное голодом 1921–1922 гг. среди городского населения Крыма». При сравнении данных переписей 1921 и 1923 гг., выяснилось, что численность населения в окружных городах сократилось от 13,5 % в Симферополе до 29,3 % в Ялте. Наибольшую убыль городского населения, на 55,4 %, показал Бахчисарай. В среднем численность крымчан в городах сократилась на 24,7 %.¹

Обработка результатов всероссийской переписи 1923 г. затянулась до 1926–1927 гг., когда вышел из печати двухтомник ее итогов параллельно на русском и французском языках.²

Собранные переписью 1923 г. материалы имели большую практическую значимость: они позволили разработать целый комплекс мер, направленных на скорейшее восстановление экономики полуострова после окончания Гражданской войны. На совещаниях КрымЭКОСО и КрымСНК неоднократно обсуждались актуальные задачи, которые были сформулированы в документе «Ближайшие задачи, вытекающие из переживаемого Крымом кризиса», обращенном, в основном, к правительству СССР: признание Крыма «голодающей областью», выделение особых сырьевого, валютного и денежного фондов, пересмотр вопросов снабжения региона в сторону увеличения и пр.³

По итогам переписи крымских предприятий 1923 г. в КрымЭКОСО увидели будущее возрождение промыслов в кооперировании, снабжении их сырьем и государственными заказами (Николаенко, 1992). В 1923–1924 гг. был принят ряд декретов о льготном налогообложении как индивидуальных предпринимателей («кустарей»), так и артелей.

¹ Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь: КрымЦСУ, 1924. С. 4.

² Всероссийская городская перепись 1923 года: [в 2-х вып.]. Вып. 2: Краткая промышленная характеристика городов и поселений городского типа. Москва: ЦСУ СССР, 1926. 600 с.

³ Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь: КрымЦСУ, 1924. С. 4.

Например, при передаче в аренду предприятий артелям отдавалось преимущество кустарям и предоставлялись более льготные условия: вместо обычного взимания 10–15 % продукта с «кустарей» брали только 5 %. Согласно принятым нормативно-правовым актам о развитии кустарной промышленности, устанавливающим льготное налогообложение как членов артелей, так и сельских ремесленников, уже начиная с 1923 г. на территории Крыма возникли районные кустсоюзы в Симферополе, Севастополе, Керчи, Ялте, Евпатории. А к концу 1924 г. в Крыму насчитывалось уже 155 артелей и 7 объединяющих их союзов. Районные кустсоюзы объединяли не только артели, но и кустарей-одиночек, которых насчитывалось около 1065 чел. (Симченко & Цёхла, 2015).

Заключение

Можно констатировать, что в целом «городская» перепись 1923 г. дала комплекс достаточно надежных демографических данных, а также сведений по экономике Крымского полуострова, которые были востребованы и стали основой для принятия важных управленческих решений.

Но сохранившиеся итоговые материалы этого статистического обследования по Крыму до сих пор остаются практически неизученным: не предпринимались попытки сравнить или сопоставить количественные данные городской 1923 г. переписи с близкими по времени проведения переписями 1921 или 1926 гг. Да и во всероссийском масштабе такие публикации довольно редки. А ведь подобные исследования могут не только иметь теоретическое значение, но и являться основой для дальнейшего изучения социально-экономического развития региона.

Список источников

Бененсон, М. Е. (1919). *Экономические очерки Крыма*. Симферополь: Южное кооперативное издательство, 77.

Борщик, Н. Д. (2022а). «Всякое благоустроенное государство не может вести своего государственного хозяйства, не зная, сколько у него жителей»: подготовка и проведение всероссийской переписи 15 апреля 1921 года. *Новый исторический вестник*, 1 (71), 27–40.

Борщик, Н. Д. (2022б). Население Крымского полуострова по материалам всероссийских переписей 1897–1923 гг.: основные тенденции и факторы развития. В: *Глобальные вызовы демографическому развитию: сб. науч. Статей. Том 1* (с. 33–43). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-1-3>

Жиромская, В. Б. (1988). *Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры*. Москва: Наука, 168.

Квиткин, О. А. (1923). Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 годов. *Бюллетень ЦСУ*, 77, 10–18.

Михайловский, В. М. (1923). Население Москвы по главным занятиям. *Бюллетень ЦСУ*, 77, 29–31.

Николаенко, Н. В. (1992). *Крымская кооперация: очерки истории*. Симферополь: Таврия, 117.

Пирожков, С. И. (1974). Жизнь и творческая деятельность О. А. Квиткина. *Демографические тетради*, 9, 192–224.

Симченко, Н. А., Цёхла, С. Ю. (2015). К вопросу о социально-экономических эффектах промкооперации предприятий Крыма: уроки и успехи. *Российское предпринимательство*, 16 (20), 3491–3500.

Соловьева, В. В. (2016). Основные тенденции демографического развития России в пертурбационный период (1914–1922 гг.). *Большой мир Алтая*, 2(2.1), 266–271.

References

Benenson, M. E. (1919). *Ekonomicheskie ocherki Kryma [Economic essays of the Crimea]*. Simferopol: Southern Cooperative Publishing House, 77. (In Russ.)

Borshchik, N. D. (2022a). «No Well-Organized State Can Direct Its Own State Economy without Knowing How Many Inhabitants It Has»: The Preparation and Conduct of the All-Crimean Census of April 15, 1921. *Novyy istoricheskiy vestnik [The New Historical Bulletin]*, 1(71), 27–40. (In Russ.)

Borshchik, N. D. (2022b). Population of the Crimean Peninsula based on the Materials of the All-Russian Censuses of 1897–1923: Main Trends and Development Factors. In: *Globalnye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: sb. nauch. statey. Tom 1 [Global challenges to demographic development: collection of scientific papers. Vol. 1]*. (pp. 33–43). Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-1-3>(In Russ.)

Kvitkin, O. A. (1923). The population of cities in the European part of the RSFSR according to the censuses of 1897, 1917, 1920 and 1923. *Byulleten TsSU [Bulletin of the CSA]*, 77, 10–18. (In Russ.)

Mikhailovskiy, V. M. (1923). The population of Moscow by main occupation. *Byulleten TsSU [Bulletin of the CSA]*, 77, 29–31. (In Russ.)

Nikolaenko, N. V. (1992). *Krymskaya kooperatsiya: ocherki istorii [Crimean cooperation: essays on history]*. Simferopol: Tavria, 117.

Pirozhkov, S. I. (1974). The life and creative activity of O. A. Kvitkin. *Demograficheskie tetrady [Demographic notebooks]*, 9, 192–224.

Simchenko, N. A., & Tsekhla, S. Yu. (2015). Social and economic effects of industrial cooperation of Crimean enterprises: lessons and achievements. *Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Journal of Entrepreneurship]*, 16(20), 3491–3500. (In Russ.)

Solovyova, V. V. (2016). The main trends of demographic development in Russia in perturbation period (1914–1922). *Bolshoy mir Altaya [World of the Great Altai]*, 2(2.1), 266–271. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (1988). *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: Problemy sotsialnoy struktury [The Soviet city in 1921–1925: Problems of social structure]*. Moscow: Nauka, 168. (In Russ.)

Информация об авторе

Борщик Наталья Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; <https://orcid.org/0000-0001-8234-4381> (Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4; e-mail: cfuv@crimeaedu.ru).

About the author

Natalya D. Borshchik — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-8234-4381> (4, Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: cfuv@crimeaedu.ru).

УДК 314.145

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-4>

Социально-демографические процессы в сельском населении России в 2000-е гг.¹

О. М. Вербицкая

Институт российской истории РАН. (г. Москва, Россия).

Автор для корреспонденции: О. М. Вербицкая (verb-olga@yandex.ru).

Аннотация. На основе официальной государственной статистики (всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг., статистические демографические ежегодники, а также опубликованные данные ежегодных мониторингов социально-трудовой сферы села (организатор ВНИИ экономики сельского хозяйства)) автор изучил развитие основных демографических процессов в российском селе 2000-х гг. Исследование проведено в масштабах РФ, но отражена и специфика ее регионов. Изучены факторы, предопределившие изменения в общей численности сельского населения, характер его естественного движения (рождаемости, смертности), а также влияние миграции из села в город. Проанализировано их воздействие на среднюю продолжительность жизни населения, и отдельно — на мужчин и женщин. Автор приходит к выводу, что несмотря на начавшиеся позитивные тенденции, тяжелые последствия демографического и экономического кризиса 1990-х гг. в сельском населении они еще не были полностью преодолены.

Ключевые слова: численность населения; рождаемость; смертность; естественный прирост населения; миграция; переписи населения; мониторинги села

Socio-Demographic Processes in Rural Russia in the 2000s

O. M. Verbitskaya

Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia).

Corresponding author: O. M. Verbitskaya (verb-olga@yandex.ru).

Abstract. Based on official statistics (the All-Russian population censuses of 2002 and 2010, statistical demographic yearbooks, as well as published data from annual monitoring of the social and labour sphere of the village organised by the Research Institute of Agricultural Economics), the article examines main demographic processes in the Russian village in the 2000s. The research, conducted for the Russian Federation as a whole, also considers the specificity of its regions. Factors leading to changes in the total rural population, its natural movement (fertility, mortality), as well as the effect of migration from rural to urban areas are studied. Additionally, their impact on the average life expectancy of the population and separately on men and women is analysed. It was concluded that, despite occurring positive trends, severe consequences of the demographic and economic crisis of the 1990s in the rural population have not yet been completely overcome.

Keywords: population size; fertility; mortality; natural population growth; migration; population censuses; village monitoring

Введение

На рубеже XX–XXI вв. российское село переживало драматичный период своей истории. Неудачные рыночные реформы 1990-х гг. придали общей ситуации на селе сугубо депрессивный характер. Прежде всего, поспешная ликвидация колхозов и совхозов уничтожила главных работодателей на селе, что обрекло миллионы его жителей на безработицу: с 1992 по 2000 г. общая численность безработных на селе

---

¹ © Вербицкая О. М. Текст. 2024.

выросла в 3 раза. Введение политики либерализации цен привело к небывалому росту инфляции, и покупательная способность получаемых зарплат, пенсий и детских пособий резко упала. В результате к концу 1990-х гг. более половины (56 %) сельского населения перешло в разряд неимущих, поскольку их общие доходы не дотягивали до минимального прожиточного уровня в стране. В зарплатах сильно потеряли и те аграрии, которым удалось сохранить занятость в сельскохозяйственных предприятиях, так как их среднемесячная зарплата составляла всего 43 % от общероссийского уровня (Бондаренко, 2005).

Обзор литературы

В настоящее время историография проблем российского села на этапе 2000-х гг. по существу лишь начинает формироваться. В основном этими вопросами занимаются социологи и аграрники-экономисты. Особенно весомый вклад в его изучение внесен доктором экон. наук Л.В. Бондаренко, причем не только в авторских исследованиях (Бондаренко, 2002; Бондаренко, 2005), но и в качестве руководителя Всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села, проводившегося и в 2000-е гг.¹ Его материалы обладают богатым и многообразным информационным потенциалом, который заметно превосходит среднюю полноту сведений официальных статистических сборников. И они способствуют значительному обогащению источниковой базы, необходимой для написания научных исследований исторического характера.

Материалы и методы

Исследование построено в основном на официальной государственной статистике (Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг., демографические стат. ежегодники и опубликованные ведомственные материалы ВНИИ экономики сельского хозяйства, получаемые в процессе ежегодных мониторингов социально-трудовой сферы села). Эти материалы содержат репрезентативные сведения о динамике общей численности и состава сельского населения, изменениях в сложившейся системе расселения села как в целом по России, так и ее регионам. Большую ценность представляют сведения об общем движении населения (рождаемости, смертности, миграционных перемещениях из села в город) и др. Их высокая научная достоверность обеспечена тем, что они базируются не только на государственной и ведомственной статистике, но и на итогах репрезентативных выборочных статистических и социологических исследований, полученных путем изучения социальной сферы села по значительному числу субъектов Российской Федерации. Эти ценнейшие данные опубликованы в виде отдельных выпусков и уже активно используются исследователями. В данной статье, имеющей исторический характер, наряду с проблемно-хронологическим и историческим методами используется статистический и историко-социологический методы.

Исследователи подчеркивают, что в конце XX — начале XXI вв. российскую деревню постигла настоящая демографическая катастрофа. Причем если ранее под этим

¹Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2011 г. (2012). Вып. 13. Москва: ВНИИЭСХ, 220 с.; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2003 г. (2003). Вып. 5. Москва: ВНИИЭСХ, 122; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2005 г. (2006). Вып. 7. Москва: ВНИИЭСХ, 184; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2006 г. (2007). Вып. 8. Москва: ВНИИЭСХ, 218.

в основном имелись в виду миграция и ее последствия для села, то в 1990-е гг. — уже происходившее вымирание сельского населения. Следует добавить к этому издержки крайне неудовлетворительного медицинского обслуживания, а также характерное для многих жителей села злоупотребление спиртными напитками, которые существенно приближали реальную угрозу вырождения села. Психическое здоровье селян — важный индикатор социального благополучия — продолжало ухудшаться и в 2000-е гг. Так, общая численность лиц, имевших психические заболевания, в расчете на 10 тыс. чел. по сельской местности к этому времени выросла на 10 %; практически на столько же увеличилось и число умственно отсталых (олигофренов); и все эти заболевания на селе были распространены значительно больше, чем в городах (Бондаренко, 2002, с.16).

В новом XXI в. на селе по-прежнему процветал алкоголизм. Например, в 2002 г. под наблюдением наркологических диспансеров находилось 566,6 тыс. больных алкоголизмом жителей села (в среднем по 164,4 чел. на каждые 10 тыс. населения), что было больше, чем 1990-е гг. Возросло и число хронических больных алкоголизмом с впервые установленным диагнозом — 9,6 % в расчете на 10 тыс. сельского населения, что превосходило показатели городского населения (8,7 %)¹. Но особую тревогу вызывала алкоголизация женской части сельского населения, которая в нулевые годы XXI в. развивалась более быстрыми темпами, чем у мужчин. Изучение современного села, предпринятое специалистами ВНИИЭСХ, показало, что число учтенных женщин с хроническим алкоголизмом, например, за 2005 г. возросло на 2,3 %, тогда как аналогичный показатель по мужскому населению практически не изменился. Тогда же среди женщин села был зарегистрирован и прирост в 10 % больных алкогольным психозом, а среди мужчин — 14,2 %².

Широкое распространение бедности на селе, отсутствие реальных перспектив получения профессиональной подготовки и нормального заработка наряду с отсутствием у селян шансов даже на медицинскую помощь и т. д. вынуждало многих жителей села, особенно молодых, уезжать в город. К этому следует добавить еще и отсутствие на селе перспектив получения жилья, общее ухудшение состояния сельской социальной сферы, сокращение числа детских дошкольных учреждений, фельдшерских пунктов и т. п. Доля молодежи в сельском населении снижалась, и важнейшей причиной этого становилось постоянное падение престижности труда в сельском хозяйстве, к тому же плохо оплачиваемого, что подстегивало молодых селян покидать село и искать себе другие занятия. Еще в начале 1990-х гг. «почти половина всех выпускников сельских школ поступала в аграрные вузы и техникумы, а ныне такие намерения имеет лишь 10–15 %», отмечал в 2005 г. один из исследователей села (Жданов, 2005, с. 6–7).

Неудивительно, что сельские молодые люди до 30 лет, как показали итоги мониторингов, на всем протяжении 2000-х гг. составляли практически 50 % в общем составе мигрантов из села. В данной возрастной группе миграционная активность вообще была в 2,3 раза выше, чем у остальных селян. Среди мигрантов много было подростков и молодежи 14–19 лет, уезжавших в город в основном ради получения образования. Но в 1999–2002 гг., то есть всего за 4 года, даже их отток в город снизился с 43,7 тыс. чел. до 30,4 тыс. чел.³. Вплоть до середины 2000-х гг. интенсивность мигра-

¹Состояние социально-трудовой сферы села ... 2003 г. (2003). Вып. 5. Москва: ВНИИЭСХ, 122, 16.

²Состояние социально-трудовой сферы села ... 2005 г. (2006). Вып. 7. Москва: ВНИИЭСХ, 184, 148–149.

³Состояние социально-трудовой сферы села ... 2003 г. (2003). Вып. 5. Москва: ВНИИЭСХ, 122, 17–18.

ционных перемещений из села в город оставалась заметно ниже, чем в предыдущий период. Этому способствовали, прежде всего, возросшие трудности с устройством на работу, поскольку в городе тоже была безработица, что серьезно ухудшало реальные шансы селян на закрепление в городе. Но несмотря на существенное снижение масштабов сельской миграции молодежь с 14 до 29 лет включительно по-прежнему оставалась основой миграционного контингента из села. И хотя общее число молодых мигрантов указанного возраста тоже снизилось — с 845,6 тыс. (в 2000 г.) до 698,8 (в 2005 г.), их удельный вес держался на уровне 44–46 %, правда, в 2005 г. он увеличился на 1,3 % относительно предыдущего года¹.

В целом к концу первого 10-летия XXI в. масштабы миграции из села вновь резко возросли: число выбывших из него по России сразу повысилось до 70,3 тыс. чел., тогда как число прибывших в нее составило всего 21,9 тыс. На возросшую миграционную интенсивность из села повлиял существенный подъем восстановительных процессов в экономике, прежде всего в городе, что и предопределило усиление миграционного оттока из села. В 2010 г. масштаб миграционного оттока из сельской местности в город уже был в 3 раза выше, чем в 2003 г., в 5 раз выше, чем 2005 г., и в 10 раз выше, чем в 2007 г. В 2010 г. в расчете на каждую 1 тыс. сельского населения общее число мигрантов в город составляло 18,8, что оказалось самым высоким показателем за последние 11 лет. Это повлекло за собой заметное уменьшение на селе числа экономически активного населения, несколько снизив долю безработных в структуре жителей села: с 11,8 % (2009 г.) до 11,2 % (2010 г.)².

Известно, что по занимаемой территории Россия — самое крупное государство в мире, однако по численности постоянного населения в 2010 г. она находилась лишь на восьмом месте. Начиная с 1930-х гг. в стране активно развивалась урбанизация и тесно связанная с нею миграция населения из села в город, при этом удельный вес горожан постоянно повышался при одновременном снижении общей численности сельского населения. Данная тенденция в его количественной динамике надолго приобрела непрерывный и устойчивый характер не только по России в целом, но и в отдельных ее территориальных субъектах.

Известно, что динамика численности населения — важнейший показатель, который отражает его общее состояние на определенный момент развития. Но острый кризис в демографической сфере села, разразившийся в 1990-е гг., продолжился и позже, в 2000-е гг., динамика численности сельского населения России еще сохраняла негативный характер, что подтвердили Всероссийские переписи населения. Если в 2002 г. общая численность жителей села РФ насчитывала 38 737 млн чел., то в 2010 г. — уже 37 587 млн, т. е. на 1150,5 тыс. чел. уже меньше (или 3 %). Отметим, что в некоторых федеральных округах России эта убыль была и большей: в Северо-Западном ФО — –12,5 %, Центральном и Сибирском ФО — по 10 %, а в Приволжском ФО практически совпала с общероссийской — –3 %³.

В целом количественные изменения в сельском населении России отнюдь не везде имели лишь негативный характер, счастливым исключением была, например, ситуация в Южном ФО, где естественной убыли в сельском населении практически

¹Состояние социально-трудовой сферы села ... 2006 г. (2007). Вып. 8. Москва: ВНИИЭСХ, 218. 24.

²Состояние социально-трудовой сферы села ... 2011 г. (2012). Вып. 13. Москва: ВНИИЭСХ, 220. 9, 24.

³Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: Стат. сб. Москва: Росстат, 2011. С. 6–9.

не происходило, а стабильность общей численности (на 99,6 %) обеспечивала высокая рождаемость. В селах Северо-Кавказского региона сложился максимально высокий прирост населения (+10 % — за 2002–2010 гг.), причем не в последнюю очередь и за счет административно-территориальных преобразований, которые тоже позитивно отражались на итоговой численности жителей села.

Своеобразной реакцией на общее ухудшение условий жизни в деревне в 1990-х — начале 2000-х гг. становилось ухудшение общей демографической ситуации на селе за счет увеличения естественной убыли селян, прежде всего, из-за неуклонного падения рождаемости при одновременном росте уровня смертности. Особенно ощущалось снижение рождаемости в молодых возрастах — 30–39 лет, и это подтверждало ускоренное сокращение численности молодежи на селе¹. Несмотря на начавшиеся позитивные изменения в показателях рождаемости и смертности в 2000-е гг. в сельском населении России еще сохранялся кризисный сценарий воспроизводства населения с характерной для него естественной убылью. Так, в 2001 г. в среднем по селу в РФ на каждую 1000 чел. умирало 15,6, а рождалось всего 9 чел., т. е. на 70 % меньше. Но со временем эти цифры изменялись в сторону увеличения рождаемости, и к 2011 г. ее общий коэффициент поднялся с 9,0 до 12,6%, т. е. более, чем на 1/3. При этом уровень смертности снижился, но значительно медленнее: за 2001–2011 г. в среднем по стране он уменьшился с 15,6 % до 13,5 % соответственно, т. е. всего на 15 %. Подобное соотношение основных факторов воспроизводства населения сложилось еще в начале 1990-х гг., а общая тенденция к вымиранию жителей села сохранялась еще и в 2000-е гг., хотя и несколько замедлилась. С 2001 по 2010 г. коэффициент естественной убыли жителей села уже понижался, но в целом более медленно, чем в городах².

И все же со временем общая демографическая ситуация в сельской местности регионов России постепенно улучшалась за счет происходивших изменений в уровнях рождаемости и смертности. Исходя из соотношения этих важных показателей в 2011 г. все регионы РФ можно подразделить на 3 большие группы:

- а) регионы с естественным приростом сельского населения;
- б) регионы с естественной убылью, в том числе с превышением числа умерших над родившимися в 1–1,99 раза;
- в) регионы, в которых превышение числа умерших над числом родившихся достигало максимума — в 2–2,8 раза.

Первая группа регионов, имевших в 2011 г. более высокий уровень рождаемости по сравнению с показателем смертности, в целом по стране включала 26 субъектов РФ, в том числе республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Саха (Якутия), Тыва, а также Забайкальский, Хабаровский края, Астраханская, Свердловская, Оренбургская, Тюменская и др. области. В этих регионах благодаря такому соотношению имелись благоприятные условия, и численность сельского населения в них увеличивалась.

Во вторую группу входило подавляющее большинство — 44 региона России, в которых уровень смертности превышал показатели рождаемости не более 2 раз. Это, прежде всего, регионы Северо-Западного и Центрального ФО (республики Карелия, Коми, Марий Эл, Татарстан, Чувашия и др., Белгородская, Брянская, Калужская, Вологодская, Калининградская, Московская, Пензенская и др. области), где продолжалась

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (2003). Вопросы статистики, 12, 3–4.

² Состояние социально-трудовой сферы села ... 2011 г. (2012). Вып. 13. Москва: ВНИИЭСХ, 220. 13, 15.

естественная убыль, поскольку уровень смертности до 2 раз превосходил показатели рождаемости.

Условно в третью группу регионов РФ, где сложилась особенно депрессивная ситуация с воспроизводством сельского населения, входили 11 субъектов РФ (Республика Мордовия, Псковская, Новгородская, Нижегородская, Ивановская, Тверская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Рязанская, Смоленская области), в которых умирало в 2–3 раза больше жителей, чем рождалось¹.

Характерно, что рост смертности в сельском населении некоторых регионов продолжался до 2006 г., опережая темпы роста рождаемости, после чего уровень смертности стал медленно снижаться. В целом по сельской местности России, например, в 2000 г. коэффициент смертности составлял 17,1 ‰, в 2006 г. – 17,4 ‰, а в 2010 г. – 16,1 ‰. Ситуацию со смертностью в значительной степени определяла динамика числа умерших в трудоспособном возрасте, особенно от 30 до 49 лет, число которых росло опережающими темпами. Главными причинами смертности лиц дееспособного возраста являлись несчастные случаи, отравления и травмы (в 2002 г. – 40,5 %, а в 2001 – 41,4 %), а также болезни органов кровообращения – 28,8 % (27,8) и новообразования – 10,4 и 11,3 %². В общем уровне смертности жителей села остро просматривались и гендерные различия: так, среди мужчин уровень смертности от всех причин в середине 2000-х гг. был в 3,7 раза выше, чем у женщин, в том числе от инфекционных и паразитарных болезней в расчете на 100 тыс. человек мужчины умирали в 6,5 раза чаще, чем женщины, а от несчастных случаев, отравлений и травм – в 4,9 раза больше³.

В начале нулевых годов XXI в. в городе и сельской местности еще действовала тенденция к дальнейшему снижению ожидаемой продолжительности жизни как среди мужчин, так и женщин, характерная для кризисного периода 1990-х гг. В среднем по сельской местности России в 2002 г. она снизилась еще на 0,8 года по сравнению с предыдущим годом (по всему сельскому населению, т. е. и мужчин, и женщин). Но уже с 2004 г. в сельском населении начался ежегодный и довольно устойчивый прирост показателя ожидаемой продолжительности жизни. Что касается конкретно сельских мужчин, то общая продолжительность их жизни в итоге выросла с 57,56 лет (в 2004 г.) до 62,4 лет (в 2011 г.), т. е. на 4,84 года, а у сельских женщин – с 70,86 до 74,21 лет, т. е. на 3,36 года⁴. Приведенные цифры показывают, что в сельской местности средняя продолжительность жизни мужчин была в целом значительно меньше, чем у женщин. Это зависело от определенных причин, прежде всего, от свойственного многим мужчинам невнимательного отношения к своему здоровью, наличия у них большого количества вредных привычек. Более того, по данным Минздрава РФ, в этот период происходившее снижение уровня ожидаемой продолжительности жизни на 2/3 определялось ростом смертности населения, прежде всего, от несчастных случаев, травм и отравлений, а также от болезней системы кровообращения⁵.

По территории России минимальная средняя продолжительность жизни была зафиксирована у мужчин в Эвенкийском АО (менее 50 лет), а также в большинстве

¹ Состояние социально-трудовой сферы села ... 2011 г. (2012). Вып. 13. Москва: ВНИИЭСХ, 220. 14, 15.

² Российский статистический ежегодник, 2012. Стат. сб. Москва: Госкомстат России. 2012. С. 93.

³ Состояние социально-трудовой сферы села ... 2011 г. (2012). Вып. 13. Москва: ВНИИЭСХ, 220. 13.

⁴ Российский статистический ежегодник, 2012. С. 17.

⁵ Российский статистический ежегодник, 2012. С. 107.

центральных областей России — Владимирской, Смоленской, Тверской, Новгородской областях и Коми-Пермяцком АО (до 52 лет), в Тульской, Ярославской, Псковской областях и Чукотском АО (до 53 лет). Таким образом, значительное большинство сельских мужчин перечисленных регионов Российской Федерации, как правило, просто не имело шансов дожить до возраста выхода на пенсию, который в рассматриваемые годы составлял 60 лет. До пенсии доживали лишь те сельские мужчины, которые проживали в 15 регионах, главным образом в южных областях России¹.

В целом же, как показал анализ данных, демографическая ситуация в сельской местности в 2000-е гг. развивалась в соответствии с ранее сложившимися тенденциями в рождаемости, смертности и миграции. В рассматриваемые годы доля лиц пенсионного возраста в сельской местности многих российских регионов была ощутимо выше, чем детей до 16 лет включительно. В итоге средний возраст живущих там, например, в 2002 г. в среднем по российскому селу составлял 37,8 года. При этом в Центральном ФО России, где в сельском населении численно доминировали женщины старших возрастных групп, средний возраст сельского жителя составлял 42 года (максимум по РФ): 38,4 года у мужчин и 45,1 года у женщин. И это неудивительно, поскольку в Центральном регионе РФ традиционно были высоки потери от миграции молодежи из села в город, что сказывалось и на его более «старом» возрастном составе. Наоборот, наиболее молодой средний возраст среди остальных регионов РФ имело сельское население Дальневосточного ФО — в среднем 33,9 года: 32,2 года у мужчин и 35,5 у женщин. Главная причина — Дальний Восток уже несколько десятилетий является регионом наиболее активного заселения, поэтому в его населении, включая село, доля молодых возрастов повышена за счет молодых мигрантов, прибывающих из других районов.

Сокращение общей численности сельского населения непосредственно отразилось на состоянии поселенческой системы села: за период между двумя переписями населения 2002 и 2010 гг. общее количество ее населенных пунктов по России уменьшилось на 2,2 тыс. Определенную роль в этом сыграли и административно-территориальные изменения, особенно в 2004 г., когда целый ряд наиболее крупных сельских населенных пунктов был включен в городскую черту. Одновременно с карты областей были стерты (ликвидированы) мелкие поселения, в которых уже полностью отсутствовало постоянное население. Доля таких обезлюдевших сельских населенных пунктов за период 2000-х гг. возросла на 1 %, составив уже 13 % от их общего состава по России. Особенно много сельских населенных пунктов, потерявших свое население, насчитывалось в Костромской, Ярославской, Вологодской, Псковской, Кировской и Магаданской областях (до 13–20 % от общего числа сельских поселений РФ). Характерно, что в названных регионах сельского населения вообще было очень мало — в пределах от 3 до 10 % его общей численности в своем федеральном округе. Но одновременно с числом опустевших деревень за 2002–2010 гг. на 8,5 тыс. выросло и общее количество мелких поселений и хуторов, в которых проживало минимальное число жителей — до 10 человек включительно. Еще на 10,5 тыс. сократилась и общая численность всех других типов поселений с населением от 11 до 100 чел. и более. Это подтверждало, с одной стороны, продолжение действия в сельской местности России закономерности дальнейшего измельчания мелких населенных пунктов, включая и вовсе безлюдные. В то же время сокращалось и общее количество всех остальных поселений разного типа с числом жителей от 11 до 100 чел. и далее, включая по 5 тыс.

¹Состояние социально-трудовой сферы села ... 2011 г. (2012). Вып. 13. Москва: ВНИИЭСХ, 220. 16, 17.

и даже больше, в которых проживало подавляющее большинство жителей российского села¹.

Все эти явления подтверждали, что в сельской местности России на этапе 2000-х гг. еще продолжилась не только убыль общего числа жителей, но и деградация поселенческой структуры, что, безусловно, имело весьма негативные последствия. Продолжение количественной убыли сельского населения создавало предпосылки для дальнейшего нарастания несоответствия общей численности сельского населения громадным масштабам сельской территорий РФ, угрожая полной утратой контроля над сельскими территориями. Одновременно снижался и общий уровень заселенности сельской местности, продолжалось дальнейшее измельчание ее поселенческой сети.

Заключение

Таким образом, в первом десятилетии XXI в. в демографических процессах на селе на общем фоне продолжавшейся убыли его населения наметились и некоторые положительные изменения: улучшилось соотношение чисел умерших и родившихся в пользу роста рождаемости. Несмотря на сохранявшиеся довольно заметные различия в средней продолжительности жизни жителей села, в рассматриваемый период данный показатель тоже ощутимо повысился почти на 5 лет у мужчин и на 3,6 года у женщин.

Однако в конце рассматриваемого десятилетия сокращение численности сельского населения вновь усилилось, уже не за счет его естественной убыли, а преимущественно в результате роста миграции в город. Это было вызвано, прежде всего, начавшимся в середине 2000-х гг. экономическим ростом, благодаря которому в городах страны ощутимо активизировалась деятельность предприятий, быстро нарастали масштабы строительства и т. д. Возрождение городской экономики обострило потребность в кадрах, в том числе из села. В самом же сельском хозяйстве восстановление производства происходило лишь в растениеводстве и отчасти в птицеводстве, поэтому сложившееся положение в целом не способствовало снижению сельской безработицы и общему решению накопившихся социальных проблем. Нехватка рабочих мест, низкий уровень оплаты аграрного труда и постоянное снижение его престижа стали теми факторами, которые обусловили подъем нового миграционного оттока из села, особенно в молодежной среде. Для реального снижения безработицы и удержания населения в разорявшейся деревне от переезда в город требовался особый подход в аграрной политике, включая и более адекватное финансирование аграрного сектора.

Список источников

Бондаренко, Л. В. (2002). Социально-демографическая ситуация на селе. *АПК: экономика, управление*, 12, 13–19.

Бондаренко, Л. В. (2005). Сельская Россия в начале XXI в. (социальный аспект). *Социологические исследования*, 11, 69–76.

Жданов, С. П. (2005). Государственная политика развития сельских территорий. *АПК: экономика, управление*, 12, 4–10.

References

Bondarenko, L. V. (2002). Socio-demographic situation in rural areas. *АПК: экономика, управление [AIC: Economics, Management]*, 12, 13–19. (In Russ.)

¹Состояние социально-трудовой сферы села ... 2003 г. (2003). Вып. 5. Москва: ВНИИЭСХ, 122, 17.

Bondarenko, L. V. (2005). Rural Russia in the early 21-st century (social aspect). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 11, 69–76. (In Russ.)

Zhdanov, S. P. (2005). State Policy for Development of Rural Territories. *APK: ekonomika, upravlenie [AIC: Economics, Management]*, 12, 4–10. (In Russ.)

Информация об авторе

Вербицкая Ольга Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра экономической истории, Институт российской истории Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: verb-olga@yandex.ru).

About the author

Olga M. Verbitskaya — Dr. Sci. (Hist.), Chief Research Associate, Center for Economic History, Institute of Russian History of RAS (19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: verb-olga@yandex.ru).

УДК 94(47).84+314.7

JEL classification: J11, R11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-5>

Города Среднего Урала в XX веке: динамика численности населения и факторы развития¹

О. В. Горбачев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>

Автор для корреспонденции: О. В. Горбачев (og_06@mail.ru).

Аннотация. С целью определения сравнительной значимости факторов городского развития рассматривается динамика изменения численности населения городов Свердловской области на наиболее интенсивном этапе урбанизации — с 1926 г. по 1989 г. По интенсивности роста населения города разделены на четыре группы. В условиях интенсивной индустриализации для малых городов были возможны пути либо взрывного роста с последующим сокращением численности населения ввиду неразвитой инфраструктуры, либо стагнирующего развития. Относительно сбалансированный уровень городского развития обеспечивали города, население которых выросло от 6 до 20 раз. Наибольшее их количество находилось в группе с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел. по состоянию на 1989 г. Установлено отсутствие прямого влияние «лагерного» прошлого на перспективы роста городов. Выявлено, что статус моногорода не может рассматриваться в качестве однозначно негативного фактора развития. Охарактеризовано действие фактора транспортной доступности для городов, находящихся на разном расстоянии от областного центра.

Ключевые слова: динамика численности населения; Средний Урал; Свердловская область; урбанизация; индустриализация; малые города

Cities of the Middle Urals in the 20th Century: Population Dynamics and Development Factors

O. V. Gorbachev

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>

Corresponding author: O. V. Gorbachev (og_06@mail.ru).

Abstract. In order to determine the relative significance of urban development factors, the study considers the dynamics of changes in the population of cities in Sverdlovsk oblast at the most intensive stage of urbanisation (from 1926 to 1989). Based on the intensity of population growth, the cities are divided into four groups. In the conditions of intensive industrialisation, small towns had two possible paths: explosive growth followed by a decrease in population due to underdeveloped infrastructure or stagnant development. A relatively balanced urban development was ensured by cities whose population grew from 6 to 20 times. The largest number of them was in the group with a population of 50 to 100 thousand people as of 1989. There is no direct influence of the “prison camp” past on urban growth prospects. It was revealed that the status of a “single-industry town” cannot be considered as an undeniably negative development factor. The effect of the transport accessibility factor for cities located at different distances from the regional centre is characterised.

Keywords: population dynamics; Middle Urals; Sverdlovsk oblast; urbanisation; industrialisation; small towns

¹ © Горбачев О. В. Текст. 2024.

Введение

Развитие городской среды на Урале в XX столетии в большой степени стало результатом промышленной модернизации региона в годы первых пятилеток, а также в период Великой Отечественной войны. В результате урбанизационный переход, имевший место на всей территории страны, на Урале отличался особой интенсивностью, и в 1959 г. в городах проживало уже 3/4 населения.

Сказанное в полной мере относится к Среднему Уралу, территория которого в основном находится в границах Свердловской области. Сейчас в ее составе насчитывается 74 городских населенных пункта, в том числе 47 городов. Во всех городах в XX в. отмечался рост численности населения, в какой-то момент сменявшийся его сокращением (Оруджиева, 2014). Города, где этот спад оказался наиболее интенсивным (5 % убытка населения за одно десятилетие в течение нескольких десятилетних интервалов), принято считать депрессивными (Баканов, 2005; Баканов, 2017, с. 77). В то же время сравнительный анализ динамики численности населения для городов разных типов на значительном хронологическом отрезке способен дать дополнительную информацию о причинах роста / упадка городских поселений, установить значимость региональных (территориальных) особенностей этого процесса.

Целью работы является, помимо анализа демографической динамики, выявление сравнительной значимости факторов, влиявших на устойчивое городское развитие, динамику демографического потенциала и эволюцию городской среды.

Период наиболее интенсивных изменений в городском развитии на Среднем Урале начался во второй четверти XX в. С распадом СССР произошла смена глобального тренда в эволюции народонаселения, сопровождавшаяся сменой вектора миграционных перемещений с востока на запад, что, в свою очередь, привело к оттоку населения из Уральского региона (см. подробнее в (Горбачев, 2008; Корнилов, 2018; Корнилов, 2023, с. 68)). Сказалось и дальнейшее снижение естественного прироста населения, в результате чего начиная с 1991 г. в городах и рабочих поселках Свердловской области смертность впервые стала превышать рождаемость. Если в период 1979–1988 гг. только девять городов региона характеризовались абсолютной убылью населения, то в 1989–2001 гг. таковых оказалось уже 37 (Оруджиева, 2014, с. 67). Именно поэтому для оценки уровня урбанизации¹ на Среднем Урале для городов разных типов наиболее показательны материалы переписей населения 1926–1989 гг.

Типология городов выстроена в соответствии с численностью населения в них по состоянию на 1989 г.² В это время 34 города относились к категории малых (до 50 тыс. чел.), причем в 12 численность населения была менее 20 тыс. чел.; 7 городов имели население от 50 до 100 тыс. чел. (средние); больших городов (от 100 до 250 тыс. чел.) было три, один крупный (от 250 тыс. до 1 млн чел.) и один крупнейший (свыше 1 млн чел.).

Из рассмотрения исключены пять поселений (закрытые города Лесной и Новоуральск, доступные данные по населению которых за указанный период отсутствуют, а также населенные пункты, появившиеся после 1926 г., — Заречный, Качканар и Среднеуральск). Таким образом, проанализирована динамика численности

¹ В этой статье урбанизация интерпретируется в узком смысле как увеличение доли городского населения (см. также: Корнилов, 2023, с. 63–64).

² Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.02.2024).

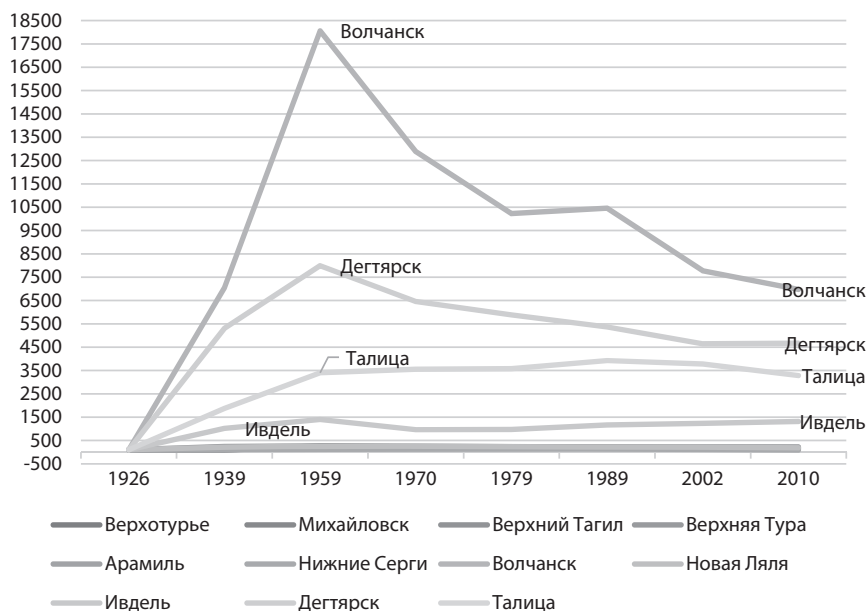

населения по 42 городам. Для оценки перспектив развития городских поселений также привлекались данные постсоветских переписей 2002 и 2010 гг.

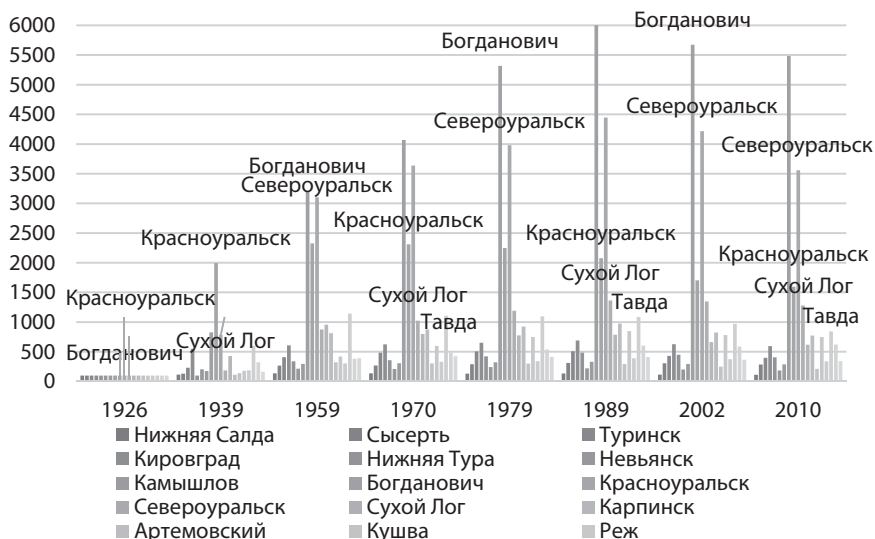
Динамика численности населения по городам разных типов

Предсказуемо чрезвычайно уязвимой оказалась категория городов с численностью населения в 1989 г. до 20 тыс. чел. (рис. 1). Из 11 городов население семи практически менялось незначительно. Интенсивный рост четырех оставшихся (Волчанск, Дегтярск, Ивдель и Талица) приходится на годы первых пятилеток и периода Великой Отечественной войны, при этом абсолютным лидером здесь оказался Волчанск (к 1959 г. рост населения составил более, чем в 100 раз за счет организованной здесь угледобычи). Устойчивый рост в 1989 г. демонстрировала лишь Талица за счет многопрофильного производства (в группе это единственный центр района с развитым сельским хозяйством), а Волчанск ввиду высоких темпов сокращения населения перешел в разряд депрессивных (к 2010 г. в этом перечне находились пять городов из группы с численностью населения до 20 тыс. чел. (Баканов, 2017, с. 78)).

В следующей, самой многочисленной группе городов (от 20 до 50 тыс. чел. в 1989 г.) (рис. 2) динамика более разнообразна. В наибольшей степени (в 60 раз) выросло население расположенного на Транссибе Богдановича, а также «алюминиевой столицы» Североуральска (в 45 раз) и Красноуральска (более чем в 20 раз), где было размещено

Рис. 1. Динамика численности населения по малым городам Свердловской области (до 20 тыс. чел., к 1926 г., %) (источники: рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел III. Москва, 1930, 8–9; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Москва, 1992 г., 38–39; Всесоюзная перепись населения РСФСР 1959 г. Москва, 1963, 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1, Москва, 1972, 91–92; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Москва, 1991, 216–218)

Рис. 2. Динамика численности населения по малым городам Свердловской области (от 20 до 50 тыс. чел., к 1926 г., %) (источники: рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел III. Москва, 1930, 8–9; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Москва, 1992 г., 38–39; Всесоюзная перепись населения РСФСР 1959 г. Москва, 1963, 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1, Москва, 1972, 91–92; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Москва, 1991, 216–218)

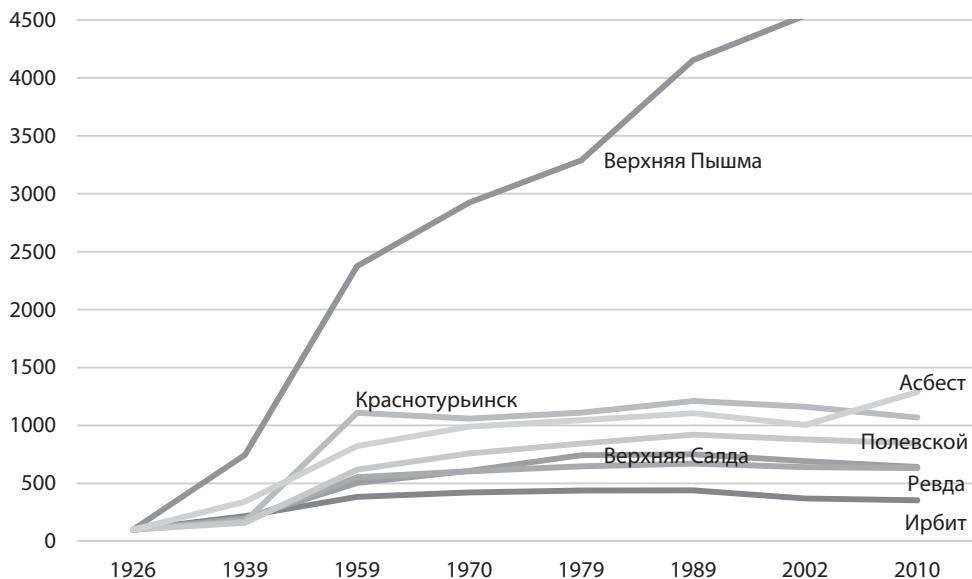
медеплавильное производство. Устойчивый рост, хотя и разной интенсивности, демонстрировали Сухой Лог, Реж, Кировград, Березовский, Красноуфимск, Нижняя Тура. К 1989 г. более чем в пять раз выросло население Артемовского, Березовского, Карпинска, Кировграда, Режа, более чем в 10 раз — Сухого Лога и Тавды.

К 2010 г. ни одному из городов этой группы не удалось сохранить положительную динамику, а семь из них перешли в разряд депрессивных. Это Алапаевск, Камышлов, Карпинск, Красноуральск, Кушва, Тавда и Туринск. В этом перечне только два моногорода — Карпинск и Красноуральск.

Вполне комфортный средний уровень роста населения в течение всего периода наблюдался в Сухом Логу. Причина — многопрофильное промышленное производство и, как и в Талице, наличие предприятий переработки сельскохозяйственной продукции¹.

Следующая группа городов (от 50 до 100 тыс. чел. населения в 1989 г.) примечательна тем, что все поселения здесь, за исключением Ирбита, относятся к категории моногородов (рис. 3). Сам по себе этот признак малоинформативен для оценки демографических перспектив города, что убедительно демонстрирует пример Верхней Пышмы. Стремительный рост населения (более чем в 40 раз к 1989 г.), разумеется, был связан со строительством медеэлектролитного завода и ряда других производств. В Верхне-Пышминском районе хорошо развито сельское хозяйство. Впоследствии

¹ Кроме Сухого Лога, фактор развитой сельскохозяйственной округи в этой группе следует также учитывать для Алапаевска, Богдановича, Режа и Сысерти.

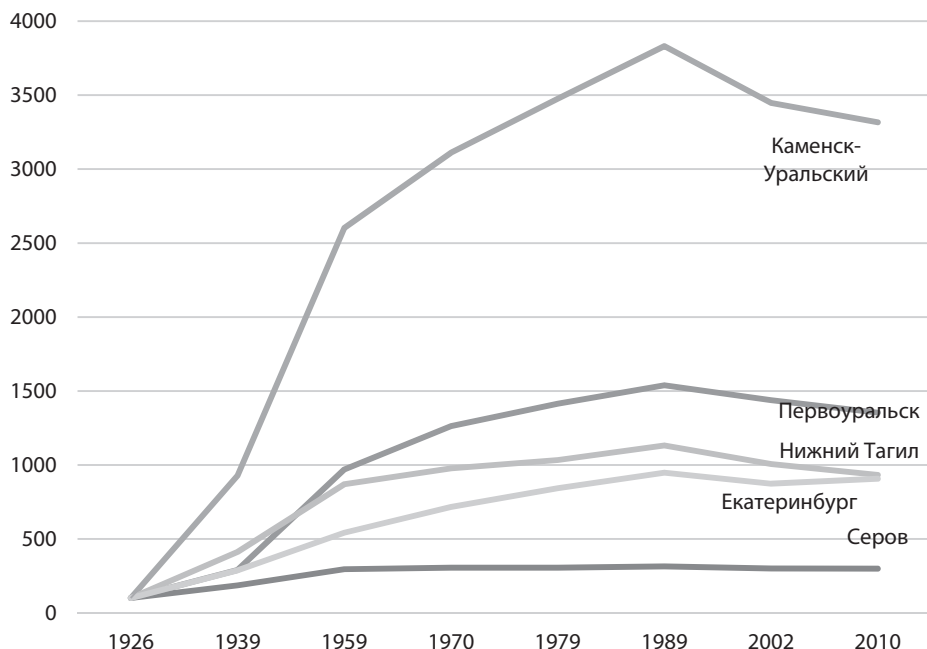

Рис. 3. Динамика численности населения по средним городам Свердловской области (от 50 до 100 тыс. чел., к 1926 г., %) (источник: рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел III. Москва, 1930, 8–9; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Москва, 1992 г., 38–39; Всесоюзная перепись населения РСФСР 1959 г. Москва, 1963, 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1, Москва, 1972, 91–92; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Москва, 1991, 216–218)

очевидным фактором дальнейшего роста поселения явился пригородный статус Верхней Пышмы по отношению к Свердловску, что способствовало появлению в городе еще целого ряда эффективных производств. В целом, как показывает, в частности, пример Березовского из предыдущей группы, близость к региональному центру во второй половине XX в. становится залогом успешного роста поселения.

В относительно худшем положении по отношению к прочим средним городам находился Ирбит. Прежняя «торговая столица» оказалась в стороне от Транссибирской магистрали, что привело к деградации города. Второе его рождение было связано со строительством ряда предприятий в годы Великой Отечественной войны, главными из которых стали мотоциклетный и стекольный заводы. Кроме того, город является центром развитой сельскохозяйственной округи. Тем не менее, сокращение численности населения после 1989 г. привело к тому, что в XXI в. Ирбит уверенно обосновался среди малых городов региона.

Остальные города третьей группы (Асбест, Верхняя Салда, Краснотурьинск, Полевской, Ревда) характеризуются схожими умеренными показателями роста численности населения (от 6 до 12 раз в период с 1926 по 1989 г.). Это обстоятельство заставляет предположить, что средний размер города выступал неким гарантом благополучия и залогом относительно сбалансированного развития в эпоху промышленной модернизации.

Рис. 4. Динамика численности населения по большим и крупным городам Свердловской области (от 100 тыс. чел., в % к 1926 г.) (источник: рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел III. Москва, 1930, 8–9; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Москва, 1992 г., 38–39; Всесоюзная перепись населения РСФСР 1959 г. Москва, 1963, 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1, Москва, 1972, 91–92; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Москва, 1991, 216–218)

В постсоветское время наиболее значимое падение численности населения отмечено в отдаленном Краснотурьинске. Кроме Верхней Пышмы, несколько выросло население Асбеста.

В четвертой группе (большие и крупные города) находится пять поселений (рис. 4). В рассматриваемый период все они пережили рост, хотя и относительно небольшой (эффект «высокого старта»). Самым крупным «бенефициаром» урбанизации, за исключением Свердловска-Екатеринбурга, следует считать Каменск-Уральский, на территории которого в 30–40-е гг. возникло сразу несколько крупных производств, чему способствовало удобное транспортное положение города. К 1989 г. его население выросло почти в 40 раз в сравнении с 1926 г. и превысило 200 тыс. чел. Значительно вырос Первоуральск (рост населения в 15 раз, более 140 тыс. чел. в 1989 г.). Устойчиво росли самые крупные города региона — Свердловск и Нижний Тагил. Население многопрофильного промышленного Серова достигло максимума в середине 1960-х гг., после чего стало постепенно сокращаться. Сыграла свою роль удаленность от центра. В целом же четвертая группа городов предсказуемо оказалась наиболее благополучной.

Оценка интенсивности урбанизации

Проведенный анализ демонстрирует сценарии «взрывной» урбанизации с не менее драматическими последующими потерями населения для малых городов, а также более комфортные варианты ее протекания для средних и крупных поселений. По интенсивности урбанизации было выделено шесть групп городов: рост населения до 5 раз, в 6–10 раз, в 10–20 раз, 21–50 раз, 51–100 раз, более чем в 100 раз (табл. 1, 2).

Приведенные таблицы позволяют понять, насколько интенсивный рост населения города в годы первых пятилеток способствовал его дальнейшему сбалансированному развитию. С одной стороны, города с численностью населения до 20 тыс. чел. имели сравнительно мало шансов на быстрое развитие (две трети из них за 60 с лишним лет выросли менее, чем в пять раз). С другой — четыре города из этой группы показали чрезвычайно быстрые темпы роста, а население Волчанска выросло более чем в 100 раз (на пике, в 1959 г. — в 180 раз!).

Но тут приходится признать, что стремительное увеличение численности жителей (от 20 до 100 раз) не гарантировало от последующего спада, тем более что это увеличение нередко достигалось силовыми методами. Кроме того, быстрый рост населения вокруг нового производства, как правило, опережал развитие городской инфраструктуры, что становилось причиной оттока населения. Описанная ситуация является одним из наиболее серьезных рисков «фронтирного освоения» (Побережников, 2013), обычного для Уральского региона.

С другой стороны, относительно скромный рост населения (до 5 раз), который в других условиях мог считаться нормальным для сбалансированного развития,

Таблица 1

Интенсивность роста численности населения по городам разных типов, 1989 к 1926 г., %

Численность населения в 1989 г.	Всего городов	до 5 раз	6–10 раз	10–20 раз	21–50 раз	50–100 раз	более, чем в 100 раз
До 20 тыс. чел.	11	7	–	1	1	1	1
От 20 до 50 тыс. чел.	19	8	6	2	2	1	–
От 50 до 100 тыс. чел.	7	1	3	2	1	–	–
Свыше 100 тыс. чел.	5	1	1	2	1	–	–

Таблица 2

Интенсивность роста численности населения по городам разных типов, 1989 к 1926 г., % к общему количеству городов каждого типа

Численность населения в 1989 г.	Интенсивность роста					
	до 5 раз	6–10 раз	10–20 раз	21–50 раз	50–100 раз	более, чем в 100 раз
До 20 тыс. чел.	63,64	0,00	9,09	9,09	9,09	9,09
От 20 до 50 тыс. чел.	42,11	31,58	10,53	10,53	5,26	0,00
От 50 до 100 тыс. чел.	14,29	42,86	28,57	14,29	0,00	0,00
Свыше 100 тыс. чел.	20,00	20,00	40,00	20,00	0,00	0,00
Итого, в % к общему числу городов	40,48	23,81	16,67	11,90	4,76	0,00

в эпоху интенсивной индустриализации был очевидно недостаточным: городам с подобными темпами развития угрожала деградация (2/3 городов из первой группы и почти половина из второй). Представляется, что относительно более комфортные темпы роста населения в сложившихся условиях обеспечивали города с темпами прироста населения от 6 до 20 раз (61 % городов в группе с численностью жителей от 50 до 100 тыс. чел. и 40 % всех городов).

Факторы демографической динамики

Специфику Урала как «края ссылки» как нельзя лучше иллюстрирует пример Ивделя, население которого существенно выросло в 1930–1950-е гг., а затем стало сокращаться. По схожей схеме развивался Карпинск из второй группы, один из центров Богословлага (см. подробнее: Маламуд, 1998). В то же время Тавда (центр Тавдинлага), где были размещены разнопрофильные производства, достаточно долго сохраняла достигнутый потенциал. Наиболее впечатляющим оказался рост Краснотурьинска из третьей группы (Богословлаг) за счет востребованности продукции Богословского алюминиевого завода. Таким образом, «лагерное» прошлое города хотя и оказывало определенное влияние на дальнейшую траекторию роста города, вряд ли может считаться решающим фактором его развития.

Столь же неоднозначен с точки зрения перспектив поселения и статус «моногорода». Обычно он выступает маркером деградации. Примечательно, однако, что из тридцати малых городов Свердловской области (с населением до 50 тыс. чел.) моногородов сегодня только пять: Верхняя Тура, Волчанск, Карпинск, Красноуральск и Североуральск. Всего же малых городов в области по состоянию на 2014 г. было 15¹ (см. подробнее: Фомин и др., 2022). Это означает, что в советских условиях размещение промышленного производства, даже единственного, способствовало повышению устойчивости поселения. Ее часто удавалось сохранить, даже несмотря на большие потери численности городского населения в постсоветское время.

Существенной характеристикой города является фактор транспортной доступности центра. В соответствии со временем транспортной доступности населенные пункты принято делить на три группы: 1) 30–45 минут транспортной доступности (МТД), 2) 45–90 МТД, 3) более 90 МТД (Лаврова, 2015, с. 206). При этом поселения первого пояса характеризуются разнообразными тесными связями с областным центром. В Свердловской области это города, находящиеся на расстоянии до 50 км от Свердловска-Екатеринбурга (Березовский, Верхняя Пышма, Арамилль, Дегтярск, Первоуральск, Ревда, Сысерть) (рис. 5).

Города второго пояса (расстояние от 50 до 100 км) поддерживают связи двойного характера — с одной стороны, с областным центром, с другой — с окружающей территорией (Полевской, Кировград, Невьянск, Нижние Серги, Асбест, Богданович, Реж, Каменск-Уральский, Верхний Тагил).

Остальные города области, третьего пояса доступности (расстояние более 100 км от Свердловска-Екатеринбурга), характеризуются ограниченными связями с областным центром и сами способны выполнять центральную роль.

---

¹О перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру» (дата обращения: 18.02.2024).

Рис. 5. Динамика роста численности населения, 1989, в % к 1926, и расстояние до областного центра (города от 20 до 50 тыс. чел.) (источники: рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел III. Москва, 1930, 8–9; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Москва, 1992 г., 38–39; Всесоюзная перепись населения РСФСР 1959 г. Москва, 1963, 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1, М., 1972, 91–92; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Москва, 1991, 216–218)

Как видим, линейная зависимость между расстоянием от областного центра и динамикой численности местного населения отсутствовала. Очевидно, что близлежащие к Свердловску города, где в 1930–1940-е гг. были размещены крупные производства, в исторической перспективе оказались более устойчивыми, чем отдаленные (Верхняя Пышма, Первоуральск). С другой стороны, ограниченное предложение рабочих мест вкупе с неразвитой инфраструктурой становится причиной сокращения населения (Дегтярск). Областной центр способен дать импульс развитию в близлежащих городах обслуживающих его производств (Арамилы, Дегтярск) и рекреационной функции в форме субурбанизации (Сысерть), формируя таким образом относительно устойчивую демографическую динамику.

В правой части графика на рисунке 5 примеров быстрого роста численности населения меньше. Для второго пояса доступности это Асбест и Каменск-Уральский. Значительный устойчивый рост отмечался в Полевском, Асбесте и Реже.

Среди городов третьего пояса доступности быстрый рост населения наблюдался в Красноуральске, Талице, Волчанске и Североуральске, при этом Волчанск в силу небольшого размера вряд ли мог претендовать на статус местного центра. Существенным ростом отмечены Сухой Лог, Красноуральск, Тавда и Ивдель.

Заключение

В целом динамика численности населения является существенным, но далеко не единственным показателем для оценки траектории и перспектив городского

развития. Важны административный статус, количество и разнообразие выполняемых функций, плотность населения прилегающей территории, сложившая роль города по отношению к этой территории и др. Вместе с тем, предпринятый анализ способствовал выявлению определенных трендов, способных дополнить характеристики городских центров по векторам перспективности — депрессивности, моно- / полифункциональности, и фиксирующих, как правило, только сегодняшнее их состояние.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и историко-ведческий аспекты»).

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No. №24-28-00629 “Trajectories of development of the cities of the Middle Urals in the middle of the 20th century: methodological and source studies aspects”).

Список источников

Баканов, С. (2017). Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010). *Quaestio Rossica*, 5 (1), 74–85. <http://doi.org/10.15826/qr.2017.1.211>

Баканов, С. А. (2005). *Депрессивные города Урала в 1960–1980-е годы: Анализ социально-экономических и демографических факторов*. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 192.

Горбачев, О. В. (2008). Средний Урал на миграционной карте России. В: *Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 9* (с. 216–225). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Корнилов, Г. Е. (2018). Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке. В: *Демографическая история России и регионов: сб. науч. тр. Вып. II: Миграции населения* (с. 198–226). Екатеринбург: ИИиА УрО РАН.

Корнилов, Г. Е. (2023). Урбанизация на Урале в XX веке: демографические последствия. В: *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст.* (с. 63–76). Екатеринбург: Ин-т экономики УРО РАН. <http://doi.org/10.17059/udf-2023-1-7>

Лаврова, Т. Г. (2015). Роль и потенциал малых городов в развитии региона (на примере Краснодарского края). *Вестник Томского государственного университета*, 399, 204–211. <http://doi.org/10.17223/15617793/399/34>

Маламуд, Г. Я. (1998). Лагеря НКВД на Урале в 1940 — начале 50-х гг. *Известия челябинского научного центра УРО РАН*, 1, 181–190.

Оруджиева, А. Г. (2014). Развитие городов Свердловской области в XX — начале XXI вв.: краткий исторический экскурс. *Муниципалитет: экономика и управление*, 4 (9), 59–72.

Побережников, И. В. (2013). Фронтальная модернизация как Российский цивилизационный феномен. *Россия реформирующаяся*, 12, 246–274.

Фомин, М. В., Смирнов, О. О., Мирязов, Т. Р. (2022). Моногорода Уральского федерального округа: матрица рисков развития. *Вопросы государственного муниципального управления*, 3, 171–192. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-171-192>

References

Bakanov, S. (2017). Urban demographic decline in the traditional industrial regions of the Urals (1959–2010). *Quaestio Rossica*, 5 (1), 74–85. <http://doi.org/10.15826/qr.2017.1.211> (In Russ.)

Bakanov, S. A. (2005). *Depressivnye goroda Urala v 1960–1980-e gody: Analiz sotsialno-ekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov [Depressed cities of the Urals in the 1960–1980s: Analysis of socio-economic and demographic factors]*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 192. (In Russ.)

Fomin, M. V., Smirnov, O. O., & Miriazov, T. R. (2022). Company towns of the Ural Federal District: Development risk matrix. *Voprosy gosudarstvennogo munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 3, 171–192. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-3-171-192> (In Russ.)

Gorbachev, O. V. (2008). The Middle Urals on the migration map of Russia. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: sb. nauch. tr. Vyp. 9 [Document. Archive. History. Modernity]. Coll. of scientific works. Vol. 9]* (pp. 216–225). Ekaterinburg: Ural University Publishing House. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2018). Eastern turn: population migration to and from the Urals in the 20th century. In: *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov: sb. nauch. tr. Vyp. II: Migratsii naseleniya [Demographic history of Russia and regions. Coll. of scientific works. Vol. II: Population migrations]* (pp. 198–226). Ekaterinburg: Institute of History UB RAS. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2023). Urbanisation in the Ural in the 20th century: demographic consequences. In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam: sb. nauch. st. [Demographic factors of adaptation of the population to global socio-economic challenges. Collection of articles]* (pp. 63–76). Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. <http://doi.org/10.17059/udf-2023-1-7> (In Russ.)

Lavrova, T. G. (2015). The role and potential of small towns in the development of the region (a case study of Krasnodar Krai). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 399, 204–211. <http://doi.org/10.17223/15617793/399/34> (In Russ.)

Malamud, G. Ya. (1988). NKVD camps in the Urals in the 1940s — early 50s. *Izvestiya chelyabinskogo nauchnogo centra URO RAN [Proceedings of the Chelyabinsk Scientific Center]*, 1, 181–190. (In Russ.)

Orudzhieva, A. G. (2014). Urban development Sverdlovsk region in the XX–XXI centuries (a brief history). *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie [Municipality: Economics and Management]*, 4(9), 59–72 (In Russ.)

Poberezhnikov, I. V. (2013). Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon. *Rossiya reformiruyushchayasya [Russia in reform]*, 12, 246–274 (In Russ.)

Информация об авторе

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100> (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: og_06@mail.ru).

About the author

Oleg V. Gorbachev — Dr. Sci (Hist.), Professor, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-2911-3100> (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: og_06@mail.ru).

УДК 94 (470.53) "1959/1970"

JEL classification: I21

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-6>

Динамика уровня образования населения Пермской области в 1960-е гг.¹

А. В. Жарков

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия);
Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Автор для корреспонденции: А. В. Жарков (alessandro2017@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе данных переписей населения производится сравнение уровня образования населения Пермской области в 1959 и 1970 гг., а также с общероссийскими показателями. На основе данных статистических сборников анализируются сведения о количестве учебных заведений, контингентов учащихся и студентов. Сделаны выводы о существенном росте удельного веса лиц, получивших образование от неполного среднего до высшего. Он был обеспечен успешным развитием сети и учебных контингентов полных средних школ и средних специальных учебных заведений. Однако показатели высшего и среднего специального образования продолжали отставать от общероссийского уровня, что свидетельствовало о менее успешном развитии данных ступеней образования в регионе.

Ключевые слова: уровень образования; Пермская область; РСФСР

Dynamics of Educational Level of the Population in Perm Oblast in 1960s

A. V. Zharkov

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia);
Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Corresponding author: A. V. Zharkov (alessandro2017@mail.ru).

Abstract. Using population census data, the article compares the educational level of the population in Perm oblast in 1959 and 1970, as well as with the all-Russian level. Based on data from statistical collections, information on the number of educational institutions, pupils and students is analysed. A significant increase in the share of people who have received education from lower secondary to higher is noted. This increase was ensured by the successful development of the network and student populations of upper secondary schools and secondary vocational schools. However, the indicators of higher and secondary vocational education were lower than the all-Russian values, indicating less successful development of these stages of education in the region.

Keywords: educational level; Perm oblast; RSFSR

Введение

Конец 1950-х — 1960-е гг. были важным периодом в развитии отечественной системы образования. После того, как в середине 1950-х гг. было осуществлено всеобщее семилетнее обучение, 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР был принят «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», с которого начался переход ко всеобщему восьмилетнему обучению, а все профессионально-технические учебные заведения были преобразованы

---

¹ © Жарков А. В. Текст. 2024.

в городские и сельские профессионально-технические училища (ПТУ)¹. Переход к восьмилетнему обучению был завершён к середине 1960-х гг. В 1966 г. в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» была поставлена задача по обеспечению в основном всеобщего среднего образования к 1970 г.²

Реформировалась и система ПТУ. В партийно-правительственном постановлении от 2 апреля 1969 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования» указывалось на необходимость преобразования профессионально-технических учебных заведений в ПТУ с 3–4-летним сроком обучения по подготовке квалифицированных рабочих со средним образованием по массовым профессиям, требующим общего среднего образования³.

Активное реформирование системы образования в рассматриваемый период неизбежно повлияло на изменение уровня образования населения, что и определяет актуальность данной работы. Выбранный для анализа регион — Пермская область — был и остается промышленно развитым. Его экономическая специализация также определяла динамику образовательного уровня населения.

Обзор литературы

Вопросы уровня образования населения в рассматриваемый период получили отражение в научной литературе. В пределах всей России динамика образовательного уровня населения была проанализирована во втором и третьем томах альманаха «Население России в XX веке: исторические очерки» в рамках демографической истории (Поляков, 2001; Поляков, 2005). Специальная статья А.И. Репинецкого была посвящена анализу образовательного уровня населения России в 1960–1970-е гг. (Репинецкий, 2010). Краткое освещение рассматриваемый период получил и в статье Б.Н. Миронова о грамотности населения России за 1000 лет (Миронов, 1996). Социолог М.Н. Руткевич в своих работах предложил индекс образованности населения, который был вычислен им для всего XX в., в том числе и для периода 1960-х гг. (Руткевич, 2007; Руткевич, 2011). Динамика уровня образования городских жителей также кратко представлена в исследовании А.С. Сенявского об облике российского города в 1960–1980-е гг. (Сенявский, 1995).

На региональном уровне динамике уровня образования населения посвящено меньше работ. Среди них необходимо отметить историко-партийные исследования Г.Г. Бажутина⁴, В.С. Аверьянова (Аверьянов, 1977) и В.М. Ожиганова 1983⁵ о повышении культурно-технического уровня рабочих на Западном Урале, а также исследование Э.Н. Гольдштейна об общеобразовательном уровне рабочих на территории

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. Сост.: А.А. Абакумов и др. Москва, 1974. 53–57.

² Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. ... С. 220.

³ Там же. С. 129.

⁴ Бажутин, Г. Г. (1967). Деятельность партийных организаций Западного Урала по повышению культурно-технического уровня рабочего класса в период семилетки (1959–1965): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 23.

⁵ Ожиганов, В. М. (1983). Деятельность партийных организаций Западного Урала по подъему культурно-технического уровня рабочего класса (1956–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 16.

Пермской и Свердловской областей¹. Однако в них не рассматривалось все население региона. Динамика уровня образования населения региона в 1960-е гг. анализируется в нашем диссертационном исследовании, посвященном изменениям уровня грамотности и образования населения на Среднем Урале в XX в. (Жарков, 2023). Поэтому в целом следует констатировать, что уровень образования населения Пермской области и его динамика в 1960-е гг. изучены недостаточно.

Материалы и методы

Исследование построено на двух группах источников. Первая — это материалы двух всесоюзных переписей населения — 1959 и 1970 гг., в которых представлены сведения об уровне образования населения, то есть о доле лиц, имевших образование той или иной ступени на момент проведения переписи (от начального до высшего). Материалы переписи 1959 г., а также материалы переписи 1970 г. по РСФСР были взяты из открытых источников, материалы же переписи 1970 г. по Пермской области были почерпнуты в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ).

Вторая группа — это статистические сборники, в которых представлены сведения о количественных показателях системы образования Пермской области (количество учебных заведений, учащихся и студентов, учителей).

В исследовании применяются специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный методы), а также группа статистических методов (метод группировки, подразумевающий выбор определенного массива данных из статистической совокупности и его распределение на группы, метод получения относительных статистических показателей, метод построения динамических рядов). Под уровнем образования населения в статье понимается отношение числа лиц, получивших образование определенной ступени, к общей численности населения определенного возраста, выраженное в промилле или в процентах.

Результаты и обсуждение

Решения государства в сфере образования нашли свое отражение в развитии сети учебных заведений всех ступеней. С 1960/61 по 1970/71 учебные годы в Пермской области общее количество школ (табл. 1) сократилось с 3173 до 2383, при этом начальных школ стало меньше примерно в 1,8 раза (рис. 1). Немного сократилось число неполных средних и вечерних школ. Но при этом полных средних школ стало больше в 1,5 раза (399).

Общая численность учеников в регионе возросла с 540,4 до 597 тыс. (табл. 1). Контингенты в начальных школах сократились в 2,6 раза, со 100,2 до 39,2 тыс. чел. (рис. 2). Также несколько уменьшилось и количество учеников неполных средних школ — со 182,9 до 170 тыс. чел. Однако численность учащихся полных средних школ в рамках курса на осуществление всеобщего среднего образования выросла с 216 до 329 тыс., то есть в 1,5 раза. Тем самым, в полных средних школах отныне было больше учеников, чем в начальных и неполных средних вместе взятых. Численность учащихся вечерних школ, несмотря на уменьшение их количества, выросла в 1,3 раза,

---

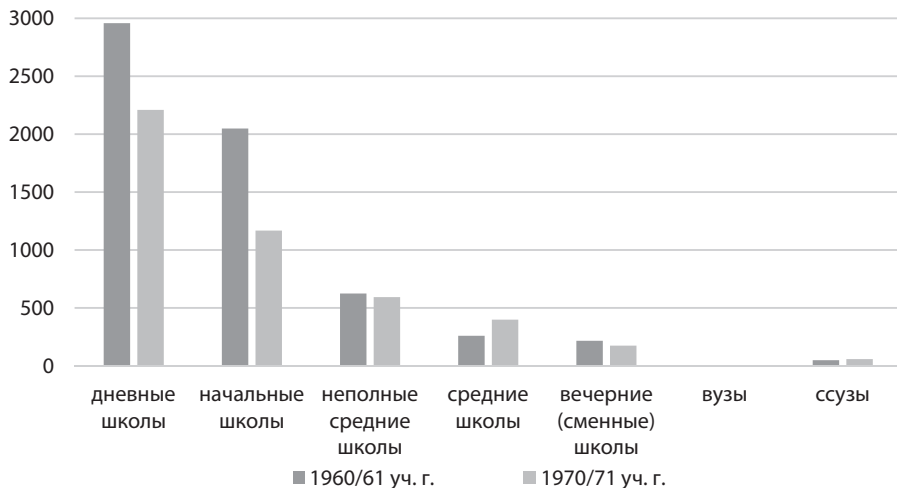
¹ Гольдштейн, Э. Н. (1968). Деятельность КПСС по подъему общеобразовательного уровня рабочего класса (1959–1965 гг.). По материалам Свердловской и Пермской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 32.

Таблица 1

Школы Пермской области в 1960/61 — 1970/71 уч. гг.

Показатели	Школы		Учебные годы	
			1960/61	1970/71
Количество школ	Всего		3173	2383
	Дневные		2957	2209
	в том числе	начальные	2048	1167
		неполные средние	624	593
		средние	259	399
Вечерние (сменные)		216	174	
Численность учеников, тыс. чел.	Всего		540,4	597,0
	В дневных		502,1	546,7
	в том числе	в начальных	100,2	39,2
		в неполных средних	182,9	170,0
		в средних	216,0	329,0
В вечерних (сменных)		38,3	50,3	
Численность учителей, тыс. чел.	Всего		23,9	26,5

Источник: составлено по: Народное хозяйство Пермской области: статистический сборник. Свердловск, 1961. С. 109, 117; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: статистический сборник. Пермь, 1977. С. 121, 123.

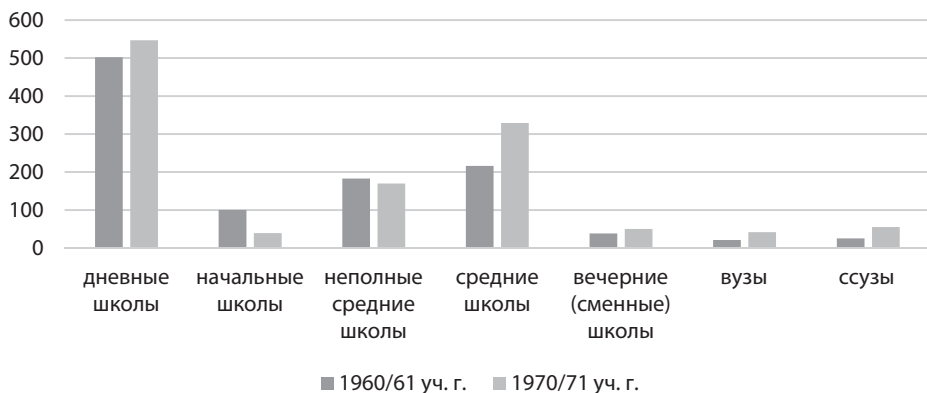

Рис. 1. Количество учебных заведений в Пермской области в 1960/61 — 1970/71 уч. гг. (источник: составлено автором по материалам табл. 1, 2)

с 38,3 до 50,3 тыс. чел. В рассматриваемое десятилетие возросла и численность учителей — с 23,9 до 26,5 тыс. чел. (табл. 1).

В 1960-е гг. увеличился и выпуск из профессионально-технических учебных заведений: если в 1960 г. он равнялся 11,9 тыс. чел., то в 1970 г. составил 31,3 тыс. чел.¹

¹ Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: статистический сборник. Пермь, 1977. С. 94.

Рис. 2. Численность учащихся и студентов в Пермской области в 1960/61 — 1970/71 уч. гг.
(источник: составлено автором по материалам табл. 1, 2)

Количество средних специальных учебных заведений в регионе выросло сравнительно немного, с 48 до 58 (табл. 2, рис. 1), но численность студентов в них увеличилась в 2,2 раза (до 55,4 тыс.), что было связано с расширением набора на новые рабочие специальности (рис. 2). Число высших учебных заведений в рассматриваемый период в области не изменилась, однако количество студентов в них также существенно выросло (в 2 раза).

Результативность государственных мероприятий в образовательной сфере в 1960-е гг. иллюстрируют данные материалов переписей 1959 и 1970 гг., особенно по каждой ступени образования в отдельности.

В 1959 г. в Пермской области (табл. 3) среди всего населения в возрасте 10 лет и старше доля лиц с образованием составляла 687,6 ‰. Среди них 359,8 ‰ имели начальное, 211,9 ‰ — неполное среднее, 43,6 ‰ — среднее общее, 49 ‰ — среднее специальное, 7,7 ‰ — незаконченное высшее и 15,6 ‰ — высшее образование. Горожан, получивших какое-либо образование, было больше, чем селян: почти в 1,2 раза среди мужчин и в 1,5 раза среди женщин. При этом женщин с начальным образованием в городе было немного больше, а мужчин — меньше, чем на селе. По удельному весу обладателей более высоких ступеней образования горожане полностью превосходили деревенских жителей. Лиц с неполным средним образованием в городе было больше

Таблица 2

Высшие и средние специальные учебные заведения Пермской области в 1960/61 — 1970/71 уч. гг.

Показатели	Учебные заведения	Учебные годы	
		1960/61	1970/71
Количество учебных заведений	высшие	6	6
	средние специальные	48	58
Численность студентов	в высших	21,2	41,7
	в средних специальных	25,1	55,4

Источник: составлено по: Народное хозяйство Пермской области: статистический сборник. Свердловск, 1961. С. 119; Народное хозяйство Пермской области в девятой пятилетке, 1971–1975 годы: статистический сборник. Пермь, 1976. С. 193, 195.

Таблица 3

**Число лиц, имеющих образование в возрасте 10 лет и старше
среди городского и сельского населения Пермской области в 1959 г., %**

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	687,6	15,6	7,7	49,0	43,6	211,9	359,8
	муж.	797,0	16,9	7,1	47,3	41,7	229,4	454,6
	жен.	602,2	14,5	8,1	50,4	45,2	198,2	285,8
Городское	оба пола	758,2	22,3	9,9	59,3	60,1	249,4	357,1
	муж.	842,8	23,5	9,1	58,1	54,7	258,3	439,1
	жен.	690,5	21,3	10,6	60,4	64,4	242,4	291,5
Сельское	оба пола	579,7	5,3	4,2	33,2	18,5	154,5	363,9
	муж.	724,5	6,4	3,9	30,1	21,2	183,8	479,1
	жен.	470,6	4,5	4,5	35,5	16,5	132,4	277,2

Источник: подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Пермская область. Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=56

в 1,4 раза у мужчин и в 1,8 раза у женщин, со средним общим — соответственно в 2,6 и 3,9, со средним специальным — в 1,9 и 1,7, с незаконченным высшим — в 2,3 и 2,4, а с высшим законченным — в 3,7 и 4,7 раза. Показатели начального, неполного среднего и высшего образования среди горожан были выше у мужчин, в то время как у женщин были выше показатели незаконченного высшего, среднего специального и среднего общего образования. В сельской местности положение было аналогичным, за исключением показателей среднего общего образования, которые были больше у мужчин, нежели у женщин.

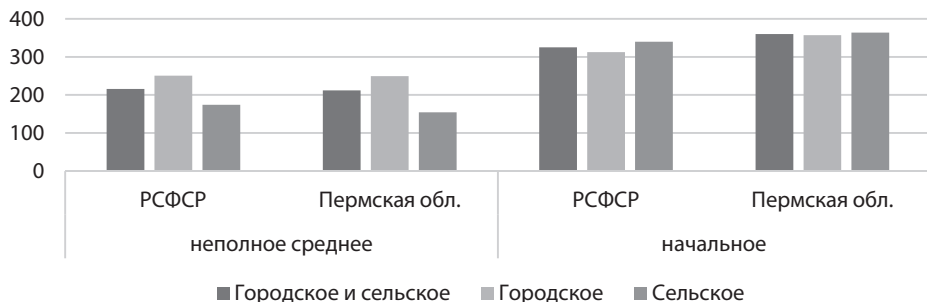
Иными словами, в регионе более чем две трети населения 10 и более лет имели какое-либо образование. Из них больше трети имели только начальное образование, а среди мужчин — от 44 % в городе до 48 % на селе. Вместе с тем, почти 33 % населения имели образование от неполного среднего до высшего, хотя большую часть этого числа, конечно, составляло только неполное среднее образование. Все это было результатом осуществления всеобщего начального, а затем и всеобщего семилетнего обучения, чему уделялось первостепенное внимание в десятилетия, предшествующие переписи населения.

В РСФСР в 1959 г. среди всего населения обоего пола удельный вес лиц с образованием составлял 686,6 %, в том числе 324,9 % с начальным, 215,6 — с неполным средним, 57,6 — со средним общим, 52,7 — со средним специальным, 11,1 — с незаконченным высшим и 24,7 с высшим (табл. 4). В Пермской области больше общероссийских были показатели начального образования: и в городе, и на селе, и среди всего населения (рис. 3). Удельный вес обладателей неполного среднего образования был почти равен республиканскому уровню в городах, но меньше — в сельской местности. Показатели полного среднего образования в регионе были существенно ниже как среди горожан, так и среди жителей деревни (рис. 4). Подобным образом различалась и доля лиц

Число лиц, имевших образование в возрасте 10 лет и старше в 1959 г. среди городского и сельского населения РСФСР, %

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	686,6	24,7	11,1	52,7	57,6	215,6	324,9
	муж.	793,5	28,7	11,7	51,8	56,0	235,9	409,4
	жен.	606,4	21,7	10,6	53,3	58,9	200,4	261,5
Городское	оба пола	770,9	39,1	16,1	68,9	83,8	250,5	312,4
	муж.	853,3	44,5	17,1	67,2	77,7	264,0	382,8
	жен.	707,7	34,9	15,4	70,2	88,6	240,2	258,4
Сельское	оба пола	587,0	7,8	5,1	33,5	26,7	174,3	339,6
	муж.	720,8	9,5	5,0	33,1	29,6	201,8	441,7
	жен.	489,6	6,5	5,1	33,8	24,6	154,3	265,2

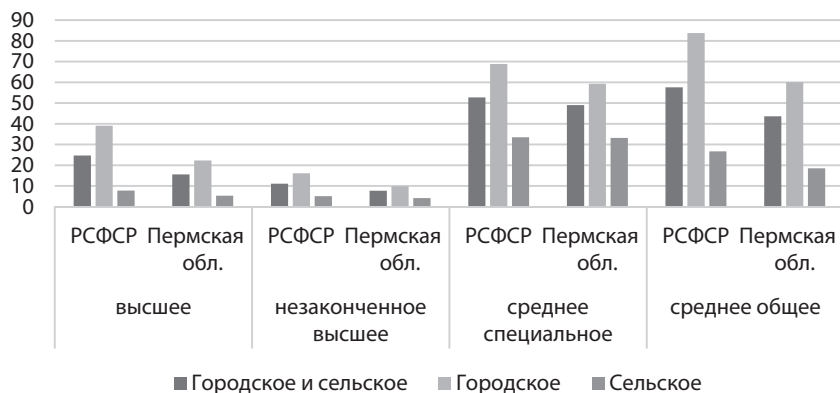
Источник: подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Российская СФСР Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=1

Рис. 3. Удельный вес лиц с неполным средним и начальным образованием в Пермской области и в РСФСР в 1959 г. (оба пола), в % (источник: составлено автором по материалам табл. 3, 4)

со средним специальным образованием, с той лишь разницей, что в сельской местности она была почти идентична общероссийскому уровню. Лиц же с высшим и незаконченным высшим образованием в Пермской области было меньше у всех категорий населения. То есть, общая доля образованных лиц и в регионе, и в стране в целом была примерно одинаковой, но доля обладателей образования более высоких ступеней в среднем по РСФСР была выше. Тем не менее, более высокие показатели начального образования, и неполного среднего в городах свидетельствуют о в целом успешном осуществлении всеобщего обучения в регионе в предшествующие два десятилетия.

К 1970 г. в Пермской области (табл. 5) среди всего населения удельный вес образованных лиц достиг 783,8 %. Среди них 323,1 % имели начальное образование, 267,4 % — неполное среднее, 91,3 % — среднее общее, 64,4 % — среднее специальное,

Рис. 4. Удельный вес лиц с высшим, незаконченным высшим, средним специальным и общим образованием в Пермской области и в РСФСР в 1959 г. (оба пола), в % (источник: составлено автором по материалам табл. 3, 4)

Таблица 5

Число лиц, имеющих образование в возрасте 10 лет и старше среди городского и сельского населения Пермской области в 1970 г., %

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	783,8	28,1	9,4	64,4	91,3	267,4	323,1
	муж.	866,3	29,1	9,8	57,0	88,6	300,5	381,2
	жен.	716,2	27,3	9,1	70,4	93,5	240,4	275,5
Городское	оба пола	831,8	37,2	12,0	77,0	114,9	294,7	295,9
	муж.	896,4	38,5	12,6	70,7	107,5	321,7	345,3
	жен.	778,7	36,2	11,5	82,2	120,9	272,5	255,3
Сельское	оба пола	680,1	8,5	3,7	37,2	40,5	208,6	381,7
	муж.	800,9	8,8	3,5	27,3	47,4	254,4	459,5
	жен.	582,4	8,2	3,9	45,2	34,9	171,5	318,8

Источник: подсчитано по: ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 103. Д. 147. Л. 10–12.

9,4 % — незаконченное высшее и 28,1 % — высшее образование. Среди горожан общая доля лиц с образованием все еще была больше, чем в сельской местности, но эта разница сократилась. Удельный вес лиц с образованием всех ступеней у городских мужчин был выше на 12 % (а не в почти 1,2 раза), а у женщин — в 1,3 раза (а не в 1,5). Сохранились различия и по отдельным ступеням образования. Удельный вес лиц с начальным образованием среди горожан был меньше, чем у селян, — в 1,3 раза у мужчин и в 1,2 раза у женщин. Обладателей более высоких ступеней образования по-прежнему было больше в городе: неполного среднего — в 1,3 и 1,6 раза у мужчин и женщин соответственно, среднего общего — в 2,3 и 3,5 раза, среднего специального — в 2,6

и 1,8 раза, незаконченного высшего — в 3,6 и 2,9 раза и высшего — в 4,4 раза и у мужчин и у женщин. Разница между полами также сохранялась. В городах среди мужчин больше была доля лиц с начальным, неполным средним и высшим (в т. ч. незаконченным) образованием, а среди женщин — удельный вес носителей среднего общего и специального образования. В сельской местности у мужчин были выше показатели начального, среднего общего и неполного, а также высшего образования, тогда как среди женщин — показатели среднего специального и незаконченного высшего.

За десятилетие среди всего населения области (табл. 6) доля лиц с каким-либо образованием выросла на 9 % у мужчин и на 19 % у женщин. Удельный вес обладателей начального образования снизился — на 16 % среди мужчин и на 4 % среди женщин. Показатели всех остальных ступеней образования выросли: неполного среднего — на 31 % у мужчин и на 21 % у женщин, незаконченного высшего — соответственно на 38 и 12 %, среднего специального — на 21 и 40 %. Еще более сильным был рост показателей высшего образования — 72 % у мужчин и 88 % у женщин. Но в наибольшей степени увеличился удельный вес обладателей среднего общего образования: на 112 % у мужчин и на 107 % у женщин от уровня 1959 г. Среди горожан снижение показателей начального образования было сильнее, а рост показателей более высоких ступеней образования — слабее, нежели среди всего населения области. Исключением были показатели мужчин со средним специальным образованием, которых стало незначительно больше, чем по области в целом, и мужчин с незаконченным высшим образованием, доля которых выросла идентично. В деревне удельный вес лиц с начальным образованием немного увеличился среди обоих полов и женщин, снизившись только у мужчин. Существеннее выросли показатели неполного среднего и среднего общего образования. Вместе с тем, на селе меньшим был рост показателей высшего и среднего специального образования, а доля мужчин с незаконченным высшим и средним специальным вообще снизилась.

Таблица 6

Доля лиц городского и сельского населения Пермской области в возрасте 10 лет и старше, имевших образование в 1970 г. к 1959 г., %

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	114	180	122	131	209	126	90
	муж.	109	172	138	121	212	131	84
	жен.	119	188	112	140	207	121	96
Городское	оба пола	110	167	121	130	191	118	83
	муж.	106	164	138	122	197	125	79
	жен.	113	170	108	136	188	112	88
Сельское	оба пола	117	160	88	112	219	135	105
	муж.	111	138	90	91	224	138	96
	жен.	124	182	87	127	212	130	115

Источник: подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Пермская область. Демоскоп Weekly: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=56; ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 103. Д. 147. Л. 10–12.

Таким образом, к 1970 г. образовательный уровень населения Пермской области существенно изменился. Хотя общее число лиц, получивших какое-либо образование, выросло сравнительно немного, повысилась доля обладателей образования от неполного среднего до высшего: среди всего населения таких стало 46 %, а в городах — 54 %. Среди них все еще доминировали получившие только неполное среднее образование, однако увеличился и удельный вес обладателей образования от среднего общего и выше: 19 % среди всего населения и 24 % в городах. Вполне сообразно росту доли лиц со средним образованием произошло сокращение числа обладателей одного лишь начального образования, главным образом в городах. Указанные факты являются прямым следствием осуществления всеобщего восьмилетнего обучения и мероприятий по обеспечению в основном всеобщего среднего образования, увеличения количества полных средних школ, техникумов, контингентов учащихся и студентов. Говоря о высшем образовании, следует отметить, что удельный вес его обладателей также существенно вырос, отражая увеличение численности студентов вузов региона: с 1,6 % в 1959 г. до 2,8 % в 1970 г.

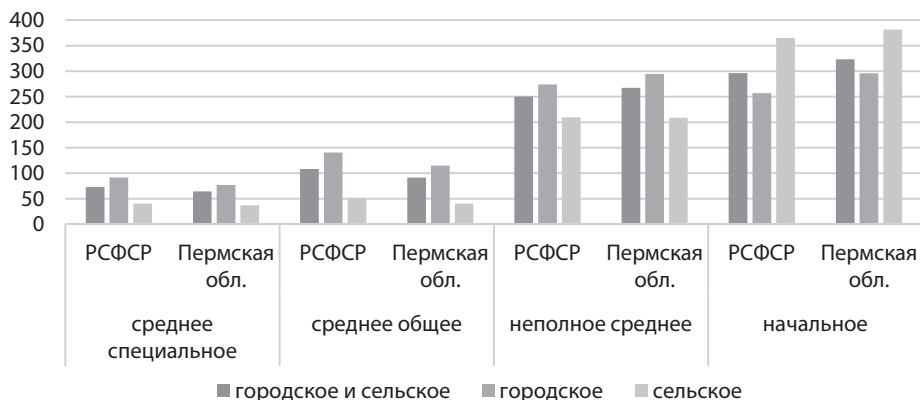
Согласно материалам переписи 1970 г., в РСФСР среди всего населения обоего пола 785,1 % имели какое-либо образование (табл. 7). Среди них 296,3 % обладали начальным, 250,5 % — неполным средним, 108,2 % — средним общим, 73,2 % — средним специальным, 13,3 % — незаконченным высшим и 43,7 % — законченным высшим образованием. В Пермской области была в основном выше общероссийского уровня доля лиц с начальным и неполным средним образованием (рис. 5). Но показатели среднего общего и специального образования были ниже и в городе, и на селе, и среди всего населения, а высшего и незаконченного высшего образования — существенно ниже (рис. 6). Представленное сравнение показывает, что в области успешно развивалось среднее общее образование. Показатели неполного среднего стали выше и в городе, и в сельской местности, а показатели полного среднего стали ближе

Таблица 7

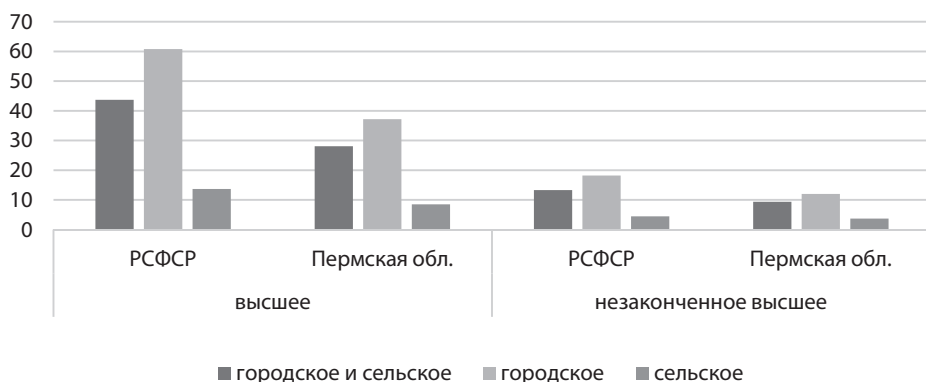
**Число лиц, имевших образование в возрасте 10 лет и старше
в 1970 г. среди городского и сельского населения РСФСР, %**

Население	Пол	Всего с образованием	В том числе с					
			высшим	незак. высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным
Городское и сельское	оба пола	785,1	43,7	13,3	73,2	108,2	250,5	296,3
	муж.	864,4	49,2	14,9	66,9	108,8	280,7	343,9
	жен.	721,3	39,2	11,9	78,2	107,6	226,2	258,1
Городское	оба пола	842,3	60,8	18,2	91,8	140,5	273,9	257,0
	муж.	903,6	67,8	20,5	85,0	136,9	300,6	292,7
	жен.	792,1	55,1	16,4	97,4	143,4	252,0	227,8
Сельское	оба пола	685,1	13,7	4,5	40,5	51,7	209,6	365,1
	муж.	794,1	15,8	4,7	34,3	58,5	245,0	435,8
	жен.	600,0	12,1	4,4	45,4	46,3	181,9	309,8

Источник: подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 3. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Москва, 1972. С. 6–9, 30–33, 54–57.

Рис. 5. Удельный вес лиц со средним специальным и общим, неполным средним и начальным образованием в Пермской области и в РСФСР в 1970 г. (оба пола), % (источник: составлено автором по материалам табл. 5, 7)

Рис. 6. Удельный вес лиц с высшим и незаконченным высшим образованием в Пермской области и в РСФСР в 1970 г. (оба пола), в % (источник: составлено автором по материалам табл. 5, 7)

к республиканскому уровню. Однако доля обладателей среднего специального образования снизилась по сравнению с общероссийским уровнем, а показатели высшего и незаконченного высшего образования продолжали отставать, и их отставание практически не сокращалось или даже увеличивалось. Это свидетельствовало о том, что проблемы в развитии высшего и среднего специального образования в регионе продолжали существовать и в начале 1970-х гг., несмотря на рост студенческих контингентов вузов и ссузов.

Заключение

Государственные решения конца 1950–1960-х гг., направленные на осуществление всеобщего восьмилетнего обучения, а затем и всеобщего среднего образования, привели к серьезному росту уровня образования населения. Если в 1959 г. общая доля лиц с образованием от неполного среднего до высшего среди населения в возрасте

10 лет и старше в Пермской области составляла около 33 %, то к 1970 г. она равнялась уже 46 %. Большую часть этих цифр составляло неполное среднее образование, однако за десятилетие очень существенно выросли показатели среднего общего образования. Этот рост был обеспечен развитием сети и ученических контингентов полных средних школ, а также средних специальных учебных заведений. Впрочем, в отличие от среднего общего и неполного образования, среднее специальное и высшее в Пермской области развивалось менее успешно, нежели по стране в целом. Свидетельством тому является тот факт, что удельный вес обладателей высшего и среднего специального образования в регионе, несмотря на его существенный рост за десятилетие, в основном продолжал отставать от общероссийского уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аверьянов, В. С. (1977). *Деятельность партийных организаций Западного Урала по дальнейшему подъему культурно-технического уровня рабочего класса в годы 8-ой пятилетки (1966—1970 гг.)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 15.

Жарков, А. В. (2023). *Образовательный переход на Среднем Урале в XX в.: историко-статистическое исследование*: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 264.

Миронов, Б. Н. (1996). Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X-XX вв. В: *Studia Humanistica. Исследования по истории и филологии* (с. 24–46). Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».

Поляков Ю. А. (Ред.) (2005). *Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1: 1960–1979*. Москва: РОССПЭН, 302.

Поляков, Ю. А. (Ред.) (2001). *Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3 т. Т. 2: 1940–1959*. Москва: РОССПЭН, 414.

Репинецкий, А. И. (2010). Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг. В: *Труды Института российской истории РАН. Вып. 9* (с. 354–373). Тула: Гриф и К.

Руткевич, М. Н. (2011). Динамика образованности населения России в XX в. *Экономика образования*, 4, 156–164.

Руткевич, М. Н. (2007). *Образованность населения России конца XIX–начала XXI вв.* М.: ИСПИ РАН, 72, [1].

Сенявский, А. С. (1995). *Российский город в 1960–80-е гг.* Москва: ИРИ, 266.

References

Averyanov, V. S. (1977). *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zapadnogo Urala po dalneyshemu podemu kulturno-tekhnicheskogo urovnya rabochego klassa v gody 8-oy pyatiletki (1966—1970 gg.)*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Activities of party organizations in the Western Urals to further raise the cultural and technical level of the working class during the 8th Five-Year Plan (1966–1970): abstract. dis. ... cand. ist. sci.]. Moscow, 15. (In Russ.)

Mironov, B. N. (1996). The development of literacy in Russia and the USSR over 1000 years, X-XX centuries. In: *Studia Humanistica. Issledovaniya po istorii i filologii [Studia Humanistica. Studies in history and philology]* (pp. 24–46). Saint Petersburg: Russian-Baltic information Center «Blitz», 208. (In Russ.)

Polyakov, Yu. A. (Ed.) (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Ist. ocherki: v 3 t. T. 2: 1940–1959 [The population of Russia in the XX century: Historical essays: In 3 vol. Vol. 2: 1940–1959]*. Moscow: ROSSPAN, 414. (In Russ.)

Polyakov, Yu. A. (Ed.) (2005). *Naselenie Rossii v XX veke: Ist. ocherki: v 3 t. T. 3, kn. 1: 1960–1979 [The population of Russia in the XX century: Historical essays: In 3 vol. Vol. 3, book 1: 1960–1979]*. М.: ROSSPAN, 302. (In Russ.)

Repinetskiy, A. I. (2010). Literacy and educational level of the Russian population in the 1960s and 1970s. In: *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. Vyp. 9 [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Issue 9]* (pp. 354–373). Tula: Vulture and K, 524. (In Russ.)

Rutkevich, M. N. (2007). *Obrazovannost naseleniya Rossii kontsa XIX–nachala XXI vv. [Education of the population of Russia at the end of the nineteenth and beginning of the twenty-first centuries]*. Moscow: ISPI RAS, 72, [1]. (In Russ.)

Rutkevich, M. N. (2011). The dynamics of education of the population of Russia in the XX century. *Ekonomika obrazovaniya [Economics of education]*, 4, 156–164. (In Russ.)

Senyavsky, A. S. (1995). *Rossiyskiy gorod v 1960–80-e gg. [Russian city in the 1960s–80s]*. Moscow: IRH, 266. (In Russ.)

Zharkov, A. V. (2023). *Obrazovatelnyy perekhod na Srednem Urale v XX v.: istoriko-statisticheskoe issledovanie: dis. ... kand. ist. nauk [Educational transition in the Middle Urals in the 20th century: historical and statistical research: dis. ... cand. ist. sci.]*. Ekaterinburg, 264. (In Russ.)

Информация об авторе

Жарков Александр Владимирович — младший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; ассистент, Уральский государственный университет путей сообщения; <https://orcid.org/0000-0002-7401-3854> (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; Российская Федерация, 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

About the author

Alexander V. Zharkov — Research Assistant, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of RAS; Assistant, Ural State University of Railway Transport; <https://orcid.org/0000-0002-7401-3854> (16, Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620108; 66, Kolmogorova St., Ekaterinburg, 620034, Russian Federation; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

УДК 94(47).083

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-7>

Демографические процессы в пореформенной орловской деревне на примере православных приходов Елецкого уезда Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.¹

Н. А. Жиров

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (г. Елец, РФ).
<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

Автор для корреспонденции: Н. А. Жиров (zhirov-nikolai@mail.ru).

Аннотация. Исследование посвящено изучению демографических процессов в сельском социуме Елецкого уезда на примере с. Богоявленского (Паниковец) в контексте модернизации аграрного общества Центрально-Черноземного региона в пореформенный период (1861–1917 гг.). Объектом исследования является, в первую очередь, государственное и бывшее владельческое крестьянство, а предметом выступают сами демографические процессы, наблюдавшиеся на приходском и уездном уровнях. В статье были применены количественные математические методы, а также традиционные подходы — метод историзма, ретроспективный и т. д. Основным источником являются материалы церковной статистики — метрические книги, а также обзоры Орловской губернии. В качестве основных итогов исследования стоит отметить, что все основные демографические процессы, протекавшие в с. Паниковец (Богоявленское), на протяжении почти всего исследуемого периода продолжали тенденции первой половины XIX в.: шло постепенное увеличение числа браков, уровня рождаемости, смертности и естественного прироста. Таким образом, до начала XX в. сохранялась традиционная модель воспроизводства населения, свойственная типично аграрному обществу. В начале XX в. происходит снижение всех демографических показателей, особенно брачности. Это явление становится наиболее заметным с 1909–1911 гг. В годы Первой мировой войны эта тенденция заметно усилилась, что подтверждается как губернской, так и уездной статистикой. Фактический отход от традиционной модели воспроизводства населения стал результатом модернизационных изменений в русской деревне в начале XX в., а начавшаяся война, являясь внешним фактором, только усилила наметившиеся тенденции.

Ключевые слова: историческая демография; Елецкий уезд; сельский социум; крестьянство; количественные методы

Demographic Processes in the Post-Reform Oryol Village: Case of Orthodox Parishes in Yeletsky District of the Oryol Province in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries

N. A. Zhirov

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>

Corresponding author: N. A. Zhirov (zhirov-nikolai@mail.ru).

Abstract. The article examines demographic processes in the rural society of Yeletsky district using the example of the village Bogoyavlenskoe (Panikovets) in the context of the modernisation of the agrarian society of the Central Black Earth region in the post-reform period (1861–1917). The research object is state and former private peasantry. Demographic processes observed at the parish and district levels are analysed. The article

¹ © Жиров Н. А. Текст. 2024.

uses quantitative mathematical methods, as well as traditional methods of historicism, retrospective analysis, etc. The main sources of church statistics, namely, metric books, as well as reviews of the Oryol province are considered. The study revealed that all the main demographic processes of the first half of the 19th century that took place in the village Panikovets (Bogoyavlenskoe) continued in the examined period: there was a gradual increase in the number of marriages, birth rates, mortality rates and natural increase. Thus, until the beginning of the 20th century, the traditional model of population reproduction, characteristic of a typically agrarian society, was preserved. At the beginning of the 20th century, all demographic indicators decreased, especially marriage rates. This phenomenon became most noticeable from 1909–1911. During the First World War, this trend greatly intensified, as confirmed by both provincial and district statistics. The actual departure from the traditional model of population reproduction resulted from the modernisation of the Russian village at the beginning of the 20th century, and the outbreak of war, being an external factor, only reinforced emerging trends.

Keywords: historical demography; Yeletsy district; rural society; peasantry; quantitative methods

Введение

Орловская губерния, особенно юго-восточные типично аграрные уезды, к которым, несомненно, можно отнести Елецкий уезд, к середине XIX в. представляла собой хорошо освоенный в хозяйственном отношении регион Центральной России. Главным занятием местного населения было земледелие, в первую очередь хлебопашество. Поземельная статистика Орловской губернии свидетельствует, что к началу 1860-х гг. площадь распаханых земель превышала 2,2 млн десятин или 60 % ее территории. Этот показатель был свойственен соседним губерниям Центрального Черноземья этого времени, например Воронежской и Тамбовской, но был ниже, чем в соседней Тульской (Жиров, 2018).

Благодаря высокому приросту населения в первой половине XIX в. как в целом в Орловской губернии, так и в Елецком уезде в частности, численность жителей губернии за этот период увеличилась почти на 500 тыс., с 1 млн до 1,5 млн чел. Вследствие увеличения численности жителей в сочетании с нехваткой свободной для запашки фонда пригодных земель для сельскохозяйственной деятельности средний размер пашни сократился с 2,5 до 1,5 десятин на наличную душу¹. Таким образом, сохранение высоких темпов прироста населения, особенно в сельской местности, зафиксированных еще в первой половине XIX в. грозили существенным ухудшением социально-экономической ситуации в исследуемом регионе уже к концу XIX в.

Изложенные факты и предположения говорят об актуальности изучения демографических процессов в Орловской губернии, как на региональном, так и на низовом «приходском» уровне в целях исследования стратегии развития сельского, преимущественно крестьянского, социума в пореформенный период в условиях сохранения аграрной направленности хозяйственной деятельности основной массы населения.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей демографических процессов в сельском социуме Елецкого уезда на примере с. Богоявленского (Паниковец) в контексте модернизации аграрного общества Центрально-Черноземного региона в пореформенный период (1861–1917 гг.). Объектом исследования является сельский социум Елецкого уезда, в первую очередь государственное и бывшее владельческое сельское крестьянство, а предметом выступают сами демографические процессы, наблюдавшиеся на приходском и уездном уровнях. Под основными демографическими процессами мы подразумеваем принятые в исторической демографии показатели, такие как брачность, рождаемость, смертность и естественный прирост населения.

---

¹Памятная книжка Орловской губернии за 1860 год. Орел: Орловский губернский правление. 1860. С. 68–71.

Гипотеза состоит в предположении, что население Елецкого уезда, в том числе на приходском уровне, продолжало сохранять традиционный тип воспроизводства населения вплоть до начала XX в. и только на рубеже XIX–XX вв. вступило на начальный этап демографического перехода. Это предположение основано на том, что Орловская губерния, в том числе Елецкий уезд, продолжали демонстрировать высокие темпы прироста населения вплоть до начала Первой мировой войны, а предпосылки для сокращения смертности, в первую очередь из-за создания сети медицинских учреждений, сложились только к концу XIX в.

Основными источниками исследования являются метрические книги населенных пунктов, входящих в приход с. Паниковец Елецкого уезда¹, и статистические сборники — обзоры Орловской губернии, в которых присутствует информация по численности населения и демографическим процессам, протекавшим в исследуемое время².

Метрические книги Российской империи имели шаблонную форму и фиксировали три информационных блока: крещения детей, бракосочетания и регистрация умерших прихожан. Население исследуемых приходов фактически на 100 % относилось к официальному православию, раскольников, сектантов и иноверцев не было, поэтому информация о демографических процессах (рождаемости, брачности и смертности) отражена максимально объективно, насколько это позволяет источник. Характеристика метрических книг как исторического источника приведена в ряде крупных и относительно небольших источниковедческих публикаций и приведены основные методы изучения информации (Антонов & Антонова, 2006).

Обзор литературы

В дореволюционный период тема демографического развития государства носила, прежде всего, практический характер, а труды исторического плана были редкими и находились на начальном этапе изучения проблемы. В советской историографии началось масштабное освещение демографического развития России в раннее Новое время и период Российской империи. Данные работы носили обобщающий характер без описания локальных территорий, в том числе на уровне отдельных поселений и приходов (Водарский, 1973; Милов, 1998). Особенности истории российского аграрного общества в контексте динамики демографической структуры являются актуальным предметом исследования в современной российской историографии. Если теоретические построения демографической истории на макроуровне в настоящее время не являются редкостью и предстают как предметное поле для дискуссий, то конкретно-исторических работ в рамках изучения локальных территорий на микроуровне в этом направлении не так много (Миронов, 2003; Нефёдов, 2007). Также существует ряд работ иностранных историков по локальной истории и историко-демографической проблематике Российской империи, что только подтверждает неослабевающий интерес к данной теме (Бушнелл, 2020; Dunning, 1997).

Отдельно стоит упомянуть о том, что исследованием источников массового церковного учета населения, в том числе православных приходов, стали заниматься историки-демографы Москвы, Санкт-Петербурга и других городов в 2000–2020-е гг. Исследователи уделяли внимание информационным возможностям метрических

¹ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 157. Оп.1. Д. 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450.

² Обзор Орловской губернии за 1900 год. Орел: Типография Губернского Правления. 1901. 199 с.; Обзор Орловской губернии за 1914 год. Орел: Типография Губернского Правления. 1915. 212 с.

книг, их совместимости с материалами государственной статистики и другими источниками по социальной истории страны (Канищев & Цинцадзе, 2011; Корнилов, 2014; Нефедов, 2021).

Методы исследования

В ходе исследования были применены исторический и ретроспективный методы, которые позволили рассмотреть ситуацию, сложившуюся в сфере социально-экономических отношений в сельской местности. Логический метод, методы анализа и синтеза дали возможность сформулировать основные выводы исследования и рассмотреть поведенческую демографическую модель сельского социума в контексте модернизации социальных отношений аграрного общества исследуемого региона. Дедуктивный и индуктивный методы были применены для обобщения значительного объема исторических фактов и выявления степени влияния различных внутрисоциальных факторов на крестьянскую демографию России исследуемого периода.

Важное место в изучении крестьянской демографии занял микроисторический подход, основанный на изучении социально-экономических и демографических процессов в нескольких населенных пунктах в рамках отдельных православных приходов (так как основной источник по изучению крестьянской демографии — приходские метрические книги). В сочетании со сведениями мезо- и макроуровня (уездные, губернские и всероссийские данные) полученные сведения дают подробное представление о реализации демографической модели поведения населения.

Результаты

В первой половине XIX в. был отмечен уверенный рост населения в Орловской губернии, его главной причиной была высокая рождаемость, присущая традиционному типу воспроизводства населения (Жиров, 2023).

Численность населения Богоявленского прихода с. Паниковец по итогам 10-й ревизии 1858 г. составляла около 800 чел. К началу XX в. общая численность прихода увеличилась до 2416 чел. в 1902 г. Рост населения в приходе составил более 65 %. В Елецком уезде рост населения за аналогичный период составил 45 %. Данный прирост является свидетельством возможного сохранения тенденций традиционного демографического поведения местных жителей, и для понимания этого процесса мы рассмотрим движение населения в приходе в рамках изучения основных демографических показателей.

Уровень брачности в приходе с. Паниковец почти на всем протяжении пореформенного периода сохранялся высоким и продолжал расти вплоть до начала 1910-х гг. С 1909 г. рост числа браков остановился и стал неуклонно падать по естественным причинам, которые требуют дополнительного изучения. В 1914 г. было заключено всего 20 браков, при среднем показателе за весь период 23 брака и за 1900–1913 гг. в среднем 28 браков.

После 1913 г. к естественным причинам добавился внешний военный фактор, количество бракосочетаний достигло своего исторического минимума — 4 актов регистраций в 1915 г. Данная картина была свойственна не только для Елецкого уезда, но и для Орловской губернии в целом, где наблюдались похожие тенденции.

Подводя итоги, можно констатировать, что факт снижения брачности в приходе мог быть прямым следствием сокращения молодого населения в приходе в начале 1910-х гг., возможно, это было связано с аграрными преобразованиями начала XX в.

Снижение брачности могло повлиять на уровень рождаемости вследствие их тесной взаимосвязи, характерной для традиционного аграрного общества.

Уровень рождаемости в исследуемом приходе в течение 1861–1914 гг. показывал устойчивый рост новорожденных, где для 1860–1870-х гг. ежегодно в среднем было характерно 110 появившихся малышей, а для начала XX в. их среднее число увеличилось до 140 детей. Этот показатель достиг своего пика в 1903 и 1911 гг. — 160 чел., и фактически с 1912 г. наметилась тенденция к снижению, например в 1914 г. появилось только 126 новорожденных, и военный фактор не мог на это влиять, сказывались естественные причины. В 1915–1917 гг. тенденция снижения продолжилась, и в среднем в год появлялось не более 80 чел.

Важным показателем демографического развития общества является смертность, так как именно ее снижение является фактом модернизации общества и свидетельством начала демографического перехода, подробно описанного в исторической науке, в первую очередь в трудах Б.Н. Миронова.

Динамика смертности в приходе с. Паниковец фактически на всем протяжении исследуемого периода показывала рост числа умерших прихожан, в среднем в 1860–1870-х гг. около 65 чел. и в начале XX в. до 85 ежегодно. Своего пика смертность достигла в 1908 г. (124 прихожанина) и постепенно стала снижаться, дойдя до минимума в период с 1914 г. по 1917 г. В это время число умерших держалось на отметке в 72 чел. в среднем.

Исходя из имеющихся данных, сложно утверждать, что именно развитие медицины могло благотворно влиять на снижение смертности, поэтому стоит осветить возрастную структуру умерших и причины их смерти.

Возрастной состав умерших прихожан с. Паниковец на протяжении всего исследуемого периода незначительно менялся, преимущественно оставаясь относительно стабильным. Младенцы и дети в возрасте до 5 лет составляли абсолютное большинство умерших прихожан, и их доля составляла 54 %. Непосредственно младенцы в возрасте до 1 года составляли почти 30 %, что вполне соответствует показателям, свойственным для традиционного общества. Старшая возрастная группа детей и подростков от 5 до 15 лет составила 8,4 %. Таким образом, доля детей и подростков в общей структуре смертности достигала 62,5 %, то есть более 2/3 умерших прихожан.

Лица условного фертильного возраста от 16 (от момента, когда разрешалось вступать в брак для девушек) до 45 лет составляли 12,4 %. Прихожане преклонного возраста, которых стоит разбить на две условные группы 45–59 и 60 и более лет, составляли 25 %.

В метрических книгах, как правило, умерших, достигших 60 лет, часто писали как умерших от старости, а у всех, кто был моложе, такая причина смерти была очень редкой. Исходя из этого принципа, мы и выделяем эти две возрастные группы.

Для понимания структуры смертности, например, почему сохранялась высокая детская смертность, и для ответа на многие другие вопросы необходимо рассмотреть причины смертей прихожан, которые фиксировались в метрических книгах. Важно подчеркнуть то, что это все-таки не диагнозы, так как церковный причты состояли не из медиков, но как могли в силу своих знаний, опираясь на слова родственников умерших, в более позднее время — ссылаясь на заключения фельдшеров местных земских медицинских учреждений, были обязаны зафиксировать причину смерти покойного. Несмотря на все перечисленные нюансы, причины смертности во многих приходах не только Орловской губернии были очень похожими, и их можно рассматривать с научной точки зрения, в первую очередь потому, что иных массовых источников, которые могли бы более достоверно изложить данную информацию нет или они носят отрывочный характер.

Основной причиной смерти детей этого возраста была младенческая или природная слабость и составляла около 93 %. Далее по убывающей располагались инфекционные заболевания (корь и оспа) — 3,5 %, простудные заболевания (простуда, кашель или сухотка) — 1,3 %, младенческое — 1,2 % и несколько случаев колик и золотухи, всего менее 1 % случаев.

Такое распределение причин смерти было характерно до начала XX в. В период с 1900 г. по 1916 г. распределение причин смерти существенно изменилось, хотя слабость оставалась наиболее распространенной среди них и составляла более 72 %. На второе место вышла группа заболеваний желудочно-кишечного тракта (понос, колики, рвота, «от живота») и составляла около 21,5 %. На третье место сместились простудные заболевания и составили чуть более 3,5 %. Инфекционные заболевания сместились на четвертую позицию (2,3 %), причем полностью исчезла оспа, а ее место заняла скарлатина. Остальные причины смерти составили чуть менее 1 %.

В целом за весь период с 1860 по 1916 г. самой распространенной причиной младенческой смертности стала слабость (87,5 %), болезни желудочно-кишечного тракта оказались на втором месте (7,9 %), инфекционные и простудные заболевания составили незначительную долю диагнозов — 2,2 % и 1,7 % соответственно.

В детской группе 1–4 лет распределение причин смерти имело существенное отличие от младенцев. Доля умерших по причине слабости постепенно снижалась и если на промежутках 1861–1879 и 1880–1899 гг. она составляла от 30 до 35 % от общего числа умерших детей в этой возрастной группе, то в 1900–1916 гг. она сократилась до 11,5 %. В среднем за период на нее приходилось чуть более 26 % умерших малышей. Инфекционные заболевания в данной возрастной группе занимали первое место по числу умерших и составляли в среднем за период более 30 %. Стоит отметить, практически полное исчезновение оспы как причины смерти в начале 1870-х гг., что указывало на положительный эффект оспопрививания в уезде. Наиболее распространенными инфекциями были корь (вспышки 1882, 1913, 1916 гг.), дифтерит (вспышки в 1911, 1912, 1913 гг.), скарлатина и иные заболевания, они были эпизодическими и не сильно влияли на статистику смертности. Простудные заболевания находились на третьем месте и составляли в целом за период чуть более 18 %. Кроме уже привычных причин смерти появляются и новые, в первую очередь это «боль головы» или просто «от головы», составлявшая 1,8 %, и разные травмы — ушибы, ожоги, удары и т. д., но они не превышали долей процента.

Распределение причин смерти в подростковой группе детей от 5 до 15 лет существенно отличается от первых двух в сторону увеличения доли инфекционных заболеваний до почти 40 % (дифтерит, корь, скарлатина). Сюда же была отнесена чахотка, под которой подразумевался туберкулез легких. Его доля составляла 7,5 % от всех умерших в данной возрастной группе. Простудные заболевания вышли на второе место и составляли около 35 %. Почти 10 % умерших подростков страдали от болезней, связанных с проблемами желудочно-кишечного тракта. Горячка, как причина смерти была отмечена у 5,6 %. На все остальные причины смерти приходилось менее 10 %, из которых стоит выделить несчастные случаи (утопшие в водоемах, умершие по причине травм и т. д.), которые не были свойственны детям младших возрастов.

Для прихожан фертильного возраста структура смертности имела свои особенности. Инфекционные заболевания продолжали составлять самую большую группу причин, и лидерство оставалось за чахоткой. Всего от инфекций умирало чуть более 40 %. Второе место сохранялось за простудными заболеваниями — почти 23 % умерших

в группе. Много умирало от горячки — около 10 %, от травм, несчастных случаев всего 3,5 %. Стоит выделить смертность у женщин по причине неблагоприятных последствий родов, часто запись о смерти так и писали — «от родов». Эта причина была виновницей почти 8 % всех смертей в группе и если учесть, что она касалась только женщин, то из-за нее умирали 16 % прихожанок соответствующего возраста. Важно отметить еще и то, что с развитием медицинской помощи, в том числе в акушерском деле, смертность от родов, достигавшая в 1860–1880-х гг. более 10 %, снизилась в начале XX в. до 4 %.

Смертность в старшей возрастной группе 60 и более лет почти в 90 % случаев наступала по причине «старости» или от наступления «преклонных лет».

Проанализировав причины смертности и возрастной состав умерших, можно сделать вывод о снижении уровня смертности в начале XX в. и это могло быть связано как со снижением рождаемости, так и развитием медицинской помощи населению.

В приходе с. Паниковец за исследуемый период в среднем ежегодно появлялось около 45 новых прихожан, при этом отрицательных значений не было отмечено. Пик естественного прироста жителей исследуемого прихода пришелся на 1902 г. и составил 102 чел., но в целом, в начале XX в. прирост достиг отметки более 55 чел. ежегодно. С 1911 г. началось постепенное снижение, достигшее исторического минимума с конца 1880-х гг. в 1916 г. — 19 чел. Таким образом, естественный пророст населения в приходе, как и в целом по уезду и губернии, оставался высоко положительным в течение всего рассматриваемого периода, и возможное снижение в начале XX в. было связано, как уже говорилось выше, с потенциальной миграцией молодого населения, снижением числа новорожденных и увеличения доли пожилых людей в общей массе местных прихожан. Последнее замечание четко фиксируется в приходских метрических книгах.

Заключение

Все основные демографические процессы, протекавшие в приходе с. Паниковец (Богоявленское), на протяжении почти всего исследуемого периода продолжали тенденции, складывавшиеся с первой половины XIX в.: шло постепенное увеличение основных демографических показателей. Фактически вплоть до начала XX в. сохранялась традиционная модель воспроизводства населения, свойственная для аграрного общества. Не менее важным фактом является фиксация тенденции снижения всех демографических процессов в начале XX в., что особенно стало заметно с 1908–1910 гг. Возможными причинами изменений стали развитие медицины, миграционные процессы, связанные со столыпинскими аграрными преобразованиями, и др. Например, профилактика инфекционных заболеваний вела к постепенному снижению смертности населения, например, от оспы и холеры, заметна тенденция снижения числа смертей от родов и их всевозможных последствий. К сожалению, у нас нет конкретных цифр по миграции жителей данного прихода, но снижение числа браков могло четко свидетельствовать о том, что молодое поколение потенциальных женихов и невест уезжало за пределы прихода. Начавшаяся Первая мировая война усугубила этот процесс, о чем свидетельствуют данные в целом по Орловской губернии и в частности по Елецкому уезду и конкретному приходу с. Паниковец. Снижение брачности, уход молодых мужчин на фронт вели к естественному сокращению рождаемости и связанной с ней детской смертности. Таким образом, можно сделать главный вывод, что отход от традиционного воспроизводства населения стал результатом модернизационных изменений в русской деревне в начале XX в., а начавшаяся война, являясь внешним фактором, только усилила наметившиеся тенденции.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No. 23-28-00400) on the basis of the Bunin Yelets State University.

Список источников

Антонов, Д. Н., Антонова, И. А. (2006). *Метрические книги России XVIII — начала XX вв.* Москва, 384.

Бушнелл, Дж. (2020). *Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок с. Спасовки в XVIII—XIX веках.* Москва: Новое литературное обозрение, 416.

Водарский, Я. Е. (1973). *Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.).* Москва: Просвещение, 160.

Жиров, Н. А. (2018). Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии). *Гуманитарные и юридические исследования*, 2, 52–57.

Жиров, Н. А. (2023). Динамика социально-экономического развития Елецкого уезда Орловской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. *История: факты и символы*, 3(36), 105–114. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115>

Канищев, В. В., Цинцадзе, Н. С. (2011). Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества во второй половине XIX — начале XX века. *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 8(100), 273–283.

Корнилов, Г. Е. (2014). Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. *Уральский исторический вестник*, 3(44), 80–89.

Милов, Л. В. (1998). *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* Москва: РОССПЭН, 573.

Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 547.

Нефёдов, С. А. (2007). *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: Изд. УГГУ, 141.

Нефедов, С. А. (2021). Сверхсмертность в России в конце XIX - начале XX в. *Вопросы истории*, 10(1), 75–83.

Dunning, Ch. (1997). Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? *Comparative Studies in Society and History*, 39(3).

References

Antonov, D. N., & Antonova, I. A. (2006). *Metricheskie knigi Rossii XVIII — nachala XX vv. [Parish books of Russia in the 18th — early 20th centuries]*. Moscow, 384. (In Russ.)

Bushnell, J. (2020). *Epidemiya bezbrachiya sredi russkikh krestyanok s. Spasovki v XVIII—XIX vv. [Russian Peasant Women Who Refused to Marry. Spasovite old believers in the 18th-19th centuries]*. Moscow: New Literary Review, 416. (In Russ.)

Dunning, Ch. (1997). Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? *Comparative Studies in Society and History*, 39(3).

Kanishchev, V. V., & Tsintsadze, N. S. (2011). State power reception of ecological and demographical problems of development of agrarian society in the second half of 18th - beginning of 20th centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki [Tambov University Review. Series: Humanities]*, 8(100), 273–283. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2014). Evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the twentieth century. *Uralskiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Journal]*, 3(44), 80–89. (In Russ.)

Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [The Great Russian plowman and the features of the Russian historical process]*. Moscow: ROSSPEN, 573. (In Russ.)

Mironov, B. N. (2003). *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): v 2 t. [Social history of Russia during the imperial period (XVIII - early XX centuries): in 2 volumes]*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 547. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2007). *Kontsepsiya demograficheskikh tsiklov [The concept of demographic cycles]*. Ekaterinburg: Publishing house of USMA, 141. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2021). Over-mortality in Russia in the late 19th - early 20th century. *Voprosy istorii*, 10(1), 75–83. (In Russ.)

Vodarsky, Ya. E. (1973). *Naselenie Rossii za 400 let (XVI — nachalo XX v.) [Population of Russia over 400 years (XVI - early XX centuries)]*. Moscow: Education, 160. (In Russ.)

Zhirov, N. A. (2018). Specific features of historical and geographical position of Verhneokskiy area in the middle XIX century (on materials of the Oryol Province). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and law research]*, 2, 52–57. (In Russ.)

Zhirov, N. A. (2023). Dynamics of social and economic development of the Yelets district of the Oryol province at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries. *Istoriya: fakty i simvolyy [History: facts and symbols]*, 3, 105–114, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115> (In Russ.)

Информация об авторе

Жиров Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; <https://orcid.org/0000-0001-8460-9865> (Российская Федерация, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28/1; e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

About the author

Nikolay A. Zhirov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Senior Research Associate, Bunin Yelets State University; Scopus Author ID: 57193094479; <https://orcid.org/0000-0001-8460-9865> (28/1, Kommunarov St., 399770, Yelets, Russian Federation; e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

УДК 314.01

JEL classification: J10, J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-8>

К вопросу о начале демографического перехода в России¹

В. Б. Жиromская

Институт российской истории РАН; Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0009-0002-2451-1043>

Автор для корреспонденции: В. Б. Жиromская (Zhyromskaya@yandex.ru).

Аннотация. В статье автор ставит перед собой теоретическую задачу — определить хронологический период вступления российского населения в первый демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. По этому вопросу нет единого мнения среди исследователей. На основе анализа текущего учета демографических событий и материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи в статье исследуются особенности развития демографических процессов и динамика численности населения в России в XIX в., рассматривается зарождение признаков глубинных изменений демографических процессов и структуры населения России.

Ключевые слова: первый демографический переход; демографические процессы; Россия

On the Beginning of the Demographic Transition in Russia

V. B. Zhiromskaya

Institute of Russian History of RAS; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0009-0002-2451-1043>

Corresponding author: V. B. Zhiromskaya (Zhyromskaya@yandex.ru).

Abstract. The article sets a theoretical task to chronologically determine the beginning of the first demographic transition from the traditional to the modern type of population reproduction for the Russian population. There is no consensus among researchers on this issue. Based on the analysis of current demographic events and materials of the First general census of the population of the Russian Empire, the paper examines the features of demographic processes and population dynamics in Russia in the 19th century, as well as considers signs of profound changes in demographic processes and the structure of the Russian population.

Keywords: first demographic transition; demographic processes; Russia

Введение

В XIX в. Россия переживает поздне-традиционный этап демографического развития и вступает в первый демографический переход к современному типу воспроизводства населения.

Первый демографический переход (транзит) от традиционного к современному типу воспроизводства населения — очень специфическое явление, которое имеет огромное значение для дальнейшего хода демографической истории и развития демографической ситуации в стране. Это означает смену типов воспроизводства населения и переход от высоких уровней рождаемости и смертности к низким, от низкой продолжительности жизни к высокой, от многодетности к малодетности, от модели сложной патриархальной семьи к простой нуклеарной (состоящей из супружеской пары с детьми, еще не вступившими в брак) семье. В принципе происходит переход от расширенного к простому, но стабильному, режиму воспроизводства населения. Поэтому

---

¹ © Жиromская В. Б. Текст. 2024.

период этот очень важен в демографическом развитии любой страны. Некоторые исследователи даже называют его демографической революцией. Переход не сразу приводит к изменению режима воспроизводства населения. Переход имеет две фазы, которые прошли практически все государства мира или проходят в настоящее время, потому что переход этот носит глобальный характер. На первой фазе в силу успеха развития научного знания, прежде всего медицинской науки, фармакологии, развития санитарии и общественной и личной гигиены, появления новых технологий, развития и совершенствования промышленного производства, быстрого развития урбанизации существенно снижается смертность населения, и взрослая, и детская, и даже младенческая (в возрасте до одного года). В этот период происходит повышение общего уровня грамотности и образования сначала городского населения, а затем и населения в целом. Одним из важнейших следствий повышения образовательного уровня населения является повышение заботы человека о собственном здоровье и здоровье своих близких, отступление страха и предубеждения перед медицинским и фармакологическим лечением, распространение хотя бы первоначальных медицинских знаний. В итоге снижение уровня смертности ускоряется. Рождаемость же остается все еще традиционно высокой. Население быстро растет. Иногда возникает так называемый демографический взрыв.

Затем наступает вторая фаза демографического транзита, в результате которой в ответ на снижение смертности происходит снижение рождаемости. Таким образом, население стабилизируется. (Некоторые исследователи выделяют четыре фазы демографического перехода, однако первая фаза, по сути, характеристика традиционного типа воспроизводства населения, т. е. исходная позиция, последняя — результат, характеристика уже установившегося современного типа воспроизводства населения).

В странах Западной Европы этот переход начался во Франции в конце XVII в., в Англии в XVIII в., в Германии в XIX в. Вопрос о времени вступления России в первый демографический переход вызывает споры. Некоторые исследователи относят появление этих признаков к 60-м гг. XIX в., другие полагают, что говорить об этом можно только к самому концу столетия, причем речь идет только о первых признаках смены типа воспроизводства населения (Вишневский, 2006; Захаров, 2003).

Начало первого демографического перехода связано, прежде всего, со снижением смертности взрослого населения (ситуация с показателями младенческой и детской смертности в этом плане обычно несколько сложнее, во всяком случае у населения стран, вступивших первыми в этот сложный период демографического развития) на фоне традиционно высокой рождаемости, некоторое увеличение средней продолжительности жизни, более быстрое увеличение продолжительности женской жизни, изменения в возрастнополовой все еще классической пирамиде в пользу средних, а затем и пожилых возрастов, развитие миграционного и эпидемиологического переходов. Важнейшими признаками являются активизация здравоохранительной политики и зарождение собственно демографической, прежде всего в форме охраны материнства и детства.

Итак, насколько признаки первого демографического перехода проявлялись в России на протяжении XIX в.? И к какому периоду следует отнести его зарождение?

Материалы и методы

Демографические источники, основными из которых являются материалы текущего учета (Центральный статистический комитет), публиковавшиеся в сборниках и ежегодниках, сохранили важнейшие сведения о развитии демографических

процессов в России¹. Особую ценность имеет уникальный статистический источник — Военно-статистический сборник (под ред. Н.Н. Обручева, вып. 4)². Данные текущего учета при сопоставлении с материалами единовременного учета — первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.³ дают представление о сути и направленности демографических изменений на протяжении 1820–1890-х гг. Основные методы исследования — историко-компаративный, статистический, методы продольного и поперечного демографического анализа.

Источники свидетельствуют, что в развитии российского населения наметились важные изменения. Быстрый рост населения, тенденции к понижению смертности взрослого населения, особенно у женщин, наметившийся, хотя пока еще слабый, дисбаланс в соотношении полов в пользу женщин, постепенно увеличивающийся процент в целом в молодой возрастной структуре групп пожилого возраста, активизация миграционных процессов и внешних, и внутренних. При этом отмечаются значительные периодические подъемы смертности из-за внешних причин — голода, эпидемий, высокая детская и младенческая смертность. Существует значительная разница демографических показателей как в региональном плане, так и у различных социальных групп.

Знаковым явлением становится формирование основных направлений демографической политики.

Результаты и обсуждение

Динамика численности населения

Население Российской империи во второй половине столетия устойчиво росло.

В 1858 г. численность населения составляла в исторических границах империи 74,6 млн чел., в 1867 г. — 82,2 млн, а в 1897 г. — 128,2 млн чел.⁴. Иными словами, за 40 лет население увеличилось на 72 %, или более чем в 1,5 раза. Возникает несколько вопросов: во-первых, был ли этот быстрый рост необычным явлением, во-вторых, за счет только ли естественного прироста происходило увеличение населения, играли ли роль внешние факторы — иммиграция, изменение территориальных границ государства и т. д.

Чтобы оценить скорость роста населения России, сравним результаты ревизских сказок, более поздних учетов, исчислений и итогов Первой всеобщей переписи населения. Прирост населения империи по ревизским сказкам за 40-летний период (1815–1858 гг.) по сопоставимым территориям, то есть без Царства Польского и Финляндии, соотнесем с приростом между последней ревизией и первой всеобщей переписью населения (1858 и 1897 гг.), между которыми также прошло 40 лет. Разумеется, сопоставление довольно

---

¹ Статистический временник Российской империи. Серия III, Вып. 3. Движение населения в Европейской России за 1879 год. Санкт-Петербург, 1884; Статистический временник Российской империи. Серия III. Дополнительные сведения по движению населения (Браки и умершие по возрастам и месяцам), за 1876–1880 гг. Санкт-Петербург, 1885; Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). Санкт-Петербург, 1914. С. 58.

² Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Под ред. Н.Н. Обручева. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1871.

³ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. I. Санкт-Петербург, 1905.

⁴ Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). С. 58; Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1871. С. XIX.

примерное, учитывая, что ревизии фиксировали лишь податное население, однако тенденции изменений численности населения прослеживаются достаточно отчетливо. Между 1815–1858 гг. население выросло примерно на 50 %, то есть заметно меньше, чем за период 1858–1897 гг. Отсюда ряд исследователей делают вывод об ускорении темпов роста населения в пореформенной России по сравнению с первой половиной XIX в., прежде всего, за счет того, что у освобожденных от крепостного права крестьян увеличилась продолжительность жизни и уменьшилась смертность, а также в результате ускорившейся урбанизации в пореформенный период, распространения в связи с этим городской культуры, медицинского обслуживания, гигиены (Рашин, 1956, с. 21). Однако следует учесть значительное увеличение территории Империи за вторую половину столетия. В состав государства вошла Средняя Азия, были расширены владения империи на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Закавказье. Среди этих территорий были густо населенные. С учетом этих изменений при расчете на сопоставимой территории получено, что темпы роста населения во второй половине XIX в. были значительно ближе к показателю за предшествующие 40 лет — свыше 60 %. Поэтому говорить о кардинальных изменениях в темпах естественного (за счет рождаемости и смертности) прироста населения не совсем верно. Практически все столетие, начиная с периода после завершения Отечественной войны 1812 г., наблюдался активный рост населения. Непосредственно в послевоенный период это было связано с демографической компенсацией. Однако устойчивая тенденция к быстрому росту населения проявилась в 1820–1840-х гг. и вновь продолжилась после Крымской войны. Очень важно, что рост населения был стабильным, наблюдался во всех регионах Российской империи. И это несмотря на ряд эпидемий, периодических тяжелых неурожаев и масштабного голода 1891–1892 гг. Демографические потери активно компенсировались. Столь устойчивый рост населения свидетельствует о снижении смертности и является признаком первого демографического перехода. Подробные данные об уровне смертности получить на первую половину XIX в. невозможно, как для России, так и для Англии, Германских государств и др., вследствие состояния источниковой базы. Существуют лишь весьма приблизительные оценки. Но во всех странах на начало первого демографического перехода наблюдался устойчивый рост населения. Сведения о числе жителей уже активно собирались чиновниками.

Соответственно, активный рост населения привел к высокой заинтересованности ученых и правительства к проблемам населения. Во всех переживающих демографический переход странах происходит качественный скачок в развитии статистики населения. Произошел он и в России: начинает активную деятельность Центральный статистический комитет, издаются ежегодники, временники, появляется военно-статистический сборник и проч. Уже в пореформенной России появляются регулярные данные об уровне смертности, брачности, рождаемости. И в качестве венца статистических достижений эпохи проводится Первая всеобщая перепись российской империи в 1897 г.

Исследования российских и советских демографов внесли ряд уточнений в данные о населении России второй половины XIX в., но при этом подтвердили отмеченные в статистических источниках тенденции. А. Г. Рашин оценивает число жителей России на 1863 г. в 70 млн, на 1897 в 116,2 млн, но эти оценки не охватывают полностью территорию империи, данные приводятся без Польши и Финляндии. При этом общее направление демографических процессов совпадает с тем, что показывают данные статистического ежегодника. По оценкам А. Г. Рашина, рост населения по 50 губерниям Европейской России за первую и за вторую половину XIX в. составлял 46–47 %, то есть практически одинаков (Рашин, 1956, с. 32).

Не противоречит приведенным оценкам численности населения оценка, содержащаяся в известном сборнике «Население России за 100 лет», — 67, 5 млн чел. в 1897 г., поскольку охватывает население в границах современной Российской Федерации.

Таким образом, и по этим оценкам ускорение роста населения происходило не с 1860–1870-х гг., а уже с 1820–1830-х гг., причем происходило по нарастающей к концу столетия. Период второй трети XIX в. обычно ускользает от внимания историков-демографов. В отечественной историографии последние годы правления Александра I и николаевское тридцатилетие традиционно рисовались в виде сплошного негатива. Но реальные экономическая и демографическая ситуации были отнюдь не однозначны. В глубине зрели процессы, которые четко проявились уже в период реформ 1860–1870-х гг., реформ, которые готовились уже несколько десятков лет, что позволило реализовать столь серьезные изменения всех сторон жизни Империи в целом успешно и за относительно короткий временной период, что в настоящее время отмечается историками (Heller, 2012, с. 143).

Затем, уже на рубеже XX столетия темпы роста населения ускоряются. За 1897–1913 гг., то есть за 15 лет, по оценкам А.Г. Рашина, прирост населения составил уже 40 % (Рашин, 1956, с. 21, 26). Это говорит о назревании предпосылок демографического взрыва, проявившегося в конце XIX в. и особенно усилившегося в первое десятилетие XX в.

Развитие демографического перехода происходило неравномерно, что свойственно этому явлению. Прежде всего, его признаки проявлялись в Европейской России, и, как в других странах, в городском населении ранее, чем в сельском.

Особенности смертности

Смертность была ниже рождаемости, однако еще высока, особенно детская. Еще в XVIII в. из рожденных детей до взрослого состояния не доживал каждый третий, а иногда и каждый второй. Этот показатель характерен даже для элитных слоев общества, как в России, так и в Западной Европе, в том числе для царских и королевских семей. У Петра Первого в первом браке с Евдокией Лопухиной были рождены трое, а выжил только царевич Алексей, во втором браке с Екатериной — из восьми рожденных до взрослого состояния дожили две дочери. Причем малолетние дети Петра умирали, по свидетельству современников, естественной смертью. У французского короля Людовика XV из 13 рожденных в браке с Марией Лешинской детей до взрослого состояния дожили 7. У низших слоев общества ситуация с детской смертностью и смертностью вообще была значительно хуже. Нередки были случаи, когда из всех рожденных выживали двое-трое.

Но в XIX в. у высших слоев общества детская смертность в рассматриваемый период заметно снижается. Уже у супруги Николая I из 9 беременностей 7 детей родились живыми и все дожили до взрослого состояния. Самая ранняя смерть настигла Александру Николаевну, но она уже была взрослой замужней женщиной. У Александра II и Марии Александровны все восемь детей дожили до взрослого состояния, а от брака с Долгоруковой четверо из троих. У Александра III из всех детей только один умер в младенчестве. Но у средних и низших слоев общества ситуация была иной.

Младенческая смертность (до 1 года) имела на протяжении всей второй половины столетия высокие показатели. Даже в самые благополучные годы уровень младенческой смертности не опускался ниже 260‰ (Новосельский, 1916, с. 181). Происходило это за счет высокой смертности младенцев и в деревне в крестьянских семьях, и в городских (прежде всего в рабочих) семьях. Среди причин младенческой и детской смертности более всего были распространены легочные и кишечно-желудочные

заболевания, у детей более старшего возраста к этим причинам добавлялись травмы. Нередко указывались такие причины гибели ребенка в деревне: свиньи заели, лошадь затоптала. В городах младенцы очень страдали от острозаразных заболеваний, прежде всего, из-за скученности жилья. В итоге из рожденных более 25 % не доживали до 1 года и почти 40 % до 5-летнего возраста (Авдеев, 2010, с. 21–22)¹. В результате в семьях в 1860-е гг., по материалам статистики, было 3–5 детей. По традиционным параметрам относительно немного, но рост населения обеспечивался.

Проблема младенческой смертности в течение всего XIX в. стояла очень остро. Однако к рубежу столетий наметились положительная динамика в этой сфере — увеличилось число многодетных с традиционной точки зрения (10–12-детных) семей, которые ранее были большой редкостью.

Что касается общего уровня смертности, то постепенное развитие системы здравоохранения привело к тому, что последние два десятилетия XIX в. были отмечены возникновением тенденции к уменьшению его показателей. Он снизился с 37 до 35 % (Новосельский, 1911, с. 5). К 1896–1897 г. он снизился до 32 %.

Как видим, средний уровень смертности всего населения по меркам традиционного общества был уже не особо значителен. Напомним, что при традиционном типе воспроизводства населения смертность нередко составляла 45–50 %. При этом различия общего коэффициента смертности по губерниям Европейской России значительно колебались. В ряде губерний он составлял 22 % (Новосельский, 1916, с. 181)², то есть имел уже типичную величину для начальной фазы первого демографического перехода. Но были и губернии с высокими — более 45 % — показателями смертности. Такая региональная неравномерность также свойственна началу демографического перехода. Правда, С.А. Новосельский составил таблицы по уровню смертности, по которым видно, что уровень смертности еще нестабилен, поэтому население довольно долго накапливает потенциал для демографического взрыва. Заметим, что вплоть до середины XX в. будет сохраняться нестабильность снижения смертности в основном из-за внешнего фактора. Прерывный характер демографического перехода — одна из его особенностей в России.

Принципиально важным показателем является соотношение мужской и женской смертности.

Притом, что показатели мужской и женской смертности в России были очень близки, во второй половине XIX в. уже стала проявляться тенденция к более низкой женской смертности. Это явление характерно для поздне-традиционного типа воспроизводства населения и вступления в демографический переход к современному типу воспроизводства. К концу века снижение женской смертности стало существенным.

Так, в крупных городах в 1896–1897 гг. среди мужчин в возрасте 45–50 лет смертность составляла 24 %, среди женщин — 15,4 %, в 50–55 лет соответственно 30,5 и 18,5 (Жиромская, 2000, с. 41). Женская смертность в целом была ниже (за исключением периодов эпидемий) (Новосельский, 1916, с. 181). Женщины в городах, как правило, вне домашнего хозяйства работали либо до замужества, либо овдовев, в большинстве же были домохозяйками, а домашнее хозяйство в городе не так истощало силы, как в деревне.

Среди причин смерти взрослого населения все еще очень значительную роль играют внешние (экзогенные), то есть не связанные с естественным старением организма причины — инфекции, эпидемические заболевания, голод, травмы. Широко были

¹ Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1871. С. 84.

² Там же. С. 52.

распространены социальные болезни, особенно туберкулез легких. Так, в конце века в год заболело легочной бугорчаткой (одно из старых названий туберкулеза) по 280–300 тыс. чел. Периодически происходили эпидемии и эпидемические вспышки тифа, холеры, оспы, чумы. В конце века сильно распространилась малярия. В 1896 г. ею заболело свыше 3 млн чел. (Новосельский, 1916, с. 187). Однако и смертность от старческой дряхлости, от сердечно-сосудистых заболеваний, свойственных пожилому и престарелому возрасту уже не является чем-то исключительным.

Высшие слои населения, как в городе, так и в сельской местности, и интеллигенция уже имели значительно меньшие показатели смертности.

Средняя продолжительность жизни в этот период еще традиционна низкая. Но уже обозначается тенденция к ее росту. И основная причина — снижение общей смертности. В этом плане большой интерес представляют оценки российских статистиков ожидаемой и реальной средней продолжительности жизни. Ожидаемая — 24 года для мужчин и 28 для женщин, реальная 30 и 32 года. Иными словами, реальная больше, чем прогнозировали. Это подтверждает увеличение продолжительности жизни и мужчин, и женщин. Средняя продолжительность жизни женщин больше, чем мужчин, что также свойственно переходу к современной модели воспроизводства населения. К концу столетия продолжительность жизни составила, по оценке Новосельского, 31 год для мужчины и 33 года для женщин (по населению всех вероисповеданий Европейской России) (Новосельский, 1916, с. 187).

Рождаемость в Европейской России всю второй половине XIX столетия сохранялась на высоком уровне и составляла более 50 % в 1860–1870 гг., 52 % в 1870–1880 гг., 54 % в 1880–1890 гг. и только в конце века незначительно снизилась до 49,2 % (Рашин, 1956, с. 5). Однако эти показатели испытывали периодические колебания — например, в 1878 г. — 47 %.¹ Колебания рождаемости по губерниям значительны, даже в пределах Европейской России — от 40 до 60 %. Причем самые высокие показатели рождаемости были не только в юго-восточных районах, но и в центральных, и в Поволжье. Высокая рождаемость отмечалась в начале 1860-х гг. в Саратовской, Тамбовской, Самарской, Оренбургской, Пермской, Нижегородской, Московской, Владимирской и проч. губерниях. Относительно невысокие показатели были в Архангельской, Вологодской, Курляндской, Лифляндской, Новгородской, Санкт-Петербургской и пр.

Однако у реальных поколений признаки некоторого снижения рождаемости отмечаются уже с середины века — реакция на идущее снижение смертности. Так, у матерей, рожденных в 1866–1870 гг. число детей, родившихся живыми в среднем — 7,2, в 1871–1875 гг. — 7, 1876–1880 гг. — 6,8, 1881–1885 гг. — 6,2, 1886–1890 гг. — 5,5 и т. д. (Захаров, 2003, с. 7) Рождаемость реальных поколений проявляет тенденцию к снижению.

Уровень брачности остается высоким. Брачный же возраст имел тенденцию к повышению. Число ранних и очень ранних браков постепенно снижается.

В конце 1850-х — начале 1860-х гг. в Европейской России заключалось по 0,5–0,6 млн браков ежегодно. В послевоенные годы брачность обычно повышалась. Например, в 1879 г. число заключенных браков приблизилось к 0,75 млн².

Брачный возраст был законодательно увеличен еще императором Николаем Павловичем в 1835 г. до 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин. Но не были исключением венчания 15-летних, особенно девушек. Закон распространялся на все

¹ Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 3. Движение населения в Европейской России за 1879 год. Санкт-Петербург, 1884. С. 1.

² Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 3. Санкт-Петербург, 1884. С. II.

вероисповедания. Однако у мусульман чаще встречались ранние браки. Девочек выдавали замуж уже с 9-летнего возраста, мужчина мог жениться, начиная с 15 лет.

В Европейской России в 1870–1880-е гг. 40 % из всех вступивших в брак мужчин были в возрасте до 20 лет, и свыше 30 % — в возрасте 21–25 лет. Женщины вступали в брак несколько раньше — соответственно 60 % и 25 %. Браки заключались и в более поздних возрастах. Так, 20 % среди брачующихся мужчин имели возраст 26–35 лет. Женщины к этому возрасту уже были, как правило, замужем. Среди вступивших в брак женщин в возрасте 26–35 лет было всего 10 %¹. Вступали в брак и пожилые, особенно мужчины, как правило, вдовцы. Так, в 1876 г. почти 11 тыс. мужчин старше 50 лет вступили в брак, а среди женщин — всего 2 тыс. на всю Европейскую Россию. Правда, в реальности союзов между людьми пожилого и среднего возраста было больше, но они далеко не всегда регистрировали брак. Стеснялись в женихах и невестах ходить. Общество относилось к таким случаям сожительства снисходительно. В принципе возрастная брачная структура была стабильна, но исследователи отмечают к концу века некоторое сокращение браков в раннем (до 21 года), в среднем и позднем (после 30 лет) возрастах. Возрастает доля браков в молодом, но уже совершенно взрослом состоянии — в возрасте от 21 до 30 лет. Повышение брачного возраста также говорит о модернизации модели семейно-брачного поведения (Миронов, 2017, с. 7).

Возраст вступления в брак зависел от сословия. У дворян браки были более поздние — мужчины женились ближе к 30 годам, девушки выходили замуж в 19–22 года. У купцов мужчины также имели довольно поздний брачный возраст, девушек же выдавали замуж очень часто в 16–17. Для этих сословий характерна большая возрастная разница между женихом и невестой. Мещане женились не ранее 25–27 лет, девушки выходили замуж в 19–25 лет. Мужчина, как правило, поступал в службу или открывал свое дело, а девице надо было собрать приданое. Многие мещанские семьи тратили на это много времени, особенно если дочерей несколько. Отсюда и более высокий брачный возраст невест из мещанской среды. Чиновники должны были представить разрешение от начальства на вступление в брак, женились не рано, старались прежде выслужиться, получить чин. Невесты часто были значительно моложе. Крестьяне и мужчины, и женщины вступали в брак рано, так же, как и рабочие. Мужчина к 18–19 годам часто был женат, а женщина в 15–16, а иногда и раньше, выходила замуж (Жиромская, 2000, с. 39). Очень ранние браки встречались во всех сословиях, кроме дворянства. Там это было исключением. Вспомним, в XVIII в. брак Екатерины Дашковой в 15-летнем возрасте современниками отмечался как очень ранний.

Однако в целом по Российской империи брачность к концу века несколько снижается — с 10 до 8,5 % (Миронов, 2017, с. 10).

Разводы были очень мало распространены, если не сказать единичны.

Семьи во второй половине XIX века у большинства российских этносов были патриархальные сложные, включающие несколько (3 и более) поколений — родители, дети, внуки, иногда правнуки.

Однако после отмены крепостного права начинает нарастать процесс дробления семей. Уже в 1860–1870-х гг. учащаются разделы. Экономически выделившиеся семьи были не очень сильны, однако активны. Некоторые быстро наращивали экономический потенциал, не боялись нововведений в хозяйстве. Другие переезжали в города и на новые земли. Это был процесс не только экономической дифференциации. Происходили

¹ Статистический временник Российской империи. Серия III. Дополнительные сведения по движению населения. Санкт-Петербург, 1884. С. 21, 45, 87.

связанная с демографической модернизацией нуклеаризация семьи, дробление больших семей на малые, состоящие из родителей и детей, еще не вступивших в брак. Преувеличивать темпы и масштабы нуклеаризации не стоит, однако процесс развивался. В городах простые семьи встречались чаще, в том числе у переселенцев из деревни.

В семьях городской интеллигенции уже входит в практику регулирование рождаемости. Этому способствует рост движения за женскую эмансипацию. Женщины из этих слоев включаются во внесемейную занятость, получают образование, поступают на службу (учительницы, телефонистки, счетчики на вычислительных машинах в период Всеобщей переписи населения). В медицине сестрами милосердия женщины работают уже со времен Крымской войны, и их социальный состав широк, включая представительниц высшей аристократии и даже царской семьи. Начало этому движению сестер милосердия положила великая княгиня Елена Павловна.

Однако хотя вопрос о сложности сочетания внесемейной деятельности и многодетности для женщины уже вставал, отношение к регулированию рождаемости было сложным, как правило, негативным, немногие на это решались и рисковали при этом своим добрым именем.

Рост населения происходил неравномерно. Он нарушался довольно часто демографическими кризисами, выражавшимися в росте смертности и снижении рождаемости, а в некоторых случаях и брачности.

Серьезный демографический ущерб наносили войны и их последствия: Крымская, Русско-турецкая 1877–1878 гг. Свой горький вклад вносили эпидемии: в 1830–1831, 1871–1872 гг. это были не вспышки холеры, но крупные эпидемии. Они охватывали многие губернии и не обходили столиц. Демографический кризис, связанный с неурожаем, голодом и болезнями произошел в 1891–1892 гг. На территории страны свирепствовала эпидемия тифа. Особенно же много жизней погубила холера, масштабная эпидемия которой произошла в 1892 г. И здесь встает вопрос о болезнях, сопутствующих первому демографическому, эпидемиологическому и санитарному переходам.

С заявлениями о раннем развитии эпидемиологического перехода не стоит топиться. Успехи в борьбе с новым бичом человечества, появившимся в России в 1830 г., — холерой, были, хотя довольно скромные, но все же некоторые вспышки удавалось блокировать, так же, как и увеличивать число избежавших болезни и выживших. Эти успехи объяснились не столько усилиями медицинской науки и практики, сколько традиционной адаптацией населения к новой смертоносной инфекции.

Однако заслуги санитарии (установление системы карантин, внедрение гигиенических правил в повседневной жизни, разработки рекомендаций по уходу за больными, по питанию и личной гигиене и др.) здесь бесспорны. Первоначально предлагаемые методы были недостаточно эффективны, тем более, что население их не воспринимало, госпитализации в бараки откровенно боялось, а чиновники зачастую не следили за выполнением санитарных предписаний, но постепенно санитарная система налаживалась. Примером может быть один из самых ранних успешных карантинных — городок Казанского университета, где в организации работы карантинной службы большую роль сыграл Н.И. Лобачевский. Лечение заболевших до открытия возбудителя холеры было мало результативным, однако были попытки лечить через оздоровление желудочно-кишечного тракта — повышенное употребление кислого и соленого наряду с обильным питьем, что позволяло обеззараживать организм и препятствовало обезвоживанию. И такие на том уровне развития медицины новаторские (и небезуспешные) методы разрабатывались и применялись в России. Постепенно стало заметно, что даже

столь несовершенные меры все-таки несколько уменьшают заражаемость и смертность от холеры. На разработку основных санитарных норм потребовались десятилетия, однако первые основы были заложены медицинской комиссией под руководством министра внутренних дел А.А. Закревского еще на рубеже 1830-х гг. Высшие слои общества быстро начали соблюдать медицинские рекомендации. А.С. Пушкин, отдыхая на даче в Царском Селе, каждый день приказывал подавать на обед кислые щи и стоически их ел, хотя и не любил. Как известно, холерой он не заразился.

Исходя из быстрого формирования блокирующих эпидемии санитарных норм, можно со всей основательностью считать, что уже начиная со второй трети XIX в. России развивается санитарный переход.

Из демографических кризисов Россия выходила еще традиционно — за счет высокой компенсаторной рождаемости. Рост населения продолжался.

Кризисы оставляли след в возрастнополовой структуре.

Возрастно-половая структура на протяжении XIX в. сохраняла так называемый прогрессивный характер, то есть графически представляла собой классическую пирамиду со значительным удельным весом детской и молодежной групп и малым — среднепожилых и престарелых. В начале 1860-х гг. население в возрасте моложе 15 лет составляло 38 % от всего населения Империи, в целом же дети, юношество и молодежь в возрасте от 0 до 30 лет — 65 %, то есть две трети населения, пожилые и престарелые старше 65 лет — 5,7 %. В 1897 г. структура не претерпела значительных изменений — лиц в возрасте до 30 лет было 64 %, а старше 69 лет немного больше — 6,9 %.

Население за вторую половину XIX в. еще не вступило в демографическое старение, однако увеличение продолжительности жизни привело к увеличению, хотя еще и незначительному, старших возрастных групп. Важно, что эта тенденция стала проявляться. Подтверждением идущему процессу перехода к современному типу воспроизводства населения является больший удельный вес в возрастной структуре женщин старшего возраста по сравнению с мужчинами, что связано, как уже говорилось, с увеличением продолжительности женской жизни, более быстрым, чем мужской. Это также важное свидетельство происходящих изменений в развитии населения. Так, в 1863 г. мужчин 60 лет и старше было 2,8 %, а женщин 3,6 % в возрастной структуре, в 1895 г. — соответственно — 4,1 % и 8,1 %.

Возрастно-половая структура не имела глубоких деформаций, порождаемых затяжными кризисами. Демографическая компенсация, как уже говорилось, происходила быстро за счет высокой рождаемости на фоне, и это новый момент, уже постепенно снижающейся в спокойные периоды смертности.

Но, и это еще один новый и принципиально важный момент — быстрой компенсации и росту населения способствовала зарождающаяся демографическая политика.

Эта политика хотя и не имела еще такого названия, но фактически появилась уже довольно давно. Во второй половине XIX в. она быстро развивалась. Во многом она еще имела форму временных кампаний, связанных с преодолением последствий голода и эпидемий. Но принципиально важно, что в XIX в. оформляются две важнейшие составляющие демографической политики: пронаталистская и здравоохранительная.

Начинается формирование комплекса соответствующих мер демографической политики еще в 1830-е гг. В 1834 г. открывается детская больница в Санкт-Петербурге (Николаевская). Затем практика создания специализированных детских больниц продолжается. В 1860-х гг. формируется направление педиатрии и создаются соответствующие кафедры в МГУ и при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии

(Авдеев, 2010). Число кафедр педиатрии к концу века достигает 5, детских больниц 15 и появляются детские санатории. Появляются первые детские ясли: «детские комнаты» в Коломне в 1837 г., детское дошкольное учреждение в Туле в 1872 г. (Ткач, 2016). Эти заведения развивались на благотворительной основе и представляли собой нечто среднее между яслями, детскими садами и семейным детским домом. Однако само зарождение этих прародителей детских дошкольных учреждений представляет этап в развитии социодемографической политики.

Заключение

Быстрый рост населения России, начиная с 1820–1840-х гг. продолжился, несмотря на кризисы в годы эпидемий и неурожаев. Рост населения выходит за рамки традиционных процессов. И во второй половине столетия признаки изменений демографического развития проявляются все более отчетливо. Не замечать их уже невозможно. Соответственно, появляются регулярные демографические обследования населения, научные публикации. Формируется правительственная политика, прежде всего здравоохранительная с появляющимися элементами пронаталистской. Причем правительственные меры по здравоохранению постепенно переходят от характера кампаний в период острых кризисов — голод, эпидемии — к постоянно действующей системе мер. Процесс медленный, но отчетливый. Таким образом, можно сделать вывод, что Россия уже во второй четверти XIX в. вступила в первую фазу демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Причем демографическое развитие шло достаточно быстрыми темпами — от позднетрадиционной модели демографического развития в начале XIX столетия до демографического взрыва в конце XIX — первые десятилетия XX в., характерного для классической первой фазы демографического перехода. Эти явления наитеснейшим образом связаны с экономическими, социальными, политическими, культурными процессами и оказали влияние на всю историю России во второй половине XIX в.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках реализации проекта Института российской истории РАН «История России»

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the project of the Institute of Russian History of RAS «History of Russia»

Список источников

Авдеев, А. А. (2010). Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР. В: *Историческая демография. Сб. ст.* (с. 13–71). Москва: Макс Пресс.

Вишневский, А. Г. (Ред.). (2006). *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. Москва: Новое издательство, 599.

Захаров, С. А. (2003). Демографический переход и воспроизводство поколений в России. *Вопросы статистики*, 11, 3–12.

Миронов, Б. Н. (2017). Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации. *Демографическое обозрение*, 4(3), 6–58. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7316>

Новосельский, С. А. (1911). *О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России*. Москва: Типо-литография В. Рихтер, 23. <https://viewer.rsl.ru/rls01003782564?page=1&rotate=0&theme=white>

Новосельский, С. А. (1916). *Смертность и продолжительность жизни в России*. Петроград: тип. М-ва вн. дел, 208.

Рашин, А. Г. (1956). *Население России за 100 лет (1811–1913): стат. очерки*. Москва: Госстатиздат, 352.

Ткач, В. Ю. (2016). «Это было совершеннейшей новинкой...». Е. П. Смидович — организатор одного из первых в России детских садов. *Тульский краеведческий альманах*, 13, 66–71.

Heller, M. (2012). *Histoire de la Russie et de son empire*. Paris: Perrin, 985.

References

Avdeev, A. A. (2010). Infant mortality and the history of maternal and child health in Russia and the USSR. In: *Istoricheskaya demografiya. Sb. st. [Historical demography. Collection of articles]* (pp. 13–71). Moscow: Max Press. (In Russ.)

Heller, M. (2012). *Histoire de la Russie et de son empire*. Paris: Perrin, 985.

Mironov, B. N. (2017). The Russian revolution of 1917 through the prism of demographic modernization. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 4(3), 6–58. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7316> (In Russ.)

Novoselsky, S. A. (1911). *О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России [On differences in the death rate of the city and rural population of European Russia]*. М.: Типо-литография В. Рихтер, 23. <https://viewer.rsl.ru/rls01003782564?page=1&rotate=0&theme=white> (In Russ.)

Novoselsky, S.A. (1916). *Смертность и продолжительность жизни в России [Mortality and life expectancy in Russia]*. Petrograd: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 208. (In Russ.)

Rashin, A. G. (1956). *Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки [The population of Russia for 100 years (1811–1913): statistical essays]*. М.: Gosstatizdat, 352. (In Russ.)

Ткач, В. Ю. (2016). «It was a complete novelty...» Е. П. Смидович is the organizer of one of the first kindergartens in Russia. *Tulskiy kraevedcheskiy almanakh [Tula regional history Almanac]*, 13, 66–71. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]*. Moscow: New Publishing House, 599. (In Russ.)

Zakharov, S. A. (2003). Demographic transition and generational reproduction in Russia. *Voprosy statistiki*, 11, 3–12. (In Russ.)

Информация об авторе

Жиromская Валентина Борисовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук; профессор, Российский государственный гуманитарный университет; <https://orcid.org/0009-0002-2451-1043> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: Zhyromskaya@yandex.ru).

About the author

Valentina B. Zhiromskaya — Dr. Sci. (Hist.), Chief Research Associate, Institute of Russian History of RAS; Professor, Russian State University for the Humanities; <https://orcid.org/0009-0002-2451-1043> (19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: Zhyromskaya@yandex.ru).

УДК 314+94(470.345).084«1939/1959»

JEL classification: J11, N94

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-9>

Население Мордовской АССР по данным Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг.¹

Т. Ю. Задкова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
(г. Саранск, Россия).

<https://orcid.org/0009-0002-1420-3661>

Автор для корреспонденции: Т. Ю. Задкова (tatyana.25.01@mail.ru).

Аннотация. *Статья актуализирует проблему изучения численности населения Мордовской АССР в 1939–1959 гг. На основе сопоставления данных Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. предпринята попытка исследовать динамику численности населения республики в указанный период, национальный состав, уровень грамотности жителей. Предметом исследования выступают такие демографические характеристики, как численность населения и половозрастная структура, а объектом исследования – население Мордовской АССР. Целью работы является изучение влияния последствий Великой Отечественной войны на демографические процессы в Мордовии. Проанализированный источниковый материал позволил сделать вывод, что Великая Отечественная война углубила сложившиеся еще в довоенное время половозрастные диспропорции в составе населения Мордовской АССР.*

Ключевые слова: Мордовская АССР; перепись населения; городское население; сельское население; численность населения

Population of the Mordovian ASSR According to the All-Union Population Censuses of 1939 and 1959

T. Yu. Zadkova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russia).

<https://orcid.org/0009-0002-1420-3661>

Corresponding author: T. Yu. Zadkova (tatyana.25.01@mail.ru).

Abstract. *The article examines the population of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) in 1939–1959. Based on a comparison of data from the All-Union Population Censuses of 1939 and 1959, the study analyses the dynamics of the republic's population in this period, as well as the ethnic composition and literacy rate. Such demographic characteristics as population size and age and gender structure of the population of the Mordovian ASSR are assessed. The article aims to determine the impact of the Great Patriotic War on demographic processes in Mordovia. The analysed source material revealed that the Great Patriotic War deepened previous gender and age disparities in the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic.*

Keywords: Mordovian ASSR; population census; urban population; rural population; population size

Введение

Всесоюзная перепись населения 1939 г. имела огромное значение для Мордовской АССР, так как, не считая признанной «дефектной» переписи 1937 г., результаты которой были опубликованы спустя 50 лет, проводилась на территории недавно созданной

---

¹ © Задкова Т. Ю. Текст. 2024.

автономии. Мордовская автономия появилась гораздо позже аналогичных образований в Среднем Поволжье и имела главную особенность — коренное население здесь оказалось в меньшинстве, уступив первенство русским. Поэтому так важно было получить точные сведения о численности населения, его половозрастном и национальном составе, уровне грамотности и т. д. Следующая перепись 1959 г. интересна прежде всего тем, что позволила оценить демографические потери вследствие Великой Отечественной войны.

Материалы и методы

Реализация цели и исследовательских задач была достигнута благодаря анализу опубликованных материалов Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. К сожалению, из-за различий в вопросах переписных листов оказалось невозможным провести сравнение по некоторым демографическим показателям (число состоящих в браке, количество семей и одиночек, распределение населения различных возрастных категорий по полу и т. д.). При написании статьи были задействованы принципы историзма и объективности, а также проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Обзор литературы

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. были опубликованы лишь в 1992 г., поэтому в современной отечественной историографии этой переписи посвящено незначительное количество работ. Наибольшее количество исследований принадлежит В.Б. Жиромской, которая подробно рассматривает перепись 1939 г. как в монографическом исследовании (Жиромская, 2001), так и в отдельных статьях (Жиромская, 1999; Жиромская, 1994), акцентируя внимание на приписках к данным переписи. Результаты переписей 1939 и 1959 гг. проанализированы в исследовании Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской «Население Советского Союза, 1922–1991» (Андреев и др., 1993). Этим же авторам принадлежит еще одна книга — «Демографическая история России: 1927–1959» (Андреев и др., 1998). Итоги Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг. рассматриваются в первом и втором томах коллективной монографии «Население России в XX веке. Исторические очерки» (Поляков, 2000; Поляков, 2001). На региональном уровне результаты переписей 1939 и 1959 гг. на территории Мордовии были использованы при написании параграфов коллективных монографий «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и «Мордовия в период реформ Н.С. Хрущева. 1953–1964 гг.» (Филатов и др., 2005; Першин, 2022). Материалы переписей использовали В.Ф. Разживин и И.В. Широкова, проанализировавшие социокультурную динамику населения Мордовии в первой четверти XX — начале XXI вв. (Разживин, Широкова, 2007).

Результаты

Накануне Великой Отечественной войны Мордовская АССР являлась одной из крупнейших автономных республик Среднего Поволжья. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в ней проживали 1 188 004 чел., в Марийской АССР — 579 610 чел., Чувашской АССР — 1 076 810 чел.¹ Однако уже в 1940 г. в Мордовии было зафиксировано снижение численности населения: оно сократилось до 1 171 тыс. чел.,

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги (1992). Москва: Наука. 25.

Таблица 1

Численность населения в 1939–1959 гг.

Год	Все население	в том числе		Городское население в % ко всему населению
		городское	сельское	
1939 г.	1 185 183	82 419	1 102 764	7,0
1959 г.	1 000 193	183 580	816 613	18,4

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. Москва: Госстатиздат, 1963. 24–25.

Таблица 2

Распределение населения по полу в 1939–1959 гг.

Год	Все население			В том числе					
	муж.	жен.	всего	городское население			сельское население		
				муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
1939	545 372	642 632	1 188 004	40 541	41 878	82 419	504 831	600 754	1 105 855
в %	45,9	54,1	100,0	49,2	50,8	100,0	45,6	54,4	100,0
1959	429 394	573 247	1 002 641	79 952	101 156	181 108	349 442	472 091	821 533
в %	42,8	57,2	100,0	44,1	55,9	100,0	42,5	57,5	100,0

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги (1992). Москва: Наука, 25; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 19.

в то время как в других республиках возросло — в Марийской АССР до 588 тыс. чел., в Чувашской — до 1090 тыс. чел.¹ Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. В 1959 г. в Мордовии проживало 1 000 193 чел., Марийской АССР — 647 680 чел., Чувашии — 1 097 859 чел.

На протяжении всего двадцатилетнего межпереписного периода Мордовия оставалась республикой с преобладающим сельским населением (табл. 1). Тем не менее, за это время численность городского населения увеличилась в 2,2 раза. В первую очередь этому способствовали эвакуация и введение в строй крупных промышленных предприятий, открытие Мордовского государственного университета, ряда средних профессиональных учебных заведений. Главным источником роста населения городов оставалась миграция сельского населения.

Значимой составляющей процесса урбанизации являются рост численности городских поселений и изменение их состава по величине, определяемой по числу жителей. За межпереписной период количество поселков городского типа увеличилось с 2 до 6, городов — с 5 до 6 (с Инсар стало городом). Самыми крупными городами оставались Саранск и Рузаевка. Население первого увеличилось с 40 894 до 91 034 чел., или в 2,2 раза, второго — с 17 134 до 24 909 чел., или в 1,5 раза². Саранск к рубежу 1950-х — 1960-х гг. превратился в крупный промышленный и учебный центр, а Рузаевка являлась узловой железнодорожной станцией Куйбышевской железной дороги. Население остальных городов практически не росло.

Для переписей 1939 и 1959 гг. был характерен перевес женщин в общем составе населения, а к 1959 г. диспропорция возросла с 8,2 до 14,4 %, причиной чего явились потери мужского населения в годы Великой Отечественной войны (табл. 2). Если в 1939 г.

¹ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегодник (1987). Москва: Финансы и статистика, 14.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 35.

разница между количеством мужчин и женщин в городах была незначительной и составляла всего лишь 1,6 %, то в 1959 г. она увеличилась до 11,8 %. Соотношение мужского и женского населения в сельской местности также изменилось: и в 1939, и в 1959 г. здесь преобладали женщины, причем значительно.

Великая Отечественная война привела к изменению полового состава населения республики, усилив диспропорцию полов из-за потерь мужчин как в абсолютном, так и в процентном соотношении (табл. 3).

Мужчины имели небольшой численный перевес лишь в возрастной группе от 0 до 9 лет, в остальных группах преобладали женщины, причем чем старше становилась возрастная категория, тем больше становилась диспропорция. Преобладание женщин в возрастных категориях 10–19 и 20–24 лет можно объяснить призывом юношей

Таблица 3

Соотношение мужчин и женщин по возрасту в 1959 г.

Возраст	Все население	В том числе	
		мужчины	женщины
Все население	1 000 193	428 399	571 794
в %	100,0	42,8	57,2
В том числе:			
0–9 лет	246 744	125 589	121 155
в %	100,0	50,9	49,1
10–19 лет	157 288	78 147	79 141
в %	100,0	49,7	50,3
20–24 лет	85 481	41 751	43 730
в %	100,0	48,8	51,2
25–29 лет	76 349	36 129	40 220
в %	100,0	47,3	52,7
30–34 лет	84 199	35 694	48 505
в %	100,0	42,4	57,6
35–39 лет	54 610	19 586	35 024
в %	100,0	35,9	64,1
40–44 лет	49 187	16 447	32 740
в %	100,0	33,4	66,6
45–49 лет	58 902	19 029	39 873
в %	100,0	32,3	67,7
50–54 лет	48 929	15 472	33 457
в %	100,0	31,6	68,4
55–59 лет	39 854	11 048	28 806
в %	100,0	27,7	72,3
60–69 лет	54 835	16 500	38 335
в %	100,0	30,1	69,9
70 лет и старше	43 780	12 984	30 796
в %	100,0	29,7	70,3
Возраст не указан	35	23	12
в %	100,0	65,7	34,3

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 66–67.

на службу в вооруженные силы. Особенно большой разрыв начинался с возраста 35–39 лет (1920–1924 г. р.), на который пришлось наибольшие потери в годы войны. С возрастной группы 45–49 лет женщин было больше мужчин более чем в 2 раза (табл. 3).

Сложный военный период сказался и на изменениях возрастного состава населения Мордовской АССР. Данные таблицы 4 показывают, что самую большую группу населения составляли дети и подростки от 0 до 19 лет — 40,3 %, причем среди мужчин это — 47,5 и женщин — 35,0 %. Без сомнения, на этом показателе сказалось повышение рождаемости в послевоенные годы. Следующей по численности была группа от 20 до 29 лет — 16,2 % и соответственно 18,2 и 14,7 % — мужчины и женщины. И вновь в этой группе преобладали мужчины. Начиная со следующей группы (30–39 лет) — 13,9 % начинают преобладать женщины (12,9 % мужчины и 14,6 % женщины). В возрасте 40–49 лет (10,8 %) разрыв в пользу женщин сохраняется незначительный (12,7 % против 8,3 %). Население в возрасте 50–59 лет составляло 8,9 % (6,2 % мужчины и 10,9 % женщины). В возрастной группе 60 лет и старше насчитывалось 9,9 %, в том числе 6,9 % мужчин и 12,1 % женщин. Таким образом, в возрастных группах до 30 лет большинство населения составляли мужчины, а 30 лет и старше — женщины.

Великая Отечественная война привела к нарушению возрастнополовой структуры населения (табл. 5). Диспропорцию в соотношении полов не удалось преодолеть в послевоенное время. Наиболее пострадали возрастные группы, где мужчины находились в призывном возрасте в 1941 г.: на 1000 населения в 1959 г. в возрасте 35–39 лет (1920–1924 г. р.) приходилось 359 мужчин и 641 женщины; 40–44 года (1915–1919 г. р.) — соответственно 334 и 666; 45–49 лет (1910–1914 г. р.) — 323 и 667; 50–54 года (1905–1909 г. р.) — 316 и 684. Численный перевес женщин был зафиксирован и в более старших возрастных группах: в возрасте 55–59 лет (1900–1904 г. р.) на 1000 чел. приходилось

Таблица 4

Возрастной состав населения в 1959 г.

Возрастная группа (лет)	Оба пола		В том числе			
			мужчины		женщины	
	всего	%	всего	%	всего	%
Все население	1 000 193	100,0	428 399	100,0	571 794	100,0
в том числе по возрастным группам						
0–9	246 744	24,6	125 589	29,3	121 155	21,2
10–19	157 288	15,7	78 147	18,2	79 141	13,8
20–24	85 481	8,6	41 751	9,8	43 730	7,7
25–29	76 349	7,6	36 129	8,4	40 220	7,0
30–34	84 199	8,4	35 694	8,3	48 505	8,5
35–39	54 610	5,5	19 586	4,6	35 024	6,1
40–44	49 187	4,9	16 447	3,8	32 740	5,7
45–49	58 902	5,9	19 029	4,5	39 873	7,0
50–54	48 929	4,9	15 472	3,6	33 457	5,9
55–59	39 854	4,0	11 048	2,6	28 806	5,0
60–69	54 835	5,5	16 500	3,9	38 335	6,7
70 лет с старше	43 780	4,4	12 984	3,0	30 796	5,4
возраст не указан	35	0,0	23	0,0	12	0,0

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 78–79.

Таблица 5

**Число мужчин и женщин по отдельным возрастным категориям
на 1000 человек данного возраста в 1959 г.**

Возрастная группа (лет)	Мужчины		Женщины	
	Все население	428	42,8	572
По возрастным группам				
0–9 лет	509	50,9	491	49,1
10–19	497	49,7	503	50,3
20–24	488	48,8	512	51,2
25–29	473	47,3	527	52,7
30–34	424	42,4	576	57,6
35–39	359	35,9	641	64,1
40–44	334	33,4	666	66,6
45–49	323	32,3	677	67,7
50–54	316	31,6	684	68,4
55–59	277	27,7	723	72,3
60–69	301	30,1	699	69,9
70 лет и старше	297	29,7	703	70,3
Возраст не указан	657	65,7	343	34,3

Источник: рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 78–79.

277 мужчин и 723 женщины, 60–69 лет (1890–1899 г. р.) — соответственно 301 и 699, 70 лет и старше (1889 г. р. и старше) — 297 и 703. На численность мужчин в возрасте от 60 лет и старше также оказали влияние потери во время Первой мировой и Гражданской войн.

К сожалению, опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. не позволяют нам установить гендерные различия среди населения республики различных возрастных групп, ибо в нашем распоряжении имеются лишь общие данные о возрастном составе населения.

Почти половину населения в 1939 г. составляли дети и подростки до 19 лет, возрастные группы 20–29 и 30–39 лет в 1939 и 1959 гг. были примерно равными, а в 1959 г. преобладали лица старших возрастных категориях (40–49, 50–59 и 60 лет и старше), что объясняется увеличением продолжительности жизни и старением населения (табл. 3, 6).

О сохраняющейся диспропорции в соотношении полов говорит наличие значительного количества одиночек (лиц, не связанных с семьей общим бюджетом, а также не имеющих семьи). В 1959 г. их в республике насчитывалось 31033 чел.

Таблица 6

Возрастной состав населения в 1939 г.

Показатель	Число лиц по возрастным группам							всего
	0–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	возраст не указан	
Всего	587 847	182 744	157 924	95 553	80 019	83 708	209	1 188 004
в %	49,5	15,4	13,3	8,0	6,7	7,1	0,0	100,0

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги (1992). Москва: Наука, 32.

(4363 мужчины и 26 670 женщин), в том числе в городской местности — соответственно 6453, 1269 и 5184, в сельской — 24 580, 3094 и 21 486¹.

За межпереписной период незначительно изменился национальный состав населения. В 1939 г. русские составляли 60,5 % населения (719 117 чел.), мордва — 34,1 % (405 031), татары — 4,0 % (47 386), украинцы — 0,7 % (7586 чел.), белорусы — 0,2 % (2895 чел.), прочие — 0,5 % (5989 чел.).² В 1959 г. в республике проживало 590 557 русских (59,0 %), 357 978 мордвы (35,8 %), 38 633 татар (3,9 %), 6554 украинцев (0,7 %)³. За межпереписной период сократилось число русских, количество татар и украинцев осталось приблизительно на том же уровне, а мордвы стало немного больше. При этом необходимо отметить, что в 1959 г. считали родным язык своей национальности 99,9 % русских, 97,3 % мордвы, 98,5 % татар и лишь 63,5 % украинцев, что говорит об активном процессе обрусения и трудностях с сохранением национальной идентичности.

Наиболее надежные данные по грамотности населения дают переписи. За 20 лет, прошедших между переписями 1939 и 1959 гг., количество грамотных в возрасте 9–49 лет увеличилось с 80,0 до 98,7 %, в том числе мужчин — с 94,0 до 99,5 % и женщин — с 68,1 до 98,0 %. Более грамотным было городское население: в 1939 г. грамотными были 93,9 % городских и 78,8 % сельских жителей, в 1959 г. — соответственно 98,6 % и 98,7 %⁴. На 1000 человек, имеющих законченное высшее образование, в 1939 г. приходилось 3 человека, в том числе 3 мужчины и 2 женщины, в 1959 г. — соответственно 9, 10 и 8. На 1000 чел., имеющих незаконченное высшее и среднее образование, включая неполное среднее, в 1939 г. приходилось 48 чел., в том числе 60 мужчин и 38 женщин, в 1959 г. — соответственно 211, 233 и 195⁵.

Заключение

Перепись 1939 г. зафиксировала начавшееся сокращение численности населения Мордовии, которое продолжается по настоящий момент. В то же время к 1959 г. ускоряется процесс роста городского населения, что было связано с превращением республики из аграрной в аграрно-индустриальную. Сохраняются и даже углубляются диспропорции в половозрастной структуре населения, связанные с преодолением демографических последствий Великой Отечественной войны. Незначительные изменения претерпевает национальный состав населения — в республике по-прежнему преобладают русские. Существенно вырос уровень грамотности населения, особенно среди женщин.

Список источников

Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харьковская, Т. Л. (1993). *Население Советского Союза, 1922–1991*. Москва: Наука, 139.

Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харьковская, Т. Л. (1998). *Демографическая история России: 1927–1959*. Москва: Информатика, 187.

Жиромская, В. Б. (1994). Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. В: *Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр.* (с. 27–49). Москва: ИРИ РАН.

---

¹Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 429.

²Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги (1992). Москва: Наука, 67.

³Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР (1963). Москва: Госстатиздат, 318.

⁴Там же, с. 144, 146, 148.

⁵Там же, с. 135.

Жиромская, В. Б. (1999). Население России в переписи 1939 г. В: *Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги: Россия* (с. 8–19). Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ.

Жиромская, В. Б. (2001). *Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное*. Москва: РОССПЭН, 280.

Першин, С. В. (2022). Перепись населения 1959 г. В: *Мордовия в период реформ Н. С. Хрущева. 1953–1964 гг.*: в 2 т. Т. 2. (с. 336–344). Саранск: НИИГН.

Поляков, Ю. А. (Ред.) (2000). *Население России в XX веке. Исторические очерки*: в 3 т. Т. 1. 1900–1939. Москва: РОССПЭН, 463.

Поляков, Ю. А. (Ред.) (2001). *Население России в XX веке: Исторические очерки*: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. Москва: РОССПЭН, 416.

Разживин, В. Ф., Широкова, И. В. (2007). *Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX — начало XXI столетия)*. Саранск: НИИГН, 286.

Филатов, Л. Г., Куршева, Г. А., Стрижова, И. Б. (2005). Социально-демографический облик. В: *Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.*: в 2 т. Т. 1. (с. 79–94). Саранск: НИИГН.

References

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Kharkova, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 [Population of the Soviet Union, 1922–1991]*. M.: Nauka, 139. (In Russ.)

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Kharkova, T. L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959]*. M.: Informatics, 187. (In Russ.)

Filatov, L. G., Kursheva, G. A., & Strizhova, I. B. (2005). Socio-demographic appearance. In: *Mordoviya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.*: в 2 т. Т. 1. [Mordovia during the Great Patriotic War of 1941–1945: in 2 Vol. Vol. 1] (pp. 79–94). Saransk: NIIGN. (In Russ.)

Pershin, S. V. (2022). Population census of 1959. In: *Mordoviya v period reform N. S. Khrushcheva. 1953–1964 gg.*: в 2 т. Т. 2 [Mordovia in the period of N. S. Khrushchev's reforms. 1953–1964: in 2 Vol. Vol. 2] (pp. 336–344). Saransk: NIIGN. (In Russ.)

Polakov, Yu. A. (Ed.) (2000). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki*: в 3 т. Т. 1. 1900–1939 [The population of Russia in the XX century: Historical essays: In 3 Vol. Vol. 1. 1900–1939]. M.: ROSSPEN, 463 p.

Polakov, Yu. A. (Ed.) (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki*: в 3 т. Т. 2. 1940–1959 [The population of Russia in the XX century: Historical essays: in 3 Vol. Vol. 2. 1940–1959]. M.: ROSSPEN, 416. (In Russ.)

Razhivin, V. F., & Shirokova, I. V. (2007). *Narod Mordovii: sotsiokulturnaya dinamika (pervaya chetvert XX — nachalo XXI stoletiya) [The people of Mordovia: sociocultural dynamics (first quarter of the 20th century — beginning of the 21st century)]*. Saransk: NIIGN, 286. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (1994). The population of Russia in 1939: the search for truth In: *Naselenie Rossii v 1920 — 1950-e gody: chislennost, poteri, migratsii: sb. nauch. tr. [The population of Russia in the 1920s - 1950s: numbers, losses, migrations: collection of scientific works]* (pp. 27–49). M.: IRI RAS. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (1999). Population of Russia in the 1939 census. In: *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi: Rossiya [All-Union Population Census of 1939. Main results: Russia]* (pp. 8–19). St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITs. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (2001). *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gody: Vzglyad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s: A look into the unknown]*. M.: ROSSPEN, 280. (In Russ.)

Информация об авторе

Задкова Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры, ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»; <https://orcid.org/0009-0002-1420-3661> (Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3; e-mail: tatyana.25.01@mail.ru).

About the authors

Tatyana Yu. Zadkova — Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Associate, Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia; <https://orcid.org/0009-0002-1420-3661> (3, L. Tolstogo St., Saransk, 430005, Russian Federation; e-mail: tatyana.25.01@mail.ru).

УДК 94(470.57) «1946/1960»: 314.3

JEL classification: J11, J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-10>

Рождаемость в послевоенной деревне (на примере Башкирской АССР)¹

Ш. Н. Исянгулов

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия),
<https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>

Автор для корреспонденции: Ш. Н. Исянгулов (Isangul-schamil@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается эволюция рождаемости в сельской местности Башкирской АССР в 1946–1960 гг. Для определения специальных, возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости были использованы единовременные отчеты о половом и возрастном составе сельского населения за 1947–1949, 1960–1961 гг. Рождаемость на селе в первые послевоенные годы хоть и нелинейно, но повышалась до 1960 г. В работе рассмотрены прежде всего демографические факторы данного явления, в частности возрастная структура женщин и смена поколений, и отмечены национальные особенности. В результате незавершенность демографического перехода на селе у неславянских народов и относительная длительность компенсаторного периода обусловили достаточно высокий уровень рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость; село; Башкирия; послевоенный период

Fertility in a Post-War Village: Case of the Bashkir ASSR

Sh. N. Isyangulov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS (Ufa, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>

Corresponding author: Sh. N. Isyangulov (Isangul-schamil@mail.ru).

Abstract. The article examines the evolution of fertility in rural areas of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) in 1946–1960. To determine special, age-specific and total fertility rates, one-time reports on the sex and age composition of the rural population for 1947–1949, 1960–1961 were used. A non-linear increase in fertility rate in rural areas until 1960 was revealed. The work examines, first of all, demographic factors of this phenomenon, such as the age structure of women, generational change and national characteristics. The incomplete demographic transition in rural areas among non-Slavic people and the relatively long compensatory period resulted in a fairly high birth rate.

Keywords: fertility; village; Bashkiria; post-war period

Введение

В современный период в стране отмечается низкая рождаемость. Население России продолжает сокращаться. Однако меры государственной поддержки, введенные с 2006 г., обусловили определенный рост уровня рождаемости, увеличение ее коэффициентов в возрастных группах 25–39 лет и старше, суммарного коэффициента на селе в Башкортостане, превысившего 2,1 рождений на одну женщину в 2008 г. и продолжавшего повышаться. Подобные явления происходили и в послевоенной деревне. В таких условиях актуальным становится изучение эволюции рождаемости в деревне в послевоенный период в регионах, в том числе в Башкирии.

¹ © Исянгулов Ш. Н. Текст. 2024.

Обзор литературы

Необходимо отметить, что изучение рождаемости в Башкирской АССР началось лишь в 1960-е гг. социологами и медиками. Научных публикаций было очень мало. Ученые оперировали лишь относительными цифрами, опубликованными в статистических сборниках за отдельные годы. Были рассчитаны повозрастные коэффициенты рождаемости за 1958–1959 гг. для всей Башкирии (Махмутзянова, 1967). Однако, прежде всего, исследованию подвергался период 1960–1970-х гг. Рождаемость на селе в первые послевоенные годы вплоть до переписи 1959 г. в исследованиях практически не затрагивалась (Хисматов, 1978). В постсоветский период в связи с открытием архивов, рассекречиванием ранее недоступных статистических документов появились новые публикации. В частности, отечественным историком В.П. Поповым была изучена рождаемость на селе в 1946–1948 гг., в том числе и в Башкирской АССР (Попов, 1995). Изучению рождаемости в послевоенной деревне в общероссийском масштабе значительное внимание также уделено в исследованиях О.М. Вербицкой (Вербицкая, 2002; Вербицкая, 2009). В региональной историографии выделяются публикации экономиста и демографа Р.А. Галина. Однако послевоенный период (до 1959 г.) им также рассматривался в самом общем виде, лишь на основе опубликованных источников (Галин & Галина, 1998; Галин, 2016). Данное утверждение справедливо и для исторических работ (Сулейманова, 2005; Сулейманова, 2008). Специальных исследований, в которых бы рассматривалась эволюция рождаемости в сельской местности в Башкирии в 1946–1958 гг., практически нет. Изучению этого вопроса и посвящена данная статья. Исследование доведено до 1960 г. в связи с тем, что именно в этом году был отмечен наибольший уровень рождаемости за весь послевоенный период.

Материалы и методы

Основными источниками работы стали статистические материалы о рождаемости в башкирской деревне (по возрасту матери, по порядку рождения и др.), единовременные отчеты о половом и возрастном составе сельского населения за 1947–1949, 1960–1961 гг., хранящиеся в федеральных и региональном архивах.

Изучение рождаемости в деревне в первые послевоенные годы наталкивается на ряд методологических трудностей. В частности, в Башкирской АССР, как видно, из отчетов форм 1 и 1а Статистического управления республики, не совсем понятна, откуда бралась среднегодовая численность сельского населения. Единовременные отчеты сельсоветов о половом и возрастном составе сельчан на начало года в данном контексте не использовались. В то же время за 1949, 1950 и 1951 гг. среднегодовая численность как сельского, так и городского населения оказывалась одинаковой, будто бы она в течение трех лет не менялась, чего в принципе быть не могло. Сведения сельсоветского учета сельчан оказывались намного ниже цифр, указанных как среднегодовая численность. В начале 1949 г. руководство Статистического управления республики признавалось, что «точных данных о числе населения в органах государственной статистики нет, и посылаемые сведения являются приблизительными и не могут быть использованы для каких-либо расчетов и считаться официальными данными государственной статистики» (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1187. Л. 1). Как известно, единовременные отчеты охватывали только гражданское население, в них не учитывались военнослужащие и спецконтингент. Несмотря на указанные недостатки, по мнению исследователей, они являются вполне надежными источниками (Исупов, 2017, 25–26). В данной работе единовременные отчеты о половом и возрастном составе сельского

населения за 1947–1949, 1960–1961 гг. были использованы также для определения специальных, возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости.

Результаты

Как известно, в годы Великой Отечественной войны как на селе, так и в городе резко сократился уровень рождаемости. В башкирской деревне в количественном отношении в 1945 г. родилось в 3,6 раза меньше детей, чем в 1940 г., на 1000 населения — в 2,8 раза. Наименьший же уровень рождаемости и наименьшее число родившихся отмечалось в 1944 г. (Корнилов, 1993, с. 46). С 1945 г. в связи с увольнением и демобилизацией мужчин из армии число родившихся начинает расти. Если в 1945 г. в деревне родилось 27,9 тыс. младенцев, то в 1946 г. — 54,0 тыс., в 1947 г. — 60,0 тыс., в 1948 г. — 52,4 тыс., в 1949 г. — 68,2 тыс., в 1950 г. — 60,8 тыс., в 1951 г. — 65,8 тыс., в 1952 г. — 68,8 тыс., в 1953 г. — 62,4 тыс., в 1954 г. — 68,4 тыс., в 1955 г. — 69,0 тыс., в 1956 г. — 69,1 тыс., в 1957 г. — 74,5 тыс., в 1958 г. — 74,7 тыс., в 1959 г. — 74,1 тыс., в 1960 г. — 76,9 тыс. чел. (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 20. Д. 556. Л. 3). Число рождений в башкирской деревне в 1946 г., по сравнению с 1945 г., выросло на 93,6 %, в 1947 г. — в 2,2 раза, в 1948 г. — на 87,8 %, в 1949 г. — в 2,4 раза, в 1950 г. — в 2,2 раза, в 1955 г. — в 2,5 раза, в 1960 г. — в 2,8 раза. Как видно, повышение числа родившихся не было линейным, а носило волнообразный характер. Так, в 1948 г. произошло снижение числа родившихся после голода 1947 г. на 12,7 %.

Уровень рождаемости в 1945 г. в деревне составлял, по Г.Е. Корнилову, 13,7 % (Корнилов, 1993, с. 46). По другим данным, общий коэффициент рождаемости на селе в 1945 г. был 14,5 % (Галин, 2016, с. 80). В 1946 г. он, по расчетам ЦСУ республики тех лет, в деревне составил 25,6 %, в 1947 г. — 23,1, в 1948 г. — 20,2, в 1949 г. — 26,4, в 1950 г. — 23,5, в 1951 г. — 25,4 % (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1071. Л. 9 об; Д. 1187. Л. 34 об; Д. 1383. Л. 31 об; Д. 1593. Л. 16, 29 об; Д. 1759. Л. 36 об). В.П. Попов приводит иные данные: в 1946 г. — 24,2 %, в 1947 г. — 23,1, в 1948 г. — 18,0 (Попов, 1995, с. 13). В 1950 г. в деревне уровень рождаемости составлял, по современным сведениям, 28,6 % (Галин, 2016, с. 80). Однако все эти различия не меняют резко картины. С 1946 по 1950 г. повышение коэффициента рождаемости не было существенным. В дальнейшем он стал расти, доходя до 30–36 %. Однако уровня 1940 г. послевоенное село так и не достигло. Наибольший коэффициент рождаемости в деревне был зафиксирован в 1960 г., когда он достиг 37,2 %, после чего началось его снижение (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 4462. Л. 72).

Между тем в городских поселениях коэффициент рождаемости в первые послевоенные годы повышался стремительно, составив в 1950 г. будто бы 45,1 %, а в 1951 г. — 52,7 % (!) (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1593. Л. 29 об; Д. 1759. Л. 36 об). По более поздним подсчетам, в 1950 г. в городах Башкирии родилось лишь 34 младенца на 1000 чел. среднегодового населения, а уже с 1954 г. начался спад уровня рождаемости (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 4462. Л. 72).

Таким образом, подъем рождаемости на селе хоть и наступил позже, но длился дольше, чем в городе. Такое же положение отмечалось по всей РСФСР (Вербицкая, 2009, с. 201). Общие коэффициенты рождаемости в башкирской деревне оставались средними и выше средних, а в 1950-е гг. — высокими. На относительно медленный рост уровня рождаемости, по сравнению с городом, в первые послевоенные годы влияло множество факторов. Одними из главных причин, скорее всего, являлись недостаточность питания, голод, носивший практически перманентный характер, низкий уровень жизни на селе, миграция сельского населения в города. Свою роль сыграла и огромная

убыль мужского населения в период Великой Отечественной войны. По данным на 1 марта 1947 г. после окончания войны в села Башкирии прибыло около 100 тыс. демобилизованных воинов (Иванков, 1971, с. 269). Однако демобилизация не могла решить проблему соотношения полов на селе. К началу 1948 г. в деревне в возрастных группах 20–49 лет женщин было больше мужчин более чем в 2 раза, а в группе 50–54 года на 1000 мужчин приходилось 1564 женщины (Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3176. Л. 60–60 об). Лишь в 1950-е гг., когда в репродуктивный возраст вступили более молодые многочисленные поколения сельчан, коэффициент рождаемости повысился.

По единовременным отчетам сельсоветов о половом и возрастном составе сельского населения была предпринята попытка рассчитать специальный коэффициент рождаемости в башкирской деревне за 1947–1948 гг. По нашим расчетам, он в 1947 г. составлял 108,3 на 1000 женщин в возрасте 16–49 лет, в 1948 г. — 93,4 (подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632. Л. 326; Д. 3176. Л. 60–60 об; Д. 3793. Л. 75; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1071. Л. 11–11 об; Д. 1187. Л. 10–10 об). По утвердившейся в отечественной науке шкале оценки специальных коэффициентов рождаемости, его уровень в 1947 г. был выше среднего, а в 1948 г. — средним. С учетом 15-летних девушек специальный коэффициент рождаемости был несколько ниже указанных цифр, а именно 88,5 ‰ в 1948 г. Для сравнения, в 1942 г. специальный коэффициент рождаемости в башкирской деревне составлял 116,1 ‰, в 1944 г. — 45,3 (Корнилов, 1993, с. 48). После 1948 г. он постоянно повышался и к 1960 г. достиг 160,1 ‰ (Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1007. Л. 71–71 об; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 4264. Л. 1–1 об; Д. 4463. Л. 1–1 об). Отметим, что у сельских женщин в РСФСР в 1948 г. специальный коэффициент рождаемости составлял 86,4 ‰, а в 1959 г. — 101,9 (Вербицкая, 2002, с. 261). Таким образом, если в первые послевоенные годы коэффициент рождаемости в башкирской деревне был примерно на уровне среднероссийской, то в 1960 г. был намного выше.

Также рассчитаны возрастные коэффициенты рождаемости за 1948 и 1960 гг. (табл. 1).

С 1948 по 1960 г. в возрастных группах от 15 до 39 лет произошло повышение рождаемости: 15–19 лет — в 3,9 раза, в 20–29 лет — в 1,5 раза, в 30–39 лет — в 1,6 раза. Тогда как после 40 лет женщины стали рожать меньше. В башкирской деревне в конце 1950-х гг. в возрастных группах 20 лет и старше коэффициент рождаемости был на порядок выше, чем в целом по сельской местности РСФСР (Вербицкая, 2002, с. 270). Данный факт исследователи объясняют национальным составом сельского населения региона. По материалам переписи 1959 г., на 100 женщин-башкирок в деревне (в БАССР) приходился 151 ребенок в возрасте 0–9 лет, тогда у русских (в масштабах РСФСР) только 105 (Бондарская, 1977, 56; Вербицкая, 2002, 264). Повышенная рождаемость на селе, скорее всего, также была характерна для татар и представителей ряда финно-угорских народов.

Таблица 1

Возрастные коэффициенты рождаемости в сельской местности Башкирской АССР

Возрастные группы, лет	1948 г., ‰	1960 г., ‰
15–19	9,6	37,1
20–29	173,9	259,6
30–39	116,7	191,4
40–49	36,1	30,3
50–54	1,5	0,9

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1007. Л. 71–71 об; Оп. 329. Д. 3176. Л. 60–60 об; Д. 3793. Л. 75; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1187. Л. 10–10 об; Оп. 9. Д. 4264. Л. 1–1 об; Д. 4463. Л. 1–1 об.

В 1948 г. расчете на одну женщину в возрасте 15–49 лет приходилось 3,323 рождений, а в 1960 г. — 5,012, то есть в 1,5 раза больше. Отметим также, что суммарный коэффициент рождаемости в башкирской деревне в 1942 г. составлял 4,164, а в 1944 г. — 1,708 (подсчитано по (Корнилов, 1993, с. 48)). Таким образом, уровень 1942 г. в 1948 г. еще не был достигнут. В расчете на одну женщину в возрасте 15–49 лет число рождений в послевоенный период достигло в 1958–1959 гг. — 4,564 (сравните: в уральской деревне — только 3,83) (Галин, 2016, с. 85; Кузьмин, 1996, с. 69). Последние цифры были получены по материалам переписи 1959 г.

Как видно, наибольшее количество рождений приходилось на матерей в возрасте 20–29 лет. Об этом свидетельствуют и данные таблицы 2.

Примечательно, что удельный вес женщин, рожавших в возрасте до 20 лет, был небольшим. Если в 1946 г. наибольшее число рождений приходилось на группу в возрасте 20–24 лет, то в 1954 г. уже на следующую — 25–29 лет. В то же время доля родившихся детей у возрастной группы 30–34 года в 1946–1947 гг. была выше, чем у предыдущей группы, а в 1950 г. — в 35–39 лет. Очевидно, это было компенсаторным явлением для данного поколения женщин. Между тем с каждым годом до 1954 г. доля женщин в возрасте 30–34 лет снижалась, а 25–29 лет — увеличивалась. Однако с 1954 по 1960 г. удельный вес 30–34-летних вновь возрос, 25–29-летних — снизился. Это было поколение, родившееся между 1920 и 1930 гг., потенциальные мужья которых наиболее пострадали и/или погибли на войне. Для репродуктивного поведения данного поколения женщин была характерна установка на относительно высокую рождаемость. После 1950 г. значительно снизилась доля 35–39-летних женщин, с 1954 по 1960 г. в 2,3 раза — в возрасте 40 лет и старше. Аналогичные процессы во второй половине 1950-х гг. происходили в целом по РСФСР (Вербицкая, 2002, с. 266–268).

Рассмотрение структуры родившихся детей по счету рождения у матерей в сельской местности в первые послевоенные годы несколько затруднительно (табл. 3). Дело в том, что счет многих родившихся оставался неизвестным. Так, в 1946 г. данный показатель в башкирской деревне составлял 39,6 %, в 1947 г. — 32,4, в 1948 г. — 24,6, в 1949 г. — 15,2 % (ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 452. Л. 14 об; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1071. Л. 11 об; Д. 1187. Л. 10 об; Д. 1383. Л. 14 об). Впрочем, такое положение в 1946–1947 гг. отмечалось и в городах.

Таблица 2

Родившиеся по возрасту матери в сельской местности Башкирской АССР (%)

Возрастная группа	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1950 г.	1954 г.	1958 г.	1960 г.
Моложе 20 лет	5,4	3,6	2,8	2,7	2,3	3,0	2,6
20–24 лет	23,5	27,5	29,6	27,3	24,6	26,3	27,5
25–29 лет	20,2	20,2	24,1	25,3	33,6	31,9	29,1
30–34 лет	22,3	20,3	18,5	15,5	16,9	23,9	24,9
35–39 лет	17,1	15,7	15,0	16,3	11,3	8,1	10,6
40–44 лет	8,0	8,8	7,3	9,5	8,7	4,8	3,6
45 лет и старше	2,1	2,5	1,7	2,4	1,8	1,3	1,0
Неизвестного возраста	1,4	1,4	1,0	1,0	0,8	0,7	0,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источники: (Ганиев, 2018, 115–116); ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 452. Л. 14–14 об; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1071. Л. 11–11 об; Д. 1187. Л. 10–10 об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 481. Л. 21–21 об; Д. 1007. Л. 71–71 об.

**Распределение родившихся по порядку их рождения у матери в сельской местности
Башкирской АССР (%)**

Порядок рождения у матери	1946 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1957 г.
Первый	21,7	27,0	24,6	27,9	25,6	27,2	28,3
Второй	11,8	19,9	20,2	19,0	21,3	20,3	21,7
Третий	10,9	12,0	16,0	15,3	15,7	17,2	16,6
Четвертый	4,2	8,3	10,2	9,9	11,9	11,9	12,2
Пятый и более	11,8	19,8	22,2	20,6	20,3	19,2	17,4
Не указан	39,6	13,0	6,8	7,3	5,2	4,2	3,8

Источники: (Ганиев, 2018, 117–118); ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 452. Л. 14 об; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1759. Л. 39 об; Д. 2053. Л. 22 об; Оп. 9. Д. 2743. Л. 66.

В 1950-е гг. отмечалось увеличение числа рождений у многодетных матерей, уже имевших двух и более детей. Число детей, родившихся третьими и более по счету, в 1951 г. составило 48,4 %, а в 1959 г. — 49 %, тогда как в городе — лишь 27 %. Статистики объясняли данный факт увеличением количественного состава сельской семьи в 1950-е гг. (НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 4261. Л. 62). Думается, что данный факт имел компенсаторный характер. Между тем, в масштабах РСФСР число детей, родившихся у многодетных матерей, в этот период постепенно снижалось (Вербицкая, 2002, с. 272–273).

Заключение

Таким образом, повышение рождаемости в сельской местности после окончания Великой Отечественной войны происходило медленнее, чем в городе, но продолжалось дольше (до 1960 г.). Наряду с массовой гибелью мужчин на войне, миграцией сельчан в города, значительное влияние на состояние рождаемости оказывала возрастная структура женского населения. Наибольшая репродуктивная активность в рассматриваемый период принадлежала женщинам, родившимся в 1920–1930-е гг. Если девушки, родившиеся в 1920-е гг., сталкивались с проблемой отсутствия потенциальных женихов, то соотношение женщин и мужчин следующего поколения было более равномерным. В частности, и по этой причине вплоть до начала 1950-х гг. уровень рождаемости на селе оставался средним и выше среднего, и только со вступлением в репродуктивный возраст представителей молодого поколения он повысился, превысив 30 ‰, и достиг пика в 1960 г. У башкир и ряда других народов еще сохранялся достаточно высокий уровень рождаемости, у них начавшийся демографический переход был не завершен, а так называемый компенсаторный период после войны оказался, скорее всего, более длительным.

Список источников

Бондарская, Г. А. (1977). *Рождаемость в СССР (Этнодемографический аспект)*. М: Статистика, 128.

Вербицкая, О. М. (2002). *Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития*. М: Ин-т рос. истории РАН, 319.

Вербицкая, О. М. (2009). *Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект)*. Москва; Тула: Гриф и К, 296.

- Галин, Р. А. (2016). *Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики*. Уфа: БАГСУ, 248.
- Галин, Р. А., Галина, Л. Л. (1998). *Население Республики Башкортостан: динамика и особенности формирования*. Препринт. Уфа: РИО БАГСУ, 72.
- Ганиев, А. М. (Ред.). (2018). *Башкортостан в цифрах. Статистический сборник*. Уфа: Китап, 768.
- Иванков, В. П. (Ред.). (1971). *Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1*. Уфа: Башкирское книжное издательство, 326.
- Исупов, В. А. (Ред.). (2017). *Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.)*. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 350.
- Корнилов, Г. Е. (1993). *Уральское село и война. Проблемы демографического развития*. Екатеринбург: Уралагропресс, 175.
- Кузьмин, А. И., Корнилов Г. Е., Голикова С. В., Оруджиева А. Г., Алферова Е. Ю. (1996). *Население Урала. XX век. История демографического развития*. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 212.
- Махмутзянова, Н. С. (1967). Некоторые вопросы воспроизводства населения Башкирской АССР. *Здравоохранение Российской Федерации*, 1, 22–24.
- Попов, В. П. (1995). Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы. *Социологические исследования*, 12, 3–15.
- Сулейманова, Р. Н. (2008). Население советской страны в 1940–1950-е годы: опыт региональной демографии. В: *Уральские Бирюковские чтения: сборник научных и научно-популярных статей. Вып. 5. Историко-культурное наследие российских регионов. Ч. II*. (с. 50–54). Челябинск: Алим.
- Сулейманова, Р. Н. (Ред.). (2005). *История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х т. Т. 2: 1945–1990*. Уфа: Гилем, 313.
- Хисматов, М. Ф. (1978). Особенности современных демографических процессов в Башкирии. В: *Территориальные социально-экономические системы Урала. Межвузовский сборник научных трудов (с. 57–69)*. Пермь: Пермский университет.

References

- Bondarskaya, G. A. (1977). *Rozhdaemost v SSSR (Etnodemograficheskiy aspekt) [Fertility in the USSR (Ethnodemographic aspect)]*. Moscow: Statistics, 128. (In Russ.)
- Galín, R. A. (2016). *Demograficheskoe razvitiye naseleniya Respubliki Bashkortostan v usloviyakh rynochnoy ekonomiki [Demographic development of the population of the Republic of Bashkortostan in a market economy]*. Ufa: BAGSU, 248. (In Russ.)
- Galín, R. A., & Galina, L. L. (1998). *Naselenie Respubliki Bashkortostan: dinamika i osobennosti formirovaniya [Population of the Republic of Bashkortostan: dynamics and features of formation]*. Preprint. Ufa: RIO BAGSU, 72. (In Russ.)
- Ganiev, A. M. (Ed.). (2018). *Bashkortostan v tsifrakh. Statisticheskiy sbornik [Bashkortostan in numbers. Statistical collection]*. Ufa: Kitap, 768. (In Russ.)
- Isupov, V. A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX–XX v.) [Demographic history of Western Siberia (from late 19 until 20th century)]*. Novosibirsk, 350. (In Russ.)
- Ivankov, V. P. (Ed.). (1971). *Formirovanie i razvitiye sovetского rabocheго klassa Bashkirskoy ASSR. Ch. 1 [Formation and development of the Soviet working class of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Part 1]*. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 326. (In Russ.)

Khismatov, M. F. (1978). Features of modern demographic processes in Bashkiria. In: *Territorialnye sotsialno-ekonomicheskie sistemy Urala. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Territorial socio-economic systems of the Urals. Interuniversity collection of scientific papers]* (pp. 57–69). Perm, Perm University, 113. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (1993). *Uralskoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya [Ural village and war. Problems of demographic development]*. Ekaterinburg: Uralagropress, 175. (In Russ.)

Kuzmin, A. I., Kornilov G. E., Golikova S. V., Orudzhieva A. G., & Alferova E. Yu. (1996). *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya [Population in the Urals. The XXth century. The History of Demographic Development]*. Ekaterinburg: Publishing House Yekaterinburg, 212. (In Russ.)

Makhmutzyanova, N. S. (1967). Some issues of reproduction of the population of the Bashkir ASSR. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii [Healthcare of the Russian Federation]*, 1, 22–24. (In Russ.)

Popov, V. P. (1995). Regional peculiarities of the demographic situation of the RSFSR in the 1940s. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 12, 3–15. (In Russ.)

Suleymanova, R. N. (2008). The population of the Soviet country in the 1940–1950s: the experience of regional demography. In: *Uralskie Biryukovskie chteniya: sbornik nauchnykh i nauchno-populyarnykh statey. Vyp. 5. Istoriko-kulturnoe nasledie rossiyskikh regionov. Ch. II. [Ural Biryukov Readings: collection of scientific and popular science articles. Vol. 5. Historical and cultural heritage of Russian regions. Part II]* (pp. 50–54). Chelyabinsk: Alim. (In Russ.)

Suleimanova, R. N. (Ed.). (2005). *Istoriya Bashkortostana. 1917–1990-e gody: v 2-kh t. T. 2: 1945–1990 [History of Bashkortostan. 1917–1990s: in 2 volumes. Vol. 2: 1945–1990]*. Ufa: Gilem, 313. (In Russ.)

Verbitskaya, O. M. (2002). *Naselenie rossiyskoy derevni v 1939–1959 gg. Problemy demograficheskogo razvitiya [The population of the Russian village in 1939–1959. Problems of demographic development]*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 319. (In Russ.)

Verbitskaya, O. M. (2009). *Rossiyskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt) [Russian rural family in 1897–1959. (historical and demographic aspect)]*. Moscow-Tula: Grif i K, 296. (In Russ.)

Информация об авторе

Исянгулов Шамиль Наилевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71; e-mail: isangul-schmil@mail.ru).

About the author

Shamil N. Isyangulov — Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Associate, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: isangul-schmil@mail.ru).

УДК 94(47).084.8

JEL classification: J19

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-11>

Вклад в людские потери союзных республик СССР в годы Великой Отечественной войны¹

Г. Е. Корнилов

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Автор для корреспонденции: Г. Е. Корнилов (genakorn@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе данных государственной статистики проведено исследование потерь населения союзных республик СССР в 1941–1945 гг. Исследование людских потерь проводилось на материалах всей страны, появились работы по РСФСР, Украинской и Белорусской ССР; по другим союзным республикам историография практически отсутствует. Архивные материалы ЦСУ СССР, основанные на текущей статистике, позволяют изучить вклад в людские потери за период войны в бывших союзных республик.

Ключевые слова: население; людские потери; Великая Отечественная война; СССР; союзные республики

Human Losses of the Union Republics of the USSR during the Great Patriotic War

G. Kornilov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Corresponding author: G. Kornilov (genakorn@mail.ru).

Abstract. Using state statistics, the article examines population losses of the Union republics of the USSR in 1941–1945. The study of human losses was conducted on the materials of the whole country, research on the RSFSR, Ukrainian and Belarusian SSR; for other union republics, there was practically no historiography. The archival materials of the Central Executive Committee of the USSR, based on current statistics, can be analysed to assess the contribution of all Soviet union republics to human losses.

Keywords: population; human losses; Great Patriotic War; USSR; the Union republics

Введение

Исследования потерь населения СССР в Великой Отечественной войне активизировались в конце 1980-х гг., поскольку до этого опубликованные руководителями страны цифры потерь населения не позволяли понять, отражали ли они только военные потери или потери гражданского населения. Выяснено одно: наибольшие потери понесло гражданское население. Выяснение потерь населения в каждой из бывших 16 советских республик оказалось крайне важным после распада СССР и создания независимых государств. В условиях написания национальных историй по-своему стала трактоваться история Великой Отечественной войны и вклад в совместную победу каждой из бывших союзных республик, по-разному интерпретировались и людские потери. Противоречивые данные, как в советской, так и в современной российской и зарубежной исторической науке, привлекают пристальное внимание научного сообщества. Демографическая трагедия страны эпохи Великой Отечественной войны остается одной из болевых точек историографии.

¹ © Корнилов Г. Е. Текст. 2024.

Обзор литературы

Попытки дать количественную оценку людских потерь СССР в Великой Отечественной войне предпринимались неоднократно российскими и зарубежными историками (Рыбаковский, 2010; Кваша, 2023). К проблеме обращались известные демографы — Л.Л. Рыбаковский, А.Я. Кваша, В.И. Переведенцев (Переведенцев, 1995), А.Г. Вишневский (Вишневский, 2016). Наиболее обстоятельный расчет предвоенной и послевоенной численности населения СССР сделан в книге Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской. По их расчетам людские потери родившихся до начала войны составили в общей сложности 25,3 млн чел. (Андреев и др., 1993). В работе, выполненной под руководством Г.Ф. Кривошеева, общие людские потери за годы войны составили 26,6 млн человек (Кривошеева, 1993; Кривошеева, 2001). Эта цифра признана большинством историков и демографов. Основные направления исследований определила научная конференция «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне» (Людские потери..., 1995). Главное — это поиск новых документов, анализ и сопоставление которых помогут приблизиться к адекватному отражению демографических событий. В центре внимания российских историков оставалось исследование демографической ситуации в РСФСР. В первую очередь, отметим трехтомное издание «Население России в XX веке» (отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская) (Поляков & Жиромская, 2001). Во втором томе большое внимание уделено вопросу о потерях в рядах советских вооруженных сил и среди гражданского населения. Авторы критически проанализировали оценки, произведенные отечественными и зарубежными специалистами. Представлены все категории населения: фронтовики и труженики тыла, репатрианты, депортированные, эвакуированные, люди, пережившие оккупацию, заключенные и др. (Поляков & Жиромская, 2001). Проблема людских потерь остается в центре внимания историков В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, Г.Е. Корнилова.

С.А. Кропачев, Е.Ф. Кринко провели тщательный анализ российской историографии проблемы (Кропачев & Кринко, 2012). В статьях В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, Г.Е. Корнилова о населении РСФСР выявлены конкретные количественные показатели численности населения, показаны изменения как в городском, так и сельском населении, в экономических районах, в регионах, подвергшихся оккупации, а также в районах глубокого тыла; определены в общих чертах основные источники изменения численности и состава населения России (Жиромская и др, 2019; Zhiromskaya et al., 2020). Российская историография проблемы нацелена на использование современных методов и на изучение исторических источников.

Демографические последствия войны для Украины остаются окончательно не выясненными. В научном обороте имеются в основном версии авторских экспертных заключений на основании фрагментарных, в основном критически не осмысленных источников. Диапазон имеющихся оценок людских потерь Украины в период Второй Мировой войны колеблется от 5 млн до 14 млн чел. Первой работой была статья А.Л. Перковского, С.И. Пирожкова, подготовленная на материалах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на временно оккупированных территориях СССР и данных Статистического управления Украинской ССР. Авторы пришли к выводу о сокращении населения республики на 13,6 млн чел. с начала 1941 г. к началу 1945 г., а к началу 1946 г. — на 8,9 млн чел. (Перковский & Пирожков, 1990). Исследования демографических последствий Второй мировой войны были проведены в Институте демографии

и социальных исследований им. М. В. Птухи НАН Украины, по их расчетам Украина потеряла 9 млн своих граждан (Оцінка..., 2015).

Вопрос о числе людских потерь в Белорусской ССР остается дискуссионным: погиб в годы войны каждый четвертый или каждый третий житель. Историк И. В. Тимохович писал: «Жители Беларуси три кошмарных года переносили трудности фашистской оккупации, всеми доступными способами и средствами вели борьбу с захватчиками, потеряв убитыми, замученными 2,2 млн человек — четвертую часть населения республики» (Тимохович, 1994). Аналогичная цифра приводится и во втором томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі»¹. Выступая на международной конференции «Великая Победа: героизм и подвиг народов», А. А. Коваленя отметил, что «жертвами нацизма стали около 3 миллиона человек» (Коваленя, 2006). Такое мнение и у авторов коллективной работы «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» (Беларусь..., 2005).

По расчетам А. М. Литвина, население Белорусской ССР к концу 1944 г. составило 2,9 млн чел., или 32 % от численности на начало 1941 г. (Литвин, 2002; Литвин, 2015). Э. Г. Иоффе также полагал, что каждый третий житель республики погиб, однако людские потери за годы Великой Отечественной войны достигли 3039,5 тыс. чел. (Иоффе, 2012).

Нет дискуссий и крайне мало публикаций о потерях населения других бывших союзных республик. В исторической литературе встречаются небольшие статьи о военных потерях в Азербайджане, Армении и Грузии. Обычно это сведения о мобилизованных на фронт, о количестве вернувшихся с войны. Э. Р. Исмаилов указал, что уменьшение численности населения Азербайджанской ССР за 1941–1945 гг. составило не менее 800–900 тыс. чел. Слагаемые этого показателя составили потери на фронте, снижение рождаемости в результате массовой мобилизации молодежи, рост уровня смертности гражданского населения. Призвано в действующую армию около 600 тыс. жителей республики, половина из них не вернулась домой (Исмаилов, 2003). Армянские историки К. А. Арутюнян и Г. Р. Погосян отмечают, что небольшая горная Армянская ССР с численностью населения 1,5 млн чел. отправила на фронт 20 % своего населения (Арутюнян & Погосян, 2010). Г. В. Рцхиладзе указал, что в годы Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии было призвано более 500 тыс. грузин (это был практически предел мобилизационных возможностей народа), из которых погибло на полях сражений более 80 тыс. солдат и офицеров (Рцхиладзе, 2020).

Крайне мало исследований о населении республик Средней Азии (Асылбеков & Галиев, 1991; Козыбаев, 2000). В. Б. Жиромская отметила, что население Казахстана, как и все население СССР, пострадало от людских потерь в годы войны. Тем не менее конкретных цифр не приведено (Жиромская, 2020).

Узбекский историк Х. Т. Ахмедов, рассуждая о вкладе Узбекской ССР в победу, отметил, подтверждая слова президента республики, что более 40 % всего населения взяли в руки оружие и принимали участие в боях. Если учесть, что в этой страшной войне погибли около 500 тыс., то есть 30 % всех участвовавших в войне узбекистанцев, можно представить, насколько высока цена Победы для республики (Ахмедов, 2020). Подобная ситуация и по истории Таджикской ССР. А. М. Гафуров приводит сведения о направлении на фронт и о мобилизации на военные предприятия таджикстанцев, однако не приводит данных о потерях населения (Гафуров, 2020; Хотамов, 2020). Ф. К. Караев первым в таджикской историографии исследовал динамику населения

¹ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2. Мінск, 1994. С. 434.

за годы войны. Он показал, что население республики за 1941–1945 гг. не только сократилось на 153 тыс. чел., или на 9,8 %, но изменился его состав. Более всего сократилось сельское население республики — на 169 тыс. чел., или на 13,6 %. Городское население, наоборот, за годы войны выросло на 16 тыс. чел., или на 4,9 %. Эти изменения привели к изменению структуры населения: если до войны 79,1 % населения проживали в сельской местности, а в городах — 20,8 %, то к концу войны доля сельского населения снизилась до 75,7 %, а городского выросла до 24,3 % (Караев, 2021).

Материалы и методы

Исследование построено на необработанных статистических источниках, подготовленных в ЦСУ Госплана СССР на основе текущего учета населения. Сводки ЦСУ СССР, подготовленные в начале 1946 г., содержат репрезентативные сведения о сокращении населения по союзным республикам и областям. Текущий учет населения сверялся статистиками военного и послевоенного времени с данными карточных бюро городов и сельсоветским учетом (похозяйственный учет, списки временно проживавших лиц, алфавитные книги хозяйств). В расчетах не учитывалась численность вооруженных сил, лечившихся в военных госпиталях, а также спецконтингент. Эти группы при оценках численности населения рассматривались как «нераспределенные по территории», в расчетах не учитывались (на январь 1945 г. по СССР 16 млн чел.). Не учитывались и советские граждане, угнанные в Германию и не вернувшиеся к началу 1945 г. Из общей численности населения СССР на начало 1945 г. были вычтены 16 млн чел., чтобы произвести сопоставление удельного веса людских потерь по союзным республикам.

Результаты и обсуждение

Численность населения СССР сократилась на 14,1 %. Уменьшение произошло во всех без исключения союзных республиках, но особенно значительно — в тех из них, где проходили боевые действия и которые находились в оккупации. Феномен сокращения численности населения на территориях, подвергнутых оккупации, обусловливался массовой эвакуацией людского контингента в восточные районы СССР, воинскими мобилизациями, репрессиями оккупантов, насильственным угоном части населения и бегством коллаборантов в Германию, отрицательным естественным приростом. К началу 1945 г. убыль отмечалась: в Карело-Финской ССР — на 371 тыс. чел. (67,7 %), Латвии — на 787 тыс. (41 %), Украине — на 13300 тыс. (32,4 %), Белоруссии — на 2774 тыс. (29,4 %), Молдавии — на 528 тыс. (20,8 %), Эстонии — на 210 тыс. (19,8 %), Литве — на 597 тыс. (19,7 %), РСФСР — на 21429 тыс. (19,2 %). В тыловых районах страны динамика численности населения имела свои особенности. Здесь численность населения сокращалась не столь резко. На территории тыловых республик бои не велись, однако и они потеряли часть своего населения: Азербайджанская ССР — 558,0 тыс. (16,7 %), Туркменская — 195,0 тыс. (14,6), Узбекская — 688,0 тыс. (10,3), Таджикская — 153,0 тыс. (9,8), Грузинская — 413,0 тыс. (8,8), Армянская — 120,0 тыс. (8,8), Киргизская — 153,0 тыс. (7,4) и Казахская — 272,0 тыс. (4,2). В этом свою роль играли воинские мобилизации и отрицательный естественный прирост.

В таблице представлены несопоставимые цифровые материалы. Поскольку оценка 1941 г. дана с учетом численности армии, солдат и офицеров в госпиталях и спецконтингента. При оценке 1945 г. «нераспределенные по территории» учтены только при расчетах численности населения Советского Союза в целом. Но, несмотря на это, приведенные сведения дают представление об общей тенденции изменений

Таблица

Динамика численности населения СССР и союзных республик в 1941–1945 гг. (тыс. чел.)*

Территория	Численность и доля в населении страны			1945 к 1941, %
	1 января 1941 г.	1 января 1945 г.	Сокращение	
СССР	198 588,0	170 637,0**	27 951,0	85,9 (-14,1)
РСФСР	111 745,0 56,26	90 316,0 (58,40)	21 429,0 (50,41)	80,8 (-19,2)
Украинская ССР	40 993,0 20,64	27 693,0 (17,91)	13 300,0 (31,28)	67,6 (-32,4)
Белорусская ССР	9316,0 4,69	6542,0 (4,2)	2774,0 (6,53)	70,2 (-29,4)
Азербайджанская ССР	3332,0 1,68	2774,0 (1,79)	558,0 (1,31)	83,3 (-16,7)
Грузинская ССР	3756,0 1,89	3343,0 (2,12)	413,0 (0,97)	91,2 (-8,8)
Армянская ССР	1359,0 0,68	1239,0 (0,8)	120,0 (0,28)	91,2 (-8,8)
Туркменская ССР	1333,0 0,67	1138,0 (0,74)	195,0 (0,46)	85,4 (-14,6)
Узбекская ССР	6650,0 3,35	5962,0 (3,86)	688,0 (1,62)	89,7 (-10,3)
Таджикская ССР	1566,0 0,79	1413,0 (0,91)	153,0 (0,36)	90,2 (-9,8)
Казахская ССР	6405,0 3,23	6133,0 (3,97)	272,0 (0,64)	95,8 (-4,2)
Киргизская ССР	1587,0 0,80	1470,0 (0,95)	153,0 (0,28)	92,6 (-7,4)
Карело-Финская ССР	548,0 0,28	177,0 (0,11)	371,0 (0,87)	32,3 (-67,7)
Молдавская ССР	2541,0 1,28	2013,0 (1,30)	528,0 (1,24)	79,2 (-20,8)
Литовская ССР	3037,0 1,53	2440,0 (1,58)	597,0 (1,4)	80,3 (-19,7)
Латвийская ССР	1921,0 0,97	1134,0 (0,73)	787,0 (1,85)	59,0 (-41,0)
Эстонская ССР	1060,0 0,53	850,0 (0,55)	210,0 (0,49)	80,2 (-19,8)

* Оценка ЦСУ СССР: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 119–122.

** Включая 16 млн чел., не распределенных по территории (без угнанных в Германию).

на территориях союзных республик. Сведения о населении на 1 января 1945 г. свидетельствуют о сокращении населения всех союзных республик. Основные составляющие сокращения формировались из следующих групп: 1) погибших и умерших на фронте, на временно оккупированных территориях и в прифронтовых областях, в тылу во время войны, 2) не вернувшихся из рабства в Германии, 3) узники ГУЛАГа.

Удельный вес потерь населения РСФСР в общем сокращении за 1941–1945 гг. (на начало года) оказался самым большим — 50,01 %, Украинской ССР — 31,04, Белорусской

ССР — 6,47. Человеческие потери трех республик составили 87,52 %. Доля других республик составила 12,48 %: Литовской — 1,84, Узбекской — 1,61, Карело-финской — 1,57, Латвийской — 1,39, Азербайджанская — 1,30, Молдавской — 1,23, Грузинской

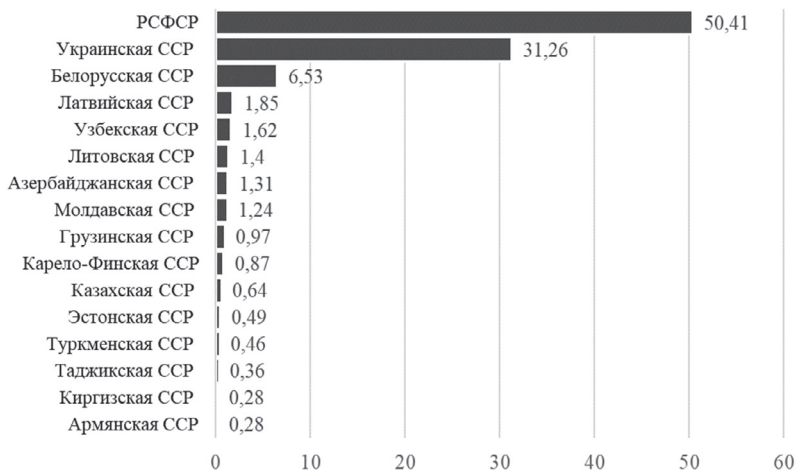

Рис. 1. Удельный вес союзных республик в общих потерях населения СССР в 1941–1945 гг., % (источник: составлено по данным таблицы)

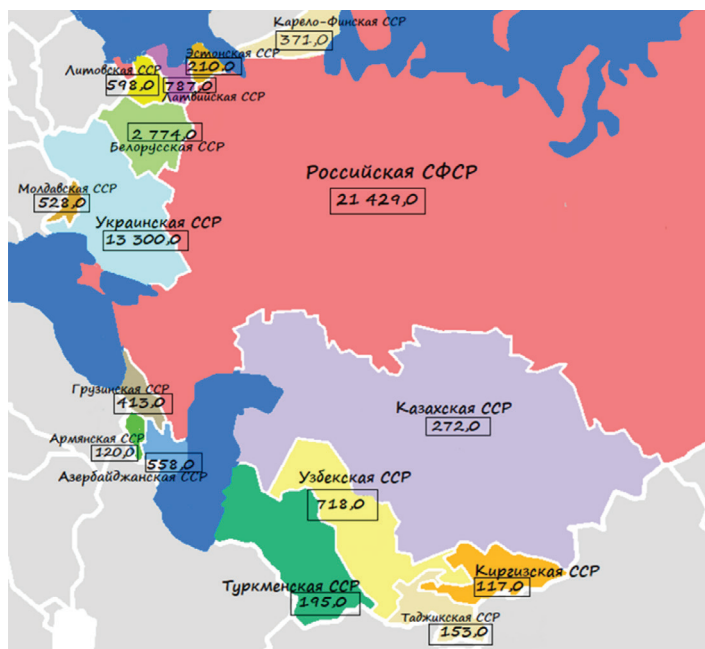

Рис. 2. Потери населения союзных республик Советского Союза за 1941–1945 гг., тыс. чел. (на начало года; источник: составлено по данным таблицы)

– 0,96, Казахской – 0,63, Эстонской – 0,49, Туркменской – 0,46, Киргизской – 0,36, Таджикской – 0,36 и Армянской – 0,28 (рис. 1).

Общие потери населения в абсолютных данных по союзным республикам показаны на рисунке 2, составленного по данным таблицы. Отмечу, что эти данные потерь населения на территориях республик СССР охватывают только период с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. Тем не менее они отражают приблизительную ситуацию человеческих потерь, вызванных страшной войной, цену Великой Победы. Анализ выявленных исторических источников позволит достоверно определить вклад в разрешение проблемы демографических потерь каждой из союзных республик в 1941–1945 гг. в контексте демографического развития Советского Союза.

Заключение

Победа СССР в Великой Отечественной войне над фашистской Германией и ее союзниками была одержана советским народом, население всех республик Советского Союза внесли свой посильный вклад. Тем не менее, необходимо отметить, что наибольшие потери населения понесли РСФСР, Украинская ССР и Белорусская ССР, их доля составила 88,22 % от общесоюзных потерь. Все население СССР пострадало от людских потерь в годы войны. Нарушения в развитии демографических процессов привели к негативным изменениям возрастно-половой структуры населения.

Демографическое эхо людских потерь долго оказывало негативное влияние на демографическое развитие населения.

Список источников

- Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харьковская, Т. Л. (1993). *Население Советского Союза: 1922–1991*. М.: Наука, 139.
- Арутюнян, К. А., Погосян, Г. Р. (2010). *Вклад армянского народа в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945)*. Ереван: Гитутюн, 874.
- Асылбеков, М. Х., Галиев, А. Б. (1991). *Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.)*. Алма-Ата: Гылым, 191.
- Ахмедов, Х. Т. (2020). Вклад Республики Узбекистан в победу над фашизмом. *Постсоветские исследования*, 3(5), 415–419.
- Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945*. (2005). Минск БелТА, 540.
- Вишневский, А. Г. (2016). Демографические последствия Великой Отечественной войны. *Демографическое обозрение*, 3(2), 3–42.
- Гафуров, А. М. (2020). Вклад Таджикистана в Великую Победу. В: *Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945. Сборник научных статей* (с. 66–70). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 498.
- Жиромская, В. Б. (2020). К вопросу о демографической ситуации в Казахстане в годы Великой Отечественной войны. *История: факты и символы*, 1(22), 140–144.
- Жиромская, В. Б., Исупов В. А., Корнилов Г. Е. (2019). Население России в 1939–1945 гг. *Российская история*, 3, 3–17.
- Иоффе, Э. Г. (2012). О людских потерях БССР в годы войны. *Секретные исследования*, 22, 14.
- Исмаилов, Э. Р. (2003). *Власть и народ: послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945 – 1953*. Баку: Адильоглы, 342.
- Караев, Ф. К. (2021). Население Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): постановка проблемы. В: *Парадигмы и модели демографического развития:*

сб. ст. XII Уральского демографического форума. Том I (с. 79–83). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 323.

Кваша, А. Я. (2023). Методика расчета демографических потерь в войне (Из неопубликованного учебного пособия «Военная демография», 1991). *Демоскоп Weekly*, 991–992.

Коваленя, А. А. (2006). Память о Великой Отечественной войне. В: *Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы междунар. науч. конф.*, в 2 т. Т. 1. (С. 38). Минск: Институт истории, 226.

Козыбаев, М. К. (2000). Казахстан в годы Великой Отечественной войны. В: *Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х книгах. Книга 2.* (с. 275–285). Алматы: [б.и.], 387.

Кривошеева, Г. Ф. (Ред.) (2001). *Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: статистическое исследование.* Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 607.

Кривошеева, Г.Ф. (Ред.) (1993). *Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. 1918–1989. Статистическое исследование.* Москва: Воениздат, 416.

Кропачев, С. А., Кринок, Е. Ф. (2012). *Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография.* Москва: РОССПЭН, 349.

Литвин А. (2002). К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). *Беларусь у XX стагоддзі: зборнік навуковых прац*, 1, 127–128.

Литвин, А. (2015). О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны. *Наука и инновации*, 5(147), 4–16.

Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Сборник статей. (1995). Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 190 с.

Переведенцев, В. И. (1995). Послевоенная динамика населения СССР и России. *Политические исследования*, 2, 24–33.

Перковський, А. Л., Пирожков, С. І. (1990). Демографічні втрати народонаселення Української РСР у 40-х рр. *Український історичний журнал*, 2, 15–25.

Поляков, Ю. А., Жиромская, В. Б. (Ред.) (2001). *Население России в XX веке: Исторические очерки.* В 3 т. Т. 2: 1940–1959. М.: РОССПЭН, 414.

Рцхиладзе, Г. В. (2020). Память о Великой Отечественной войне в современной Грузии. *Постсоветские исследования*, 3(5), 409–413.

Рыбаковский, Л. Л. (2010). *Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне.* Москва: Экон-Информ, 140.

Тимохович, И. В. (1994). *Битва за Белоруссию: 1941–1944.* Минск: Беларусь, 241.

Хотамов, Н. (2020). Таджикистан в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. *Историк (Муаррих)*, 2(22), 50–59.

Оцінка демографічних втрат України у період Другої світової війни. (2015). В: *Українська Друга світова війна. Матеріали міжнародної наукової конференції до 70-ї річниці перемоги над нацизмом у Другій світовій війні* (с. 203–207). Київ: Український інститут національної пам'яті.

Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A., & Kornilov, G. E. (2020). Russia's Population. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 90(5), 525–536.

References

Akhmedov, H. T. (2020). The contribution of the Republic of Uzbekistan to the victory over fascism. *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 3(5), 415–419. (In Russ.)

An overview of the demographics of Ukraine's neighbors at the period of Another Svitovoi week. (2015). In: *Ukrainska Druga svitova viyna. Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii do 70-i richnitsi peremogi nad natsizmom u Drugiy svitoviy viyni [Ukraine, Svitov's Friend is alive. The materials of the national science conference before the 70th century helped to overcome Nazism in other countries of the world]* (pp. 203–207). Kyiv: Ukrainian Institute of National Literature. (In Ukr.)

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Kharkov, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991 [The Population of the Soviet Union: 1922–1991]*. Moscow: Nauka, 139. (In Russ.)

Asylbekov, M. H., & Galiev, A. B. (1991). *Sotsialno-demograficheskie protsessy v Kazakhstane (1917–1980 gg.) [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917–1980)]*. Alma-Ata: Gylım, 191. (In Russ.)

Belarus v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 [Belarus during the Great Patriotic War 1941–1945]. (2005). Minsk BelTA, 540. (In Russ.)

Gafurov, A. M. (2020). Tajikistan's contribution to the Great Victory. In: *Vklad regionov Urala i stran TSentralnoy Azii v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945. Sbornik nauchnykh statey [Contribution of the regions of the Urals and the countries of Central Asia to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of scientific articles]* (pp. 66–70). Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 498. (In Russ.)

Harutyunyan, K. A., & Poghosyan, G. R. (2010). *Vklad armyanskogo naroda v pobedu v Velikoy Otechestvennoy vojne (1941–1945) [The contribution of the Armenian people to the victory in the Great Patriotic War (1941–1945)]*. Yerevan: Gitutyun, 874. (In Russ.)

Ioffe, E. G. (2012). About the human losses of the BSSR during the war. *Sekretnye issledovaniya [Secret research]*, 22, 14. (In Russ.)

Ismailov, E. R. (2003). *Vlast i narod: poslevoennyy stalinizm v Azerbaydzhanе. 1945–1953 [The government and the people: Post-war Stalinism in Azerbaijan. 1945–1953]*. Baku Adilogly, 342. (In Russ.)

Karaev, F. K. (2021). The population of the Tajik SSR during the Great Patriotic War (1941–1945): setting the problem In: *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: sb. st. XII Uralskogo demograficheskogo foruma. Tom I [Paradigms and models of demographic development: collection of Articles XII of the Ural Demographic Forum. Volume I]* (pp. 79–83). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 323. (In Russ.)

Khotamov, N. (2020). The feat of Tajikistan on the fronts of the Great Patriotic War. *Istorik (Muarrikh) [Historian]*, 2(22), 50–59. (In Russ.)

Kovalenya, A. A. (2006). The memory of the Great Patriotic War. In: *Velikaya Pobeda: geroizm i podvig narodov: materialy mezhdunar. nauch. konf., v 2 t. T. 1. [Great Victory: Heroism and feat of Peoples: materials of the International Scientific Conference. in 2 vols. Vol. 1.]* (p. 38). Minsk: Institute of History, 226. (In Russ.)

Kozybayev, M. K. (2000). Kazakhstan during the Great Patriotic War. In: *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshleniya i poiski. V 2-kh knigakh. Kniga 2 [Kazakhstan at the turn of the century: reflections and searches. In 2 books. Book 2]* (pp. 275–285). Almaty: [B.I.], 387. (In Russ.)

Krivosheeva, G. F. (Ed.). (1993). *Grif sekretnosti snyat: Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voemykh konfliktakh. 1918–1989. Statisticheskoe issledovanie [The secrecy stamp has been lifted: The losses of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts. 1918–1989. Statistical research]*. M.: Voenizdat, 416. (In Russ.)

Krivosheeva, G.F. (Ed.). (2001). *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: poteri vooruzhennykh sil: statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the wars of the XX century: losses of the armed forces: statistical research]*. M.: OLMA-PRESS, 607. (In Russ.)

Kropachev, S. A., & Krinko, E. F. (2012). *Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya [Losses of the USSR population in 1937–1945: scales and forms. Russian historiography]*. М.: ROSSPAN, 349. (In Russ.)

Kvasha, A. Ya. (2023). The methodology for calculating demographic losses in the war (From the unpublished textbook «Military Demography», 1991). *Demoskop.Weekly [Demoscope Weekly]*, 991–992. (In Russ.)

Litvin A. (2002). On the issue of the number of human losses in Belarus during the Great Patriotic War (1941–1945). *Belarus u XX stogoddzi: zbornik navukovykh, 1*, 127–128. (In Russ.)

Litvin, A. (2015). Human losses in Belarus during the Great Patriotic War. *Nauka i innovatsii [Science and Innovation]*, 5 (147), 4–16. (In Russ.)

Lyudskie poteri SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik statey [Human losses of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of articles]. (1995). St. Petersburg: Russian-Baltic information Center «Blitz», 190. (In Russ.)

Pervedentsev, V. I. (1995). Post-War Population Dynamics in the USSR and in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 2, 24–33. (In Russ.)

Perkovskiy, A. L., & Pirozhkov, S. I. (1990). Demographics in the population of the Ukrainian RSR in the 40s. *Ukrainskiy istorichniy zhurnal [Ukrainian Historical Journal]*, 2, 15–25. (In Ukr.)

Polyakov Yu. A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. V 3 t. T. 2: 1940–1959 [The population of Russia in the XX century: Historical essays. In 3 volumes. Vol. 2: 1940–1959]*. Moscow: ROSSPEN, 414. (In Russ.)

Rtskhladze, G. V. (2020). The memory of the Great Patriotic War in modern Georgia. *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 3 (5), 409–413. (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2010). *Lyudskie poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]*. Moscow: Ekon-Inform, 140. (In Russ.)

Timokhovich, I. V. (1994). *Bitva za Belorussiyu: 1941–1944 [The Battle for Belarus: 1941–1944]*. Minsk: Belarus, 241. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2016). Demographic consequences of the Great Patriotic War. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 3 (2), 3–42. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A., & Kornilov, G. E. (2019). The population of Russia in 1939–1945. *Rossiyskaya istoriya [Russian History]*, 3, 3–17. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (2020). On the issue of the demographic situation in Kazakhstan during the Great Patriotic War. *Istoriya: fakty i simvoly [History: Facts and Symbols]*, 1 (22), 140–144. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A., & Kornilov, G. E. (2020). Russia's Population. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 90 (5), 525–536.

Информация об авторе

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий центром экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439> (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

About the author

Gennady E. Kornilov — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439> (16, Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: genakorn@mail.ru).

УДК 314.3+314.4(470.13)

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-12>

Периодизация естественного движения населения Республики Коми в советский период¹

У. В. Лыткина

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Автор для корреспонденции: У. В. Лыткина (ulytkina@yandex.ru).

Аннотация. Рассмотрены существующие периодизации демографического развития России и Республики Коми в советский период, основанные на расселении, изменениях национального состава, соотношении между естественным и миграционным движением, выделении преобладающего вида миграции, структуре экономики, степени урбанизации, развитии мер семейной политики. С учетом этого опыта предложена авторская периодизация естественного движения населения Республики Коми в советский период, включающая восемь этапов, основанная на одновременном рассмотрении относительных показателей рождаемости, смертности, младенческой смертности, брачности и разводимости. Новая периодизация позволила выделить фазы демографического и эпидемиологического переходов, влияние войн и социальных потрясений XX в. на воспроизводство населения.

Ключевые слова: рождаемость; смертность; естественное движение населения; периодизация; Республика Коми

Periodization of the Natural Movement of the Population of the Komi Republic in the Soviet Period

U. V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS
(Syktывkar, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Corresponding author: U. V. Lytkina (ulytkina@yandex.ru).

Abstract. The article examines the existing demographic periodization of Russia and the Komi Republic in the Soviet period, based on resettlement, changes in the national composition, relationship between natural and migration movements, predominant type of migration, structure of the economy, degree of urbanisation, and development of family policy measures. Taking into account this experience, the study proposes a periodization of the natural movement of the population of the Komi Republic in the Soviet period, which includes eight stages. To this end, relative indicators of fertility, mortality, infant mortality, marriage and divorce rates were analysed. The new periodization can be used to identify the phases of demographic and epidemiological transitions, the impact of wars and social upheavals of the 20th century on population reproduction.

Keywords: fertility; mortality; natural movement; periodization; Komi Republic

Введение

В истории России именно в советский период произошел перелом в закономерностях естественного движения населения. Страна перешла от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Это проявилось как в росте продолжительности жизни, так и в стремительном сокращении рождаемости. В России демографический переход не был равномерным. На его сроки оказывали влияние такие

¹ © Лыткина У. В. Текст. 2024.

потрясения XX в., как Гражданская война и две мировые войны, индустриализация и коллективизация, голод и эпидемии. Изменения происходили под влиянием урбанизации и создания новых городов, появления массовой и доступной медицины, развития социальной инфраструктуры, принятия мер в сфере демографической политики. Огромное количество одновременно влияющих на рождаемость и смертность факторов делают изучение воспроизводства населения в XX в. сложной задачей.

Чтобы лучше объяснить сущность происходивших изменений, историки и демографы предлагают различные варианты периодизации демографического развития. В данной статье предложена авторская периодизация естественного движения населения Республики Коми в советский период, основанная на анализе материалов Национального архива Республики Коми и Комистата. Для каждого из восьми выделенных периодов будут рассмотрены основные демографические показатели.

Периодизации демографического развития России и Республики Коми

Рассмотрим существующие периодизации демографического развития России и Республики Коми в советский период. На российском уровне наиболее проработанную периодизацию рождаемости предложил С.В. Захаров. Она является доработанным вариантом более ранней периодизации, разработанной совместно с А.Г. Вишневым (Вишневым, 2006), и основывается на динамике рождаемости как в условных, так и в реальных поколениях. В 1920–1930-е гг. автором выделяется первый этап ускоренного падения уровня рождаемости (реальные поколения 1880–1890-х годов рождения) — начало великой трансформации традиционного уклада. В 1940–1960-е гг. — второй этап ускоренного падения уровня рождаемости (поколения 1900–1920-х годов рождения) — цепь социальных катастроф. В 1960–1990-е гг. — этап замедляющегося снижения уровня рождаемости и переход к его стабилизации (поколения 1920–1950-х годов рождения) — утверждение двухдетной идеальной модели семьи (Захаров, 2023).

Периоды изменения уровней смертности и динамики продолжительности жизни в России описаны в работах М.С. Бедного (Бедный, 1976), Б.Ц. Урланиса (Урланис, 1963), Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской (Андреев и др., 1993; Андреев и др., 1998), А.Г. Вишневого (Вишневым, 2006) и других ученых. А.М. Зареченский и Л.Л. Козлова выделяют два этапа эпидемиологического перехода в советский период. В первый период (до 1945 г.) снижение смертности определялось ростом уровня жизни, образования и гигиенической культуры, на втором — контролем над антропогенными экзогенными факторами (Зареченский & Козлова, 2008). А.Г. Вишневым доказывает, что в России произошла только первая эпидемиологическая революция (до 1960 г.), а вторая, которая началась в странах Запада в 1960-х гг. и заключается в снижении смертности от неинфекционных причин, так и не состоялась (Вишневым, 2014). Перейдем к периодизациям, связанным с демографией Республики Коми (табл. 1).

Периодизация, выполненная И.Л. Жеребцовым, основана на этнодемографическом развитии коми народа, учитывает расселение и изменение национального состава. Период с рубежа 1920–1930-х гг. относится к четвертому этапу, чертами которого были: прекращение расширения этнической территории коми и переселений их в Сибирь и другие регионы, сокращение территорий, заселенных коми, изменение системы расселения, появление новых городов и поселков, сокращение доли коми на этнической территории вследствие массового притока иноязычных переселенцев. При этом первые годы советского периода относились к третьему этапу — стабилизации этнодемографического развития народа коми. В этот период численность

Таблица 1

Периодизации демографического развития Республики Коми в советский период

Авторы	Критерии периодизации	Этапов приходится на советский период
Жеребцов И. Л.	Этнодемографическое развитие коми народа (расселение, национальный состав)	2
Обедков А. П.	Соотношение между естественным и миграционным приростом (убылью)	8
Смирнов А. В., Лыткина У. В.	Структура экономики, демографическая динамика и степень урбанизации	3
Шабаев Ю. П.	Республика как мигрантское сообщество (преобладающие виды миграции)	4
Фаузер В. В.	Формирование сети расселения (число городских населенных пунктов и их людность)	3
Зарянова М. А.	Развитие мер семейной политики (пособия, льготы и преференции, регулирование аборт, разводов)	4

Источник: составлено автором

населения Коми края увеличивалась, приток инациональных переселенцев был незначительным, жители коми мигрировали в другие регионы, сформировались новые локальные группы за пределами республики (Жеребцов, 1995). Более поздние временные периоды в работе не рассматривались.

А. П. Обедков в основу периодизации демографического развития Республики Коми положил направленность общей демографической динамики (прирост или убыль), а также соотношение между показателями естественного и миграционного прироста. На советский период приходится 8 этапов демографического развития. На всех кроме третьего (1941–1945 гг., естественная убыль при миграционном приросте) численность населения увеличивалась. Если на первом этапе (1920–1930 гг.) выше был естественный прирост, то на втором (1931–1940 гг.) — миграционный. Соотношение на четвертом этапе (1946–1955 гг.) повторяет второй, а на пятом (1956–1965 гг.), седьмом (1971–1986 гг.) и восьмом (1987–1992 гг.) — первый. На шестом этапе (1966–1970 гг.) сохранился естественный прирост, но впервые наблюдалась миграционная убыль (Обедков, 2020).

Разработана периодизация демографического развития республики по изменению структуры экономики, динамике численности и урбанизации (Smirnov & Lytkina, 2022). На первом аграрном этапе (1920-е) преобладали сельское и лесное хозяйство, население было преимущественно сельским. В ходе второго этапа активного заселения и освоения Севера (1930–1950-е гг.) развитие получила угольная промышленность, доля городского населения превысила долю сельского, а титульная национальность перестала быть преобладающей. На третьем позднесоветском (1960–1980-е гг.) рос удельный вес нефтегазовой и целлюлозно-бумажной промышленности, а темпы прироста населения замедлились.

Ю. П. Шабаев предложил периодизацию истории Республики Коми советского периода как мигрантского сообщества по преобладающему типу миграции: до конца 1920-х — крестьянская колонизация, до середины 1950-х — «штрафная» миграция, до 1980-х — трудовая миграция, с конца 1980-х — отток населения (Шабаев, 2019).

В. В. Фаузером и соавторами в контексте рассмотрения демографических проблем Республики Коми выделены следующие периоды развития населения: первый (1584–1917 гг.) — период колонизации, второй (1918–1959 гг.) — период индустриализации

и урбанизации, третий (1960–1989 гг.) — переход от принуждения к поощрению, четвертый «депрессивный период» (1990–2020 гг.) — смена парадигмы от обживания к пребыванию, массовый отток населения (Фаузер и др., 2021).

Периодизации Л.А. Поповой и М.А. Зыряновой опираются на становление и развитие системы мер семейной политики в России и Республике Коми. На первом этапе (1917–1920-е гг.) отмечается развитие семейной политики либеральной направленности в период становления советской государственности, впервые введены пособия по беременности и родам. В ходе второго этапа (1930-е — первая половина 1940-х гг.) произошли увеличение государственной помощи беременным женщинам, матерям с детьми и многодетным семьям, повышение воздействия государства на сферу брачного и репродуктивного поведения населения (запрет аборт, усложнение процедуры развода, налог на холостяков и малосемейность). Осуществлялась государственная социальная помощь населению в годы Великой Отечественной войны. На третьем этапе (вторая половина 1940-х гг. — 1960-е гг.) реализованы государственная поддержка детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, увеличение материнских пособий, длительности отпуска по беременности и родам, расширение категорий женщин, на которых распространялись пособия, после 1950-х гг. — сокращение контроля государства над репродуктивной и матримониальной сферами (отмена запрета аборт, упрощение процедуры развода, изменение законодательства о браке и семье), развитие гендерного направления семейной политики в связи с повышением участия женщин в экономической жизни общества. На четвертом этапе (1970–1991 гг.) отмечены развитие адресного характера семейной политики (1970-е гг.), усиление государственной помощи семьям, имеющим детей, улучшение охраны материнства, младенчества и детства, создание дополнительных условий для сочетания женщиной материнских и профессиональных ролей (1980-е гг.) (Попова & Бутрим, 2017; Зырянова, 2021; Зырянова, 2022).

Можно сделать вывод, что несмотря на наличие большого числа периодизаций демографического развития, ни одна из них не акцентирует внимание на естественном движении населения, относительных величинах рождаемости и смертности.

Данные и методы

На основе материалов Национального архива Республики Коми (г. Сыктывкар) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми (Комистат, г. Сыктывкар) собраны непрерывные ряды основных показателей естественного движения населения Коми АССР в 1919–1991 гг. (всего, городского и сельского). Абсолютные показатели: число родившихся, число умерших, число умерших в возрасте до 1 года, естественный прирост (убыль), число браков и число разводов. Относительные показатели: общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, коэффициент младенческой смертности, удельный вес умерших в возрасте до 1 года в общем числе умерших, коэффициент естественного прироста (убыли) населения, коэффициент брачности, коэффициент разводимости, число разводов на 1000 браков. Для расчета относительных показателей использовались скорректированные с учетом переписей оценки среднегодовой численности населения, предоставленные Комистатом.

Периодизация естественного движения населения

Предложенная периодизация основана на динамике относительных показателей рождаемости, смертности, младенческой смертности, брачности и разводимости

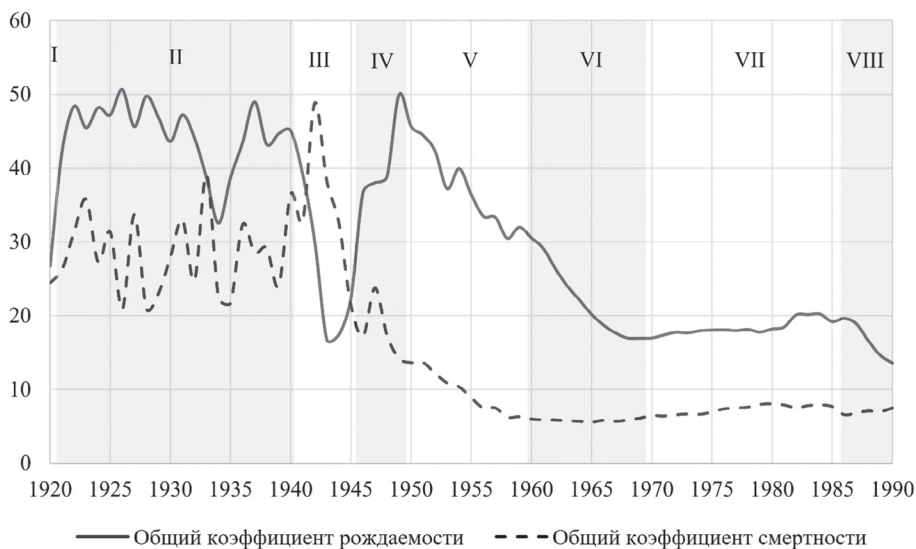
и включает восемь этапов, описывающих естественное движение под влиянием демографического перехода, войн и других социальных катастроф, мероприятий демографической политики (рис.).

Первый этап (1919–1920 гг.). Влияние Гражданской войны на показатели естественного движения населения: невысокая рождаемость (26,7 ‰) при высоком удельном весе умерших в возрасте до 1 года. Низкие показатели как брачности, так и разводимости.

Второй этап (1921–1940 гг.). Преимущественное сохранение традиционного типа воспроизводства благодаря преобладанию сельского населения. Высокие значения всех показателей естественного движения. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) в пределах от 39 до 51 ‰, общий коэффициент смертности (ОКС) — от 21 до 36 ‰ (исключение — 1933 и 1934 гг.). Коэффициент естественного прироста величиной от 10 до 30 ‰ наблюдался во все годы, кроме 1933, когда зафиксирована естественная убыль. Доля младенцев среди умерших в среднем составляла 39,3 ‰, что близко к показателям традиционных обществ.

Третий этап (1941–1945 гг.). Влияние Великой Отечественной войны: рождаемость сократилась до 16,8 ‰, смертность выросла до 48,8 ‰ в 1942 г. (наивысшее значение в XX в.). В 1942–1944 гг. зафиксирована значительная естественная убыль населения. Радикально снизился удельный вес младенцев в числе умерших (до 5,9 ‰ в 1944 г.). Одновременно с этим начал сокращаться коэффициент младенческой смертности, который уже не вернется к довоенному уровню.

Четвертый этап (1946–1949 гг.). Восстановительный послевоенный период. Рождаемость выросла до самого высокого за все время наблюдений уровня — 49,9 ‰ в 1949 г. Смертность за исключением 1947 г. была ниже довоенного уровня (14–17 ‰). Естественный прирост достиг максимального значения — 35,7 ‰. Рост показателей брачности, близкое к нулю число разводов.

Рис. Периодизация естественного движения населения Республики Коми в советский период (источник: Национальный архив Республики Коми, ф. Р140, оп. 1–2, 4; материалы Комистата)

Пятый этап (1950–1959 гг.). Период наиболее выраженного демографического перехода. Сокращение ОКР в среднем на 1,8 ‰ в год, ОКС — на 0,8 ‰. Коэффициент младенческой смертности снизился в 2,5 раза. Зафиксированы наивысшие показатели брачности.

Шестой этап (1960–1969 гг.). Период завершения первого демографического перехода. Общий коэффициент смертности стабилизировался на уровне 5,6–6,0 ‰, а ОКР продолжил сокращаться в среднем на 1,5 ‰ в год. Удельный вес младенцев среди умерших снизился до 7 ‰. Наблюдалось сокращение брачности при росте разводимости.

Седьмой этап (1970–1985 гг.). Период стабильности. Рождаемость стабилизировалась на уровне 17–20 ‰, смертность — 6–8 ‰. Ежегодные изменения не превосходили 0,4 ‰. Единственное исключение — рост рождаемости в 1982 г. на 1,6 ‰. Младенческая смертность продолжила медленно снижаться с 28 до 20 ‰. Коэффициент естественного прироста также был очень стабильным — от 9,8 до 11,5 ‰.

Восьмой этап (1986–1991 гг.). В позднесоветский период наметилась тенденция сокращения рождаемости (в среднем на 1,1 ‰ в год), во многом связанная с изменением возрастного состава населения. ОКС почти не изменялся, но достигнуты успехи в снижении младенческой смертности — до 16,6 на 1000 родившихся. Двукратное сокращение коэффициента естественного прироста. Зафиксировано снижение показателей брачности. В 1991 г. достигнуто наивысшее значение коэффициента разводимости в советский период.

Рост численности населения и степени урбанизации происходил в течение всей советской эпохи. Направление динамики всех остальных показателей изменялось со временем (табл. 2).

Таблица 2

Основные демографические показатели Республики Коми по периодам, 1919–1991 гг., среднегодовые значения

Показатель	Номер этапа, годы							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	1919–1920	1921–1940	1941–1945	1946–1949	1950–1959	1960–1969	1970–1985	1986–1991
Численность населения, тыс. чел.	178,1	247,4	310,9	362,2	625,5	915,9	1091,2	1245,9
Доля городского населения, %	3,0	7,6	20,8	38,4	51,7	60,7	69,5	75,3
Общий коэффициент рождаемости, ‰	28,4	44,4	25,9	41,2	36,5	22,0	18,4	16,0
Общий коэффициент смертности, ‰	25,1	28,5	35,1	18,1	9,2	5,8	7,4	7,1
Коэффициент младенческой смертности на 1000 родившихся	269,8	249,0	239,9	123,3	85,4	41,4	24,6	18,9
Удельный вес умерших в возрасте до 1 года в общей смертности, %	30,5	38,8	17,7	28,1	34,0	15,7	6,2	4,2
Коэффициент естественного прироста (убыли) населения, ‰	3,3	15,9	–9,2	23,1	27,3	16,2	11,1	8,9
Общий коэффициент брачности, ‰	6,3	8,4	6,8	13,7	16,4	9,9	10,4	9,7
Общий коэффициент разводимости, ‰	0,4	1,9	0,7	0,1	0,7	2,3	4,2	4,4
Число разводов на 1000 браков	62,7	229,5	104,2	9,9	43,3	238,1	406,0	458,1

Источник: Национальный архив Республики Коми, ф. Р140, оп. 1–2, 4; материалы Комистата.

Демографический переход в смертности Коми АССР был одним из самых поздних в Европе (Alter, 2020) и в основном произошел в 1946–1959 гг. (4-й и 5-й этапы), за которые коэффициент смертности снизился более чем втрое — до 6,3 ‰, а продолжительность жизни выросла с 39 до 66 лет. Рост продолжительности жизни имел множество факторов: развитие здравоохранения, повышение качества жизни и санитарных условий, отсутствие масштабных социальных потрясений. Переход в рождаемости продлился несколько дольше — до конца 6 этапа. Если в 1939 г. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Коми составлял 5,7, то в 1970 г. — 2,2 (Фаузер, 2023).

Заключение

Предложенная периодизация раскрывает специфику демографического и эпидемиологического переходов в Коми крае. Наиболее интенсивно переход происходил в первые послевоенные десятилетия. После этого изменения были крайне медленными, а социальной нормой стала двухдетная семья. Рассчитаны средние показатели численности, урбанизации и естественного движения населения по восьми периодам. Результаты исследования могут использоваться в сравнительных исследованиях с другими северными ресурсными регионами и национальными республиками. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение рождаемости и смертности в Коми крае в реальных поколениях.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформация общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the state assignment to the Komi Science Centre UB RAS on the topic “Transformations of society, power and economy in the regions of the European North of Russia” (state registration No. 122040800166-0).

Список источников

- Андреев, Е. М., Дарский Л. Е., Харькова, Т. Л. (1993). *Население Советского Союза: 1922–1991*. Москва: Наука, 143.
- Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харькова, Т. Л. (1998). *Демографическая история России: 1927–1959*. Москва: «Информатика», 187.
- Бедный, М. С. (1976). *Продолжительность жизни в городах и селах*. Москва: Статистика, 96.
- Вишневский, А. Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция. *Демографическое обозрение*, 1 (4), 5–40.
- Вишневский, А. Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. Москва: Новое издательство, 608.
- Жеребцов, И. Л. (1995). *Основные этапы этнодемографического развития народа коми*. Сыктывкар: Коми научный центр, 20.
- Зареченский, А. М., Козлова, Л. Л. (2008). Эволюция средней ожидаемой продолжительности жизни населения России. *Статистика и экономика*, 1, 78–81.
- Захаров, С. В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению. *Демографическое обозрение*, 10 (1), 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>.

Зырянова, М. А. (2021). Правовое поле советской семейной политики в 1946–1990 гг. в контексте оценки демографических изменений в РСФСР и Коми АССР. *Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 4(93), 47–54.

Зырянова, М. А. (2022). Семейная политика в первые десятилетия развития советского общества в России и ее северных регионах (на примере Республики Коми). *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, 1, 73–84. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.1.6>

Обедков, А. П. (2020). Вековая динамика численности и источников формирования населения Республики Коми в 1920–2020 годах: этапы и типы демографического развития. *Историческая демография*, 2(26), 30–38. <https://doi.org/10.19110/2304-5922-2020-2-30-38>

Попова, Л. А., Бутрим, Н. А. (2017). История реализации просемейной демографической политики в Республике Коми. *Историческая демография*, 1(19), 63–67.

Урланис, Б. Ц. (1963). *Рождаемость и продолжительность жизни в СССР*. Москва: Госстатиздат, 139.

Фаузер, В. В. (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение*. Ижевск: ООО «Принт», 308.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Фаузер, Г. Н. (2021). Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера. *Экономика региона*, 17(2), 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>

Шабаев, Ю. П. (2019). Миграционные настроения в мигрантском сообществе: этнодемографические трансформации в Республике Коми. В: *XIII Конгресс антропологов и этнологов России: Казань, 2–6 июля 2019 г.* (с. 492). Москва, Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Alter, C. G. (2020). The Evolution of Models in Historical Demography. *The Journal of Interdisciplinary History*, 50(3), 325–362. https://doi.org/10.1162/jinh_a_01445

Smirnov, A. V., & Lytkina, U. V. (2022). Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region. *Population and Economics*, 6(2), 14–34. <https://doi.org/10.3897/popcon.6.e81561>

References

Alter, C. G. (2020). The Evolution of Models in Historical Demography. *The Journal of Interdisciplinary History*, 50(3), 325–362. https://doi.org/10.1162/jinh_a_01445

Andreev, E. M., Darsky L. E., & Kharkova, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991 [Population of the Soviet Union: 1922–1991]*. Moscow: Nauka, 143. (In Russ.)

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Kharkova, T. L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959]*. Moscow: Informatika, 187. (In Russ.)

Bednyy, M. S. (1976). *Prodlzhitel'nost zhizni v gorodakh i selakh [Life expectancy in cities and villages]*. Moscow: Statistics, 96. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement]*. Izhevsk: Print, 308.

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., & Fauzer, G. N. (2021). Demographic Assessment of the Sustainability of Small and Medium-sized Cities in the Russian North. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 17(2), 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14> (In Russ.)

Obedkov, A. P. (2020). Age-old dynamics of the number size and sources of population formation the Komi Republic in 1920–2020: stages and types of demographic development. *Istoricheskaya demografiya [Historical Demography]*, 2(26), 30–38. <https://doi.org/10.19110/2304-5922-2020-2-30-38> (In Russ.)

Popova, L. A. & Butrim, N. A. (2017). History of pronatal demographic policy's realization in the Komi Republic. *Istoricheskaya demografiya [Historical Demography]*, 1 (19), 63–67. (In Russ.)

Shabaev, Yu. P. (2019). Migration sentiments in the migrant community: ethnodemographic transformations in the Komi Republic. In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: Kazan, 2–6 iyulya 2019 g. [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Kazan, July 2–6, 2019]* (p. 492). Moscow, Kazan: IAE RAS, KFU, Sh. Marjani Institute of History. (In Russ.)

Smirnov, A. V. & Lytkina, U. V. (2022). Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region. *Population and Economics*, 6(2), 14–34. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81561>

Urlanis, B. Ts. (1963). *Rozhdaemost i prodolzhitel'nost zhizni v SSSR [Fertility and life expectancy in the USSR]*. Moscow: Gosstatizdat, 139. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2015). Mortality in Russia: the second epidemiologic revolution that never was. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 1(4), 5–40. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1801> (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 608. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2023) The history of fertility in Russia: from generation to generation. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 10(1), 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259> (In Russ.)

Zarechensky, A. M. & Kozlova, L. L. (2008). Evolution of average expected life expectancy of the population of Russia. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]*, 1, 78–81. (In Russ.)

Zherebtsov, I. L. (1995). *Osnovnye etapy etnodemograficheskogo razvitiya naroda komi [The main stages of the ethnodemographic development of the Komi people]*. Syktyvkar: Komi Science Center, 20. (In Russ.)

Zyryanova, M. A. (2021). Legal field of soviet family policy in 1946–1990 in the context of assessment of demographic changes in the RSFSR and Komi ASSR. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences]*, 4(93), 47–54. (In Russ.)

Zyryanova, M. A. (2022). Family policy in the first decades of Soviet Society in Russia and its northern regions (the case of the Komi Republic). *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]*, 1, 73–84. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.1.6> (In Russ.)

Информация об авторе

Лыткина Ульяна Владимировна — младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

About the author

Uliana V. Lytkina — Researcher Assistant, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

УДК 314.148+930.2

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-13>

Социально-демографический профиль Свердловска (паспорт города 1959 г.)¹

Л. Н. Мазур^а, В. М. Хорькова^б

^{а, б} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

Автор для корреспонденции: Л. Н. Мазур (Lmaz@mail.ru).

Аннотация. Цель статьи — охарактеризовать информационный потенциал паспорта города для изучения демографических процессов. Паспорт города «Основные показатели развития хозяйства и культуры города» — статистический документ, содержащий динамические ряды основных показателей его развития — населения, промышленности, торговли, строительства, транспорта, благоустройства и других сведений. Системный характер источника позволяет в комплексе оценить социально-демографический профиль города с учетом уровня развития его социальной сферы и экономики. В статье рассматривается паспорт Свердловска, составленный в 1959 г. и характеризующий социально-демографическое и экономическое развитие города во первой половине XX в., особый акцент сделан на послевоенный период (1950-е гг.).

Ключевые слова: население; Свердловск; паспорт города; 1950-е гг.; урбанизация

Socio-Demographic Profile of Sverdlovsk (City Passport 1959)

L. N. Mazur^а, V. M. Khorkova^б

^{а, б} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

Corresponding author: L. N. Mazur (Lmaz@mail.ru).

Abstract. The article aims to characterise the information potential of a city passport for studying demographic processes. City passport “Main development indicators of the city’s economy and culture” is a statistical document containing time series of the main indicators of its development: population, industry, trade, construction, transport, improvement and other information. Due to its systematic nature, the source can be used for a comprehensive assessment of the socio-demographic profile of the city, considering its social sphere and economy. The article examines the passport of Sverdlovsk, compiled in 1959 and characterising the socio-demographic and economic development of the city in the first half of the 20th century, with special emphasis on the post-war period (1950s).

Keywords: population; Sverdlovsk; city passport; 1950s, urbanisation

Введение

Изучение демографических процессов прошлого опирается на стандартный и весьма ограниченный круг исторических источников — это агрегированные данные переписей населения, реже привлекаются сведения текущего учета демографических событий. Использование обобщающих показателей затрудняет анализ демографической динамики на локальном уровне. Между тем, при изучении процессов урбанизации нередко возникает потребность в составлении демографического профиля конкретных населенных пунктов. Интересным источником для решения подобных задач

¹ © Мазур Л. Н., Хорькова В. М. Текст. 2024.

выступает паспорт города — это документ, в котором представлены в динамике основные показатели социально-экономического развития определенной территории. В 1954 г. ЦСУ СССР утвердило формы и определило порядок заполнения паспортов. Практика их составления была продолжена в 1960–1980-е гг. (Баканов, 2002) и сохранилась вплоть до настоящего времени, выполняя роль информационного обеспечения стратегических управленческих решений (Аргунов и др., 2020).

Основная часть

Несмотря на высокий информационный потенциал паспорта городов редко становятся объектом исследования. Первым среди историков к паспортам обратился С.А. Баканов, используя паспорта 1985 г. для изучения истории депрессивных городов Урала 1960–1980-х гг. (Баканов, 2005; Баканов, 2017). Он также предложил методику изучения паспортов с опорой на технологию баз данных и методы динамического анализа.

Паспорт содержит статистическую информацию, систематизированную в табличной форме и разделенную на 13 разделов: общие сведения, территория, население, численность рабочих и служащих, промышленность, транспорт и связь, жилищный фонд, внешнее благоустройство города, культурное строительство, здравоохранение и физкультура, товарооборот, коммунальное хозяйство, исполнение бюджета города. Бланк открывает подробная инструкция по расчету всех показателей. Он заполнялся территориальными органами статистики на основании данных статистической и бухгалтерской отчетности соответствующего периода. С историко-демографической точки зрения особый интерес представляют первые четыре раздела. Рассмотрим их информационный потенциал применительно к характеристике социально-демографического профиля Свердловска¹.

В первом разделе паспорта «Общие сведения» представлена информация о дате возникновения населенного пункта (1723 г.), его прежнем названии (Екатеринбург), дате получения статуса города (27 августа 1723 г.!), названии железнодорожной станции (Свердловск-Пассажирский), ближайшей пристани (Пермь), расстоянии до нее (384 км). Данные были извлечены из материалов городского совета, литературных источников и архивных документов. Дата присвоения статуса зафиксирована на основе опубликованных правительственных решений².

Раздел «Характеристика территории» включает показатели общей площади земли в пределах городской черты в га (табл. 1). Базисный показатель «до революции» составил 7 209,0 га, к 1932 г. территория Свердловска выросла в 2 раза (до 14 571 га) и еще в 2,7 раза к 1940 г. (39 268,1 га), свидетельствуя о темпах расширения городской черты в связи с созданием новых промышленных зон. В дальнейшем площадь городской земли несколько сократилась и составила в 1958 г. 38 926,0 га. Застроенное пространство составляло до революции 25,3 % и на протяжении 1918–1958 гг. стабильно росло как в абсолютных, так и в относительных величинах: площадь застроенных земель составила в 1958 г. 12 838,0 га (40,6 % городской территории).

С точки зрения изучения демографических процессов интерес представляет третий раздел «Население», позволяющий оценить динамику численности населения,

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81.

² В бланке приведена некорректная дата. Статус уездного города Екатеринбург получил в 1781 г. по Указу Екатерины II.

Таблица 1

Характеристика территории Свердловска

Показатель	1917 г.	1932 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.	1958 г.
Общая площадь, га	7209,0	14 571,0	39 268,1	39 197,0	39 130,0	38 926,0	38 926,0
Площадь застроенных земель, га	1824,0	2491,5	5636,0	5779,0	6159,0	9550,0	12 838,0

Источник: Паспорт Свердловска (1959 г.). ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81.

рождаемости и смертности, а также социальную структуру трудоспособного населения Свердловска с 1916 г. по 1959 г. (табл. 2).

Данные о численности населения брались из картотеки по учету административно-территориальных изменений, составленной в 1939 г. Численность населения, начиная с 1950 г., указывалась по расчетным данным, исходя из полной численности населения, утвержденной статуправлением РСФСР.

Представленная в источнике численность населения сопоставима с данными о движении населения, коэффициентами рождаемости и смертности, представленными в опубликованных статистических сборниках по Свердловской области, отклонение не превышает 5 %, что позволяет оценивать динамический ряд паспорта как вполне репрезентативный. Если принять показатели 1939 г. за базисный уровень, характерный для начальной стадии демографического перехода (высокая рождаемость, высокая смертность), то данные 1950-х гг. свидетельствуют об изменении демографического поведения, соответственно второй стадии демографического перехода (снижение рождаемости и смертности), что отражается на естественном приросте населения. При общем росте численности населения Свердловска с 1926 г. по 1959 г. в 5,7 раза (рис. 1), рождаемость сократилась почти в 2 раза, смертность — в 4,0 раза, а естественный прирост населения уменьшился на 20,3 %. Некоторое исключение составляет показатель 1958 г., когда естественный прирост населения в сравнении с предшествующим годом увеличился на 38,4 % (рис. 2). Здесь проявляется эффект демографических волн, вызванных катастрофой Великой Отечественной войны: в фертильный возраст вступало поколение детей, родившихся перед войной.

Такая демографическая картина свидетельствует о роли миграции в формировании населения Свердловска, которая всегда была очень значительной, но в 1950-е гг. существенно возросла в результате сельской миграции и повышения мобильности населения.

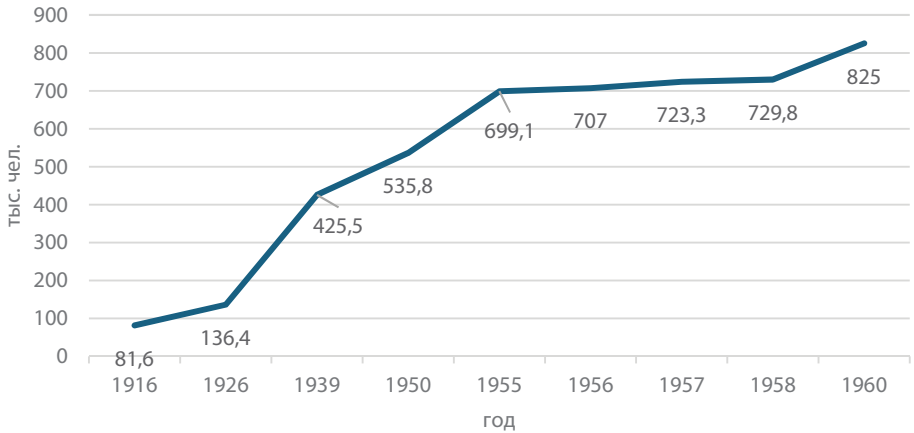
Таблица 2

Численность населения Екатеринбурга / Свердловска и его естественный прирост, тыс. чел.

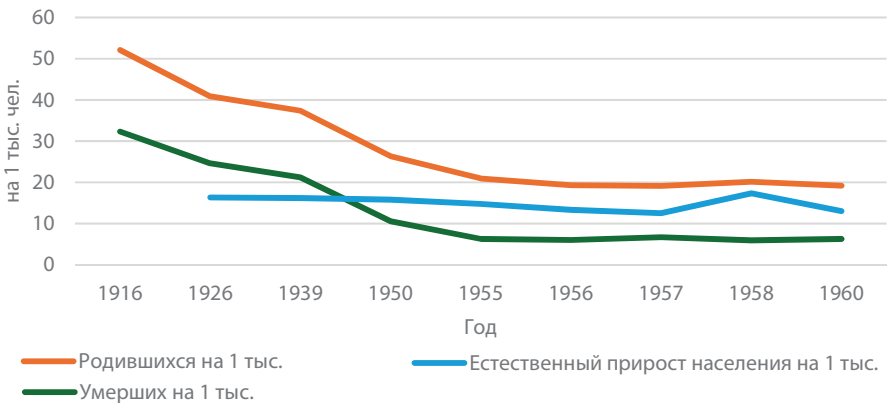
Показатель	Значение показателя по годам									
	1916	1926*	1939	1950	1955	1956	1957	1958	1959	1960*
Численность населения, тыс. чел	81,6	136,4	425,5	535,8	699,1	707,0	723,3	729,8	777,0	825,0
Родившихся на 1 тыс.	52,1	40,9	37,4	26,3	20,9	19,3	19,1	20,1	—	19,2
Умерших на 1 тыс.	32,3	24,6	21,2	10,5	6,2	6,0	6,6	5,9	—	6,2
Естественный прирост населения на 1 тыс.	—	16,3	16,2	15,8	14,7	13,3	12,5	17,3	—	13,0

*Сведения о рождаемости, смертности и естественном приросте населения Свердловска за 1926 и 1960 гг. приведены по справочнику: Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции. Свердловск: Статистика, 1967. С. 138.

Источник: Паспорт Свердловска (1959 г.). ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81. Л.

Рис. 1. Динамика численности населения Свердловска в первой половине XX века, тыс. чел. (источник: Паспорт Свердловска (1959 г.). ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81)

Рис. 2. Естественное движение населения Свердловска в первой половине XX в., чел. на 1000 чел. (источник: Паспорт Свердловска (1959 г.). ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81)

По данным переписи 1897 г., более половины населения Екатеринбурга (59,7 %) родились в других городах уезда (38,4 %) или в других губерниях (21,3 %)¹. Близкие показатели зафиксировала перепись 1926 г.: из 136 420 свердловчан 54 197 чел. (39,7 %) были местными уроженцами, а 60,3 % — выходцами из других мест². Индустриализация, а затем и коллективизация закрепили эту тенденцию и внесли коррективы в миграционные потоки за счет широкого применения принудительных и организованных форм трудовой миграции (Корнилов, 2018; Корнилов, 2020).

¹Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : Пермская губерния. Кн. 31. Под редакцией Н. А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904., с. 2.

²Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область: Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. Т. 38. Москва : Изд. ЦСУ СССР, 1930. С. 179.

Показательно, что в обновленной форме паспорта города, утвержденной в 1985 г., демографический раздел был заметно расширен и, помимо показателей рождаемости, смертности и естественного прироста, включал сведения о среднем составе семьи, коэффициенты брачности и разводимости, миграционном приросте, что дает более широкие возможности для демографического анализа населения города (Баканов, 2002, с. 181)

Общую демографическую картину дополняют сведения четвертого раздела паспорта — «Численность рабочих и служащих по основным отраслям народного хозяйства», который содержит информацию о занятости населения города по отраслям экономики и ее динамике в послевоенный период (табл. 3).

Для заполнения таблицы «Численность рабочих и служащих» использовались списки предприятий и организаций, составленные при проведении проверки учета численности рабочих и служащих и фондов заработной платы за сентябрь каждого года, а начиная с 1956 г. — при разработке годовых отчетов.

По промышленности учитывался персонал всех промышленных предприятий города, самостоятельно отчитывавшихся по труду, по строительству — численность рабочих и служащих всех строек города, по транспорту — всех организаций железнодорожного и водного транспорта, автобаз, автоколонн, отделов автомобильного транспорта и шоссейных дорог, погрузочно-разгрузочных организаций, по связи — персонал контор связи, радиотрансляционных узлов, учреждений радиосвязи и радиовещательной дирекции, по торговле — работников торговой сети, по общественному питанию — фабрик-кухонь, буфетов, ресторанов, кафе, столовых, чайных, закусочных и т. д., по жилищному и коммунальному хозяйству — работников всех коммунальных предприятий, подчиненных горхозам, домоуправлений, комендатуры зданий, самостоятельных контор жилкомхоза (не входящих в состав промышленных предприятий и строек), домов колхозников и др., по здравоохранению — сотрудников по всем лечебно-профилактическим учреждениям, домам отдыха, домам инвалидов и интернатам, а также по физкультурным и спортивным организациям; по просвещению — персонал школ всех видов, детских дошкольных учреждений, культурно-просветительных учреждений и т. п., аппарат государственного и хозяйственного управления и общественных организаций включал численность работников аппарата исполкомов, прокуратуры, городского архива, ЗАГСа, комитета физкультуры, органов ЦСУ РСФСР, аппарата отделов исполкомов, аппарата расчетных трестов и контор, а также аппарата общественных организаций.

Ценность данной информации состоит в том, что в паспорте приведены реальные данные о количестве работающих по отраслям городской экономики, что позволяет рассчитать их удельный вес в составе населения города. В частности, к общей численности городских жителей занятое население составило в 1950 г. 51,0 %, в 1955 г. — 46,9 %, в 1958 г. — 54,1 %.

На протяжении 1950-х гг. отмечался стабильный рост числа рабочих и служащих по всем отраслям городской экономики за исключением аппарата государственного и хозяйственного управления и общественных организаций, к числу которых относилась и правящая партия — КПСС, а также работников промысловой кооперации. Так, численность управленческого аппарата сократилась на 22,1 %, промысловой кооперации — на 16,4 % (в 1950 г. удельный вес аппарата в структуре занятого населения составил 4,7 %, в 1958 г. — 2,5 %; членов промысловой кооперации, соответственно, 2,8 и 1,6 %).

По остальным отраслям городской экономики наблюдается положительная динамика: наиболее высокими темпами росла численность работников строительной и жилищно-коммунальной отрасли городского хозяйства, а также торговли и общепита,

Таблица 3

Сфера занятости населения Свердловска, чел.

Показатель	Значение показателя по годам					Темп роста населения в 1958 г. по отношению к 1950 г., %
	1950	1955	1956	1957	1958	
Число рабочих и служащих (занятое население)	273 527	328 000	357 297	376 190	395 084	144,4
В том числе						
Промышленность	134 282	162 251	163 945	167 707	177 170	131,9
Строительство	28 092	36 108	42 605	45 045	49 513	176,2
Транспорт	21 470	28 407	30 615	31 510	32 645	152,0
Связь	4 120	4 323	4 555	4 650	4 850	117,7
Торговля	7 617	10 288	11 422	11 950	12 780	167,7
Общественное питание	6 199	8 129	8 808	10 700	11 200	180,6
Заготовки, материально-техническое снабжение, сбыт	4 229	4 700	4 720	5 300	5 500	130,0
Жилищное и коммунальное хозяйство	4 838	6 372	7 149	7 900	9 050	187,0
Здравоохранение	13 693	16 148	17 413	18 300	19 800	144,5
Просвещение, наука и культура	25 552	28 051	32 778	33 300	34 620	135,4
Аппарат государственного и хозяйственного управления и общественных организаций	12 883	10 034	9 979	9 740	10 146	78,7
Члены артелей промысловой кооперации	7 722	8 195	5 462	5 965	6 458	83,6

Источник: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81.

причем не только в абсолютных, но и относительных показателях (см. табл. 3). И это подтверждают сведения других разделов паспорта: в частности, в разделе «Жилищный фонд» показана динамика жилищного фонда, тыс. м²: 1940 г. — 2 480,8, 1945 г. — 2 747,4, 1950 г. — 3 267,4, 1955 г. — 4 100,2, и его благоустройства, количества домов по этажности, материалу стен и году строительства. Отмечено, что было введено в действие жилых домов, м²: в 1951–1955 г. — 719 300, 1956 г. — 198 700, 1957 г. — 27 589, 1958 г. — 410 154. Соответственно, рос и показатель кадрового обеспечения данных отраслей. Так, например, удельный вес рабочих и служащих, занятых в строительстве, в 1950 г. составил 10,2 %, в 1958 г. — 12,5 %, в жилищно-коммунальном хозяйстве, соответственно, 1,7 и 2,2 %; в торговле и общепите — 6,5 и 7,4 %.

При общей положительной динамике численности промышленных рабочих, а также сотрудников, занятых в сфере здравоохранения, образования, науки и культуры Свердловска, их удельный вес снижался: в промышленности с 49,0 % в 1950 г. до 44,8 % в 1958 г., в здравоохранении, образовании и культуре — с 14,3 % до 13,7 %, что косвенно свидетельствует о проблемах развития социальной инфраструктуры.

Динамика кадровой занятости в отраслевом разрезе позволяет сделать выводы о специфике города, где промышленность, строительство и транспорт определяли профессиональную структуру городского сообщества (в 1950 г. их удельный вес составил 68,5 %, в 1958 г. — 66,7 %). Вместе с тем очевиден рост занятых в сфере торгового, бытового и культурного обслуживания, связанных с созданием комфортной

городской среды и развитием Свердловска как научного и культурного центра (в 1950 г. — 20,8 %, в 1958 г. — 21,1 %).

Анализируя динамику занятых в строительстве и промышленности, следует также иметь в виду фактор модернизации производства и механизации трудовых процессов, которые объективно способствовали сокращению рабочих рук и формированию спроса на квалифицированный труд. Так, например, за период с 1955 по 1958 г. число промышленных предприятий в городе выросло с 195 до 207, а среднесписочное число работников — с 97 372 чел. до 109 889 чел.

Аналогичную картину видим в сфере здравоохранения, образования и культуры. В разделах «Внешнее благоустройство города», «Культурное строительство», «Здравоохранение» и «Физкультура и спорт» содержится информация о городской среде и обеспечении кадрами культурно-просветительских учреждений, здравоохранения, физкультуры и спорта (табл. 4).

Анализ сведений паспорта дополним характеристикой его информационного потенциала с точки зрения изучения истории Свердловска. Прошлому этого города посвящена достаточно обширная научная литература, в которой раскрываются основные этапы его развития (Алексеев, 2002 и др.), особенности демографической динамики города (Корнилов, 2023; Мазур, 2021б, 2022; Оруджиева & Кузьмин, 1998),

Таблица 4

Развитие социально-культурной среды Свердловска в первой половине XX в.

Показатель	Значение показателя по годам						
	1914	1927	1940	1945	1950	1955	1958
Число детских садов	Нет св.	16	149	218	177	215	251
в них детей	Нет св.	727	9998	15597	12 215	18 163	23 770
Число школ	53	56	100	95	127	124	133
Учителей	Нет св.	574	2181	2200	3100	3712	4352
Учащихся	5922	15 092	63 447	61 184	82 661	83 263	96 310
Число вузов	—	2	12	11	12	10	11
в них студентов	—	1439	12 932	11 877	24 036	37 400	43 076
Число техникумов	3	11	30	33	33	35	30
В них учащихся	255	2700	8576	13 335	14 458	21 918	21 354
Число библиотек	Нет св.	79	166	150	134	196	173
Число клубов	Нет св.	17	52	33	30	36	38
Число музеев	1	4	7	9	5	5	5
Число театров	2	6	9	5	5	5	5
Число киноустановок	Нет св.	13	73	47	67	71	78
Число научных учреждений	—	—	29	36	41	37	52
В т. ч. научно-исследовательских институтов	—	—	19	Нет св.	28	23	39
Издавалось газет	Нет св.	Нет св.	Нет св.	1	2	2	3
Число больниц	11	Нет св.	29	41	47	66	60
В них больничных коек	299	Нет св.	4497	7070	6925	8560	9130
Число поликлиник и амбулаторий	1	Нет св.	67	78	88	68	68
Число врачей (без зубных)	58	Нет св.	1143	1389	2364	3050	3467
Число среднего медперсонала	—	Нет св.	3157	3302	4559	6614	8201

Источник: Паспорт Свердловска (1959 г.). ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 81.

специфика процессов урбанизации региона (Корнилов, 2023b; Мазур, 2021a), проблемы столичности (Поршнева & Апкаримова, 2015; Редин, 2023), экономическое развитие (Алексеев, 2002; Алексеева, 2020; Личман, 2009 и др.). Преимущества рассмотренного выше источника — в его комплексном характере, благодаря которому появляется возможность провести системный анализ города в совокупности его территориальных, демографических, социальных, экономических и культурно-бытовых параметров, что принципиально важно для понимания механизмов развития городского пространства и социума.

Заключение

Паспорт города появляется в довоенный период в условиях ускоренной и активной урбанизации с целью фиксации системной информации о территории, населении, экономике и благоустройстве города. Отражая в ретроспективе динамику основных показателей функционирования города, паспорт, безусловно, имел практическое значение и использовался в долгосрочном планировании, разработке стратегического плана развития города на ближайшую и отдаленную перспективу.

Используя паспорт города, не только можно найти информацию о состоянии экономики — промышленных предприятиях, грузообороте железнодорожного транспорта, численности работников, что фиксировалось в первую очередь, мы также можем окунуться в повседневную жизнь города, узнать о количестве чайных, ресторанов, вузов, библиотек и кинотеатров, т. е., несмотря на строгость статистического источника, есть возможность почувствовать ритм жизни горожан, где было место как работе и учебе, так и походам в театры и музеи, кафе и библиотеки. Таким образом, паспорт города позволяет реконструировать в динамике городскую жизнь.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты»)

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No. 24-28-00629 “Trajectories of development of the cities of the Middle Urals in the middle of the 20th century: methodological and source studies aspects”).

Список источников

Алексеев, В. В. (2002). От завода-крепости к евразийской столице: вехи истории Екатеринбурга. В: *От завода-крепости к евразийской столице: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002* (с. 8–12). Екатеринбург: Академкнига.

Алексеева, Е. В. (2020). Индустриальное наследие «Большого Екатеринбурга»: современные задачи изучения и актуализации. В: *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г.*: в 2-х томах. Т. 2 (с. 281–289). Екатеринбург: ООО Изд-во УМЦ УПИ.

Аргунов, С. В., Коган, Ю. В., Назаров, М. Н., Старостина, Н. Г. (2019). Паспорт города» как инструмент территориального планирования. *Государственная служба*, 5, 68–75.

Баканов, С. А. (2002). Опыт создания электронной базы данных «Депрессивные города Урала в 1970–80-е гг.». *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*, 30, 179–181.

Баканов, С. А. (2005). *Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг.: Анализ социально-экономических и демографических факторов*. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 191.

Баканов, С. А. (2017) Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010). *Quaestio Rossica*, 5(1), 74–85. <http://doi.org/10.15826/qr.2017.1.211>

Корнилов, Г. Е. (2018). Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке. В: *Демографическая история России и регионов: сборник научных трудов. Вып. II. Миграции населения* (с. 198–226). Екатеринбург: Альфа-Принт.

Корнилов, Г. Е. (2022). Свердловск в период демографического благополучия (1959–1989 гг.) В: *Глобальные вызовы демографическому развитию: Сборник научных статей*. В 2-х томах. Том I (с. 132–145). Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>

Корнилов, Г. Е. (2023а). Население Екатеринбурга за 300 лет (1723–2023 гг.): процесс роста. В: *Региональные столицы России - точки опоры и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, Пермь, 20–22 сентября 2023 года* (с. 329–332). Екатеринбург, Пермь: Альфа Принт.

Корнилов, Г. Е. (2023б). Урбанизация на Урале в XX веке: демографические последствия. В: *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: Сборник научных статей* (с. 63–76). Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. <http://doi.org/10.17059/udf-2023-1-7>

Кузьмин, А. И., Оруджиева, А. Г. (1998). Историко-демографический портрет Екатеринбурга. *Известия Уральского государственного университета*, 9, 95–100.

Личман, Б. В. (2009). Развитие индустрии на Урале (1946–1985 гг.). *Вестник экономики, управления и права*, 3, 82–90.

Мазур, Л. Н. (2021а). От уездного города к столице Урала: особенности урбанизационного перехода Екатеринбурга-Свердловска. В: *Документ. Архив. История. Современность. Вып. 21* (с. 165–190). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Мазур, Л. Н. (2021б). Демографический потенциал г. Свердловска по материалам переписей 1939 и 1959 гг.: итоги и тенденции развития населения в послевоенный период. В: *Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума* (с. 124–132). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Мазур, Л. Н. (2022). Особенности демографического развития Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI в. *Уральский исторический вестник*, 3(76), 131–143. [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-131-143](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143)

Поршнева, О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. (2015). Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII — начале XX в. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*, 2(139), 178–191.

Редин, Д. А. (2023). Что такое «региональная столица»? Статус Екатеринбурга в первой трети XVIII в. В: *Региональные столицы России — точки опоры и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, Пермь, 20–22 сентября 2023 года* (с. 93–95). Екатеринбург, Пермь: Альфа Принт.

References

Alekseev, V. V. (2002). From a fortress factory to a Eurasian capital: milestones in the history of Ekaterinburg. In: *Ot zavoda-kreposti k evraziyskoy stolitse: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 23–24 maya 2002 [From the factory-fortress to the Eurasian capital: materials of Vseros. scientific-practical conference. Ekaterinburg, May 23–24, 2002]* (pp. 8–12). Ekaterinburg: Akademkniga. (In Russ.)

Alekseeva, E. V. (2020). Industrial Heritage of “Bolshoe Yekaterinburg”: Modern Objectives of Studying and Up-To-Date. In: *Ural industrialnyy. Bakuninskie chteniya: materialy KHIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 16–17 noyabrya 2020 g.: v 2-kh tomakh. T. 2 [Ural Industrial. Bakunin readings: materials of the XIV All-Russian scientific conference. Ekaterinburg, November 16–17, 2020: in 2 volumes. Vol. 2]* (pp. 281–289). Ekaterinburg: UMC UPI. (In Russ.)

Argunov, S. V., Kogan, Yu. V., Nazarov, M. N., & Starostina, N. G. (2019). ‘City Profile’ as a tool for territorial planning. *Gosudarstvennaya sluzhba [Public Administration]*, 5, 68–75. (In Russ.)

Bakanov, S. A. (2002). Experience in creating an electronic database “Depressed cities of the Urals in the 1970–80s.” *Informatsionnyy byulleten assotsiatsii Istoriya i kompyuter [History and Computer Association Newsletter]*, 30, 179–181. (In Russ.)

Bakanov, S. A. (2005). *Depressivnye goroda Urala v 1960–1980-e gg.: Analiz sotsialno-ekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov [Depressed cities of the Urals in the 1960s–1980s: Analysis of socio-economic and demographic factors]*. Chelyabinsk: ChELSU Publishing House, 191. (In Russ.)

Bakanov, S. A. (2017). Urban demographic decline in the traditional industrial regions of the Urals (1959–2010). *Quaestio Rossica*, 5(1), 74–85. <http://doi.org/10.15826/qr.2017.1.211> (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2018). Eastern turn: population migration to and from the Urals in the 20th century. In: *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. II. Migratsii naseleniya [Demographic history of Russia and regions: collection of scientific work. Vol. II. Population migrations]* (pp. 198–226). Ekaterinburg: Alfa-Print. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2022). Sverdlovsk in the Period of Demographic Prosperity (1959–1989). In: *Globalnye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: Sbornik nauchnykh statey. V 2-kh tomakh. Tom I [Global challenges to demographic development: Collection of scientific articles. In 2 volumes. Vol. I]* (pp. 132–145). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12> (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2023a). The population of Ekaterinburg for 300 years (1723–2023): the process of growth. In: *Regionalnye stolitsy Rossii - tochki opory i rosta: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, Perm, 20–22 sentyabrya 2023 goda [Regional capitals of Russia - points of support and growth: materials of the All-Russian scientific conference with international participation, Ekaterinburg, Perm, September 20–22, 2023]* (pp. 329–332). Ekaterinburg, Perm: Alfa Print, 496. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2023b). Urbanisation in the Ural in the 20th century: demographic consequences. In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam: Sbornik nauchnykh statey [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges: Collection of scientific articles]* (pp. 63–76). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS. <http://doi.org/10.17059/udf-2023-1-7> (In Russ.)

Kuzmin, A. I., & Orudzhieva, A. G. (1998). Historical and demographic portrait of Yekaterinburg. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of the Ural State University]*, 9, 95–100.

Leachman, B. W. (2009). Industry development in the Urals (1946–1985). *Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava [Bulletin of Economics, Management and Law]*, 3, 82–90.

Mazur, L. N. (2022). Features of the demographic development of Ekaterinburg (late 19th - early 21st century). *Uralskiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Journal]*, 3(76), 131–143. [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-131-143](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143) (In Russ.)

Mazur, L. N. (2021a). From a Provincial Town to the Capital of the Urals: Urban Transition of Ekaterinburg-Sverdlovsk. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost. Vyp. 21 [Document.*

Archive. Story. Modernity. Vol. 21] (pp. 165–190). Ekaterinburg: Ural University Publishing House. (In Russ.)

Mazur, L. N. (2021b). Demographic Potential of Sverdlovsk According to the Censuses of 1939 and 1959: Results and Trends of Population Development in the Post-War Period. In: *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: sb. st. XII Uralskogo demograficheskogo foruma [Paradigms and models of demographic development: collection of articles of the XII Ural Demographic Forum]* (pp. 124–132). Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. (In Russ.)

Porshneva, O. S., & Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2015). The Capital of the Urals: Yekaterinburg's Administrative Status and Citizens' Identity Evolution between the 18th — Early 20th Century. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]*, 2(139), 178–191. (In Russ.)

Redin, D. A. (2023). What is a «regional capital»? Status of Yekaterinburg in the first third of the 18th century. In: *Regionalnye stolitsy Rossii — tochki opory i rosta: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, Perm, 20–22 sentyabrya 2023 goda [Regional capitals of Russia — points of support and growth: materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Ekaterinburg, Perm, September 20–22, 2023]* (pp. 93–95). Ekaterinburg, Perm: Alfa Print. (In Russ.)

Информация об авторах

Мазур Людмила Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816> (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: Lmaz@mail.ru).

Хорькова Вера Михайловна — студентка направления подготовки «Документоведение и архивоведение», департамента «Исторический факультет», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vera.rusha@gmail.com).

About the authors

Lyudmila N. Mazur — Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of Department, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816> (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: Lmaz@mail.ru).

Vera M. Khorkova — Student of the Program “Archives and Records Management”, School of History, Ural Federal University (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: vera.rusha@gmail.com).

УДК 33(09): 314(09): 94(470.57)

JEL classification: R23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-14>

Поздние миграции русского населения в екатеринбургско-челябинском «пограничье» (начало XX в.)¹

М. И. Роднов

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Автор для корреспонденции: М. И. Роднов (rodnov@ufacom.ru).

Аннотация. *Обработка подворных карточек переписи 1920 г. по Аргаяшскому кантону Малой Башкирии — бывшей территории Екатеринбургского и Челябинского уездов, сравнение их данных с данными известных до них источников, показали достаточно массовую миграцию русского населения в башкирские волости в начале XX в. Возникли десятки хуторов, заимок и иных поселений. Русские переселялись сюда из соседних уездов и губерний, а также из Среднего Поволжья. Миграция носила социально-экономический характер, почти половину русских хозяйств даже в условиях установившегося большевистского режима составляли зажиточные и фермерские дворы, среди которых выделялись очень богатые предприниматели. Сравнение карт начала XX в. с современными показывает, что все эти поселения исчезли.*

Ключевые слова: историческая демография; экономика; сельское хозяйство; русские; фермеры; Южный Урал

Late Migrations of the Russian Population in the Ekaterinburg-Chelyabinsk Border Region (Early 20th Century)

M. I. Rodnov

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS (Ufa, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Corresponding author: M. I. Rodnov (rodnov@ufacom.ru)

Abstract. *Analysis of household cards of the 1920 census for the Argayash canton of Little Bashkiria (the former territories of Ekaterinburg and Chelyabinsk governorates) and comparison with previous literature showed a fairly massive migration of the Russian population to Bashkir volosts at the beginning of the 20th century. Dozens of farmsteads, small and other settlements have appeared. Russians moved to this area from neighbouring districts and provinces, as well as from the Middle Volga region. The migration can be considered socio-economic; almost half of Russian farms, even under the Bolshevik regime, were wealthy households and farmsteads, among which were very wealthy entrepreneurs. Comparison of early 20th century maps with modern maps shows that all these settlements have disappeared.*

Keywords: historical demography; economy; agriculture; Russians; farmers; Southern Urals

Введение

В обширной литературе по демографии и расселению русского населения Урала, от теоретических работ (Нефедов, 2005; Нефедов, 2009) до анализа сельских поселений (Мазур, 2006; Мазур, 2012), монографий по конкретным сюжетам (Голикова, 2001; Голикова, 2012) и сборников конференций (Козлова, 2022; Козлова, 2023) особую роль играют новые источники, появление которых открывает новые сюжеты, корректирует, а часто принципиально меняет устоявшуюся в историографии картину. Одним

¹ © Роднов М. И. Текст. 2024

из таких ранее неизвестных и практически неиспользуемых источников стали первичные материалы сельскохозяйственной переписи 1920 г.

В уфимском архиве сохранилась практически полная коллекция подворных карточек переписи 1920 г. по так называемой Малой Башкирии — административному образованию, существовавшему в 1919–1922 гг. В том числе имеются подворки по зауральским кантонам (на них вместо уездов делилась Малая Башкирия) — Аргаяшскому и Еланскому, территория которых ныне входит в состав Челябинской и Курганской областей.

Подобное местонахождение архивных материалов привело к тому, что историками этих двух регионов данный источник не изучался, если вообще был известен. Анализ записей в листах использования показывает, что карточки по Зауралью смотрели исключительно краеведы и генеалоги, да и то, скорее всего, переехавшие на жительство в Уфу. Опубликованные в 1926 г. итоги переписи 1920 г. по населенным пунктам¹ содержат значительное число ошибок (уменьшение численности населения и др.) по сравнению с подсчетами непосредственно по источнику (подворным карточкам).

Материалы и методы

К XVIII в. к издавна проживавшему на исследуемой территории тюркоязычному (башкирскому) населению добавилась мощная миграция татар-мишарей (в русской терминологии — мещеряков), что привело к складыванию чисто мусульманских тюркских анклавов. Географически они располагались на границе Пермской и Оренбургской губерний, в самых южных волостях Екатеринбургского и северных волостях Челябинского уездов этих двух губерний соответственно. В статье не рассматривается Шадринский уезд Пермской губернии, район старого расселения русского крестьянства.

Тюркские анклавы среди сплошного массива русского населения постепенно втягивались в уральскую горнопромышленную индустрию. В карточках переписей встречаются профессии мусульман — горнорабочий, штейгер и пр. На аккультурацию зауральских тюрков большое влияние оказало их проживание вблизи стратегических транспортных коммуникаций, сначала гужевых трактов из Екатеринбургa в Челябинск и на восток, в Сибирь, затем рядом прошли важнейшие железнодорожные линии.

Несмотря на близость двух крупных городов и многочисленных заводов, мусульманские анклавы оставались достаточно изолированными. На это влияла слабо изученная в уральской историографии ситуация с поземельной собственностью. Башкиры юридически являлись частными (коллективными, общинными) собственниками своих земель — вотчинниками, к примеру, на них не распространялась Столыпинская реформа (но были и припущенники-башкиры, бывшие арендаторы). Статус земель мещеряков почти не известен (в 1908 г. их отмечали как собственников), к началу XX в. у них складывается относительное малоземелье. В мещерякские волости наблюдался наименьший приток русских переселенцев, своим угодий не хватало.

Результаты

Материалы сельскохозяйственной переписи 1920 г. показывают мощный наплыв русских, произошедший в 1910-е гг., вплоть до Гражданской войны, на многих карточках указано время основания хозяйства. Сравнение с более ранними источниками свидетельствует, что русских в тюркских волостях еще не было. Рассмотрим сначала ситуацию в Екатеринбургском уезде.

¹ Населенные пункты Башкортостана (2002). Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 400.

В 1908 г. в Пермской губернии были собраны сведения из волостных правлений, изданные затем в виде списка населенных мест¹. По национальности (народности в источнике) нерусское население проживало в Екатеринбургском уезде в Карабольской волости (мещеряки и башкиры), Кульмяковской (башкиры), Саринской (башкиры). Весь остальной уезд являл собой территорию сплошного русского массива. По переписи 1920 г. это Карабольская, Кульмяковская, Мякотинская (выделилась из Карабольской, башкиры образовали свою волость, отделились от мещеряков) и Саринская волости. Сейчас земли всех четырех (трех) волостей — это западная часть Кунашакского района Челябинской области, к востоку от городов Касли, Озерск и Кыштым. Это ровная равнинная местность, степь с разбросанными многочисленными озерами.

В 1908 г. здесь не зафиксировано ни одного русского поселения. В 1920 г. в более северных волостях вдоль речки Караболки — Карабольской и Кульмяковской — русских тоже почти не было. Зато южнее возле озер Куяш, Карагайкуль, Урукуль и других, где лежали земли Мякотинской и Саринской волостей, возникают достаточно многочисленные русские заимки. Если в Мякотинской волости в 1920 г. русских проживало немного — всего 74 из 2238 чел., то в Саринской волости русские составляли уже 23 % населения (1644 из 7078 чел.)². Форма поселения у всех — заимка, этот (преимущественно сибирский) термин означал земельный участок, занятый по праву первого владения («куда топор и соха ходили»), обычно вдали от других селений. Но здесь наверняка землю покупали или арендовали у башкир (в карточках переписи 1920 г. нет сведений о землевладении). К западу от Уральских гор, в Уфимской губернии такое наименование вообще не встречается.

Заимка в Саринской волости — это небольшое поселение от одного до 12 хозяйств, но были и крупные группы заимок в 58 и 103 двора. Всего в Саринской волости насчитывалось 240 русских хозяйств, единичные семьи русских обосновались также в самих башкирских деревнях. Заимки именовались почти всегда по фамилиям владельцев — заимка Бородулина, Дятлова, Игнатова, Карпеева и т. д.

Миграция русских в эти две волости носила ярко выраженный характер создания предпринимательских фермерских хозяйств, русские в разы были богаче башкир. У башкир Саринской волости зажиточных многопосевных дворов (от 10 до 15 дес. посева) и кулацких, фермерских хозяйств с посевом свыше 15 дес. вместе насчитывалось 36 (21 и 15), что составляло всего 3,1 % от общего количества. А у русских таких хозяйств имелось 36 и 58, или 94 из 240 (39,2 %). В двух высших посевных группах русские составляли абсолютное большинство. Даже с учетом последствий Гражданской войны, очевидно, что сюда переселялись богатые предприниматели-фермеры, либо изначально приезжавшие с капиталами, либо уже здесь постепенно расширяя аграрное производство (главное — посеvy яровой пшеницы) они создавали крупное товарное хозяйство.

В условиях наступившего советского режима перепись 1920 г. зафиксировала очень большие, без всякого сомнения, фермерско-кулацкие хозяйства русских на заимках — Андрея Игнатьевича Глухова (51 год, 45 дес. посева), Александра Дмитриевича Царапкина (57 лет, 40 дес.), Егора Митрофановича Плаксина (43 года, 45 дес.), Василия Григорьевича Царапкина (40 лет, 40 дес.), Семена Дмитриевича Царапкина (50 лет,

¹ См.: Список населенных мест Пермской губернии. Пермь: электро-типография губернского земства, 1908 (на обложке указан 1909 г.). Екатеринбургский уезд (отдельный выпуск). Раздельная пагинация.

² Здесь и далее подсчитано по: НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 758 (Мякотинская волость), 761–762 (Саринская волость). Листы в архивных делах не пронумерованы.

40 дес.), Константина Федоровича Глухова (39 лет, 41 дес.), Гаврилы Федоровича Глухова (45 лет, 47 дес.), Ивана Ефремовича Наумова (42 года, 40 дес.). Обращает на себя внимание солидный возраст заимщиков, хотя они проживали здесь не более 10 лет. Значит, приезжали взрослые люди с семьями.

Перед нами целенаправленная миграция фермеров-предпринимателей на свободные земли с целью создания крупного агропроизводства. Переселялись целые семейные кланы, что фиксируется и в Уфимской губернии (Роднов, 1997). В обстановке победившей осенью 1919 г. в Зауралье советской власти разбросанные в отдалении богатые русские заимки объединялись в сельские общества («займовщиков»), пресс продрозверстки еще не погубил фермеров, но дальнейшая судьба их была предсказуема. Подробные современные карты в Яндексe не фиксируют ни одной из этих заимок как населенных пунктов Кунашакского района Челябинской области.

Ситуация в Челябинском уезде Оренбургской губернии была схожая, но имела и своя специфика. Волости с преобладающим тюркским населением лежали к северу (Султаевская) и в основном к западу (Мавлютовская, Метелевская, Мухамед-Кулуевская, Черлинская) от Челябинска. Основная группа башкир проживала в долине реки Миасс и возле озера Увильды в нескольких десятках верст от Челябинска (ныне по прямой около 60 км). Все население — башкиры с небольшим числом татар.

В данной статье не учитываются башкирские (мусульманские) волости в южной части Челябинского уезда (Катайская, Сарт-Калмыкская, др.), которые не вошли в Аргаяшский кантон Малой Башкирии, а также население Аргаяша, станции Омской железной дороги, самовольно провозгласившего себя городом в постреволюционное лихолетье.

Наконец, после проведения Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. оренбургские земские статистики сумели издать список населенных мест. И в интересующих нас волостях зафиксированы русские заимки: в Мавлютовской волости — 4 (56 дворов, 485 чел. великороссов), Метелевской — 9, еще в четырех случаях нет сведений о преобладающей национальности, но явно русские — заимка Молевых и др. (199 дворов, 1141 чел.), Мухамед-Кулуевской — 5 (108 дворов, 922 чел.), Султаевской — 8 (38 дворов, 261 чел.) и Черлинской — одна заимка (3 двора, 19 чел.) и по двум нет данных¹.

По переписи же 1920 г. русские во всех пяти волостях занимали второе место после башкир: в Мавлютовской — 155 домохозяйств и 996 чел. (29,5 % от общего числа жителей), Метелевской — 200 дворов и 1394 чел. (21,3 %), Мухамед-Кулуевской — 285 дворов и 1953 чел. (15,8 %), Султаевской — 126 дворов и 765 чел. (14,3 %) и Черлинской — 18 семей и 108 жителей (5,4 %)². За исключением последней, везде удельный вес русского населения достиг немалых показателей — от 14 до почти 30 % населения. Сохранившаяся почти полная коллекция подворных карточек переписи 1920 г. дает более точные сведения, чем перепись 1917 г., хотя в годы Гражданской войны переселение русских продолжалось.

Миграция русских в башкирские волости Челябинского уезда в начале XX в. носила такой же предпринимательский характер. Количество русских зажиточных хозяйств

¹ Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, б. г.]. 41 с. С. 36–37, 39–40.

² Здесь и далее подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 751 (Мавлютовская волость), 752–755 (Мухамед-Кулуевская волость), 756–757 (Метелевская волость), 759–760 (Султаевская волость), 765 (Черлинская волость).

с посевом от 10 до 15 десятин составляло в 1920 г. по всем пяти волостям 160, а фермерско-кулацких, засевавших свыше 15 десятин, — 232 из 779 общего числа русских дворов, или 50,3 % вместе. Даже после победы красных, рядом с революционным пролетарским Челябинском свыше половины русских хозяев оставались весьма богатыми.

На подворных карточках немало указаний, что крестьяне приезжали из Екатеринбургского уезда и Самарской губернии. В притоке русских переселенцев в Челябинский уезд большую роль играли государственные структуры (Крестьянский поземельный банк и др.). Здесь также широко употреблялся термин «заимка», реже — «хутор», но встречались и необычные названия. В Мавлютовской волости были хутора заимки 2-го Шаимовского, Карабашевского и Логинского районов, в Мухамед-Кулуевской волости имелись поселения русских с наименованием «квартал» (Баланты, Протеженцы, Чубарь и др.), а в поселке Вишневка проживали 51 душа русских и 47 поляков. Такие специфические термины, видимо, точно узнать пока не удалось, связаны с земельными участками, которые нарезались государственными структурами (банком, лесничеством, пр.).

На сравнительно недавнюю миграцию русских указывает наличие в ряде селений Мухамед-Кулуевской волости большого количества пустых, где кроме имени домохозяина нет иной информации, подворных карточек, в квартале Богровка — 18, в квартале Пугачева — 8. В последнем у всех на обороте записано, как у Василия Степановича Ершова, «летчик не преписан русской организации. Семейное положение и жив. и мерт. инвентарь не показан потому что хозяин живет вне пределов кантона». Это «летчики», временно приезжавшие на лето крестьяне. Они вспахивали пашню (арендованную?), поручали кому-то следить за полями, часть населения реально уже проживала в квартале Пугачева, и отбывали домой. Осенью возвращались, жали, молотили, зерно и, возможно, солому увозили к себе в тот же Екатеринбургский уезд. Так называемая «пашня наездом». Более того, здесь был целый поселок Камышевка — весь «пустой» летом 1920 г., когда проводилась перепись.

Как и в Екатеринбургском уезде, фиксируются семейные кланы фермеров. На заимке Плаксиных лидерами являлись 43-летний Сидор Николаевич Плаксин (46,5 дес. посева) и Яким Васильевич Плаксин (46 лет, 43,5 дес.). На мощное формирование предпринимательского хозяйства большое влияние оказывала близость Челябинска, огромного потребительского и товарного рынка. А в годы революционного майдана и Гражданской войны хлеб сам стал деньгами.

И также поиск по современным картам Челябинской области всех этих заимок и кварталов не дал никаких результатов. Зажиточные русские хутора (заимки) не пережили советской эпохи и исчезли вместе с фермерами-кулаками.

Заключение

Материалы переписи 1920 г. показывают редкий в истории случай кратковременной миграции, весьма успешной вначале, показавшей яркий хозяйственный расцвет, но затем завершившийся полным крахом. Ни одно из существовавших русских поселений в перечисленных волостях не удалось найти на карте современной Челябинской области. Бежавшие или раскулаченные семьи русских фермеров-кулаков навсегда покинули эти края.

Миграционные процессы всегда имеют глубокие экономические и социально-политические причины, как в начале XX в., так и в начале XXI в., когда нужда на исторической родине и коррупция в российских регионах приводит к появлению

или исчезновению переселенческих потоков, возникновению этнических анклавов со всеми вытекающими последствиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Голикова, С. В. (2001). *Семья горнозаводского населения Урала XVIII — XIX веков: демографические процессы и традиции*. Екатеринбург: УрО РАН, 196.
- Голикова, С. В. (2012). *Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты*. Екатеринбург: УрО РАН, 176.
- Козлова, О. А. (Ред.) (2022). *Глобальные вызовы демографическому развитию. Т. I*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 449.
- Козлова, О. А. (Ред.) (2023). *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 534.
- Мазур, Л. Н. (2012). *Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX вв.)*. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 472.
- Мазур, Л. Н., Бродская, Л. И. (2006) *Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 564.
- Нефедов, С. А. (2005). *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 539.
- Нефедов, С. А. (2009). *Аграрные и демографические итоги русской революции*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 202.
- Роднов, М. И. (1997). *Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года*. Уфа: Нур-Полиграфиздат, 148.

References

- Golikova, S. V. (2001). *Semya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII — XIX vekov: demograficheskie protsessy i traditsii [Families of the Ural plants workers in the 18th — 19th centuries: demographic processes and traditions]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 196. (In Russ.)
- Golikova, S. V. (2012). *Detskaya smertnost v Permskoy gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): istochnikovedcheskiy i metodicheskiy aspekty [Infant mortality in the Perm province (second half of the 19th — early 20th centuries): source study and methodological aspects]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 176. (In Russ.)
- Kozlova, O. A. (Ed.) (2022). *Globalnye vyzovy demograficheskomu razvitiyu. T. I [Global challenges to demographic development. Vol. I]*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 449. (In Russ.)
- Kozlova, O. A. (Ed.) (2023). *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges]*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 534. (In Russ.)
- Mazur, L. N. (2012). *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regionalnoe izmerenie (vtoraya polovina XIX — XX vv.) [Russian village in the conditions of urbanization: regional dimension (second half of the 19th — 20th centuries)]*. Ekaterinburg: Ural State University Publishing House, 472. (In Russ.)
- Mazur, L. N., & Brodskaya, L. I. (2006). *Evolutsiya selskikh poseleniy Srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza [Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the 20th century: experience of dynamic analysis]*. Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 564. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2005). *Demograficheski-strukturnyy analiz sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia]*. Ekaterinburg: UGGU Publishing House, 539. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2009). *Agrarnye i demograficheskie itogi russkoy revolyutsii [Agrarian and demographic results of the Russian revolution]*. Ekaterinburg: UGGU Publishing House, 202. (In Russ.)

Rodnov, M. I. (1997). *Krupno-krestyanskoe khozyaystvo Sterlitamaskogo uезда po perepisi 1917 goda [Large-scale peasant economy of Sterlitamak district according to the 1917 census]*. Ufa: Nur-Polygraphizdat, 148. (In Russ.)

Информация об авторе

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

About the author

Mikhail I. Rodnov — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

УДК 314.3

JEL classification : J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-15>

Рождаемость в Узбекистане (1890–1990 гг.)¹

З. А. Саидова

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Республика Узбекистан).

<https://orcid.org/0009-0008-9477-7780>

Автор для корреспонденции: З. А. Саидова (saidovazebuniso00@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается демографическая история Узбекистана и Средней Азии с конца XIX в. до конца XX в. Раскрывается влияние половозрастной структуры и социально-экономических факторов, включая образование и занятость женщин, на уровень рождаемости. Анализируются данные всеобщих переписей населения, а также изменения в демографических процессах в периоды Гражданской войны, Второй мировой войны и послевоенных лет в Узбекистане.

Ключевые слова: демографический процесс; рождаемость; население; женщины; образование; занятость; смертность

Fertility Rate in Uzbekistan (1890–1990)

Z. A. Saidova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

<https://orcid.org/0009-0008-9477-7780>

Corresponding author: Z. A. Saidova (saidovazebuniso00@gmail.com).

Abstract. The article examines the demographic history of Uzbekistan and Central Asia from the end of the 19th century until the end of the 20th century. The study revealed the influence of demographic indicators, such as gender and age structure, as well as socio-economic factors, including education and employment of women on fertility rate. Data from the General Population Censuses, as well as changes in the demographic processes in the periods of Civil War, World War II, and post-war years in Uzbekistan were analysed.

Keywords: demographic process; fertility; population; women; education; employment; mortality

Введение

Демографическое развитие Узбекистана и социально-экономические процессы играют важную роль в уровне рождаемости. В исследовании уделяется особое внимание достоверным данным о демографических показателях Узбекистана, которые относятся ко второй половине XIX в., и статистическим сведениям, появившимся в XX в. Цель статьи заключается во всестороннем анализе коэффициентов рождаемости и смертности, половозрастной структуры, естественного прироста населения, а также влияния социально-экономических изменений, включая уровень образования и занятость, на демографические процессы в Узбекистане. Особое внимание уделяется работам М. Р. Буриевой, К. Р. Мулляджанова, М. К. Караханова (Караханов, 1977), Е. С. Тимма (Тимм, 1935) и А. А. Шороховой (Шорохова, 1935), которые служат фундаментальными источниками для изучения этих динамических изменений (Буриева, 1991, с. 100; Мулляджанов, 1983, с. 278).

Важным аспектом данного исследования является определение взаимосвязи между демографическими процессами и социально-экономическим развитием Узбекистана, включая положительные изменения в области образования и занятости

---

¹ © Саидова З. А. Текст. 2024

среди женщин. Повышение уровня образования сыграло ключевую роль в изменении репродуктивного поведения, что отражается в снижении уровня рождаемости и изменении структуры семьи. Кроме того, участие женщин в жизни общества и их растущая занятость в различных секторах экономики оказали значительное влияние на демографические процессы, в частности, на рождаемость и структуру населения.

Данная статья дает возможность определить, что демографические тенденции в Узбекистане не только являются результатом внутренних социальных и экономических перемен, но подвергаются влиянию глобальных событий и тенденций. Данное исследование вносит определенную ясность в изучение взаимодействия исторических событий и демографических процессов, уточняет путь развития социального и экономического положения женщин Узбекистана на протяжении более чем столетия своей истории.

Влияние демографических факторов на уровень рождаемости в Республике Узбекистан

Наиболее ранние сведения о демографии Средней Азии, в том числе и Узбекистана, относятся ко второй половине XX в. Ранние статистические сведения в Узбекистане появились преимущественно в первой половине XX в. в результате проведения 1926 г. Всесоюзной переписи населения. Также немаловажную роль играют для анализа населения итоги первой Всеобщей переписи населения в 1897 г. Хотя этой переписью не была охвачена часть территории Туркестана, но все же итоговая таблица в материалах переписи служит важнейшим источником данных для анализа различных показателей народонаселения в динамике, в том числе для определения рождаемости и смертности в конце XIX столетия. На основании материалов этой переписи М.К. Караханов (Караханов, 1977) рассчитал коэффициенты рождаемости и смертности населения Средней Азии в конце XIX в. В частности, коэффициент рождаемости, по его данным, составил здесь 40–46,9 ‰. Также исследования Е. С. Тимма (Тимм, 1935) и А.А. Шороховой (Шорохова, 1935) служат одним из основных источников изучения демографических процессов в конце XIX и в начале XX в. в республике (Буриева, 1991, с. 100). О динамике коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения Узбекистана за 1897–1940 гг. (на 1000 чел. населения) свидетельствуют данные, представленные в таблице 1.

В указанные годы тенденция рождаемости показывает некоторое снижение. Это в определенной степени связано с влиянием, в первую очередь, демографических, а также социально-экономических факторов. Особенное значение имеет для уровня рождаемости возрастно-половая структура населения.

Таблица 1

Динамика демографических показателей в Республике Узбекистан в 1897–1940 гг.

Год	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
1897	46,9	34,9	12,0
1910	46,6	34,3	12,3
1920	44,8	33,8	11,0
1926	41,5	22,6	18,9
1930	38,7	17,1	21,6
1935	36,6	15,8	20,8
1940	33,6	13,2	20,4

Источник: Валентей, Д. И. (Ред.) (1967). Народонаселение и экономика. Москва: Экономика, с. 85.

Статистические сведения, касающиеся возрастной структуры населения в Узбекистане, появились в основном в первой половине XX в. К этому периоду доли населения трудоспособного возраста (мужчины 16–60 лет, женщины 16–54 лет), а также детей (0–15 лет) были высоки, тогда как доля пожилых людей (мужчины 61 год и старше, женщины 55 лет и старше) — меньше (Буриева, 1991, с. 52–55). Эти обстоятельства объясняются прежде всего высокой рождаемостью (45–47 %) и низкой средней продолжительностью жизни населения (32–33 лет) (Буриева, 1991, с. 52–55). Следует отметить, что Гражданская война (1918–1923 гг.), голод, эпидемии имели отрицательное воздействие на возрастную структуру населения.

В 1924–1939 гг. произошли положительные изменения в социально-экономических условиях Узбекистана. Стала развиваться система здравоохранения, и государство начало уделять больше внимания здоровью населения. Несколько увеличилась средняя продолжительность жизни населения. В результате доля пожилого населения составила 9,0 % (Мулладжанов, 1983, с. 160), то есть за 1926–1939 гг. она возросла на 2,1 %.

В 1939–1959 гг. произошли заметные изменения в возрастной структуре населения: уменьшилась доля детей и населения трудоспособного возраста, доля пожилого населения еще более увеличилась. Это связано с уменьшением рождаемости и увеличением смертности из-за тяжелых жизненных условий в военные годы.

Непосредственное воздействие войны (1949–1945 гг.) на демографические процессы республики началось с нарушения половозрастной структуры населения. Население довоенного периода характеризуется меньшим удельным весом женщин. В 1939 г. в Узбекистане на 1000 мужчин приходилось 936 женщин. В последующие годы эта разница постепенно сокращалась, и в 1959 г. соотношение мужчин и женщин составляло 1000:1083, в 1970 г. — 1000:1054, в 1979 г. — 1000:1037 и в 1989 г. — 1000:1026. По архивным данным ЦСУ, в 1940 г. в республике было заключено 49,3 тыс. браков. В 1942 г. это количество уменьшилось до 33,6 тыс., в 1943 г. до 22,1, в 1944 г. до 24,7 и в 1945 г. — до 26,7 тыс. Уровень 1940 г. по количеству заключаемых браков был достигнут лишь в 1947 г., когда было зарегистрировано 49,9 браков (Мулладжанов, 1983, с. 167). Отрицательное влияние войны привело также к снижению рождаемости и увеличению смертности в республике. Если в 1940 г. число родившихся составляло 224,3 тыс. чел., то в 1944 г. этот показатель составлял уже 69,0 тыс. чел. А число умерших превысило число родившихся в этом году, составив 73,3 тыс. чел., эти изменения привели к нарушению динамики естественного движения населения. В 1945 г. общий коэффициент рождаемости по сравнению с 1940 г. был ниже на 15,7 %, а естественный прирост населения — на 11,8 %.

И только после войны начались умеренный процесс выравнивания соотношения между численностью мужчин и женщин, а также общий рост численности населения.

К 1970-м годам возрастная структура населения Узбекистана заметно изменилась в период компенсации послевоенных лет. Произошло восстановление семей. В связи с этим и увеличилась рождаемость. В итоге доля детей в общем составе населения возросла. Показатели рождаемости в республике достигли прежнего уровня в 1952 г. Быстрый рост рождаемости создал благоприятные условия для увеличения численности населения.

Данные переписи 1979 г. показали, что доля детей в составе населения уменьшилась, а доля населения трудоспособного возраста, наоборот, увеличилась. Это обстоятельство связано со снижением рождаемости, отмеченным с 1979 г. В результате снизились темпы воспроизводства населения. Если в 50–70-х гг. население республики ежегодно росло на 3,5 %, то в 70–80-х гг. — на 2,9 %, а в 80–90-х гг. — на 2,6 %¹.

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. Москва, 1972. С. 28–29.

Уровень образования и рождаемость населения

В тенденции рождаемости Узбекистана также имеют особое значение уровень образования и занятость женщин.

Образовательный уровень населения является одним из основных факторов, влияющих на рождаемость. С повышением образовательного уровня населения, особенно женщин, уровень рождаемости снижается. Такая тенденция отмечалась как в целом по стране, так и в ее отдельных регионах.

В Узбекистане в послевоенные годы были достигнуты большие успехи в развитии народного образования. Важным показателем, характеризующим быстрый всесторонний рост уровня образования населения, было число подготовленных специалистов и квалифицированных рабочих кадров различными учебными заведениями. В 1988 г. высшие учебные заведения закончили 41,5 тыс. чел. (в 12,5 раза больше, чем 1940 г.), средние учебные заведения — 93,4 тыс. чел. (в 27,5 раза больше, чем 1940 г.), полное среднее образование получили 294,6 тыс. чел., или в 5,6 раза больше, чем в 1960 г.

Значительное увеличение количества выпускников средних общеобразовательных школ всех видов, техникумов, вузов и других учебных заведений привело к повышению уровня образования населения в целом. Если в 1959 г. на тысячу человек занятого населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 21 чел., имеющих высшее образование, 36 чел. — среднее специальное образование, то в 1989 г. — соответственно 92 и 150¹.

Данные переписи населения 1989 г. объективно характеризуют повышение образовательного уровня городского и сельского населения республики. Так, в 1989 г. по сравнению 1959 г. среди городского (занятого) населения в возрасте 15 лет и старше численность лиц, имеющих высшее, среднее специальное и полное среднее образование, увеличилась в более чем в 3 раза. В то же время эти показатели по сельскому населению составляли для лиц с высшим образованием — 8,1 раза, для лиц с средним специальным — 6 раз, для лиц с полным средним образованием — 8,4 раза².

Особо следует отметить большие достижения в повышении образовательного уровня женщин Узбекистана. В 1988 г. в Узбекистане количество женщин в составе студентов высших учебных заведений составляло 46 %, средних специальных учебных заведений — 52 %. Увеличилось число женщин — специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве. Их численность возросла с 107,2 тыс. в 1960 г. до 816,0 тыс. в 1987 г., или в 7,6 раза, причем с высшим образованием — в 8,2 раза, со средним специальным — в 7,2 раза. С ростом числа женщин — специалистов с высшим и специальным образованием увеличился удельный вес женщин в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием с 45 % в 1960 г. до 50 % в 1988 г.³

Подобные существенные изменения в уровне образования женщин и всего населения республики отразились на процессах рождаемости и естественного воспроизводства населения в целом. Особенно существенно влияет на детность семьи образование женщин. Самая высокая рождаемость в городе и в сельской местности у женщин, имеющих среднее и неполное среднее образование. У женщин с образованием ниже начального показатель рождаемости относительно ниже, чем у женщин с неполным средним и средним образованием. Это объясняется тем, что большую часть женщин

¹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1971 г. Ташкент, 1972. С. 13

² Социальное развитие и уровень жизни населения Узбекской ССР. Ташкент, 1990. С. 193–194.

³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1989 г. Ташкент, 1990. С. 106.

с образованием ниже начального составляли женщины старших поколений. Женщины, получившие среднее специальное и высшее образование, имели в семье в 1,5–2 раза меньше детей, чем женщины с начальным и ниже начального образования. Также в изучаемый период на рождаемость повлияла этническая структура населения в городах.

По данным результатов обследования народонаселения, проведенного в лаборатории ТашГУ (1988 г.), наибольшее влияние на рождаемость в сельских поселениях оказывало высшее и среднее специальное образование. С увеличением образовательного уровня женщин наблюдалось сокращение рождения детей высоких очередностей. Среди опрошенных женщин 12,7 % составляли женщины с высшим образованием, 11,6 % — со средним специальным, 50,3 % — со средним и 25,4 % — с неполным средним и начальным образованием. Эти показатели составляли в городе соответственно 19,5, 25,7, 28,3 и 26,5 %.

Также в городских поселениях значительно сократилось рождение детей высоких очередностей (7-е и более). Это подтверждается также данными обследования в 1988 г. Из опрошенных женщин-узбечек с высшим образованием имеющие 7–10 и более детей составляли 2,1 %, со средним специальным образованием — 6,4 %, со средним образованием — 8,0 %, и неполным средним образованием — 17,8 %. Также в городе наблюдалось значительное сокращение многодетных семей (имеющих 7 и более детей) почти по всем образовательным группам. Таким образом, повышение образовательного уровня населения, особенно женского, в определенной степени привело к снижению рождаемости в Узбекистане (Эгамбердиев, 1972, с. 36).

Занятость женщин в сферах национальной экономики и рождаемость

На всех этапах социально-экономического развития Узбекистана вовлечение женщин в общественное производство, их занятость в сферах национальной экономики и связанные с этим проблемы всегда имели актуальное значение. Например, в первые годы XX в. основной проблемой в сфере занятости женщин было постепенное привлечение их из домашнего хозяйства к труду в областях национальной экономики. Первоначально женщины работали на специальных условиях, ловя шелкопрядов, обрабатывая их и собирая хлопок. Более подробная информация о занятости женщин в Узбекистане была изучена с помощью регистрации населения. Согласно данным переписи населения, проведенной в 1926 г., женщины составляли 1,3 % промышленно занятого населения¹. Они занимались такими видами труда, как ремесло, прядение, шелководство, ткачество ковров и тканей в отдельных закрытых помещениях.

Научные статистические источники отмечают, что занятость женщин в Узбекистане регулярно увеличивалась. В 1928 г. женщины составляли 18 % от общей численности населения в национальной экономике: 13 % в промышленности, 15 % в сельском хозяйстве, 30 % в сфере связи, 64 % в здравоохранении, 35 % в образовании, 39 % в науке, 19 % в аппарате государственного управления и общественных организациях (Буриева, 1991, с. 25, 45, 63, 70). Следует отдельно отметить занятость женщин в национальной экономике во время Второй мировой войны. В то время основную рабочую силу составляли женщины, которые работали в Саларе, Кувасое, нижнем Бозсуве, на электростанциях, текстильных комбинатах, металлургическом заводе. Если в 1926 г. женщины составляли 1,3 % занятого в промышленности населения, то в 1988 г. этот показатель достиг 43 %, то есть увеличился в 33 раза. В этот период женщины в Узбекистане начали

---

¹ Народное хозяйство Узбекистана за 50 лет. Ташкент, 1967. С. 181.

участвовать во всех сферах. Высокие показатели занятости женщин наблюдаются в таких сферах, как здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение (72,7 %), государственное образование (59,4 %), культура (57,8 %), торговля и общественное питание (53,7 %). Также увеличилось число занятых женщин в сельскохозяйственном секторе. В то время как в 1960-х гг. женщины составляли 45 % от общей численности населения, занятого в сельском хозяйстве, в 1988 г. этот показатель достиг 49 %. В 1980 г. доля женщин также возросла в государственной системе управления. Например, женщины составляли 1/3 депутатов Верховного Совета. Также примечательно, что в 1960-х и 1980-х гг. увеличилось участие женщин и в науке. За этот период число занятых в научных исследованиях женщин увеличилось с 368 до 14861, или в 4 раза, а количество женщин — докторов наук и кандидатов наук увеличилось в 6,1 раза (Буриева & Тожиева, 2003, с. 145).

Таким образом, в республике наблюдались положительные качественные и численные изменения в вышеуказанные периоды в занятости женщин на производстве.

В течение указанного периода существовало несколько факторов, которые способствовали занятости женщин в общественном производстве.

В Узбекистане в 1969, 1979, 1989 гг. специалистами во всех регионах республики были проведены социолого-демографические исследования. Среди основных задач этих исследований было изучение взаимосвязи между занятостью женщин в общественном производстве и рождаемостью. Действительно, уровень занятости женщин на местах напрямую влиял на количество их детей. Например, в городских районах на одну служащую узбекскую женщину (в 1988–1989 гг.) приходилось в среднем 2,6 ребенка; работающую женщину — 3,2, колхозницу — 3,6, и домохозяйку — 3,8. В сельской местности эти показатели составили на одну служащую узбекскую женщину — 3,2 ребенка, на работающую женщину — 3,8, колхозницу — 4,5 и домохозяйку — 4,7 (Рахимбабаева, 1949, с. 47).

Зафиксированные данные показывают, что в районах, требующих более высокой квалификации и большего времени, у занятых женщин несколько более низкий уровень рождаемости. В случае колхозниц и женщин, занятых в домашнем хозяйстве, напротив, уровень рождаемости выше. Но в статистических источниках о занятости женщин также содержатся данные о почти полной занятости женщин трудоспособного возраста в сельских общинах. Это объясняется рядом конкретных причин.

Известно, что в вышеупомянутые периоды существовала традиция многодетности в семье, такое положение дел ценилось как обществом, так и государством. Во многих случаях старшие дети многодетной матери, даже дети школьного возраста (после учебных занятий) выходили на работу, чтобы заменить свою мать, и работали в колхозе. В сельской местности женщины, занятые сезонным трудом (ловля шелкопрядов, хлопководство), также считались полностью занятыми. Такие условия позволяли матери проводить большую часть своего времени дома, то есть в собственном семейном окружении, быть со своими детьми, уделять им больше времени и внимания, а также заниматься воспитанием ребенка.

Согласно переписи населения, численность населения, занятого в общественном производстве (исключая сельское хозяйство), составляла 33,9 % в 1959 г., 33,5 % в 1970 г., 36,4 % в 1979 г., 35,3 % в 1989 г. В эти годы занятость населения на личном подсобном хозяйстве составляла соответственно 5,9 %, 0,8 %, 0,2 %, 0,3 %. В период с 1980 г. по 1990 г. женщины составляли 43–45 % рабочей силы и служащих¹.

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что в 1970-х и 1990-х гг. среднее число женщин среди рабочих и служащих составляло 43–45 %.

¹ Народное хозяйство Республики Узбекистан в 1991 г. Ташкент, 1992. С. 60

Доля женщин в составе рабочих и служащих в Узбекистане, %

Год	Доля женщин в составе рабочих и служащих	Год	Доля женщин в составе рабочих и служащих
1940	31,0	1980	43,0
1965	40,0	1985	43,0
1970	41,0	1990	45,0
1975	42,0	—	—

Источник: Народное хозяйство Республики Узбекистан в 1990. Ташкент, 1991. С. 26.

Таким образом, занятость женского населения в Узбекистане привела к значительному снижению уровня рождаемости среди городского населения и частичному его уменьшению среди сельского населения. В условиях высокой рождаемости степень занятости женщин по-разному влияла на уровень рождаемости, что было связано с условиями труда женщины. Условия труда, при которых женщина была занята полный рабочий день и полную рабочую неделю, приводили к сокращению рождаемости. У женщин же, которые были заняты работой сезонного характера, а также работали неполную рабочую неделю, существенного снижения рождаемости не наблюдалось.

Происходившие в республике социально-экономические изменения в жизни населения в целом влияли на репродуктивное поведение многодетных женщин, что подтверждалось желанием их участия в общественном производстве.

Заключение

Таким образом, изменения темпов рождаемости связаны, прежде всего, с влиянием демографических факторов. Особое значение для уровня рождаемости имеют возраст-половая структура населения. Повышение образовательного уровня населения, занятость населения, особенно женщин, в определенной степени приводит к снижению рождаемости в Узбекистане. Данные показывают, что с ростом образовательного и профессионального уровня женщин снижается их репродуктивная активность, что влияет на общую численность населения и его структуру. Кроме того, влияние исторических событий, которые были раскрыты в статье, привело к значительным изменениям в возраст-половой структуре населения, а также в уровнях рождаемости и смертности.

Исследование показало, что демографическое развитие Узбекистана является результатом сложного взаимодействия между историческими, социальными и экономическими процессами. Изменения образовательного уровня и занятости женщин, а также влияние крупных исторических событий играли ключевую роль в формировании демографической картины республики. Это исследование дает не только информацию о прошлом, но и позволяет определить перспективы в планировании политики в области демографии, а также социально-экономического развития Узбекистана.

Список литературы

- Буриева М. Р. (1991). *Рождаемость в Узбекистане*. Ташкент: Фан, 100.
- Буриева, М. Р., Тожиева, З. Н. (2003). Аёллар — ижтимоий гуруҳ сифатида. В: *Узбекистон География жамияти ахбороти. 23-жилд*. Ташкент: Фан, 248.
- Валентей, Д. И. (Ред.). (1967). *Народонаселение и экономика*. Москва: Экономика, 187.
- Караханов, М. К. (1977). *Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия*. Москва: Статистика.

Мулладжанов И. Р. (1983). *Демографическое развитие Узбекской ССР*. Ташкент: Узбекистан, 278.

Рахимбабаева, З. Р. (1949). *Женщина в Узбекистане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 76.

Тимм, Е. С. (1935). *Опыт изучения естественного движения населения в кишлаках*. Ташкент.

Тухтаев, Э. С. (1990). *Социальное развитие и уровень жизни населения Узбекской ССР*. Ташкент: Фан, 139.

Шорохова, А. А. (1935). *Методика изучения плодovitости человека*. Ташкент: Гос. Изд-во Узбекской ССР, 98.

Эгамбердиев, А. (1972). *Воспроизводство трудовых ресурсов сельской местности Узбекистана*. Ташкент: Фан, 247.

References

Burieva, M. R. (1991). *Rozhdaemost v Uzbekistane [The birth rate in Uzbekistan]*. Tashkent: Fan, 100. (In Russ.)

Burieva, M. R., & Todzhieva, Z. N. (2003). Women is a high-quality group. In: *Uzbekiston Geografiya zhamiyati akhboroti. 23-zhild [Uzbekistan Geography is a collection of information. 23-lived]*. Tashkent: Fan, 248. (In Uzb.)

Egamberdiev, A. (1972). *Vosproizvodstvo trudovykh resursov selskoy mestnosti Uzbekistana [Reproduction of labor resources in rural areas of Uzbekistan]*. Tashkent: Fan, 247. (In Russ.)

Karakhanov, M. K. (1977). *Demograficheskie protsessy v Sredney Azii vo vtoroy polovine XIX stoletiya [Demographic Processes in Central Asia in the Second Half of the 19th Century]*. Moscow: Statistics. (In Russ.)

Mulljadzanov, I. R. (1983). *Demograficheskoe razvitie Uzbekskoy SSR [Demographic development of the Uzbek SSR]*. Tashkent: Uzbekistan, 278. (In Russ.)

Rakhimbabayeva, Z. R. (1949). *Zhenshchina v Uzbekistane [A woman in Uzbekistan]*. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 76. (In Russ.)

Shorokhova, A. A. (1935). *Metodika izucheniya plodovitosti cheloveka [Methodology for studying human fertility]*. Tashkent: State Publishing house of the Uzbek SSR.

Timm, E. S. (1935). *Opyt izucheniya estestvennogo dvizheniya naseleniya v kishlakakh [The experience of studying the natural movement of the population in villages]*. Tashkent. (In Russ.)

Tukhtaev, E. S. (1990). *Sotsialnoe razvitie i uroven zhizni naseleniya Uzbekskoy SSR [Social development and standard of living of the population of the Uzbek SSR]*. Tashkent: Fan, 139. (In Russ.)

Valentey, D. I. (Ed.). (1967). *Narodonaselenie i ekonomika [Population and Economy]*. Moscow: Ekonomika, 187. (In Russ.)

Информация об авторе

Саидова Зебунисо Амануллаевна — преподаватель кафедры экономической и социальной географии факультета географии и геоинформационных систем, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека; <https://orcid.org/0009-0008-9477-7780> (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 100174, ул. Университетская, 4; e-mail: saidovazebuniso00@gmail.com).

About the author

Zebuniso A. Saidova — Lecturer, Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography and Geoinformation Systems, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; <https://orcid.org/0009-0008-9477-7780> (4, Universitetskaya St., Tashkent, 100174, Republic of Uzbekistan; e-mail: saidovazebuniso00@gmail.com).

УДК 947 (470.57)

JEL classification: O15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-16>

Динамика миграционных процессов в конце XX — начале XXI века: региональные особенности¹

Р. Н. Сулейманова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-1877-5421>

Для корреспонденции: Р. Сулейманова (rnsulejman@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируется значимый демографический показатель — миграция населения, оказывающий серьезное воздействие на процессы воспроизводства населения, что, в свою очередь, влияет на экономическую и социальную жизнь общества. На примере Республики Башкортостан изучаются состояние и тенденции развития миграционных процессов в конце XX — начале XXI в. В качестве методов исследования применены статистический и исторический анализ. В статье рассматриваются основные направления миграционных потоков, их динамика, количественные и качественные аспекты, влияние миграции на экономику и социум. Особое внимание уделяется изучению причин внутренних и внешних миграционных перемещений граждан. На основе проведенного исследования в статье формулируется вывод: миграция населения не является единственным фактором, оказывающим значимое влияние на демографическую ситуацию в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: демографические процессы; миграция; направления; особенности; регион

Migration Dynamics at the End of the 20th — Beginning of the 21st Century: Regional Characteristics

R. N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS (Ufa, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-1877-5421>

Corresponding author: R. N. Suleimanova (rnsulejman@mail.ru).

Abstract. The article examines an important demographic indicator, such as population migration, which has a serious impact on processes of population reproduction, which in turn affects economic and social life. The state and trends in the development of migration processes in the Republic of Bashkortostan at the end of the 20th — beginning of the 21st century are studied. Statistical and historical analysis are used as research methods. The paper presents main directions of migration flows, their dynamics, quantitative and qualitative indicators, impact on the economy and social sphere. Particular attention is paid to studying the causes of internal and external migratory movements of citizens. It was concluded that population migration is not the only factor that has a significant influence on the demographic situation in the Republic of Bashkortostan.

Keywords: demographic processes; migration; directions; features; region

В динамике населения и течении демографических процессов в России и ее регионах, в частности в Республике Башкортостан, имелись подъемы и спады, что подтверждают опубликованные источники, официальная статистика, материалы переписей населения, проведенных в рассматриваемый период. Важную роль в их формировании и развитии

---

¹ © Сулейманова Р. Н. Текст. 2024

сыграла миграция, интенсивность и масштабы которой были неодинаковыми на различных этапах отечественной истории и определялись политическими, социально-экономическими и иными факторами. Начиная с первой послевоенной переписи населения 1959 г. и вплоть до всероссийских переписей, проведенных в XXI в., в демографической ситуации произошли серьезные изменения, что, несомненно, вызывает интерес. На основе статистических источников конца XX — начала XXI вв. рассмотрим процессы миграции на примере конкретного российского региона — Республики Башкортостан.

В республике в рассматриваемый период сложилась довольно непростая демографическая ситуация, связанная с недостаточным для воспроизводства населения уровнем рождаемости, низкими показателями средней продолжительности жизни, ухудшением здоровья населения, сокращением численности населения вследствие естественной убыли, нарушенной диспропорцией его половозрастного состава, ускорением миграционного оттока граждан и др. Социально-экономические и общественно-политические процессы прямо или косвенно оказывали немаловажное влияние на течение и изменение показателей демографической ситуации в республике, в том числе миграционных. Происходившие перемены в динамике миграционных потоков обусловлены в основном социально-экономическими причинами, ходом научно-технического прогресса. Нужно заметить, что они в республике имели свои отличительные особенности, связанные с различными факторами: географическое положение республики, исторические условия, территориальное размещение и структура производства, развитие социальной инфраструктуры и др. В местной историографии отмечалось, что имевшие место в демографической ситуации в Башкирии довольно высокая территориальная подвижность и большие (по сравнению с другими регионами страны) перепады динамики миграции населения можно считать ее региональными особенностями (Галин, 1998, с. 121). Нужно согласиться с этим утверждением, так как оно подтверждается данными статистических источников.

Как показывают материалы переписей населения и официальной статистики, прирост населения в республике происходит по двум направлениям: естественный прирост (рождаемость) и миграция. Они наглядно отражают произошедшие перемены в демографической ситуации. Несмотря на кажущееся ее благополучие, реальное положение оставляет желать лучшего, что подтверждает не только статистика, но и реалии жизни. Заметим, что демографическая ситуация начала XXI в. заметно отличается от ситуации конца XX в. Все это получило всестороннее отражение в материалах переписей населения, проведенных в рассматриваемый период. Опираясь на них, рассмотрим данную тему.

Одним из значимых факторов изменений в населении и в целом в демографических показателях является его механическое движение. Наметившееся еще с начала 1960-х гг. ухудшение демографической ситуации в республике в значительной степени было связано с усиливающимся выездом населения за ее пределы. В 1960-х гг. среднегодовая миграция составляла около 20 тыс. чел. Причинами, по которым люди меняли место жительства, являлись в основном переезд на учебу, направление на работу по распределению после окончания учебного заведения, переезд на работу по общественному призыву или оргнабору, переезд с семьей и др. В числе выехавших значительную часть составляли женщины. Среди 6,5 тыс. чел., покинувших республику после завершения обучения в учебных заведениях в конце 1960-х гг., на них приходилось 4,5 тыс. чел.¹

¹Население Башкортостана: XIX–XX века. Статистический сборник. Уфа: Китап, 2008. С. 216.

В последующий период темпы роста общей численности населения республики несколько снизились. Среди основных причин этой тенденции можно назвать довольно значительное сокращение естественного прироста и миграционный отток населения, неудовлетворительное состояние социальной сферы и др. Увеличивалась численность городского населения в основном за счет естественного прироста и притока сельских жителей¹. За период с 1970 г. по 1979 г. убыль сельского населения составила свыше 320 тыс. чел. В эти годы республику покинули 29 тыс. чел. Значительную часть среди них составляли башкиры, выезд которых в основном в регионы Урала в этот период особенно усилился и продолжался вплоть до начала 1990-х гг. Стремительное сокращение жителей сел и деревень было повсеместным явлением. Но ряд регионов, в их числе Башкирия, Татария, Горьковская и Кировская области по масштабам миграционного оттока сельского населения не имели себе равных в стране (Сулейманова, 2005, с. 270–271). Это стало причиной принятия местными органами власти в конце 1970-х гг. постановления «О комплексном плане мероприятий по улучшению демографической обстановки в республике и по регулированию движения сельского населения Башкирской АССР» (Фаткуллин, 1982, с. 6). Выполнение определенного в нем целого комплекса мероприятий по стабилизации сложившегося неблагоприятного положения в сельской местности республики, к сожалению, не привело к ожидаемым результатам.

Происходившее в 1980-х гг. ухудшение демографической ситуации в республике получило отражение в материалах последней всесоюзной переписи населения 1989 г.². Зафиксированный в ней рост городского населения происходил в основном за счет естественного прироста (рождаемость) и притока в города сельского населения, что указывало на внутрорегиональное передвижение людей. Негативные явления в социально-экономической жизни республики, слабое развитие социальной инфраструктуры, прежде всего в районах компактного проживания преимущественно башкир, низкий уровень материально-бытового положения и др. являлись основными причинами оттока населения в более развитые промышленные регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. В среднем за год из республики выезжало до 28 тыс. чел., причем подавляющая часть из них молодого, трудоспособного и репродуктивного возрастов (Сулейманова, 2009, с. 294).

Таким образом, материалы переписей населения, проведенных в 1959–1989 гг., и сведений официальной статистики свидетельствуют, что демографическая ситуация в Башкирии характеризовалась относительной сложностью и противоречивостью. Ее ухудшение с начала 1960-х гг. в основном было связано с происходившим в течение длительного времени оттоком населения за пределы республики, что является особенностью его течения в рассматриваемые годы. Из-за интенсивной миграции в 1959–1990 гг. республика потеряла 778,9 тыс. своих граждан (Сулейманова, 2005, с. 271).

Следует отметить, что подобные темпы миграции негативно сказывались на воспроизводстве населения и экономике республики. Происходивший отток людей не только внутри республики, но и за ее пределы был связан не только с экономической целесообразностью перераспределения рабочей силы, обеспечением ею новых промышленных регионов страны для освоения природных богатств. Среди основных причин следует назвать территориальное перераспределение трудовых ресурсов регионов

¹Население Башкирии по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Статистический сборник. Уфа: Башупрстат, 1990. С. 9.

²Там же.

при их переизбытке и истощении природных запасов, диспропорции в размещении промышленных предприятий в самой республике, низкий уровень жизни, недостатки в социальной сфере и др. Это же наблюдалось в Башкирии, когда в ее недрах закончились запасы нефти, а она имела большое число высококвалифицированных рабочих и специалистов. Найденные в Западной Сибири месторождения нефти еще в начале 1960-х гг. стали местом применения трудовых навыков башкирских геологов, буровиков и добытчиков. Из Башкирии в нефтяные районы этого региона страны на постоянное место жительства переселилось свыше 35 тыс. чел. Кроме того, тысячи людей трудились там в составе «летающих вахт» (Люди..., 1982, с. 100). Но не только этот фактор приводил к оттоку людей молодого и трудоспособного возрастов в более развитые промышленные регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока. В числе основных причин можно назвать негативные явления, имевшие место в экономике и социальной сфере, в частности, диспропорция в размещении промышленных предприятий в республике, слабое развитие социальной инфраструктуры, особенно в районах, заселенных преимущественно башкирским населением, низкий уровень жизни. Однако ускорение миграционных процессов коснулось, прежде всего, деревни, что привело к ее обезлюдению, вызвав появление так называемых бесперспективных деревень.

Происходившая интенсивными темпами в эти годы межрегиональная миграция людей из Башкирии, с одной стороны, повышала ее роль в перераспределении населения и трудовых ресурсов в пользу новых промышленных центров страны. Она фактически играла роль экономического донора, отдававшего подготовленные для них рабочие кадры (Галин, 1998, с. 125). С другой стороны, это имело негативные последствия для экономики, для трудовых ресурсов самой республики, для ее демографической ситуации, многих ее показателей, в частности процессов воспроизводства, формирования семьи, национальной, половозрастной, социально-профессиональной структуры населения. Это также вело к усилению ассимиляционных процессов среди нерусских народов, прежде всего башкирского, ввиду оторванности от национальной среды. Массовая миграция в другие регионы страны в угоду государственной политике способствовала исчезновению деревень, вовлечению в урбанизационные процессы, более того, оказывала негативное влияние на сохранение национальной культуры и самосознания людей. В рассматриваемый период территориальное передвижение населения было регулируемым и управляемым процессом в рамках проведения государственной политики в сфере экономики, в решении социальных задач.

События 1990-х гг. лишь усугубили и без того неблагоприятное положение в демографической ситуации. В последние десятилетия XX в. механическое движение населения носило разнонаправленный характер. Наблюдавшийся в 1960–1980-х гг. массовый отток населения из республики сменился в эти годы на заметную иммиграцию из ближнего зарубежья, пик которой пришелся на 1994 г. Несмотря на некоторое возращение общей численности населения Башкирии, темпы его прироста были невысокими, происходившими в основном за счет миграции, которая и компенсировала происходившую с 1993 г. естественную убыль¹. За 1991–1996 гг. численность населения республики в основном увеличивалась за счет миграции. Наблюдавшийся ранее отток жителей республики в другие регионы страны теперь сменился довольно заметной иммиграцией из ближнего зарубежья, из государств СНГ и Балтии (Сулейманова, 2005, с. 272).

¹ Башкортостан в цифрах. Статистический сборник. Уфа: Китап, 2018. С. 147.

Прошедшие с начала XXI в. несколько всероссийских переписей населения зафиксировали произошедшие за межпереписной период изменения в населении после последней всесоюзной переписи 1989 г. Несмотря на в целом относительно благополучную картину демографической ситуации в республике, она сохраняла сложный и противоречивый характер. В общей численности населения имела место тенденция снижения. Если в 2002 г. перепись зафиксировала проживание в республике 4104,3 тыс. чел., то к следующей переписи 2010 г. этот демографический показатель сократился на 32 тыс. чел. Тенденция снижения сохранялась в последующий период, зафиксировав в 2020 г. сокращение численности населения еще на 58,5 тыс.¹ Это показывает, что темпы прироста населения в республике были весьма незначительными. И в этом наступившем веке в процессах воспроизводства населения по сложившейся традиции преобладающие позиции занимают два направления — во-первых, за счет естественного прироста (рождаемость) и, во-вторых, миграции. В миграционных процессах видны тенденции позитивного и негативного характера. В республике наблюдается определенное снижение оттока населения. В 2004–2006 гг. в статистических материалах была зафиксирована убыль населения. Однако с 2007 г. последовал в нем прирост². По мнению Р.А. Галина, течение миграционных процессов в Республике Башкортостан носит селекционный (или перевалочный) характер, имеет несколько направлений, в их числе внутрирегиональные и межрегиональные, что можно отнести к особенностям современной миграции (Барсов & Галин, 2018, с. 60). Несмотря на некоторое улучшение этих процессов, можно указать и на их оборотную сторону. При этом рост притока мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, пополнение, зачастую восполнение за их счет трудовых ресурсов, катастрофически необходимых для многих отраслей экономики, в свою очередь, ведут к безработице среди населения в самой республике, что приводит к возникновению целого ряда социальных, экономических, общественных и многих других проблем, создает предпосылки для напряжения в этноконфессиональной сфере.

Проведенное исследование данной темы позволяет сделать следующий вывод. Заметное влияние на демографическую ситуацию в Республике Башкортостан оказывали и продолжают оказывать не только собственно демографические характеристики (естественный прирост, рождаемость, миграция и др.), но и целый ряд факторов — политических, экономических, социальных, культурных и т. д. В условиях естественной убыли населения, связанной с падением рождаемости, ростом смертности, территориальная подвижность становится все более значимым фактором, воздействующим на численность, половозрастную структуру населения, брачно-семейную сферу. Миграция, отличившаяся собственно региональными особенностями, в основном связанными не только с экономическими и политическими, но также с традиционными этнокультурными и поликонфессиональными факторами, оказывала и продолжает оказывать серьезное влияние на многие сферы экономической, социальной, общественно-политической жизни республики, формирует состав населения, влияет на его демографическое поведение, уровень и образ жизни, что подтверждают данные приведенных статистических источников. В современный период в населении республики происходят довольно серьезные перемены и необратимые процессы,

¹ Республика Башкортостан в цифрах. Статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2023. С. 9.

² Миграция населения в Республике Башкортостан. Статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2011. С. 6.

невнимание к ним и тем более их игнорирование чреваты непредсказуемыми последствиями как в области экономики, социальной сферы, так и в процессах воспроизводства населения и в целом в демографической ситуации в республике. Поэтому учет демографического фактора, особенно миграционного, приобретает сегодня особо важное значение. Мы не ставили задачей изучение всех направлений механического движения населения республики в рассматриваемый период. Свое внимание сосредоточили на анализе основных его направлений внутри и за пределы республики в другие регионы страны. Проведение сравнительно-сопоставительного рассмотрения других направлений миграции в Республике Башкортостан в указанный период, в частности оттока граждан за пределы не только республики, но и страны, требует специального исследования ввиду его не только научной, но — особенно — практической значимости. Это, надеемся, в последующем станет предметом научных разработок исследователей, прежде всего, региональных.

Список источников

Барсов, Н. Н., Галин Р. А. (2018). *Демографическое и социально-экономическое развитие Уфы: историческая ретроспектива и современные процессы*. Уфа: Башкирская энциклопедия, 88.

Галин, Р. А. (1998). *Население Республики Башкортостан: тенденции и особенности развития на пороге нового тысячелетия*. Уфа: РИО БАГСУ, 204.

Люди, годы, нефть. (1982). Уфа: Башк. кн. изд-во, 254.

Сулейманова, Р. Н. (Ред.). (2005). *История Башкортостана. 1917–1990-е годы. Т. 2. 1945–1990*. Уфа: Гилем, 313.

Сулейманова, Р. Н. (Ред.). (2009). *Башкиры в Башкортостане в XX столетии. Исторические очерки*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 304.

Фаткуллин, М. Х. (1982). *Некоторые проблемы управления развитием народонаселения в условиях автономной республики: На примере Башкирской АССР*. Уфа: [Б. и.], 11.

References

Barsov, N. N., & Galin, R. A. (2018). *Demograficheskoe i sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Ufy: istoricheskaya retrospektiva i sovremennye protsessy [Demographic and socio-economic development of Ufa: historical retrospective and modern processes]*. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 88. (In Russ.)

Fatkullin, M. Kh. (1982). *Nekotorye problemy upravleniya razvitiem narodonaseleniya v usloviyakh avtonomnoy respubliky: Na primere Bashkirskoy ASSR [Some problems of managing population development in an autonomous republic: The example of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]*. Ufa, 11. (In Russ.)

Galina, R. A. (1998). *Naselenie Respubliki Bashkortostan: tendentsii i osobennosti razvitiya na poroge novogo tysyacheletiya [Population of the Republic of Bashkortostan: trends and features of development on the threshold of the new millennium]*. Ufa: RIO BAGSU, 204. (In Russ.)

Lyudi, gody, neft [People, years, oil]. (1982). Ufa: Bashknigoizdat, 254. (In Russ.)

Suleimanova, R. N. (Ed.). (2005). *Istoriya Bashkortostana. 1917–1990-e gody. T. 2. 1945–1990 [The history of Bashkortostan. 1917–1990. Vol. 2. 1945–1990]*. Ufa: Gilem, 313. (In Russ.)

Suleimanova, R. N. (Ed.). (2009). *Bashkiry v Bashkortostane v XX stoletii. Istoricheskie ocherki [Bashkirs in Bashkortostan in the XX century. Historical essays]*. Ufa: IIAL UNC RAS, 304. (In Russ.)

Информация об авторе

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0003-1877-5421> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: msulejman@mail.ru).

About the author

Rima N. Suleimanova — Dr. Sci. (Hist.), Chief Research Associate, Head of the Department of Modern History of Bashkortostan, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0003-1877-5421> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: msulejman@mail.ru).

УДК 94:314.14(521.1)«1979/1989»

JEL classification: I1, I18

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-17>

Младенческая смертность на Европейском Севере России в 1980-е гг. (по материалам Архангельской и Вологодской областей)¹

И. А. Тимошина

Вологодский государственный университет (г. Вологда, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-2672-3923>

Автор для корреспонденции: И. А. Тимошина (irinatimoshina@bk.ru).

Аннотация. В статье рассмотрена младенческая смертность в центральной части Европейского Севера России – Архангельской и Вологодской областях в 1980-е гг. Автором, на основе архивных данных департаментов здравоохранения Архангельской и Вологодской областей о детской смертности в 1980-е гг., изучена региональная дифференциация младенческой смертности, сделаны выводы об её уровне, динамике, структуре. Установлено, что в изучаемый период в Архангельской области средний показатель младенческой смертности был ниже, чем в Вологодской. В отличие от 1980–1985 гг., во второй половине 1980-х гг. смертность детей в возрасте до 1 года в изучаемом регионе сократилась и её областные показатели практически выровнялись. На первый план, в общей структуре младенческой смертности, вышла смертность в первые дни жизни от причин внутреннего характера, уровень которой к концу 1980-х гг. не сокращался.

Ключевые слова: Европейский Север России; младенческая смертность; перинатальная смертность; здравоохранение

Infant Mortality in the European North of Russia in the 1980s (Based on Materials of Arkhangelsk and Vologda Oblasts)

I. A. Timoshina

Vologda State University (Vologda, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-2672-3923>

Correspondence author: I. A. Timoshina (irinatimoshina@bk.ru).

Abstract. The article examines infant mortality in the central part of the European North of Russia – the Arkhangelsk and Vologda regions in the 1980s. The author, based on archival data from the Departments of health of the Arkhangelsk and Vologda regions on infant mortality in the 1980s, studied the regional differentiation of infant mortality, drew conclusions about its level, dynamics, and structure. It was found that during the studied period in the Arkhangelsk region, the average infant mortality rate was lower than in the Vologda region. In contrast to 1980–1985, in the second half of the 1980s, the mortality rate of children under the age of 1 in the studied region decreased and its regional indicators almost leveled off. In the general structure of infant mortality, mortality in the first days of life from internal causes came to the fore, the level of which did not decrease by the end of the 1980s.

Keywords: European North of Russia; infant mortality; perinatal mortality; healthcare

Введение

Младенческая смертность (смертность детей в возрасте до 1 года) — один из главных индикаторов состояния здоровья и развития системы здравоохранения в стране. К 1970-м гг. благодаря усилиям медиков, приложенным в 1950–1960-е гг., в РСФСР заметно снизилась постнеонатальная смертность — смертность детей в период с 1 месяца до 1 года жизни. На первое место стала выходить смертность в первые дни

¹ © Тимошина И. А. Текст. 2024

после рождения. Но стратегия борьбы со смертностью детей на первом году жизни в 1970-е гг. не была пересмотрена, как и не получила должного развития перинатология (Баранов & Альбицкий, 2011). Во второй половине 1970-х гг. показатели общей младенческой смертности в стране стали резко увеличиваться.

Как и все демографические показатели, младенческая смертность в РСФСР имела региональную специфику. Анализ ее динамики и особенностей на территории Архангельской и Вологодской областей в последнее десятилетие СССР являются целью данной статьи.

Обзор литературы

В 1975–1980-е гг. тема детской смертности в исторической и обществоведческой литературе СССР не обсуждалась. Связано это было с тем, что из-за роста показателей общей младенческой смертности в первой половине 1970-х гг., в 1976 г. данные о ней перестали публиковать. Среди немногих работ, изданных в этот период, — работы М.С. Бедного. Автор крайне осторожно говорил о неблагоприятных тенденциях общей и детской смертности, называя их «новыми проблемами в тенденциях здоровья» (Бедный, 1979). Причины и факторы роста детской смертности автор в своих трудах напрямую не приводил (Бедный, 1984). Работы, посвященные вопросу младенческой смертности в СССР и РСФСР в 1980-е гг., стали публиковаться после распада СССР, когда исследователи получили доступ к закрытой ранее информации о смертности населения. Характерной особенностью публикаций являлся их описательный характер, исследователи концентрировались вокруг проблемы полноты статистического учета и фальсификации данных (Ксенофонтова, 1990; Андреев & Ксенофонтова, 1991; Баранов & Альбицкий, 2011). Чуть позже Е.А. Андреевым и Н.Ю. Ксенофонтовой был выделен социальный компонент в дифференциации детской смертности. Авторы, изучив материалы обследования детской смертности, проводившегося в РСФСР в 1979–1981 гг., сделали вывод о прямой связи уровня смертности детей с уровнем образования матери и социальной группой, к которой принадлежала семья. Главными факторами, влиявшими на высокую детскую смертность в последнее десятилетие СССР, исследователи назвали факторы социокультурного характера, такие как особенности советского общества и менталитета (Андреев & Ксенофонтова, 1996). Системно-экономический компонент в дифференциации младенческой смертности в 1980-е гг. рассмотрел А.А. Баранов. По его мнению, именно застойные явления в социально-экономической сфере и остаточный принцип финансирования системы здравоохранения в 1970–1985 гг. в значительной степени влияли на уровень младенческой смертности и обусловили ее рост в этот период (Баранов, 2017).

Углубление историко-демографических исследований способствовало изучению вопроса на уровне регионов. В территориальных рамках Европейского Севера России, которые, в частности, охватывают Архангельскую и Вологодскую области, вопрос младенческой смертности в 1980-е гг. изучен по материалам Республики Коми. Исследователи отмечают, что тенденции младенческой смертности в регионах повторяли общероссийские, но с некоторым временным опозданием (Попова, 2008). В рамках Архангельской области проблема младенческой смертности в последнее десятилетие СССР рассматривалась исследователями лишь в общем контексте демографического развития субъекта РФ (Шельгин, 2009). Особенности младенческой смертности Вологодской области исследованы лишь на современном этапе, ее уровень в 1980-е гг. не изучен, что подчеркивает актуальность настоящего исследования.

Материалы и методы

Основным материалом для настоящей статьи стали статистические данные о смертности населения, извлеченные из отчетов департамента здравоохранения Вологодской области с 1979 по 1989 г., находящихся на хранении в государственном архиве Вологодской области (ГАВО. Ф. Р-1637), отчеты о состоянии смертности населения города Вологды (ГАВО. Ф. Р-1295) и Вологодского горисполкома (ГАВО. Ф. Р-366). Статистические данные о младенческой смертности в Архангельской области за указанный период предоставлены по запросу исследователя управлением Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области. В работе использованы общесторические методы — историко-сравнительный и историко-генетический, а также статистические методы — системного и критического анализа, метод систематизации статистического материала и его визуализация в виде таблиц.

Результаты

До 1970-х гг. младенческая смертность в РСФСР перманентно сокращалась. Если в 1940 г. фиксировалось 205,0 умерших на 1000 родившихся, то к 1965 г. смертность на первом году жизни сократилась в 7,7 раз и составила 26,6 умерших на 1000 родившихся (Попова, 2008). В 1965–1970-е гг. темпа сокращения смертности детей в возрасте до 1 года замедлился, а в 1970-е гг. статистика отмечала волнообразный рост младенческой смертности. В 1970 г. было зарегистрировано 23,0 умерших младенца на 1000 родившихся, в 1975 г. — 23,7 (Соколин, 2001). С 1975 по 1980-е гг. ситуация не менялась. Показатели младенческой смертности с 1980 г. по 1989 г. представлены в таблице 1.

По данным, представленным в таблице 1, уровень младенческой смертности в РСФСР в 1980-е гг. имел небольшой волнообразный характер, без резких скачков, главной тенденцией было его сокращение с 22,1 до 17,8 случая смерти на 1000 родившихся (на 19 %) к концу периода. В среднем с 1980 г. по 1989 г. он сохранялся на уровне 20,1 случая смерти на 1000 родившихся. Значительное снижение детской смертности наблюдалось с 1986 г., наименьшее значение было достигнуто в 1989 г.

Младенческая смертность в Архангельской области сократилась с 22,3 случая смерти на 1000 родившихся в 1980 г. до 15,3 в 1989 г. (на 31,3 %). Показатель детской

Таблица 1

Динамика коэффициента младенческой смертности в 1980-е гг. (на 1000 родившихся)

Год	РСФСР	Архангельская область	Вологодская область
1980	22,1	22,3	22,5
1981	21,5	20,7	23,1
1982	20,4	16,2	19,6
1983	20,1	20,3	22,7
1984	20,9	20,5	20,6
1985	20,7	17,4	18,2
1986	19,3	16,5	21,2
1987	19,4	16,2	18,6
1988	18,9	15,4	20,2
1989	17,8	15,3	15,9

Составлено и рассчитано по: ГАВО. Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 247. Л. 15; ГАВО. Ф. 366. Оп. 5. Д. 1113. Л. 20. ГАВО. Ф. 1637. Оп. 20. Д. 2352. Л. 11; данные о смертности населения в 1980-е гг.: текущий архив управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области.

смертности в Архангельской области был стабильно ниже общероссийского с 1984 г. В среднем за период он составил 18,1 случая смерти на 1000 родившихся, что на 9,5 % ниже общероссийского показателя.

Младенческая смертность в Вологодской области в 1980-е гг. была выше, чем в Архангельской. Но к 1989 г. она сократилась, по сравнению с 1980 г., на 29,3 %, практически сравнявшись с уровнем смертности младенцев в Архангельской области. В 1989 г. разница между младенческой смертностью в изучаемых областях составила 0,6 %. Сокращение показателя наблюдалось также с 1984 г., но процесс шел волнообразно, с резкими скачками. В среднем с 1980 г. по 1989 г. младенческая смертность на Вологодчине составила 20,3 случая смерти на 1000 родившихся, что было на 1 % выше, чем в стране и на 11,6 % выше, чем в соседней Архангельской области.

Дети до 1 года в своем развитии проходят 3 периода — перинатальный или ранний неонатальный (с рождения до 7 дня жизни), неонатальный (с 7 по 28 день жизни) и постнатальный (с 29 дня жизни до 1 года). Перинатальная смертность зависит от внутриутробного развития плода, здоровья матери, течения процесса родов и условий, в которых находился ребенок в первые недели жизни. Главными факторами перинатальной смертности, которые выделяют специалисты на современном этапе, являются дефекты медицинской помощи. В 1960-е гг. в России был введен учет перинатальных потерь. С 1980-х гг. в аналитическую практику развитых стран ввели перинатальный аудит, позволяющий выявлять, более полно анализировать и устранять проблемы в медицинской помощи роженицам и новорожденным. В России перинатальный аудит был внедрен лишь в 2000-х гг. (Мухамадиева и др., 2020). Поэтому анализ перинатальной смертности в 1980-е гг. в медицинских отчетах ограничен фактами мертворождений, фактами смерти во время родов и в первые 7 дней, анализом причин смертности (патологического характера).

В 1980-е гг. в РСФСР не только снизился уровень младенческой смертности, но и изменилась структура причин смерти на первом году жизни. Сократилась смертность от инфекционных заболеваний, но выросла смертность в результате состояний, возникающих в перинатальный период (Попова, 2008).

В структуре причин детской смертности в Архангельской и Вологодской областях наблюдалась аналогичная тенденция — ведущее место в смерти младенцев в 1980-е гг. заняли заболевания новорожденных на первой неделе жизни.¹ В Вологодской области из 476 случаев смерти детей в возрасте до года 144 пришлось на перинатальную смертность (30,3 % от всех причин). В 1984 г. отмечалось уже 220 случаев перинатальной смерти на 456 всех смертельных исходов детей на первом году жизни (48,3 % от всех причин смерти).² В таблице 2 показаны данные о перинатальной смертности в Вологодской области в 1980-е гг.

В Вологодской области существенный рост перинатальной смертности отмечался с 1982 г. Пикового значения она достигла в 1985 г. — 27 случаев на 1000 рожденных. С 1986 г. показатель снижался, но в 1989 г. он был на 1 случай больше, чем в 1983 г.

В целом по России с 1980 г. по 1987 г. фиксировался внезапный рост перинатальной смертности. Но данный показатель, по мнению А.А. Авдеева, был связан с увеличением рождаемости в стране вторых и третьих детей, перинатальная смертность которых, согласно медицинской статистике, выше (Авдеев, 2010). В Архангельской

¹ ГАВО. Ф. 366. Оп. 5. Д. 1113. Л. 20.

² ГАВО. Ф. 637. Оп. 20. Д. 2343. Л. 54–56.

Таблица 2

Перинатальная смертность в Вологодской области в 1980-е гг.

Год	Кол-во смертей на 1000 родившихся
1980	23
1981	23
1982	24
1983	28
1984	25
1985	27
1986	26
1987	26
1988	25
1989	24

Сост. по: ГАВО. Ф. 1295. Оп. 14. Д. 476. Л. 14–15; Д. 495. Л. 16. Л. 14–15; Ф. 1637. Оп. 20. Д. 2352. Л. 17; Д. 3292. Л. 3.

и Вологодской областях шел аналогичный процесс роста рождаемости, но с лагом в 2 года. Именно с 1983 г. рождаемость на Вологодчине пошла вверх, это частично и явилось причиной роста показателя до 1987 г. и его сокращения с 1988 г., когда уровень рождаемости в области начал снижаться.¹

Но несмотря на снижение темпов рождаемости, перинатальная смертность не сокращалась. В 1980 г. коэффициент перинатальной смертности в Вологодской области равнялся 1,1 на 1000 рожденных, в 1989 г. — 1,3.²

Увеличение показателя перинатальной смертности в 1980-е гг. исследователи связывают не только с ростом рождаемости вторых и последующих детей, но и с особенностями системы родовспоможения в целом. Н.А. Араловец отмечала, что в 1980-е гг. система российского здравоохранения продолжала развиваться за счет экстенсивного подхода — увеличения сети больничных и амбулаторно-лечебных учреждений. Финансирование здравоохранения осуществлялось по остаточному принципу и постоянного снижалось (Араловец, 2023). В 1987 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР признали, что в большинстве учреждениях родовспоможения и в палатах для новорожденных грубо нарушались санитарно-гигиенические нормы. По оценке академика В.И. Кулакова, большинство осложнений и смертей по так называемым «акушерским причинам» можно было предотвратить (Кулаков, 2000).

В докладе о работе отдела здравоохранения облисполкома Вологодской области за 1983 г. по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» отмечалось улучшение в организации медицинского обслуживания женщин и детей, снижение инфекционной заболеваемости. Но многие центральные районные и участковые больницы все еще были размещены в малоприспособленных для этого помещениях. Не хватало оборудования и аппаратуры, оставалась высокой текучесть кадров. Не был решен вопрос вскармливания новорожденных. В заключение подчеркивалось, что причиной данной ситуации в здравоохранении являлась второстепенность вопроса для большинства горрайисполкомов, поэтому и внимания здравоохранению уделялось мало.³

¹ ГАВО. Ф. 1637. Оп. 20. Д. 3560а. Л. 36.

² ГАВО. Ф. 1712. Оп.1. Д. 6. Л. 4; Д. 50. Л. 2.

³ ГАВО. Ф. 2522. Оп. 99. Д. 37. Л. 54–57.

В 1984 г. Министерство здравоохранения СССР решило, что необходимо разработать на каждой территории план мероприятий по снижению детской смертности на 5 лет¹. Комплексные планы по снижению детской смертности были составлены на период с 1985 г. по 1990 г. в Архангельской и в Вологодской областях. Их суть заключалась в увеличении профилактических мероприятий среди населения, госпитализации всех беременных женщин из группы риска. В роддомах планировалось увеличить количество персонала, врачей неонатологов и оборудования для диагностики патологических состояний².

Для сокращения детской смертности с 1985 г. в рамках разработанных комплексных планов принимались разные меры. Среди них были профилактические беседы с будущими мамами, обучение персонала. С 1988 г. в роддомах Вологодской и Архангельской области повсеместно ввели практику раннего (сразу после рождения или в течение 2–6 часов после рождения) прикладывания к груди матери для увеличения численности детей, находящихся на грудном вскармливании. В роддомах был введен обязательный круглосуточный пост педиатра, выделен специальный транспорт для новорожденных³. Так как во второй половине 1980-х гг. процесс был только запущен, в 1989 г. уровень перинатальной смертности не снизился. Но общий уровень детской смертности на первом году жизни в этот период и в Архангельской, и в Вологодской областях сократился.

Заключение

В 1980-е гг. динамика младенческой смертности в Архангельской и Вологодской областях имела следующие общие тенденции — в отличие от периода 1980–1985-х гг., во 2 половине 1980-х гг. она сокращалась. Но в Архангельской области уровень смертности детей в возрасте до 1 года был изначально ниже, чем в Вологодской, к 1989 г. показатели практически сравнялись.

В 1980-е гг. как и целом по стране, так и в Архангельской и Вологодской области, с запозданием в 2 года изменилась структура причин младенческой смертности. На первое место, опережая инфекционные и прочие заболевания, вышли состояния, возникающие в перинатальный период, что отразилось в росте числа детских смертей в первые 7 дней после рождения, на что во многом влияли особенности развития системы здравоохранения. Эффект от мер, принятых правительством в рамках планов по снижению младенческой смертности в 1985–1989 гг. стал заметен сразу — общий показатель младенческой смертности снизился. Но уровень перинатальной смертности в рассматриваемой части Европейского Севера России не сократился.

Список источников

Авдеев, А. А. (2010). Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР. В: М. Б. Денисенко, И. А. Троицкая (Ред.), *Историческая демография*. Москва: МАКС Пресс, 2-е изд.

Андреев, Е. М., Ксенофонтова, Н. Ю. (1991). Оценка достоверности данных по младенческой смертности. *Вестник статистики*, 8, 21–28.

---

¹ ГАВО. Ф. 1637. Оп.20 Д. 2824. Л. 3.

² ГАВО. Ф. 1637. Оп. 20 Д. 2824. Л. 12–15.

³ ГАВО. Ф. 1637. Оп. 20. Д. 3292. Л. 11.

Андреев, Е. М., Ксенофонтова, Н. Ю. (1996). Младенческая смертность в СССР в 1979–1980 гг. (результаты неизвестного исследования). *Демоскоп Weekly: сетевой журнал*, 393–394. <https://www.demoscope.ru/weekly/znagi/stati/pdf/population.pdf>

Араловец, Н. А. (2023). *Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959–1989 гг.* Москва: Институт российской истории Российской академии наук; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 530.

Баранов, А. А. (2017). Этапы и пути снижения младенческой смертности в Российской Федерации: опыт последних 30 лет. *Российский педиатрический журнал*, 5, 311–316.

Баранов, А. А., Альбицкий В. Ю. (2011). Младенческая смертность: уроки истории и перспективы снижения. *Казанский медицинский журнал*, 5(92), 690–694.

Бедный, М. С. (1979). *Медико-демографическое изучение народонаселения*. Москва: Статистика, 223.

Бедный, М. С. (1984). *Демографические факторы здоровья*. Москва: Финансы и статистика, 246.

Ксенофонтова, Н. Ю. (1990). Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие. В: А. Г. Волков (Ред.). *Демографические процессы в СССР* (с. 116–135). Москва: Наука.

Кулаков, В. И. (2000). *Акушерско-гинекологическая помощь*. Москва: МЕДпресс, 512.

Мухамадиева С. М., Мирзабекова Б. Т., Пулатова А. П. (2020). Причины перинатальной смертности и пути их снижения в современных условиях. *Медицинский вестник Национальной академии наук Таджикистана*, 2, 202–210.

Попова, Л. А. (2008). Младенческая смертность в России и Республике Коми: история, современные тенденции, региональная специфика. *Известия УрГЭУ*, 2(21), 152–157.

Соколин, В. Л. (Ред.). (2001). *Демографический ежегодник России 2000*. Москва: Госкомстат России, 405.

Шельгин, К. В. (2009). Основные эволюции естественного движения населения Архангельской области. *Экология человека*, 10, 36–42.

References

Andreev, E. M., & Ksenofontova, N. Yu. (1991). Appraisal of the reliability of infant mortality data. *Vestnik statistiki [Bulletin of Statistics]*, 8, 21–28. (In Russ.)

Andreev, E. M., & Ksenofontova, N. Yu. (1996). Infant mortality in the USSR in 1979–1980 (results of an unknown study). *Demoskop Weekly: setevoy zhurnal [Demoskop Weekly]*, 393–394. <https://www.demoscope.ru/weekly/znagi/stati/pdf/population.pdf> (In Russ.)

Aralovets, N. A. (2023). *Zdravookhraneniye i zdorove naseleniya RSFSR v 1959–1989 gg. [Public health and public health in the RSFSR in 1959–1989]*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 530. (In Russ.)

Avdeev, A. A. (2010). Infant mortality and the history of maternal and child health in Russia and the USSR. In: M. B. Denisenko, I. A. Troitskaya (Eds.), *Istoricheskaya demografija [Historical demographics]*. Moscow: MAKS Press, 2nd ed. (In Russ.)

Baranov, A. A. (2017). Stages and ways of reducing infant mortality in the Russian Federation: the experience of the last 30 years. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal [Russian Pediatric Journal]*, 5, 311–316. (In Russ.)

Baranov, A. A., & Albitskiy, V. Yu. (2011). Infant mortality rate: lessons of history and perspectives for future reduction. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal [Kazan Medical Journal]*, 5(92), 690–694. (In Russ.)

Bedny, M. S. (1979). *Mediko-demograficheskoe izuchenie narodonaseleniya [Medical and demographic study of the population]*. Moscow: Statistics, 223. (In Russ.)

Bedny, M. S. (1984). *Demograficheskie faktory zdorovya [Demographic health factors]*. Moscow: Finance and Statistics, 246. (In Russ.)

Ksenofontova, N. Y. (1990). Some trends in infant mortality in the last decade. In: A. G. Volkov (Ed.), *Demograficheskie protsessy v SSSR [Demographic processes in the USSR]* (pp. 116–135). Moscow: Nauka, 215. (In Russ.)

Kulakov, V. I. (2000). *Akushersko-ginekologicheskaya pomoshch [Obstetric and gynecological care]*. Moscow: MEDpress, 512. (In Russ.)

Mukhamadieva, S. M., Mirzabekova, B. T., & Pulatova, A. P. (2020). Reasons of prenatal mortality and ways of its decrease in modern conditions. *Meditsinskiy vestnik Natsionalnoy akademii nauk Tadjikistana [Medical Bulletin of the National Academy of Sciences of Tajikistan]*, 2, 202–210. (In Russ.)

Popova, L. A. (2008). Infant mortality in Russia and Republic of Komi: history, modern trends, regional peculiarity. *Izvestiya UrGEU, [Journal of the Ural State University of Economics]*, 2 (21), 152–157. (In Russ.)

Shelygin, K. V. (2009). Main evolutions of natural population movement in Arkhangelsk region. *Ekologiya cheloveka [Human ecology]*, 10, 36–42. (In Russ.)

Sokolin, V. L. (Ed.). (2001). *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2000 [Demographic Yearbook of Russia 2000]*. Moscow: Goskomstat of Russia, 405. (In Russ.)

Информация об авторе

Тимошина Ирина Андреевна — аспирант, Вологодский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-2672-3923> (Российская Федерация, 160012, г. Вологда, Советский пр-т, 68; e-mail: irinatomoshina@bk.ru).

About the author

Irina A. Timoshina — PhD Student, Vologda State University; <https://orcid.org/0000-0002-2672-3923> (68, Sovetsky Ave., Vologda, 160012, Russian Federation; e-mail: irinatomoshina@bk.ru).

УДК 930 (479,24) + 31 (479,24)

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-1-18>

Демографические процессы в Азербайджане: историографические аспекты¹

К. К. Шукюров

Институт Истории имени А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана
(г. Баку, Азербайджанская Республика).
<https://orcid.org/0000-0001-6121-4182>

Автор для корреспонденции: К. К. Шукюров (shukurovkk@gmail.com).

Аннотация. Исследование посвящено изучению демографических процессов в Азербайджане. Объектом исследования являются демографические процессы, а предметом — работы, посвященные демографическим процессам. Основная цель — выявить, систематизировать и проанализировать работы о демографических процессах в период отдельных политических систем в Азербайджане за последние двести лет (20–30 гг. XIX в. — 20 гг. XXI в.) для выявления современной ситуации и определения ее перспектив. Установлено, что имеется необходимость дальнейшего расширения современных демографических теорий как основного направления будущих исследований.

Ключевые слова. Азербайджан; демографические процессы; историографическое исследование

Demographic Processes in Azerbaijan: Historiographical Aspects

К. К. Shukurov

Institute of History named after Abbasgulu Agha Bakikhanov of Azerbaijan National Academy of Sciences
(Baku, Republic of Azerbaijan).
<https://orcid.org/0000-0001-6121-4182>

Corresponding author: K. Shukurov (shukurovkk@gmail.com).

Abstract. The article studies demographic processes in Azerbaijan by examining relevant publications on demographic processes. The main goal is to identify, systematise and analyse works on demographic processes during the establishment of various political systems in Azerbaijan over the last two hundred years (the period from 1820–1830s to 2020s) to identify the current situation and determine its prospects. The analysis revealed a need to further expand modern demographic theories as the main direction of future research.

Keywords: Azerbaijan; demographic processes; historiographical research

Введение

В определении демографических процессов нет единого мнения. Основное принципиальное отличие состоит в том, что иногда миграция включается в демографические процессы наряду с брачностью, рождаемостью, смертностью, естественным движением и воспроизводством населения. Несмотря на роль миграции в формировании демографической ситуации, особенно на современном этапе, нельзя считать целесообразным ее включение в число демографических процессов. Согласно этому подходу, демографические процессы составляют основной вопрос демографии, а его изучение отражает возникновение, периоды развития и современный уровень демографии.

Изучение демографических процессов наряду с достижениями может определить направление перспективного развития путем выявления малоизученных проблем. Научные результаты, полученные в этой области, создают условия

¹ © Шукюров К. К. Текст. 2024

для сравнительного анализа разных стран мира. В отличие от классических стран (Англии, Франции, Германии и др.), определяющих развитие демографии, изучение демографических процессов в Азербайджане примечательно и для определения специфики развития демографии.

Изучение демографических процессов в Азербайджане может иметь важное значение для демографической историографии (работы Р. Коннарда, А. Ландри, Ф. Лори-мера, Д. К. Шелестова и др.), которая уже сформировалась как самостоятельное научное направление.

О периодизации изучения демографических процессов в Азербайджане

Изучение основ демографических процессов в Азербайджане началось в 20–30-х гг. XIX в. и продолжается по сей день. В этот период Азербайджан входил в состав Российской империи (начало XIX в. — 1917 г.), после распада империи здесь была создана независимая Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920 гг.), затем она была советизирована (1920 г.) и включена в состав СССР (1922–1991 гг.), и, наконец, независимость была восстановлена. В условиях смены политических систем демографические процессы и их изучение, наряду с общими чертами имели и определенную специфику. Поэтому изучение демографических процессов исследуется в соответствии с существующими политическими системами в Азербайджане, а затем определяются общие периоды развития демографии.

Основные периоды изучения демографических процессов в Азербайджане

Изучение демографических процессов в Азербайджане началось, когда северная часть страны входила в состав Российской империи (начало XIX в. — 1917 г.). Одним из первых шагов в этом направлении стало создание информационной базы о населении. В начале источники о населении носили фискальный характер. С этой целью в России было проведено десять ревизий, начиная со времен Петра I (1682–1725 гг.). В Азербайджане, в отличие от России, предпочитали проводить не ревизии, а камеральные описания. Первое подобное описание было проведено в Гяндже в 1804 г., а в дальнейшем оно приняло периодический характер. Последнее камеральное описание было проведено в 1873 г., а в 1886 г. был составлен посемейный список. Большое значение в изучении демографических процессов в империи в целом, в том числе и в Азербайджане, имела первая перепись населения, проведенная в России в 1897 г. Следующая перепись должна была состояться в 1916 г., этого не удалось осуществить из-за Первой мировой войны. Таким образом, перепись 1897 г. была также последней переписью имперской эпохи.

Организация текущего учета населения также оказала существенное влияние на изучение демографических процессов. У Азербайджана в этом вопросе была специфика. Хотя естественное движение населения среди мусульман в Российской империи началось в 1829 г., в Азербайджане оно началось сравнительно позже, в 1873 г. Согласно принятому в том же году Положению, азербайджанские священнослужители также обязаны были регистрировать рождения и смерти.

В результате подсчетов было установлено, что в 1861 г. население Азербайджана составляло 1124,1 тыс. чел. По переписи населения 1897 г. численность населения составляла 1807,0 тыс. чел. Во время распада Российской империи, по расчетам, население Азербайджана составляло 2093,8 тыс. чел. Рождаемость с 1884 г. по 1915 г. составляла 24,0–27,4 ‰, а смертность — 22,9–20,9 ‰ в тот же период (Мамедов, 1980, с. 95, 136, 239).

Изучение демографических процессов в Азербайджане в период Российской империи еще более расширилось, начиная с 1840–1850-х гг. В то время, согласно лексикону того времени, демографические процессы представлялись как движение населения. Согласно этому термину, исследовались сведения о рождениях, смертях и браках. Основные исследования продолжались в направлении изучения демографических процессов в Российской империи.

Вместе с изучением демографических процессов эти вопросы стали отражаться и в азербайджанском общественном мнении того времени. Основатель азербайджанской национальной печати Гасан бек Зардаби (1842–1907 гг.) в своих статьях писал о рождении, смерти, продолжительности жизни и т. д. (Шукюров, 2004, с. 119–123)

Хотя численность, размещение и этнический состав населения находились в центре внимания в период существования Азербайджанской Демократической Республики в 1918–1920 гг., возможности исследовать демографические процессы не было.

Советский период (1920–1991 гг.) также сыграл важную роль в изучении демографических процессов в Азербайджане. В советское время переписи населения были одним из основных источников информации о населении. Несмотря на то, что регистрация местного населения велась в Азербайджане после установления советской власти в Азербайджане, всеобщие переписи населения проводились на территории СССР в 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Одним из важнейших вопросов было формирование советской системы текущего учета населения.

В 1920 г., когда в Азербайджане была установлена советская власть, численность населения оценивалась в 1952,2 тыс. чел. По переписям динамика численности населения изменилась следующим образом: 2314,0 (1926 г.), 3205,2 (1939 г.), 3697,7 (1959 г.), 5117,1 (1970 г.), 6028,0 (1979 г.) и 7021,2 тыс. чел. (1989 г.). (Мамедов, 1980, с. 14; Шукюров, 2023) Из этого видно, что население Азербайджана за период с 1926 г. по 1989 г. увеличилось на 4707,2 тыс. чел.

В советский период изучение демографических процессов в Азербайджане, как и в СССР в целом, отличалось историческим драматизмом. В 1920-х — начале 1930-х гг. демографические процессы были в некоторой степени в центре внимания, но затем ситуация изменилась. В 1934 г. закрылся Институт демографии (Ленинград) и т. д. Преследование демографии еще больше расширилось после аннулирования результатов переписи населения 1937 г. Ситуация изменилась только с после смерти Сталина.

Изучение демографических процессов в Азербайджане в советский период активизировалось с 1970-х гг. Это проявлялось в двух направлениях. С одной стороны, Азербайджану было отведено много места в советских демографических исследованиях, а с другой стороны, фундаментальные исследования демографических процессов публиковались в самом Азербайджане. Одна из статей выдающегося советского демографа Р.И. Сифмана (1900–1978 гг.) была посвящена рождаемости в закавказских деревнях с начала XX в. до 1941 г., другая статья — фертильности женщин в Баку (см. в (Шукюров, 2004, с. 131)).

Работу К.В. Мамедова, посвященную демографическому развитию Азербайджанской ССР, можно назвать одним из основных исследований, в которых всесторонне исследованы демографические процессы в советский период. Данная книга является первой попыткой обобщить демографическое развитие населения Азербайджана за длительный исторический период (Мамедов, 1980, с. 5). В третьей главе книги, состоящей из семи глав, рассмотрены динамика рождаемости и факторы, определяющие ее изменение, а в четвертой главе — динамика смертности и продолжительность жизни населения.

Углубление системного кризиса в СССР с конца 1980-х гг. и его развал в 1991 г. привели к распаду сложившейся в советское время демографической модели, в то же время предположения и прогнозы, выдвигаемые в исследованиях демографических процессов, оказались несостоятельными.

С распадом Советского государства доминирующая роль марксистско-ленинской теории народонаселения, составлявшая теоретическую основу демографических исследований, стала ослабевать. Однозначно негативное отношение к теории Мальтуса сменилось более научным отношением. Расширилось применение теории демографического перехода и т. д.

Образование независимых государств на постсоветском пространстве, в том числе Азербайджана, оказало влияние на демографические процессы. Критическое влияние на демографические процессы оказала и трансформация армяно-азербайджанского конфликта, произошедшего в последний период существования СССР, в широкомасштабную войну после его распада. Тем не менее постепенно сформировалась независимая система регистрации населения. За период независимости в Азербайджане были проведены три переписи населения (1999, 2009, 2019 гг.). Демографическое законодательство было создано с целью оптимизации демографической ситуации в стране.

Эти изменения коснулись и исследований демографических процессов, появились новые работы. Среди них можно отметить исследования Р. Эфендиева, З. Эминовой, А. Гусейновой, Ш. Мурадова, К. Шукюрова и др. (Эфендиев, 2009; Эфендиев, 2017; Эминов, 2011; Гусейнова, 2013; Мурадов, 2021; Шукюров, 2023).

В книге А. Гусейновой рассматриваются динамика и размещение населения, миграционные процессы и их влияние на численность и состав населения, а также воспроизводство населения (Гусейнова, 2013, с. 79–138). К такому выводу автор приходит относительно изучения воспроизводства населения в Азербайджане: «Анализ особенностей воспроизводства населения в Азербайджане отражает тот факт, что в республике имеется расширенный режим воспроизводства населения. Об этом, в частности, можно судить и по нетто-коэффициенту воспроизводства населения, который в 1969/1970 гг. составил 2,0, в целом же по стране — 1,1. В 2011 г. брутто-коэффициент воспроизводства населения по Азербайджану составил 1,1, а нетто-коэффициент — 1,060. Современный уровень воспроизводства населения происходит в сочетании высокой рождаемости с низкой смертностью в стране.» (Гусейнова, 2013, с. 144). Следует отметить, что этот результат относится к 2011 г., и с тех пор прошло некоторое время.

Считаем необходимым остановиться на опубликованной в 2021 г. книге Ш. Мурадова, являющегося автором ряда исследований в области изучения демографии Азербайджана. В этой книге автор завершил свое исследование демографического развития Азербайджана за период почти двухсот лет, начиная с 1828 г., то есть российско-иранского Туркменчайского договора. В книге подробно исследовано состояние воспроизводства населения в Азербайджане как в советский период, так и в период независимости, основные тенденции и изменения (Мурадов, 2021).

Несмотря на определенные достижения в изучении демографических процессов в Азербайджане в период независимости предстоит еще многое сделать с учетом современных приоритетов. В этом направлении отдельно следует отметить необходимость расширения применения современных демографических теорий. Изучение демографической модернизации Азербайджана также является одной из предстоящих задач. Еще один важный вопрос связан с источниковой базой демографических исследований.

Так, в большинстве исследований используются материалы Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики. Это естественно, но в мировой практике важное место занимает разработка и реализация специальных программ с целью более детального изучения демографических процессов. Пока практика проведения специальных демографических обследований в Азербайджане мало применяется. Причины усиления половой диспропорции, нынешняя ситуация и перспективы в результате расширяющихся в стране селективных абортс определяются лишь эмпирически и т. д.

Совмещение изучения демографических процессов в Азербайджане по политическим системам с общими периодами демографического развития

В течение двухсот лет изучения демографических процессов в Азербайджане существовавшие здесь политические системы оказывали на него серьезное влияние и оставили глубокий след в истории изучения этих процессов. При всей важности этого результата он не отражает в полной мере историю развития демографии как науки. Учитывая это, необходимо привести периоды политических систем в соответствии с общей историей развития демографии. В этом случае начало XIX в. и 70-е гг. XX в. можно выделить как особый период возникновения и развития демографии в Азербайджане. С 70-х гг. XX в. начинается и продолжается по сей день современный этап развития азербайджанской демографии.

Заключение

Изучение демографических процессов в Азербайджане за последние двести лет позволяет прийти к ряду выводов.

Существующие политические системы в Азербайджане (эпоха Российской империи, Азербайджанская Демократическая Республика, советская эпоха и эпохи независимости) оказали важное влияние на изучение демографических процессов. Периодизация изучения демографических процессов по политическим системам соотнесены к общим периодам развития демографии в Азербайджане. Хотя в изучении демографических процессов в Азербайджане проделана определенная работа, усвоенена важность обращения особого внимания на применение современной демографической теории и методов в перспективе.

Список источников

Гусейнова, А. М. (2013). *Экономика и демографические процессы в Азербайджане*. Баку: [б. и.], 178.

Мамедов, К. В. (1980). *Демографическое развитие в Азербайджанской ССР*. Баку: Госплан Азербайджанской ССР, 244.

Мурадов, Ш. М. (2021). *Демографическое развитие Азербайджанской Республики: историческое изменение, новые тенденции, проблемы*. Баку: Наука и знание, 536.

Шукюров, К. К. (2004). *Население Азербайджана: История изучения и источники (с древних времен до современности)*. Баку: Элм, 974.

Шукюров, К. К. (2023). Демографическое развитие Азербайджана после обретения независимости: основные периоды и их характеристики. В: *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам. Сборник научных трудов* (с. 107–112). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Эминов, З. Н. (2011). Изменение демографической ситуации в Азербайджане. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 1, 95–100.

Эфендиев, Р. Дж. (2009). *Направления развития демографических процессов в Азербайджане за годы независимости (1991–2009)*. Доклад на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. <https://conf.hse.ru/data/2010/04/02/1218244420/tfendiev.doc>

Эфендиев, Р., Асадов, Н. (2017). Важнейшие аспекты демографического развития в Азербайджане за 25 лет независимости республики. *Экономика та держава [Экономика и государство]*, 6, 51–58.

References

Efendiyev, R. J. (2009). *Napraueniya razvitiya demograficheskikh protsessov v Azerbaydjane za godi nezavisimosti (1991–2009) [Directions for the development of demographic processes in Azerbaijan during the years of independence (1991–2009)]*. Report at the XI International Scientific Conference on the Problems of economic and Social Development. <https://conf.hse.ru/data/2010/04/02/1218244420/tfendiev.doc> (In Russ.)

Efendiyev, R., & Asadov, N. (2017). Main aspects of demographic development in Azerbaijan for 25 years of independence of the Republic. *Ekonomika ta derzhava*, 6, 51–58. (In Russ.)

Eminov, Z. N. (2011). Changing demographic situation in Azerbaijan. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of the humanities and natural sciences]*, 1, 95–100. (In Russ.)

Guseynova, A. M. (2013). *Ekonomika i demograficheskie protsessy v Azerbaydzhane [Economy and demographic processes in Azerbaijan]*. Baku, 178. (In Russ.)

Mamedov, K. V. (1980). *Demograficheskoe razvitie v Azerbaydzhanskoj SSR [Demographic development in the Azerbaijan SSR]*. Baku: State Planning Committee of the ASSR, 244. (In Russ.)

Muradov, Sh. M. (2021). *Demograficheskoe razvitie Azerbaydzhanskoj Respubliki: istoricheskoe izmenenie, novye tendentsii, problemy [Demographic development of the Republic of Azerbaijan: historical changes, new trends, problems]*. Baku: Science and Knowledge, 536. (In Russ.)

Shukurov, K. K. (2004). *Naselenie Azerbaydzhana: Istoriya izucheniya i istochniki (s drevnixh vremen do sovremennosti) [Population of Azerbaijan: History of study and sources (from ancient times to modern times)]*. Baku: Elm, 974. (In Russ.)

Shukurov, K. K. (2023). Demographic development of Azerbaijan after gaining independence: main periods and their characteristics. In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam. Sbornik nauchnykh trudov [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges. Collection of articles]* (pp. 107–112). Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. (In Russ.)

Информация об авторе

Шукюров Керим Карам оглы — доктор исторических наук, профессор, директор, Институт Истории имени А.А.Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана; <https://orcid.org/0000-0001-6121-4182> (Азербайджанская Республика, AZ1143, г. Баку, проспект Г. Джавида, 115; e-mail: shukurovkk@gmail.com).

About the author

Kerim K. Shukurov — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director, Institute of History named after Abbasgulu Agha Bakikhanov of Azerbaijan National Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-6121-4182> (115, H. Javid Ave., Baku, AZ1143, Republic of Azerbaijan; e-mail: shukurovkk@gmail.com).

II. НАСЕЛЕНИЕ И ЭКОНОМИКА В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 333.1, 332.05

JEL classification: J21

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-1>

Тренды самозанятости в Свердловской области: региональные особенности развития и направления экономического поведения¹

Л. Н. Воронина ^a, О. А. Пышминцева ^b

^{a, b} Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

^a <https://orcid.org/0000-0002-5205-388X>

^b <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459>

Автор для корреспонденции: Л. Н. Воронина (voronina.ln@uiec.ru).

Аннотация. В последние годы набирает популярность самозанятость как одна из форм трудовой деятельности. Эксперимент по введению особого режима налогообложения, запущенный в 2019 г., разработан только для физических лиц, включая граждан, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, позволил вывести теневую часть трудовой деятельности населения в легальное русло. Целью статьи является выявление устойчивых тенденций развития самозанятости в Свердловской области и основных направлений (стимулов) экономического поведения самозанятых.

Ключевые слова: самозанятость; экономическое поведение; устойчивое развитие; социальные риски

Self-Employment Trends in Sverdlovsk Oblast: Regional Features of Development and Directions of Economic Behaviour

L. N. Voronina ^a, O. A. Pyshmintseva ^b

^{a, b} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

^a <https://orcid.org/0000-0002-5205-388X>

^b <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459>

Corresponding author: L. N. Voronina (voronina.ln@uiec.ru)

Abstract. In recent years, self-employment has been gaining popularity as a form of work activity. A special tax regime, developed in 2019, was introduced as an experiment only for individuals, including citizens registered as individual entrepreneurs; it changed the legal status of some workers. The article aims to identify stable trends in the development of self-employment in Sverdlovsk oblast and main directions (incentives) of economic behaviour of the self-employed.

Keywords: self-employment; economic behaviour; sustainable development; social risks

Введение

За последние годы рынок труда Свердловской области трансформировался, возник острый дефицит кадров, изменилось отношение к занятости. Значительное влияние на трансформацию рынка труда и толчок к изменению форм занятости и экономического

¹ © Воронина Л. Н., Пышминцева О. А. Текст. 2024

поведения населения оказали введенные в 2020 г. ограничения из-за пандемии COVID-19 и в 2022 г. внешнеполитические и экономические изменения, связанные с началом СВО.

В период COVID-19 в 2020 г. уровень безработицы поднялся до 5,8 %, а численность занятых снизилась с 2035 в 2019 г. до 1986,9 тыс. чел. к концу 2020 г. Но благодаря мерам поддержки экономики и населения в 2021 г. показатели занятости почти восстановились до уровня 2019 г. и составили 2034,6 тыс. чел., а уровень безработицы опустился до 4,1 %, что ниже допандемийного значения. В 2022 г. рынок труда отреагировал на внешнеполитические изменения, связанные с тотальным санкционным давлением из-за проведения СВО, отразившиеся на работе многих предприятий. Численность занятых опять снизилась относительно 2021 г. и достигла значения в 2015,1 тыс. чел., при этом уровень безработицы продолжил свое снижение и к концу года достиг 3,5 %. В 2023 г. ситуация с занятостью начала стабилизироваться и по итогам второго квартала 2023 г. показатели занятости выросли до 2079 тыс. чел., даже превысив показатели 2018 г. в 2046,1 тыс. чел., а уровень безработицы продолжил снижаться и опустился до рекордных 1,9 %.

На процесс восстановления численности занятых повлияли меры по поддержке экономики, а вовремя запущенный эксперимент по введению льготного налогового режима для самозанятых¹ создал условия для выхода занятых из теневого сектора. Это, в свою очередь, отразилось, в частности, на увеличении численности занятых в экономике, что могло быть зафиксировано в результатах обследований рабочей силы.

Данный налоговый режим был введен в качестве эксперимента в 2019 г., и пилотными регионами выступили Москва, Московская и Калужская области, а также Республика Татарстан. В 2020 г. к эксперименту присоединились еще 23 субъекта Российской Федерации, в том числе и все регионы Уральского федерального округа. С 2021 г. действие данного эксперимента распространилось на остальные субъекты Российской Федерации. С января 2022 г. к эксперименту присоединилась федеральная территория «Сириус», а с января 2023 г. — и город Байконур. Эксперимент рассчитан до конца 2028 г. В течение всего периода законом гарантируется сохранение величины налоговых ставок (4 % и 6 %) и предельный размер годового дохода до 2,4 млн руб.

Обзор литературы

Последние годы изучение самозанятости стало достаточно популярной темой в научном сообществе. Связано это с тем, что новая форма занятости приводит к преобразованию современного рынка труда, что требует пристального изучения социальных и экономических последствий роста самозанятости.

Социологами проведен ряд научных исследований: определены основные тенденции экономического поведения самозанятого (Медведева & Кутеева, 2023), составлен портрет самозанятого (Голенкова и др., 2020).

В экономической сфере изучали влияние налога на профессиональный доход (НПД) на изменение доли доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения в российских регионах (Дорошенко, 2023).

В.В. Папиорковский выявил тесную взаимосвязь самозанятости с домохозяйством, раскрыл структуру и особенности отдельных секторов самозанятости (Папиорковский, 2020).

---

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/

Е. С. Кубишин рассмотрела самозанятость как одну из форм нестандартной занятости (Кубишин, 2022).

В. В. Полякова и соавторы провели анализ опыта зарубежных стран по созданию института самозанятости, а также были раскрыты финансовые аспекты становления института самозанятости в России (Полякова и др., 2020).

Оценкой институционализации самозанятости занимались Г. Ф. Ручкина (Ручкина, 2020), А. Н. Покида и Н. В. Зыбуновская (Покида & Зыбуновская, 2020), Н. И. Малис и Ф. Т. Багдаева (Малис & Багдаева, 2019), Н. В. Тонких и А. В. Бабинцева (Тонких & Бабинцева, 2020).

Материалы и методы

Исследование проведено с применением аналитических, статистических и социологических методов. Исходной базой исследования послужили статистические данные Росстата по занятости и безработице, данные Федеральной налоговой службы по численности и структуре самозанятых, годовые региональные бюджетные отчеты, социологические опросы, проведенные Институтом социологии ФНИСЦ РАН, Институтом социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН и YouDo Бизнес совместно с HeadHunter.

Результаты

Регионы Уральского федерального округа с разной скоростью включались в начавшийся эксперимент (рис. 1). Наиболее активный процесс регистрации населения в качестве самозанятого проходил в густонаселенной Свердловской области. Почти 40 % самозанятых в Уральском ФО зарегистрированы в Свердловской области. В период с 2020 г. по сентябрь 2023 г. численность самозанятых в области увеличилась в 5,2 раза — с 46,3 тыс. чел. до 239,6 тыс. чел. Вместе с тем, доля области среди регионов Уральского ФО постепенно снижается. Если в 2020 г она составляла 40,5 %, то к концу сентября 2023 года снизилась до 38,1 %.

Если пересчитывать численность самозанятых по отношению к количеству жителей в регионе, то в течение всех трех лет эксперимента значение этого соотношения в Свердловской области занимает второе место после Тюменской области, составляя в 2022 г. 4298 чел. на 100 тыс. чел., что выше, чем средние значения по Уральскому ФО (табл. 1).

Анализ динамики рынка труда в Свердловской области в период с 2018 по 2 кв. 2023 г., показывает снижение численности занятых в период экономической нестабильности. Вместе с тем динамика численности самозанятых не реагирует на структурные изменения в экономике и показывает ежегодный рост, хотя темп его замедляется, что может указывать на приближение к оптимальному уровню численности самозанятых (рис. 2).

Уверенно утверждать, что увеличение численности самозанятых повлияло на рост численности занятых в экономике, мы не можем, но определенный вклад этого явления все же присутствует. Часть населения, действительно, для легализации своей деятельности и дохода от нее оформила самозанятость, а другая часть населения, оставаясь в сфере наемного труда или другой официальной форме занятости, воспользовалась оформлением специального налогового режима для легализации дохода от своей дополнительной деятельности.

Рис. 1. Сведения о количестве самозанятых граждан УрФО, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», чел., % (источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба. <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>)

Положительным эффектом для устойчивого развития области от легализации занятости является пополнение регионального бюджета.

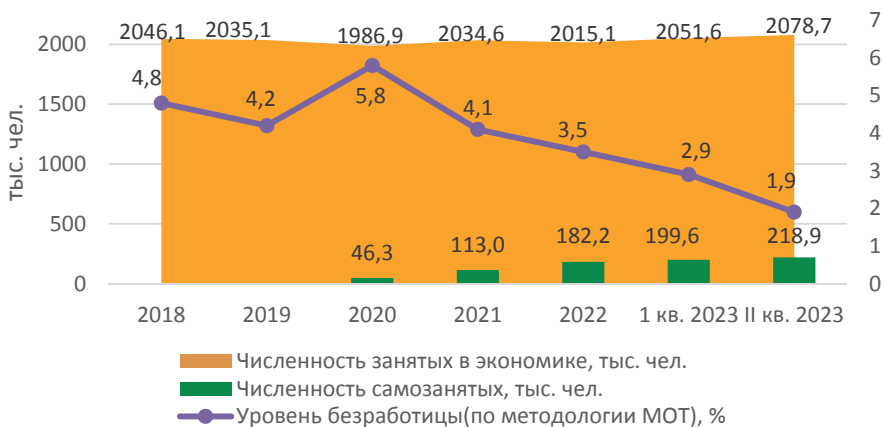
По данным Министерства финансов Свердловской области, в региональный бюджет за три года с 2020–2022 гг. поступило налогов на профессиональный доход на общую сумму 1 039 437,2 тыс. руб. При этом десятикратное увеличение суммы поступлений НПД с 32 560,1 тыс. руб. в 2020 г. до 349 430,1 тыс. руб. в 2021 г. сменилось на более умеренное двойное увеличение суммы НПД в 2022 г. относительно 2021 г., когда поступления НПД составили 657 447,0 тыс. руб.

Таблица 1

Рейтинг регионов Уральского федерального округа по численности самозанятых на 100,0 тыс. чел. населения в период 2020–2022 гг.

Регион УФО	Численность самозанятых на 100 тыс. чел. (чел.)			Место		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Тюменская область без АО	1156	2903	4523	1	1	1
Свердловская область	1079	2649	4298	2	2	2
УрФО	926	2334	3851	—	—	—
Челябинская область	824	2177	3817	3	3	3
ХМАО	819	1998	3060	4	4	4
ЯНАО	668	1641	2736	5	5	5
Курганская область	510	1423	2641	6	6	6

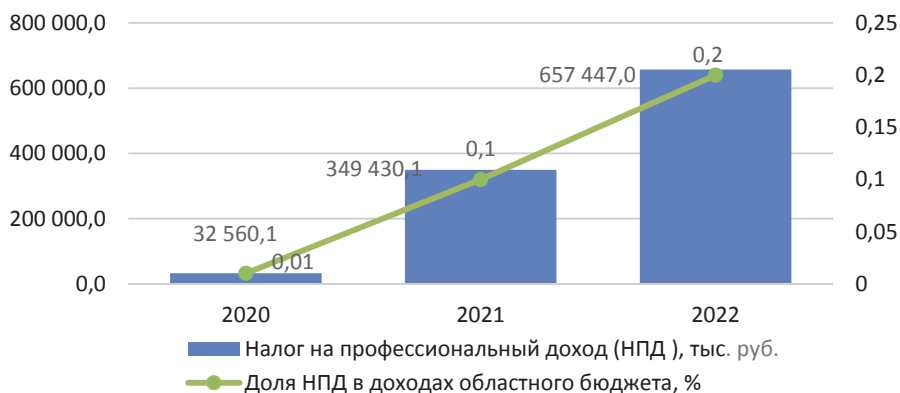
Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба. <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 43–44; Численность постоянного населения на 1 января // ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31557>

Рис. 2. Динамика показателей рынка труда регионов Уральского федерального округа в период 2018–2023 гг. (источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Рынок труда и занятость. <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29692>; Федеральная налоговая служба: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>; Трудовые ресурсы, занятость и безработица. https://rosstat.gov.ru/labour_force; Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>)

В структуре доходов областного бюджета Свердловской области доля НПД составляла в 2020 г. лишь 0,01 %, но в 2021 г. увеличилась до 0,1 %, а по итогам 2022 г. достигла 0,2 % (рис. 3). Таким образом, вклад самозанятых в региональный бюджет приобретает вполне ощутимые размеры, учитывая, что это лишь 63 % от всех поступлений НПД.

А в такой категории, как «налог на совокупный доход», отражающий поступления от малого и среднего бизнеса и включающий в себя налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, единый сельскохозяйственный налог (который в основном имеет отрицательные величины) и НПД, доля НПД с 2020 г. выросла в 12 раз — с 0,3 % до 3,6 % в 2022 г.

Рис. 3. Динамика поступления налога на профессиональный доход (НПД) в областной бюджет Свердловской области (источник: Министерство финансов Свердловской области. Исполнение бюджета. https://minfin.midural.ru/document/category/21#document_list)

На основании официальных данных о количестве самозанятых и сумме НПД, поступивших в региональный бюджет, авторами были рассчитаны среднеемесячные доходы на одного самозанятого с целью выявления экономической эффективности трудовой деятельности для самозанятого и степени улучшения качества его жизни.

Расчеты показали, что величина среднего ежемесячного дохода самозанятого во всех регионах УрФО невелика и даже не превышает прожиточного минимума населения на протяжении всех лет эксперимента, не говоря уже об остальных индикаторах денежных доходов населения, таких как среднедушевой доход, среднеемесячная начисленная заработная плата или ее медианное значение, граница бедности.

Так, в течение трех обследуемых лет самый высокий средний годовой и ежемесячный доход у самозанятых в Ямало-Ненецком автономном округе (2022 г. — 12,6 тыс. руб. в месяц) и Свердловской области (2022 г. — 11,9 тыс. руб.) превышает среднюю величину по УрФО (2022 г. — 10,5 тыс. руб. в месяц). Самый низкий доход самозанятого в Курганской области (2022 г. — 7,1 тыс. руб. в месяц) (табл. 2).

Расчитанные средние значения не отражают истинной картины распределения доходов самозанятого, поскольку величина дохода зависит от многих факторов: от сферы деятельности, объема и суммы выполненных работ и услуг, от того, для какого заказчика была выполнена работа (при работе с юрицами размер заказа и соответственно оплаты намного выше и т. д.). К примеру, на основе данных Платформы поставки данных ФМС России, средний чек самозанятого (по России в целом) при работе с юрицом в 10 и более раз выше среднего чека от физического лица.

Подтверждением более высоких ежемесячных доходов является исследование по изучению экономического поведения самозанятых в России в 2022 г., проведенное Институтом социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Рима-шевской ФНИСЦ РАН (Медведева, 2023). В исследовании почти половина экспертов (45,5 %) указали, что зарабатывают от своей деятельности в месяц 20–50 тыс. руб., 18,5 % самозанятых указали доходы в размере 10–20 тыс. руб., 27,3 % в размере 50–100 тыс. руб., и только 9,1 % опрошенных указали доходы свыше 100 тыс. руб. в месяц.

Исследовательский интерес представляют мотивы и экономическая выгода, которые побуждают население выбирать данную форму занятости. По данным опроса,

Таблица 2

Результаты расчета средней величины годового и ежемесячного дохода самозанятого по регионам Уральского федерального округа

Субъект РФ	Средняя величина годового дохода одного самозанятого, тыс. руб. в год			Среднемесячный доход самозанятого, тыс. руб.			Прожиточный минимум населения, тыс. руб.
	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2022
УрФО	24,9	110,6	125,6	2,1	9,2	10,5	...
Курганская обл.	1,7	73,5	84,8	0,1	6,1	7,1	13,513
Свердловская обл.	27,9	122,7	143,2	2,3	10,2	11,9	14,088
Тюменская обл.	25,6	110,8	131,2	2,1	9,2	10,9	13,919
Челябинская обл.	23,0	102,5	110,3	1,9	8,5	9,2	13,730
ХМАО	24,5	96,3	103,2	2,0	8,0	8,6	18,625
ЯНАО	26,6	124,8	151,0	2,2	10,4	12,6	19,832

Источник: составлено авторами.

проведенного аналитиками YouDo Бизнес и HeadHunter среди самозанятых в 2023 г., было выявлено, что основным мотивом легализации трудовой деятельности является получение дополнительного заработка, так как не хватает денег на основной работе (61 %). Возможность работать на себя выбрали 57 % самозанятых, и 22 % самозанятых ответили, что они монетизируют свое хобби¹. Таким образом, доход от самозанятости не является основным заработком для населения.

Участники опроса выделили следующие основные преимущества данной формы занятости:

- возможность самостоятельно выстраивать рабочий график (74 %);
- возможность выбирать с кем работать (62 %);
- возможность зарабатывать больше, чем при найме (56 %);
- ни перед кем не отчитываться (54 %);
- возможность заниматься любимым делом (52 %).

Таким образом, основное преимущество самозанятости — это свобода, возможность принимать самостоятельно решения, независимость от других, легализация деятельности и доходов, получение дохода от своего увлечения.

Как отмечают Е.И. Медведева и К.А. Кутеева, самозанятое население в России выглядит следующим образом: это активные и креативные люди преимущественно молодого и среднего возраста, в основном с высшим образованием, независимые, предпочитают свободный график работы вне офиса (Медведева & Кутеева, 2023).

В опросе, проведенном в 2020 г. Институтом социологии РАН (Голенкова и др., 2020), выявлены основные профессии и сферы деятельности самозанятых:

- логопеды, репетиторы, тренеры (24 %);
- ремонт и строительство (15,8 %);
- сфера IT (14,7 %);
- занятость в сфере рукоделия и кулинарии, косметологии (15,8 %);
- водители и грузоперевозки (5,3 %).

Новая форма занятости наряду с преимуществами обладает рядом недостатков и содержит некоторые риски.

¹ Результаты опроса по самозанятости. <https://blog.youdo.com/smz-npd?ysclid=lse9zifnsv508084173>

Самым основным недостатком, отмечаемым во всех опросах, является низкий уровень государственных гарантий и поддержки, это отметили 81,8 % опрошенных (Медведева & Кутеева, 2023). Действительно, законодательно не предусмотрена выплата самозанятым больничного или отпускных. Также у самозанятого не идет трудовой стаж, если только он сам не делает добровольные отчисления в Пенсионный фонд, лишь при этом условии стаж за этот период будет насчитываться. Также среди опрошенных отмечается обеспокоенность нестабильностью дохода — 63,6 % и ненормированный рабочий день — 36,4 %.

Самозанятые обеспокоены тем, что в будущем не смогут получить субсидии или льготное кредитование в банках. Многие отмечают ограниченное число видов деятельности, которые могут быть оформлены в форме самозанятости. Также самозанятые беспокоятся из-за возможности в дальнейшем увеличения налоговой ставки и усложнения отчетности. Многие желающие перейти на льготный налоговый режим не принимают решения о выборе новой формы занятости из-за неопределенности в будущем (по их мнению) и оценки возможных социальных рисков¹.

Несмотря на риски, выявленные у опрошенных, численность самозанятых растет, что свидетельствует о больших преимуществах от данной формы занятости, чем недостатков. Поэтому точками роста для развития самозанятости с позиции устойчивости развития экономики и социальной защищенности являются сохранение возможности легализации занятости, возможность оформления социального контракта с получением субсидий на развитие бизнеса, разработка институциональных механизмов по обеспечению социальных гарантий для самозанятых и повышение доступности кредитов для самозанятых на развитие бизнеса.

Заключение

Проведенная оценка результативности введения специального налогового режима, несмотря на риски и недостатки, дает нам основание полагать, что данный институциональный механизм является эффективным для легализации теневой занятости. Простота предложенного инструментария (мобильное приложение «Мой налог», отсутствие налоговой отчетности, отсутствие кассового аппарата, простота входа и выхода или смены данного налогового режима и др.), а также понятные и стабильные условия, которые установлены до 2028 г., дают возможность любому желающему стать самозанятым, что и подтверждается стремительным ростом их численности. Экономический эффект от введения специального налогового режима «Доход на профессиональную деятельность» (НПД) выражается в росте налоговых поступлений в региональные бюджеты и пополнении Фонда социального страхования. Но самое главное для населения то, что появилась возможность легально оформить свою профессиональную деятельность вне зависимости от того, является она основной или дополнительной, или формально оформить доход от использования своей собственности.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

---

¹ Результаты опроса по самозанятости...

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes.»

Список литературы

Голенкова, З. Т., Голиусова, Ю. В., Горина, Т. И. (2020). Социологический портрет самозанятых в современной России. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 20(4), 821–836. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836>

Дорошенко, С. В. (2023). Государственная политика и структура доходов населения: эксперимент с самозанятостью. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 15(2), 338–352. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>

Кубишин, Е. С. (2022). Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(4), 521–534. <http://doi.org/10.19181/Isprg.2022.18.4.8>

Малис, Н. И., Багдаева, Ф. Т. (2019). Особенности системы налогообложения самозанятого населения как направление совершенствования формирования региональных бюджетов в Российской Федерации. *Российский экономический вестник*, 2(6), 110–115.

Медведева, Е. И., Кутеева, К.А. (2023). Экономическое поведение самозанятых: современные тенденции, проблемы и риски. *Экономические науки*, 7(224), 97–103. <https://doi.org/10.14451/1.224.97>

Пациорковский, В. В. (2020). Самозанятость — ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений. *Народонаселение*, 23(1), 88–103. <http://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8>

Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. (2020). Регулирование деятельности самозанятых граждан. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 60–85.

Полякова, В. В., Сумбатян, С. Л., Басалаев, В.А. (2020). Финансовые аспекты становления института самозанятости. *Вестник университета*, 1, 144–149.

Ручкина, Г. Ф. (2020). К вопросу о легализации самозанятых в Российской Федерации. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 3, 97–106. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>.

Тонких Н. В., Бабинцева А. В. (2020). Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, 18(1), 172–183. [http://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](http://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183)

References

Doroshenko, S. V. (2023). State policy and population incomes structure: an experiment with self-employment. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi]*, 15(2), 338–352. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352> (In Russ.)

Golenkova, Z. T., Goliusova, Y. V., & Gorina, T. I. (2020). Sociological portrait of the self-employed in contemporary Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 20(4), 821–836. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836> (In Russ.)

Khodorkovsky, V. V. (2020). Self-employment as response of the part of economically active population to the crisis of standard labor relations. *Narodonaselenie [Population]*, 23(1), 88–103. <http://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8> (In Russ.)

Kubishin, E. S. (2022). Informal Employment in Modern Russia: Old Problems and New Realities. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 18(4), 521–534. <http://doi.org/10.19181/Isprg.2022.18.4.8> (In Russ.)

Malis, N. I., & Bagdaeva, F. T. (2019). Features of the tax system of self-employed population as a direction for improving the formation of regional budgets in the Russian Federation. *Rossiyskiy ekonomicheskii vestnik [Russian Economic Bulletin]*, 2(6), 110–115. (In Russ.)

Medvedeva, E. I., & Kuteeva, K. A. (2023). Economic behavior of the self-employed: current trends, problems and risks. *Ekonomicheskie nauki [Economic sciences]*, 7(224), 97–103. <https://doi.org/10.14451/1.224.97> (In Russ.)

Pokida, A. N., & Zybunovskaya, N. V. (2020). Regulation of self-employed citizens' activity. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 1, 60–85. (In Russ.)

Poliakova, V. V., Sumbatyan, S. L., & BasalaeV, V. A. (2020). Financial aspects of establishing the institution of the self-employment. *Vestnik Universiteta*, 1, 144–149. (In Russ.)

Ruchkina, G. F. (2020). In reference of legalization of the self-employed in the Russian Federation. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [Property Relations in the Russian Federation]*, 3, 97–106. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304> (In Russ.)

Tonkikh, N. V., & Babintseva, A. V. (2020). Research of population's self-employment in the Russian Federation: General and private problems. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» [Herald of Omsk University. Series «Economics»]*, 18(1), 172–183. [http://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](http://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183) (In Russ.)

Информация об авторах

Воронина Любовь Николаевна — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5205-388X> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: voronina.ln@uiec.ru).

Пышминцева Ольга Александровна — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

About the authors

Lyubov N. Voronina — Leading Economist, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-5205-388X> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: voronina.ln@uiec.ru).

Olga A. Pyshmintseva — Research Assistant, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

УДК 338.1

JEL classification: L26

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-2>

Предпринимательский потенциал населения: роль в устойчивом развитии и подходы к измерению¹

П. Л. Глухих

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

Автор для корреспонденции: П. Л. Глухих (gluchih_p_l@mail.ru).

Аннотация. В условиях сохраняющейся недостаточной устойчивости экономических процессов не теряет актуальности проблема нереализованности предпринимательского потенциала граждан страны. Целью статьи является обобщение основных теоретических и методических подходов к сущности и оценке предпринимательского потенциала населения и предпринимателей. Автором анализируются исследования предпринимательского потенциала в контексте его реализации и оценки. Проводятся обзор научных публикаций и анализ существующих подходов к оценке предпринимательского потенциала. Результаты позволяют углубить понимание процесса реализации предпринимательского потенциала и обосновать важность комплексного подхода к его оценке. Выводы работы могут быть полезны для разработки стратегий поддержки предпринимательства и повышения эффективности мер государственной поддержки.

Ключевые слова: предпринимательский потенциал; оценка предпринимательского потенциала; устойчивое развитие; методические подходы; реализация предпринимательского потенциала

Entrepreneurial Potential of the Population: Role in Sustainable Development and Approaches to Measurement

P. L. Glukhikh

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

Corresponding author: P. L. Glukhikh (gluchih_p_l@mail.ru).

Abstract. Considering the persistent economic instability, the issue of untapped entrepreneurial potential of the population remains relevant. The study aims to summarise fundamental methodologies concerning the nature and assessment of the entrepreneurial potential of individuals and those already engaged in entrepreneurial pursuits. The paper analyses the research on entrepreneurial potential and evaluation of its implementation. A review of scientific publications and an analysis of existing approaches to assessing entrepreneurial potential were conducted. The results provided a better understanding of the process of realising entrepreneurial potential and substantiated the importance of an integrated approach to its assessment. The findings can be useful for developing strategies to encourage entrepreneurship and improve the effectiveness of government support measures.

Keywords: entrepreneurial potential; assessment of entrepreneurial potential; sustainable development; methodological approaches; realisation of entrepreneurial potential

Введение

По данным исследования ГЕМ, за последние годы в России в среднем ежегодно «терялось» от 3,2 % до 47,2 % потенциальных предпринимателей, а в действительности

¹ © Глухих П. Л. Текст. 2024

лишь 5,8 % взрослого населения, способного к трудовой деятельности, выбирают путь предпринимательства (Верховская и др., 2015). Указанная проблема усугубляется сохраняющейся неопределенностью и недостатком устойчивости.

Понимание природы предпринимательского потенциала и создание условий для его проявления у населения в условиях существующего уровня устойчивости способно снизить проблему нереализованности предпринимательской деятельности граждан страны. Для такого осмысления важен учет теоретических основ. Рассмотрим теоретические подходы.

Как правило, под концепцией устойчивого развития понимается процесс, который достигает равновесия между экономическими, экологическими и социальными аспектами в долгосрочной перспективе. Он также включает в себя ответственные результаты деятельности, учитывая удовлетворение потребностей всех заинтересованных сторон в настоящем и будущем (Салимова & Гудкова, 2017). В соответствии с мнением некоторых авторов (Григорян, 2015) устойчивость означает стремление системы возвращаться к состоянию равновесия, которое наиболее благоприятно для выполнения ее функций после воздействия внешних факторов. Другие исследователи считают, что устойчивость присутствует тогда, когда система способна достичь оптимального соотношения всех его элементов и установить связи между ними, позволяющие поддерживать жизненно важные параметры на определенном уровне в течение максимально длительного времени, эффективно справляясь с возмущениями внешней среды.

Термин «потенциал» происходит от латинского *potential*, что означает «реальность и возможность», т. е. потенциал указывает на способность объекта перейти в другое состояние (Шафииков, 2002). Потенциал часто используется для сравнения реального положения объекта или процесса с его возможным (идеальным) состоянием. Потенциал представляет собой фактор, определяющий реальную и потенциальную интенсивность осуществления различных процессов. В использовании понятия «потенциал» выделяются следующие фундаментальные стратегии (Романова и др., 2004):

- 1) методический подход, сфокусированный на ресурсах, где потенциал рассматривается как агрегация ресурсов, применяемых для функционирования системы;
- 2) стратегический подход, ориентированный на «способности», или потенциальную активность системы;
- 3) подход, основанный на концепции «возможностей», или вероятности использования активности системы для достижения определенных целей;
- 4) комплексный подход, в рамках которого потенциал определяется как совокупность способностей, возможностей и ресурсов.

«Носителями» потенциала являются комплексные системы и их составные элементы. Потенциал объектов исследования может находиться в различных функциональных состояниях¹. Термин «потенциал» также представляет собой меру реальной и потенциальной интенсивности реализации конкретного процесса.

Основанием для появления термина «предпринимательский потенциал» является исследование факторов, способствующих развитию предпринимательской деятельности. Основными базовыми подходами в теории предпринимательства были следующие положения:

---

¹Макарова, И. В. (2010). Диагностика потенциала и стратегия модернизации машиностроительного комплекса старопромышленного региона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 41.

— важность ситуации рыночного равновесия, на которую указывали Адам Смит (Смит, 2009) и другие исследователи;

— присутствие благоприятных рыночных возможностей, подмеченное, например, Йозефом Шумпетером (Шумпетер, 2007) и другими учеными;

— значение внимательности к восприятию информации и знаний, выделенное представителями Австрийской экономической школы (фон Мизес, 2008; Кирцнер, 2001; де Сото, 2007) и другими исследователями.

В результате развития этих и последовавших научных подходов термин «предпринимательский потенциал» стал более распространенным в кругу исследователей для оценки различных аспектов предпринимательской активности. Все это свидетельствует об актуальности и целесообразности данной тематики.

Целью статьи является обобщение основных научных подходов к сущности предпринимательского потенциала населения и предпринимателей на основе обзора литературы.

Материалы и методы

Источником для обзора литературы выступили как исследования классиков теории предпринимательства, так и публикации российских авторов, посвятивших свои труды изучению предпринимательского потенциала.

Основным методом исследования выступил контент-анализ. В профильных публикациях устанавливалось наличие оценки потенциала у предпринимателей и населения. В публикациях выявлялось указание на следующие элементы: название подхода, назначение оценки, авторы подхода, изучаемый объект, уровень оценки и применяемые методы.

Результаты

Отдельные исследования анализируют процесс проявления предпринимательского потенциала. Наиболее заметными работами, прослеживающими реализацию предпринимательского потенциала населения, являются труды О.Н. Булакина (Булакина, 2009), А.Ю. Чепуренко (Чепуренко, 2003), О.Р. Верховской (Верховская, 2021) и др.

Некоторые исследователи предлагают собственные определения предпринимательского потенциала. Рассмотрим некоторые из них:

— предпринимательский потенциал описывается как ансамбль концепций и стратегий для предпринимательской деятельности и методов их реализации, которые доступны предпринимателю (Рубин, 2003);

— предпринимательский потенциал представляет собой способность индивидов, занимающихся предпринимательством, формировать востребованные продукты и услуги, удовлетворяющие запросы, а также поощрять рост производства и расширение потребления (Булакина, 2009).

Далее предпринимались попытки исследования предпринимательского потенциала как процесса реализации потенциала. Разностороннее изучение предпринимательского потенциала предполагает учет различных аспектов. Например, автором ранее были проанализированы положительные и отрицательные последствия осуществления предпринимательского потенциала и сделаны выводы об их воздействии на социально-экономическое развитие муниципалитетов. Также автором были классифицированы факторы, влияющие на осуществление предпринимательского

Методологические стратегии измерения предпринимательского потенциала населения и предпринимателей

Название	Назначение	Автор(ы)	Объект	Уровень	Метод
Предпринимательский потенциал	Рассматривается как совокупность всех индивидуальных, годовых к осуществлению предпринимательской инициативы	А. Ю. Чепуренко и др. (Чепуренко и др., 2003)	Предпринимательский потенциал населения (нереализованный)	Национальный (РФ)	Социологическое исследование (анкетирование)
Комплексная оценка предпринимательского потенциала муниципального образования	Оценить эффект политики поддержки: трудового, производственного, налогового, инвестиционного, инфраструктурного, деловой активности и инновационного потенциалов	О. Н. Булакина (Булакина, 2009)	Предпринимательский потенциал предпринимателей (реализованный)	Муниципалитеты	Индикативный анализ на основе показателей статистики (7 совокупных индексов потенциалов)
Оценка предпринимательского потенциала населения и предпринимателей	Выявление перспектив и ограничений в реализации предпринимательского потенциала; оценка эффективности выполнения предпринимательского потенциала; обнаружение плюсов и минусов в применении государственных и муниципальных мер поддержки	П. Л. Глухих (Глухих, 2013)	Предпринимательский потенциал населения и предпринимателей (реализованный)	Муниципалитеты	Индикативный анализ на основе показателей статистики и социологов (общий индекс и уровень реализации предпринимательского потенциала)

Источник: составлено автором.

потенциала, и определены те, что имеют наибольший эффект на процесс становления и прогресса предпринимательства¹.

Проанализируем основные стратегии оценки предпринимательского потенциала у населения и предпринимателей (табл.).

Обсуждение

В существующих исследованиях можно выделить следующие подходы к оценке: ресурсный подход, подход, основанный на оценке результатов, интегральный подход.

Ресурсный подход оценивает количественную задействованность и вовлечение как прямых, так и не применяемых ресурсов. Возможен замер удовлетворенности потребности при конкретной величине задействованных ресурсов. Интегральный подход имеет большое распространение благодаря возможностям методики комплексного учета потенциала. В общем, можно сделать вывод, что предпринимательский потенциал представляет собой комплексную систему, требующую взвешенной оценки, учитывающей все ее компоненты.

Согласно авторскому подходу, реализация предпринимательского потенциала представляет собой последовательный процесс шагов, которые предприниматели осуществляют и действующие предприниматели для применения своих предпринимательских способностей, имеющихся возможностей и доступных ресурсов с целью подготовки и осуществления хозяйственной деятельности в секторе малого предпринимательства (рис.) (Глухих, 2013).

Другими словами, это воплощение действий двух субъектов:

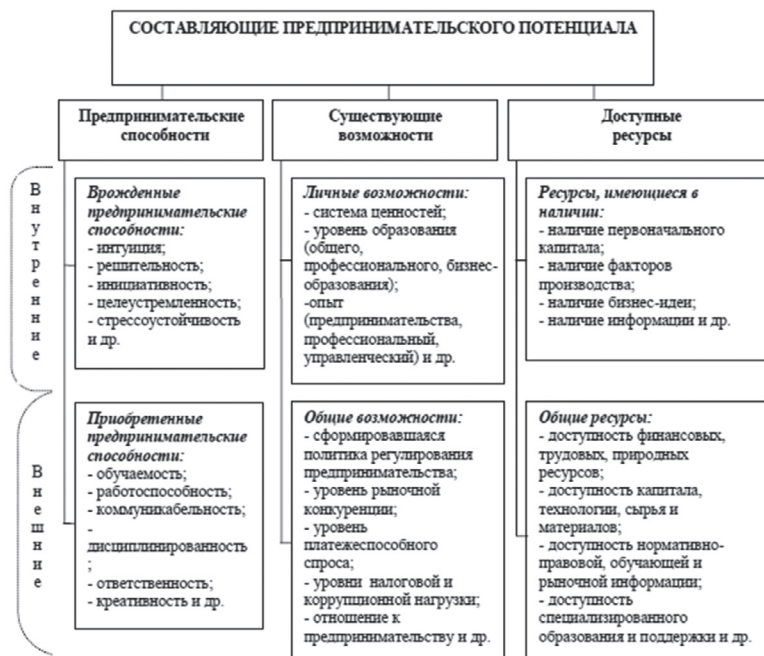
- предпринимательский потенциал населения (не реализованный на данный момент);
- предпринимательский потенциал предпринимателей (реализованный, реализуемый).

Основным потенциальным источником новых предпринимательских инициатив в России являются не граждане, а скорее предприниматели, нацеленные на открытие нового бизнеса. К примеру, по авторским оценкам, 36 % предпринимательских устремлений были выявлены у активных предпринимателей (в 2020 г.). Ранее в предкризисный 2018 г. данный показатель достигал 60 %.

Действия по реализации предпринимательского потенциала включают в себя следующие шаги:

1. Оценка собственного предпринимательского потенциала и принятие решения о запуске предприятия.
2. Поиск сферы бизнеса и первоначальный отбор вариантов.
3. Изучение целевого сегмента рынка и анализ выбранной концепции.
4. Составление и тщательный анализ бизнес-плана проекта.
5. Разработка стратегического плана действий.
6. Поиск и привлечение источников финансирования для реализации бизнес-плана.
7. Подготовка и проведение процедур официальной регистрации предпринимательского субъекта.
8. Организация производственных и бизнес-процессов.

¹ Глухих, П. Л. (2013). Социально-экономическая оценка реализации предпринимательского потенциала в муниципальных образованиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 26.

Рис. Составляющие предпринимательского потенциала населения
(источник: составлено автором)

Заключение

Исследование предпринимательского потенциала открывает важные перспективы для понимания и развития предпринимательской деятельности. Термин «потенциал» широко применяется для обозначения способности объекта перейти из текущего состояния в последующее. Сохранение устойчивого экономического роста требует активации потенциала населения и предпринимателей. Проведено обобщение текущего понимания проблемы нереализованности предпринимательской деятельности граждан страны. Понимание сущности предпринимательского потенциала с его ресурсами и возможностями становится ключом к формированию дружелюбной атмосферы для развития предпринимательства. Проведен обзор исследований, посвященных раскрытию сущности предпринимательского потенциала. Проанализированы существующие научные подходы, выявлены их особенности. Важно учитывать разнообразие методов оценки, таких как ресурсный, результативный, интегральный и другие подходы, что позволяет оценить потенциал комплексно. Реализация предпринимательского потенциала требует последовательных шагов от оценки собственного потенциала до организации бизнес-процессов. Таким образом, эффективное использование предпринимательского потенциала становится ключевым фактором для поддержания экономического развития и достижения устойчивого роста в современных условиях. Выработанные подходы позволят далее повышать эффективность проявления у населения предпринимательского потенциала.

Список источников

Булакина, О. Н. (2009). Методика комплексной оценки предпринимательского потенциала муниципального образования. *Известия Иркутской государственной экономической академии*, 6(66), 63–65.

Верховская, О. Р., Богатырева, К. А., Дорохина, М. В. (2021). *Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2020/2021»*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 98.

Григорян, Е. С. (2015). Классификация видов устойчивости предприятия. *Концепт*, 3, 1–7.

Кирцнер, И. (2001). *Конкуренция и предпринимательство*. Москва: ЮНИТИ-Дана, 239.

Мизес, Л. (2008). *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*. Москва: Социум, 882.

Романова, О. А., Прудский, В. Г., Ченерова, Р. И., Макарова, И. В., Федоров, А. В. (2004). *Научно-технологическое и институциональное развитие ОПК Урала*. Препринт. Екатеринбург. Институт экономики УрО РАН, 96.

Рубин, Ю. Б. (2003). *Теория и практика предпринимательской конкуренции. Учебник*. Москва: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 584.

Салимова, Т. А., Гудкова, Д. Д. (2017). Инструментарий оценки устойчивого развития организации. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*, 10(5), 151–160. <https://doi.org/10.18721/JE.10514>.

Смит, А. (2009). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: Эксмо, 956.

Уэрта де Сото, Х. (2007). *Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество*. Челябинск: Социум, 202.

Чепуренко, А. Ю. (2003). Предпринимательский потенциал российского общества: анализ и рекомендации по содействию вовлечению населения в малый бизнес. *Экономическая социология*, 4(2), 26–52.

Шафиков, М. Т. (2002). Потенциал: сущность и структура. *Социально-гуманитарные знания*, 1, 236–245.

Шумпетер, Й. А. (2007). *Теория экономического развития*. Москва: Эксмо, 861.

References

Bulakina, O. N. (2009). The integrated assessment methods of municipal establishment's business potential. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)]*, 6(66), 63–65. (In Russ.)

Chepureenko, A. Yu. (2003). Entrepreneurial Potential of Russian society: Analysis and Recommendations to Encourage Involving the Population into the Small Business. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*, 4(2), 26–52. (In Russ.)

Grigoryan, E. S. (2015). Classification of types of enterprise sustainability. *Kontsept [Koncept]*, 3, 1–7. (In Russ.)

Huerta de Soto, J. (2007). *The Austrian School: Market Order and Entrepreneurial Creativity [Avstriyskaya ekonomicheskaya shkola: rynek i predprinimatelskoe tvorchestvo]*. Trans. Chelyabinsk: Socium, 202. (In Russ.)

Kirzner, I. (2001). *Competition and Entrepreneurship [Konkurentsia i predprinimatelstvo]*. Trans. from English. Moscow: UNITY-Dana, 239. (In Russ.)

Mises, L. (2008). *Human action. A treatise on economics [Chelovecheskaya deyatelnost. Traktat po ekonomicheskoy teorii]*. Trans. Moscow: Socium, 882. (In Russ.)

Romanova, O. A., Prudskiy, V. G., Chenerova, R. I., Makarova, I. V., & Fe-dorov, A. V. (2004). *Nauchno-tehnologicheskoe i institutsionalnoe razvitie OPK Urala [Scientific, technological and institutional development of the Ural defense industry]*. Preprint. Ekaterinburg. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 96. (In Russ.)

Rubin, Yu. B. (2003). *Teoriya i praktika predprinimatelskoy konkurentssii. Uchebnik [Theory and practice of entrepreneurial competition. Textbook]*. Moscow: Moscow International Institute of Economics, Informatics, Finance and Law, 584. (In Russ.)

Salimova, T. A., & Gudkova, D. D. (2017). Assessment tools for sustainable development of the organization. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]*, 10(5), 151–160. <https://doi.org/10.18721/JE.10514> (In Russ.)

Schumpeter, J. A. (2007). *The Theory of Economic Development [Teoriya ekonomicheskogo razvitiya]*. Trans. Moscow: Eksmo, 861. (In Russ.)

Shafikov, M. T. (2002). Potential: essence and structure. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*, 1, 236–245. (In Russ.)

Smith, A. (2009). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov]*. Trans. Moscow: Eksmo, 956. (In Russ.)

Verkhovskaya, O. R., Bogatyreva, K. A., & Dorokhina, M. V. (2021). *Natsionalnyy otchet «Globalnyy monitoring predprinimatelstva. Rossiya 2020/2021» [National report «Global Monitoring of Entrepreneurship. Russia 2020/2021»]*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 98. (In Russ.)

Информация об авторе

Глухих Павел Леонидович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0001-5992-3780> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: gluchih_p_l@mail.ru).

About the author

Pavel L. Glukhikh — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-5992-3780> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: gluchih_p_l@mail.ru).

УДК 332.1(304)

JEL classification: J17, O15, R29

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-3>

Демографические особенности криминального экономического поведения населения России¹

С. В. Дорошенко

Институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Автор для корреспонденции: С. В. Дорошенко (doroshenko.sv@uiec.ru).

Аннотация. Целью исследования является анализ демографических особенностей осужденных за преступления в сфере экономической деятельности в период 2002 г. по первое полугодие 2023 г. Гипотеза: в последние годы в России возрастает доля молодежи и женщин среди осужденных по «экономическим» статьям. Информационная база — данные, предоставленные Судебным департаментом при ВС РФ для открытого использования на сайте хранилища статистической информации о деятельности судов общей юрисдикции. Основными методами являются дескриптивный, сравнительный и статистический анализ. Результаты показали действительное увеличение доли молодежи и женщин, осужденных за некоторые экономические преступления.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности; возрастная структура; женщины-осужденные; молодежь

Demographic Features of Criminal Economic Behaviour of the Russian Population

S. V. Doroshenko

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Corresponding author: S. V. Doroshenko (doroshenkos@mail.ru).

Abstract. *The study aims to analyse demographic features of people convicted of economic crimes in the period from 2002 to the first half of 2023. It is hypothesised that, in recent years, the proportion of youth and women among those convicted of economic crimes in Russia has been increasing. Data provided by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for open use on the website of the repository of statistical information on the activities of courts of general jurisdiction are examined. The main research methods applied are descriptive, comparative and statistical analysis. The results showed a real increase in the proportion of youth and women convicted of certain economic crimes.*

Keywords: economic crimes; age structure; female convicts; youth

Введение

Криминальное экономическое поведение населения может проявляться по-разному, прежде всего, через совершение различных экономических преступлений, препятствующих нормальному функционированию национальной экономики и запрещенных УК РФ.

В широком смысле к экономическим преступлениям относятся, во-первых, преступления против собственности (кража, грабеж, мошенничество, разбой и др.), во-вторых, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями руководителя и др.), в-третьих, преступления в сфере экономической деятельности (незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов, контрабанда, фиктивное банкротство и др.).

¹ © Дорошенко С. В. Текст. 2024

Таблица 1

**Структура материального ущерба, причиненного в результате преступлений
в сфере экономической деятельности (за 1 полугодие 2023 г.)**

Структура ущерба, определенного судом (мировым судьей) по приговорам (решениям)		Сумма, млн руб.	Доля в структуре, %
Сумма ущерба от преступления, определенная по судебному акту, всего		2013,23	100
В том числе, по видам собственности:	государственная	1830,71	90,93
	муниципальная	28,95	1,44
	общественных организаций (объединений)	43,13	2,14
	частная юридических лиц	64,30	3,19
	частная физических лиц — субъектов предпринимательства	20,80	1,03
	личное имущество граждан	25,34	1,26
Сумма ущерба, присужденная к взысканию, всего:		658,45	100,00
В том числе по видам собственности:	государственная	567,58	86,20
	муниципальная	28,95	4,40
	общественных организаций (объединений)	0,44	0,07
	частная юридических лиц	27,89	4,24
	частная физических лиц — субъектов предпринимательства	20,48	3,11
	личное имущество граждан	13,11	1,99

Источник: Сведения о суммах материального ущерба, причиненного преступлениями. Судебный департамент при ВС РФ. http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-prepared-report-search.aspx

По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации¹, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 5,3 % сократилось число выявленных преступлений экономической направленности. Удельный вес таких преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,7 %. Материальный ущерб от преступлений (по окончательным и приостановленным уголовным делам) составил 339,1 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 60,8 %.

Таким образом, несмотря на относительно невысокий удельный вес и тенденцию к сокращению, государству и частным лицам наносится весомый материальный ущерб в результате проявления криминального экономического поведения населения и совершения такого рода преступлений.

В рамках текущего исследования мы проанализируем некоторые демографические особенности осужденных за преступления третьей указанной группы, а именно за преступления в сфере экономической деятельности.

Ниже приведены данные о материальном ущербе, причиненном российской экономике в результате этой группы преступлений за первое полугодие 2023 г. (табл. 1).

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что общая сумма ущерба за указанный период составила более 2 млрд руб. Из этой суммы более 90 % составляет ущерб, нанесенный в результате преступлений в отношении государственной собственности.

¹Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации. https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen

Сумма ущерба, присужденная к взысканию, составляет более 650 млн руб., из которых более 86 % — сумма взыскания в отношении государственной собственности.

В итоге достаточной серьезный ущерб экономике страны наносится гражданами, совершающими преступления в сфере экономической деятельности. Кроме того, демографическая структура в этой области преступлений в последние годы становится разнообразной, например, потому, что молодежь в России все раньше начинает осуществлять экономическую деятельность, не всегда соблюдая законодательство.

Предлагается следующая гипотеза исследования: в последние годы наблюдается тенденция увеличения доли молодого населения и женщин среди осужденных за совершение некоторых видов преступлений в сфере экономической деятельности.

Задачей исследования является анализ изменений демографической структуры осужденных за преступления, совершенные в экономической сфере.

Обзор зарубежных исследований

Исследования криминального экономического поведения во многом базируются на теориях преступного поведения, основанных в большей или меньшей степени на предположении о рациональном выборе, предложенных еще в XVIII в. Беккарией (Beccaria, 1971) и Бентамом. Последний, например, писал, что «выгода от преступления — это сила, побуждающая человека к правонарушению: боль наказания — это сила, используемая для того, чтобы удержать его от этого. Если первая из этих сил окажется сильнее, преступление будет совершено; если второе, преступление не будет совершено» (Bentham, [1788] 1843, с. 399). С начала XX столетия интерес к их точке зрения уменьшился из-за множества других появившихся теорий.

Основная идея Бентама была актуализирована и модернизирована в известной статье Беккера о преступлении и наказании, который предполагает, что «полезная теория преступного поведения может обойтись без специальных теорий аномии, психологической неадекватности или наследования особых черт и просто расширить обычный анализ выбора экономиста» (Becker, 1968, с. 170). По мнению Беккера, преступники такие же, как и все остальные, и индивид ведет себя так, как если бы он был рациональным максимизатором полезности. Беккер использует обычное предположение, что люди действуют так, как если бы они максимизировали ожидаемую полезность, а также что полезность является положительной функцией дохода.

Позднее было предложено учитывать в моделях преступного поведения, в которых предполагается, что человек действует рационально, исходя из затрат и выгод, связанных с легальными и нелегальными возможностями, демографические и социально-экономические моменты. И было доказано, что различия в преступности среди отдельных лиц традиционно связаны с полом, возрастом, расой и т. д. (Eide, 2000; Levitt, 2017). По мнению многих современных исследователей, в распространении преступлений большую роль играют социальные сети, поскольку только социально-экономические условия не могут полностью объяснить широко распространенную социальную проблему преступности, и в регионах со схожей демографией населения и экономическими возможностями наблюдаются большие различия в уровне преступности (Velásquez-Giraldo et al, 2023).

Тем не менее влияние социально-демографических факторов на преступное поведение до сих пор является объектом многих исследований, особенно в контексте соблюдения налогового законодательства.

В исследованиях учитываются социально-демографические переменные, влияющие на соблюдение налоговых требований, включая возраст, пол, семейное положение, образование, опыт работы, сектор или характер работы, религиозную принадлежность, культуру и этническую принадлежность (Musimenta, 2020). Например, в работе (Alasfour et al., 2016) установлено, что в целом, моральный уровень налогоплательщика и решение о соблюдении требований в значительной степени зависят от пола, возраста, уровня образования, профессионального статуса и религиозной принадлежности.

Особое внимание в этом контексте привлечено к малому и среднему предпринимательству. Так, в исследовании (Vincent, 2023) на примере Нигерии эмпирически доказано, что определенные социально-демографические переменные, включая возраст, образование и сферы бизнеса предпринимателей малого и среднего бизнеса, являются значимыми детерминантами поведения, связанного с несоблюдением налогового законодательства, в то время как пол и религиозность оказывают незначительное влияние.

При этом в отдельных исследованиях, где социально-демографические категории объединялись с другими факторами, определяющими соблюдение налогового законодательства, социально-демографические показатели могли смешиваться или даже взаимодействовать с другими (экономическими и поведенческими) переменными (Hofmann et al., 2017).

В нашем исследовании мы пока остановимся на статистическом анализе гендерного и возрастного портрета осужденных за преступления в сфере экономической деятельности в России.

Методы и информационная база

Основными методами нашего исследования являются дескриптивный, сравнительный и статистический анализ.

Информационной базой явились данные, предоставленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации для открытого использования на сайте хранилища статистической информации о деятельности судов общей юрисдикции¹, данные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации², данные Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации.³

Основной период анализа — с 2002 г. по 2022 г. Отдельные данные также представлены за 1 полугодие 2023 г.

Результаты анализа

Рассмотрим два демографических признака лиц, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности — пол и возраст.

Поскольку за рассматриваемый период в полном объеме представлены только сведения общего числа осужденных, а также количество осужденных за незаконное предпринимательство и по статье за приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем, мы в анализе также сделаем основной акцент на изменение тенденций по этому срезу данных.

---

¹ Судебный департамент при ВС РФ. http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-prepared-report-search.aspx

² Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации. https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen

³ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. <http://crimestat.ru/analytics>

На рисунке представлена динамика изменений удельного веса женщин, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности. Как видно из графика, в 2003 г. резко сократилась доля осужденных женщин — с 67 % в 2002 г. до 19 %. Затем наблюдался период неустойчивой динамики, но с 2012 г. начался рост значений этого показателя и к 2022 г. доля женщин превысила 30 %.

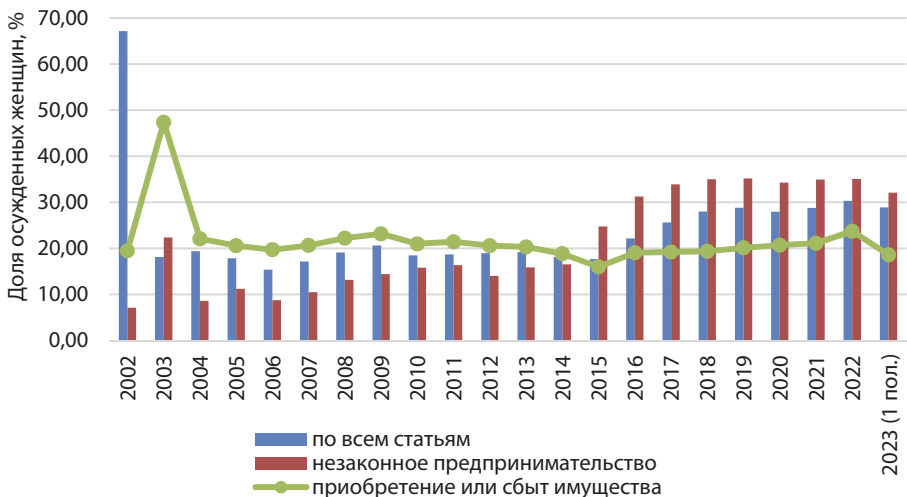
Также на рисунке представлен график изменений доли осужденных женщин за незаконное предпринимательство. Здесь наблюдался рост в 2003 г. по сравнению с 2002 г., затем такое же резкое снижение, но в целом с 2007 г. начала формироваться тенденция роста значений этого показателя. И уже к 2016 г. доля женщин превысила 30 %. На этом же уровне она сохраняется на протяжении всех последующих лет.

Линейный график на рисунке отражает изменения доли осужденных женщин за приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем. Здесь также наблюдался рост до 47 % в 2003 г. по сравнению с 2002 г., затем последовало резкое снижение. На протяжении всего последующего периода значения показателя колеблются в диапазоне 18–23 %.

С 2015 г. в судебной статистике стали выделять беременных осужденных и имеющих детей. И на протяжении последующих лет доля осужденных женщин, имеющих детей, стабильно сохраняется на уровне 3–4 %, а беременных — менее 1 %.

Таким образом, среди осужденных за преступления в сфере экономической деятельности почти треть составляют женщины. Сохраняется тенденция увеличения их удельного веса в незаконном предпринимательстве, и она выше общего значения. Достаточно высок процент осужденных за сбыт имущества. Не снижается также доля осужденных женщин, имеющих детей.

Рассмотрим возрастную структуру осужденных за преступления в сфере экономической деятельности, акцентировав внимание на общих значениях, а также на упомянутых выше видах преступлений.

Рис. Динамика изменений доли осужденных женщин за преступления в сфере экономической деятельности за 2002 г. — 1 пол. 2023 г., % (источник: составлено автором)

В таблице 2 представлена общая возрастная структура.

В целом мы наблюдаем стабильное снижение доли несовершеннолетних лиц в преступлениях в экономической сфере. По сравнению с 2002 г. снизился вес двух групп в возрасте 18–24 и 25–29 лет. Но значительно увеличился вес самой старшей группы осужденных.

В таблице 3 представлены данные возрастной структуры лиц, осужденных за незаконное предпринимательство и т. п. (ст. 171–173.2 УК РФ)

Таблица 2

Возрастная структура лиц, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности в России (гл. 22 УК РФ)

Год	Возраст				
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50+ лет
2002	0,74	20,40	16,41	53,80	8,65
2003	1,21	19,84	16,55	53,35	9,05
2004	5,83	23,91	15,74	46,09	8,42
2005	5,90	22,83	14,80	45,79	10,68
2006	4,34	22,48	14,92	46,70	11,56
2007	4,31	21,24	14,57	47,73	12,16
2008	3,74	19,72	14,64	48,78	13,13
2009	2,75	18,69	14,61	49,80	14,15
2010	2,79	21,24	15,38	47,77	12,83
2011	3,28	22,58	16,85	46,43	10,87
2012	3,27	23,78	16,14	45,51	11,30
2013	2,60	23,34	17,01	45,26	11,78
2014	1,67	20,82	18,51	48,18	10,83
2015	1,04	20,31	18,04	50,77	9,84
2016	1,44	18,40	19,91	50,27	9,98
2017	1,01	16,21	18,70	51,35	12,73
2018	0,71	14,68	17,86	52,11	14,64
2019	0,70	13,54	17,00	50,65	18,12
2020	0,97	14,49	14,67	52,31	17,56
2021	0,82	14,73	14,37	51,02	19,06
2022	0,53	15,12	12,54	53,28	18,53
2023 (1 пол.)	0,25	15,87	12,17	53,40	18,31

Источник: Демография преступлений. Судебный департамент при ВС РФ. http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-prepared-report-search.aspx

Таблица 3

Возрастная структура лиц, осужденных за незаконное предпринимательство и банковскую деятельность, лжепредпринимательство

Год	Возраст				
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50+ лет
2002	0,00	6,06	13,76	67,65	12,53
2003	0,00	4,72	10,88	70,64	13,76
2004	0,00	6,22	13,88	60,29	19,62

Окончание табл. 3 на след. стр.

Окончание табл. 3

Год	Возраст				
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50+ лет
2005	0,00	3,82	11,46	65,16	19,57
2006	0,00	4,72	8,75	68,06	18,47
2007	0,00	4,86	11,64	65,54	17,97
2008	0,00	4,07	10,13	67,87	17,93
2009	0,00	6,75	10,28	60,38	22,58
2010	0,00	6,62	12,39	59,59	21,39
2011	0,00	7,86	11,01	64,78	16,35
2012	0,00	8,22	14,73	59,59	17,47
2013	0,00	5,42	15,16	63,54	15,88
2014	0,00	7,20	19,20	62,13	11,47
2015	0,12	15,22	26,45	50,00	8,21
2016	0,21	16,25	24,71	51,25	7,58
2017	0,12	14,07	21,11	51,99	12,72
2018	0,09	13,15	19,58	52,30	14,88
2019	0,10	11,14	18,17	50,88	19,71
2020	0,22	11,45	14,47	53,31	20,56
2021	0,02	11,70	13,88	51,74	22,66
2022	0,06	13,30	11,61	53,44	21,59
2023 (1 пол.)	0,09	13,19	11,68	53,84	21,20

Источник: Демография преступлений. Судебный департамент при ВС РФ. http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-prepared-report-search.aspx

Данные, представленные в таблице 3, показывают, что с 2012 г. по этим статьям появились несовершеннолетние осужденные, хотя их доля не достигает и 1 %. Также заметно увеличилась доля возрастных групп 18–24 и 50+ лет. В отдельный период, а именно в 2015–2019 гг., заметно увеличился вес групп 25–29 лет. Средняя возрастная группа 30–49 лет сократила свое присутствие.

В таблице 4 представлена возрастная структура осужденных за приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем.

Таблица 4

Возрастная структура лиц, осужденных за приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем

Год	Возраст				
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50+ лет
2002	3,73	30,40	17,71	43,09	5,07
2003	6,16	28,49	18,69	40,95	5,71
2004	6,61	28,58	17,63	41,57	5,61
2005	7,88	30,26	17,87	38,81	5,18
2006	5,26	33,23	18,39	37,47	5,65
2007	7,33	34,46	16,95	35,25	6,00
2008	8,41	35,38	18,05	32,50	5,67
2009	6,72	35,54	17,39	33,90	6,44

Окончание табл. 4 на след. стр.

Год	Возраст				
	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50+ лет
2010	5,92	36,20	17,14	34,19	6,55
2011	6,50	35,73	18,50	33,99	5,29
2012	5,69	34,43	18,46	35,69	5,73
2013	4,72	34,03	20,26	35,30	5,69
2014	3,68	34,04	21,64	36,61	4,04
2015	2,62	35,17	18,12	40,27	3,82
2016	4,41	31,06	20,82	39,45	4,26
2017	4,09	29,90	19,27	41,94	4,81
2018	3,72	28,58	17,49	44,78	5,43
2019	3,35	28,86	16,41	44,55	6,83
2020	4,58	24,44	17,92	47,08	5,97
2021	2,83	25,35	15,28	48,35	8,19
2022	1,33	22,39	14,59	55,39	6,30
2023 (1 пол.)	2,48	35,95	10,33	47,52	3,72

Источник: Демография преступлений. Судебный департамент при ВС РФ. http://ou.stat.cdep.ru/stat_OU/cd-prepared-report-search.aspx

Данные, приведенные в таблице 4, демонстрируют, что за исследуемый период вырос удельный вес «молодежной» группы 18–24 лет, а также группы в возрасте 30–49 лет. В целом по этому виду преступлений доля молодежи и подростков в сумме достигает почти 50 %, что не может не беспокоить.

Заключение

Таким образом, выдвинутая гипотеза об увеличении удельного веса молодежи и женщин в некоторых видах преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, за период 2002–2023 гг. подтвердилась. Молодежь активно втянута в приобретение и сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем. Женщины чаще привлекаются за незаконное предпринимательство. В последующем мы предполагаем рассмотреть социальный статус и уровень образования осужденных за преступления в сфере экономической деятельности.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 гг. по теме «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026 on the topic «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in conditions of structural changes.»

Список источников

Alasfour, F., Samy, M., & Bampton, R. (2016). The determinants of tax morale and tax compliance: evidence from Jordan. *Advances in Taxation*, 23, 125–171. <http://doi.org/10.1108/S1058-749720160000023005>

Beccaria, C. (1971). On Crimes and Punishment (1764). In: S. E. Grupp (Ed.), *Theories of Punishment* (pp. 117–137). Bloomington: Indiana University Press.

Becker, G. S. (1968). Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*, 76, 169–217.

Bentham, J. ([1788] 1843). *Principles of Penal Law*. 1 Works, 399.

Eide, E. (2000). Economics of criminal behavior. *Encycl. law Econ.*, 5(2), 345–389.

Hofmann, E., Voracek M., Bock, C., & Kirchler, E. (2017). Tax compliance across sociodemographic categories: Meta-analyses of survey studies in 111 countries. *Journal of Economic Psychology*, 62, 63–71. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2017.06.005>

Levitt, S. D. (2017). The Economics of Crime. *Journal of Political Economy*, University of Chicago Press, 125(6), 1920–1925. <http://doi.org/10.1086/694630>

Musimenta, D. (2020). Knowledge requirements, tax complexity, compliance costs and tax compliance in Uganda. *Cogent Business & Management*, 7(1), 1812220. <http://doi.org/10.1080/23311975.2020.1812220>

Velásquez-Giraldo, M., Canavire-Bacarreza, G., & Lundberg, A. (2023). Crime variability, peer effects, and economic inequality in social networks. *Journal of Economic Criminology*, 1, 100011. <https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2023.100011>

Vincent, O., Stevenson, A., & Owolabi, A. (2023). Do sociodemographic characteristics of SME entrepreneurs influence their tax (non)compliance behaviour? *Journal of Economic Criminology*, 1, 100008. <https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2023.100008>

Информация об авторе

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики УрО РАН; член Общественного совета при ГУ МВД по Свердловской области; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: doroshenko.sv@uiec.ru).

About the author

Svetlana V. Doroshenko — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Sector for Research on Adaptation of Regional Systems, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Member of the Public Council with the Ministry of Internal Affairs for the Sverdlovsk Region; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: doroshenko.sv@uiec.ru).

УДК 330-043.86:314.122

JEL classification: O 15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-4>

Роль населения в развитии экономики¹

Н. З. Зотиков

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия).
<https://orcid.org/0000-0001-5631-9123>

Автор для корреспонденции: Н. З. Зотиков (Zotikovcontrol@yandex.ru).

Аннотация. Развитие экономики страны невозможно без участия общества в производственно-хозяйственной жизни. Процесс воспроизводства трудовых ресурсов и изменение демографии формируют уровень развития экономики. Экономическое развитие страны определяется постоянно растущими потребностями общества. Актуальность темы исследования обусловлена складывающейся неблагоприятной демографической ситуацией в стране. Исходными данными исследования явились данные Росстата, рейтингового агентства РИА Рейтинг. Цель исследования — изучение демографической ситуации в стране, установление взаимосвязи роста населения и роста экономики, их влияние на качество жизни, в статье они рассматриваются во взаимосвязи. Исследованием установлено влияние демографических процессов на социально-экономическое развитие и, в конечном итоге, на качество жизни населения. В качестве объекта исследования выбраны в целом РФ и регионы УрФО как одного из лидеров в рейтинге социально-экономического положения округов. В исследовании использованы методы: анализ и синтез, сравнение, обобщение, группировка, табличный и др. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности при выработке экономической политики.

Ключевые слова: демографическая ситуация; среднегодовая численность работников; доходы населения; прожиточный минимум; валовый региональный продукт; качество жизни

The Role of Population in Economic Development

N. Z. Zotikov

Chuvash State University named after. I. N. Ulyanov (Cheboksary, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-5631-9123>

Corresponding author: N. Z. Zotikov (Zotikovcontrol@yandex.ru).

Abstract. Development of a country's economy is impossible without the participation of society in production and economic life. The reproduction of labour resources and demographics changes affect economic development, which is determined by the ever-growing needs of society. The relevance of the research topic is due to the emerging unfavourable demographic situation in Russia. Data from the Federal State Statistics Service and the rating agency RIA Rating are analysed. The study aims to examine the demographic situation in the country, establish the relationship between population growth and economic growth, their interrelated impact on the quality of life. The influence of demographic processes on socio-economic development, and, ultimately, on the quality of life of the population was confirmed. The entire Russian Federation and regions of the Ural Federal District were selected as one of the leaders in the ranking of the socio-economic situation in the districts. The research used the following methods: analysis and synthesis, comparison, generalisation, grouping, tabular, etc. The findings can be applied in practice when developing economic policy.

Keywords: demographic situation; average annual number of employees; population incomes; minimum wage; gross regional product; quality of life

---

¹ © Зотиков Н. З. Текст. 2024

Введение

Анализ демографической ситуации необходим для понимания основных параметров народонаселения, тенденций их динамики, прогнозирования численности, демографического поведения населения. По мнению исследователей, демографические характеристики населения влияют на воспроизводство трудовых ресурсов, на занятость, безработицу, уровень доходов населения. В триаде трех факторов производства «земля, труд, капитал» труд имеет важнейшее значение. Здесь проявляется взаимосвязь экономического роста и уровня жизни населения. Экономический рост представляет собой увеличение объема создаваемых полезностей, следовательно, повышение уровня жизни населения. Экономический рост предполагает увеличение продолжительности жизни, повышение доходов населения, достижение максимальной занятости. Повышение уровня и качества жизни населения — это не только результат экономического роста, но и его непереносимое условие. Темпы роста населения (за счет естественного прироста, миграции и т. п.) тесно связаны с экономическим развитием регионов. На экономический рост страны влияют не только численность населения и темпы его роста, но и его структура. Это связано с тем, что в составе населения имеются различные группы: дети, работоспособные, пенсионеры и др. Важная роль в экономическом росте отводится трудоспособному населению. Его численность и составляет потенциал экономического роста.

Основная часть

Рассматриваемый в статье вопрос постоянно дискутируется, что свидетельствует о его актуальности. Приведем небольшой обзор литературы. «В связи с разразившейся в начале 2020 г. коронавирусной эпидемией, объявленной пандемией и глобальным экономическим кризисом проблема устойчивого развития в глобальном и региональном аспектах снова стала как никогда актуальна» (Меншуткин & Филатов, 2020, с. 31). Как указывает автор, «при формировании региональной социальной политики на уровне субъекта РФ крайне редко пока учитываются показатели качества жизни и уровня человеческого потенциала конкретной территории» (Фаизова, 2019, с. 137). По ее мнению, тактика развития любого региона должна иметь 2 направления: социальное (цель — повышение уровня жизни и социального благополучия населения), экономическое (цель — развитие конкурентоспособной экономики).

По мнению Н.В. Городновой, «решение проблем повышения качества жизни, развитие среды обитания человека, здравоохранение наряду с образованием, демографией, развитием жилищной сферы, экологией, борьбой с бедностью, реализацией цифровой экономики — одна из первостепенных задач российского государства» (Городнова & Самарская, с.732). Как утверждает В.В. Фаузер, «экономическое благополучие России обеспечивается устойчивым развитием северных регионов. Для их поддержания демографические процессы должны иметь позитивную динамику во времени, а показатели, по их оценке, на текущий момент должны быть выше или ниже общероссийских показателей в зависимости от оцениваемого явления» (Фаузер, 2019).

По мнению А.В. Кутышкина и О.В. Шульгина, «среднегодовая численность занятых в российской экономике является одним из ключевых макроэкономических показателей, характеризующих ее состояние и развитие» (Кутышкин & Шульгин, 2021, с. 74).

Указывая на значимость совокупных доходов населения, В.А. Лопалева и М.С. Лопалева отмечают, что он «может оказывать стимулирующее воздействие на осуществление демографических планов, способствовать укреплению материального благополучия

семей с детьми» (Лопаева & Лопаева, 2022, с. 13). Если в регионе средний доход находится на уровне прожиточного минимума, а индекс Джини говорит о сильной дифференциации доходов, то, следовательно, имеет место обострение социальных проблем в регионе, связанных и с расслоением поселений. Сам факт выплаты заработной платы говорит о наличии в регионе функционирующих предприятий, но и увеличение размера заработной платы делает существенно более значимыми доходы населения региона, что, в свою очередь, составляет прирост ВВП через покупательную способность населения, оживление сферы услуг и непромышленного сектора» (Подвербных & Межова, 2021, с. 1689).

Говоря о миграционной политике, Н.С. Палий отмечает, что она «в будущем должна обеспечивать дефицитные направления кадрами соответствующей квалификации, что предполагает развитие многосторонних навыков и компетенций» (Палий, 2020, с. 99).

В состав социального потенциала О.А. Пахомова и О.А. Дубровина включают такие структурные составляющие, как демографическая ситуация, физическое и психологическое здоровье, интеллектуальный потенциал, уровень жизни, система социальной защиты (Пахомова & Дубровина, 2019). По мнению В.А. Кравченко и А.Г. Туралиной, «продолжительность жизни определяется в первую очередь социально-экономическими условиями, политической ситуацией, а также стабильностью во всех сферах жизнедеятельности, а, следовательно, устойчивостью» (Кравченко & Туралина, 2019, с. 58).

Материалы и методы

Исследование проведено с применением общепринятых методов: анализ и синтез, обобщение, группировка, динамика, сопоставление, табличный и др. Исходной базой исследования послужили статистические данные Росстата по исследуемому вопросу за ряд лет по РФ. В целях обеспечения объективности в качестве объекта исследования выбраны регионы УрФО, занимающие высокие позиции в индивидуальном рейтинге социально-экономического положения, обеспечивающие первенство округа в рейтинге федеральных округов страны.

Результаты

В начале исследования приведем основные демографические показатели по РФ за 2019–2022 гг. (табл. 1).

Согласно данным, представленным в таблице 1, в 2022 г. в сравнении с 2019 г.:

- численность населения уменьшилась на 0,2 %;
- из общей численности численность населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась на 1,0 %, старше трудоспособного возраста — на 2,1 %, в трудоспособном возрасте увеличилась — на 0,9 %;
- численность рабочей силы уменьшилась на 0,6 %, при этом в процентах от трудоспособного населения — уменьшилась с 91,2 до 89,8 %;
- уровень занятости увеличился на 0,7 % при снижении уровня безработицы на 15,2 %;
- среднегодовая численность работников организаций уменьшилась на 2,2 %;
- ожидаемая продолжительность жизни уменьшилась на 0,8 %;
- количество браков увеличилось на 10,9 %, разводов на 10,0 %;
- численность прибывших в РФ увеличилась на 4,2 %, численность выбывших на 60,6 %.

Таблица 1

Основные демографические показатели по РФ

Показатели	Значение показателя по годам				2022 / 2019, %
	2019	2020	2021	2022	
Численность населения, тыс. чел.	146749	147456	146980	146447	99,8
в т. ч. городское	109563	110221	109982	109655	100,0
Из общей численности населения население					
Моложе трудоспособного	27442	27384	27308	27160	99,0
В трудоспособном	82678	82927	84400	83440	100,9
Старше трудоспособного	36629	37145	35272	35847	97,9
Численность рабочей силы, тыс. чел.	75398	74923	75350	74924	99,4
в т. ч. занятые	71933	70601	71719	71974	100,0
Уровень занятости, %	59,4	58,4	59,4	59,8	100,7
Уровень безработицы, %	4,6	5,8	4,8	3,9	84,8
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	71064	69550	70818	71217	100,2
Среднегодовая численность работников организаций, тыс. чел.	43888	43317	42996	42923	97,8
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	73,34	71,54	70,06	72,73	99,2
Браки, тыс.	950,2	770,9	923,6	1053,8	110,9
Разводы, тыс.	620,7	564,7	644,2	682,9	110,0
Прибыло в РФ, чел.	701234	594146	687922	730347	104,2
Выбыло из РФ, чел.	416131	487672	238020	668430	160,6
Число родившихся, чел.	1481074	1436514	1398253	1304067	88,0
Число умерших, чел.	1798307	2138586	2441594	1898644	105,6
Естественный прирост (убыль), чел.	-317233	-702072	-1043341	-594557	187,4
На 1000 чел. населения					
Родившихся	10,1	9,7	9,5	8,9	88,1
из них детей до 1 года	4,9	4,5	4,6	4,4	97,8
Естественный прирост (убыль)	-2,2	-4,8	-7,1	-4,0	181,8
Число браков	6,5	5,2	6,3	7,2	110,8
Число разводов	4,2	3,8	4,4	4,7	111,9
Миграционный прирост (убыль)	1,9	1,3	3,9	0,4	21,0

Источник: Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. Росстат, Москва, 2023. 701 с. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

В расчете на 1000 чел. населения:

- численность родившихся уменьшилась на 11,9 % при увеличении числа умерших на 4,9 %, естественная убыль увеличилась на 81,8 %;
- число браков увеличилось на 10,8 %, разводов на 11,9 %;
- миграционный прирост уменьшился с 1,9 до 0,4.

Далее рассмотрим уровень жизни населения (табл. 2).

Согласно данным, приведенным в таблице 2, в 2022 г. в сравнении с 2019 г.:

- среднедушевые денежные доходы увеличились на 26,6 %;
- среднемесячная начисленная зарплата работников организаций на 36,5 %.
- величина ПМ увеличилась на 27,8 %;
- численность населения с доходами ниже ПМ уменьшилась с 18,0 до 14,3 млн чел., или на 20,6 %, в процентах от общей численности населения – с 12,3 до 9,8 %.

Таблица 2

Уровень жизни населения

Показатель	Значение показателя по годам				2022 / 2021, %
	2019	2020	2021	2022	
Среднедушевые денежные доходы, руб.	35506	36240	40304	44937	126,6
Среднемесячная начисленная зарплата работников организаций, руб.	47867	51344	57244	65338	136,5
Величина ПМ, руб.	10890	11312	11653	13919	127,8
Численность населения с доходами ниже ПМ:					
млн чел.	18,0	17,7	16,0	14,3	79,4
% от общей численности	12,3	12,1	11,0	9,8	79,7
Структура денежных доходов населения, руб.					
Всего доходов	62532	63692	70548	79114	126,5
в т. ч. доходы от оплаты труда	41863	41128	45587	52227	124,8
то же, в % от доходов	66,9	64,6	64,6	66,0	98,6

Источник: Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. Росстат. Москва, 2023. 701 с. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

В структуре доходов доходы от оплаты труда увеличились на 24,8 %, их доля составляет более 66 %. По мнению М.В. Емельяновой и Н.А. Залевской, политика оплаты труда должна быть эффективной, служить мотивацией персонала к труду (Емельянова & Залевская, 2021).

«Рост реальной заработной платы, сопровождающийся повышением платежеспособного спроса населения, может оказать стимулирующее воздействие на ускорение экономического роста» (Подлеснова & Чикалина, 2020, с. 199–200).

Для России характерен высокий уровень дифференциации населения по уровню доходов (табл. 3).

Таблица 3

Социально-экономическая дифференциация населения РФ по уровню доходов, %

Показатель	Значение показателя по годам				2022 / 2019, %
	2019	2020	2021	2022	
Все население	100	100	100	100	100
В т. ч. с доходами в месяц до:					
7000 руб.	4,1	3,5	2,7	1,4	34,1
19000 руб.	29,1	28,0	24,3	18,9	64,9
27000 руб.	17,8	17,9	17,1	16,1	90,4
45000 руб.	24,6	25,3	25,9	27,4	111,4
60000 руб.	10,2	10,6	11,7	13,5	132,3
75000 руб.	5,6	5,8	6,8	8,1	144,6
100000 руб.	4,5	4,7	5,8	7,2	160,0
св. 100000 руб.	4,1	4,2	5,7	7,4	180,5
Медианный среднедушевой денежный доход, руб.	26364	27036	30083	34806	132,0
Модальный среднедушевой доход, руб.	14759	15513	17012	20429	138,4
Коэффициент фондов	15,6	14,9	15,2	13,8	88,5
Коэффициент Джини	0,412	0,406	0,409	0,395	95,9
Дефицит денежного дохода, млрд руб.	720,4	728,6	695,6	690,2	95,8
в % от общего объема дохода населения	1,2	1,1	1,0	0,9	75,0

Источник: Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. Росстат. Москва, 2023. 701 с. <http://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

Как следует из данных таблицы 3, в 2022 г. в сравнении с 2019 г.: доля населения с денежными доходами от 7000 до 27000 руб. уменьшилась в целом с 51,0 до 36,4 %, свыше 27000 руб. увеличилась, в том числе с доходами до 45000 руб. на 11,4 %, свыше 100000 руб. на 80,5 %; медианный среднедушевой денежный доход с 26364 руб. увеличился до 34806 руб.; модальный среднедушевой денежный доход увеличился с 14759 руб. до 20429 руб.

Коэффициент фондов уменьшился с 15,6 до 13,8, коэффициент Джини уменьшился с 0,412 до 0,395.

Размер прожиточного минимума составляет 44,2 % от медианного дохода. По мнению А.Н. Зубеца и соавторов, «устанавливаемые на федеральном и региональном уровнях величины прожиточного минимума не позволяют обеспечить удовлетворение жизненных потребностей бедной части российского населения» (Зубец и др., 2018, с. 142).

Дефицит денежного дохода уменьшился с 720,4 до 690,2 млрд руб. Далее рассмотрим показатели по регионам УрФО (табл. 4).

Таблица 4

Показатели по регионам УрФО

Годы	УрФО	в том числе области, автономные округа					
		Курган- ская	Свердлов- ская	ХМАО- Югра	ЯНАО	Тюмен- ская	Челябин- ская
Численность населения, тыс. чел.							
2019	12360,7	827,2	4310,7	1674,7	544,4	1537,4	3466,3
2022	12259,1	761,6	4239,1	1730,4	512,4	1608,5	3407,1
2022 / 2019,%	99,2	92,1	98,3	103,3	94,1	104,6	98,3
Численность рабочей силы, тыс. чел.							
2019	6322	365	2125	915	315	727	1875
2022	6190	364	2087	911	316	727	1785
2022 / 2019,%	97,9	99,7	98,2	99,6	100,3	100,0	95,2
в том числе занятые, тыс. чел.							
2019	6051	337	2035	892	309	697	1780
2022	5987	341	2015	893	310	698	1730
2022 / 2019,%	98,9	101,2	99,0	100,1	100,3	100,1	97,2
безработные, тыс. чел.							
2019	271	28	89	22	6	30	95
2022	204	23	72	18	5	29	56
2022 / 2019,%	75,3	82,1	80,9	81,8	83,3	96,7	58,9
Уровень занятости, %							
2019	60,7	48,8	57,7	69,1	74,4	58,5	62,4
2022	60,3	50,9	57,8	67,5	73,1	57,2	61,7
2022 / 2019,%	99,3	104,3	100,2	97,7	98,2	97,8	98,9
Уровень безработицы, %							
2019	4,3	7,8	4,2	2,5	1,9	4,1	5,1
2022	3,3	6,5	3,5	2,0	1,7	3,9	3,1
2022 / 2019,%	76,7	83,3	83,3	80,0	89,5	95,1	60,8

Окончание табл. 4 на след. стр.

Годы	УрФО	в том числе области, автономные округа					
		Курганская	Свердловская	ХМАО-Югра	ЯНАО	Тюменская	Челябинская
Ожидаемая продолжительность жизни, лет							
2019	72,52	71,14	71,81	75,04	74,18	72,75	72,08
2022	72,41	69,88	71,31	75,41	74,82	73,59	72,16
2022 / 2019,%	99,8	98,2	99,3	100,5	100,9	101,1	100,1
Суммарный коэффициент рождаемости, лет							
2019	1,623	1,642	1,616	1,764	1,825	1,749	1,476
2022	1,594	1,684	1,557	1,669	1,916	1,720	1,468
2022 / 2019,%	98,2	102,6	96,3	94,6	105,0	98,3	99,3
Младенческая смертность							
2019	4,6	4,9	4,7	4,1	5,5	4,2	4,9
2022	4,2	6,2	4,7	3,2	3,5	3,8	4,2
2022 / 2019,%	91,3	126,5	100,0	78,0	60,0	90,5	85,7
Коэффициент миграционного прироста (убыли)							
2019	16,3	-30,4	14,7	1,4	-24,3	102,4	5,2
2022	1,3	-58,2	-12,1	50,4	-53,8	32,4	0,05
2022 / 2019,%	8,0	191,4	—	36 раз	221,3	31,6	1,0
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.							
2019	36855	21304	39094	53208	83088	30662	25425
2022	45544	28401	46187	63454	116639	36682	33071
2022 / 2019,%	123,6	133,3	118,1	119,2	140,4	119,6	130,1
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.							
2019	51092	30632	41110	75087	101012	48613	37433
2022	68084	41792	55308	97562	131516	61901	50104
2022 / 2019,%	133,2	136,4	134,5	129,9	130,2	127,3	133,8
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %							
2019	—	19,6	8,9	8,9	5,6	14,7	12,8
2022	—	17,0	8,3	7,2	4,5	12,3	11,3
2022 / 2019,%	—	86,7	93,2	80,9	80,4	83,7	88,3
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.							
2019	2967,3	40,7	392,7	986,4	943,8	302,7	300,9
2022	4071,3	54,7	541,7	1329,4	1414,7	357,8	373,1
2022 / 2019,%	137,2	134,4	137,9	134,8	149,9	118,2	124,0

Источники: Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. Росстат. Москва, 2023. 701 с. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Инвестиции в основной капитал по субъектам РФ. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/invest_sub.xlsx

Согласно данным таблицы 4, в 2022 г. в сравнении с 2019 г.:

– численность населения УрФО уменьшилась на 0,8 %, в том числе в Курганской области – на 7,9 %, увеличилась в ХМАО-Югре на 3,3 %, Тюменской области – на 4,6 %; при этом доля Свердловской области составляет 34,9 %, ЯНАО 4,2 % от общей численности населения округа;

- численность рабочей силы уменьшилась по УрФО на 2,1 %, снижение имеет место во всех регионах, за исключением ЯНАО (рост на 0,3 %); на долю Свердловской области приходится 1/3 часть рабочей силы округа, на ЯНАО — 5,0 %, Курганскую область — 5,8 %;
- численность занятых уменьшилась по УрФО на 1,1 %, 1/3 числа занятых зарегистрирована в Свердловской области, незначительна их доля в ЯНАО (5,1 %), Курганской области (5,5 %);
- численность безработных уменьшилась по УрФО на 24,7 %, в том числе в Челябинской области на 41,1 %;
- по уровню занятости лидирует ЯНАО (73–74 %), низкий показатель имеет Курганская область (50 %);
- уровень безработицы значительно снизился по округу и всем регионам, максимальное значение имеет Курганская область, минимальное значение — ЯНАО, ХМАО-Югра;
- ожидаемая продолжительность жизни по округу в 2022 г. составляла 72,41 лет, ниже этого показателя зафиксировано в Курганской, Свердловской, Челябинской областях;
- суммарный коэффициент рождаемости (коэффициент фертильности). Для сохранения численности населения на одном уровне нужен суммарный коэффициент рождаемости около 2,1 рождения на женщину в течение жизни. Показатель по УрФО снизился и составил в 2022 г. 1,594; ниже этого показателя имеют Свердловская и Челябинская области, максимальное значение — ЯНАО (1,916);
- младенческая смертность уменьшилась по округу и регионам, кроме Курганской области; выше среднего значения по округу (4,2) имеют Курганская область (6,2), Свердловская область (4,7);
- коэффициент миграционного прироста увеличился по УрФО в 8 раз, Тюменской области на 31,6 %, ХМАО-Югра в 36 раз; коэффициент миграционной убыли увеличился в Курганской области на 91,4 %, ЯНАО в 2,2 раза;
- среднедушевые денежные доходы населения увеличились по УрФО на 23,6 % и составили в 2022 г. 45544 руб.; выше этого значения в 2022 г. имеют ЯНАО (116639 руб.), ХМАО-Югра (63454 руб.), минимальное значение показателя имеет Курганская область (28401 руб.);
- среднемесячная начисленная заработная плата увеличилась по округу с 51092 до 68084 руб., выше этого значения имеют ЯНАО (131516 руб.), ХМАО-Югра (97562 руб.), минимальное значение имеет Курганская область (41792 руб.);
- доля населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась по округу и всем регионам, однако остается на высоком уровне в Курганской области (17,0 %), Тюменской области (14,7 %);
- инвестиции в основной капитал увеличились по округу и всем регионам, при этом более двух третей всей суммы инвестиций приходится на ХМАО-Югра и ЯНАО, незначительна сумма инвестиций в Курганскую область (1,3 %).

Основным обобщающим показателем экономической деятельности региона, характеризующим процесс производства товаров и услуг, является валовой региональный продукт (табл. 5).

В соответствии с данными таблицы 5, в 2021 г. в сравнении с 2019 г.: ВВП по РФ увеличился на 27,5 %, по УрФО на 25,8 %; при этом доля УрФО в ВВП по РФ уменьшилась с 14,0 до 13,8 %; в ВРП УрФО значительна доля ХМАО-Югры (33–34 %), ЯНАО (24–25 %), незначительна доля Курганской области (менее 2,0 %), Тюменской области (до 10 %). ВРП на душу населения увеличился по РФ на 28,3 % и составил в 2021 г. 830,9 тыс. руб.

Таблица 5

ВВП по РФ, ВВП по субъектам УрФО, ВВП на душу населения

Регион	ВВП, млрд руб.			ВВП на душу населения, тыс. руб.		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
РФ	95060,7	94410,2	121183,0	647,7	644,6	830,8
УрФО	13272,0	11636,2	16699,0	1074,2	942,6	1356,3
Курганская область	236,8	240,2	268,5	285,0	291,9	330,6
Свердловская область	2535,2	2512,6	3038,4	587,8	584,3	710,4
ХМАО-Югра	4558,9	3341,8	5651,9	2731,1	1987,8	3334,5
ЯНАО	3158,8	2767,7	4161,5	5817,8	5071,6	7572,4
Тюменская область	1234,7	1171,0	1536,0	2393,5	1932,6	2992,8
Челябинская область	1547,5	1602,7	2042,6	445,8	463,9	595,4

Источник: Валовый региональный продукт по субъектам РФ. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xls

по УрФО на 26,3 % и составил 1356,3 тыс. руб. В трех регионах (ХМАО-Югре, ЯНАО и Тюменской области) показатель выше значения по округу и РФ в целом: в ХМАО-Югре (3334,5 тыс. руб.), ЯНАО (7572,4 тыс. руб.), Тюменской области (2992,8 тыс. руб.). Ниже среднего показателя по округу ВВП на душу населения в Курганской области (330,6 тыс. руб.), Челябинской области (595,4 тыс. руб.), Свердловской области (710,4 тыс. руб.). На основании 4 групп показателей — масштаба экономики (объем производства товаров и услуг, объем доходов бюджета, численность занятых в экономике), эффективности экономики (объем производства товаров на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, доля прибыльных предприятий), бюджетной сферы (доходы бюджета на душу населения, дефицит бюджета), социальной сферы (уровень безработицы, ожидаемая продолжительность жизни, уровень младенческой смертности) — рейтинговое агентство РИА Рейтинг, начиная с 2011 г., проводит ранжирование регионов по уровню социально-экономического положения (табл. 6).

Как показывают данные таблицы 6, 3 региона округа (ХМАО-Югра, ЯНАО, Свердловская область) за все приведенные в таблице периоды сохраняют ведущие места в рейтинге, входя в первую десятку; Тюменская область занимает 10–11-е

Таблица 6

Рейтинг социально-экономического положения регионов

Годы	Баллы / место	Рейтинговая позиция областей, автономных округов					
		Курганская	Свердловская	ХМАО-Югра	ЯНАО	Тюменская	Челябинская
2019	Баллы	26,511	69,278	77,763	69,361	64,386	57,609
	Место	73	7	3	6	10	17
2020	Баллы	23,553	62,167	74,782	65,340	56,904	51,997
	Место	74	7	3	6	11	19
2021	Баллы	27,235	69,225	76,468	71,911	62,058	62,149
	Место	75	7	5	6	14	13
2022	Баллы	28,459	68,506	75,929	73,654	60,810	59,911
	Место	73	7	4	6	11	14

Источник: Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html>

Таблица 7

Рейтинг качества жизни

Годы	Баллы / место	Рейтинговая позиция областей, автономных округов					
		Курганская	Свердловская	ХМАО-Югра	ЯНАО	Тюменская	Челябинская
2019	Баллы	29,409	57,141	58,813	58,181	57,022	52,118
	Место	81	13	10	12	14	24
2020	Баллы	30,454	56,590	60,523	57,916	56,780	51,230
	Место	79	15	9	11	14	25
2021	Баллы	33,109	59,037	62,002	58,483	57,739	53,801
	Место	77	13	8	15	16	25
2022	Баллы	36,969	61,334	63,536	59,548	61,108	57,532
	Место	77	14	9	17	16	24

Источник: Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html>

места, Челябинская область переместилась с 17-го на 14-е место, лишь один регион (Курганская область) занимает места в 8-й десятке. Высокий уровень социально-экономического развития регионов обеспечивает высокие места регионов и в рейтинге качества жизни населения, проводимом РИА Рейтинг на основании более 70 показателей (табл. 7).

Согласно данным таблицы 7, в первую десятку рейтинга входит лишь один регион округа — ХМАО-Югра, во вторую десятку 3 региона — Свердловская и Тюменская области, ЯНАО. Курганская область с 81-го переместилась на 77-е место.

Заключение

В процессе исследования установлено, что наблюдается тенденция снижения численности населения, в том числе занятого. Причины этого: большая доля разводов (более 65 % от количества браков), снижение миграционного прироста (в расчете на 1000 чел. с 1,9 до 0,4 в 2022 г.), увеличение естественной убыли населения на 87,4 % (на 1000 чел. населения с -2,2 до -4,0), низкий суммарный коэффициент рождаемости (при необходимом уровне 2,1 по УрФО в 2022 г. 1,594), снижение доли доходов от оплаты труда в структуре денежных доходов. Значительна доля УрФО в экономике: доля численности населения округа 8,3–8,4 % от общей численности населения РФ, при этом его доля в ВВП страны составляет 13,8–14,0 %; среднедушевые денежные доходы, среднемесячная начисленная заработная плата в УрФО незначительно превышает показатель по РФ, в то же время в 2022 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума превышает среднее значение по РФ (9,8 %) по Курганской, Тюменской и Челябинской областям. Места всех регионов округа в рейтинге качества жизни населения уступают местам, занимаемым ими в рейтинге СЭП.

Список источников

Городнова, Н. В., Самарская, Н. А. (2019). Повышение качества жизни граждан России в процессе реализации инновационных проектов. *Вопросы инновационной экономики*, 9(3), 721–734. <http://doi.org/10.18334/vinec.9.3.40917>

Емельянова, М. В., Залевская, Н. А. (2021). Оплата труда как основа мотивационного стимулирования в современной экономике. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, 2(87), 178–190. <http://doi.org/10.21295/2223-5639-2021-2-178-190>

Зубец, А. Н., Новиков, А. В., Оборский, О. Ю. (2018). Теоретико-методологические подходы к исследованию бедности в России. *Экономика. Бизнес. Банки*, 2, 134–148.

Кравченко, В.А., Туралина, А. Г. (2019). Устойчивое развитие экономических систем в контексте глобальных вызовов современности. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 4, 56–64.

Кутьшкин, А. В., Шульгин, О. В. (2021). Использование сценарного подхода при краткосрочном прогнозировании занятости в региональной экономике. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*, 10(2), 74–80. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2021-2-74-80>

Лопаева, В. А., Лопаева, М. С. (2022). Факторы продолжительности жизни в российских регионах. *Социальное пространство*, 8(2). <http://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.1>.

Меншуткин, В. В., Филатов, Н. Н. (2020). Опыт оценки состояния и прогнозирования социо-эколого-экономической системы: к вопросу устойчивого развития региона. *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, 26(1), 30–44. <http://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-30-44>

Палий, Н. С. (2020). Трудовая миграция в условиях кризиса. *Вестник Автомобильно-дорожного института*, 4(35), 95–101.

Пахомова, О. А., Дубровина, О. А. (2019). Социальный потенциал региона как фактор развития территории. В: *Социально-экономическое развитие России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 14 мая 2019 года* (с. 25–30). Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом „Среда”».

Подвербных, О. Е., Межева, И. А. (2021). Денежные доходы населения в системе устойчивого развития региона. *Вопросы инновационной экономики*, 11(4), 1687–1704. <http://doi.org/10.18334/vines.11.4.113844>

Подлеснова, Е. В., Чикалина, Е. А. (2020). Аудит расчетов с персоналом по оплате труда в условиях развивающейся экономики. *Хроноэкономика*, 3(24), 199–203.

Фаизова, Л. Р. (2019). Статистический анализ качества жизни населения. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 5, 136–143. <http://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-5-136>

Фаузер, В. В. (2019). Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России. *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*, 22(27), 114.

References

Emelianova, M. V., & Zalevskaia, N. A. (2021). Labor remuneration as a basis of motivative incentives in modern economy. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava [Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law]*, 2(87), 178–190. <http://doi.org/10.21295/2223-5639-2021-2-178-190> (In Russ.)

Faizova, L. R. (2019). Statistical analysis of quality of life of the population. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii [Intelligence. Innovation. Investments]*, 5, 136–143. <http://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-5-136> (In Russ.)

Fauser, V. V. (2019). Demographic and labor factors of sustainable development of the northern regions of Russia. *Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Teoriya i praktika upravleniya [Theory and Practice of Management]*, 22(27), 114. (In Russ.)

Gorodnova, N. V., & Samarskaya, N. A. (2019). Improving the quality of life of Russian citizens in the process of implementation of innovative projects. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian journal of innovation economics]*, 9(3), 721–734. <http://doi.org/10.18334/vines.9.3.40917> (In Russ.)

Kravchenko, V. A., & Turalina, A. G. (2019). Sustainable development of economic systems in the context of global challenges of modernity. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta [Newsletter of North-Caucasus Federal University]*, 4, 56–64. (In Russ.)

Kutyshkin, A. V., & Shulgin, O. V. (2021). Use of scenarious approach in short-term employment forecasting in the regional economy. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy [Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies]*, 10(2), 74–80. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2021-2-74-80> (In Russ.)

Lopaeva, V. A., & Lopaeva, M. S. (2022). Life Expectancy Factors in Russian Regions. *Sotsialnoe prostranstvo [Social Area]*, 8(2), <http://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.1> (In Russ.)

Menshutkin, V. V., & Filatov, N. N. (2020). Experience of assessing state and forecasting of socio-ecological-economic system: to the question of sustainable development of the region. *InterCarto. InterGIS*, 26(1), 30–44. <http://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-30-44> (In Russ.)

Pakhomova, O. A., & Dubrovina O. A. (2019). The social potential of the region as a factor in the development of the territory. In: *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye Rossii: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Cheboksary, 14 maya 2019 goda [Socio-economic development of Russia: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary, May 14, 2019]* (pp. 25–30). Cheboksary: Limited Liability Company «Publishing House «Wednesday». (In Russ.)

Paliy, N. S. (2020). Labour migration in the conditions of the crisis. *Vesti Avtomobilno-dorozhnogo instituta [Bulletin of the Automobile and Highway Institute]*, 4(35), 95–101. (In Russ.)

Podlesnova, E. V., & Chikalina, E. A. (2020). Auditing of settlements with personnel on remuneration in a developing economy. *Khronoekonomika [Chronoeconomics]*, 3(24), 199–203. (In Russ.)

Podverbnykh, O. E., & Mezhova, I. A. (2021). Money incomes of the population in the system of regional sustainable development. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian journal of innovation economics]*, 11(4), 1687–1704. <http://doi.org/10.18334/vinec.11.4.113844> (In Russ.)

Zoubets, A. N., Novikov, A. V., & Oborsky, A. Y. (2018). Theoretical and methodological approaches to poverty research in Russia. *Ekonomika. Biznes. Banki [Economy. Business. Banks]*, 2, 134–148. (In Russ.)

Информация об авторе

Зотиков Николай Зотикович — кандидат экономических наук, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, <https://orcid.org/0000-0001-5631-9123> (Российская Федерация, 428015, Чебоксары, Московский просп., 15; e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru).

About the author

Nikolay Z. Zotikov — Cand. Sci. (Econ), Chuvash State University named after. I. N. Ulyanov; <https://orcid.org/0000-0001-5631-9123> (15, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russian Federation; e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru).

УДК 314.04

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-5>

Демографические процессы в муниципальных образованиях Республики Саха (Якутия)¹

В. И. Кондратьева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-4373-3189>

Автор для корреспонденции: В. И. Кондратьева (kwi202@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается влияние демографических процессов, а также формирование трудовых ресурсов в контексте социально-экономического развития муниципальных образований и их взаимовлияние с близко расположенными и граничащими территориями. Основными методами исследования стали анализ и синтез, статистические методы, методы обобщения, систематизации и сравнения. Исследуется влияние демографических факторов, таких как численность населения, возрастная структура, уровень образования, на социально-экономическое развитие муниципальных образований с различной структурой экономики, располагающихся в непосредственной территориальной близости, на экономическую активность и социальное благополучие населения, а также на развитие инфраструктуры и инноваций в этих муниципальных образованиях, повышение их конкурентоспособности на региональном уровне. Представлена динамика отдельных демографических процессов и пространственных отличий по характеру демографического развития муниципальных образований, позволяющая оценить влияние на функционирование пространственного развития в республике.

Ключевые слова: демография; рынок труда; муниципальный район; Якутия

Demographic Processes in Municipalities of the Republic of Sakha (Yakutia)

V. I. Kondratieva

North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-4373-3189>

Corresponding author: V. I. Kondratieva (kwi202@mail.ru).

Abstract. The article examines the influence of demographic processes, as well as the formation of labour resources in the context of socio-economic development of municipalities and their interconnection with nearby and bordering territories. To this end, the methods of analysis and synthesis, statistical methods, generalisation, systematisation and comparison were applied. The influence of demographic factors, such as population size, age structure, education level, on socio-economic development of municipalities with different economic structures and territorial proximity is studied. Additionally, the paper considers the effect of these factors on economic activity and social well-being of the population, as well as the development of infrastructure and innovation in these municipalities, increasing their competitiveness at the regional level. The dynamics of individual demographic processes and spatial differences in demographic development of municipalities are presented in order to assess the impact on the functioning of spatial development in the republic of Sakha.

Keywords: demography; labour market; municipal district; Yakutia

Введение

Актуальность предлагаемой темы продиктована необходимостью реализации региональной демографической политики, оказывающей положительное влияние

¹ © Кондратьева В. И. Текст. 2024

на социально-экономическое развитие региона в изменившихся современных условиях. Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных исследователей, посвященных анализу демографической ситуации: В.Н. Архангельского, Д.И. Валентя, А.Г. Вишневого, В.В. Елизарова, Н.В. Зубаревич, А.Н. Пилясова, С.В. Рязанцева, Л.Л. Рыбаковского (Архангельский, 2006; Валентей & Кваша, 1989; Вишневский, 2006; Зубаревич, 2012; Пилясов, 2022), а также региональных ученых: А.С. Барашковой, Т.С. Мостаховой, С.А. Сукневой, Е.Н. Федоровой, В.И. Кондратьевой (Рязанцев & Мирязов, 2021; Рыбаковский, 2008; Барашкова, 2009; Мостахова, 2009; Сукнева, 2017; Кондратьева и др., 2018) и др. Социально-экономическая обусловленность демографических процессов оказывает существенное воздействие на составляющие демографического потенциала, приводя к изменению количественных и качественных характеристик населения. Для Республики Саха (Якутия) с ее огромной территорией, дифференциацией природно-климатических и социально-экономических условий актуальным представляется анализ демографических процессов на локальных территориях республики. В статье рассматриваются влияние демографических процессов, а также формирование трудовых ресурсов в контексте социально-экономического развития муниципальных образований и их взаимовлияние как соседствующих районов — полюсов роста промышленности (Мирнинский район и Ленский район), и с менее развитой экономикой (Олекминский район, Анабарский долган-эвенкийский улус (район) и Оленёкский эвенкийский национальный улус (район)). Характеризуя социально-экономическое положение исследуемых муниципальных образований, важно отметить, что территории западной части Якутии являются абсолютным драйвером экономического роста с ярко выраженной специализацией добычи полезных ископаемых в отличие от территорий Арктической зоны. В Западной Якутии развит минерально-сырьевой центр (Мирнинский район, флагман алмазодобычи страны), в перспективные многопрофильные центры экономического роста входят Ленский, Олекминский, Анабарский долган-эвенкийский районы, где устанавливаются тесные производственные связи, реализуются крупные инвестиционные проекты мирового уровня, ориентированные на экспорт продукции. Оленёкский эвенкийский национальный район — типичная сельская территория, сохранившая традиционные виды жизнедеятельности — КМНС¹. Каждое территориальное образование является уникальным объектом, в котором динамика демографических процессов имеет свои особенности и поэтому заслуживает пристального изучения. Сегодня происходит смена факторной ориентации при размещении производительных сил, суть которой заключается в снижении значения территориальных факторов естественного происхождения (наличие сырьевой базы, транспортно-транзитных возможностей и рынков сбыта), и наоборот, в росте значимости искусственной среды (благоприятных инвестиционных условий, рынка труда, комфортной городской среды, транспортной доступности, креативного пространства для инноваторов и др.) и, как следствие, в нарастании мобильности трудовых ресурсов, в идеале трансформирующем каркас системы расселения. Проблематика устойчивого социально-экономического развития, социально-демографических систем отдельных территорий, обладающих выраженной спецификой и ресурсной специализацией,

¹Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-п. <http://static.government.ru/media/files/OegcG5FnVBbtQTLnXE7JsYOmARth5nP.pdf>

на основе статистических показателей муниципальных образований Республики Саха (Якутия) представлена за продолжительное время с 2000 г. по 2022 г., влияющих на социально-демографические процессы муниципальных образований и региона в целом. Рассмотрены такие показатели, как площадь, административно-территориальное деление, демографическая ситуация и человеческий потенциал, социальная сфера, природно-ресурсный потенциал, структура экономики муниципального образования, сельское хозяйство и др. Следует отметить значительную дифференциацию территорий по уровню доходов семей, по уровню комфортабельности проживания населения, доступности объектов социального, культурного и бытового назначения, требующую поиска согласованных действий главных акторов по сокращению межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения.¹

Основная часть

Важнейшей особенностью современного этапа минерально-сырьевого природопользования в Республике Саха (Якутия) выступает высокий уровень регионализации процессов природопользования, который выражается в значительном вовлечении в хозяйственный оборот новых территорий муниципальных образований ранее не эксплуатируемых месторождений полезных ископаемых. С принятием Схемы-2020² с 2007 г. в республике начинается реализация кластерной политики в формировании крупных промышленных узлов. Взят курс на комплексный подход к развитию территории, где были взаимосвязаны друг с другом освоение минеральных ресурсов, их первичная переработка, на единой энергетической, транспортной и социальной инфраструктуре. Крупных промышленных узлов или кластеров в республике было намечено три: в Западной Якутии, в Северо-Восточной и Южной Якутии. Благодаря реализации ключевых инвестиционных проектов в Западной экономической зоне формируется мощный территориально-промышленный комплекс, включающий Мирнинскую комплексную провинцию, которая специализируется на добыче алмазов, и Ленский промышленно-инфраструктурный узел, специализирующийся на добыче и транспортировке нефти и природного газа. Характеризуя Арктическую зону, площадь которой составляет 52 % всей территории республики, на ней проживает чуть более 7 % населения (68,2 тыс. чел.). В Арктической зоне Якутии расположено 70 % населенных пунктов республики, отнесенных к местам компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Четыре района наделены статусом национальных, в том числе Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) и Оленёкский эвенкийский национальный улус (район). В республике самая низкая плотность населения среди регионов России — 0,32 чел. / км², при этом в Оленёкском эвенкийском национальном улусе — 0,01 чел. / км², что является причиной ряда особых характеристик и тенденций в его развитии. Территория республики всегда отличалась слабой заселенностью. Низкая плотность населения снижает эффективность использования ресурсов и инфраструктуры, влечет за собой проблемы в сфере образования

---

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Информационно-правовой портал «Гарант». <http://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 18.01.2024).

² Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) на период до 2020 года. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 6.09.2006 № 411, одобрена Правительством РФ (протокол № 5 от 8.02.2007). Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 16.01.2024).

и здравоохранения. Отдаленность некоторых населенных пунктов и небольшое число жителей делают организацию качественного и доступного образования сложной задачей. То же самое относится и к оказанию медицинских услуг. В исследуемых районах 4 города, 7 поселков городского типа и 83 сельских населенных пункта. Поселки городского типа выполняют функции административных центров, в которых сосредоточены предприятия горнодобывающей промышленности, транспорта, строительства и сферы услуг. Специализация и направления деятельности у всех исследуемых муниципальных районов различны. Как и в целом по республике, высока доля сельского населения. Влияние демографических процессов на развитие муниципальных территорий заключается в изменении численности и структуры населения. Численность населения и его возрастная структура оказывают существенное влияние на экономическую активность, потребительский спрос и рыночные потребности. Республика Саха (Якутия) характеризуется стабильным ростом численности населения и с 2000 г. увеличилась на 3,6 % и составила на 1 января 2023 г. 997,6 тыс. чел., при этом доля городского населения возросла значительно — на 8,8 %, и сосредоточена в г. Якутске (54 %) (табл. 1).

В 2023 г. население Якутии превысило 1 млн чел. Увеличение численности населения республики происходит благодаря сохраняющемуся естественному приросту, а также снижению миграционного оттока. В Республике Саха (Якутия) реализуются и совершенствуются меры социальной поддержки семей с детьми, внедряются новые меры поддержки, направленные на стимулирование рождаемости. Благодаря принимаемым мерам, демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия) оценивается как достаточно благоприятная по сравнению с многими субъектами России. Якутия в 2022 г. занимала 50-е место среди субъектов РФ и 3-е место в Дальневосточном федеральном округе (после Приморского и Хабаровского краев). По численности населения

Таблица 1

**Численность населения в муниципальных районах Республики Саха (Якутия)
на начало года, чел.**

Улусы (районы)	Численность населения по годам						2022 / 2000
	2000	2010	2015	2020	2021	2022	
Республика Саха	962507	958528	956896	971996	997833	997565	103,6
городское население	616028	614545	624708	642708	668425	670281	108,8
сельское население	346479	343983	332188	329288	329408	327284	94,5
Анабарский (сельское)	3862	3501	3587	3653	3479	3454	89,4
Ленский	41821	39765	37944	36333	32362	32106	76,8
городское население	35684	34585	33042	31650	28344	28138	78,8
сельское население	6137	5180	4902	4683	4018	3968	64,6
Мирнинский	85564	75990	70866	72201	71455	71308	83,3
городское население	81241	73217	68332	69767	68783	68683	84,5
сельское население	4323	2773	2534	2434	2673	2625	60,7
Олёкминский	28815	26785	25466	24490	20938	20691	71,8
городское население	11277	9494	9178	9164	8382	8454	75,0
сельское население	17538	17291	16288	15326	12556	12134	69,2
Оленёкский (сельское)	4129	4127	3967	4247	4335	4361	105,6

Источник: составлено автором по данным: Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. 2022. Якутск: Территориальный орган государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2023. 542 с.

населенными территориями являются Мирнинский, Ленский и Олекминский районы. Малонаселенными — Оленёкский и Анабарский улусы. За 20 лет численность населения в этих районах сократилась, кроме Оленёкского улуса. Значительное сокращение населения отмечается в сельской местности — почти до 40 % в Мирнинском и Ленском районах. Возрастная структура является важной характеристикой населения, наиболее тесно связанной с формированием трудового потенциала. Вследствие активного освоения природных богатств и связанным с этим большим притоком населения сформировалась более молодая возрастная структура населения (Сукнева, 2017, с. 79–83). Начиная с 2008 г. отмечается абсолютное сокращение населения в трудоспособном возрасте. На смену приходит малочисленное поколение родившихся в 1990-е гг. В 2022 г. в республике доля населения в трудоспособном возрасте составила 59,6 %, в Оленёкском улусе — 55,1 %, Анабарском — 57,9 %, а в Мирнинском районе — 66,2 % (табл. 3). Следует отметить, что доля населения моложе трудоспособного возраста более 30 % отмечается в арктических улусах. В структуре суммарного ВМП республики по видам экономической деятельности преобладали четыре вида деятельности: добыча полезных ископаемых — более 45 %, транспорт и связь — около 10 %, далее строительство и оптовая и розничная торговля. Если вклад Анабарского, Оленёкского и Олёкминского районов в ВРП республики незначителен: от 0,2 до 3,3 %, то Мирнинского и Ленского района суммарно составляет более 40 % (табл. 2).

Наблюдается ежегодный рост объема инвестиций в основной капитал во всех районах, наибольший рост инвестиций отмечается в Ленском. Значительными темпами растет и среднемесячная заработная плата в этих районах, при этом он выше средней зарплаты в целом по республике. На формирование доходов населения по-прежнему оказывают влияние заработная плата и социальные выплаты населению.

Важным демографическим фактором является рождаемость. В республике сохраняется естественный прирост населения. Для сельской местности характерен более высокий уровень естественного прироста. Ситуация с рождаемостью населения в Якутии в последние 15 лет улучшается, растет число рождений в расчете на 1000 жителей с 9,7 ‰ в 2000 г. до 11,8 ‰ в 2022 г., в то время как по РФ — 8,9,

Таблица 2

Социально-экономические показатели муниципальных районов Республики Саха (Якутия) за 2022 г.

Показатель	Значения показателей по муниципальным районам					
	Республика Саха	Анабарский	Оленёкский	Ленский	Мирнинский	Олёкминский
Вклад МО в ВРП РС(Я) в 2020 г., %	—	0,2	0,2	19,4	23,5	3,3
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	527,5	4542	111,5	10072,3	657,2	817,7
Ввод в действие жилых домов, м ² общей площади на 1000 чел. населения	585,3	572,6	536,3	1170,8	51,5	522,4
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	96,7	86,5	129,6	118,5	134,9	64,4

Источник: составлено автором по данным: Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. 2022. Якутск: Территориальный орган государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2023. 542 с.

по ДВФО — 10,1 %. По уровню естественного прироста Якутия занимает 6-е место в РФ и 1-е место на Дальнем Востоке. Высокий уровень рождаемости способствует увеличению численности населения и стимулирует развитие экономики и инфраструктуры (табл. 4). Так, в арктических Анабарском и Оленёкском улусах число рождений в расчете на 1000 жителей составило в 2022 г. 21,06 ‰ и 15,29 ‰ соответственно, что значительно превышает среднереспубликанский показатель — 11,8 ‰. На этих территориях особенно важны этническое своеобразие населения к высокой рождаемости при сохранении традиционной модели демографического поведения коренных народов, населяющих эти территории. В остальных районах этот показатель значительно ниже — от 9 ‰ до 13,3 ‰, но выше, чем в среднем по России (табл. 3).

Таблица 3

Демографическая ситуация в районах Республики Саха (Якутия) в 2022 г.

Показатель	Республика Саха	Анабарский	Оленёкский	Ленский	Мирнинский	Олёкминский
<i>И. Общие характеристики населения</i>						
Изменение численности населения к 2000 г., %	103,6	89,4	105,6	76,8	83,3	71,8
Доля мужчин, %	48,2	47,7	48,1	47,9	50,0	48,8
Доля детей и подростков, %	23,9	31,4	32,4	22,2	21,0	21,9
Доля трудоспособного населения, %	59,6	57,9	55,1	57,9	66,2	56,6
Доля населения старше трудоспособного возраста, %	16,4	10,6	12,8	19,7	12,5	21,8
Среднесписочная численность работников организаций, чел.	355 442	1693	2014	35 757	37 766	11 378
Удельный вес населения в трудоспособном возрасте, в %	59,75	57,5	54,8	58,4	66,4	56,4
Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население (на 1000 чел. трудоспособного населения)	675	738,3	825,5	713,1	507,0	773,2
Средний возраст населения	35,2	30,0	30,9	37,8	35,7	38,5
<i>II. Естественное движение населения</i>						
Общий коэффициент рождаемости, ‰	11,8	21,06	15,29	9,9	9,0	13,3
Общий коэффициент смертности, ‰	8,3	8,74	7,5	12,8	5,6	12,3
Коэффициент младенческой смертности, ‰	4,0	13,7	11,49	8,85	1,56	0
Естественный прирост населения	3511	47	30	-94	240	21
<i>III. Миграция и система расселения</i>						
Миграционный прирост (убыль)	-3779	-4	-72	-161	-387	-268
Миграционный прирост (убыль) трудоспособных мигрантов, чел.	-3329	-55	-164	-158	-236	-164
Прибывшие в трудоспособном возрасте, чел.	41174	138	107	824	3914	638

Источник: составлено автором по данным: Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. 2022. Якутск: Территориальный орган государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2023. 542 с. С. 11.

Большое влияние на решение родить второго или третьего ребенка оказывает высокая вовлеченность женщины в процесс труда, ее желание сделать карьеру. В среднесрочной перспективе численность женщин фертильного возраста будет увеличиваться, и демографическая политика должна быть направлена на увеличение рождаемости, которой будет способствовать продолжение и усиление мер поддержки семей с детьми, расширение сети детских учреждений, пропаганды традиционных семейных ценностей, многодетности семей. Даже при усилении мер суммарный коэффициент рождаемости будет стремиться к уровню простого воспроизводства населения.

По уровню смертности (по возрастанию) Якутия находится на 6-м месте. Смертность в 2022 г. составила 8,3 %. Среди регионов ДВФО в республике самый низкий уровень смертности. Низкий уровень смертности в Мирнинском районе — 5,6 % и в Оленекском улусе — 7,5 %, но при этом еще высока младенческая смертность, особенно в арктических районах, где недостаточно развиты медицинские услуги. В структуре смертности наибольшую долю занимает смертность от болезней органов кровообращения (943,5 %), от новообразований (14,9 %). Очень высока смертность от внешних причин (13,5 %), особенно в северных районах. Высокотехнологическая помощь оказывается только в г. Якутске, в исследуемых районах отсутствуют межмуниципальные объекты здравоохранения и коечный фонд рассчитан только на население района. Кроме того, отсутствует круглогодичное наземное сообщение между муниципальными образованиями. Ежегодно увеличивается количество вылетов санитарной авиации и численность эвакуированных больных. В настоящее время в Республике Саха (Якутия) продолжается реализация нацпроекта «Здравоохранение», направленного на повышение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи. Во все районные больницы поступает современное медицинское оборудование, что в будущем позволит проводить качественную диагностику и лечение на местах. Укомплектованность медицинским персоналом низкая. Самая низкая отмечается в Анабарском улусе — 54 %, Олёмкинском — 60 %, Мирнинском — 68 %. В системе здравоохранения республики работает более 5 тыс. врачей и 11,5 тыс. среднего медицинского персонала. Ведется целенаправленная работа по привлечению и закреплению молодых специалистов в медицинских организациях республики по федеральной программе «Земский доктор / Земский фельдшер». Всего с 2012–2020 гг. по программе привлечено на работу 932 врача, из них в село — 702 врача, но этого явно недостаточно и проблема нехватки медицинских кадров сохраняется.

Формирование трудовых ресурсов влияет на развитие муниципальных территорий через доступность рабочей силы и ее квалификацию. Наличие высококвалифицированных специалистов привлекает инвестиции и содействует развитию экономики. В Республике Саха (Якутия), где основу экономики составляет добыча полезных ископаемых, миграция занимает особое место в формировании населения и трудовых ресурсов территорий. Внутрорегиональная миграция в республике является доминирующим компонентом в миграционных процессах, которые оказывают влияние на изменение численности населения, трудовых ресурсов. В республике несмотря на то, что общая результативность миграции (как разница между прибытиями и убытиями) сохраняется отрицательной, сальдо трудовой миграции в городскую и сельскую местность является стабильно положительным. Так, за период с 2000 г. по 2022 г. прирост трудовой миграции составил 29 тыс. чел. Практически во всех районах исследования ежегодно наблюдается отрицательное сальдо миграции (табл. 4).

Таблица 4

Сальдо миграции в муниципальных районах Республики Саха (Якутия), чел.

Улус (район)	Значение сальдо по годам				
	2000	2010	2015	2020	2022
Республика Саха	-6394	-7126	-5387	6065	-3779
Анабарский	26	-48	5	-23	-4
Ленский	-257	-403	-402	216	-161
Мирнинский	1635	-2440	779	-504	-387
Олёкминский	-532	-173	-263	-68	-268
Оленёкский	39	-16	-31	27	-72

Источник: составлено автором по данным: Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. 2022. Якутск: Территориальный орган государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2023. 542 с.

Среднее значение коэффициента интенсивности прироста трудовой миграции заметно выше в западной Якутии, где реализуются крупные инвестиционные проекты, в Мирнинском (19,4 %), в Олёкминском и Ленском — 17,2 %. Районы отличаются более высоким уровнем заработной платы. Однако миграционные потоки состоят в основном из мигрантов, прибывающих из-за пределов региона на период работы, а местные трудовые ресурсы соседних территорий практически не участвуют в реализации инвестиционных проектов. Данная проблематика трансформирует систему расселения и во внутритерриториальном разрезе. Формируются точки притяжения рабочей силы и обучающихся, прежде всего таковыми являются наиболее благополучные с точки зрения деловой активности, заработной платы, стоимости жилья и благоустройства. В то же время миграционные процессы приводят во внутрирегиональном аспекте к нарастанию неравномерности социально-экономического развития, трудового потенциала, соотношения молодежи и лиц старших возрастов. Следует отметить, что отличительной особенностью местного сельского жителя республики является оседлость, и прежде всего это родственные связи, значимость и привязанность людей друг к другу, уважение к своим культурным традициям, исторической памяти и корням. Многовековая привычка жить с опорой на собственные силы в экстремальных условиях делает местного жителя и территорию, на которой он проживает, более жизнеспособной. Сельские жители в большинстве своем не задумываются о переезде и не планируют его. Практически районы не взаимодействуют и не учитывают имеющийся потенциал соседних территорий. В Мирнинском, Ленском и Олёкминском районах рост численности населения обеспечивается ростом численности граждан, приезжающих на работу в республику из других регионов России и задействованных в добыче алмазов, строительстве газопроводных сооружений, трубопроводном транспорте и т. д. Однако на демографическую ситуацию положительно повлияли другие факторы, такие как доступ к образованию, культурным и социальным услугам, возможности для предпринимательства. Развитие инфраструктуры, расширение занятости и создание новых рабочих мест могут привлечь население и способствовать росту социально-экономического развития муниципальных образований в республике и прежде всего в Арктической зоне.

Заключение

Население является носителем человеческого капитала, который выступает основным компонентом национального богатства. Исследуя влияние демографических факторов на социально-экономическое развитие муниципальных образований, находящихся в непосредственной территориальной близости, можно сделать вывод, что влияние на социально-экономическое развитие территорий практически отсутствуют. Каждая территория развивается автономно, без активного участия других муниципальных районов. Региональная специфика требует новых подходов к принятию управленческих решений при реализации документов долгосрочного планирования в области демографического развития региона и его отдельных территорий. В стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований необходим отдельный раздел, учитывающий специфику и специализацию, наличие инженерной и социальной инфраструктуры, создание новых рабочих мест, а также обеспечение доступа к социальным и медицинским услугам. Только таким образом можно добиться устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований, находящихся в непосредственной близости.

Благодарность

Исследование выполнено по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSRG-2023-0025)

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FSRG-2023-0025)

Список источников

- Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости*. Москва: ТЕИС, 399.
- Барашкова, А. С. (2009). *Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты*. Новосибирск: Наука, 159.
- Валентей, Д. И., Кваша, А. Я. (1989). *Основы демографии*. Москва: Мысль, 286 с.
- Вишневский, А. Г. (2006). *Демографическая модернизация России, 1900–2000: Монография*. Москва: Новое издательство, 601.
- Зубаревич, Н. В. (2012). *Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 264.
- Кондратьева, В. И., Степанова, Н. А., Маркова, В. Н. (2018). Пространственные аспекты стратегического планирования развития муниципального района. *ЭКО*, 5 (527), 179–190. <http://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2018-5-179-192>
- Мостахова, Т. С. (2009). *Демографическая безопасность*. Якутск: Изд-во Якутского научного центра СО РАН, 188.
- Пилясов, А. Н. (Ред.). (2022). *Освоение Арктики 2.0. Продолжение традиций советских исследований*. Москва: Красанд, 424.
- Рыбаковский, Л. Л. (2008). Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России. *Социологические исследования*, 10, 81–87.
- Рязанцев, С. В., Мирязов, Т. Р. (2021). Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1 (4), 5–19. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>
- Сукнева, С. А. и др. (2017). *Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект*. Якутск: Сахаада, 208.

References

- Arkhangelsky, V. N. (2006). *Faktory rozhdaemosti [Fertility factors]*. Moscow: TEIS, 399. (In Russ.)
- Barashkova, A. S. (2009). *Severnaya semya: demograficheskiy i sotsialno-ekonomicheskiy aspekty [The Northern Family: demographic and socio-economic aspects]*. Novosibirsk : Nauka, 159. (In Russ.)
- Kondratieva, V. I., Stepanova, N. A., & Markova, V. N. (2018). Spatial Aspects of Strategic Planning of Municipal District Development. *EKO [ECO]*, 5(527), 179–190. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-179-192> (In Russ.)
- Mostakhova, T. S. (2009). *Demograficheskaya bezopasnost [Demographic security]*. Yakutsk: Publishing house of the Yakut Scientific Center SB RAS, 188. (In Russ.)
- Pilyasov, A. N. (Ed.) (2022). *Osvoenie Arktiki 2.0. Prodolzhenie traditsiy sovetskikh issledovaniy [Arctic Exploration 2.0. Continuation of the traditions of Soviet research]*. Moscow: Krasand, 424. (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V., & Miryazov, T. R. (2021). Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*, 1(4), 5–19. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1> (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L. (2008). A Comparative Assessment of Demographic Distress in the Regions of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 10, 81–87. (In Russ.)
- Sukneva, S. A. et al. (2017). *Demograficheskie protsessy v Respublike Sakha (Yakutiya): territorialnyy aspekt [Demographic processes in the Republic of Sakha (Yakutia): the territorial aspect]*. Yakutsk: Sakhaada, 208. (In Russ.)
- Valentey, D. I., & Kvasha, A. Ya. (1989). *Osnovy demografii [Fundamentals of demography]*. Moscow: Thought, 286. (In Russ.)
- Vishnevsky, A. G. (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000: Monografiya [Demographic modernization of Russia, 1900–2000: Monograph]*. Moscow: New Publishing House, 601. (In Russ.)
- Zubarevich, N. V. (2012). *Sotsialnoe razvitiye regionov Rossii: Problemy i tendentsii perekhodnogo perioda [Social development of Russian regions: Problems and trends of the transition period]*. Moscow: Book House “LIBROCOM”, 264. (In Russ.)

Информация об авторе

Кондратьева Валентина Ильинична — кандидат экономических наук, зав. лабораторией экономики народонаселения и демографии, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова; <https://orcid.org/0000-0002-4373-3189> (Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Строителей, 8а; e-mail: kwi202@mail.ru).

About the author

Valentina I. Kondratieva — Cand. Sci. (Econ), Head of the Department of Population Economics and Demography, Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-4373-3189> (8A, Stroiteley St., Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: kwi202@mail.ru).

УДК 314:332.1

JEL classification: Q01, R58, J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-6>

Свердловская область: устойчивое развитие и демографические тренды региона¹

В. В. Латушкин^a, О. М. Шубат^b

^{a, b} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

^a <https://orcid.org/0009-0009-2101-8676>

^b <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>

Автор для корреспонденции: О. М. Шубат (o.m.shubat@urfu.ru).

Аннотация. В условиях негативных демографических трендов, по-разному проявляющихся в различных субъектах РФ, устойчивость регионального развития становится все более обсуждаемой темой в российском научно-исследовательском дискурсе. Целью статьи является анализ соответствия тенденций демографического развития Свердловской области и устойчивости развития региона. Использовались данные официальной статистики и рэнкинги устойчивого регионального развития, рассчитываемые ведущими российскими рейтинговыми агентствами и исследовательскими центрами. Проведенный анализ позволил выявить ряд болевых точек таких рэнкингов: они дают очень различающиеся оценки устойчивости Свердловской области, такие оценки не соотносятся с демографическими трендами и прогнозами. В статье представлены направления совершенствования методических, инструментальных основ составления рэнкингов устойчивого развития. Сделан вывод о необходимости пересмотра концепции устойчивого развития и целей устойчивого развития, сформулированных ООН, с учетом национальных стратегических целей и задач развития страны.

Ключевые слова: устойчивое развитие; демографическая динамика; Свердловская область; рэнкинги устойчивого развития

Sverdlovsk Oblast: Sustainable Development and Demographic Trends

V. V. Latushkin^a, O. M. Shubat^b

^{a, b} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

^a <https://orcid.org/0009-0009-2101-8676>

^b <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>

Corresponding author: O. M. Shubat (o.m.shubat@urfu.ru).

Abstract. Considering different negative demographic trends occurring in various Russian regions, the issue of sustainable regional development is increasingly discussed in Russian research discourse. The article examines the correlation between demographic development trends in Sverdlovsk Oblast and sustainability of regional development. Official statistics and sustainable development rankings of regions presented by leading Russian rating agencies and research centres were analysed. The analysis revealed a number of «pain points» of such rankings: they give very different assessments of Sverdlovsk oblast's sustainability; such assessments do not correlate with demographic trends and forecasts. The article presents directions for improving the methodological and instrumental foundations for compiling sustainable development rankings. Accordingly, it is necessary to revise the concept of sustainable development and the Sustainable Development Goals formulated by the United Nations, taking into account national strategic goals and objectives of the country's development.

Keywords: sustainable development; demographic dynamics; Sverdlovsk oblast; sustainable development rankings

Введение

В России длительное время наблюдается негативная демографическая динамика — естественная убыль населения, падение рождаемости¹; прогнозируется сокращение численности населения². При этом в стране исторически сложился высокий уровень региональной дифференциации многих демографических показателей, а также тенденций их изменения.

Неравномерность регионального развития, высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства указываются в числе основных проблем в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., а в качестве цели в этом документе обозначено обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны³.

Само понятие устойчивого развития в его современном наиболее цитируемом виде было сформулировано в 1987 г. в отчете Всемирной комиссии по окружающей среде следующим образом: устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности в настоящем без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности⁴.

Проблематика устойчивого развития стран и регионов довольно активно исследуется учеными в разных странах. Критическому осмыслению подвергаются как теоретические основы концепции устойчивого развития (Bautista-Puig et al., 2022), так и возможности такого развития не только в стабильных экономических, социальных и политических системах, но и в кризисных условиях (Degtev et al., 2022). Большой пул работ посвящен вопросам измерения и возможности составления композитных индексов устойчивого развития стран и регионов (Kwatra et al., 2020). Устойчивое развитие изучается не только на уровне отдельной страны, но и ее отдельных регионов (Yang et al., 2014) и даже городов (Jorge-Ortiz et al., 2022).

Устойчивость регионального развития становится все более обсуждаемой темой в российском научно-исследовательском дискурсе. Это, в частности, заметно по динамике публикаций (статей, материалов конференций, монографий), посвященных данной теме и проиндексированных в российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Поиск соответствующих публикаций на данном ресурсе осуществлялся по критерию отражения в их названии проблематики устойчивого регионального развития — использовались различные релевантные словосочетания с учетом морфологии. В таблице 1 для примера показаны результаты поиска по двум словосочетаниям — «устойчивое развитие региона» и «устойчивое региональное развитие». Как следует из представленных данных, научно-исследовательский интерес к тематике устойчивого развития регионов увеличивается.

Устойчивость развития страны в целом и ее регионов — постоянный объект мониторинга со стороны Федеральной службы государственной статистики; по результатам этого мониторинга начиная с 2019 г. ежегодно издается статистический

¹ Демография. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

² Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-п. <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUrT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

⁴ Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development (1987). <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>

Число проиндексированных в РИНЦ публикаций (по состоянию на февраль 2024 г.), названия которых отражают тематику устойчивого регионального развития — пример двух релевантных словосочетаний

Год	Число публикаций, в названии которых встречается словосочетание	
	устойчивое развитие региона	устойчивое региональное развитие
2021	427	142
2022	519	162
2023	560	178

Источник: составлено авторами.

сборник, представляющий информацию о достижении целей устойчивого развития в каждом субъекте РФ¹. Вместе с тем, различные исследовательские организации, институты и отдельные ученые подвергают критике концепцию устойчивого развития (Павленко и др., 2015), предлагают различный набор инструментов и показателей для измерения и оценки такого типа развития, выявляют очень различающиеся закономерности, условия и факторы устойчивого регионального развития (Мантаева и др., 2022; Чилиев, 2023), оценивают возможность управления таким развитием (Гринчель & Назарова, 2020; Майданевич & Твердохлебов, 2017).

Отдельным направлением исследовательской активности в проблематике устойчивого регионального развития является расчет композитных индексов и составление на их основе рейтингов / рэнкингов регионов (Ершов и др., 2022). Важно отметить, что набор индикаторов, характеризующих устойчивость развития регионов в различных рейтингах / рэнкингах, существенно различается. На наш взгляд, особо важной проблемой здесь является то, что наборы используемых индикаторов практически не отражают и не учитывают тенденции воспроизводства человеческих ресурсов в регионе, демографические тенденции. В наших более ранних исследованиях на основе корреляционного анализа, проведенного на массиве данных по 85 российским регионам, было показано, что уровень устойчивости регионального развития, отражаемый в отдельных рейтингах / рэнкингах, не связан с показателями, характеризующими воспроизводство человеческих ресурсов (Latushkin & Shubat, 2023). Вместе с тем, учитывая вариативность региональных демографических ситуаций, мы предположили возможность существования такой взаимосвязи для отдельных субъектов РФ. Целью настоящего исследования является анализ соответствия тенденций демографического развития Свердловской области и устойчивости развития региона.

Материалы и методы

Для проведения исследования мы использовали три индекса устойчивого регионального развития, рассчитываемые ведущими российскими рейтинговыми агентствами и исследовательскими центрами. Ниже представлена краткая характеристика используемых нами индексов.

1. ESG-рэнкинг Национального рейтингового агентства (далее — рэнкинг НРА). Рейтинги агентства считаются довольно надежными, их используют как крупные компании, так и органы государственной власти. Для составления ESG-рэнкинга

¹ Цели устойчивого развития в Российской Федерации (2023). Москва: Росстат, 100 с. <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771>

используются официальные данные Росстата, а также данные профильных министерств и ведомств. Для расчета интегрального индекса устойчивого развития используется 45 индикаторов, сгруппированных в три блока: окружающая среда, социальная политика, качество управления. На основе значения интегрального индекса регион относится к одной из 5 категорий: начальный, развивающийся, умеренный, развитый или продвинутый уровень устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов РФ¹.

2. Рэнкинг устойчивого развития регионов Российской Федерации, составляемый рейтинговым агентством SGM (далее — рэнкинг SGM). Рэнкинг составляется на основе открытых источников — данных официальной российской статистики, размещенных на ресурсах Росстата и ЕМИСС, материалов, размещенных на сайтах федеральных органов исполнительной власти и сайтов органов власти субъектов РФ. Для расчета интегрального индекса используется 53 индикатора, сгруппированных в шесть блоков: экономическое развитие, городская инфраструктура, демография, социальная инфраструктура, экология и управление².

3. Рэнкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН — проект, реализуемый центром устойчивого развития и ESG трансформации МГИМО (далее — рэнкинг МЦУР МГИМО). Для составления интегрального показателя в рэнкинге используются показатели, предусмотренные ООН в рамках достижения установленных целей устойчивого развития. Для оценки достижения регионом каждой ЦУР используется от 1 до 14 показателей-метрик. Помимо расчета общего интегрального показателя по всем ЦУР, рэнкинг предусматривает группировку ЦУР в 4 аналитических кластера — экологический, социальный, экономический и институциональный, а также составление отдельных субрэнкингов регионов страны в рамках каждого кластера³.

В исследовании были задействованы рэнкинги субъектов РФ за 2022 г.

Для характеристики демографической ситуации в Свердловской области использовались наиболее актуальные на момент проведения исследования данные официальной российской статистики — за 2022 г. или на начало 2023 г. Анализировались демографические показатели, которые, на наш взгляд, должны корреспондировать с устойчивостью регионального развития, создавая определенный базис для такого развития. Таким образом, анализировались следующие демографические показатели:

— доля женщин 25–29 лет (возрастная группа с наиболее высокими показателями рождаемости) в общей численности женского населения по состоянию на 1 января 2023 г., % (расчетный показатель; рассчитан по численности постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января⁴);

— доля населения моложе трудоспособного возраста в общей численности населения по состоянию на 1 января 2023 г., %⁵;

¹Рэнкинг устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации. https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/ranking_esg_regions.pdf

²Рэнкинг устойчивого развития регионов Российской Федерации. <https://www.agencysgm.com/upload/iblock/2c9/2c9863fb0e7bbeef8d7f039e170074f8.pdf>

³Рэнкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН. <https://mgimo.ru/about/news/departments/xv-risa-russia-esg-ranking-23/>

⁴Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>

⁵Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Приложение к сборнику. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

- суммарный коэффициент рождаемости (далее — СКР) в 2022 г.¹;
- изменение / динамика СКР за пятилетний период — с 2018 по 2022 г., % (расчетный показатель);
- суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей (далее — СКР 3+) на 1 января 2023 г.²;
- изменение/динамика СКР 3+ за пятилетний период — с 2018 по 2022 г., % (расчетный показатель);
- ожидаемая продолжительность жизни 2022 г., лет³;
- годовой прирост численности населения в 2022 г., %⁴;
- коэффициент естественного прироста населения в 2022 г., промилле⁵.

В процессе анализа были также задействованы официальные демографические прогнозы Росстата для Свердловской области⁶.

Результаты

В ходе анализа мы получили ряд значимых результатов.

Во-первых, позиции Свердловской области в трех проанализированных нами рейтингах не совпадают — рейтинги по-разному оценивают устойчивость регионального развития области. Так, рейтинг НРА ставит регион на довольно высокие позиции — 15-е место среди 85 регионов со значением интегрального показателя 0,627, что соответствует продвинутому (самому высокому) уровню устойчивости. Наиболее низкие оценки область получает в рейтинге МЦУР МГИМО — 32-е место (табл. 2).

Безусловно, можно отметить, что такие отличия в рейтинговых позициях не являются кардинально отличающимися. Тем не менее, наблюдаемая рассогласованность, очевидно, не позволяет делать однозначные выводы об устойчивости регионального развития Свердловской области и, соответственно, порождает ряд вопросов и сомнений относительно валидности рейтингов устойчивого развития.

Во-вторых, особенности демографической ситуации в регионе не согласуются с теми уровнями устойчивости, которые имеет область в анализируемых рейтингах (табл. 3). Так, например, доля женщин 25–29 лет (возрастная группа, которая вносит наибольший вклад в динамику рождаемости) в общей численности женского населения в Свердловской области составляет 4,3 %. В 70 % российских регионов в данном отношении ситуация складывается лучше. По другим демографическим показателям Свердловская область также не показывает лидерских позиций, что, соответственно, порождает сомнения в устойчивости развития региона. Неблагоприятные демографические тренды вряд ли могут служить подкреплением и сильной базой для устойчивого регионального развития Свердловской области. В этом отношении относительно высокие места региона в рейтинге НРА и рейтинге SGM выглядят мало соответствующими действительному положению дел.

---

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023...

² Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://fedstat.ru/indicator/59772>

³ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023...

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года...

Таблица 2

Уровни устойчивости регионального развития Свердловской области в трех видах рейтингов

Показатель	Рэнкинг НРА	Рэнкинг SGM	Рэнкинг МЦУР МГИМО
Минимальное значение в рэнкинге	0,380	1	468,45
Максимальное значение в рэнкинге	0,781	85	813,22
Значение и место в рэнкинге Свердловской области	0,627 15-е место (продвинутый уровень)	20-е место	676,2 32-е место

Источник: составлено авторами по: Рэнкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН. <https://mgimo.ru/about/news/departments/xv-risa-russia-esg-ranking-23/>; Рэнкинг устойчивого развития регионов Российской Федерации. <https://www.agencysgm.com/upload/iblock/2c9/2c9863fb0e7bbeef8d7f039e170074f8.pdf>; Рэнкинг устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации. https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/ranking_esg_regions.pdf

Таблица 3

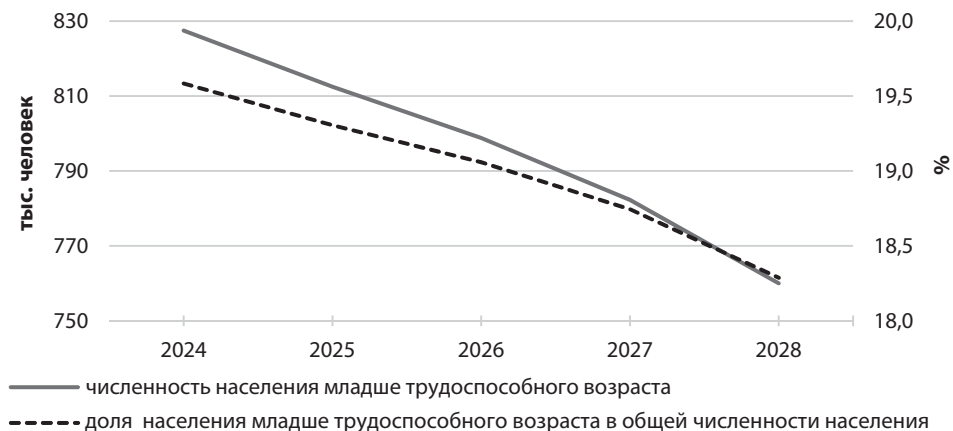
Значения демографических показателей в Свердловской области (в 2022 г. или на начало 2023 г.)

Показатель	Минимальное значение в субъектах РФ	Максимальное значение в субъектах РФ	Значение в Свердловской области	Ситуация складывается лучше в ... % регионов
Доля женщин 25–29 лет, %	3,3	8,3	4,3	70
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,2	78,34	71,31	57
Коэффициент естественного прироста, ‰	–11	15,9	–4,5	46
Динамика СКР 3+ в 2018–2023 гг., %	–19	46	11	40
Годовой прирост численности населения, %	–1,6	1,9	–0,6	36
Динамика СКР в 2018–2022 гг., %	–29,38	5,54	–8,41	31
Доля населения моложе трудоспособного возраста, %	14,1	33,5	19,8	30
СКР 3+	0,17	1,38	0,41	28
СКР	0,87	2,74	1,56	23

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. Приложение к сборнику. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>; Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>

В-третьих, тренды демографического развития, которые прогнозируются для региона Федеральной службой государственной статистики¹, также не согласуются с уровнями его устойчивости (по крайней мере, в двух из рассмотренных рейтингов, которые ставят регион на относительно высокие позиции — 15 и 20). Так,

¹Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года...

Рис. Изменения численности населения младше трудоспособного населения, а также его доли в составе всего населения Свердловской области (источник: сост. авторами по: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>)

согласно прогнозам, в Свердловской области будет сокращаться численность населения, и за последующие 5 лет, т. е. к 2028 г., убыль составит 1,97 %. Также в этот период будет наблюдаться отрицательный естественный прирост — в разные годы он будет составлять от $-5,4$ до $-5,1$ %. Кроме того, в области прогнозируется сокращение численности населения младше трудоспособного возраста — и в абсолютном, и в относительном выражении (рис. 1).

Некоторый оптимизм внушает прогнозируемая динамика суммарного коэффициента рождаемости в Свердловской области — в последующие пять лет (2024–2028 гг.) ожидается, что СКР вырастет с 1,446 до 1,534 ребенка на женщину¹. Однако такое значение по-прежнему существенно ниже границы простого воспроизводства и, очевидно, не способно кардинально улучшить демографическую ситуацию и усилить устойчивость развития региона. Согласно прогнозам, демографическая нагрузка детьми в ближайший пятилетний период в области будет снижаться — с 344 в 2024 г. до 307 в 2028 г. Таким образом, прогнозируемые тренды демографической динамики в области не способствуют поддержанию устойчивости регионального развития.

Интересно, что в 22 регионах РФ прогнозируется прирост численности населения в период до 2028 г., в том числе среди тех, чей рейтинг устойчивого развития ниже, чем у Свердловской области. Так, например, Тюменская область занимает 55-ю позицию в ранкинге МЦУР МГИМО². Соответственно, уровень устойчивости региона существенно ниже, чем у Свердловской области. Однако в Тюменской области, в отличие от Свердловской, прогнозируется рост численности населения — за последующие 5 лет, то есть к 2028 г., он составит 2,7 %³.

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года...

² Ранкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН...

³ Рассчитано по: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года...

Обсуждение результатов

В ситуации, когда различные рейтинги предлагают существенно различающиеся, а порой и диаметрально противоположные оценки устойчивости развития регионов, возникают закономерные вопросы о возможности доверия таким оценкам, причинах таких существенных различий, возможности и целесообразности использования рейтингов устойчивого развития для выработки управленческих решений.

На наш взгляд, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие недостатки рейтингов устойчивости регионов.

Во-первых, они определяют позицию региона исключительно на основе сравнения его показателей с другими регионами. Подобный подход хорошо подходит для, например, спортивных соревнований, где соревнуются спортсмены примерно одного уровня. Для российских регионов с их различными уровнями экономического, социального, демографического развития, климатическими условиями определять степень устойчивости развития на основе исключительно сравнения с другими регионами представляется не вполне корректным. Так, например, если регионы естественным образом планируют использовать свои сильные стороны для обеспечения устойчивости развития, ставят приоритетные цели и индикаторы их достижения, и инвестируют ограниченные ресурсы в достижение этих приоритетных целей, то на позицию региона в том или ином рейтинге будет оказывать существенное влияние степень соотношения используемых для ранжирования показателей с приоритетными целями и задачами региона. Это, на наш взгляд, может быть одной из возможных причин различий позиций регионов в разных рейтингах устойчивости. Это также может приводить к тому, что позиция региона в рейтинге (субрейтинге) будет меняться при отсутствии каких бы то ни было действий или усилий региона или даже вопреки им.

Во-вторых, традиционно используемые наборы показателей в рейтингах устойчивости строятся либо вокруг типовых сфер устойчивого развития (экономической, социальной, экологической, качества управления) либо вокруг целей устойчивого развития, определенных ООН. Выбор показателей для каждой сферы не обосновывается должным образом и продиктован зачастую их доступностью, предпочтениями исследователей, соответствием рекомендациям наднациональных органов, рассматриваемых скорее как требования, нежели как рекомендации. Национальные цели, как и региональные приоритеты, либо не учитываются вообще, либо учитываются недостаточно. Те же показатели, которые случайно оказываются совпадающими с национальными целями и / или региональными приоритетами, размываются большим количеством других показателей.

В-третьих, для показателей, используемых в рейтингах, не устанавливаются диапазоны значений, соответствующих возможности поддержания устойчивого развития в течение какого-либо промежутка времени. Безусловно, определенные шаги в этом направлении делаются. Так, например, в рейтинге МЦУР МГИМО применительно к оценке достижения ЦУР № 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» в расчет принимаются рекомендации Минздрава РФ¹. Регионы, в которых фактическое потребление превышает рекомендованные Минздравом уровни, не получают дополнительных баллов.

¹Рейтинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН...

В-четвертых, рассмотренные рэнкинги, по нашему мнению, недостаточно учитывают состояние и тенденции развития демографической сферы. Согласно определению, представленному в отчете Всемирной комиссии по окружающей среде, устойчивое развитие подразумевает удовлетворение сегодняшних потребностей без ущерба для возможности будущим поколениям удовлетворять свои потребности¹. Таким образом, уже в самом определении подразумевается обязательность существования будущих поколений. Именно поэтому устойчивость развития невозможна без учета трендов демографической динамики.

Заключение

Полученные результаты, на наш взгляд, убедительно показывают необходимость переосмысления и корректировки существующих подходов к мониторингу и оценке устойчивости развития регионов. Наиболее востребованными направлениями такой корректировки являются более полный учет демографических трендов и прогнозов, национальных целей развития и региональных приоритетов.

Применение рассмотренных в статье рэнкингов для оценки устойчивости регионального развития Свердловской области не позволило сделать однозначные выводы об уровне такой устойчивости. На наш взгляд, представленные в рэнкингах оценки малоинформативны и не могут быть в полной мере использованы для разработки и совершенствования программ и стратегий социально-экономического развития региона.

Направлением дальнейших наших исследований в данной теме является разработка методики оценки устойчивости развития региона на основе устойчивости его демографического развития.

Список источников

Гринчель, Б. М., Назарова, Е. А. (2020). Методы анализа и управления устойчивым развитием экономики регионов. *Экономика и управление*, 26(1(171)), 23–34. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-1-23-34>

Ершов, Д. Н., Мидлер, Е. А., Раков, И. Д. (2022). Рейтинги устойчивого развития как инструмент оценки социально-экономических трансформаций в регионах РФ. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 13(4), 698–719.

Майданевич, Ю. П., Твердохлебов, Н. И. (Ред.). (2017). *Научно-методологическое обеспечение управления устойчивым развитием региона*. Симферополь: ДИАЙПИ, 371.

Мантаева, Э. И., Голденова, В. С., Слободчикова, И. В. (2022). Некоторые аспекты устойчивого развития региональной экономики. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 236(4), 78–97. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-236-4-78-973>

Павленко, И. Г., Киренкина, Э. С., Климух, В. В., Безукладов В. В. (2015). *Диагностика устойчивости регионального развития*. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография „Ариал”», 170.

Чилиев, Б. М. (2023). Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике. *Экономическая безопасность*, 6(2), 717–728. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.2.117877>

Bautista-Puig, N., Lozano, R., & Barreiro-Gen, M. (2022). Developing a sustainability implementation framework: Insights from academic research on tools, initiatives and approaches. *Environment, Development and Sustainability*, 25(10), 11011–11031. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02516-y>

---

¹ Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development (1987). <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>

Degtev, G. V., Sergeeva, S. A., & Gvozdev, A. S. (2022). Modern managerial approaches to solving the priority tasks of sustainable development. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 12 (1A), 116-123. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.67.44.014>

Jorge-Ortiz, A., Braulio-Gonzalo, M., & Bovea, M. D. (2022). Assessing urban sustainability: A proposal for indicators, metrics and scoring — a case study in Colombia. *Environment, Development and Sustainability*, 25(10), 11789–11822. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02554-6>

Kwatra, S., Kumar, A., & Sharma, P. (2020). A critical review of studies related to construction and computation of sustainable development indices. *Ecological Indicators*, 112, 106061. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2019.106061>

Latushkin, V., & Shubat, O. (2023). Regional sustainable development and human resources reproduction: is there any common ground? In: *Conference proceedings of the 16th International Scientific Conference on Reproduction of Human Capital — Mutual Links and Connection, RELIK 2023* (November 23–24, 2023) (pp. 252–260). Prague: University of Economics and Business, 626.

Yang, Q., Ding, Y., de Vries, B., Han, Q., & Ma, H. (2014). Assessing regional sustainability using a model of Coordinated Development Index: A case study of mainland China. *Sustainability*, 6(12), 9282–9304. <https://doi.org/10.3390/su6129282>

References

Bautista-Puig, N., Lozano, R., & Barreiro-Gen, M. (2022). Developing a sustainability implementation framework: Insights from academic research on tools, initiatives and approaches. *Environment, Development and Sustainability*, 25(10), 11011–11031. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02516-y>

Chiliev, B. M. (2023). Sustainable development of Russian regions: from strategy to tactics. *Ekonomicheskaya bezopasnost [Economic Security]*, 6(2), 717–728. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.2.117877> (In Russ.)

Degtev, G. V., Sergeeva, S. A., & Gvozdev, A. S. (2022). Modern managerial approaches to solving the priority tasks of sustainable development. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 12 (1A), 116–123. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.67.44.014>

Ershov, D. N., Midler, E. A., & Rakov, I. D. (2022). Sustainable development ratings as a tool for assessing socio-economic transformations in the regions of the Russian Federation. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) [MIR (Modernization. Innovation. Research)]*, 13(4), 698–719. (In Russ.)

Grinchel', B. M., & Nazarova, E. A. (2020). Sustainable Regional Economic Development: Analysis and Management Methods. *Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, 26(1(171)), 23–34. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-1-23-34> (In Russ.)

Jorge-Ortiz, A., Braulio-Gonzalo, M., & Bovea, M. D. (2022). Assessing urban sustainability: A proposal for indicators, metrics and scoring — a case study in Colombia. *Environment, Development and Sustainability*, 25(10), 11789–11822. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02554-6>

Kwatra, S., Kumar, A., & Sharma, P. (2020). A critical review of studies related to construction and computation of sustainable development indices. *Ecological Indicators*, 112, 106061. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2019.106061>

Latushkin, V., & Shubat, O. (2023). Regional sustainable development and human resources reproduction: is there any common ground? In: *Conference proceedings of the 16th International Scientific Conference on Reproduction of Human Capital — Mutual Links and Connection, RELIK 2023* (November 23–24, 2023) (pp. 252–260). Prague: University of Economics and Business, 626.

Mantaeva, E. I., Goldenova, V. S., & Slobodchikova, I. V. (2022). Factors in the sustainable development of the regional economy. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva*

Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 236(4), 78–97. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-236-4-78-97> (In Russ.)

Maydanevich, Yu. P., & Tverdokhlebov, N. I. (Ed.). (2017). *Nauchno-metodologicheskoe obespechenie upravleniya ustoychivym razvitiem regiona [Scientific and methodological support for the management of sustainable development of the region]*. Simferopol: DIALPI, 371. (In Russ.)

Pavlenko, I. G., Kirenkina, E. S., Klimuk, V. V., & Bezukladov V. V. (2015). *Diagnostika ustoychivosti regionalnogo razvitiya [Diagnostics of the sustainability of regional development]*. Simferopol: Limited Liability Company «Publishing House Printing House “Arial”», 170. (In Russ.)

Yang, Q., Ding, Y., de Vries, B., Han, Q., & Ma, H. (2014). Assessing regional sustainability using a model of Coordinated Development Index: A case study of mainland China. *Sustainability*, 6(12), 9282–9304. <https://doi.org/10.3390/su6129282>

Информация об авторах

Шубат Оксана Михайловна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Латушкин Виктор Валерьевич — аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0009-0009-2101-8676> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: v.v.latushkin@urfu.ru).

About the authors

Oksana M. Shubat — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Academic Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Victor V. Latushkin — PhD Student, Ural Federal University; <https://orcid.org/0009-0009-2101-8676> (19, Mira St., Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: v.v.latushkin@urfu.ru).

УДК 314.18

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-7>

Коренные малочисленные этносы Арктики: ретроспективный анализ демографического развития¹

В. Г. Логинов

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-2466-5686>

Автор для корреспонденции: В. Г. Логинов (log-wg@ Rambler.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы демографического развития коренных этносов арктических районов страны в рамках национальных образований (автономий) в пределах временного отрезка между переписями населения 2010 и 2020 гг. Выполнен анализ динамики численности коренных этносов. Определена роль крупных народов (ненцев, чукчей и хантов) в воспроизводстве коренного населения, отмечена роль самого крупного народа — ненцев.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации; автономный округ; муниципальное образование; коренные малочисленные народы Севера; воспроизводство населения

Indigenous Small Ethnic Groups of the Arctic: A Retrospective Analysis of Demographic Development

V. G. Loginov

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-2466-5686>

Corresponding author: V. G. Loginov (log-wg@ Rambler.ru).

Abstract. The article examines the issues of demographic development of indigenous ethnic groups in the Russian Arctic within the framework of national entities (autonomies) in the period between the 2010 and 2020 population censuses. A retrospective analysis was performed. The role of large peoples (Nenets, Chukchi and Khanty) in the reproduction of the indigenous population is determined, the role of the largest people, the Nenets, is noted.

Keywords: Russian Arctic; autonomous okrug; municipality; indigenous peoples of the North; reproduction of the population

Введение

Территория Арктической зоны Российской Федерации является исторической родиной коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые первыми сюда пришли и образовали своеобразную цивилизацию. Они сумели приспособиться к экстремальным природным условиям, комплексно и рационально используя возобновляемые природные ресурсы. На протяжении досоветского периода они вели племенной и родовой образ жизни, сочетающий кочевое, полукочевое и оседлое их существование, основанное на присвоении продуктов окружающей природной среды. В жизненном укладе коренных этносов большую роль играют неформальные правила, которые при отсутствии письменности в царский период передавались устно из поколения к поколению. Накопленный многолетний опыт выживания в суровом климате позволил им создать

¹ © Логинов В. Г. Текст. 2024

удивительный симбиоз людей с окружающей природной средой. Несмотря на малочисленность, коренные жители, по образному выражению, «образуют тот слой культуры, который издавна делает тундру частью ойкумены. Именно они породили и олицетворяют идею „Арктика — дом“, которой так или иначе заражаются (или заряжаются) пришельцы, мигранты и даже случайные гости Севера» (Головнёв & Абрамов, 2014, с. 130).

Созданные в советский период арктические автономные округа (Ненецкий, 1929 г., Ямало-Ненецкий и Чукотский, 1930 г., Долгано-Ненецкий (Таймырский), 1930–2007 гг.) в начале 1990-х гг. получили статус субъекта РФ с соответствующим набором полномочий и прав. Вместе с тем для властных структур данных округов и для хозяйствующих субъектов коренные малочисленные народы Севера, в честь которых был назван тот или иной автономный округ, создают определенные проблемы при промышленно-транспортном освоении территории, оказывающие, в свою очередь, влияние на социально-экономическое, в том числе демографическое, состояние КМНС.

Коренные малочисленные народы Севера, к которым относят этносы с численностью до 50 тыс. чел., составляют значительную часть населения арктических районов, особенно в сельской местности. В пределах рассматриваемой территории к ним относится 15 народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на огромной (более 2,5 млн км²) территории в пределах Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов и бывшего Долгано-Ненецкого (Таймырского) автономного округа, статус которого с 2007 г. был «понижен» до уровня муниципального района (Красноярский край).

В научных публикациях демографические вопросы рассматриваются обычно в курсе динамических изменений общей численности населения арктических территорий. Ретроспективный анализ развития демографических процессов в Арктике представлен в работах (Смирнов, 2023; Фаузер, 2014; Фаузер, 2020 и др.).

Касательно коренных этносов это, как правило, отражено фрагментарно, большая часть исследований относительно КМНС связана с рассмотрением проблем исторического (Волжина, 2008; Дунин-Горкавич, 1996; Корнилов и др., 2013 и др.), культурного и социологического (Удалова, 2004 и др.), хозяйственного (Зуев и др., 2017) характера. Рассмотрены тенденции, проблемы и перспективы развития коренных этносов (Павленко и др., 2019; Харалампиева, 2017). Даже демографические аспекты базируются в основном на описании динамики процесса изменений численности этих народов, опираясь на данные переписей населения и имеющиеся немногочисленные фрагментарные данные текущей региональной и муниципальной статистики (Копцева и др., 2023; Пивнева, 2023; Ростовская и др., 2023). Это осложняется еще тем, что со второго десятилетия нового века официальная статистика перестала вести текущий учет коренного населения (сведения по основным показателям, характеризующим демографическое состояние и качество жизни КМНС (здоровье, образование, обеспеченность жильем, уровень безработицы и др.)). Особенно актуальными являются исследования в отношении коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, тесно связанный с традиционным природопользованием, сохранивших с советских времен национальную культуру и обычаи и в целом положительный естественный прирост населения.

Материалы и методы

Методология исследования заключается в обобщении и анализе информации, касающейся демографического развития арктических национальных автономных

образований. В качестве основных методов использовались статистический и ретроспективный анализ, агрегирование, группировки, аналогий. Информационной базой исследования являются данные федеральной, региональной и муниципальной статистики, литературные источники, интернет-ресурсы.

Результаты

В рамках национальных административных образований общая численность КМНС, согласно данным на 1 октября 2021 г., составила 81,8 тыс. чел., из них 80 % проживало в сельской местности. Самым крупным народом являются ненцы (46 335 чел.), самым маленьким — кереки (6 чел.). В целом в пределах рассматриваемой территории в период между двумя последними переписями численность населения увеличилась на 10 % при среднегодовом приросте 0,85 %. В сельской местности он был несколько выше — соответственно 12 % и более 1,0 %. Значительную лепту в этот прирост внесло ненецкое население (соответственно — 11,5 и 1,65 %).

При этом следует отметить, что по отдельным как субъектам, так и по городской и сельской местности имелись значительные отличия в изменении численности коренного населения — от положительных (ЯНАО и ЧАО) и нулевых (Таймыр) значений и до отрицательных (НАО). В качестве причины такого явления из-за отсутствия необходимой информации можно предположить, учитывая в целом положительный естественный прирост аборигенного населения, его некоторый отток на сопредельные территории, главным образом в ЯНАО.

Основные изменения в период между переписями 2010 и 2020 гг. в численности титульного народа Ненецкого АО связаны с сокращением населения как в целом по региону, так и в сельской местности, и с небольшим увеличением численности городских жителей, обусловленным незначительным как естественным увеличением, так и миграционным притоком (табл. 1). Общий прирост ненцев обеспечил Ямало-Ненецкий автономный округ, где оно росло самыми высокими темпами, особенно в сельской местности. Снижение численности городского населения связано с административной причиной — преобразованием городского поселения Тазовский в сельский населенный пункт (2013 г.), что привело автоматически к снижению ненцев-горожан, ставших сельскими жителями. Вследствие этого ЯНАО оказался единственным административным образованием, где доля городского населения снизилась как в абсолютном, так и в относительном плане, что привело, в отличие от других территорий, также, соответственно, к повышению числа сельских жителей, особенно ярко это проявилось у ненецкого населения.

Снижение общей численности населения в сельской местности, идущее с начала 1990-х гг., вызванное институциональными и экономическими причинами, с одной стороны, и увеличением сельских жителей у коренных этносов, с другой стороны, обусловило относительный рост КМНС, который продолжается и в настоящее время. В 2010-е гг. доля коренных этносов выросла на 9,6 п. п. Особенно значительным этот показатель был в ЯНАО — 13,1 п. п. в связи с искусственным увеличением сельских жителей, причина которой была уже названа выше. Отражением этого является рост этносоставляющей как в целом по населению территории, так и в отдельных ее частях, проявляющихся в различной степени (табл. 2).

Имеющий место отток коренного населения из сельских поселений в городские способствовал его снижению, исключая по понятной причине ЯНАО, благодаря которому был обеспечен общий среднегодовой прирост (+ 0,75 %) и +1,65 у ненцев Ямало-Ненецкого АО (табл. 3).

Таблица 1

Динамика численности коренных этносов, чел.

Автономное образование	Перепись населения		2021 г. к 2010 г.		Среднегод. прирост, %	Уд. вес сельско-го, %	
	2010 г.	2021 г.	чел.	%		2010 г.	2021 г.
Ненецкий АО	7504	6722	-782	89,6	-1,00	76,4	70,6
Ямало-Ненецкий АО	41 415	48014	6599	115,9	+1,35	59,6	66,8
Таймырский МР	10 137	10112	-25	99,8	-0,05	83,3	74,7
Чукотский АО	16 861	17 000	139	100,8	-0,05	77,3	69,2
Всего	75 017	81 848	7524	110,0	+0,85	68,9	68,6
в т. ч. ненцы	40 770	46 397	5931	114,5	+1,15	82,5	85,9
Уд. вес, %	54,3	56,7	—	+2,4	—	—	—

Источник: Табл. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612-tom4.htm (дата обращения 16.04.2024); Табл. 1. Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2020. <https://fadm.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения 16.04.2024).

Таблица 2

Структурные изменения сельского населения, чел.

Субъект РФ/МО	2010 г.		2021 г.		Уд. вес КМНС, село	
	Село	КМНС	Село	КМНС	2010 г.	2021 г.
Ненецкий АО	13968	5735	10769	4747	41,0	44,1
ЯНАО	79854	32101	78227	41684	40,2	53,3
Таймырский МР	11581	8250	10279	7637	71,2	75,5
Чукотский АО	17792	13069	15101	11769	73,5	77,9
Всего	123195	59155	114376	65837	48,0	57,6

Источник: Табл. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612-tom4.htm (дата обращения 16.04.2024); Табл. 1. Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2020. <https://fadm.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения 16.04.2024).

Таблица 3

Динамика численности коренных этносов, сельская местность, чел.

Автономное образование	Перепись населения		2021 г. к 2010 г.		Среднегодовой прирост, %
	2010 г.	2021 г.	чел.	%	
Ненецкий АО	5735	4747	-988	82,8	-1,70
Ямало-Ненецкий АО	24663	32063	7400	130,0	+2,40
Таймырский МР	8250	7637	-613	92,6	-0,70
Чукотский АО	13069	11769	-1300	90,5	-0,90
Итого	51717	56216	4499	108,7	+0,75
в т. ч. ненцы	33383	39849	6466	119,4	+1,65
Уд. вес, %	64,3	70,9	—	+6,6	—

Источник: Табл. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612-tom4.htm (дата обращения 16.04.2024); Табл. 1. Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2020. <https://fadm.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения 16.04.2024).

Основными скрепами коренных этносов национальных образований Арктики являются самые большие среди них народы: ненцы, ханты, чукчи, долганы. Из 15 коренных народов только они имели положительный прирост и в итоге обеспечили общий прирост этих этносов (табл. 4).

Среди этих народов безусловным лидером являются ненцы, показывающие самые впечатляющие демографические показатели (табл. 5).

Высокая доля коренных малочисленных народов Севера и их репродуктивное поведение в муниципальных районах Арктики оказывает влияние на изменение общей численности и воспроизводство населения в МО Арктики. О роли этнического своеобразия населения и его роли в воспроизводстве населения в традиционной модели демографического поведения имеются многочисленные исследования ((Логинов, 2017; Сукнева, 2016) и др.).

Основным фактором роста численности населения рассматриваемой территории остается естественный прирост. В наиболее благополучных районах в демографическом отношении Ямальском и Тазовском он со второй половины нулевых годов

Таблица 4

Динамические показатели коренных этносов с численностью свыше 10 тыс. чел.

Народ	Перепись населения		2021 г. к 2010 г.		Средне-годовой прирост, %	2021 г. к 2010 г. село		Средне-годовой прирост, %
	2010 г.	2021 г.	чел.	%		чел.	%	
Ненцы	40770	46397	5627	113,8	1,15	6489	119,5	+1,65
Чукчи	12772	13229	457	103,6	0,30	-844	91,7	-0,80
Ханты	9489	10024	535	105,6	0,50	383	105,1	+0,50
Всего	63031	69650	6619	110,5	0,90	6028	111,8	+1,00

Источник: Источник: Табл. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612-tom4.htm (дата обращения 16.04.2024); Табл. 1. Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2020. <https://fadh.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения 16.04.2024).

Таблица 5

Динамика численности ненцев (итоги переписей населения 2010/2020 гг.)

АО	Всего	Муж.	Жен.	город	Муж.	Жен.	село	Муж.	Жен.
ЯНАО, 2010 г.	29772	13945	15827	5109	2048	3061	24663	11897	12766
2021 г.	35979	17089	18890	3916	1555	2361	32063	15534	16529
2021 г. к 2010 г.	6207	3144	3063	-1193	-493	-700	7400	3637	3763
НАО, 2010 г.	7504	3450	4054	1769	684	1085	5735	2766	2969
2021 г.	6722	3102	3620	1975	799	1176	4747	2303	2444
2021 г. к 2010 г.	-782	-348	-434	206	115	91	-988	-463	-525
Таймыр, 2010 г.	3494	1665	1829	632	245	387	2862	1420	1442
2021 г.	3696	1789	1907	757	302	455	2939	1487	1452
2021 г. к 2010 г.	202	124	78	125	57	68	77	67	10

Источники: Источник: Табл. 19. Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612-tom4.htm (дата обращения 16.04.2024); Табл. 1. Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2020. <https://fadh.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения 16.04.2024).

обеспечивает расширенное воспроизводство населения в первую очередь за счет высокого уровня рождаемости (среднегодовой показатель 27,0 и 23,2‰ за 2011–2015 гг.) и снижения уровня смертности. Вследствие этого показатели естественного прироста приблизились к значениям показателей последних лет советского периода (табл. 6).

Сравнительный анализ развития демографического процесса в отдельных муниципальных районах ЯНАО выявил тесную связь между уровнем рождаемости отдельных народов коренной национальности и их долей в общей численности населения (табл. 7).

При этом следует учитывать, с одной стороны, влияние коренных этносов на показатели рождаемости, которая у них выше, чем у остального населения, с другой стороны, более высокий уровень смертности, что в целом в различной степени нивелирует естественный прирост между этими двумя группами населения.

Высокий удельный вес КМНС в общей численности населения оказывает влияние на средний возраст жителей муниципального образования. Это четко коррелируется статданными. Так, по материалам переписи населения 2020 г., самым молодым оказалось население Ямальского района, где удельный вес коренных народов составлял 74,6 % (на 1 октября 2021 г.), а средний возраст 29,3 года; во втором по этому показателю Приуральском районе (65,7) — 29,9 лет, в третьем — в Тазовском районе (58,5 %) — 30,2 года при среднеевропейском — 35,1 года (табл. 8). При этом во всех городских округах и муниципальных образованиях при сравнении данных между переписями населения 2010 и 2020 гг. наблюдался закономерный процесс старения населения. Исключение составил Приуральский район, где оно помолодело, что было связано с отнесением пгт Харп с незначительной долей коренного населения в городской округ Лабытнанги (табл. 8).

Также в воспроизводстве коренного населения следует отметить роль возрастной структуры населения, которая отличается высокой долей молодого населения и низким удельным весом старших возрастов 60+. В ЯНАО это особенно проявилось в момент пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.). В целом по муниципальным районам относительные показатели смертности были в 1,4 и 1,5 раза ниже, чем в городских округах с незначительной долей КМНС. Так, в Ямальском районе в течение 2020 г. и первой половине

Таблица 6

Коэффициенты естественного прироста населения, ‰

Коэффициент	1987–1990 гг.	1991–1995 гг.	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.	2016–2020 гг.
Тазовский район							
Рождаемости	23,8	21,4	20,5	20,9	21,7	23,2	22,3
Смертности	4,5	7,1	8,9	9,2	8,7	8,4	7,5
Естеств. прироста	19,3	14,2	11,6	11,7	13,0	14,8	14,8
Ямальский район							
Рождаемости	26,5	25,8	21,3	20,8	25,0	27,0	22,9
Смертности	5,2	9,2	10,4	10,4	10,2	9,3	7,7
Естеств. прироста	21,3	16,6	10,9	10,4	14,8	17,7	15,2

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения — 2020: Стат. сб. в XI ч. Ч. IX. Рождаемость населения в Тюменской области. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т., 2023; Базы данных показателей муниципальной статистики и по данным Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm. Рассчитано по данным Ямалстата и Базы данных показателей муниципальной статистики и по данным Федеральной службы государственной статистики. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Таблица 7

Динамика коэффициентов естественного прироста населения, ‰

Коэффициент	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Красноселькупский район (селькупы, уд. 26,7 ‰)											
Рождаемости	17,1	20,6	17,3	18,2	18,8	17,4	12,2	11,9	11,2	11,2	15,6
Смертности	10,4	11,7	8,4	9,1	7,8	7,4	8,4	6,8	9,1	6,8	9,2
Естествен. прироста	6,7	8,9	8,9	9,1	11,0	10,0	3,8	5,1	2,1	4,4	6,4
Шурьшкарский район (ханты, уд. вес 50,1 ‰)											
Рождаемости	20,5	21,9	20,2	21,7	23,5	17,4	21,2	17,4	18,6	17,2	18,3
Смертности	11,8	11,8	8,7	12	9,3	12,1	10,2	9,8	8,6	10,0	12,4
Естествен. прироста	8,7	10,1	11,5	9,7	14,2	5,3	11	7,6	10	7,2	5,9
Тазовский район (ненцы, уд. вес 58,5 ‰)											
Рождаемости	22,4	23,3	22,7	23,5	24,1	23,6	22,9	19,3	21,5	20,9	19,9
Смертности	9,1	7,7	8,5	8,4	8,2	7,5	7,1	7,4	7,1	8,3	8,6
Естествен. прироста	13,3	15,6	14,2	15,1	15,9	16,1	15,8	11,9	14,4	12,6	11,3
Ямальский район (ненцы, уд. вес 74,6 ‰)											
Рождаемости	27,2	27,9	27,6	26,8	25,4	23,6	22,9	23	22,3	22,7	23,4
Смертности	11,4	9,6	8,8	8,8	7,7	7,7	7,5	6,9	7,6	8,6	7,9
Естествен. прироста	15,8	18,3	18,8	18	17,7	15,9	15,4	16,1	14,7	14,1	15,5

*2021 г.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения — 2020: Стат. сб. в XI ч. Ч. IX. Рождаемость населения в Тюменской области. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т., 2023; Базы данных показателей муниципальной статистики и по данным Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm.

Таблица 8

Средний возраст населения муниципальных образований Ямала, по данным переписей населения, лет

Муниципальное образование	Оба пола		Муж.		Жен.	
	2021	2010	2021	2010	2021	2010
ГО Салехард	35,6	32,7	34,6	31,4	36,5	33,9
ГО Новый Уренгой	34,6	32,5	33,7	32,1	35,5	32,8
ГО Ноябрьск	37,4	33,5	36,1	32,7	38,6	34,2
Красноселькупский район	34,3	32,6	33,4	31,8	35,1	33,3
Надымский район	35,2	33,6	34,4	32,9	36,0	34,2
Приуральский район	29,9	31,3	28,3	30,6	31,4	32,2
Пуровский район	34,2	32,2	33,2	31,9	35,2	32,4
Тазовский район	30,2	29,3	29,1	28,5	31,2	30,1
Ямальский район	29,3	28,5	28,0	27,6	30,5	29,3
Шурьшкарский район	34,2	31,7	32,6	30,4	35,9	33,0
Ямало-Ненецкий АО	35,1	32,6	34,0	32,0	36,1	33,3

Источник: Возрастно-половой состав и состояние в браке населения в Тюменской области <https://rec.admtymen.ru/OIGV/REC/actions/irections/more.htm?id=12022831%40cmsArticle> (дата обращения 16.04.2024).

2021 г. не было зарегистрировано ни одного случая смерти по причине этого заболевания. Основными факторами сопротивления к пандемии, помимо возрастного состава населения с низким уровнем лиц в возрасте 60+, являлись низкая плотность постоянного населения, существенная удаленность сельских поселений от городов как основных источников распространения заболевания, кочевой образ жизни значительной части коренного населения, которые исключают скученность населения, обеспечивают меньшее количество контактов. В связи с этим влияние COVID-19 в муниципальных образованиях с высокой долей коренного населения оказалось минимальным.

Основным фактором роста численности коренного населения рассматриваемой территории остается естественный прирост, который обеспечивает его расширенное или простое воспроизводство в первую очередь за счет высокого уровня рождаемости. Самый высокий уровень рождаемости, который сохраняется с советских времен, в перестроечные и последующие годы, имеет ненецкое население. По данным переписи населения 2002 г. ненцы имели самый высокий уровень рождаемости среди коренных малочисленных народов Севера, с суммарным коэффициентом рождаемости 2,56, обеспечивающим расширенное воспроизводство и стабильный рост населения. Данный показатель сохранился и в дальнейшем, по данным переписи 2020 г. — 2,553, а у ненцев Ямала — 2,668. Это было обусловлено высокой долей сельского населения, в большей степени сохранившего исторически сложившиеся неформальные правила в воспроизводстве населения, не ограничивающие число деторождений в семье. Уровень смертности испытывал колебания в отдельные периоды, но вектор его движения со второй половины 1990-х гг. был направлен в сторону снижения этого показателя, что в совокупности обусловило увеличение прироста населения.

Вследствие суровых природно-климатических условий и социальных причин (злоупотребление алкоголем) уровень смертности у коренных этносов был всегда выше, чем у остального населения, поэтому преобладание в численности населения народов Севера оказывает значительное влияние на динамику показателей общей смертности (Василькова и др., 2011, с. 45).

Феномен доминирующего сельского ненецкого населения (около 40 тыс. чел., из которых более половины ведут кочевой образ жизни), обусловлен, по мнению автора, тем, что в районах их традиционного проживания и кочевания оказались лучшие оленьи пастбища, используемые для выпаса самых крупных стад оленей в стране. Ареал их расселения в настоящее время совпадает с размещением нефтегазовых месторождений, что определяет их ключевую роль среди других представителей КМНС. Это проявляется в географии их размещения — приуроченности к наиболее продуктивным пастбищам и другим природным объектам, обуславливающим современное экономическое, социальное и демографическое состояние этого народа. В силу этих факторов ненцы являются:

- самым крупным народом среди КМНС;
- одним из самых низко урбанизированных коренных этносов (к городским жителям относится менее одной пятой населения);
- самым быстро растущим малочисленным коренным народом, который в настоящее время, по оценкам автора, вышел уже из группы КМНС¹;

¹ По переписи 2021 г. его численность составила 49 987 чел., а в районах преимущественного проживания — 48 985 чел., при числовом цензе для КМНС — 50 тыс. чел.

- самым молодым народом — медианный возраст 23 года, что позволяет обеспечить суммарный коэффициент рождаемости на уровне расширенного воспроизводства населения;
- с самой высокой долей и абсолютной численностью кочующего населения;
- самым оленеводческим народом, в хозяйствах ненцев (личных, фермерских и общественных) сосредоточено более половины домашних оленей России;
- в пределах традиционного проживания этого народа сосредоточены подавляющая часть газовых и значительная доля нефтяных месторождений страны.

Заключение

Территория Арктической зоны Российской Федерации является исторической родиной коренных малочисленных народов Севера. Благодаря им в советский период были созданы арктические автономные округа (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий (Таймырский)), которые в начале 1990-х гг. получили статус субъекта РФ с соответствующим набором полномочий и прав.

Промышленно-транспортное освоение территории советских времен и продолжающееся в настоящее время оказало и оказывает влияние на социально-экономическое состояние КМНС, создавая определенные проблемы демографического, культурного и экологического характера.

В рамках национальных автономий в 2010-е гг. наблюдался общий рост коренного населения, имевший определенные отличия у отдельных народов. Общая численность КМНС, согласно данным на 1 октября 2021 г., составила 81,8 тыс. чел., из них 80 % проживало в сельской местности. В целом в пределах рассматриваемой территории в этот период численность населения увеличилась на 10 % при среднегодовом приросте 0,85 %, несколько выше этот показатель был сельской местности (соответственно 12 и более 1,0 %).

При этом как по отдельным субъектам, так и по городской и сельской местности имелись значительные отличия в изменении численности коренного населения — от положительных (ЯНАО и ЧАО) и нулевых (Таймыр) значений, и до отрицательных (НАО).

Снижение общей численности населения в сельской местности, идущие с начала 1990-х гг., вызванные институциональными и экономическими причинами, с одной стороны, и увеличение сельских жителей у коренных этносов, с другой стороны, обусловили относительный рост КМНС, который продолжается и в настоящее время.

Этническими скрепами КМНС Арктики являются самые большие среди них народы: ненцы, ханты, чукчи, долганы. Из 15 коренных народов только они имели положительный прирост и в итоге обеспечили общий прирост этих этносов

Основным фактором роста численности коренного населения рассматриваемой территории остается естественный прирост, который обеспечивает его расширенное или простое воспроизводство, в первую очередь за счет высокого уровня рождаемости. Значительную лепту в этот прирост внесло ненецкое население ЯНАО (рост 115 % при среднегодовом приросте 1,65 %).

Демографический феномен доминирующего сельского ненецкого населения (около 40 тыс. чел., из которых более половины ведут кочевой образ жизни), позволивший им стать самым крупным народом, обусловлен сохранением традиционного образа жизни, низким уровнем урбанизированности, социально-экономическими условиями, молодой половозрастной структурой населения, позволившей обеспечить суммарный коэффициент рождаемости на уровне расширенного воспроизводства

населения, что сделало их самым быстро растущим малочисленным коренным народом, который в настоящее время, по оценкам, вышел уже из группы КМНС.

Благодарность

Статья подготовлена на основе исследований, финансируемых в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2024–2026 гг.

Acknowledgements

The article has been prepared on the basis of research funded in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026.

Список источников

Василькова, Т. Н., Евай, А. В., Мартынова, Е. П., Новикова, Н. И. (2011). *Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе)*. Москва; Шадринск: Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 268.

Волжанина, Е. А. (2008). Проблемы демографии ненцев Ямала в первой трети XX в. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 9, 112–122.

Головнёв, А. В., Абрамов, И. В. (2014). Олени и газ: стратегии развития Ямала. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 4(27), 122–131.

Дунин-Горкавич, А. А. (1996). *Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев*. Т. III. Москва: Либерия, 192.

Зуев, С. М., Кибенко, В. А., Сухова, Е. А. (2017). Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 3(3), 33–44. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2017-3-3-33-44>

Копцева, Н. П., Шишацкий, Н. Г., Брюханова, Е. А. (2023). Динамика численности и особенности современной системы расселения коренных малочисленных народов Севера в Арктической зоне Красноярского края. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 16(2), 164–183.

Корнилов, Г. Г., Корнилов, Г. Е., Михалев, Н. А., Оруджиева, А. Г. (2013). *Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ*. Екатеринбург: Издательство АМБ, 360.

Логинов, В. Г. (2017). Социально-демографический потенциал этнических районов Арктики. *Журнал экономической теории*, 4, 37–49.

Павленко, В. И., Петров, А., Куценко, С. Ю., Деттер, Г. Ф. (2019). Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития). *Экология человека*, 26(1), 26–33. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-1-26-33>

Пивнева, Е. А. (2023). Коренные малочисленные народы ХМАО–Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX–XXI вв. *Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание*, 4(16), 87–110. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110>

Ростовская, Т. К., Плеханова, Л. В., Ситковский, А. М. (2023). Особенности демографического развития коренных малочисленных народов Севера ХМАО в период 2002–2022 гг. *Вопросы истории*, 9-1, 172–187. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202309Statyi16>

Смирнов, А. В. (2023). *Демография российской Арктики в цифровую эпоху*. Москва: Изд-во «Экономика», 239.

Сукнева, С. А. (2016). Демографический потенциал Северо-Востока России. В: *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст.*

VII Уральского демографического форума с межд. участием (с. 175–179). Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Удалова, И. В. (2004). Социокультурная адаптация в механизме сохранения и развития народов Севера (на примере Ханты-Мансийского АО). В: *Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. Вып. 6* (с. 136–141). Новосибирск: СНИ.

Фаузер, В. В. (2014). Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического освоения Арктики. *Экономика региона*, 4, 69–81.

Фаузер, В. В. (Ред.). (2022). *Российская и мировая Арктика: население, экономика, расселение*. Москва: Политическая энциклопедия, 215.

Харалампиева, Н. К. (Ред.). (2017). *Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы*. Архангельск: СУФУ, 325.

References

Dunin-Gorkavich, A. A. (1996). *Tobolskiy Sever. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev. T. III [Tobolsk North. Ethnographic essay of local foreigners. Vol. III]*. M.: Liberia, 192. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (2014). Demographic potential of the Russia's northern regions as a factor and condition of economic development of the Arctic. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 4, 69–81. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (Ed.). (2022). *Rossiyskaya i mirovaya Arktika: naselenie, ekonomika, rasselenie [Russian and World Arctic: Population, Economy, Settlement]*. Moscow: Political Encyclopedia, 215. (In Russ.)

Golovnev, A. V., & Abramov, I. V. (2014). Reindeer and gas: development strategies of Yamal. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 4(27), 122–131. (In Russ.)

Kharalampieva, N. K. (Ed.). (2017). *Etonatsionalnye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]*: monograph. Arkhangelsk: SUFU, 325. (In Russ.)

Koptseva, N. P., Shishatskiy, N. G., & Bryukhanova, E. A. (2023). The dynamics of the population and features of the modern resettlement system indigenous peoples of the North in the Arctic Zone of the Krasnoyarsk Territory. *Zhurnal Si-birskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 16(2), 164–183. (In Russ.)

Kornilov, G. G., Kornilov, G. E., Mikhalev, N. A., & Orudzhieva, A. G. (2013). *Naselenie Yamala v XX veke: istoriko-demograficheskiy anal [The population of Yamal in the XX century: historical and demographic analysis]*. Ekaterinburg: AMB Publishing House, 360. (In Russ.)

Loginov, V. G. (2017). Socio-Demographic Potential of the Ethnic Regions of the Arctic. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 4, 37–49. (In Russ.)

Pavlenko, V. I., Petrov, A., Kutsenko, S. Y., & Detter, G. F. (2019). Indigenous peoples of the Russian Arctic (problems and development prospects). *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*, 26(1), 26–33. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-1-26-33> (In Russ.)

Pivneva, E. A. (2023). Indigenous Small Peoples of Khanty-Mansiysk Autonomous District-Yugra in the Mirror of Nation Censuses of Russia (20th - 21st Centuries). *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie [Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics]*, 4(16), 87–110. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110> (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Plekhanova, L. V., & Sitkovskiy, A. M. (2023). Features of demographic development of indigenous small-numbered peoples of the North of the KhMAO in 2002–2022. *Voprosy istorii*, 9-1, 172–187. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202309Statyi16> (In Russ.)

Smirnov, A. V. (2023). *Demografiya rossiyskoy Arktiki v tsifrovuyu epokhu [Demography of the Russian Arctic in the digital age]*. Moscow: Publishing House “Economics”, 239. (In Russ.)

Sukneva, S. A. (2016). Demographic potential of the North-East of Russia. In: *Dinamika i inertsiyinnost vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG. Sb. st. VII Uralskogo demograficheskogo foruma s mezhd. uchastiem. T. II [Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS. Collection of Articles VII of the Ural Demographic Forum with international participation. Vol. II]* (pp. 175–179). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Udalova, I. V. (2004). Socio-cultural adaptation in the mechanism of preservation and development of the peoples of the North (on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). In: *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri: temat. sb. Vyp. 6 [Ethnosocial processes in Siberia: topical collection. Issue 6]* (pp. 136–141). Novosibirsk: SNI. (In Russ.)

Vasilkova, T. N., Evai, A. V., Martynova, E. P., & Novikova, N. I. (2011). *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennoye razvitiye Arktiki (etnologicheskii monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge) [Indigenous Peoples and Industrial Development of the Arctic (Ethnological Monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]*. Moscow-Shadrinsk: Publishing House of OGUP “Shadrinsky House of Printing”, 268. (In Russ.)

Volzhanina, E. A. (2008). The problems of demography of the Nenets of Yamal in the first third of the XX century. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 9, 112–122. (In Russ.)

Zuev, S. M., Kibenko, V. A., & Sukhova, E. A. (2017). Socio-Economic Factors of Life of the Nomadic Population of the Yamal-Nenets Autonomous District. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]*, 3(3), 33–44. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2017-3-3-33-44> (In Russ.)

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-2466-5686> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

About the author

Vladimir G. Loginov — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of Sector, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-2466-5686> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: log-wg@rambler.ru).

УДК 338.467

JEL classification: A14

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-8>

Поколение Z: особенности потребительского поведения в цифровой среде¹

С. В. Мартыненко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1214-8382>

Автор для корреспонденции: С. В. Мартыненко (s.v.martynenko@urfu.me).

Аннотация. Поколение Z, охватывающее людей, родившихся примерно с середины 1990-х по начало 2010-х гг., представляет собой уникальное поколение, выросшее в мире цифровых технологий и интернета. Потребительское поведение представителей этого поколения, предпочтения и взаимодействие с рынком значительно отличаются от предыдущих поколений. В данной статье мы рассмотрим особенности цифрового потребителя из поколения Z, анализируя его предпочтения, потребности и влияние на рынок, а также предложим стратегии взаимодействия с этой аудиторией на основе проведенных исследований и анализа данных. На основе анализа поведения нового поколения выявлены некоторые методы воздействия и ориентиры, необходимые при выстраивании стратегий в современной коммуникационной индустрии. В статье предлагаются рекомендации для бизнеса, маркетинга и общества в целом, способствующие лучшему пониманию поколения Z и взаимодействию с ним.

Ключевые слова: поколение Z; зумеры; потребительские характеристики; цифровые нативы; цифровая среда; онлайн-поведение

Generation Z: Features of Consumer Behaviour in the Digital Environment

S. V. Martynenko

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1214-8382>

Corresponding author: S. V. Martynenko (s.v.martynenko@urfu.me).

Abstract. Generation Z, which includes people born from the mid-1990s to the early 2010s, is a unique generation that grew up in a digital and internet-enabled world. Their consumer behaviour, preferences and interactions with the market are significantly different from previous generations. The article examines characteristics of Generation Z consumers, analysing their preferences, needs and influence on the market, as well as proposes strategies for interacting with this audience using research and data analysis. Based on the analysis of the behaviour of the new generation, some methods of influence and guidelines necessary for building strategies in the modern communication industry were identified. The paper provides recommendations for business, marketing and society to better understand and interact with Generation Z.

Keywords: Generation Z; zoomers; consumer characteristics; digital natives; digital environment; online behaviour

Введение

Поколение Z, охватывающее людей, родившихся примерно с середины 1990-х по начало 2010-х гг., представляет собой уникальное поколение людей, выросших в мире цифровых технологий и интернета. Их потребительское поведение, предпочтения и взаимодействие с рынком значительно отличаются от поведения

¹ © Мартыненко С. В. Текст. 2024

предшествующих поколений. Понимание этой аудитории имеет важное значение для бизнеса, маркетинга и общества в целом. В данной статье мы рассмотрим особенности цифрового потребителя из поколения Z, анализируя его предпочтения, потребности и влияние на рынок, а также предложим стратегии взаимодействия с этой аудиторией на основе проведенных исследований и анализа данных.

Согласно исследованию, проведенному компанией IBM (Cheung J et al., 2017), поколение Z предпочитает покупать товары и услуги онлайн, а также использовать мобильные устройства для совершения покупок. Они также более склонны к использованию мобильных приложений для покупок, чем к использованию сайтов.

Нынешний взрыв цифровых технологий привел к появлению нового поколения молодых людей, обладающих особыми способностями и навыками работы с современными цифровыми устройствами. Их называют «цифровыми нативами». Этот термин впервые был использован американским пропагандистом технологий обучения и экспертом в области образования Марком Пренски в 2001 (Prensky, 2001). Автор назвал группу молодых людей, которые легко осваивают компьютеры, цифровые медиа, видеоигры и различные программы, потому что они родились в век информационных технологий, и «цифровыми аборигенами, цифровыми иммигрантами».

Поколение Z, или поколение «цифровых нативов», относится к людям, родившимся примерно с середины 1990-х по 2010-е гг. Они выросли в мире, где цифровые технологии, интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Социологический анализ поколения Z указывает на вовлеченность его представителей в виртуальное пространство, склонность к получению навыков через онлайн-курсы, быструю адаптацию к информационным технологиям и нацеленность на быстрый результат. Они также проявляют реализм, нацеленность на выполнимые задачи и умение быстро принимать решения в кризисных ситуациях. Поколение Z обладает оптимизмом, высокой ответственностью и умением структурировать информацию в условиях обильного информационного потока¹ (Демидов, 2021). Это поколение молодых людей также проявляет большую осведомленность в вопросах экологии и социальной ответственности компаний. Они предпочитают покупать товары у компаний, которые заботятся о природе и обществе. Согласно исследованию, проведенному компанией Nielsen, 73 %² поколения Z готовы платить больше за товары и услуги, предоставляемые компаниями, которые заботятся о природе и обществе.

Каждое поколение отличается определенными ценностями, присущими его представителям, а ценности могут меняться на протяжении жизни, но ценностное ядро, сформированное в детстве и подростковом возрасте, остается неизменным. То есть каждое поколение имеет свою объективно детерминированную, стихийно сложившуюся социальную программу, которая отображает состояние материальной и духовной культуры, тип общественных отношений, конкретные материальные и идеальные отношения, посредством которых формируется поколение.

Целью статьи является анализ основных характеристик и потребительского поведения поколения Z как нового поколения молодых людей, основанных на взглядах российских и зарубежных исследователей.

---

¹ Рожежки О. Поколение Z: Психологический портрет, плюсы и минусы. <https://edu.ursmu.ru/fakultety/fspo/pedagog-psiholog2/pedagogam.html>

² It's in the Bag: Sustainable Shoppers Buy Into the Future. Nielsen. <https://www.nielsen.com/insights/2019/its-in-the-bag-black-consumer-path-to-purchase/>

Для реализации цели исследования были использованы следующие методы: аналитический метод сбора, обработки и систематизации научной информации по проблеме исследования, изучения и обобщения опыта зарубежных ученых, интерпретации и сравнительного анализа.

Основная часть

Важно отметить, что поколение Z, выросшее в эпоху компьютеров, интернета, мобильных телефонов и смартфонов, а также других гаджетов, хранящих информацию в небольшом корпусе с более крупными функциями, сущностно отличается от других поколений. Поэтому неудивительно, что многие ученые и практики (в том числе психологи, социологи, экономисты) обращают пристальное внимание на развитие цифровых технологий и их влияние на мировоззрение, отношения с другими людьми, жизнь в целом. С начала 2000-х гг. темы, связанные с теорией поколений, их отношением к новым медиа, современной молодежи и сетям, стали тенденцией западной науки и социального дискурса. «Эффект Опры» связан со способностью Опры Уинфри влиять на поведение потребителей и общественное мнение, что часто приводит к увеличению продаж или популярности продуктов или идей, которые она поддерживает. В то время как «эффект Тима Ферриса» связан с методом быстрого развития навыков Тима Ферриса, изложенным в его книге «Четырехчасовой шеф-повар», где он представляет четырехэтапный метод быстрого развития новых навыков. Эти эффекты подчеркивают значительное влияние и влияние, которые эти люди оказывают в своих областях. При этом палитра оценок сетевых поколений становится все более разнообразной: от восхищения их способностями, создания так называемых мифов об их необычайном технологическом потенциале до их полного разоблачения и возмущения по поводу упускаемых ими возможностей. Таким образом, в современном научном поле существует два подхода к оценке способностей современных студентов — поколения Z. Сторонники первого из них заявляют, что цифровое поколение использует новые технологии более творчески и эффективно, чем предыдущие поколения (Носова, 2012; Trapscott, 2008). Сторонники второго подхода, напротив, утверждают, что современные школьники ничем не отличаются от тех, кто родился раньше, за исключением того, что они с раннего возраста играли на планшетах¹ (Kirschner & Bruyckere, 2017).

Д. Тапскотт отмечает, что новые медиа изменили поведенческие модели поколения Z и повлияли на некоторые функции мозга. Он считает, что многие из этих изменений являются положительными, так как постоянный мультимедийный опыт улучшил восприятие визуальных объектов и ориентации в пространстве, а видеоигры улучшили координацию рук и глаз, что важно для быстрого принятия решений (Trapscott, 2008). Хотя объем оперативной памяти не увеличился, увеличился объем технологических знаний, навыков и скорость их использования, что дает возможность мгновенно находить необходимую информацию, «просеивать и отсеивать» ее, оценивать и превращать в знания. Однако Тапскотт также отмечает, что видеоигры могут подавлять активность лобных долей мозга, которые контролируют память и эмоции, и у заядлых геймеров лобные доли могут отключаться даже после того, как они перестают играть (Trapscott, 2008).

С. Носова соглашается с Тапскоттом и добавляет, что новое поколение обладает совершенно новым набором социальных навыков (Носова, 2012). Она отмечает,

¹ Carr, N. Is Google Making Us Stupid? What the Internet is Doing to our Brains. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/>

что активность жизненной позиции представителей этого поколения реализуется не в участии в массовых общественно-политических мероприятиях, а в использовании фото- и видеокамер своих мобильных устройств для документальной фиксации тех или иных событий с целью их размещения и обсуждения в сети.

Характеристики поколения Z

В своей книге «Поколение Z на работе: как следующее поколение меняет рабочее место» Дэвид Стиллман и Джона Стиллман выделяют семь основных характеристик поколения Z (Stillman & Stillman, 2017):

1. Цифровой мир. Представители поколения Z родились в мире, где все имеет цифровой аналог, и его восприятие мира построено на сочетании физического и цифрового аспектов. Для них цифровой мир стал частью реального, физического мира и неотделим от него. Согласно исследованию Стиллмана и Стиллмана, 91 % представителей поколения Z считают, что уровень технологической сложности компании существенно влияет на их решение работать в ней (Stillman & Stillman, 2017). Поколение Z обладает совершенно новым набором социальных навыков, их активность реализуется в использовании фото- и видеокамер своих мобильных устройств для документальной фиксации событий с целью их размещения и обсуждения в сети (Носова, 2012). Они родились и живут в эпоху развития цифровых технологий, и их образ жизни, мышления и потребительское поведение сформированы под влиянием цифровых технологий (Лапидус и др., 2020). Поколение Z не разделяет мир на цифровой и реальный, для них цифровой мир стал частью реального мира¹.

2. Высокая степень персонализации. Представители поколения Z склонны персонализировать все, что их окружает, и рабочий процесс не является исключением: согласно опросу, проведенному Стиллманом и Стиллманом, 57 % представителей поколения Z склонны договариваться об индивидуальных должностных инструкциях, а не соглашаться на стандартизированные варианты от потенциальных работодателей.

3. Практичность. Поколение Z формировалось и развивалось во времена экономической нестабильности и широкомасштабных террористических атак, что породило его прагматическое мышление, которое, по мнению авторов, отличается от мышления поколения Y, также известного как миллениалы.

4. Страх пропустить что-то. Для поколения Z характерен страх упустить выгоду, страх потерять способность сохранять свою конкурентоспособность, позволяющую им сохранять высокие темпы личностного развития. В то же время они страдают от страха медленного продвижения по службе. Авторы утверждают, что представители поколения Z постоянно создают проблемы в своей рабочей среде, поскольку они хотят быть уверенными, что успешно используют все возможности, связанные с различными ситуациями. Это, в свою очередь, порождает у поколения Z способность к многозадачности: 75 % представителей поколения Z готовы одновременно выполнять несколько функций внутри организации.

5. Виртуальная экономика. Авторы утверждают, что поколение Z живет в мире совместного потребления. Поколение Z подталкивает свою рабочую среду к организации коллективного взаимодействия людей более эффективным и экономичным способом. Представитель поколения Z — больше не просто наемный работник;

---

¹Пивоварова А. Кто такие центениалы и почему они так отличаются от родителей. МЕЛ. <https://mel.fm/novosti/7451960-generationz>

он стремится реализовать потенциал совместного подхода в своей деятельности, принося пользу обществу и делая мир лучше: для 93 % представителей поколения Z внедрение корпоративной социальной ответственности является важным фактором, сильно влияющим на процесс выбора работы.

6. **Сделай сам.** Стиллман и Стиллман утверждают, что 71 % представителей поколения Z разделяют схожее мышление: «Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам». «Воспитанное на руководствах Youtube», поколение Z верит в свои способности самостоятельно выполнить любую задачу.

7. **Мотивация.** Авторы предполагают, что поколение Z более индивидуалистично и конкурентоспособно по сравнению с предыдущими поколениями. 72 % ее представителей сообщают, что они вполне конкурентоспособны по сравнению с другими сотрудниками в своей сфере деятельности (Stillman & Stillman, 2017).

Эти ценности отражают влияние цифровой среды, индивидуализм, стремление к самореализации и быстрые темпы жизни, которые характеризуют поколение Z.

Также представители поколения Z обладают активной позицией в онлайн-пространстве, имеют мгновенный доступ к информации и способны работать с большим объемом данных, что позволяет им принимать более обоснованные решения о покупках и быть более активными в онлайн-пространстве¹.

Поколение Z отличается от предыдущих поколений, таких как миллениалы (поколение Y), во многих аспектах, включая ценностные ориентации. Основные различия в ценностях поколения Z:

1) поколение Z выросло в эпоху цифровых технологий, поэтому оно более ориентировано на цифровую среду и виртуальное взаимодействие, чем их предшественники;

2) в отличие от предыдущих поколений, поколение Z обычно ориентировано на быстрые результаты и мгновенное удовлетворение (Kirschner & Bruycker, 2017);

3) поколение Z проявляет больший индивидуализм, самостоятельность и склонность к самореализации²;

4) ценности поколения Z формируются под влиянием электронной цифровой среды, что отличает их от предыдущих поколений².

Эти различия связаны с быстрым развитием технологий и изменением социокультурной среды, в которой выросло поколение Z.

Изменения в ценностных ориентациях поколения Z, вызванные экономическими изменениями, не являются основными. Однако, экономические изменения могут повлиять на некоторые аспекты ценностей поколения Z, такие как нацеленность на достижение успеха и финансовую независимость. Например, в условиях экономического кризиса поколение Z может проявлять большую осторожность в финансовых вопросах и более реалистичный подход к выбору карьеры (Амеличева и др., 2022). Однако, в целом, ценностные ориентации поколения Z формируются под влиянием других факторов, таких как цифровая среда, индивидуализм и быстрые темпы жизни (Яницкий и др., 2019).

Поколение Z: особенности их поведения в цифровой среде

Поколение Z — это поколение, которое выросло вместе с технологиями. Его представители впервые столкнулись с технологиями еще в раннем детстве и поэтому

¹ Юсупов Э. Что такое поколение Z: особенности и характер «цифровых» детей. Лента.ру <https://lenta.ru/articles/2023/11/29/что-такое-pokolenie-z/?ysclid=ls8g9n9ci5605464165>

² Carr, N. Is Google Making Us Stupid? What the Internet is Doing to our Brains. The Atlantic. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/>

свободно владеют ими. Они могут выполнять несколько задач одновременно, не теряя при этом качества выполнения. Однако у них есть трудности с концентрацией внимания, что может привести к отвлечению на другие задачи, включая использование телефона в неподходящее время.

Представители поколения Z очень амбициозны и хотят быстро достичь успеха. Они не хотят оставаться в компании, где нет перспективы роста. Они нуждаются в обратной связи в ответ на свои действия, так как привыкли к тому, что в интернете на любое действие моментально появляется отзыв.

Они ненавидят четкие границы и нуждаются в гибкости во всем, что они делают. Они любят получать четко сформулированные задачи, требования и требуемые результаты.

Поколение Z проводит большую часть времени онлайн, работая, учась, проводя время в социальных сетях, смотря фильмы и развлекательный контент онлайн и т. д. Его представители являются цифровыми потребителями, которые смело совершают покупки в интернете.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что поколение Z имеет свои особенности поведения в цифровой среде, которые следует учитывать при разработке продуктов и услуг для этой аудитории.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что представители поколения Z являются цифровыми потребителями, которые проводят большую часть времени онлайн. Они любят получать обратную связь в ответ на свои действия и проявляют социальную ответственность при выборе брендов.

Для брендов важно учитывать особенности поведения поколения Z при разработке продуктов и услуг. Социальные сети становятся основным каналом донесения рекламной информации до молодой аудитории, поэтому важно использовать визуальный контент и короткие форматы.

Поколение Z более склонно к сотрудничеству и удаленной работе, чем другие поколения. Его представители проводят много времени в социальных сетях для общения, отслеживания тенденций, покупок и развлечений.

Для эффективного взаимодействия с поколением Z необходимо учитывать его уникальные потребности и предпочтения. Важно использовать методы вовлечения и сотрудничества, а также создавать условия для формирования социальности.

Компании также могут использовать силу рекомендаций, чтобы привлечь внимание поколения Z. Существующий «эффект Опры», или «эффект Тима Ферриса» действительно сложно переоценить.

В целом поколение Z представляет собой новую аудиторию, которая требует новых подходов и стратегий. Однако учитывая ее потенциал и уникальные особенности, взаимодействие с ней может принести значительную выгоду для брендов и компаний.

Список источников

Амеличева, Д. В., Семенова, Е. А., Тиханов, Н. Е., Белова, О. Р. (2021). Рынок труда после 2025: Ценности и поведенческие модели поколения Z как триггер экономических изменений. В: *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов в двух томах (18–20 ноября 2021 года, Екатеринбург)* (с. 266–270). Екатеринбург: УрФУ.

Демидов, Н. (2021). Ценностные ориентации поколения Z: социологический анализ. *Академическая мысль*, 2(15), 55–64.

Лapidус, Л. И, Гостилевич, А. О., Омарова, Ш. А. (2020). Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения. *Государственное управление*, 83, 271–293.

Носова, С. (2012). Методологические основы для обучения Социальных сетей. *Вестник Томского Государственного Университета*, 363, 53–57.

Яницкий, М. С., Серый, А. В., Браун, О. А., Пелех, Ю. В., Маслова, О. В., Сокольская, М. В., ... Капустина, Т. В. (2019). Система Ценностных ориентаций «поколения»: социальные, культурные и демографические детерминанты. *Сибирский психологический журнал*, 72, 65–79.

Cheung, J., Glass, S., McCarty, D., & Wong, Ch. K. (2017). *Uniquely Generation Z: What brands should know about today's youngest consumers*. USA: IBM, 24. <https://www.ibm.com/thought-leadership/institute-business-value/en-us/report/uniquelygenz>

Kirschner, P. A., & Bruyckere, P. (2017). The Myths oh the Digital Native and the Multitasker. *Teaching and Teacher Education*, 67, 135–142. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.06.001>

Prensky, M. (2006). Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*, 9(5), 91–118.

Stillman, D., & Stillman, J. (2017). *Gen Z @ work: how the next generation is transforming the workplace*. Harper Business, 320.

Trapscott, D. (2008). *Grow Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. New York: McGraw-Hill Companies, 368.

References

Amelicheva, D., Semenova, E., Tikhonov, N., & Belova, O. (2021). Labor Market After 2025: Values and Behavioral Models of Generation Z Triggering Economic Changes. In: *Rossiyskie _egion v fokuse peremen: sbornik dokladov v dvukh tomakh (18–20 noyabrya 2021 goda, Ekaterinburg) [Russian regions in the focus of changes: a collection of reports in two volumes (November 18–20, 2021, Ekaterinburg)]* (pp. 266–270). Ekaterinburg, URFU. (In Russ.)

Cheung, J., Glass, S., McCarty, D., & Wong, Ch. K. (2017). *Uniquely Generation Z: What brands should know about today's youngest consumers*. USA: IBM, 24. <https://www.ibm.com/thought-leadership/institute-business-value/en-us/report/uniquelygenz>

Demidov, N. (2021). Generation Z value orientations: a sociological analysis. *Akademicheskaya mysl [Academic Thought]*, 2, 55–64. (In Russ.)

Kirschner, P. A., & Bruyckere, P. (2017). The Myths oh the Digital Native and the Multitasker. *Teaching and Teacher Education*, 67, 135–142. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.06.001>

Lapidus, L. I, Gostilovich, A. O., & Omarova, Sh. A. (2020). Features of Digital Technologies Penetration into Generation Z Life: Values, Behavioral Patterns and Consumer Habits of the Internet. *Gosudarstvennoe upravlenie [Public administration]*, 83, 271–293. (In Russ.)

Nosova, S. (2012). Methodological background for studying society-network. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Tomsk State University Journal]*, 363, 53–57. (In Russ.)

Prensky, M. (2006). Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*, 9(5), 91–118.

Stillman, D., & Stillman, J. (2017). *Gen Z @ work: how the next generation is transforming the workplace*. Harper Business, 320.

Trapscott, D. (2008). *Grow Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. New York: McGraw-Hill Companies, 368.

Yanitskiy, M. S., Seryj, A. V., Braun, O. A., Pelekh, Yu. V., Maslova, O. V., Sokolskaya, M. V., ... Kapustina, T. V. (2019). The value orientations system of generation z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 72, 65–79. (In Russ.)

Информация об авторе

Мартыненко Святослав Владимирович — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; продуктовый маркетолог, ООО «Звук»; <https://orcid.org/0000-0002-1214-8382> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: s.v.martynenko@urfu.me).

About the author

Svyatoslav V. Martynenko — PhD Student, Ural Federal University; Product Marketing Specialist, Zvuk LLC; <https://orcid.org/0000-0002-1214-8382> (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: s.v.martynenko@urfu.me).

УДК 331.5

JEL classification: J01, J11, J21

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-9>

Демографические проблемы и стратегия устойчивого развития сельских территорий¹

Ю. А. Масалова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, Россия).
<https://orcid.org/0000-0001-5298-5743>

Автор для корреспонденции: Ю. А. Масалова (ymasalova@yandex.ru).

Аннотация. Демографическая ситуация сельских территорий в России характеризуется целым рядом проблем. Это не только низкая рождаемость и высокая смертность, но и значительная миграция сельского населения в города. Особенно это касается молодежи, которая уезжает из сельской местности, что в перспективе усиливает кадровый голод в сельском хозяйстве и приводит к деградации сел. Предметом исследования выступают демографические характеристики населения сельских территорий Новосибирской области. Целью статьи является оценка влияния демографических проблем на возможности для обеспечения устойчивого развития сельских территорий. Гипотеза исследования состоит в том, что неблагоприятная демографическая ситуация может сдерживать устойчивое развитие сельских территорий. Методология данного исследования строится на анализе статистических данных, сравнении и синтезе. Анализ демографической ситуации на примере Новосибирской области показал, что ухудшение демографических показателей приводит к ухудшению экономической ситуации в сельской местности. Исследование демографических проблем позволяет формировать эффективную политику в части создания благоприятных условий для обеспечения устойчивого развития сельских территорий.

Ключевые слова: демографические характеристики; население; сельские территории; устойчивое развитие

Demographic Problems and Strategy for Sustainable Development of Rural Areas

Yu. A. Masalova

Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-5298-5743>

Corresponding author: Yu. A. Masalova (ymasalova@yandex.ru).

Abstract. The demographic situation in rural Russia is characterised by a number of issues. These include low fertility and high mortality rates, as well as significant migration of the rural population to cities. In particular, migration of young people from rural areas potentially increases the shortage of personnel in agriculture and leads to the degradation of villages. The study examines demographic characteristics of the population of rural areas in Novosibirsk oblast. The purpose of the article is to assess the impact of demographic issues on the opportunities for rural sustainable development. It is hypothesised that an unfavourable demographic situation may hinder rural sustainable development. Statistical data analysis, methods comparison and synthesis were applied. An analysis of the demographic situation in Novosibirsk oblast showed that a deterioration in demographic indicators leads to a deterioration in the economic situation in rural areas. The findings can be used to formulate effective policies in terms of creating favourable conditions for ensuring rural sustainable development.

Keywords: demographic characteristics; population; rural areas; sustainable development

¹ © Масалова Ю. А. Текст. 2024

Введение

В настоящее время в России как на федеральном, так и на региональном уровнях государством осознается необходимость повышения привлекательности сельских территорий для населения, в том числе с целью привлечения молодежи, которая может быть задействована в различных сферах экономической деятельности. Особые проблемы в части нехватки специалистов испытывает агропромышленный комплекс страны, который нуждается в высококвалифицированной рабочей силе. Однако коренное изменение сложившейся ситуации может быть возможно только на основе учета происходящих демографических процессов, а также за счет выявления и глубокого анализа определяющих их факторов. При этом важна оценка возможностей влияния на данные факторы.

Официально категория «сельские территории» была определена в Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года. В данном документе она рассматривалась как «территория сельских поселений и соответствующих межселенных территорий».

Следует учесть и то, что в целом территория Российской Федерации неоднородна, при этом исследователи выделяют различные группы и кластеры в контексте характеристик сельских территорий (Былина, 2021; Мхитарян & Попова, 2023). Ученые сходятся во мнении, что на развитие территории влияют не только особенности природно-климатических условий, но и созданные на ней условия для проживания, поэтому в качестве типологических признаков рассматриваются: уровень экономического развития сельской территории, уровень сельской безработицы, дифференциация сельского населения по доходам, миграционный отток сельских жителей, а также уровень использования информационно-телекоммуникационных технологий сельским населением. Министерство сельского хозяйства России совместно с Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова проводят ежегодный мониторинг развития сельских территорий и по его результатам проводится их группировка, исходя из уровня участия рабочей силы, занятости сельского населения, общей безработицы в сельской местности, коэффициента локализации безработицы в сельской местности, соотношения среднедушевых располагаемых ресурсов сельского населения с региональной величиной прожиточного минимума, обеспеченности сельского населения жильем, удельного веса общей площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства.

На наш взгляд, для полного понимания возможностей устойчивого развития сельских территорий важно учитывать особенности демографических процессов в региональном разрезе, что должно способствовать формированию конкретных способов решения накопившихся социально-демографических проблем, выделить приоритетные направления и разработать конкретные мероприятия в рамках демографической политики, которую необходимо разрабатывать и реализовать не только на федеральном и региональном, но и даже на корпоративном уровне управления.

Важно исходить из того, что численность сельского населения в России последние десятилетия неуклонно снижается, и это создает существенную угрозу в перспективе как для обеспечения продовольственной безопасности страны, так и для развития предприятий агропромышленного комплекса и освоения территорий в целом. Освоение сельских территорий важно и с точки зрения сохранения социального контроля над данными территориями. По данным Всероссийской переписи населения

за период с 2010–2020 гг. на 30 % выросло количество заброшенных сел, так на 2020 г. начитывается около 25 тыс. сел, в которых никто не проживает.

В сложившейся ситуации требуется переломить ситуацию, повышая качество жизни сельского населения, гарантируя его эффективную занятость, что позволит перенаправить миграционные потоки, сделать сельские территории привлекательными для жизни и работы, за счет их комплексного развития. Ключевым фактором при этом выступает естественное воспроизводство сельского населения, а для этого должна расти рождаемость и снижаться смертность. Данные процессы возможны только за счет создания благоприятных условий, при которых будут сформированы позитивные репродуктивные установки и нормы, направленные на здоровьесбережение и продление жизни.

На федеральном уровне разрабатываются и реализуются государственные программы комплексного развития сельских территорий, сейчас такая программа разработана на период до 2030 г. Эффективная реализация мероприятий в рамках государственной программы требует наличия, в свою очередь, региональных программ, которые должны учитывать сложившуюся социально-экономическую, демографическую ситуацию, природно-географические условия и иные специфические характеристики региона. По результатам экспертно-аналитических мероприятий, проведенных Счетной палатой РФ в 2021 г. было установлено, что за период с 2018–2020 гг. несмотря на оказываемую господдержку и принимаемые меры по развитию сельских территорий уровень жизни на селе, включая состояние социальной и инженерной инфраструктуры, по-прежнему существенно отстает от городского. В частности, остаются нерешенными проблемы газо- и водоснабжения, сохраняется высокая потребность сельских жителей в улучшении жилищных условий.¹

В данной статье остановимся только на оценке влияния демографических проблем на возможность развития сельских территорий на примере Новосибирской области. Выдвинута гипотеза, предполагающая, что неблагоприятная демографическая ситуация способствует снижению возможностей для обеспечения устойчивого развития сельских территорий. А следовательно, необходимо акцентировать внимание на решении демографических проблем, разрабатывая соответствующую политику не только на государственном, но и на корпоративном уровне.

Исследование демографических процессов на сельских территориях

В научной литературе уделяется большое внимание демографическим аспектам экономического развития. Данная проблематика находит отражение в работах целого ряда исследователей, рассматривающих данные вопросы не только с позиции демографии и экономики, но и управления, социологии, психологии и даже медицины. Следует отметить целый ряд авторов, внесших существенный вклад в исследование демографических проблем, среди них В.Н. Архангельский (Архангельский, 2021), А.П. Багирова и С. Манукян (Bagirova & Manukyan, 2020), А.Г. Вишневский (Вишневский, 2003), Н.К. Долгушкин (Долгушкин, 2000), С.В. Захаров (Захаров, 2019), О.А. Козлова (Козлова & Левина, 2019), И.С. Лунёва и соавторы (Лунева и др., 2019), А.Б. Синельников (Синельников, 2021), Т.К. Ростовская и соавторы (Ростовская и др., 2021), С.В. Рязанцев (Рязанцев, 2022), и др.

Сельские территории в России — ключевой ресурс страны, важность которого стремительно растет в условиях усиления процессов глобализации при одновременном

¹ Развитие сельских территорий (2021). Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 3. 153 с.

увеличении значения природных и территориальных ресурсов для развития страны. При этом численность сельского населения РФ на 01.01.2023 составила 36,8 млн чел., что на 386 тыс. чел. меньше, чем на 01.01.2020 г. (37 186 тыс. чел.). А за последние 7 лет доля сельского населения в РФ сократилась с 25,85 % (на 01.01.2016) до 25,12 % (на 01.01.2023).

Следует отметить, что на протяжении целого ряда лет усиливается поляризация сельских поселений по численности населения, что приводит к изменению исторически сложившейся сети расселения. Происходят старение сельского населения, снижение рождаемости в сельской местности, сокращение доли населения в трудоспособном возрасте, сохраняется миграция из сельских населенных пунктов в города. Общий коэффициент смертности, коэффициенты младенческой смертности и смертности в трудоспособном возрасте в сельской местности остаются более высокими, чем в городах. Между городом и селом сохраняется разрыв в продолжительности жизни. Убыль сельского населения является как следствием демографических процессов, так и результатом недостаточного развития экономики и инфраструктуры в сельской местности.

И если в целом по России отмечается положительная тенденция по увеличению ожидаемой продолжительности жизни, за первый квартал 2023 г. этот показатель составил 73,31 года, а по итогам 2022 г. — 72,8 года¹, то, по данным Росстата, в 2019 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни у сельского населения был на год ниже, чем у городского (сельское население — 72,21 года, городское население — 73,72 года). И такой разрыв сохраняется длительное время.

Прогноз Росстата говорит о сохранении тенденций, так, численность сельских жителей к 2030 г. уменьшится на 2,8 млн чел., или на 7,3 %. Связано это с тем, что сельское население постепенно концентрируется в пригородных территориях, а это, в свою очередь, приводит к социальному опустыниванию сельских районов, создавая тем самым серьезные геополитические риски. Вместе с тем при грамотном и эффективном использовании потенциала сельских территорий может быть обеспечено устойчивое развитие экономики, высокий уровень и качество жизни сельского населения страны. Для достижения данных целей была разработана Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года, в которой предусмотрено, что к 2030 г. будет обеспечено выполнение следующих целевых показателей:

- стабилизация численности сельского населения на уровне 35 млн чел.;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни сельского населения до 75,6 года;
- уменьшение миграционного оттока сельского населения до 74,1 тыс. чел.

Важно учитывать, что ситуация в региональном разрезе складывается неоднородно, исходя из потенциала территорий с позиции создания благоприятных или неблагоприятных условий в части ведения сельского хозяйства. Объектом данного исследования выступила Новосибирская область, которая, по данным сайта правительства Новосибирской области, входит в десятку крупнейших производителей сельскохозяйственных товаров в России. В настоящее время область полностью обеспечивает свои потребности в фуражном зерне, семенном материале. В животноводстве реализуется специализация в части разведения крупного рогатого скота молочно-мясных пород, свиноводства и птицеводства. Производственные мощности АПК Новосибирской

¹ В России выросла ожидаемая продолжительность жизни (2023). РИА Новости. 24.04. <https://ria.ru/20230424/prodolzhitelnost-1867302697.html>

области не только обеспечивают внутренние потребности, но и позволяют осуществлять экспорт продукции за пределы области, в том числе 22 % молока и молокопродуктов, 29 % мяса и мясопродуктов, 38 % зерна и зернопродуктов. Область ориентирована на дальнейшее развитие агропромышленного комплекса, в том числе за счет расширения переработки производимого сырья. В свою очередь, требуется привлечение специалистов, однако укомплектованность рабочих мест в АПК Новосибирской области ежегодно снижается, и в 2022 г. в среднем составляла 91,1 %, что говорит о хронической нехватке кадров.

Рассматривая демографическую ситуацию, можно отметить, что Новосибирская область состоит из пяти городских округов и тридцати муниципальных районов. На начало 2023 г. 66 % от всего населения области — это население городских округов, и только 34 % приходится на муниципальные районы. При этом около 60 % численности населения Новосибирской области приходится на жителей города Новосибирска. Самыми крупными муниципальными районами области являются: Новосибирский (166,5 тыс. чел., 6,0 % от всей численности населения области), Искитимский (58,8 тыс. чел., 2,1 %), Куйбышевский (54,2 тыс. чел., 1,9 %) и Тогуучинский (54,0 тыс. чел., 1,9 %).

За период с 2010–2020 гг. численность населения НСО увеличивалась. Наибольший прирост был зафиксирован в 2012 г. — сразу на 22,6 тыс. чел., но начиная с 2020 г. наметилась неблагоприятная тенденция к снижению. Однако если рассматривать период с 2010–2023 гг., то отмечается общий рост на 132,7 тыс. чел. или на 5 %. При этом прирост численности происходит, прежде всего, за счет миграционных процессов. Так в 2010–2011 гг. и 2017–2019 гг. положительное сальдо миграции компенсировало естественную убыль населения. Но начиная с 2020 г. миграционные процессы уже не компенсируют естественную убыль населения, характерную для области.

Важно отметить, что как раз самая неблагоприятная ситуация складывается в этом плане в отношении сельского населения. Для сельских территорий Новосибирской области характерными являются и абсолютное уменьшение численности населения, и естественная убыль, и отрицательное сальдо миграции. За период с 2010–2023 гг. численность сельского населения в области сократилась на 47,1 тыс. чел. В отношении же городского населения области наблюдалась следующая ситуация, до 2020 г. был рост, а с 2021 г. наметилось снижение.

Средний вариант прогноза на 2030 г., составленного Росстатом, говорит о возможном увеличении численности населения до 2821 тыс. чел., что обеспечит рост на 0,9 % по сравнению с 2023 г. Следует отметить, что такой рост является относительно позитивным на фоне прогнозируемого снижения численности населения в большинстве субъектов Сибирского федерального округа (кроме Республики Алтай и Республики Тыва) и численности населения СФО в целом. При этом высокий вариант прогноза предполагает рост численности населения на 3,9 %, а согласно низкому варианту — снижение на 2,2 %. В отношении же сельского населения прогноз неблагоприятен, ожидается, что к 2030 г. оно сократится до 561 тыс. чел. против имеющихся 567 тыс. (снижение составит 1,1 %). Таким образом, удельный вес сельского населения в НСО сократится до 19,9 %, что существенно ниже общероссийского и целевого показателя, заданного в стратегии комплексного развития сельских территорий.

Неоднозначно складывается ситуация с естественным движением населения в НСО, до 2015 г. рождаемость в целом росла, но начиная с 2016 г. — снижается. Причем снижение происходит стремительно на 32,4 % за 7 лет. Важно отметить, что даже при общей

положительной динамике рождаемость находилась и находится в интервале «низкой», а с 2019 г. — «очень низкой».¹ В то же время в 2022 г. уровень показателя по области чуть выше, чем в среднем по России (8,9 ‰), и чуть выше, чем в среднем по СФО (9,2 ‰). Новосибирская область в СФО по уровню рождаемости уступает лишь Республике Тыва (17,7 ‰), Республике Алтай (13,1 ‰) и Иркутской области (10,4 ‰). Причем данная тенденция характерна и для сельской местности. Несмотря на то, что доля молодого населения в целом выше, но количество детей от 0 до 4 имеет тенденцию к снижению. Что касается смертности населения в области, то отмечается положительная динамика изменения уровня, начиная с 2010 г. хоть и очень медленно, но идет снижение. За весь анализируемый период ее уровень характеризовался как «выше среднего» или «средний», и только в 2021 г. — как «высокий». В Новосибирской области данный показатель несколько выше, чем в целом по России (12,9 ‰) и чуть ниже, чем в среднем по СФО (14,0 ‰). Здесь также существенных отличий нет для проживающих в сельской местности, то есть наблюдается общая тенденция.

Прогнозные значения общих коэффициентов рождаемости и смертности по НСО на период до 2030 г. по среднему варианту — ожидается дальнейшее снижение уровня рождаемости и уровня смертности. А к окончанию прогнозного периода рождаемость зафиксируется на очень низком уровне, а смертность — на среднем.

Кроме того, по прогнозу удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста начнет снижаться и к 2030 г. в целом по области достигнет уровня 16,9 %. Таким образом, можно констатировать, что демографическая нагрузка и так достаточно велика, но при этом стабильно увеличивается: 879 чел. нетрудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного в сельской местности, что существенно выше, чем в городе. Если формировать портрет типичного сельского жителя НСО — это женщина в возрасте 60–64 года. Данная ситуация характеризуется в целом как неблагоприятная, не способствующая развитию кадрового потенциала сельских территорий.

В настоящее время региональная демографическая политика предлагает ряд мер, направленных на стабилизацию демографической ситуации в Новосибирской области:

- реализация мер, направленных на улучшение положения семей с детьми, укрепление института семьи, повышение престижа материнства и отцовства, развитие и сохранение семейных ценностей;
- предупреждение и снижение смертности по основным классам причин, содействие увеличению продолжительности здоровой жизни населения;
- повышение доступности и качества оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, их новорожденным детям, в частности сохранение репродуктивного здоровья населения;
- содействие добровольному переселению в Новосибирскую область соотечественников, проживающих за рубежом;
- совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции.

Кроме того, для улучшения демографической ситуации в сельской местности в Новосибирской области применяется финансовая поддержка молодых специалистов. Так, в соответствии с Постановлением Правительства Новосибирской области от 11.09.2023 № 427-п «О внесении изменений в постановление Правительства Новосибирской области от 03.03.2020 „53-п”», размеры единовременных выплат молодым специалистам, принятым в течение года со дня окончания обучения на работу

¹ По шкале А. М. Меркова

в организации, осуществляющие сельскохозяйственное производство в сельской местности Новосибирской области были увеличены и составили: 500 тыс. руб. — получившим высшее образование, 350 тыс. руб. — получившим среднее профессиональное образование. Также в области в целях содействия занятости действуют программы «Земский доктор» и «Земский учитель». Однако несмотря на существующие меры поддержки, которые по сравнению с другими регионами, например, Красноярским краем, существенно уступают по объемам, не удается решить проблему привлечения молодежи на сельские территории.

Можно констатировать, что демографический потенциал сельских территорий в Новосибирской области имеет тенденцию к снижению. Для его поддержания и развития требуется целый комплекс мер. Наиболее значимой для решения демографических проблем сельских территорий в Новосибирской области является необходимость актуализации концепции региональной демографической политики в интересах сельской молодой семьи, и в социальной политике сельскохозяйственных предприятий также должны появиться аспекты демографической политики.

Вместе с тем, наращивание демографического потенциала предполагает возвращение в сельские поселения молодежи, ее адаптация к сельской жизни на основе концепции «Сельское поселение XXI века», где уровень благоустройства и комфорта будет не ниже, чем в городе (в том числе, есть современные средства связи, интернет, возможность работать удаленно). А для этого требуются меры государственной политики в области:

- повышения занятости сельского населения и регулирования рынка труда в сельской местности;
- развития кадрового обеспечения агропромышленного комплекса региона;
- стимулирования развития фермерства, сельского туризма и малого бизнеса в целом на сельских территориях;
- развития социальной, инженерной, транспортной, цифровой инфраструктуры сельских территорий;
- повышения уровня доходов сельского населения и возможности для диверсификации источников данных доходов;
- стимулирования сбыта сельскохозяйственной продукции;
- формирования позитивного отношения молодежи к сельскому образу жизни;
- обеспечения общедоступности и повышения качества образования в сельской местности, в том числе и профессионального;
- улучшения медицинского и культурного обслуживания сельского населения и др.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что демографическая ситуация сельских территорий в Новосибирской области в настоящее время не является благоприятной. По прогнозным данным до 2030 г. численность сельского населения Новосибирской области продолжит сокращаться при одновременном росте потребности в трудовых ресурсах, прежде всего, на предприятиях агропромышленного комплекса региона. Это будет сдерживать устойчивое развитие сельских территорий.

Анализ статистических данных показал, что особенностью демографических процессов в Новосибирской области является миграционный прирост, который может повлиять на рост численности населения в целом, но важно делать упор на привлекательность именно сельских территорий, с точки зрения проживания, в том числе

и для молодежи. Важно перенаправлять миграционные потоки из города в село, реализуя концепцию «Современное поселение XXI века», в соответствии с которой должны создаваться условия для экологичного и одновременно комфортного проживания современного человека.

Важнейшим фактором стабилизации и роста численности сельского населения в Новосибирской области должен стать процесс воспроизводства, для этого требуется рост рождаемости, именно поэтому необходимо создавать благоприятные условия для молодых семей и поддерживать их желание реализовывать репродуктивную функцию. Комплексное развитие сельских территорий должно способствовать созданию современной инфраструктуры на селе, чтобы молодые семьи готовы были переезжать или возвращаться после обучения. А для этого необходимо повышать качество сельской жизни в целом, при условии, что будет возможность гарантировать эффективную занятость, в том числе работая удаленно и проживая на экологически чистых территориях. Требуется также дополнительные усилия по поддержке сельских молодых семей, стимулирование рождаемости в которых должно стать основой для региональной демографической политики.

Кроме того, значимым аспектом обеспечения занятости на сельских территориях должна стать корпоративная демографическая политика, направленная на поддержку молодых семей, и прежде всего с детьми.

Список источников

Архангельский, В. Н. (2021). Динамика рождаемости в России: детерминанты и возможные перспективы. В: *Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»* (с. 24–31). Воронеж: «Цифровая полиграфия», 1142. <http://doi.org/10.12731/978-5-907283-71-8>

Былина, С. Г. (2021). Классификация регионов РФ по уровню комплексного развития сельских территорий. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 5 (127), 94–104.

Вишневский, А. Г., Андреев, Е. М., Трейвиш, А. И. (2003). *Перспективы развития России: роль демографического фактора: научные труды*. Москва: Институт экономики переходного периода, 90.

Долгушкин, Н. К., Чураков, В. Я. (2000). *Демографический потенциал российского села (Научно-методические основы и опыт прогноза)*. Москва: ГНУ Информагротех, 308.

Захаров, С. В. (2019). Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях. *Население*, 37 (1), 209–243.

Козлова, О. А., Левина, Е. И. (2019). Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций. *Журнал экономической теории*, 16 (1), 144–153.

Лунёва, И. С., Иванова, О. Ю., Хардииков, А. В., Абросимова, Н. В. (2019). Факторы, влияющие на рождаемость в современной России. *Российский вестник акушера-гинеколога*, 19 (2), 14–20.

Мхитарян, В. С., Попова, Г. Л. (2023). Классификация регионов России по уровню развития сельского хозяйства в 2019–2021 годах. *Вопросы статистики*, 30 (4), 43–53. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-4-43-53>

Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А., Багирова, А. П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности

бизнеса. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(5), 151–164. <http://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

Рязанцев, С. В. (Ред.) (2022). *Демографическое благополучие России. национальный демографический доклад*. Москва: ИТД «Перспектива», 108.

Синельников, А. Б. (2021). Демографический переход и семейно-демографическая политика. *Социологические исследования*, 10, 83–89.

Bagirova, A., & Manukyan, S. (2020). Corporate demographic policy as a response to countrywide challenges for business. In: *Proceedings of the 16th European Conference on Management, Leadership and Governance*. Oxford, UK. <http://doi.org/10.34190/elg.20.033>

References

Arkhangelsky, V. N. (2021). The dynamics of fertility in Russia: determinants and possible prospects. In: *Mezhdunarodnyy demo-graficheskiy forum «Demografiya i globalnye vyzovy» [International Demo-graphic Forum «Demography and Global Challenges»]* (pp. 24–31). Voronezh: Digital Polygraphy, 1142. <http://doi.org/10.12731/978-5-907283-71-85> (In Russ.)

Bagirova, A., & Manukyan, S. (2020). Corporate demographic policy as a response to country-wide challenges for business. In: *Proceedings of the 16th European Conference on Management, Leadership and Governance*. Oxford, UK. <http://doi.org/10.34190/elg.20.033>

Bylina, S. G. (2021). Classification of regions of the Russian Federation by the level of integrated development of rural territories. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]*, 5(127), 94–104. (In Russ.)

Dolgushkin, N. K., & Churakov, V. Ya. (2000). *Демографический потенциал российского села (Научно-методические основы и опыт прогноза) [Demographic potential of the Russian village (Scientific and methodological foundations and experience of forecasting)]*. Moscow: GNU Informagrotech, 308. (In Russ.)

Kozlova, O. A., & Levina, E. I. (2019). The role of social and economic factors in formation of demographic processes: evolution of theoretical concepts. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 16(1), 144–153. (In Russ.)

Lunyova, I. S., Ivanova, O. Yu., Khardikov, A. V., & Abrosimova, N. V. (2019). Factors influencing the birth rates in modern Russia. *Rossiyskiy vestnik akushera-ginekologa [Russian Bulletin of Obstetrician-Gynecologist]*, 19(2), 14–20. (In Russ.)

Mkhitaryan, V. S., & Popova, G. L. (2023). Classification of Russian Regions by the Level of Agricultural Development in 2019–2021. *Voprosy statistiki*, 30(4), 43–53. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-4-43-53> (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Bagirova, A. P. (2021). The Concept for Corporate Demographic Policy of Russian Enterprises in the Framework of Corporate Social Responsibility. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 14(5), 151–164. <http://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9> (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (Ed.) (2022). *Демографическое благополучие Рос-сии. национальный демографический доклад [Demographic well-being of Russia. national demographic report]*. Moscow: Perspektiva, 108. (In Russ.)

Sinelnikov, A. B. (2021). Demographic Transition and Family-Demographic Policy. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 10, 83–89. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G., Andreev, E. M., & Treyvish, A. I. (2003). *Перспективы развития России: роль демографического фактора: научные труды [Prospects for the development of Russia: the role of the demographic factor: scientific papers]*. Moscow: Institute of Economics of the Transition Period, 90. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2019). Fertility Trends in Russia Over the Past Four Decades: An Analysis Based On Period and Cohort Parity Progression Ratios. *Naselenie [Naselenie review]*, 37(1), 209–243. (In Russ.)

Информация об авторе

Масалова Юлия Александровна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом, факультет корпоративной экономики и предпринимательства; доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления; <https://orcid.org/0000-0001-5298-5743> (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, каб. 5-306; e-mail: ymasalova@yandex.ru).

About the author

Yulia A. Masalova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Faculty of Corporate Economics and Entrepreneurship; Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management; <https://orcid.org/0000-0001-5298-5743> (52/1, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: ymasalova@yandex.ru).

УДК 331.5

JEL J04, J24, R23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-10>

Дефицит работников на рынке труда: возможности преодоления для устойчивого развития региона¹

Е. В. Масленникова ^а, О. А. Антонова ^б, Е. А. Колесник ^в, Е. Н. Елисеева ^г

^{а, в, г} Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

^б Челябинский филиал Института экономики УрО РАН; Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0003-2469-5057>

^б <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883>

^в <https://orcid.org/0000-0001-7522-4074>

^г <https://orcid.org/0009-0008-6214-1163>

Автор для корреспонденции: О. А. Антонова (antonova.oa@uiiec.ru).

Аннотация. Основной целью устойчивого развития региона является повышение качества жизни населения, в основе которого лежит развитие экономики, требующее демографического, финансового, технологического и кадрового обеспечения. Негативным фактором, препятствующим экономическому развитию, является дефицит рабочей силы на рынке труда, обусловленный снижением рождаемости, старением населения, оттоком за рубеж, диспропорциями профессионально-квалификационной структуры работников и другими причинами. Вместе с тем существуют возможности его преодоления, связанные со сферой формирования и использования рабочей силы. Целью исследования является определение причин дефицита работников на рынке труда, возможностей его преодоления для обеспечения устойчивого развития региона. Гипотезу составляет предположение, что возможности преодоления дефицита работников на рынке труда лежат в сфере повышения производительности труда, качества трудовой жизни организаций, совершенствовании сферы профессионального образования, а также привлечения в сферу занятости дополнительных категорий работников. В исследовании применялись формально-логические и диалектические методы. Результатом исследования являются рекомендации региональным органам власти по преодолению дефицита работников на рынке труда и совершенствованию экономической политики и политики занятости.

Ключевые слова: дефицит рабочей силы; рынок труда; человеческий капитал; устойчивое развитие региона

¹ © Масленникова Е. В., Антонова О. А., Колесник Е. А., Елисеева Е. Н. Текст. 2024

Labour Market Shortages: Possibilities of Overcoming for Regional Sustainable Development

E. V. Maslennikova^a, *O. A. Antonova*^b, *E. A. Kolesnik*^c, *E. N. Eliseeva*^d
^{a, c, d}Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

^bChelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

^a <https://orcid.org/0000-0003-2469-5057>

^b <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883>

^c <https://orcid.org/0000-0001-7522-4074>

^d <https://orcid.org/0009-0008-6214-1163>

Corresponding author: O. A. Antonova (antonova.oa@uiec.ru).

Abstract. *Regional sustainable development strives to improve the quality of life of the population, which is based on the development of the economy requiring demographic, financial, technological and human resources support. A negative factor hampering economic development is labour market shortages resulting from a decline in the birth rate, ageing of the population, outflow of workers abroad, imbalance in the professional and qualification structure of workers, etc. However, it is possible to overcome this shortage by labour generation and use. The study aims to determine the reasons for labour market shortages, as well the possibilities of overcoming it to ensure regional sustainable development. It is hypothesised that in order to overcome labour market shortages, it is necessary to increase productivity and quality of labour life in organisations, improve the sphere of vocational education, as well as employ additional categories of workers. The research applied formal and dialectical methods. As a result, the article proposed recommendations for regional authorities to overcome labour market shortages and improve economic and employment policy.*

Keywords: labour shortage; labour market; human capital; regional sustainable development

Введение

Устойчивое развитие региона предполагает единство экономических, экологических и социальных факторов. При этом важное значение имеет состояние рынка труда, обеспечивающее соединение рабочей силы с рабочими местами, регулируемое уровнем заработной платы. Развитие региона зависит от обеспеченности трудовыми ресурсами, так как это напрямую определяет возможности развития предприятий и организаций, генерирующих доходы.

По данным Национального рейтингового агентства, в 2022 г. оценка 85 регионов РФ по уровню интеграции ESG-критериев в деятельность субъекта показала следующие результаты: продвинутый уровень имеют 19 регионов, развитый — 16, умеренный — 16, развивающийся — 20, начальный — 20. Челябинская область имеет умеренный уровень устойчивого развития и занимает 38-е место из 85¹.

Современное состояние рынка труда региона характеризуется наличием дефицита работников, что накладывает ограничения на возможности регионального развития и в перспективе негативно скажется на темпах роста экономики. Поэтому выявление причин дефицита работников на рынке труда и возможностей региона по его преодолению является важной и актуальной задачей.

Основными тенденциями, характеризующими состояние предложения труда становятся снижение притока молодежи на рынок труда, увеличение среднего возраста

¹Национальное рейтинговое агентство. https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/ranking_esg_regions.pdf?ysclid=lsk5ev98oy657160619

занятого населения, низкая мобильность работников, неравномерное распределение населения по территории страны, диспропорции профессионально-квалификационной структуры работников и структуры рабочих мест. Низкий уровень безработицы не позволяет обеспечить предприятия трудовыми ресурсами традиционным путем через расширение найма, усиливает конкуренцию между работодателями и вынуждает искать дополнительные возможности преодоления дефицита работников на рынке труда.

Спрос на рабочую силу в России в 2023 г. вырос, а уровень безработицы опустился до минимального значения, о чем сказано в докладе Центрального Банка «Региональная экономика: комментарии ГУ»¹. По данным проведенного Центральным Банком опроса, 60 % компаний сообщили о нехватке сотрудников. Большинству из них не хватает квалифицированных специалистов, 75 % организаций подняли зарплату, чтобы удержать сотрудников. В докладе также отмечается, что загрузка рабочей силы в промышленности достигла максимума за всю историю наблюдений. Главными причинами роста спроса на труд являются расширение производства из-за ухода с рынка иностранных компаний и рост госзаказа.

Особенно остро дефицит кадров ощущается в социальной сфере. Снижение численности медиков в 2022 г. зафиксировано в 66 регионах страны в том числе в Челябинской области. Так, согласно подсчетам Минздрава РФ, в 2023 г. дефицит врачей в России составил почти 26,5 тыс. чел. Нехватка среднего медперсонала оценивается в 50 тыс. чел. С каждым годом желающих посвятить себя медицине становится все меньше: в 2023 г. число резюме от соискателей снизилось еще на 1 % по сравнению с 2022 г. В то же время, по данным «НН Статистика», количество предлагаемых работодателями вакансий по сравнению с 2022 г. увеличилось на 37 %². Дефицит кадров в здравоохранении в краткосрочной перспективе отразится на снижении качества предоставляемой медицинской помощи населению, увеличении нагрузки на медперсонал, что приводит к быстрому профессиональному выгоранию, а в долгосрочной перспективе требуемый объем медицинской помощи будет только увеличиваться, так как происходит старение населения.

В сфере образования оценки дефицита педагогов разнятся от 11 тыс.³ до 250 тыс. чел. В Центре экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС считают, что школам России не хватает около 3,1 % учителей, а это составляет свыше 250 тыс. педагогов⁴.

Исходя из этого, поиск путей и возможностей преодоления дефицита работников на рынке труда и их реализация будут способствовать кадровому обеспечению предприятий и организаций и как следствие, устойчивому развитию региона.

Для выявления и анализа возможностей преодоления ситуации дефицита работников на рынке труда в целях обеспечения устойчивого развития региона необходимо комплексное исследование ситуации дефицита работников на рынке труда, которое

¹ Банк России. Региональная экономика: комментарии ГУ. 2023. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46309/report_01092023.pdf

² Елекоева Т. Наболевшая профессия: дефицит врачей в России усилился. <https://www.dp.ru/a/2023/08/15/nabolevshaja-professija-deficit>

³ Кеффер. Л. Голикова заявила о нехватке 11 тыс. учителей в России. Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/6282634?ysclid=lsk8oqbf5x611908612>

⁴ Максимова Е. От трех до 100 %: сколько учителей не хватает российским школам. <https://newizv.ru/news/2023-09-01/ot-treh-do-100-skolko-uchiteley-ne-hvataet-rossiyskim-shkolam-418217?ysclid=lsk8hnfd41148860533>

позволило бы определить основные направления решения имеющихся проблем и сформулировать рекомендации как для региональных органов власти по совершенствованию социальной и экономической политики, так и для организаций реального сектора экономики по решению проблем кадрового обеспечения.

Таким образом, целью исследования является определение причин дефицита работников на рынке труда, возможностей его преодоления для обеспечения устойчивого развития региона. Возможности преодоления дефицита работников на рынке труда лежат в сфере совершенствования элементов качества трудовой жизни предприятий и организаций региона, совершенствовании сферы профессионального образования, а также привлечении в сферу занятости дополнительных категорий работников, создавая им соответствующие условия.

Обзор литературы, методы исследования

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблемам демографии, рынка труда, занятости, анализу дефицита работников на рынке труда.

Для анализа ситуации, разработки и обоснования рекомендаций применялись формально-логические и диалектические методы: системный подход, анализ и синтез, индукция и дедукция, а также общетеоретические методы сравнительного анализа, методы социологического опроса.

Эмпирическим материалом для выводов и обобщений послужили материалы Федеральной службы государственной статистики РФ, материалы периодических изданий, а также результаты проведенного авторами социологического исследования.

Для того, чтобы определить возможности преодоления дефицита работников на рынке труда необходимо дать определение ключевым понятиям.

В процессе функционирования рынка труда возможны неравновесные ситуации, в том числе и ситуация дефицита работников на рынке труда.

В самом общем виде дефицит рассматривается как недостаточность средств, ресурсов в сравнении с ранее намечавшимся, запланированным или необходимым уровнем.

Работников организации можно рассматривать в качестве ресурса, обеспечивающего планомерную работу организации. Поэтому дефицит работников на рынке труда следует рассматривать как ситуацию превышения спроса на рабочую силу над ее предложением, сопровождаемого незаполненными вакансиями и функционированием организаций с численностью персонала меньшей, чем та, которая является для них оптимальной. Под оптимальной численностью понимается ее значение, указывающее на то, какой штат должен быть в организации.

О наличии дефицита работников на рынке труда свидетельствуют следующие признаки (Колесникова и др., 2023):

- 1) высокая динамика спроса на рабочую силу (рост числа вакансий);
- 2) отрицательная динамика предложения труда (снижение количества активных резюме);
- 3) тенденция перехода от избыточного предложения кадров к избыточному спросу;
- 4) удлинение сроков поиска работников;
- 5) смягчение возрастных и гендерных предпочтений;
- 6) тенденция к росту зарплат.

Анализ исследований показал, что основные причины сложившейся неравновесной ситуации можно разделить на общие, характерные для всех отраслей,

и специфические, характерные для отраслей, хронически имеющих незакрытые вакансии.

Общими причинами, по мнению исследователей, являются негативные демографические тенденции, рост экономически неактивной части населения, диспропорции профессионально-квалификационной структуры работников и потребностей экономики, отток работников из страны, а также структурная перестройка экономики (Мирзабалаева & Антонова, 2023).

Специфическими причинами, отмеченными в исследованиях, характерных для таких отраслей, как образование, здравоохранение, сельское хозяйство, социальная сфера и т. д., указываются низкий уровень заработной платы, тяжелые условия труда, высокая нагрузка на персонал, низкое качество рабочих мест, отсутствие престижа профессии в обществе (Заир-Бек и др., 2020; Савинкина & Шепелова, 2014; Смолин, 2023; Ушачев и др., 2017).

В Челябинской области дефицит работников на рынке труда обусловлен, прежде всего, общими причинами, связанными с изменением политической и экономической ситуации, а именно: оттоком трудовых мигрантов из ближнего зарубежья, частичной мобилизацией, ростом промышленного производства предприятий ОПК.

Для решения проблем дефицита кадров на рынке труда принимается ряд мер, которые обсуждались на расширенном заседании Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации», прошедшем в сентябре 2023 г.¹ К таким мерам относится создание новых, высокотехнологичных рабочих мест, повышение автоматизации и роботизации производства, оптимизация производственных процессов через внедрение технологий бережливого производства, развитие гибкой занятости, привлечение отдельных категорий экономически неактивного населения на рынок труда, совершенствование образовательных программ основного и дополнительного образования.

Предполагается, что данные меры позволят привести в равновесие спрос и предложение на рынке труда и сократить дефицит работников.

Результаты, обсуждение

В ходе исследования дефицита работников на уровне региона были выявлены следующие последствия, наступление которых возможно, если не принять соответствующих мер по преодолению недополучения человеческого капитала. К последствиям, на наш взгляд, можно отнести:

— потерю кадрового суверенитета, трудового потенциала и недополучения человеческого капитала в виде налоговых отчислений в муниципальные бюджеты. Суммарный показатель недоиспользования рабочей силы по регионам РФ в 2019 г. составил 7,1 %, в 2020 г. — 9,0 %, 2021 г. — 7,2 %². Суммарный показатель недоиспользования рабочей силы — отношение суммарной численности лиц в состоянии неполной занятости, безработных и потенциальной рабочей силы к численности рабочей силы в расширенной концепции (т. е. суммарное значение занятых, безработных и потенциальной рабочей силы), %;

— потери от снижения производительности труда. В рамках реализации национального проекта «Производительность труда» акцент сделан на обучение и внедрение

¹ Расширенное заседание Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации» (2023). Президент России. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72319>

² Рабочая сила, занятость и безработица в России. Стат. сб. Москва. Росстат. 2022.

принципов бережливого производства, хотя в центре национального проекта должен быть человек труда с его потенциалом, потребностями, интересами и их реализацией, который будет осуществлять обучение и внедрение бережливого производства. Отсюда возможен дальнейший дефицит рабочей силы и снижение производительности труда;

— рост затрат на заработную плату для удержания имеющейся рабочей силы, на привлечение и обучение новых сотрудников. По данным Главного управления по труду и занятости Челябинской области рост заработных плат в 2022 г. составил 17 %;

— потеря конкурентоспособности организаций региона от дефицита и снижения качества подготовки рабочих и специалистов, недополучение человеческого капитала от потери высококвалифицированных кадров, особенно в высокотехнологичных производствах;

— снижение темпов экономического роста и устойчивого развития региона, которое связано с возможным снижением промышленного производства;

— зависимость регионального рынка труда от трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья.

В то же время дефицит работников имеет, на наш взгляд, некоторые позитивные последствия, влияющие на рост человеческого капитала.

Во-первых, снижение дискриминации по возрасту и опыту работы. Частичная мобилизация усилила дефицит рабочей силы в отраслях, где в большей степени заняты мужчины — это производство, транспорт, строительство. В этих условиях работодатели стали более лояльны к соискателям старшего возраста и без опыта работы. Увеличилось количество рассмотренных работодателями предложений от возрастных кандидатов от 45 лет и старше. Намечился тренд на снижение эйджизма и гендерного неравенства среди соискателей. Работодатели охотнее стали принимать молодых кандидатов без опыта работы.

Во-вторых, рынок труда персонала. Об изменении поведения работодателей на рынке труда говорит снижение требований к кандидатам и активное привлечение рабочей силы с открытого рынка труда, в том числе тех, кто не имеет необходимой профессии. Такое положение на рынке труда должно отразиться на снижении неформальной занятости и переводе ее работодателями в легальные трудовые отношения.

В условиях дефицита рабочей силы на региональном рынке труда нами было установлено три сегмента с позиции потери человеческого капитала.

1. Стабильный сегмент, в котором находятся высокооплачиваемые конкурентоспособные работники, имеющие поддержку занятости от работодателя. В данном сегменте потери человеческого капитала будут минимальны.

2. Традиционный сегмент, в котором находятся работники, выполняющие трудовую функцию в рамках стандартных форм организации занятости. В этом сегменте потери человеческого капитала будут средними, так как отсутствуют какие-либо гарантии, как от работника, так и от работодателя.

3. Прекарный сегмент, маргинальный, в котором находятся работники, занятые в неформальном секторе рынка труда, что составило в 2021 г. 20,3 % от общей численности занятого населения регионов. В этом сегменте потери человеческого капитала будут максимальными, так как отсутствует полностью или частично соблюдение трудового законодательства.

В Челябинской области в 2022 г. число занятых в неформальном секторе экономики выросло до 295 тыс. чел. Доля занятых на неофициальных рабочих местах увеличилась

в регионе до 17 %, что на 1 % больше аналогичного периода 2021 г. В Уральском федеральном округе в 2022 г. доля занятых в неформальном секторе составляла 15,4 % от всех работников, в Свердловской области — 15,9 %, Курганской области — 21,6 %, ХМАО — 7,4 %, ЯНАО — 10,2 %, Тюменской области (без округов) — 19,4 %¹.

В исследовании, посвященном влиянию неформальной занятости на формирование бюджета региона, совокупный ущерб для бюджета Югры, по данным 2018 г., составил более 14 680,3 млн руб. (Хромцова и др., 2020).

В связи с этим для устойчивого развития региона, сокращения потерь человеческого капитала необходимо решать проблему дефицита рабочей силы внутри страны. Для этого предлагается обратить внимание на занятых в неформальном секторе рынка труда и потенциальную рабочую силу. Согласно «Резолюции о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы», которая пересмотрела и обновила ряд устоявшихся понятий, характеризующих экономическую активность населения и процессы, связанные с ней, ввела новые понятия, в том числе понятие «потенциальная рабочая сила»², под потенциальной рабочей силой понимаются незанятые лица, которые выражают заинтересованность в занятости, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы и / или их готовность приступить к работе³. По мнению М.Е. Баскаковой, «показатель «потенциальная рабочая сила» позволяет более гибко подойти к определению масштабов и уровня общей безработицы, вычленив тех, кто не входит в рабочую силу, но кто в наибольшей степени готов к выходу на рынок труда, и на этой основе определить размеры внутренних дополнительных источников рабочей силы для национальной и региональной экономики» (Баскакова, 2022). В РФ в 2019 г. доля потенциальной рабочей силы среди лиц, не входящих в рабочую силу, составила 10,8 % (1,57 млн чел.), в 2020 г. — 11,2 % (1,65 млн чел.), в 2021 г. — 8,3 % (1,23 млн чел.). Это сопоставимо с масштабами общей безработицы и с числом официально занятых внешних трудовых мигрантов. В Челябинской области потенциальная рабочая сила в трудоспособном возрасте составила в 2019 г. 16,0 тыс. чел., в 2020 г. — 16,9 тыс. чел., в 2021 г. — 12,6 тыс. чел.⁴. В условиях дефицита рабочей силы потенциальная рабочая сила с учетом того, что эти люди полностью встроены в российскую языковую, культурную, законодательную среду, обладают профессиональными навыками, полученными по отечественным стандартам, становится немаловажным источником рабочей силы для национальной и региональной экономики.

Одним из направлений восполнения дефицита рабочей силы на российском рынке труда является вовлечение в трудовые отношения граждан, достигших пенсионного возраста. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, опубликованным Росстатом, в 2022 г. 17,8 % опрошенных указали, что работают после

¹ Михайлова А. Уровень неформальной занятости в Челябинской области вырос. 2022. <https://bfm74.ru/biznes/v-chelyabinskoy-vyros-urovenneofitsialnoy-zanyatosti/>

² Resolution on statistics of labor activity, employment and underutilization of labor. The International Labour Organization. 19th International Conference of Labor Statisticians. 2013. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf

³ Federal State Statistics Service. Order from 12/31/2015 N 680 “On approval of official statistical methodology formation of a system of labor activity indicators, employment and labor underutilization recommended 19th International Conference of Labor Statisticians». <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Rostata-ot-31.12.2015-N-680/>

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. Москва. Росстат, 2022.

назначения пенсии¹. Средняя продолжительность трудового стажа у граждан после назначения пенсии в среднем составила 7,47 года. Учитывая, что количество лиц пенсионного и предпенсионного возраста в ближайшие годы будет расти, следует рассмотреть достоинства и недостатки вовлечения их в сферу занятости для сокращения дефицита рабочей силы. К числу достоинств следует отнести наличие у пенсионеров опыта, лояльности по отношению к своему работодателю, у них более развит социальный капитал. То есть возрастные работники представляют определенный интерес для работодателей, но в силу эйджизма отдают предпочтение тем, кто моложе 45 лет (Калабина & Шадрина, 2022).

Есть подтвержденные данные в отечественных и зарубежных исследованиях о наличии прямой связи между периодом трудовой активности людей и продолжительностью их жизни. Как правило, трудовое долголетие продляет жизнь, и сами пенсионеры заинтересованы в продолжении трудовой активности (Калабина & Газизова, 2021; Забелина, 2018).

Также работающие пенсионеры повышают свой уровень дохода и тем самым не только улучшают качество своей жизни, но и снижают нагрузку на социальную сферу своего региона в части оказания мер социальной поддержки малообеспеченным.

Главным недостатком работающих пенсионеров и одновременно ограничением для их трудовой занятости остается состояние их здоровья, которое заметно ухудшается по мере их старения. Если в возрасте от 60 до 64 лет преобладают достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность, то от 65 до 75 лет люди, как правило, менее активные, многим из них требуются медицинская помощь и социальные услуги. Люди старше 75 лет, как правило, имеют множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждаются в уходе и помощи².

Повышение возраста выхода на пенсию у мужчин с 60 до 65 лет и у женщин — с 55 до 60 лет значительно сократили долю граждан, готовых продолжать трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста. Граница трудоспособности и возраст выхода на пенсию практически уравнились, что заметно ограничило возможность рассмотрения данной возрастной группы населения для преодоления дефицита рабочей силы на рынке труда.

Кроме объективных ограничений по здоровью пенсионеры имеют другие причины для прекращения трудовой занятости: желание сменить образ жизни, оказать помощь детям в воспитании внуков, уход за другими членами семьи, включая престарелых родителей, невозможность найти другую работу после увольнения по инициативе работодателя и др. А также влияние оказывает проводимая государством политика в отношении граждан пенсионного возраста, а именно, возможность получать пенсионные выплаты большего размера при отложенном выходе на пенсию и др. (Малева и др., 2016). Все эти причины выступают ограничением для вовлечения пенсионеров в трудовые отношения.

---

¹ Результаты комплексного наблюдения условий жизни населения в 2022. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

² Об утверждении Стратегии действий в интересах пожилых граждан Российской Федерации до 2025 г. Указ Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. №164-р. Сборник законов Российской Федерации. № 7, 02/15/2016, ст. 1017.

В авторском опросе, проведенном в 2023 г., приняло участие 280 респондентов¹, 47,5 % которых уже достигли пенсионного возраста. От их числа 65,4 % подтвердили готовность продолжить трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста.

Наиболее предпочтительными формами трудовой занятости, по мнению респондентов, после достижения ими пенсионного возраста являются полная занятость с официальным трудоустройством (30 %), частичная занятость (26,1 %), гибкий график (15,4 %), самозанятость (13,2 %), удаленная работа (на дому) (11,4 %). Почти 66 % респондентов выбирают нестандартные формы занятости после достижения ими пенсионного возраста.

Среди основных мотивов продолжения трудовой деятельности у респондентов на первое место вышел инструментальный тип мотивации: доход от трудовой деятельности (65 %) и наличие социального пакета (26,8 %), на второе место — профессиональный тип: профессиональное развитие и самореализация (40 %) и возможность передать свой опыт (27,9 %), на третьем месте оказался патриотический тип мотивации: профессиональное и межличностное общение (21,8 %).

Заслуживает внимания и то, что наиболее предпочтительным вариантом трудоустройства после достижения пенсионного возраста 55 % опрошенных называют продолжение работы в организации, с которой они были связаны в настоящее время трудовыми отношениями. То есть инициатива по продлению трудовой активности по-прежнему сохраняется за работодателями.

Таким образом, для вовлечения в трудовые отношения предпенсионеров и пенсионеров, которые не имеют работы, необходимо проводить взвешенную политику в области сохранения здоровья, в сфере пенсионных выплат работающим пенсионерам, повышать качество рабочих мест, а также активизировать общественную дискуссию о проявлениях эйджизма и его последствиях. Эти меры в совокупности позволят в некоторых отраслях, таких, как образование, здравоохранение и др. компенсировать часть дефицита рабочей силы на рынке труда.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что основными причинами дефицита работников на рынке труда являются сокращение населения, уменьшение числа молодых людей, вступающих в трудоспособный возраст, отток квалифицированных специалистов за рубеж, несоответствие профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов структуре рабочих мест, наличие рабочих мест с неудовлетворительными рабочими местами, низкий уровень оплаты труда в ряде отраслей и т. д.

Можно назвать следующие источники покрытия дефицита работников на рынке труда:

- безработные граждане;
- потенциальная рабочая сила, т. е. граждане, не вовлеченные в трудовую деятельность по разным причинам;
- граждане, занятые неполное рабочее время;
- граждане, занятые неофициально;
- иностранная трудовая миграция;
- граждане предпенсионного и пенсионного возрастов.

¹ Опрос по изучению форм занятости возрастных граждан был проведен со 2 по 10 октября 2023 г., в котором приняли участие 280 жителей г. Челябинска в возрасте 50 лет и старше.

Несмотря на то, что государством принимается большой комплекс мер, направленных на преодоления дефицита работников на рынке труда анализ показывает, что они или еще не проявили себя в полной мере, или недостаточны и нуждаются в совершенствовании.

В целом решение проблемы дефицита работников на рынке труда возможно только совместными усилиями государственных органов власти и организаций через создание такой системы социально-трудовых отношений, в центре которой будет находиться человек труда с его потенциалом, потребностями и интересами, а также через формирование благоприятной среды для реализации его потенциала.

Исходя из представленных причин и имеющихся источников покрытия дефицита работников на рынке труда, открывающих возможности решения данной проблемы, можно сформулировать следующие рекомендации как органам региональной государственной власти, так и организациям.

Для органов государственной власти в целях обеспечения устойчивого регионального развития и преодоления дефицита работников на рынке труда необходимы:

- вовлечение в трудовую деятельность молодежи, пенсионеров;
- развитие внутренней мобильности рабочей силы;
- стимулирование притока мигрантов с высоким уровнем квалификации;
- разработка программ по обучению и переобучению работников;
- принятие мер по снижению неформальной занятости;
- устранение системного дисбаланса в сфере образования, приведение учебных программ в соответствии с требованиями работодателей.

Организациям внести изменения в кадровую политику, обеспечив следующие условия:

- повышение качества трудовой жизни работников;
- расширение социальных программ для работников;
- участие в системе подготовки и переподготовки кадров;
- разработку программ по привлечению и удержанию работников старших возрастных групп;
- формирование и развитие бренда работодателя;
- оптимизацию работы служб управления персоналом.

Таким образом, предлагаемые рекомендации позволяют реализовать имеющиеся возможности по преодолению дефицита работников на рынке труда в целях устойчивого регионального развития.

Список источников

Баскакова, М. Е. (2022). Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования. *Социально-трудовые исследования*, 48(3), 105–117.

Забелина, О. В. (2018). Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда. *Экономика труда*, 5(1), 165–176.

Заир-Бек, С. И., Мерцалова, Т. А., Анчиков, К. М. (2020). *Кадры школьного образования: возможности и дефициты. Выпуск 18*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 17.

Калабина, Е. Г., Шадрина, Е. А. (2022). Трансформация занятости пожилых работников в современной России: причины и последствия. *Экономика труда*, 9(10), 1577–1590.

Калабина, Е. Г., Газизова, М. Р. (2021). Стимулирование занятости старшего поколения: зарубежный опыт. *Экономика труда*, 8(2), 111–122.

Колесникова, О. А., Маслова, Е. В., Окольных, И. В. (2023). Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления. *Социально-трудовые исследования*, 53(4), 179–189. <http://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189>

Малева, Т. М. и др. (2016). *Возрастные работники российского рынка труда*. Москва: Дело, 172.

Мирзабалаева, Ф. И., Антонова, Г. В. (2023). Структурные диспропорции спроса и предложения на рынке труда в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезах. *Экономика труда*, 10(8), 1145–1168.

Савинкина, Л. А., Шепелова, Т. С. (2014). Проблема дефицита медицинских кадров и пути ее решения. *Современные проблемы науки и образования*, 6, 569.

Смолин, О. Н. (2023). Кадровый кризис в науке и социальной сфере: пути преодоления. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 241(3), 139–148.

Ушачев, И. Г., Еремеев, В. И., Жуков, Н. И. (2017). Сельскохозяйственные кадры: дефицит при избытке. *АПК: экономика, управление*, 2, 15–26.

Хромцова, Л. С., Бурундукова, Э. М., Осипова, В. С. (2020). Влияние неформальной занятости населения ресурсодобывающего региона Севера на формирование его бюджета. *Экономика региона*, 16(2), 666–379.

References

Baskakova, M. E. (2022). The potential labor force of modern Russia: The socio-demographic profile and level of education. *Sotsialno-trudovye issledovaniya [Social and labor research]*, 48(3), 105–117. (In Russ.)

Kalabina, E. G., & Shadrina, E. A. (2022). Transformation of age employees' employment in modern Russia: causes and consequences. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labor Economics]*, 9(1), 1577–1590. (In Russ.)

Kalabina, E. G., & Gazizova, M. R. (2021). Stimulating employment of the older generation: foreign experience. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labor Economics]*, 8(2), 111–122. (In Russ.)

Khromtsova, L. S., Burundukova, E. M., & Osipova, V. S. (2020). The Impact of Informal Employment of the Population of the Northern Resource-Producing Region on Its Budget. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 16(2), 666–379. (In Russ.)

Kolesnikova, O. A., Maslova, E. V., & Okolelykh, I. V. (2023). Personnel shortage in the current Russian labor market: Manifestations, causes, trends, measures to overcome it. *Sotsialno-trudovye issledovaniya [Social and labor research]*, 53(4), 179–189. <http://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189> (In Russ.)

Maleva, T. M. et al. (2016). *Vozrastnye rabotniki rossiyskogo rynka truda [Age workers in the Russian labor market]*. Moscow: Delo, 216. (In Russ.)

Mirzabalayeva, F. I., & Antonova, G. V. (2023). Structural imbalances in labor market supply and demand at the sectoral and occupational qualification levels. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labor Economics]*, 10(8), 1145–1168. (In Russ.)

Savinkina, L. A., & Shepelova, T. S. (2016). Scarcity of health workers and its solutions. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*, 6, 569. (In Russ.)

Smolin, O. N. (2023). Personnel crisis in science and social sphere: ways to overcome. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshhestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*, 241(3), 139–148. (In Russ.)

Ushachev, I. G., Ereemeev, V. I., & Zhukov, N. I. (2017). Agricultural personnel deficit in excess of. *АПК: экономика, управление [AIC: Economics, Management]*, 2, 15–26. (In Russ.)

Zabelina, O. V. (2018). Peculiarities of employment and problems of employment of older groups in the Russian labor market. *Экономика труда [Russian Journal of Labor Economics]*, 5(1), 165–176. (In Russ.)

Zair-Bek, S. I., Mertsalova, T. A., & Anchikov, K. M. (2020). *Kadry shkolnogo obrazovaniya: vozmozhnosti i defitsity. Vypusk 18 [School education personnel: opportunities and deficits. Issue 18]*. M.: National Research University Higher School of Economics, 17. (In Russ.)

Информация об авторах

Масленникова Елена Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0003-2469-5057> (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; e-mail: evm26@mail.ru).

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН; Челябинский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883> (Российская Федерация, 454011, г. Челябинск, ул. Свободы, 155; e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

Колесник Елена Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0001-7522-4074> (Российская Федерация, 454100, г. Челябинск, Комсомольский просп., 109А; e-mail: elena.kolesnik.007@yandex.ru).

Елисева Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет; <https://orcid.org/0009-0008-6214-1163> (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: eliseevalena73@mail.ru).

About the authors

Elena V. Maslennikova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Chelyabinsk State University; <https://orcid.org/0000-0003-2469-5057> (129, Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; e-mail: evm26@mail.ru).

Olga A. Antonova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Associate, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Chelyabinsk State University; <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883> (155, Svobody St., Chelyabinsk, 454011, Russian Federation; e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

Elena A. Kolesnik — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Chelyabinsk State University; <https://orcid.org/0000-0001-7522-4074> (109A, Komsomolsky Ave., Chelyabinsk, 454100, Russian Federation; e-mail: elena.kolesnik.007@yandex.ru).

Elena N. Eliseeva — Cand. Sci. (Pedag.), Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Chelyabinsk State University, <https://orcid.org/0009-0008-6214-1163> (129, Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; e-mail: eliseevalena73@mail.ru).

УДК 314.88

JEL classification: J10, O13, R12

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-11>

Диверсифицированная агроэкономика – основа демографической устойчивости сельских территорий Урала¹

Н. Н. Минеева

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-0103-0389>

Автор для корреспонденции: Н. Н. Минеева (9220350757@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь демографической устойчивости сельских территорий Урала с процессами диверсификации агроэкономики. Цель исследования — определить влияние экономических факторов на демографическую устойчивость. Отмечаются признаки перехода сельскохозяйственных экономических субъектов от традиционных видов деятельности к многоотраслевой диверсифицированной агроэкономике полного цикла с пространственным смещением с сельских территорий в пригородные зоны. Стабилизация финансово-экономических показателей деятельности в агросфере способствует улучшению демографической ситуации на сельских территориях. Сохраняющаяся низкая обеспеченность сельского населения объектами социальной инфраструктуры и ограниченные возможности для проявления экономической активности снижают демографическую стабильность.

Ключевые слова: демографическая устойчивость; сельские территории; диверсификация агроэкономики

Diversified Agro-Economy as the Basis for Demographic Stability of Rural Areas in the Ural

N. N. Mineeva

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-0103-0389>

Corresponding author: N. N. Mineeva (9220350757@mail.ru).

Abstract. The article examines the relationship between demographic stability of rural areas in the Ural and the processes of diversification of agro-economy. The study aims to determine the influence of economic factors on demographic stability. There are signs of the transition of agricultural economic entities from traditional activities to a diversified circular agro-economy with a spatial shift from rural areas to suburban areas. The stabilisation of financial and economic indicators of activity in the agricultural sector contributes to the improvement of demographic situation in rural areas. The continued low availability of social infrastructure for rural population and limited opportunities for economic activity reduce demographic stability.

Keywords: demographic stability; rural areas; diversification of agro-economy

Введение

Демографическая устойчивость — характеристика социума, отражающая его способность гибко реагировать на внешние влияния без критических изменений своей структуры и состава.

Неоднородность демографической устойчивости регионов связана с неравномерностью пространственно-территориального и социально-экономического развития территорий, разницей природно-климатических условий. Поэтому к наиболее

¹ © Минеева Н. Н. Текст. 2024

значимым факторам, влияющим на демографическую устойчивость сельских территорий регионов, можно отнести природно-климатические особенности, пространственно-территориальное расположение, уровень развития экономики и масштабы ее диверсификации, наличие социально значимой инфраструктуры, национально-культурный и половозрастной состав населения, соотношение показателей смертности и рождаемости, миграционные процессы.

Все эти процессы взаимосвязаны и взаимозависимы, чем объясняется как прямое, так и косвенное влияние изменения экономических показателей развития территории на ее демографическую устойчивость.

Обзор литературы

Демографическая устойчивость территории — динамическая величина, параметры которой изменяются, как правило, в результате влияния государственной социальной политики и / или экономической ситуации. Демографическая устойчивость определяется стабильными значениями динамики демографических и социально-экономических показателей определенной территории. Демографическая устойчивость проявляется в виде гибкого баланса количественных и качественных показателей состава и структуры населения территории, отражает способность социума адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды.

Вопросы демографической устойчивости находятся в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. Так, методики оценки демографической устойчивости отражены в трудах О.М. Роя (Рой, 2018), проблемам баланса городской демографии посвящены исследования И.Д. Тургель (Тургель, 2014), а вопросы сельского социума раскрываются в работах Н.С. Студенниковой (Студенникова, 2014).

Однако экономические аспекты демографической устойчивости сельских территорий Урала до настоящего времени недостаточно полно рассматривались с точки зрения их взаимосвязи и взаимовлияния.

Многие исследователи определяют демографическую устойчивость как величину перспективы роста численности населения, обратно пропорциональную демографической мобильности, указывая на вероятность негативных последствий в перспективе в связи с несоответствием объема социальной инфраструктуры (Тургель, 2014). Такой подход предусматривает тесную взаимосвязь между этими процессами, поскольку в его основе миграционные притоки являются одним из вариантов увеличения численности населения территории. Однако на практике инертность социальной инфраструктуры, не отвечающей возрастающим потребностям общества, — не единственная проблема роста численности населения. Неконтролируемые и неограниченные миграционные процессы приносят большой вред демографической устойчивости, так как всегда связаны с увеличением социальной нагрузки на бюджет и вывозом капитала за пределы региона, что неизбежно ухудшает экономическое положение населения, исторически проживающего на данной территории. Проведенное исследование показывает, что соотношение положительных и отрицательных тенденций увеличения численности населения за счет мигрантов происходит не в пользу первых, а значит, термин «демографическая устойчивость» в этом контексте не отвечает реально складывающейся ситуации.

В связи с этим, авторское видение темы определяет демографическую устойчивость территории как условно постоянное (стабильное) состояние численности населения, стремящееся к достижению оптимального баланса половозрастной структуры и иных качественных демографических показателей социума.

При этом миграционные процессы не рассматриваются как приоритетные изменения. Напротив, демографическая устойчивость должна обеспечиваться внутри территории, за счет положительных демографических тенденций в основе которых — благоприятный экономический климат.

В этом смысле практически все компоненты демографической устойчивости сельских территорий Урала не имеют стабильной и сбалансированной динамики. Но при этом отрицательное влияние факторов «природно-климатические особенности», «пространственно-территориальное расположение», «социально-значимая инфраструктура» могут быть в некоторой степени компенсированы или нейтрализованы за счет экономических инструментов. Так, в частности, миграционные процессы, связанные с оттоком лиц трудоспособного возраста, вызваны низким уровнем заработной платы в агросфере, недостаточной обеспеченностью объектами социальной инфраструктуры и ограниченными возможностями для проявления экономической активности.

В свою очередь, после устранения негативного влияния этих факторов вполне ожидаемо улучшение демографических показателей (Ростовская & Золотарева, 2022).

Материалы и методы

В настоящее время на сельских территориях Урала отмечаются определенные проблемы с сохранением демографической устойчивости: сокращение численности сельского населения, гендерный дисбаланс, диспропорции возрастного состава, ускорение процессов миграции и урбанизации.

Исследование посвящено изучению основных причин этого явления и выявлению основных факторов нейтрализации их отрицательных последствий для населения сельских территорий Урала. Важнейшим из этих факторов признана диверсификация агроэкономики, поскольку нарушения демографической устойчивости, отмечаемые на сегодняшний день, вызваны именно экономическими проблемами сельских территорий.

Методологической основой исследования является сравнительный анализ социально-экономических показателей регионов Урала в XXI в., на основе которого выделены факторы, влияющие на демографическую устойчивость.

Исследование проведено на основе методики О.М. Роя, в котором ключевым показателем демографической устойчивости принят индекс демографической напряженности (ИДН), скорректированный на индекс внешнего влияния и миграции (Рой, 2018).

Демографическая устойчивость для целей настоящего исследования определяется количественными и структурными демографическими показателями, наличием и качеством производственной и социальной инфраструктуры, перспективой пространственно-экономического развития.

При этом демографическая устойчивость оценивается с позиций структуры и динамики основных ее характеристик, с присвоением ранга каждому из показателей в зависимости от степени их влияния на итоговый результат.

Объектом исследования являются сельские территории «Большого Урала»:

- Республика Башкортостан;
- Удмуртская Республика;
- Пермский край;
- Оренбургская область;
- Курганская область;
- Свердловская область;
- Челябинская область;

- Тюменская область;
- Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО-Югра);
- Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО).

Предмет исследования — демографическая устойчивость сельских территорий как результат развития агроэкономики Урала.

Исследуемый период — 2000–2023 гг. с установлением контрольной точки с периодичностью 10 лет — 2000, 2010 и 2020 гг.

Результаты

В исследуемый период отмечается некоторый общий рост стоимостных показателей объема производства (табл. 1). Регионы «Большого Урала» с максимально благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями традиционно лидируют по объемам производства агропродукции в России: Республика Башкортостан (7-е место), Челябинская область (11-е место), Оренбургская область (15-е место).

Территориальные и природно-климатические условия Урала не способствуют ведению сельского хозяйства, чем объясняется невысокая доля (в пределах 5 %) агропродукции региона в общем показателе страны, а динамика этого показателя как в целом по Уралу, так и в отдельных субъектах за исследуемый период имеет небольшую тенденцию снижения (около 2 %).

Производителями агропродукции наряду с сельскохозяйственными организациями в полной мере являются крестьянские фермерские хозяйства (КФХ), ИП и личные подворья населения (ЛПХ). Сельскохозяйственные организации имеют лучшие показатели производства в физическом и стоимостном выражении и более значимые параметры финансовой устойчивости, выше уровень механизации, автоматизации и производительности труда. Они же чаще используют новые эффективные технологии производства, благодаря которым обеспечивают производство около 60 % продукции при наличии не более 40 % материальных и трудовых ресурсов сельского хозяйства. Труд фермеров и граждан, ведущих ЛПХ, до настоящего времени мало механизирован,

Таблица 1

Производство продукции сельского хозяйства

Субъект РФ	2000 г.		2010 г.		2020 г.	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Российская Федерация	915,4	100,0	2587,8	100,0	5908,2	100,0
Республика Башкортостан	33,3	3,6	88,6	3,4	219,1	3,7
Удмуртская Республика	12,9	1,4	33,9	1,3	71,7	1,2
Пермский край	15,2	1,7	30,1	1,2	56,2	0,9
Оренбургская область	22,0	2,4	50,7	1,9	141,6	2,4
Курганская область	9,0	0,9	20,8	0,8	46,4	0,8
Свердловская область	19,2	2,1	44,5	1,7	92,3	1,6
Челябинская область	15,5	1,7	60,2	2,3	124,4	2,1
Тюменская область	13,4	1,5	41,5	1,6	74,1	1,3
ХМАО-Югра	1,7	0,2	5,5	0,2	10,3	0,2
ЯНАО	0,2	0,0	1,2	0,1	3,1	0,1

Источник: Составлено автором по данным Экспертно-аналитического центра агробизнеса (ab-centre.ru). <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo> (дата обращения 24.02.2024).

но при этом они производят почти половину агропродукции, а также они решают локальные проблемы обеспечения продовольственной безопасности (Калафатов, 2021).

Неравномерность и диспропорции технического состояния сельскохозяйственного производства, уровня механизации и автоматизации основных и вспомогательных рабочих процессов наблюдаются не только в зависимости от организационно-правовой формы, но и от периода создания экономических субъектов сельского хозяйства Урала, а также от направления их специализации. Так, высокий уровень технического оснащения демонстрируют новые сельскохозяйственные предприятия и комплексы (во многом благодаря государственным программам финансовой поддержки разного уровня). Давно работающие сельскохозяйственные организации, как правило, постепенно утрачивают свой производственный потенциал: их основные фонды имеют высокую степень морального и физического износа, низкие коэффициенты годности и обновления. Применение современного оборудования и новых технологий наиболее свойственно предприятиям по переработке сельскохозяйственного сырья и производству продуктов питания, а цифровизация касается преимущественно процесса сбыта (Ватутина и др., 2021).

Финансовое положение сельскохозяйственных предприятий регионов Большого Урала, не входящих в УрФО, и традиционно развивающихся агропроизводство (Пермский край, Оренбургская область, Республика Башкортостан и Удмуртская Республика), достаточно стабильно. Показатели финансовой устойчивости сельского хозяйства УрФО невысоки и в исследуемый период не имеют положительной динамики. При этом показатели темпа роста производства, как правило, выше в тех регионах, где сельское хозяйство не развито, или развито недостаточно (ХМАО-Югра, ЯНАО). И наоборот, чем крупнее объемы и масштабы сельскохозяйственной деятельности на территории, тем менее заметен рост основных производственных и финансовых показателей (Курганская область, Челябинская область).

Экономические проблемы агроэкономики приводят и к проблемам сохранения демографической устойчивости. Численность населения сельских территорий в большинстве субъектов Урала несколько ниже, чем в среднем по России, и в исследуемый период сокращается (табл. 2).

Таблица 2

Численность сельского населения Урала

Субъект РФ	2000 г.		2010 г.		2020 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Российская Федерация	39200	27	37600	26	37200	25
Республика Башкортостан	1478	36	1611	40	1530	38
Удмуртская Республика	486	30	469	30	513	34
Пермский край	703	24	668	24	630	24
Оренбургская область	939	42	830	41	779	40
Курганская область	464	44	369	40	316	39
Свердловская область	561	17	701	16	650	15
Челябинская область	677	19	631	18	601	17
Тюменская область	520	39	535	40	500	33
ХМАО-Югра	121	9	131	9	126	8
ЯНАО	83	17	80	15	87	16

Источник: Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики (rosstat.gov.ru). https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения 24.02.2024).

Вследствие этого многие населенные пункты прекращают свое существование либо утрачивают производственное значение для сельского хозяйства, оставаясь лишь административно-территориальными единицами.

Наблюдаются и другие социально-экономические проблемы (Курченков & Конева, 2020): низкое качество жизни на сельских территориях, безработица (в т. ч. скрытая) и низкая заработная плата в сельском хозяйстве (на 35 % ниже, чем в промышленности). При этом в течение исследуемого периода отмечается следующая тенденция: чем выше уровень экономического развития региона в целом, тем меньше разница этих показателей между городскими агломерациями и сельскими территориями, независимо от потенциала и возможностей ведения на них аграрного производства. Так, в сельском хозяйстве самый высокий уровень безработицы и самая низкая заработная плата наблюдаются в Курганской области, несмотря на природно-климатические условия, сопоставимые с климатом промышленно развитой Челябинской области, имеющей высокие показатели оплаты труда и низкий уровень безработицы в агросфере.

Дискуссия

Таким образом, текущее состояние экономики сельских территорий Урала не представляет реальной базы для поддержания уровня демографической устойчивости региона (Шимук, 2023). Однако, нельзя не отметить имеющиеся экономические тенденции и предпосылки сохранения сельского населения. В исследуемый период во всех регионах Урала наблюдаются территориально-отраслевые изменения, оказывающие непосредственное влияние на демографическую устойчивость сельских территорий:

- переход от простого узкоспециализированного производства к многоотраслевой диверсифицированной экономике полного цикла;
- пространственное перемещение аграрного производства с сельских территорий в пригородные.

Экономические субъекты сельского хозяйства в дополнение к традиционным видам производства открывают новые виды деятельности: собственную переработку и изготовление продуктов питания, упаковку, транспортировку и торговлю (включая интернет-торговлю), агроуслуги. Такая диверсификация способствует росту добавочной стоимости в цене продукта за счет снижения потерь и сокращения цепочки посредников между производителем и покупателем. Поскольку расширение объемов и масштабов деятельности снижает или нейтрализует специфические риски, присущие сельскому хозяйству. Наблюдается прямая зависимость между увеличением количества промышленных отраслей (отраслевых направлений) и повышением уровня рентабельности основной деятельности. Улучшение экономических показателей и финансовых возможностей сельскохозяйственных организаций и КФХ способствует снижению социальной напряженности на сельских территориях, стабилизации демографических показателей, хотя и в меньшей степени.

Одновременно с процессами диверсификации сельскохозяйственных организаций в исследуемый период наблюдается некоторое смещение сельскохозяйственного производства в целом с периферии к административным центрам (Сайфетдинов и др., 2019). Совокупность локализирующихся в городах финансовых, трудовых и материальных ресурсов способствует притяжению новых структур. Поэтому вокруг крупных городов единично появляются новые или ограниченно расширяются существующие сельскохозяйственные производства. За счет сокращения расстояния между производством и рынком сбыта и при наличии собственной переработки минимизируются

специфические риски хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции, что в результате играет в пользу финансовых интересов производителя. Несмотря на единичность таких территориальных перемещений в настоящее время, в дальнейшем можно прогнозировать начало формирования «продовольственных поясов» (Коломак, 2020). Причем чем крупнее город, тем выше вероятность открытия в его ближнем пригороде крупных сельскохозяйственных комплексов, а вокруг малых городов — появление КФХ и незначительный рост объемов производства продукции в ЛПХ.

Заключение

На демографическую устойчивость сельских территорий Урала влияют следующие экономические факторы:

1) постепенное территориально-пространственное перемещение и концентрация населения сельских территорий от периферии к городским агломерациям одновременно со смещением точек экономической активности аграрного направления способствуют сохранению гибкого демографического баланса в общих границах территории;

2) основные показатели развития агроэкономики на Урале по-прежнему ниже аналогичных показателей ведущих отраслей промышленности в регионе, но отмечаются локальные признаки ее диверсификации по объему и масштабам деятельности, освоение новых видов деятельности (переработка, упаковка, транспортировка, торговля), что положительно влияет на демографические показатели;

3) обеспеченность сельского населения объектами социально значимой инфраструктуры до настоящего времени значительно уступает как количественно, так и качественно уровню обеспеченности жителей городских агломераций, что не способствует поддержанию демографической стабильности сельских территорий по показателям национально-культурного и половозрастного состава населения, соотношения показателей смертности и рождаемости, баланса миграции.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР УрО РАН на 2024–2026гг.

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the research plan of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

Список источников

Ватутина, Л. А., Злобина, Е. Ю., Хоменко, Е. Б. (2021). Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса: современные вызовы и тенденции. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*, 1 (4), 545–551.

Калафатов, Э. А. (2021). Роль личных подсобных хозяйств в развитии продовольственной безопасности России и сельских территорий. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*, 4, 79–93.

Коломак, Е. А. (Ред.) (2020). *Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 502.

Курченков, В. В., Конева, Д. А. (2020). Проблемы низкого уровня жизни населения на сельских территориях российских регионов. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, 4, 37–44.

Рой, О. М. (2018). Демографическая устойчивость территории: методология оценки. В: *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х т. Т. I* (с. 38–51). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Ростовская, Т. к., Золотарева, О. А. (2022). Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации. *Management Issues*, 3(76), 6–18.

Сайфетдинов, А. Р., Пузейчук, П. В., Готовской, С. Г. (2019). Особенности и приоритетные направления диверсификации производства в сельском хозяйстве. *Colloquium-journal*, 3(27), 24–27

Студеникова, Н. С. (2014). Оценка уровня демографического развития как составляющая интеграционной оценки устойчивости развития сельской территории. *Наука и современность*, 1(1), 108–116.

Тургель, И. Д. (2014). *Многофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию*. Москва: Директ-Медиа, 765.

Шимук, О. В. (2023). Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и направления государственного регулирования. *Государственное управление*, 99, 161–174.

References

Kalafatov, E. A. (2021). The role of personal subsidiary farms in the development of food security in Russia and rural areas. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii [Scientific Bulletin: finance, banking, investment]*, 4, 79–93. (In Russ.)

Kolomak, E. A. (Ed.). (2020). *Prostranstvennoe razvitie sovremennoy Rossii: tendentsii, faktory, mekhanizmy, instituty [Spatial development of contemporary Russia: trends, factors, mechanisms, institutions]*. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 502. (In Russ.)

Kurchenkov, V. V., & Koneva, D. A. (2020). Problems of low living standards of population in rural areas of Russia. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics]*, 4, 37–44. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., & Zolotareva, O. A. (2022). Demographic stability as a priority of the RF demographic policy. *Management Issues*, 3(76), 6–18. (In Russ.)

Roy, O. M. (2018). Demographic stability of the territory: an assessment methodology. In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya: sbornik statey IX Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-kh t. T. I [Demographic and family policy in the context of Sustainable Development Goals: collection of articles of the IX Ural Demographic Forum. In 2 vol. Vol. I]* (pp. 38–51). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS. (In Russ.)

Saifetdinov, A. R., Puzeychuk, P. V., & Gotovskoy, S. G. (2019). Features and priority directions of production diversification in agriculture. *Colloquium-journal*, 3(27), 24–27. (In Russ.)

Shimuk, O. V. (2023). Sustainable Development of Rural Areas: Problems and Directions of State Regulation. *Gosudarstvennoe upravlenie [Public Administration]*, 99, 161–174. (In Russ.)

Studennikova, N. S. (2014). Assessment of the level of demographic development as a component of an integrated assessment of sustainability of rural areas. *Nauka i sovremennost [Science and Modernity]*, 1(1), 108–116. (In Russ.)

Turgel, I. D. (2014). *Mnogofunktsionalnye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu [Multifunctional cities of Russia: from survival to sustainable development]*. Moscow: Direct Media, 765. (In Russ.)

Vatutina, L. A., Zlobina, E. Yu., & Khomenko, E. B. (2021). Digitalization and digital transformation of business: modern challenges and trends. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law]*, 1(4), 545–551. (In Russ.)

Информация об авторе

Минева Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Института экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0103-0389> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: 9220350757@mail.ru).

About the author

Natalia N. Mineeva — Cand. Sci. (Econ.), Chief Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-0103-0389> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: 9220350757@mail.ru).

УДК 305

JEL classification: A20

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-12>

Гендерные проблемы высшей школы в контексте гуманитарных специальностей¹

С. В. Петухова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-2154-8871>

Автор для корреспонденции: С. В. Петухова (s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

Аннотация. Исследование посвящено гендерным аспектам выбора направлений профессиональной подготовки современной молодежи. На основании обзора источников и анализа статистической информации показано наличие зависимости предпочитаемых специальностей и гендерной принадлежности. Обоснован вывод: в условиях смягчения гендерной специфики образования она проявляется как через карьерные возможности женщин, так и через выбор предпочитаемых сфер деятельности для профессиональной реализации. Предложены рекомендации для вузов по учету гендерной специфики студентов при проектировании образовательных программ и выборе методов обучения.

Ключевые слова: гендер; университет; высшая школа; выбор направления (специальности)

Gender Problems of Higher Education in the Humanities

S. V. Petukhova

Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-2154-8871>

Corresponding author: S. V. Petukhova (s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

Abstract. The study examines gender aspects of the choice of professional training for modern youth. Based on a review of sources and analysis of statistical information, a relationship between preferred majors and gender is revealed. It is concluded that in conditions of reducing gender specificity of education, this relationship is reflected by career opportunities for women and the choice of preferred areas of activity for professional implementation. The article proposes recommendations for universities on taking into account gender specificity of students when designing educational programmes and choosing teaching methods.

Keywords: gender; university; graduate school; choice of profession

Введение

В настоящее время наблюдается ярко выраженный тренд на смягчение гендерных различий на рынке труда при подборе персонала на различные профессии. Один из последних документов в этой области — Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 13.05.2021) «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» — определяет, что работодатель не вправе применять труд женщин на работах с вредными и опасными условиями труда, на подземных работах, за исключением нефизических работ, работ по санитарному и бытовому обслуживанию, обучения и прохождения стажировки². Перечень профессий, закрытых

¹ © Петухова С. В. Текст. 2024

² Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства. Приказ Роструда от 11.11.2022 № 253. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440271/44a7ef85c63744817b7eb77c45116e8221ef7f4b/#:~:text=Работодатель%20не%20вправе%20применять%20труд,от%2018.07.2019%20N%20512н

для женщин, невелик и имеет тенденцию к сокращению. Тем не менее, в обществе в целом и в среде молодежи в частности наблюдается весьма устойчивое представление о профессиях, более подходящих для мужчин и женщин.

Разделение профессий на мужские и женские не является чем-то новым, тем не менее в современных условиях, когда политика многих организаций-работодателей, Правительства РФ в целом направлена на гендерное равноправие, большой интерес вызывает специфика выбора тех или иных профессий представителями мужского и женского пола. С точки зрения университетов подобный анализ представляет интерес в качестве обоснования выбора наиболее подходящих моделей и форм обучения для достижения максимального успеха выпускников в их профессиональной деятельности.

Основная часть

Существует достаточно большое количество работ, посвященных анализу гендерной специфики при выборе профессии. Так, профессор Вахромеева в работе «Феминизация отечественной науки за минувшее столетие» выделяет три волны феминизации, подчеркивая, что некоторые гендерные специалисты определяют с 2013 г. четвертую волну феминизации, которая затрагивает науку в целом, обуславливая большое количество женщин-исследователей в науке, большое количество защит, достижение женщинами самых высоких уровней — получения званий академика и члена-корреспондента Академии наук РФ.

Анализируя конкретные сферы, в которых женщины добились наибольшего признания, профессор Вахромеева делает вывод, что традиционно недооценка женщин-исследователей существует в таких областях науки, как физика, математика и политика. Наибольшего признания женщины-ученые достигают в гуманитарных отраслях, прежде всего в искусствоведении, филологии, психологии, педагогике, а также в фармацевтике и в биологии. Причем понятно, что очень большую роль здесь играют сложившиеся культурные нормы и традиции, а также, как правильно подчеркивает профессор, уровень финансирования национальной науки. При этом приводятся интересные данные о том, что для достижения признания женщина-исследователь должна публиковать в среднем в 2,6 раза больше научных материалов, чем исследователь-мужчина (Вахромеева, 2021).

Более того, подобное отношение к научной карьере и ее потенциальным результатам формируется еще в студенчестве под влиянием социально-гендерных стереотипов (Радина и др., 2022), хотя девушки часто более ответственно относятся к получению образования и стремятся полно реализовать себя в учебной деятельности (Пятунина, 2023). При этом даже получение качественного высшего образования не всегда обуславливает высокую конкурентоспособность женщин на рынке труда (Зенкова, 2021).

Если говорить о гендерной ситуации в высших учебных заведениях, то здесь показательны результаты исследования С.В. Гриненко и И.С. Найденко, в рамках которого авторы отмечают, что женщин достаточно много как среди преподавателей, так и среди сотрудников университетов, причем у женщин есть очень хорошие карьерные перспективы в российских университетах с точки зрения достижения ими высших должностных ступеней. Женщины вполне успешно занимают позиции ректоров, проректоров, деканов, заместителей деканов различных российских вузов. Тем не менее, если изучать ситуацию с точки зрения остепененности, то картина получается следующая. Авторы достаточно убедительно показывают, что существует закономерность повышения доли мужчин, имеющих ученые степени докторов наук и ученые звания профессора

в старших возрастных категориях научно-педагогических работников университетов. Одной из причин этого, как совершенно верно отмечают авторы, является высокая вовлеченность женщин-преподавателей в занятия семейными делами. Традиционно считается, что университеты являются хорошим местом работы для женщин, поскольку позволяют иметь более или менее свободный график, стабильную зарплату, летний отпуск, и все вместе взятое это предопределяет достаточно благоприятные условия для занятия домашними делами и воспитанием детей (Гриненко & Найденко, 2022).

Рассмотренные авторами три стратегии поведения женщин, занимающихся преподаванием и научной работой, включают в себя подходы «сначала родить ребенка, затем заниматься научной работой и защищать диссертацию», «сначала обеспечить научный задел, затем решать семейные задачи», и самый редкий подход — это комбинированная ситуация, когда женщина одновременно занимается и подготовкой диссертации, и воспитанием детей (Гриненко & Найденко, 2022). Как представляется, в силу традиционной ролевой модели поведения в нашем обществе для мужчин-преподавателей такой вопрос в принципе не стоит. Скорее наоборот, максимально успешная самореализация мужчины-преподавателя на научном поприще позволяет улучшить его материальное положение, достичь жизненных целей и обеспечить семью, что вызывает достаточно большой интерес у тех мужчин, которые работают преподавателями в системе высшего образования.

Женщины же в целом достаточно часто достигают должностной позиции доцента, имеющего ученую степень кандидата наук и ученое звание доцента и на этом, собственно, останавливают свою научную карьеру. Это позволяет, с одной стороны, занимать прочные позиции и иметь возможность профессионального саморазвития, реализации горизонтальной карьеры путем решения интересных творческих профессиональных задач, при этом не требует дополнительных затрат усилий, что позволяет иметь достаточно свободного времени для решения других проблем и задач, которые традиционно ставятся перед женщиной в обществе.

Если причины нестроения женщинами вертикальной карьеры в научной среде определяются в большей степени социальными и культурными факторами, то выбор областей для традиционно успешной деятельности женщин вызывает большой интерес и, как представляется, обусловлен специфическими причинами и особенностями выбора профессии со стороны женщин. Как утверждают после проведенного исследования специалисты из Университета Аризоны, женщины предпочитают виды деятельности, которые направлены на работу с людьми¹. Кроме того, женщины тяготеют к престижным видам деятельности, а также тем, которые связаны с разработкой идей, мужчины же предпочитают работать с инструментами и вещами (Тао et al., 2022). К аналогичным выводам, — что женщины отдают приоритет работе, связанной с людьми, — приходят и отечественные исследователи, изучающие гендерные особенности STEM-образования (Шмелева & Кисляков, 2018).

Как видится, вопрос престижности нуждается в дополнительном исследовании с точки зрения восприятия отдельных компонентов престижа: публичности, уважения, возможности получения высокого дохода и т. д.

Материалы, представленные специалистами Пензенского университета архитектуры, проводившими исследование среди своих студентов, показывают,

¹ Бунина, В. (2022) Психологи выяснили, какие профессии предпочитают женщины. Газета.ru: сетевое издание. <https://www.gazeta.ru/science/news/2022/12/12/19249177.shtml>

что престижность профессии имеет достаточно невысокое значение как для юношей, так и для девушек, хотя у юношей этот показатель выше. А вот что имеет значение для девушек, так это выбор профессии исходя из личных интересов и способностей, для юношей гораздо большее значение имеют вопросы последующего трудоустройства и перспектив дохода, исходя из полученной специальности. Женщины же, согласно исследователям пензенских специалистов, гораздо меньше интересуются вопросами заработной платы, очевидно, традиционно считая, что женский вклад в обеспечение семьи не должен являться основным (Резник & Черниковская, 2018).

С точки зрения обучения на экономических специальностях большой интерес представляет анализ гендерных различий в отношении к предпринимательству, представленный в работе Таланова и Гаджибабаевой. Примечателен вывод о том, что девушки, в общем, гораздо более лояльно относятся к предпринимательству (Таланов & Гаджибабаева, 2019), хотя, если рассмотреть гендерные аспекты предпринимательства, можно увидеть, что мужчины достигают успеха ничуть не в меньшей степени, а зачастую и в большей в силу опять же влияющих на предпринимательскую среду социально-культурных стереотипов поведения.

Как видится, реальная модель выбора будущей профессии является многокомпонентной, достаточно сложной, но имеющей гендерные особенности: женщины в целом больше привержены к выбору нетехнических, гуманитарных специальностей. Данная гипотеза подтверждается как исследованиями пензенских специалистов, так и данными о поступлении студентов в высшие учебные заведения Российской Федерации в 2023 г.

Как представляется, в рамках данного исследования приоритетами при выборе профессии с точки зрения девушек следует считать не только интерес к будущей специальности, но и те усилия, которые требуются для ее получения. С одной стороны, глубокое освоение любой профессии требует достаточно больших затрат времени и сил, с другой стороны, если посмотреть на результаты поступления абитуриентов в вузы в 2023 г., то заметно, то женщины явно демонстрировали тяготение к гуманитарным специальностям.

В таблице 1 представлены основные направления подготовки по количеству принятых студентов. Для удобства представления результатов исследования во всех таблицах сгруппированы 10 основных специальностей, при этом автор отдает себе отчет, что подобная выборка не является абсолютно репрезентативной.

Из представленных направлений первые пять — это гуманитарные специальности, высокостребованные абитуриентами, несмотря на активную поддержку со стороны государства технических специальностей, актуальных для развития народного хозяйства нашей страны.

В таблице 2 показаны направления подготовки, лидирующие по количеству бюджетных мест, выделенных за счет средств федерального бюджета.

Как видно, государственной поддержкой пользуются, прежде всего, педагогические, технические и юридические специальности, что определяется целями государственной политики в сферах образования и экономики.

Анализируя предпочтения женщин при выборе профессии, следует обратить внимание на данные о наиболее и наименее предпочтительных для женщин направлениях подготовки в 2023 г. по абсолютному количеству и доле поступивших женщин, приведенные в таблицах 3–5.

Таблица 1

Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ по количеству принятых студентов в 2023 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Женщины (из всего приема), чел.
	всего	за счет бюджета	платно	
40.03.01 Юриспруденция	87038	6581	80265	46798
38.03.01 Экономика	49634	5706	43572	28813
38.03.02 Менеджмент	44330	3440	40640	21559
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)	40672	28050	10147	29507
44.03.01 Педагогическое образование	28914	12293	15330	21008
08.03.01 Строительство	27518	13302	14056	6946
09.03.02 Информационные системы и технологии	21284	9320	11824	4567
38.03.04 Государственное и муниципальное управление	20690	1974	18622	10972
13.03.02 Электроэнергетика и электротехника	20601	9562	10941	1960
09.03.03 Прикладная информатика	20575	9160	11230	5204

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ по количеству принятых студентов на обучение за счет средств федерального бюджета в 2023 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Женщины (из всего приема), чел.
	всего	за счет бюджета	платно	
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)	40672	28050	10147	29507
08.03.01 Строительство	27518	13302	14056	6946
44.03.01 Педагогическое образование	28914	12293	15330	21008
09.03.01 Информатика и вычислительная техника	18818	10912	7846	3439
13.03.02 Электроэнергетика и электротехника	20601	9562	10941	1960
09.03.02 Информационные системы и технологии	21284	9320	11824	4567
09.03.03 Прикладная информатика	20575	9160	11230	5204
35.03.06 Агроинженерия	9677	7038	2639	691
40.03.01 Юриспруденция	87038	6581	80265	46798
44.03.02 Психолого-педагогическое образование	17403	6103	10890	15129

Источник: составлено автором.

Обращает на себя внимание перечень специальностей, приведенных в таблице 3 и 4. Обе таблицы включают в себя преимущественно гуманитарные специальности, причем, как показывают данные таблицы 4, по некоторым направлениям подготовки доля женщин при приеме в университеты вузы составляет почти 100 %, и наоборот, специальности, традиционно являющиеся техническими, характеризуются достаточно низким количеством женщин, несмотря на наличие достаточно большого количества бюджетных мест. Разумеется, представленные данные являются неполными и требуют дальнейшего исследования. Есть достаточно большое количество

Таблица 3

**Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ
по количеству принятых женщин в 2023 г.**

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Женщины (из всего приема), чел.
	всего	за счет бюджета	платно	
40.03.01 Юриспруденция	87038	6581	80265	46798
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)	40672	28050	10147	29507
38.03.01 Экономика	49634	5706	43572	28813
38.03.02 Менеджмент	44330	3440	40640	21559
44.03.01 Педагогическое образование	28914	12293	15330	21008
44.03.02 Психолого-педагогическое образование	17403	6103	10890	15129
37.03.01 Психология	16657	2074	14448	14051
42.03.01 Реклама и связи с общественностью	16678	1427	15158	12393
44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование	11713	4455	6740	11454
45.03.02 Лингвистика	14540	2914	11393	11412

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ по доле принятых женщин в 2023 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Женщины (из всего приема), %
	всего	за счет бюджета	платно	
44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование	11713	4455	6740	97,8
34.03.01 Сестринское дело	1528	259	1269	89,4
44.03.02 Психолого-педагогическое образование	17403	6103	10890	86,9
42.03.05 Медиакоммуникации	2258	270	1988	86,4
45.03.01 Филология	6621	3024	3392	85,2
54.03.01 Дизайн	10558	1488	8945	85,2
37.03.01 Психология	16657	2074	14448	84,4
42.03.02 Журналистика	8001	1522	6407	80,8
51.03.02 Народная художественная культура	1772	761	855	79,7
58.03.01 Востоковедение и африканистика	1747	557	1125	78,5

При общем наборе не менее 1000 чел.

Источник: составлено автором.

специальностей, в которых количество женщин и мужчин примерно равно. Тем не менее, если говорить о наличии гендерных различий при выборе будущей профессий, можно утверждать, что это соответствует действительности и оказывает влияние на результаты приема в вузы.

Данные проведенного исследования могут быть полезны для университетов при проектировании их образовательной деятельности. Учет факторов и причин, по которым происходит выбор тех или иных направлений подготовки, нужен при изучении целевой аудитории и средств коммуникации с ней, планировании набора и учебного процесса, разработке новых дисциплин в рамках педагогического

**Направления подготовки (специальностей) в вузах РФ
с минимальной долей принятых женщин в 2023 г.**

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Женщины (из всего приема), %
	всего	за счет бюджета	платно	
23.03.03 Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов	6527	2797	3657	5,2
35.03.06 Агроинженерия	9677	7038	2639	7,1
13.03.02 Электроэнергетика и электротехника	20601	9562	10941	9,5
15.03.02 Технологические машины и оборудование	5547	3410	2122	9,7
15.03.01 Машиностроение	4867	2516	2316	10,1
15.03.04 Автоматизация технологических процессов и производств	7096	3391	3670	11,3
13.03.03 Энергетическое машиностроение	1240	1078	162	11,8
21.03.01 Нефтегазовое дело	7776	3185	4470	12,1
11.03.01 Радиотехника	2511	1976	535	13,3
11.03.04 Электроника и микроэлектроника	3322	2811	511	13,7

При общем наборе не менее 1000 чел.

Источник: составлено автором.

дизайна. Целесообразно предлагать женской аудитории задания, которые были бы направлены на развитие как профессиональных компетенций, так и так называемых мягких компетенций (Петухова, 2024), причем для развития мягких компетенций особое значение имеет использование игровых приемов, которые позволяют обучающимся больше коммуницировать, включаться в игровую творческую деятельность и лучше усваивать предложенный материал.

Заключение

Таким образом, понимание гендерных особенностей поступающих абитуриентов позволяет университетам более продуктивно проектировать, формировать образовательные программы, привлекать к себе целевую аудиторию и обеспечивать студентам качество подготовки, гарантирующее их востребованность в профессиональной деятельности.

Список источников

Вахромеева, О. Б. (2021). Феминизация отечественной науки за минувшее столетие. В: *Материалы IV международной научной конференции «Гуманитарные науки в современном вузе» вчера, сегодня, завтра»* (10 декабря 2021 г.) (с. 107–115). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

Гриненко, С. В., Найденко, И. С. (2022). Гендерное равенство в управлении человеческим капиталом науки и высшего образования. *Вестник академии знаний*, 49(2), 89–96.

Зенкова, О. А. (2021). Исследование региональных гендерных особенностей выбора профессии, трудоустройства и социальной адаптации образованных молодых женщин. *Вопросы управления*, 5(72), 52–64. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-5-52-64>

Петухова, С. В. (2024). Развитие трендов массовизации и студентоцентричности в высшем профессиональном образовании. В: *Материалы XXXV Международной научно-методической*

конференции (31 января 2024 г.) (с. 238–243). Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения.

Пятунина, В. М. (2023). Отношение современной студенческой молодежи к учебе и будущей профессиональной деятельности. *ALMA MATER (Вестник высшей школы)*, 3, 37–44. <https://doi.org/10.20339/AM.03-23.037>

Радина, Н. К., Семенова, Л. Э., Козлова, А. В. (2022). Развитие науки как личный проект: студентки и студенты о перспективах развития российской науки. *Социальная психология и общество*, 4, 68–89. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130405>

Резник, С. Д., Черниковская, М. В. (2018). Гендерные особенности формирования социальной устойчивости студентов высших учебных заведений России. В: *Материалы XV Международной научно-практической конференции «Проблемы социально-экономической устойчивости региона»* (25–26 января 2018 г.) (с. 68–74). Пенза: Пензенский государственный аграрный университет.

Таланов, С. Л., Гаджибабаева, А. А. (2019). Предпринимательство в жизненных планах студентов вузов: гендерные различия. *Женщина в российском обществе*, 1, 52–63. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.5>

Шмелева, Е. А., Кисляков, П. А. (2018). Гендерные особенности профессиональной идентичности в условиях цифровой экономики. В: *Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030)»* (20–21 апреля 2018 г.) (с. 83–87). Иваново: Ивановский государственный университет.

Tao, C., Glosenbergh, A., Tracey, T. J. G., Blustein, D., & Foster, L. L. (2022). Are Gender Differences in Vocational Interests Universal?: Moderating Effects of Cultural Dimensions. *Sex Roles*, 87, 327–349. <https://doi.org/10.1007/s11199-022-01318-w>

References

Grinenko, S. V., & Naidenko, I. S. (2022). Gender equality in managing the human capital of science and higher education. *Vestnik akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]*, 49(2), 89–96. (In Russ.)

Petukhova, S. V. (2024). Development of trends in massification and student-centricity in higher professional education. In: *Materialy XXXV Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (31 yanvarya 2024 g.) [Proceedings of the XXXV International Scientific and Methodological Conference (January 31, 2024)]* (pp. 238–243). Novosibirsk: Siberian State University of Transport, 359. (In Russ.)

Pyatunina, V. M. (2023). Attitudes of today's students towards their studies and future professional activities: Gender differences. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly) [Alma Mater. Higher School Herald]*, 3, 37–44. <https://doi.org/10.20339/AM.03-23.037> (In Russ.)

Radina, N. K., Semyonova, L. E., & Kozlova, A. V. (2022). The Development of Science as a Personal Project: Male and Female Students about the Prospects of the Development of Russian Science. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 4, 68–89. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130405> (In Russ.)

Reznik, S. D., & Chernikovskaya M. V. (2018). Gender features of the formation of social sustainability of students of higher educational institutions in Russia. In: *Materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy sotsialno-ekonomicheskoy ustoychivosti regiona» (25–26 yanvarya 2018 g.) [Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference “Problems of Socio-Economic Sustainability of the Region” (January 25–26, 2018)]* (pp. 68–74). Penza: Penza State Agrarian University. (In Russ.)

Shmeleva, E. A., & Kislyakov, P. A. (2018). Gender characteristics of professional identity in the digital economy. In: *Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Gendernoe izmerenie tsifrovoy ekonomiki: ot strategii k deystviyu (2018–2030)» (20–21 aprelya 2018 g.) [Proceedings of the All-Russian conference with international participation “Gender dimension of the digital economy: from strategy to action (2018–2030)” (April 20–21, 2018)]* (pp. 83–87). Ivanovo: Ivanovo State University. https://elibrary.ru/download/elibrary_35219032_58828408.pdf

Talanov, S. L., & Gadzhibabaeva, A. A. (2019). Entrepreneurship in life plans of students of high schools: gender differences. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]*, 1, 52–63. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.5> (In Russ.)

Tao, C., Glosenbergh, A., Tracey, T. J. G., Blustein, D., & Foster, L. L. (2022). Are Gender Differences in Vocational Interests Universal?: Moderating Effects of Cultural Dimensions. *Sex Roles*, 87, 327–349. <https://doi.org/10.1007/s11199-022-01318-w>

Vakhromeeva, O. B. (2021). Feminization of domestic science in the past century. In: *Materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze» vchera, segodnya, zavtra» (10 dekabrya 2021 g.) [Proceedings of the IV international scientific conference “Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow” (December 10, 2021)]* (pp. 107–115). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. (In Russ.)

Zenkova, O. A. (2021). The study of regional gender characteristics of the choice of profession, employment and social adaptation of educated young women. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*, 5 (72), 52–64. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-5-52-64> (In Russ.)

Информация об авторе

Петухова Светлана Валериевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета экономики и управления; <https://orcid.org/0000-0002-2154-8871> (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56; e-mail: s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

About the author

Svetlana V. Petukhova — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of Department, Novosibirsk State University of Economics and Management; <https://orcid.org/0000-0002-2154-8871> (56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

УДК 314.8

JEL classification: J11, O18, R23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-13>

Обеспечение социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья (экспертная оценка)¹

Е. В. Реутов ^а, С. А. Вангородская ^б

^{а, б} Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0003-0270-168X>

^б <https://orcid.org/0000-0002-1100-423X>

Автор для корреспонденции: С. А. Вангородская (vangorodskaya@bsu.edu.ru).

Аннотация. Целью исследования стало определение ключевых угроз в сфере социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья. По результатам проведенного в декабре 2023 г. экспертного опроса (N = 30) сделан вывод о том, что социально-демографическая безопасность сельских территорий Центрального Черноземья находится в настоящее время на критическом уровне, испытывая повышенный объем системных и ситуативных рисков. В качестве ключевых угроз, обострившихся вследствие масштабного геополитического конфликта и имеющих большую вероятность реализации в ближайшие 10 лет, экспертами отмечены усиление миграционного оттока, резкое нарастание диспропорций в половозрастной и этнокультурной (вследствие бесконтрольной миграции) структуре населения, рост смертности и ухудшение здоровья населения вследствие социальных патологий и снижения уровня здравоохранения. В качестве первоочередных мер обеспечения социально-демографической безопасности названы развитие производственной инфраструктуры сельских территорий Центрального Черноземья, стимулирование сельского предпринимательства, развитие и повышения качества социальной, культурно-досуговой и транспортной инфраструктуры, предоставление жителям сельских территорий финансовых, налоговых и кредитных преференций.

Ключевые слова: социально-демографическая безопасность; Центрально-Черноземный экономический район; сельские территории; устойчивое развитие

Ensuring Socio-Demographic Security of Rural Areas of the Central Chernozem Region (Expert Assessment)

Е. V. Reutov ^а, S. A. Vangorodskaya ^б

^{а, б} Belgorod State University (Belgorod, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0003-0270-168X>

^б <https://orcid.org/0000-0002-1100-423X>

Correspondence author: S. A. Vangorodskaya (vangorodskaya@bsu.edu.ru).

Abstract. The study aims to identify key threats in the field of socio-demographic security of rural areas of the Central Chernozem region. According to the results of an expert survey conducted in December 2023 (N = 30), the socio-demographic security of rural areas of the Central Chernozem region is currently at a critical level, experiencing increasing systemic and situational risks. Experts noted the following key threats: an increase in migration outflows; a sharp increase in imbalances in the gender, age and ethnocultural (due to uncontrolled migration) structure; an increase in mortality and deterioration of public health

due to social pathologies; a decrease in the level of healthcare. These threats were exacerbated by the large-scale geopolitical conflict and are more likely to be realised in the next 10 years. The article described measures to ensure socio-demographic security, such as the development of industrial infrastructure in rural areas of the Central Chernozem region, stimulation of rural entrepreneurship, development and improvement of the quality of social, cultural, leisure and transport infrastructure, provision of financial, tax and credit preferences to residents of rural areas.

Keywords: socio-demographic security; Central Chernozem economic region; rural areas; sustainable development

Введение

Социально-демографическая безопасность в страновом и локальном измерениях является ничуть не менее значимым параметром национальной безопасности, чем военная, экономическая, инфраструктурная, продовольственная, информационная и др. Применительно к территориальным сообществам социально-демографическую безопасность можно определить как защищенность от прямых и косвенных угроз в отношении их демографического потенциала, половозрастного и сложившегося этнокультурного баланса, а также наличие системы превенций и реагирования на формирующиеся демографические угрозы и вызовы (Реутов, 2023, с. 381).

Повышенный объем социально-демографических рисков характерен для сельских территорий Российской Федерации в силу продолжающегося процесса урбанизации российского общества, сосредоточения населения в достаточно немногочисленных мегаполисах и крупных агломерациях и уменьшения плотности населения сельских территорий. Как результат, «постепенно нарушаются инфраструктурные и экономические связи, обширные пространства некогда освоенных территорий превращаются в социальную „пустыню“» (Руднева & Соколов, 2019, с. 284). По словам О.П. Коробовой, это приводит к тому, что «общество теряет социальный контроль за своей территорией», что, в свою очередь, «является дополнительным фактором ухудшения ... демографической ситуации в стране» (Коробова, 2019, с. 90).

Вымывание наиболее мобильных и социально активных групп сельских жителей (особенно молодежи) способствует запустению сельских территорий и формирует барьеры для государственных, корпоративных и частных инвестиций в социальную и производственную инфраструктуру. Недостаток квалифицированных трудовых ресурсов, наряду с нехваткой производственных мощностей и инвестиций препятствуют экономическому росту на сельских территориях, что, в свою очередь, усиливает миграционный отток и ухудшение человеческого капитала на сельских территориях (Югов, 2021; Mkrtchyan, 2019; Нефедова & Мкртчян, 2018).

Являясь важнейшей составляющей демографического развития, сельские территории Центрально-Черноземного экономического региона, представляющего собой «на редкость компактное и однородное территориальное образование в природно-климатическом, этническом и хозяйственном отношениях» (Пациорковский, 2020, с. 613), привлекают особое внимание исследователей (Пациорковский, 2020; Чугунова и др., 2018; Реутов и др., 2023), в том числе и потому, что, как отмечает В.В. Пациорковский, именно коллапс сельского развития является «исходным пунктом запуска кризиса воспроизводства населения в исторически аграрном Центральном Черноземье» (Пациорковский, 2020, с. 613).

В настоящее время сельские территории Центрального Черноземья сталкиваются с повышенным объемом социально-демографических рисков. Значительная их часть (в Белгородской и Курской областях) уже длительное время находятся фактически

в зоне специальной военной операции, испытывая повышенный миграционный отток с неопределенными перспективами реэмиграции, а также явную стагнацию в сфере репродуктивного поведения (Реутов и др., 2023; Закшевский & Гаврилова, 2023). Это диктует необходимость проведения исследований, направленных на определение угроз в сфере социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья и разработки мер по их устранению.

Основная часть

В целях определения ключевых угроз в сфере социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья лабораторией исследования демографических процессов НИУ «БелГУ» в декабре 2023 г. был проведен экспертный опрос ($N = 30$). В качестве экспертов выступали государственные и муниципальные служащие, непосредственно связанные с реализацией проектов в сфере социально-демографического развития сельских территорий, преподаватели высших учебных заведений, сотрудники российских научных центров, занимающиеся изучением различных аспектов социально-демографической безопасности.

С точки зрения 53,3 % экспертов, концепт «социально-демографическая безопасность» отражает ключевую проблему воспроизводства российского социума, а еще 46,7 % определили его как одну из многих актуальных проблем, связанных с обеспечением военно-политической, экономической и др. безопасности. Ни один из респондентов не указал на слабую актуальность и надуманность проблематики социально-демографической безопасности.

Большинство экспертов (66,7 %) оценили социально-демографический потенциал сельских территорий регионов Центрального Черноземья как низкий и ведущий к постепенной депопуляции сельских территорий, а 20 % опрошенных — как близкий к катастрофическому, ведущий к стремительной депопуляции сельских территорий. Лишь 13,3 % оценили его как средний, позволяющий сохранять сложившийся демографический баланс сельских территорий.

В качестве ключевых угроз социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья, которые с наибольшей вероятностью могут реализоваться в ближайшие 10 лет, экспертами были отмечены усиление миграционного оттока и, как следствие, снижение качества человеческого капитала (83,3 %) и резкое нарастание диспропорций в половозрастной структуре населения (старение населения, гендерный дисбаланс и пр.) (76,7 %). В меньшей степени, но также в статистически значимых параметрах экспертами были отмечены такие угрозы, как ухудшение здоровья населения вследствие социальных патологий и снижения уровня здравоохранения, рост смертности (16,7 %), а также резкое нарастание диспропорций в этнокультурной структуре населения вследствие бесконтрольной миграции (16,7 %).

Одним из факторов, оказывающих негативное воздействие на демографическую ситуацию сельских территорий Центрального Черноземья, является масштабный геополитический конфликт (Реутов и др., 2023; Закшевский & Гаврилова, 2023), в который вовлечена Россия и который особенно остро отражается на приграничных с Украиной регионах, три из которых (Белгородская, Воронежская и Курская области) относятся к Центральному Черноземью. Так, по мнению 80 % экспертов, в среднесрочной (до 5 лет) перспективе конфликт будет способствовать снижению рождаемости на сельских территориях регионов Центрального Черноземья (росту — 3,3 %, не отразится на рождаемости — 13,3 %). В среднесрочной перспективе (до 10 лет) последствия конфликта

лишь чуть менее негативны: 60 % экспертов считают, что он будет способствовать снижению рождаемости, 13,3 % – ее росту, 13,3 % – не отразится на рождаемости.

Чистый миграционный отток с сельских территорий Центрального Черноземья вследствие конфликта в среднесрочной перспективе прогнозируют 73,3 %, миграционный прирост – 10 %. В долгосрочной перспективе оценки несколько более благоприятные: отток прогнозируют 30 % экспертов, приток – 16,7 %, при очень высокой доле неопределенности.

Также экспертам было предложено ранжировать по актуальности аспекты социально-демографической безопасности сельских территорий регионов Центрального Черноземья, исходя из реальных угроз и вызовов. В результате была выстроена следующая иерархия:

1) достижение и поддержание уровня рождаемости на уровне, достаточном для простого воспроизводства населения (66,7 % экспертов присвоили ему статус максимально актуального);

2) развитие политики здоровьесбережения населения (63,3 %);

3) повышение продолжительности жизни и снижение уровня смертности в трудоспособном возрасте (50,0 %);

4) уменьшение выездной миграции с целью сохранения человеческих ресурсов (43,3 %);

5) регулирование въездной миграции для недопущения изменения сложившегося баланса этнокультурных отношений (20,0 %).

Таким образом, в экспертных оценках отчетливо выражена особая актуальность проблематики естественного воспроизводства населения, прежде всего, рождаемости, и здоровья населения сельских территорий Центрального Черноземья. Именно эти направления могут быть определены как ключевые при разработке мер, направленных на обеспечение социально-демографической безопасности сельских территорий.

Решение проблемы обеспечения социально-демографической безопасности сельских территорий носит комплексный характер и предполагает обширный спектр мер прямого и косвенного воздействия. Экспертами были предложены пять групп мер обеспечения социально-демографической безопасности сельских территорий регионов Центрального Черноземья с целью оценки их потенциальной (с точки зрения возможностей) и реальной (с точки зрения достигнутых результатов) эффективности.

В число предложенных мер вошли предоставление финансовых, налоговых и кредитных преференций жителям сельских территорий (в том числе для повышения их миграционной привлекательности), развитие на сельских территориях социальной (здравоохранения, образование и пр.), культурно-досуговой и транспортной инфраструктуры, повышение ее качества, развитие производственной инфраструктуры, стимулирование сельского предпринимательства, противодействие социальным патологиям (преступности, алкоголизму, наркомании и пр.) на сельских территориях, повышение безопасности, защита традиционных ценностей, пропаганда семейного образа жизни, многодетности.

С точки зрения потенциальной эффективности данные меры получили следующую оценку:

– развитие производственной инфраструктуры, стимулирование сельского предпринимательства (6,87 балла по 10-балльной шкале);

— развитие на сельских территориях социальной (здравоохранение, образование и пр.), культурно-досуговой и транспортной инфраструктуры, повышение ее качества (6,73 балла);

— предоставление финансовых, налоговых и кредитных преференций жителям сельских территорий (в том числе для повышения их миграционной привлекательности) (5,93 балла);

— защита традиционных ценностей, пропаганда семейного образа жизни, многодетности (5,63 балла);

— противодействие социальным патологиям (преступности, алкоголизму, наркомании и пр.) на сельских территориях, повышение безопасности (5,57 балла).

Реальная эффективность (по имеющимся результатам) данных мер получила следующие оценки:

— развитие на сельских территориях социальной (здравоохранения, образование и пр.), культурно-досуговой и транспортной инфраструктуры, повышение ее качества (5,03 балла);

— предоставление финансовых, налоговых и кредитных преференций жителям сельских территорий (в том числе для повышения их миграционной привлекательности) (4,93 балла);

— защита традиционных ценностей, пропаганда семейного образа жизни, многодетности (4,67 балла);

— развитие производственной инфраструктуры, стимулирование сельского предпринимательства (4,60 балла);

— противодействие социальным патологиям (преступности, алкоголизму, наркомании и пр.) на сельских территориях, повышение безопасности (4,57 балла).

При анализе полученных результатов обращает на себя внимание, во-первых, умеренный разброс в экспертной оценке их эффективности (как в нормативном, так и в дескриптивном отношении) — в пределах 1,30 балла в нормативной оценке и 0,46 балла в дескриптивной. То есть экспертная позиция по поводу необходимости и достаточности конкретных мер обеспечения социально-демографической безопасности сельских территорий выглядит достаточно консолидированной. Во-вторых, каждая из данных мер, по мнению экспертов, уступает в своей реальной эффективности потенциальной, что указывает на более или менее выраженные проблемы в целеполагании и практике реализации государственной социальной политики, ориентированной на развитие сельских территорий.

Наиболее существенное расхождение между нормативным и дескриптивным аспектами мер обеспечения социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья зафиксировано по таким параметрам, как развитие производственной инфраструктуры, стимулирование сельского предпринимательства и развитие на сельских территориях социальной (здравоохранения, образование и пр.), культурно-досуговой и транспортной инфраструктуры, повышение ее качества. Учитывая их высокую значимость, федеральным и региональным органам власти следует обратить особое внимание именно на данные направления при разработке программ социального и демографического развития сельских территорий России и Центрального Черноземья.

Заключение

Таким образом, по результатам экспертной оценки, социально-демографическая безопасность сельских территорий Центрального Черноземья находится в настоящее время на критическом уровне, испытывая повышенный объем системных и ситуативных рисков. Особое влияние данные риски оказывают на такие аспекты демографической ситуации, как рождаемость и здоровье населения сельских территорий. При разработке мер социального и демографического развития сельских территорий России и Центрального Черноземья органам власти необходимо обратить особое внимание на такие направления, как развитие производственной инфраструктуры, стимулирование сельского предпринимательства; развитие на сельских территориях социальной (здравоохранения, образование и пр.), культурно-досуговой и транспортной инфраструктуры, повышение ее качества, предоставление финансовых, налоговых и кредитных преференций жителям сельских территорий.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

Acknowledgments

The article has been prepared within the framework of the State Task FZWG-2023-0006 «Regulation of demographic behavior of the population of rural areas of the Central Chernozem economic region in conditions of depopulation».

Список источников

Закшевский, В. Г., Гаврилова, З. В. (2023). Современные вызовы развития сельских территорий: COVID-19 и СВО. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*, 2 (96), 4–12. <https://doi.org/10.33938/232-4>

Коробова, О. П. (2019). Устойчивое развитие сельских территорий как гарант национальной безопасности России. *Academia. Архитектура и строительство*, 1, 86–92. <http://doi.org/10.22337/2077-9038-2019-1-86-92>

Нефедова, Т. Г., Мкртчян, Н. В. (2018). Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России. *Проблемы прогнозирования*, 1 (166), 85–98.

Пациорковский, В. В. (2020). Демографическое развитие Центрально-Черноземного макрорегиона: движение и расселение населения. В: *Международный демографический форум: материалы заседания (22–24 октября 2020 года)* (с. 612–617). Воронеж: Цифровая полиграфия.

Реутов, Е. В. (2023). Социально-демографическая безопасность приграничного региона в условиях специальной военной операции. В: *Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного научно-практического комплексного мероприятия (г. Белгород, 1–2 ноября 2023 г.)* (с. 381–386). Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ».

Реутов, Е. В., Захаров, В. М., Реутова, М. Н., Вангородская, С. А. (2023). Сценарии демографического развития сельских территорий регионов Центрального Черноземья в условиях специальной военной операции. *Власть*, 31 (3), 192–198. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9656>

Руднева, О. С., Соколов, А. А. (2019). Структурная эволюция сети сельского расселения в регионах степной зоны России. *Russian Economic Bulletin*, 2 (6), 280–285.

Чугунова, Н. В., Полякова, Т. А., Комкова, А. И. (2018). Сельское расселение Белгородской области: результаты, тенденции изменений. В: *Стратегия развития приграничных террито-*

рий: традиции и инновации: Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции (18 мая 2018 г.) (с. 211–218). Курск: Курский государственный университет.

Югов, Е. А. (2021). Миграционные процессы в сельской местности и их влияние на состояние трудовых ресурсов. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия экономика и управление*, 3, 81–93. <http://doi.org/10.17308/econ.2021.3/3516>

Mkrtchyan, N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*, 3(1), 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>

References

Chugunova, N. V., Polyakova, T. A., & Komkova, A. I. (2018). Rural settlement of the Belgorod region: results, trends of changes. In: *Strategiya razvitiya prigranichnykh territoriy: traditsii i innovatsii: Sbornik statey po materialam V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 maya 2018 g.) [Strategy for the development of border territories: traditions and innovations: A collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference (May 18, 2018)]* (pp. 211–218). Kursk: Kursk State University. (In Russ.)

Korobova, O. P. (2019). Sustainable Development of Rural Territories as a Guarantor of National Security of Russia. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo [Academia. Architecture and Construction]*, 1, 86–92. <http://doi.org/10.22337/2077-9038-2019-1-86-92> (In Russ.)

Mkrtchyan, N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*, 3(1), 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780> (In Russ.)

Nefedova, T. G., & Mkrtchyan, N. V. (2018). Regional Differences of Placing and Forecasting Labor Resources of Russian Agriculture. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 1(166), 85–98. (In Russ.)

Patsiorkovsky, V. V. (2020). Demographic development of the Central Black Earth macroregion: movement and settlement of the population. In: *Mezhdunarodnyy demograficheskiy forum: materialy zasedaniya (22–24 oktyabrya 2020 goda) [International demographic forum: materials of the meeting (October 22–24, 2020)]* (pp. 612–617). Voronezh: Digital Polygraphy. (In Russ.)

Reutov, E. V. (2023). Socio-demographic security of the border region in the context of a special military operation. In: *Ekonomiko-upravlencheskiy kongress: sbornik nauchnykh rabot po itogam mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kompleksnogo meropriyatiya (Belgorod, 1–2 noyabrya 2023 g.) [Economic and Managerial Congress: a collection of scientific papers based on the results of an international scientific and practical complex event (Belgorod, November 1–2, 2023)]* (pp. 381–386). Belgorod: Publishing house «BelGU» NRU «BelGU», 541. (In Russ.)

Reutov, E. V., Zakharov, V. M., Reutova, M. N., & Vangorodskaya, S. A. (2023). Scenarios of Demographic Development of Rural Territories of the Central Black Earth Regions under the Conditions of a Special Military Operation. *Vlast [The Authority]*, 31(3), 192–198. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9656> (In Russ.)

Rudneva, O. S., & Sokolov, A. A. (2019). The evolution of the network of rural settlement in the regions of the steppe zone of Russia. *Russian Economic Bulletin*, 2(6), 280–285. (In Russ.)

Ygov, E. A. (2021). Migration in rural areas and its effect on labour resources. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management]*, 3, 81–93. <http://doi.org/10.17308/econ.2021.3/3516> (In Russ.)

Zakshevskii, V. G., & Gavrilova, Z. V. (2023). Modern challenges of rural development: COVID-19 and ITS OWN. *Ekonomika, trud, upravlenie v selskom khozyaystve [Economy, labor, management in agriculture]*, 2(96), 4–12. <https://doi.org/10.33938/232-4> (In Russ.)

Информация об авторах

Реутов Евгений Викторович — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; <https://orcid.org/0000-0003-0270-168X> (Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85; e-mail: reutovevg@mail.ru).

Вангородская Светлана Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; <https://orcid.org/0000-0002-1100-423X> (Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85; e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru).

About the authors

Evgeniy V. Reutov — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Belgorod State University; <https://orcid.org/0000-0003-0270-168X> (85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: reutovevg@mail.ru).

Svetlana A. Vangorodskaya — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Belgorod State University; <https://orcid.org/0000-0002-1100-423X> (85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru).

УДК 314.18:332.13:911.37(476)

JEL classification: J11, O18, R11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-14>

Комплексная оценка устойчивости демографического развития регионов Беларуси в условиях ограниченной демографической информации¹

Г. В. Ридевский

Научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).
<https://orcid.org/0009-0007-1704-7082>

Автор для корреспонденции: Г. В. Ридевский (ridgeo@yandex.ru)

Аннотация. На основе доступной статистической информации предложена методика и осуществлена комплексная оценка устойчивости демографического развития регионов Республики Беларусь. Методика имеет сквозной характер и может применяться на страновом, областном и местном (административные районы и города областного подчинения) уровнях. В статье дана типология регионов Республики Беларусь по устойчивости демографического развития за 2022 г. В отличие от ранее разработанной, описываемая методика использует, наряду с другими показателями, данные о динамике численности населения регионов страны, а не соотношении смертности и рождаемости, поскольку последние в Республике Беларусь с 2020 г. не публикуются. Комплексная оценка устойчивости демографического развития важна для осуществления в стране эффективной региональной политики, в том числе демографической.

Ключевые слова: методика; оценка; устойчивость демографического развития; регионы; Республика Беларусь

Comprehensive Assessment of the Sustainability of Demographic Development in Belarusian Regions in the Context of Limited Demographic Information

H. V. Rydzeuski

Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus).
<https://orcid.org/0009-0007-1704-7082>

Corresponding author: H. V. Rydzeuski (ridgeo@yandex.ru).

Abstract. Based on the available statistical information, the study proposes a methodology and performs a comprehensive assessment of the sustainability of demographic development in regions of the Republic of Belarus. The presented cross-cutting methodology can be applied at the country, regional and local (administrative districts and cities of regional subordination) levels. The article provides a typology of regions of the Republic of Belarus according to the sustainability of their demographic development in 2022. Unlike the previously developed ones, the described methodology uses, along with other indicators, data on the dynamics of the population of the country's regions instead of the ratio of mortality and fertility, since the latter have not been published in the Republic of Belarus since 2020. A comprehensive assessment of the sustainability of demographic development is important for the implementation of an effective regional policy in the country, including demographic policy.

Keywords: methodology; assessment; sustainable demographic development; regions; Republic of Belarus

¹ © Ридевский Г. В. Текст. 2024

Введение

В 2021 г. на международной министерской конференции стран Европы и Центральной Азии «Формирование демографического будущего Европы», состоявшейся в столице Болгарии Софии при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНПФА), было объявлено Десятилетие демографической устойчивости на 2022–2032 гг. Демографическая устойчивость как концепция, обсуждаемая на конференции, охватила широкий круг проблем от поддержки рождаемости, проведения семейной политики, достижения гендерного равенства, развития человеческого капитала до старения населения и оживления сельских районов (Ministerial Conference, 2021).

В июле 2022 г. региональный офис ЮНПФА по Восточной Европе и Центральной Азии (Стамбул, Турция) опубликовал Программу демографической устойчивости для стран Европы и Центральной Азии. В Программе подчеркивается, что демографические изменения играют фундаментальное значение для дальнейшего развития человечества, достижения Целей устойчивого развития и Повестки дня на период до 2030 г. Программа акцентирует внимание на важности динамики населения для социально-экономического развития и благополучия людей, политической стабильности и безопасности. В документе дано следующее определение: «Демографическая устойчивость — это цель, которая включает в себя способность предсказывать демографические сдвиги, понимать их последствия и разрабатывать политические меры, основанные на фактических данных с учетом прав человека. Это означает переход от узких подходов, ориентированных только на численность населения, к комплексной демографической и социальной политике, направленной на обеспечение процветания и благополучия для всех»¹.

Поскольку демографические проблемы актуальны и для Республики Беларусь, а демографическая ситуация в регионах страны существенно различается, актуальной является оценка демографической устойчивости (оценка устойчивости демографического развития) для страны в целом и ее регионов разного иерархического уровня. Подобная оценка может рассматриваться в качестве научно-аналитического обеспечения региональной демографической политики.

Основные подходы к оценке устойчивости демографического развития без и с учетом ограниченного доступа к демографической информации

Оценка устойчивости демографического развития вообще и в региональном изменении — достаточно популярная тема научных исследований последних десятилетий ((Гаврикова, 2016; Рой, 2018) и др.), получившая развитие под влиянием появления концепции устойчивого развития². При этом важно отметить, что подобные исследования начались задолго до начала продвижения концепции демографической устойчивости ЮНПФА, как в странах Европы (Rosa & Rosa, 2014), так и в странах СНГ (Фаузер и др., 2018). При этом понятия «демографическая устойчивость» и «устойчивость демографического развития», очевидно, следует рассматривать как синонимы, под ними понимается комплексная оценка демографической ситуации в стране или регионе, важная

¹Demographic Resilience Programme for Europe and Central Asia (2022). <https://eeca.unfpa.org/en/demographic-resilience-programme>

²Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Т. I. Резолюции, принятые на Конференции (1993). Нью-Йорк, 520; Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1989). Москва: Прогресс, 370.

для демографической политики и шире политики регионального развития, основным мейнстрим которого — достижение устойчивого и инклюзивного развития.

С начала 2000-х гг. была разработана методика оценки устойчивости демографического развития Республики Беларусь и ее регионов, в том числе субнационального (области и г. Минск) и базового (административные районы и города областного подчинения) уровней, которая рассматривалась в качестве одного из значимых элементов оценки устойчивости регионального развития на основе агрегированного показателя «уровень социального благополучия» (Ридевский, 2001 и др.). Сквозной характер оценки давал возможность судить о том, как отличалась демографическая ситуация в конкретном регионе в сравнении с регионами аналогичного уровня или с областным, национальным уровнем.

Комплексный индекс устойчивости демографического развития ($I_{удр}$) оценивался как среднее арифметическое трех индексов: индекса естественного прироста населения ($I_{енп}$), индекса прогрессивности возрастной структуры населения ($I_{пвсч}$) и индекса обеспеченности трудовыми ресурсами ($I_{отр}$). Агрегированный и частные индексы рассчитывались до трех знаков после запятой.

$I_{енп}$ рассчитывался как отношение численности родившихся в стране (регионе) к численности умерших, $I_{пвсч}$ — как отношение численности в стране (регионе) лиц в возрасте моложе трудоспособного возраста к численности лиц в возрасте старше трудоспособного возраста, $I_{отр}$ — как отношение численности лиц в стране (регионе) в трудоспособном возрасте к суммарной численности лиц в возрасте моложе и старше трудоспособного возраста.

Следует отметить, что при расчете комплексного и частных индексов устойчивости демографического развития для Беларуси было важно объединять города областного подчинения и Минск (Минск имеет особый статус единицы административно-территориального деления субнационального уровня, как и шесть областей Беларуси) с районами, центрами которых они являются или с окружающими их районами (контактирующие с ними). Последнее важно, поскольку город и его ближайшее окружение — тесно взаимосвязанные пространственные структуры, и подобная объединительная процедура позволяет нивелировать «недостатки» существующего административного деления. Это требование сохраняет свою актуальность и для скорректированной методики оценки устойчивости демографического развития, которая приводится ниже.

Минск при этом следует включать в состав Минского района и Минской области, Жодино — в состав Борисовского района, поскольку этот город вместе с Борисовым формирует ярко выраженную бицентричную городскую агломерацию, Новополоцк — в состав Полоцкого района. Остальные восемь городов областного подчинения (Брест, Барановичи, Пинск, Гродно, Витебск, Гомель, Могилев, Бобруйск) при оценке устойчивости демографического развития следует объединять с административными районами, центрами которых они являются.

Таким образом, при оценке устойчивости демографического развития страны или региона использовались всего пять исходных статистических показателей, публикуемых Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь.

Методика оценки устойчивости демографического развития отличалась простотой и репрезентативностью, позволяла ранжировать регионы по комплексному $I_{удр}$ и его частным индикаторам, осуществлять типологизацию регионов по вышеназванным индексам и мониторинг демографических процессов.

Однако использование описанной методики в Республике Беларусь в настоящее время невозможно, потому что с 2020 г. данные о смертности и рождаемости как по стране в целом, так и по ее регионам не публикуются. Ранее они публиковались с ежеквартальной периодичностью.

В условиях подобного ограничения получения доступа к демографической информации описанная методика может быть скорректирована, поскольку данные комплексной оценки устойчивости демографического развития для Беларуси и ее регионов востребованы научным сообществом и важны для практики региональной политики.

Из трех частных индексов комплексной оценки устойчивости демографического развития сегодня невозможно рассчитать $I_{\text{енн}}$. В комплексной оценке $I_{\text{удр}}$ может быть заменен индексом прироста населения ($I_{\text{пн}}$), который может быть рассчитан как отношение численности населения страны (региона) на начало текущего года к численности населения на начало предыдущего года или любую другую дату в зависимости от потребностей исследователя.

Расчет $I_{\text{пн}}$ позволяет учитывать изменения численности населения региона не только в процессе естественного прироста населения, но и с учетом миграционных процессов. Последнее важно, поскольку миграционные процессы сегодня — важнейшая причина, определяющая численность населения большинства регионов Беларуси. По крайней мере так было в 2011–2019 гг., поскольку данные о миграции населения в разрезе регионов Беларуси с 2020 г. также не публикуются.

Представляется, что оптимальным периодом для расчетов $I_{\text{пн}}$ может быть пятилетний период. Такая продолжительность периода динамики численности населения позволяет говорить о сформировавшейся тенденции, поскольку исключает возможные флуктуации в изменении численности населения любой территории под влиянием миграционных процессов.

Комплексная оценка устойчивости демографического развития регионов Республики Беларусь

$I_{\text{пн}}$ позволяет судить о динамике численности населения в стране и ее регионах. За 2018–2022 гг. Республика Беларусь потеряла более 247,7 тыс. чел. $I_{\text{пн}}$ составил 0,974, что физически свидетельствует о сокращении населения государства на 2,6 % к началу 2023 г. в сравнении с началом 2018 г. Депопуляция за обозначенный пятилетний период отмечалась во всех областях страны, кроме Минской области. Среди 118 административных районов, включая в их состав Минск и 10 городов областного подчинения, рост населения отмечался только в 8 районах.

По значению $I_{\text{пн}}$ все районы Беларуси можно разделить на три группы: с приростом и низким уровнем убыли населения ($I_{\text{пн}}$ выше национального уровня, т. е. составляет 0,975 и более), с относительно высоким уровнем убыли населения ($I_{\text{пн}}$ 0,901–0,974), с высоким уровнем убыли населения ($I_{\text{пн}}$ 0,900 и менее).

Районы первой группы либо увеличили численность своего населения, либо оно сократилось менее чем на 2,5 %. Несмотря на малочисленность, в районах первой группы на начало 2023 г. проживало 5 031,8 тыс. чел., или 54,7 % населения Беларуси (табл. 1).

Географическое распределение районов этой группы носит ярко выраженный центр-периферийный или узловый (очаговый) характер. Среди 17 районов группы преобладают районы, в которых расположены исторически сложившиеся города-регионополисы — центры внутриобластных или социально-эколого-экономических районов (СЭЭР), либо формируется Минская городская агломерация. 7 районов вокруг Минска (Минский, Смолевичский, Логойский, Дзержинский, Червенский,

Таблица 1

Распределение областей и районов Республики Беларусь на группы по индексу прироста населения ($I_{\text{пн}}$) за 2018–2022 гг.

Группы областей и районов	Области и число районов	Численность населения административных районов	
		тыс. чел.	%
С приростом и низким уровнем убыли населения	Минская область и 17 районов	5031,8	54,7
С относительно высоким уровнем убыли населения	Брестская, Гродненская, Гомельская, Могилевская и Витебская области и 82 района	3839,4	41,7
С высоким уровнем убыли населения	19 районов	329,4	3,6
Всего	6 областей и 118 районов	9200,6	100,0

Источник: Рассчитано по: Регионы Республики Беларусь. (2023). Социально-экономические показатели. 2023. Стат. сб. (с. 59–76). Минск: Белстат, 690.

Пуховичский, Узденский) — самое большое пятно с растущим населением в Беларуси, где на начало 2023 г. было сосредоточено 2555,8 тыс. чел. (27,8 % населения страны). В начале 2018 г. в этих районах проживало 2519,0 тыс. чел., или 26,6 % населения Беларуси. Аккумулируя большую часть районов с растущим населением (5 из 8 районов) можно утверждать, что Республика Беларусь уверенно движется к модели моноцентричного развития, которое не может быть эффективным с социальных и экологических позиций. Если в восьми районах с растущим населением общий прирост населения составил 49,3 тыс. чел., то в 5 подобных районах Минской городской агломерации было сконцентрировано 73,9 % этого прироста.

Среди остальных трех районов с растущим населением за рассматриваемый пятилетний период — Брестский, Гродненский и Островецкий районы. В последнем районе с 2012 г. продолжается строительство Белорусской АЭС, первый энергоблок которой введен в строй в 2020 г. Уже более десяти лет Белорусская АЭС — главная стройка страны.

Среди административных регионов с относительно высоким темпом убыли населения ($I_{\text{пн}}$ 0,901–0,974) все области, кроме Минской, и 82 административных района. В районах этой группы проживает около 41,7 % населения Беларуси.

В 19 районах с высоким темпом убыли населения ($I_{\text{пн}}$ 0,900 и менее) в начале 2023 г. проживало 329,4 тыс. чел. Свислочский район Гродненской области, входящий в группу, за рассматриваемый период потерял 16,1 % своего населения. Это район Беларуси с самыми высокими темпами убыли населения.

$I_{\text{пвсн}}$ на начало 2023 г. составил 0,757, что означает, что возрастная структура населения Беларуси регрессивная и лиц в возрасте старше трудоспособного больше, чем детей до 16 лет на 24,3 %. $I_{\text{пвсн}}$ — фактически это опережающий индикатор демографического развития, позволяющий судить о будущих демографических процессах: замещении поколений, рождаемости, изменении численности трудоспособного населения.

Регрессивная возрастная структура населения характерна для всех областей и 110 административных районов.

Среди районов с прогрессивной возрастной структурой населения ($I_{\text{пвсн}}$ больше 1,000) районы, пострадавшие от катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 г. (Наровлянский, Чечерский, Кормянский и Брагинский), Жлобинский и Брестский районы. Прогрессивная возрастная структура населения в районах радиоактивного

загрязнения — один из парадоксов Чернобыля. В районах, пострадавших от «мирного атома», традиционно высокая рождаемость и достаточно низкий уровень жизни населения. Вероятно, высокой рождаемости в этих районах способствует государственная политика поддержки многодетных семей (семейный капитал), значительный размер пособий по уходу на детей до 3 лет и другие факторы.

По значению $I_{\text{пвсн}}$ все районы Беларуси можно также разделить на три группы: с прогрессивной возрастной структурой населения и низким уровнем регрессивности возрастной структуры населения ($I_{\text{пвсн}}$ больше 0,757), с относительно высоким ($I_{\text{пвсн}}$ 0,601–0,757) и высоким уровнем регрессивности возрастной структуры населения ($I_{\text{пвсн}}$ 0,600 и менее).

Ранжированные списки районов с наиболее низкими значениями $I_{\text{пвсн}}$ и $I_{\text{пн}}$ близки друг к другу, что еще раз говорит о высоком прогностическом потенциале значения $I_{\text{пвсн}}$. Самый низкий $I_{\text{пвсн}}$ в Беларуси имеет Свислочский район Гродненской области (0,360), он же имеет самое низкое значение $I_{\text{пн}}$. Среди областей Беларуси самые проблемные по $I_{\text{пвсн}}$ — Могилевская (0,724) и Витебская (0,617), а самые благополучные Брестская, Гомельская, Гродненская и Минская области (табл. 2).

В 13 административных районах страны из числа самых проблемных по значению $I_{\text{пвсн}}$ численность лиц в возрасте старше трудоспособного в 2 и более раза превышает количество детей до 16 лет, а в Свислочском районе — в 2,8 раза больше. Демографическое «опустынивание» подобных районов практически предопределено.

$I_{\text{отр}}$ — единственный частный индекс оценки устойчивости демографического развития, значение которого в Беларуси в целом и в абсолютном большинстве регионов больше 1,000 и составляет 1,420. На практике это означает, что пока в белорусском социуме преобладает доля трудоспособных, возможно и улучшение демографической ситуации, в том числе повышение естественного прироста населения.

Свислочский район Гродненской области — единственный в стране регион, где численность нетрудоспособных граждан превышает численность трудоспособных ($I_{\text{отр}}$ 0,954).

Таблица 2

Распределение областей и районов Республики Беларусь на группы по индексу прогрессивности возрастной структуры населения ($I_{\text{пвсн}}$) на начало 2023 г.

Группы областей и районов	Области и число районов	Численность населения административных районов	
		тыс. чел.	%
С прогрессивной возрастной структурой населения и низким уровнем регрессивности возрастной структуры населения	Брестская, Гомельская, Гродненская и Минская области и 37 районов	5383,3	58,5
С относительно высоким уровнем регрессивности возрастной структуры населения	Могилевская и Витебская области и 41 район	2981,3	32,4
С высоким уровнем регрессивности возрастной структуры населения	40 районов	836,0	9,1
Всего	6 областей и 118 районов	9200,6	100,0

Источник: Рассчитано по: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2023. Стат. сборн. Минск: Белстат, с. 59–76, 79–90.

По значению $I_{отр}$ все регионы Беларуси также разделены на три группы: с относительно высоким ($I_{отр}$ больше 1,420), с относительно низким ($I_{отр}$ 1,001–1,420) и низким уровнем обеспеченности трудовыми ресурсами ($I_{отр}$ 1,000 и менее).

Среди районов с относительно высоким уровнем обеспеченности трудовыми ресурсами преобладают районы экономического ядра, то есть районы, в которых находятся основные центры СЭЭР — города-регионополисы (табл. 3). Наибольший уровень обеспеченности трудовыми ресурсами в Минском ($I_{отр}$ 1,624), Витебском (1,546), Мозырском (1,539) и Островецком (1,515) районах.

Список районов с наибольшими значениями $I_{отр}$, включающий районы экономического ядра, перемежается с районами, наиболее пострадавшими от радиоактивного загрязнения (Наровлянский, Брагинский, Чечерский, Костюковичский).

Следует отметить, что в наиболее загрязненных радионуклидами районах Гомельской и Могилевской областей с середины 90-х гг. XX в. проводится политика по привлечению внешних мигрантов. В последние годы среди подобных мигрантов доминировали переселенцы из Украины, которые оседали в значительной степени в приграничных районах Гомельской области. Очевидно, что привлечение внешних мигрантов способствует и росту рождаемости и относительно высоким значениям $I_{пвсн}$ в некоторых из подобных районов.

Итоговый $I_{удр}$ Республики Беларусь — 1,050. По $I_{удр}$ области и районы Беларуси, как и частные индексы, разделены на три группы: с относительно высоким уровнем ($I_{удр}$ больше 1,050), относительно низким ($I_{удр}$ 1,001–1,050) и низким ($I_{удр}$ 1,000 и менее). Последняя группа — это самые проблемные в демографическом отношении регионы Беларуси (табл. 4).

Аутсайдер среди них снова Свислочский район Гродненской области. Свислочский район — последний среди районов Беларуси по всем частным индексам устойчивого демографического развития итоговому $I_{удр}$. Следует отметить, что большую часть этого района занимает национальный парк «Беловежская пушта». Демографическая ситуация в Свислочском районе — наглядный пример негативного влияния крупного природоохранного объекта на демографическое развитие.

Таблица 3

Распределение областей и районов Республики Беларусь на группы по индексу обеспеченности трудовыми ресурсами ($I_{отр}$) на начало 2023 г.

Группы областей и районов	Области и число районов	Численность населения административных районов	
		тыс. чел.	%
С относительно высоким уровнем обеспеченности трудовыми ресурсами	Минская область и 16 районов	4977,0	54,1
С относительно низким уровнем обеспеченности трудовыми ресурсами	Гомельская, Могилевская, Витебская, Гродненская и Брестская области и 101 район	4210,4	45,8
С низким уровнем обеспеченности трудовыми ресурсами ($I_{отр}$ 1,000 и менее).	1 район	13,2	0,1
Всего	6 областей и 118 районов	9200,6	100,0

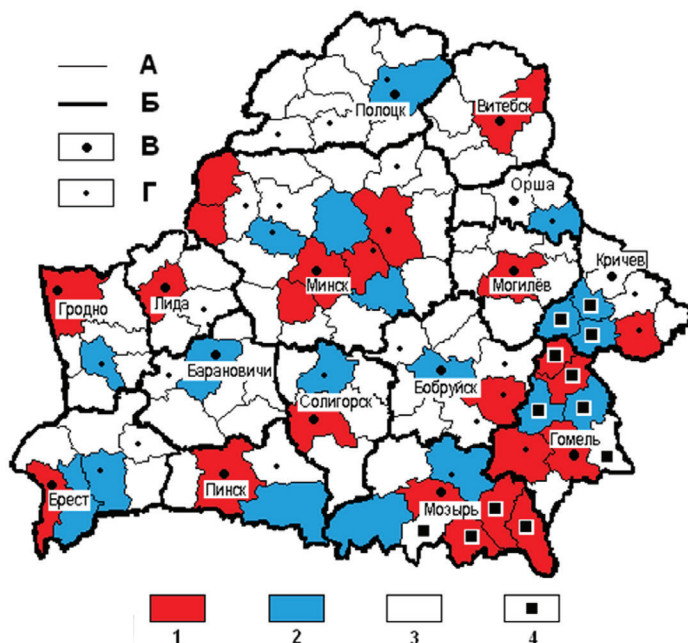
Источник: Рассчитано по: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2023. Стат. сб. Минск: Белстат, с. 59–76, 79–90.

Таблица 4

Распределение областей и районов Республики Беларусь на группы по индексу устойчивости демографического развития ($I_{удр}$) на начало 2023 г.

Группы областей и районов	Области и число районов	Численность населения административных районов	
		тыс. чел.	%
С относительно высоким уровнем устойчивости демографического развития	Минская и Гомельская области и 23 района	5674,9	61,7
С относительно низким уровнем устойчивости демографического развития	Гомельская, Могилевская, Витебская, Гродненская и Брестская области и 20 районов	1371,2	14,9
С низким уровнем устойчивости демографического развития	Витебская область и 75 районов	2154,5	23,4
Всего	6 областей и 118 районов	9200,6	100,0

Источник: Рассчитано по: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2023. Стат. сб. Минск: Белстат, с. 59–76.

Примечание: Границы: А — административных районов; Б — социально-эколого-экономические районы; города: Б — регионополисы — центры СЭЭР; В — прочие важные; районы: 1 — с относительно высоким уровнем устойчивого демографического развития; 2 — с относительно низким уровнем устойчивого демографического развития; 3 — с низким уровнем устойчивого демографического развития; 4 — с высоким уровнем радиоактивного загрязнения

Рис. Устойчивость демографического развития административных районов Республики Беларусь в распределении по социально-эколого-экономическим районам на начало 2023 г. (источник: составлено автором)

К сожалению, наиболее проблемные в демографическом отношении районы составляют основной фон геодемографической карты Беларуси (рис.). К числу проблемных регионов может быть отнесена и Витебская область.

Районы с относительно высоким уровнем устойчивого демографического развития — самые благополучные районы с позиций демографического развития. Подобные районы представлены в основном двумя группами: районами экономического ядра, что предопределяет узловую характер распределения районов Беларуси с относительно высоким $I_{удр}$ по территории страны, районами с высоким уровнем радиоактивного загрязнения. Последние образуют два региона на востоке Беларуси. Первый расположен на стыке Гомельской и Могилевской областей между городами-регионополисами Кричевом и Гомелем, второй — на юго-востоке Гомельской области к югу и востоку от Мозыря.

Районы с относительно низким уровнем устойчивого демографического развития примыкают к районам с относительно высоким уровнем, т. е. пространственно расширяют территории с наиболее благоприятной демографической ситуацией, но не меняют ее узловую характер. На рисунке четко видно, как благотворно влияет Минск на демографическое развитие целой группы окружающих его районов.

До сих пор в настоящей статье говорилось только об институциональных регионах, то есть регионах, имеющих административный статус, хотя в состав Минской области включался Минск, а в состав некоторых районов — города областного подчинения, но в Беларуси существуют и диссипативные, то есть самоорганизующиеся регионы, возникающие в процессе расселения населения в результате его хозяйственной, рекреационной и иной деятельности. Типичный пример подобных регионов — социально-эколого-экономические районы. Об объективном характере их существования свидетельствует рисунок.

Социально-эколого-экономические районы — целостные системы расселения, хозяйствования и природопользования, в отличие от областных регионов Беларуси, фактически являющихся конгломератами, состоящими из двух-трех социально-эколого-экономических районов. В перспективе социально-эколого-экономические районы могут рассматриваться как основные объекты региональной политики и даже нового административно-территориального деления Беларуси. Учитывая это, важно иметь оценку устойчивого демографического развития и подобных регионов.

Результаты подобной оценки отражены в таблице 5.

Из 15 социально-эколого-экономических районов Беларуси, впервые выделенных в 2003 г. (Ридевский, 2003), только в Минском социально-эколого-экономическом районе за 2018–2022 гг. наблюдался незначительный прирост населения, а в остальных социально-эколого-экономических районах население сокращалось. Наибольшая убыль населения наблюдалась в Кричевском социально-эколого-экономическом районе (8,7 %), расположенном на востоке Могилевской области, и характеризующемся отсутствием больших (более 100 тыс. чел.) и средних (50–100 тыс. чел.) городов.

Все социально-эколого-экономические районы, возглавляемые областными центрами, имеют наиболее высокие значения $I_{пн}$. Минск и областные центры — самые привлекательные для населения города Беларуси.

Все социально-эколого-экономические районы Беларуси отличаются регрессивной возрастной структурой населения ($I_{пвсн}$ меньше 1,000), а наиболее высокий $I_{пвсн}$ характерен для регионов белорусского Полесья — Мозырского, Брестского, Пинского, Гомельского, а также Минского и Гродненского социально-эколого-экономических

Оценка устойчивости демографического развития социально-эколого-экономических районов Республики Беларусь на начало 2023 г.

Социально-эколого-экономический район	$I_{\text{шт}}$ за 2018–2022 г.	$I_{\text{пвсн}}$	$I_{\text{отр}}$	$I_{\text{удр}}$
Брестский	0,986	0,891	1,341	1,073
Барановичский	0,950	0,688	1,292	0,977
Пинский	0,950	0,871	1,294	1,038
Витебский	0,963	0,636	1,464	1,021
Полоцкий	0,937	0,612	1,336	0,962
Оршанский	0,931	0,608	1,334	0,958
Гомельский	0,971	0,760	1,436	1,056
Мозырский	0,957	0,905	1,389	1,084
Гродненский	0,977	0,805	1,342	1,041
Лидский	0,941	0,698	1,325	0,988
Минский	1,001	0,769	1,533	1,101
Солигорский	0,947	0,732	1,338	1,006
Могилёвский	0,969	0,744	1,405	1,040
Бобруйский	0,949	0,744	1,331	1,008
Кричевский	0,913	0,721	1,345	0,993
Республика Беларусь	0,974	0,757	1,420	1,050

Источник: Рассчитано по: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2023. Стат. сб. Минск: Белстат, с. 59–76, 79–90.

районов. Наиболее низкий уровень $I_{\text{пвсн}}$ наблюдается на севере Беларуси — Полоцкий и Оршанский социально-эколого-экономические районы. Очевидно, что на значение $I_{\text{пвсн}}$ социально-эколого-экономического района влияет не только административный статус их городских центров, но и географические факторы, формирующие ярко выраженный градиент север — юг ($I_{\text{пвсн}}$ растет в этом направлении).

Все социально-эколого-экономические районы Беларуси имеют относительно высокий или относительно низкий уровень обеспеченности трудовыми ресурсами. $I_{\text{отр}}$ в стране наиболее высок в Минском, Витебском и Гомельском социально-эколого-экономических районах, центры которых — три самых населенных города Беларуси. Пинский и Барановичский социально-эколого-экономические районы характеризуются самой низкой обеспеченностью трудовыми ресурсами.

Самый высокий уровень устойчивого демографического развития характерен для Минского социально-эколого-экономического района, самого благополучного в демографическом отношении в Беларуси ($I_{\text{удр}}$ 1,101). $I_{\text{удр}}$ превышает 1,000 во всех социально-эколого-экономических районах, центрами которых являются областные столицы, а также в Мозырском, Пинском, Солигорском и Бобруйском.

Самыми проблемными в демографическом отношении являются Кричевский, Лидский, Барановичский, Полоцкий и Оршанский социально-эколого-экономические районы, то есть 5 из 15, сложившихся в стране к настоящему времени. Демографическая ситуация в них в обозримой перспективе будет оказывать растущее негативное влияние на их социально-экономическое развитие, проявляясь, прежде всего, в снижении численности населения и сокращении трудоворесурсного потенциала.

Заключение

Предлагаемая методика оценки демографической устойчивости проста, репрезентативна, носит многоуровневый характер и основана на публикуемых показателях демографической статистики. Многоуровневость, то есть возможность оценки устойчивого демографического роста страны и ее регионов разного иерархического уровня, — одно из главных достоинств методики, поскольку на уровне административных районов подобные оценки практически не встречаются. Между тем демографические различия, как правило, гораздо больше выражены не между областями Беларуси (субъектами Федерации в России), а между административными (муниципальными) районами.

Насыщение предлагаемой методики оценки устойчивого демографического роста регионов Беларуси дополнительными показателями в настоящее время невозможно, поскольку на уровне базовых единиц административно-территориального деления Республики Беларусь иные демографические показатели, кроме используемых в предлагаемой методике оценки устойчивого демографического роста, отсутствуют (не публикуются).

Перечисленные преимущества методики оценки устойчивого демографического роста позволяют предполагать ее возможное широкое использование в практике региональной политики Беларуси, но эксплицитная (ярко выраженная) региональная политика в стране, к сожалению, до сих пор не получила должного развития и «застыла в незавершенной форме» (выражение известного белорусского регионалиста В. С. Фатеева). Кроме того, в Беларуси актуализируется необходимость более тесной координации градостроительной, городской и региональной политики, а также государственной региональной политики, проводимой на республиканском, областном и местном уровнях (Фатеев, 2021), что также снижает востребованность подобных исследований.

Список источников

Гаврикова, А. В. (2016). Социально-демографическая устойчивость региона: критерии оценки. *Молодой ученый*, 5(109), 4–7.

Ридевский, Г. В. (2001). Уровень социального благополучия как комплексный индикатор устойчивости развития географических систем. *Вестник МДУ імя А.А. Куляшова*, 4, 70–73.

Ридевский, Г. В. (2003). Социально-эколого-экономическое районирование Республики Беларусь. В: *Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии* (с. 87–96). Псков: Издательство ПГПИ.

Рой, О. М. (2018). Демографическая устойчивость территории: методология оценки. В: *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах. Том I* (с. 38–51). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Фатеев, В. С. (2021). Градостроительная и городская политики: истоки, содержание, а также координация с другими направлениями государственного регулирования в Республике Беларусь. В: *Архитектура: сборник научных трудов* (с. 123–129). Минск: БНТУ, Вып. 14.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С. (2018). Методологический инструментарий оценки демографической устойчивости северных регионов России. *Экономическая наука сегодня*, 7, 151–164.

Ministerial Conference on Demographic Resilience: Shaping Europe's Demographic Future: Pathways for Societies to Thrive in a World of Rapid Demographic Change. (2021). Sofia, Bulgaria, 1–2 December 2021. <https://demressofia21.vfairs.com/en/>

Roca, Z., & Roca, M. (2014). Demographic Sustainability and Spatial Development in Portugal. *Acta geographica Bosniae et Herzegovinae.* 2, 21–28.

References

Fateev, V. S. (2021). Urban planning and urban policies: origins, content and coordination with other areas of public regulation in the Republic of Belarus. In: *Arkhitektura: sbornik nauchnykh trudov [Architecture: a collection of scientific papers]* (pp. 123–129). Minsk: BNTU. Vol. 14. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., & Lytkina, T. S. (2018). Methodological tools for assessing the demographic stability of the northern regions of Russia. *Ekonomicheskaya nauka segodnya [Economics Today]*, 7, 151–164. (In Russ.)

Gavrikova, A. V. (2016). Socio-demographic stability of the region: assessment criteria. *Molodoy uchenyy [Young scientist]*, 5(109), 4–7. (In Russ.)

Ministerial Conference on Demographic Resilience: Shaping Europe's Demographic Future: Pathways for Societies to Thrive in a World of Rapid Demographic Change. (2021). Sofia, Bulgaria, 1–2 December 2021. <https://demressofia21.vfairs.com/en/>

Roca, Z., & Roca, M. (2014). Demographic Sustainability and Spatial Development in Portugal. *Acta geographica Bosniae et Herzegovinae.* 2, 21–28.

Roy, O. M. (2018). Demographic Sustainability of the Territory: Methodology of Evaluation. In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya: sbornik statey IX Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh. Tom I [Demographic and family policy in the context of Sustainable Development Goals: collection of articles of the IX Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Vol. I]* (pp. 38–51). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Rydzeuski, H. V. (2001). The level of social well-being as a comprehensive indicator of the sustainability of the development of geographical systems. *Vestnik MDU imeni A. A. Kulyashova [Mogilev State A. Kuleshov Bulletin]*, 4, 70–73. (In Russ.)

Rydzeuski, H. V. (2003). Socio-ecological and economic zoning of the Republic of Belarus. In: *Vostochnaya Evropa: voprosy istoricheskoy, obshchestvennoy i politicheskoy geografii [Eastern Europe: issues of historical, social and political geography]* (pp. 87–96). Pskov: Publishing House PGPI. (In Russ.)

Информация об авторе

Ридевский Геннадий Владимирович — кандидат географических наук, доцент, заведующий отделом социально-трудовых исследований, НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь; <https://orcid.org/0009-0007-1704-7082> (Республика Беларусь, 220004, г. Минск, пр. Победителей, 23, корп. 2; e-mail: ridgeo@yandex.ru).

About the author

Henadzi V. Rydzeuski — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Head of the Department of Social and Labor Research, Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus; <https://orcid.org/0009-0007-1704-7082> (23/2, Pobediteley Ave., Minsk, 220004, Republic of Belarus; e-mail: ridgeo@yandex.ru).

УДК 316

JEL classification: C31, I38, L31

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-15>

Межсекторное взаимодействие в сфере трудоустройства подростков¹

A. С. Россель

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург).
<https://orcid.org/0009-0003-5147-0782>

Автор для корреспонденции: А. С. Россель (a.rossel1910@gmail.com).

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческих организаций в сфере трудоустройства подростков. Цель исследования заключается в определении механизмов взаимодействия государства, общества и бизнеса с целью совершенствования форм сотрудничества для трудоустройства подростков. В результате проведенных исследований в настоящей статье были рассмотрены основные вопросы развития межсекторного взаимодействия, кроме того, предложен ряд кейсов, применение которых предполагает использование инновационных социально ориентированных мероприятий для помощи трудоустройства подростков. Сделан вывод, что развитие сотрудничества государственного сектора, бизнеса и третьего сектора способствует формированию нового подхода к оказанию социальной помощи подросткам, а также влияет на решение актуальных социальных проблем, в т. ч. связанных с их трудоустройством.

Ключевые слова: государство; коммерческий сектор; некоммерческие организации; взаимодействие; подростки; трудоустройство

Intersectoral Collaboration in the Field of Teenagers' Employment

A. S. Rossel

Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Ekaterinburg).
<https://orcid.org/0009-0003-5147-0782>

Corresponding author: A. S. Rossel (a.rossel1910@gmail.com).

Abstract. The paper concerns the issues of collaboration between the state, business and not-profit organisations in the field of teenagers' employment. The study aims to identify interaction mechanisms between the state, society and business in order to improve cooperation for the employment of teenagers. As a result, the article examined the main issues of the development of intersectoral collaboration; in addition, a number of cases were proposed, which encourage the use of innovative socially-oriented activities to help teenagers find employment. It was concluded that the development of cooperation between the public sector, business and the third sector contributes to the creation of a new approach to providing social assistance to teenagers, and also influences the solution of current social problems, including related to their employment.

Keywords: state; commercial sector; non-profit organisations; interaction; teenagers; employment

Введение

Предпосылками для процесса реформирования межсекторного взаимодействия послужили масштабные политические, социальные и экономические изменения,

¹Россель А. С. Текст. 2024

в результате которых возникла необходимость пересмотреть отношения между властью, бизнесом и обществом в контексте решения социальных проблем.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений, так как на современном этапе развития российского общества существует объективная социальная потребность во взаимодействии государственного сектора, бизнеса и некоммерческих организаций с целью решения социальных проблем. Бизнес, государство и третий сектор в лице НКО, работая по проблеме трудоустройства подростков совместно, могут добиться эффективных результатов.

Обзор литературы

Фундаментальные теоретические положения, регулирующие общественные отношения, раскрыты в трудах как ученых, так и специалистов-практиков. Теория социального обмена применялась в различных областях, в т. ч. в социологии. Она помогает объяснить поведение человека в различных контекстах, включая межличностные отношения. Теория предполагает, что люди оценивают свои отношения на основе баланса между вознаграждением и издержками. Если человек понимает, что его отношения приносят больше преимуществ, чем недостатков, он с большей вероятностью сохранит их. Издержки могут включать компромиссы, жертвы или конфликты.

Теория социального обмена возникла после того, как социологи начали изучать человеческое поведение, систематически используя серию выговоров и поощрений. Поскольку социальный обмен является одной из ключевых концепций в социальной жизни, теория обмена выступает одной из наиболее важных в социологии (Mentus, 2014). Термин «теория социального обмена» немного вводит в заблуждение. Социальный обмен не предполагает единой концептуальной модели, а скорее относится к семейству связанных теоретических рамок. Хотя теоретики социального обмена согласны с обоюдным характером моделей социального обмена, не все модели объясняют одни и те же принципы относительно ресурсов или того, как они воспринимаются. Традиционные модели обмена предполагают, что ресурсы — это объекты, подлежащие обмену (Mitchell et al., 2012).

Теория обмена Хоманса, основана на нескольких положениях об основных действиях индивидов и о том, как ценности, память и ожидания влияют на их поведение (Enayat et al., 2020). Так, согласно теории социального обмена Дж. Хоманса, которая представляет собой социологическую перспективу, исследует способы, с помощью которых индивиды принимают решения и формируют отношения, основанные на их представлениях о вознаграждениях и издержках, люди вступают в социальные взаимодействия с ожиданием получения положительных результатов или вознаграждений при минимизации негативных результатов или затрат (Хоманс, 1984).

Таким образом, теория социального обмена Дж. Хоманса дает ценную информацию о динамике социальных взаимодействий и отношений. Понимая мотивы, стоящие за решениями отдельных людей, мы можем получить более глубокое представление о поведении человека в различных контекстах.

Еще одним выдающимся вкладчиком в развитие теории социального обмена является Питер М. Блау, американский социолог, который развил идеи Хоманса. Теория социального обмена Питера Блау предполагает, что основой социальной жизни является обмен (Wyleżałek, 2021). Питер Блау предположил, что теория обмена охватывает социальный мир как бесконечную серию обменов. Эти обмены могут включать денежные средства, обмен другими объектами, обмен сообщениями или идеями. В анализе

фигурируют другие аспекты, включая сферу власти, зависимости и неравенство, которые соответствуют обмену. Благодаря своему исследованию теории обмена П. Блау ввел нормы в модель, что вывело теорию на макроуровень, так как, по его мнению, индивидуальные и групповые процессы могут создавать «все более сложный социальный порядок». Кроме того, Блау определил, что существует различие между большими и малыми группами в отношении обмена. В небольших группах члены осуществляют прямой обмен, или взаимодействие, которое объединяет индивидов. В больших группах необходимы механизмы для вмешательства в отношения. Для Блау именно здесь вступают в игру нормы и ценности. Нормы считаются жизненно важными для процесса косвенного обмена, который характерен для больших групп. Другими словами, индивиды взаимодействуют коллективно с большой группой, поскольку прямое взаимодействие не всегда возможно.

Таким образом, следует отметить, что Дж. Хоманс и П. Блау внесли существенный вклад в социологию. Теория социального обмена позволила современным ученым более подробно подойти к изучению особенностей и структуры социальных взаимоотношений и взаимодействия (Огольцова и др., 2022). Придерживаясь групповых норм, индивид вносит свой вклад в стабильность группы и получает вознаграждение в виде принадлежности и / или одобрения за их соответствие. Чтобы эти групповые отношения сложились, индивид должен испытывать влечение к группе.

Теория социального обмена предлагает несколько ключевых идей, которые помогают объяснить социальное поведение и взаимоотношения:

1. Социальные инвестиции: согласно этой теории, люди делают инвестиции в свои отношения, такие как время, усилия и эмоциональная энергия. Эти инвестиции вносят вклад в общую ценность отношений и влияют на уровень приверженности и удовлетворенности.

2. Уровень сравнения: уровень сравнения относится к ожиданиям человека относительно того, что, по его мнению, он должен получить от отношений. На него влияют прошлый опыт, социальные нормы и личные стандарты. Если фактические выгоды от отношений превышают уровень сравнения, индивид, скорее всего, будет чувствовать себя удовлетворенным. И наоборот, если вознаграждение оказывается ниже уровня сравнения, может возникнуть неудовлетворенность.

3. Норма взаимности: норма взаимности предполагает, что люди чувствуют себя обязанными отвечать взаимностью на действия других. Если кто-то делает что-то положительное для них, они чувствуют себя обязанными сделать что-то положительное в ответ. Эта норма помогает поддерживать баланс в социальных обменах и способствует сотрудничеству и справедливости.

4. Теория справедливости утверждает, что люди стремятся к справедливости и равноправию в своих отношениях. Они стремятся к балансу между вознаграждениями, которые они получают, и издержками, которые они несут. Когда существует воспринимаемое неравенство, люди могут испытывать чувство вины, негодования.

Несмотря на то, что теория обмена может иметь большое значение, она сталкивается с серьезными ограничениями. Это, прежде всего, чрезмерная склонность к методологическому индивидуализму и сведение социальной структуры к набору межличностных отношений, в первую очередь, диадических обменов или сетей обмена, без учета более широкого институционально-структурного контекста.

В целом теория социального обмена дает ценную информацию о динамике социальных взаимодействий и взаимоотношений. В ней подчеркивается важность

взаимности, анализа затрат и выгод и роли социальных ресурсов в формировании человеческого поведения. Понимая эти концепции, мы можем получить более глубокое понимание того, как люди ориентируются в социальных взаимодействиях и факторах, которые влияют на их решения.

Материалы и методы

Методологической базой исследования являются методы социологии, социальной педагогики, социальной психологии и статистики, такие общенаучные методы, как структурно-функциональный, логический, исторический, сравнительный и др.

Методология исследования конкретизирована совокупностью теоретических и эмпирических методов исследования: анализ документов, синтез, наблюдение, статистический метод.

Результаты и обсуждение

Несовершеннолетние сегодня довольно часто ищут способы заработать. Следует отметить, что количество работающих подростков за последние годы сократилось, и это снижение может быть связано с трудностями, с которыми сталкиваются многие несовершеннолетние при поиске работы.

Рассмотрим подробнее три сектора экономики.

1. Государственный сектор. Главная цель — обеспечение интересов и прав граждан, в том числе и через национальные проекты. Следует выделить следующие проекты, предусматривающие всестороннее развитие и поддержку образования и трудоустройства в России: национальный проект «Демография», федеральный проект «Содействие занятости» национального проекта «Демография», национальный проект «Образование», нацпроект «Производительность труда», федеральный образовательный проект «Профессионалитет», действующий в рамках госпрограммы по социально-экономическому развитию РФ, социальный проект «Трудоустройство несовершеннолетних подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации».

Государство обладает огромными возможностями, и весь вопрос только в том, насколько грамотно они используются (Новиков, 2007).

2. Коммерческий сектор (бизнес-структуры). Основная задача бизнеса — получение прибыли. Бизнес играет ключевую роль в трудоустройстве подростков, и таким образом государство и общество стремятся стимулировать работодателей нанимать подростков. В силу объективных причин подростки не могут на равных конкурировать со взрослыми работниками на рынке труда.

В современном быстро меняющемся и конкурентном деловом мире нехватка персонала может стать серьезным препятствием на пути к успеху. Нехватка квалифицированных работников — это проблема, с которой сегодня сталкиваются многие компании, поскольку им становится все труднее находить и удерживать квалифицированный персонал. Предприятия сейчас сталкиваются с двойной проблемой: привлечение новых сотрудников и удержание их в долгосрочной перспективе. Причины этой проблемы разнообразны и включают экономические факторы, демографическую ситуацию и изменяющиеся предпочтения в отношении работы.

Текущая нехватка рабочей силы означает, что существует разрыв между необходимой рабочей силой и количеством людей, способных обеспечить эту рабочую силу, т. е. рабочих мест больше, чем людей, готовых или имеющих навыки для работы на них.

Практика управления персоналом, которую предприятие должно учитывать при решении проблем высокой текучести кадров и низкого удержания персонала, должна делать акцент на инвестировании в рост как работающего персонала, так и будущего. Доказано, что способность приобретать новый опыт и расти как эксперту оказывает глубокое влияние на готовность персонала сохранять приверженность своим организациям (Ekrot et al., 2016).

Проблемы кадрового голода связаны, в первую очередь, с отсутствием кадровой стратегии, функциональной слабости и формализации положений кадровой политики, пренебрежения практикой ее периодического пересмотра и усугубляются невозможностью адекватного ресурсного обеспечения этого процесса. Но не менее важной проблемой является отсутствие мотивированного менеджмента, которого руководители предприятий могут привлечь для выполнения задачи привлечения персонала.

3. Третий сектор (НКО, благотворительные инициативы и т. д.). Третий сектор — это выражение, созданное для обозначения сферы общества, соответствующей социальным действиям, продвигаемым частными учреждениями некоммерческого характера, с деятельностью, которая включает в себя требование заявить о себе по определенным причинам. Этот термин был создан для того, чтобы отличать эти институты от государственной сферы (первый сектор) и коммерческой частной сферы (второй сектор). Наиболее известными институтами третьего сектора являются неправительственные организации: фонды, благотворительные организации, общественные фонды, некоммерческие организации, ассоциации соседей и другие.

Фонды являются учреждениями, ответственными за финансирование и сбор средств для третьего сектора. Обычно они действуют для сбора доходов для использования во времена кризиса, в период, когда пожертвования сокращаются, а социальные проблемы усиливаются. Многие из этих фондов финансируются частными компаниями.

Что касается благотворительных организаций, то это учреждения, нацеленные на конкретное социальное восстановление при решении структурных проблем, таких как голод, или индивидуальных проблем, таких как депрессия. Они работают в различных областях и составляют большинство филантропических учреждений в мире.

Общественные фонды — это центры, которые направляют и распределяют ресурсы за счет пожертвований, как правило, сделанных частными компаниями. Вместо направления всех ресурсов данной корпорации одному юридическому лицу, сумма передается в один или несколько общественных фондов, которые будут выполнять функцию распределения этих денег среди тех организаций, которые больше всего нуждаются в ресурсах.

Некоммерческие организации — это частные компании, не обязательно с социальными долями участия, которые не нацелены на получение прибыли, живущие в основном на пожертвования или, в зависимости от случая, на получение собственного дохода, который должен быть возвращен на осуществление социальных действий.

Третий сектор экономики выступает своего рода бустером: включается там, где не справляются государство и коммерческий сектор, чаще в виде инициатив, также в виде программ, которые в дальнейшем поддерживаются через пожертвования, гранты и субсидии и т. д. Это также продукт популярной организации по улучшению общества, которая использует некоторые бюрократические преимущества, которых нет у государства, например, действует за пределами его границ.

Особое место в системе институтов гражданского общества занимают некоммерческие организации (далее НКО), которые играют существенную роль в социальном

и экономическом благополучии России. НКО должны не только расширять сферу деятельности государственных институтов, в т. ч. в сферах, до которых у государства не доходят руки, но и показывать более высокую результативность, привлекать больше людей к работе, внедрять новые социальные подходы к управлению и поддержке (Токсанбаева, 2013).

Согласно данным Доклада о состоянии гражданского общества в Российской Федерации 2022 г.¹, за последние годы роль третьего сектора в жизни российского общества значительно увеличилась. Третий сектор не заменяет государство, а дополняет его, обеспечивая необходимый уровень горизонтального взаимодействия в обществе.

Что касается частного сектора, то за последние два года граждане стали отмечать важность моральных мотивов и все чаще связывают свое участие в благотворительности с понятием долга, в связи с чем доля граждан, сделавших пожертвования на благотворительность, за последнее время сократилась. Исследователи отмечают растущую популярность поддержки участников СВО (социально-волонтерских организаций) и их семей.

Государство, со своей стороны, в последние годы активно расширяло взаимодействия с НКО, в частности по оказанию услуг в социальной сфере.

Исходя из задач, поставленных государством через национальные проекты, и проблемы бизнеса — кадрового голода, третий сектор включается и предлагает варианты решения, объединяя все сектора.

Чтобы облегчить трудоустройство для работодателей, испытывающих нехватку персонала, государство упростило порядок приема на работу подростков, так, в июне 2023 г. вступили в силу поправки к Трудовому кодексу Российской Федерации. Сейчас для заключения трудового договора с подростками от 14 лет не требуется согласие органов опеки, довольно и письменного согласия одного из родителей. Как и ранее, несовершеннолетние в статусе самозанятых могут подрабатывать, оказывать услуги или продавать товары собственного производства. Подросток с 16 лет может самостоятельно заключить трудовой договор с работодателем.

Следует отметить, что работа несовершеннолетние усваивают бесценные жизненные уроки, такие как ответственность, тайм-менеджмент и личные финансы. Тем не менее не следует забывать о некоторых негативных последствиях трудоустройства несовершеннолетних, в частности, уменьшение времени на домашние школьные задания, усталость или неподготовленность к дневным учебным занятиям могут отбить у работающего подростка желание посещать школу, раннее вхождение в суровую рабочую среду может способствовать негативному отношению к работе, повышенный стресс из-за совмещения работы и учебы.

Официальная статистика в разрезе возрастов учитывает занятых с 15 лет. В ежеквартальном выборочном обследовании рабочей силы Росстат не выделяет трудоустроенных несовершеннолетних. Статистики анализируют данные о занятости людей в возрасте от 15 до 19 лет. По данным Росстата, доля таких работников в третьем квартале 2023 года — 0,7 % от общего числа занятых, или 522 тыс. чел.²

---

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год. Москва : Общественная палата Российской Федерации, 2022.

² Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221> (дата обращения: 10.02.2024).

По информации из сборника Росстата «Семья и дети в России» и статистики Общественной палаты РФ, выпущенном в 2021 г.¹, число занятых подростков с каждым годом снижается. В 2021 г. среди подростков в возрасте 15–17 лет работали 72,1 тыс. чел. Для сравнения: в 2015 г. занятых в трудовой деятельности молодых людей было 93,1 тыс., в 2010 — 125,5 тыс.

Вопрос подросткового трудоустройства очень сложен, и профессиональная ориентация подростков имеет существенное значение для выбора будущей профессии. В связи с этим особую важность представляют профессиональные пробы, которые выступают инструментом, предназначенным для измерения ценностей, интересов и предпочтений в отношении выбора подростками дальнейшей профессии. Они позволяют взглянуть подросткам на себя с другой стороны, понять, что их мотивирует и интересует. Кроме того, можно получить представление о конкретных профессиях и понять, какие представляют наибольший интерес. Нет ничего более стимулирующего, чем попытки определиться с будущей профессией. Вопрос не только в том, чтобы найти то, что популярно, но и в том, чтобы выбрать профессию, которая действительно будет приносить удовлетворение.

Таким образом, если на сегодняшний день не формировать у подростка представление о том, что такое профессиональные пробы и профессиональные навыки, то он, к сожалению, выбирает себе среднеспециальное образование или высшее образование, а может и отказаться от получения дальнейшего образования и пойти дальше по жизни под давлением родителей, общества и т. д., не попробовав ничего сделать самостоятельно.

Следует отметить, что цели, поставленные в национальных и прочих проектах, однозначно очень правильные, однако они не выполняются в полной мере, поскольку все три сектора экономики тянут одеяло в разные стороны, в частности, государственным сектором не сформирована необходимая нормативная база, кроме того, государственные учреждения часто являются узкоспециализированными, осуществляющими свою деятельность в рамках принятых стандартов и ограниченных бюджетным финансированием. Коммерческий сектор в лице бизнеса думает исключительно о своей экономической выгоде здесь и сейчас, кроме того, существует ряд ограничений, связанных с трудовым законодательством, которые не выгодны работодателю, например короткий рабочий день, продолжительность рабочей недели, опасные производства и др., поэтому не следует ожидать, что бизнес по собственной инициативе будет способствовать трудоустройству несовершеннолетних. Из этого следует, что для привлечения бизнеса к использованию подростков как эффективного трудового ресурса, необходимо наладить механизмы межсекторного сотрудничества. В свою очередь, НКО функционируют сами по себе, однако по сравнению с государственными институтами и бизнесом, в силу своей специфики могут более качественно сопровождать работу с несовершеннолетними, применяя новые подходы и методы (Калашникова и др., 2013).

В контексте современных обстоятельств, в частности из-за нехватки кадров на предприятиях, все три сектора экономики могут сотрудничать: бизнесу необходимо обратить внимание на подростков, так как они представляют собой потенциальный трудовой ресурс, который необходимо развивать, с этой целью следует отметить определенные технологии, которые можно применять, чтобы подросток 16–17 лет смог начать работать. Например, подросток может устроиться на какое-либо

¹ Семья и дети в России. 2021. Москва: «Перо», 2022. 120 с.

производственное предприятие, поскольку данное предприятие провело с ним определенную подготовительную работу. Для предприятий такое сотрудничество является возможностью вырастить специалиста под свои задачи, спланировать свой кадровый резерв. В свою очередь, государству, со своей стороны, необходимо обратить внимание и на подростков, и на предприятия, содействуя данному трудоустройству, например посредством предоставления различных социальных льгот или иного стимулирования именно тех работодателей, которые будут трудоустраивать подростков.

Кроме того, следует отметить, что существуют конкретные механизмы, например центры опережающего развития, где подростки могут обучаться, в т. ч. доступным профессиям. В этой связи необходимо выделить такую площадку, как центр опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), представляющую собой агрегатор и оператор ресурсов региона для профессиональной ориентации.

Министерство Просвещения России разработало и внедрило с 1 сентября 2023 г. во всех школах Российской Федерации единую модель профориентационной деятельности (профминимум)¹. Целевой аудиторией являются обучающиеся 6–11-х классов, включая детей с ОВЗ и инвалидностью. Несмотря на то, что профориентация всегда велась в школах, сейчас она наиболее сгруппированная и сформированная.

В существующей ситуации НКО как раз могут привлечь бизнес с целью трудоустройства подростков. В ходе взаимодействия НКО с бизнесом, НКО способны организовать сопровождаемое трудоустройство подростков, то есть разработать комплекс мер, направленный на индивидуальное планирование, индивидуальный поиск работы для каждого подростка, провести оценку индивидуальных навыков, способностей, талантов, формирование плана подбора рабочего места. Таким образом, НКО выступают как посредники, то есть они предлагают свои услуги государственным учебным заведениям, в качестве примера можно привести школы, комиссии по делам несовершеннолетних и бизнес.

Работа по трудоустройству несовершеннолетних требует четкой системы взаимодействия с субъектами профилактики, центром занятости, органами управления образованием, образовательными учреждениями, органами местного самоуправления, предприятиями и общественными организациями.

Как правило, вопросы организации трудоустройства несовершеннолетних возлагаются на центры занятости населения, осуществляющее реализацию государственной политики по обеспечению государственных гарантий в области труда, занятости населения и трудовой миграции. Они подведомственны департаменту труда и социальной защиты населения. В их обязанности в рамках трудоустройства подростков входит проведение переговоров с работодателями о создании рабочих мест, формирование банка вакансий, заключение договоров.

Следует отметить, что центры занятости населения регулярно испытывают дефицит свободных вакансий для несовершеннолетних. Бизнес очень неохотно участвует в программе их трудоустройства, кроме того, ряд руководителей зачастую игнорирует обращения центров занятости или напрямую отказываются от взаимодействия

---

¹ О внедрении Единой модели профессиональной ориентации (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации профориентационного минимума для образовательных организаций Российской Федерации, реализующих образовательные программы основного общего и среднего общего образования», «Инструкцией по подготовке к реализации профориентационного минимума в образовательных организациях субъекта РФ»). Письмо Минпросвещения России от 01.06.2023 № АБ-2324/05. Официальные документы в образовании, № 22, авг., 2023 (Письмо).

в данном направлении. В качестве причин отказа отмечается, как правило, отсутствие вакантных должностей, на которых можно применять труд несовершеннолетних, а также вредные условия труда. В сложившейся ситуации НКО играют важнейшую роль в трудоустройстве несовершеннолетних, кроме того, НКО вносят существенный вклад в формирование нового взгляда на их трудоустройство, где основное внимание фокусируется не на эффективности, а на будущих возможностях, заботясь при этом о благополучии несовершеннолетних.

В этом и заключается межсекторное взаимодействие: НКО связывают бизнес, предлагая выделить рабочие места для подростков, поскольку именно они выступают будущей потенциальной рабочей силой, и государственные учебные заведения, предлагая определенные технологии, с целью трудоустройства подростков. Таким образом вырисовывается конкретная цепочка взаимодействия.

Бизнес, государство и третий сектор в лице НКО, работая по проблеме трудоустройства подростков совместно, могут добиться более эффективных результатов.

Ниже приведен ряд кейсов, которые могут способствовать подростковому трудоустройству:

1. Кейс 1. Создание телеграм-канала с функционалом онлайн-сервиса по поиску работы и информированию несовершеннолетних.

Принципиальная позиция руководства НКО заключается в том, что работа с несовершеннолетним не должна вестись без государства по ряду причин, в частности, чтобы соблюсти всевозможную безопасность подростка, правовые особенности, снизить репутационные риски, обозначить важность и признание проблемы всеми участниками (3 секторами экономики). Поэтому в качестве государственного органа был привлечен ГКУ «Екатеринбургский ЦЗ» (Департамент по труду и занятости населения Свердловской области), который выполняет схожий по своей сути функционал, а именно напрямую содействует занятости несовершеннолетних, разъясняет особенности трудоустройства подростков всем участникам процесса и занимается поиском работодателей.

Целевой аудиторией проекта являются несовершеннолетние в поиске круглогодичной трудовой занятости и подработки в каникулярный период. Проект подготовлен к реализации в городе Екатеринбурге (Свердловская область) при поддержке уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области.

В рамках реализации проекта основной акцент сделан на формирование пула социально ориентированных работодателей, готовых трудоустроить подобный контингент, а также создание актуального информационного наполнения телеграм-канала как сервиса по поиску работы и информированию полезной информацией, включающей:

- верифицированные вакансии для несовершеннолетних;
- информацию о профессиях и их перспективах;
- различные информационные сводки;
- истории успеха лидеров мнений и представителей профессий, спрос на которые необходимо удовлетворить в будущем, за счет формирования резерва из сегодняшних подростков;
- положительный и отрицательный опыт трудоустройства реальных несовершеннолетних. Опыт неофициального трудоустройства, сложности, выводы и т. д.;
- «вести с полей».
- вирусные видео, комиксы, фотоотчеты.

Информационное наполнение строится на принципах теории поколений, клипового мышления и декодирования информации на язык молодежи для лучшего взаимодействия и информационной проницаемости, а как следствие эффекта от взаимодействия.

В данном случае межсекторальное взаимодействие осуществляется между НКО, несовершеннолетними и организациями, представляющими государственный сектор.

Контактными точками с несовершеннолетними являются территориальные центры занятости, территориальная комиссия по делам несовершеннолетних и ЗП, районные детско-юношеские центры, социальные сети и т. д. С организациями, представляющими государственный сектор НКО, имеет соглашения о сотрудничестве.

2. Кейс 2. На базе площадки ДЮЦ «Стрелка», «Луч» г. Екатеринбург выстроена работа в двух направлениях:

— сотрудники НКО проводят консультации для несовершеннолетних по вопросам трудоустройства, используя методические разработки команды НКО и Уральского государственного педагогического университета, центра психологического сопровождения «Белый слон». Данный методический комплекс является примером взаимодействия представителей различных секторов экономики. Разработан дневник ребенка, методические рекомендации для работодателя и т. д.;

— встречи с представителями различных профессий, лидерами мнений, воркшопы, деловые игры и т. д. (игра с рекрутером «тренировочное собеседование», игра с психологом «конфликты и неприятные ситуации на работе»).

3. Кейс 3. Ведется активная работа с потенциальными работодателями для несовершеннолетних. Она заключается в формировании новой позиции относительно подросткового трудоустройства, а именно раскрывается смысл опыта первых профессиональных касаний, формирования положительного опыта, потенциальных будущих кадрах в условиях кадрового голода. Вовлечение тех работодателей, которых не может привлечь центр занятости, департамент молодежной политики, районные администрации, через осуществление консалтинга в рамках социальной политики предприятия квалифицированными сотрудниками НКО. Взаимодействие с HR-директорами и отделом маркетинга и внутренних коммуникаций предприятия. Встраивание в систему социальной политики и внутренних коммуникаций мероприятий по привлечению несовершеннолетних сотрудников. Таким образом, именно в рамках данного кейса межсекторальное взаимодействие осуществляется между НКО, несовершеннолетними и потенциальными работодателями.

Следует отметить, что применение кейс-технологий предполагает использование инновационных социально ориентированных мероприятий для помощи трудоустройства подростков.

Заключение

Очевидно, что решение многих социальных проблем довольно затруднительно без развития межсекторного взаимодействия. Развитие сотрудничества государственного сектора, бизнеса и третьего сектора способствует формированию нового подхода в оказании социальной помощи несовершеннолетним, оказывает положительное влияние на решение актуальных социальных проблем, в т. ч. и связанных с их трудоустройством. По нашему мнению, такое межсекторное взаимодействие необходимо в форме совершенствования механизмов и форм сотрудничества.

Список источников

Калашникова, С. А., Заборина, Л. Г. (2013). Некоммерческая организация как ресурс сопровождения ребенка с ограниченными возможностями здоровья. *Russian Journal of Education and Psychology*, 6(26), 1–15. <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-49>

Новиков, М. Л. (2007). Межсекторное взаимодействие как модель решения проблемы трудоустройства людей с инвалидностью. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 1, 69–79. <https://elibrary.ru/hymzfb?ysclid=lsmz11mel980050721>

Огольцова, Е. Г., Торба, А. А., Лёшина, Ю. А. (2022). Теория социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау. *Молодой ученый*, 50(445), 463–465. <https://moluch.ru/archive/445/97573/>

Токсанбаева, М. (2013). Некоммерческие организации: помощь детям в трудной жизненной ситуации. *Народонаселение*, 2(60), 27–38.

Хоманс, Дж. (1984). Социальное поведение как обмен. В: *Современная зарубежная социальная психология* (с. 82–91). Москва: Издательство Московского университета.

Ekrot, B., Kock, A., & Gemünden, H. G. (2016). Retaining Project Management Competence – Antecedents and Consequences. *International Journal of Project Management*, 34(2), 145–157.

Enayat, T., Ardebili, M. M., Kivi, K. K., Amjadi, B., & Jamali, Y. A. (2020). Computational approach to homans social exchange theory. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 1–36. <https://doi.org/10.31235/osf.io/j7n26>

Mentus, V. (2014). Social power in exchange theories: Homans's and Blau's considerations of the relationship between the power and the exchange. *Socioloski pregled*, 48(2), 165–182.

Mitchell, M., Cropanzano, R., & Quisenberry, D. M. (2012). Social exchange theory, exchange resources and interpersonal relationships: A modest resolution of theoretical difficulties. In: *Handbook of Social Resource Theory: Theoretical Extensions, Empirical Insights, and Social Applications* (pp. 99–115). Springer. https://www.researchgate.net/publication/261286833_Social_Exchange_Theory_Exchange_Resources_and_Interpersonal_Relationship_A_Modest_Resolution_of_Theoretical_Differences

Wyleżałek, J. (2021). Dilemmas around the energy transition in the perspective of Peter Blau's social exchange theory. *Energies*, 14, 8211. <https://doi.org/10.3390/en14248211>

References

Ekrot, B., Kock, A., & Gemünden, H. G. (2016). Retaining Project Management Competence – Antecedents and Consequences. *International Journal of Project Management*, 34(2), 145–157.

Enayat, T., Ardebili, M. M., Kivi, K. K., Amjadi, B., & Jamali, Y. A. (2020). Computational approach to homans social exchange theory. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 1–36. <https://doi.org/10.31235/osf.io/j7n26>

Homans, G. (1984). Social behavior as exchange. In: *Sovremennaya zarubezhnaya sotsialnaya psikhologiya [Modern foreign social psychology]* (pp. 82–91). Moscow: MSU Publishing. (In Russ.)

Kalashnikova, S. A., & Zaborina, L. G. (2013). Non-profit organization as a resource for accompanying a child with disabilities. *Russian Journal of Education and Psychology*, 6(26), 1–15. <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-49> (In Russ.)

Mentus, V. (2014). Social power in exchange theories: Homans's and Blau's considerations of the relationship between the power and the exchange. *Socioloski pregled*, 48(2), 165–182.

Mitchell, M., Cropanzano, R., & Quisenberry, D. M. (2012). Social exchange theory, exchange resources and interpersonal relationships: A modest resolution of theoretical difficulties. In: *Handbook of Social Resource Theory: Theoretical Extensions, Empirical Insights, and Social Applications* (pp. 99–115). Springer. https://www.researchgate.net/publication/261286833_Social_Exchange_Theory_Exchange_Resources_and_Interpersonal_Relationship_A_Modest_Resolution_of_Theoretical_Differences

Exchange_Resources_and_Interpersonal_Relationship_A_Modest_Resolution_of_Theoretical_Differences

Novikov, M. L. (2007). Cross-sectorial interaction as a model of solution of the problem of job-placement of the disabled. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Lomonosov Public Administration Journal. Series 21]*, 1, 69–79. <https://elibrary.ru/hymzfb?ysclid=lsmzzi1mel980050721> (In Russ.)

Ogoltsova, E. G., Torba. A. A., & Leshina. Yu. A. (2022). The theory of social exchange by J. Homans and P. Blau. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 50(445), 463–465. <https://moluch.ru/archive/445/97573/> (In Russ.)

Toksanbaeva, M. (2013). Non-profit organizations: helping children in difficult life situations. *Narodonaselenie [Population]*, 2 (60), 27–38. (In Russ.)

Wyleżałek, J. (2021). Dilemmas around the energy transition in the perspective of Peter Blau's social exchange theory. *Energies*, 14, 8211. <https://doi.org/10.3390/en14248211>

Информация об авторе

Россель Анастасия Сергеевна — соискатель кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0009-0003-5147-0782> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: a.rossel1910@gmail.com).

About the author

Anastasia S. Rossel — PhD Candidate, Department of Theory and Sociology of Management, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0009-0003-5147-0782> (8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: a.rossel1910@gmail.com).

УДК 911.374.1

JEL classification: P25, P28

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-16>

Подмосковные дачи: остаться СНТ или стать населенным пунктом?¹

А. В. Русанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
<https://orcid.org/0000-0002-9047-401X>Автор для корреспонденции: А. В. Русанов (rusanovmsu@gmail.com)

Аннотация. Цель устойчивого развития ООН № 11 подразумевает поддержку социально-экономических связей между городами и пригородными территориями и поддержание благоприятной экологической обстановки в окружающей сельской местности. Одной из особенностей расселения в России является широкое распространение садово-дачных некоммерческих товариществ (СНТ), не имеющих официального статуса населенного пункта, но концентрирующих на своей территории большое количество летнего населения — дачников. Эволюция дачного освоения Подмосковья и «расползание» столицы привели к тому, что летние дачные дома все чаще становятся капитальными, а садово-дачные образования приобретают черты автономных поселений. Социально-экономические изменения последних лет (пандемия, удаленная занятость, курьерская доставка и проч.) усилили эти процессы, но степень их проявления различается по территории столичной области и по организационно-правовому статусу садово-дачных образований. Элитные стародачные поселки, обладавшие необходимой инфраструктурой с момента своего появления, и дачные конгломераты, создавшие эту инфраструктуру в результате последовательной централизации массовых «шестисоточных» садово-огородных объединений, сегодня наиболее приближены к трансформации в полноценные населенные пункты. Для многочисленных СНТ, особенно расположенных на периферии области, такой переход менее актуален, в том числе из-за чрезмерных дополнительных затрат локальных муниципалитетов на создание социальной и инженерной инфраструктуры в новых поселениях.

Ключевые слова: дачи; садово-дачные образования; сезонное расселение; жилой дом; населенный пункт

Second Homes in Moscow Oblast: to Become or Not to Become a Suburban Settlement with Formal Status?

А. В. Русанов

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-9047-401X>Corresponding author: А. В. Русанов (rusanovmsu@gmail.com).

Abstract. UN Sustainable Development Goal 11 implies support of socio-economic links between cities and suburban areas and maintenance of favourable environmental conditions in the surrounding countryside. One of the peculiarities of settlement in Russia is the wide spread of horticultural non-profit partnerships, which do not have the official status of a settlement, but concentrate many summer residents on their territory. The evolution of suburban development in Moscow oblast and the sprawl of the city of Moscow means that summer second homes are increasingly becoming capital, and garden and cottage settlements acquire the features of autonomous settlements. Recent socio-economic changes (pandemic, remote employment, courier delivery, etc.) have intensified these processes, but their manifestation varies across the

¹ © Русанов А. В. Текст. 2024

territory of the capital region and by the organisational and legal status of garden and cottage settlements. Elite old-fashioned villages, which had the necessary infrastructure from the moment of their appearance, and suburban conglomerates, which created this infrastructure as a result of the consistent centralisation of mass «six-acres» gardening associations, are now the closest to transformation into full-fledged settlements. For numerous horticultural non-profit partnerships, especially those located on the periphery of the region, such a transition is less relevant, including due to excessive additional costs of local municipalities for the creation of social and engineering infrastructure in new settlements.

Keywords: second homes; garden and cottage settlements; seasonal settlement; residential building; settlement

Введение

Одним из элементов расселенческой картины Подмосковья являются разнообразные садово-дачные образования (СДО), жилые постройки которых — «вторые дома» горожан пригодны хотя бы к краткосрочному проживанию. Селитебные возможности СДО зависят от их организационно-правового типа — уже первые дачные кооперативы советской элиты (ДСК) представляли собой комфортабельные загородные дома для круглогодичного обитания, а массовые послевоенные «6 соток» изначально предполагали лишь пребывание в теплый сезон. Однако эволюция дачного освоения, с одной стороны, и «расползание» столицы, с другой, привели к тому, что летние дачные дома все чаще становятся капитальными, а СДО приобретают черты автономных поселений. Целью работы является исследование этой тенденции по текущим данным агентств недвижимости с использованием методов историко-географического анализа пространственного развития.

Обзор литературы

Анализ пространственного распределения российских СДО и их базовых расселенческих особенностей в разные годы рассматривался в работах А.И. Тревожа, Т.Г. Нефедовой, А.Г. Махровой, И.О. Щепетковой и др. и выявил тенденцию к постепенной трансформации сезонных дачных и садоводческих участков в места круглогодичного пребывания (Щепеткова, 2018; Нефедова, 2012). Зарубежные исследования разных стран, посвященные взаимодействию «вторых домов» с местным сообществом, экономикой и окружающей средой, показали, среди прочего, их жилищный потенциал (Müller, 2011), в том числе при аренде недвижимости (Adamiak, 2012). Социально-экономические изменения последних лет (пандемия, расширение масштабов удаленной занятости, распространение системы доставки товаров и проч.) привели к усилению этих процессов в России и в Подмосковье (Nikolaeva & Rusanov, 2020).

Результаты

Доля площадей сезонных поселений не превышает 6 % от общей площади муниципальных образований даже на прилегающих к МКАД территориях, сокращаясь по мере приближения к периферии до 3 % (Махрова, 2014). При этом на депопулирующих окраинах области доля дачников может достигать 80 % численности постоянного населения — не только москвичей, но и жителей соседних более урбанизированных районов (рассчитано по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения¹). Больше всего дачников-москвичей на подмосковном севере (Талдомский,

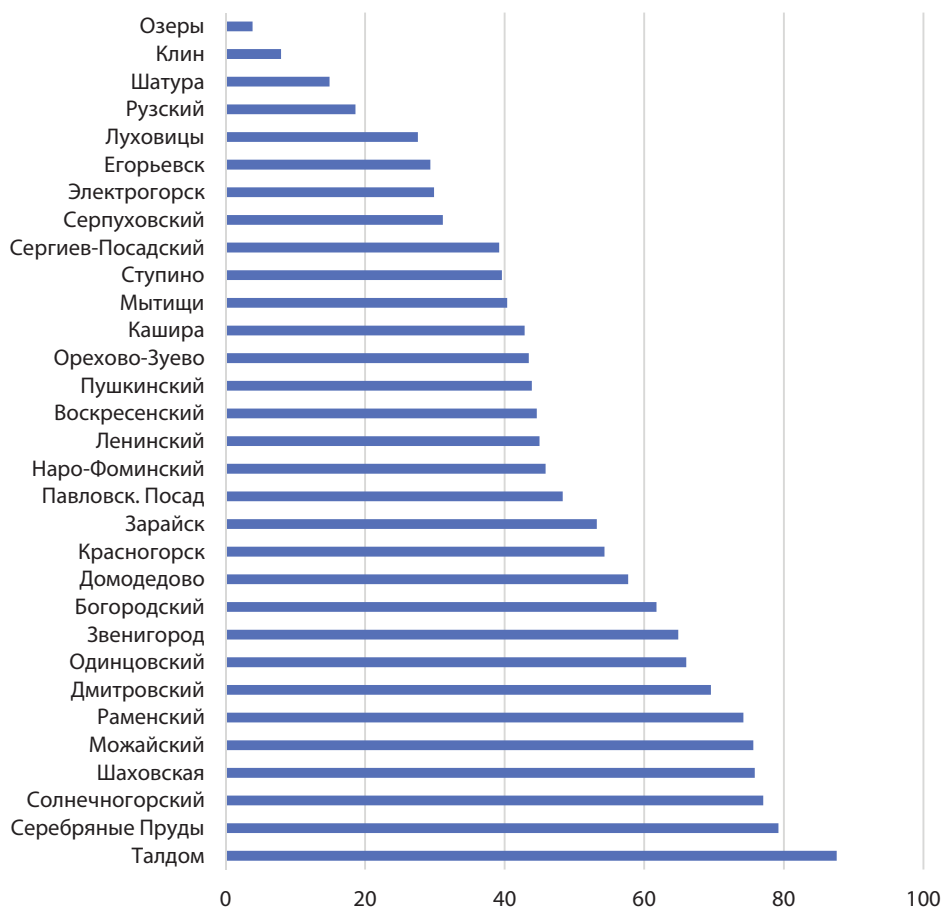
---

¹Всероссийская сельскохозяйственная перепись населения. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Московской области. Москва: Мособлстат, 2017.

Дмитровский ГО), северо-западе (Шаховской ГО) и западе (Можайский ГО); исключение составляет Волоколамский ГО, где при массовом выделении земель под коллективные садоводства много участков получили работники предприятий Красногорского и Истринского районов Московской области (рис.). На юго-востоке (Луховицы, Орехово-Зуевский ГО, ГО Шатура) москвичей не больше половины, что подтверждается авторским индексом дачной привлекательности (ИДП): при среднем по области 13,6 баллов здесь он составляет лишь 8 баллов.

Загородное жилье стало особенно популярно в последние годы — росту спроса на дачи способствовала пандемия и расширение перехода на удаленный формат работы (Махрова, 2020). Выбор дач и загородных домов для аренды в Московской области

Рис. Доля дачников-москвичей среди всех дачников в муниципальных образованиях Московской области (%) (источник: Рассчитано по: Реестр дачников Московской области / Министерство имущественных отношений Московской области. 2017. <https://mio.mosreg.ru/dokumenty/napravleniya-deyatelnosti/gosudarstvennoe-regulirovanie-zemelnyh-otnosh/reestr-dachnikov/20-03-2017-09-53-58-reestr-dachnikov-moskovskoy-oblasti-po-sostoyaniyu>)

Таблица 1

Структура предложения по качеству дачных строений

Вид дачного строения	Доля в общем предложении %
Материал	
Деревянные	75
Каркасные	18
Щитовые	6
Площадь дома м²	
До 60	17
60–100	36
100–150	30
150–200	17
Количество этажей	
2	75
1 и 3	25
Год постройки	
1950–1990	9
1991–2000	8
2001–2010	19
После 2011	63
Удаленность от МКАД (км)	
До 50	48
50–70	26
Более 70	26

Источник: Густова Н. Загородный курорт: сколько стоит арендовать дачу на лето в Подмосковье. 13.06.2023. <https://realty.rbc.ru/news/6481ba809a7947e3d4998077?from=copy>

в 2023 г. стал меньше: по данным сервиса «Домклик», число объявлений о долгосрочной аренде загородного жилья в Подмосковье за год сократилось примерно в 1,7 раза, в «Авито Недвижимость» — на 12,5 %, а спрос уменьшился на 5,6 %, в ЦИАН выбор уменьшился на четверть¹. Под дачей обычно подразумевается одно- или двухэтажные деревянные, щитовые и каркасные дома площадью до 200 м² на участке площадью до 12 соток (табл.).

Разброс цен за аренду дач по области очень большой: от нескольких тысяч рублей в месяц за старый садовый дом без удобств в дальнем Подмосковье до нескольких сотен тысяч за современную виллу недалеко от МКАД. По данным разных сервисов загородной недвижимости, лидерами по предложению дач в аренду являются Одинцовский ГО (ок. 39 % общего предложения), Истра (15,7 %), Красногорск (7,5 %). Солнечногорский и Дмитровский ГО (по 7 %), Наро-Фоминский ГО (6 %), а меньше всего (ок. 1 %) предлагают Сергиев Посад, Щелково, Химки и Домодедово². Такие характеристики дачной недвижимости свидетельствуют о ее значительном инвестиционно-жилищном потенциале, реализация которого активизируется после изменения статуса дачных домов и перевода их в категорию жилых (Rusanov, 2021). Жилой

¹ В Подмосковье в 2023 г. более 3,9 тыс. жителей перевели дачные дома в статус жилых (mosreg.ru).

² Густова Н. Загородный курорт: сколько стоит арендовать дачу на лето в Подмосковье. 13.06.2023. <https://realty.rbc.ru/news/6481ba809a7947e3d4998077?from=copy>

дом допускает постоянную регистрацию в нем с соответствующим расширением прав собственников, но предполагает соответствие определенным требованиям: здание должно быть капитальным, иметь фундамент и окна, к дому должно быть подведено электричество, холодное водоснабжение и канализация, смонтирована система отопления. В 2023 г. в Подмосковье более 3,9 тыс. дачных домов получили статус жилых¹.

Следующим шагом к изменению функций СДО в системе подмосковного расселения стал перевод земель СНТ, которые расположены на землях сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования (ВРИ) «ведение огородничества» и «ведение садоводства», в ВРИ «индивидуальное жилищное строительство» (ИЖС). Такая возможность с 2019 г. заметно упростилась, хотя требует согласия большинства членов СНТ, но после перевода участка его ликвидность обычно возрастает на 15–20 % за счет более выгодных тарифов на пользование коммуникациями.

Обсуждение

Обычно подмосковный дачный сезон закрывался в ноябре, но в пандемию многие горожане провели последние два года на даче, где жили, работали и учились на удаленке и перестали относиться к своим участкам как к сезонному жилью. Тенденция переезда на дачу, которую многие считали временной, сохраняется до сих пор, поэтому дачи стали использоваться круглогодично, и уровень комфорта, технического оснащения там сильно изменились. Во многих загородных домах появилась бытовая техника, позволяющая создать условия, аналогичные комфорту городской квартиры. Возник вопрос безопасности на даче, и в Московской области стали появляться СНТ новой формации: несколько владельцев соседних земельных участков объединяются, чтобы вместе благоустроить территорию вокруг своих дач, построить к ним дорогу или проложить коммуникации.

14 июля 2022 г. Закон о ведении гражданами садоводства дал право включать земли СНТ в границы населенного пункта или превращать их в отдельные поселки, хотя случаи перевода земель СНТ целиком в земли ИЖС отмечались и ранее (Русанов, 2019)². Это логично продолжило предыдущие решения по изменению статуса дачного дома, однако не определило практические условия преобразования СНТ в населенный пункт — сегодня местное (муниципальное) руководство не обеспечивает СНТ социальной, коммунальной и транспортной инфраструктурой, а члены СНТ выплачивают взносы и заработную плату председателю, несут субсидиарные коммунальные расходы по ставкам юридических лиц. Существующие критерии образования населенного пункта предполагают наличие медицинских, детских дошкольных и школьных учреждений, проезд к территории СНТ общественного транспорта, современные инженерные коммуникации; для газификации важна также общая граница с ближайшим населенным пунктом. Это существует в стародачных подмосковных СНТ, выросших из ДСК, и дачных конгломератах (Русанов, 2019), но для большинства массовых СНТ осложняется отсутствием соответствующих средств в местных бюджетах: в Одинцовском ГО ставка земельного налога после изменения категории земель выросла в 28 раз³.

¹ В Подмосковье в 2023 году более 3,9 тыс. жителей перевели дачные дома в статус жилых (mosreg.ru).

² О внесении изменений в Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 312-ФЗ. Президент России (kremlin.ru).

³ Гурьянов С. Экономия энергии: зачем превращать дачи в поселки. <https://iz.ru/1368960/sergei-gurianov/ekonomiia-energ>

Специфической проблемой является вид территорий частной застройки — в сельских населенных пунктах и городах все улицы и большинство дворов открыты хотя бы для пешеходов, в СНТ — закрыты. При переводе СНТ в статус населенного пункта все права на инфраструктуру, созданную за счет личных средств, утрачиваются, а въезд на общую территорию открывается, что сразу создает возможности для ее дальнейшей застройки любыми строениями, вплоть до городских многоэтажных «человейников» — 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства...»¹ поддерживал целостность территории и запрещал изменение ВРИ земельных участков в границах СНТ.

Заключение

В ходе эволюции дачного освоения Подмосковья и «расползания» столицы загородные летние дачные дома горожан все чаще становятся капитальными, а садово-дачные образования приобретают черты автономных поселений. На фоне общей тенденции усиления этих процессов они по-разному проявляются в разных районах столичной области и в разных СДО. К статусу населенного пункта наиболее приближены немногочисленные стародачные поселки и дачные конгломераты, поскольку здесь хорошо развита социальная, инженерная и транспортная инфраструктура, но проблемой становится обязательная открытость общественных земель, привлекательная для девелоперов городской застройки. У массовых СНТ перспективы трансформации в населенные пункты осложняются большими затратами локальных муниципалитетов на инфраструктуру новых поселений.

Список источников

- Махрова, А. Г. (2014). Особенности стадийного развития Московской агломерации. *Вестник МГУ. Сер. 5. География*, 4, 10–16.
- Махрова, А. Г. (2020). Сезонное дачное расселение как индикатор контрастов пространственного развития. *Региональные исследования*, 3, 40–55.
- Нефедова, Т. Г. (2012). Горожане и дачи. *Отечественные записки*, 3(48), 204–216.
- Русанов, А. В. (2019). Особенности сезонных поселений Подмосковья по результатам выборов мэра Москвы-2018. *Народонаселение*, 3, 67–79.
- Щепеткова, И. О. (2018). Территориальная организация садово-дачных образований в пригородах Перми». *Известия РАН. Серия географическая*, 4, 46–54.
- Adamiak, C. (2012). Miejsce drugich domów w zagospodarowaniu obszarów wiejskich województwa kujawsko-pomorskiego. In: *Studia Obszarów Wiejskich*, T. XXIX, *Planowanie Rozwoju Przestrzeni Wiejskiej* (pp. 176–192).
- Müller, D. K. (2011). Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. *Norwegian Journal of Geography*, 65(3), 137–145.
- Nikolaeva, U. G., & Rusanov, A. V. (2020). Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? *Population and Economics*, 4(2), 182–198. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54577>
- Paris, C. (2014). Critical Commentary: Second Homes. *Annals of Leisure Research*, 17(1), 4–9.
- Rusanov, A. V. (2021). Institutional and regional features of organized second home development in Russia. *Population and Economics*, 3, 43–55.

---

¹ О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ. <https://rg.ru/2017/07/30/fz217-site-dok.html>

References

- Adamiak, C. (2012). Miejsce drugich domów w zagospodarowaniu obszarów wiejskich województwa kujawsko-pomorskiego. In: *Studia Obszarów Wiejskich, T. XXIX, Planowanie Rozwoju Przestrzeni Wiejskiej* (pp. 176–192). (In Polish)
- Makhrova, A. G. (2014). Specific features of stadial development of the Moscow agglomeration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 4, 10–16. (In Russ.)
- Makhrova, A. G. (2020). Seasonal dacha settlement pattern as indicator of spatial development contrasts. *Regionalnye issledovaniya [Regional studies]*, 3, 40–55.
- Müller, D. K. (2011). Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. *Norwegian Journal of Geography*, 65 (3), 137–143.
- Nefedova, T. G. (2012). City dwellers and Dachas. *Otechestvennye zapiski [Domestic notes]*, 3(48), 204–216. (In Russ.)
- Nikolaeva, U. G., & Rusanov, A. V. (2020). Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? *Population and Economics*, 4(2), 182–198. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54577>
- Paris, C. (2014). Critical Commentary: Second Homes. *Annals of Leisure Research*, 17(1), 4–9.
- Rusanov, A. V. (2019). Specifics of seasonal settlements in Moscow region according to the results of the Moscow mayor elections 2018. *Narodonaselenie [Population]*, 3, 67–79. (In Russ.)
- Rusanov, A. V. (2021). Institutional and regional features of organized second home development in Russia. *Population and Economics*, 3, 43–55.
- Shchepetkova, I. O. (2018). Territorial organization of garden and dacha formations in the suburbs of Perm. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 4, 46–54. (In Russ.)

Информация об авторе

Русанов Александр Валерьевич — кандидат географических наук, инженер лаборатории экономики народонаселения и демографии, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-9047-401X> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46; e-mail: rusanovmsu@gmail.com).

About the author

Alexander V. Rusanov — Cand. Sci. (Geogr.), Engineer, Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-9047-401X> (1/46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rusanovmsu@gmail.com).

УДК 351

JEL classification: M54, J24

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-17>

Методы оценки эффективности на государственной гражданской службе¹

Е. М. Смолькова^а, И. И. Какадий^б

^{а, б} Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия).

^б <https://orcid.org/0000-0002-4000-8985>

Автор для корреспонденции: Е. М. Смолькова (elizaveta_star98@mail.ru).

Аннотация. Целью написания данной статьи является анализ методов оценки эффективности на государственной гражданской службе. Данная статья рассматривает государственную службу в Российской Федерации как механизм, обеспечивающий исполнение Конституции и других законов страны. В статье указывается, что государственная служба является неотъемлемой частью конституционного и административного права, а также регулируется законодательством, включая Конституцию и федеральные законы. В основной части текста проводится анализ международного опыта оценки профессиональной компетентности и эффективности деятельности государственных служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба; эффективность служащего; методы оценки; оценка личностного профиля; поведенческая оценка

Methods of Efficiency Assessment in the State Civil Service

Е. М. Smolkova^а, I. I. Kakadiy^б

^{а, б} Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia).

^б <https://orcid.org/0000-0002-4000-8985>

Corresponding author: Е. М. Smolkova (elizaveta_star98@mail.ru).

Abstract. The article aims to analyse the methods of efficiency assessment in the state civil service. The paper considers the civil service in the Russian Federation as a mechanism that ensures the implementation of the Constitution and other laws of the country. It is noted that the civil service is an integral part of constitutional and administrative law and is regulated by legislation, including the Constitution and federal laws. The main part of the text examines the international experience of assessment of professional competence and efficiency of civil servants.

Keywords: civil service; civil servants efficiency; assessment methods; assessment of personal profile; behavioural assessment

Введение

Государственная служба в Российской Федерации является определенным механизмом, который полноценно обеспечивает исполнение утвержденной в государстве Конституции РФ, а также обеспечивает исполнение других законов, принятых в России в интересах общества путем как профессионального обеспечения, так и нормативно установленного обеспечения. Данная структура в России необходима для выполнения на государственном уровне качественного, целостного и результативного управления, а кроме этого, для обеспечения в государстве стабильности во всех сферах жизни общества (Джиджавадзе, 2020).

Понятие «государственная служба» утверждено в Российской Федерации и на постоянной основе развивается в конституционном праве, а также в административном

---

¹ © Смолькова Е. М., Какадий И. И. Текст. 2024

праве. В процессе развития понятие гражданской службы наделяется конкретными качествами, а именно целостностью и единством. Одной из основных функций государственной (муниципальной) гражданской службы является поддержание стабильности и безопасности в обществе (Смолькова & Какадий, 2024). Отметим, что в отношении государственной службы в России было разработано и утверждено законодательство, которое обладает определенными конституционными началами. Помимо этого, в состав указанного законодательства входят уставы, нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативно-правовые акты Российской Федерации, Конституция Российской Федерации¹, федеральные законы.

Следует понимать, что управление персоналом в различных госструктурах, а также в органах, относящихся к местному самоуправлению, своей основой имеет определенные правовые нормы. Данные нормы утверждены и закреплены Конституцией Российской Федерации и иными законами, которые приняты в государстве. Кроме этого, они определены различными актами субъектов Российской Федерации и уставами, которые созданы и утверждены муниципальными образованиями, а также другими актами, которые в полной мере обладают нормативно-правовым характером (Яндаров и др., 2021).

Гражданская государственная служба имеет определенные правовые основы. Под правовыми основами понимаются конкретные правовые положения, которые являются нормативно-правовыми и определены законодательством страны. Данные положения отражают регламент, закрепленный на юридическом уровне в отношении общественных отношений. Следует понимать, что общественные отношения могут как образовываться, так и трансформироваться и прекращаться в процессе выполнения конституционных прав лиц, являющихся гражданами страны, которые трудоустраиваются на гражданскую службу. Данные отношения будут меняться в процессе прохождения госслужащими государственной службы и изменения ее организации.

Рассмотренные нами нормы в полной мере обладают обязательным характером, а кроме этого, они принимаются на государственном уровне, а также в полной мере исполняются принудительно. Отметим, что государственная служба в Российской Федерации включает в себя различные подразделения. Рассмотрим данные подразделения (Какадий & Ширипова, 2019):

- служба субъектов РФ;
- федеральная служба.

При этом государственная гражданская служба считается общим полностью целостным механизмом, который создан для реализации имеющихся функций в РФ. Принцип разделения властей представляет собой такое политическое состояние государства, при котором власть сконцентрирована в нескольких руках (Шарин, 2020).

Принцип, которым обладает государственная гражданская служба, а именно принцип единства как в отношении организационных основ образованных в ней отделений, так и правовых основ, отражается в утверждении единого правового статуса, который в полной мере закреплен законодательством Российской Федерации в отношении лица, являющегося гражданским служащим. Следует отметить, что данный принцип также отражается в полноценном утверждении приоритета на федеральном

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, №31, ст. 4398

уровне в законодательстве Российской Федерации в аспекте установления для государственной гражданской службы определенных юридических основ (Асриянц, 2021).

Основная часть

Если рассматривать, какие именно способы оценки эффективности применяются в отношении государственных служащих как в отечественной, так и зарубежной практике, то можно выделить следующие:

- 1) метод оценки личностного профиля;
- 2) метод оценки поведенческого плана;
- 3) метод оценки на основе анализа какого-либо сегмента результате деятельности;
- 4) метод оценки, опирающийся на анализ служебных обязанностей (Богдан & Глинянов, 2020).

Личностные методы используются тогда, когда необходимо оценить эффективность государственных служащих в таких структурах, как полиция или армия. Во многом это обусловлено тем, что данный метод выявляет то, насколько индивидуальные особенности личности влияют на эффективность служащего. Оформление подобной оценки происходит в табличном формате, каждая графа которой определяет профессиональное качество личности (самостоятельность, решительность и т. д.).

Столбцы данной таблицы имеют вид шкалы от 1 до 5 или 10. Общим результатом данной оценки является построение графика, который показывает, как выглядит личностный профиль гражданского служащего.

Второй метод оценки основан на поведении. Поведенчески привязанная рейтинговая шкала (BARS) — это метод оценки эффективности, который сочетает в себе традиционную рейтинговую шкалу с конкретными поведенческими примерами производительности. Это структурированный и объективный подход к оценке эффективности, который фокусируется на наблюдаемом поведении и действиях сотрудников, а не на их личных чертах или характеристиках. BARS предполагает определение набора параметров или критериев эффективности, а затем разработку описаний уровней производительности для каждого критерия на основе конкретного наблюдаемого поведения. Эти описания затем привязываются к определенным баллам по шкале оценок от плохого до отличного, причем каждый балл отражает определенное поведение или уровень производительности.

Используя BARS, оценивают сотрудников по каждому критерию, выбирая поведение или уровень производительности, которые лучше всего соответствуют наблюдаемому поведению сотрудника. BARS может обеспечить более точную и надежную оценку эффективности, чем другие методы рейтинга, поскольку он основан на конкретном, наблюдаемом поведении, а не на субъективных впечатлениях или личных предубеждениях. В целом, BARS — это эффективный метод оценки эффективности, который может помочь организациям улучшить процессы управления эффективностью и лучше согласовать индивидуальную производительность с целями и задачами организации.

Поведенческая рейтинговая шкала (BARS) может быть полезным инструментом в управлении производительностью и оценке сотрудников по нескольким причинам.

Использование поведенческой рейтинговой шкалы (BARS) для оценки эффективности дает несколько преимуществ.

1. Объективность. BARS обеспечивает объективный структурированный подход к оценке эффективности работы сотрудников. Использование заранее определенных

критериев и описаний, привязанных к поведению, помогает устранить влияние личных предубеждений и обеспечивает последовательную оценку сотрудников.

2. Ясность. Поведенческие привязанные описания в BARS дают ясность относительно того, чего ожидают от сотрудников и что представляет собой хорошая производительность. Эта ясность может помочь сотрудникам понять свои ожидания в отношении производительности и соответственно улучшить свою производительность.

3. Улучшенная обратная связь. Подробные описания конкретных моделей поведения в BARS предоставляют менеджерам основу для предоставления подробной обратной связи сотрудникам. Затем сотрудники могут использовать эту обратную связь для улучшения своей работы в будущем.

4. Гибкость. BARS можно адаптировать к различным должностным обязанностям и критериям эффективности. Такая гибкость позволяет организациям адаптировать процесс аттестации к конкретным потребностям каждой должности.

5. Выравнивание. BARS обеспечивает четкую связь между производительностью сотрудников и целями организации. Такое согласование может помочь мотивировать сотрудников улучшать свою производительность и способствовать успеху организации.

6. Повышенная валидность и надежность. Использование конкретных наблюдаемых моделей поведения в BARS повышает достоверность и надежность процесса служебной аттестации. Такой подход помогает обеспечить точность и надежность оценок, снижая вероятность ошибок и несоответствий.

Третий метод предполагает оценивание того, как гражданский служащий выполняет определенные задачи, в балльном выражении.

Существуют и иные методы оценки эффективности, которые применимы к государственной гражданской службе.

1. Самооценка. Самооценка требует от сотрудника судить о своей работе по заранее определенным критериям. Обычно это часть официального анализа производительности, целью которого является более глубокое понимание ситуации. Цель состоит в том, чтобы сотрудники понимали, как их будут оценивать. Хотя этот метод может быть субъективным, могут быть выявлены расхождения между оценками работника и работодателя.

2. Оценка на 360 градусов. Один из важнейших методов оценки эффективности — оценка обратной связи 360 градусов — дает комплексное представление о работе сотрудника за счет получения обратной связи из внешних источников. Сюда входят прямые подчиненные, коллеги, руководители, клиенты и другие стороны, которые регулярно взаимодействуют с руководителем. Цель состоит в том, чтобы предоставить целостное представление о деятельности лидера с разных точек зрения.

3. Оценка на 180 градусов. Также известная как «обратная связь менеджера», или «обратная связь вверх», 180-градусная оценка собирает информацию от прямых подчиненных и непосредственных начальников лидера. Этот подход собирает обратную связь от тех, кто ежедневно тесно взаимодействует с лидером. Основная цель — оценить влияние лидера на непосредственных членов команды и то, насколько их действия соответствуют целям организации (Николаева & Курлянчик, 2018).

4. Проверка поведения. Другой метод оценки эффективности, предполагающий создание контрольного списка на основе ожидаемого поведения каждого работника, например, своевременных поставок или командной работы. Оценщик отмечает элементы, в которых сотрудник преуспевает, и предоставляет конкретные отзывы о недостающих элементах.

5. Управление по целям (*Management by Objectives* — МВО). Более современный подход к оценке эффективности — МВО вовлекает сотрудника в процесс постановки целей. Менеджер и сотрудник договариваются о конкретных, достижимых целях с установленными сроками. В отличие от субъективных оценок, МВО упрощает определение успеха и неудачи.

6. Рейтинговая шкала. Рейтинговая шкала является одним из наиболее часто используемых методов оценки эффективности. Он основан на наборе критериев, разработанных работодателем, по которым оцениваются сотрудники. Большинство организаций используют этот подход. Он определяет цели (поведение, черты характера, навыки или завершенные проекты) по шкале, которая обычно варьируется от 5 до 10 баллов.

7. Экспертная оценка. Экспертная оценка используется для улучшения традиционного процесса оценки. Он предполагает получение анонимной обратной связи от коллег и членов команды по конкретным аспектам работы сотрудника. Этот процесс предоставляет уникальную возможность выявить сильные и слабые стороны каждого сотрудника, используя эти ценные данные для планирования преимущественности, создания команды и ротации ролей.

8. Метод критических инцидентов. Этот метод имеет решающее значение, позволяя предоставлять более полную информацию о том, как сотрудник решает проблемы. Это побуждает сосредоточиться на конкретных событиях, в которых поведение человека было положительным или отрицательным, предлагая идеи о том, как соответствовать лучшим практикам.

9. Тест производительности. Хотя письменный тест или тест с несколькими вариантами ответов повышает объективность, практическая презентация навыков часто является лучшим показателем мастерства. Оценщик этого теста должен быть экспертом в данной области, способным объяснить значимость результатов в рамках иерархии.

10. Психологические оценки. В данном случае подобную оценку стоит использовать, когда необходимо определить, может ли гражданский служащий претендовать на повышение. Это обусловлено тем, что психологический метод выявляет именно будущую эффективность. Она определяется с использованием интервью или психологического тестирования.

Все они в совокупности позволяют выявить психологические особенности гражданского служащего, которые могут оказать влияние на его дальнейшую служебную деятельность.

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что на настоящий момент существует достаточно большое количество способов проведения оценки эффективности деятельности гражданского служащего. При этом применение совокупности опыта российских и зарубежных практик позволит сделать подобное оценивание максимально эффективным.

Список источников

Асриянц, К. Г. (2021). Критерии и методы оценки эффективности государственных служащих. *Индустриальная экономика*, 3, 17–22.

Богдан, Н. Н., Глинянов, М. А. (2020). Подходы к оценке эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных служащих. *Развитие территорий*, 4, 18–24.

Джиджавадзе, Л. Г. (2020). Функции менеджмента государственной гражданской службы (правовые вопросы). *Вопросы российской юстиции*, 9, 593–607.

Какадий, И. И., Ширипова, Д. Б. (2019). Формы взаимодействия органов государственной власти в Российской Федерации. *Бюллетень науки и практики*, 6, 469–472.

Николаева, А. А., Курлянич, А. А. (2018). Анализ показателей эффективности и результативности деятельности органа государственного управления. *Экономика и менеджмент систем управления*, 3–2 (29), 245–255.

Смолькова, Е. М., Какадий, И. И. (2024). Обзор понятия и основная характеристика государственной гражданской службы. *Бюллетень науки и практики*, 1, 312–319.

Суханова, М. А. (2020). Мотивация и стимулирование труда муниципальных служащих. *Теория и практика современной науки*, 1 (55), 371–375.

Шарин, В. И. (2020). Проблемы общественного служения российских чиновников. *Вестник университета*, 3, 38–44.

Яндаров, С. Н., Яндарова, М. Н., Романов, В. А. (2021). Система мотивации труда государственных гражданских служащих как фактор эффективного государственного управления. *Вестник экспертного совета*, 3 (26), 31–35.

References

Asriyants, K. G. (2021). Criteria and methods for assessing the effectiveness of civil servants. *Industrialnaya ekonomika [Industrial Economics]*, 3, 17–22. (In Russ.)

Bogdan, N. N., & Glinyaynov, M. A. (2020). Approaches to assessing the effectiveness and efficiency of professional activities of civil servants. *Razvitie territoriy [Territory Development]*, 4, 18–24. (In Russ.)

Dzhidzhavadze, L. G. (2020). Functions of management of the state civil service (legal issues). *Voprosy rossiyskoy yustitsii [Issues of Russian justice]*, 9, 593–607. (In Russ.)

Kakadiy, I. I., & Shiripova, D. B. (2019). Government bodies interaction forms in the Russian Federation. *Bulleten nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]*, 6, 469–472. (In Russ.)

Nikolaeva, A. A., & Kurylyanich, A. A. (2018). Analysis of indicators of efficiency and effectiveness of the activity of the state administration body. *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya [Economics and management of management systems]*, 3–2 (29), 245–255. (In Russ.)

Sharin, V. I. (2020). Problems of public service of Russian officials. *Vestnik Universiteta*, 3, 38–44. (In Russ.)

Smolkova, E. M., & Kakadiy, I. I. (2024). Overview of the concept and main characteristics of the state civil service. *Bulleten nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]*, 1, 312–319. (In Russ.)

Sukhanova, M. A. (2020). Motivation and stimulation of labor municipal officers. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki [Theory and Practice of Modern Science]*, 1 (55), 371–375. (In Russ.)

Yandarov, S. N., Yandarova, M. N., & Romanov, V. A. (2021). The system of labor motivation of public civil employees as a factor of effective public administration. *Vestnik ekspertnogo soveta [Expert Council Bulletin]*, 3 (26), 31–35. (In Russ.)

Информация об авторах

Смолькова Елизавета Михайловна — студент, Московский государственный психолого-педагогический университет (Российская Федерация, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, 29; e-mail: elizaveta_star98@mail.ru).

Какадий Игорь Иванович — кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры теории и практики управления, Московский государственный психолого-педагогический университет; <https://orcid.org/0000-0002-4000-8985> (Российская Федерация, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, 29; e-mail: kii606@mail.ru).

About the authors

Elizaveta M. Smolkova — Student, Moscow State University of Psychology & Education (29, Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation; e-mail: elizaveta_star98@mail.ru).

Igor I. Kakadiy — Cand. Sci. (Military), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management Theory and Practice, Moscow State University of Psychology & Education; <https://orcid.org/0000-0002-4000-8985> (29, Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation; e-mail: kii606@mail.ru).

УДК 314.17

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-18>

Анализ потерь жизненного потенциала у населения Уральского федерального округа и Российской Федерации по причинам смерти (2005 – 2020 гг.)¹

В. И. Тельнов

Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (г. Озерск, Россия).
<https://orcid.org/0000-0003-3509-5372>

Автор для корреспонденции: В.И. Тельнов (tvi@subi.su).

Аннотация. В настоящее время проблема повышения продолжительности жизни, то есть сокращения потерь жизненного потенциала населения является актуальной проблемой здравоохранения, геронтологии и социально-экономического развития России, что вызывает необходимость углубленного изучения ее динамики. Целью исследования явился сравнительный анализ полных, частичных и единичных потерь жизненного потенциала и их вклада в изменения смертности и возраста смерти по причинам смерти у населения Уральского федерального округа и России с 2005 г. по 2020 г. Установлено, что динамика всех исследованных показателей у населения сравниваемых регионов была благоприятной при общих тенденциях развития и различающихся количественных характеристиках. В целом вклад снижения смертности в уменьшение потерь жизненного потенциала был больше, чем вклад повышения возраста смерти при их различиях по причинам смерти. Выявлена обратная зависимость динамики возрастных коэффициентов смертности от возраста умерших при снижении смертности. На основе полученных результатов сделан вывод о снижении потерь жизненного потенциала у населения Уральских регионов и России, которое свидетельствует о восстановлении продолжительности жизни после негативных последствий 1990-х гг.

Ключевые слова: население Уральского федерального округа и России; смертность; причины и возраст смерти; потери жизненного потенциала; вклад факторов; статистический анализ связи

Analysis of Life Potential Losses Among the Population of the Ural Federal District and Russian Federation by Causes of Death (2005 – 2020)

V. I. Telnov

Southern Urals Biophysics Institute (Ozyorsk, Russia).
<https://orcid.org/0000-0003-3509-5372>

Correspondence author: V. I. Telnov (tvi@subi.su).

Abstract. Currently, the problem of increasing life expectancy, namely, reducing life potential losses, is an important issue in healthcare, gerontology and social and economic development of Russia. This dynamic should be studied in detail. The study performs a comparative analysis of total, partial and individual life potential losses and their contribution to changes in mortality and age of deaths structured by causes of death among the population of the Ural Federal District and Russia in 2005–2020. It was revealed that the dynamics of all studied indicators for the population of the compared regions was favourable considering a general development trend and differing quantitative characteristics. Overall, the contribution of mortality decrease to reducing life potential losses was greater than that of increased age of death, with differences in the causes of death. An inverse relationship of the dynamics of age-specific mortality rates in relation to age of death in case of mortality decrease was detected. Based on the obtained results, reduction of life

¹ © Тельнов В. И. Текст. 2024

potential losses among the population of Ural regions and Russia indicates an increase in life expectancy after the negative consequences of the 1990s.

Keywords: population of the Ural Federal District and Russia; mortality; causes and age of death; life potential loss; contribution of the factors; statistical analysis of the relationship

Введение

Жизненный потенциал (*life potential*) является центральным понятием и основным обобщающим показателем в потенциальной демографии (Фильрозе, 1975). Жизненный потенциал — число предстоящих лет жизни лица или группы лиц в определенном возрасте, исчисленное при условии сохранения данного уровня повозрастной смертности на основе таблиц смертности (Ткаченко, 2013, с. 284–285). Выделяют полный, частичный и единичный жизненный потенциал, которые измеряются в человеко-годах, а также индекс жизненного баланса — отношение жизненного потенциала к числу прожитых лет¹ (Тельнов, 2022). Применение методов потенциальной демографии дает возможность повысить точность сопоставления различных демографических процессов, выражая их объем в человеко-годах, что является адекватным измерителем длящегося проживания народонаселения (Сафарова и др., 2014). Важным показателем, характеризующим сокращение продолжительности жизни, являются потери жизненного потенциала (*life potential lost*), известные также как потерянные годы потенциальной жизни (*Potential years of life lost*) (Флоринская, 1998; Song et al., 2020). Следует отметить, что для более объективной оценки потерь жизненного потенциала использовали показатели, соответствующие показателям жизненного потенциала (Тельнов, 2023). Целью исследования явилась сравнительная оценка потерь жизненного потенциала населения Уральского федерального округа (УрФО), субъектов УрФО и Российской Федерации по причинам смерти на основе комплекса показателей. Важной задачей исследования явилась также оценка вклада смертности и возраста смерти в потери жизненного потенциала.

Материалы и методы

Материалом для исследования явились сведения об умерших из населения Уральского федерального округа и населения России. Сведения о причинах смерти и другие характеристики умерших лиц были получены из демографических ежегодников России². Демографический анализ включал изучение среднего возраста смерти, то есть продолжительности жизни и потери жизненного потенциала при основных причинах смерти (по МКБ-10). Для оценки потерь жизненного потенциала в соответствии с классификацией жизненного потенциала (Бойко, 2010; Тельнов, 2022) определяли полные и частичные потери жизненного потенциала (при всех и отдельных основных причинах смерти):

$$\text{ПЖП} = (\text{ЖПст} - \text{СВС}) \cdot \text{СКС}, \text{человеко-лет}$$

где: ЖПст — европейский гендерный стандарт жизненного потенциала при рождении, соответствующий ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении: 77 лет для мужчин и 83 года для женщин; СВС — средний возраст смерти, то есть средняя продолжительность жизни при основных причинах смерти; СКС — стандартизованные

¹ Бойко, А. И. (Ред.) (2010). Демографическая статистика: учебник. Москва: КНОРУС, 480.

² Демографический ежегодник России, 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. 561 с.; Демографический ежегодник России, 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. 256 с.

коэффициенты смертности при основных причинах смерти, нивелирующие различия в возрастной структуре населения.

Выбор европейского стандарта жизненного потенциала был обусловлен его стабильностью, что отличает его от жизненного потенциала населения России. Также оценивали единичные потери жизненного потенциала, рассчитанные на одного индивида (еПЖП). Расчеты проводили на 100 тыс. населения. Оценивали вклад динамики стандартизованных коэффициентов смертности и единичных потерь жизненного потенциала (удобная для такого анализа обратная характеристика «средний возраст смерти») в динамику полных и частичных потерь жизненного потенциала по основным причинам смерти. В таблице 1 представлена принципиальная схема алгоритма для проведения данных расчетов в программе Excel. Статистическую обработку результатов исследования проводили с помощью программы STATISTICA 10.

Результаты

В таблице 2 представлена характеристика умерших групп населения по стандартизованным коэффициентам смертности и среднему возрасту смерти при основных причинах смерти: инфекция (ИНФ), злокачественных новообразованиях (ЗНО), болезнях системы кровообращения (БСК), болезнях органов дыхания (БОД), болезнях органов пищеварения (БОП), внешних причинах (ВП) и всех причинах. Данные, представленные в таблице 2, показывают, что в 2005 г. в УрФО у мужчин в порядке убывания стандартизованных коэффициентов смертности шли болезни системы кровообращения, внешние причины и злокачественные новообразования, а у женщин — болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и внешние причины. Средний возраст смерти у мужчин при болезнях системы кровообращения и злокачественных новообразованиях был выше, а при внешних причинах — ниже средних значений при всех причинах (далее ниже средних значений). У женщин средний возраст смерти при болезнях системы кровообращения был выше, а при злокачественных новообразованиях и внешних причинах — ниже средних значений. В 2005 г. близкая по тенденциям картина наблюдалась у населения РФ. В 2020 г. в порядке убывания стандартизованных коэффициентов смертности в сравниваемых регионах у мужчин шли болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и внешние причины, у женщин — болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и болезни органов пищеварения. Средний возраст смерти у мужчин при болезни системы кровообращения и злокачественных новообразованиях был выше, а при внешних причинах — ниже средних значений, у женщин при болезнях системы кровообращения был выше, а при злокачественных новообразованиях и болезнях органов пищеварения — ниже средних значений. В целом с 2005 г. по 2020 г. стандартизованный коэффициент смертности снизился у мужчин в УрФО в 1,54, в России — в 1,67, а у женщин — в 1,57 и в 1,64 раза соответственно. Средний возраст смерти повысился у мужчин в УрФО на 4,4 года, в России — на 4,1 года, а у женщин — на 2 года и на 1,5 года соответственно. Лишь при инфекционных причинах смерти динамика стандартизованных коэффициентов смертности и среднего возраста смерти была неопределенной. При этом в 2005 и 2020 гг. стандартизованный коэффициент смертности был в 2,2 раза выше у мужчин, а средний возраст смерти — на 8,5–13,5 лет выше у женщин, которые наблюдались на фоне календарного снижения стандартизованного коэффициента смертности и повышения среднего возраста смерти.

Таблица 1
Таблица для определения вклада смертности и среднего возраста смерти в динамику гендерных потерь жизненного потенциала (ПЖП, человеко-лет) по причинам смерти

Причины смерти	Группы	Исходный год-1			Текущий год-2			Индекс СКС (кратность сдвига)
		стандартизованный коэффициент смертности	средний возраст смерти	едиличные потери жизненного потенциала	стандартизованный коэффициент смертности	средний возраст смерти	едиличные потери жизненного потенциала	
1.....	2	3	4	5	6	7	8	9
2.....	Мужчины	СКС ₁	СВС ₁	$\begin{aligned} \text{еПЖП}_1 &= 77 - \text{СВС}_1 \\ \text{еПЖП}_1 &= 83 - \text{СВС}_1 \end{aligned}$	СКС ₂	СВС ₂	$\begin{aligned} \text{еПЖП}_2 &= 77 - \text{СВС}_2 \\ \text{еПЖП}_2 &= 83 - \text{СВС}_2 \end{aligned}$	$I_{\text{скс}} = \frac{\text{СКС}_2}{\text{СКС}_1}$
3.....	Женщины							
.....								
Индекс еПЖП (кратность сдвига)	Сумма индексов	Потери ЖП₁	Потери ЖП₂	Сдвиг ПЖП	Вклад в сдвиг ПЖП изменений СКС и еПЖП в человеко-годах			
10	11	12	13	14	СКС _{3,1}	еПЖП _{2,1}	СКС _{2,1}	еПЖП _{2,1}
$I_{\text{еПЖП}} = \frac{\text{еПЖП}_2}{\text{еПЖП}_1}$	$I_{\text{tot}} = I_{\text{скс}} + I_{\text{еПЖП}}$	$\text{ПЖП}_1 = \text{еПЖП}_{1,1} \times \text{СКС}_1$	$\text{ПЖП}_2 = \text{еПЖП}_{2,2} \times \text{СКС}_2$	$\text{ПЖП}_{2,1} = \text{ПЖП}_2 - \text{ПЖП}_1$	$\text{ПЖП} = \frac{\text{ПЖП}_{\text{скс}}}{I_{\text{tot}}} \times I_{\text{еПЖП}}$	$\text{ПЖП}_{\text{скс}} \cdot 100 = \frac{\text{ПЖП}_{\text{скс}}}{\text{ПЖП}_{2,1}} \cdot 100$	$\text{СКС}_{2,1} = \frac{\text{СКС}_{2,1}}{\text{ПЖП}_{2,1}}$	$\text{еПЖП}_{2,1} = \frac{\text{еПЖП}_{2,1}}{\text{ПЖП}_{2,1}} \cdot 100$

Источник: схема разработанного алгоритма на основе собственного методического подхода

Таблица 2

Стандартизованные коэффициенты смертности (СКС, на 105) и средний возраст смерти (СВС, лет) по причинам смерти населения УрФО и России

Причины смерти	2005 год				2020 год			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	СКС	СВС	СКС	СВС	СКС	СВС	СКС	СВС
<i>УрФО</i>								
ИНФ	50	44,6	12	42,7	49	44,3	21	43,3
ЗНО	300	64,8	138	67,6	248	67,9	120	70,0
БСК	1079	66,9	625	77,3	701	69,4	355	79,1
БОД	136	60,2	31	65,1	80	69,2	24	73,5
БОП	83	55,7	46	63,1	81	59,6	46	67,8
ВП	402	43,5	99	51,2	173	48,2	41	57,7
Все*	2051	58,8	950	72,2	1331	64,8	607	73,5
<i>Россия</i>								
ИНФ	45	44,3	10	42,5	27	45,0	12	45,7
ЗНО	277	64,4	134	66,9	222	67,6	116	69,8
БСК	1141	66,6	641	77,2	647	69,9	338	79,2
БОД	118	58,6	27	64,9	85	68,5	30	72,8
БОП	87	54,0	43	61,5	80	59,6	44	67,7
ВП	353	43,2	82	49,4	148	47,9	34	56,3
Все*	2020	58,9	938	72,4	1209	65,5	572	74,0

Источник: Демографические ежегодники России 2006. Разделы 6.6 и 6.11 и 202. Листы 6.2 и 6.5 Приложения. М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024)

При анализе потерь жизненного потенциала в 2005 г. у мужчин УрФО и РФ показано, что в порядке убывания потерь шли внешние причины, болезни системы кровообращения и злокачественные новообразования, а у женщин — болезни системы кровообращения, внешние причины и злокачественные новообразования, что отличается от порядка их убывания по стандартизированным коэффициентам смертности и среднего возраста смерти (табл. 3). Другой порядок убывания по потерям жизненного потенциала объясняется тем, что на эти потери влияют не только стандартизованные коэффициенты смертности, но и показатель среднего возраста смерти, который определяет величину единичных потерь жизненного потенциала (последние тем выше, чем ниже средний возраст смерти). По существу единичные потери жизненного потенциала — это величина сокращения жизненного потенциала относительно принятого стандарта единичных потерь жизненного потенциала. В 2020 г. по потерям жизненного потенциала у мужчин УрФО и РФ в порядке убывания шли болезни системы кровообращения, внешние причины и злокачественные новообразования, а у женщин — злокачественные новообразования, болезни системы кровообращения и внешние причины, при этом в 2005 и 2020 гг., несмотря на некоторое снижение стандартизованных коэффициентов смертности, потери жизненного потенциала при внешних причинах у мужчин были сопоставимы с таковыми при болезнях системы кровообращения, а у женщин потери жизненного потенциала при злокачественных новообразованиях были выше, чем при болезнях системы кровообращения. В целом, как следует из данных таблицы 3, по сравнению с 2005 г. у мужчин и женщин

**Показатели потерь жизненного потенциала (ПЖП, человеко-лет)
по причинам смерти у населения УрФО и России**

Причины смерти	2005 год				2020 год			
	Полные и частичные ПЖП		Единичные ПЖП		Полные и частичные ПЖП		Единичные ПЖП	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
<i>УрФО</i>								
ИНФ	1627	476	32,4	40,3	1594	837	32,7	39,7
ЗНО	3658	2135	12,2	15,5	2247	1560	9,1	13,0
БСК	10858	3573	10,1	5,7	5324	1386	7,6	3,9
БОД	2289	551	16,8	17,9	624	226	7,8	9,6
БОП	1773	911	21,3	19,9	1420	699	17,5	15,2
ВП	13451	3143	33,5	31,8	4987	1034	28,8	25,3
Все	33655	10788	16,4	11,4	16181	5743	12,2	9,5
<i>Россия</i>								
ИНФ	1475	421	32,7	40,5	861	436	32,0	37,3
ЗНО	3489	2153	12,6	16,1	2086	1529	9,4	13,2
БСК	11829	3720	10,4	5,8	4578	1291	7,1	3,8
БОД	2166	485	18,4	18,1	722	302	8,5	10,2
БОП	2004	935	23,0	21,6	1401	668	17,5	15,3
ВП	11918	2759	33,8	33,6	4299	911	29,1	26,7
Все	32921	10474	16,3	11,2	13948	5137	11,5	9,0

Примечание: здесь и в таблице 6 полные ПЖП — при всех, а частичные ПЖП — при отдельных причинах смерти

Источник: Демографические ежегодники России 2006. Разделы 6.6 и 6.11 и 202. Листы 6.2 и 6.5 Приложения. М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024)

УрФО и РФ в 2020 г. наблюдалось снижение исследованных показателей в 2 и более раз при всех причинах смерти за исключением инфекций (особенно у мужчин).

В таблице 4 представлены сдвиги потерь жизненного потенциала с 2005 г. по 2020 г. Из данных, представленных в этой таблице, следует, что за наблюдаемый период времени у населения УрФО и России произошло существенное сокращение потерь жизненного потенциала при всех основных причинах смерти, за исключением инфекций у женщин. Подавляющее (в среднем на 80 %) и сопоставимое сокращение потерь жизненного потенциала у мужчин и женщин сравниваемых регионов произошло при болезнях системы кровообращения и по внешним причинам. При этом вклад стандартизованного коэффициента смертности в сдвиги потерь жизненного потенциала был больше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала при болезнях системы кровообращения и внешних причинах. Вклад стандартизованного коэффициента смертности в сдвиги потерь жизненного потенциала при болезнях органов дыхания, болезнях органов пищеварения и злокачественных новообразованиях, напротив, был меньше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала. В целом при всех причинах смерти вклад стандартизованного коэффициента смертности в потери жизненного потенциала у всех групп населения УрФО и России был больше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала.

Данные, представленные в таблице 5, показывают, что в 2005 г. в Свердловской и Челябинской областях УрФО у мужчин в порядке убывания стандартизованного

Таблица 4

**Вклад стандартизованного коэффициента смертности (СКС на 105) и единичных потерь
жизненного потенциала (еПЖП) в динамику потерь жизненного потенциала (ЖП)
по причинам смерти у населения субъектов УрФО**

Причины смерти	Мужчины			Женщины		
	Сдвиги в потерях ЖП с 2005 по 2020 гг.	Вклад в сдвиги потерь ЖП, %		Сдвиги в потерях ЖП с 2005 по 2020 гг.	Вклад в сдвиги потерь ЖП, %	
		СКС	еПЖП		СКС	еПЖП
<i>УрФО</i>						
ИНФ	-33	51	49	362	36	64
ЗНО	-1411	47	53	-575	49	51
БСК	-5534	54	46	-2186	55	45
БОД	-1665	44	56	-324	41	59
БОП	-353	46	54	-213	43	57
ВП	-8464	67	33	-2109	66	34
Все	-17474	53	47	-5045	57	43
<i>Россия</i>						
ИНФ	-614	62	38	15	45	55
ЗНО	-1403	48	52	-624	49	51
БСК	-7251	55	45	-2429	56	44
БОД	-1444	39	61	-183	34	66
БОП	-603	45	55	-267	41	59
ВП	-7618	67	33	-1847	66	34
Все	-18973	54	46	-5336	57	43

Примечание: «-» — сокращение, «+» — повышение.

Источник: Демографические ежегодники России 2006. Разделы 6.6 и 6.11 и 202. Листы 6.2 и 6.5 Приложения. М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024).

коэффициента смертности шли болезни системы кровообращения, внешние причины и злокачественные новообразования, а у женщин — болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и внешние причины. Средний возраст смерти у мужчин при болезнях системы кровообращения и злокачественных новообразованиях был выше, а при внешних причинах — ниже средних значений при всех причинах. У женщин средний возраст смерти при болезнях системы кровообращения был выше, а при злокачественных новообразованиях и особенно при смерти от внешних причин — ниже средних значений. В 2020 г. в порядке убывания стандартизованного коэффициента смертности в сравниваемых регионах у мужчин шли болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и внешние причины, у женщин — болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и болезни органов пищеварения. Средний возраст смерти у мужчин при болезнях системы кровообращения, злокачественных новообразованиях и болезнях органов дыхания был выше, а при смерти от внешних причин — ниже средних значений, у женщин средний возраст смерти при болезнях системы кровообращения был выше, а при злокачественных новообразованиях и болезнях органов пищеварения — ниже средних значений. В целом с 2005 г. по 2020 г. стандартизованный коэффициент смертности снизился у мужчин в Свердловской области в 1,47, в Челябинской области — в 1,54, а у женщин — в 1,47, в 1,65 раза соответственно. Средний возраст смерти повысился

Таблица 5

Стандартизованные коэффициенты смертности (СКС, на 105) и средний возраст смерти (СВС, лет) по причинам смерти у населения Свердловской и Челябинской областей

Причины смерти	2005 г.				2020 г.			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	СКС	СВС	СКС	СВС	СКС	СВС	СКС	СВС
<i>Свердловская область</i>								
ИНФ	51	42,5	14	42,6	58	43,3	24	42,4
ЗНО	293	64,7	137	67,2	265	67,8	132	70,6
БСК	1146	67,0	663	77,7	783	69,1	404	79,2
БОД	125	57,3	29	62,1	77	67,7	24	72,7
БОП	90	54,2	48	62,2	95	58,9	50	67,2
ВП	442	43,4	105	50,7	184	47,9	42	57,5
Все	2147	60,1	995	71,7	1461	64,5	676	73,7
<i>Челябинская область</i>								
ИНФ	46	45,3	10	39,6	45	44,2	21	42,3
ЗНО	311	64,7	143	67,5	253	67,7	124	69,2
БСК	1089	66,1	643	77,0	707	68,8	341	78,9
БОД	161	61,2	35	65,9	86	70,5	22	74,7
БОП	89	55,1	50	62,3	89	58,0	51	65,8
ВП	410	43,6	104	50,6	188	47,9	44	57,2
Все	2105	60,2	985	71,3	1369	64,3	602	72,8

Источник: Демографические ежегодники России 2006. Разделы 6.6 и 6.11 и 202. Листы 6.2 и 6.5 Приложения. М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024).

у мужчин в Свердловской области на 4,4 года, в Челябинской области — на 4,1 года, а у женщин — на 2 года и на 1,5 года соответственно. Лишь при инфекционных причинах смерти динамика стандартизованного коэффициента смертности и среднего возраста смерти была неопределенной.

При анализе потерь жизненного потенциала в 2005 г. у мужчин 2 субъектов УрФО показано, что в порядке убывания потерь шли внешние причины, болезни системы кровообращения и злокачественные новообразования, а у женщин — болезни системы кровообращения, внешние причины и злокачественные новообразования, что отличается от порядка их убывания по стандартизованным коэффициентам смертности и среднего возраста смерти (табл. 6). В этих случаях также другой порядок убывания по потерям жизненного потенциала объясняется тем, что величина данного показателя определяется совместно стандартизованным коэффициентом смертности и средним возрастом смерти. В 2020 г. по потерям жизненного потенциала порядок убывания у мужчин изменился на следующий: болезни системы кровообращения, внешние причины и злокачественные новообразования в обеих областях, а у женщин Свердловской и Челябинской областей — злокачественные новообразования, болезни системы кровообращения и внешние причины. В целом, как следует из данных, представленных в таблице 3, у мужчин и женщин УрФО и РФ в 2020 г. наблюдалось в среднем двукратное по сравнению с 2005 г., снижение исследованных показателей потерь жизненного потенциала при всех причинах смерти за исключением инфекций, особенно у мужчин.

За наблюдаемый период времени у населения 2 субъектов УрФО произошло существенное сокращение потерь жизненного потенциала при всех основных причинах

Таблица 6

**Показатели потерь жизненного потенциала (ПЖП, человеко-лет) по причинам смерти
у населения Свердловской и Челябинской областей с 2005 г. по 2020 г.**

Причины смерти	2005 г.				2020 г.			
	полные и частичные ПЖП		единичные ПЖП		полные и частичные ПЖП		единичные ПЖП	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
<i>Свердловская область</i>								
ИНФ	1760	550	34,5	40,4	1935	962	33,7	40,6
ЗНО	3600	2154	12,3	15,8	2441	1627	9,2	12,4
БСК	11513	3532	10,1	5,3	6161	1540	7,9	3,8
БОД	2472	612	19,7	20,9	711	250	9,3	10,4
БОП	2055	1006	22,8	20,8	1725	797	18,1	15,8
ВП	14859	3388	33,6	32,3	5347	1081	29,1	25,6
Все	36259	11242	16,9	11,3	18320	6258	12,5	9,3
<i>Челябинская область</i>								
ИНФ	1445	442	31,8	43,4	1486	850	32,8	40,7
ЗНО	3817	2215	12,3	15,5	2367	1713	9,3	13,8
БСК	11849	3836	10,9	6,0	5818	1406	8,2	4,1
БОД	2541	601	15,8	17,1	561	180	6,5	8,3
БОП	1943	1037	21,9	20,7	1692	884	19,0	17,2
ВП	13685	3361	33,4	32,4	5481	1134	29,1	25,8
Все	35279	11492	16,8	11,7	17404	6168	12,7	10,2

Источник: Демографические ежегодники России 2006. Разделы 6.6 и 6.11 и 202. Листы 6.2 и 6.5 Приложения. М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024)

смерти, за исключением инфекций. Подавляющее (в среднем на 80 %) и сопоставимое сокращение потерь жизненного потенциала у мужчин и женщин сравниваемых регионов произошло при болезнях системы кровообращения и по внешним причинам. При этом вклад стандартизованного коэффициента смертности в сдвиги потерь жизненного потенциала был больше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала при болезнях системы кровообращения и по внешним причинам (табл. 7). Вклад стандартизованного коэффициента смертности в сдвиги потерь жизненного потенциала при болезнях органов дыхания, болезнях органов пищеварения и злокачественных новообразованиях, напротив, был меньше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала. В целом при всех причинах смерти вклад стандартизованного коэффициента смертности в потери жизненного потенциала у всех групп населения УрФО и России был больше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала.

Для выяснения особенностей динамики динамики стандартизованного коэффициента смертности и среднего возраста смерти был проведен анализ динамики возрастных коэффициентов смертности (ВКС) с 2005 г. по 2020 г. у населения России. В результате установлено, что у мужчин и женщин за наблюдаемый период произошло общее снижение возрастных коэффициентов смертности, которое было более выраженным у мужчин (рис. 1). Особенности такого снижения, как видно на рисунке 1, явилось уменьшение кратности снижения возрастных коэффициентов смертности с повышением возраста мужчин и женщин. С помощью корреляционного и линейного регрессионного анализов установлена высоко достоверная обратная зависимость кратности

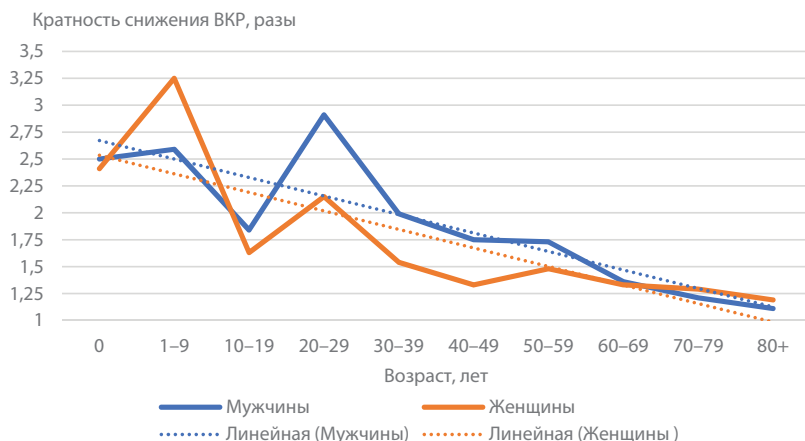
Таблица 7

Вклад стандартизованного коэффициента смертности (СКС на 105) и единичных потерь жизненного потенциала (еПЖП) в сдвиги потерь жизненного потенциала (человеко-лет) по причинам смерти у населения Свердловской и Челябинской областей

Причины смерти	Мужчины			Женщины		
	сдвиги в потерях ЖП с 2005 г. по 2020 г.	вклад в сдвиги потерь ЖП, %		сдвиги в потерях ЖП с 2005 г. по 2020 г.	вклад в сдвиги потерь ЖП, %	
		СКС	еПЖП		СКС	еПЖП
<i>Свердловская область</i>						
ИНФ	+175	46	54	+412,5	37	63
ЗНО	-1159	45	55	-527	45	55
БСК	-5353	53	47	-1992	54	46
БОД	-1761	43	57	-361	38	62
БОП	-330	43	57	-208	42	58
ВП	-9512	68	32	-2307	66	34
Все	-17939	52	48	-4984	55	45
<i>Челябинская область</i>						
ИНФ	+41	51	49	407,7	31	69
ЗНО	-1450	48	52	-502	51	49
БСК	-6032	54	46	-2429	57	43
БОД	-1980	44	56	-421	44	56
БОП	-251	46	54	-153	45	55
ВП	-8204	66	34	-2227	65	35
Все	-17875	54	46	-5324	59	41

Примечание: минус — сокращение, плюс — повышение

Источник: Демографические ежегодники России 2006. Разделы 6.6 и 6.11 и 202. Листы 6.2 и 6.5 Приложения. М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024)

Рис. 1. Кратность снижения возрастных коэффициентов смертности у мужчин и женщин России в 2020 г. относительно 2005 г. (источник: представлены расчеты, выполненные по данным Демографических ежегодников России 2006 (раздел 5.2) и 2021 (раздел 5.2). М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024))

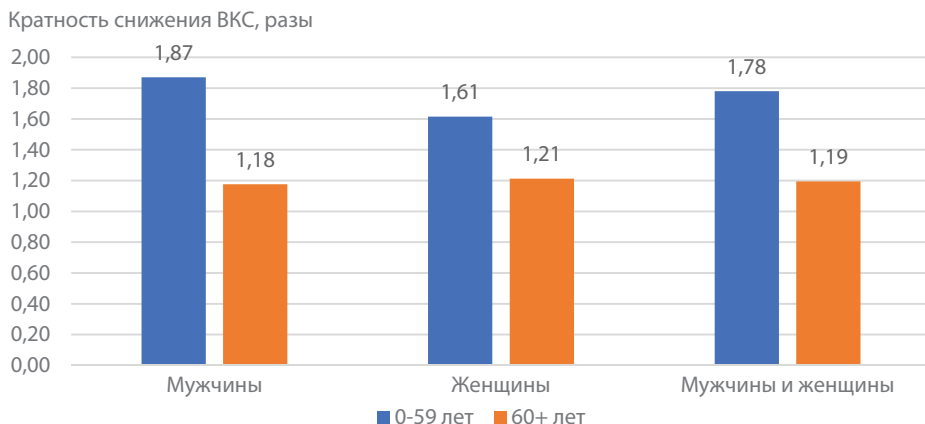
Таблица 8

Показатели зависимости кратности снижения возрастных коэффициентов смертности ($KC_{вкс}$) от возраста у мужчин и женщин России с 2005 г. по 2020 г.

Группы	Коэффициенты корреляции Пирсона	Уравнения линейной регрессии
Мужчины	$-0,83$ ($p < 0,0001$)	$KC_{вкс} = (2,62 \pm 0,147) - (0,018 \pm 0,003) \cdot \text{Возраст, лет}$ $F = 37,70; p < 0,00001$
Женщины	$-0,77$ ($p < 0,001$)	$KC_{вкс} = (2,48 \pm 0,180) - (0,018 \pm 0,004) \cdot \text{Возраст, лет}$ $F = 24,89; p < 0,0001$
Мужчины и женщины	$-0,87$ ($p < 0,0001$)	$KC_{вкс} = (2,48 \pm 0,114) - (0,016 \pm 0,002) \cdot \text{Возраст, лет}$ $F = 51,22,70; p < 0,00001$

Примечание: F — критерий Фишера

Источник: представлены расчеты, выполненные по данным Демографических ежегодников России 2006 (раздел 5.2) и 2021 (раздел 5.2). М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024).

Рис. 2. Кратность снижения возрастных коэффициентов смертности у мужчин и женщин младшей и старшей возрастных групп населения России в 2020 г. относительно 2005 г. (источник: представлены расчеты, выполненные по данным Демографических ежегодников России 2006 (раздел 5.2) и 2021 (раздел 5.2). М.: Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 12.02.2024))

снижения возрастных коэффициентов смертности от возраста (табл. 8). Полученные данные позволяют сделать вывод, что при снижении стандартизованного коэффициента смертности и повышении среднего возраста смерти происходит уменьшение возрастных коэффициентов смертности, более выраженное в младших и менее выраженное в старших возрастных группах населения. Это обстоятельство в известной мере позволяет объяснить повышение среднего возраста смерти за счет относительно большего снижения возрастных коэффициентов смертности на протяжении всей возрастной шкалы, особенно в младших возрастах (рис. 2).

Обсуждение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что с 2005 г. по 2020 г. у населения УрФО, Свердловской и Челябинской областей, а также России, стандартизованный коэффициент смертности при основных причинах смерти снижался, а средний возраст смерти — повышался. Различия между регионами по данным тенденциям заключались в количественных характеристиках. В итоге этих изменений полные, частичные и единичные потери жизненного потенциала уменьшились при всех причинах смерти за исключением инфекций. При этом уменьшение единичных потерь жизненного потенциала было обусловлено повышением возраста смерти, а уменьшение полных и частичных потерь жизненного потенциала — понижением стандартизованного коэффициента смертности и единичных потерь жизненного потенциала. Наибольшие потери жизненного потенциала выявлены у мужчин сравнимых регионов, главным образом, за счет внешних причин, болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований в 2005 г. и за счет болезней системы кровообращения, внешних причин и злокачественных новообразований в 2020 г. (в сумме от 84,4 до 90,5 % соответственно), а у женщин — за счет болезней системы кровообращения, внешних причин и злокачественных новообразований в 2005 г. и за счет злокачественных новообразований, болезней системы кровообращения и внешних причин в 2020 г. (в сумме от 89,3 до 90,8 %). Вклад стандартизованного коэффициента смертности в сдвиги потерь жизненного потенциала был больше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала, при болезнях системы кровообращения и внешних причин. Вклад стандартизованного коэффициента смертности в сдвиги потерь жизненного потенциала при болезнях органов дыхания, болезнях органов пищеварения и злокачественных новообразованиях, напротив, был меньше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала. В целом при всех причинах смерти вклад стандартизованного коэффициента смертности в потери жизненного потенциала у всех групп населения УрФО и России был больше, чем вклад единичных потерь жизненного потенциала. Следует отметить, что частичные потери жизненного потенциала позволяют легко оценить сравнительный вклад отдельных причин смерти в сокращение ожидаемой продолжительности жизни, то есть в сокращение жизненного потенциала. В литературе для этих целей проводится более трудоемкий метод декомпозиции ожидаемой продолжительности жизни для отдельных причин смерти (Currie et al., 2023). При анализе единичных потерь жизненного потенциала установлено, что их наибольшие значения наблюдались при инфекциях и внешних причинах у мужчин и женщин во всех регионах. На основании полученных результатов по изученным показателям потерь жизненного потенциала можно выделить 4 группы причин смерти: 1-я — болезни системы кровообращения и злокачественные новообразования, при которых потери жизненного потенциала обусловлены их высокой распространенностью при низких значениях единичных потерь жизненного потенциала (популяционный уровень), 2-я — инфекции, вклад которых в потери жизненного потенциала обусловлен высокими значениями единичных потерь жизненного потенциала при их низкой распространенности (индивидуальный уровень), 3-я — внешние причины, вклад которых в потери жизненного потенциала обусловлен как высокой распространенностью, так и высокими значениями единичных потерь жизненного потенциала (популяционно-индивидуальный уровень), 4-я — болезни органов дыхания и болезни органов пищеварения, с промежуточными значениями вкладов (промежуточный уровень).

Установленная обратная зависимость календарного снижения возрастных коэффициентов смертности от возраста умершего населения, которая характеризуется уменьшением кратности снижения возрастных коэффициентов смертности с увеличением возраста и представляет некую закономерность, в известной мере позволяет объяснить повышение среднего возраста смерти. Действительно, относительное уменьшение числа умерших в более молодых возрастных группах на протяжении всей возрастной шкалы способствует повышению среднего возраста смерти среди умерших.

Заключение

В результате проведенного сравнительного исследования у населения УрФО, Свердловской и Челябинской области, а также России установлены близкие по тенденциям снижение стандартизованных коэффициентов смертности и повышение среднего возраста смерти, вследствие чего отмечено уменьшение показателей потерь жизненного потенциала. Наибольший вклад в снижение потерь жизненного потенциала при всех причинах смерти внесло понижение стандартизованного коэффициента смертности как уровня смертности, по сравнению с понижением единичных потерь жизненного потенциала, как показателя повышения среднего возраста смерти. По величине частных потерь жизненного потенциала можно сравнить вклад отдельных причин смерти в ожидаемую продолжительность жизни. На основании значений потерь жизненного потенциала и единичные потери жизненного потенциала выделены 4 группы причин смерти. Выявлена закономерность обратной зависимости динамики возрастных коэффициентов смертности от возраста умершего населения, которая объясняет повышение среднего возраста смерти при снижении стандартизованного коэффициента смертности. Наблюдаемые благоприятные изменения на данном этапе свидетельствуют лишь о процессе восстановления после негативных перемен 1990-х гг., а не о стабильном долговременном процессе.

Список источников

Сафарова, Г. Л., Сафарова, А. А., Лисененко, А. И. (2014). Динамика жизненного потенциала России в условиях старения населения. В: *Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши: сборник статей* (с. 298–314). Москва: Проспект.

Тельнов, В. И. (2022). Индекс жизненного баланса как показатель старения населения. *Успехи геронтологии*, 35(4), 640–641.

Тельнов, В. И. (2023). Оценка потерь жизненного потенциала у работников ПО «Маяк», населения г. Озерска и России при основных причинах смерти. В: *Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции «ДНИ НАУКИ ОТИ НИЯУ МИФИ — 2023», посвященной 120-летию юбилею И. В. Курчатова и 75-летию юбилею ФГУП «ПО «МАЯК» (19–21 апреля 2023 г.)* (с. 60–64). Озёрск: ОТИ НИЯУ МИФИ.

Ткаченко, А. А. (Ред.). (2013). *Демографическая энциклопедия*. Москва: ООО «Издательство „Энциклопедия”», 944.

Фильрозе, Э. (1975). *Очерк потенциальной демографии*. Пер. с польского. Москва: Статистика, 216.

Флоринская, Ю. Ф. (1998). Потери жизненного потенциала населения регионов России. *Мир России*, 7(1–2), 257–272.

Currie, J., Schilling, H. T., Evans, L., Boyce, T., Lester, N., Greene, G., ... Paranjothy, S. (2023). Contribution of avoidable mortality to life expectancy inequalities in Wales: a decomposition by

age and by cause between 2002 and 2020. *Journal of Public Health*, 45(3), 762–770. <http://doi.org/10.1093/pubmed/fdac133>

Song, M., Hildesheim, A., & Shiels, M. S. (2020). Premature years of life lost to cancer in the United States in 2017. *Cancer Epidemiology, Biomarkers & Prevention*, 29(12), 2591–2598. <http://doi.org/10.1158/1055-9965.EPI-20-0782>

References

Currie, J., Schilling, H. T., Evans, L., Boyce, T., Lester, N., Greene, G., ... Paranjothy, S. (2023). Contribution of avoidable mortality to life expectancy inequalities in Wales: a decomposition by age and by cause between 2002 and 2020. *Journal of Public Health*, 45(3), 762–770. <http://doi.org/10.1093/pubmed/fdac133>

Filrose, E. (1975). *Ocherk potentsialnoy demografii [An essay on potential demography]*. Trans. from Polish. M.: Statistics, 216. (In Russ.)

Florinskaya, Yu. F. (1998). Life potential's loses of population in Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 7(1–2), 257–272. (In Russ.)

Safarova, G. L., Safarova, A. A., & Lisenenko, A. I. (2014). Dynamics of the life potential of Russia in the conditions of population aging. In: *Razvitie naseleniya i demograficheskaya politika. Pamyati A. Ya. Kvashi: sbornik statey [Population development and demographic policy. In memory of A. Ya. Kvasha: collection of articles]* (pp. 298–314). Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Song, M., Hildesheim, A., & Shiels, M. S. (2020). Premature years of life lost to cancer in the United States in 2017. *Cancer Epidemiology, Biomarkers & Prevention*, 29(12), 2591–2598. <http://doi.org/10.1158/1055-9965.EPI-20-0782>

Telnov, V. I. (2022). The life balance index as an indicator of population aging. *Uspekhi gerontologii [Advances in Gerontology]*, 35(4), 640–641. (In Russ.)

Telnov, V. I. (2023). Assessment of the loss of life potential among employees of the Mayak software, the population of Ozersk and Russia with the main causes of death. In: *Materialy XXIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «DNI NAUKI OTI NIYAU MIFI — 2023», posvyashchennoy 120-letnemu yubileyu I. V. Kurchatova i 75-letnemu yubileyu FGUP «PO «MAYAK» (19–21 aprelya 2023 g.) [Materials of the XXIII All-Russian scientific and Practical conference “DAYS of SCIENCE of the MEFPhI Institute — 2023”, dedicated to the 120th anniversary of I.V. And Kurchatov to the 75th anniversary of FSUE “PO “MAYAK” (April 19–21, 2023)]* (pp. 60–64). Ozyorsk: OTI NIYAU MEFPhI. (In Russ.)

Tkachenko, A. A. (Ed.). (2013). *Demograficheskaya entsiklopediya [Demographic Encyclopedia]*. M.: LLC “Publishing House “Encyclopedia”, 944. (In Russ.)

Информация об авторе

Тельнов Виталий Иванович — кандидат медицинских наук, доцент по специальности, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России; <https://orcid.org/0000-0003-3509-5372> (Российская Федерация, 456780, г. Озерск, Озерское шоссе, 19; e-mail: tvi@subi.su).

About the author

Vitaliy I. Telnov — Cand. Sci. (Med.), Associate Professor, Leading Research Associate, Southern Urals Biophysics Institute; <https://orcid.org/0000-0003-3509-5372> (19, Ozyorskoe Highway, Ozyorsk, 456780, Russian Federation; e-mail: tvi@subi.su).

УДК 37.02; 371

JEL D91, K42

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-19>

Детерминанты отклоняющегося социально-экономического поведения населения в результате цифровизации и развития метавселенной¹

Е. А. Трушкова

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0001-7232-2576>

Автор для корреспонденции: Е. А. Трушкова (trushkova_ea@inbox.ru).

Аннотация. Актуальность исследования связана с последствиями цифровизации и роста отклоняющегося поведения среди населения, в особенности у групп, наиболее социально уязвимых (подростки и молодые люди), имеющих высокий или средний уровень дезадаптированности. Целью статьи является определение воздействия цифровизации на отклоняющееся социально-экономическое поведение населения. Объектом исследования являются детерминанты отклоняющегося поведения населения в обстоятельствах воздействия факторов цифровизации и развития метавселенной. В работе проведены анализ и структурирование сущности отклоняющегося поведения, анализ и группировка факторов развития отклоняющегося поведения вследствие цифровизации и дезадаптации, сравнение влияния факторов цифровизации и развития метавселенной на возникновение форм отклоняющегося социально-экономического поведения населения. В результате исследования выделены детерминанты отклоняющегося поведения среди населения и социальных групп, связанные с ценностно-идеологической дисфункцией общества, ценностным разрывом, превалярованием в определенных социальных группах эгоистических, агрессивных ценностей, с развитием цифровых медиа и изменением структуры потребностей, с цифровой поляризацией, цифровой эксклюзией и развитием цифрового эйджизма, с несовершенством механизмов нивелирования угроз информационной безопасности для отдельных лиц и всего общества, а также защиты конфиденциальности данных.

Ключевые слова: поведение; население; детерминанты; цифровизация; девиантное; делинквентное

Determinants of Deviant Socio-Economic Behaviour of the Population as a Result of Digitalisation and Metaverse Development

Е. А. Trushkova

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-7232-2576>

Corresponding author: Е. А. Trushkova (trushkova_ea@inbox.ru).

Abstract. The consequences of digitalisation and the increase in deviant behaviour among the population, especially among the most socially vulnerable groups (teenagers and young people) characterised by maladaptation, are considered. The article aims to determine the impact of digitalisation on deviant socio-economic behaviour of the population. The study examines determinants of deviant behaviour of the population under digitalisation and metaverse development. The paper conducted an analysis and structuring of deviant behaviour, analysis and grouping of development factors of deviant behaviour due to digitalisation and maladaptation, comparison of the influence of factors of digitalisation and metaverse development on the emergence of deviant socio-economic behaviour of the population. As a result, the study identified determinants of deviant behaviour among the population and social groups, associated with the

¹ © Трушкова Е. А. Текст. 2024

following aspects: value-ideological dysfunction of society; value gap; prevalence of egoistic, aggressive values in certain social groups; development of digital media and changes in the structure of needs; digital polarisation, digital exclusivity and the development of digital ageism; imperfection of mechanisms to mitigate threats to information security for individuals and society as a whole.

Keywords: behaviour; population; determinants; digitalization; deviant; delinquent

Введение

Цифровизация стала неотъемлемой частью социально-экономической трансформации общества. По данным отчета «DataReportal: цифровизация России в 2023 году» на начало 2023 г., когда проникновение интернета составляло 88,2 %, в России насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, 106 млн пользователей социальных сетей, что составляло 73,3 % от общей численности населения, 227 млн сотовых мобильных подключений, что соответствовало 156,9 % всего населения¹. Таким образом, цифровизация всех аспектов общественной жизни является одной из главных тенденций сегодняшнего времени.

Цифровые технологии не только совершенствуют различные виды деятельности, но также становятся неотъемлемой составляющей повседневности в виде метавселенных — сложных социально-технологических структур. Изучение динамики цифровизации жизнедеятельности человека и управление процессами взаимодействия метавселенных человеком становится важным аспектом. Прежде всего это связано с последствиями цифровизации и роста отклоняющегося поведения среди населения, в особенности у групп, наиболее социально уязвимых (подростки и молодые люди), имеющих высокий или средний уровень дезадаптированности.

Целью настоящей статьи являются определение воздействия цифровизации на отклоняющееся социально-экономическое поведение человека. Объектом исследования являются детерминанты отклоняющегося поведения населения в обстоятельствах воздействия факторов цифровизации и развития метавселенной. При этом предметом должны стать различные формы отклоняющегося поведения населения в результате различной природы воздействий цифровизации, мобилизации внутренних предпочтений индивидов, выбора способов адаптации и т. д.

Методы исследования: анализ и структурирование сущности отклоняющегося поведения, анализ и группировка факторов развития отклоняющегося поведения вследствие цифровизации и дезадаптации, сравнение влияния факторов цифровизации и развития метавселенной на возникновение форм отклоняющегося социально-экономического поведения населения. Методология настоящей работы заключается в изучении научных работ как российских, так зарубежных ученых.

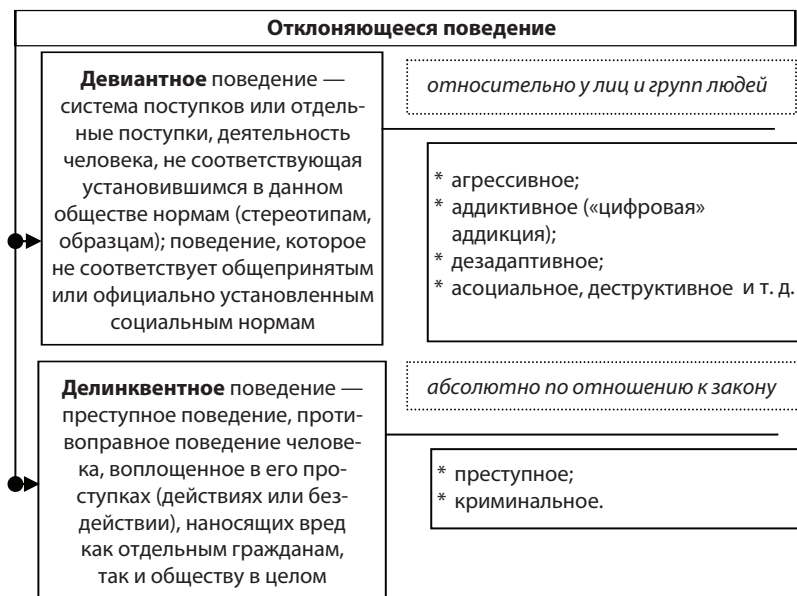
Основная часть

Как зарубежные, так и отечественные социологи подчеркивают, что понятие «отклоняющееся» имеет смысл лишь в контексте понятия «норма». В зависимости от вида нарушаемой нормы (социальной, правовой), целей поведения, результатов данного поведения и пр. в научной литературе выделяют следующие виды отклоняющегося поведения (рис.).

---

¹Отчет DataReportal: цифровизация России в 2023 году. <https://drozd.red/blog/marketing/otchet-datareportal-czifrovizacziya-rossii-v-2023-godu/> (дата обращения: 22.02.2024).

Рис. Теоретический анализ структуры отклоняющегося поведения (источник: составлено автором)

Первый вид отклоняющегося поведения представляется учеными как девиантное поведение. Сущность девиантного поведения заключается в том, что такое поведение всегда формируется на основе несоответствия поведения и деятельности личности правилам и эталонам, распространенным в обществе или конкретной социальной группе, и в большинстве случаев имеет разрушительный характер, индивидуально-типологические, возрастные и гендерные особенности проявления, вызывает реакцию осуждения и негативную оценку окружающих и сопровождается не только социальной и психологической дезадаптацией, но и личностной деструкцией (Ларионова, 2013).

Помимо этого, в научной литературе можно встретить социально обусловленные подтипы данного поведения: агрессивное, аддиктивное (цифровая аддикция), дезадаптивное, асоциальное, деструктивное и т. д.

Второй вид — делинквентное поведение, которое Я.И. Гилинский (Гилинский, 2004) и А.В. Хомич (Хомич, 2006) понимают как преступное поведение. Е.В. Змановская определяет делинквентное поведение как «действия конкретной личности, отклоняющиеся от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях. Исходя из определения, делинквент — это личность, проявляющая противозаконное поведение, а сами противозаконные действия обозначаются деликтами» (Змановская, 2005). Некоторые исследователи утверждают, что делинквентное поведение может служить формой адаптации к социальным процессам и институтам (Moore, 1999; Майсак & Великанова, 2013; Прозоровская, 2016). Я.И. Гилинский (Гилинский, 2004) подчеркивал, что для биологических и социальных систем адаптация заключается в сохранности через изменчивость, тем самым

утверждая, что человеческое сообщество следует относить к классу адаптивных систем, в связи с чем норма и патология нередко выступают как форма адаптации.

Противоречивость взглядов исследователей относительно дефиниции делинквентного поведения вызвана тем, что данное преступное поведение обусловлено комплексом факторов психологического, индивидуально-личностного, социального факторов и представляет собой сложный феномен для изучения.

В данной статье предпринята попытка изучения детерминант делинквентного и девиантного поведения в процессе цифровизации жизнедеятельности населения и развития метавселенной (физическая, дополненная и виртуальная реальности):

1. Детерминанты, связанные с ценностно-идеологической дисфункцией общества, ценностным разрывом общества, превалированием в определенных социальных группах эгоистических, агрессивных ценностей и т. д.

Цифровое пространство буквально вторглось в повседневную жизнь каждого человека, непрямая передача опыта и киберсоциализация также стимулировали трансформацию поведенческих паттернов, изменяя ценностно-смысловое восприятие реальности (Лисенкова & Труфанова, 2023). Прежде всего, данная группа детерминант связана с влиянием метавселенной на социально-экономическое поведение населения, отсутствием стабильности и предсказуемости в различных сферах жизни. Переход из одной реальности в другую (физической в виртуальную) может привести к драматическим изменениям во всей социальной структуре. Население, ранее основывавшее свое поведение на определенных ценностях и установках, вынуждено пересмотреть свои привычки и стратегии, что может вызывать конфликты и межличностные разногласия.

Помимо этого, девиантное поведение может быть связано с активным действием субъекта в цифровой среде, направленным на достижение личных интересов или удовлетворение эмоциональных потребностей. Е.К. Погодина выделяет такие типы девиантного поведения, как киберделикт (правонарушения в цифровой среде — секстинг, груминг, фишинг и др.), киберагрессию (кибербуллинг, кибермоббинг, троллинг, флейминг, хейтинг, харассмент и др.) (Погодина, 2021). Такое поведение косвенно обусловлено индивидуально-личностными особенностями человека (в силу психологических особенностей, возраста и прочих характеристик).

Таким образом, под воздействием цифровизации формируется паталогическая форма девиации — «цифровая девиация или цифровое девиантное поведение — это совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия» (Костоломова, 2020).

2. Детерминанты, связанные с развитием цифровых медиа и изменением структуры потребностей в результате ценностной дисфункции общества.

Одним из ключевых последствий воздействия метавселенной на социальное поведение населения является изменение ценностно-потребностных ориентаций. В условиях взаимодействия с неизведанным и новым пространством люди сталкиваются с необходимостью переосмысливать свои ценности и приоритеты. Это, в свою очередь, может привести к появлению новых образцов потребления, изменению способов коммуникации и даже преобразованию социальных институтов. Отдельные ученые поясняют, что метавселенная захватывает все больше личного времени индивидов, меняет структуру потребностей (в т. ч. снижается ценность семьи и детей), что негативно влияет на репродуктивные установки населения (Калабихина,

2019) и деградацию института семьи и брака (Мартынов и др., 2019). Если обратиться к оценкам экспертов цифрового потребления, то данные говорят, что 80 % людей проверяют телефон в первые 10 минут после пробуждения, 83 % испытывают дискомфорт, если забыли телефон, 54 % испытывают панику при низком заряде своего гаджета (менее 20 %), 67 % пишут сообщения людям, находясь с ними в одном помещении, 65,6 % проверяют свои телефоны более 160 раз в течение дня (Жулего и др., 2019; Разумова и др., 2020), 17 % молодежи предпочитают яркую онлайн-жизнь рутине офлайн-повседневности, среди геймеров этот показатель достигает 52 % (Kane, 2021)¹. Помимо этого, развитие цифровых медиа, отсутствие правовых барьеров для входа на рынок инфобизнеса провоцирует рост потребления населением информационного продукта с неочевидной «псевдоценностью». Данный феномен в научной литературе, как и в обыденной жизни, поясняется термином «инфоцыганства» как девиантного (мошеннического) поведения населения (Олефирова & Рокутова, 2022).

3. Детерминанты, связанные с цифровой поляризацией, цифровой эксклюзией и развитием цифрового эйджизма. В силу различных факторов (недоступность технологий, отсутствие цифровых навыков и образования, низкий уровень дохода и цифровой грамотности, проживание в отдаленных районах²) некоторые слои населения могут оказаться оторванными от преимуществ, которые цифровизация и метавселенная могут предложить.

Кроме ограничений, связанных с состоянием здоровья, к эксклюзии (исключению) может привести пожилой возраст. Цифровая эксклюзия может способствовать формированию цифрового эйджизма как направления дискриминации по возрастному признаку (Бразевич & Маргулян, 2023). Ограничение прав человека (группы людей) по определенному социальному признаку представляется в соответствии с нормами права недопустимым.

4. Детерминанты, связанные с несовершенством механизмов нивелирования угроз информационной безопасности для отдельных лиц и всего общества, а также защиты конфиденциальности данных.

В процессе цифровизации экономики и социальных отношений общество столкнулось с новыми рисками и угрозами, к которым не были готовы не только люди, но и подчас и государство. Появление цифровых форматов правоотношений не только вызвало усиливающуюся дискриминацию целых групп населения по признаку доступности им цифровых форматов, но и породило новые, цифровые формы правового нигилизма, что создает существенные риски для общественной стабильности³.

В научной литературе в связи с недостатком правового регулирования защиты граждан и экономической безопасности выделяют цифровую преступность по отношению к элементам деловой инфраструктуры (кража интеллектуальной собственности, распространение вирусов и вредоносных программ) и по отношению

¹ Kane, A. (2021). 10 key predictions from our latest trend report '2031: A Future World'. DAZED. <https://www.dazeddigital.com/science-tech/article/53653/1/dazed-studio-trend-report-2031-a-future-world> (дата обращения: 22.02.2024).

² Зорин М. А., Киселева К. Л., Орлова А. А., Павлова А. С., Теплякова Д. О., Туманова М. В. Проблемы доступности госсервисов в России. Социально-экономические причины цифровой эксклюзии. <https://cdto.ganepa.ru/reports/access/study/2-1-socialno-ehkonomicheskie-prichiny-cifrovoj-ehksklyuzii> (дата обращения: 22.02.2024).

³ Цифровая дискриминация и правовой нигилизм «в цифре»: угрозы и решения. <https://42.notariat.ru/ru-ru/news/cifrovaya-diskriminaciya-i-pravovoj-nigilizm-v-cifre-ugrozy-i-resheniya> (дата обращения: 22.02.2024).

Число преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Виды преступлений	2019	2020	2021	2022	2023
Всего преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в том числе совершенных с использованием или применением:	294409	510396	517722	522065	676951
расчетных (пластиковых) карт	34383	190167	165658	127149	132849
компьютерной техники	18261	28653	27519	29140	3685
программных средств	6283	10050	7216	7649	12175
фиктивных электронных платежей	984	1374	954	1325	1608
сети «Интернет»	157036	300337	351463	381112	526794
средств мобильной связи	116154	218739	217552	212963	302865

Источник: составлено на основе данных МВД России: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года. <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 22.02.2024); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года. <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года. <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года. <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года. <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>.

к потребителям услуг и товаров. В цифровой сети мошенники могут использовать различные методы, такие как фальшивые веб-сайты, поддельные электронные письма и злоумышленные программы. Это может привести к потере личных данных, финансовым потерям и нарушению работы бизнеса. Спам и фишинг стали основной проблемой для пользователей цифровой сети. Спам представляет собой нежелательную электронную почту или текстовые сообщения, которые содержат рекламу или другую нежелательную информацию. Фишинг — это метод мошенничества, при котором злоумышленники, выдавая себя за доверенные организации, пытаются получить личную информацию у пользователей, такую как пароли или номера кредитных карт. Согласно данным МВД России, наблюдается рост числа преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За 2023 г. было зарегистрировано более 676 тыс. таких преступлений, на 154 тыс. 886 преступлений больше чем в 2022 г. Значительная их часть была совершена с использованием расчетных пластиковых карт, интернета и средств мобильной связи. Это тревожное явление продолжается уже некоторое время, поскольку в 2021 и 2022 гг. наблюдается заметный рост числа подобных преступлений (таб.).

Выводы

Цифровизация, в отличие от предыдущих технологических революций, ставит перед обществом крайне сложные и масштабные проблемы, которые оно не может решить самостоятельно, используя те или иные механизмы поведения, включая и не вписывающиеся в принятые в традиционном обществе нормы поведения. Для преодоления кризисных адаптационных явлений необходимо активное вмешательство государства, которое должно взять на себя ответственность за происходящую трансформацию и проводить проактивную социальную политику, направленную

на адаптацию населения к новым условиям. Для того, чтобы модель цифровизации охватывала все аспекты жизни страны и предусматривала место каждого человека в ней, необходимо применять дифференцированные меры для социальной защиты населения, нивелирования социального неравенства и возникновения угрозы прав и свобод в цифровом пространстве. Данное исследование может послужить основой для дальнейших исследований отдельных форм поведения в результате цифровизации и обоснования конкретных направлений совершенствования государственной политики для обеспечения социальной стабильности и социальной защищенности населения.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках НИР Института экономики УрО РАН за период 2024–2026 гг. (№ 124021500019-9).

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026. (No. 124021500019-9).

Список источников

Бразевич, С. С., Маргулян, Я. А. (2023). Социальные риск-факторы информационного неравенства в условиях цифровой трансформации общества. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 6 (144), 178–185.

Гилинский, Я. И. (2004). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 520.

Жулего, В. Г., Балякин, А. А., Нурбина, М. В., Тараненко, С. Б. (2019). Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 9–2, 36–43.

Змановская, Е. В. (2005). *Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 274.

Калабихина, И. Е. (2019). Демографические размышления о цифровой экономике. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 6, 47–166.

Костоломова, М. В. (2020). Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия. *Социологическая наука и социальная практика*, 8(2), 41–53.

Ларионова, С. О. (2013). Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема. *Фундаментальные исследования*, 1–1, 90–94.

Лисенкова, А. А., Труфанова, Е. О. (2023). Цифровой эскапизм — от аддикции до аскезизма. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3, 17–34. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412>

Майсак, Н. В., Великанова, Л. П. (2013). Девиативные тенденции в профессиях: сравнительные аспекты. *Фундаментальные исследования*, 10–4, 879–885.

Макарова, М. Н., Трушкова, Е. А. (2024). Оценка социальных барьеров и рисков в контексте развития метавселенной. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*, 1, 408–418. <http://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-4-408>.

Маргтынов, Б. В., Корнеева, М., Василевичева, А. И. (2019). Влияние цифровизации на институт семьи. В: *Материалы конференции «Управление социальными инновациями» (15–21*

октября 2019 г.) (с. 207–211). Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.

Олефирова, А. В., Рокутова, Е. А. (2022). Инфоцыганство как явление в интернет-пространстве. *Вестник науки*, 3(6(51)), 169–174.

Погодина, Е. К. (2021). Цифровые девиации в подростково-молодежной среде. В: *Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики»* (12–13 мая 2021 года) (с. 462–464). Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет.

Прозоровская, К. А. (2016). *Девиантное экономическое поведение организаций*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ.

Разумова, Т., Садовая, Е. С., Чубарова, Т. (2020). Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 3, 24–34. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-3-24-34>

Хомич, А. В. (2006). *Психология девиантного поведения*. Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 140.

Мооре, J. F. (1999). Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*, 71(3), 75–86.

References

Brazevich, S. S., & Margulyan, Ya. A. (2023). Social risks-factors of information inequality in the context of digital transformation of society. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 6(144), 178–183. (In Russ.)

Gilinsky, Y. I. (2004). *Deviantologiya: sotsiologiya prestupno-sti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneniya» [Deviantology: Sociology of Crime, Drugs, Prostitution, Suicide and Other “Deviations”]*. SPb.: Legal Centre “Press”, 520. (In Russ.)

Kalabikhina, I. E. (2019). Demographic Reflections on the Digital Economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 6, 47–166. (In Russ.)

Khomich, A. V. (2006). *Psikhologiya deviantnogo povedeniya [Psychology of deviant behaviour]*. Rostov-on-Don: YRGI, 140. (In Russ.)

Kostolomova, M. V. (2020). Digital deviance as a phenomenon of new social reality: methodological foundations and conceptualization. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika [Sociological Science and Social Practice]*, 8(2), 41–53.11. (In Russ.)

Larionova, C. O. (2013). Deviant behaviour as scientific and pedagogical problem. *Fundamentalnye issledovaniya [Fundamental research]*, 1–1, 90–94. (In Russ.)

Lisenkova, A. A., & Trufanova, E. O. (2023). Digital Escapism — From Addiction to Asceticism. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3, 17–34. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412>. (In Russ.)

Makarova, M. N., & Trushkova, E. A. (2024). Assessment of social barriers and risks in the context of meta-universe development. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University]*, 1, 408–418. <http://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-4-408>. (In Russ.)

Martynov, B. V., Korneeva, M., & Vasilevicheva, A. I. (2019). The impact of digitalisation on the institution of the family. In: *Materialy konferentsii «Upravlenie sotsialnymi innovatsiyami» (15–21 oktyabrya 2019 g.) [Proceedings of the conference “Management of social innovations” (15–21*

October 2019)] (pp. 207–211). Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Y. Yakovlev. (In Russ.)

Maysak, N. V., & Velikanova, L. P. (2013). Deviative tendencies in profession: comparative aspects. *Fundamentalnyye issledovaniya [Fundamental research]*, 10–4, 879–885. (In Russ.)

Moore, J. F. (1999). Predators and Prey: A New Ecology of Com-petition. *Harvard Business Review*, 71 (3), 75–86.

Olefirova, A. V., & Rokutova, E. A. (2022). Infocyanism as a phenomenon in the internet space. *Vestnik nauki*, 3(6(51)), 169–174. (In Russ.)

Pogodina, E. K. (2021). Digital deviations in the adolescent and youth environment. In: *Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati M. Yu. Kondrateva «Sotsialnaya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki» (12–13 maya 2021 goda) [Social psychology: issues of theory and practice. Materials of VI International scientific- practical conference in memory of M. Y. Kondratyev (12–13 May 2021)]* (pp. 462–464). Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University. (In Russ.)

Prozorovskaya, K. A. (2016). *Deviantnoe ekonomicheskoe povedenie organizatsiy [Deviant economic behaviour of organisations]*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 74. (In Russ.)

Razumova, T., Sadovaya, E. S., & Chubarova, T. (2020). The new social landscape of the digital age: lessons from the pandemic. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]*, 3, 24–34. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-3-24-34>(In Russ.)

Zhulego, V. G., Balyakin, A. A., Nurbina, M. V., & Taranenko, S. B. (2019). Digitalization of the society: new challenges in social sphere. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*, 9–2, 36–43. (In Russ.)

Zmanovskaya, E. V. (2005). *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: strukturno-dinamicheskiiy podkhod [Psychology of Deviant Behaviour: Structural and Dynamic Approach]*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 274. (In Russ.)

Информация об авторе

Трушкова Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7232-2576> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29 e-mail: trushkova.ea@uiec.ru).

About the author

Ekaterina A. Trushkova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7232-2576> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: trushkova.ea@uiec.ru).

III. РОЖДАЕМОСТЬ В РЕГИОНАХ: РЕШЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ТРЕНДОВ

УДК 314

JEL classification: J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-1>

Современные тенденции рождаемости в России и их особенности в Свердловской области¹²

В. Н. Архангельский

МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Автор для корреспонденции: В. Н. Архангельский (archangelsky@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются тенденции рождаемости в России в целом и в Свердловской области за последние 10–15 лет на основе пересчитанных с учетом данных переписи населения 2020 г. суммарных коэффициентов рождаемости по очередности рождения. Анализ рождаемости в реальных поколениях показал снижение среднего числа первых рождений и повышение доли родивших второго и третьего ребенка.

Ключевые слова: рождаемость; суммарный коэффициент; очередность рождения; реальные поколения; Россия; Свердловская область

Current Fertility Trends in Russia and Their Features in Sverdlovsk Oblast

V. N. Arkhangelskiy

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Corresponding author: V. N. Arkhangelskiy (archangelsky@yandex.ru).

Abstract. The article analyses fertility trends in Russia as a whole and in Sverdlovsk oblast over the past 10–15 years. To this end, total fertility rates by birth order were recalculated taking into account the 2020 population census data. An analysis of fertility in real generations showed a decrease in the average number of first births and an increase in the proportion of those who gave birth to a second and third child.

Keywords: fertility; total rate; birth order; real generations; Russia; Sverdlovsk oblast

---

¹ © Архангельский В. Н. Текст. 2024.

² Статья основана на материалах ранее опубликованных исследований: 1) Архангельский, В. Н., Рязанцев, С. В., Смирнов, А. В. (2023). Рождаемость в реальных поколениях женщин в Тюменской области (по данным переписи населения 2020 г.) Вопросы национальных и федеративных отношений. Т. 13, № 6 (99), 2591–2610. <http://dx.doi.org/10.35775/PSI.2023.99.6.023>; 2) Козлова, О. А., Архангельский В. Н. (2021). Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты. Вестник Российской академии наук. 91 (9), 845–855. <http://dx.doi.org/10.31857/S0869587321090061>; 3) Архангельский, В. Н. (2016) Рождаемость в регионах Северо-Западного федерального округа. Проблемы развития территории, 5 (85), 38–56; 4) Архангельский, В. Н. (2019). Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия. Экономика. Налоги. Право. 12 (2), 59–69. <http://dx.doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69>; 5) Архангельский, В. Н. (2022). Возможности использования показателей для реальных поколений при оценке динамики рождаемости. Human Progress, 8 (2), С. 4. <http://dx.doi.org/10.34709/IM.182.4>

Введение

Рождаемость является одним из важнейших компонентов демографической динамики. Если в отношении естественного прироста населения ее роль соотносима с уровнем смертности, то режим воспроизводства населения, численное соотношение приходящих на смену друг другу поколений определяются, главным образом, именно уровнем рождаемости. Достаточно сказать, что при суммарном коэффициенте рождаемости меньше 2,1 при любом уровне смертности от поколения к поколению численность населения будет сокращаться.

Анализ динамики рождаемости позволяет выявить ее возможные детерминанты, оценить перспективы. Целесообразно использовать как календарные показатели рождаемости, так и ее индикаторы для реальных поколений. Показатели рождаемости для реальных поколений определяются на основе ответов женщин о числе рожденных детей при переписи населения. Кроме того, их оценочный расчет может осуществляться на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. В этом случае показатели рождаемости в реальных поколениях могут рассчитываться не только каждый год, но и, что очень важно, в возрастном разрезе (средний возраст при рождении детей, среднее число рожденных детей к тому или иному возрасту, в том или ином возрастном интервале). Если, например, динамика календарных показателей рождаемости позволяет предполагать в какие-то периоды влияние тайминговых сдвигов, то возрастные характеристики среднего числа рожденных детей в реальных поколениях дают основания судить о них с несколько большей степенью определенности.

Современная динамика рождаемости в России, вероятно, подвержена влиянию тайминговых сдвигов. Их учет важен для оценки факторов, влияющих на тенденции рождаемости, и при определении перспектив ее изменения.

После каждой переписи населения в России осуществляется пересчет численности населения по полу и возрасту за каждый год межпереписного периода с учетом данных переписи населения. В данной статье используются показатели рождаемости за 2011–2021 гг., рассчитанные автором на основе пересчитанной Росстатом численности населения по полу и возрасту.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости

После значительного снижения в конце 1980-х гг. и в 1990-е гг. минимальный уровень рождаемости в целом по России и в Свердловской области был достигнут в 1999 г. К 2004 г. суммарный коэффициент рождаемости повысился на 0,187 в целом по России (с 1,157 в 1999 г. до 1,344) и на 0,248 в Свердловской области (с 1,093 до 1,341). Т. е., в 2004 г. в Свердловской области он был практически на среднероссийском уровне. В последующие годы в Свердловской области этот показатель был выше, чем в целом по России.

В 2005 г. суммарный коэффициент рождаемости несколько снизился, а в 2006 г. повысился. При этом, в Свердловской области он вернулся к уровню 2004 г., а в целом по России — не достиг его.

Значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости произошло в 2007 и 2008 гг., когда начали реализовываться дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми и, прежде всего, федеральный материнский (семейный) капитал. В целом по России в 2007 г. его прирост составил 0,111, а в 2008 г. — 0,086; в Свердловской области — соответственно 0,101 и 0,112. Столь значительное увеличение суммарного коэффициента рождаемости в дальнейшем имело место только в 2012 г. (см. табл. 1).

**Суммарный коэффициент рождаемости в целом по России
и в Свердловской области в 2010–2022 гг.**

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Россия	1,568	1,580	1,686	1,699	1,713	1,762	1,744	1,601	1,556	1,477	1,474	1,470	1,416
Свердловская область	1,668	1,699	1,826	1,869	1,918	1,942	1,908	1,757	1,702	1,614	1,596	1,614	1,557

Рассчитано по: данные Росстата.

Повышение суммарного коэффициента рождаемости продолжалось до 2015 г.: в целом по России он составил 1,762, в Свердловской области — 1,942. В последующие годы он снижался. В целом по России в 2020 и 2021 гг. его снижение было совсем небольшим, а в Свердловской области в 2021 г. он даже повысился. Но в 2022 г. произошло новое существенное снижение суммарного коэффициента рождаемости: в целом по России он составил 1,416, в Свердловской области — 1,557.

Для сравнения, суммарный коэффициент рождаемости, который был бы необходим в 2022 г. для обеспечения нулевого естественного прироста населения, в целом по России равен 2,06, а в Свердловской области — 2,32.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости существенно различается в зависимости от очередности рождения (см. табл. 2).

По первым рождениям максимальная величина суммарного коэффициента рождаемости в целом по России была в 2012 и 2013 гг. (0,807). В последующие годы он неуклонно снижался, достигнув в 2021 г. 0,593. Только в 2022 г. он чуть-чуть повысился до 0,595.

В Свердловской области суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям несколько выше, чем в целом по России. Максимальная его величина была в 2010 и 2012 гг. (0,894), в 2013 и 2014 гг. — 0,880. Далее происходила снижение до 0,645 в 2020 г. и небольшое повышение в 2021 (0,648) и 2022 (0,655) гг.

Суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям сейчас очень низкий. Он намного меньше, по сути дела, аналога этого показателя для реальных поколений — среднего числа первых рождений. По данным переписи населения 2020 г., у 35–39-летних женщин оно составляет 0,86 в целом по России и 0,88 в Свердловской области, у 30–34-летних — 0,78 и 0,80 соответственно. При этом к концу репродуктивного периода оно у них еще повысится. Такие значительные различия между суммарным коэффициентом рождаемости по первым рождениям и средним числом первых рождений в реальных поколениях, вероятнее всего, обусловлены тайминговыми сдвигами, связанными с откладыванием первых рождений, обусловленным как откладыванием браков, по крайней мере, их регистрации, так и откладыванием рождения первого ребенка в браке. Связь снижения показателей рождаемости по первым рождениям с брачностью отмечают многие специалисты (Синельников, 2019; Шарилова, 2019).

Об откладывании браков свидетельствует увеличение доли никогда не состоявших в браке в возрасте 25–29 лет, по данным переписи населения 2020 г. по сравнению с предыдущей переписью 2010 г. По данным переписи населения 2010 г., в целом по России доля никогда не состоявших в браке женщин в возрасте 25–29 лет составляла 26,3 %, а по переписи населения 2020 г. — 31,7 %, в Свердловской области — 26,1 % и 30,7 % соответственно.

Таблица 2

**Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в целом по России
и в Свердловской области в 2010–2022 гг.**

Год	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и последующие
<i>Россия</i>					
2010	0,786	0,564	0,156	0,040	0,021
2011	0,779	0,573	0,164	0,041	0,022
2012	0,807	0,618	0,188	0,047	0,025
2013	0,807	0,621	0,197	0,048	0,025
2014	0,783	0,644	0,207	0,052	0,027
2015	0,781	0,682	0,217	0,055	0,028
2016	0,756	0,679	0,222	0,057	0,029
2017	0,696	0,597	0,219	0,058	0,030
2018	0,654	0,574	0,227	0,065	0,035
2019	0,626	0,523	0,225	0,068	0,036
2020	0,611	0,514	0,237	0,073	0,040
2021	0,593	0,513	0,245	0,077	0,042
2022	0,595	0,462	0,237	0,079	0,043
<i>Свердловская область</i>					
2010	0,894	0,575	0,149	0,033	0,017
2011	0,856	0,619	0,165	0,038	0,021
2012	0,894	0,671	0,191	0,046	0,024
2013	0,880	0,695	0,217	0,050	0,026
2014	0,880	0,719	0,232	0,058	0,028
2015	0,850	0,763	0,238	0,061	0,031
2016	0,807	0,749	0,255	0,064	0,032
2017	0,737	0,660	0,255	0,068	0,036
2018	0,695	0,640	0,254	0,072	0,040
2019	0,660	0,581	0,253	0,077	0,043
2020	0,645	0,561	0,260	0,082	0,046
2021	0,648	0,561	0,273	0,083	0,048
2022	0,655	0,514	0,254	0,085	0,049

Рассчитано по: данные Росстата.

В перспективе тайминговые сдвиги прекратятся и произойдет повышение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям. Отчасти, этому, видимо, может способствовать предоставление федерального материнского (семейного) капитала на первого ребенка начиная с 2020 г. В 2021 г. его воздействию влиянию противодействовало значительное снижение коэффициентов брачности по первым бракам в 2020 г. (во многом связанное с пандемией). В 2022 г. небольшое повышение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям имело место и в целом по России, и в Свердловской области.

По вторым рождениям значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости имело место в 2007 г. По России в целом его прирост составил 0,068 (с 0,401 в 2006 г. до 0,469). Для сравнения, прирост этого показателя в 2004 г. по сравнению с 2000 г., т. е. за 4 года, составил 0,056 (в 2005 г. было некоторое его снижение). Относи-

тельно еще большим в 2007 г. было повышение суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождением (с 0,139 в 2006 г. до 0,176, т. е. на 0,037). По Свердловской области за эти годы, к сожалению, нет данных по очередности рождения.

Можно предполагать связь значительного повышения этих показателей с началом реализации программы федерального материнского (семейного) капитала, который тогда предоставлялся при рождении второго или последующего (если ранее не предоставлялся) ребенка. Основания для такого предположения дает прежде всего то, что суммарный коэффициент рождаемости по первым рождением в 2007 г. повысился только на 0,004.

В последующие годы прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождением был существенно меньшим (наибольший в 2012 г. — на 0,045). Наибольшая его величина была в 2015 г. (в целом по России — 0,682, в Свердловской области — 0,763). Важно обратить внимание, что в 2015 г. его прирост (на 0,038 в целом по России и на 0,044 в Свердловской области) был существенно большим, чем в 2014 (соответственно 0,021 и 0,024) и 2013 (0,003 и 0,024) гг.

С точки зрения определения причин такой динамики суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождением важно отметить, что, в отличие от вторых рождений, прирост этого показателя по третьим и последующим рождением в 2015 г. (на 0,014 в целом по России и на 0,012 в Свердловской области) был даже меньше, чем в 2014 г. (соответственно на 0,016 и 0,019), а по сравнению с 2013 г. он был меньше в Свердловской области (2013 г. — 0,032) и немногим больше в целом по России (0,011).

Можно предположить, что в 2015 г. имели место тайминговые сдвиги в показателях рождаемости по вторым рождением, и их не было по третьим и последующим рождением (табл. 3). Только, в отличие от первых рождений, здесь речь идет не об откладывании, а, возможно, наоборот, о более раннем рождении вторых детей.

В целом по России только в июле число родившихся в 2016 г. было более чем на 4 % меньше, чем в 2015 г. В сентябре — декабре это было каждый месяц. В Свердловской области существенное снижение числа родившихся было в марте, апреле и июле, но значительно большим оно было в октябре — декабре. За январь — август в целом по России число родившихся в 2016 г. было на 0,8 % меньше, чем в 2015 г., а в сентябре — декабре — на 6,3 %; в Свердловской области — соответственно на 2,2 % и на 7,2 %. Снижение числа родившихся в январе — августе было полностью обусловлено изменениями в половозрастной структуре населения. Именно в последние 3–4 месяца 2016 г. произошли значительные изменения в динамике рождаемости. Не располагая информацией о числе родившихся по месяцам дифференцированно по очередности рождения, можно предположить, что эти изменения произошли, в большей мере, по вторым

Таблица 3

Изменение числа родившихся по месяцам в 2016 г. по сравнению с 2015 г. в целом по России и в Свердловской области (%)

Регион	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Россия	-0,8	2,7	-0,8	-3,0	1,1	-0,7	-4,5	0,0	-4,0	-8,3	-4,2	-8,6
Свердловская область	2,6	1,8	-6,5	-6,0	-0,5	-3,1	-5,1	0,5	-4,4	-9,5	-6,8	-8,2

Рассчитано по: данные Росстата.

рождениям. Суммарный коэффициент рождаемости по ним снизился в 2016 г. после повышения в предшествующие годы. По первым рождениям продолжилось снижение этого показателя, которое имело место в 2014 и 2015 гг.; по третьим и последующим рождениям суммарный коэффициент рождаемости в 2016 г. продолжил повышаться.

Если бы снижение показателей рождаемости по вторым рождениям было связано с какими-то изменениями в условиях жизни, то, во-первых, это не могло не отразиться и на третьих и последующих рождениях, а во-вторых, непонятно почему это произошло именно начиная с сентября — октября 2016 г. Если говорить о сроках, то, казалось бы, можно это связать с существенной девальвацией рубля в декабре 2015 г. Но, как уже отмечалось, это должно было отразиться и на третьих и последующих рождениях. Кроме того, девальвация рубля в декабре 2014 г. никак не повлияла на динамику рождаемости в 2015 г. и в первые 8 месяцев 2016 г. Другой причиной могла быть информация о предполагаемом продлении программы федерального материнского (семейного) капитала, которая прозвучала 3 декабря 2015 г. в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию. Можно предположить, что в 2015 г. и, вероятно, в первой половине 2016 г. имели место тайминговые сдвиги, связанные с более ранним рождением второго ребенка в части семей из-за приближавшегося первоначально установленного срока завершения программы федерального материнского (семейного) капитала (конец 2016 г.). В этой связи Л.А. Попова отмечает, что часть дополнительных рождений — «следствие уплотнения календаря рождений у молодых когорт населения» (Попова, 2018, с. 172). После таких тайминговых сдвигов неизбежен тайминговый провал, т. е. снижение рождаемости из-за того, что часть детей, которые могли бы родиться в последующие годы, уже родились ранее. Преодоление этого провала возможно по мере достижения возраста активного рождения вторых детей поколениями, не затронутыми тайминговыми сдвигами. Если бы эта программа не была продлена, то тайминговый провал начался бы не осенью 2016 г., а с января 2017 г., и был бы еще более значительным. Если влияние на динамику показателей рождаемости по вторым рождениям оказал именно этот фактор, то на третьи и последующие рождения он повлиять практически не мог. Чтобы претендовать на получение федерального материнского (семейного) капитала при рождении третьего ребенка в 2015–2016 гг. нужно было, чтобы второй ребенок родился не позже 2006 г., т. е. интервал между рождениями второго и третьего ребенка должен составлять 9–10 лет. В семьях, рассчитывавших на получение материнского (семейного) капитала, это вряд ли могло быть более или менее распространено.

Таким образом, можно предположить, что на динамику суммарного коэффициента рождаемости отчасти влияли тайминговые сдвиги. В какой-то мере подтвердить или опровергнуть это предположение могут показатели рождаемости по вторым рождениям в реальных поколениях по возрастным интервалам, которые будут рассмотрены ниже (см. табл. 8).

В 2017 г. и в последующие годы снижение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям было весьма существенным. Но в 2021 г. в Свердловской области он не изменился по сравнению с 2020 г., а в целом по России снизился лишь на 0,001. Можно было предположить завершение таймингового провала. В 2022 г. он снова существенно снизился. Возможно, имело место откладывание вторых рождений из-за продолжавшейся пандемии в 2021 г.

В Свердловской области суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям выше, чем в целом по России (см. табл. 2).

По третьим и последующим рождениям суммарный коэффициент рождаемости в Свердловской области также несколько выше, чем в целом по России. В последние 10–15 лет он повышается почти постоянно. Небольшое снижение его в целом по России имело место только в 2017 и 2022 гг., а в Свердловской области — в 2022 г.

Поколенческие изменения уровня рождаемости

Перепись населения 2020 г. дала информацию для расчета показателей рождаемости в реальных поколениях (см. табл. 4).

Среднее число рожденных детей снижается в старших поколениях и достигает минимума у женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 45–54 года (в Свердловской области — 50–54 года). В более молодых поколениях оно повышается и наибольшее пока у женщин, которым было 40–44 года. В целом по России прирост от наименьшего до наибольшего показателя составляет 0,06, в Свердловской области — 0,08. У тех, кто еще моложе, среднее число рожденных детей несколько меньше (у 35–39-летних меньше, чем у 40–44-летних, в целом по России на 0,05, а в Свердловской области — лишь на 0,01), но к концу репродуктивного периода, вероятно, будет больше.

По данным переписи населения 2020 г., среднее число рожденных детей в реальных поколениях в Свердловской области близко к среднему по России. Немного выше оно у 60–69-летних женщин и, наоборот, ниже в более молодых возрастах. У 45–49-летних женщин в целом по России оно составляет 1,60, в Свердловской

Таблица 4

Показатели рождаемости в реальных поколениях в целом по России и в Свердловской области (по данным переписи населения 2020 г.)

Регион	Возраст, лет										
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и более
<i>Среднее число рожденных детей</i>											
Россия	0,31	0,90	1,37	1,61	1,66	1,60	1,60	1,68	1,77	1,80	1,84
Свердловская область	0,30	0,88	1,38	1,61	1,62	1,57	1,54	1,65	1,78	1,82	1,81
<i>Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка)</i>											
Россия	0,23	0,58	0,78	0,86	0,89	0,90	0,91	0,92	0,93	0,93	0,93
Свердловская область	0,23	0,59	0,80	0,88	0,90	0,91	0,92	0,93	0,94	0,94	0,94
<i>Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)</i>											
Россия	27,8	42,8	55,9	62,2	60,6	56,4	56,1	61,9	67,2	67,7	66,3
Свердловская область	23,4	39,1	54,0	61,3	59,3	54,9	53,5	61,6	68,9	70,4	68,2
<i>Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго (%)</i>											
Россия	17,1	23,9	26,9	29,7	29,8	26,1	23,7	22,9	24,4	25,7	29,1
Свердловская область	15,6	21,2	24,6	27,5	26,4	22,4	19,6	19,1	21,9	23,6	24,4

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т.9. Рождаемость. Таблица 1. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

области — 1,57; у 40–44-летних — соответственно 1,66 и 1,62. У 35–39-летних оно равно 1,61 как в Свердловской области, так и в целом по России.

Поколенческое изменение среднего числа рожденных детей определяется двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, снижается среднее число первых рождений. У женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 60 лет и более, оно составляет 0,93 в целом по России и 0,94 в Свердловской области; у 50–54-летних — 0,91 и 0,92; и у 40–44-летних — 0,89 и 0,90 соответственно.

С другой стороны, после снижения в более молодых поколениях повышается доля родивших второго и третьего ребенка среди родивших ребенка предыдущей очередности рождения.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого после достижения минимума у женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 50–54 года (56,1 % в целом по России и 53,5 % в Свердловской области), повышается в более молодых поколениях и наибольшая пока у 35–39-летних (соответственно 62,2 % и 61,3 %, т. е. ее величина в Свердловской области немного меньше, но ее прирост (на 7,8 п. п.) больше, чем в целом по России (на 6,1 п. п.)).

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго наименьшая у 55–59-летних женщин. В более молодых поколениях она повышается и наибольшая пока у 40–44-летних в целом по России (прирост 6,9 п. п.) и у 35–39-летних в Свердловской области (прирост 8,4 п. п.). В Свердловской области этот показатель несколько меньше, чем в целом по России (см. табл. 4).

Если по данным переписи населения среднее число рожденных детей определяется непосредственно на основе ответов женщин, то с использованием ежегодных однолетних возрастных коэффициентов рождаемости может быть получена его оценка. В целом по России она практикуется в трудах исследователей рождаемости (Захаров, 2023; Фрейка & Захаров, 2014; Рязанцев, 2022), но на уровне регионов практически не используется (ее возможности рассматривались автором на Уральском демографическом форуме в 2016 г. (Архангельский, 2016) и в некоторых других работах (Архангельский, 2019)).

Для Свердловской области такая оценка может быть сделана двумя способами. Во-первых, на основе только однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. Они доступны за период с 1989 г. и, следовательно, на их основе могут быть рассчитаны показатели рождаемости для поколений начиная с 1974 г. р. (в 1989 г. женщины этого года рождения достигли начала репродуктивного возраста) (см. табл. 5). В этом случае можно будет рассчитать как среднее число рожденных детей, так и возрастные

Таблица 5

Среднее число рожденных детей в поколениях женщин 1974–1985 гг. р. в Свердловской области (на момент переписи населения 2010 г.)

Источник данных	Годы рождения женщин											
	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
По данным переписи населения 2010 г.	1,45	1,42	1,37	1,31	1,25	1,19	1,12	1,04	0,96	0,86	0,75	0,65
Оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости	1,45	1,43	1,37	1,33	1,26	1,20	1,13	1,05	0,99	0,91	0,79	0,68

Рассчитано по: данные Центра демографических исследований Российской экономической школы. http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data; Росстат.

индикаторы рождаемости в реальных поколениях, но только в целом по всем рожденьям, без дифференциации по очередности, так как за 2000–2009 гг. данные по очередности рождения по Свердловской области не разрабатывались.

Во-вторых, можно использовать данные переписи населения 2010 г. и к показателям рождаемости, рассчитанным на их основе, прибавлять ежегодные однолетние возрастные коэффициенты рождаемости в послепереписной период. Для такого расчета нужны показатели рождаемости по данным переписи населения 2010 г. для женщин каждого года рождения в отдельности. Их можно было получить на основе базы данных переписи, которая в течение некоторого времени была доступна ранее на сайте Росстата. При использовании такого расчета могут быть получены показатели рождаемости с поколений начала 1960-х гг. (более старшие поколения к переписи населения 2010 г. уже вышли из репродуктивного возраста, и для них прибавка возрастных коэффициентов рождаемости в послепереписной период не актуальна). Они могут быть рассчитаны дифференцированно по очередности рождения, но без возрастных характеристик.

Для оценки корректности расчета показателей рождаемости в реальных поколениях в Свердловской области на основе только однолетних возрастных коэффициентов рождаемости можно сравнить их величины на момент переписи населения 2010 г. (т. е. коэффициенты рождаемости за 2010 г. учитывались не целиком, а за период до середины октября) с данными переписи (см. табл. 5).

Среди поколений 1985 г. р. и старше только у женщин 1983 г. р. разница в показателях составляет 0,05. У женщин 1984 г. р. она равна 0,04, 1982 и 1985 гг. р. — 0,03, 1977 г. р. — 0,02. В остальных поколениях женщин показатели либо совпадают, либо разница составляет 0,01. Таким образом, можно говорить о близких величинах среднего числа рожденных детей в поколениях, рассчитанных по возрастным коэффициентам рождаемости и полученных по данным переписи населения 2010 г.

Говоря о том, какая разница в среднем числе рожденных детей, полученном из разных источников, может считаться существенной, сошлемся на авторитетное мнение С.В. Захарова, который отмечает, что «данные переписей населения 2002 и 2010 гг. хорошо согласуются между собой в отношении показателей для поколений второй половины 1940-х — 1950-х годов» (Вишне夫斯基, 2013, с. 319), приводя при этом величину этого показателя в целом по России, например, для женщин 1948–1952 гг. р. по данным переписи населения 2002 г., равную 1,88, а по переписи населения 2010 г. — 1,85; для женщин 1953–1957 гг. р. — соответственно 1,83 и 1,88, т. е. в первом случае разница составляет 0,03, а во втором — 0,05 (Вишне夫斯基, 2013, с. 321).

В то же время нельзя не отметить, что в тех поколениях, где есть разница, рассчитанный показатель всегда выше переписного.

Учитывая дифференциацию динамики показателей по очередности рождения, целесообразно использовать второй вариант расчета, т. е. добавление коэффициентов за послепереписной период к данным переписи населения 2010 г. Рассчитанные на начало 2023 г. показатели превышают полученные по данным переписи населения 2020 г. Это превышение может быть связано как с завышением показателей, рассчитанных с использованием коэффициентов рождаемости, так и с занижением их по данным переписи населения. О таком возможном занижении косвенно свидетельствует то, что для поколений, закончивших или заканчивающих в 2010 г. репродуктивный период, перепись населения 2020 г. показала меньшее число рожденных детей, чем перепись населения 2010 г.: у женщин, которым было 40–44 года, по переписи

2010 г. — 1,60, у 50–54-летних по переписи 2020 г. — 1,54; у 45–49- и 55–59-летних — 1,75 и 1,65 соответственно; у 50–54- и 60–64-летних — 1,88 и 1,78; у 55–59- и 65–69-летних — 1,90 и 1,82.

Учитывая возможное завышение или занижение показателей, видимо, акцентируем внимание не на их уровне, а на динамике. Среднее число рожденных детей в поколениях женщин в Свердловской области снижается до поколения 1971 г. р. У женщин, которые на 11–12 лет моложе, оно больше на 0,2. Это поколенческое повышение происходит за счет увеличения доли родивших второго ребенка среди родивших первого (на 13,4 п. п. у женщин 1984 г. р. по сравнению с поколением 1971 г. р.) и доли родивших третьего ребенка среди родивших второго (на 13,2 п. п. у женщин 1983 г. р. по сравнению с поколением 1966 г. р.) (см. табл. 6).

Оценка рождаемости для реальных поколений на основе возрастных коэффициентов в целом для России показывает, что после достижения наименьшей величины у женщин 1973 г. р. (1,58) среднее число рожденных детей в более молодых поколениях повышается, и пока наибольшее у женщин 1982 г. р. (1,69). В Свердловской области у женщин этого поколения, по оценке на основе возрастных коэффициентов, среднее число рожденных детей (1,77) на 0,08 больше. Эта разница, как и в других поколениях, начиная с 1978 г. р., больше, чем по данным переписи населения 2020 г. (см. табл. 4). Казалось бы, это дает основания говорить о завышении показателей рождаемости в реальных поколениях, рассчитанных с использованием возрастных коэффициентов рождаемости, в Свердловской области. Но здесь уместно вспомнить, что разница в величине суммарного коэффициента рождаемости, по сравнению с Россией в целом, еще больше. В период 2010–2022 гг. она ни разу не была меньше 0,1, а в 2013–2017 гг. превышала 0,15 (см. табл. 1).

Среднее число первых рождений в целом по России сокращается с 0,92 в поколениях 1962–1971 гг. р. до 0,88 в поколениях 1977–1979 гг. р. (в более молодых поколениях оно еще ниже, но может возрасти до конца репродуктивного периода).

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого после достижения наименьшей величины 54,2 % у женщин 1971 г. р. повышается до 66,1 % у женщин 1983 и 1984 гг. р. (до конца репродуктивного периода она у них еще возрастет). С. В. Захаров отмечает, что вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е гг. поколениями 1950–1960-х гг. р. (Захаров, 2016). В отношении поколений 1950-х гг. р. это, конечно, так. Но нужно иметь в виду не только величину этого показателя, но и динамику. У женщин 1946 г. р. величина этого показателя составляет 64,3 %, а у тех, кто моложе на 10 лет (1956 г. р.), она поднялась до 72,9 %, т. е. возросла на 8,6 п. п. Прирост у женщин 1983–1984 гг. р., по сравнению с 1971 г. р., существенно больше — 11,9 п. п.

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго после достижения наименьшей величины 23,9 % у женщин 1965 г. р. повышается до 32,6 % у женщин 1982 г. р. (до конца репродуктивного периода она у них еще возрастет), т. е. на 8,7 п. п. (см. табл. 6).

Косвенно судить о возможных тайминговых сдвигах, влияющих на динамику показателей рождаемости по вторым рождениям, можно по динамике разницы в среднем возрасте матери при рождении первого и второго ребенка (см. табл. 7). Эта разница не тождественна интервалу между рождением первого и второго ребенка. Для его оценки необходимо было бы использовать средний возраст матери при рождении

Таблица 6

Показатели рождаемости в поколениях женщин 1960–1985 гг. р. в целом по России и в Свердловской области (на начало 2023 г.; оценка на основе однопольных возрастных коэффициентов рождаемости)

Год рождения женщин	Среднее число рожденных детей		Среднее число первых рождений		Доля родивших второго ребенка среди родивших всего (%)		Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго (%)	
	Россия	Свердловская область	Россия	Свердловская область	Россия	Свердловская область	Россия	Свердловская область
1960	1,86	1,83	0,95	0,94	70,0	72,4	25,5	22,2
1961	1,83	1,81	0,94	0,94	68,9	70,7	25,0	21,9
1962	1,77	1,78	0,92	0,94	68,0	68,6	24,5	21,3
1963	1,74	1,73	0,92	0,94	66,4	66,5	24,1	19,8
1964	1,71	1,71	0,92	0,94	64,4	64,2	24,3	20,2
1965	1,69	1,68	0,92	0,93	62,4	62,3	23,9	19,8
1966	1,67	1,64	0,92	0,93	60,5	59,9	24,0	19,7
1967	1,65	1,63	0,92	0,93	58,6	57,8	24,3	20,5
1968	1,63	1,61	0,92	0,93	57,2	56,2	24,5	21,0
1969	1,63	1,58	0,93	0,92	56,1	55,4	24,7	20,1
1970	1,61	1,58	0,92	0,92	54,5	55,3	25,0	21,3
1971	1,60	1,57	0,92	0,92	54,2	54,4	25,4	21,4
1972	1,59	1,58	0,91	0,91	54,9	55,6	25,8	22,6
1973	1,58	1,59	0,89	0,91	55,7	56,5	26,6	22,8
1974	1,61	1,60	0,90	0,90	56,9	57,2	27,4	23,5
1975	1,62	1,62	0,89	0,90	57,9	58,4	28,3	25,4
1976	1,62	1,64	0,89	0,90	59,1	59,4	29,0	27,0
1977	1,64	1,65	0,88	0,90	60,6	60,3	30,1	27,2
1978	1,66	1,67	0,88	0,89	61,8	61,8	30,9	28,6
1979	1,68	1,71	0,88	0,89	62,6	62,7	31,6	31,3
1980	1,66	1,71	0,87	0,89	63,0	63,3	31,9	30,2
1981	1,66	1,73	0,86	0,89	63,9	64,1	32,4	32,7
1982	1,69	1,77	0,86	0,90	65,1	65,2	32,6	32,6
1983	1,68	1,77	0,86	0,90	66,1	66,3	32,2	32,9
1984	1,66	1,76	0,85	0,89	66,1	67,8	31,9	32,8
1985	1,61	1,72	0,83	0,88	65,0	66,0	31,6	31,9

Рассчитано по: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>); данные Росстата.

Таблица 7

**Средний возраст матери при рождении первого и второго ребенка
в поколениях женщин 1960–1985 гг. р. в целом по России (лет; на начало 2023 г.;
оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости)**

Год рождения женщин	Средний возраст матери при рождении:		Разница в среднем возрасте матери при рождении первого и второго ребенка
	первого ребенка	второго ребенка	
1960	22,96	26,53	3,57
1961	22,90	26,33	3,43
1962	22,89	26,24	3,35
1963	22,86	26,17	3,31
1964	22,81	26,16	3,35
1965	22,76	26,22	3,46
1966	22,71	26,39	3,68
1967	22,69	26,66	3,97
1968	22,69	27,01	4,32
1969	22,69	27,37	4,68
1970	22,74	27,76	5,02
1971	22,84	28,17	5,34
1972	22,98	28,57	5,59
1973	23,12	28,90	5,78
1974	23,29	29,18	5,90
1975	23,45	29,40	5,94
1976	23,69	29,63	5,94
1977	23,96	29,85	5,89
1978	24,17	29,96	5,79
1979	24,35	30,00	5,65
1980	24,44	29,98	5,54
1981	24,56	29,96	5,40
1982	24,70	29,91	5,22
1983	24,79	29,78	4,99
1984	24,82	29,52	4,70
1985	24,75	29,19	4,44

Рассчитано по: Human Fertility Database. <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>; Росстат.

первого ребенка только в отношении тех женщин, у которых впоследствии родился второй ребенок.

В поколениях 1950-х — начала 1960-х гг. р. происходило сокращение разницы между возрастом при рождении первого и второго ребенка с 4,53 года у женщин 1950 г. р. до 3,31 в поколении 1963 г. р. Возможно, отчасти это связано с реализацией в 1980-е гг. мер государственной помощи семьям с детьми.

Далее эта разница возрастает и достигает пока максимума у женщин 1975 и 1976 гг. р. (5,94 года) (см. табл. 7). В более молодых поколениях она сокращается, но пока у женщин, рожавших второго ребенка в годы после начала предоставления федерального материнского (семейного) капитала с 2007 г., не закончится репродуктивный период, нельзя корректно говорить о разнице между средним возрастом

при рождении первого и второго ребенка. Но, учитывая, что вероятность рождения второго ребенка в поколениях конца 1970-х — начала 1980-х гг. р. выше, чем первого, разница между средними возрастными их рождения у них несколько возрастет.

Более корректную оценку тайминговых сдвигов позволяют получить данные о среднем числе рожденных детей в реальных поколениях в тот или иной возрастной период (см. табл. 8). При этом не нужно ждать завершения репродуктивного периода тем или иным поколением женщин. О тайминговых сдвигах, связанных с более ранним рождением детей, будет свидетельствовать повышение среднего числа рожденных детей в более молодых возрастах и снижение его в этих же поколениях в более старших возрастах. О тайминговых сдвигах, связанных с откладыванием рождения детей, будет свидетельствовать, наоборот, снижение среднего числа рожденных детей в более молодых возрастах и повышение его в этих же поколениях в более старших возрастах.

Снижение среднего числа вторых рождений в возрасте до 30 лет продолжалось до поколения 1977 г. р. и не менялось у женщин 1978–1980 гг. р. С поколения 1981 г. р. оно немного повышается, но не происходит снижения этого показателя в более старших возрастах.

Таблица 8

Среднее число вторых рождений по возрастным группам в поколениях женщин 1970–1990 гг. р. в целом по России (лет; на начало 2023 г.; оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости)

Год рождения женщины	Среднее число вторых рождений в возрасте:			
	до 30 лет	30–32 года	30–34 года	35–39 лет
1970	0,34	0,07	0,10	0,05
1971	0,32	0,08	0,11	0,05
1972	0,30	0,08	0,12	0,06
1973	0,29	0,08	0,12	0,07
1974	0,29	0,09	0,13	0,07
1975	0,29	0,09	0,14	0,07
1976	0,28	0,10	0,15	0,08
1977	0,27	0,11	0,17	0,08
1978	0,27	0,11	0,18	0,08
1979	0,27	0,12	0,18	0,08
1980	0,27	0,12	0,18	0,08
1981	0,28	0,12	0,19	0,08
1982	0,28	0,13	0,20	0,08
1983	0,29	0,14	0,20	0,07
1984	0,30	0,14	0,20	—
1985	0,30	0,13	0,19	—
1986	0,31	0,12	0,17	—
1987	0,34	0,12	0,17	—
1988	0,33	0,11	0,16	—
1989	0,32	0,10	—	—
1990	0,31	0,09	—	—

Рассчитано по: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>); данные Росстата.

Только начиная с поколения 1985 г. р. снижается среднее число вторых рождений в возрастах 30–32 года и в более широком интервале 30–34 года. При этом наиболее существенное повышение этого показателя в возрасте до 30 лет происходит в поколении 1987 г. р., а начиная с поколения 1988 г. р. оно уже несколько снижается.

Таким образом, о тайминговых сдвигах, связанных с программой федерального материнского (семейного) капитала, вероятно, больше оснований говорить применительно не к началу ее реализации в 2007 г., а к периоду приближавшегося завершения первоначально установленного срока ее действия (до конца 2016 г.).

Заключение

Анализ тенденций рождаемости в целом по России и в Свердловской области показал, что ее повышение до 2015 г. сменилось снижением в последующие годы. Различная динамика суммарного коэффициента рождаемости по очередности рождения свидетельствует о том, что она определяется разными факторами. Очень низкая величина этого показателя по первым рождениям, вероятно, во многом обусловлена тайминговыми сдвигами, откладыванием первых рождений в связи с откладыванием браков. Снижение показателей по вторым рождениям, вероятно, началось осенью 2016 г. после прекращения тайминговых сдвигов из-за более раннего их рождения в связи с приближавшимся первоначально установленным сроком завершения программы федерального материнского (семейного) капитала.

Среднее число рожденных детей в более молодых поколениях несколько повышает-ся. Снижается среднее число первых рождений, т. е. возрастает доля женщин, не родивших ни одного ребенка. Но это снижение компенсируется повышением доли родивших второго и третьего ребенка среди родивших ребенка предыдущей очередности.

Список источников

Архангельский, В. Н. (2016). Рождаемость в реальных поколениях — возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее. В: *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сборник статей VII Уральский демографического форума с международным участием, I* (с. 24–38). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Архангельский, В. Н. (2019). Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия. *Экономика. Налоги. Право*, 12(2), 59–69. <http://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69>

Вишневский, А. Г. (Ред.) (2013). *Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад*. Москва: Изд. дом ВШЭ, 530.

Захаров, С. В. (2016). Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2. *Демографическое обозрение*, 3(4), 6–26

Захаров, С. В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению. *Демографическое обозрение*, 10(1), 4–43. <http://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259>

Попова, Л. А. (2018). Тенденции и перспективы рождаемости населения России в контексте современной просемейной политики. В: *Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера — 2018. Сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Часть 1* (с. 166–174). Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография».

Рязанцев, С. В. (Ред.) (2022). *Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад*. Москва: ИТД «Перспектива», 108. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022>

Синельников, А. Б. (2019). Трансформация брака и рождаемость в России. *Народонаселение*, 2, 26–39. <http://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013>

Фрейка, Т., Захаров, С. В. (2014). Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 1 (1), 106–143.

Шарилова, Е. Е. (2019). Статистическая оценка сопряженности динамики рождаемости и брачности в Республике Беларусь. В: *Социально-экономическое развитие России и регионов в цифрах статистики, Том 2* (с. 186–194). Тамбов: Издательский дом «Державинский».

References

Arkhangelskiy, V. N. (2016). Fertility in real generations is an opportunity to assess the past and look into the future. In: *Dinamika i inertsiyonnost vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG. Sbornik statey VII Uralskiy demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem, I [Dynamics and inertia of population reproduction and population replacement in Russia and the CIS. Collection of articles of the VII Ural Demographic Forum with international participation, I]* (pp. 24–38). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Arkhangelskiy, V. N. (2019). Fertility in real generations of Russian women: Trends and regional differences. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, taxes & law]*, 12 (2), 59–69. <http://doi.org/10.26794/1999-849X.2019-12-2-59-69> (In Russ.)

Freika, T., & Zakharov, S. V. (2014). Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]*, 1 (1), 106–143. (In Russ.)

Popova, L. A. (2018). Trends and prospects of the birth rate of the Russian population in the context of modern pro-family policy. In: *Aktualnye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditelnykh sil Severa — 2018. Sbornik statey Shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), chast 1 [Actual problems, directions and mechanisms of development of productive forces of the North - 2018. Collection of articles of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). Part 1]* (pp. 166–174). Syktyvkar: Komi Republican Printing House LLC. (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (Ed.) (2022). *Demograficheskoe blagopoluchie Rossii. Natsionalnyy demograficheskii doklad [Demographic well-being of Russia. National Demographic Report]*. Moscow: «Perspektiva», 108. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022> (In Russ.)

Sharilova, E. E. (2019). Statistical assessment of the correlation of the dynamics of fertility and marriage in the Republic of Belarus. In: *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Rossii i regionov v tsifrah statistiki. Tom 2 [Socio-economic development of Russia and the regions in statistical figures. Volume 2]* (pp. 186–194). Tambov: Publishing House Derzhavinsky. (In Russ.)

Sinelnikov, A. B. (2019). Transformation of marriage and fertility in Russia. *Narodonaselenie [Population]*, 2, 26–39. <http://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013> (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (Ed.) (2013). *Naselenie Rossii 2010–2011. Vosemna-dtsatyy-devyatnadsatyy ezhegodnyy demograficheskii doklad [The population of Russia 2010–2011. The eighteenth-nineteenth annual demographic report]*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 530. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2016). Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]*, 3(4), 6–26. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2023). The history of fertility in Russia: from generation to generation. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 10(1), 4–43. <http://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259> (In Russ.)

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики научно-исследовательской лаборатории экономики народонаселения и демографии Экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

About the author

Vladimir N. Arkhangelsiy — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Population Reproduction and Demographic Policy Sector, Research Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632> (1/46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

УДК 314.1

JEL classification: J11

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-2>

Статистический анализ региональных различий рождаемости населения в Российской Федерации¹

Е. А. Долгих^а, Л. А. Давлетшина^б

^{а, б} Государственный университет управления (г. Москва, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0003-2266-3326>

^б <https://orcid.org/0000-0002-1497-1751>

Автор для корреспонденции: Л. А. Давлетшина (fille_777@mail.ru).

Аннотация. Целью статьи является оценка тенденций рождаемости в регионах Российской Федерации, выявление региональных различий и особенностей, а также оценка влияния факторов на рождаемость. В статье рассмотрены тенденции численности родившихся и общих коэффициентов рождаемости в Российской Федерации и ее регионах за период с 2007 по 2021 г. Выполнен анализ однородности субъектов по значению коэффициентов рождаемости. Исследовано влияние регионального фактора на исследуемое явление. Дана количественная характеристика влияния основных факторов на рождаемость. Выполнена группировка субъектов Российской Федерации по значениям коэффициентов рождаемости и заработной платы.

Ключевые слова: рождаемость; демография; демографическая политика; брачность; заработная плата

Statistical Analysis of Regional Fertility Differences in the Russian Federation

E. A. Dolgikh^а, L. A. Davletshina^б

^{а, б} State University of Management (Moscow, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0003-2266-3326>

^б <https://orcid.org/0000-0002-1497-1751>

Corresponding author: L. A. Davletshina (fille_777@mail.ru).

Abstract. The article aims to examine fertility trends in Russian regions, identify regional differences and peculiarities, as well as to assess the impact of various factors on fertility. Trends in the number of births and total fertility rates in the Russian Federation and its regions are studied for the period 2007–2021. Homogeneity of regions by the value of fertility rates is analysed. Additionally, the research assesses the influence of the regional factor on the phenomenon and presents a quantitative characterisation of the influence of main factors on fertility. Russian regions are grouped according to the values of fertility rates and wages.

Keywords: fertility; demography; demographic policy; marital status; wages

Введение

Вопросы, связанные с изучением народонаселения, исторически являются актуальными, поскольку население — это участник любого экономического процесса, а также потребитель его результатов. При изучении человеческого развития и формировании соответствующего индекса Организация Объединенных Наций использует, в частности, показатель ожидаемой продолжительности жизни. Это также

---

¹ © Долгих Е. А., Давлетшина Л. А. Текст. 2024.

подчеркивает необходимость постоянного всестороннего исследования процессов естественного и миграционного движения населения.

Одной из основных характеристик населения является рождаемость. Данная проблема в нашей стране существует достаточно давно, что подтверждается реализацией Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года начиная с октября 2007 года¹. При этом следует отметить, что с 2012 г. активизировалась региональная политика в области демографии, и меры, принимаемые в регионах, были различными. В связи с вышеизложенным особую важность получает оценка региональных различий рождаемости населения.

Основная часть

Вопросы изучения рождаемости и факторов, влияющих на нее, широко освещаются в работах А. Ландри, А. Г. Вишневого, Н. В. Зверевой, А. Г. Коровкина, В. М. Медкова, Б. Ц. Урланиса и др.

Основные тенденции рождаемости в России рассматриваются в работах В. Н. Архангельского, А. Г. Вишневого, Л. Л. Рыбаковского, А. Б. Синельникова и др.

В исследовании использованы следующие показатели рождаемости:

— численность родившихся для характеристики основных тенденций по стране в целом;

— общий коэффициент рождаемости (далее — коэффициент рождаемости) для сравнительной оценки федеральных округов и субъектов.

В целом по Российской Федерации за период с 2007 г. по 2022 г. численность родившихся снизилась на 309 тыс. чел. (или на 19 %) и составила в 2022 г. 1304,1 тыс. чел. При этом внутри рассматриваемого периода тенденции менялись. Так, с 2008 г. по 2012 г. значение рассматриваемого показателя ежегодно увеличилось. После снижения в 2013 г. на 0,3 % в 2014 г. снова зафиксирован его рост (на 2,5 %). Начиная с 2015 г. наметилась тенденция к ежегодному снижению численности родившихся в Российской Федерации. Отчасти это может объясняться снижением доли населения в детородном возрасте (с 45,5 % в 2015 г. до 43,6 % в 2021 г.)².

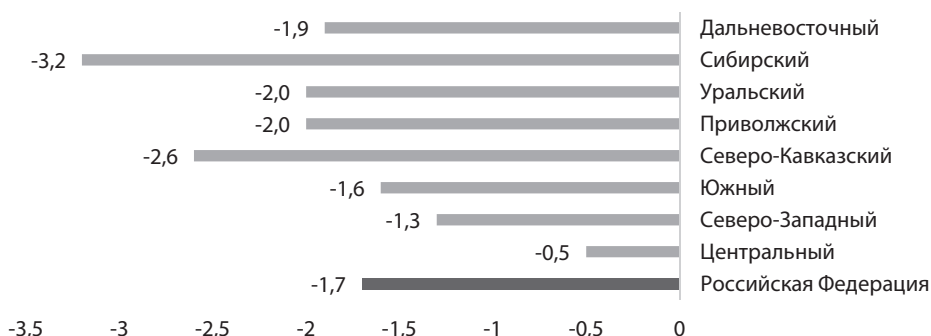
Что касается динамики коэффициента рождаемости, то она практически совпадает с динамикой численности родившихся. Исключение составляет только 2015 г., когда по сравнению с 2014 г. изменений значения показателя не произошло. Так, в 2022 г. в Российской Федерации коэффициент рождаемости был равен 8,9 ‰.

Наибольшее снижение коэффициента рождаемости произошло в Сибирском федеральном округе, где оно составило 3,2 п. п. (рис. 1). Также оно сравнительно велико в Северо-Кавказском федеральном округе (2,6 п. п.). Наименьшее снижение значения рассматриваемого показателя произошло в Центральном федеральном округе, где оно составило 0,5 п. п.

Тенденция изменения коэффициента рождаемости в разрезе субъектов страны были различны. Практически во всех субъектах за период с 2007 г. по 2021 г. значения показателя снизились. Наиболее заметное снижение произошло в Чеченской Республике (на 8 п. п.), причем данный субъект является лидером по уровню рождаемости. Также довольно заметное снижение наблюдалось в Республике Алтай (на 7 п. п.)

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. №1351. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299>

² Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

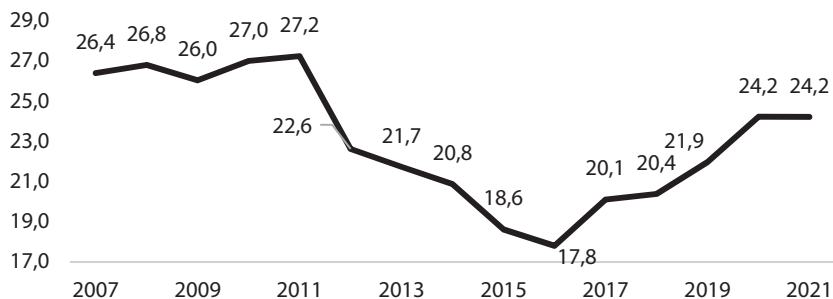
Рис. 1. Динамика коэффициентов рождаемости по федеральным округам Российской Федерации за период с 2007 г. по 2021 г., n. n. (источник: сост. авторами)

и Чукотском автономном округе (на 5,1 п. п.). Важно отметить, что в трех субъектах за рассматриваемый период коэффициент рождаемости увеличился: в Московской области, г. Москва и г. Санкт-Петербург (на 0,2 п. п., 1,2 п. п. и 0,8 п. п. соответственно). (Зырянова, 2022)

В целом совокупность субъектов Российской Федерации является однородной по значению коэффициентов рождаемости: коэффициент вариации принимал значения от 17,7 % в 2016 г. до 27,2 % в 2011 г. В 2021 г. его значение составило 24,2 % (рис. 2).

Несмотря на однородность совокупности значение коэффициента рождаемости в регионах варьирует.

В 2007 г. в 38 субъектах Российской Федерации оно было ниже среднего значения по стране, в 42 субъектах, — напротив, выше. При этом в Приморском крае коэффициент рождаемости был равен среднероссийскому значению. К 2021 г. ситуация поменялась: в 47 субъектах значение рассматриваемого показателя стало ниже среднего по стране. Коэффициент рождаемости превышал среднее значение по Российской Федерации в 34 субъектах, а в 4 он был ему равен (в Карачаево-Черкесской, Удмуртской республиках, Республике Крым и Ставропольском крае). Важно учесть, что с 2014 г. публикуются данные по новым субъектам — Республике Крым и г. Севастополь, в которых складывается сравнительно благополучная ситуация с рождаемостью. Так, в г. Севастополь значение рассматриваемого показателя превышает среднероссийское

Рис. 2. Коэффициенты вариации коэффициентов рождаемости в субъектах Российской Федерации за период с 2007 г. по 2021 г., % (источник: сост. авторами)

и составило в 2021 г. 8,2 %. Можно констатировать ухудшение общей по стране ситуации, связанной с рождаемостью.

Лидером по значению рассматриваемого показателя за период с 2007 г. по 2019 г. была Чеченская Республика, а минимальное значение наблюдалось в Ленинградской области. В 2020 г. ситуация изменилась, и максимальное значение уровня рождаемости зафиксировано в Республике Тыва (Абылкаликов, 2021). Лидирующую позицию республика занимала и в 2021 г., когда коэффициент рождаемости составил 19,9 %. За два последних года минимальное значение показателя наблюдалось в Смоленской области, где оно продолжило снижаться, составив 7,0 % в 2020 г. и 6,7 % в 2021 г.

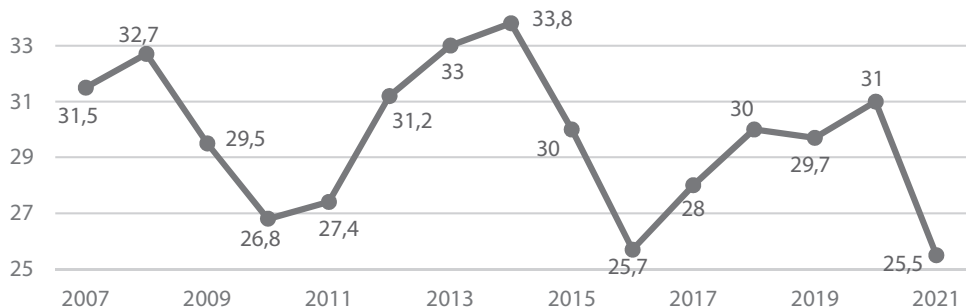
При анализе коэффициентов рождаемости в разрезе федеральных округов можно сделать вывод, что максимальное значение показателя в 2021 г. наблюдалось в Северо-Кавказском федеральном округе (13,1 %), а минимальное — в Северо-Западном. В 4 федеральных округах значения коэффициентов рождаемости были ниже среднероссийского, а в 4 — выше (рис. 3).

Безусловно, при анализе рождаемости нужно учитывать экономические и культурные особенности регионов. Так, наиболее благополучными с точки зрения значений коэффициентов рождаемости являются субъекты Северо-Кавказского федерального округа. Одной из причин является то, что женщины в рассматриваемых субъектах вступают в брак в очень раннем возрасте. В 2020 г. в данном федеральном округе процент браков, заключенных женщинами до 18 лет, был наивысшим и составил 0,95 %. Также наблюдается максимальная доля браков среди женщин в возрасте от 18 до 24 лет (53,5 %). Чем раньше женщина выйдет замуж, тем больше у нее возможностей стать матерью несколько раз. Так, численность родившихся живыми в расчете на 1000 женщин в возрасте 15–19 лет в Северо-Кавказском федеральном округе была максимальной и составила в 2020 г. 23,3 %. Стоит отметить, что ранние браки часто заключаются под влиянием религиозного уклада и культурных ценностей в регионе (Черкасов и др., 2020).

Для оценки степени влияния регионального фактора на рождаемость рассчитаны коэффициенты детерминации (рис. 4).

Рис. 3. Значения коэффициентов рождаемости в федеральных округах Российской Федерации в 2021 г., % (источник: сост. авторами)

Рис. 4. Коэффициенты детерминации коэффициентов рождаемости в субъектах Российской Федерации за период с 2007 по 2021 гг., % (источник: сост. авторами)

На основании выполненных расчетов можно сделать вывод, что региональный фактор действительно оказывает заметное влияние на рождаемость. Несмотря на наличие колебаний коэффициентов детерминации, процент влияния регионального фактора не принимал значение ниже 25,5 % (в 2021 г.). Наиболее сильное влияние было отмечено в 2014 г., когда оно было равно 33,8 %.

Очевидно, что на рождаемость оказывает влияние не только региональный фактор. В условиях эпидемиологической обстановки, в которой страна находилась в последние годы, интерес вызывает изучение взаимосвязи уровня рождаемости и заболеваемости населения. Под заболеваемостью в данном исследовании понимается число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни (на 1000 чел.).

В 2007 г. данные факторы не были взаимосвязаны (линейный коэффициент корреляции был равен 0,02). В последние три года влияние заболеваемости на рождаемость стало более заметным (значения коэффициентов корреляции составили $-0,11$; $-0,14$ и $-0,20$ в 2019, 2020 и 2021 гг. соответственно). Рассматриваемая взаимосвязь является обратной, то есть с ростом заболеваемости снижается рождаемость. При этом следует констатировать, что связь достаточно слабая, лишь в 2021 г. ее можно назвать умеренной. Интерес вызывает тот факт, что минимальное значение заболеваемости в 2021 г. наблюдалось в Кабардино-Балкарской Республике (459,5 заболеваний на 1000 чел.), а коэффициент рождаемости в субъекте имел достаточно высокое значение — 12,1 ‰. При этом максимальная заболеваемость отмечена в Ямало-Ненецком автономном округе (1308,4 заболевания на 1000 чел.), а значение коэффициента рождаемости превышает не только среднероссийское значение, но и значение в предыдущем рассматриваемом субъекте, и составило 12,6 ‰ (Лунева и др., 2019).

Умеренное влияние на рождаемость оказывает брачность населения. Ввиду нелинейности взаимосвязи рассматриваемых показателей для оценки степени ее тесноты был рассчитан ранговый коэффициент корреляции Спирмена, составивший в 2021 г. 0,23. Таким образом, взаимосвязь является умеренной. Отсутствие сильной связи между брачностью и рождаемостью обусловлено тем, что многие дети рождаются у женщин, не состоящих в зарегистрированных браках. Причем значение данного показателя имеет тенденцию к росту. Так, в 2020 г. оно составило 21,7 %, увеличившись по сравнению с предыдущим на 0,8 п. п.

Более заметное влияние на рождаемость оказывает среднемесячная номинальная начисленная заработная плата сотрудников организаций (далее — заработная плата).

Значение рангового коэффициента корреляции Спирмена составило 0,29 в 2021 г. С целью выявления регионов, в которых складывается похожая ситуация, выполнена группировка по значениям рождаемости и заработной платы с использованием статистических данных по 85 субъектам Российской Федерации за 2021 г. (табл. 1, 2).

Таблица 1

Группировка субъектов Российской Федерации по значениям коэффициентов рождаемости и заработной платы за 2021 г.

Заработная плата, руб.	Коэффициент рождаемости, ‰			
	низкий	ниже среднего	выше среднего	высокий
Низкая	7	6	4	5
Ниже средней	10	5	4	1
Выше средней	2	7	6	6
Высокая	2	3	8	9

Источник: сост. авторами.

Таблица 2

Группировка регионов по значениям рождаемости и заработной плате

Заработная плата	Коэффициент рождаемости			
	Низкий	Ниже среднего	Выше среднего	Высокий
Низкая	Области: Брянская, Ивановская, Костромская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Республика Мордовия	Области: Ярославская, Псковская, Кировская, Ульяновская, Чувашская Республика, Алтайский край	Республики: Адыгея, Калмыкия, Карачаево- Черкесская, Марий Эл	Республики: Дагестан, Ингушетия, Кабардино- Балкарская, Северная Осетия- Алания, Чеченская
Ниже средней	Области: Владимирская, Воронежская, Курская, Липецкая, Рязанская, Смоленская, Тверская, Новгородская, Волгоградская, Саратовская	Области: Ростовская, Нижегородская, Курганская, Омская, г. Севастополь	Республики: Крым, Удмуртская, Оренбургская область, Ставропольский край	Республика Алтай
Выше средней	Области: Белгородская, Тульская	Области: Калужская, Вологодская, Калининградская, Самарская, Кемеровская, Томская, Республика Карелия	Области: Свердловская, Челябинская, Республики: Башкортостан, Хакасия, Еврейская авт. об- ласть	Области: Астраханская, Новосибирская, Республики: Татарстан, Тыва, Бурятия, Краснодарский край

Окончание табл. 2 на след. стр.

Зароботная плата	Коэффициент рождаемости			
	Низкий	Ниже среднего	Выше среднего	Высокий
Высокая	Области: Архангельская, Ленинградская	Области: Мурманская, Магаданская, Республика Коми	Области: Московская, Амурская, Края: Красноярский, Камчатский, Приморский, Хабаровский, Чукотский авт. округ г. Санкт-Петербург	г. Москва, Ненецкий, Ханты- Мансийский, Ямало-Ненецкий авт. округа, Области: Тюменская, Иркутская, Сахалинская, Республика Саха, Забайкальский край

Источник: сост. авторами.

Самая неблагополучная группа — это субъекты, у которых низкий коэффициент рождаемости и низкий уровень заработной платы. Таких субъектов насчитывается 7, из которых 5 принадлежит Центральному федеральному округу (Брянская, Ивановская, Костромская, Орловская и Тамбовская области), а 2 — Приволжскому (Республика Мордовия и Пензенская область). Также следует отметить самую наполненную группу (10 субъектов), в которой наблюдается также низкий коэффициент рождаемости и уровень заработной платы ниже среднего (не превышающий 41 369 руб.). Основу группы составляют субъекты Центрального федерального округа, которых насчитывается 7. Также в нее вошли по одному субъекту Северо-Западного, Южного и Приволжского федеральных округов (соответственно Новгородская, Волгоградская и Саратовская области).

Сравнительно много субъектов попали в наиболее благополучную группу, характеризующуюся наивысшими значениями как уровней заработной платы, так и коэффициентов рождаемости. В ее составе насчитывается 9 субъектов, треть которых относятся к Уральскому федеральному округу (Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), треть — к Дальневосточному (Республика Саха, Забайкальский край и Сахалинская область). В данную группу также вошли г. Москва, Ненецкий автономный округ и Иркутская область.

К достаточно благополучным относятся группы субъектов, в которых коэффициент рождаемости высокий, а заработная плата выше среднего (6 субъектов), и в которых коэффициент рождаемости выше среднего, а заработная плата высокая (8 субъектов, среди которых г. Санкт-Петербург и Московская область).

Нельзя не обратить внимание на субъекты, которые попали в группу с высоким уровнем заработной платы и низкими значениями коэффициентов рождаемости. В нее вошли два субъекта: Архангельская и Ленинградская области.

Низкий уровень рождаемости Архангельской области отчасти объясняется тем, что в ней доля женщин в фертильном возрасте среди всех женщин одна из самых низких и составляет 41,2 % на 1 января 2022 г. В целом средний возраст женщин области равен 43,7 года.

Интересно, что в Ленинградской области в 2021 г. родилось 12,9 тыс. чел., а численность воспитанников в дошкольных учреждениях была равна 88,1 тыс. чел. При этом резких изменений в рождаемости не наблюдалось. В связи с этим можно

предположить, что женщины, проживающие в Ленинградской области, выбирают родильные дома, расположенные в г. Санкт-Петербург, где и фиксируется рождаемость. Этим объясняется низкий уровень рождаемости в области.

Интерес представляет группа субъектов, у которых при низком уровне заработной платы коэффициенты рождаемости являются высокими. Она насчитывает 5 субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ (Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкарская и Чеченская республики). Такая ситуация в рассматриваемых субъектах отчасти может объясняться ментальностью жителей. К примеру, данные республики характеризуются минимальными значениями по числу аборт в расчете на 1000 женщин фертильного возраста (от 5 в Республике Ингушетия до 11 в Чеченской Республике в 2020 г. при среднероссийском значении, равном 16).

Заключение

В 2022 г. Росстат провел выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. По мнению респондентов, государство должно создавать условия для того, чтобы в семьях рождалось большее число детей, если оно слишком мало, путем создания для этого необходимых условий (41,6 % среди женщин и 39,6 % среди мужчин). Также достаточно велика доля тех, кто считает, что государство обязано помогать семьям иметь столько детей, сколько они хотят (40,2 % и 38,8 % женщин и мужчин соответственно) (Вяльшина и др., 2022).

На стимулирование рождаемости направлен национальный проект «Демография» (Антипина и др., 2020). Одним из возможных путей для поддержания имеющегося уровня рождаемости и его повышения является материнский капитал. Такая мера реализуется на федеральном уровне, а также в большинстве субъектов нашей страны. Сумму регионального материнского капитала определяют, соответственно, региональные власти. Следует отметить, что во многих субъектах его дают за третьего и последующих детей (Синдяшкина, 2021).

Таким образом, для повышения рождаемости в регионах нашей страны важными представляются не только использование дифференцированных мер, но и учет влияющих различных факторов на рождаемость (Ростовская & Золотарева, 2022).

Список источников

- Абылкаликов, С. И. (2021). Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс. *Новые исследования Тувы*, 4, 131–142.
- Антипина Н. М., Жигирева Е. Г., Гусева Т. А., Лыкова В. П. (2020). Материнский капитал: практика государственной поддержки рождаемости. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 5–1 (63), 24–31.
- Вяльшина А. А., Ножкина И. А., Шалаева С. С. (2022). Гендерные различия в репродуктивных ориентациях и отношении современной молодежи к мерам социальной поддержки рождаемости. *Региональные агросистемы: экономика и социология*, 4, 53–63.
- Зырянова, М. А. (2022). Рождаемость в период пандемии Covid-19: причины формирования динамики. *Вопросы управления*, 5 (78), 66–80.
- Лунева, И. С., Иванова, О. Ю., Хардииков, А. В., Абросимова, Н. В. (2019). Факторы, влияющие на рождаемость в современной России. *Российский вестник акушера-гинеколога*, 19(2), 14–20.
- Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А. (2022). Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации. *Вопросы управления*, 3 (76), 6–18.

Синдяшкина, Е. Н. (2021). Отражение демографической политики в показателях рождаемости в России. *Социально-трудовые исследования*, 1(42), 75–85.

Черкасов, А. А., Белозёров, В. С., Щитова, Н. А., Сопнев, Н. В. (2020). Геоинформационный мониторинг демографических процессов в регионах юга Европейской России. *Материалы Международной конференции ИнтерКарто. ИнтерГИС*, 26(1), 127–140. <http://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-127-140>

References

Abylkalikov, S. I. (2021). Features of the demographic development of Tuva: contribution of migration to the demographic balance. *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*, 4, 131–142. (In Russ.)

Antipina, N. M., Zhigireva, E. G., Guseva, T. A., & Lykova, V. P. (2020). Mother's capital: practice of state fertility support. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and business: theory and practice]*, 5-1(63), 24–31. (In Russ.)

Cherkasov, A. A., Belozero, V. S., Shchitova, N. A., & Sopnev, N. V. (2020). Geoinformation monitoring of demographic processes in the regions of the South of European Russia. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii InterKarto. InterGIS [Proceedings of the International conference "InterCarto. InterGIS"]*, 26(1), 127–140. <http://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-127-140> (In Russ.)

Lunyova, I. S., Ivanova, O. Iu., Khardikov, A. V., & Abrosimova, N. V. (2019). Factors influencing the birth rates in modern Russia. *Rossiyskiy vestnik akushera-ginekologa [Russian Bulletin of Obstetrician-Gynecologist]*, 19(2), 14–20. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., & Zolotareva, O. A. (2022). Demographic stability as a priority of the RF demographic policy. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*, 3(76), 6–18. (In Russ.)

Sindyashkina, E. N. (2021). Reflection of demographic policy in fertility rates in Russia. *Sotsialno-trudovye issledovaniya [Social and labor research]*, 1(42), 75–85. (In Russ.)

Vyalshina, A. A., Nozhkina, I. A., & Shalaeva, S. S. (2022). Gender differences in reproductive orientations and attitude of modern youth to measures of social fertility support. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya [Regional agrosystems: economics and sociology]*, 4, 53–63. (In Russ.)

Zyryanova, M. A. (2022). Fertility in the COVID-19 pandemic: dynamics reasons. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*, 5(78), 66–80. (In Russ.)

Информация об авторах

Долгих Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и финансов, доцент, Государственный университет управления; <https://orcid.org/0000-0003-2266-3326> (Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, 99; e-mail: ekaterina-d@inbox.ru).

Давлетшина Лейсан Анваровна — кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и финансов, доцент, Государственный университет управления; <https://orcid.org/0000-0002-1497-1751> (Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, 99; e-mail: file_777@mail.ru).

About the authors

Ekaterina A. Dolgikh — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Institute of Economics and Finance, Associate Professor, State University of Management; <https://orcid.org/0000-0003-2266-3326> (99, Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation; e-mail: ekaterina-d@inbox.ru).

Leysan A. Davletshina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Institute of Economics and Finance, Associate Professor, State University of Management; <https://orcid.org/0000-0002-1497-1751> (99, Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation; e-mail: file_777@mail.ru).

УДК 314.335.044

JEL classification: J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-3>

Новые тенденции абортов и контрацепции в России¹

Н. Е. Русанова^a, Л. В. Ерофеева^b

^a ИСЭПН ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1859-2345>

^b Негосударственное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет „Синергия”» (г. Москва, Россия).

Автор для корреспонденции: Н. Е. Русанова (ninrus238@mail.ru).

Аннотация. В современном контрацептивно грамотном обществе нет прямой связи между искусственным прерыванием беременности и рождаемостью. Изменения в предпочтениях текущей фертильности, а также отказ от постоянных методов предохранения могут привести к росту нежелательной беременности, но устойчивая тенденция последних десятилетий к снижению числа абортов несколько притормозилась. Пока нельзя однозначно утверждать, что впереди их рост, поскольку причиной текущего увеличения является облегчение доступности медикаментозных абортов благодаря телемедицине; одной из причин может быть и улучшение учета этих онлайн-процедур. Отмечаемый в России рост добровольных стерилизаций нельзя трактовать однозначно, поскольку современные вспомогательные репродуктивные технологии делают их принципиально обратимыми.

Ключевые слова: аборт; контрацепция; стерилизация; регулирование рождаемости

New Trends in Abortion and Contraception in Russia

N. E. Rusanova^a, L. V. Erofeeva^b

^a Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1859-2345>

^b Moscow University for Industry and Finance «Synergy» (Moscow, Russia).

Corresponding author: N. E. Rusanova (ninrus238@mail.ru).

Abstract. In modern society, where knowledge about contraception is widespread, there is no direct link between induced abortion and fertility. Changes in current fertility preferences, as well as the rejection of permanent contraception methods, can lead to an increase in unwanted pregnancies, but the steady trend of recent decades towards a decrease in the number of abortions has somewhat «slowed down». It is not yet clear that there would be an increase, since the reason for the current increase is the availability of medical abortions through telemedicine; one of the reasons could be a better recording of those online procedures. The growth of voluntary sterilisations noted in Russia cannot be interpreted unambiguously, since modern assisted reproductive technologies make them fundamentally reversible.

Keywords: abortion; contraception; sterilisation; birth control

Введение

В марте 2022 г. ВОЗ опубликовала новое руководство по оказанию помощи, связанной с прерыванием беременности, призванное помочь предотвратить более 25 млн небезопасных абортов, происходящих в мире ежегодно. Этот документ заменил версию клинического справочника 2014 г., который признавал, что процедуры

¹ © Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. Текст. 2024.

и техника выполнения искусственного аборта на ранних стадиях просты и безопасны, и если прерыванием беременности занимаются квалифицированные медицинские работники, используя для этого адекватное оборудование, правильную методику и соблюдая санитарно-гигиенические стандарты, то аборт является одним из самых безопасных медицинских вмешательств¹. Обновленные указания были представлены на 33 Конгрессе Международной конфедерации акушерок на Бали и предназначались для широкого круга работников здравоохранения, участвующих в оказании услуг по прерыванию беременности, от акушерок до врачей, медсестер и фармацевтов. На основе новейших научных данных здесь приводится более 50 рекомендаций по вопросам клинической практики, предоставления услуг здравоохранения и законодательных и программных мер в поддержку оказания качественной помощи, связанной с прерыванием беременности. Главный смысл в том, что прерывание беременности, выполняемое в соответствии с рекомендациями ВОЗ, является простой и безопасной медицинской процедурой, поэтому должно быть доступно абсолютно всем и всегда².

Появление этого документа отражало, с одной стороны, периодически обостряющиеся дискуссии о принципиальной допустимости аборт, а с другой — возможности современной медицины и развитие самосохранительного поведения населения: не смотря на доминирующую тенденцию снижения числа аборт, в 2021 г. в некоторых странах их стало больше из-за расширения доступности телемедицинских консультаций, позволяющих прервать беременность самостоятельно в домашних условиях³. В 2021 г. в Англии и Уэльсе было сделано 214869 аборт, максимальное число за всю историю, на 4 тыс. больше, чем в предшествующий год. Так называемые «аборт своими руками», когда женщина получает таблетки для прерывания беременности после видеосвязи с врачом, вводились в 2020 г. как временная мера в пандемию ковида, затем в ходе общественных консультаций до 70 % жителей Великобритании поддержали завершение программы, но после проабортного лоббирования парламент проголосовал за постоянную легализацию домашнего аборта как одной из служб телемедицины. Это произошло вопреки общественному мнению и несмотря на растущее число сообщений о росте насилия именно на фоне принудительных аборт: около 15 % женщин в опросах подтверждали, что сделали аборт под давлением, около 71 % английских респондентов выразили обеспокоенность тем, что женщины сделали медикаментозный аборт дома, после консультации по телефону или видео, а 86 % врачей общей практики подтвердили опасения по поводу реальной тенденции заставлять женщин делать аборт⁴.

В связи с этим актуальным стал вопрос о ситуации с абортами в России, где в последние годы его обсуждение происходит на разных уровнях с участием представителей самых разных общественных организаций и профессиональных сообществ. Изучение этого вопроса по данным общедоступных статистических и социологических данных является целью работы.

¹Безопасный аборт: Рекомендации для систем здравоохранения по вопросам политики и практики. Женева: ВОЗ. Европейское региональное бюро. 2004. С. 15.

²ВОЗ опубликовала новое руководство по оказанию помощи, связанной с безопасным прерыванием беременности. <https://www.who.int/europe/ru/news/item/09-03-2022-who-releases-new-guidelines-on-safe-abortion>

³Liczba aborcji w Anglii i Walii rekordowo wysoka. Vatican News. <https://www.vaticannews.va/pl/swiat/news/2022-07/liczba-aborcji-w-anglii-i-walii-rekordowo-wysoka.html>

⁴Там же.

Аборты как способ регулирования числа рождений

Оценки нежелательной беременности и абортов отражают тенденции в области репродуктивного здоровья, развития системы общественного здравоохранения и самосохранительного поведения. В 2015–2019 гг. в мире ежегодно регистрировалось 121,0 млн случаев нежелательной беременности, что соответствует глобальному показателю 64 ‰ нежелательных беременностей среди женщин 15–49 лет. 61 % нежелательных беременностей закончились абортом (в общей сложности 73,3 млн абортов в год, что соответствует глобальному показателю 39‰ абортов среди женщин 15–49 лет) (Bearak et al., 2020).

Искусственное прерывание беременности всегда вызывало неоднозначную общественную реакцию, но применялось женщинами даже в периоды самых строгих запретов как альтернатива инфантициду (убийству младенцев). Инфантицид выполнял роль регулятора одновременно количества и качества населения из-за невозможности эффективного вмешательства в процесс зачатия и вынашивания плода, когда общество было вынуждено физически уничтожать «лишних» младенцев при обязательном сохранении жизни матери и ее детородной функции для будущих рождений. В большинстве случаев детоубийство становилось вынужденной мерой регулирования рождаемости, поскольку, кроме всего прочего, становилось возможным лишь после завершения беременности. Логичнее было искусственно ограничить репродуктивную функцию, прервать беременность, либо предотвратить сам процесс зачатия, однако для этого требовались определенные знания: «Изменить анатомо-физиологические основы материнства и отнять или уменьшить что-либо в этой области можно было только оперативным путем — появился аборт; если он сделан не был, оставалось детоубийство» (Вагнер, 1929, с. 86).

Специфика контрацепции как способа снижения естественной фертильности состоит в ее зависимости от бытовых традиций, общественного мнения и доступности. Контрацепция замещала и детоубийства, и аборт, поскольку мораль убеждала, что каждая родившаяся жизнь нуждается в охране государства. Главное — «уменьшать, контролировать или устранять перенаселенность путем распространения сведений о противозачаточных средствах в отличие от средств abortивных», а «молодым супругам указывать на возможность более позднего деторождения, пока экономическое положение не позволит им иметь детей» (Люблинский, 1926, с. 70). История контрацепции показывает актуальность вопроса уже в древности, когда появились прообразы многих современных методов избежать зачатия; «естественным», хотя и не очень строго соблюдаемым, регулятором рождаемости был календарь церковных постов, а традиции некоторых конфессий, запрещающие сексуальные контакты в определенные дни, свидетельствуют о знании основных особенностей физиологии. Уже около 1850 г. до н. э. известны способы, которые сегодня можно отнести к группе «барьерных контрацептивов», позже были разработаны предшественники внутриматочных спиралей (ВМС), а также хирургической стерилизации женщин и мужчин (Савельева, 2002). Контрацептивные традиции России исходят из того, что исторически здесь первой общедоступной формой индивидуального контроля фертильности стал аборт, создав условия для формирования установки на прерывание нежелательной беременности, а не на ее предотвращение.

Результаты и обсуждение

Наблюдаемые тенденции в области нежелательной беременности и абортов таковы: с начала 1990-х гг. уровень нежелательной беременности в мире снизился, а процент

нежелательных беременностей, заканчивающихся абортom, увеличился. В результате уровень абортов в мире сегодня примерно равен уровню начала 1990-х гг.

В России в 2010 г. число абортов составляло почти 1,186 млн (31,7 % среди женщин 15–49 лет), в 2022 г. — около 504 тыс. (14,7%). Количество абортов в России снижается с начала 1990-х — в среднем на 6 % в год. В 2020 г. Росстат зафиксировал 553 тыс. абортов (38,8 на 100 родов), в 2022 г. — 506 тыс.¹ Аборт все чаще становится вынужденным средством отказа от уже существующей беременности и все чаще применяется только в крайних случаях. Однако успешная общественная деятельность по профилактике абортов, их растущая непопулярность приводит к тому, что развитие современных способов искусственного прерывания беременности выводится за пределы сферы актуальных социальных и профессиональных интересов. Возникает обратный эффект — концентрация внимания на негативных сторонах абортов, стремление как можно больше сократить их число способствует ухудшению подготовки специалистов, рутинизации методов проведения абортов, снижению доступности и пр., что может привести к снижению уровня общественного здоровья и сокращению репродуктивного потенциала общества. Как альтернативу аборту можно рассматривать некоторые виды контрацепции, но необходимо учитывать их неабортивный эффект (естественные методы планирования семьи, воздержание, барьерные контрацептивы).

Контрацепция является одним из наиболее важных инструментов, позволяющих парам и отдельным лицам осуществлять право свободно и ответственно принимать решение о количестве своих детей и интервалах между их рождением, и во всем мире использование методов контрацепции возросло. Однако некоторые женщины хотят избежать беременности, но не используют никаких методов контрацепции, потому что у них нет доступа к противозачаточным средствам или они предпочитают не использовать их по разным причинам. Дополнительно даже те, кто использует контрацепцию, могут делать это несовершенно или сталкиваться с неудачным методом. В результате незапланированная беременность может иметь серьезные последствия для женщин и их семей.

Особое место среди методов контрацепции занимает стерилизация благодаря постоянству действия, надежности, однократности затрат, немедленному эффекту, однако проблема в ее необратимости — восстановить фертильность после стерилизации, особенно мужской, долгое время считалось почти невозможным. Поэтому добровольная стерилизация рассматривалась как метод, завершающий процесс деторождения у конкретной родительской пары, и официально разрешалась после определенного возраста при наличии нескольких детей. В России показателями для добровольной женской стерилизации был возраст 35 лет и двое детей, что не способствовало ее популярности — в 2010 г. стерилизация была проведена у 12,5 тыс. женщин, в 2022 г. — у 15 тыс. Показатель на 100 тыс. для 15–49-летних женщин в 2010 г. составлял 33,4, а в 2022 г. — 44,6². В последний раз показатели были выше в 2006 г. — более 17 тыс. операций, или 43,6 стерилизаций на 100 тыс. женщин 15–49 лет, после чего число операций по стерилизации женщин в России стабильно снижалось до 2014 г., затем вновь стало возрастать, и кратковременный спад отмечался только в 2020 г. на фоне пандемии ковида — 12,6 тыс. операций. Чаще всего стерилизация проводится вместе с другой операцией, когда есть доступ к органам малого таза: например, во время кесарева сечения, поскольку, если это уже вторые или третьи роды таким способом, следующая

¹Здравоохранение в России. 2023: стат.сб. Росстат. С. 3-46.

²Там же. С. 64.

Таблица

Продажа препаратов для медикаментозного аборта и экстренной контрацепции в России

Годы	Для медикаментозного аборта		Для экстренной контрацепции		Препараты для экстренной контрацепции / препараты для медикаментозного аборта
	Число упаковок	% к прошлому году	Число упаковок	% к прошлому году	
2018	261 254	—	2 323 833	—	8,89
2019	230 817	88,35	2218 209	95,45	9,61
2020	220 968	95,73	2123 670	95,74	9,61
2021	197 987	89,60	2106 400	99,19	10,64
2022	219 800	111,02	2208 314	104,84	10,05

Расчитано по: В России меняют правила медикаментозного аборта: как будут продавать препараты для абортов по новым правилам Минздрава. <https://ngs.ru/text/family/2023/07/20/72513080/>

беременность и родоразрешение несут высокие риски для женщины. При этом с ростом популярности процедуры по стерилизации другие методы женской контрацепции становятся менее востребованными: число женщин, использующих гормональную контрацепцию, упало с 2010 г. более чем на 20 % (с 4,6 тыс. до 3,8 тыс.), а тех, кто использует внутриматочную спираль, — на 88 % (с 4,7 тыс. в 2010 г. до 2,5 тыс. в 2022 г.)¹. Поскольку это происходило на фоне снижения числа абортов, рост случаев женской стерилизации может быть связан с расширением информированности о самой процедуре и лучшей осведомленности населения о ее реальных последствиях — появилось понимание, что это не приводит к пожизненному и необратимому отказу иметь детей, поскольку существует возможность альтернативного зачатия с помощью ЭКО.

Другим способом контрацепции, по эффективности близким к аборту (80–90 % прерывания беременности), является посткоитальная контрацепция, по сути представляющая собой медикаментозный микроаборт. Считается, что экстренная контрацепция безопаснее и надежнее, чем аборты и, по мнению ВОЗ, не наносит вреда здоровью. По данным одного из маркетинговых агентств по исследованию фармацевтического рынка, в 2022 г. было продано 219 800 упаковок препаратов для искусственного прерывания беременности, и 2 208 314 упаковок препаратов экстренной контрацепции, т. е. ежегодно имело место 9–10-кратное превышение с 2018 г. (таб.).

Во всем мире логика развития законодательства об абортах направлена от их запрета к их легализации. Обратный процесс происходил лишь в США в 2022 г. и в Польше в 1993 и 2020 гг., причем в обоих случаях ограничения и запреты были связаны с религиозно-политической дискуссией в обществе, а не с демографической ситуацией. Запрет искусственных абортов в Польше с 1993 г. (кроме медицинских показаний и редких других случаев) и почти полный запрет с 2020 г. стали действовать в период быстрого снижения рождаемости в этой стране, что не повлияло на динамику рождаемости, которая продолжила снижаться, сопровождаясь ростом абортного туризма. В 2019 г. один из польских социологических опросов показал, что до 58 % респондентов выступают за аборт до 12 недель беременности независимо от причины².

¹ Росстат зафиксировал рекорд числа операций по стерилизации женщин за 16 лет. <https://medvestnik.ru/content/news/Rosstat-zafiksiroval-rekord-chisla-operacii-po-sterilizacii-jenshin-za-16-let.html>

² Od zakazu aborcji do dostepnej aborcji. Czy Polska zmieni się jak Irlandia. Noizz. https://noizz.pl/spoleczenstwo/od-zakazu-aborcji-do-dostepnej-aborcji-czy-polska-zmieni-sie-jak-irlandia/93zg540?utm_source=yandex.ru_viasg_noizz&utm_medium=referal&utm_campaign=leo_automatic&srcc=undefined&utm_v=2

В России государство контролирует прерывание беременности — препараты для медикаментозного аборта рецептурные, получить их можно только по назначению врача, некоторые из них надо принимать исключительно в кабинете доктора — в аптеках их не продают, в клиниках на руки не выдают. В 2022–2023 гг. Крым, Мордовия, Курская, Нижегородская, Калининградская, Тверская области уточнили федеральное законодательство об абортах с учетом демографической ситуации в регионах¹.

Заключение

В современном обществе с ростом контрацептивной грамотности и неограниченным доступом к контрацепции связь между искусственным прерыванием беременности и рождаемостью отсутствует. Изменения в предпочтениях текущей фертильности, а также отказ от постоянных методов предохранения могут привести к росту уровня нежелательной беременности. Долгое время аборт служил основным «средством контрацепции», и его запрет мог на какое-то время повысить рождаемость, поскольку любая беременность, желанная или нежеланная, должна была обязательно закончиться родами. При появлении других общедоступных противозачаточных средств аборт все чаще стал применяться в случаях, когда иные контрацептивные методы оказывались неэффективными. Это позволило государству регулировать доступность аборт, исходя из необходимости поддержания рождаемости на определенном уровне, с одной стороны, и возможности индивида выбрать число и время рождения детей, с другой. Поворотным моментом в изменении тенденции к снижению числа аборт в мире стало распространение практики «домашних аборт» с помощью телемедицинских консультаций, активизировавшейся в период пандемии COVID-19. Современные методы вспомогательной репродукции и восстановления фертильности изменили контрацептивные предпочтения в пользу наиболее удобных в повседневной жизни методов. Однако, хотя необходимо препятствовать пропагандированию аборт в качестве методов отказа от нежеланной беременности, все женщины всегда должны иметь право на необходимую медицинскую помощь по искусственному прерыванию беременности.

Список источников

Вагнер, В. А. (1929). *Возникновение и развитие психических способностей*, 9 «Психология размножения и ее эволюция». Л.: Культ-просвет. кооп. т-во «Начатки знаний», 104.

Люблинский, П. И. (1926). Противозачаточные средства и охрана материнства. *Ленинградский медицинский журнал*, 5, 60–83.

Савельева, Е. Н. (2002). *Современная контрацепция: выбор за вами*. СПб.: Невский проспект, 155.

Bearak, J., Popinchalk, A., Ganatra, B., Moller, A.-B., Tunçalp, Å., Beavin, C., Kwok, L., & Alkema, L. (2020). Unintended pregnancy and abortion by income, region, and the legal status of abortion: estimates from a comprehensive model for 1990–2019. *The Lancet Global Health*, 8, e1152–61. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30315-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30315-6)

References

Bearak, J., Popinchalk, A., Ganatra, B., Moller, A.-B., Tunçalp, Å., Beavin, C., Kwok, L., & Alkema, L. (2020). Unintended pregnancy and abortion by income, region, and the legal status of

---

¹ Запрет аборт в частных клиниках России 2023: в каких регионах запретили, почему опасно. Lenta.ru. https://lenta.ru/news/2023/11/09/aborty_krym/?ysclid=lsn0getmbw939364501

abortion: estimates from a comprehensive model for 1990–2019. *The Lancet Global Health*, 8, e1152–61. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30315-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30315-6)

Lublinsky, P. I. (1926). Contraceptives and maternity protection. *Leningradskiy meditsinskiy zhurnal [Leningrad Medical Journal]*, 5, 60–83. (In Russ.)

Savelyeva, E. N. (2002). *Sovremennaya kontratsepsiya: vybor za vami [Modern contraception: the choice is yours]*. St. Petersburg: Nevsky Prospekt, 155. (In Russ.)

Wagner, V. A. (1929). *Vozniknovenie i razvitie psikhicheskikh sposobnostey*, 9 «*Psikhologiya razmnozheniya i ee evolyutsiya*» [*The emergence and development of mental abilities*, 9 «*Psychology of reproduction and its evolution*»]. L.: cultural-educational cooperation «Rudiments of knowledge», 104. (In Russ.)

Информация об авторах

Русанова Нина Евгеньевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской — обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН); <https://orcid.org/0000-0002-1859-2345> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32; e-mail: ninrus238@mail.ru).

Ерофеева Любовь Владимировна — старший преподаватель, Негосударственное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный Университет «Синергия» (Российская Федерация, 125315, г. Москва, Ленинградский просп., 80 к 46; e-mail: LVErofeeva@synergy.ru).

About the authors

Nina E. Rusanova — Dr. Sci. (Econ.), Associated Professor, Leading Research Associate, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1859-2345> (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ninrus238@mail.ru).

Lubov V. Erofeeva — Senior Lecturer, Moscow University for Industry and Finance «Synergy» (80/46, Leningradsky Ave., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: LVErofeeva@synergy.ru).

УДК 314.3; 314.146

JEL classification: J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-4>

Мотивы рождения вторых детей в российских семьях¹

О. О. Секицки-Павленко

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1370-8724>

Автор для корреспонденции: О. О. Секицки-Павленко (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Аннотация. В статье рассматривается отношение населения к возможному рождению в семье второго ребенка. Также оцениваются по степени значимости мотивы, сдерживающие и способствующие принятию решения о рождении ребенка второй очередности. Эмпирической базой исследования послужили данные итогов Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2022 г. Основным методом исследования — сравнительная оценка удельного веса ответов респондентов. Определено, что в целом население настроено на двухдетную модель семьи. По результатам ответов респондентов возможное рождение второго ребенка в большей степени меняет различные сферы жизни у женщин, чем у мужчин. 21,52 % женщин оценивает появление второго ребенка как барьер в сфере карьеры и 26,53 % как препятствие в получении доходов. Почти половина респондентов считает, что рождение ребенка второй очередности может укрепить брак, а 1/4 часть полагает, что ребенок будет способствовать улучшению жилищных условий. В целом социально-психологические мотивы являются доминирующими при рождении второго ребенка, однако решение жилищного вопроса занимает второе по значимости место среди всех мотивов.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; второй ребенок; мотивы рождаемости; выборочное наблюдение

Reasons for the Birth of a Second Child in Russian Families

O. O. Sekicki-Pavlenko

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1370-8724>

Corresponding author: O. O. Sekicki-Pavlenko (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Abstract. The article examines the attitude of the population towards the possible birth of a second child in the family. Also, factors that constrain and facilitate the decision to have a second child are assessed according to their significance for the population. The study analyses the results of the Sample Survey of the Reproductive Plans of the Population, conducted by the Federal State Statistics Service in 2022. The main research method is a comparative assessment of the share of respondents' answers. It was determined that the population prefers a two-child family model. According to the respondents' answers, the possible birth of a second child changes various areas of life to a greater extent for women than for men. 21.52 % of women consider the birth of a second child as a barrier to their career advancement and 26.53 % see it as an obstacle to increasing income. Almost half of the respondents believe that the birth of a second child can strengthen a marriage, and a quarter of the respondents believe that a child can help improve their living conditions. In general, socio-psychological motives are the main reason for the birth of a second child, but the solution of the housing problem is the second most important motive.

Keywords: reproductive behaviour; second child; fertility motives; sample survey

---

¹ © Секицки-Павленко О. О. Текст. 2024.

Введение

Исследование мотивов рождаемости не только представляется значимым с научной точки зрения, но и имеет большое практическое значение при реализации эффективной демографической и семейной политики в области рождаемости. В.Н. Архангельский указывает на то, что мотивация является детерминирующей характеристикой репродуктивного поведения, и именно она определяет потребность в детях и их числе (Архангельский, 2008).

На протяжении долгого времени в нашей стране преобладает малодетное репродуктивное поведение, что является главным барьером для увеличения рождаемости. Исследователи отмечают, что в структуре российских домохозяйств с детьми основную долю составляют однодетные семьи (Ростовская и др., 2021), хотя модальным типом по-прежнему остается двухдетная модель семьи.

Цель нашей работы — выявить отношение населения к рождению второго ребенка.

Для достижения цели исследования нами сформулированы следующие задачи:

1. Определить, как именно возможность появления в семье ребенка 2-й очередности может изменить различные сферы жизни респондента.
2. Рассмотреть, какие мотивы являются доминирующими при принятии решения о рождении второго ребенка.
3. Выявить специфику в отношении к рождению в семье второго ребенка отдельно у респондентов-мужчин и респондентов-женщин.

Общая гипотеза исследования заключается в предположении о наличии определенной специфики в вопросах влияния появления в семье второго ребенка и в вероятности различной мотивации у мужчин и женщин.

Обзор литературы

В российской научной литературе проблематика изучения мотивов рождения детей разной очередности имеет долгую традицию. Значительный вклад был внесен В.А. Беловой и Л.Е. Дарским в монографии «Статистика мнений в изучении рождаемости». В их работе подробно анализировались вопросы об идеальном и желаемом числе детей в семье, рассматривалась роль общества в формировании мнения относительно наилучшего числа детей. Также подчеркивалась сложность механизмов мотивации деторождения: реальные помехи увеличения числа детей в семье, трудности, которые воспринимаются индивидом как препятствия к деторождению, и различные социально одобряемые нормы (Белова & Дарский, 1972). Несколькими годами позже В.А. Белова подтвердила тезис о неоднозначности интерпретации мотивов рождения или отказа от рождения детей (Белова, 1975).

Исследование, проведенное под руководством А.И. Антонова в 1976 г., показало наличие взаимосвязи между потребностью в детях и мотивами рождений. Было выявлено, что при рождении первенца ведущую роль играют социальные мотивы, а при рождении вторых и третьих детей более значимыми являются психологические мотивы, что указывает на снижение потребности в детях (Антонов, 1979).

Значимый вклад в исследование репродуктивного поведения внесен В.Н. Архангельским. Ученый отмечает, что потребность в детях является взаимозаменяемой с другими потребностями и при этом важно учитывать, что ребенок или дети могут быть как средством достижения каких-либо целей, так и самоцелью, и это определяется именно преобладанием тех или иных мотивов рождения (Архангельский, 2006).

Масштабное лонгитюдное изучение репродуктивных установок, проведенное в три этапа с 2004 г. по 2011 г., под названием «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) выявило наличие взаимосвязи очередности деторождения и широкого спектра мотивов, показав реализацию репродуктивных планов населения (Малева & Синявская, 2007).

В результате другого исследования — «Демографическое самочувствие россиян», выявлено, что основными барьерами, препятствующими росту детности в российских семьях, являются недостаточное материальное состояние, неуверенность в завтрашнем дне и нестабильная занятость. Т. е. преимущественно экономические мотивы препятствуют рождению большего числа детей (причем это касается как мужчин, так и женщин) (Ростовская и др., 2021). В то же время ученые отмечают, что частоту вторых рождений во многом определяют социально-психологические мотивы и система ценностей населения (Ростовская и др., 2021).

О.М. Шубат и А.П. Багирова, рассматривая экономические детерминанты рождаемости, небезосновательно полагают, что на репродуктивное поведение оказывают влияние не столько сами экономические условия жизни, сколько их субъективное восприятие населением, при котором эти условия выступают в качестве достаточной или недостаточной гарантии социально-экономического положения в будущем при рождении определенного числа детей (Шубат & Багирова, 2018).

Говоря о понятии «мотивы рождения», стоит привести слова А.Г. Вишневого, который справедливо отмечал, что «тип мотивации человеческого поведения представляет собой главный порог, отделяющий регулируемую рождаемость от нерегулируемой» (Вишневский, 2014).

Материалы и методы

Наше исследование базировалось на материалах Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения¹ (далее — РПН-2022), проведенного Росстатом в рамках реализации Федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам² в период с 6 июня 2022 г. по 23 июня 2022 г. РПН-2022 проводилось во всех субъектах России, кроме Ненецкого и Чукотского автономных округов. Единицей наблюдения являлись частное домохозяйство и члены домохозяйств. Общий объем выборки — 15 тыс. домохозяйств. Каждый из опрошенных респондентов представлял одно домашнее хозяйство. В ходе наблюдения были опрошены мужчины в возрасте 18–60 лет и женщины в возрасте 18–44 года. Сбор данных по РПН-2022 проводился путем личного опроса интервьюером каждого из респондентов. Индивидуальный вопросник включал в себя 81 вопрос и состоял из 7 разделов (1 — общие сведения о респонденте, 2 — брак, 3 — рождение детей, 4 — мотивы рождения детей, 5 — помощь

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022. https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html

² Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения проведено во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения», а также в соответствии с приказом Федеральной службы государственной статистики от 31 мая 2022 г. № 412 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения и Плана размещения выборочной совокупности домохозяйств для проведения выборочного наблюдения репродуктивных планов населения».

семьям с детьми, 6 — жизненные цели и ценности, 7 — условия жизни). Результаты РПН-2022 Росстат представил в виде 52 итоговых таблиц. Для целей нашего исследования были использованы таблицы под номерами 46, 48, 49, которые мы преобразовали в две сводные таблицы (1 и 2 соответственно). В первой таблице вопросы о репродуктивных намерениях носят вероятностный характер, так как задаются до возможного рождения второго ребенка. Во второй таблице представлена значимость мотивов рождения ребенка 2-й очередности (т. е. уже по факту рождения) Ведущим методом исследования являлся сравнительный анализ доли различных ответов респондентов, а также соотношение доли этих ответов между мужчинами и женщинами.

Результаты

В однодетных семьях при оценке влияния появления еще одного ребенка ответ «не повлияло» в процентном соотношении занимает ведущее место по всему перечню возможных ответов у обоих полов. Причем у однодетных мужчин отсутствие влияния появления ребенка на различные аспекты жизни в целом выше, чем у женщин (табл. 1).

Самый высокий процент ответа «не повлияло» относится к сферам «профессиональный рост» (67,34 % у женщин и 79,22 % у мужчин), «общение с друзьями» (68,96 % у женщин и 70,93 % у мужчин), «сохранение хорошего здоровья» (64,77 % у женщин и 73,17 % у мужчин). Также высокая доля ответа «не повлияло» отмечается в сфере «уважение со стороны родственников, окружающих».

Еще одним ответом, позволяющим судить о степени возможного влияния рождения в однодетных семьях второго ребенка, является ответ «помогло». Самая высокая доля этого ответа в строке «укрепление брака» (40,37 % у женщин и 48,07 % у мужчин).

Таблица 1

Оценка возможного влияния появления еще одного ребенка на различные аспекты жизни (однодетные респонденты), %

Если бы в Вашей семье появился еще один ребенок, то, как, на Ваш взгляд, это повлияло бы на:	Женщины				Мужчины			
	помогло	не повлияло	помешало	трудно сказать	помогло	не повлияло	помешало	трудно сказать
Получение более высоких Ваших личных доходов	14,92	53,42	26,53	5,13	13,71	62,05	18,53	5,71
Повышение благосостояния Вашей семьи	21,87	47,67	25,60	4,86	21,08	52,49	20,85	5,58
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение	26,68	52,82	15,06	5,44	25,87	55,75	12,93	5,45
Ваш профессиональный рост	6,95	67,34	21,52	4,19	6,99	79,22	9,13	4,66
Общение с друзьями	7,55	68,96	20,08	3,40	5,46	70,93	20,96	2,64
Сохранение хорошего здоровья	11,75	64,77	16,38	7,11	9,91	73,17	12,15	4,78
Укрепление брака	40,37	48,01	5,56	6,07	43,38	48,07	3,92	4,63
Интересный, полноценный отдых	12,30	56,99	26,06	4,64	13,42	58,01	24,48	4,10
Уважение со стороны родственников, окружающих	22,83	68,14	3,67	5,36	23,85	67,12	3,77	5,26

Составлено автором на основе итоговой таблицы №46 РПН-2022. Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022. https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html

Далее следует сохранение хороших жилищных условий или их улучшение (26,68 % у женщин и 25,87 % у мужчин). Таким образом, чуть менее половины респондентов обоих полов рассматривают появление второго ребенка как способ укрепления семьи и четверть респондентов считают, что еще один ребенок будет способствовать сохранению и улучшению жилищных условий. Довольно высокая значимость рождения второго ребенка в однодетных семьях придается в случае уважения со стороны родственников, окружающих и в случае повышения благосостояния семьи. К данным вариантам ответов склоняется примерно пятая часть респондентов, как мужчин, так и женщин.

Барьер появления второго ребенка у однодетных респондентов проявляется в области интересного и полноценного отдыха (26,06 % у женщин и 24,48 % у мужчин). Рождение еще одного ребенка оценивается как препятствие для повышения благосостояния семьи — среди 25,60 % опрошенных женщин и 20,85 % мужчин. Негативную роль возможное появление второго ребенка играет при получении более высоких личных доходов, причем доля женщин, выбравших данный вариант ответа, выше, чем доля мужчин (26,53 % против 18,53 %). Также неоднозначным является отношение к появлению еще одного ребенка для профессионального роста. Женщины-респонденты рассматривали второго ребенка как преграду в карьере в 21,52 % случаев, в то время как мужчины только в 9,13 % случаев. Разница между ответами мужчин и женщин в двух последних аспектах «повышение личных доходов» и «профессиональный рост», вероятно, объясняется тем, что в отпуске по уходу за ребенком находятся преимущественно матери, из-за чего рождение второго ребенка рассматривается ими как препятствие на пути построения карьеры и, соответственно, ограничивает получение дохода.

Анализ данных позволил выявить следующее распределение мотивов рождения второго ребенка. Наиболее значимым является мотив «чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким». В пользу данного мотива высказалась более 1/3 респондентов, как мужчин, так и женщин. Также высокая значимость придается мотиву «желание укрепить семью». Данному мотиву наивысший балл присвоили 29,28 % женщин и 28,16 % мужчин. Третьим значимым мотивом выступает желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку, в пользу него высказались 29,33 % женщин и 26,25 % мужчин респондентов (табл. 2).

Самый низкий уровень значимости выявлен в отношении следующих трех мотивов: «второго ребенка иметь не собирались, но, когда случилась беременность, решили не делать аборт», «мы не ограничиваем число детей в семье» и «у большинства друзей, знакомых двое детей, нам не хотелось (не хочется) от них отставать». На низкую значимость по этим трем позициям указали более половины респондентов обоих полов. Это на наш взгляд, может косвенно свидетельствовать о том, что, во-первых, в российских однодетных семьях число детей контролируется, а во-вторых, что второй ребенок не выступает в качестве элемента конкуренции в ближайшем социуме (среди друзей и знакомых). Второе положение также опосредованно подтверждает низкий уровень значимости мотива «двое детей повышают авторитет человека в обществе». Около 40 % респондентов обоего пола отметили низкую значимость данной позиции.

Средними по значимости как для мужчин, так и для женщин выступают следующие четыре мотива: «первый ребенок очень хотел (хочет) брата или сестричку», «единственный ребенок может вырасти эгоистом», «у моих родителей или у родителей мужа (жены) было двое детей», «хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка». Отличительной особенностью перечисленных мотивов является их социально-психологический характер.

Таблица 2

Значимость мотивов рождения второго ребенка, %

Мотивы рождения второго ребенка	Женщины					Мужчины				
	Баллы (значимость)									
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Повышение уровня жизни семьи	27,69	12,40	19,82	13,26	26,82	30,53	13,15	20,53	12,51	23,28
Желание укрепить семью	25,47	11,35	19,44	14,46	29,28	25,97	12,30	19,96	13,61	28,16
Желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (например, «материнский (семейный) капитал, льготная ипотека»)	27,54	11,13	17,88	14,13	29,33	32,15	12,31	17,77	11,52	26,25
С двумя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким	26,06	13,95	20,46	14,39	25,14	27,32	14,99	20,88	13,85	22,97
Двое детей повышают авторитет человека в обществе	40,82	17,65	17,76	9,71	14,07	40,43	18,08	17,99	9,36	14,15
Чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким	18,93	11,77	18,72	18,35	32,23	21,80	11,80	20,44	15,75	30,20
Сильное желание мужа (жены) иметь второго ребенка	28,47	12,25	18,66	12,84	27,77	25,52	11,82	19,57	14,16	28,93
Второго ребенка иметь не собирались, но когда случилась беременность, решили не делать аборт	54,00	9,97	11,32	6,84	17,86	54,07	11,45	11,26	7,58	15,64
Первый ребенок очень хотел (хочет) брата или сестричку	38,98	14,43	19,25	10,11	17,23	40,40	13,70	18,89	9,86	17,15
У большинства друзей, знакомых двое детей, нам не хотелось (не хочется) от них отставать	51,92	17,49	14,53	6,42	9,64	51,89	18,00	14,77	5,94	9,40
Единственный ребенок может вырасти эгоистом	30,45	13,22	19,77	13,12	23,45	31,92	13,51	18,80	12,78	23,00
У моих родителей или у родителей мужа (жены) было двое детей	39,44	15,07	16,74	8,98	19,77	40,87	16,05	15,04	8,76	19,27
Мы не ограничиваем число детей в семье	50,98	14,47	15,18	6,65	12,73	50,23	15,49	15,21	6,51	12,56
Хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка	37,18	11,37	18,03	9,94	23,49	41,26	13,19	17,05	9,34	19,17

Примечание: баллы распределяются от «1» — данная причина не имеет практически никакого значения, до «5» — имеет очень большое значение.

Источник: Составлено автором на основе итоговых таблиц №48, №49 РПН — 2022 Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022. https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html

Интересным представляется распределение таких мотивов, как «повышение уровня жизни семьи», «с двумя детьми больше гарантий, в старости, не останешься одиноким», «сильное желание мужа (жены) иметь второго ребенка». Эти мотивы в равной мере выступают и как наиболее и как наименее значимые для респондентов обоих полов. Также отмечается достаточно равномерное распределение ответов респондентов между максимальным и минимальным уровнем весомости данных мотивов. Из трех мотивов один имеет исключительно экономический характер, а два являются социально-психологическими.

Обсуждение

Согласно ответам респондентов, возможное рождение второго ребенка коренным образом не меняет их обычный уклад жизни. Это подтверждает высокий процент категории «не повлияло» почти по всем представленным аспектам жизни респондентов. В то же время возможное рождение второго ребенка оценивается как фактор, препятствующий «интересному и полноценному отдыху» у 1/4 части респондентов обоих полов. Степень влияния ребенка 2-й очередности как препятствие к получению более высоких личных доходов и карьерного роста у женщин-респондентов значительно выше, чем у мужчин, что связано с распределением гендерных ролей и балансом ответственности в семье. Традиционно для России в отпуске по уходу за ребенком находятся женщины, в то время как мужчины продолжают работать, сохраняя при этом возможность профессионального роста и получения более высокого дохода. Около 40 % респондентов обоих полов рассматривает появление в их семье второго ребенка как способ укрепления брака. Порядка четверти респондентов (как мужчин, так и женщин) склоняются к мнению, что рождение второго ребенка будет способствовать сохранению или улучшению их жилищных условий. Второй ребенок благоприятствует уважению со стороны родственников и окружающих, это отмечает 1/5 часть респондентов обоих полов.

Лидирующими по значимости мотивами рождения второго ребенка у обоих полов являются «чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким», «желание укрепить семью», «желание решить жилищные проблемы». Т. е. из трех самых значимых мотивов два являются социально-психологическими, а один — экономическим. Наименее значимыми являются мотивы, касающиеся ограничения числа детей в семье, и ориентации на круг друзей и знакомых.

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что в целом как мужчины, так и женщины настроены на рождение второго ребенка, что свидетельствует об ориентации респондентов на двухдетную модель семьи. Выявлено, что возможное рождение второго ребенка в большей степени может оказать влияние на изменение различных аспектов жизни женщин, чем мужчин. Также подтвержден тезис о превалирующем значении в случае рождения второго ребенка социально-психологической мотивации. В то же время рождение второго ребенка выступает как мотив для решения жилищного вопроса семьи. В исследовании обнаружались косвенные признаки того, что вопрос рождения второго ребенка в семьях контролируется, однако, на наш взгляд, это требует более детального изучения. Мы полагаем, что мотивы деторождения нельзя рассматривать изолированно, а только во взаимосвязи с потребностью в детях и с учетом влияния временного фактора. В этой связи крайне перспективными могли бы быть лонгитюдные

исследования репродуктивного поведения, а также считаем целесообразным включение вопросов репродуктивного поведения в переписи и микропереписи населения.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the research plan in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 No. 0327-2024-0009 “Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes”.

Список источников

Антонов, А. И. (1979). *Репродуктивное поведение городской семьи и проблемы стимулирования рождаемости. Докл. на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе»* (г. Брест, 27 мая — 2 июня 1979 г.). Государственный комитет СССР по науке и технике. Минск: БелНИИНТИ, 18.

Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости*. Москва: ТЕИС, 399.

Архангельский, В. Н. (2008). *Исследование проблем рождаемости. Уровень жизни населения регионов России, 3–4*, 80–93.

Белова, В. А. (1976). *Число детей в семье*. Москва: Статистика, 176.

Белова, В. А., Дарский, Л. Е. (1972). *Статистика мнений в изучении рождаемости*. Москва: Статистика, 144.

Вишневский, А. Г. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*. *Демографическое обозрение, 1* (1), 6–33.

Малева, Т. М., Сиянская, О. В. (Ред.). (2007). *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. Москва: Независимый институт социальной политики, 640.

Ростовская, Т. К., Архангельский, В. Н., Иванова, А. Е., Кучмаева, О. В., Семенова, В. Г. (2021). *Семья и демографические процессы в современной России*. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство „Экон-Информ”», 260. <https://doi.org/10.19181/monopg.978-5-907427-21-1.2021>

Ростовская, Т. К., Архангельский, В. Н., Кучмаева, О. В., Судьин, С. А. (2021). Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 29*(3), 430–436. DOI 10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436.

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Золотарева О. А. (2021). Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости. *Женщина в российском обществе, Специальный выпуск, 121–135*. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.8.

Шубат, О. М., Багирова, А. П. (2018). Экономические детерминанты рождаемости в России: оценка потенциала воздействия. В: *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах, Том 1* (8–9 июня 2018 г.) (с. 461–473). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

References

Antonov, A. I. (1979). *Reproduktivnoe povedenie gorodskoy semi i problemy stimulirovaniya rozhdaemosti. Dokl. na rabochem zasedanii I Vsesoyuznoy nauchnoy shkoly po problemam narodonaseleniya «Upravlenie protsessami razvitiya narodonaseleniya v razvitom sotsialisticheskom*

obshchestve» (g. Brest, 27 maya — 2 iyunya 1979 g.) [*Reproductive behavior of an urban family and problems of stimulating fertility; Report at the working meeting of the I All-Union Scientific School on Population Problems “Management of population development processes in a developed socialist society” Brest, May 27 — June 2, 1979*]. USSR State Committee on Science and Technology. Minsk: BelNIINTI, 18. (In Russ.)

Arkhangelskiy, V. N. (2006). *Fakторы rozhdaemosti [Fertility factors]*. Moscow: TEIS, 399. (In Russ.)

Arkhangelskiy, V. N. (2008). Research on fertility problems. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 3–4, 80–93. (In Russ.)

Belova, V. A. (1976). *Chislo detey v seme [Number of children in a family]*. Moscow: Statistics, 176. (In Russ.)

Belova, V. A., & Darsky, L. E. (1972). *Statistika mneniy v izuchenii rozhdaemosti [Opinion statistics in the study of fertility]*. Moscow: Statistics, 144. (In Russ.)

Maleva, T. M., & Sinyavskaya, O. V. (Ed.). (2007). *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v seme i obshchestve [Parents and children, men and women in the family and society]*. Moscow: Independent Institute of Social Policy, 640. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Arkhangelskiy, V. N., Ivanova, A. E., Kuchmaeva, O. V., & Semenova, V. G. (2021). *Semya i demograficheskie processy v sovremennoy Rossii [Family and demographic processes in modern Russia]*. Moscow: Publishing house Ekon-Inform, 260. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021> (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Arkhangelskiy, V. N., Kuchmaeva, O. V., & Sudin, S. A. (2021). The factors of birth of second child in contemporary Russia: The analysis of sociological survey results. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, 29(3), 430–436. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436>. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Zolotareva O. A. (2021). Evaluation of demographic attitudes by the eyes of men and women under conditions of fertility deficiency. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society] Special issue*, 121–135. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.8>. (In Russ.)

Shubat, O. M., & Bagirova, A. P. (2018). Economic Determinants of Russian Fertility: an Assessment of the Potential Impact. In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya: Sbornik statey IX Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh, Tom 1 (8–9 iyunya 2018 g.) [Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: Collection of articles of the IX Ural Demographic Forum: in 2 volumes, Vol. 1 (June 8–9, 2018)]* (pp. 461–473). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2014). The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 1(1), 6–33. (In Russ.)

Информация об авторе

Секицки-Павленко Ольга Олеговна — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, <https://orcid.org/0000-0002-1370-8724> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru).

About the author

Olga O. Sekicki-Pavlenko — Research Assistant, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1370-8724> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru).

УДК 314.15

JEL classification: J11, J12

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-5>

Семейно-репродуктивные стратегии государственных и муниципальных служащих Республики Башкортостан¹

Я. А. Скрыбина

ГКУ Республиканский ресурсный центр «Семья» (г. Уфа, Россия);
Институт стратегических исследований ГБНУ АН РБ (г. Уфа, Россия);
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан» (г. Уфа, Россия).
<https://orcid.org/0000-0001-9747-8024>

Автор для корреспонденции: Я. А. Скрыбина (skryana67@mail.ru)

Аннотация. Цель данного исследования состоит в определении значимости семьи, детей и семейных ценностей в жизнедеятельности государственных и муниципальных служащих. В качестве научной гипотезы выдвигается предположение, что на ослабление позиций семейно-детного образа жизни, ценности детей оказывают влияние не только социально-демографические характеристики индивида и социально-экономические условия, но и профессиональная занятость, возможность успешно сочетать баланс работы и семьи, доминирующая в обществе система ценностей и детерминированные обществом репродуктивные нормы. Эмпирическую базу исследования составил социологический опрос «Государственный и муниципальный служащий: семейные ценности», в ходе которого подтверждено влияние профессиональной деятельности на семейно-репродуктивные стратегии респондентов. К работе государственного / муниципально-служащего предъявляются высокие требования, им достаточно сложно совмещать работу и семью, что свидетельствует о необходимости внедрения корпоративного демографического стандарта поддержки сотрудников с родительскими обязанностями как в форме материальной, так и нематериальной поддержки.

Ключевые слова: репродуктивные установки; семейные ценности; корпоративная демографическая политика

Family and Reproductive Strategies of State and Municipal Employees in the Republic of Bashkortostan

Ya. A. Skryabina

Republican Resource Center «Family» (Ufa, Russia);
Institute of Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia);
Bashkir Academy of Public Service and Administration
under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-9747-8024>

Corresponding author: Ya. A. Skryabina (skryana67@mail.ru).

Abstract. The article aims to determine the importance of family, children and family values in the life of state and municipal employees. It is hypothesised that the weakening of positions of the family and child lifestyle, the value of having children are affected not only by individual socio-demographic characteristics and socio-economic conditions, but also by professional employment, the ability to successfully balance work and family, the dominant value system and reproductive norms in society. The study analysed a sociological survey «State and municipal employee: family values» and confirmed the influence of professional activity on the family and reproductive strategies of respondents. State and municipal employees face high

¹ © Скрыбина Я. А. Текст. 2024.

demands; they have difficulty balancing work and family. Thus, it is necessary to introduce a corporate demographic standard to provide material and intangible support to working parents.

Keywords: reproductive attitudes; family values; corporate demographic policy

Введение

К настоящему времени существуют концепции, в которых ученые описывают закономерности рождаемости. Каждая из концепций в качестве движущей силы сокращения рождаемости определяет новые формы репродуктивного поведения, характеризующиеся преднамеренными действиями супругов по ограничению деторождения после того, как в семье появилось определенное количество детей. В целом снижение рождаемости — закономерный процесс, который определяется конкретными социально-экономическими условиями и ценностными установками общества (Skryabina, 2021). На наш взгляд, наиболее близка к объяснению причин сокращения рождаемости концепция «социальной капиллярности», в которой французский демограф и социолог А. Дюмон, анализируя социальные факторы в воспроизводстве населения, обосновывает ограничение числа детей в семье «стремлением индивидов добиться продвижения вверх по социальной лестнице» (Коростелев & Краев, 1981).

Современный человек стремится быть высокообразованным, преуспеть в профессии, сделать карьеру, интереснее проводить досуг, который «сегодня носит преимущественно развлекательный характер» (Строков, 2013), вместе с тем откладывая вступление в зарегистрированный брак, создание семьи и рождение детей на более поздние сроки.

Цель данного исследования состоит в определении значимости семьи, детей и семейных ценностей государственных и муниципальных служащих. В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение, что на ослабление позиций семейно-детного образа жизни, ценности детей оказывают влияние не только социально-демографические характеристики индивида (пол, возраст, тип поселения, этническая принадлежность, образование и др.) и социально-экономические условия, но и профессиональная занятость, дисбаланс между трудовыми и семейно-родительскими обязанностями, доминирующая в обществе система ценностей и детерминированные обществом репродуктивные нормы.

Обзор литературы

Рассматривая различные подходы к уточнению понятия «семейные ценности», Е.В. Мжельская определяет, что «среди ценностей, созданных человечеством за десятки тысяч лет, семья является одной из крупнейших», общество и государство заинтересованы «в ее сохранении, упрочении», и каждый человек, независимо от возраста, нуждается в надежной семье. Ученый подчеркивает, что каждая семья индивидуально определяет, какие именно критерии для нее значимы при стремлении к идеальной модели семьи и каких духовно-нравственных ориентиров, способствующих прочности и крепости семьи, она придерживается (Мжельская, 2013).

Вопросы трансформации института семьи и семейных ценностей, отношение россиян к семье и семейной жизни с предложениями по усилению информационно-пропагандистских мер демографической политики с акцентом на мероприятия по повышению ценности и значимости семейного образа жизни рассматриваются в работах О.В. Кучмаевой (Кучмаева, 2019).

Ряд исследователей при изучении различных аспектов модернизации демографического поведения населения отмечает, что трансформация института семьи у представителей различных поколений происходит под влиянием смены «ценностных ориентаций в сторону достижения личного успеха, измеряемого экономическими ценностями», что, в свою очередь, «приводит к формированию соответствующей системы ценностей у молодого поколения», определяющей низкие репродуктивные установки (Ростовская & Кучмаева, 2015).

Отечественные и зарубежные исследователи стали чаще обращаться к проблематике совмещения материнства и трудовой деятельности. В исследованиях Т. С. Карабчук, М. А. Нагерняк и др. рассматривается тематика занятости женщин-матерей на рынке труда и проблема совмещения обязанности по воспитанию детей с профессиональной занятостью (Карабчук & Нагерняк, 2013). По мнению В. Ж. Черновой, для успешного сочетания женщинами профессиональных, семейных и родительских обязанностей не хватает институциональных форм поддержки работающих женщин-матерей (Чернова, 2012).

Ряд зарубежных ученых предлагает сократить рабочее время женщины для сглаживания проблемы материнства и женской занятости (Reynolds, 2005).

Особого внимания заслуживает исследование, в котором на основе глубинного интервью рассматриваются вопросы совмещения карьеры и материнства среди молодых женщин, работающих на государственной службе, и их репродуктивные намерения (Исупова & Уткина, 2016). Исследователи сделали ряд важных выводов: основная масса участниц глубинного интервью поддерживает социальную норму необходимости выполнить главное предназначение женщины — стать матерью, но для большинства из них желаемое число детей — один ребенок; молодые женщины-госслужащие выбирают рациональную стратегию репродуктивного поведения, предпочитая сосредоточить свои усилия на создании «материальной базы» для деторождения и достижения карьерного роста.

В работах Р. И. Акьюлова анализируется роль семьи в жизнедеятельности государственных служащих и делается вывод о доминировании института государственной службы над институтом семьи, о вытеснении семьи с первой позиции в системе жизненных ценностей, особенно у госслужащих молодого поколения, и о формировании установок на одиночный образ жизни (Акьюлов, 2005).

Тема становления и реализации в российских организациях корпоративной демографической политики рассматривается в работах А. П. Багировой и А. С. Вавиловой. Ученые определяют корпоративную политику как «систему мер, направленных на поддержку потребностей тех работников организации, которые помимо профессионально-трудовых выполняют еще и семейные функции», и одной из популярных мер поддержки выделяют возможность удаленной работы, особенно женщин. (Багирова & Вавилова, 2022).

Корпоративная демографическая политика изучается в трудах Т. К. Ростовской, А. А. Шабуновой и А. П. Багировой на примере крупных российских компаний, реализующих меры поддержки сотрудникам с детьми, ориентированные «на работающих родителей и тех, кто потенциально готов стать родителем, работая в организации» (Ростовская & Шабунова & Багирова, 2021).

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составил социологический опрос «Государственный и муниципальный служащий: семейные ценности». Объектом

исследования выступают государственные и муниципальные служащие Республики Башкортостан, предметом — социально-экономические отношения, складывающиеся в обществе, при оценке роли и места семьи и детей в жизни государственных и муниципальных служащих республики.

Опрос проведен в форме онлайн-анкетирования среди госслужащих, работающих в 30 министерствах и ведомствах, и муниципальных служащих, работающих в 63 муниципальных образованиях республики. Обработка данных осуществлялась при помощи описательной статистики с применением программного обеспечения PASW Statistics (IBM SPSS Statistics 23.0).

Результаты и обсуждение

В опросе приняли участие 2860 респондентов, в том числе 923 государственных гражданских служащих (20,5 % от общей численности всех госслужащих на конец 2022 г.) и 1757 муниципальных служащих (23,0 % от всех муниципальных служащих на конец 2022 г.)¹. В данной работе в качестве целевой группы выделим респондентов в репродуктивном возрасте (20–49 лет). Краткие сведения о структуре респондентов представлены в таблице 1.

Большинство прошедших опрос (82,9 %) составили женщины. Почти каждый четвертый респондент находится в возрасте 35–39 лет. Большинство респондентов состоит в первом зарегистрированном браке, при этом среди госслужащих доля состоящих в таком союзе ниже, чем среди муниципальных. Доля госслужащих, никогда не состоявших в браке, в 2 раза выше, чем муниципальных служащих. Среди госслужащих больше разведенных, чем среди муниципальных.

Среднее число имеющихся детей составило 1,47 ребенка, вместе с тем у госслужащих оно ниже на 0,62 ребенка (1,08), чем у муниципальных (1,70 ребенка). Имеющееся у респондентов число детей в 1,4 раза ниже уровня, необходимого для замещения поколения родителей поколением детей. Почти каждый пятый респондент (22,5 %) не имеет детей, 23,0 % — имеют одного ребенка, 40,5 % — имеют двоих детей, 13,0 % — троих, 0,9 % — четверых и более. В целом среди государственных и муниципальных служащих республики преобладает малодетная модель семьи: 63,5 % респондентов имеют в своей семье не более 2 детей.

Репродуктивные установки измерены в нашем исследовании с использованием двух показателей — желаемого и ожидаемого числа детей в семье.

Репродуктивные установки у муниципальных служащих выше, чем у госслужащих: «желаемое число три и более детей в семье» отметили 45,8 % муниципальных служащих против 41,8 % госслужащих, «ожидаемое три и более детей» — соответственно 28,7 и 19,8 %. Объяснение разницы в репродуктивных установках, на наш взгляд, связано с тем, что подавляющее число респондентов-госслужащих проживает в столице Республики Башкортостан — крупнейшем городе, и, как известно, репродуктивные установки и рождаемость у жителей крупных и крупнейших городов ниже, чем у жителей, проживающих в малых, средних городах и в сельской местности.

Среднее желаемое число детей составило 2,37, ожидаемое — 1,85 ребенка. Репродуктивные установки у мужчин выше, чем у женщин — среднее желаемое число у мужчин составило 2,59 ребенка против 2,09 у женщин, ожидаемое соответственно

---

¹ Экспресс-информация № 07-1-13/2 от 11.01.2024 г. «О численности и оплате труда работников органов государственной власти и местного самоуправления по субъектам Приволжского Федерального округа».

Таблица 1

Структура респондентов по основным социально-демографическим параметрам

Социально-демографический параметр		Всего	в том числе	
			государственный гражданский служащий	муниципальный служащий
Пол, %	мужской	17,10	18,7	16,2
	женский	82,90	81,3	83,8
Возраст, %	20–24 лет	4,90	8,2	3,0
	25–29 лет	10,60	16,9	6,9
	30–34 лет	17,00	18,3	16,2
	35–39 лет	26,60	24,8	27,7
	40–44 лет	22,70	17,8	25,5
	45–49 лет	18,20	14,1	20,7
Семейное положение, %	холост / не замужем, в браке никогда не состоял(а)	17,90	26,2	13,0
	состою в первом зарегистрированном браке	56,70	48,3	61,6
	состою в повторном зарегистрированном браке	6,90	5,1	7,9
	состою в незарегистрированном браке	4,40	5,1	4,0
	разведен / разведена	13,0	14,1	12,4
	вдовец / вдова	0,80	0,8	0,8
Среднее число имеющих детей	всего	1,47	1,08	1,70
	мужчины	1,45	1,05	1,73
	женщины	1,48	1,09	1,70

Источник: составлено автором.

2,33 и 1,80. В более ранних исследованиях мы уже отмечали, что «мужчинам психологически свойственна завышенная потребность в детях и что практически все исследования показывают, что мужчины в среднем ориентированы на несколько большее число детей, чем женщины» (Скрябина, 2012). Вместе с тем В.Н. Архангельский отмечает, что «гендерные различия не являются главными» и «при принятии решения о числе детей в семье решающее значение имеет мнение того из супругов, чья установка детности ниже» (Архангельский, 2006).

Половина респондентов репродуктивного возраста (54,3 %) не планирует иметь детей в ближайшие 5 лет, почти каждый третий (30,5 %) планирует, каждый шестой (15,2 %) затруднился с ответом. В молодом репродуктивном возрасте (20–34 лет) практически каждый четвертый респондент (22,0 %) не планирует иметь детей в ближайшие 5 лет. Из тех, у кого нет в планах родить ребенка, 12,5 % не имеют детей, в т. ч. в возрасте 20–24 лет не имеют детей и не планируют родить — 18,1 %, в возрасте 25–29 лет — 7,8 %, в возрасте 30–34 лет — 6,2 %.

На принятие решения о рождении ребенка (еще одного ребенка) оказывает влияние совокупность социально-экономических, поведенческих, психологических, физиологических и других факторов. В таблице 2 представлены факторы, которые определяют реализацию репродуктивных намерений респондентов.

Таблица 2

Основные факторы, способные побудить к рождению ребенка (еще одного ребенка) в семье

Факторы	Ответы	Процент наблюдений
Увеличение дохода семьи	1392	66,3
Уверенность в завтрашнем дне	1127	53,6
Состояние здоровья	1057	50,3
Повышение государственной финансовой поддержки семей с детьми	757	36,0
Улучшение жилищных условий	683	32,5
Повышение качества работы медицинских учреждений	338	16,1
Баланс работы и семьи	297	14,1
Желание супруга (супруги)	266	12,7
Желание иметь ребенка другого пола	184	8,8
Доступное дополнительное образование для детей (кружки, секции)	171	8,1
Удобный режим работы детских садов	114	5,4
Желание иметь детей	11	0,5
Всего	6397	304,4*

* Итог превышает 100,0 %, так как на данный вопрос предусматривалось несколько вариантов ответа.
Источник: составлено автором.

Основными факторами, которые могут позитивно повлиять на решение о рождении ребенка, стали увеличение дохода семьи, уверенность в завтрашнем дне и состояние здоровья, на четвертой позиции — повышение государственной финансовой поддержки семей с детьми, на пятой — улучшение жилищных условий. Парадоксально, но наименьшее число ответов у респондентов репродуктивного возраста пришлось на фактор «желание иметь детей», без которого остальные факторы теряют свой смысл.

В то же время с учетом репродуктивных установок респондентов, соответствующих нормам малодетности, можно предположить, что экономические помехи ретранслируют стереотипное мышление, поскольку все меры в области рождаемости, воспроизводимые государственными, общественными, политическими деятелями и представителями СМИ, отражают главным образом финансово-бытовой аспект причин низкой рождаемости — плохое материальное положение семьи и жилищные трудности.

Сочетание профессиональной деятельности родителей с выполнением семейных и родительских обязанностей вызывает много сложностей. Особенно остро данная проблема проявляется у женщин-матерей, имеющих детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Независимо от того, сколько часов в неделю приходится перерабатывать сверх нормы (при 40 часовой рабочей неделе), большинство респондентов (78,2 %) ответили, что работа на должности государственного / муниципального служащего влияет на семейную жизнь. Большинство респондентов (56,9 %), имеющих детей, указали, что женщинам — государственным / муниципальным служащим сложно поддерживать баланс работы и семьи. При возникновении потребности сопроводить ребенка в школу, на дополнительные занятия или на прием к врачу, каждый второй респондент (53,4 %), имеющий детей, отметил, что в целом им это сложно совместить со своим рабочим графиком.

В документах, определяющих ключевые положения о демографическом развитии страны, в качестве одного из подходов к решению задачи по повышению уровня рождаемости предлагается «расширение использования гибких форм занятости,

позволяющих совмещать работу с выполнением семейных обязанностей»¹. В Республике Башкортостан также в соответствующем документе определено, что необходимо «создание женщинам, в особенности имеющим малолетних детей, условий для совмещения семейных обязанностей и работы»². К сожалению, в рамках реализации мероприятий в области рождаемости не уделяется должного внимания вопросам совмещения профессиональной занятости родителей, особенно женщин, с исполнением родительских обязанностей. Более того, пренебрежение данной проблемой может выступать существенным препятствием к достижению ожидаемого числа детей в семье.

Особый интерес представляло мнение государственных и муниципальных служащих относительно способов выстраивания баланса работы и семьи. Вопрос анкеты «Как, на Ваш взгляд, можно сбалансировать работу и выполнение семейных (родительских) обязанностей?» был открытым. После обработки все предложения респондентов были сгруппированы по содержанию, затем условно распределены по группам факторов (табл. 3).

Отформатированные предложения респондентов с некоторой долей условности распределены на семь групп факторов: 1) зависящие от органа государственного или муниципального управления, 2) связанные с самоорганизацией и самомотивацией, 3) отражающие взаимосвязь между людьми в процессе совместной работы; 4) внутрисемейные отношения, 5) материальное благополучие, 6) корпоративная культура, 7) качество инфраструктуры. Большинство ответов (67,3 %) пришлось на первый фактор, который включает предложения по сокращению продолжительности рабочего дня при сохранении заработной платы, введение гибкого, индивидуального графика работы, дистанционных форм работы для женщин, имеющих детей. Второе место (32,7 %) занимают предложения, связанные с умением индивида правильно организовать свой рабочий процесс и умением выстраивать четкие границы между работой и семьей.

К работе государственного / муниципального служащего предъявляются высокие требования, что нередко приводит к физическим и эмоциональным нагрузкам. Не только возрастает вероятность возникновения профессионального стресса, но и усиливается отражение рабочей ситуации на семейных, родительских обязанностях. Эмоциональное состояние на работе и дома взаимосвязаны: неблагополучие в семье влияет на настроение на работе, и, наоборот, взаимоотношения на работе отражаются на отношениях в семье. Подавляющее большинство респондентов (92,0 %) хотели бы больше времени уделять своей семье и детям.

О существовании в коллективном договоре дополнительных мер поддержки работникам с семейными и родительскими обязанностями утвердительно ответили 13,3 % респондентов, отрицательно — 44,1 %, затруднились ответить — 42,6 % респондентов.

Во избежание острых ситуаций, связанных с трудностями совмещения баланса работы и семьи, необходимо на предприятиях, в организациях, в органах государственного и муниципального управления дополнительно к реализуемым мерам государственной и региональной демографической политики внедрить корпоративные демографические стандарты поддержки сотрудников с родительскими обязанностями.

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 9 окт. 2007 г. № 1351. Собр. законодательства Россицкой Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

² Об утверждении Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года : указ Президента Респ. Башкортостан от 14 июля 2008 г. № УП-333. Ведомости Гос. Собрания — Курултая, Президента и Правительства Респ. Башкортостан. 2008. № 15. Ст. 900.

**Группировка предложений респондентов для соблюдения баланса работы
и выполнения семейных (родительских) обязанностей**

Группа факторов	Содержание ответа	Ответы	Процент наблюдений
факторы, зависящие от органа государственного или муниципального управления (67,3 %)	сокращение рабочих часов при сохранении заработной платы	390	27,1
	гибкий график работы маме, работа он-лайн, индивидуальный график	333	23,1
	возможность взять отгул, дополнительные выходные дни, спокойно уйти на больничный лист	48	3,3
	строго нормированный по времени рабочий день, отпуск без переносов	199	13,8
факторы, связанные с самоорганизацией и самомотивацией (37,2 %)	эффективное планирование работы	244	16,9
	планирование рабочих и семейных мероприятий, четкие границы между работой и семьей	293	20,3
факторы, отражающие взаимосвязь между людьми в процессе совместной работы (9,9 %)	снижение психоэмоциональной нагрузки на работе, свободные выходные	66	4,6
	уважительное отношение к работникам с родительскими обязанностями	74	5,1
	хорошие отношения с начальством	3	0,2
факторы внутрисемейных отношений (8,9 %)	распределение обязанностей между супругами, помощь родственников, няни	89	6,2
	приоритет — семья	36	2,5
	это очень сложно, но надо к этому стремиться	2	0,1
	проще, спокойнее относиться к работе	2	0,1
факторы материального благополучия (5,4 %)	повышение заработной платы	66	4,6
	дополнительная финансовая поддержка семьям с детьми	11	0,8
факторы корпоративной культуры (4,1 %)	официальное разрешение сопровождать детей	57	4,0
	внедрение стандарта корпоративной политики	1	0,1
факторы качества инфраструктуры (1,4 %)	развитая инфраструктура детства, удобный режим работы детских учреждений	14	1,0
	бесплатная продленка в школе с удобным режимом работы	6	0,4
Итого		1934	134,3*

* Итог превышает 100,0 %, так как респонденты предлагали несколько вариантов ответа.

Источник: составлено автором.

В последние несколько лет в рамках проведения демографической политики активно обсуждается проблема баланса работы и семьи, которая особенно актуальна для женщин-матерей. В сложившейся неблагоприятной демографической ситуации проблема совмещения трудовой деятельности, семьи и родительских функций не только остро стоит в рамках приоритетных задач государственной политики по поддержке семей с детьми, но и затрагивает интересы бизнеса. По мнению исследователей, основными направлениями новой семейной политики, цель которой

не просто поддерживать определенный уровень благополучия семей с детьми, а создать равные возможности для самореализации мужчин и женщин как в профессиональной, так и в семейной сфере, являются развитие инфраструктуры заботы о детях, увеличение числа мужчин, использовавших право на отпуск по уходу за ребенком, формирование рабочего места, дружественного семье (Чернова, 2017). Таким образом, речь идет о корпоративной демографической политике как «совокупности мероприятий и нормативных положений, определяющих порядок взаимодействия руководства компаний с профсоюзом, трудовым коллективом с целью решения социально-экономических проблем семей работников, формирования благоприятных условий совмещения труда и семейной деятельности» (Кишко, 2014).

Мнение респондентов относительно мер поддержки в рамках корпоративной демографической политики представлено в таблице 4.

Наиболее значимыми мерами могли бы стать гибкий график работы и возможность дистанционной работы (54,0 % ответов), жилищные субсидии для молодых и многодетных семей (42,4 %) и компенсация расходов на санаторно-курортное лечение детям работников (41,6).

Мнение мужчин и женщин по пяти наиболее значимым предлагаемым мерам несколько различается (рис.).

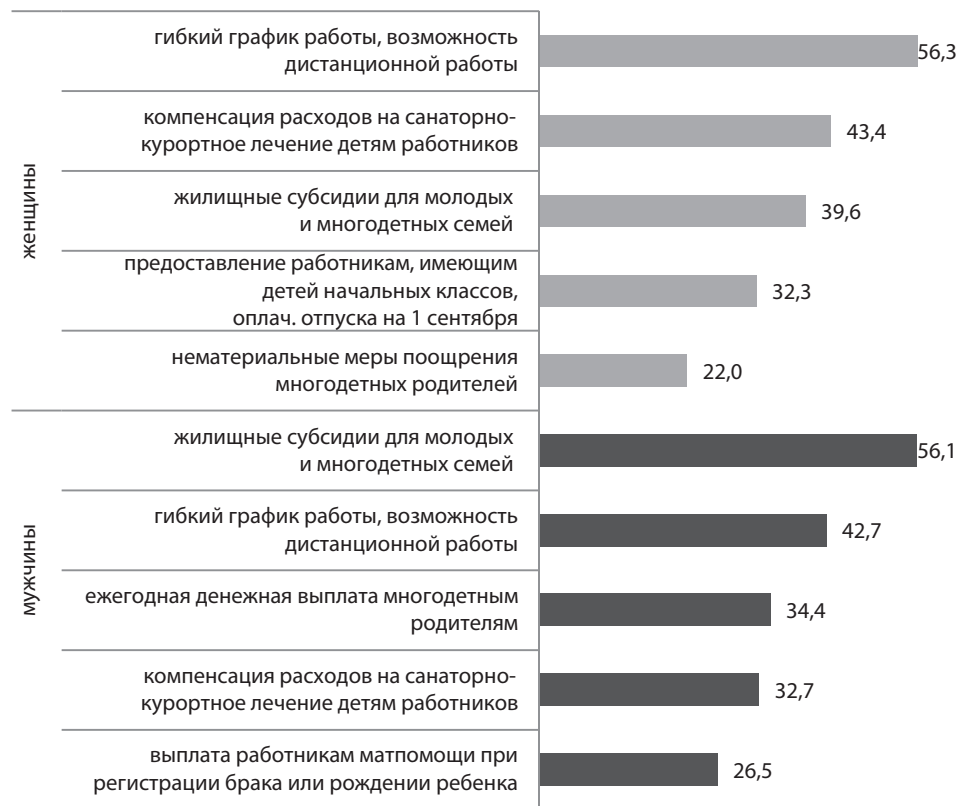
У мужчин из основных пяти мер четыре носят форму денежной поддержки и только одна — нематериальную (гибкий график работы и возможность дистанционной работы). Женщины, наоборот, выделили, в первую очередь, гибкий график работы и возможность дистанционной работы, на втором и третьем месте — денежная поддержка, на четвертом и пятом — меры нематериальной поддержки.

Таблица 4

Предложения по мерам поддержки в рамках корпоративной демографической политики

Варианты ответа	Ответы	Процент наблюдений
Гибкий график работы, возможность дистанционной работы	1133	54,0
Жилищные субсидии для молодых и многодетных семей	890	42,4
Компенсация расходов на санаторно-курортное лечение детям работников	872	41,6
Предоставление работникам, имеющим детей начальных классов, оплачиваемого отпуска на 1 сентября	649	30,9
Ежегодная денежная выплата многодетным родителям	454	21,6
Нематериальные меры поощрения многодетных родителей (бесплатные билеты, абонементы на культурные и спортивные мероприятия, секции, кружки и др.)	442	21,1
Выплата работникам матпомощи при регистрации брака или при рождении ребенка	434	20,7
Возмещение расходов на ведение беременности и роды	314	15,0
Предоставление работникам при регистрации брака или рождении ребенка оплачиваемого отпуска до пяти календарных дней	246	11,7
Проведение корпоративных и праздничных мероприятий для сотрудников и их семей	211	10,1
Повышение заработной платы	27	1,3
Всего	5672	270,4*

* Итог превышает 100,0 %, так как на данный вопрос предусматривалось несколько вариантов ответа. Источник: составлено автором.

Рис. Мнение мужчин и женщин по основным мерам корпоративной демографической политики, % (Примечание: итог превышает 100,0 %, так как респонденты предлагали несколько вариантов ответа. Источник: составлено автором)

Не исключено, что нацеленность мужчин преимущественно на денежные формы поддержки связана с тем, что финансовое обеспечение семьи главным образом ложится на плечи мужчин не только в период, когда женщина находится в декретном отпуске по уходу за ребенком и не получает заработную плату, но и когда женщина часто оформляет больничные листы по уходу за заболевшим ребенком.

На наш взгляд, перед российским обществом остро стоит проблема восстановления традиционных семейных ценностей, и решение данной проблемы лежит, безусловно, не в плоскости материального стимулирования рождаемости и финансовой поддержки семей с детьми, которые способны увеличить ожидаемое число детей до желаемого, но не в состоянии повысить желаемое число детей. На наш взгляд, повышение рождаемости и снижение бедности — это две отдельные целеустановки, необходимые для устойчивого развития России¹. Для достижения первой цели

¹Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 07.05.2019 N 4043п-П113).

Таблица 5

Меры, способствующие повышению ценности семейно-детного образа жизни

Варианты ответа	Ответы	Процент наблюдений
Доступность дополнительного образования по направлениям, возрастным категориям детей	892	42,6
Доступность спортивных секций для детей и подростков	862	41,1
Создание дружественной и комфортной инфраструктуры для семей с детьми	699	33,4
Увеличение мероприятий для семей с детьми (праздников, конкурсов, акций и др.)	652	31,1
Доступность семейного психологического консультирования	615	29,4
Активизация корпоративной семейной политики профсоюзных комитетов	566	27,0
Доступность бесплатных курсов (программ) по подготовке к семейной жизни	407	19,4
Увеличение количества и качества социальной рекламы	303	14,5
Увеличение общественных и социально ориентированных некоммерческих организаций по продвижению традиционных семейных ценностей	202	9,6
Всего	5198	248,1*

* Итог превышает 100,0 %, так как на данный вопрос предусматривалось несколько вариантов ответа.
Источник: составлено автором.

необходимо решение задач, направленных на формирование духовно-нравственных ценностей, образа благополучной семьи с двумя и более детьми, установки на здоровый образ жизни, для второй цели — эффективная политика в сфере доходов и оплаты труда. Подчеркнем, что уровень доходов семьи, безусловно, является одним из определяющих факторов репродуктивного поведения, но одним из основных двигателей в динамике рождаемости выступает потребность в детях, в основе которой лежат ценностные ориентиры на семью и детей.

По мнению респондентов, наиболее важными мерами для продвижения ценности семейно-детного образа жизни являются доступность дополнительного образования как по направлениям, так и по возрастным категориям детей (42,6 % ответов), доступность спортивных секций для детей и подростков (41,1 %), создание дружественной и комфортной инфраструктуры для семей с детьми (33,4 %) (табл. 5).

Соблюдение и поддержание семейных ценностей и традиций играют ведущую роль в укреплении брачно-семейных отношений и являются основой для крепкой, дружной, многопоколенной семьи. Наибольшую значимость и важность для большинства респондентов имеют совместные празднования (дни рождения, Новый год, памятные даты и др.), совместное проведение досуга (отдых всей семьей, семейные выходные, игры с детьми, посещение театров, музеев и др.) и уважение, почтение к старшему поколению.

Заключение

За последние сто лет в российском обществе происходили серьезные изменения, форсированные в начале XXI в. процессами цифровизации, которые проникли во все сферы жизнедеятельности человека. В новых условиях произошел слом привычных

жизненных ритмов человека, претерпели изменения не только ценностные установки, но и, самое главное, изменилось отношение к браку, к семье и детям. Современный человек невольно перестраивает свою жизнь под профессиональную сферу деятельности, которая захватывает сферу личной жизни и семью, вместе с тем откладывая вступление в брак и деторождение.

Выдвинутая в начале исследования гипотеза подтвердилась: на семейно-детный образ жизни, потребность в детях и реализацию репродуктивных планов значительное влияние оказывают такие факторы, как профессиональная занятость, доминирующая в обществе система ценностей и детерминированные обществом и принимаемые индивидом репродуктивные нормы.

Финансовое благополучие и состояние здоровья могли бы стать для респондентов репродуктивного возраста сильной мотивацией к рождению ребенка (еще одного ребенка), но при желании иметь детей.

Основные меры, которые помогли бы респондентам соблюдать баланс работы и семьи, лежат в зоне ответственности органов государственного или муниципального управления.

Отсутствие в большинстве органов государственного и муниципального управления в коллективных договорах дополнительных мер поддержки работников с семейными и родительскими обязанностями свидетельствует о необходимости внедрения корпоративного демографического стандарта поддержки сотрудников с родительскими обязанностями: финансовой поддержки работников, имеющих несовершеннолетних детей, системы гибкого рабочего дня и дистанционной работы, обеспеченность инфраструктурой детства, нематериальные меры поощрения родителей; проведение корпоративных и праздничных мероприятий для сотрудников и их семей, нацеленных на укрепление традиционных семейных ценностей и ведение здорового образа жизни.

В целом состояние института семьи является одним из важнейших индикаторов социальной стабильности и благополучия любого государства. В то же время государство через реализацию государственной политики в таких важных сферах, как брачно-семейные отношения, здравоохранение, образование, культура, СМИ, занятость населения и др., воздействует на развитие или на регресс таких важных институтов как брак и семья.

Благодарности

Социологическое исследование проведено в соответствии с решением расширенного заседания Координационного совета при Правительстве Республики Башкортостан по государственной семейной политике (протокол № 38 от 31.03.2023) и при организационной поддержке Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан.

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the decision of the expanded meeting of the Coordination Council on State Family Policy under the Government of the Republic of Bashkortostan (Protocol No. 38 dated 03/31/2023) and with the organizational support of the Ministry of Family, Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Bashkortostan.

Список источников

Акъюлов, Р. И. (2005). *Роль семьи в жизнедеятельности государственных служащих*: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 22. <https://rusist.info/book/916913?ysclid=ls6e1qmnprz458313088>

- Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости*. М.: ТЕИС, 399.
- Багирова, А. П., Вавилова, А. С. (2022). Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях. *Управленец*, 13(5), 34–48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3>
- Исупова, О. Г., Уткина, В. В. (2016). Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения. Мониторинг общественного мнения: *Экономические и социальные перемены*, 6, 69–88.
- Карабчук, Т. С., Нагерняк, М. А. (2013). Детерминанты занятости для матерей в России. *Журнал исследований социальной политики*, 11(1), 25–48.
- Кишко, С. В. (2014). Меры корпоративной семейной политики. *Экономика и социум*, 3(12), 114–120.
- Коростелев, Г. М., Краев, В. С. (1981). *Буржуазные концепции народонаселения: критический анализ*. М.: Финансы и статистика, 160.
- Кучмаева, О. В. (2019). Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни. *Экономика. Налоги. Право*, 12(2), 70–82.
- Мжельская, Е. В. (2013). Современные подходы к сущности понятия «Семейные ценности». *Самарский научный вестник*, 4(5), 113–115.
- Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В. (2015). *Семья в системе социальных институтов общества*. М.: ВАКО, Галлея принт, 372.
- Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А., Багирова, А. П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(5), 151–164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>
- Скрябина, Я. А. (2012). *Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики*. Уфа: БАГСУ, 284.
- Строков, К. В. (2013). Приоритеты молодежи в проведении свободного времени. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 2(118), 115–118.
- Чернова, Ж. В. (2012). Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей. *Журнал исследований социальной политики*, 10(3), 295–305.
- Чернова, Ж. В. (2017). Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями. *Демоскоп Weekly*, 739–740. https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0739/analit02.php#_ftn1
- Reynolds, J. (2005). In the Face of Conflict: Work-Life Conflict and Desired Work Hour. *Journal of Marriage and Family*, 67(5), 1313–1331.
- Skryabina, Y. A. (2021). Fertility dynamics and reproductive behaviour of men and women entering into marriage in the Republic of Bashkortostan. *Population and Economics*, 5(2), 55–75. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e64858>

References

- Akyulov, R. I. (2005). *Rol semi v zhiznedejatelnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: Avtoref. dis. ... k. sotsiol. nauk. [The role of the family in the life of civil servants: Abstract of the dissertation of the Candidate of Social Sciences]*. Ekaterinburg, 22. <https://rusist.info/book/916913?ysclid=1s6e-1qmnpz458313088> (In Russ.)
- Arkhangelskiy, V. N. (2006). *Faktory rozhdaemosti [Fertility factors]*. М.: ТЕИС, 399. (In Russ.)
- Bagirova, A. P., & Vavilova, A. S. (2022). Corporate demographic policy: The reality and development opportunities in Russian organizations. *Upravlenets [The manager]*, 13(5), 34–48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3> (In Russ.)

Chernova, Zh. V. (2012). The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 10(3), 295–305. (In Russ.)

Chernova, Zh. V. (2017). A family-friendly workplace: policy initiatives, the position of the employer, and types of support for employees with family responsibilities. *Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]*, 739–740. https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0739/analit02.php#_ftn1 (In Russ.)

Isupova, O. G., & Utkina, V. V. (2016). Women in the civil service in Russia: career, family, reproductive intentions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 6, 69–88. (In Russ.)

Karabchuk, T. S., & Nagernyak, M. A. (2013). Employment Determinants for Mothers in Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 11(1), 25–48. (In Russ.)

Kishko, S. V. (2014). Measures of corporate family policy. *Ekonomika i sotsium [Economics & Society]*, 3(12), 114–120. (In Russ.)

Korostelev, G. M., & Kraev, V. S. (1981). *Burzhuaznye kontseptsii narodonaseleniya: kriticheskiy analiz [Bourgeois concepts of population: a critical analysis]*. М.: Finance and Statistics, 160. (In Russ.)

Kuchmaeva, O. V. (2019). The Ideal Family Model in the Eyes of Russians and a Strategy of Enhancing the Value of the Family Lifestyle. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, taxes & law]*, 12(2), 70–82. (In Russ.)

Mzhelskaya, E. V. (2013). The modern approaches to the idea of family values. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, 4(5), 113–115. (In Russ.)

Reynolds, J. (2005). In the Face of Conflict: Work-Life Conflict and Desired Work Hour. *Journal of Marriage and Family*, 67(5), 1313–1331.

Rostovskaya, T. K., & Kuchmaeva, O. V. (2015). *Semya v sisteme sotsialnykh institutov obshchestva [The family in the system of social institutions of society]*. М.: WACO, Halley print, 372. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Bagirova, A. P. (2021). The Concept for Corporate Demographic Policy of Russian Enterprises in the Framework of Corporate Social Responsibility. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, trends, forecast]*, 14(5), 151–164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9> (In Russ.)

Skryabina, Y. A. (2021). Fertility dynamics and reproductive behaviour of men and women entering into marriage in the Republic of Bashkortostan. *Population and Economics*, 5(2), 55–75. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e64858>

Skryabina, Ya. A. (2012). *Osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya v usloviyakh transformatsionnoy rossiyskoy ekonomiki [Peculiarities of reproductive behavior of the population in the conditions of the transformational Russian economy]*. Ufa: BAGSU, 284. (In Russ.)

Strokov, K. V. (2013). Priorities of youth in free time. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambov University Review. Series: Humanities]*, 2(118), 115–118. (In Russ.)

Информация об авторе

Скрябина Яна Альбертовна — кандидат экономических наук, начальник отдела анализа демографических процессов и семейно-брачных отношений, ГКУ Республиканский ресурсный центр «Семья»; ведущий научный сотрудник, Институт стратегических исследований АН РБ; доцент кафедры экономики и управления, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан»; <https://orcid.org/0000-0001-9747-8024> (Российская Федерация, 450071, г. Уфа, ул. 50 лет СССР, 27/1; e-mail: skryana67@mail.ru).

About the author

Yana A. Skryabina — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Department of Analysis of Demographic Processes and Family and Marital Relations, Republican Resource Center «Family»; Leading Research Associate, Institute of Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan; Associate Professor, Department of Economics and Management, Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan; <https://orcid.org/0000-0001-9747-8024> (27/1, 50 let SSSR St., Ufa, 450071, Russian Federation; e-mail: skryana67@mail.ru).

IV. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК:316.36

JEL classification: J12

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-4-1>

Взгляды молодежи на модели брака (по материалам конкретного исследования в Якутии)¹

А. С. Барашкова^а, Е. С. Стручкова^б

^а Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-3397-5547>

^б Якутский финансово-экономический колледж им. И. И. Фадеева (г. Якутск, Россия).
Автор для корреспонденции: А. С. Барашкова (asbarashkova52@mail.ru).

Аннотация. В современных условиях усилился интерес исследователей к вопросу отношения населения к формам брака. На острие идеологической борьбы, затрагивающей сферу брака и семьи, оказалась молодежь, родившаяся в начале XXI в. Целью исследования является определение предпочтений молодежи в брачно-семейной сфере и выявление условий выбора молодежью той или иной модели брака. Информационной базой послужили данные переписей населения, текущей статистики и материалы анкетирования. При этом если статистическая информация не вселяет особого оптимизма в плане тенденций брачного поведения, то материалы проведенного опроса показывают возможность позитивных сдвигов в сфере брака в Якутии в будущем. Выводы и рекомендации исследования могут представлять интерес для специалистов, работающих со студенческой аудиторией.

Ключевые слова: брак; выбор форм брака; студенческая молодежь; Якутия

Youth Attitude towards Marriage Models (Based on a Case Study from Yakutia)

A. S. Barashkova^а, E. S. Struchkova^б

^а North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-3397-5547>

^б College of Finance and Economics named after I. I. Fadeev (Yakutsk, Russia).
Corresponding author: A. S. Barashkova (asbarashkova52@mail.ru).

Abstract. At present, researchers are increasingly interested in the population's ideas about forms of marriage. Ideological struggle in the sphere of marriage and family relations affects the young generation born in the early 21st century. The study aims to identify preferences of young people in the sphere of marriage and family and reveal conditions influencing their choice of different forms of marriage. Population census data, current statistics and questionnaire survey results were analysed. While statistics show negative trends, the survey results demonstrate the possibility of positive changes in the sphere of marriage in Yakutia in the future. The findings and policy recommendations can be used by experts working with student youth.

Keywords: marriage; choice of forms of marriage; student youth; Yakutia

---

¹ © Барашкова А. С., Стручкова Е. С. Текст. 2024.

Введение

Сущность и место брака в системе жизненных ценностей человека в зависимости от политического строя, социально-экономического уклада, правовых основ государства, образа жизни индивида является одним из традиционных предметов изучения отечественных и зарубежных исследователей (Синельников, 2018; Захаров, 2007; Schoen & Cheng, 2006; Goldstein & Kenney, 2001; Lesthaeghe, 2010). А в условиях бескомпромиссного противостояния Российской Федерации и коллективного Запада, затрагивающего и мировоззренческие основы общества, актуальность исследования вопросов системы ценностей, включая различные аспекты выбора человеком формы организации его личной жизни, возрастает многократно (Лапин, 2010; Мареева, 2013; Михеева, 2012; Синельников, 2016; Гурко & Тарченко, 2019; Ростовская и др., 2023).

Значение изучения проблем населения в сфере брака заключается и в том, что предпосылки заключения брака, развитие семьи в последующем так или иначе отражаются на динамике общей демографической ситуации в любом регионе (Волков, 1986; Харчев, 1979; Римашевская, 2004; Голод, 1984), а предпочтение официально зарегистрированной или незарегистрированной формы брака, на наш взгляд, будет отражаться на всех элементах взаимоотношений между мужчиной и женщиной уже в рамках семьи. При этом с некоторыми оговорками следовало бы признать, что выбор людьми официально зарегистрированного брака отвечает нормам традиционной системы ценностей в стране, а предпочтение свободного супружеского союза находится в рамках либеральных воззрений в области брака и семьи. К сожалению, кризисные признаки в русле модернизационных моделей брачного поведения населения, несмотря на большую представленность сельского населения, с которым связаны традиционные устои, наблюдаются и в Якутии (Сукнёва и др., 2015; Попов & Попов, 1988; Барашкова & Кондратьева, 2023; Барашкова & Стручкова, 2016).

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., удельный вес мужчин и женщин Якутии, состоящих в зарегистрированном браке, уступает средним показателям по стране: 52,6 % и 46,2 % против 57,6 % и 48,7 % от числа указавших брачное состояние. Зато уровень сожительствия здесь заметно превосходит средние значения: 7,5 % и 6,8 % против 5,7 % и 4,8 % соответственно. Еще более удручающая картина складывается в сельской местности республики. Лишь 49,0 % и 44,5 % сельских мужчин и женщин живут в зарегистрированном браке (в РФ — 56,0 % и 49,5 %), в то время как 8,2 % и 7,5 % пребывают в свободном брачном союзе (в РФ — 6,6 % и 5,8 %) ¹.

Причем подобная ситуация на брачном рынке Якутии наблюдается и по материалам предыдущих переписей населения, о чем свидетельствуют данные таблицы 1. Хотя накопление молодежи среди людей, не оформивших свои брачные отношения, вполне объяснимо, динамика анализируемых показателей говорит об устоявшейся неблагоприятной тенденции. Это касается как доли сожительствующих от общей численности состоящих в браке, так и соотношения числа зарегистрированных и свободных брачных союзов, особенно для населения моложе 24 лет.

Пожалуй, позиция именно молодежи в вопросе оформления / неоформления возникших отношений с партнером имеет большое значение в приведенном распределении брачного состояния населения Республики Саха (Якутия). Одним из фоновых (косвенных) условий, не способствующих регистрации сложившихся отношений

¹Рассчитано по: Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

Таблица 1

Динамика отдельных показателей незарегистрированных браков в Республике Саха (Якутия)

Возрастная группа	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>Удельный вес сожителей, в % от численности состоящих в браке</i>						
Все население	13,1	13,2	17,8	17,9	12,4	12,9
24 и моложе	25,3	25,2	36,5	34,3	29,0	31,7
<i>На 100 зарегистрированных браков приходится незарегистрированных супружеских союзов</i>						
Все население	15,1	15,2	21,6	21,8	14,2	14,8
24 и моложе	33,9	33,7	57,4	52,1	40,9	46,4

Источники: Состояние в браке и рождаемость населения Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 7. Статистический сборник. Якутск, 2006. С. 40-41; Возрастно-половой состав и состояние в браке Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 2. Статистический сборник. Якутск, 2012. С. 80-81; <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

между партнерами или же заставляющих их глубоко задуматься над этим вопросом, является доступная статистическая информация. В частности, ежегодные разномасштабные колебания числа браков, показывающие огромную неустойчивость процесса брачности. Например, за 2020–2019 гг. темп убыли числа браков составил 31,2 %, а следом произошел рост (за 2021–2020 гг. — на 28,1 %)¹.

Цель исследования — раскрытие особенностей отношения студенческой молодежи Якутии к первооснове семьи — браку, а также выявление условий, определяющих выбор молодежью той или иной модели брака. Материал опроса, возможно, позволит предвидеть позитивные сдвиги в брачном поведении населения. Регион в целом характеризуется незавершенностью перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному типу, в статье выясняется, отражается ли это промежуточное состояние на выбор форм брака у респондентов.

Материалы и методы

В качестве метода исследования выступает анкетирование, в котором участие приняли студенты Якутского финансово-экономического колледжа им. И.И. Фадеева (n = 185). В отличие от обследования, проведенного в 2015 г., основные выводы которого приведены в (Барашкова & Стручкова, 2016), был расширен круг рассматриваемых вопросов. Анкета включила пять вопросов полуоткрытого типа, раскрывающих предмет исследования и социально-демографическую часть. В начале опроса объяснялась задача опроса, освещались современные тенденции в брачно-семейной сфере в Якутии. Социально-демографический портрет респондентов выглядит так. Наибольший удельный вес приходится на 18-19-летних (51,4 %). Активное участие в опросе приняла молодежь в возрасте 17 лет и моложе (32,4 %). Остальная доля приходится на 20-22-летних и лиц старше 23 лет (8,6 % и 7,6 %). Преобладают девушки (73,5 %), что соответствует гендерному распределению обучающихся в колледже. Доля участников, родившихся в городе, составила 48,6 %, в поселках городского типа — 14,6 %, а 36,8 % респондентов — это выходцы из сельской местности. По году

¹ Рассчитано по: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): статистический сборник / Саха (Якутия)стат. Якутск. 2022. С. 184; Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): статистический сборник. Якутск: Типография СМИК, 2023. С. 82.

обучения распределение было таковым: первокурсники — 55,7 %, второкурсники — 27,0 %, остальные — третьекурсники.

Обсуждение

Какую модель брака выберет молодежь, стоящая на пороге семейной жизни, — вопрос, глубоко интересующий не только специалистов в сфере брачно-семейных отношений, но и педагогов. Столь же часто задаваемым остается вопрос, как молодым людям определиться в этом обширном, полном соблазнов мире, где все чаще встречаются, порой исподволь пропагандируются такие формы брака, как гостевой, партнерский, пробный, временный, модель шведской семьи и другие порочные формы.

Следуя логике обследования, прежде всего необходимо было определиться с приемлемой для респондентов формой их брака в будущем. Несмотря на молодой возраст респондентов (в выборку попали даже две 15-летние девушки, поскольку набор в колледж идет на базе неполного среднего образования), обнаруживается весьма четкое представление о предмете опроса. Две трети ответивших выбрали вариант юридически оформленного брака. Такое мнение в равной мере присуще как самым молодым, так и респондентам постарше независимо от места рождения. Брак в форме свободных отношений партнеров оказался предпочтительным лишь для 9,7 % участников опроса, среди которых чаще встречаются юные первокурсницы (возможно, бравировуют). Этот факт может свидетельствовать также о какой-то протестной позиции, свойственной тинейджерам, возможно, потому что многие из них живут с родителями. Затруднения при ответе на данный вопрос чаще испытывали первокурсницы, проживающие в общежитии. Встречаются и весьма оригинальные суждения. Например, высказывается мнение, что можно придерживаться полигамных отношений, имеется ввиду, видимо, что, имея законного супруга, со вторым партнером можно «просто жить вместе», с третьим — «как получится»¹. Это мнение 19-летней второкурсницы, проживающей в общежитии. Выбор формы брака одна 20-летняя девушка (горожанка, проживающая отдельно от родителей) четко связывает с материально-финансовым положением партнеров. Считает, что бедным не стоит гордиться с регистрацией отношений, а «если есть имущество, деньги, обязательно надо юридически подстраховаться» на случай развода.

Распределение ответов на второй вопрос анкеты позволяет раскрыть доводы выбора респондентами модели официального брака. Готовы регистрировать свои отношения по причине желания «иметь рядом родного любимого человека» 55,7 % участников опроса. Выбор формы юридически оформленного брака, на взгляд 43,2 % респондентов, связан с ответственным отношением супругов друг к другу, к детям, к старшему поколению, к общественному мнению, что расценивается нами как повод для оптимизма. Аргумент опасения за судьбу ребенка (детей), желание, чтобы у ребенка были оба родителя, приводят 36,2 % опрошенных. Официальный брак как гарантия защиты интересов супругов, детей в случае развода рассматривается почти каждым третьим респондентом, т. е. в какой-то степени очерчиваются контуры заботы государства при неблагоприятном стечении обстоятельств.

Студенты имели возможность выбрать не менее трех вариантов ответа на заданный вопрос, в целом было высказано 432 мнения. Среди возможных доводов выбора формы официального брака чаще других упоминается «желание иметь рядом родного любимого человека» (23,8 %). На втором месте по частоте упоминаний находится

¹ *Здесь и далее курсивом выделены высказывания респондентов. Сохранен авторский стиль речи.

мнение, что только зарегистрированный брак свидетельствует об ответственном отношении человека к институту брака (18,5 %). Полученные результаты косвенно показывают, что молодежь мало или вовсе не связывает вопрос регистрации брака как одобряемую государством форму отношений между мужчиной и женщиной (5,3 %). Не желали бы следовать модели семьи родителей 2,8 % опрошенных. Пожалуй, молодежь свое предпочтение модели юридически оформленного брака считает только своим осознанным решением, не подвергнутому постороннему давлению.

Следующий вопрос анкеты был посвящен условиям, способствующим прочности брака и семьи. Было высказано почти 730 мнений. Они касаются высших чувств человека, поведенческих аспектов, индикаторов социального самочувствия, т. е. практически элементов внутренней среды семьи (Кузьмин, 1996). Самыми популярными оказались позиции, связанные с пониманием эмоционального состояния будущего супруга (супруги), взаимной заботой, доверием: они составляют 23,1 % от всех ответов, который высказали 90 % участников опроса. Каждый второй респондент считает, что для укрепления брака и семьи важен семейный уют, под которым молодежь подразумевает не только доброжелательность, теплоту отношений в браке, но и чистоту дома, дизайн, наличие «уголков для общения». Справедливо признается, что при отсутствии общности взглядов, интересов даже при «просторной квадратуре» никакого уюта не создать.

Примечателен факт, что на вариант «общность взглядов, интересов» чаще обращают внимание студенты, проживающие в общежитии. Видимо, опыт повседневного бытия в тесном общении с неродными по крови ровесниками дает богатую пищу для размышлений, перетекая, в частности, и в сферу будущей семейной жизни. Во мнениях студентов старше 19 лет среди возможных скреп брака и семьи достойное место занимает любовь к детям как проявление высших чувств человека. Вместе с тем, мнение, что большое число детей способно укреплять брак и семью, встречается очень редко. Материальное благополучие в рассматриваемом ракурсе в равной мере упоминается студентами разных годов обучения, но тоже не так часто.

Как известно, свободные брачные союзы не фиксируются органами ЗАГС, соответственно, не учитываются в текущей статистике, но материалы переписей населения, как показано в таблице 1, свидетельствуют о распространении явления сожительства в Якутии. Поэтому анализ отношения молодежи к феномену гражданских браков вошел в программу опроса. Было предложено четыре варианта ответа, из которых выбирался только один. Обследование в целом показало индифферентное отношение молодежи к форме свободного союза. Формулировку «отношусь равнодушно, это личное дело каждого» выбрало 78,9 % опрошенных. Во всех социально-демографических группах выборки превалирует именно этот вариант.

Резко отрицательной позиции придерживаются всего лишь 4,3 % респондентов, среди которых чаще юноши — уроженцы села. Они считают, что нерегулируемые связи, пусть даже «под благовидным соусом разрушают традиционную семью». Их удивляет, что такие отношения не встречают осуждения в молодежной среде. Более того и в сельской местности «уже редко услышишь слова упрека, а это пагубно». Люди, по их мнению, перестают быть ответственными. Встречаются и компромиссные мнения. Например, «если отношения длятся короткое время или оба партнера понимают, что узаконенные отношения им ни к чему, то все в порядке и нет ничего страшного. Но, если у пары есть дети и одновременно за спиной приличное количество лет в отношениях, то такой союз не понимаю и в какой-то степени осуждаю».

Результаты обследования 2015 г. позволили нам заключить, что гражданский брак, по мнению опрошенных, нацелен только на индивида, основан на системе его ценностей, моральных установках, готовности нести ответственность за судьбу избранницы (избранника). Насколько видоизменились суждения молодежи спустя почти десятилетие? Взгляды студентов 2024 г. представлены в таблице 2.

И вновь причина «безответственность, неготовность молодежи к серьезным отношениям» держит пальму первенства среди возможных причин распространения гражданских браков (21,1 %), на которую указали более трети опрошенных (36,8 %). К причинам не оформленных отношений 28,6 % респондентов относят общую тревожность, неуверенность в завтрашнем дне. Чуть меньшее число опрошенных указывает, что такая форма брака позволяет проверить складывающиеся отношения, обрести жизненный опыт. Проникновение либеральных воззрений в вопросах брака и семьи проявляется в своеобразном восприятии молодежью термина «свобода», а также в их желании следовать неолиберальным моделям отношений между мужчиной и женщиной, распространенных в странах коллективного Запада, на что указывают 21,6 % и 20,5 % опрошенных. Выявленные в ходе анкетирования причины распространения гражданских браков можно рассматривать как условия подготовки к полноценному брачному союзу, который может благополучно существовать при сочетании лучших качеств и чувств человека, его адекватного поведения, позитивного психологического климата, достойного материального фундамента семьи, что в совокупности способно противостоять разноплановому воздействию внешней среды.

Заметим, что среди предложенных вариантов ответа респонденты в редких случаях обращают внимание на «отстраненность государства от вопросов организации личной жизни граждан» (6,2 %) и «ослабление социального контроля» (5,9 %). Возможно, это осознанная позиция молодежи — не допускать вмешательства посторонних в свою частную жизнь. Однако присутствует опасение, что без контроля со стороны социума и государства модели будущего брачного поведения молодежи могут пойти

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Чем вызвано, по Вашему мнению, распространение гражданских браков»

Причины распространения гражданских браков	Процент респондентов, выбравших данный ответ, %	Частота данного ответа среди предложенных вариантов, %
Безответственность, неготовность молодежи к серьезным отношениям	36,8	21,1
Общая тревожность, неуверенность в завтрашнем дне	28,6	16,4
Возможность проверить возникшие отношения	25,4	14,6
Восприятие молодежью понятия «свобода»	21,6	12,4
Желание следовать моделям отношений между мужчиной и женщиной в странах с либеральной идеологией	20,5	11,8
Проявление индивидуальности	20,5	11,8
Отстранённость государства от вопросов организации личной жизни граждан	10,8	6,2
Ослабление социального контроля	10,3	5,9

Рассчитано по материалам авторского опроса.

по нежелательной для общества траектории. В этой связи наша рекомендация касается возврата семье функции социального контроля, что подразумевает необходимость поиска точек соприкосновения государства, общества, семьи.

Заключение

Итак, проведенный анализ статистической информации свидетельствует о достаточно неблагоприятном течении процесса брачности в Якутии. Вместе с тем материалы опроса позволяют надеяться, что позитивные сдвиги в будущем возможны. Анкетирование показало, что 64,3 % респондентов предпочтут модель зарегистрированного брака, отвечающей нормам традиционной системы ценностей. Форму свободного супружеского союза, возможно, в будущем выберут 9,7 % участников опроса. Такая позиция воспринимается нами как выбор современной модели брака. Регион характеризуется незавершенностью перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Этот факт, видимо, отражается на численности неопределившихся (23,8 %). В целом можно заключить: ныне молодежь Якутии более открыта к диалогу, готова к разговору даже на деликатные темы, чего ранее особо не наблюдалось. В последующем создание единой информационной базы материалов опросов 2015 и 2024 г. позволило бы расширить рамки анализа, а также конкретизировать выводы и рекомендации, которые могут представлять интерес для специалистов, работающих со студенческой аудиторией.

Благодарности

Исследование выполнено по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSRG-2023-0025).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the state order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the project No. FSRG-2023-0025).

Список источников

Барашкова, А. С., Кондратьева, В. И. (2023). Трансформационные процессы в сфере брака и семьи (по результатам социолого-демографических исследований в Якутии). В: *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам. Сборник научных статей* (с. 651–659). Екатеринбург.

Барашкова, А. С., Стручкова, Е. С. (2016). Гражданский брак в Якутии: мнения студенческой молодежи. В: *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сборник статей VII Уральский демографического форума с международным участием. Том 1* (с. 271–275). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Волков, А. Г. (1986). *Семья — объект демографии*. Москва: Мысль, 271.

Голод, С. И. (1984). *Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты*. Ленинград: Наука, 136.

Гурко, Т. А., Тарченко, В. С. (2019). Динамика брачных установок и планов студентов. *Социологические исследования*, 7, 102–113.

Захаров, С. В. (2007). Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*, 1, 75–126.

Кузьмин, А. И. (1996). Концептуальные подходы к исследованию жизнедеятельности семьи. *Семья в России*, 1, 14–30.

- Лапин, Н. И. (2010). Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов. *Социологические исследования*, 1, 28–36.
- Мареева, С. В. (2013). Динамика норм и ценностей россиян. *Социологические исследования*, 7, 120–130.
- Михеева, А. Р. (2012). *Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 156.
- Попов, Б. Н., Попов, В. Б. (1988). Современные проблемные ситуации при создании семьи. В: *Семья у народов Северо-Востока СССР* (с. 51–65). Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 112.
- Римашевская, Н. М. (2004). Семья в странах с переходной экономикой. *Народонаселение*, 4, 5–18.
- Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Золотарева, О. А. (2023). Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 23 (1), 40–60. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>
- Синельников, А. Б. (2016). Есть ли альтернатива законному браку? Вестник Московского университета. *Серия 18: Социология и политология*, 3, 125–147.
- Синельников, А. Б. (2018). Семейные ценности как цель в жизни для законных супругов и сожителей. *Народонаселение*, 21 (2), 46–59.
- Сукнёва, С. А., Барашкова А. С., Ефимов В. С. (2015). *Будущее Республики Саха (Якутия). Кн. 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики*. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 220.
- Харчев, А. Г. (1979). *Брак и семья в СССР*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 367.
- Goldstein, J. R., & Kenney, C. T. (2001). Marriage delayed or marriage forgone? New cohort forecasts of first marriage for U.S. women. *American Socio-logical Review*, 66, 506–519.
- Lesthaeghe, R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition. *Population Research and Policy Review*, 3(44), 232–261.
- Schoen, R., & Cheng, Y-H. A. (2006). Partner choice and differential retreat for marriage. *Journal of Marriage and Family*, 68, 1–10.

References

- Barashkova, A. S., & Kondratieva, V. I. (2023). Transformational processes in the sphere of marriage and family (according to the results of sociological and demographic research in Yakutia). In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam. Sbornik nauchnykh statey [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges. Collection of scientific articles]* (pp. 651–659). Ekaterinburg.
- Barashkova, A. S., & Struchkova, E. S. (2016). Civil marriage in Yakutia: opinions of students. In: *Dinamika i inertsionnost vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG. Sbornik statey VII Uralskiy demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem Tom. I [Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS. Collection of articles of the VII Ural Demographic Forum with international participation. Vol. I]*. (pp. 271–275). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 444.
- Goldstein, J. R., & Kenney, C. T. (2001). Marriage delayed or marriage forgone? New cohort forecasts of first marriage for U.S. women. *American Socio-logical Review*, 66, 506–519.
- Golod, S. I. (1984). *Stabilnost semi: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty [Family stability: sociological and demographic aspects]*. Leningrad: Nauka, 136.
- Gurko, T. A., & Tarchenko, V. S. (2019). Dynamics of Students' Marital Attitudes and Plans. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 7, 102–113.

Kharchev, A. G. (1979). *Brak i semya v SSSR. 2-e izd., pererab. i dop. [Marriage and family in the USSR. 2nd ed., revised and enlarged]*. M.: Thought, 367.

Kuzmin, A. I. (1996). Conceptual approaches to the study of family life. *Semya v Rossii [Family in Russia]*, 1, 14–30.

Lapin, N. I. (2010). Functionally orienting clusters of basic values - population of Russia and its regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 1, 28–36.

Lesthaeghe, R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition. *Population Research and Policy Review*, 3(44), 232–261.

Mareeva, S. V. (2013). The dynamics of norms and values of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 7, 120–130.

Mikheeva, A. R. (2012). *Chelovek v sfere chastnoy zhizni: vektory transformatsii semeynykh otnosheniy [A person in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations]*. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 156.

Popov, B. N., & Popov, V. B. (1988). Modern problematic situations when starting a family. In: *Semya u narodov Severo-Vostoka SSSR [The family of the peoples of the North-East of the USSR]* (pp. 51–65). Yakutsk: Yakutsk branch of the SB of the USSR Academy of Sciences.

Rimashevskaya, N. M. (2004). Family in transition economies. *Narodonaselenie [Population]*, 4, 5–18.

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Zolotareva, O. A. (2023). Russian student family: Determinants of marriage. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 23(1), 40–60. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>

Schoen, R., & Cheng, Y.-H. A. (2006). Partner Choice and the Differential Retreat from Marriage. *Journal of Marriage and Family*, 68, 1–10.

Sinel'nikov, A. B. (2016). Is there an alternative to legal marriage? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]*, 3, 125–147.

Sinel'nikov, A. B. (2018). Family values as the goal of life for legal spouses and cohabitants. *Narodonaselenie [Population]*, 21(2), 46–59.

Sukneva, S. A., Barashkova A. S., & Efimov V. S. (2015). *Budushchee Respubliki Sakha (Yakutiya). Kn. 2. Protsessy demograficheskogo vosпроизводства i zadachi sotsialno-demograficheskoy politiki [The Future of Sakha Republic (Yakutia). Book 2. The processes of demographic reproduction and the tasks of socio-demographic policy]*. Yakutsk: Publishing House of the Northeastern Federal University, 220.

Volkov, A. G. (1986). *Semya — obekt demografii [The family is an object of demography]*. Moscow: Mysl, 271.

Zakharov, S. V. (2007). Transformation of marriage and partnership relations in Russia: is the «golden age» of traditional marriage nearing its end? *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v seme i obshchestve [Parents and children, men and women in the family and society]*, 1, 75–126.

Информация об авторах

Барашкова Анастасия Спиридоновна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория экономики народонаселения и демографии, НИИ региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547> (Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Строителей 8а; e-mail: asbarashkova52@mail.ru).

Стручкова Екатерина Спиридоновна — преподаватель, Якутский финансово-экономический колледж им. И. И. Фадеева (Российская Федерация, 677013, г. Якутск, ул. Ойунского 24; e-mail: struchkovae@inbox.ru).

About the author

Anastasiia S. Barashkova — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Department of Population Economics and Demography, Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547> (8a, Stroiteley St., Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: asbarashkova52@mail.ru).

Ekaterina S. Struchkova — Lecturer, Yakutsk College of Finance and Economics named after I. I. Fadeev (24, Oyunskogo St., Yakutsk, 677013, Russian Federation; e-mail: struchkovae@inbox.ru).

УДК 314.06:314.4

JEL classification: J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-4-2>

Репродуктивное поведение: сущность, виды и особенности проявления¹

Б. Ю. Берзин^a, А. В. Обвинцева^b

^{a, b} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

^a <https://orcid.org/0000-0002-5500-9454>

Автор для корреспонденции: Б. Ю. Берзин (berzinb@yandex.ru)

Аннотация. *Репродуктивное поведение как разновидность социального поведения людей находится в фокусе рассмотрения различных наук: демографии, экономики, медицины, истории, социологии и психологии. Многогранность темы затрудняет анализ понятия, но, в целом это поведение человека, связанное с деторождением. Современная эпоха внесла существенные изменения в стратегии человеческого поведения: уменьшилось желаемое число детей, отодвинулись сроки рождения первенца, возросло количество семей с незарегистрированным браком. Появились новые стратегии, связанные с оплодотворением, контрацепцией. Проведенный опрос позволил составить социально-демографический портрет беременных женщин, используемые ими практики в дородовый период.*

Ключевые слова: репродуктивное поведение женщин; установки; беременность; ребенок; репродуктивные факторы; стратегии; брачное поведение; партнер

Reproductive Behaviour: Essence, Types and Characteristics

B. Yu. Berzin^a, A. V. Obvintsva^b

^{a, b} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

^a <https://orcid.org/0000-0002-5500-9454>

Corresponding author: B. Yu. Berzin (berzinb@yandex.ru).

Abstract. *Reproductive behaviour as a type of social behaviour is considered by various sciences: demography, economics, medicine, history, sociology and psychology. While this concept is difficult to analyse due to versatility of the topic, it is generally defined as human behaviour related to childbirth. The modern era significantly affected the strategies of human behaviour: the desired number of children has decreased, first children are born later in parents' life, and the number of non-married families has increased. New strategies related to fertilisation and contraception have emerged. The survey developed a socio-demographic portrait of pregnant women and described their practices during the prenatal period.*

Keywords: reproductive behaviour of women; attitudes; pregnancy; child; reproductive factors; strategies; marital behaviour; partner

Введение

Время жизни современного человека становится более пластичным, гибким,страшимым. Период взросления увеличивается за счет возрастания времени, затрачиваемого на образование и поиски себя. Престижность в современном обществе дает карьера, а не создание семейных отношений и рождение детей, как это было 20–40 лет назад.

---

¹ © Берзин Б. Ю., Обвинцева А. В. Текст. 2024.

Современная семья идет в сторону большей эгалитарности семейных отношений и гендерного равенства:

— в отношении распределения бытовых нагрузок проделан самый успешный путь к эгалитаризму — почти половина мужчин и более половины женщин считают, что бытовые обязанности нужно делить поровну;

— в случае с распределением обязанностей по уходу и воспитанию детей норма, по которой это преимущественно женская обязанность, смягчается и прежде всего ее «размывают» мужчины;

— стереотип о том, что финансово обеспечивать семью должен мужчина, в целом сохраняется, причем в большей мере его поддерживают сами мужчины.

Появление эффективных средств контрацепции, учреждений, занимающихся планированием семьи, привело к разделению брачного, репродуктивного и сексуального поведения, сделав их автономными сферами самореализации.

Внебрачные дети стали нормальным явлением, женщины начали прибегать к индивидуальному использованию услуг ЭКО, родам «для себя», поздним беременностям, после достижения желаемого уровня карьерного роста. Вследствие этого начало брачно-партнерских отношений и рождений детей размываются, наступая в соответствии с индивидуальными потребностями и представлениями каждого человека. Ярko видна картина откладывания демографических событий на возраст после 32–35 лет.

Обзор литературы

XI в. принес и еще больше обострил проблемы, связанные с сохранением семьи, с воспроизводством населения: позднее вступление в брак, изменение отношения к его регистрации, снижение ценности многодетности, рост числа разводов наряду с другими социально-экономическими факторами привели к падению деторождаемости (Архангельский, 2013).

Дальнейшее развитие ситуации возможно, как считают исследователи, по двум основным сценариям:

1. При повышении материального благополучия благодаря воздействию со стороны общества и позитивной оценке этого влияния населением произойдет увеличение рождаемости.

2. Негативная оценка происходящих перемен и будущих перспектив не дает положительного эффекта и сохранит существующие тенденции.

Влияние материального фактора на репродуктивное поведение, связь реальной зарплаты и суммарного коэффициента рождаемости достаточно освещены в научной литературе (Клупт, 2022).

С ростом благосостояния вероятность наличия детей в российских семьях снижается. А одним из важнейших параметров, которые определяют готовность пар к рождению детей, являются жилищные условия. Об этом говорится в исследовании «Высшей школы экономики» (ВШЭ), результаты которого опубликованы в 2023 г. (Суринов & Кузин, 2023).

Отмечается, что дети являются «инвестиционным благом». Причем желание их завести в большинстве случаев имеет обратную зависимость от издержек семьи и прямую — от доходов. Обычно для семей основную роль источника средств к существованию играют трудовые доходы, а поэтому их рост приводит и к увеличению стоимости содержания ребенка. Это объясняется тем, что значительная часть таких издержек не имеет монетарной формы, а представляет собой затраты времени родителей.

Супруги, имеющие относительно высокие доходы, теряют больше по сравнению с бедными семьями, так как затраченное ими время оценивается по более высоким ставкам. Авторы отчета указывают на то, что более высокий заработок традиционно связан с высоким уровнем образования. Такие семьи стремятся дать соответствующий уровень знаний и воспитания своим детям, а также обеспечить их гармоничное развитие и качественное медицинское обслуживание. Все это требует существенных затрат времени родителей. Рост благосостояния ограничивает желание иметь относительно большое число детей.

В апреле 2023 г. эксперты национального исследовательского университета НИУ ВШЭ и ДВФУ выпустили исследование, в котором назвали главные факторы влияния на рождаемость в России. Наибольшее воздействие, по мнению ученых, оказывают стрессы в экономике.

Авторы тестировали зависимость специального показателя — суммарного коэффициента рождаемости (СКР) — от разного рода экономических и социальных факторов. Исследование показало, что сильнее всего СКР реагирует на крупные макроэкономические шоки. В частности, такие, как кризисы 2008 и 2014 гг., пандемия коронавируса COVID-19. Вклад этого фактора в изменение рождаемости эксперты ВШЭ и ДВФУ оценили в 31 % (возникновение стрессов в экономике понижает СКР) (Вакуленко, 2023).

Репродуктивное поведение — значимый вид демографического поведения личности или общностей людей, связанный с рождением (или отказом от него) детей в зарегистрированном браке или без него. В.А. Борисов (один из первых в отечественной демографии, кто ввел это понятие) рассматривает его как целостную реакцию человека или группы людей на внешнее воздействие (прежде всего, систему социально-экономических факторов, опосредованных социальными нормами и ценностями) и внутренние стимулы (потребности, интересы, мотивы и социальные репродуктивные установки) (Борисов, 1999).

Индикаторами репродуктивных установок, например, служат такие показатели как идеальное, предпочитаемое и планируемое число детей.

Репродуктивное поведение включает в себя зачатие, вынашивание и рождение ребенка, планирование и контроль как в браке, так и вне его (Литовка, 2015).

В научной литературе иногда наряду с понятием «репродуктивное поведение» используются термины «генеративное поведение» (помимо рождения включает воспитание и образование) (Горелик, 1972) и «прокреационное поведение». К последнему относятся зачатие и вынашивание плода, аборт и способы предохранения (Вишневский, 2023). При этом в психологии прокреация понимается как воспроизводство в ценностном аспекте. Ставится ударение на формирование репродуктивных установок, намерений и желаний, то есть поведение, зависящее от культурных и ценностных детерминат (Сидорова, 2021).

Репродуктивное поведение изучается в самых различных аспектах: демографическом и экономическом, культурологическом и историческом, юридическом и медицинском, социологическом и психологическом (Галиева, 2022).

Результаты

В 2023 г. в одном из медицинских учреждений г. Екатеринбурга было проведено социально-психологическое исследование 100 беременных женщин. Применялся анкетный опрос и проводилось психологическое консультирование. Среди обследованных женщин по месту рождения 44 чел. — Российская Федерация, 24 — Узбекистан,

20 — Таджикистан, 9 — Азербайджан, 3 — Киргизия. Все они проживают в Екатеринбурге либо в ближайших городах. Таким образом, большинство респондентов — из стран СНГ, что в определенной степени могло отразиться на ответах опрошенных. Средний возраст — 29,89 лет. 55 % женщин работают в настоящее время.

Наиболее многочисленная группа в возрасте 30–40 лет — 37 %, затем 18–24 года — 30 %, старше 40 лет — 10 %. 24 % имеют высшее образование, 14 % не имеют среднего образования, остальные закончили школу либо среднее специальное учебное заведение.

Брачное поведение характеризуется следующими цифрами. Наибольшую группу составляют женщины, находящиеся в зарегистрированном браке и проживающих вместе с супругом — 67 %, 21 % — проживают совместно и находятся в незарегистрированном браке, 7 % — не имеют постоянных отношений. По материальной обеспеченности модальная группа — на ежедневные расходы хватает, но покупки сверх этого вызывают сложности.

Большинство опрошенных ответили, что планируют иметь 2 детей, и готовы на вторые роды с временным интервалом в 2–4 года после первых родов. Чем моложе респонденты (и мужчины, и женщины), тем скорее они допускают относительно ранние браки, а чем становятся старше, тем больше отодвигают оптимальный период создания семьи. Модальным значением уже имеющегося числа детей для возрастного интервала 23–28 лет является один ребенок, а для возрастного интервала 32–35 лет — двое детей.

Также было отмечено, что существует отрицательная взаимосвязь между рабочей занятостью женщины и желанием родить ребенка. По результатам анкеты можно утверждать, что неработающие женщины чаще прибегали к прерыванию беременности или, в случае сохранения, — не наблюдались в медицинских учреждениях для проверки течения беременности.

Всего 3 % опрошенных положительно ответили на вопросы, связанные с посещением занятий по подготовке к родам самостоятельно или с их партнерами, повторно рожаящие женщины категорически отказываются от необходимости таких занятий для себя.

В ходе исследования была создана основная группа из этих 100 беременных женщин, прошедших анкетирование и психологическую консультацию. А также выведена контрольная группа так же из 100 женщин, с теми же возрастными параметрами, что и в основной группе, но без проведения анкетирования и психологической подготовки к родам.

У всех женщин, контрольной и основной группы исходом беременности явились срочные роды. При отсутствии развития самостоятельных родов к сроку доношивания беременности прибегали к методу амниотомии (вскрытие плодного пузыря врачом-акушером). В основной группе самостоятельное доношивание закончилось в 90 % случаев, в контрольной группе — в 82 %.

Коррекция родовой деятельности потребовалась в 9 случаях в основной группе и в 25 % в контрольной. В ходе родов план родоразрешения был изменен в 10 случаях (10 %) в основной группе и в 16 % в контрольной. Меньший процент экстренных операций в основной группе, вероятно, связан с корригирующим действием ППП в родах, приобретенных в ходе психологических и врачебных консультаций на занятиях при подготовке к родам.

Сравнительный анализ исхода родов, в % от числа респондентов

Исход родов	Основная группа	Контрольная группа
Самостоятельные роды	90	82
Экстренная операция «кесарево сечение»	10	18
Коррекция родовой деятельности	9	25
ППП без эффекта	4	24
Разрыв промежности I ст.	3	8
Разрыв промежности II ст.	—	2
Проведение эпизиотомии	21	34

Источник: составлено авторами.

Неадекватное поведение во время родов в основной группе составило 4 %, контрольный показатель составил 24 %. Травмы, полученные роженицами в период родов, также отличались между группами.

Также в ходе исследования была выведена статистика состояния новорожденных детей, чьи матери проходили консультирование (основная группа) и не проходили его (контрольная группа).

В обеих группах родилось по 100 детей. При первичном осмотре в родовом отделении все дети были признаны доношенными и физиологически зрелыми. После рождения у всех детей оценивались общее состояние, мышечный тонус, физиологические рефлексы, наличие пороков развития, наличие родовых травм. Исследования проводились на 1-й и 2-й минутах после рождения, а также через два часа после родов.

При оценке состояния новорожденных по шкале «Апгар» выявлены статистически достоверные признаки.

Так, на первой минуте жизни оценка ниже 7 баллов была у 11 % в основной группе, против 19 % в контрольной. На второй минуте эти показатели составили 3 и 16 % соответственно. В обеих группах не было выявлено пороков развития, а также изменений со стороны внутренних органов.

99 детей из 100 смогли находиться в палате с матерью сразу после родов. 1 ребенок был переведен в ПИТ, получил оценку 5 баллов по шкале «Апгар» и нуждался в аппарате ИВЛ.

В контрольной группе состояние 14 детей потребовало срочной перевозки в ПИТ. Основными причинами перевода стали аспирационный синдром, перелом ключицы и выраженная нервная симптоматика. Следует отметить, первые два симптома были только у детей контрольной группы и полностью отсутствовали в основной.

Заключение

Репродуктивное поведение как научная категория рассматривается с 70-х годов прошлого столетия. За это время сформировались свои подходы в демографии и социологии, экономике и истории, медицине и психологии.

Для каждой из этих наук характерен свой угол зрения на проблему, но в целом они рассматривают репродуктивное поведение как совокупность норм, действий, связанных с рождением ребенка.

Установка на деторождение, первое или последующее, определяется совокупностью действий внешних (прежде всего социально-экономических и культурных) факторов и внутренними психологическими детерминантами (присвоением социальных

норм, традиций и ценностей, переживаниями личности, как долговременного характера, так и краткосрочного).

Исследование показало проблемы с брачным поведением — 33 % опрошенных находятся вне зарегистрированного брака.

В целом было показано наличие снижения ценности официально заключенного брака, а также наличие связи между социальной ситуацией и формированием репродуктивных установок.

Список источников

Архангельский, В. Н. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования*, 2, 129–136.

Борисов В. А. (1999). *Демография*. Москва: Издательский дом Nota Bene, 272.

Вакуленко, Е. С. (2023). Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. Мониторинг общественного мнения: *Экономические и социальные перемены*, 2, 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>

Вишневский, А. Г. (1982). *Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее*. Москва: Финансы и статистика, 287.

Галиева, Э. Р. (2022). Репродуктивное поведение: теоретические подходы и современные сценарии. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 2(53), 23–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28>

Горелик, В. П. (1972). Некоторые соображения об исследовании генеративного поведения семьи. В: *Демографические тетради. Межведомственный сборник научных трудов, вып. 4–5*. Киев: Институт экономики АН УССР, 422.

Клупт, М. А. (2022). Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость. *Социологические исследования*, 5, 25–35. <http://doi.org/10.31857/S013216250018464-3>

Литовка, В. А. (2015). *Традиционные и инновационные стратегии репродуктивного поведения: региональный аспект*: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 30. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005568668?page=1&rotate=0&theme=white>

Сидорова, Т. А. (2021). Нормативное значение подходов к изучению прокреации. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3, 333–341. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-333-341>

Суринов, А. Е., Кузин, С. С. (2023). Благополучие и наличие детей в молодых семьях: оценка взаимосвязи. *Экономическая полтика*, 18(6) 34–61. <http://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-6-34-61>

References

Arhangelskiy, V. N. (2013). Reproductive and marital behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2, 129–136. (In Russ.)

Borisov, V. A. (1999). *Demografiya. [Demography]*. Moscow: Publishing house Nota Bene, 272. (In Russ.)

Galieva E. R. (2022). Reproductive Behavior: Theoretical Approaches and Contemporary Scenarios. *Kazanskiy sotsialno-gumanitarnyy vestnik [The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin]*, 2(53), 23–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28> (In Russ.)

Gorelik, V. P. (1972). Some considerations on the study of generative family behavior. In: *Demograficheskie tetrady. Mezhdvodomstvennyy sbornik nauchnykh trudov, vyp. 4–5 [Demographic notebooks. Interdepartmental collection of scientific papers, iss. 4–5]*. Kiev: Institute of Economics of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 422. (In Russ.)

Klupt, M. (2022). Anxieties of the 21st Century: Mechanisms of Influence on Fertility. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 5, 25–35. <http://doi.org/10.31857/S013216250018464-3> (In Russ.)

Litovka, V. A. (2015). *Traditsionnye i innovatsionnye strategii reproductivnogo povedeniya: regionalnyy aspekt: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Traditional and innovative strategies of reproductive behavior: a regional aspect: abstract of the dissertation of the candidate of sociological sciences]*. Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 30. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005568668?page=1&rotate=0&theme=white> (In Russ.)

Sidorova, T. A. (2021). Normative value of approaches to the study of procreation. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]*, 3, 333–341. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-333-341> . (In Russ.)

Surinov, A. Ye., & Kuzin, S. S. (2023). Having Children and the Well-Being of Young Families: How Are They Related? *Ekonomicheskaya Politika [Economic Policy]*, 18(6), 34–61. <http://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-6-34-61> (In Russ.)

Vakulenko, E. S. (2023). Effects of Period, Age and Cohort in the Dynamics of the Birth Rate in Russia in 1990–2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2, 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.257> (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (1982). *Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: Istoriya, sovremennost, vzglyad v budushchee [Reproduction of the population and society: History, modernity, a look into the future]*. Moscow: Finance and Statistics, 287. (In Russ.)

Информация об авторах

Берзин Борис Юрьевич — доктор философских наук, профессор, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-5500-9454> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: berzinb@yandex.ru).

Обвинцева Анастасия Вячеславовна — студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: rijig@yandex.ru).

About the authors

Boris Yu. Berzin — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Professor of the Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-5500-9454> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: berzinb@yandex.ru).

Anastasia V. Obvintseva — Student, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: rijig@yandex.ru).

УДК 364.2

JEL classification: J12

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-4-3>

Проблема организации социальной работы с неблагополучными семьями: на примере Приднестровья¹

К. В. Молодец

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье).
<https://orcid.org/0009-0004-2049-5386>

Автор для корреспонденции: К. В. Молодец (Mir.1010@mail.ru).

Аннотация. В статье автор делает акцент на вопросе организации социальной работы с неблагополучными семьями Приднестровья. Автор предлагает разработку эффективных мероприятий взаимодействия с такими семьями, что позволит улучшить их жизненные условия и повысить уровень благополучия в республике. Результаты этой работы могут быть полезными как для практикующих социальных работников, так и для разработчиков политики в области социального обслуживания.

Ключевые слова: семья; неблагополучные семьи; социальная работа; государственная социальная поддержка

Problems of Organising Social Work with Dysfunctional Families: Example of Pridnestrovie

K. V. Molodets

Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol, Pridnestrovie).
<https://orcid.org/0009-0004-2049-5386>

Corresponding author: K. V. Molodets (Mir.1010@mail.ru).

Abstract. The article analyses the organisation of social work with dysfunctional families in Pridnestrovie. The study proposes to develop effective measures for interaction with such families, which can improve their living conditions and increase the well-being of the republic. The findings may be useful for both practicing social workers and social service policymakers.

Keywords: family; dysfunctional families; social work; state social support

Введение

Актуальность темы изучения вопросов по организации социальной работы с неблагополучными семьями в Приднестровье обусловлена несколькими важными аспектами.

Во-первых, семейное неблагополучие представляет собой серьезную социальную проблему, влияющую на благосостояние республики в целом. Неблагополучные приднестровские семьи часто сталкиваются с различными трудностями, такими как безработица, низкий уровень образования, домашнее насилие и другие социальные проблемы, что оказывает негативное воздействие на их членов и создает вызовы для социальных служб. Известно, что в Приднестровье за I полугодие 2022 г. поставлено на учет 13 неблагополучных семей, находящихся в социально опасном положении, детей в них — 27. По последним на сегодняшний день общедоступным данным на 1 июля 2023 г. общее количество детей из малообеспеченных семей составляет 61 чел. (7 %). Всего состоит на учете в территориальных органах опеки и попечительства 104 семьи, в которых воспитывается 243 ребенка.²

¹ © Молодец К. В. Текст. 2024.

² Отчет о деятельности Министерства по социальной защите и труду ПМР за период с 1 января по 30 июня 2023 года.

Основными причинами постановки на учет семей, выявленных и признанных неблагополучными, по-прежнему остаются злоупотребление в семье алкоголем, педагогическая несостоятельность родителей, порождающая бесконтрольность и невыполнение своих обязанностей в должной мере по отношению к детям, нестабильная психологическая обстановка в семье, случаи жестокого обращения с детьми.

Во-вторых, изучение вопросов по организации социальной работы с неблагополучными семьями позволяет лучше понять причины и механизмы возникновения социальных проблем внутри семейного контекста. Это знание является ключевым элементом разработки эффективных стратегий и программ поддержки для семей Приднестровья, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В-третьих, в условиях динамичности современного общества и изменяющихся социальных структур актуальность исследования социальной работы с неблагополучными семьями усиливается. Новые вызовы, такие как эмиграция, изменения в структуре трудового рынка и технологические изменения, могут оказывать влияние на стабильность и благополучие семей, что подчеркивает необходимость постоянного анализа и совершенствования методов социальной поддержки.

Главным аспектом, подталкивающим к изучению проблемы работы с семьей в республике, является большой интерес к самой проблеме и ее происхождению, которая на сегодняшний день тщательно контролируется органами государственной власти Приднестровья. И тот факт, что 2024 г. объявлен Годом семейных ценностей в Приднестровье, только доказывает важность семьи как ячейки общественного прогресса.

Обзор литературы

В качестве теоретико-методологического обоснования происхождения и зарождения проблем семей наибольшую ценность для нашего анализа представляют работы таких ученых, как И.Ю. Левченко (Левченко, 2000), А.Д. Устьянцева (Устьянцева, 2017), Е.И. Холостова (Холостова, 2013), А.Г. Харчев, М.С. Мацковский (Харчев & Мацковский, 1987), А.И. Антонов (Антонов, 1998).

В работах А.А. Денекиной (Денекина, 2016), Е.А. Сорокоумовой, А.Л. Цынцарь (Сорокоумова & Цынцарь, 2015), К.В. Тербежекова (Тербежеков, 2023), В.Г. Кобелевой (Кобелева, 2001) исследуются проблемы современной семьи.

При анализе данной проблематики использовались исторический, системный и социологические методы, позволившие рассмотреть проблемы современной семьи и технологии социальной работы с семьей с разных сторон и выявить, каковы причины появления данных проблем и существующие пути решения. Применялись теоретические и эмпирические методы, среди которых анализ и синтез, научное обобщение, аналогия, прогнозирование, наблюдение, анализ документов.

В работе также были проанализированы законодательные и нормативные документы Приднестровской Молдавской Республики.

Таким образом, глубокое понимание и анализ социальной работы с неблагополучными семьями в Приднестровье дают возможность не только выявить актуальные проблемы, но и разработать конкретные стратегии и методы, способствующие повышению эффективности социального вмешательства и улучшению качества жизни семей в трудной жизненной ситуации.

Результаты

В своей научной работе А.Д. Устьянцева понятие «семья» определяет как «малая социальная группа, основанная на браке (кровном родстве), представители которой объединены совместным проживанием и ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью и взаимными обязанностями по отношению друг к другу». (Устьянцева, 2017).

Неблагополучная семья — это семья, в которой наблюдается низкий социальный статус во многих сферах жизнедеятельности. В неблагополучной семье в полной мере не выполняется ее социализирующая функция, в связи с чем в таких семьях у детей возникает асоциальное поведение. Таким образом, главной особенностью неблагополучной семьи является ее отрицательное, разрушительное влияние на формирование личности ребенка, которое приводит к его поведенческим отклонениям.¹

В.Г. Кобелева описывает социальную работу с семьей как многоаспектное явление. Исследователь основывается на понимании, что семья — это сложное социальное явление. Семья предстает и как малая социальная группа, и как социальный институт. В связи с чем «работа с семьей как с малой социальной группой предусматривает коррекцию внутрисемейных отношений, оказание семье социально-экономической, социально-психологической, социально-педагогической, социально-правовой помощи». Поддержка семьи как социального института включает разнообразные виды помощи в осуществлении функций семьи, консультирование, профилактику отклоняющегося поведения родителей и детей (Кобелева, 2001).

В Приднестровье обозначилось несколько основных проблем, с которыми сталкиваются приднестровские семьи. К таковым относятся проблемы дистантных семей, демографическая проблема, проблема браков и разводов.

Проблема дистантных семей в Приднестровье все чаще становится объектом внимания многих научных деятелей республики. А.Н. Оставная и О.А. Волкова выявили основные социальные факторы, вызывающие рост трудовой миграции: низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы. Под влиянием данных факторов произошло деформирование семейно-брачных отношений, возникли неполные семьи из-за длительного отсутствия родителей, вынужденных покидать семью, уезжая на заработки в другие регионы. Следовательно, одной из причин образования дистантных семей является социально-экономическая нестабильность семей. Авторы рассматриваемой работы провели социологические исследования и сделали вывод, что в среднем 2 из 10 мигрантов находятся за рубежом до полугода, 4 из 10 прибывают на заработках от 7 до 9 месяцев в году (Оставная & Волкова, 2014).

В приднестровской семье у детей трудовых мигрантов возникают проблемы и психологического порядка: нет удовлетворения в психологическом комфорте и эмоциональной поддержке, что нередко приводит к росту нервно-психического напряжения личности и девиантному поведению. К примеру, по данным МВД ПМР, за 2023 г. в Приднестровье зарегистрирован рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ — 247, на 13,8 % больше, чем в 2022 г. Среди задержанных участников незаконного оборота наркотических и психотропных веществ присутствуют несовершеннолетние граждане республики (как «закладчики»).

В Приднестровье сложилась неоднозначная и демографическая ситуация, которая характеризуется определенными отрицательными показателями. Среди них в первую очередь можно выделить естественную убыль населения. Такая тенденция

¹ Сущность понятия «неблагополучная семья». Типология неблагополучных семей: <https://studfile.net/preview/17093368/page:19/>

наблюдается уже не одно десятилетие. Это негативно сказывается на социально-экономическом развитии республики. Особенно остро проблема убыли населения ощущается среди молодого поколения приднестровцев. Сегодня руководство ПМР предпринимает меры, чтобы удержать молодежь в республике, поддерживая молодые семьи и молодых специалистов. В 2023 г. руководством ПМР были определены приоритетные цели и задачи по обеспечению естественного роста численности населения республики и усилению социальной защищенности семей с детьми. В процессе был разработан и опубликован проект закона Приднестровской Молдавской Республики «О внесении изменений в Закон Приднестровской Молдавской Республики „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» в части увеличения с 1 февраля 2023 г. на 10 % размера ежемесячного пособия на ребёнка. Проект закона подготовлен с целью усиления материальной поддержки семей с детьми в Приднестровской Молдавской Республике. Предлагаемые изменения должны повысить качество жизни женщин, у которых появились дети, что в целом будет способствовать улучшению общей демографической ситуации в Приднестровской Молдавской Республике.

Число разводов в столице Приднестровья остается неизменным. За последние три года наибольшее количество разводов зафиксировано в 2021 г. — 541. По текущим показателям за этот год их количество достигло 301. Одна из самых частых причин разводов — люди не сходятся характерами. В большинстве случаев пары расходятся в течение года после свадьбы.

Учитывая все изложенное, можно сделать вывод, что у современной молодой семьи Приднестровья накопилось достаточно много проблем, ведь одна вытекает из другой. Отсутствие возможности полноценного заработка не дает приднестровцу нормально питаться и жить полноценно и комфортно. Данная ситуация заставляет граждан уезжать из Приднестровья на заработки, чтобы прокормить семью. Происходит деформация главных функций семьи как ячейки общества. В следствие проявляется педагогическая запущенность несовершеннолетних детей. И, как неизбежность, асоциальное поведение ведет к преступлениям и проблемам с безопасностью внутри республики. Поэтому руководству ПМР необходимо проводить социальную и демографическую реформу для предотвращения проблем современной семьи.

Отдельное внимание семье как основе стабильного развития государства уделено в Стратегии развития ПМР на 2019–2026 г. В этом документе определены основные цели, в том числе цели развития системы государственной семейной политики и совершенствования системы охраны материнства и детства. Среди них популяризация традиционных семейных ценностей, укрепление института семьи, повышение качества жизни семей, улучшение демографической ситуации. Работа по этим направлениям активно ведется в законодательных и исполнительных органах власти республики.

В феврале 2020 г. Верховный Совет принял Закон «О государственной поддержке молодых семей по приобретению жилья». Программа льготного кредитования на покупку жилья распространяется на бюджетников и молодых специалистов в возрасте до 35 лет. Госсубсидия на покупку жилья предоставляется в виде льготного кредита в одном из приднестровских банков. Кредит выдается на 10 лет в рублях ПМР.¹

Руководство ПМР помогает и многодетным семьям. В республике действует закон «О государственной поддержке многодетных семей». Его цель — улучшить демографическую ситуацию в Приднестровье и обеспечить условия для полноценного

¹ Закон Приднестровской Молдавской Республики «О государственной поддержке молодых семей по приобретению жилья» от 14 февраля 2020 г. № 22-3-VI.

воспитания, развития и образования детей из многодетных семей. Согласно закону, семья, воспитывающая трех и более детей, является многодетной.¹

Для этой категории граждан предусмотрены различные льготы. Например, по оплате коммунальных услуг. Дети из многодетных семей могут бесплатно перемещаться на всех видах городского транспорта, кроме пригородного. Еще дошкольники и школьники бесплатно питаются в детских садах и школах. Малыши в возрасте до 6 лет могут получать бесплатные лекарства по рецептам врачей. Список препаратов утвержден Правительством ПМР. На каждого ребенка-первоклассника из многодетной семьи государство выделяет деньги на покупку канцтоваров. Ежегодно дети из многодетных семей в возрасте до 18 лет получают учебные принадлежности. Деньги на эти цели тоже выделяет государство. Семьи, воспитывающие 10 и более детей, вовсе освобождаются от оплаты коммунальных услуг.

В мае 2021 г. Верховный Совет принял законодательную инициативу Президента ПМР, направленную на поддержку приднестровских семей. Согласно принятым изменениям, на полгода увеличили период выплаты пособия по уходу за ребенком. Раньше такое пособие выплачивалось до 1 года 6 месяцев, сейчас — до 2 лет. Эти изменения затронули граждан, получающих пособие в размере 110 РУ МЗП² (1067 руб.), и тех, кто получал пособие в размере 80 РУ МЗП (776 руб.). Кроме этого, повысили размер пособия для детей из малообеспеченных семей в возрасте до 16 лет. На сегодняшний день для этой категории граждан размер пособия составляет 31 РУ МЗП, или 300 руб. 70 коп.

Многодетным семьям (их членам) в качестве мер государственной социальной поддержки предоставляются следующие права и льготы:

- для семей, воспитывающих 3 детей, действует скидка в размере 20 % установленной платы за пользование тепловой энергией, скидка в размере 50 % в оплате за пользование лифтом;

- для семей, воспитывающих 4 детей действует скидка в размере 30 % установленной платы за пользование тепловой энергией, скидка в размере 50 % в оплате за пользование лифтом;

- для семей, воспитывающих от 5 до 9 детей, действует скидка в размере 50 % установленной платы за пользование тепловой энергией, скидка в размере 50 % в оплате за пользование лифтом;

- для семей, воспитывающих 10 и более детей, действует скидка в размере 100 % установленной платы за пользование тепловой энергией, скидка в размере 100 % в оплате за пользование лифтом;

- бесплатное обеспечение лекарствами по рецептам врачей детей из многодетных семей в возрасте до 6 лет согласно перечню, утвержденному уполномоченным Правительством Приднестровской Молдавской Республики;

- бесплатный проезд детей из многодетных семей, обучающихся в организациях общего образования, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования, — на всех видах городского транспорта (за исключением такси) и пригородного сообщения;

- первоочередный прием детей в муниципальные организации дошкольного образования и в школы-интернаты с освобождением от уплаты за содержание детей в данных организациях;

¹ Закон Приднестровской Молдавской Республики «О государственной поддержке многодетных семей» от 1 января 2007 года. N 736рп.

² РУ МЗП — Расчетный уровень минимальной заработной платы.

— освобождение от платы за питание в государственных организациях дошкольного и специального образования, за обед в организациях общего образования всех видов, организациях начального, среднего и высшего профессионального образования детей из многодетных семей.¹

В Приднестровской Молдавской Республике также выплачиваются такие пособия для семей, имеющих детей:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста двух лет;
- ежемесячное пособие на ребенка от рождения до исполнения ребенку шестнадцати лет (на обучающегося в государственной организации общего или профессионального образования — до окончания им обучения, но не более чем до достижения им возраста восемнадцати лет);
- единовременное пособие при усыновлении ребенка.

Подводя итоги, можно сказать о том, что в Приднестровье активно внедряют мероприятия по поддержке семей. Сегодня мы видим, какой вклад республикой уже был внесен для развития этого направления: начиная с того, что существуют выплаты еще до того, как родился ребенок, и заканчивая тем, что государство выделяет средства для многодетных, для этой категории граждан также предусмотрены различные льготы, например, в транспортном средстве или в медицинском учреждении. Тем самым республика старается помогать гражданам, имеющим детей, и делает все возможное для комфортного существования. Но данных мероприятий недостаточно для решения целого комплекса социальных потребностей, с которыми сталкиваются современные малообеспеченные семьи.

Для решения социально значимых вопросов в сфере поддержки семей Приднестровья предлагаем следующие меры:

1. Содействие социальной интеграции семей: способствование социальной интеграции неблагополучных семей в общество, включая участие в культурных и общественных мероприятиях, образовательных программ и волонтерской деятельности.

2. Поддержка детей и молодежи: если среди неблагополучных семей есть дети и подростки, то одной из целей может быть обеспечение им доступа к образованию, развитию навыков, укреплению психоэмоционального благополучия и защите их прав.

3. Содействие экономической самостоятельности: если семьи испытывают финансовые трудности, то целью может быть помощь им в приобретении навыков, позволяющих увеличить доход и стать более экономически независимыми.

4. Повышение осведомленности общества: увеличение осведомленности общества о проблемах, с которыми сталкиваются неблагополучные семьи, и популяризация понимания необходимости социальной поддержки и солидарности.

5. Содействие самодостаточности: неблагополучные семьи имеют потенциал стать самодостаточными, целью решения вопроса может быть помощь им в развитии навыков и ресурсов, необходимых для самоуправления и устойчивости.

¹ Закон Приднестровской Молдавской Республики «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 1 апреля 2002 года. N 121-3-III.

Для реализации перечисленных ожиданий необходимо разработать комплекс мероприятий государственного, частного и благотворительного уровней, который включает:

- 1) увеличение доступности и качества социальных услуг для неблагополучных семей;
- 2) улучшение качества жизни семей и снижение социальной их уязвимости;
- 3) развитие профессиональной сферы социальной работы в регионе;
- 4) укрепление сотрудничества с местными органами власти и некоммерческими организациями;
- 5) повышение уровня образования в неблагополучных семьях, повышение знания и формирование навыков в различных областях, таких как финансовая грамотность, родительские навыки, профессиональное развитие, это способствует увеличению их самоуверенности и самоэффективности;
- 6) снижение количества инцидентов насилия в семьях посредством предоставления психологической поддержки, консультаций и образовательных программ, что может дать снижение уровня насилия в семьях и улучшение взаимоотношений между членами семьи;
- 7) повышение и стимулирование активного трудоустройства членов семей, что позволит улучшить уровень жизни семей;
- 8) укрепление семейных уз при помощи организации массовых мероприятий в республике по данной тематике;
- 9) улучшение общественного восприятия и поддержку семей: это может способствовать более позитивному восприятию неблагополучных семей в обществе, а также повышению уровня поддержки и сочувствия к их ситуации;
- 10) развитие в республике локального сообщества через создания центров социальной поддержки, которые будут способствовать развитию локальных сообществ, укреплению взаимодействия и солидарности между жителями;
- 11) улучшение качества данных и статистики в области уровня жизни семей и их потребностей, что позволит лучше адаптировать и корректировать программы поддержки.

Заключение

По статистическим данным в Приднестровье сохраняется большое количество неблагополучных семей, и чаще всего это связано критическим материальным положением и социальной незащищенностью.

Многие семьи республики испытывают сложности в обеспечении базовых потребностей, включая доступ к работе, к образованию, здравоохранению и жилью. Представленный спектр рекомендаций актуален для улучшения качества жизни семей и укрепления социальной стабильности в республике.

Список источников

- Антонов, А. И. (1998). *Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов)*: учеб. пособ. для вузов. Москва: Издательский дом «NOTA BENE», 360.
- Денекина, А. А. (2016). Социальные проблемы современной семьи. *Science Time*, 10(34), 53–55.
- Кобелева, В. Г. (2001). Технологии социальной работы с различными типами семей. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2, 271–279.
- Левченко, И. Ю. (2000). *Патопсихология: теория и практика*: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М: Издательский центр «Академия», 232.
- Оставная, А. Н., Волкова, О. А. (2014). Приднестровская трудовая миграция: штрихи к потенциальной социальной политике. *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*, 1(1), 96–103.

Сорокоумова, Е. А., Цынцарь, А. Л. (2015). Некоторые особенности дистантных семей (на примере Приднестровья). *Педагогика и психология образования*, 4, 5–10.

Тербежеков, К. В. (2023). Зарубежный опыт социальной поддержки и защиты семьи. *Образование и право*, 2, 352–356. <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-352-356>

Устьянцева, А. Д. (2017). Семья как объект социальной работы. *Вестник Югорского государственного университета*, 1(44), 91–95.

Харчев, А. Г., Мацковский, М. С. (1978). *Современная семья и ее проблемы*. Москва: Финансы и статистика, 271.

Холостова, Е. И. (2013). *Зарубежный опыт социальной работы: Учебное пособие*. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 368.

References

Antonov, A. I. (1998). *Mikrosotsiologiya semi (metodologiya issledovaniya struktur i protsessov): ucheb. posob. dlya vuzov [Microsociology of the family (methodology for the study of structure and processes): textbook for universities]*. M.: Publishing house «Nota Bene», 360. (In Russ.)

Denikina, A. A. (2016). Social problems of the modern family. *Science Time*, 10(34), 53–55. (In Russ.)

Kobeleva, V. G. (2001). Technologies of social work with different types of families. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*, 2, 271–279. (In Russ.)

Levchenko, I. Yu. (2000). *Patopsikhologiya: teoriya i praktika: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy [Pathopsychology: theory and practice: a textbook for university students]*. Moscow: Publishing Center «Academy», 232. (In Russ.)

Ostavnaya, A. N., & Volkova, O. A. (2014). Transdnstrian labour migration: strokes to potential social policy. *Aktualnye problemy ekonomiki i menedzhmenta [Actual problems of economics and management]*, 1(1), 96–103. (In Russ.)

Sorokoumova, E. A., & Tsyntsar, A. L. (2015). Some features of distant families and their origins in Transnistria. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya [Pedagogy and Psychology of Education]*, 4, 5–10. (In Russ.)

Terbezhekov, K. V. (2023). Foreign experience of social support and family protection. *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*, 2, 352–356. <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-352-356> (In Russ.)

Ustyantseva, A. D. (2017). Family as object of social work. *Vestnik Yugorskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Yugra State University Bulletin]*, 1(44), 91–95. (In Russ.)

Kharchev, A. G., & Matskovsky, M. S. (1978). *Sovremennaya semya i ee problemy [The modern family and its problems]*. M: Finance and Statistics, 271. (In Russ.)

Kholostova, E. I. (2013). *Zarubezhnyy opyt sotsialnoy raboty: Uchebnoe posobie [Foreign experience of social work: textbook]*. M.: Publishing and trading Corporation «Dashkov and k», 368. (In Russ.)

Информация об авторе

Молодец Кристина Викторовна — старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко; <https://orcid.org/0009-0004-2049-5386> (Приднестровье, г. Тирасполь, Покровская ул., 107; e-mail: Mir.1010@mail.ru).

About the author

Kristina V. Molodets — Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University; <https://orcid.org/0009-0004-2049-5386> (107, Pokrovskaya St., Tiraspol, Pridnestrovie; e-mail: Mir.1010@mail.ru).

УДК 314.1, 331.5

JEL classification: J01, J21, J40

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-4-4>

Различия личностных характеристик при выборе способа трудовой миграции в Российской Арктике¹

И. С. Степуть^а, А. О. Аверьянов^б

^{а, б}Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0001-5070-0273>

^б <https://orcid.org/0000-0003-2884-2110>

Автор для корреспонденции: И. С. Степуть (stepus@petrsu.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются поведенческие (психологические) аспекты миграционных процессов в Российской Арктике. По данным опроса трудовых мигрантов в Ямало-Ненецком автономном округе проводится сравнительный анализ характеристик личности у трудовых мигрантов, переехавших в этот регион с целью работы и работающих в регионе вахтовым методом. Цель исследования — выявить личностные характеристики, влияющие на выбор способа трудовой миграции. Теоретическую часть методологии исследования составляет авторская концепция мотивационного драйвера, объясняющая миграционные процессы взаимодействием личностных характеристик, сферы актуальных потребностей личности и условий внешней среды. Практическая часть методологии базируется на оценке характеристик личности посредством модели личности Большой пятерки (Big Five Inventory). В ходе исследования было выявлено, что ключевой характеристикой личности, влияющей на выбор способа трудовой миграции, является «открытость новому опыту». Проведенный подтверждающий анализ выявил, что эта закономерность не подвержена влиянию пола и уровня образования. Полученные результаты закладывают основу для проверки концепции мотивационного драйвера применительно к видам трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция; большая пятерка; Арктика

Differences in Personality Characteristics when Choosing a Method of Labour Migration in the Russian Arctic

I. S. Stepus^а, A. O. Averyanov^б

^{а, б}Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0001-5070-0273>

^б <https://orcid.org/0000-0003-2884-2110>

Corresponding author: I. S. Stepus (stepus@petrsu.ru).

Abstract. The article discusses behavioural (psychological) aspects of migration processes in the Russian Arctic. A survey of labour migrants in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug was used for a comparative analysis of personality characteristics of people who moved to this region to work permanently or on a rotational basis. The study aims to identify personality characteristics that affect the choice of the method of labour migration. The author's concept of a motivational driver was utilised to explain migration processes by the interaction of personal characteristics, current individual needs and environmental conditions. Personality characteristics were assessed using the Big Five Inventory personality model. The research revealed that the key characteristic influencing the choice of the method of labour migration is «openness to new experience». A confirmatory analysis found that this pattern was unaffected by sex and educational attainment. The obtained findings can be applied for testing the concept of a motivational driver in relation to types of labour migration.

Keywords: labour migration; Big Five; Arctic

¹ © Степуть И. С., Аверьянов А. О. Текст. 2024.

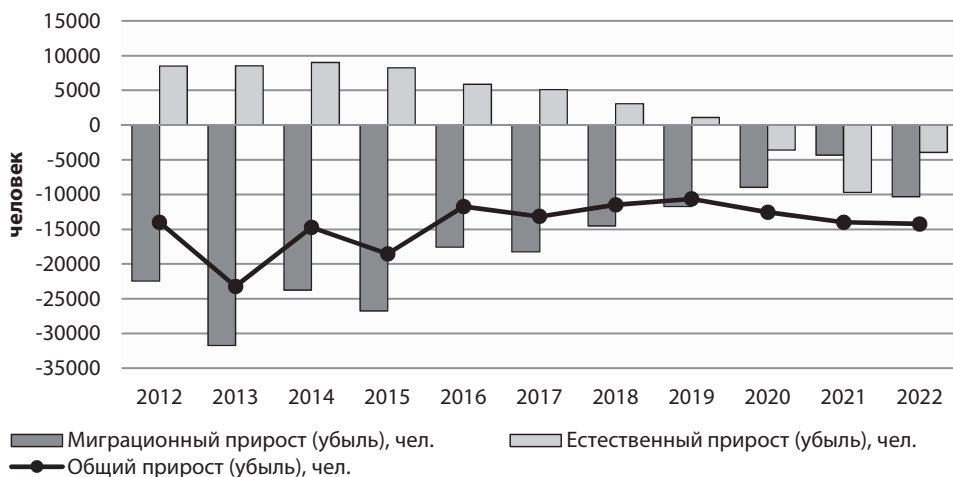
Введение

Миграция является важным компонентом изменения численности населения в территориальном разрезе. По данным Росстата, в 2022 г. в 75 российских регионах зафиксировано сокращение численности населения, и в большинстве регионов эти процессы сопровождаются сочетанием естественной и механической убыли населения.

С такой проблемой в настоящее время столкнулись и приоритетные геостратегические территории Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ). В условиях естественной убыли населения миграция не только не выполняет свою компенсационную функцию, но и ускоряет процессы обезлюживания арктических территорий (рис. 1). Это вступает в противоречие с государственным курсом на комплексное социально-экономическое развитие арктических территорий и обеспечение национальной безопасности.

Миграция населения из Арктики и в Арктику — сложное в структурном плане социально-экономическое явление, в котором четко прослеживается сочетание нескольких типов и направлений миграции, мотивов населения, обуславливающих эти потоки.

Особенность входящих потоков внутрироссийской миграции в АЗ РФ заключается в том, что ее основу составляет трудовая миграция, которая позволяет «нивелировать отсутствие в Российской Арктике необходимого человеческого капитала» (Силин, 2021). Несмотря на отрицательные сальдо общей миграции населения в большинстве арктических регионов наблюдается положительное сальдо внутрироссийской трудовой миграции. Это подтверждается статистическими данными о межрегиональной трудовой миграции занятого населения, а также возрастным срезом миграции, в котором наблюдается положительное сальдо долговременной миграции населения (на срок 9 месяцев и более) в возрастном диапазоне 20–30 лет (которое, очевидно связано с переездом именно с целью работы). В таблице 1 представлен пример для 4 регионов, полностью входящих в АЗ РФ, подтверждающий значимость трудовой миграции в условиях общего оттока населения.

Рис. 1. Компоненты динамики численности населения АЗ РФ в целом, 2012–2022 гг.
(источник: сост. авторами по данным Росстата)

Таблица 1

Сальдо миграции в регионах Арктической зоны России, тыс. человек, 2022 г.

Регион АЗ РФ	Сальдо общей миграции населения на срок 9 и более месяцев	Сальдо межрегиональной трудовой временной миграции занятого населения	Сальдо межрегиональной миграции в возрасте 20–30 лет на срок 9 месяцев и более
Ямало-Ненецкий АО	-2,75	107,6	0,67
Мурманская область	-3,42	9,1	1,43
Чукотский АО	-0,08	4,2	0,15
Ненецкий АО	-0,08	4,7	0,02

Источник: сост. авторами по данным Росстата.

В соответствии с данными таблицы 1 можно выделить два типа внутрироссийской трудовой миграции в АЗ РФ: переезд на постоянное место жительства с целью работы и осуществление трудовой деятельности вахтовым методом. Эти типы отражают содержание понятия «трудовая миграция» в расширенной и суженной трактовке, предложенной С. В. Рязанцевым (Рязанцев, 2019).

В основе детерминации обоих типов трудовой миграции, безусловно, лежат экономические мотивы, связанные с работой. Тем не менее одни индивиды выбирают переезд в АЗ РФ на постоянное место жительства с целью работы, а другие предпочитают временные перемещения и вахтовый метод организации труда. В данной статье предпринята попытка поиска различий между двумя категориями трудовых мигрантов в АЗ РФ, выполненная с учетом социально-психологического (поведенческого) фактора миграции (Рыбаковский, 2017) и заключающаяся в изучении индивидуальных особенностей личности.

Обзор литературы

В общественном и научном дискурсе понятие трудовой миграции зачастую ассоциируется с образом зарубежного трудового мигранта или неквалифицированного работника. Исследования трудовой миграции на арктических территориях также в большей степени сконцентрированы на изучении потоков зарубежных и временных (вахтовых) трудовых мигрантов (Питухина и др., 2022; Бажутова, 2022).

Межрегиональные аспекты трудовой миграции в широком смысле слова, предполагающие переезд из одного региона в другой с целью работы, часто затрагиваются в социологических исследованиях, где изучаются причины и мотивы переселений (Мкртчян & Флоринская, 2020; Хотеева 2023). При этом сравнение мотивации двух форм проявления трудовой миграции (переезд на постоянное место жительства с целью работы и вахтовый труд) в территориальном разрезе является исследовательской лакуной как для арктических исследований, так и в общероссийском масштабе.

Кроме этого, говоря о детерминации миграционных процессов, важно отметить, что в основном в наших исследованиях решения о миграции интерпретируются в рамках определенных социально-экономических конструкций, которые влияют на решение о миграции. Изучению поведенческих факторов и роли индивида как главного участника миграционного процесса не уделяется должного внимания (Зайончковская и др., 2007).

В зарубежной литературе для поиска ответов на вопрос «почему люди мигрируют» используется достаточно емкое понятие «миграционный драйвер» (*migration*

drivers), которое предполагает, что миграция является не результатом действия одного фактора / причины, а сложной конфигурацией множества взаимозависимых и взаимодействующих факторов, которые в конечном итоге приводят к решениям о миграции (Czaika & Reinprecht, 2022).

Основываясь на социально-психологической сути миграционного процесса, авторы данной статьи предложили концепт мотивационного драйвера миграции, который предполагает взаимодействие трех составляющих, побуждающих к активным миграционным действиям: личностных характеристик, сферы актуальных потребностей личности и условий внешней среды. Для выявления мотивационных драйверов миграции разработана поэтапная методика, позволяющая определить комбинацию этих составляющих, наиболее сильно коррелирующих с проявлением миграционной активности. Апробация методики проведена на исходящей миграции молодежи из АЗ РФ, что позволило выделить 10 содержательно интерпретируемых мотивационных драйверов миграции.

В данной статье мы подробно остановимся на первом этапе исследования мотивационных драйверов трудовой миграции, а именно сравнении личностных характеристик двух категорий мигрантов — переезжающих в АЗ РФ на постоянное место жительства и предпочитающих временную миграцию в формате вахтового метода.

Материалы и методы

Для демонстрации различий выбран один из регионов АЗ РФ — Ямало-Ненецкий автономный округ. Этот регион является мощнейшим экономическим драйвером страны, регионом-лидером в АЗ РФ, регионом высоких стандартов качества жизни и материального благополучия населения. В то же время высокий потенциал и темпы экономического развития в сочетании с малонаселенностью и демографическими ограничениями обуславливают дефицит трудовых ресурсов в регионе.

В этих условиях проблема кадрового обеспечения решается за счет различных типов межрегиональной трудовой миграции. Так, практически каждый третий занятый в экономике округа привлекается для работы вахтовым методом из других российских регионов. Распространение трудовой миграции на постоянное место жительства в ЯНАО обусловлено отсутствием в регионе вуза, где можно получить высшее образование. По данным мониторинга трудоустройства выпускников ежегодный поток молодых специалистов с высшим образованием из других регионов страны для работы в ЯНАО составляет порядка 1 тыс. чел. Указанные особенности делают этот арктический регион интересным кейсом для изучения трудовой миграции.

В исследовании используется срез данных, полученных в ходе социологического анкетного опроса работников в регионах Российской Арктики, которые осуществили переезд на постоянное место жительства с целью работы или являются вахтовыми мигрантами. Здесь и далее по тексту статьи данные категории работников обозначим как «трудовые мигранты» и «вахтовики» соответственно. На основе результатов опроса была сформирована подвыборка, включающая указанные группы работников из Ямало-Ненецкого округа — по 800 чел. в возрасте от 25 до 45 лет. Распределение по полу соответствует расчетным параметрам выборки: трудовые мигранты — 48,7 % женщины и 51,3 % мужчины, вахтовики — 5,5 % женщины и 94,5 % мужчины.

Для измерения характеристик личности была использована методика на основе пятифакторного опросника личности (TIPI-RU), который представляет собой краткий аналог измерения факторов личности Большой пятерки (*Big Five Inventory* — *BFI*)

(Калугин и др., 2021), русифицированный российскими исследователями (Сергеева и др., 2016). Методика состоит из десяти вопросов, по два на каждую из характеристик личности (экстраверсия (ЭКС), дружелюбие (ДРУЖ), добросовестность (ДОБР), эмоциональная стабильность (ЭС), открытость новому опыту (ОНО)), оценка проводится по семибальной шкале Ликерта.

Сравнение характеристик личности трудовых мигрантов и вахтовиков реализуется в три этапа. На первом этапе характеристики личности исследуются на общем уровне, для каждой характеристики личности проверяются две гипотезы:

— Н0 — средние значения характеристики личности в группах трудовых мигрантов и вахтовиков равны.

— Н1 — средние значения характеристики личности в группах трудовых мигрантов и вахтовиков различаются статистически значимо.

На втором этапе исследования аналогичные гипотезы проверяются на уровне групп респондентов в зависимости от срока работы в Российской Арктике. В рамках проведенного опроса респонденты были разделены на группы в зависимости от срока проживания в арктическом регионе для трудовых мигрантов, и в зависимости от срока работы вахтовым методом для вахтовиков, всего было выделено пять групп: менее года, 1–2 года, от 3 до 5 лет, от 6 до 10 лет, от 10 до 20 лет. В основе анализа лежит предположение, что с течением времени личностные характеристики трудовых мигрантов и вахтовиков будут сближаться.

На третьем этапе проверяется влияние половой принадлежности на выявленные различия между трудовыми мигрантами и вахтовиками. В качестве нулевой гипотезы выдвигалось предположение, что каждая из исследуемых характеристик личности у мужчин и женщин в одной группе работников статистически значимо не различается, статистически значимые различия присутствуют при сравнении подвыборок одного пола из разных групп работников, взаимодействие переменных «пол» и «группа работников» не влияет на характеристики личности. В основе этих гипотез лежит предположение, что наиболее сильное влияние на различия в характеристиках трудовых мигрантов и вахтовиков может играть половая принадлежность.

На заключительном этапе исследования анализируется образовательный уровень трудовых мигрантов и вахтовиков. В исследовании влияния личностных черт на экономическое поведение с использованием инструментария «Большой пятерки» отмечается, что для низкоквалифицированных работников характерны минимальные значения показателя «открытость новому опыту» (Гимпельсон и др., 2020). Применительно к настоящему исследованию этот вопрос становится актуальным в контексте бытующего мнения о более низкой квалификации работников, работающих вахтовым методом.

Для проверки гипотез используются как параметрические, так и непараметрические критерии, Т-критерий Стьюдента и U-критерий Манна — Уитни. Взаимодействие переменных оценивается при помощи двухфакторного дисперсионного анализ, реализованного в библиотеке «Statsmodels» языка программирования python (Seabold & Perktold, 2010).

Результаты

На первом этапе сопоставления характеристик личности трудовых мигрантов и вахтовиков использовались общие результаты применения опросника TIPI-RU. На рисунке 2 отображено распределение значений пяти исследованных характеристик личности трудовых мигрантов и вахтовиков.

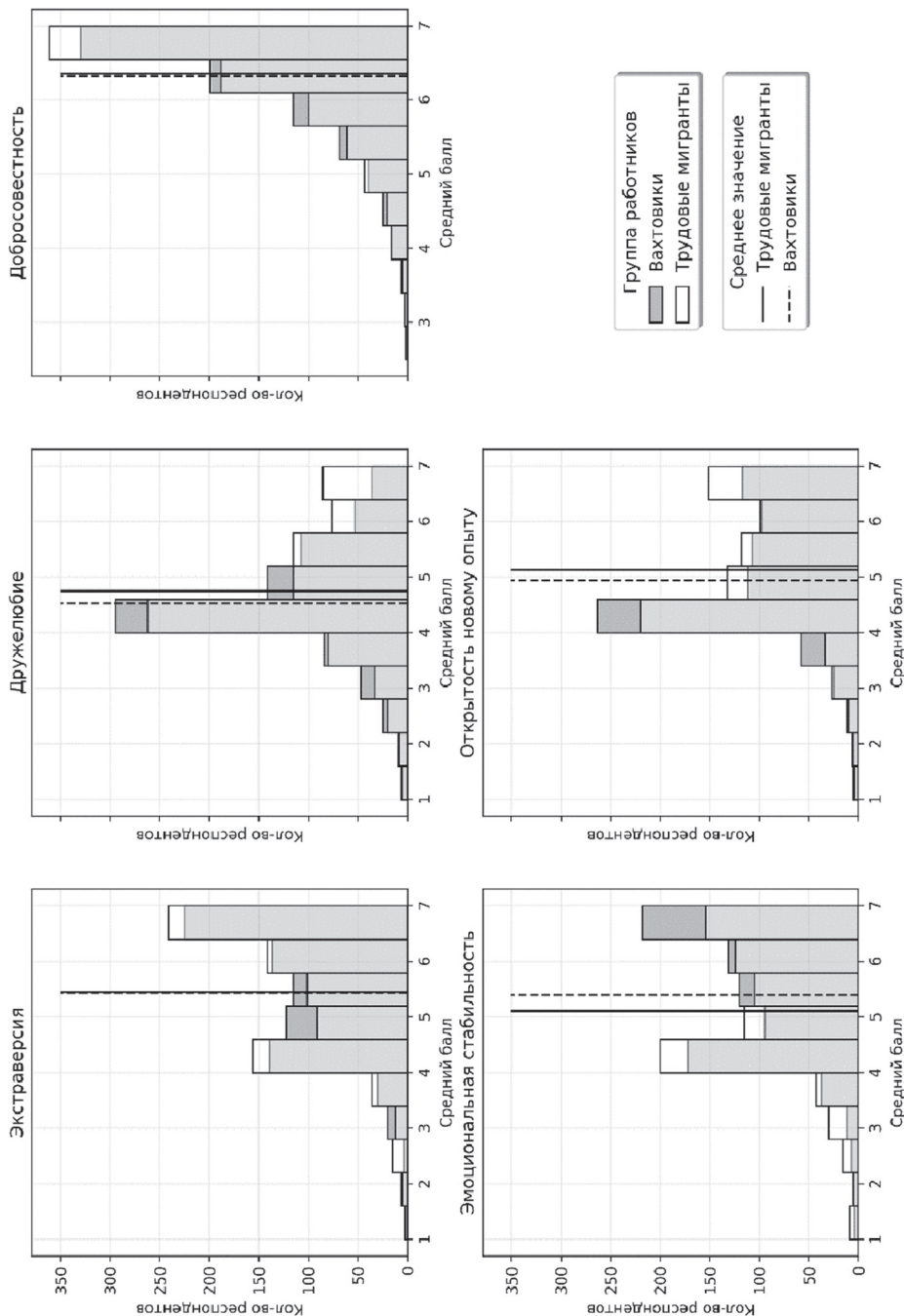

Рис. 2. Распределение средних значений характеристик личности у трудовых мигрантов и вахтовиков (источник: сост. авторами)

Визуальная оценка распределений на рисунке 2 позволяет сделать вывод, что в целом характеристики личности у трудовых мигрантов и вахтовиков совпадают, расположение средних значений по группам работников также подтверждает это наблюдение. Для более дательного анализа были использованы Т-критерий Стьюдента и U-критерий Манна – Уитни. Анализ данных выявил статистически значимые различия между группами работников по трем из пяти характеристик личности: «дружелюбие», «эмоциональная стабильность», «открытость новому опыту». Стоит отметить, что оба критерия выявили статистически значимые различия на уровне $p\text{-value} < 0,001$, что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии различий между выборками. Говоря о направленности этих различий, отметим, что для вахтовиков характерны более высокие значения по шкалам «дружелюбие» и «эмоциональная стабильность», а для трудовых мигрантов по шкале «открытость новому опыту».

Важной характеристикой при сопоставлении личностных характеристик трудовых мигрантов и вахтовиков является срок их трудовой деятельности. В таблице 2 приведены данные со средним возрастом по группам срока работы и количеством опрошенных респондентов.

Средний возраст между группами работников по срокам работы практически не различается, общую тенденцию на повышение возраста респондентов в зависимости от срока работы нарушает значение возраста в группе «менее 1 года» у вахтовиков. Сопоставление этого результата с данными по другим регионам позволяет сделать вывод, что это связано со спецификой выборки и скорее случайность, чем правило. В свою очередь, схожие возрастные характеристики выборок по признаку срока работы позволяют говорить о возможности их сравнения.

На рисунке 3 представлено сопоставление характеристик личности у трудовых мигрантов и вахтовиков в зависимости от срока трудовой деятельности.

Визуально характеристики личности по группам работников почти не различаются, за редкими исключениями применительно к трем значимым характеристикам, которые были отмечены ранее. Также наблюдается тенденция снижения различий с течением времени. Статистически значимые различия на основе t-критерия Стьюдента были выявлены для характеристики «эмоциональная стабильность» в группах по сроку работы «менее 1 года» ($p\text{-value} < 0,01$), «3–5 лет» ($p\text{-value} < 0,05$) и «10–20 лет» ($p\text{-value} < 0,01$), для характеристики «открытость новому опыту» — в группах со сроком работы «менее 1 года» ($p\text{-value} < 0,001$) и «1–2 года» ($p\text{-value} < 0,01$), для характеристики «дружелюбие» — в группе «10–20 лет» ($p\text{-value} < 0,001$). Отметим, что в группе со сроком работы «от 6 до 10 лет» характеристики личности у трудовых мигрантов

Таблица 2

Показатели выборки по группам работников и сроку работы в ЯНАО

Группа работников	Срок работы				
	Менее 1 года	1–2 года	От 3 до 5 лет	От 6 до 10 лет	От 10 до 20 лет
<i>Средний возраст, лет</i>					
Трудовые мигранты	32,5	32,2	33,5	35,4	38,7
Вахтовики	33,1	32,6	33,6	35,7	39,2
<i>Количество респондентов</i>					
Трудовые мигранты	60	87	156	158	339
Вахтовики	37	83	138	197	345

Источник: сост. авторами.

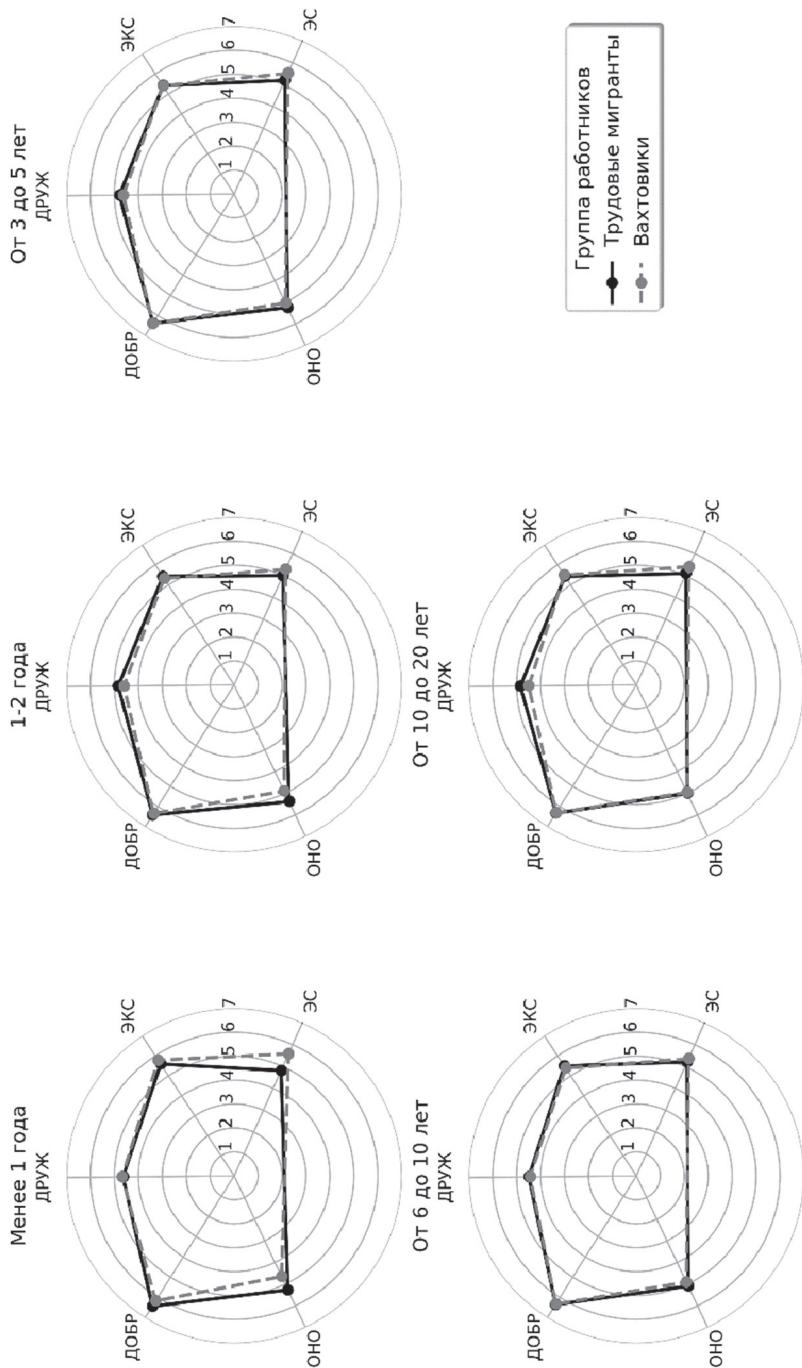

Рис. 3. Характеристики личности трудовых мигрантов и вахтовиков по сроку работы в Арктике (источник: сост. авторами)

Таблица 3

Образовательный уровень трудовых мигрантов и вахтовиков

Уровень образования	окончил(-а) школу	окончил(-а) техникум, училище, колледж	окончил(-а) вуз	окончил(-а) аспирантуру
Трудовые мигранты	16	145	626	13
Вахтовики	18	186	582	14

Источник: сост. авторами.

и вахтовиков статистически значимо не различаются. Полученные результаты свидетельствуют о вариации выраженности характеристик личности в зависимости от срока работы.

С учетом гендерной диспропорциональности данных в группах работников, дополнительно была проверена гипотеза о влиянии пола на выявленные различия. Для этого было проведено попарное сравнение значений характеристик личности у мужчин и женщин из одной группы работников и мужчин / женщин в разных группах работников на основе U-критерий Манна – Уитни, также для учета взаимного влияния переменных был использован двухфакторный дисперсионный анализ. С учетом попарных сравнений был установлен минимальный уровень значимости $p\text{-value} < 0.01$.

Результаты статистического анализа влияния половой принадлежности на выявленные различия между трудовыми мигрантами и вахтовиками показали, что все три выдвинутые нулевые гипотезы можно отвергнуть лишь для двух измерений — характеристика «открытость к новому опыту» в группах со сроком работы в Арктике «менее 1 года» и «1–2 года» (полученные значение $p\text{-value}$ находились в пределах $< 0,1$). Отметим, что проведение дисперсионного анализа в модели «открытость новому опыту ~ группа работников + пол + (группа работников: пол)» также показало, что влияние половой принадлежности на исследуемую характеристику личности является незначимым, как и взаимодействие переменных, описанное в рамках нулевой гипотезы.

Представленные результаты были бы неполными без рассмотрения образовательного уровня респондентов. В таблице 3 приведена образовательная структура трудовых мигрантов и вахтовиков.

Число респондентов в обеих группах работников по уровням образования практически не различается, использование критерия независимости Хи-квадрат подтверждает данное предположение ($p\text{-value} = 0,08$). Сравнение средних значений характеристики «открытость новому опыту» по уровням образования на основе t-критерия Стьюдента показывает, что незначительная статистическая разница наблюдается лишь у респондентов со средним профессиональным образованием ($p\text{-value} = 0,4$), среднее значение измеряемой характеристики у трудовых мигрантов составило 4,97, а у вахтовиков — 4,7.

Резюмируя полученные результаты, можно сделать вывод, что единственной характеристикой личности, определяющей статистически значимые различия между трудовыми мигрантами и вахтовиками, является открытость новому опыту. Также стоит отметить, что данная значимость проявляется лишь у тех респондентов, кто стал работать в Ямало-Ненецком автономном округе в течение двух последних лет.

Обсуждение и выводы

Говоря о полученных результатах, в первую очередь нужно отметить, что выявленные закономерности для характеристики «открытость новому опыту» соответствуют

результатам, ранее полученным другими исследователями. Так, например, российскими авторами с использованием аналогичной методики было выявлено, что открытость опыту не зависит от половой принадлежности (Егорова & Паршикова, 2016), а зарубежные исследователи отмечают уменьшение открытости к опыту с возрастом (Anusic et al., 2012).

Учеными отмечается, что открытость новому опыту коррелирует с позитивным отношением к неопределенности (Корнилова & Чумакова, 2016), что при сравнении групп работников позволяет сделать вывод о том, что эта характеристика является одним из аспектов, влияющих на выбор способа трудовой миграции. Другими словами, высокий уровень открытости к новому опыту у респондентов детерминирует трудовую миграцию с переездом в регион работы, в противовес вахтовому способу работы.

В рамках концепции мотивационного драйвера полученные результаты определяют содержание одного из его компонентов — личностные характеристики, детерминирующие миграционное поведение, а именно уровень готовности к получению нового опыта. Также полученные результаты позволяют выделить срок работы, на котором прослеживаются различия между трудовыми мигрантами, переехавшими в регион, и теми, кто выбрал вахтовый способ работы. Таким образом, полученные результаты являются основой для дальнейшего изучения факторов трудовой миграции в арктические регионы России.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the project No. 22-78-10148 “Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects.”

Список источников

Бажутова, Е. А. (2022). Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 4, 148–166. <http://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.011>

Гимпельсон, В. Е., Зудина, А. А., Капелюшников, Р. И. (2020). Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные. *Вопросы экономики*, 11, 5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31>

Егорова, М. С., Паршикова, О. В. (2016). Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (B5–10). *Психологические исследования*, 9(45), 9.

Зайончковская, Ж., Молодикова, И., Мукомель, В. (2007). *Методология и методы изучения миграционных процессов*. Москва: АдамантЪ, 370.

Калугин, А. Ю., Щебетенко, С. А., Мишкевич, А. М., Сото, К. Д., Джон, О. (2021). Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(1), 7–33. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>

Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А. (2016). Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ). *Психологические исследования*, 9(46), 5.

Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. (2020). Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 130–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>

Питухина, М. А., Толстогузов, О. В., Белых, А. Д. (2022). Арктические местные сообщества и зарубежная трудовая миграция в российской Арктике. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 3, 70–86. <http://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.005>

Рыбаковский, Л. Л. (2017). *История и теория миграции населения. Кн. 2: миграция населения: явление, понятие, детерминанты*. Москва: Экон-Информ, 254.

Рязанцев, С. В. (2019). Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию. *Социологические исследования*, 9, 117–126. <http://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>

Сергеева, А. С., Кириллов, Б. А., Джумагулова, А. Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (ТИР-РУ): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности. *Экспериментальная психология*, 9(3), 138–154. <http://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>

Силин, А. Н. (2021). *Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс*. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 88.

Хотеева, Е. А. (2023). Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(5), 172–187. <http://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.10>

Anusic, I., Lucas, R. E., & Donnellan, M. B. (2012). Cross-sectional age differences in personality: Evidence from nationally representative samples from Switzerland and the United States. *Journal of Research in Personality*, 46(1), 116–120.

Czaika, M., & Reinprecht, C. (2022). Migration Drivers: Why Do People Migrate? In: *Introduction to Migration Studies. IMISCOE Research Series* (pp. 49–82). NY: Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92377-8_3

Seabold, S., & Perktold, J. (2010). Statsmodels: Econometric and Statistical Modeling with Python. In: *Proceeding of the 9th Python in Science Conference, Austin, 28–30 June 2010* (pp. 92–96). <https://doi.org/10.25080/Majora-92bf1922-011>

References

Anusic, I., Lucas R. E., & Donnellan, M. B. (2012). Cross-sectional age differences in personality: Evidence from nationally representative samples from Switzerland and the United States. *Journal of Research in Personality*, 46(1), 116–120.

Bazhutova, E. A. (2022). Shift method as a reserve for the transformation of migration processes in the regions of the Russian Arctic. *Север и рынок: формирование экономического порядка [The North and the Market: Forming the Economic Order]*, 4, 148–166. <http://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.011> (In Russ.)

Czaika, M., & Reinprecht, C. (2022). Migration Drivers: Why Do People Migrate? In: *Introduction to Migration Studies. IMISCOE Research Series* (pp. 49–82). NY: Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92377-8_3

Egorova, M. S., & Parshikova, O. V. (2016). Validation of the Short Portrait Big Five Questionnaire (BF-10). *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological studies]*, 9(45), 9. (In Russ.)

Gimpelson, V. E., Zudina, A. A., & Kapeliushnikov, R. I. (2020). Non-cognitive components of human capital: Evidence from Russian data. *Voprosy ekonomiki*, 11, 5–31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31> (In Russ.)

Kalugin, A. Yu., Shchebetenko, S. A., Mishkevich, A. M., Soto, C., & John, O. (2021). Psychometric Properties of the Russian Version of the Big Five Inventory-2. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 18(1), 7–33. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33> (In Russ.)

Khoteeva, E. A. (2023). Motives of Youth Migration to the Arctic Zone of the Russian Federation at the Present Stage. *Ekonomicheskie i sotsialnye pe-remeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 16(5), 172–187. <http://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.10> (In Russ.)

Kornilova, T. V., & Chumakova, M. A. (2016). Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI). *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological studies]*, 9(46), 5. (In Russ.)

Mkrтчyan, N. V., & Florinskaya, Yu. F. (2020). Why Some People Leave Certain Regions in Favor of Others: Motives Behind Interregional Migration in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 5, 130–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619> (In Russ.)

Pitukhina, M. A., Tolstoguzov, O. V., & Belykh, A. D. (2022). Arctic local communities and foreign labour migration in the Russian Arctic. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka [The North and the Market: Forming the Economic Order]*, 3, 70–86. <http://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2022.77.005> (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (2019). Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 9, 117–126. <http://doi.org/10.31857/S013216250006666-5> (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2017). *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 2: migratsiya naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinanty [History and theory of population migration. Book 2: population migration: phenomenon, concept, determinants]*. Moscow: Ekon-Inform, 234. (In Russ.)

Seabold, S., & Perktold, J. (2010). Statsmodels: Econometric and Statistical Modeling with Python. In: *Proceeding of the 9th Python in Science Conference, Austin, 28–30 June 2010* (pp. 92–96). <https://doi.org/10.25080/Majora-92bf1922-011>

Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., & Dzhumagulova, A. F. (2021). Translation and adaptation of short five factor personality questionnaire (TIPI-RU): convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Eksperimentalnaya psikhologiya [Experimental psychology]*, 9(3), 138–154. <http://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (In Russ.)

Silin, A. N. (2021). *Vakhtovyy trud v Arktike: sotsialno-prostranstvennyy diskurs [Shift work in the Arctic: socio-spatial discourse: monograph]*. Tambov: Yukom Consulting Company, 88. (In Russ.)

Zayonchkovskaya, Zh., Molodikova, I., & Mukomel, V. (2007). *Meto-dologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov [Methodology and methods of studying migration processes: an interdisciplinary textbook]*. Moscow: Adamant, 370. (In Russ.)

Информация об авторах

Степуть Ирина Сергеевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Scopus ID: 57197761821, <https://orcid.org/0000-0001-5070-0273> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; e-mail: stepus@petsru.ru).

Аверьянов Александр Олегович — аспирант, ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Scopus ID: 57223919786, <https://orcid.org/0000-0003-2884-8110> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; e-mail: aver@petsru.ru).

About the authors

Irina S. Stepus — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Scopus ID: 57197761821, <https://orcid.org/0000-0001-5070-0273> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: stepus@petsu.ru).

Aleksandr O. Averyanov — PhD Student, Leading Specialist, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Scopus ID: 57223919786, <https://orcid.org/0000-0003-2884-8110> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: aver@petsu.ru).

УДК 314.01

JEL classification: J13, M14

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-4-5>

Медиация в изучении влияния когнитивных искажений на корпоративную демографическую политику: теоретические подходы к анализу¹

А. А. Тобышева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-0904-9471>

Автор для корреспонденции: А. А. Тобышева (tobysheva.a.a@internet.ru).

Аннотация. *Выявление и описание причинно-следственных связей является одной из самых сложных задач в социально-экономических, демографических исследованиях. Чаще всего в исследованиях выявляется и описывается общий эффект воздействия одной переменной на другую. Вместе с тем особый интерес представляют выявление и анализ косвенного эффекта, обнаружение факторов-медиаторов. Такой анализ особенно востребован в демографии для выявления факторов, способных преломить негативные демографические тренды. Целью статьи является оценка возможности и разработка теоретических основ анализа когнитивных искажений в качестве медиатора в демографических исследованиях. В качестве источников данных для проведения исследований использовались Российский индекс научного цитирования и онлайн-сервис Google Books Ngram Viewer. В ходе анализа был составлен своего рода наукометрический портрет публикаций по теме медиации, проиндексированных в РИНЦ, предложена модель исследования когнитивных искажений как медиатора, опосредующего влияние корпоративной демографической политики на репродуктивное поведение сотрудников компании. Анализ также показал возрастающий научно-исследовательский интерес к данной тематике. Полученные результаты показывают новые возможности для изучения косвенных эффектов в демографических исследованиях.*

Ключевые слова: анализ медиации, демография, когнитивные искажения; корпоративная демографическая политика; рождаемость

Mediation in the Study of the Impact of Cognitive Biases on Corporate Demographic Policy: Theoretical Approaches to Analysis

A. A. Tobysheva

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-0904-9471>

Corresponding author: A. A. Tobysheva (tobysheva.a.a@internet.ru).

Abstract. *Identifying and describing causal relationships is one of the most difficult tasks in socio-economic and demographic research. Most often, studies only identify and describe the overall effect of one variable on another. At the same time, analysis of indirect effects and discovery of mediator factors are of particular interest. In demography, such analysis is used to identify factors that can reverse negative demographic trends. The article aims to assess the possibility and develop a theoretical framework for examining cognitive biases as a mediator in demographic research. The Russian Science Citation Index (RSCI) and the Google Books Ngram Viewer online service were used as data sources. During the analysis, a scientometric portrait of publications on the topic of mediation, indexed in the RSCI, was compiled. A model for studying cognitive biases as a mediator between corporate demographic policy and a company's reproductive behaviour is proposed. The analysis also showed growing research interest in this topic. The findings highlight new opportunities for studying indirect effects in demographic research.*

Keywords: mediation analysis, demography, cognitive distortions; corporate demographic policy; birth rate

---

¹ © Тобышева А. А. Текст. 2024.

Введение

Падение рождаемости в России — один из важнейших вызовов, с которыми сталкивается сегодня страна. Для решения этого вопроса реализован целый ряд государственных инициатив, подкрепленных системными решениями, — национальный проект «Демография», Концепция демографической политики РФ, а также обширный комплекс мер, направленных на поддержку семей. Несмотря на активные действия в области пронаталисткой политики, негативные демографические тренды заявляют себя все более отчетливо. Так, например, в период с 2014 по 2022 гг. падение суммарного коэффициента рождаемости составило 19,1 %¹.

Исследователи называют ряд причин, влияющих на снижение уровня рождаемости. Это и ограничения, связанные с доходами, финансами, жилищными условиями, и негативные трансформации в системе ценностей населения (например, переориентация с семьи на карьеру), и все большее распространение неполных семей и сожительства, неудовлетворительное состояние здоровья, сложности в соблюдении баланса между семьей и работой (Balbo et al., 2013).

Негативная демографическая динамика актуализирует поиск новых и инструментов и методов решения демографических проблем. Одним из таких инструментов может выступать участие бизнеса в решении таких проблем. Востребованным и активно развиваемым сегодня направлением деятельности российских предприятий и организаций является корпоративная демографическая политика (Ростовская и др., 2021). В процессе реализации такой политики важно учитывать различные факторы — как объективные, так и субъективные, обладающие потенциалом оказывать влияние на репродуктивное поведение населения. (Kabir & Thái Minh, 2021; Manner, 2010). Одним из таких субъективных факторов являются когнитивные искажения.

Под когнитивными искажениями понимают ошибки мышления, выраженные во влиянии особенностей когнитивной системы человека на скорость восприятия и обработки информации, способы интерпретации информации (Боброва, 2021). Такие ошибки задают своего рода программу принятия решений и поведения человека в различных ситуациях. Когнитивные искажения могут влиять и на репродуктивное поведение (Боброва, 2021; Мозжухина, 2017), поэтому они могут выступать в качестве фактора, оказывающего влияние на рождаемость. Так, когнитивные искажения способны оказывать влияние на установки в отношении рождения детей (сколько детей хотелось бы иметь, в каком возрасте и при каких условиях рожать детей и т. д.). Когнитивные искажения важно учитывать при формировании и реализации корпоративной демографической политики; они могут выступать в роли своего рода посредника между теми посылками и воздействиями, которые идут со стороны корпоративной демографической политики, и репродуктивными установками сотрудников компании. Такое посредничество в экономико-статистических, прикладных исследованиях изучается на основе модели медиации.

Медиация помогает понять механизм или процесс, посредством которого независимая переменная влияет на зависимую переменную. В 1986 г. Р. Бэрн и Д. А. Кенни представили метод, основанный на регрессии и предназначенный для исследования модели, в которой промежуточная переменная помогает объяснить влияние независимой переменной на зависимую (Gelfand et al., 2009).

При использовании модели медиации исследователи часто прибегают к графическим методам — представляют возможные гипотетические причинно-следственные

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. Росстат. <https://showdata.gks.ru/report/278974/>

Рис. 1. Диаграмма пути в анализе медиации (источник: составлена авторами)

связи между переменными на основе специального графического изображения — диаграммы пути (*path analysis*), который является одной из форм структурного моделирования уравнений (рис. 1). На такой диаграмме в связь между двумя переменными подключается посредник (медиатор), который также оказывает влияние на зависимую переменную (Richiardi et al., 2013).

Анализ медиации проходит в несколько этапов: тестирование взаимосвязей между независимой и зависимой переменными (прямой эффект), тестирование взаимосвязи между независимой переменной и медиатором (непрямой эффект), тестирование взаимосвязи между медиатором и зависимой переменной (непрямой эффект) (Nguyen et al., 2021). Непрямой эффект оценивается по уровню значимости и соотносится с прямым эффектом. Важным условием является то, что при включении медиатора (опосредованного эффекта) в анализ остальные переменные должны оставаться значимыми (Richiardi et al., 2013).

Результаты анализа медиации могут показать наличие следующих эффектов (Реан и др., 2022):

- частичная медиация, при которой значимы как прямой, так и непрямой эффекты;
- полная медиация, при которой значим только непрямой эффект, а прямой не значим;
- отсутствие медиации, при котором непрямой эффект не значим.

Совокупный эффект представляет собой все значимые эффекты — как прямые, так и опосредованные.

Анализ медиации обычно применяется в таких областях, как психология, социология и эпидемиология. В демографии исследований, проводимых с использованием модели медиации, существенно меньше, чем в других предметных областях. В качестве переменных-медиаторов в демографических исследованиях рассматриваются пол, возраст, семейный статус и некоторые другие. В контексте нашего исследования когнитивные искажения могут выступать в качестве медиатора, опосредованно влияющего на корпоративную демографическую политику и репродуктивные установки.

Целью нашего исследования является оценка возможности и разработка теоретических основ изучения когнитивных искажений в качестве медиатора в демографических исследованиях.

Данные и методика исследования

Исследование было реализовано в несколько этапов.

Этап 1. Применялись методы наукометрического анализа с целью выявления и описания тех научных публикаций, которые были посвящены изучению и применению анализа медиации. В качестве информационного ресурса был использован поисковый сервис Google Books Ngram Viewer. Поиск осуществлялся по термину «*mediation*»

analysis» в англоязычном корпусе литературных источников, опубликованных в период до 2019 г.

На данном этапе исследования также анализировались публикации, проиндексированные в Российском индексе научного цитирования. Отбору и анализу подлежали публикации, в наименовании, аннотации или ключевых словах которых фигурировал термин «анализ медиации» и «*mediation analysis*» (поиск осуществлялся в рамках тематического раздела «Демография»).

Этап 2. Формирование модели исследования когнитивных искажений в качестве медиатора, опосредующего влияние корпоративной демографической политики на репродуктивное поведение сотрудников компании.

Основная гипотеза: влияние корпоративной демографической политики на репродуктивное поведение сотрудников опосредовано когнитивными искажениями и потому может быть изучено на основе модели медиации.

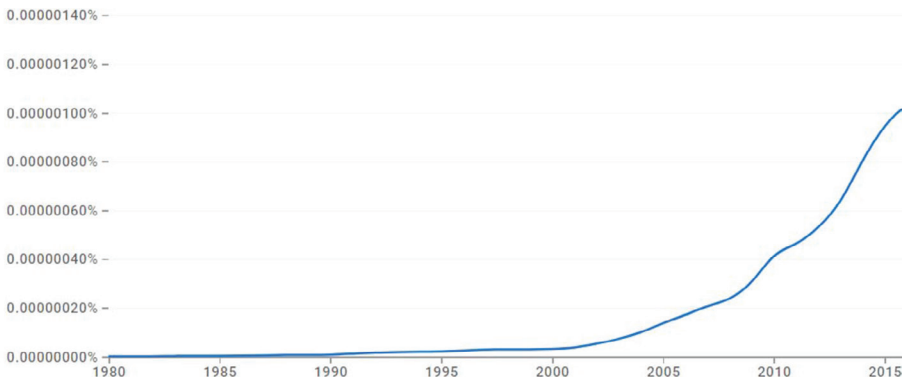
Результаты

В процессе анализа частотности употребления термина «*mediation analysis*» были получены следующие результаты. Прежде всего, анализ показал, что публикационная активность и, следовательно, научно-исследовательский интерес в отношении анализа медиации начали проявляться в 1980-е гг. Существенный рост числа исследований медиации приходится на 2005–2010 гг., а также 2015 г. (рис. 2).

Анализ публикаций, посвященных изучению медиации и проиндексированных в РИНЦ, позволил составить своего рода наукометрический портрет таких исследований. Результаты представлены в таблице.

По отобранным терминам в РИНЦ проиндексировано 202 публикации с 2014 г. по 2023 г., причем 54 % из них опубликованы в последние 5 лет — с 2020 г. по 2024 г., что говорит о нарастающей популярности и востребованности этого метода исследования.

Большинство статей относится сразу к нескольким тематическим разделам, помимо раздела «Демография». Распределение по тематическим рубрикам найденных статей следующее: 42 % работ из области «Медицина и здравоохранение», 21 % статей

Рис. 2. Относительная частотность термина «*mediation analysis*» в сервисе Google Engram Viewer (источник: составлена авторами)

Отдельные наукометрические показатели публикационной активности по тематике медиации в тематическом разделе «Демография» в РИНЦ

Термин	Доля публикаций, в ключевых словах которых присутствует термин в общем количестве проиндексированных публикаций, %	Количество публикаций, в ключевых словах которых присутствует термин за последние 5 лет (2020–2024 гг.)
Анализ медиации	0,00000397	1
Meditation analysis	0,00039703	7

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. Путевая модель влияния когнитивных искажений на корпоративную демографическую политику (источник: составлена авторами)

из области «Психология», 13 % статей из области «Экономика. Экономические науки» и лишь 7 % статей относятся исключительно к области «Демография».

Важно отметить, что термины «анализ медиации» и «*mediation analysis*» не использовались в качестве ключевых слов ни в одной статье в РИНЦ.

В ходе дальнейшего анализа были разработаны теоретические основы исследования когнитивных искажений как фактора демографической политики на основе модели медиации. В нашем случае медиация будет выражаться в непрямом / опосредованном влиянии корпоративной демографической политики на репродуктивные установки сотрудников (когнитивные искажения в данном случае рассматриваются в роли медиатора). Таким образом, для изучения когнитивных искажений может быть предложена путевая модель (*path model*), представленная на рисунке 3. В модели в качестве медиатора выступают когнитивные искажения, в качестве независимой переменной — корпоративная демографическая политика, в качестве зависимой переменной — рождаемость. Связи *a* и *b* указывают на опосредованные эффекты влияния через медиатор, а связь *c* указывает на прямой эффект между переменными.

Обсуждение полученных результатов

На наш взгляд, необходимо отметить следующие важные моменты в полученных результатах.

Во-первых, полученные при помощи Google Books Ngram Viewer и РИНЦ результаты наукометрического анализа говорят о нарастающей популярности анализа медиации в последние годы.

Во-вторых, когнитивные искажения, влияя на репродуктивное поведение сотрудников, могут приводить к возникновению различных эффектов. Так, например, известная в психологической теории когнитивных искажений ошибка мышления типа «эффект неопределенности» оказывает воздействие на принятие решения о долгосрочных планах, одним из которых может выступать рождение и воспитание ребенка. Такое когнитивное искажение отражает тенденцию людей избегать наступления сложно прогнозируемых событий, к которым можно отнести рождение и воспитание детей. Это может приводить к откладыванию рождения детей (Тобышева & Шубат, 2023). При наличии когнитивных искажений типа «ошибка планирования» и «катастрофизация» индивиды имеют склонность к прогнозированию негативных сценариев развития событий. В отношении рождения детей это выражается в контрацептивном поведении потенциальных родителей (Тобышева & Шубат, 2023).

В-третьих, представленные в работе теоретические основы анализа когнитивных искажений в качестве медиатора в демографических исследованиях является лишь первым шагом в процессе исследования. Тем не менее, это уже позволяет выстраивать план будущих работ в этом направлении. Так, например, когнитивные искажения сотрудников предприятия в отношении реализуемой корпоративной демографической политики, предположительно, могут влиять на ее эффективность. Результат реализации мер, направленных на поддержание сотрудников с семейными обязанностями, будет зависеть, в частности, от принятия решений индивидов в отношении рождений детей. Поскольку когнитивные искажения могут оказывать влияние на выбор и поведение человека, то они также могут влиять на эффективность корпоративной демографической политики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и заключений. В ходе исследования были обозначены следующие предпосылки для развития теоретических основ анализа когнитивных искажений в качестве медиатора в демографических исследованиях.

Во-первых, это необходимость поиска новых инструментов, влияющих на рождаемость, что исключительно важно в условиях негативных демографических тенденций. Одним из таких инструментов может выступать корпоративная демографическая политика.

Во-вторых, это возможность и необходимость рассмотрения когнитивных искажений в качестве субъективного фактора корпоративной демографической политики.

В-третьих, важность изучения влияния непрямых эффектов, которые возникают вследствие влияния корпоративной демографической политики на репродуктивное поведение. Такие непрямые эффекты возникают вследствие наличия когнитивных искажений.

В процессе исследования был составлен своего рода наукометрический портрет научных и прикладных исследований, посвященных модели медиации. Анализ показал рост количества таких исследований. Однако авторы, работающие в демографической тематике, крайне редко используют данный метод анализа. В рамках изучения медиации в качестве инструмента выявления и описания причинно-следственных связей в области демографии в работе была представлена модель изучения когнитивных искажений как медиатора репродуктивного поведения.

Проведенное исследование обладает потенциалом для дальнейшего развития. Полученные результаты открывают новые возможности для изучения опосредованных эффектов в демографических исследованиях, в частности для анализа когнитивных искажений в качестве медиатора.

Список источников

Боброва, Л. А. (2021). Когнитивные искажения. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал*, 2, 69–79. <https://doi.org/10.31249/rphil/2021.02.04>

Мозжухина, Ю. Н. (2017). Когнитивные искажения как свойство поведенческих моделей. *Проблемы педагогики*, 9(32), 22–25.

Реан, А. А., Ставцев, А. А., Кузьмин, Р. Г. (2022) Сильные стороны личности в модели *via* как медиатор психологического благополучия в профессиональной деятельности *Национальный психологический журнал*, 2(46), 25–34.

Ростовская, Т. к., Шабунова, А. А., Багирова, А. П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(5), 151–164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

Тобышева, А. А., Шубат, О. М. (2023). Теоретические подходы к анализу когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политик. В: *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам* (с. 722–732). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. <https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-9>

Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. (2013). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, 29(1), 1–38. <http://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>

Gelfand, L. A., Mensinger, J. L., & Tenhave, T. (2009). Mediation analysis: A retrospective snapshot of practice and more recent directions. *The Journal of general psychology*, 136(2), 153–178.

Kabir, R., & Thái Minh, H. (2021). Key Factors Determining Corporate Social Responsibility Practices of Vietnamese Firms and the Joint Effects of Foreign Ownership. *Journal of multinational financial management*, 59, 100676. <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2020.100676>

Manner, M. H. (2010). The Impact of CEO Characteristics on Corporate Social Performance. *Journal of Business Ethics*, 93, 53–72.

Nguyen, T. Q., Schmid, I., & Stuart, E. A. (2021) Clarifying causal mediation analysis for the applied researcher: Defining effects based on what we want to learn. *Psychological Methods*, 26(2), 255–275.

Richiardi, L., Bellocco, R., & Zugna, D. (2013) Mediation analysis in epidemiology: methods, interpretation and bias. *International journal of epidemiology*, 42(5), 1511–1519.

References

Balbo, N., Billari, F. C., & Mills, M. (2013). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, 29(1), 1–38. <http://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>

Bobrova, L. A. (2021). Cognitive biases. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3, Filosofiya: Referativnyy zhurnal [The social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3, Philosophy]*, 2, 69–79. <https://doi.org/10.31249/rphil/2021.02.04> (In Russ.)

Gelfand, L. A., Mensinger, J. L., & Tenhave, T. (2009). Mediation analysis: A retrospective snapshot of practice and more recent directions. *The Journal of general psychology*, 136(2), 153–178.

Kabir, R., & Thái Minh, H. (2021). Key Factors Determining Corporate Social Responsibility Practices of Vietnamese Firms and the Joint Effects of Foreign Ownership. *Journal of multinational financial management*, 59, 100676. <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2020.100676>

Manner, M. H. (2010). The Impact of CEO Characteristics on Corporate Social Performance. *Journal of Business Ethics*, 93, 53–72.

Mozzhukhina, Yu. N. (2017). Cognitive distortions as a property of behavioral models. *Problemy pedagogiki [Problems of Pedagogy]*, 9(32), 22–25. (In Russ.)

Nguyen, T. Q., Schmid, I., & Stuart, E. A. (2021) Clarifying causal mediation analysis for the applied researcher: Defining effects based on what we want to learn. *Psychological Methods*, 26(2), 255–275.

Rean, A. A., Stavtsev, A. A., & Kuzmin, R. G. (2022) Strengths of the personality in the VIA model as a mediator of psychological well-being o in professional activities. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal [National Journal of Psychology]*, 2(46), 25–34. (In Russ.)

Richiardi, L., Bellocco, R., & Zugna, D. (2013) Mediation analysis in epidemiology: methods, interpretation and bias. *International journal of epidemiology*, 42(5), 1511–1519.

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Bagirova, A. P. (2021). The Concept for Corporate Demographic Policy of Russian Enterprises in the Framework of Corporate Social Responsibility. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 14(5), 151–164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9> (In Russ.)

Tobysheva, A. A., & Shubat, O. M. Theoretical approaches to the analysis of cognitive distortions as a factor of corporate demographic policies. In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges]* (pp. 722–732). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-9> (In Russ.)

Информация об авторе

Тобышева Анастасия Андреевна — аспирант кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-0904-9471> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru).

About the author

Anastasiya A. Tobysheva — PhD Student, Academic Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-0904-9471> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: tobysheva.a.a@internet.ru).

V. МИГРАЦИЯ: СМЫСЛЫ, ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

УДК: 327

JEL F22, O15, R23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-1>

Новые вызовы во взаимосвязях миграции и демографии¹

А. П. Ахмедов

Институт истории им. А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана
(г. Баку, Азербайджанская Республика).
<https://orcid.org/0000-0002-9212-5147>

Автор для корреспонденции: А. П. Ахмедов (e-mail: agilahma@gmail.com).

Аннотация. Политические трансформации, социально-экономическое развитие, военные конфликты, природные катаклизмы, происходящие в мире, создают новые вызовы для диалога и сотрудничества в научной сфере. Реалии современности открывают путь для обсуждения деликатных тем, таких как миграция и демография. В данном научном исследовании представлен анализ увеличения значимости глобальных процессов, который показывает, что в мире перемещение людей стало актуальным. Это требует нового научно-теоретического подхода к изучению проблем миграции и демографии и их взаимосвязи. Динамичное развитие миграционно-демографических процессов в регионах привлекает внимание к историческим и политическим истокам научной проблемы исследования миграции и демографии и взаимосвязи между ними, свидетельствует о важности научного обсуждения современных вызовов. Изучение взаимосвязи миграции и демографии является важным направлением научных исследований, способствующим более глубокому пониманию социально-политических и социальных явлений, происходящих в регионах нашего проживания. В статье исследованы важные вопросы миграции и демографии и их взаимовлияние перед лицом новых вызовов, т. е. вопросы, которые становятся приоритетными направлениями для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: миграция; демография; взаимодействия; новые вызовы; политика

New Challenges in the Relationships between Migration and Demography

A. P. Ahmadov

Institute of History named after Abbasgulu Agha Bakikhanov of Azerbaijan National Academy of Sciences
(Baku, Republic of Azerbaijan).
<https://orcid.org/0000-0002-9212-5147>

Corresponding author: A. P. Ahmadov (e-mail: agilahma@gmail.com).

Abstract. Political transformations, socio-economic development, military conflicts, and global natural phenomena create new challenges for dialogue and cooperation. In this context, such sensitive topics as migration and demography are increasingly discussed. The analysis performed in this research shows that in a world where global processes are expanding, the movement of people has become relevant, which requires a new scientific and theoretical approach to the problem in both directions. The dynamic development of migration and demographic processes in regions draws attention to historical and political aspects of the scientific problem, testifies to the importance of scientific discussion of modern challenges. The study of the relationship between migration and demography is an important area of scientific research, contrib-

¹ © Ахмедов А. П. Текст. 2024.

uting to a deeper understanding of socio-political and social phenomena occurring in the regions of residence. The article examines important issues related to new challenges in the interaction of migration and demography and identifies priority areas for further study.

Keywords: migration; demography; interactions; new challenges; politics

Введение

Историческое развитие демографических процессов показывает, что люди, борясь за обеспеченную жизнь в регионах своего проживания, как ищут работу у себя на родине, так и активно участвуют в миграционных процессах. В современную эпоху историческая миссия человека как социального существа развивается в различных направлениях. Отвечая на новые вызовы XXI в., исследование миграции и демографии на основе анализа взаимовлияния не только проливает свет на некоторые теоретические вопросы, но и ставит дополнительные задачи. Изучение динамики показателей рождаемости и смертности имеет историческую и социальную ценность, как и изучение динамики показателей прибытия и выбытия населения.

Направления исследований вопросов демографии и миграции, затрагивающие общие исторические процессы или конкретные исторические события, показывают, что представленная тема в настоящее время звучит актуально. Имеющиеся данные, в том числе и данные переписей населения, а также данные текущего учета отражают обе исследуемые области (миграцию и демографию), создают новые приоритеты для научного сотрудничества. Следует отметить, что такие глобальные вопросы, как миграция и демография, играют важную роль в политике национальной безопасности государств и требуют дифференцированного подхода к исследуемой проблематике.

Исследователи, анализирующие численность, состав и плотность населения, а также динамику миграции и расселения, сталкиваются с новыми вызовами в современную эпоху, прокладывая путь к решению проблемы через развитие, сотрудничество и диалог. Исторический анализ этих процессов в социальном пространстве порождает необходимость рассмотрения их современных аспектов. Изучение роли демографических факторов в историческом процессе и исторической обусловленности демографических процессов заставляет обращать внимание на положительные и отрицательные тенденции, которые могут принести расширяющиеся миграционные волны. В результате реалии, порожденные миграцией и демографией, добавляют новые оттенки к экономической теме, актуализируют исторический и социальнополитический подходы.

Реалии, порожденные миграцией и демографией: исторический, социально-экономический и политический подходы

Фактор развития, вызванный историческими реалиями, свидетельствует о важности применения социально-экономического и политического подходов в исследовании демографических и миграционных процессов. Социальная деятельность современного человека требует учета региональных и международных аспектов миграционных и демографических процессов, а также применения новых подходов в их исследовании при преодолении недостатков, которые могут возникнуть в обеих сферах: как в миграции, так и в демографии.

Миграция играет все более заметную роль в преодолении демографического дефицита и нехватки рабочей силы в одних странах, решении проблем занятости и снижения бедности населения в других (Безбородова, 2011, с. 81). Это означает, что миграция и демография играют ключевую роль в изучении социальной жизни населения.

При этом оба фактора (миграция и демография) также играют важную роль в развитии внутренней и внешней политики стран, что указывает на необходимость более глубокого подхода к теме.

Если речь идет о демографии, то предметом ее изучения являются закономерности естественного и механического движения населения в его общественно-исторической обусловленности (Долбик-Воробей, 2018, с. 7). Во все времена имело место как естественное, так и механическое движение населения. Миграция, заняв важное место в предмете демографической науки, способствовала привлечению внимания к человеческому фактору. Связь миграции и демографии отражает академический подход к теме, раскрывая сущности социально-исторических явлений.

В настоящее время международная миграция населения играет серьезную роль в социально-демографическом развитии отдельных стран и регионов. В современном мире неотъемлемым условием в формировании трудового потенциала является привлечение иностранной рабочей силы (Зайнуллина, 2021, с. 35). Миграция, придающая динамизм демографическому развитию, актуализирует исследование социально-исторических проблем регионов. Оценка трудового потенциала тесно связана с изменением процессов демографического развития и миграции.

Во всем мире, начиная с 50-х гг. XX в., крупные и крупнейшие города становятся мощным миграционным магнитом. Соотношение естественного и миграционного прироста населения в этих городах таково, что все они испытывают естественную убыль населения и, одновременно, имеют миграционный прирост (Карташов, 2008, с. 1). Процессы, происходящие в мире, положительно влияют на социальную жизнь мегаполисов. Однако большое скопление населения, наблюдаемое в крупных городах, показывает, что демография, урбанизация и миграция действуют вместе. Это выводит на первый план реальность таких явлений, как миграция и демография, особенно в XXI в., когда вместе с ростом темпов экономического развития увеличивается социальная нестабильность.

Миграция способна оказывать как немедленное, так и долговременное воздействие на динамику и состав населения. Долговременное влияние миграции определяется ее демографическими последствиями (Олигова и др., 2009, с. 15). Рост миграции влияет на демографические процессы, определяет особенности перемещения населения, вызванные демографическими причинами. Под действием миграции происходит изменение состава и культурного разнообразия населения.

В советских изданиях за три десятилетия (1961–1990 гг.) были опубликованы сотни статей и книг по миграционной тематике, но в них невозможно найти ответ на вопрос, что именно представляют собой факторы миграции (Рыбаковский, 2017, с. 51). За прошедший период на постсоветском пространстве были продолжены исследования в области миграции и демографии. Ранее существовал односторонний взгляд на изучение миграционных процессов в идеологическом плане, так как власть того времени наложила ограничения на исследования, связанные с обеими областями — с миграцией и демографией. Только с 1991 г. по настоящее время был изучен ряд аспектов миграции как стихийного процесса. Демографические изменения, занимающие центральное место в миграционной политике современных государств, ранее были предметом исследований лишь как самостоятельный социально-экономический процесс.

В настоящее время миграция меняет свой облик, население перемещается на более значительное расстояние, а миграционные процессы охватывают большинство регионов мира, также увеличиваются количественные показатели миграции. Исходя

из этого, можно сказать, что XXI в. — это век глобальной миграции (Самохин, 2016, с. 66). Историки, социологи и политологи по праву характеризуют XXI век как век расширения миграционных процессов. Получается, что при строгом регулировании миграции и демографии государствами в регионах создается положительная динамика развития и сотрудничества.

Среди демографических процессов миграция занимает особое место, так как представляет собой моментальную реакцию на все социально-экономические, политические и культурные изменения в обществе (Соловарова, 2019, с. 38). Тот факт, что миграция, в отличие от демографии, мгновенно реагирует на происходящие вокруг нее события, может быть объяснен ее чувствительной природой. В настоящее время проблема миграции все больше и больше привлекает к себе внимание исследователей.

Следовательно, миграция — это социально-экономическое явление, формирующееся в процессе реализации людьми своих намерений, обусловленных их передвижением, приобретением нового гражданско-правового статуса в местах вселения, интересами семьи, общества и государства (Трофимова, 2019, с. 977). Анализ исторических, политических, правовых, военных аспектов взаимодействия миграции как социально-экономического явления с демографией положительно сказывается на развитии межгосударственных отношений, подчеркивая общую значимость темы. Здесь формируются отношения между семьей и обществом, а государство служит укреплению гражданских отношений.

Необходимо подчеркнуть, что важнейшим итогом демографической глобализации является резкое увеличение численности населения. За последние 10 тыс. лет человечество прошло следующие этапы: 8 тыс. лет до нашей эры численность его не превышала 5 млн чел.; в начале первого тысячелетия нашей эры на Земле проживало около 300 млн чел.; в 1990 — 1 млрд 650 млн чел.; в 2000 г. — 6 млрд 100 млн чел.; в 2006 г. — 6 млрд 400 млн чел. (Трофимова, 2007, с. 112). Факт прироста населения создает барьеры в управлении демографическими процессами, но правильное измерение этого процесса в стратегиях внутренней политики государств повышает значимость изучаемого предмета. Ежегодный прирост населения свидетельствует о том, что борьба за жизнь продолжается во всех регионах мира с использованием миграционных процессов.

Влияние миграции на демографическую структуру и рождаемость проявляется как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В первом случае изменяется половозрастная структура постоянного населения, что положительно сказывается на демографических показателях, во втором — население растет за счет рождения в семьях мигрантов детей после переезда на новое место жительства (Топилин, 2018, с. 60).

Заключение

Век научно-технического прогресса, в котором мы живем, также является и современной эпохой, которая ставит новые задачи. Здесь тесно задействованы все сферы жизни населения. Социальная, историческая, политическая, экономическая, военная сферы жизни населения создают благоприятные условия для рассмотрения тенденций в развитии демографии и миграции в академических исследованиях. Демография актуализирует вопросы численности населения, средств к существованию, социальные проблемы, но при этом уступает место таким глобальным явлениям, как миграция. Трудовая миграция, наблюдаемая в любой точке мира, наряду с демографическим развитием, играет важную роль в определении социального статуса человека. Вместе с этим, совместное изучение вопросов миграции и демографии положительно влияет

на формирование приоритетов, способствующих диалогу и сотрудничеству, направляя дискус в обсуждение вопросов внутренней и внешней политики государства.

В заключение, обобщив все положительные моменты, отмеченные автором, можно показать достигнутую научную новизну конкретными положениями:

— Исторические исследования показывают, что человек как социальное существо находится в постоянном поиске.

— Исследования динамического развития населения отражают представление о том, что вопросы миграционных процессов как части естественного движения населения начали звучать актуально.

— Раскрытие региональных и международных аспектов взаимодействия демографии и миграции примечательно с точки зрения изучения сходных и отличительных характеристик обеих явлений.

— Достаточно взглянуть на природу демографического развития при изучении трудовой миграции, чтобы понять, что существует единство между двумя явлениями — миграцией и демографией.

— Различные причины привлекают людей к участию в миграционных процессах. При этом важную роль играют природные и различного рода «нежелательные» факторы, а разобратсья в проблеме помогают демографические данные.

— Человеческий фактор, который приводит науки, изучающие народонаселение и миграцию, к общему знаменателю, лежит в основе процессов миграции и демографии.

— Развитие дипломатических отношений между государствами делает анализ таких деликатных тем, как миграция и демография, актуальным.

— Обе области науки (миграция и демография) никогда раньше не привлекали такого внимания, как сейчас. Так, в Азербайджане проводятся исследования на тему взаимосвязи миграции и демографии историками, политологами, социологами и т. д., она становится предметом академических исследований интеллектуалов, представляющих различные отрасли науки.

— Такие показатели, как численность населения и жизненный потенциал, изучаемые демографией, в некоторой степени реализуются в исследовании миграции.

— Миграция как наука предполагает, что люди могут двигаться не стабильно, и не ради светской жизни (в отличие от демографии).

— В исследуемом вопросе общий результат, полученный в процессе анализа взаимодействий процессов миграции и демографии, представляет положительный опыт, который приходит из исторического прошлого в настоящее.

— Проведенный анализ отражает, что изучаемая тема актуальна для всех времен, имеет значение в национальной историографии государств.

— Положительные моменты, перечисленные в научно-исследовательской работе, свидетельствуют о том, что взаимодействие демографии и миграции в XXI в. ставит новые задачи.

Список источников

Безбородова, Т. М. (2011). Дискриминация мигрантов в социально-трудовой сфере: причины и пути преодоления. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, 1, 81–89.

Долбик-Воробей, Т. (2018). *Статистика населения и демография*. Москва: КНОРУС, 314.

Зайнуллина, Р. Р. (2021). Влияние международной миграции на социально-демографическое развитие региона. *Вопросы студенческой науки*, 6, 35–39.

Карташов, Г. Р. (2008). Трудовые практики мигрантов. Государственное управление. *Электронный вестник*, 14, 1–4.

Олигова, Л. Д., Абдурахманова, А. Г., Муразаканова, Л. З. (2009). Экология миграции и демографии населения Республики Ингушетия. *Юг России: экология, развитие*, 2, 15–19.

Рыбаковский, Л. Л. (2017). Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи. *Народонаселение*, 2, 51–61.

Самойлов, В. Д. (2019). Демографическая и миграционная безопасность России. В: *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения»* (Москва, 20–21 декабря 2018 г.). Т. 2, ч. 2 (с. 976–978). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1040.

Самохин, И. О. (2016). Изменение в демографической карте мира. Политические и экономические последствия глобальных миграционных потоков. *Научные исследования*, 2, 66–68.

Соловарова, Ю. Н. (2019). *Демография*. Казань: Изд-во КНИТУ, 108.

Топилин, А. В. (2018). Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах. *Наука, культура, общество*, 4, 59–66.

Трофимова, Т. И. (2007). Демографические и миграционные процессы современного общества. *Известия ИГЭА*, 2(52), 110–113.

References

Bezborodova, T. M. (2011). Migrants underprivileged in social and labour area: cause and way out. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» [Bulletin of Omsk University. The series "Economics"]*, 1, 81–89. (In Russ.)

Dolbik-Vorobey, T. (2018). *Statistika naseleniya i demografiya [Population statistics and demography]*. Moscow: KNORUS, 314. (In Russ.)

Kartashov, G. R. (2008). Labor practices of migrants. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [Public Administration. E-journal]*, 14, 1–4. (In Russ.)

Oligova, L. D., Abdurakhmanova, A. G., & Murazakanova, L. Z. (2009). The migration and demographical ecology of population of Ingushetia Republik. *Yug Rossii: ekologiya, razvitie [The South of Russia: ecology, development]*, 2, 15–19. (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2017). Factors and causes of migration, mechanism of their relationship. *Narodonaselenie [Population]*, 2, 51–61. (In Russ.)

Samokhin, I. O. (2016). Changes in the demographic map of the world. Political and economic consequences of global migration flows. *Nauchnye issledovaniya [Scientific Research]*, 2, 66–68. (In Russ.)

Samoylov, V. D. (2019). Demographic and migration security of Russia. In: *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo. Mat-ly XVIII Mezhdunar. nauch. konf. v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma «Rossiya: klyuchevye problemy i resheniya» (Moskva, 20–21 dekabrya 2018 g.). T. 2, ch. 2 [Greater Eurasia: development, security, cooperation. Vol. 2, Part 2]* (pp. 976–978). Moskva: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 1040. (In Russ.)

Solovarova, Yu. N. (2019). *Demografiya [Demographics]*. Kazan: KNITU publishing house, 108. (In Russ.)

Topilin, A. V. (2018). The impact of migration on demographic growth and the birth rate in the russian regions. *Nauka, kultura, obshchestvo [Science. Culture. Society]*, 4, 59–66. (In Russ.)

Trofimova, T. I. (2007). Demographic and migratory process of modern society. *Izvestiya IGEA [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)]*, 2(52), 110–113. (In Russ.)

Zainullina, R. R. (2021). Impact of international migration on the socio-demographic development of the region. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki*, 6, 35–39. (In Russ.)

Информация об авторе

Ахмедов Агиль Пирмурадович — доктор философии по истории, доцент, ведущий научный сотрудник Института Истории и Этнологии им. А. А. Бакыханова Национальной академии наук Азербайджана <https://orcid.org/0000-0002-9212-5147> (Азербайджанская Республика, AZ1143, г. Баку, пр. Г. Джавида, 115; e-mail: agilahma@gmail.com).

About the author

Agil P. Ahmadov — Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Leading Research Associate, Institute of History named after Abbasgulu Agha Bakikhanov of Azerbaijan National Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-9212-5147> (115, H. Javid Ave., Baku, AZ1143, Republic of Azerbaijan; e-mail: agilahma@gmail.com).

УДК 314.74

JEL classification: J24, O15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-2>

Трудности вхождения международных мигрантов в принимающее российское общество¹

Е. Б. Бедрина ^а, К. В. Селина ^б, П. С. Шведова ^с

^{а, б, в} Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>

Автор для корреспонденции: К. В. Селина (selinak-v05@mail.ru).

Аннотация. *Вопросы вхождения международных мигрантов в принимающее общество особенно актуальны как в мире, так и в России. Цель настоящего исследования — изучение процессов вхождения международных мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана в принимающее российское общество и выявление трудностей данного процесса и их причин. Данные для исследования собраны в марте — мае 2023 г. Институтом экономики УрО РАН на территории Свердловской области путем анкетного опроса. Критериями успешности вхождения международных мигрантов в принимающее общество выбраны доступ к медицинским и образовательным учреждениям, взаимоотношение в трудовом коллективе, отношение к мигрантам со стороны местного населения и официальных лиц. Выявлены особенности данных процессов и их факторы в разрезе стран происхождения международных мигрантов. Статья задает дальнейшие направления исследования в области адаптации и интеграции международных мигрантов и факторов успешности данных процессов, разработки специальной миграционной политики в данном направлении.*

Ключевые слова: международная миграция; семейная миграция; дети мигрантов; принимающее общество; доступ международных мигрантов к критической социальной инфраструктуре; отношение к международным мигрантам; толерантность; Свердловская область

Difficulties of International Migrants' Integration into Russian Society

Е. Б. Bedrina ^а, К. В. Selina ^б, P. S. Shvedova ^с

^{а, б, с} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>

Corresponding author: K. Selina (selinak-v05@mail.ru).

Abstract. *Nowadays, issues of international migrants' integration into the host society are especially relevant both in the world and in Russia. The study aims to examine the entry of international migrants from Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan into Russian society and to identify the difficulties of this process and their causes. Research data were collected in March-May 2023 by the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy in Sciences in Sverdlovsk oblast by means of a questionnaire. The following criteria for the success of international migrants' entry into the host society were chosen: access to medical and educational institutions, relations in the labour collective, treatment of migrants by local population and officials. The article reveals the specificity of these processes and their factors considering countries of origin of international migrants. Further research may focus on the adaptation and integration of international migrants and the factors of success of these processes, as well as the development of special migration policy in this area.*

¹ © Бедрина Е. Б., К. В., Шведова П. С. Текст. 2024.

Keywords: international migration; family migration; children of migrants; host society; access of international migrants to critical social infrastructure; attitudes towards international migrants; tolerance; Sverdlovsk oblast

Введение

Нужно согласиться с тем, что в современном глобализированном мире миграция является неизбежным явлением, связанным как с возможностями, так и угрозами в отношении участников миграционных процессов. Рост трудовой миграции несет с собой множество подводных камней. Международные трудовые мигранты, как в процессе переезда на новое место жительства, так и в процессе адаптации, часто сталкиваются с серьезными проблемами, которые влияют на их благополучие и благополучие сопровождающих их лиц, родственников, членов семьи, друзей. Среди ключевых проблем, с которыми международные мигранты сталкиваются на принимающей территории можно выделить: доступ к медицинским и образовательным учреждениям, взаимоотношение в трудовом коллективе, отношение к мигрантам со стороны местного населения и официальных лиц. Решение данных проблем, с нашей точки зрения, свидетельствует о благоприятном вхождении международных мигрантов в принимающее общество.

Актуальность темы исследования связана с тем, что в настоящее время миграционные потоки в Российскую Федерацию меняются не только количественно, но и качественно, происходит увеличение семейной миграции, требующей как трудоустройства взрослых, так и устройство детей в различные учебные учреждения. При этом основными странами исхода мигрантов для России являются страны Средней Азии, мигранты из которых сравнительно сложно адаптируются к российским условиям (Толмачева, 2021).

Данные и методы

В данном исследовании рассмотрены вопросы трудностей вхождения международных мигрантов (киргизов, таджиков и узбеков) в принимающее российское общество. Критериями оценки выбраны доступ к критической социальной инфраструктуре (медицинские и образовательные учреждения) и отношение к международным мигрантам со стороны сослуживцев или членов трудового коллектива, работников государственных органов и людей на улице в интерпретации самих мигрантов. Площадкой для исследования выступила Свердловская область, количественные данные, использованные в исследовании, получены в ходе социологических опросов, проведенных Институтом экономики УрО РАН весной 2023 г. ($n = 513$) (Козлова, 2023).

Свердловская область является одним из миграционно привлекательных регионов. В этой связи стоит задача обеспечения региона «релевантными» трудовыми ресурсами (Долженко & Антонов, 2021, с. 185).

Для сбора количественных данных был использован метод анкетирования. К достоинствам такого метода можно отнести оперативность получения информации, сравнительную экономичность (средств и времени), относительную легкость организации и проведения, возможность охвата больших групп населения благодаря стандартизации вопросов, минимум влияния исследователя на опрашиваемого, применимость к самым различным сторонам жизни людей, хорошую формализацию результатов и возможность их математической обработки. Благодаря распространению анкет с вопросами среди широкого круга мигрантов удалось получить разнообразные количественные оценки.

Результаты исследования

Процесс вхождения международных мигрантов в принимающее российское общество происходит через их взаимодействие с окружающими на работе, в общественных учреждениях, на улице, а доступ к критической социальной инфраструктуре оказывает влияние на их благополучие и снижает угрозы для принимающей территории, связанные с санитарно-эпидемиологическим фоном, общественным здоровьем, человеческим капиталом и криминогенной обстановкой.

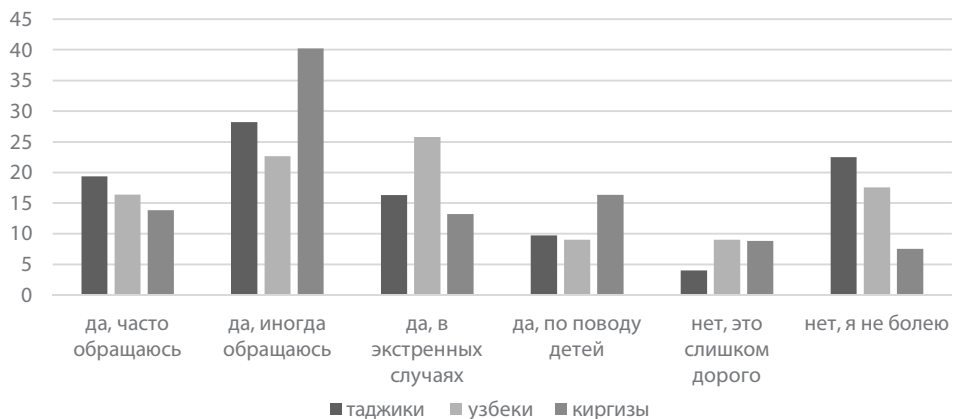
Выявлено, что международные мигранты редко посещают медицинские учреждения. Так, среди опрошенных 35 % отметили, что не обращались в медицинские учреждения на принимающей территории, еще 18 % указали, что обращаются только в экстренных случаях. Это объяснимо. С одной стороны, как правило, мигрируют достаточно молодые и здоровые люди. Действительно, 16 % респондентов отметили, что «не болеют». Примечательно, что «не болеют» в основном таджики и узбеки, т. е. представители стран, не входящих в ЕАЭС, а значит, не имеющих особого статуса и льгот на территории Российской Федерации. С другой стороны, в условиях отсутствия официальной занятости и медицинской страховки нелегальные мигранты, которых среди респондентов достаточно много (Козлова, 2023, с. 76), могут рассчитывать только на платную медицину. Так, в нашем опросе 7 % респондентов указали, что медицинские услуги для них слишком дорогие. Еще 12 % респондентов отметили, что обращались в медицинские учреждения, но только по поводу детей, большинство этих респондентов составили киргизы.

О важности финансового фактора для доступа международных мигрантов к социальной инфраструктуре в России пишет А.А. Эндрюшко (2020). Дороговизна платных услуг и ограничение доступа мигрантов к страховой медицине в силу различных обстоятельств (отсутствие страховки или ограничение услуг, предоставляемых по страховому полису и т. п.) ведут к тому, что мигранты часто экономят на своем здоровье. Особенно в сложном положении оказываются лица с неурегулированным или не успешные урегулировать свой правовой статус и члены их семьи (Воронина, 2020, с. 111). Действительно, 66 % респондентов отметили, что оплачивают медицинские услуги самостоятельно, 9 % указали, что «медицинские расходы оплачивает работодатель» и только 17 % выбрали ответ «медицинские расходы покрывает страховка».

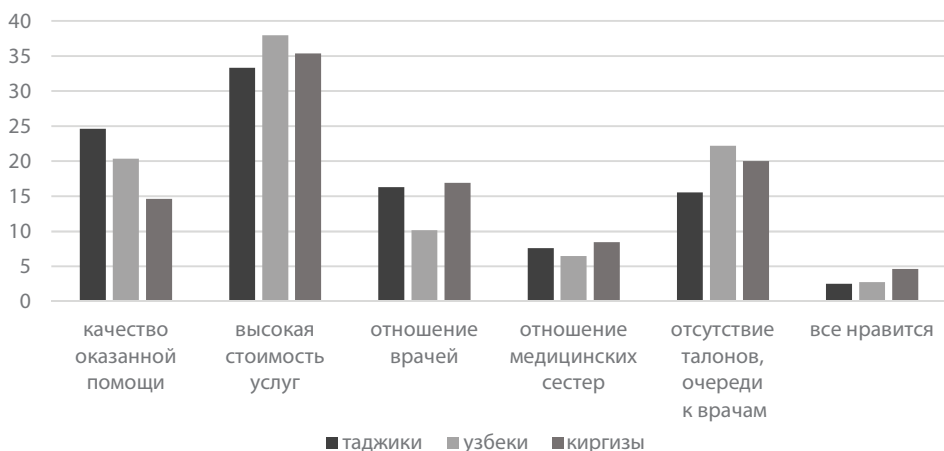
Среди мигрантов из Кыргызстана больше всего тех, кто ответил, что обращался за помощью в медицинские учреждения в России, из них 14 % «часто обращаются», 40 % «иногда обращаются», а среди узбеков самое большое количество тех, кто обращается за помощью только в экстренных случаях или не обращается, так как не болеет — 26 % и 18 % соответственно (рис. 1). Похожие оценки были получены в 2014 г. при опросе мигрантов в Свердловской области (Бедрина и др., 2014).

Среди тех респондентов, кто когда-либо обращался в российские медицинские учреждения, 35 % обратили внимание на высокую стоимость медицинских услуг, 18 % — на отсутствие талонов к врачам и наличие очередей (в основном киргизы и узбеки), 21 % остались недовольны качеством оказанных услуг (в основном таджики). Минимальное количество претензий к качеству медицинских услуг высказали киргизы — всего 15 %. Меньше всего недовольства у мигрантов вызывало отношение медицинского персонала (врачей и медицинских сестер). Наименьшее количество претензий к ним высказали узбеки, которые судя по предыдущему вопросу, сталкиваются с медицинским персоналом в основном в «экстренных случаях». И только 3 % респондентов ответили, что им «все нравится» (рис. 2).

Рис. 1. Частота обращений трудовых мигрантов в медицинские учреждения, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

Рис. 2. Проблемы, с которыми мигранты сталкиваются в медицинских учреждениях в России, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

Следует обратить внимание на то, что в Свердловской области работает большое число иностранных медицинских работников либо мигрантов во втором поколении — выходцев из Кыргызстана (существенно по отношению к численности кыргызской диаспоры) и Таджикистана. Хотя в Москве существуют даже «этнические медицинские центры, созданные киргизами» (Пешкова, 2016, с. 37–38), а в Екатеринбурге планируется открытие подобного медицинского центра для таджиков.¹

¹Таджикская диаспора в Екатеринбурге намерена приобрести медцентр для соотечественников // Новости Таджикистана. ASIA-Plus (asiaplustj.info). <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20231005/tadzhikistanskaya-diaspora-v-ekaterinburge-namerena-sozdat-medtsentr-dlya-sootchestvennikov> (дата обращения: 15.02.2024).

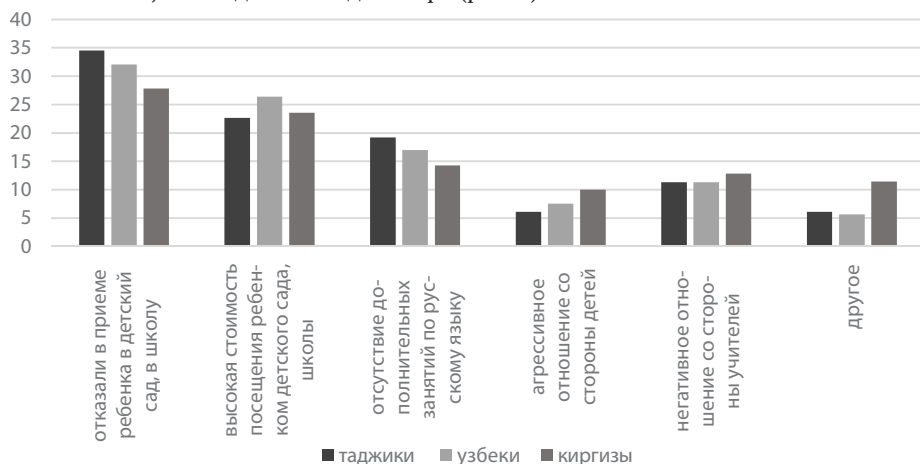
Теперь проанализируем ситуацию в образовательных учреждениях, так как значительная часть мигрантов приезжает в регион с семьями вместе с детьми, либо обзаводится детьми на принимающей территории.

Несмотря на наличие нормативного права у мигрантов на устройство детей в школьные и дошкольные образовательные учреждения большая часть всех участников опроса, а именно 32 %, сталкивалась с проблемой устройства ребенка в школу и детский сад. Показательно, что на данную проблему указали 34 % таджиков и 32 % узбеков и меньше киргизов — 28 %, у которых минимален языковой барьер в силу того, что русский язык является вторым официальным языком в Кыргызстане. Кроме того, нужно отметить, что данные показатели не всегда свидетельствуют о дискриминации семей мигрантов, с этой же проблемой сталкивается и местное население в силу ограниченности мест в близлежащих к месту жительства образовательных учреждениях, либо в силу наличия конкурса в ряде специализированных образовательных учреждений (гимназиях, колледжах). Естественно, что в специализированные образовательные учреждения (гимназии, колледжи) ребенку, говорящему не на родном языке или имеющему худшую подготовку, сложнее поступить.

Второй по значимости проблемой для мигрантов оказалась проблема высокой стоимости посещения ребенком образовательного учреждения, на нее указали 23 % респондентов.

Третьей по значимости проблемой была названа проблема отсутствие дополнительных занятий по русскому языку, на нее указали 17 % респондентов, в том числе 19 % таджиков, 17 % узбеков и 14 % киргизов.

Некоторые респонденты отметили, что существует агрессивное отношение к их детям со стороны других детей и негативное отношение со стороны учителей. При этом данную агрессию и негатив в большей степени испытывают киргизы: 10 % указали на проблемы в отношении со стороны других детей и 13 % — со стороны учителей, и узбеки — 8 % и 11 % соответственно, чьи диаспоры в Свердловской области значительно меньше, чем таджикская диаспора (рис. 3).

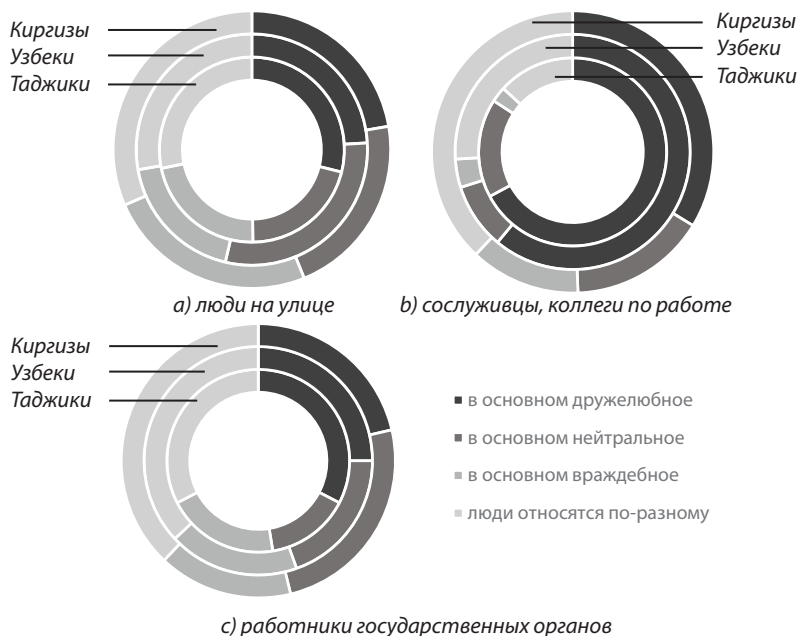
Рис. 3. Проблемы, с которыми мигранты сталкиваются в образовательных учреждениях, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

Проанализируем результаты опроса с точки зрения отношения к международным мигрантам их окружения: простых людей, которых они могут встретить на улице, сослуживцев и коллег по работе, работников государственных органов.

Представители всех рассматриваемых стран исхода международных мигрантов чувствуют в основном дружелюбное отношение со стороны сослуживцев и коллег по работе, их доля составляет 55 %, причем у групп мигрантов, которые чаще работают в этническом коллективе (строительные бригады, этнические предприятия питания, торговые точки и т. п.), процент выше (67 % — таджики и 61 % — узбеки). Враждебное отношение со стороны сослуживцев и коллег по работе ощущают всего 6 % мигрантов, при этом самая большая доля тех, кто испытывает враждебное отношение — киргизы (13 %), чаще работающие в смешанных коллективах в связи с особым статусом на рынке труда.

Мнение по поводу отношения людей на улице разделилось почти на равные доли: 25 % респондентов считают, что люди на улице относятся к ним в основном дружелюбно, в большей мере такое отношения к себе испытывают таджики — 29 %, в меньшей мере киргизы — 22 %; по 21 % считают, что люди на улице относятся к ним в основном нейтрально или враждебно, в больше мере враждебное отношение к себе ощущают киргизы — 25 %; 33 % респондентов считают, что люди на улице относятся к ним по-разному.

Что касается отношения к международным мигрантам со стороны работников государственных органов, то большинство респондентов, а именно 35 %, отметили, что работники государственных органов относятся к ним по-разному; ответ «в основном дружелюбно» выбрали 28 %, причем 33 % таджиков и 25 % узбеков; «в основном нейтрально» и «в основном враждебно» отметили по 19 % (рис. 4)

Рис. 4. Отношение окружающих к мигрантам, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

Заключение

Исследование выявило трудности вхождения международных мигрантов в принимающее российское общество. Многие мигранты в Свердловской области сталкиваются с трудностями в повседневной жизни: в медицинских и образовательных учреждениях. Например, многие мигранты предпочитают обращаться в медицинские учреждения только в экстренных случаях. Большая часть участников опроса сталкивалась с проблемой отказа в приеме ребенка в детский сад и школу в условиях конкуренции с местными жителями. Международные мигранты отмечают наличие языковой проблемы, которая мешает детям эффективно осваивать знания.

В целом международные мигранты достаточно оптимистично настроены. Феномен того, что международные мигранты дают более высокие оценки отношения к ним окружающих, чем они есть в действительности, существует давно. К примеру опрос населения, проведенный в Свердловской области в 2020 г., показал, что большая часть населения (50–70 %) относится к мигрантам нейтрально (Старостин & Сафетдинов, 2020, с. 34). Причем Россия считается относительно толерантной страной по отношению к международным мигрантам, в том числе иноэтничным (Монусова, 2021).

Порой мигранты сталкиваются с негативным отношением к себе со стороны работников органов власти и людей на улице. Причем данные ощущения напрямую связаны со статусом мигранта и его страны, знанием русского языка, а также зависят от величины национальной диаспоры в регионе.

Трудности вхождения международных мигрантов в принимающее общество могут привести к их изоляции и дискриминации, а также усилить враждебность окружающих к ним, нанести ущерб репутации страны как открытого и гостеприимного общества и отпугнуть иностранных инвесторов, негативно сказаться на туристических потоках. Мы согласны с тезисом Е. С. Мельничук о важности применения комплексного подхода к разработке мероприятий по адаптации и интеграции иностранных граждан со стороны государства (Мельничук, 2020). Для решения рассматриваемых проблем необходимо просвещать общественность, организовывать курсы русского языка как иностранного для трудовых мигрантов и членов их семей, бороться с предрассудками и дискриминацией и, как итог, создавать более инклюзивное общество.

Благодарности

Публикация подготовлена благодаря социологическому опросу, проведенному Институтом экономики Уральского отделения Российской академии наук в период март — май 2023 г., посвященному внешней трудовой миграции в Свердловской области.

Acknowledgements

The article has been prepared based on a sociological survey conducted by the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in March — May 2023 on external labour migration in Sverdlovsk Oblast.

Список источников

Бедрина, Е. Б., Неклюдова, Н. П., Струин, Н. Л. (2014). Результаты мониторинга здоровья иммигрантов и населения Свердловской области. В: *Институты развития демографической системы общества. Сб. мат-лов V Уральского демографического форума с международным участием* (с. 113–117). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Воронина, Н. А. (2020). Права мигрантов: вопросы остаются. *Управление*, 8(4), 109–115. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-109-115>

Долженко, Р. А., Антонов, Д. А. (2021). Миграции населения в Свердловской области: проблемы и решения. *Народонаселение*, 24(4), 175–189. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.14>

Козлова, О. А. (Ред.). (2023). *Проблемы адаптации и качество жизни трудовых мигрантов и членов их семей в Свердловской области. Аналитический доклад*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 91.

Мельничук, Е. С. (2020). Отношение к мигрантам в контексте состояния межнациональных отношений. *Вопросы этнополитики*, 3, 91–99. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-91-99>

Монусова, Г. А. (2021). Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 436–458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>

Пешкова, М. В. (2016). Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). *Россия и мусульманский мир*, 5(287), 24–49.

Старостин, А. Н., Сафетдинов, Р. Ш. (2020). Миграционные процессы в восприятии жителей Свердловской области в условиях пандемии (по результатам социологических исследований 2020 года). *Вестник общественных и гуманитарных наук*, 1(4), 28–36.

Толмачева, А. Ю. (2021). Социальная интеграция мигрантов из стран Средней Азии и других постсоветских государств (сравнительный анализ). *Социальная наука и социальная политика*, 9(3), 238–254. <https://doi.org/10.19181/snsr.2021.9.3.8444>

Эндрюшко, А. А. (2020). Доступ мигрантов к социальным услугам в России на примере граждан Азербайджана. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(4), 689–704. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-689-704>

References

Bedrina, E. B., Neklyudova, N. P., & Struin, N. L. (2014). Results of monitoring of health of immigrants and population of Sverdlovsk region. In: *Instituty razvitiya demograficheskoy sistemy obshchestva. Sb. mat-lov V Uralskogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Institutions for the development of the demographic system of society. collection of materials of the V Ural Demographic Forum with international participation]* (pp. 113–117). Екатеринбург: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS. (In Russ.)

Dolzhenko, R. A., & Antonov, D. A. (2021). Migration of population in Sverdlovsk oblast: problems and solutions. *Narodonaselenie [Population]*, 24(1), 175–189. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.14> (In Russ.)

Endryushko, A. A. (2020). Migrant Access to Social Services in Russia: The Case of Azerbaijanis. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(4), 689–704. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-689-704> (In Russ.)

Kozlova, O. A. (Ed.). (2023). *Problemy adaptatsii i kachestvo zhizni trudovykh migrantov i chlenov ikh semey v Sverdlovskoy oblasti. Analiticheskiy doklad [Problems of adaptation and quality of life of labour migrants and members of their families in the Sverdlovsk Oblast. Analytical report]*. Екатеринбург: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 91. (In Russ.)

Melnichuk, E. S. (2020). Attitude to migrants in the context of the state of interethnic relations. *Voprosy etnopolitiki [Issues of Ehnopolitics]*, 3, 91–99. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-3-91-99> (In Russ.)

Monusova, G. A. (2021). Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye pere-meny [Monitoring of Public Opinion:*

Economic and Social Changes], 6, 436–458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139> (In Russ.)

Peshkova, M. V. (2016). Infrastructure of migrants in the cities of modern Russia (on the example of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Rossiya i musulmanskii mir [Russia and the Moslem World]*, 5(287), 24–49. (In Russ.)

Starostin, A. N., & Safetdinov, R. S. (2020). Migration processes in perception of Sverdlovsk region residents in pandemic condition (based on 2020 sociological research). *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk [Bulletin of Social Sciences and Humanities]*, 1(4), 28–36. (In Russ.)

Tolmacheva, A. Yu. (2021) Social Integration of Migrants from Central Asia and other post-Soviet States (Comparative Study). *Sotsialnaya nauka i sotsialnaya politika [Sociological Science and Social Practice]*, 9(3), 238–254. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8444> (In Russ.)

Voronina, N. A. (2020). Migrants' rights: problems remain. *Upravlenie [Management]*, 8(4), 109–115. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-109-115> (In Russ.)

Информация об авторах

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Селина Ксения Вячеславовна — студент 1 курса направления «Экономическая безопасность» Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: selinak-v05@mail.ru).

Шведова Полина Сергеевна — студент 1 курса направления «Экономическая безопасность» Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: shvedova-polina@inbox.ru).

About the author

Elena B. Bedrina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Ksenia V. Selina — First-Year Student of the Economic Security Program, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: selinak-v05@mail.ru).

Polina S. Shvedova — First-Year Student of the Economic Security Program, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: shvedova-polina@inbox.ru).

УДК 314.143(571.6)

JEL classification: J11, P23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-3>

Миграция рабочей силы: оценка последствий для экономики Дальневосточного макрорегиона¹

А. В. Белоусова^а, М. А. Грицко^б

^{а, б} Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (г. Хабаровск, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

^б <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Автор для корреспонденции: М. А. Грицко (gritsko@ecrin.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются демографические проблемы Дальневосточного макрорегиона с точки зрения миграционного фактора. Показано, что убыль населения за счет механического движения остается стабильным фактором сокращения населения макрорегиона. При этом потери населения вследствие миграции приводят к формированию потенциального экономического ущерба для дальневосточной экономики, что выражается не только в сокращении внутрорегионального конечного потребления. Посредством уменьшения объемов регионального производства происходит высвобождение части занятых, которые, потеряв рабочие места, могут рассматриваться в качестве потенциальных мигрантов.

Ключевые слова: миграция; рабочая сила; экономический ущерб; производственная функция; Дальний Восток

Labour Migration: Effect on the Economy of the Far Eastern Macroregion

А. V. Belousova^а, М. A. Gritsko^б

^{а, б} Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS (Khabarovsk, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

^б <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Corresponding author: М. А. Gritsko (gritsko@ecrin.ru).

Abstract. The article examines the demographic problems of the Far Eastern macroregion from the perspective of the migration phenomenon. Due to mechanical movement, population decline remains an important factor in the reduction of the population of the macroregion. At the same time, migration population losses can potentially cause economic damage to the Far Eastern economy, which is expressed not only in a reduction in intraregional final consumption. A decrease in regional output leads to job cuts, meaning that unemployed people can be considered potential migrants.

Keywords: migration; labour force; economic damage; production function; Far East

Введение

Дальний Восток последнее десятилетие находится в фокусе внимания со стороны федеральных властей, а реализуемая в отношении приоритетного макрорегиона политика по его ускоренному социально-экономическому развитию направлена на стабилизацию и дальнейшее увеличение численности населения за счет роста рождаемости, снижения смертности и повышения ожидаемой продолжительности жизни, а также сокращения миграционного оттока постоянного населения. Вместе с тем несмотря

---

¹ © Белоусова А. В., Грицко М. А. Текст. 2024.

на принимаемые меры демографическое поведение населения остается инвариантным по отношению к предпринимаемым усилиям регулятора (Минакир, 2021), а миграционный фактор развития Дальнего Востока стабильно остается основной причиной сокращения демографического потенциала (Минакир, 2023; Минакир, 2021; Минакир, 2022; Авдеев & Ушакова, 2023). В условиях стратегической цели по стабилизации и дальнейшему наращиванию демографического потенциала проблема оценки и выявления детерминант перспективной численности населения Дальнего Востока является особо актуальной. Достоверность и точность ее решения предполагает количественный анализ и учет не только непосредственных факторов, влияющих на вариацию числа жителей макрорегиона (таких, к примеру, как миграция), но и мультипликативных эффектов, генерируемых данными факторами в Дальневосточной экономике.

Цель настоящей работы состоит в идентификации и оценке прямого и косвенного воздействия исходящей миграции трудоспособного населения на численность жителей ДФО.

Логика исследования заключается в построении транзитивной связи: миграция населения трудоспособного возраста — изменение занятости — изменение численности населения. Помимо прямых связей, определяющихся последовательной «соподчиненностью» соответствующих показателей, предполагается учет косвенных эффектов, генерируемых убылью населения в региональной экономике. Последние связываются с уменьшением объемов конечного потребления вследствие сокращения числа жителей, что, в свою очередь, обуславливает уменьшение объемов регионального выпуска и, как следствие, сокращение спроса на рабочую силу как фактор производства. Сокращение спроса на труд рассматривается в качестве стимула для миграции населения за пределы региона.

Основная часть

На начало 2024 г. на Дальнем Востоке проживало 7873 тыс. чел.¹. Относительно предшествующего года численность дальневосточников сократилась практически на 30 тыс. чел., а за годы активной государственной политики (с объявления Президентом РФ в Послании Федеральному собранию 2013 года Дальнего Востока национальным приоритетом XXI века) убыль населения превысила 417 тыс. чел. Отрицательная результативность миграционного движения сохраняется в макрорегионе на протяжении более трех десятилетий и вносит основной вклад в сокращение населения. Так, за период 2013–2023 гг. вклад миграции в общее снижение численности населения составил более 83 %. Исключение составил только период пандемии, в который впервые за постсоветскую историю развития Дальнего Востока миграция вышла на второй план. В 2020 г. естественная убыль по своему масштабу сравнялась с миграционными потерями, а уже в следующем году при положительном миграционном сальдо в целом по федеральному округу в размере 7445 чел. естественные потери населения превысили 40 тыс. чел. Но уже с 2022 г. ситуация вернулась в «привычное» для макрорегиона русло, и миграционное сальдо вновь стало отрицательным — 37,5 тыс. чел. (Минакир, 2023).

Население Дальнего Востока отличает более молодая возрастная структура. В общей численности на долю трудоспособного населения приходилось 58,6 %, что выше среднероссийского показателя на 1,6 п. п. Рост удельного веса населения наиболее

¹Предварительная численность постоянного населения на 1 января. ЕМИСС. <https://fedstat.ru/indicator/62296>

активного возраста, который отмечался с 2019 г., был обусловлен повышением верхней границы трудоспособного возраста, и на Дальнем Востоке был несколько выше (на 1,7 п. п. в ДФО и на 1,6 в целом по России). Удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста составил 20,4 % против 18,5 % в среднем по стране. Доля старшей возрастной группы, напротив, ниже среднероссийского уровня на 3,5 п. п. и составила 21 %¹.

На протяжении 2013–2022 гг. интенсивность миграционных процессов была неоднородной. До 2019 г. коэффициент миграционного прироста населения постепенно снижался и достиг –1,3 %. Такое низкое значение в целом по округу было получено за счет положительных и минимально отрицательных показателей в нескольких субъектах: Республиках Бурятия (1,1) и Саха (Якутия) (–0,2), Приморском крае (0,4), Амурской области (0,0) и Чукотском автономном округе (11,1). С 2020 г. результативность миграции ежегодно менялась: в 2020 г. коэффициент миграционного прироста составил –2,7 на 1000 чел. населения, в 2021 г. — +0,9 %. В 2022 г. результативность миграционных потоков вновь стала отрицательной, а коэффициент миграционного прироста опустился до отметки –4,7 %, при этом ни один субъект ДФО не оказал положительного влияния на снижение миграционных потерь. Разнонаправленные тенденции миграционных потоков происходили на фоне роста потребности в рабочей силе, задействованной на крупных инвестиционных проектах, что проводило к увеличению входящего потока. При этом временный или вахтовый характер работы привлекаемых трудовых ресурсов не способствовал их закреплению в макрорегионе. Кардинальная смена результативности миграционных процессов в 2021 г., когда величина миграционного сальдо превысила по своему масштабу естественную убыль населения и позволила компенсировать порядка 20 % потерь населения, стала единичным выбросом, поскольку уже с 2022 г. ситуация вновь вернулась к привычному для макрорегиона отрицательному результату — рост исходящего потока на фоне сокращения входящего (Белоусова & Грицко, 2023; Липатова, 2023).

Методика исследования

В качестве основных методов исследования используются эконометрический анализ и межотраслевое балансовое моделирование. Объектом эконометрического анализа является производственная функция, основой построения межотраслевой модели — таблицы «затраты — выпуск».

Согласно сказанному выше, алгоритм проводимого исследования включает в себя следующие шаги: 1) оценка сокращения объемов конечного потребления вследствие миграции населения; 2) оценка сокращения объемов регионального выпуска вследствие сокращения спроса на конечную продукцию регионального производства; 3) оценка сокращения спроса на труд; 4) оценка перспективной численности населения региона как разности между значением соответствующего показателя в базовом периоде и миграцией, суммируемой с оценкой изменения потребностей в рабочей силе.

Инструментальными средствами для реализации шагов 1 и 2 является модель межотраслевого баланса, с использованием которой рассчитываются значения мультипликаторов выпуска (1); для реализации шага 3 — производственная функция Кобба — Дугласа (2).

$$Y = (E - A)^{-1} c x, \quad (1)$$

¹ Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/43219>

где Y — вектор-столбец выпусков продукции по видам экономической деятельности; x — общий объем конечного потребления домашних хозяйств; A — матрица коэффициентов прямых затрат (технических коэффициентов); E — единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ — матрица коэффициентов полных затрат, c — вектор-столбец структуры конечного потребления домашних хозяйств по видам экономической деятельности.

$$Y = AK^{\alpha}L^{\beta}, \quad (2)$$

где Y — ВРП; L — численность занятого населения в возрасте 15–72 лет; K — инвестиции в основной капитал; α, β, A — оцениваемые коэффициенты: α, β — коэффициенты эластичности ВРП по инвестициям и занятым соответственно; A — совокупная факторная производительность.

Модель межотраслевого баланса в региональном формате требует наличия региональных таблиц «затраты — выпуск». Однако, общеизвестно, что на национальном уровне таблицы «затраты — выпуск» публикуются один раз в пять лет, а для уровня регионов (субъектов РФ) таблицы не разрабатываются вовсе. Самостоятельный сбор данных по производственным связям в разрезе видов экономической деятельности является весьма сложным и затратным процессом, поскольку, во-первых, требует немало времени и ресурсов, а, во-вторых, собранная первичная информация часто оказывается несбалансированной, с большой вероятностью присутствия ошибок — что, в конечном счете, ведет к искажению результатов моделирования (Баранова, 2009). Выходом из сложившейся ситуации, хотя и не бесспорным, является регионализация национальных таблиц «затраты — выпуск» с использованием методов, не основанных на статистических обследованиях.

Последние доступные национальные таблицы «затраты — выпуск» датируются 2016 г. В настоящем исследовании для формирования национальной симметричной таблицы использовались «крайние» имеющиеся в официальном доступе таблицы ресурсов и использования (за 2019 г; 2020 г.), в т. ч. посредством применения метода ИТА (Industrial Technology Assumption) (Маслов, 2004).

Для регионализации национальной таблицы использовался метод товарных балансов с учетом встречных торговых потоков CHARM (*Cross-Hauling Adjusted Regionalization Method*) Т. Кроненберга (Kronenberg, 2009). При этом получаемые в рамках расчетных процедур промежуточные оценки элементов таблицы «затраты — выпуск» были уточнены фрагментированными фактическими данными, предоставляемыми территориальными органами государственной статистики дальневосточных субъектов РФ.

Согласно методу Т. Кроненберга, регионализация внутреннего конечного потребления (d) осуществляется по формуле традиционного метода товарных балансов (3).

$$d^R = \frac{TRE}{TNE} d^N, \quad (3)$$

где TRE — общая занятость в регионе; TNE — общая занятость в стране; верхний индекс R относится к региону, а N — к стране в целом.

Показатели регионального конечного потребления и численности населения позволяют, рассчитав душевые объемы спроса, получить оценку сокращения последнего на продукцию локального производства вследствие миграции. Соответствующая оценка, данные о численности мигрантов, значения других показателей регионализированных таблиц «затраты — выпуск» позволяют с использованием формулы (1) провести количественную идентификацию потерь объемов регионального выпуска, обусловленных переездом жителей за пределы исследуемого региона.

Количественный анализ соотношений объемов выпуска продукции и промежуточного потребления при ее производстве делает возможной оценку изменения объемов валового регионального продукта, обусловленного миграцией населения. Результаты предварительной оценки функции Кобба — Дугласа (2), а именно значение коэффициента эластичности регионального продукта по труду позволяют идентифицировать численность занятых, «высвобождающихся» из производственного процесса вследствие уменьшения объемов регионального производства.

В проводимом исследовании количественный анализ коэффициентов функции предвзяла ее линеаризация, проводимая посредством процедуры логарифмирования. Расчетные процедуры осуществлялись с использованием специализированного программного обеспечения — пакета Eviews 8.0. Объектом исследования выступал Дальневосточный федеральный округ в составе 11 субъектов. Временной период, для которого производились расчеты, включал 2017–2021 гг., что было связано с наличием статистических данных о значениях ВРП исследуемых регионов и отсутствием изменений в методологии формирования показателей, включенных в модель. Соответствующая организация входящего массива данных определила его панельную структуру, позволив тем самым увеличить его размер до 55 наблюдений. Значения используемых показателей были переведены в сопоставимые цены.

Результаты исследования

Результаты количественного анализа влияния исходящей миграции населения ДФО на региональный выпуск представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в 2020 г. соответствующие потери выпуска ДФО вследствие миграции его жителей сократились. Данное обстоятельство было связано с введенными ограничениями мобильности населения вследствие его вынужденной самоизоляции как меры, препятствующей распространению новой коронавирусной инфекции.

Перед оценкой функции Кобба — Дугласа строилась корреляционная матрица всех показателей, включенных в производственную функцию, в абсолютном выражении (табл. 2).

Таблица 1

Оценка влияния исходящей миграции на валовой выпуск ДФО

Показатель		2019 г.	2020 г.
Миграция, чел.		246 884	224 230
Сокращение выпуска макрорегиона	млн руб.	126 486,5	112 129,3
	%	1,08	0,91

Источник: расчеты авторов.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между факторами функции Кобба — Дугласа для ДФО

Показатель	ВРП	Численность занятых в возрасте 15–72 лет	Инвестиции в основной капитал
ВРП, млн руб.	1,00	—	—
Численность занятых (население в возрасте 15–72 лет), тыс. чел.	0,64	1,00	—
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	0,78	0,49	1,00

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3

**Оценки коэффициентов логарифмированной функции Кобба — Дугласа
для дальневосточных субъектов РФ**

$\ln(A)$	a	β	R^2	F-статистика
4,18 (6,85)	0,65 (8,79)	0,22 (3,98)	0,85	153,53

Примечание: в скобках указаны значения t -статистики.

Источник: расчеты авторов.

Необходимость получения данных таблицы 2, прежде всего, связывалась с проверкой существования между исследуемыми факторами линейных зависимостей, что означало бы присутствие в оцениваемой эконометрической модели такого явления как мультиколлинеарность. Однако, как показали расчеты, коэффициент корреляции между численностью занятых и инвестициями в основной капитал для дальневосточных субъектов РФ имел значение 0,49. Полученная оценка оказалась меньше «критического» значения (0,6–0,7), свидетельствующего о наличии строгой функциональной зависимости между факторами.

Оценки коэффициентов функции Кобба — Дугласа в логарифмическом виде при исследовании случая общей регрессии (без учета факторов местоположения), представлены в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают высокое качество построенной модели: присутствуют высокие значения коэффициента детерминации (объясняющая способность модели 85 %), статистики Фишера (153,53), статистик Стьюдента (все коэффициенты модели статистически значимы). Коэффициент эластичности ВРП дальневосточных субъектов РФ по труду (β) равен 0,22. Его значение значительно меньше значения коэффициента эластичности ВРП по капиталу (0,65). Экономика регионов ДФО характеризуется убывающей отдачей от масштабов факторов производства ($0,65 + 0,22 < 1$): рост ВРП происходит медленнее по сравнению с увеличением затрат труда и капитала.

С точки зрения интерпретации полученное значение коэффициента при факторе «труд» означает следующее: при изменении объема труда на 1 % изменение ВРП дальневосточного субъекта РФ составит в среднем 0,22 %. Данное соотношение относительных показателей может быть переведено в абсолютные величины. Так, получаем, что 1 занятый в возрасте от 15 до 72 лет, проживающий на территории ДФО, обеспечивает в среднем за год 382 235,99 руб. ВРП субъекта РФ — места его жительства. Полученная оценка «ценности» работника для экономики приравнивается также к ее потерям в случае миграции занятого.

Применительно к настоящему исследованию значение коэффициента эластичности позволяет выяснить, что в 2019 г. сокращение выпуска ДФО вследствие миграции его занятого населения создало риск дополнительного сокращения занятого населения макрорегиона на 0,21 %, в 2020 г. — на 0,20 %.

Заключение

В работе предложен и апробирован комплексный подход к оценке изменений численности населения региона, учитывающий прямое и косвенное воздействия миграции. Последние связываются с оценкой мультипликативных эффектов, генерируемых оттоком населения в экономике. Так, полученные оценки показывают, что в результате исходящей миграции в 2019 г. 224 230 чел. трудоспособного возраста из ДФО были

сформированы факторы дополнительной миграции в 8305 чел. (в 2020 г. — 7797 чел.), что обусловлено, при прочих равных условиях, сокращением объемов производства и потребления в экономике вследствие убыли населения, снижением потребности в дополнительной рабочей силе и формированием миграционных установок на переезд в другой регион у части высвободившегося на рынке труда населения. Таким образом, среднегодовая численность населения в 2019 г. могла составить 7946,36 тыс. чел, в 2020 г. — 7925,73 тыс. чел. Фактические данные о среднегодовой численности населения в указанные годы превышают полученные в результате модельных расчетов значения, что связано как с принятыми допущениями, так и с частичной компенсацией исходящего потока входящей миграцией. Вместе с тем, полученные оценки позволяют установить количественные взаимосвязи между миграционными потоками, экономической активностью в регионе и общей численностью населения, что может быть использовано для получения прогнозных оценок требуемой рабочей силы для достижения заданного темпа экономического роста макрорегиона.

Список источников

Авдеев, А. Ю., Ушакова, В. Л. (2023). Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату. *Уровень жизни населения регионов России*, 19(1), 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24

Баранов А. О. (Ред.) (2019). *Анализ и прогнозирование развития экономики Республики Бурятия: кол. монография*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 204.

Белоусова, А. В., Грицко, М. А. (2023). Демографические потери Дальнего Востока: оценка экономического ущерба. *Власть и управление на Востоке России*, 4(105), 111–123. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-111-123>

Липатова, Л. Н. (2023). Пандемия COVID-19 в России: статистическая оценка прямых и косвенных демографических потерь. *Регионоведение*, 31(1), 107–122. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122>

Маслов, А. Ю. (2004). Построение системы симметричных таблиц «затраты-выпуск». *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*, 2, 77–92.

Минакир, П. А. (2021). «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? *Пространственная экономика*. 17(2), 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015>

Минакир, П. А. (Ред.). (2021). *Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021, 208.

Минакир, П. А. (Ред.). (2022). *Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 328.

Минакир, П. А. (Ред.). (2023). *Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 352.

Kronenberg, T. (2009). Construction of Regional Input-Output Tables Using Nonsurvey Methods. The Role of Cross-Hauling. *International Regional Science Review*, 32(1), 40–64.

References

Avdeev, A. Yu. & Ushakova, V. L. (2023). Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 19(1), 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24 (In Russ.)

- Baranov, A. O. (Ed.) (2019). *Analiz i prognozirovanie razvitiya ekonomiki Respubliki Buryatiya [Analysis and forecasting development economics of the Republic of Buryatia]*: Col. Monograph. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center SB RAS, 204. (In Russ.)
- Belousova, A. V. & Gritsko, M. A. (2023). Demographic losses of the Far East: assessment of economic damage. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*, 4(105), 111–123. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-111-123> (In Russ.)
- Kronenberg T. (2009). Construction of Regional Input-Output Tables Using Nonsurvey Methods. The Role of Cross-Hauling. *International Regional Science Review*, 32(1), 40–64.
- Lipatova, L. N. (2023). COVID-19 Pandemic in Russia: Statistical Assessment of Direct and Indirect Demographic Losses. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, 31(1), 107–122. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122> (In Russ.)
- Maslov, A. Yu. (2004). Symmetric Input-Output Tables System Construction. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Articles — Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences]*, 2, 77–92. (In Russ.)
- Minakir, P. A. (2021). ‘Eastern State Socio-Economic Policy’: Mission (Not) Possible? *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, 17(2), 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015> (In Russ.)
- Minakir, P. A. (Ed.). (2021). *Razvitie ekonomiki Dalnego Vostoka Rossii: efekty gosudarstvennoy politiki [Development of the Economy of the Russian Far East: The Effects of the State Policy]*. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 208. (In Russ.)
- Minakir, P. A. (Ed.). (2022). *Sotsialno-ekonomicheskaya dinamika na Dalnem Vostoke Rossii: ustoychivye trendy i novye vyzovy [Socioeconomic Dynamics in the Russian Far East: Sustainable Trends and New Challenges]*. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 328. (In Russ.)
- Minakir, P. A. (Ed.). (2023). *Razvitie bolshikh sotsialno-ekonomicheskikh sistem: Dalnevostochnyy makroregion [Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion]*. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 352. (In Russ.)

Информация об авторах

Белоусова Анна Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146> (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: belousova@ecrin.ru).

Грицко Мария Анатольевна — кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413> (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 153; e-mail: gritsko@ecrin.ru).

About the authors

Anna V. Belousova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146> (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: belousova@ecrin.ru).

Marya A. Gritsko — Cand. Sci. (Econ.), Scientific Secretary, Senior Research Associate, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413> (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: gritsko@ecrin.ru).

УДК 314.74

JEL classification: F22, J11, J6

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-4>

Международная миграция и ее влияние на структурные характеристики населения регионов России¹

Л. П. Богданова^a, А. С. Щукина^b

^{a, b} Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия).

^a <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571>

Автор для корреспонденции: Л. П. Богданова (Bogdanova.LP@tversu.ru).

Аннотация. Показана роль международной миграции в динамике численности населения России. Проведена группировка регионов России по соотношению международной и межрегиональной миграции. Проанализировано влияние международной миграции на возрастную и образовательную структуру населения России в целом и ее регионов. Более подробно роль международной миграции как фактора формирования населения рассмотрена на примере Тверской области.

Ключевые слова: международная миграция; динамика численности населения; возрастная и образовательная структура населения

International Migration and its Impact on the Age and Educational Structure of the Population of Russian Regions

L. P. Bogdanova^a, A. S. Schukina^b

^{a, b} Tver State University (Tver, Russia).

^a <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571>

Corresponding author: L. P. Bogdanova (Bogdanova.LP@tversu.ru).

Abstract. The influence of international migration on population dynamics in Russia is shown. Russian regions are grouped according to the ratio of international and interregional migration. The study analyses the impact of international migration on the age and educational structure of the population of Russia and its regions. The role of international migration as a factor in population formation is examined in more detail using the example of Tver oblast.

Keywords: international migration; population dynamics; age and educational structure of the population

Введение

Исследование международной миграции стало актуальным для нашей страны с начала 1990-х гг. после распада Советского Союза. В России основные потоки международной миграции замыкаются в основном в пределах ближнего зарубежья, но их объемы сопоставимы с мировыми миграционными потоками между развитыми и развивающимися странами. По объему международной миграции Россия занимает 4-е место в мире, а потоки мигрантов между Россией и Украиной и между Россией и Казахстаном вошли топ-10 крупнейших миграционных коридоров в мире (McAuliffe & Triandafyllidou, 2021, с. 25–26).

---

¹ © Богданова Л. П., Щукина А. С. Текст. 2024.

Особенности информационной база миграционных исследований

В современной России наука о миграциях — миграциология — активно развивается усилиями демографов и экономистов, социологов и политологов, историков и географов. Прежде всего следует отметить исследования Ж.А. Зайончковской (Зайончковская, 2007), В.А. Ионцева (Ионцев, 1999), М.Б. Денисенко и О.С. Чудиновских (Денисенко & Чудиновских, 2018), Л.Л. Рыбаковского и Н.И. Кожевниковой (Рыбаковский & Кожевникова, 2019), С.В. Рязанцева и Е.Е. Письменной (Рязанцев & Письменная, 2019), А.В. Топилина (Топилин, 2021) и др. В 1998–2015 гг. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ выпускалась научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир».

Массовые потоки международных мигрантов, связанные с политико-административными преобразованиями и социально-политическими конфликтами, привели к необходимости создания Федеральной миграционной службы (1992–2016 гг.), полномочия которой после 2016 г. были переданы МВД. И теперь статистический учет мигрантов в России ведут Росстат, погранслужба ФСБ и миграционная служба МВД. Все они используют разные методики учета мигрантов, создавая трудности в обеспечении сопоставимости информации. Особенно сложно использовать данные 2020–2022 гг.: в 2020 г. на показатели международной миграции оказал влияние COVID-19, в 2021–2022 гг. произошел перенос выбытий с одного года на другой, примерно 200 тыс. чел. В связи с этим в данной статье использованы данные по международной миграции в России за 2019 г.

Основная часть. Влияние международной миграции на динамику численности и структурные характеристики населения

Роль международной миграции как фактора динамики численности населения нашей страны за последние десятилетия значительно изменилась. Если в 1950–1960-е гг. Россия отдавала население союзным республикам, обеспечивая развитие их экономик, то уже с 1970-х гг. соотношение миграционных потоков меняется, в том числе и в результате возвратной миграции. Резкое увеличение притока международных мигрантов связано с распадом Советского Союза (табл. 1).

Общее количество мигрантов в России по международным оценкам составляет 12 млн чел. (McAuliffe & Triandafyllidou, 2021, с. 25), число трудовых мигрантов по разным источникам оценивается в 10 млн чел. Это обуславливает повышенный интерес властных структур, бизнеса и науки к проблемам международной миграции. Объем и результаты международной миграции определяются прежде всего потоками мигрантов из стран ближнего зарубежья (рис.).

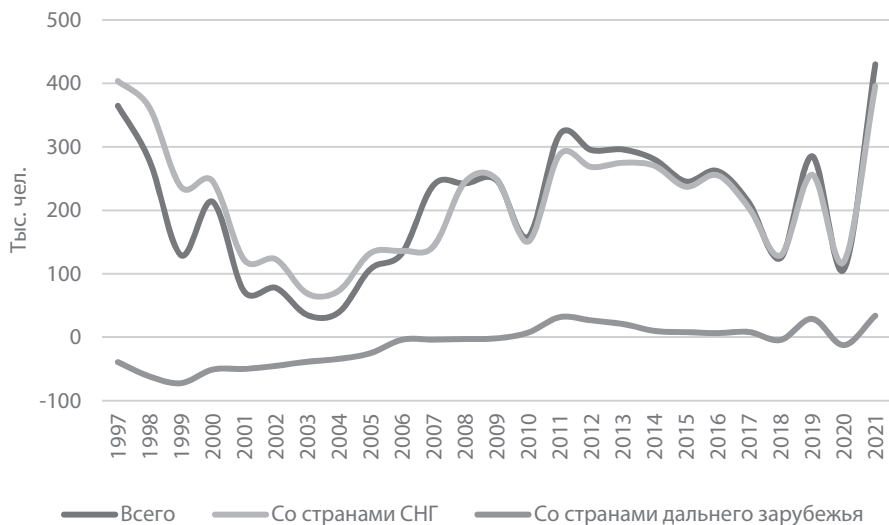
Миграционное движение оказывает неодинаковое влияние на динамику численности и структурные характеристики населения регионов России. Группировка регионов по соотношению международной и межрегиональной миграции показывает, что для большей части регионов международная миграция обеспечивает приток населения (76 из 85 субъектов РФ), в то время как межрегиональная миграция имеет положительный результат только в 19 регионах

В первую группу (международный прирост превышает межрегиональный прирост) входит 11 регионов, большинство из которых является экономически развитыми и привлекательными как для внутренних, так и для внешних мигрантов. Около 40 % — регионы юга России.

Компоненты изменения численности населения 1951–2022 гг.

Годы	Прирост / убыль (тыс. чел.)	
	естественный	миграционный
1951–1960	18509,8	–1182,8
1961–1970	11240,6	–1307,7
1971–1980	7914,8	412,6
1981–1990	7583,3	2038,2
1991–2000	–6618,9	4648,8
2001–2010	–6385,2	2781,6
2011–2020	–1417,1	2465,4
2021	–1043,3	429,9
2022	–594,6	61,9
Всего	29189,4	10347,9

Источники: Компоненты изменения численности населения России. Информационный бюллетень Института демографии ВШЭ им. А.Г. Вишневского. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_components.php; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1>; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1>

Рис. Динамика международной миграции (нетто-миграция) в России (1997–2021, тыс. чел.)
(источник: составлено авторами по данным Росстата)

Во вторую группу (международный прирост превышает межрегиональный отток) входит 20 регионов, большая часть которых недостаточно привлекательна для внутренних мигрантов. В эту группу попали регионы Центральной России, Поволжья, Урала, а также северные автономные округа и некоторые регионы Дальнего Востока.

В третью группу (межрегиональный прирост превышает международный прирост) входит всего 6 регионов, среди которых пристоличные Московская и Ленинградская

Таблица 2

Группировка регионов по соотношению международной и межрегиональной миграции (2019)

Соотношение	Кол-во регионов в группе	Перечень регионов: области, города, республики, края, автономные округа
Международный прирост превышает межрегиональный прирост	11	Области: Белгородская, Воронежская, Ярославская, Нижегородская, Новосибирская Края: Краснодарский, Ставропольский Республики: Адыгея, Крым, Татарстан Города: Севастополь
Международный прирост превышает межрегиональный отток	20	Области: Владимирская, Ивановская, Курская, Липецкая, Рязанская, Тверская, Новгородская, Псковская, Ростовская, Самарская, Свердловская, Челябинская, Томская, Амурская Республики: Марий Эл, Бурятия Края: Приморский АО: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский
Межрегиональный прирост превышает международный прирост	6	Области: Московская, Калининградская, Ленинградская, Тюменская Республики: Ингушетия, Алтай
Межрегиональный отток превышает международный прирост	40	Области: Брянская, Калужская, Костромская, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Кировская, Мурманская, Оренбургская, Волгоградская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Сахалинская Республики: Коми, Калмыкия, Дагестан, Северная Осетия — Алания, Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Башкортостан, Мордовия, Чувашская, Удмуртская, Тыва, Саха (Якутия) Края: Пермский, Алтайский, Красноярский, Забайкальский, Хабаровский АО: Ямало-Ненецкий, Еврейская
Межрегиональный отток превышает международный отток	5	Области: Пензенская, Омская Республики: Карелия, Хакасия Края: Камчатский
Межрегиональный прирост превышает международный отток	2	Города: Москва, Санкт-Петербург
Международный отток превышает межрегиональный отток	1	Области: Астраханская

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1>

области, Калининградская и Тюменская области и два региона с небольшими масштабами миграции — республики Ингушетия и Алтай.

В четвертую группу (межрегиональный отток превышает международный прирост) входит 40 регионов, где международный прирост не перекрывает отток собственного населения в межрегиональных миграциях. Представлены регионы всех

федеральных округов с большими различиями масштабов экономики и миграционного движения населения.

В пятую и седьмую группу включены регионы, которые несут демографические потери в результате и международных, и межрегиональных миграций.

Шестая группа регионов с положительными результатами межрегиональных миграций и международным оттоком включает две столицы, причем принимают эти города наибольшие потоки межрегиональных мигрантов.

В топ-5 субъектов РФ по объему международной миграции в 2019 г. вошли Московская область (39 тыс. чел.), Тюменская область (с АО, 17 тыс. чел.), Краснодарский край (17 тыс. чел.), Ростовская (15 тыс. чел.), Свердловская обл. (15 тыс. чел.). В следующую пятерку регионов с объемом международной миграции, равным 5–10 тыс. чел., входят Ставропольский край, Самарская, Белгородская, Воронежская, Томская области.

Международная миграция оказывает влияние не только на численность, но и на структурные характеристики населения России. Положительное влияние международная миграция оказывает на возрастную структуру населения, поскольку среди мигрантов основную часть составляют лица трудоспособного возраста — 79,7 % по сравнению с 56,0 % в населении России (табл. 3).

Важной характеристикой международных мигрантов, большинство которых составляют трудовые, является уровень образования и квалификации, которые определяют возможности трудоустройства и в целом положение в принимающем сообществе. Сравнительный анализ образовательных параметров населения России и мигрантов показывает значительные различия: уровень образования мигрантов из стран Центральной Азии, составляющих основу миграционного притока, значительно ниже уровня образования населения России. Более высокими образовательными характеристиками отличаются мигранты из Беларуси и Украины. Высокую долю лиц с общим средним образованием среди мигрантов из стран Дальнего Зарубежья можно связать с учебной миграцией, прибытием в Россию с целью получения высшего образования (табл. 4).

Более подробно влияние международной миграции на динамику численности и структурные характеристики населения рассмотрены на примере Тверской области — региона, много лет теряющего население не только в результате естественной убыли, но и миграционного обмена (Богданова & Шукина, 2018). Если в межрегиональном обмене область имеет устойчивый минус, то в международном — устойчивый плюс, который лишь в отдельные годы перекрывает отток населения в столичные регионы (табл. 5).

Таблица 3

Распределение населения Российской Федерации и международных мигрантов (нетто миграция) по возрастным группам

Возрастная группа	Возрастная структура			
	населения РФ	мигрантов в РФ	населения Тверской обл.	мигрантов в Тверскую обл.
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0
моложе трудоспособного	18,8	10,3	16,9	16,3
в трудоспособном	56,0	79,7	54,0	76,7
старше трудоспособного	25,2	10,0	29,1	7,0

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1>; Миграция населения Тверской области в 2019 г.

Таблица 4

**Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше
по уровню образования и странам выхода / приема, %**

	Всего	В том числе имели образование:							
		высшее профессиональное (высшее)	неполное высшее проф. (незаконченное высшее)	среднее профессиональное (среднее специальное)	начальное профессиональное	среднее общее (полное)	основное общее (среднее общее неполное)	начальное общее и не имеющие образования	уровень образования не указан
Российская Федерация	100,0	26,5	2,0	32,8	8,7	15,7	8,4	2,0	17,0
Миграционный прирост	100,0	10,6	8,4	21,1	5,0	39,1	7,7	1,5	6,6
Азербайджан	100,0	6,7	5,2	18,6	4,6	46,3	11,1	1,5	6,0
Армения	100,0	6,3	5,0	20,6	5,6	44,7	8,1	1,8	7,9
Беларусь	100,0	32,6	14,6	29,2	5,1	3,8	3,1	0,6	10,9
Казахстан	100,0	13,3	15,0	25,4	5,2	29,6	5,4	1,2	4,8
Киргизия	100,0	5,0	3,4	11,9	3,3	51,1	7,0	1,7	16,5
Молдавия	100,0	11,8	9,8	34,9	6,7	25,1	7,6	1,5	2,5
Таджикистан	100,0	5,7	4,6	15,7	5,3	49,1	12,2	2,2	5,2
Туркмения	100,0	9,4	15,3	13,7	2,7	36,9	2,5	0,6	18,9
Узбекистан	100,0	5,7	6,6	20,4	6,0	43,4	9,2	1,7	6,9
Украина	100,0	20,4	13,0	34,8	6,1	20,9	4,8	1,1	1,1
Всего со странами СНГ	100,0	10,5	8,2	22,1	5,3	38,1	8,1	1,6	6,1
С другими странами	100,0	11,3	10,6	10,5	2,5	50,4	3,5	0,8	10,4

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 г. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1>

Таблица 5

Общие итоги миграции Тверской области, 2015–2021 гг.

Миграция	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего, в т. ч.	-1984	546	-3908	-4348	654	-1514	1658
Межобластная	-5531	-3089	-5325	-5706	-4158	-2000	-2655
Международная	3637	3635	1417	1358	4812	486	4313

Источник: составлено авторами по данным Тверьстата.

Географическая и этническая структура международной миграции за последние три десятилетия претерпела большие изменения. В последние годы основную часть мигрантов составляют выходцы из Центральной Азии, прежде всего, из Таджикистана и Узбекистана. Нарастающий поток мигрантов из Таджикистана обусловлен не только социально-экономическими различиями (Таджикистан — самая бедная страна в СНГ),

Международная миграция Тверской области

Страна	1990	2001	2011	2021
Всего, в т. ч.	9056	1530	6207	4313
Азербайджан	1626	36	461	158
Армения	74	50	775	304
Беларусь	884	-44	52	148
Казахстан	803	622	185	174
Киргизия	440	94	833	164
Молдова	-63	118	581	164
Таджикистан	2128	63	1423	1792
Туркменистан	-81	77	123	148
Узбекистан	1853	317	753	371
Украина	379	153	628	269
Грузия	80	26	168	48
Латвия	113	31	31	9
Литва	247	10	19	6
Эстония	109	1	38	6
Другие зарубежные страны	464	-24	137	552

Источник: составлено авторами по данным Тверьстата.

но и межгосударственными соглашениями, которые создают особые условия для выходцев из этой страны (табл. 6). По данным переписи 2020 г. таджики в Тверской области стали самой представительной этнической группой.

Международная миграция оказывает значительное влияние на возрастную структуру населения. Положение Тверской области между двумя столичными регионами обусловило длительный отток населения из региона, преимущественно молодого и активного, и старую возрастную структуру населения. «Омоложивающее» влияние международных мигрантов имеет, безусловно, положительное значение (табл. 3).

Возрастная структура международных мигрантов значительно отличается от возрастной структуры населения региона. Сравнение показывает более благоприятные возрастные характеристики международных мигрантов, прибывающих в Тверскую область, доля трудоспособного населения среди мигрантов составляет 76,7 %, в то время как среди местного населения — всего 54,0 %. Причем почти 2/3 общей численности мигрантов составляют возрастные группы от 15 до 39 лет.

Заключение

Повышение внимания к изучению проблем международной миграции в России обусловлено множеством факторов, среди которых неблагоприятная демографическая ситуация во многих регионах, дефицит на рынке труда и сложности в межэтнических отношениях. В решении этих проблем заинтересованы власти, бизнес и население принимающих регионов. Эти проблемы формируют заказ на научное обоснование миграционной политики государства, которая призвана обеспечить разумное регулирование миграционных потоков, взаимную социальную адаптацию мигрантов и местного населения.

В условиях депопуляции в стране в целом и в большинстве регионов России международная миграция играет важную компенсирующую роль. Социально-

демографическая оценка международной миграции подтверждает ее необходимость в большинстве регионов России для поддержания их демографических ресурсов. При этом следует учитывать положительное влияние международной миграции на возрастную структуру населения и скорее отрицательное — на образовательную. Сложности создает информационная база миграционных исследований, не обеспечивающая доступность и необходимую достоверность данных как о внутренней, так и о внешней миграции.

Список источников

Богданова, Л. П., Шукина, А. С. (2018). Миграционные процессы в Тверской области: динамика и влияние на структуру населения. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 4, 100–108.

Денисенко М. Б., Чудиновских О. С. (2018) Долгосрочная миграция между странами СНГ. В: *Демографическое развитие постсоветского пространства* (с. 182–204). Москва: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Зайончковская, Ж. А. (Ред.). (2007). *Методология и методы изучения миграционных процессов*. Москва, Центр миграционных исследований, 370.

Ионцев, В. А. (1999). *Международная миграция населения: теория и история изучения*. Москва: Издательство Диалог-МГУ, 370.

Ионцев, В. А. (Ред.). (1998). *Международная миграция населения в России: Россия и современный мир*. Выпуск 1. Москва: Центр по изучению проблем народонаселения МГУ, 87.

Рыбаковский, Л. Л. (2003). *Миграция населения (вопросы теории)*. М.: ИСПИ РАН, 238.

Рыбаковский, Л. Л., Кожевникова, Н. И. (2019). Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья. *Социологические исследования*, 9, 106–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4>

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. (2019). Международная трудовая миграция в Россию. Тренды и регулирование. *Международные процессы*, 17(4(59)), 65–83. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>

Топилин, А. В. (2021). О системном подходе к изучению международных миграционных процессов. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1(1), 17–30. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.2>

McAuliffe, M., & Triandafyllidou, A. (Eds.). (2021). *World Migration Report 2022*. International Organization for Migration (IOM), Geneva, 574.

References

Bogdanova, L. P., & Shchukina, A. S. (2018). Migration processes in the Tver region: dynamics and impact on the population structure. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Bulletin of TVGU. Series Economics and Management]*, 4, 100–108. (In Russ.)

Denisenko, M. B., & Chudinovskikh, O. S. (2018). Long-term migration between CIS countries. In: *Demograficheskoe razvitie postsovetskogo prostranstva [Demographic development of the post-Soviet space]* (pp. 182–204). Moscow: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Iontsev, V. A. (1999). *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International population migration: theory and history of study]*. Moscow: Dialogue-MSU Publishing House, 370. (In Russ.)

Iontsev, V. A. (Ed.). (1998). *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya v Rossii: Rossiya i sovremennyy mir. Vypusk 1 [International migration of the population in Russia: Russia and the modern world. Issue 1]*. Moscow: Center for the Study of Population Problems of Moscow State University, 87. (In Russ.)

McAuliffe, M. & Triandafyllidou, A. (Eds.). (2021). *World Migration Report 2022*. International Organization for Migration (IOM), Geneva, 574.

Riazantsev, S. V. & Pismennaya, E. E. (2019). International labour migration to Russia. Trends and regulation. [International processes], 17(4(59)), 65–83. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5> (In Russ.)

Rybakovskiy, L. L., & Kozhevnikova, N. I. (2019). International Migration of Population of Russia: Exchange of Population with the Post-USSR Countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 9, 106–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4> (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2003). Migratsiya naseleniya (voprosy teorii) [Population migration (theory issues)]. Moscow: ISPI RAS, 238. (In Russ.)

Topilin, A. V. (2021). On a Systematic Approach to the Study of International Migration Processes. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic studies]*, 1(1), 17–30. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.2> (In Russ.)

Zayonchkovskaya, Zh. A. (Ed.). (2007). *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov [Methodology and methods for studying migration processes]*. Moscow, Center for Migration Studies, 370. (In Russ.)

Информация об авторах

Богданова Лидия Петровна — доктор географических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета; <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571> (Российская Федерация, 170021, г. Тверь, ул. Прошина, 3, кор. 2, УЛК; e-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru).

Щукина Анна Сергеевна — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета (Российская Федерация, 170021, г. Тверь, ул. Прошина, 3, кор. 2, УЛК; e-mail: shchukanser@gmail.com).

About the authors

Lidia P. Bogdanova — Dr. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Head of the Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Tver State University; <https://orcid.org/0000-0002-8436-9571> (3/2, Proshina St., Tver, 170021, Russian Federation; e-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru).

Anna S. Schukina — Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Tver State University (3/2, Proshina St., Tver, 170021, Russian Federation; e-mail: shchukanser@gmail.com).

УДК 314.74

JEL classification: F22

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-5>

Миграция в формировании белорусского этноса¹

А. Г. Злотников

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации
(г. Гомель, Республика Беларусь).

<https://orcid.org/0000-0002-8182-4970>

Автор для корреспонденции: А. Г. Злотников (zlot@tut.by)

Аннотация. В статье, опирающейся на статистические данные и материалы переписей населения, рассматривается роль миграции в развитии национальной структуры Беларуси на различных этапах ее истории. Анализируются особенности формирования белорусского этноса. Сделан вывод о роли русского этноса на белорусских землях. Дана характеристика белорусских коренных народов. Представлены тенденции в изменении этнической структуры Беларуси периода распада единого демографического пространства.

Ключевые слова: Беларусь; Россия; этнический состав; тенденции в миграции

Migration in the Formation of the Belarusian Ethnic Group

A. G. Zlotnikov

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (Gomel, Republic of Belarus).
<https://orcid.org/0000-0002-8182-4970>

Corresponding author: A. G. Zlotnikov (zlot@tut.by).

Abstract. Based on statistics and population census data, the article examines the role of migration in the development of the national structure of Belarus at various historical stages. The features of the formation of the Belarusian ethnic group are analysed. A conclusion is drawn about the role of the Russian ethnic group in Belarus. Characteristics of the Belarusian indigenous peoples are given. Changes in the ethnic composition of Belarus during the collapse of a unified demographic space are described.

Keywords. Belarus; Russia; ethnic composition; migration trends

Введение

Этнические и связанные с ними конфессиональные отношения являются наиболее взрывоопасными в мире. Они служили и служат основой конфликтов, порождая возвратную миграцию этносов, оказавшихся в их эпицентре. Важная роль в обострении этой выгалькивающей миграционной тенденции конца XX столетия постсоветского пространства принадлежала пришедшим к власти националистически ориентированным социальным структурам. Особенно это проявилось в среднеазиатском и балтийском регионах в отношении русскоязычных этносов.

Ни одна страна мира не избежала конфликтов на этой основе. И в истории Беларуси в прошлом бывали вспышки национальных и религиозных конфликтов. Но, в отличие от других постсоветских регионов, в Беларуси в современный период таких вспышек не наблюдалось. Наоборот, Республика Беларусь на этом фоне проявила свой традиционный «памяркоўны» (терпеливый) характер. Она на постсоветском пространстве стала убежищем выгалькивающей и возвратной миграции.

¹ © Злотников А. Г. Текст. 2024.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. демографические процессы Беларуси стали характеризоваться положительным сальдо миграции. Миграционный прирост Беларуси был порожден дремавшими в СССР до «парада суверенитетов» межнациональными конфликтами, обернувшимися массовыми трагедиями для многих народов бывшего СССР. Почти все республики бывшего СССР, за исключением Беларуси, стали ареной этнических конфликтов.

Негативные явления этнического, конфессионального, военного, политического и иного характера в новых независимых государствах на постсоветском пространстве, более кризисный экономический спад, чем в Беларуси, привели к выталкиванию из бывших советских республик граждан нетитульной (некоренной) национальности. И русскоязычное население со своими семьями из постсоветских государств периода развала единого демографического пространства находило себе убежище, свою вторую родину в толерантной «*памяркоўнай*» Беларуси.

Этническая характеристика современной Беларуси

Демографическое развитие большинства стран мира характеризуется полиэтнической структурой населения. Прежде всего эта структура связана с населением граничащих с ними государств, тенденциями их исторического развития прошлого, а также величиной населения этих государств. И эти процессы обуславливают современную национальную палитру Республики Беларусь, которая граничит с Россией, Польшей, Украиной, Литвой и Латвией. Так, в национальной структуре Республики Беларусь, по материалам последней переписи населения страны (2019 г.), вторым после титульной нации с ее удельным весом 84,89 % является русский этнос (706 992 чел. с долей 7,51 % в численности населения Беларуси). А вместе с другими российскими этносами удельный вес россиян в национальной структуре Беларуси составляет 7,97 %. Вторым по величине численности российских этносов в Беларуси являются татары. За прошедшее десятилетие численность татар в этнической структуре Беларуси увеличилась на 15,4 %. По другим коренным народам России наблюдается их уменьшение. Так, по переписи населения Республики Беларусь 2009 года численность русских составляла 785 084 чел., т. е. за десятилетие их численность уменьшилась почти на 10 %.

Из граничащих с Республикой Беларусь третьим по численности этносом являются поляки — 287 693 чел. с удельным весом 3,06 %, четвертым — украинцы — 159 656 чел. или 1,70 %, десятым — литовцы — 5 287 чел. или 0,56 % и шестнадцатым — латыши — 1 534 чел. или 0,16 %. Несколько большая численность, чем литовцев и латышей, но исторические корни которых еще со средневековья связаны с белорусской территорией, евреев — пятый этнос в национальной структуре Беларуси с численностью 13 705 чел., татары — седьмой этнос с численностью 8 455 чел. и цыгане — восьмой этнос с численностью 6 848 чел.

Особенностью исторического прошлого народов, живущих вне своей этнической родины, является тот факт, что многие из них не являются мигрантами в последнем поколении, а родились на территории Беларуси. Их, как и их предков, живших в прежних поколениях вне пределов родины происхождения их предков, можно считать коренным населением страны. Как отмечает зубр советской и российской миграционистки Л. Л. Рыбаковский, «поскольку одновременно живет три, редко четыре поколения, то для решения этой задачи достаточно выделить из них первое и второе, тогда остаток составит третье и редких случаях четвертое поколения» (Рыбаковский, 2019).

Именно такое социологическое решение проблемы кого считать коренным населением — это первое и второе поколения.

В Беларуси кроме этнических белорусов по данным переписи 2009 г. проживали представители более 145 национальностей и народностей, а по переписи 2019 г. — около 130 наций и народностей. Всего в Беларуси национальными переписями населения 1999, 2009 и 2019 гг. зафиксировано 20 этносов с численностью более тысячи человек. Их жизнь и деятельность вне своего этноса происхождения свидетельствует об успешной адаптации и интеграции, результатом которых является их ассимиляция. Данные переписей населения и социологических исследований свидетельствуют об этой их успешности, проявляющейся, прежде всего, в межэтнических браках.

В государствах, где этническая политика строится на основе модели этнокультурной идентификации, важнейшим элементом выступает государственная политика по монопольному использованию национального языка. Эта модель в социальных отношениях, основанных при делении общества на «мы» и «они», характеризует современные социально-политические отношения, граничащих с Беларусью государств — Польши, Украины, Литвы и Латвии. Модель белорусского государства в этнических отношениях базируется на фундаменте гражданско-политической идентификации. Она основана на результатах референдума 14 мая 1995 г., в ходе которого 83,3 % жителей Беларуси высказались за придание русскому языку статуса государственного наравне с белорусским.

Наряду с белорусским языком русский язык в Республике Беларусь является государственным языком, и большинство населения в повседневном общении, бытовой и трудовой деятельности, учебном процессе, культурной сфере использует преимущественно русский язык. Как свидетельствуют итоги национальных переписей населения Республики Беларусь, доля населения, общающегося в быту (дома) на русском языке, — преобладающая, составившая в 1999 г. 62,8 %, 2009 г. — 70,2 % и в 2019 г. — 64,1 %. И потому деятельность российских этносов в Беларуси осуществляется в их родной языковой и культурной среде. И в этом плане, как отмечают С.В. Рязанцев и А.А. Гребенюк, «традиционный термин „диаспора” практически не применим к русским и российским гражданам, живущим за пределами России» (Рязанцев & Гребенюк, 2014).

Использование русского языка в Беларуси в качестве государственного является важным фактором успешной деятельности и других не только российских этносов. Это наряду с отсутствием социально-политических конфликтов является важнейшим фактором положительного миграционного сальдо Беларуси населения с большинством государств постсоветского пространства.

Экспурс в историю русского этноса на белорусских землях

Пришлым русский этнос на территории Беларуси нельзя считать даже с большими натяжками. Прежде всего свидетельством этого является история существования государств на белорусской и российской территориях. Так, официальное название средневекового государственного объединения, несколько столетий существовавшего на нынешней территории Беларуси, было Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных. Обратим внимание на термин «Княжество Русское» в названии этого государства, которое для краткости именовалось Великим княжеством Литовским. В нем преобладало средневековое русское население и средневековой русский язык, ставшие в ходе исторического развития фундаментом белорусского этноса. Это означает значимость русского следа в процессе формирования белорусского этноса.

Борьба зарождающегося российского государства в лице Московского княжества, с одной стороны, и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, с другой стороны, за русскую его составляющую отразилась в титулах русских царей и императоров, включающих и наименование белорусских земель. Впервые претензии на наследство Руси в конце XIV в. при объединении с Польшей заявил князь Владислав Ягайло, действовавший как «Великий князь литовский и владыка и наследник Руси» (Снайдер, 2017).

В противовес религиозным католическим претензиям с православных славянских позиций более столетия спустя выступил Великий князь Иван III, который именовался Государем всея Руси. А уже Великий князь Василий III, как и его сын царь Иван IV Грозный, царь Федор Иванович, а также первый царь из династии Романовых — Михаил с титулом Государя всея Руси именовались и князьями Полоцкими, как одного из государств, с которым связывается начало белорусской государственности. Титул царя Алексея Михайловича уже включал Государя всея Великия и Малыя и Белья России, а также Князя Полоцкого, Витебского и Мстиславского, т. е. нынешних белорусских территорий. С воцарением Петра I в его титуле исчезло перечисление княжеств белорусских земель, он именовался Государем всея Великия и Малыя и Белья России.

В титулах последующих императоров России XVIII в. исчезло перечисление отдельных белорусских земель, осталось главное «Самодержец Всероссийский». С Павла I, при котором законодательно оформлены разделы Речи Посполитой, титулы последующих императоров России опять стали включать перечисление белорусских княжеств. В статье 37 Основных законов Российской Империи титул императора в начале XX в. включал и следующие перечисления: Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Князь Смоленский, Литовский, Белостокский, Полотский (Полоцкий), Витебский и Мстиславский, что имеет отношение к белорусским территориям разных периодов истории.

Важным фактором исторического заселения современных белорусских земель средневековым русским этносом явились последствия собирания русских земель во круг Московского государства. В результате внутривосточной борьбы на восточном фланге Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных многие представители правящих элит Тверского, Рязанского княжеств, а также мелкопоместное боярство Московского княжества (всего более 150 имен) с частью своих подданных переселялись (бежали) в земли Великого княжества Литовского (Казаков, 2011), где получали не последние должности.

Также в результате раскола в XVI–XVIII вв. российской православной церкви на территорию нынешней Беларуси от преследований со стороны властей и официальной церкви бежали староверы, что отмечает М.В. Ломоносов в письме графу И.И. Шувалову. Так, описывая последствия побега крестьян-староверов в Ветку (откуда, например, родом выдающийся советский министр иностранных дел СССР А.А. Громыко) и в другие поселения ныне Гомельской области, он таких мигрантов называет «живыми покойниками»: «с пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона» (Ломоносов, 1950). Одновременно М.В. Ломоносов, точно также как и в нынешние времена, ведет речь о необходимости создания условий для привлечения мигрантов в Россию: «Много беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры».

После разделов Речи Посполитой в Беларуси появились российские чиновники и помещики, которым раздавались белорусские земли. Жители Гомеля гордятся выдающимся русским полководцем XVIII в. Петром Александровичем Румянцевым, сыном полтавского помещика, которому за присоединение к России задунайских земель императрица Екатерина Вторая присвоила титул графа Румянцева-Задунайского. И в честь его военных успехов подарила ему тогдашний Гомель. Младший сын Румянцева — государственный канцлер Российской Империи Николай Петрович Румянцев — переселил сюда из Полтавщины крестьян своего деда и отца. После восстания 1830–1831 гг. на белорусских землях появились и крестьяне, переселенные из России своими помещиками, которым здесь щедро раздавались земли и имения. Одна из страниц крестьянского восстания отражена в произведении Александра Пушкина «Дубровский». К середине XIX в. численность русских была незначительной — около 10 тыс. (0,3 %).

С введением в 1889 г. должностей земских начальников, которые имели право занимать только русские, их численность начала быстро расти. Тогда на белорусские территории из России перебрались десятки тысяч жителей: чиновников, духовенства, учителей, военных и крестьян.

После Октябрьской революции в Беларусь переехало много русских, среди которых были и военные, и рабочие, и специалисты различных областей, и преподаватели вузов, и ученые. К примеру, организатором минской милиции был М. В. Фрунзе. Формирование профессорско-преподавательского корпуса, созданного в 1921 г. Белорусского государственного университета, осуществлялось за счет приезда российских ученых из Петрограда и Москвы. Его первым ректором в 1921–1929 гг. был известный русский и советский историк славянист В. И. Пичета (1878–1947).

Особенно увеличилось количество русского населения в послевоенный период. Тогда они направлялись на восстановление и подъем пострадавшей в ходе войны экономики страны. Эта история русского этноса на территории Беларуси свидетельствует, что и русское население стало коренным.

Республика Беларусь и Российская Федерация как субъекты Союзного государства имеют общую границу протяженностью 1283 км, к которой с обеих сторон примыкают по три области. У Беларуси — это Витебская, Гомельская и Могилевская, у России — Брянская, Псковская и Смоленская области. У Беларуси это наибольшая на северо-востоке и востоке (у России это будет соответственно — на западе) по протяженности границ среди пяти стран, с которыми Республика Беларусь граничит.

История развития приграничных белорусско-российских регионов еще с древних времен в значительной степени переплетена. Особенностью демографических процессов приграничных регионов Беларуси и России, в отличие от других регионов и Беларуси и России, является общность их исторического развития, прежде всего, отразившаяся на этнических процессах. Еще в дореволюционные годы исследователями А. Ф. Риттихом (1875 г.), Е. Ф. Карским (1903 г.) и М. В. Довнар-Запольским (1919 г.) были выявлены этнические границы ареалов расселения белорусов, выходящие значительно за пределы нынешних государственных границ Республики Беларусь. Севернее Беларуси эти белорусские этнические границы достигали Великих Лук, а восточнее — Ржева, Вязьмы, Смоленска и Брянска. Эти этнические границы белорусов по данным этнографов и географов проходят по линии Брест — Белосток — Сувалки — Вильнюс — Даугавпилс — Опочка — Верхние Луки — Ржев — Брянск — Трубчевск — Городня — Овруч — Брест.

Этнические границы белорусов в отличие от государственных границ Беларуси пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль наших государственных границ имеются территории одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших и проживающих совместно.

Недаром в конце 1918 г. на российской территории — в Смоленске было провозглашено создание Белорусской советской республики. В 1919 г. часть территорий бывших Витебской и Могилевской губерний входили в состав Советской России. И до середины 1920-х гг. многие нынешние территории этих областей Беларуси входили в состав Смоленской и Брянской губерний Российской Федерации. В 1924–1926 гг. Белорусской ССР в ходе территориального уточнения было возвращено 17 этнически белорусских уездов Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, а также созданной Гомельской области. Показателен и такой (неизвестный большинству, кроме географов) факт, что на территории Беларуси в Добрушском районе Гомельской области Россия имеет не связанный с основной территорией страны (ныне опустевший) анклав площадью 4,5 км² Медвежье-Саньково (1,4 км от российской границы), административно подчиненный Злынковскому району Брянской области. Все это свидетельствует о значительном переплетении и общности в истории Беларуси и России демографических судеб и процессов.

В этнической структуре Беларуси в числе наиболее многочисленных важное место отводится татарам, проникновение которых на земли Беларуси относится к началу XIV в. Правители Литовского княжества приглашали татар из Золотой Орды на военную службу. Так, князь Витовт пригласил (крымских) татар-всадников и расселил их вблизи западных границ Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, а также вокруг княжеских замков. В 1395 г. он принял изгнанного из Золотой Орды хана Тохтамыша. Вместе с ним в 1397 г. князь Витовт осуществил поход под Азов, откуда татары были приглашены на службу. Этот год считается официальной датой начала массового поселения татар на белорусских землях. После совместного похода князя Витовта и хана Тохтамыша татары, которые прибыли с ними, получили право гражданства и были расселены около Вильни, в Лидском, Ошмянском, Новогрудском и Брестском поветах.

Присутствие татар на белорусской земле отражают этнонимы мест бывших татарских поселений. Это Татарка в Вороновском, Дрогичинском, Любанском и других районах, рабочий поселок Татарка в Осиповичском районе, а также одноименная железнодорожная станция, село Татарск в Оршанском районе, село Татарская в Воложинском районе, села Татары в Браславском, Оршанском, Шумилинском и других районах, села Татарщина в Дзержинском, Молодечненском районах, железнодорожная станция Татарщина, село Татарья в Дрогичинском районе Брестской области (Жучкевич, 1974). На своей новой родине татарские поселенцы стали коренными жителями белорусской земли и ее самоотверженными защитниками. В суплице золотоордынских татар к королю Жигмонту есть упоминание про присягу, которую давали на саблях их отцы, что будут ему и людям верны, с которыми «песок, вода и деревья являются общими». И они ее сдержали (что отражено в историческом белорусском фильме «Анастасия Слуцкая» (2003 г.) при защите города Слуцка от набегов крымских татар).

Примерно в XVI–XVII вв. татары Беларуси постепенно утрачивали свой родной язык и стали пользоваться местным (в терминологии того времени — «русским») языком. В то же время много татарских слов перешло в белорусский язык, которые ныне воспринимаются как белорусские. Но на самом деле они имеют тюркское происхождение: *баран, дзіда, гурт, кабан, качка, каўбаса, тавар, вішня, кабыла, сабака, андарак, армяк, вушак, бязьмен, буда, тытунь* и много других. С другой стороны, рукописные книги — *китабы* — были написаны арабской графикой на «русском» языке. Предки известного деятеля белорусского национального возрождения и основоположника новой национальной литературы и борца за возрождение белорусского языка Франтишки Богушевича были из татар.

Диаспора татар в этнической структуре Беларуси длительное время была шестой по численности, что выявлено переписями населения советского времени 1959–1989 гг. Наибольшие численность и рост татарской диаспоры в Республике Беларусь отмечены советским периодом — 12 552 чел. (1989 г.), что связано с развитием нефтяной промышленности с помощью специалистов, прибывших в Беларусь из Татарской АССР. По итогам переписей суверенной Беларуси диаспора татар по ее численности стала седьмой, уступив шестую позицию армянской диаспоре. Численность татарского этноса за период суверенной Беларуси уменьшилась почти на треть (32,72 %), составив 8 445 чел. Этот суверенный период, как и в отношении украинской, еврейской, литовской, армянской, азербайджанской, туркменской, грузинской, а также немецкой диаспоры и для татарского этноса в Республике Беларусь характеризуется миграционными качелями. Сначала почти 50-процентное уменьшение ее численности за 1989–2009 гг. — до 7 316 чел., а затем — ее рост более чем на тысячу человек.

Тенденции в динамике русского этноса в Беларуси за послевоенный период

Существенное увеличение численности русского этноса в Беларуси в истории XX в. пришлось на послевоенный период, о чем свидетельствует динамика изменений в ее национальной структуре. При росте численности населения БССР за 30-летний период с 1959 г. по 1989 г. почти на четверть (26,0 %), удельный вес белорусов — титульной нации — тем не менее уменьшился более чем на 3 п. п. — с 81,09 % в 1959 г. до 77,89 % в 1989 г. Это было относительное снижение при абсолютном приросте численности белорусов более чем на 1 млн 372 тыс. чел. В национальной структуре населения БССР за период послевоенных переписей 1959–1989 гг. существенно увеличилась численность русского этноса — в 2 раза (прирост составил более чем 681 тыс. чел.). В результате численность и удельный вес русских в национальной структуре Беларуси по материалам послевоенных советских переписей населения росли следующим образом: 1959 г. — 660 159 чел., или 8,19 %; 1970 г. — 938 161 чел., или 10,42 %; 1979 г. — 1 134 117 чел., или 11,90 % и в 1989 г. — 1 342 099 чел., или 13,22 %.

Увеличение численности русского населения Беларуси в послевоенный период связано со следующими важнейшими обстоятельствами. Этому способствовала интенсивная миграция населения приграничных с БССР из менее экономически развивающихся западных (Брянской, Смоленской и Псковской) областей Российской Федерации. Эта миграция была связана и с асимметричным нахождением крупных индустриальных восточных областных центрами Беларуси — Гомеля, Могилева и Витебска, явившихся центрами притяжения трудовых ресурсов западных российских областей. Эта асимметрия определила донорство российской миграции, принесшее этим близлежащим областным центрам Беларуси около половины из более чем

80-процентного прироста этнической русской миграции в Беларуси. Этот прирост наряду с территориальными особенностями — асимметричным расположением по отношению к своей областной территории, что притягивало трудовые ресурсы ближайших приграничных российских областей, — связан с более высоким индустриальным развитием Бреста, Гомеля, Могилева, Мозыря. Этому способствовала и маятниковая трудовая миграция близлежащих российских и украинских районов, явившаяся в последствии источником перехода маятниковых мигрантов в постоянные жители городов или его пригородов.

Важнейшими особенностями и результатом глобальных и массовых перемещений в Советском Союзе были: а) рост численности и удельного веса этнических русских в национальных республиках страны; б) как проявление этой тенденции, рост численности и удельного веса проживавших вне своей республики; в) уменьшение в значительном ряде советских республик удельного веса титульной нации. Одним из важнейших результатов миграционных процессов является формирование полиэтнического состава населения. Беларусь, как и большинство стран мира, по этническому составу — многонациональное государство, в котором, согласно переписям населения как советской эпохи, так и суверенного периода, проживают представители многих наций и народностей. Причем, это не только мигранты в последнем поколении, но и родившиеся на белорусской земле, которые могут считать себя не только постоянными, но и коренным населением.

Этнические процессы в Беларуси послевоенного периода, с одной стороны, прежде всего отражают стабильность величины славянского населения, удельный вес которого за последнее шестидесятилетие составил 97–98 %, с незначительным колебанием: 97,62 % в 1959 г., 98,06 % в 1989 г. и 97,16 % в 2019 г. С другой стороны, они характеризовали интенсивные миграционные процессы, в которые активно были включены как славянские этносы, так и представители других наций и народностей. Больше всего коренных этносов советского периода, кроме белорусов, которые родились в Беларуси, приходится на поляков — 96,6 %, затем — цыган (83,6 %), евреев (80,4 %), литовцев (52,3 %). Русских, родившихся в Беларуси, значительно больше — 566 007 чел., удельный вес в общей численности русских в населении Беларуси, а значит уже «коренного» населения — 42,2 %. «Коренных» татар в общей их численности населения в Беларуси — 40,0 % и, соответственно, украинцев — 25,3 %. Мигрантов в общей численности населения Беларуси среди русских — 9,82 % (в т. ч. родившихся в России — 8,11 %), украинцев — 2,75 %, евреев — 0,30 %, поляков — 0,17 %. Белорусы-мигранты, которые возвратились на историческую родину в общей численности населения Беларуси, по материалам последней советской переписи населения, составили — 2,43 % (в т. ч. прибывшие из России — 1,17 %).

Для анализа современной этнической динамики важное значение имеет сравнение ее тенденций за равные 30-летние периоды — 1959–1989 и 1989–2019 гг. 1989 г. является тем рубежом эпохи, который позволяет сопоставить тенденции в этнических процессах этих тридцатилетий разных по своему содержанию социально-политических условий. В 1959–1989 гг. миграционные процессы протекали в системе социально-политических процессов в Беларуси. Они отражали тенденции единого демографического пространства, в котором мигрирующее население в меньшей степени испытывало ограничения социально-политических, социально-экономических и юридических условий. Даже наоборот, в условиях экстенсивного послевоенного развития советской экономики рост миграции населения представлял позитивное явление.

По данным материалов переписи населения 1989 г., из восьми самых многочисленных этносов Беларуси (табл. 1), на долю которых приходилось 99,55 % населения Белорусской республики, наиболее высокая миграционная подвижность пришлась на украинцев. Более двух третей белорусских украинцев (74,74 %) родилось за пределами Беларуси, в том числе 63,14 % прибыло в Беларусь из Украины, 6,56 % — из России, 1,76 % — из Казахстана и 3,1 % — из остальных республик Советского Союза, из которых самую большую численность (0,44 %) «поставила» Молдова.

Следующей этнической группой Беларуси, имевшей после украинцев наибольший удельный вес мигрантов, являются татары, 59,97 % которых родились за пределами Беларуси, а значит, увеличили численность населения страны за счет миграции. Наибольшая численность (45,08 %) татар, пополнивших население Беларусь, прибыла из России. Вообще Россия и в период до развала СССР, до начала изменения всех сторон жизни постсоветского общества больше всех поставляла Беларуси народы наиболее многочисленных для нашей страны этносов — русских, поляков, евреев, цыган, а также таких народностей России, как чувашаи, мордовцы, башкиры, удмурты, осетины, марийцы, карелы, чеченцы, коми, буряты и др.

Таблица 1

Характеристика наиболее многочисленных этносов Республики Беларусь по месту их рождения (по материалам переписи населения 1989 г., чел.)

	Белорусы	Русские	Поляки	Украинцы	Евреи	Татары	Цыгане	Литовцы
Численность лиц данной национальности в Республике Беларусь	7904623	1342099	417720	291008	119777	12552	10762	7606
из них родились на территории:								
Беларуси	7712155	566007	404355	73522	96338	5025	8997	3976
России	92629	641396	3211	19088	6755	5658	1030	412
Азербайджана	2097	4773	26	299	119	82	1	5
Армении	391	838	7	127	18	1	—	1
Казахстана	22029	30163	1009	5135	369	368	80	95
Кыргызстана	797	2913	28	457	74	90	3	2
Молдовы	1012	1770	21	1281	201	14	48	2
Таджикистана	1654	2471	198	261	54	86	2	3
Туркменистана	785	3025	16	274	50	77	1	3
Узбекистана	1923	8320	57	768	289	503	1	6
Украины	26545	46469	1764	183882	6560	235	313	95
Латвии	3269	4749	513	338	145	18	72	93
Литвы	5556	4779	3098	456	273	75	165	2869
Эстонии	907	1810	31	151	19	6	—	12
Грузии	5913	3929	673	618	93	24	6	3

Источник: Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика. 1991.

Значительная часть этносов Беларуси пополнилась за счет трех новых независимых государств: России, Украины и Литвы. В этнической структуре русского населения Беларуси прибывшие из России составили 57,83 %. Из пополнивших население Беларуси из Украины украинцы в этнической структуре составили почти две трети — 63,14 %. Доля пополнившего население Беларуси татар в национальной структуре страны татарского этноса составила 45,08 %. Соответственно, удельный вес мигрантов литовцев в этнической структуре своей национальности составил 37,72 %. Среди еврейского этноса в Беларуси евреи — мигранты из России составили 5,64 % и из Украины — 5,48 %. Всего же мигранты в Беларуси среди еврейского этноса составляют 19,57 %. Среди цыган мигранты составили 16,40 %, из которых 9,57 % — «перекочевавшие» цыгане из России. Наименьший удельный вес среди ведущих этносов у мигрантов поляков в национальной структуре среди польского населения — 3,20 %, из которых 0,77 % прибыли в Беларусь из России, 0,74 % — из Литвы, 0,42 % — из Украины и 0,24 % — из Казахстана.

Тенденции в изменении этнической структуры Беларуси периода распада единого демографического пространства

Во второй половине 1980-х гг. миграцию населения в значительном ряде советских республик стали определять проблемы национального характера, сформировавшие тенденции миграционного выталкивания из них русскоязычных этносов — русских, белорусов и украинцев. В конце 80-х гг. рост массового отъезда русскоязычного населения стал характерной чертой обострения национальных противоречий, пик которого пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х гг. Наряду с уменьшением численности русских во многих южных республиках начинается уменьшение численности и других славянских этносов. Наиболее высокая выталкивающая миграция русскоязычного населения пришлось на последнее десятилетие прошлого столетия, т. е. на период, связанный с развалом СССР как единого демографического пространства. Тенденции в этнической миграции населения «Беларусь — остальной постсоветский мир» выявляют, что в этнической структуре прибывших мигрантов в Беларусь преобладали этнические русские и белорусы (табл. 2).

В течение 1990–2002 гг. из новых независимых государств в Беларусь въехало (вернулось) 253,5 тыс. белорусов, а также перебралось жить в нашу страну 218,1 тыс. русских и 60,8 тыс. украинцев. Наибольшую численность прибывших в Беларусь белорусов «поставила» Россия. На нее приходится и наибольшая численность прибывших в Беларусь из стран СНГ и Балтии и этнических русских — 65,5 %. Высокой является доля эмигрантов украинцев, прибывших в Беларусь из Украины, — 56,4 %.

Так, по материалам переписей населения Республики Беларусь, численность этнически русского населения в Республике Беларусь за период между двумя переписями сократилась на 200,4 тыс. чел.¹ Произошло и сокращение удельного веса русских в этнической структуре населения Республики Беларусь с 13,2 % в 1989 г. до 11,4 % в 1999 г. Сокращение численности этнически русского населения в Беларуси обусловлено прежде всего низким его естественным приростом, характерным для славянского населения республики. В Беларусь этнически русского населения из России и из других новых

¹Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика. 1991.; Национальный состав населения Республики Беларусь с распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Т. 1. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь 2001.

Таблица 2

Основной этнический состав прибывшего в Республику Беларусь населения из СНГ и стран Балтии за 1990–2002 гг.

Страны ис- хода	Человек				В процентах			
	Всего	из них:			Всего	из них:		
		Русские	Украинцы	Белорусы		Русские	Украинцы	Белорусы
Россия	337418	142983	16866	157630	100	42,4	5,0	46,7
Украина	92626	20060	34264	34272	100	21,7	37,0	37,0
Казахстан	37044	15562	3340	14691	100	42,0	9,0	39,7
Молдова	6799	1639	811	2443	100	24,1	11,9	35,9
Узбекистан	12941	6193	669	3873	100	47,9	5,2	29,9
Кыргызстан	4251	2331	388	1042	100	54,8	9,1	24,5
Таджикистан	6389	3315	351	1431	100	51,9	5,5	22,4
Туркменистан	4967	1919	330	1766	100	38,6	6,6	35,6
Грузия	8610	2895	524	3005	100	33,6	6,1	34,9
Азербайджан	9938	3834	403	2408	100	38,6	4,1	24,2
Армения	5575	772	148	1245	100	13,8	2,7	22,3
Литва	21632	5972	957	10158	100	27,6	4,4	47,0
Латвия	28136	8321	1271	15492	100	29,6	4,5	55,1
Эстония	7234	2282	482	4080	100	31,5	6,7	56,4
ВСЕГО	583560	218078	60804	253536	100	37,4	10,4	43,4

Источник: Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения. 2009. Т. III. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011; Национальный состав населения Республики Беларусь с распространённость языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Т. I. Стат. сб. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь 2001.

независимых государств приезжало больше, чем выезжало из Беларуси в Россию и в эти постсоветские страны. Но прироста русского населения в Республике Беларусь не наблюдалось, наблюдался только рост прибывшего этнически русского (или считавшими себя русскими) населения. С началом процессов суверенизации численность русского этноса в Беларуси постоянно снижалась, причем с каждым последующим десятилетием росли масштабы этого снижения, которое составило в последнем десятилетии XX столетия 290,4 тыс. чел. и 356,7 тыс. чел. за первое десятилетие XXI столетия. Во втором десятилетии нынешнего столетия размеры их уменьшения сократились, составив 78,1 тыс. чел.

Беларусь вообще характеризуется значительным сокращением численности русского этноса. Это связано с ростом показателей смертности и низкой рождаемости у этнически русского населения, а также (что самое важное для постсоветского пространства) изменениями в национальной самоидентификации населения, проживающего в иных политических реалиях. Это отражает распространённость смешанных этнических браков; и в новых реалиях процесс самоидентификации ориентирован на титульную нацию, являясь индикатором их адаптации к этим новым реальностям.

В этнической структуре прибывавших в Республику Беларусь в разрезе отдельных неславянских новых независимых государств наибольший удельный вес прибывших

русских, белорусов и украинцев приходится страны Балтии: Эстония — 94,6 %, Латвия — 89,2 % и Литва — 79,0 %. Причем удельный вес мигрантов белорусов в этой выталкивающей миграции русскоязычного населения доминирующий: в Эстонии — 56,4 %, Латвии — 55,1 % и Литве — 47,0 %. Из среднеазиатского региона наиболее высокая выталкивающая миграция славянского этноса пришлась на Казахстан — 90,7 %, что связано с наиболее значительным удельным весом в его национальной структуре русскоязычного населения. По другим странам среднеазиатского региона масштабы выталкивающей миграции русских, белорусов и украинцев в Беларусь следующие: Кыргызстан — 88,4 %, Узбекистан — 83,0 %, Туркменистан — 80,8 % и Таджикистан — 79,8 %. Из закавказских государств удельный вес прибывших русских, белорусов и украинцев за этот период в Республику Беларусь составил: по Грузии — 74,9 % (в т. ч. белорусов — 34,9 %), Азербайджану — 66,9 % (в т. ч. белорусов — 24,2 %) и Армении — 38,8 % (в т. ч. белорусов — 22,3 %).

Эти показатели свидетельствуют о наличии одной тенденции — преобладании в миграционном движении (выталкивающая миграция) русскоязычного населения. Эти величины прежде всего связаны с численностью русскоязычного населения в конкретном новом независимом государстве, отражая одновременно и социально-экономические и политические процессы, происходящие в странах исхода мигрантов. В Эстонии, где русскоязычное население составляло треть ее населения, националистические тенденции были направлены на выталкивание этой ее трети. А в Армении, где русскоязычное население составляло около 5 %, даже полная иммиграция русскоязычного населения при одновременно высоком уровне миграции и среди армян не могла дать в этнической структуре мигрантов большой величины белорусов.

Важнейшей является характеристика этнических процессов в приграничных регионах. Приграничными регионами членов Союзного государства — Беларуси и России — являются шесть областей, по три с каждой стороны. С белорусской это Витебская, Гомельская и Могилевская, а с российской — Брянская, Псковская и Смоленская области. В приграничных с Российской Федерацией белорусских областях проживает 309 019 чел. этнически русского населения, или 43,71 % общей численности русского этноса в Беларуси. Численность русских за последнее 30-летие (1989–2019 гг.) в приграничных белорусских областях уменьшилась почти на 260 тыс. чел. Из них наибольшая численность (138 075 чел.) и, соответственно, наибольший удельный вес (12,16 %) русских в численности населения областей приходится на Витебскую область. Второй по численности русского этноса среди приграничных регионов в Республике Беларусь является Гомельская область, где национальная перепись населения 2019 г. зафиксировала численность русского этноса в 108 712 чел., или 7,83 %. В Могилевской области, которая в этнической русской структуре Республики Беларусь опережает лишь Гродненскую область, русский этнос в численности ее населения составил 62 232 чел. или 6,07 %. Среди не граничащих с Российской Федерацией белорусских регионов наибольшая численность русских приходится на столицу — город Минск — 148 079 чел., но в этнической структуре города их удельный вес составил 7,34 %. Численность проживающих русских в Брестской области составляет 97 936 чел. с долей в ее этнической структуре 7,26 %; соответственно в Минской области — 86 408 чел., или 5,87 % и, наконец, в Гродненской области — 65 550 чел. или 5,41 %.

За период 1989–2019 гг. из приграничных белорусских областей наибольшее уменьшение численности русского этноса приходится на Могилевскую область — почти на две трети — 62,51 %. В Гомельской области численность русского этноса за это

30-летие сократилась почти вдвое — на 48,34 %. Более высокая стабильность русского этноса характеризует Витебскую область, в которой его численность за прошедшее 30-летие уменьшилась почти на одну треть — на 35,45 %. Динамику изменения численности русского этноса в белорусских приграничных регионах отражает следующая географическая тенденция: наибольшее уменьшение приходится на южные районы, а наименьшее — на северо-восточные районы.

Важное место в тенденциях изменений национальной структуры принадлежит миграционным процессам. Однако в размерах миграционного обмена между Беларусью и Россией есть проблемы. Об этом свидетельствуют показатели миграционного сальдо между нашими странами, приводимые Росстатом и Белстатом за последние годы. По данным текущего статистического учета Белстата, величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI в. постоянно характеризуется положительным сальдо. Так, по этим данным за 2010–2019 гг. Беларусь в белорусско-российском миграционном обмене имеет положительное сальдо миграции, составившее 27 444 чел. Данные российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции выявляют иную тенденцию — положительное сальдо российской миграции. Российские данные за период 2010–2019 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 53 436 чел. (табл. 3), т. е. разница составляет более 80 тыс. чел.

Вышеизложенный анализ масштабов миграции на основе материалов переписей населения 1989–2019 гг., а также сопоставление данных белорусской и российской статистики о миграции между Беларусью и Россией только за 2010–2019 гг. не дают оснований утверждать, что белорусско-российское сальдо положительное. В этой противоречивой информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию — показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное их прибытие.

Таблица 3

Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена по данным текущего статистического учета за 2010–2019 гг., чел.

Год	Данные Белстата			Данные Росстата		
	прибыло	выбыло	прирост	прибыло	выбыло	прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	17 878	11 156	6 722
2013	9 150	4 378	4 772	12 012	9 456	2 556
2014	9 131	4 669	4 462	14 486	8 709	5 777
2015	7 837	5 137	2 700	14 087	11 053	3 034
2016	6 611	5 912	699	10 899	10 655	244
2017	6 025	6 125	–100	17 059	7 760	9 299
2018	7 040	6 732	308	15 024	10 004	5 020
2019	10 440	8 148	2 292	14 879	10 445	4 434
2010–2019	83 728	55 784	27 944	131 400	84 759	46 641

Источник: Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2019. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14356/?ysclid=lsd8p9d75m619320179; Демографический ежегодник России, 2021. <https://rosstat.gov.ru>

Если взять белорусские данные текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию, то они зафиксировали показатели в 55784 чел., т. е. в 2,4 раза меньшие, чем по российским данным прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (т. е. из Беларуси) и оформлением документов как прибывших в другую страну (т. е. в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата). Размеры белорусской трудовой миграции на российский рынок труда в условиях отсутствия таможенных барьеров между Беларусью и Россией в различные периоды колебалась от 1 млн (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. (2013–2019 гг.).

В численности населения Республики Беларусь на протяжении послевоенного времени русский этнос является традиционно вторым — после белорусов. Вместе с тем за годы суверенного развития последних 30 лет численность русского этноса в Беларуси сократилась с 1 342 099 чел. в 1989 г. до 706 718 чел. в 2019 г. (табл. 4) или в 1,9 раза, при общем уменьшении численности населения страны на 7,27 %. А удельный вес русских в этнической структуре Беларуси за 1989–2019 гг. снизился с 13,22 % до 7,51 %. Аналогичные изменения происходили и в этническом составе населения России. Так, за период 1989–2010 гг. уменьшение численности белорусов в населении России было более высоким, чем русских в Беларуси — с 1 206 222 чел. в 1989 г. до 521 443 чел. в 2010 г., или в 2,3 раза.

Анализ итогов российской переписи населения 2021 г. показывает, что по сравнению с предыдущей (2010 г.) переписью численность белорусского этноса увеличилась почти на 300 тыс. чел. или на 56,8 %. В относительных величинах — это самый высокий прирост титульных этносов независимых постсоветских государств в населении Российской Федерации. Несмотря на более чем миллионный прирост численности украинской диаспоры в населении России, ее прирост в относительном исчислении меньше белорусов — 53,7 %. Эти данные свидетельствуют о существенных изменениях в этнических тенденциях Союзного государства России и Белоруссии. Дело в том, что по данным предыдущих национальных переписей России численность белорусов составляла в 2002 г. — 807 970 чел., а в 2010 г. — 521 443 чел. Но после длительной тенденции уменьшения численности белорусского этноса (за два десятилетия — 1989–2010 гг. — более чем вдвое: почти на 685 тыс. или на 56,8 %) наблюдается увеличение — за последнее десятилетие прирост белорусов в населении Российской Федерации составил около 300 тыс. чел.

С чем же связан такой рост диаспоры белорусов в России? Росстат данных переписи 2021 г. по этническому составу российских краев и областей полностью еще не опубликовал. По российским приграничным с Республикой Беларусь областям имеется информация по этническому составу: в Смоленской области численность белорусов составила 11 873 чел., Псковской области — 6 251 чел. и в Брянской области — 5 510 чел. Причем, в российских областях происходит сокращение численности белорусов.

В 2021 г. наибольшая численность белорусов пришлось на столицу России — г. Москва — 39 225 чел. Вторым регионом по численности белорусов является северная столица России — город Санкт-Петербург — 38 136 чел. Причем процент белорусов в этнической структуре населения Северной Пальмиры более высокий, чем в Москве — в 2 раза, соответственно — 0,68 % и 0,30 %. Также более высокий процент белорусов и в областях двух столиц — Ленинградской — 0,84 % и Московской — 0,37 %.

Таблица 4

Численность белорусского и русского этносов в населении приграничных белорусско-российских областей Республики Беларусь и Российской Федерации, чел.

Регион страны	1989 г.		1999 г.		2009 г.		2019 г.	
	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские
<i>По Республике Беларусь</i>								
Беларусь	7904623	1342099	8159073	1141731	7957252	705084	7990719	706718
Витебская	1119479	213911	1129141	187872	1047978	124958	934925	138075
Гомельская	1338097	210419	1301346	169263	1271019	111085	1211234	108712
Могилевская	1051885	166007	1044249	132075	975147	86256	915633	62232
Регион страны	1989 г.		2002 г.		2010 г.		2021 г.	
	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские	Белорусы	Русские
<i>По Российской Федерации</i>								
Россия	1206222	119865946	807970	115889107	521443	111016649	817462	116488289
Брянская	11299	1410960	7733	1328448	5570	1210136	5510	1153139
Псковская	12496	797436	9664	717101	6672	616432	6251	594809
Смоленская	22384	1085161	16231	980073	12012	893675	11873	884966

Источник: По материалам национальных переписей; Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2019. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14356/?ysclid=lsd8p9d75m619320179; Демографический ежегодник России, 2021. <https://rosstat.gov.ru>

При этом в десяти российских регионах (Санкт-Петербурге, Республике Карелии, а также Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Вологодской, Смоленской, Псковской, Брянской и Амурской областях) белорусы в их национальной структуре после русских и украинцев были третьим этносом. Еще в десяти российских регионах (Московской, Иркутской, Архангельской, Калужской, Владимирской, Новгородской, Сахалинской и Магаданской областях, а также в Приморском и Забайкальском краях) белорусы входят в пятерку ведущих этносов регионов. Причем Забайкальский край, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области — это регионы Дальнего Востока.

Заключение

Важной особенностью Беларуси периода распада СССР (конца 1980-х — начала 1990-х гг.) было отсутствие межнациональных и конфессиональных конфликтов. Во второй половине 1980-х гг. миграцию населения в значительном ряде советских республик стали определять проблемы национального характера, сформировавшие тенденции миграционного выталкивания из них русскоязычного населения. В этих условиях в результате миграционного исхода было сформировано с большинством постсоветских государств положительное сальдо миграции Беларуси. Оно и ныне, кроме России, определяет их миграционные процессы и является характерной чертой демографической истории белорусского народа и государства, формирования белорусского этноса и жизни других коренных народов Беларуси.

В белорусском государстве как реципиенте этнической иммиграции происходит активный процесс национальной институционализации диаспор. Он направлен на сохранение и укрепление национального самосознания, национальной самобытности и включению творческой и созидательной энергии многочисленных и разнообразных этносов в общественно-политическую жизнь белорусского народа.

Благодарность

Исследование выполнено по гранту Государственной программы научных исследований Республики Беларусь (проект «Исследование социально-экономических, социально-политических и социокультурных вызовов миграционных процессов в устойчивом развитии Республики Беларусь» №20211732).

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the grant from the State Research Program of the Republic of Belarus (the project “Study of socio-economic, socio-political and socio-cultural challenges of migration processes in the sustainable development of the Republic of Belarus” No. 20211732).

Список источников

- Жучкевич, В. А. (1974). *Краткий топонимический словарь Белоруссии*. Минск: БГУ, 447.
- Казаков, А. В. (2011). *Эмиграция знати с русских княжеств в Великое княжество Литовское (40-е гг. XIV — 30-е гг. XV ст.)*. Автореф. дис. канд. ист. наук (спец. 07.00.03 — всеобщая история). Минск: БГУ, 30.
- Ломоносов, М. В. (1950). О размножении и сохранении российского народа. В: *Избранные философские произведения* (с. 598–614). Москва: Госполитиздат.
- Рыбаковский, Л. Л. (2019). *История и теория миграции*. Кн. 3. *Теория трех стадий миграционного процесса*. Москва: Изд-во «Экон-информ», 218.
- Рязанцев, С. В., Гребенюк А. А. (2014). «Наши» за границей. Русские россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. Москва: ИСПИ РАН, 236.
- Снайдер, Т. (2013). *Реконструкция наций*: пер. с англ. Москва: Летний сад, 409.

References

- Kazakov, A. V. (2011). *Emigratsiya znati s russkikh knyazhestv v Velikoe knyazhestvo Litovskoe (40-e gg. XIV — 30-e gg. XV st.)*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk (spets. 07.00.03 — vseobshchaya istoriya) [Emigration of the nobility from the Russian principalities to the Grand Duchy of Lithuania (40s of the XIV — 30s of the XV century)]. Abstract dis. cand. ist. sciences (07.00.03 - general history)]. Minsk: BGU, 30. (In Belarus.)
- Lomonosov, M. V. (1950). On the reproduction and preservation of the Russian people. In: *Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected Philosophical Works]* (pp. 598–614). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V., & Grebenyuk, A. A. (2014). «Nashi» za granitsey. Russkie rossiyane, russkogovoryashchie, sootchestvenniki: rasselenie, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu [«Ours» abroad. Russian Russians, Russian speakers, compatriots: resettlement, integration and return migration to Russia]. Moscow: ISPI RAN, 236. (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L. (2019). *Istoriya i teoriya migratsii*. Kn. 3. *Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsessa [History and theory of migration. Book 3. The theory of the three stages of the migration process]*. Moscow: Publishing house «Econ-inform», 218. (In Russ.)
- Snyder, T. (2013). *The Reconstruction of nations [Rekonstruktsiya natsiy]*. Trans. from English. Moscow: Summer Garden, 409. (In Russ.)

Zhuchkevich, V. A. (1974). *Kratkiy toponimicheskiy slovar Belorussii [Brief toponymic dictionary of Belarus]*. Minsk: BSU, 447. (In Russ.)

Информация об авторе

Злотников Анатолий Геннадьевич — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры права и экономических учений, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации; <https://orcid.org/0000-0002-8182-4970> (Республика Беларусь, 246029, г. Гомель, проспект Октября, 50; e-mail: zlot@tut.by).

About the author

Anatoly G. Zlotnikov — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Law and Economic Theory, Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives; <https://orcid.org/0000-0002-8182-4970> (50, Oktyabrya Ave., Gomel, 246029, Republic of Belarus; e-mail: zlot@tut.by).

УДК 314.1

JEL classification: J11, O15, R58

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-6>

Ипотечное кредитование как сдерживающий фактор миграционного оттока населения в регионах Дальнего Востока¹

Н. В. Ивашина ^а, Е. Б. Олейник ^б, М. Н. Храмова ^в

^{а, б} Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

^в Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876>

^б <https://orcid.org/0000-0002-0210-3535>

^в <https://orcid.org/0000-0002-0893-3935>

Автор для корреспонденции: Н. В. Ивашина (ivashina.nv@dvfu.ru).

Аннотация. В представленном исследовании на основе статистических данных о миграционных потоках из регионов Дальневосточного федерального округа подтверждена гипотеза, предполагающая, что программа «Дальневосточная ипотека» является фактором, сдерживающим отток населения. Результаты расчетов на основе эконометрической ADL-модели показали, что темп роста оттока населения за период реализации данной программы сократился в среднем на 16 %. Полученные выводы будут полезны органам государственной власти при принятии решений о продолжении этой программы или корректировке ее условий с целью улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке. В качестве направления будущих исследований планируется оценка результативности данной программы отдельно по каждому субъекту ДФО с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: миграция; отток населения; ипотека; Дальний Восток

Mortgage Lending as a Deterrent to Migration from Regions of the Far East

N. V. Ivashina ^а, E. B. Oleynik ^б, M. N. Khramova ^в

^{а, б} Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

^в Institute for Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876>

^б <https://orcid.org/0000-0002-0210-3535>

^в <https://orcid.org/0000-0002-0893-3935>

Corresponding author: N. V. Ivashina (ivashina.nv@dvfu.ru).

Abstract. Using statistical data on migration from regions of the Far Eastern Federal District, the study confirms the hypothesis that the Far Eastern Mortgage program is a deterrent to the outflow of population. The results of calculations based on the econometric autoregressive distributed lag (ADL) model showed that the growth rate of population outflow during the implementation of this program decreased by an average of 16 %. The findings will be useful to government authorities when making decisions on continuing or adjusting this program in order to improve the demographic situation in the Far East. Future studies can assess the effectiveness of this program for each individual region of the Far Eastern Federal District, considering regional specificity.

Keywords: migration; population outflow; mortgage; Far East

¹ © Ивашина Н. В., Олейник Е. Б., Храмова М. Н. Текст. 2024.

Введение

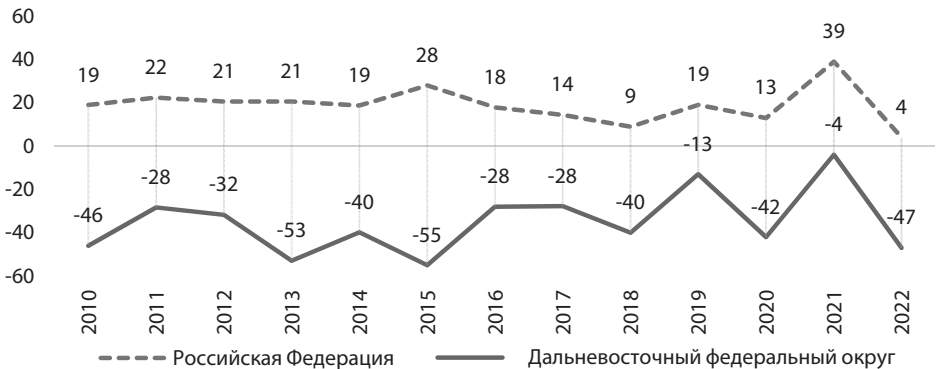
Демографическая ситуация в регионах ДФО вот уже на протяжении многих лет остается достаточно сложной. Если рассматривать динамику коэффициента миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения (рис. 1), то в целом по ДФО в последние годы он принимал только отрицательные значения (–42 в 2020 г., –4 в 2021 г., –47 в 2022 г.).

В 2021 г. в отдельных регионах, таких как Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Чукотский АО, наблюдалось положительное сальдо миграции, но эта тенденция не сохранилась, и в 2022 г. численность уехавшего населения в этих субъектах вновь превысила численность прибывшего.

В последние годы на государственном уровне реализуется достаточно большое количество мер для улучшения демографической ситуации. Одним из таких инструментов является программа «Дальневосточная и арктическая ипотека», действующая с декабря 2019 г. По условиям данной программы жителям РФ можно приобрести жилье на Дальнем Востоке и территории арктической зоны по очень низкой процентной ставке (до 2 %). Заемщиками могут стать молодые семьи (в которых возраст обоих супругов не превышает 35 лет включительно), лица до 35 лет, не состоящие в браке и имеющие ребенка в возрасте до 18 лет; участники таких программ, как «Дальневосточный гектар», повышения мобильности трудовых ресурсов (без ограничения по возрасту), лица, проработавшие в государственной медицинской или образовательной организации, расположенной на территории ДФО, не менее пяти лет, вынужденные переселенцы. Целями получения ипотечного кредита являются приобретение квартиры у застройщика (готовой или на этапе строительства) на территории ДФО, приобретение квартиры или дома на вторичном рынке в сельских поселениях субъектов ДФО, в Магаданской области и Чукотском АО, приобретение земельного участка и строительство дома на территории ДФО (Ключевская, 2024).

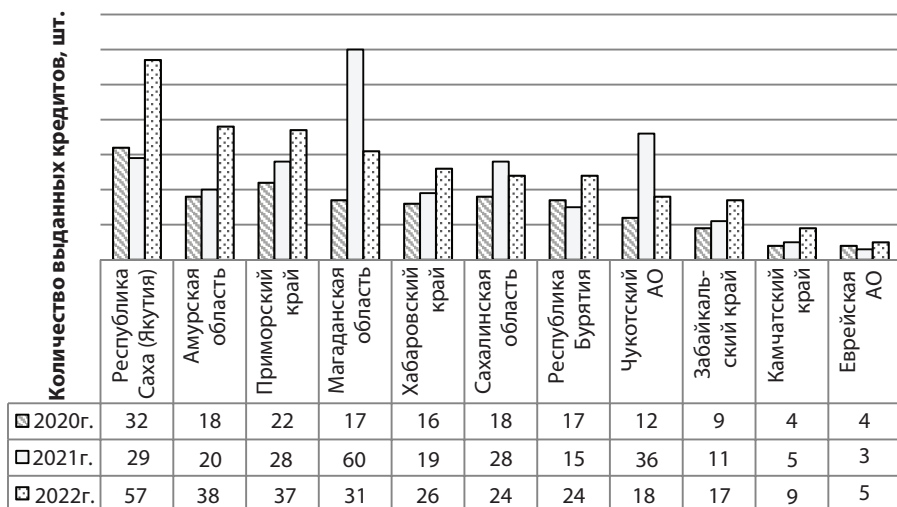
Данная программа пользуется достаточно большим спросом у жителей Дальнего Востока, особенно в Республике Саха (Якутия), Амурской области, Приморском крае и Магаданской области (рис. 2)

Влажные данной программы на демографическую ситуацию в регионах ДФО неоднозначно. С одной стороны, данная программа нацелена на повышение доступности жилья для жителей ДФО и, соответственно, на удержание населения на территории Дальнего Востока.

Рис. 1. Динамика коэффициента миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения в РФ и ДФО, 2010–2022 гг. (источник: составлено авторами по данным Росстата)

Рис. 2. Динамика количества выданных ипотечных кредитов по программе «Дальневосточная ипотека» на 10 тыс. чел. населения за 2020–2022 гг. (источник: составлено авторами по данным Росстата, ДОМ.РФ)

При этом, снижение процентной ставки по ипотеке приводит к увеличению стоимости жилья, что может сделать его недоступным для достаточно большой части населения даже при низкой ипотечной процентной ставке. Данный факт подтверждается результатами оценки регрессионной модели с фиксированными эффектами для регионов ДФО за 2014–2022 гг. (табл. 1).

Коэффициент при переменной «средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам, %» оказался отрицательным и значимым, что показывает, что со снижением процентной ставки по ипотечным кредитам средняя цена 1 м² на первичном рынке жилья увеличивается. Временные эффекты на 2020–2022 гг. (период действия программы «Дальневосточная ипотека») оказались значимыми и положительными, следовательно, цены на первичном рынке недвижимости существенно выросли по сравнению с 2014–2018 гг.

Противоречивость сложившейся ситуации определила тематику данной работы и позволила сформулировать исследовательскую гипотезу: последовательная реализация программы «Дальневосточная ипотека» сдерживает миграционный отток из ДФО.

Обзор литературы

В научной литературе вопрос о влиянии стоимости и других характеристик жилья на величину миграционных потоков, а также мер государственной поддержки по обеспечению жильем населения поднимается довольно часто. Так, в работе (Мотрич, 2022) анализируются вопросы миграции населения дальневосточных регионов. Автором отмечается, что население ДФО мигрирует в основном в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. В качестве основных причин сложившейся ситуации отмечаются высокий уровень потребительских цен в регионах Дальнего Востока, а также низкий уровень обеспеченности населения жильем

Таблица 1

Результаты оценивания моделей с зависимой переменной «средняя цена 1 м² общей площади квартир на первичном рынке жилья в ценах потребительской корзины»

Переменные	Коэффициенты регрессии
Средняя фактическая стоимость строительства 1 м ² общей площади жилых помещений во введенных в эксплуатацию жилых зданиях в ценах потребительской корзины (штук)	-0,073
Среднедушевые денежные доходы населения в ценах потребительской корзины (штук)	0,878**
Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам, %	-0,242**
Ввод в действие общей площади жилых домов на 1000 чел. населения (м ²)	0,001*
Временной эффект, 2015 г.	0,112
Временной эффект, 2016 г.	-0,329
Временной эффект, 2017 г.	-0,431*
Временной эффект, 2018 г.	-0,192
Временной эффект, 2020 г.	0,525*
Временной эффект, 2021 г.	0,789**
Временной эффект, 2022 г.	0,871***
R ²	0,65
Количество наблюдений	80

Источник: рассчитано авторами.

Примечание: * — уровень значимости 5 %, ** — уровень значимости 1 %, *** — уровень значимости 0,1 %; при расчетах использовались ошибки Дрисколла — Края, устойчивые к гетероскедастичности и автокорреляции.

и его благоустройства. Из всех регионов ДФО только Хабаровский край и Чукотский АО по показателю «доля благоустроенного жилья в составе жилого фонда» находятся выше среднероссийского уровня. В статье (Вакуленко, 2019) при изучении межрегиональных миграционных потоков на основе анализа результатов оценки эконометрической модели было установлено, что такой фактор, как обеспеченность жильем, уменьшает отток населения из региона и увеличивает приток. А вот цены на жилье важны для мигрантов в регионах прибытия, при этом люди предпочитают переезжать в регионы с более низким уровнем цен. При этом эту тенденцию можно считать постоянной (в работе (Вакуленко, 2015) на статистических данных до 2011 г. был получен аналогичный результат). В (Гришанов и др., 2017) авторами отмечается, что вопросы обеспеченности населения жильем очень важны для государственной миграционной политики в России, причем для решения этих вопросов следует использовать различные механизмы, зависящие от категорий мигрантов: временных трудовых или тех, кто переезжает в регион на постоянное место жительства. В работе (Олейник и др., 2021) при описании различных подходов к моделированию миграции населения фактор стоимости жилья признается одним из основных, оказывающих влияние на величину миграционных потоков. В статье (Сугоняев, 2022) в качестве фактора, оказывающего влияние на межрегиональные миграционные потоки, рассматривается показатель «доступность жилья для жителя региона», который рассчитывается по авторской методике и показывает, сколько квадратных метров жилой площади на первичном рынке недвижимости может приобрести

среднестатистический житель региона в течение года после вычета прожиточного минимума. Результаты оценки эконометрической модели в (Земцов & Кидяева, 2022) показали, что доступность жилья является значимым фактором для мигрантов с высшим образованием.

Есть также ряд исследований, в которых анализируется влияние различных факторов на миграцию молодежи. В исследовании (Варшавская & Чудиновских, 2014) отмечено, что высокие цены на жилье и аренду жилья часто являются причиной, по которой выпускники вузов возвращаются в родной регион после окончания обучения. А в статье (Finney et al., 2018) доступная аренда жилья рассматривалась как важный фактор привлекательности региона для выпускников вузов в Бельгии.

Материалы и методы

Для проверки исследовательской гипотезы нами были использованы данные Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) и данные издания о финансах и экономике Frank Media (табл. 2). Оценка параметров моделей и статистические тесты проводились в R-Studio.

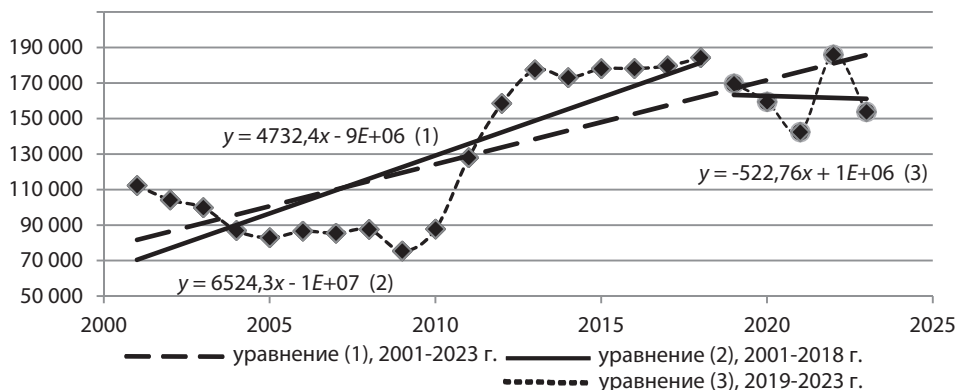
На первом этапе исследования была проанализирована динамика миграционного оттока населения из Дальневосточных регионов (рис. 3).

Динамика миграционного оттока в 2001–2018 гг. была положительной, в среднем отток составлял 6525 чел. в год (уравнение (2), рис. 3), что является существенным показателем для ДФО, в котором средняя плотность населения в 2023 г. составила 1,14 чел/км². Начиная с 2019 г., наблюдается перелом тенденции, в среднем

Таблица 2

Описание источников данных

Источник, ссылка	Содержание
Frank Media https://frankrg.com/research/research-themes/mortgage	Объем ипотечных жилищных кредитов, млрд руб.; доля ДВ-ипотеки; объем ДВ-ипотеки, млрд руб. Период: ноябрь 2021, декабрь 2023
Федеральная служба государственной статистики, ЕМИСС https://www.fedstat.ru/indicator/43513	Ежемесячные данные о выбывших из ДФО по субъектам, чел. Период: 2001–2023 гг.,

Рис. 3. Динамика миграционного оттока населения из Дальневосточных регионов в 2001–2023 гг., чел. (источник: сост. авторами)

миграционный отток уменьшается на 522 человека в год (уравнение (3), рис. 3). Если изменение тенденции является случайным, то моделировать тенденцию можно единым уравнением (уравнение (1), рис. 3). Тест Чоу подтвердил статистическую значимость структурного сдвига на уровне значимости 10 % (рис. 4).

Таким образом, по результатам теста Чоу можно сделать вывод, что перелом тенденции в динамике миграционного оттока населения из Дальневосточных регионов, произошедший в 2019 г., не является случайным.

Возникает вопрос: а что вызвало изменение тенденции миграционного оттока?

На следующем этапе исследования с помощью статистического теста Грейнджера (рис. 5) было установлено, что программа «Дальневосточная ипотека» является причиной изменения тенденции миграционного оттока.

На рисунке 5 представлены следующие переменные в виде временных рядов за период с декабря 2019 г. по декабрь 2023 г.: Y_{ts} — ежемесячные данные о выбывших из ДФО (чел.), Ind_X_{ts} — цепной индекс роста объема ДВ-ипотеки (в долях). С помощью процедуры VARselect было установлено, что на протяжении семи месяцев ряды имели совпадающие тенденции.

На уровне значимости 10 % относительный прирост объемов ипотечного кредита по программе «ДВ-ипотека» является причиной по Грейнджеру и оказывает влияние на миграционный отток населения. А как количественно оценить это влияние?

На заключительном этапе с использованием ADL-модели была произведена оценка влияния роста объемов ипотечных кредитов, выданных по программе «Дальневосточная ипотека», на прирост миграционного оттока населения из ДФО. Для построения модели использовались следующие переменные в виде временных рядов: dif_Y — абсолютный цепной прирост индекса миграционного оттока населения (в долях) из регионов ДФО; ряд Ind_X_{ts} , но уже с лагом в два месяца. Далее строилась модель авторегрессии с распределенным лагом (рис. 6). Модель в целом оказалась значима по критерию Фишера, коэффициенты также значимы по критерию Стьюдента.

```
#Н0: данные однородны, нет структурных различий
#Н1: имеется структурная неоднородность данных
> sctest(data=df, DFO_out~year, type = "Chow", point = 23)
```

Chow test

```
data: DFO_out ~ year
F = 2.4016, p-value = 0.1175
```

Рис. 4. Результаты теста Чоу, DFO_out — данные «итого за год» о выбывших в целом по ДФО за 2001–2023 гг., чел.

```
> grangertest(Y_ts~Ind_X_ts, order=7)
Granger causality test

Model 1: Y_ts ~ Lags(Y_ts, 1:7) + Lags(Ind_X_ts, 1:7)
Model 2: Y_ts ~ Lags(Y_ts, 1:7)
  Res.Df Df      F Pr(>F)
1       3
2      10 -7 6.9355 0.06982 .
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
```

Рис. 5. Результаты теста Грейнджера

```

dynlm(formula = dif_Y ~ L(dif_Y) + L(dif_Y, 2) + L(Ind_X_ts,
2), start = c(2021, 12), end = c(2023, 12))

Residuals:
    Min       1Q   Median       3Q      Max
-0.244773 -0.134088  0.009957  0.098341  0.307768

Coefficients:
            Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept)  0.15491   0.10277   1.507  0.1490
L(dif_Y)     -0.89223   0.14638  -6.095 9.28e-06 ***
L(dif_Y, 2)  -0.73211   0.14741  -4.966 9.99e-05 ***
L(Ind_X_ts, 2) -0.15919   0.08597  -1.852  0.0806 .
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 0.1684 on 18 degrees of freedom
Multiple R-squared:  0.7307, Adjusted R-squared:  0.6858
F-statistic: 16.28 on 3 and 18 DF, p-value: 2.287e-05

```

Рис. 6. Результаты построения ADL-модели

Результаты

Коэффициент в ADL-модели при переменной Ind_X_ts (индекс роста объемов ипотечных кредитов, выданных по программе «Дальневосточная и арктическая ипотека») с лагом в 2 месяца значимый на 10-процентном уровне и отрицательный, что может свидетельствовать о том, что эта программа уменьшает темп роста миграционного оттока из ДФО. ДВ-ипотека с лагом в 2 месяца способствует уменьшению темпа роста оттока населения в среднем на 16 %.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что реализация программы «Дальневосточная и арктическая ипотека» сдерживает миграционный отток из регионов ДФО. Расчеты, проведенные с использованием ADL-модели, показали, что темп роста оттока населения после введения данной программы сократился в среднем на 16 %. Это подтверждает выдвинутую исследовательскую гипотезу.

При этом нужно учитывать, что снижение ипотечной процентной ставки приводит к росту цен на недвижимость, для части населения, не попадающей под условия данной программы, жилье становится менее доступным, что может оказывать влияние на миграционные настроения населения. Для повышения результативности данной программы видится целесообразным расширить возможности использования Дальневосточной ипотеки (увеличить возрастные границы, расширить список профессий с учетом специфики рынка труда Дальневосточного региона) и усилить контроль за целевым использованием жилья, приобретенного по программе.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант №22-68-00210 «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the grant No. 22-68-00210 "Emigration and the status of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region facing of new global challenges".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вакуленко Е. С. (2019). Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? *Прикладная эконометрика*, 55, 113–138. <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>

Вакуленко, Е. С. (2015). Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России. *Региональные исследования*, 50(4), 83–98.

Варшавская, Е. Я., Чудиновских, О. С. (2014). Миграционные планы выпускников региональных вузов России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 6(3), 36–58.

Гришанов, В. И., Ноздрин, Н. Н., Шнейдерман, И. М. (2017). Роль жилья в миграционных процессах в России. *Народонаселение*, 4, 91–103.

Земцов, С. П., Кидяева, В. М. (2020). Факторы привлекательности регионов России для мигрантов с высшим образованием. *Региональные исследования*. 67(1), 39–53. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-4>

Ключевская, Н. (2024). Льготная ипотека: 7 федеральных программ для россиян. *Гарант.RU. Информационно-правовой портал*. <https://www.garant.ru/article/1679080/>

Мотрич, Е. Л. (2022). Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока. *Уровень жизни населения регионов России*, 1, 27–40. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.2>

Олейник, Е. Б., Ивашина, Н. В., Шмидт, Ю. Д. (2021). Моделирование процессов миграции населения: методы и инструменты (обзор). *Компьютерные исследования и моделирование*, 6, 1171–1198. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-6-1205-1232>

Сугоняев, К. В. (2022). Какие факторы оказывают более существенное влияние на межрегиональные миграционные потоки в России? *ДЕМИС. Демографические исследования*, 2(2), 57–75. <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5>

Finney, N., Gadeyne, S., Imeral, L., & Willaert, D. (2018). Cities attraction and retention of graduates: a more-than-economic approach. *Regional Studies*, 8(52), 1086–1097.

References

Finney, N., Gadeyne, S., Imeral, L., & Willaert, D. (2018). Cities' attraction and retention of graduates: A more than economic approach. *Regional Studies*, 8(52), 1086–1097.

Grishanov, V. I., Nozdrina, N. N., & Schneiderman, I. M. (2017). The role of housing in migration processes in Russia. *Narodonaselenie [Population]*, 4, 91–103. (In Russ.)

Klyuchevskaya, N. (2024). Preferential mortgage: 7 federal programs for Russians. *Garant.RU. Informatsionno-pravovoy portal [Garant]*. <https://www.garant.ru/article/1679080/> (In Russ.)

Motrich, E. L. (2022) Migration in the Demographic Development of the Russian Far East. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 1, 27–40. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.2> (In Russ.)

Oleynik, E. B., Ivashina, N. V., & Shmidt, Yu. D. (2021). Migration processes modelling: methods and tools (overview). *Kompyuternye issledovaniya i modelirovanie [Computer Research and Modeling]*, 6, 1171–1198. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-6-1205-1232> (In Russ.)

Sugonyaev, K. V. (2022). Which matters more for migration: evidence from Russian regions' data. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*, 2(2), 57–75. <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5> (In Russ.)

Vakulenko, E. S. (2015). Econometric analysis of factors of internal migration in Russia. *Regionalnye issledovaniya [Regional Research]*, 50(4), 83–98. (In Russ.)

Vakulenko, E. S. (2019). Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*, 55, 113–138. <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013> (In Russ.)

Varshavskaya, E. Ya., & Chudinovskikh, O. S. (2014). Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Moscow University Economic Bulletin]*, 6(3), 36–58. (In Russ.)

Zemtsov, S. P., & Kidyayeva, V. M. (2020). Attractiveness of the Russian regions for migrants with higher education. *Regionalnye issledovaniya [Regional Research]*, 67(1), 39–53. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-4> (In Russ.)

Информация об авторах

Ивашина Наталья Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876> (Российская Федерация, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; e-mail: ivashina.nv@dvfu.ru).

Олейник Елена Борисовна — доктор экономических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0002-0210-3535> (Российская Федерация, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; e-mail: oleynik.eb@dvfu.ru).

Храмова Марина Николаевна — кандидат физико-математических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0893-3935> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5; e-mail: kh-mari08@yandex.ru).

About the authors

Natalya V. Ivashina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Far Eastern Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876> (10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation; e-mail: ivashina.nv@dvfu.ru).

Elena B. Oleynik — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Far Eastern Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-0210-3535> (10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation; e-mail: oleynik.eb@dvfu.ru).

Marina N. Khramova — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Director of the Institute for Demographic Research FCTAS RAS; <https://orcid.org/0000-0002-0893-3935> (24/35, building 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: kh-mari08@yandex.ru).

УДК 314.74

JEL classification: O 15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-7>

Виртуальная миграция как новый вид миграционного перехода¹

Т. В. Куприна^а, С. М. Минасян^б

^а Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<http://orcid.org/0000-0002-8184-2490>

^б Ереванский государственный университет, Иджеванский филиал (г. Ереван, Республика Армения).
<http://orcid.org/0000-0001-9301-4927-9>

Автор для корреспонденции: Т. В. Куприна (tvkuprina@mail.ru).

Аннотация. В статье представлен теоретический обзор материалов, касающихся виртуальной миграции как нового направления миграционного перехода. Отмечается недостаточная разработанность теоретико-методологической базы. Выделены два направления виртуальной миграции: технологический и человеческих ресурсов. Последний касается как виртуального рынка труда, так и академической миграции, образуя транснациональное виртуальное пространство. Выделяются такие характеристики миграции, как краткосрочность и быстрая сменяемость большинства работ в гиг-экономике, циркуляция исполнителей, что обуславливает различные виды конфликтности виртуального пространства. В заключение даются некоторые рекомендации по адаптации и развитию межкультурной эмоциональной компетентности в виртуальной среде.

Ключевые слова: виртуальная миграция; виртуальный рынок труда; академическая миграция; гиг-экономика; конфликтность

Virtual Migration as a New Type of Migration Transition

T. V. Kuprina^а, S. M. Minasyan^б

^а Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).
<http://orcid.org/0000-0002-8184-2490>

^б Ijevan Branch of Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia).
<http://orcid.org/0000-0001-9301-4927>

Corresponding author: T. V. Kuprina (tvkuprina@mail.ru).

Abstract. The article presents a theoretical review of works on virtual migration as a new type of migration transition. Insufficient development of the theoretical and methodological framework is noted. The study identifies two types of virtual migration: technological and human resources. The latter concerns both the virtual labour market and academic migration forming a transnational virtual space. The following characteristics of migration are highlighted: the short-term nature and rapid turnover of most jobs in the gig economy; the circulation of workers, which can increase the conflict potential in the virtual space. As a result, some recommendations for adapting and developing an intercultural emotional competence in a virtual environment are given.

Keywords: virtual migration; virtual labour market; academic migration; gig economy; conflict potential

Введение

На современном этапе развития социума много говорят о цифровизации различных сфер жизнедеятельности, что, безусловно, затрагивает сферу занятости с возможностью перемещения не только в реальном, но и виртуальном пространстве.

¹ © Куприна Т. В., Минасян С. М. Текст. 2024.

Соответственно, появился и новый вид миграционного перехода: виртуальная миграция. Термин «виртуальная миграция» был предложен А. Анишем, который отмечал, что термин «физическая трудовая миграция» (*body shopping*) устаревает, так как отражает старое видение рынков труда, разделенных границами и предубеждениями. В свою очередь, у виртуальной миграции отсутствуют границы, что ускоряет процесс глобализации (Aneesh, 2006).

Основная часть

Можно выделить два направления виртуальной миграции: технологическое и человеческих ресурсов. С технологической точки зрения виртуальная миграция понимается как эффективное управление виртуальными ресурсами и машинами, позволяющее переносить данные с одной виртуальной машины на другую для резервного копирования, что приводит к появлению различных функций, таких как обслуживание виртуальных машин, энергоэффективность, управление питанием и отказоустойчивость. Причем процесс виртуализации и процесс миграции V2V (*virtual-to-virtual*) будут зависеть от личных или деловых требований пользователя, от того, какие системы используются, объема и частоты передачи данных, насколько важны параметры времени и безопасности. Следовательно, необходимо определить, какой способ передачи данных наиболее целесообразен.

Что касается человеческих ресурсов, виртуальная трудовая миграция (телемиграция) понимается как удаленная работа, осуществляемая на трансграничной основе. Концепция миграционного перехода рассматривает виртуальную миграцию как инновационное, цифровое звено в цепочке меняющейся мобильности. В настоящее время виртуальная миграция все более расширяется, создавая виртуальный рынок труда (Цапенко & Гришин, 2022).

По мнению Т.Б. Русаковой, виртуальный рынок труда представляет собой систему экономических отношений между территориальными субъектами, выстраиваемую на основе цифровых технологий в информационном пространстве (Русакова, 2019).

В.Р. Сагитова рассматривает виртуальный рынок труда как инновационный, осуществляемый через цифровые платформы, где выстраиваются экономико-правовые отношения и реализуются трудовые коммуникации (Сагитова, 2020).

При виртуальной миграции человеческий капитал пересекает только виртуальные границы, не покидая своей страны. Причем отмечается краткосрочность проектов, их быстрая сменяемость, достаточно высокая циркуляторность.

В связи с этим речь может идти о гиг-экономике, подразумевающей краткосрочность проектов и цифровую циркуляцию участников, что соответствует положениям цифровой экономики. Соответственно, экономическая деятельность переходит из физической реальности в виртуальную (Brown, 2009).

Впервые термин «гиг-экономика» (гигономика) был представлен в статье Тины Браун в 2009 г. и представляет систему работы, при которой сотрудников не нанимают в штат, а привлекают как сторонних исполнителей на конкретные проекты для выполнения определенных задач в оговоренные сроки. Ее также называют платформенной экономикой краткосрочных контрактов, экономикой краудсорсинга.

Одновременно расширились возможности трудоустройства. Если ранее не у всех специалистов было желание или возможность иммигрировать из города в город, или из страны в страну даже с целью улучшения материального положения и построения карьеры, то виртуальное пространство стало проводником в новые

профессиональные сферы без изменения привычного образа жизни, и, может быть, и с его улучшением.

При этом, виртуальная трудовая миграция требует и изменения системы трудовых отношений. Речь идет не об организованном найме штатного персонала, а об индивидуальном, где человек становится независимым подрядчиком, фрилансером. Следовательно, происходит формирование сотрудников нового типа, которые не только являются специалистами в конкретной области (наличие *hard skills*), но и должны иметь навыки управления временем, своим рабочим процессом, финансовой отчетностью, самообучением, готовностью к работе в условиях новой культуры и межкультурного пространства (наличие *soft skills*).

Среди виртуальной миграции можно наблюдать различия в сферах занятости, что зависит от уровня задач и профессиональной квалификации.

И. П. Цапенко и И. В. Гришин различают микротруд (*microwork* — по названию платформы *Microworkers*) и фриланс (*online freelancing*) (Цапенко & Гришин, 2022).

Микротруд предусматривает фрагментацию большой задачи на микрозадачи, которые можно выполнить за короткий срок и с быстрой сменой. Причем часть задач не требует специальных компетенций и не зависит от конкретной сферы труда, предполагая базовые навыки работы с данными. Микросотрудники данного уровня относятся к низкооплачиваемым.

Онлайн-фриланс относится к сфере более высокой профессиональной деятельности, предполагающей сложные проекты с макрозадачами на длительный срок и требующей профессиональных навыков в конкретных областях, например, программирования, перевода на другие языки и др.

Профессионалы, не покидая страну, могут заниматься своей деятельностью в привычной среде, будучи высокооплачиваемыми. Менее образованные слои населения из депрессивных регионов или менее технологически развитых стран могут выполнять менее сложные задачи (Grahametal, 2017; 2019).

Одновременно работодатели получают доступ к профессионалам в глобальном масштабе, выбирая наиболее соответствующих для создания международных команд на определенный срок. Причем нет необходимости в создании филиалов и переезде сотрудников, что исключает дополнительные расходы.

Подобная практика способствует культурному разнообразию персонала, определяющему повышение инновационности и производительности труда, повышает привлекательность компании для потенциальных иностранных сотрудников. В свою очередь, это позитивно влияет на ее эффективность и конкурентоспособность (Kovács-Ondrejko, 2021).

Отдельно необходимо отметить и академическую миграцию, когда студенты и преподаватели университетов участвуют в академических программах обмена, часто на виртуальной основе. В данном контексте необходимо говорить о привлекательности той или иной образовательной виртуальной среды, создающей благоприятные условия для межкультурного общения, что связано с развитием межкультурной эмоциональной компетентности.

На наш взгляд, развитие межкультурной эмоциональной компетентности необходимо начинать при обучении в университете. Таким образом, будущие специалисты независимо от избранной специализации могут получить универсальные знания и навыки (*soft skills*), включая межкультурную эмоциональную компетентность,

которые затем могут развиваться в зависимости от меняющегося профессионального контекста (Куприна и др., 2022).

Совершенствование машинного перевода и развитие переводческих платформ на основе искусственного интеллекта также играют важную роль в развитии виртуальной миграции, уменьшая языковые барьеры при коммуникации и снижая затраты на переводческие услуги. Цифровизация и удаленный интеллект, управляющий теле-роботами, снижают использование труда низкоквалифицированных работников, следовательно, их реального перемещения на территории других стран, что может снизить проявление ксенофобии и социокультурных противоречий (OECD, 2020).

Однако по мнению ряда авторов (Сагитова, 2020; Цапенко & Гришин, 2022), виртуальная миграция имеет определенную конфликтогенность, связанную со столкновением нескольких реальностей, обусловленную различием в мышлении, проявлении эмоций, недостаточным пониманием и особенностями восприятия текстов, заданий и др.

Можно выделить следующие уровни конфликтогенности:

1. Некоторые ограничения, связанные с уровнем образования виртуальных мигрантов, знанием иностранных языков.
2. Технологическая развитость общества, обеспечивающего доступ к онлайн-платформам.
3. Несформированность единых международных стандартов регулирования виртуальной миграции, что снижает социальные гарантии.
4. Предпочтение работодателей отдается согражданам или гражданам с близкими языками и культурой, географически близких государств с целью избегания межкультурных проблем.
5. Угрозы занятости для местного населения страны, что может вызвать недовольство.
6. Разница часовых поясов, осложняющая работу и заставляющая работать в ночное время.
7. Угроза информационной безопасности при передаче данных.
8. Проблемы с оплатой труда.
9. Возможность «утечки мозгов».
10. Адаптационные проблемы, связанные с переподготовкой кадров, востребованных на виртуальном рынке труда.
11. Проблемы теневой занятости.
12. На научно-исследовательском уровне: несформированность понятийно-терминологического аппарата и теоретико-методологической базы.

Заключение

Можно утверждать, что виртуальная миграция представляет одно из направлений миграционного перехода, сопряженного как с положительными, так и конфликтогенными факторами. Для решения проблем конфликтогенности необходимо развитие навыков конструктивного поведения на основе *soft skills*, включая межкультурную эмоциональную компетентность, уже на уровне университетского образования. Это могло бы способствовать более гибкой и быстрой адаптации как в реальной, так и виртуальной среде. Проблемы, возникающие на уровне правового регулирования, трудового законодательства, технологического обеспечения, должны решаться как на государственном, так и институциональном уровне. С точки зрения научных исследований необходимо сформировать понятийно-терминологический аппарат,

развивать теоретико-методологическую базу, проводить полевые исследования с последующим анализом полученных данных и предоставления рекомендаций по совершенствованию межкультурного сотрудничества в виртуальной среде.

Список источников

- Глушченко, Г. И. (2021). Развитие виртуальной миграции в контексте цифровизации. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1 (2), 57–64. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.4>
- Куприна, Т. В., Евтюгина, А. А., Минасян, С. М., Таранова, О. В. (2022). Оценка уровня эмоционального интеллекта в межкультурной образовательной среде. *Образование и наука*, 24 (7), 170–196. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-8-170-196>
- Русакова, Т. Б. (2019). Сущность и направления развития виртуального рынка труда в Российской Федерации. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*, 12 (5), 44–57.
- Сагитова, В. Р. (2020). Виртуальная трудовая миграция: конфликтогенные факторы. *Наука. Общество. Оборона*, 8 (2), 20–20. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10240>
- Цапенко, И. П., Гришин, И. В. (2022). Виртуализация трансграничной трудовой миграции. *Вестник Российской академии наук*, 92 (9), 849–859.
- Aneesh, A. (2006). *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham: Duke University Press, 208.
- Brown, T. (2017). *The Gig Economy*. <https://www.thedailybeast.com/the-gig-economy>
- Graham, M., Anwar, M. (2019). The global gig economy: Towards a planetary labour market? *First Monday*, 24 (4). <https://doi.org/10.5210/fm.v24i4.9913>
- Graham, M., Hjorth, I., & Lehdonvirta, V. (2017). Digital labour and development: Impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23, 135–162. <https://doi.org/10.1177/1024258916687250>
- Kovács-Ondrejko, O. (2021). *Decoding Global Talent 2021*. Onsite and Virtual. BCG. https://webassets.bcg.com/cf/76/00bdede345b09397d1269119e6f1/bcg-decoding-global-talent_onsite-and-virtual-mar-2021-rr.pdf
- OECD. (2020). *Towards 2035 — Strategic Foresight. Making Migration and Integration Policies Future Ready*. <https://www.oecd.org/migration/mig/migration-strategic-foresight.pdf>

References

- Aneesh, A. (2006). *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham: Duke University Press, 208.
- Brown, T. (2017). *The Gig Economy*. <https://www.thedailybeast.com/the-gig-economy>.
- Glushchenko, G. I. (2021). Development of virtual migration in the context of the ongoing digitalization. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic research]*, 1 (2), 57–64. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.4> (In Russ.).
- Graham, M., & Anwar, M. (2019). The global gig economy: Towards a planetary labour market? *First Monday*, 24 (4). <https://doi.org/10.5210/fm.v24i4.9913>
- Graham, M., Hjorth, I., & Lehdonvirta, V. (2017). Digital labour and development: Impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23, 135–162. <https://doi.org/10.1177/1024258916687250>
- Kovács-Ondrejko, O. (2021). *Decoding Global Talent 2021*. Onsite and Virtual. BCG. https://webassets.bcg.com/cf/76/00bdede345b09397d1269119e6f1/bcg-decoding-global-talent_onsite-and-virtual-mar-2021-rr.pdf

Kuprina, T. V., Evtyugina, A. A., Minasyan, S. M., & Taranova, O. V. (2022). Assessment of emotional intelligence level in intercultural educational environment. *Obrazovanie i nauka [Education and science]*, 24 (7), 170–196. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-8-170-196>

OECD. (2020). *Towards 2035 — Strategic Foresight. Making Migration and Integration Policies Future Ready*. <https://www.oecd.org/migration/mig/migration-strategic-foresight.pdf>

Rusakova, T. B. (2019). Essence and prospects for development of virtual labour market in Russian Federation. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskiye nauki [St. Petersburg State Polytechnical University Journal]*, 12 (5), 44–57. (In Russ.)

Sagitova, V. R. (2020). Virtual labor migration: conflict-generating factors. *Nauka. Obshchestvo. Oborona [Science. Society. Defense]*, 8 (2), 20–20. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10240> (In Russ.)

Tsapenko, I. P., & Grishin, I. V. (2022). Virtualization of cross-border labor migration. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 92 (9), 849–859. (In Russ.)

Информация об авторах

Куприна Тамара Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода и кафедра международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <http://orcid.org/0000-0002-8184-2490> (Российская Федерация, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Минасян Светлана Михаеловна — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Ереванский государственный университет, Иджеванский филиал; <http://orcid.org/0000-0001-9301-4927> (Республика Армения, г. Иджеван, ул. Усанохакан, 3; e-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com).

About the authors

Tamara V. Kuprina — Cand. Sci. (Pedag.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation, Department of International Economics and Management, Ural Federal University; <http://orcid.org/0000-0002-8184-2490> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Svetlana M. Minasyan — Cand. Sci. (Pedag.), Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Ijevan Branch of Yerevan State University; <http://orcid.org/0000-0001-9301-4927> (3, Usanoghakan St., Ijevan, Republic of Armenia; e-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com).

УДК 314.74

JEL classification: O15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-8>

Динамика численности внешних трудовых мигрантов Таджикистана и уровень их денежных переводов¹

М. К. Муродов

Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана
(г. Душанбе, Республика Таджикистан).
<https://orcid.org/0009-0004-6801-7041>

Автор для корреспонденции: М. К. Муродов (murodov_miramon@mail.ru).

Аннотация. В статье представлен анализ показателей динамики численности внешних трудовых мигрантов из Республики Таджикистан, которые выехали в Россию с целью трудовой деятельности, а также анализируется общая сумма их денежных переводов. Проведены расчеты вклада денежных переводов трудовых мигрантов в формирование объема ВВП Республики Таджикистан. Выявлены высокие статистические погрешности в предоставленных Агентством по статистике Республики Таджикистан, Центральным Банком России и Всемирным Банком данных, которые затрудняют оценку трудовой деятельности внешних мигрантов Республики Таджикистан.

Ключевые слова: внешняя миграция; экономика; глобализация; денежные переводы

Dynamics of External Labour Migrants of Tajikistan and the Level of Their Remittances

М. К. Murodov

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan
(Dushanbe, Republic of Tajikistan).
<https://orcid.org/0009-0004-6801-7041>

Corresponding author: M. K. Murodov (murodov_miramon@mail.ru).

Abstract. The article analyses the dynamics of external labour migrants of the Republic of Tajikistan who travelled to Russia for the purpose of work, as well as examines the total amount of their remittances. A contribution of remittances from migrant workers to the total gross domestic product of the Republic was calculated. The study revealed high statistical errors between the data provided by the Agency on Statistics of the Republic of Tajikistan, the Central Bank of Russia and the World Bank, which makes it difficult to assess the labour activity of external migrants of the Republic of Tajikistan.

Keywords: external migration; economy; globalisation; remittances

Введение

Миграция населения с давних пор является привлекательной исследовательской темой для многих ученых. Часто исследуются вопросы влияния денежных переводов трудовых мигрантов на экономику стран, выходцами из которых мигранты являются. В условиях глобализации мировой экономики и развития мирового хозяйства все страны мира заинтересованы в миграции, некоторые из них являются экспортерами рабочей силы, а другие — импортерами. В современных условиях вопросы миграции являются самой острой, трудноразрешимой и общественно значимой темой, так как миграция, в свою очередь, является одной из движущих сил современного общества на международном уровне. Она играет ключевую роль в устойчивом развитии стран происхождения, транзита и назначения, как на национальном, так и на местном

¹ © Муродова М. К. Текст. 2024.

уровнях. Несмотря на негативные аспекты миграции, все же миграция служит инструментом, способствующим налаживанию связей, преобразованию общин и расширению прав и возможностей женщин и мужчин во всем мире.

Исследуя вопросы трудовой миграции, необходимо отметить роль денежных переводов мигрантов. Денежные переводы трудящихся мигрантов на родину улучшают общую обстановку у них дома: прежде всего, увеличивают доходы домохозяйств, способствуют уменьшению бедности, сглаживанию социального неравенства в обществе, смягчают социальную напряженность в стране, снижают давление на рынок труда путем использования денежных переводов для организации самозанятости, семейного бизнеса и т. п.

В настоящее время вопросы миграции населения затрагивают все страны мира, начиная от беднейших государств до великих держав, так как миграция приобрела глобальный характер. В результате радикальных изменений жизни, таких как рост демократичности общества, переход к рыночной экономике и ее развитие, выплата мизерной оплаты труда, ухудшение благосостояния населения, недоступность покупки недвижимости, нехватка заработной платы на продукты первой необходимости и содержание семьи, отсутствие рабочих мест с достойной заработной платой, избыток трудоспособного населения в естественном приросте населения страны и др., усилилась подвижность населения. Каждой стране из вышеперечисленных факторов миграции населения присущ свой. В частности, в Республике Таджикистан в 2021 г. произошел резкий рост численности населения, так, трудоспособное население составило 5804680 тыс. чел., прирост населения составил 2,3 %.¹

Обзор литературы

Исследованиями вопросов миграции населения занимались как зарубежные, так и отечественные ученые, такие как С.И. Исламов, З.С. Султанов, Р.У. Ульмасов, А.А. Бабаев, Р.М. Бабаджанов, Р.У. Умаров, М.Ш. Мамадбеков, Д.С. Амонова, Ш.Б. Джонмамадов, Т.Б. Ганиев и др.

В исследовании «Современные проблемы миграции населения в регионах с высоким темпом роста населения: на материалах Республики Таджикистан» А.А. Бабаев подчеркнул следующую роль миграции в современном мире: «Миграция населения представляет собой социально-экономическое, нормативно-правовое явление, неоднозначное по своей сущности, содержательной и процессуальной основе. Как процесс, миграция населения изобилует множеством событий, влекущих за собой смену людьми их места жительства. Упорядочение миграционного процесса, как правило, затрагивает поток выбытия населения из одной местности и прибытия мигрантов в другие местности» (Бабаев, 2012).

Исследование взаимосвязи миграционных процессов и экономического развития началась в западных странах с конца 60-х годов в рамках моделей экономического роста (Harris & Todaro, 1970). Исследуя вопросы миграции, ученые пришли к мнению что, международное перемещение рабочей силы является основным фактором производства, оказывающим существенное влияние на темпы экономического роста.

Международная (внешняя) миграция — это процесс перемещения людей в рамках административно-территориальных государственных границ из одной страны в другую. Миграция населения представляет собой формирование сложного общественно-го процесса, тесно связанного с изменениями в структуре экономики и размещении

---

¹ Демографический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2021.

производительных сил и процессами социально-трудового развития населения. Внешняя трудовая миграция год за годом приобретает новые ранги. Если двадцать лет тому назад большинство трудовых мигрантов были неквалифицированными, то за последние годы эта тенденция изменилась. В настоящее время на международный рынок труда выезжают уже квалифицированные трудовые мигранты. Это свидетельствует о том, что внешние трудовые мигранты Таджикистана стали конкурентоспособными и на международном рынке труда (Муродов, 2023).

Определяя терминологически международную миграцию, российский демограф В.А. Ионцев пришел к мнению, что международная миграция — это территориальные (пространственные) передвижения населения через государственные границы, вызванные изменением постоянного места жительства под влиянием экономических, национальных, политических и др. факторов (Ионцев, 1999). Относительно понятия и сущности миграции у каждого ученого своя точка зрения.

Результаты

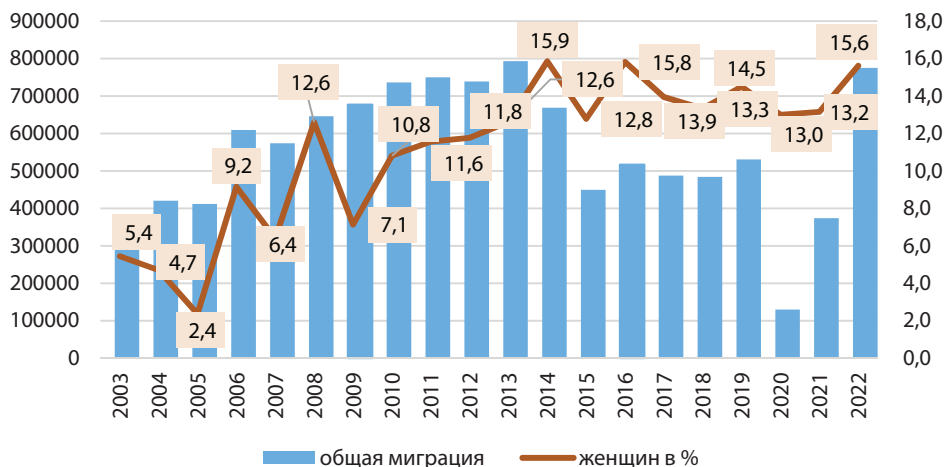
В своей статье «Трудовая миграция в России и странах СНГ: тенденции и управление» С.В. Рязанцев подчеркнул, что основными факторами привлекательности миграции для трудящихся остаются нехватка новых рабочих мест, мизерный уровень заработной платы, бедность, отсутствие перспектив у себя на родине. Помимо всего этого таджикская рабочая сила считается дешевой (в сравнении с запросами местных работников), и это вполне удовлетворяет работодателей в РФ (Рязанцев, 2007). Действительно, в современных условиях экономической кризис домашних хозяйств вынуждает многих наших соотечественников на внешнюю миграцию для удовлетворения своих нужд.

На международном рынке труда существует спрос на высококвалифицированных специалистов, поэтому первыми найдут себе работу квалифицированные работники, у них оплата и условия занятости в разы будет отличаться от оплаты и условий тех работников, которые не соответствуют требованиям работодателей. Знание нормативно-паровых актов, языка, культуры и обычаев стран прибывания мигрантов, а также наличие востребованных навыков упрощают трудоустройство и деятельность международных мигрантов.

Причины и проблемы внешней миграции в условиях глобализации почти во всех странах одинаковы. К главным причинам внешней миграции населения можно отнести различия в уровне доходов между странами происхождения и странами назначения мигрантов. Высокий доход является фактором привлечения иностранной рабочей силы, особенно из стран с трудоспособным и более молодым населением. То есть многих мигрантов не устраивают условия труда, размер заработной платы стран происхождения, поэтому они мигрируют в другие страны (Рязанцев & Боженко, 2010). Например, внешняя миграционная политика Российской Федерации направлена на привлечение трудовых мигрантов из развивающихся стран Центральной Азии с низким уровнем дохода: Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана. В свою очередь, сами граждане Российской Федерации мигрируют в страны Европы для получения более высокой заработной платы.

По приведенным данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, общая численность внешних мигрантов в 2022 г. составила 775 000 тыс. чел., из них 121 162 тыс. чел. составляют женщины¹ (рис 1).

¹ Демографический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2021. С. 270–271.

Рис. 1. Общее число внешней трудовой миграции населения по Республике Таджикистан с 2003–2022 гг. (составлен автором по данным: Демографический ежегодник. Агентство по статистике при Президенте РТ, 2023. С. 270–271; Отчеты Миграционной службы Республики Таджикистан за 2003–2004, 2011–2018 гг.)

На основе приведенных на рисунке 1 данных можно сделать вывод, что начиная с 2010 г. по 2020 г. в миграционных потоках происходили различные изменения: в какие-то годы они увеличиваются, а в другие — уменьшаются. Необходимо отметить, что основной причиной снижения темпа притока трудовых мигрантов в 2014 г. послужили введенные санкции США и стран Запада против Российской Федерации, вследствие чего многие зарубежные компании были вынуждены остановить свою деятельность и сократить рабочие места. Это вынудило многих трудовых мигрантов вернуться на свою Родину.

Анализ показывает, что самый высокий темп роста трудовой миграции наблюдается в 2013 г. В данный период численность внешних трудовых мигрантов из Республики Таджикистан составила 793447 тыс. чел., что, по сравнению с 2020 г. (129807 тыс. чел.), на 663640 тыс. чел. больше. В 2020 г. основной причиной снижения численности внешних трудовых мигрантов из Республики Таджикистан стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. В этот период многие наши граждане не смогли въехать на территорию Российской Федерации или же выехать на родину с территории Российской Федерации из-за введенных Правительством РФ ограничений.

По данным МВД Российской Федерации, за 3 квартал 2021 г. число зарегистрированных въездов в страну гражданами Республики Таджикистан составило 2025712 чел., причем 1,6 млн из них указали целью своего въезда трудовую деятельность (работа). За этот же период 69699 граждан Республики Таджикистан получили гражданство Российской Федерации¹. Кроме этого, количество действительных трудовых патентов на конец отчетного периода 2021 г. составило 567325 шт. Стоит отметить, что статистические данные организаций, занимающихся данным учетом, не совпадают между собой, что создает препятствия для глубокого исследования.

¹МВД РФ: Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь — сентябрь 2021 года. <https://media.mvd.ru/files/application/2250828>

Рис. 2. Темпы прироста населения и трудоспособного населения РТ с 2006 г. по 2021 г., в % (составлено автором по данным: Демографический ежегодник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2022)

В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 во всем мире резко ухудшилась экономика, включая и Таджикистан. В особенности это коснулось трудовых мигрантов, многие из них остались без работы, и их финансовая неспособность не позволяла им покинуть Россию.

В 2023 г. общая численность населения в Таджикистане составила 10 078,4 тыс. чел., по сравнению с 1991 г. (5360,9 тыс. чел.) прирост абсолютного числа населения составила 4717,5 тыс. чел. Необходимо подчеркнуть, что население страны за годы независимости увеличилось почти вдвое, что означает повышение потребности в создании новых рабочих мест. В связи с увеличением численности населения темпы роста трудоспособного населения также увеличивались¹ (рис. 2).

Опираясь на данные рисунка 2, необходимо подчеркнуть, что год за годом из-за увеличения численности населения также растет абсолютное число населения и трудоспособное население Республики Таджикистан, в связи с этим увеличивается спрос на рабочие места внутри страны.

Также необходимо подчеркнуть, что в связи с ростом численности внешних трудовых мигрантов увеличиваются и их денежные переводы. В таблице приведено сравнение денежных переводов внешних трудовых мигрантов из Российской Федерации, а также их соотношение к валовому внутреннему продукту Республики Таджикистан с 2006 г. по 2022 г.

По данным Всемирного Банка, за 2022 г. общая сумма денежных переводов в Республику Таджикистан составляет 3,496 млрд долл. США, что по сравнению с прошлыми годами, является весьма значимым. Также необходимо подчеркнуть, что объем ВВП в 2022 г. относительно прошлых лет побил рекорд и составил 10,49 млрд долл. США. Приведенные данные показывают, что общая сумма денежных переводов мигрантов на 2022 г. составляет 30 % от общего объема ВВП страны².

¹ Демографический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2021.

² Расчеты автора по данным: Несмотря на потрясения в 2022 году объем денежных переводов вырос на 5 %. Всемирный Банк. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2022/11/30/remittances-grow-5-percent-2022>

Сравнение денежных переводов трудовых мигрантов, ВВП РТ и их соотношение, в % к ВВП (2006–2022 гг.)

Годы	Денежные переводы*, в млн долл. США	ВВП РТ, в млн долл. США	Соотношение денежных переводов к ВВП, %
2006	834,8	2,724	30,6
2008	2,516	5,130	49,0
2010	2,215	5,615	39,4
2012	3,634	7,590	47,8
2014	3,831	8,592	44,5
2016	579,5	6,959	8,3
2018	834,6	7,535	11,0
2019	669,0	8,166	8,1
2020	1,736	8,194	21,1
2021	3,251	8,746	26,9
2022	3,496	10,49	30

Составлено автором по данным: Центральный Банк Российской Федерации. http://www.cbr.ru/hd_base/tg; Агентство по статистике РТ, Национальный Банк Республики Таджикистан; Всемирный Банк. (2006–2022).

* Денежные переводы — это определенная сумма средств, которая передается отправителем через платежную систему без непосредственной передачи наличных денежных купюр из рук в руки (системы денежных переводов: ANELIK, BLIZKO, CONTACT, InterExpress, Вестерн Юнион, Золотая Корона, Сбербанк (Колибри), Международные Денежные Переводы ЛИДЕР, ЮНИСТРИМ).

Внешняя трудовая миграция является самой значимой по объему из всех видов миграции, которая способствует росту занятости населения республики, снижению уровня безработицы в стране и росту уровня жизни населения (Муродов & Носирзода, 2022). Исходя из этого, необходимо подчеркнуть, что денежные переводы мигрантов косвенным или прямым образом влияют на социально-экономическое развитие стран происхождения мигрантов во всех странах, включая Таджикистан. Денежные переводы мигрантов способствуют улучшению благосостояния жизни населения, удовлетворению нужд домохозяйств, развитию инфраструктуры и т. п. Кроме всего, денежные переводы внешних трудовых мигрантов в первую очередь пополняют семейный бюджет. Благодаря денежным переводам семьи удовлетворяют свои потребности в одежде, питании, приобретение машин, квартир и пр. Благодаря этому семья вносит свой вклад в развитие предпринимательства в стране проживания, в свою очередь, предприниматели платят налоги за свою деятельность и эти же налоги идут в государственную бюджет.

В своем исследовании «Прибыльная миграция, экономика: просачивания благ снизу вверх» Капур Деваш и Макхейл Джон пришли к мнению, что «денежные переводы напрямую не увеличивают бюджетные доходы правительства, но они вносят вклад в национальные сбережения и валютные резервы, снижают дефицит платежного баланса страны, во времена финансовых кризисов денежные переводы из-за рубежа становятся фактором обеспечивающим поддержание уровня личного потребления» (Капур & Макхейл, 2005). Действительно, роль денежных переводов для домохозяйств является существенной и прямым образом влияет на уровень и качества жизни членов семьи мигрантов. Миграционные процессы и денежные переводы трудовых мигрантов до определенной степени ускорили процесс формирования рыночной

инфраструктуры, что находит отражение в создании рыночных институтов. Для формирования рыночного института необходимы первоначальный капитал, экономическая и политическая стабильность. Последняя в республике достигнута, а экономическая стабильность находится в процессе становления, и здесь роль внешней трудовой миграции весьма велика. Один из рыночных институтов, получивший непосредственное развитие благодаря денежным переводам, — банковская система Республики Таджикистан (Султанов & Солиева, 2019). Таким образом, денежные переводы внешних трудовых мигрантов косвенным или прямым образом влияют на социально-экономическое развитие стран.

Заключение

В последнее время миграция населения затрагивает важнейшие сферы жизнедеятельности нашей республики и оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие Таджикистана.

При этом в развитии экономики Республики Таджикистан огромную роль играют денежные переводы мигрантов, поскольку денежные переводы внешних трудовых мигрантов непосредственно пополняют семейный бюджет, в дальнейшем тратятся на текущее потребление и покупку непродовольственных товаров, что стимулирует развитие предпринимательства и рост налогов в бюджет. Таким образом, денежные переводы внешних трудовых мигрантов постепенно идут в госбюджет.

В целях урегулирования миграционных процессов, повышения уровня квалификации и профессиональной подготовки трудовых мигрантов, содействия занятости населения, а также обеспечения социальной, экономической и правовой защиты внешних трудовых мигрантов Правительство Республики Таджикистан постоянно совершенствует законодательство в сфере трудовой миграции, разрабатываются новые нормативно-правовые акты, принимаются меры по совершенствованию системы денежных переводов и созданию условий по привлечению денежных переводов трудовой миграции в развитие инфраструктуры и экономики городов и районов республики.

Список источников

Бабаев, А. А. (2012). *Современные проблемы миграции населения в регионах с высоким темпом роста населения: на материалах Республики Таджикистан*: автореф. дис. ... канд. экон. н. Душанбе, 22.

Бабаев, А. А. (2020). *Миграционные процессы Республики Таджикистан в условиях глобализации*. Душанбе, 9.

Ионцев, В. А. (1999). *Международная миграция населения: теория и история изучения*. М.: МГУ-Диалог, 370.

Капур, Д., Макхейл, Д. (2005). Прибыльная миграция. *Демоскоп Weekly*. <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit01.php>

Муродов, М. К. (2023). Современная тенденция внешней трудовой миграции населения Республики Таджикистан. В: *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст.* (с. 298–302). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. <http://doi.org/10.17059/udf-2023-3-5>

Муродов, М. К., Носирзода, А. А. (2022). Миграция — основной рычаг развития экономики. В: *Глобальные вызовы демографическому развитию: сб. науч. ст. I* (с. 420–426). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-3-12>

Рязанцев, С. В. (2007). *Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование*. Москва: Формула права, 572.

Рязанцев, С. В., Боженко, В. В. (2010). Миграция в условиях глобализации. *Народонаселение*, 4(50), 70–82.

Султанов, З. С., Солиева, Л. Ф. (2020). *Социально-экономические аспекты регулирования миграционных процессов и социальной защиты внешних трудовых мигрантов*. Душанбе, 177.

Harris, J. R., & Todaro, M. P. (1970) Migration, unemployment and development: a two-sector analysis. *American Economic Review*, 60, 126–42.

References

Babaev, A. A. (2012). *Sovremennyye problemy migratsii naseleniya v regionakh s vysokim tempom rosta naseleniya: na materialakh Respubliki Tadjikistan: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [Modern problems of population migration in regions with a high population growth rate: based on the materials of the Republic of Tajikistan: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences]: 08.00.05*. Dushanbe, 22. (In Russ.)

Babaev, A. A. (2020). *Migratsionnye protsessy Respubliki Tadjikistan v usloviyakh globalizatsii [Migration processes of the Republic of Tajikistan in the context of globalization]*. Dushanbe, 9. (In Russ.)

Harris, J. R., & Todaro, M. P. (1970) Migration, unemployment and development: a two-sector analysis. *American Economic Review*, 60, 126–42.

Iontsev, V. A. (1999). *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International migration of the population: theory and history of study]*. Moscow: MSU-Dialog, 370. (In Russ.)

Kapoor, D., & McHale, D. (2005). Migration's new Payoff. *Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]*. <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit01.php> (In Russ.)

Murodov, M. K., & Nosirzoda, A. A. (2022). Migration as the main lever for economic development. In: *Globalnye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: sb. nauch. st. I [Global challenges to demographic development: collection of scientific articles]* (pp. 420–426). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <http://doi.org/10.17059/udf-2022-3-12> (In Russ.)

Murodov, M. Q. (2023). Current trends in external labour migration of the population of the Republic of Tajikistan. In: *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k globalnym sotsialno-ekonomicheskim vyzovam: sb. nauch. st. [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges: collection of scientific articles]* (pp. 298–302). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <http://doi.org/10.17059/udf-2023-3-5> (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (2007). *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie [Labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, consequences, regulation]*. Moscow: Formula of Law, 572. (In Russ.)

Ryazantsev, S. V., & Bozhenko, V. V. (2010). Migration in the context of globalization. *Narodonaselenie [Population]*, 4(50), 70–82. (In Russ.)

Sultanov, Z. S., & Solieva, L. F. (2020). *Sotsialno-ekonomicheskie aspekty regulirovaniya migratsionnykh protsessov i sotsialnoy zashchity vneshnikh trudovykh migrantov [Socio-economic aspects of the regulation of migration processes and social protection of external migrant workers]*. Dushanbe, 177. (In Russ.)

Информация об авторе

Муродов Мирамон Косимович — научный сотрудник, Институт экономики и демографии Национальной Академии наук Таджикистана; <https://orcid.org/0009-0004-6801-7041> (Республика Таджикистан, 734024, г. Душанбе, ул. С. Айни 44; e-mail: murodov_miramon@mail.ru).

About the author

Miramon Q. Murodov — Research Associate, Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan; <https://orcid.org/0009-0004-6801-7041> (44, S. Aini St., Dushanbe, 734024, Republic of Tajikistan; e-mail: murodov_miramon@mail.ru).

УДК 314.74

JEL classification: J24, O15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-9>

Внешняя трудовая миграция в Свердловской области из стран Центральной Азии: сравнительный анализ¹

Н. П. Неклюдова ^а, С. К. Садыкова ^б, П. О. Сединкина ^в

^а Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>

^{б, в} Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: Н. П. Неклюдова (neklyudova.np@uiec.ru).

Аннотация. В современном глобальном мире трудовая миграция стала важным феноменом развития регионов. Рынок труда Свердловской области является привлекательным для трудовых мигрантов из разных стран. Цель настоящего исследования — выявить различия в положении и поведении мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана на рынке труда Свердловской области, связанные с их «национальным статусом». Базой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в марте — мае 2023 г. Институтом экономики УрО РАН на территории Свердловской области. На основе выбранных критериев — режим рабочего времени, уровень заработной платы, объем денежных переводов — выявлены особенности положения и поведения внешних трудовых мигрантов на региональном рынке труда, связанные с межстрановыми договоренностями и диаспоральными особенностями.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция; процесс адаптации мигрантов; экономические аспекты миграции; условия труда мигрантов в Свердловской области

External Labour Migration from Central Asian Countries to Sverdlovsk Oblast: Comparative Analysis

N. P. Neklyudova ^а, S. K. Sadykova ^б, P. O. Sedinkina ^в

^а Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>

^{б, в} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: N. P. Neklyudova (neklyudova.np@uiec.ru).

Abstract. Nowadays, labour migration has become an important phenomenon of regional development. The labour market of Sverdlovsk oblast attracts migrant workers from different countries. The study aims to identify differences in the position and behaviour of migrants from Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan in the labour market of Sverdlovsk oblast related to their “national status”. Data of a sociological survey conducted in March-May 2023 by the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy in Sciences in Sverdlovsk oblast were examined. Analysis of the selected criteria, such as working hours, wage level, volume of remittances, revealed the characteristics of the position and behaviour of external labour migrants in the regional labour market related to inter-country agreements and diaspora features.

Keywords: external labour migration; process of migrants' adaptation; economic aspects of migration; working conditions of migrants in Sverdlovsk oblast

---

¹ © Неклюдова Н. П., Садыкова С. К., Сединкина П. О. Текст. 2024.

Введение

Внешняя трудовая миграция является сложным и многоаспектным явлением, которое требует внимательного изучения и разработки эффективных государственных мер для регулирования этого процесса. Меняя место проживания, люди издревле приспособивались к условиям, которые им диктовала природа.

Для современной России основными странами исхода международных мигрантов являются Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. При этом следует отметить, что эмиграционная политика этих стран имеет отличия. По мнению С. В. Рязанцева, в этих странах сложились следующие модели эмиграционной политики: в Кыргызстане — либеральная модель управления трудовой эмиграцией на основе активной санации, в Узбекистане — модель регулирования трудовой эмиграции с практически полным контролем государства, в Таджикистане — модель регулирования трудовой миграции со значительным участием государства, предполагающая активное поощрение выезда неработающих граждан из страны (Рязанцев, 2016).

Большое влияние на миграцию оказывают интеграционные соглашения между странами. В частности, мигранты из Кыргызстана ввиду того, что государство является участником ЕАЭС, имеют определенные привилегии при трудоустройстве в России: упрощенный порядок заключения трудового или гражданско-правового договора, отсутствие требования получения разрешительных документов. Возможность профессиональной деятельности зависит от имеющейся специальности и квалификации, признаются документы об образовании (кроме педагогического, юридического, медицинского или фармацевтического профиля), ученых степенях и ученых званиях и т. п. (Иванчак, 2015).

Для упорядочивания и контроля над трудовой сферой мигрантов в 2017 г. между правительствами Российской Федерации и Республики Узбекистан¹, а в 2020 г. — между правительствами Российской Федерации и Республики Таджикистан², были подписаны соглашения об организованном наборе работников. Однако механизмы организованного набора подвергаются критике (Югай, 2022).

В настоящее время в результате внешней миграции на территории Свердловской области трудятся мигранты из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и других стран мира. С 2012 г. Свердловская область участвует в реализации Государственной программы по содействию добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, и за 9 лет ее реализации смогла привлечь 30 тыс. чел., выполнив целевой показатель программы на 160 % (Долженко & Антонов, 2021). В результате миграционных процессов на территории региона сложились сильные национальные диаспоры, под которыми часто понимают этнические общины (Пешкова, 2017). Одной из таких диаспор является таджикская диаспора, которая численно преобладает над другими диаспорами, выходцев из Средней Азии.

¹Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении Республики Узбекистан для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апр. 2017 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51965/ (дата обращения: 15.09.2023).

²Соглашение между Правительством Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апр. 2020 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. https://www.mid.ru/ru/foreign_Policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/56003/ (дата обращения: 15.09.2023).

Данные и методы

Объектом исследования выбрана внешняя трудовая миграция в Свердловской области, предметом — особенности сферы труда мигрантов, прибывших из основных стран исхода: Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Несмотря на то, что все выбранные для анализа страны исхода трудовых мигрантов входят в единый регион — Средняя Азия — и достаточно близки друг другу по экономическим, политическим и демографическим характеристикам, а их представители имеют множество сходных черт (общая религия, относительно близкие нормы поведения и взаимоотношений в семье и т. п.), мы полагаем, что разница в нормативно-правовой базе, имеющей отношение к миграции населения, и региональные диаспоры могут оказать существенное влияние на трудоустройство представителей этих стран на конкретном российском рынке труда.

Цель исследования — выявить различия в положении и поведении мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана на рынке труда Свердловской области, связанные с их «национальным статусом», т. е. межстрановыми договоренностями и диаспоральными особенностями.

Базу исследования составили данные анкетного опроса внешних трудовых мигрантов, собранные Институтом экономики УрО РАН в марте — мае 2023 г. в Свердловской области. Благодаря распространению анкет с вопросами о сфере труда среди широкого круга мигрантов удалось получить разнообразные и количественные данные для нашего исследования.

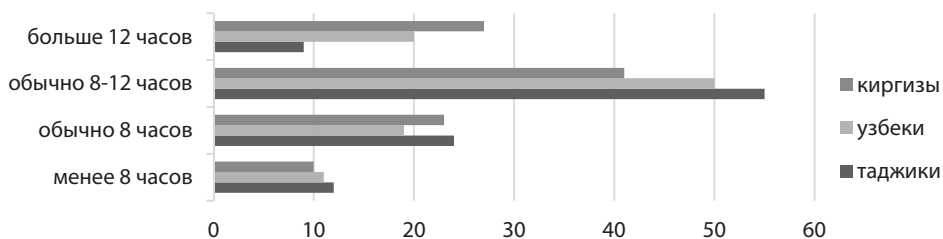
Для анализа мы выбрали несколько критериев оценивания: продолжительность рабочего времени, уровень заработной платы, отправка части заработанных средств на родину.

Результаты

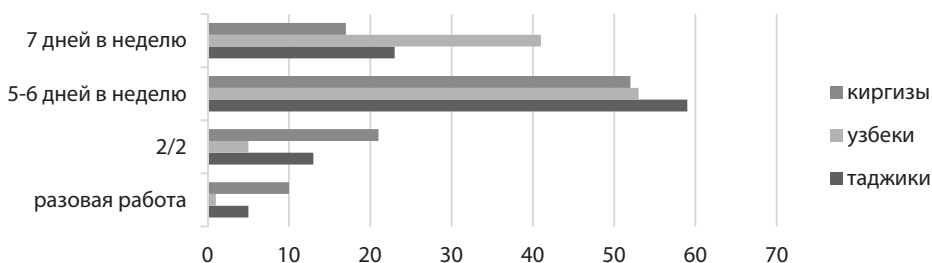
Начнем исследование с изучения продолжительности рабочего времени и графика труда внешних мигрантов в Свердловской области. В соответствии с полученными данными, чуть больше половины опрошенных обычно работают по 8–12 часов в день и 5–6 дней в неделю (киргизы — 41 % и 52 %, узбеки — 50 % и 53 %, таджики — 55 % и 59 % соответственно). Также есть и те, кто работает более 12 часов в день, но их гораздо меньше — всего 15 %, в основном это выходцы из Кыргызстана — их 27 %.

Среди представителей Кыргызстана самый большой процент работающих на разовых работах (в основном студенты, женщины) и в режиме графика «два через два»: 10 % и 21 % соответственно. А вот ответившие, что работают без выходных составили 25 %, в том числе, 41 % узбеков, которые чаще всего задействованы на строительных работах. Самый низкий процент тех, кто работает без выходных, — это киргизы, всего 17 %. При этом среди киргизов, работающих без выходных, оказалась значительная доля лиц, имеющих свой личный бизнес. Таджики, в зависимости от режима работы предприятия, работают 8 часов 5 дней в неделю или 12 часов в режиме графика «два через два». Без выходных работает 23 % таджиков (рис. 1 и рис. 2).

Средняя заработная плата у выходцев из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана составляет от 26 до 50 тыс. руб. в месяц. Среди тех, кто получает наиболее низкую заработную плату — менее 17 тыс. руб. в месяц, больше всего выходцев из Кыргызстана — 17 %. Это в основном работающие на разовых работах, в сфере ЖКХ и учащиеся, работающие неполный рабочий день. Среди тех, кто получает относительно небольшую заработную плату (ниже, чем средняя по региону), много киргизов и таджиков,

Рис. 1. Продолжительность рабочего дня мигрантов, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

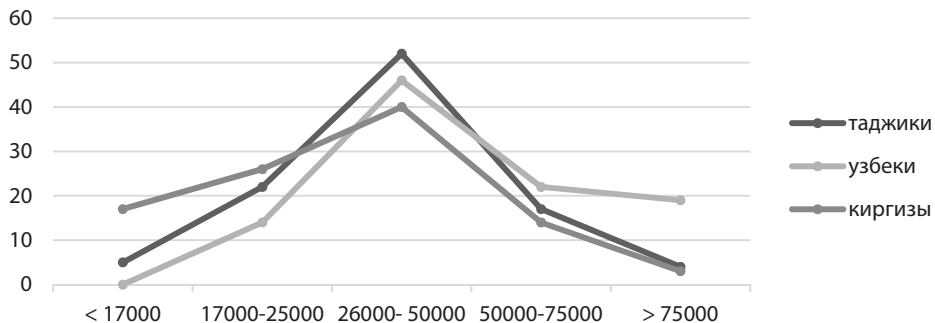
Рис. 2. График работы мигрантов, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

работающих в сфере предоставления социальных услуг: медицина, образование, питание, розничная торговля.

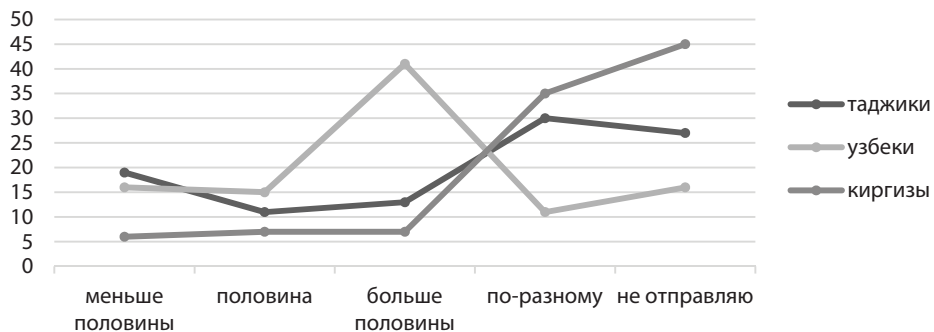
Среди тех, кто получает наиболее высокую заработную плату, — более 50 и 75 тыс. руб. в месяц — больше всего выходцев из Узбекистана: 22 % и 19 % соответственно. Среди них много тех, кто работает в строительстве и имеет переработки по времени. Также относительно высокие доходы получают представители стран Средней Азии, имеющие свой бизнес: торговые предприятия, кафе, медицинские центры, мастерские, фермы (рис. 3), что подтверждает представление Е. В. Грунт о формировании этнических элит в среде уральского мегаполиса (2019, с. 120). Среди предпринимателей достаточно много киргизов, что объясняется рекламой предпринимательства и престижностью предпринимательской активности в киргизском обществе, ростом числа курсов и тренингов по личностному росту и поддержкой стартапов на уровне государства (Пешкова, 2016; Пешкова, 2021).

Большинство мигрантов отправляют часть заработанных средств к себе на родину: 84 % узбеков, 73 % таджиков и 55 % киргизов. При этом узбеки являются лидерами не только по доле лиц — отправителей трансграничных денежных переводов, но и по их объему. Так, в нашем опросе 41 % узбеков заявили, что они регулярно отправляют более половины заработанных ими средств в России своим родным и близким на родину. А вот среди таджиков объем отправки на родину заработанных средств значительно ниже, зато 30 % респондентов из этой группы указали, что отправляют разные по объему суммы денег. Самый низкий объем отправки денежных средств у киргизов (рис. 4).

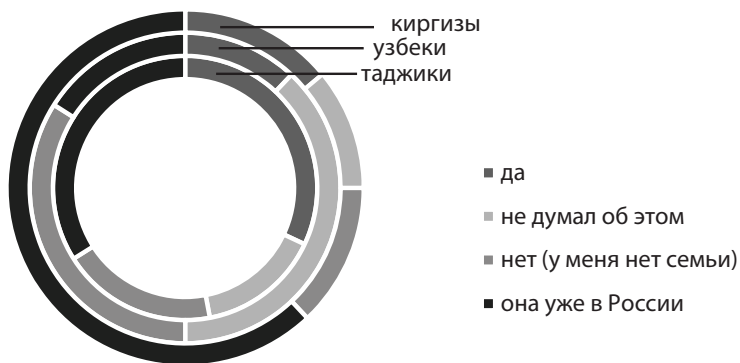
Тот факт, что именно киргизы меньше всего отправляют денег на родину, может быть связан с тем, что многие из них получают низкую заработную плату, но данный фактор нельзя назвать ключевым. Важно также отметить, что именно среди киргизов

Рис. 3. Размер заработной платы (доходов) мигрантов, руб. (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

Рис. 4. Доля денег, отправляемых мигрантами на родину, % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

Рис. 5. Ответы на вопрос «Собираетесь ли Вы перевезти в Россию семью?», % (источник: сост. авторами по данным социологического опроса, проведенным Институтом экономики УрО РАН в 2023 г.)

самый большой процент тех, чья семья уже живет в России (более 60 % против 34 % и 16 % у таджиков и узбеков соответственно), то есть деньги большинству из них отправляют на родину некому (рис. 5).

Также результаты опроса показали, что более 80 % мигрантов каждой группы, если отправляют деньги на родину, то делают это через банк, здесь различий в ответах разных групп обнаружено не было.

Заключение

Наше исследование на примере Свердловской области подтвердило идею, что разница в нормативно-правовой базе, имеющей отношение к миграции населения, и региональные диаспоры оказывают существенное влияние на положение и поведение мигрантов на рынке труда принимающей территории. Так, было выявлено, что особое положение граждан Кыргызстана на российском рынке труда в связи с участием страны в ЕАЭС способствует их активной интеграции в российское общество, в целом их положение на рынке труда Свердловской области не сильно отличается от положения коренного населения или внутренних мигрантов, в связи с чем их поведение на рынке труда также схоже с поведением местного населения, в подавляющем большинстве они не ассоциируют себя с временными мигрантами, чья цель приезда в Россию — это зарабатывание денежных средств и отправка их в страну исхода. Такая модель, скорее всего, описывает положение на региональном рынке труда выходцев из Узбекистана, в том числе участвующих в организованном наборе и выбирающих наиболее «денежные» сферы приложения труда, несмотря на тяжелые и опасные условия занятости. В то же время наличие сильной многочисленной таджикской диаспоры в регионе и право на двойное гражданство позволяет выходцам из Таджикистана занимать «срединное» положение — они работают преимущественно в обычном режиме и получают среднюю заработную плату, а также имеют значительно большую тенденцию к интеграции, чем представители Узбекистана.

Процесс компьютеризации освоили 80 % мигрантов, они отправляют часть заработанных денег на родину через онлайн-банк.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. №0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the research plan in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 No. 0327-2024-0009 “Mechanisms for regulating the economic behaviour of the population in the context of structural changes”.

Список источников

Бедрина, Е. Б., Неклюдова, Н. П., Козлова, О. А. (2024). Мигранты из стран Центральной Азии на рынке труда Свердловской области в зеркале социологического исследования. *Экономика региона*, 20(1), 135–149. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9>

Грунт, Е. В. (2019). Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии в Уральском мегаполисе. *Logos et Praxis*, 18(3), 112–123. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12>

Долженко, Р. А., Антонов, Д. А. (2021). Миграции населения в Свердловской области: проблемы и решения. *Народонаселение*, 24(4), 175–189. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.14>

Иванчак, А. И. (2015). Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС. *Право и управление. XXI век*, 3(36), 84–91.

Козлова, О. А. (Ред.). (2023). *Проблемы адаптации и качество жизни трудовых мигрантов и членов их семей в Свердловской области. Аналитический доклад*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 91.

Пешкова, В. М. (2017). Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 61–79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.05>

Пешкова, В. М. (2021). Эволюция «этнического» бизнеса в России: сравнительный анализ предпринимательства мигрантов из Азербайджана и Кыргызстана. *Социологическая наука и социальная практика*, 9(4), 205–220. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8615>

Пешкова, М. В. (2016). Инфраструктура мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана в Москве). *Россия и мусульманский мир*, 5(287), 24–49.

Рязанцев, С. В. (2016). Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. *Валдайские записки*, 55, 2–25. <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-sentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/?ysclid=lvrt7tzejk883397887> (дата обращения: 15.02.2024)

Югай, Ю. В. (2022). Трудовая миграция из стран Центральной Азии в России. *Постсоветские исследования*, 5(2), 206–218.

References

Bedrina, E. B., Neklyudova, N. N., & Kozlova, O. A. (2024). Central Asian Migrants in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast: A Sociological Study. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 20(1), 135–149 <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9> (In Russ.)

Dolzhenko, R. A., & Antonov, D. A. (2021). Migration of population in Sverdlovsk oblast: problems and solutions. *Narodonaselenie [Population]*, 24(1), 175–189. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.14> (In Russ.)

Grunt, E. V. (2019). Factors Affecting the Social and Cultural Adaptation of Migrants from Central Asia in the Ural Megalopolis. *Logos et Praxis*, 18(3), 112–123. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12> (In Russ.)

Ivanchak, A. I. (2015). Legal regulation of migrant labor in the EEU countries. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*, 3(36), 84–91. (In Russ.)

Kozlova, O. A. (Ed.). (2023). *Problemy adaptatsii i kachestvo zhizni trudovykh migrantov i chlenov ikh semey v Sverdlovskoy oblasti. Analiticheskiy doklad [Problems of adaptation and quality of life of labour migrants and members of their families in the Sverdlovsk Oblast. Analytical report]*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 91. (In Russ.)

Peshkova, M. V. (2016). Infrastructure of migrants in the cities of modern Russia (on the example of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Rossiya i musulmanskii mir [Russia and the Moslem World]*, 5(287), 24–49. (In Russ.)

Peshkova, V. M. (2017). Diaspora discourses in contemporary Russian Federal press. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 1, 61–79. (In Russ.)

Peshkova, V. M. (2021). Evolution of “Ethnic” Business in Russia: Comparative Analysis of Entrepreneurship of Migrants from Azerbaijan and Kyrgyzstan. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika [Sociological Science and Social Practice]*, 9(4), 205–220. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8615> (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (2016). Labour Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis. *Valdayskie zapiski [Valdai Papers]*. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/labour-migration-from-central-asia-to-russia-in-the-context-of-the-economic-crisis/> (In Russ.)

Yugai, J. V. (2022). Labor Migration from Central Asian Countries to the Russia. *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 2(5), 206–219. (In Russ.)

Информация об авторах

Неклюдова Наталья Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57190430694; <https://orcid.org/0000-0002-5026-1394> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru).

Садькова Софья Константиновна — студент 1 курса направления «Экономическая безопасность» Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19).

Сединкина Полина Олеговна — студент 1 курса направления «Экономическая безопасность» Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19).

About the authors

Natalia N. Neklyudova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57190430694; <https://orcid.org/0000-0002-5026-1394> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru).

Sofya K. Sadykova — First-Year Student of the Economic Security Program, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation).

Polina O. Sedinkina — First-Year Student of the Economic Security Program, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation).

УДК 332.12:314.172

JEL classification: R23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-10>

Пространственные особенности расселения: сравнение Киргизии и российских регионов¹

К. Е. Седова^a, В. П. Дружинин^b

^{a, b} Институт экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия).

^a <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453>

^b <https://orcid.org/0009-0002-4392-111X>

Автор для корреспонденции: К. Е. Седова (ks.skidava@gmail.com).

Аннотация. В данной статье анализируется изменение пространственного распределения населения в период рыночных реформ. Рассматриваются 5 российских регионов и сравниваются с быстро растущими регионами Киргизии. Рассматривается миграция населения внутри регионов, проводится анализ размера «агломерационной тени» в зависимости от региона и, в частности, природных условий. Оценивается влияние таких факторов, как расстояние до центра агломераций, близость к соседним регионам, наличие больших рынков, а также влияние рыночных реформ на численность населения городов.

Ключевые слова: агломерационная тень; влияние факторов; пространственные особенности; соседние регионы; формирование агломераций

Spatial Characteristics of Settlement: Comparison of Kyrgyzstan and Russian Regions

К. Е. Sedova^a, V. P. Druzhinin^b

^{a, b} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia).

^a <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453>

^b <https://orcid.org/0009-0002-4392-111X>

Corresponding author: К. Е. Sedova (ks.skidava@gmail.com).

Abstract. The article analyses changes in the spatial distribution of the population during market reforms. The study considers and compares five Russian regions with the rapidly growing regions of the Republic of Kyrgyzstan. Population migration within these regions is considered, the size of the agglomeration shadow depending on a region and its natural conditions is analysed. The impact of such factors as the distance to the agglomeration centre, proximity to neighbouring regions, presence of large markets, as well as the impact of market reforms on the population of cities is assessed.

Keywords: agglomeration shadow; influence of factors; spatial characteristics; neighbouring regions; agglomeration formation

Введение

Миграция населения ведет к росту крупных городов и формированию агломераций. В РФ в начале рыночных реформ этот процесс ненадолго замедлился, но вскоре возобновился. Он имеет свои особенности и различается в европейской и азиатской частях страны. В азиатской части страны чем дальше от Москвы на восток, тем быстрее сокращается численность населения регионов. В европейской части подобная тенденция существует лишь для ближайших к Москве регионов, для остальных

---

¹ © Седова К. Е., Дружинин В. П. Текст. 2024.

тенденция обратная, кроме северных регионов, которые быстро теряют население из-за отсутствия компенсаций за некомфортные условия жизни.

В настоящее время агломерационные процессы ускорились, население российских регионов активно мигрирует в крупнейшие агломерации страны, а внутри регионов — в региональные центры. Причем часть из них через некоторое время снова переезжает — теперь уже в более крупные агломерации (Буфетова, 2016; Коломак, 2014). Наиболее активно мигрирует молодая, образованная и трудоспособная часть населения (Рыбаковский, 2001; Мкртчян & Карачурина, 2014).

Концентрация населения в административных центрах регионов не способствует ускорению развития регионов и самих административных центров, экономика отдельных муниципальных образований растет быстрее. Скорее всего, влияет уменьшение бюджетной обеспеченности и самостоятельности административных центров регионов. У крупнейших из них более половины бюджетных доходов составляют трансферты (Зубаревич, 2019).

В то же время центральные территории имеют более современную структуру экономики, более высокую производительность труда и инвестиционную активность, а главное — более высокое качество жизни. Теряя население, в первую очередь молодежь, периферийные территории медленнее развиваются, если нет востребованных природных ресурсов.

Еще один географический фактор может способствовать развитию периферии — возможность сотрудничества с соседними регионами или странами при наличии необходимой инфраструктуры, прежде всего транспортной. Было показано, что скорость концентрации зависит от объема рынка и активности взаимодействия агентов (Коломак, 2014). В некоторых регионах есть крупные «вторые города», в которых живет более 100 тыс. чел., и большинство таких городов успешно развивается (Кузнецова, 2022; Нефедова & Трейвиш, 2020). В то же время города с численностью населения менее 50 тыс. чел. большей частью депрессивные (Кузнецова, 2022).

Население концентрируется в административных центрах регионов. Одновременно с этим промышленная активность переносится на окружающие их территории и в города, сохранившие промышленные предприятия, продукция которых оказалась конкурентоспособна в рыночных условиях. Но в данном случае требуются квалифицированные кадры. На примере исследования развития финских субрегионов было показано, что с ростом расстояния от столицы страны (Хельсинки) численность населения в них быстрее снижается, если в субрегионе нет университета или его филиала. Если в субрегионе есть классический университет, то его население растет. Если есть университет прикладных наук с четырехлетним обучением, то зачатую население снижается, но существенно меньше, чем при его отсутствии (Дружинин & Зимин, 2019). Для российских регионов подобная зависимость отсутствует, возможно, потому, что выпускники региональных университетов стараются переехать в Москву, Подмоскowie, Санкт-Петербург или другие крупные агломерации.

Население северных регионов быстро убывает, и анализ социально-экономического развития северных регионов показал, что в наиболее отдаленных от административных центров муниципальных образованиях самая сложная ситуация (Волков и др., 2022; Фаузер и др., 2021). С ростом расстояния от административного центра региона падение численности населения ускоряется, но в отдельных регионах есть положительное влияние на отдаленные муниципальные образования благодаря наличию учреждений среднего профессионального образования (СПО) и филиалов

университетов (Дружинин, 2023). Население стран Балтии и большинства северо-западных областей РФ убывает, и чем дальше территория от столицы страны (или административного центра региона), тем быстрее снижается ее население (Мкртчян & Карачурина, 2014). В то же время отдельные отдаленные муниципальные образования развивались относительно успешно, что связано с численностью их населения и специализацией экономики (Буфетова, 2020). Причем улучшение коммуникаций ведет к тому, что с ростом агломерации отдалается ее тень и одновременно начинают успешно развиваться более отдаленные города (Мартынов, 2000). Если население северных, восточных и большинства центральных регионов сокращается, то во многих южных регионах оно растет, как и в южных странах, входивших ранее в СССР.

Целью данной статьи является анализ изменения территориальной структуры населения двух российских регионов с растущим населением в сравнении с тремя регионами Центрального федерального округа РФ и страной с быстро растущим населением (Киргизия). В пяти российских регионах рассматривается динамика численности населения муниципальных образований, в Киргизии — регионов.

Методика

В данной статье анализируется изменение пространственного распределения населения в период рыночных реформ. Исследование было основано на данных по динамике численности населения, также использовались данные по показателям, характеризующим эффективность экономики. Рассматривались и сравнивались межпереписные периоды 1970–1989 гг. и 1989–2022 гг., а также периоды между последовательными переписями населения, поскольку они дают более точные данные, чем данные по численности населения, которые ежегодно публикует Росстат.

Кроме динамики численности населения, рассматривались динамика занятости, изменение валового регионального продукта (ВРП), ВРП на душу населения (для регионов республики), объемы отгруженной продукции, производительность труда (для муниципальных образований российских регионов). В качестве факторов, влияющих на данные показатели, кроме расстояния до столицы страны (административного центра региона), рассматривалась численность населения и удельного количества студентов вузов и учреждений СПО.

Для анализа динамики численности населения регионов Киргизии для учета особенностей страны (высокая рождаемость и миграция, концентрация университетов в Бишкеке, концентрация узбекского населения вокруг г. Ош и быстрый рост региона) была разработана специальная методика. В ходе анализа различных экономических показателей было выявлено влияние профессионального образования.

На полученных статистических данных регионов строились и анализировались графики изменения численности населения и других показателей в зависимости от расстояния до столицы. Анализировалось влияние на динамику численности населения эффективности экономики территорий, оцениваемой по производительности труда.

Для расчетов использовалась линейная функция, в отдельных случаях более хорошие статистические характеристики получались для гиперболы и мультипликативной функции с отрицательным показателем.

$$p = A + l + \sum_i d_i \cdot x_i,$$

где: p — изменение численности населения; l — расстояние от административного центра муниципалитета до столицы региона; x_i — факторы; A , d — константы.

Данные и их анализ

Была собрана информация по основным экономическим показателям регионов Киргизии на основе статистических сборников и баз данных, имеющихся в интернете в свободном доступе (Межгосударственный статистический комитет СНГ, Национальный статистический комитет Кыргызской Республики). Данные для проведения исследований по муниципальным образованиям отдельных российских регионов (численность населения, оборот организаций, численность занятых и др.) были взяты на сайте Росстата (база данных показателей муниципальных образований), также использовались демографические справочники Росстата и региональные статистические сборники. Численность населения бралась по данным переписей населения СССР 1970 г., 1979 г., 1989 г., РФ — 2002 г., 2010 г., 2020 г., КР — 1999 г., 2009 г. и 2020 г. В РФ перепись 2020 г. проводилась осенью 2021 г., в КР — весной 2022 г. Данные использовались для сравнительного анализа динамики численности населения и других показателей муниципальных образований регионов РФ и регионов Кыргызстана.

Кыргызская Республика состоит из 9 регионов, для сравнения с ней рассматривались регионы с растущей численностью населения и сравнимым количеством муниципальных образований — Республика Алтай, включающая 11 муниципальных образований и Кабардино-Балкария, включающая 13 муниципальных образований, а также Белгородская область, где рост численности населения остановился в последние годы, и регионы, где с начала реформ численность населения падает (Воронежская и Ярославская области). Республика Алтай и Кабардино-Балкария — горные регионы, как и Кыргызстан.

Численность населения Кыргызской Республики быстро растет, лишь в последние годы темпы роста населения немного замедлились. Особенности страны являются горный рельеф и малонаселенность отдельных территорий, а также нахождение части страны в Ферганской долине, где проживает узбекское население.

Численность населения Республики Алтай растет с середины 2000-х годов и в 2021 г. составила 109 % к уровню 2000 г. После кризиса 2008–2009 гг. численность занятых в экономике Республики Алтай стала убывать, лишь в последние годы она стабилизировалась. В Кабардино-Балкарии некоторое время снижалась и была минимальной в 2007 г., но затем стала расти. Численность занятых в экономике долгое время убывала, но в последние годы начался небольшой рост.

Численность населения Белгородской области росла, но с середины 2010-х гг. стала снижаться, также остановился и рост занятости. Население Воронежской области снижалось, падала и численность занятых в экономике, но в последние годы она стабилизировалась. Численность населения Ярославской области постоянно уменьшалась, численность занятых в экономике росла до кризиса 2008–2009 гг., а после него стала снижаться.

Результаты и обсуждение

До начала реформ в большинстве регионов зависимость динамики численности населения от расстояния до административного центра региона отсутствовала. Зависимость от численности населения района (города) также отсутствовала, лишь для крупных районов (городов) зависимость показывала, что чем больше численность населения, тем лучше была демографическая ситуация.

В Ярославской области искомая зависимость проявилась уже в 1970-х гг., падение численности населения в более близких к Ярославлю городах было незначительно (население ближайшего Тутаевского района росло до 2000-х гг.), а чем дальше от Ярославля, тем быстрее население сокращалось. Исключение составляли

Рыбинск, Углич и Переславль-Залесский, промышленные и туристские центры. Надо отметить, что численность населения Ярославля быстро росла, а Ярославского района снижалась (рис. 1).

После начала реформ сложившаяся тенденция сохранилась, но численность населения Рыбинска стала быстро сокращаться (рис. 2). Лишь в ближайших к Москве Угличском и Переславском (с городом Переславль-Залесский) районах численность населения снижалась заметно медленнее, экономика этих районов развивалась очень быстро, в 2010-х гг. темпы роста превышали средние по региону в два раза. Данные муниципальные образования входят в Золотое кольцо, что создает дополнительные возможности для их развития за счет туризма. Промышленность Рыбинска имела оборонную направленность и не восстановилась в 2000-х гг. Надо отметить, что теперь быстро росло население Ярославского района, а население города Ярославля сокращалось.

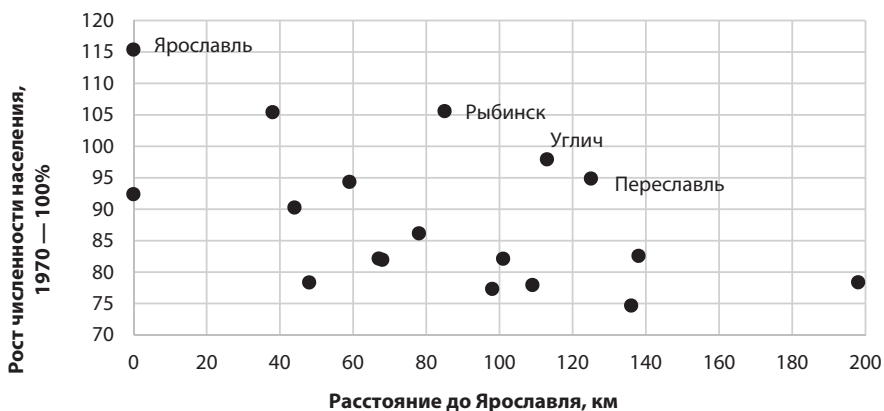

Рис. 1. Динамика численности населения муниципальных образований Ярославской области в 1970–1979 гг.

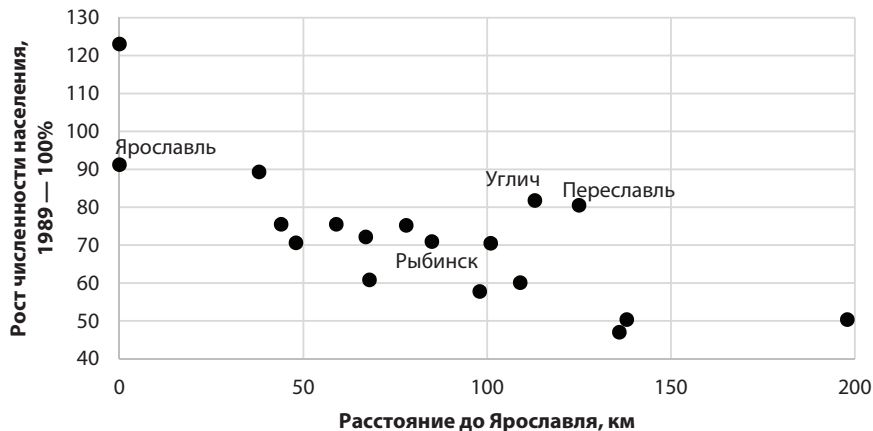

Рис. 2. Динамика численности населения муниципальных образований Ярославской области в 1989–2020 гг.

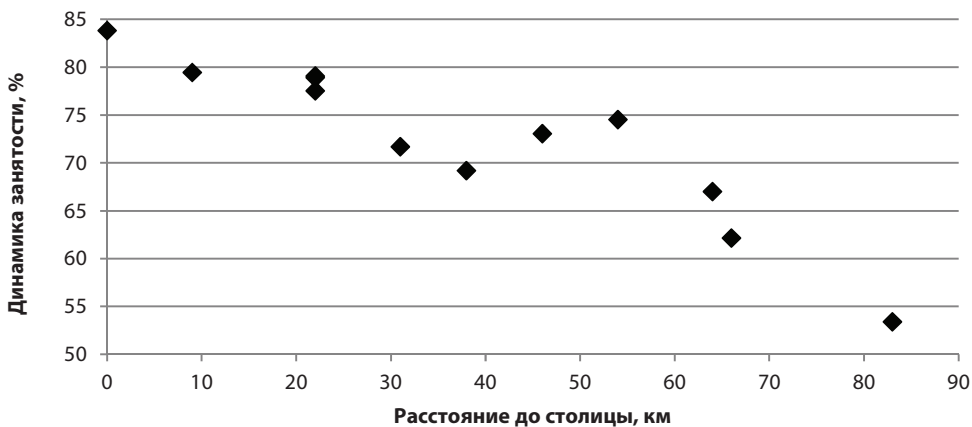

В Воронежской области в 1970-х гг. также сформировалась зависимость динамики численности населения от расстояния до Воронежа, но лишь в пределах 75 км от него — ближние муниципалитеты мало теряли население, спад в более дальних был сильнее, можно сказать, что они попадали в агломерационную тень. А с 2002 г. зависимость распространилась на большинство муниципальных образований. Лишь два южных граничащих с Ростовской областью муниципальных образования — Богучарский и Россошанский районы показывают отсутствие данной зависимости». Особенностью Богучарского района является трасса М-4, соединяющая Москву с югом страны. Граничащий с Луганской Народной Республикой Россошанский район является крупным центром химической промышленности.

В Белгородской области также в 1970-х гг. сформировалась зависимость динамики численности населения от расстояния до Белгорода в пределах 75 км — ближние районы мало теряли население, спад в более дальних был сильнее. У остальных муниципалитетов подобная зависимость отсутствовала. Быстро росло население города Белгорода. После начала реформ указанная зависимость распространилась на всю область — чем дальше от Белгорода, тем быстрее снижалась численность населения. Исключение — крупный промышленный центр Старый Оскол, где население перестало расти только в 2010-х гг., и самый дальний, расположенный на границе с Украиной и Воронежской областью, Ровенький район. Также надо отметить быстрый рост Белгородской агломерации при снижении численности населения Белгорода. Численность населения Белгородского района с 2002 г. по 2020 г. выросла более чем в два раза. Также после кризиса 2008–2009 гг. сложилась такая зависимость: чем дальше от Белгорода, тем быстрее снижается занятость (в ближайших муниципальных образованиях занятость растёт).

В Кабардино-Балкарии в 1970-х гг. быстрее всего росла численность населения в ближайших к административному центру региона — Нальчику — районах и в наиболее отдаленных. Но уже в 1980-х гг. рост населения в наиболее отдаленных районах стал замедляться. После начала реформ рост населения продолжился и, как и в других регионах, сформировалась зависимость: чем дальше муниципальное образование от Нальчика, тем медленнее в нем растёт население. Рост населения Нальчика незначительный, но быстро растёт население муниципальных образований вблизи Нальчика, где проходят железные дороги, сосредоточены филиалы вузов и учреждения СПО (города Терек и Прохладный). Территория республики небольшая, значительная часть населения живёт вблизи Нальчика. Рост численности населения в муниципальных образованиях не ведёт к росту занятости в них, а после кризиса 2008–2009 гг. появилась линейная зависимость изменения занятости от расстояния до Нальчика: чем дальше, тем она быстрее сокращается (рис. 3). Подобной зависимости для показателей, характеризующих объёмы производства, его эффективность и их динамику нет.

Республика Алтай значительно больше по территории, чем Кабардино-Балкария. В 1970-х годах росла численность населения в ближайших к столице региона — Горно-Алтайску — районах и в наиболее отдаленных. Можно сказать, что на расстоянии до 200 км от Горно-Алтайска сформировалась зависимость динамики численности населения. До 1980-х гг. быстрее всего росла численность населения Горно-Алтайска, позднее быстрее рос пригородный Майминский муниципальный район. Сформировавшаяся ранее зависимость сохранилась, хотя численность населения наиболее отдаленных муниципальных образований растёт медленнее, чем ближайших к Горно-Алтайску. Занятость в последнее десятилетие убывает быстрее по мере отдаления

Рис. 3. Динамика численности занятых муниципальных образований Кабардино-Балкарии в 2008–2022 гг. в зависимости от расстояния до Нальчика

от Горно-Алтайска, за исключением отдаленного Улаганского муниципального района. В самом отдаленном приграничном Кош-Агачском муниципальном районе, несмотря на быстрый рост населения, занятость быстро падала. Также в районе быстрее всего падали производство и производительность труда. Зависимости динамики производства и производительности труда не были обнаружены, но величина производительности труда убывает по мере отдаления от Горно-Алтайска.

Демографическая ситуация в Кыргызстане отличается от большинства российских регионов и немного похожа на ситуацию в Республике Алтай. Если для российских регионов по мере удаления от столицы региона численность населения муниципальных образований быстрее убывала, то для Кыргызской Республики ситуация обратная. Бишкек и Южный Кыргызстан разделяют горы, и в том числе поэтому агломерационная тень Бишкека распространяется на большое расстояние, ближайшие горные регионы растут достаточно медленно, причем это касается и ВРП, и ВРП на душу населения. В то же время население города Ош и окружающих его регионов, находящихся в Ферганской долине на границе с Узбекистаном, быстро растет. Зависимость многих показателей от расстояния до столицы страны напоминает латинскую букву U. Также надо отметить, что в Кыргызстане чем больше удельное количество студентов СПО в регионе, тем быстрее растет ВРП. Ош развивается наиболее успешно, хотя ВРП «южной столицы» относительно невелик. В городе быстро растут ВРП и ВРП на душу населения.

Заключение

На основании проведенного исследования показано влияние начала рыночных реформ на пространственное развитие регионов, динамика численности населения и некоторых других показателей зависит от расстояния до административного центра региона. Как уже отмечалось, скорость концентрации населения зависит от объема локального рынка. Часть граничащих с другими регионами и странами муниципальных образований оказывается в сфере их влияния и при наличии большого рынка в этих регионах и странах может достаточно быстро развиваться.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00446 «Влияние формирования агломерации на развитие экономики региона в целом»).

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the project No. 23-28-00446 «The impact of agglomeration formation on the development of the region's economy as a whole».

Список источников

Буфетова, А. Н. (2016). Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России. *Пространственная экономика*, 3, 38–56.

Буфетова, А. Н. (2020). Как меняется распределение размеров городов России. *Интерэкспо Гео-Сибирь*, 3(1), 35–43. <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2020-3-1-35-43>

Волков, А. Д., Симакова, А. В., Тишков, С. В. (2022). Пространственная дифференциация факторов миграции населения арктического региона (на примере карельской Арктики). *Регион: экономика и социология*, 3(115), 155–186. <https://doi.org/10.15372/REG20220307>

Дружинин, П. В. (2023). Оценка влияния факторов на динамику численности населения муниципальных регионов Европейского Севера. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 3, 78–91. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.005>

Дружинин, П. В., Зимин, Д. А. (2019). Влияние внешних шоков на пространственную структуру населения приграничных территорий. *Вестник СПбГУ. Серия Экономика*, 3, 397–418. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.304>

Зубаревич, Н. В. (2019). Неравенство регионов и крупных городов: что изменилось в 2010-е годы? *Общественные науки и современность*, 4, 57–70. <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>

Коломак, Е. А. (2014). Эволюция пространственного распределения экономической активности в России. *Регион: экономика и социология*, 3, 75–93.

Кузнецова, О. В. (2022). «Вторые» города в государственном регулировании пространственного развития. *Terra Economicus*, 20(4), 129–140. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140>

Мартынов, В. Л. (2000). *Коммуникационная среда и региональное развитие России*. СПб.: Гидрометеоздат, 160.

Мкртчян, Н. В., Карачурина, Л. Б. (2014). Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы. *Балтийский регион*, 2(20), 62–80. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-4>

Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения. *Демографическое обозрение*, 7(2), 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>

Рыбаковский, Л. Л. (2001). *Стадии миграционного процесса. Миграция населения: приложение к журн. «Миграция в России»*. М.: М-во по делам федерации, нац. иммигрант. политики Российской Федерации, 5, 160.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Фаузер, Г. Н. (2021). Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов Российского Севера. *Экономика региона*, 17(2), 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>

References

Bufetova, A. N. (2016). Spatial aspects of economic activity concentration in Russia. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 3, 38–56. (In Russ.)

Bufetova, A. N. (2020). How does city size distribution in Russia change? *Interexpo Geo-Siberia*, 3(1), 35–43. <https://doi.org/10.33764/2618-981X-2020-3-1-35-43> (In Russ.)

Druzhinin, P. V. (2023). Evaluating the impact of geographic and socio-economic factors on population dynamics in municipalities across the European North of Russia. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 3, 78–91. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.005> (In Russ.)

Druzhinin, P. V., & Zimin, D. A. (2019). Influence of external shocks on the spatial structure of the population of the border territories. *Vestnik SPbGU. Seriya Ekonomika [St. Petersburg University Journal of Economic Studies]*, 3, 397–418. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.304> (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., & Fauzer, G. N. (2021). Demographic Assessment of the Sustainability of Small and Medium-sized Cities in the Russian North. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 17(2), 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14> (In Russ.)

Kolomak, E. A. (2014). Evolution of the Spatial Distribution of Economic Activities in Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 3, 75–93. (In Russ.)

Kuznetsova, O. V. (2022). Second-tier cities in the state regulation of spatial development. *Terra Economicus*, 20(4), 129–140. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140> (In Russ.)

Martynov, V. L. (2000). *Kommunikatsionnaya sreda i regionalnoe razvitie Rossii [Communication environment and regional development of Russia]*. St. Petersburg: Hydrometeoizdat, 160. (In Russ.)

Mkrtychyan, N. V., & Karachurina, L. B. (2014). The Baltics and Russian North-west: the core and the periphery in the 2000s. *Baltiyskiy region [Baltic Region]*, 2(20), 62–80. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-4> (In Russ.)

Nefedova, T. G., & Trayvish, A. I. (2020). Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 7(2), 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138> (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2001). *Stadii migratsionnogo protsesssa. Migratsiya naseleniya: prilozhenie k zhurn. «Migratsiya v Rossii» [Stages of the migration process. Migration of the population: an appendix to the journal. "Migration in Russia"]*. Moscow: Ministry of Federation Affairs, National and Migration Policy, Issue 5, 160. (In Russ.)

Volkov, A. D., Simakova, A. V., & Tishkov, S. V. (2022). Spatial differentiation of migration factors in the arctic region (case study of the Karelian Arctic). *Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 3(115), 155–186. <https://doi.org/10.15372/REG20220307> (In Russ.)

Zubarevich, N. V. (2019). Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s? *Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 4, 57–70. <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7> (In Russ.)

Информация об авторах

Седова Ксения Евгеньевна — младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН; <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453> (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: ks.skidava@gmail.com).

Дружинин Василий Павлович — экономист, Институт экономики Карельского научного центра РАН; <https://orcid.org/0009-0002-4392-111X> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: step_by_step@list.ru).

About the authors

Ksenia E. Sedova — Research Assistant, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-9005-4453> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: ks.skidava@gmail.com).

Vasily P. Druzhinin — Economist, Karelian Research Centre of the RAS; <https://orcid.org/0009-0002-4392-111X> (50, Al. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: step_by_step@list.ru).

УДК 93/94

JEL classification: B25

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-11>

Современные внешние миграционные потоки Республики Башкортостан: исторические связи и перспективы развития¹

В. Р. Султангулов

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия).
<https://orcid.org/0009-0003-8325-0071>

Автор для корреспонденции: В. Р. Султангулов (Su.vladik@yandex.ru).

Аннотация. Данная работа посвящена изучению миграционных процессов Республики Башкортостан в межрегиональном и международном аспекте. Даны краткие аналитические очерки по основным регионам и странам миграционного оттока. В работе были использованы актуальные данные Башстата за 2011–2022 гг., а также применены данные из научной литературы. Результаты исследования могут быть полезны при выработке новой концепции миграционной политики для Правительства Республики Башкортостан, для парламента — Курултая Республики Башкортостан, а также для Министерства труда Республики Башкортостан и Министерства образования Республики Башкортостан. В данной работе были применены принципы историзма в изучении культурных связей с миграционными потоками и статистические методы в количественной оценке миграции. В результате исследования проанализированы причины миграционной убыли, а также количество миграционного оттока за исследуемый период, даны оценки влияния процессов на социально-экономическое развитие региона. В дальнейшем возможно детальное исследование причин миграционного оттока относительно отдельных регионов и стран.

Ключевые слова: историко-культурные связи; межрегиональная миграция; внешняя миграция; Республика Башкортостан

Modern External Migration Flows of the Republic of Bashkortostan: Historical Connections and Development Prospects

V. R. Sultangulov

Ufa Federal Research Center of RAS (Ufa, Russia).
<https://orcid.org/0009-0003-8325-0071>

Corresponding author: V. R. Sultangulov (Su.vladik@yandex.ru).

Abstract. The study examines migration processes in the Republic of Bashkortostan and their inter-regional and international aspects. Brief analytical essays on the main regions and countries of migration outflow are given. Relevant data of Bashstat for 2011–2022, as well as scientific literature are analysed. The findings can be used to develop a new concept of migration policy for the Government of the Republic of Bashkortostan, the State Assembly — Kurultai of the Republic of Bashkortostan, as well as for the Ministry of Labour and the Ministry of Education of the Republic of Bashkortostan. In this work, the principles of historicism were applied to study cultural relations with migration flows, while statistical methods were used for the quantitative assessment of migration. As a result, the causes of migration loss, as well as the number of migration outflows during the study period were analysed; the impact of these processes on socio-economic development of the region was assessed. Future research can focus on a detailed study of the causes of migration outflow in relation to individual regions and countries.

Keywords: historical and cultural ties; interregional migration; external migration; Republic of Bashkortostan

¹ © Султангулов В. Р. Текст. 2024.

Введение

Большинство исследований по демографии указывают на постепенное старение населения России, наиболее остро ощущаемое в регионах. Задержанные эпидемиологической ситуацией процессы миграционной убыли населения в Республике Башкортостан к 2022 г. были возобновлены развивающимися темпами, что ухудшает демографические проблемы.

В 2015 г. была принята Концепция миграционной политики Республики Башкортостан до 2025 г. В связи с приближением сроков окончания действия данной концепции, а также появлением внешних факторов, помешавших ее реализации, актуальным становится проведение исследования межрегиональной и международной миграции населения Башкирии.

Задача ликвидации миграционной убыли и появления стабильного миграционного притока трудоспособного населения является одной из главных в решении социально-демографических проблем, возникших во многих регионах Приволжского федерального округа.

Основная часть

Развитие процессов глобализации в Российской Федерации и постепенный переход экономики на постиндустриальный этап, предусматривающий высокую значимость сферы услуг, информатизации производства и необходимость роста высококвалифицированных кадров с высшим образованием, увеличивает миграционные процессы в регионах страны (Ильина & Лаптева, 2021). Внешняя миграция Республики Башкортостан увеличивается не только в межрегиональном виде, но также развивается трудовая миграция со странами СНГ и странами дальнего зарубежья (Ахметова, 2021).

Средний уровень доходов населения, специализация региона, уровень безработицы и иные показатели, определяющие уровень жизни, являются основными причинами для миграционных процессов на современном этапе развития Башкирии.

Поскольку Республика Башкортостан является индустриальным регионом, с развитыми отраслями нефтедобычи, ее переработки и машиностроения, более 60 % миграционного притока составляют люди трудоспособного возраста (Попов & Товышева, 2015).

По итогам 2022 г. было установлено, что из других регионов России в Башкирию прибыли 37 227 чел., выбыло 39 087 чел. Из стран СНГ прибыли 10 439 чел., выбыло из Башкирии в страны СНГ 10 615 чел. Из дальних зарубежных стран прибыло 3 555, выбыло 2 998. Таким образом, официальное сальдо межрегиональной миграции составило 1 860 чел., оформивших документы на регистрацию по новому месту жительства. Со странами СНГ соответственно — 176 чел. Со странами дальнего зарубежья +557 чел. По причине внешней миграции общее сальдо составило –1479 чел.

Показатель миграционной убыли является для Республики Башкортостан стабильным с 2011 г. и в основном связан с учебой, работой, возвращением в родную страну (семейным причинам). При этом прирост населения за счет внешней миграции в последнее десятилетие происходит в связи с возвращением наших соотечественников (Швецова & Мерзлякова, 2021).

Активно развиваются миграционные процессы и со странами СНГ. В частности, число прибывших граждан Азербайджана составило 581 чел., выбывших 711 чел. (убыль 130 чел.), Туркменистана — 352 и 197 чел. соответственно (прирост 155), Киргизии — 323 и 361 чел. (убыль 38), Беларуси — 71 и 87 чел. (убыль 16), Республики Молдовы — 44 и 80 (убыль 36) и т. д. В целом миграционные процессы сложно охарактеризовать

однозначно, они имеют сложную структуру, зависят как от внутренней социально-экономической ситуации, так и культурных и экономических связей с конкретными странами (Ахметова, 2022).

Среди постсоветских стран миграционные связи Республики Башкортостан наиболее ярко проявляются с Республикой Таджикистан. В 2022 г. из Таджикистана в Башкирию прибыли 4960 чел., а уехало 3133 чел. Положительное сальдо составило 1827 чел. Данные показатели являются стабильными на протяжении десятилетий и требуют более конкретного изучения. Основным видом прибывающей миграции из Таджикистана является временная трудовая миграция. Выбывание из Республики Башкортостан в Таджикистан в основном происходит после обучения ранее прибывших мигрантов, а также возвращения трудовых мигрантов. Стоит понимать значимость каждой категории мигрантов из Таджикистана. Временные трудовые мигранты не оказывают существенного воздействия на демографические процессы в Башкирии, они сглаживают безработицу, и несмотря на вывод денежных средств из региона после отъезда обеспечивают своим трудовым участием развитие предприятий и обогащение региона (Акрамов & Хуснутдинова, 2018). Лишь малая часть мигрантов-переселенцев оказывает влияние на демографические (воспроизводственные) процессы в регионе, увеличивая число браков и рождаемости населения, тем самым положительно влияя на ее половозрастную структуру.

Республика Таджикистан обладает большими трудовыми ресурсами с высоким уровнем мобильности работников. Ежегодно в Россию пребывает более 2,5 млн трудовых мигрантов из Таджикистана, и лишь менее 10 % могут за этот период обеспечить себе достаточно высокий уровень заработка и комфортные условия жизни, чтобы остаться жить на постоянной основе, перевезти в дальнейшем свою семью в Россию. В связи с этим потенциалом выравнивания демографической ситуации в Башкирии обладает улучшение условий жизни и трудоустройства мигрантов из Таджикистана, в том числе возможность прибывших получать высшее образование (Акрамов & Хуснутдинова, 2019).

Большое внимание во взаимном сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Республикой Таджикистан уделяется развитию экономических связей: направляются бизнес-делегации, открываются взаимные производства, подписываются экономические соглашения. По росту товарооборота за 2022-2023 г. (в сравнении с предыдущим годом) на 8% Башкирия является лидером по налаживанию экономических связей с Таджикистаном (текущие делопроизводственные источники), что становится актуальным в условиях санкций западноевропейских стран. Приезжее население легко адаптируется к обычаям и культурным ценностям народов Башкирии, что создает большие возможности для увеличения трудовой миграции.

Численность населения трудоспособного возраста в Республике Башкортостан стабильно падает, вместе с тем растет доля пенсионеров по отношению к группе трудоспособного возраста (Шевалдина, 2015). Если в 2011 г. такое соотношение было равно 32 % (пенсионер (820803) к трудоспособному (2507067)), то к 2021 г. это соотношение стало 43 % (971675 к 2221829 соответственно). Постепенное старение населения приводит к уменьшению возможностей экономического роста региона и снижению уровня жизни всего населения. В связи с этим является актуальным привлечение трудовых ресурсов из Таджикистана, удешевление транспортных расходов и налаживание регулярных авиасообщений, выработка программы переселения с региональной поддержкой и целевое обучение студентов-мигрантов с гарантированным трудоустройством.

Другим примером миграции населения региона со странами СНГ является Узбекистан. За 2022 г. в Башкирию из Узбекистана прибыло 2 232 чел., а выбыло 3 125 чел. Баланс миграции является стабильно отрицательным, и в 2022 г. составил –893 чел., при этом большая часть из них являются не бывшими трудовыми мигрантами, а коренным населением региона трудоспособного возраста. Узбекистан является духовным центром притяжения для эмигрантов тюркского мира, и на него приходится основной миграционный отток из региона. Тесная культурная близость узбекской культуры с культурами народов Башкирии становится основным фактором, способствующим ускорению миграционных процессов. 41 % миграционного оттока в страны СНГ приходится на Узбекистан, при этом уезжает трудоспособное население Башкирии, что имеет негативные последствия в долгосрочной перспективе и требует детального изучения, выходящего за рамки статьи. Для развития культурных отношений с Узбекистаном необходимо поддерживать отношения с уехавшими из Республики Башкортостан соотечественниками (любой национальности), финансировать программы по их возвращению.

Относительно миграционных процессов Башкирии с дальними зарубежными странами можно выделить три страны, которые играют ключевую роль: Индия, Египет и Вьетнам. Прибывает из Индии 24,5 % мигрантов по соотношению ко всем мигрантам из стран дальнего зарубежья, из Египта 25,2 % и Вьетнама 13,8 % соответственно. Выбывает в Индию 14,7 %, Египет 25,4 % и Вьетнам 26,9 % мигрантов. Данные страны долгое время являются торговыми партнерами Башкирии, помимо этого, заключены договоры о научном, техническом и культурном сотрудничестве, что облегчает прибытие абитуриентов, поступающих в региональные высшие учебные заведения. По предоставленным выше данным можно судить о постепенном переселении на постоянное место жительства в регион студентов из Индии, в то время как во Вьетнам идет миграционный отток населения трудоспособного возраста. Мигранты из Вьетнама стабильно прибывали в Республику Башкортостан в начале XXI в., и начавшийся процесс оттока является маркером, на который стоит обратить внимание, чтобы найти истинные причины оттока ранее переселившихся мигрантов.

В основном международная миграция с дальними странами, такими как Афганистан, Турция, Йемен, Ирак, Грузия, идет за счет прибывших на обучение, и после окончания учебы студенты покидают регион, возвращаясь в свою страну. Данный вид мигрантов трудно приспособляется к чужому для них обществу, актуальной для них является помощь в изучении русского языка.

В 2022 г. межрегиональная миграция составила 37 тыс. чел. прибывших из других регионов в Башкирию, и 39 тыс. чел. — выбывших из Башкирии в другие регионы. При этом основным регионом выбытия на постоянное место жительства стала Республика Татарстан. В данный регион выбыло 4 тыс. чел., что, видимо, произошло из-за задержки переселения в период трудной эпидемиологической ситуации до этого. Основными направлениями временной трудовой миграции в другие регионы традиционно выступают Тюменская область, Челябинская область и Республика Татарстан. Более 60 % оттока рабочей силы приходится на Тюменскую область (более 107 тыс. чел.), что связано с работой вахтовым методом в нефтяной отрасли с высоким уровнем оплаты труда.

Межрегиональная миграционная убыль характерна не только для Башкирии, но также для всех регионов Приволжского федерального округа, исключая Республику Татарстан, где наблюдается миграционный прирост. Башкирия теряет население трудоспособного возраста по таким же причинам, как и большинство регионов

ПФО, — из-за заметного уровня безработицы и невысокой оплаты труда, по сравнению с соседними регионами. В современных условиях развитой транспортной инфраструктуры и открытости информации, а также увеличения количества студентов, обучающихся за пределами региона, переселение является недорогим и доступным процессом для населения трудоспособного возраста (Галин и др., 2016). В связи с этим даже небольшая разница в уровне жизни с соседними регионами вызывает миграционные оттоки внутри Российской Федерации, что говорит о необходимости выравнивания условий жизни и уровня доходов, а для региональных властей ставит задачу опережения в развитии по сравнению с соседними регионами, поскольку возникает острая ситуация конкуренции за трудовые ресурсы.

По итогам 2022 г. ситуация в межрегиональной и международной миграции сложилась вновь убыточной. Отток молодого трудоспособного населения из-за существующих социально-экономических проблем порождает критические проблемы в долгосрочной перспективе, поскольку приведет к снижению репродуктивного потенциала региона и старению населения. В связи с объективными ограничениями бюджетных мест в высших учебных заведениях также возникает отток абитуриентов в центральные регионы России, и данная тенденция может быть ослаблена только повышением рейтинга учреждений среди всех высших учебных заведений в России. Из числа уезжающих из Башкирии граждан 49 % имеют высшее образование, а приезжающие в основном имеют низкую квалификацию, и этот процесс размывает интеллектуальный человеческий капитал республики (Ахметзянова, 2022). В 2022–2023 гг. ситуация с миграцией была сбалансирована вынужденной миграцией жителей с территорий проведения СВО, что в сумме составило около 800 чел., и большая часть из них была с высшим образованием. Однако только 30 % из 200 опрошенных беженцев желают остаться работать в Республике Башкортостан, что в дальнейшем выявит реальную картину демографической ситуации в регионе (Егорышев & Мигунова, 2023).

Заключение

Впервые в истории региона достигается критическое соотношение пенсионеров и населения трудоспособного возраста, демографическая ситуация требует принятия решения в настоящий момент, а не в долгосрочной перспективе. В связи с этим необходим пересмотр принципов региональной миграционной политики, улучшения культурных связей со странами основного оттока трудоспособного населения и налаживания эффективной программы возвращения соотечественников.

Миграционная убыль ухудшает естественные демографические процессы в Республике Башкортостан, но в то же время при правильном подходе борьба с данной тенденцией может стать ключом решения проблемы. Временные миграционные притоки из Таджикистана, Узбекистана, Египта и Индии показывают потенциальную привлекательность Башкирии для студентов и рабочих постсоветских стран и стран дальнего зарубежья. Продолжение политики научного, культурного сотрудничества с дружественными странами поможет усилить эти миграционные притоки, а улучшение программы адаптации переселенцев может улучшить и репродуктивные показатели населения региона, его омоложение уже в ближайшей перспективе.

Сложнее ситуация сложилась с межрегиональной миграционной убылью населения, которая может быть уменьшена, в первую очередь, выравниванием уровня жизни и доходов с соседними регионами и улучшением рейтинга и количества бюджетных мест высших учебных заведений Башкирии среди центральных регионов России.

Данные мероприятия требуют долгосрочных инвестиций и продуманной программы, способной обеспечить опережающее соседние регионы экономическое развитие. Для студентов, окончивших обучение в других регионах России, необходимо продумать меры по их возвращению и приоритетному трудоустройству в Башкирии, поскольку это критически влияет на качество трудоспособного населения.

Исторически сложившиеся межрегиональные и международные миграционные связи формируют снижение количества и качества трудоспособного населения региона. В связи этим необходимо принимать взвешенные меры по сокращению миграционной убыли и сегрегированные меры по возвращению и привлечению трудоспособного населения из других регионов и стран.

Список источников

Акрамов, Ш. Ю., Хуснутдинова, Л. Г. (2018). Миграционные потоки из Таджикистана в Россию в социально-демографическом разрезе. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*, 4(26), 122–128.

Акрамов, Ш. Ю., Хуснутдинова, Л. Г. (2019). Трудовая и учебная миграция из Таджикистана в Башкортостане. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*, 4(30), 36–40.

Ахметзянова, М. И. (2022). Ключевые характеристики современного мигранта Республики Башкортостан. *Научные записки молодых исследователей*, 6, 67–71.

Ахметова, Г. Ф. (2021). Динамика трудовой миграции в Башкортостане. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 21(2), 265–276.

Ахметова, Г. Ф. (2022). Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы). *Новые исследования Тувы*, 2, 53–69.

Галин, Р. А., Прудников, В. Б., Утяшева, И. Б., Шамсутдинова, Н. К. (2016). Возможные демографические перспективы Республики Башкортостан на период до 2030 г. *Уровень жизни населения регионов России*, 12(3), 206–213.

Егорышев, С. В., Мигунова Ю. В. (2023). Организация мер социальной поддержки переселенцев из Донецка и Луганска в Республике Башкортостан. *Вопросы управления*, 17(1), 20–32.

Ильина, В. Ф., Лаптева, Е. В. (2021). Глобализация и Россия. *E-Scio*, 1(52), 80–91.

Попов, К. Г., Тovyшева, А. А. (2015). Оценка эффективности внешней трудовой миграции в Республике Башкортостан. *Российское предпринимательство*, 16(21), 3847–3858. <http://doi.org/10.18334/rp.16.21.2020>

Швецова, А. В., Мерзлякова В. А. (2021). Миграционные процессы в Республике Башкортостан. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, 9(61), 76–80.

Шевалдина, Е. И. (2015). Миграционная ситуация и ее влияние на трудовые ресурсы в Республики Башкортостан. *Международный научно-исследовательский журнал*, 3, 55–58.

References

Akhmetova, G. F. (2022). Migration processes in national republics with different levels of human development: the cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva. *Novye issledovaniya Tuva [The new research of Tuva]*, 2, 53–69. (In Russ.)

Akhmetova, G. F. (2021). Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 21(2), 265–276. (In Russ.)

Akhmetzyanova, M. I. (2022). Key Characteristics of the Modern Migrants of the Republic of the Bashkortostan. *Nauchnye zapiski molodykh issledovateley [Scientific notes of young researchers]*, 6, 67–71. (In Russ.)

Akramov, Sh. Yu., & Khusnutdinova, L. G. (2018). Migration flows from Tajikistan to Russia in a socio-demographic section. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika [Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy]*, 4(26), 122–128. (In Russ.)

Akramov, Sh. Yu., & Khusnutdinova, L. G. (2019). Labor and training migration from Tajikistan to Bashkortostan. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika [Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy]*, 4(30), 36–40. (In Russ.)

Egoryshev, S. V., & Migunova Yu. V. (2023). Arranging social measures to support resettlers from Donetsk and Lugansk to the Republic of Bashkortostan. *Voprosy upravleniya [Management issues]*, 17(1), 20–32. (In Russ.)

Galim, R. A., Prudnikov, V. B., Utyasheva, I. B., & Shamsutdinova, N. K. (2016). Possible Demographic Prospects of the Republic of Bashkortostan for the period up to 2030. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 12(3), 206–213. (In Russ.)

Ilyina, V. F., & Lapteva, E. V. (2021). Globalization and Russia. *E-Scio*, 1(52), 80–91. (In Russ.)

Popov, K. G., Tovysheva, A. A. (2015). Efficiency evaluation of the external labor migration in the Republic of Bashkortostan. *Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Journal of Entrepreneurship]*, 16(21), 3847–3858. <http://doi.org/10.18334/rp.16.21.2020> (In Russ.)

Shevaldina, E. I. (2015). The impact of modern migratory situation on the labour force in the Republic of Bashkortostan. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]*, 3, 55–58. (In Russ.)

Shvetsova, A. V., & Merzlyakova V. A. (2021). Migration processes in Bashkortostan Republic. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki*, 9(61), 76–80. (In Russ.)

Информация об авторе

Султангулов Владик Робертович — аспирант, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; <https://orcid.org/0009-0003-8325-0071> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71; e-mail: Su.vladik@yandex.ru).

About the author

Vladik R. Sultangulov — PhD Student, Ufa Federal Research Center of RAS; <https://orcid.org/0009-0003-8325-0071> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: Su.vladik@yandex.ru).

УДК 314.7

JEL classification: O15, P 23

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-12>

Миграции в зеркале переписей населения¹

В. В. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Автор для корреспонденции: В. В. Фаузер (fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vfauser.ru/>).

Аннотация. Миграции населения для Республики Коми всегда играли первостепенную роль. До конца XIX в. они проходили в форме колонизации, затем был период принудительной миграции, позволившей увеличить население Коми края в разы; на смену принуждению пришел оргнабор и период северной романтики, начало 1990-х гг. характеризуется массовым оттоком населения и потерей краем привлекательности у населения других территорий. Особое внимание в статье уделено трансформации генетической структуры населения, раскрываются региональные миграционные связи, на материалах переписи населения 2021 г. показываются основные причины смены места жительства.

Ключевые слова: Республика Коми; миграции; переписи населения

Migration in the Mirror of Population Censuses

V. V. Fauzer

Institute of Socio-economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre
of the Ural Branch of the RAS (Syktывkar, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Corresponding author: V. V. Fauzer (fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vfauser.ru/>).

Abstract. Population migrations have always played an important role in the Komi Republic. Until the end of the 19th century, they took the form of colonisation; then, there was a period of forced migration, which allowed to greatly increase the population of the Komi Republic. The regime of coercion was replaced by organisational recruitment (a period of northern romance); however, the beginning of the 1990s is characterised by a massive outflow of population and loss of the region's attractiveness among the population of other territories. The study pays special attention to the transformation of the genetic structure of the population, reveals regional migration connections. Based on the materials of the population census of 2021, the article shows the main reasons for the change of place of residence.

Keywords: Komi Republic; migration; population censuses

Введение

Материалы переписей населения позволяют текущую статистику дополнить информацией о продолжительности проживания, о месте рождения, о миграционной истории респондентов и ряду других характеристик. Самым долговечным является показатель «продолжительность проживания в месте постоянного жительства не с рождения». Он важен тем, что позволяет оценить стадию процесса формирования населения; в научной литературе его трактуют как показатель генетической структуры. Чаще всего в генетической структуре выделяют две группы: старожилов и новоселов. «Старожилы — это люди, прожившие в той или иной местности достаточно длительное время (свыше 8–10 лет), после которого их миграционная подвижность становится близкой к ее уровню у местных уроженцев. Новоселы — это мигранты, прожившие в том или ином районе менее

---

¹ © Фаузер В. В. Текст. 2024.

8–10 лет. Поскольку новоселы еще не адаптировались в новых условиях, не прижились к ним, они обладают повышенной миграционной подвижностью, которая во много раз выше, чем у старожилов и местных уроженцев» (Рыбаковский, 1987, с. 37; Рыбаковский, 2008, с. 59–65).

Основная часть

Проводимые переписи в СССР и в новой России не могут быть использованы для сравнения всех переписей по сроку проживания из-за разных оценочных шкал продолжительности проживания.

В переписи населения 2021 г., как и в предыдущих, также был вопрос о продолжительности проживания, в этот раз была предложена более широкая шкала продолжительности проживания. Те, кто менял место жительства были распределены следующим образом: меняли место жительства в период с 2011 по 2021 г. по годам (можно делать любую группировку), меняли в период с 2003 по 2010 г., в 1992–2002 гг. и 1991 г. и ранее. Такое деление позволило получить сопоставимую информацию по продолжительности проживания по первым трем группам: менее двух лет, 2–5 года, 6–9 лет. Далее можно выделить 10–18 лет (ранее было 10–19 лет), 19–29 лет и 30 и более лет (ранее была одна группа 20 и более лет). Чтобы сравнить данные начиная с 1926 г. необходимо население, прожившее более 10 лет объединить в одну группу, а первые три группировки совпадают.

Используя методологию, предложенную Л. Л. Рыбаковским, нам представляется, что новоселов, в свою очередь, можно разделить на собственно новоселов, проживших менее двух лет, «ползучий или промежуточный слой» — 2–5 лет, «завершающих процесс адаптации» — 6–9 лет, и собственно старожилов, проживших более 10 лет. Большинство переписей позволяет выделить группу мигрантов, проживших 10 и более лет, исключение составляет микроперепись населения 2015 г., где рассматривается группа 6 и более лет. Провести сравнение можно за период с 1926 г. по 2021 г., за который имеются сопоставимые данные.

По уточненной классификации можно отметить, что доля новоселов уменьшалась по мере того, как республика «насыщалась» необходимым количеством трудовых ресурсов, а экономическое освоение шло к своему завершению. Все это привело к тому, что доля новоселов (прожили менее 2 лет) с 1926 по 1979 г. сократилась всего на 1,6 п. п., с 1979 по 1989 г. — на 10,3 п. п. В последующие годы развал СССР, закрытие градообразующих предприятий, уход от государственной политики патернализма привели к массовому исходу населения. Одновременно Север стал непривлекательным, перестал быть местом экономического благополучия, притягивать к себе население длинным рублем (Иванов, 1991; Рыбаковский, 1993; Лыткина & Смирнов, 2019а). Все это привело к тому, что доля новоселов с 1989 г. по 2021 г. сократилась в 2,7 раза, в том числе у городского населения в 2,6 раза и у сельского — в 3,1 раза. С 1926 г. по 2021 г. в 2,7 раза снизился «текущий слой» (2–5 лет), и в 1,5 раза уменьшилась доля тех, кто адаптировался к условиям Севера (6–9 лет). На фоне снижения первых трех групп существенно увеличилась доля старожилов: 1926 г. — 40,2 %, 1979 г. — 41,3 %, 1989 г. — 56,5 %, 1994 г. — 74,7 % (в том числе у коми — 74,1 и у русских — 75,3 %), в 2021 г. — 78,4 %. Стоит обратить внимание, что доля старожилов с 1926 г. по 1979 г. (за 53 года) увеличилась всего на 1,1 п. п., за следующие 10 лет (1979–1989) — на 15,2 п. п., а за следующие всего пять лет (1989–1994) — на 18,2 п. п., то есть процесс оседлости шел убаыстряющимися темпами и достиг своего оптимума. Об этом можно судить и по тому, что с 1994 г. по 2021 г. (за 27 лет) доля старожилов увеличилась всего на 3,7 п. п. В целом с 1926 г. по 2021 г. она увеличилась в 2,0 раза, в том числе по городскому в 5,3 раза

и по сельскому населению в 1,7 раза. Еще раз подчеркнем, что в Республике Коми процесс формирования населения завершен, миграционная подвижность соответствует старообжитым территориям (табл. 1).

У внимательного читателя может возникнуть вопрос, почему в таблице 1 не представлены данные переписей населения 2002 и 2010 гг. Дело в том, что при проведении переписей населения 2002 и 2010 гг. распределение населения по продолжительности проживания имело другую шкалу, не сопоставимую с ранее проведенными и последующими переписями. Так, по переписи населения 2002 г. пришлое население делилось на три группы: прожили менее 11 лет — 25,0 %, 11–13 лет — 5,7 % и более 14 лет — 69,3 %. По этой классификации к старожилам можно отнести 75,0 % пришлое население, проживших 11 и более лет. Перепись населения 2010 г. распределила пришлое население на 4 группы: прожили менее 8 лет — 20,4 %, 8–18 лет — 21,4 %, 19–21 год — 6,0 % и более 22 лет — 52,2 %. Здесь к старожилам, прожившим 8 лет и более, можно отнести 79,6 % пришлое население.

Таблица 1

**Распределение населения Республики Коми по продолжительности проживания
в месте постоянного жительства, переписи населения 1926–2021 гг.,
микрореперисы населения 1994 и 2015 гг., %**

Год	Из общего числа проживающих в месте постоянного жительства не с рождения проживают, лет			
	менее 2	2–5	6–9	10 и более
<i>Все население</i>				
1926	24,1	23,9	11,8	40,2
1979	22,5	22,2	14,0	41,3
1989	12,2	17,2	14,1	56,5
1994	5,1	9,1	11,1	74,7
2015*	6,0	11,2	82,81*	—
2021	4,5	9,0	8,1	78,4
<i>Городское население</i>				
1926	38,8	35,1	11,2	14,9
1979	20,8	22,1	14,6	42,5
1989	11,7	17,2	14,6	56,5
1994	4,7	8,5	10,9	75,9
2015*	5,8	10,0	84,2*	—
2021	4,5	8,6	7,7	79,2
<i>Сельское население</i>				
1926	21,5	21,9	12,0	44,6
1979	28,6	22,3	11,9	37,2
1989	14,0	17,1	12,5	56,4
1994	7,5	11,9	12,2	68,4
2015*	6,2	12,7	81,1*	—
2021	4,5	9,9	8,9	76,7

* 2015 г. — население, указавшее продолжительность проживания в месте постоянного жительства 6 и более лет.

Источники: Микрореперис населения 2015. Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html; Всероссийская перепись населения 2021. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Распределение неместных уроженцев / пришлого населения по продолжительности проживания по муниципальным образованиям (МО) показало, что особых отклонений среди муниципалитетов не выявлено, можно отметить лишь незначительные колебания от средней величины. Так, высокой долей новоселов и «текучим слоем» выделяются городские округа (ГО) — Воркута, Усинск и Инта, муниципальные районы (МР) — Удорский, Троицко-Печорский и Усть-Вымский. Выше среднего значения доля «адаптировавшихся» в ГО Инта и Усинск, в МР Троицко-Печорский и Удорский. Среди старожилых республики доля женщин выше, чем доля мужчин, в городских поселениях их больше, чем в сельских. Среди МР, где доля старожилых больше 80 %, можно отметить: Корткеросский, Печора, Прилузский, Сясьский, Усть-Куломский и Усть-Цилемский. Особую группу составляют лица, прожившие в Республике Коми более 30 лет — 48,2 %, в том числе в городской местности — 49,5 % и в сельской — 45,4 %, доля женщин выше мужской. Есть ряд МО, где доля проживающих свыше 30 лет превышает 50 %. К их числу можно отнести: ГО Ухта, МР Корткеросский, Прилузский, Сясьский и Усть-Цилемский. Особо хочется отметить МР Усть-Куломский, где эта доля составляет 60,4 % (табл. 2).

Таблица 2

Распределение населения муниципальных образований Республики Коми по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, перепись населения 2021 г., %

Муниципальные образования	Всего, чел.	Из общего числа проживающих в месте постоянного жительства не с рождения проживают, лет					
		менее 2	от 2 до 5	от 6 до 9	от 10 до 18	от 19 до 29	более 30
Республика Коми	231 761	4,5	9,0	8,1	14,2	16,1	48,2
Мужчины	101 095	5,1	10,1	8,9	15,5	17,3	45,1
Женщины	130 666	4,0	8,2	7,5	13,1	15,1	52,1
Городское население	158 812	4,5	8,6	7,7	13,5	16,2	49,5
Мужчины	67 514	5,2	9,6	8,5	14,7	17,5	44,4
Женщины	91 298	4,0	7,9	7,1	12,6	15,3	53,2
Сельское население	72 949	4,5	9,9	8,9	15,5	15,7	45,4
Мужчины	33 581	4,9	10,9	9,5	17,2	17,0	40,4
Женщины	39 368	4,2	9,1	8,4	14,2	14,6	49,6
<i>Городские округа</i>							
Сыктывкар	60 263	4,9	9,6	7,5	16,1	16,9	44,9
Воркута	15 037	5,7	10,7	8,2	17,6	18,0	39,8
Вуктыл	5 382	4,4	8,8	7,0	15,1	16,1	48,5
Инта	6 157	5,0	10,2	10,1	10,6	15,9	48,2
Усинск	12 577	5,7	11,4	11,4	11,5	16,7	43,3
Ухта	24 568	4,4	9,1	9,1	9,9	15,2	52,3
<i>Муниципальные районы</i>							
Ижемский	7 372	4,5	10,3	8,8	18,0	16,7	41,8
Княжпогостский	4 849	4,6	10,7	9,2	19,2	16,3	40,0
Койгородский	2 905	4,4	9,9	8,4	16,8	17,0	43,6
Корткеросский	7 617	2,8	8,2	6,1	12,5	15,6	54,8
Печора	13 408	3,0	9,6	6,9	13,6	18,3	48,7
Прилузский	6 317	2,6	7,2	5,5	11,6	13,7	59,4

Окончание табл. 2 на след. стр.

Муниципальные образования	Всего, чел.	Из общего числа проживающих в месте постоянного жительства не с рождения проживают, лет					
		менее 2	от 2 до 5	от 6 до 9	от 10 до 18	от 19 до 29	более 30
Сосногорск	11 594	4,3	8,4	8,1	14,9	15,1	49,2
Сыктывдинский	7987	4,4	9,6	8,8	15,8	17,5	44,0
Сысольский	6684	4,2	7,5	7,6	14,3	13,3	53,2
Троицко-Печорский	6298	5,5	13,9	10,3	15,2	13,9	41,2
Удорский	8017	5,7	15,7	11,2	17,3	15,2	34,9
Усть-Вымский	7982	5,3	12,4	9,7	13,5	12,8	46,4
Усть-Куломский	10833	3,3	6,3	6,3	11,0	12,7	60,4
Усть-Цилемский	5914	3,7	7,0	6,9	13,2	14,7	54,5

Источник: Всероссийская перепись населения 2021. Росстат: официальный сайт. Москва. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Представленные данные красноречиво свидетельствуют о том, что во всех МО республики идет завершение процесса формирования населения, как и по республике в целом. Однако если бы эти процессы происходили не в северных районах России, то их можно было бы считать явлением весьма позитивным. Такой состав населения больше подходит для регионов с другой структурой видов экономической деятельности, где расположены предприятия по переработке сырья, машиностроения и др. Здесь же, при преобладании в промышленном производстве добычи полезных ископаемых, необходим постоянный «текущий» слой населения, готовый принять участие в освоении новых месторождений. В то же время увеличение в составе мигрантов второго-третьего поколений лиц, проживших в Республике Коми более 20 лет, говорит о накоплении в составе населения лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Считать такую тенденцию в формировании населения положительной для республики было бы скорее всего ошибочно (Лаженцев, 2002). На наш взгляд, рост числа «заложников» на Севере России в лице нетрудоспособной части населения является обременительным для бюджета и социальной несправедливостью для северян, отдавших Северу лучшие годы жизни и здоровье (Исупов, 2014; Лыткина & Смирнов, 2019b).

Впервые очень подробно миграция населения была представлена при проведении Всесоюзной переписи населения 1970 г. Для детального анализа была выделена группа лиц, прибывших в Коми АССР и проживающих в месте прохождения переписи менее 2 лет, — 102023 чел., в том числе мужчины 51,4 % и женщины 48,6 %. Больше всего мужчин было в миграционных потоках из Уральского района — 59,1 %, Центрально-Черноземного — 56,4 % и Дальневосточного — 53,6 %. Доминировали мужчины в миграционном потоке из Украины — 56,3 %, а женщины — из Казахской ССР (51,6 %). В городские поселения было направлено 71,0 % и в сельскую местность 29,0 % мигрантов. По структуре прибывших можно отметить, что в городскую местность из городских поселений прибыло 40,2 %, из сельских местностей — 30,8 %, в сельскую местность из городских поселений — 15,0 %, из сельских местностей — 14,0 %. Как видим, из городских поселений прибыло 55,2 %, а в сельской миграции незначительно, но преобладает городское население. В миграционных потоках «сельская-сельская местность» лидирует Казахстан — 32,5 % и Украина — 20,6 %. Больше всего городского населения приехало в сельскую местность из Северо-Кавказского района — 18,1 %.

Анализируя структуру прибывших по союзным республикам, можно отметить, что основная доля мигрантов приходится на РСФСР — 84,6 %, на Украинскую ССР — 9,6 %, на Казахскую ССР — 2,4 %, Белорусскую ССР — 1,5 %, на другие союзные республики — 1,9 %. Из РСФСР прибыло в Коми АССР и прожило менее 2 лет 86 305 чел. Предыдущим местом постоянного жительства по экономическим районам были: Северо-Западный — 54,9 %, Центральный — 9,8 %, Волго-Вятский — 7,5 %, Северо-Кавказский — 7,2 %, Уральский — 6,2 %, Поволжский — 5,1 %, Западно-Сибирский — 3,4 %, Центрально-Черноземный — 2,3 %, Восточно-Сибирский — 1,9 %, Дальневосточный — 1,3 % и прочие районы — 0,4 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения, прибывшего в Коми АССР по предыдущему месту постоянного жительства, перепись населения 1970 г., чел.

Территория	Всего			в том числе население, прибывшее			
	оба пола	мужчины	женщины	в городские поселения		в сельские местности	
				из городских поселений	из сельских местностей	из городских поселений	из сельских местностей
Все наличное население	964 802	484 484	480 318	—	—	—	—
Все население, проживающее в месте прохождения переписи менее 2 лет	102 023	52 407	49 616	41 058	31 442	15 273	14 250
в том числе прибывшее из:							
районов РСФСР	86 305	43 759	42 546	34 151	28 392	12 646	11 116
Северо-Западного	47 314	23 161	24 153	14 571	19 117	7 060	6 566
Центрального	8 446	4 388	4 058	4 643	1 790	1 300	713
Волго-Вятского	6 491	3 241	3 250	2 239	2 395	737	1 120
Центрально-Черноземного	2 021	1 139	882	972	531	287	231
Поволжского	4 434	2 298	2 136	2 313	988	684	449
Северо-Кавказского	6 237	3 190	3 047	2 827	1 499	1 132	779
Уральского	5 367	3 170	2 197	3 288	884	721	474
Западно-Сибирского	2 907	1 528	1 379	1 675	591	310	331
Восточно-Сибирского	1 659	884	775	870	257	213	319
Дальневосточного	1 080	579	501	553	268	133	126
Прочие	349	181	168	200	72	69	8
Украинской ССР	9 759	5 490	4 269	4 166	1 856	1 726	2 011
Белорусской ССР	1 506	764	742	761	405	214	126
Казахской ССР	2 415	1 168	1 247	828	380	421	786
Других союзных республик	1 990	1 190	800	1 148	365	266	211

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. Москва: Статистика, 1974. 454 с.

Перепись населения 1970 г. дала возможность проследить численность населения, прибывшего в течение 2 лет до переписи и численность населения, выбывшего в течение 2 лет до переписи, с выделением внешней миграции, внутреннюю миграцию можно было получить расчетным путем. В целом по РСФСР на внешнюю миграцию среди прибывших в течение 2 лет пришлось 13,4 %, а в Северо-Западном районе — 46,2 %. Самая высокая доля внешней миграции была на территориях, подчиненных Ленинградскому горсовету — 98,5 %, значительно ниже в Ленинградской обл. — 65,7 %. Высокая доля внешних мигрантов зафиксирована в Мурманской обл. — 82,4 % и Коми АССР — 63,6 %. Менее привлекательными являются Карельская АССР, где внешняя миграция составила 48,6 %, и Псковская обл. — 49,5 %.

Среди совершивших миграционные акты в течение последних 2 лет (1968–1969 гг.) за пределы своей территории выехало: из РСФСР — 11,7 %, из Северо-Западного района — 38,1 %, из территорий, подчиненных Ленинградскому горсовету — 97,3 %, значительно ниже из Ленинградской обл. — 57,4 %. Высокая доля внешних мигрантов была в Мурманской обл. — 74,6 % и Коми АССР — 60,6 %. Если сравнить доли внешней миграции среди прибывших и выбывших, то можно отметить, что из пяти субъектов Северо-Западного района больше выезжало, чем въезжало: Архангельская, Вологодская, Новгородская и Псковская обл., Карельская АССР. Эта зависимость прослеживается и по отнесению доли прибывших и выбывших ко всему населению (табл. 4).

Таблица 4

Численность прибывшего и выбывшего населения по РСФСР и субъектам Северо-Западного района, перепись населения 1970 г., чел.

Территория	Численность населения, прибывшего в течение 2 лет до переписи		Численность населения, выбывшего в течение 2 лет до переписи		В процентах ко всему населению	
	всего	в том числе из-за пределов данной территории	всего	в том числе за пределы данной территории	население, прибывшее из-за пределов данной территории	население, выбывшее за пределы данной территории
РСФСР	8 785 466	1 181 090	8 609 497	1 005 121	0,9	0,8
Северо-Западный район, в том числе	852 175	393 435	740 816	282 076	3,2	2,3
Архангельская область	118 326	63 588	122 456	67 718	4,6	4,9
Вологодская область	88 346	32 867	97 619	42 140	2,5	3,3
Ленинград и городские поселения, подчиненные Ленинградскому горсовету	156 393	154 021	87 034	84 662	3,9	2,2
Ленинградская область	129 830	85 253	104 613	60 036	6,0	4,2
Мурманская область	91 256	75 153	63 342	47 239	9,4	5,9
Новгородская область	48 450	24 276	49 570	25 396	3,4	3,5
Псковская область	49 267	24 398	53 039	28 170	2,8	3,2
Карельская АССР	68 284	33 195	68 905	33 816	4,7	4,8
Коми АССР	102 023	64 870	94 238	57 085	6,7	5,9

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. Москва: Статистика, 1974. 454 с. с. 158.

С переписи населения 1979 г. получили «прописку» два новых показателя о генетической структуре населения, теперь все переписное население делится на две категории: проживавшие в месте постоянного жительства с рождения непрерывно и проживавшие в месте постоянного жительства не с рождения. Такое деление «позволяет проследить процесс формирования постоянного населения» (Ходенко, 2010, с. 81). Как показывают переписи населения, доля населения, проживающего с рождения непрерывно, постоянно росла. С 1979 г. по 2002 г. она увеличилась на 12,6 п. п. В период с 2002 г. по 2010 г. благодаря миграциям за пределы места постоянного жительства она снизилась на 10,1 п. п., в том числе в городской местности — на 5,2 и в сельской — на 25,5 п. п. Как видим, сельское население в данный период времени вновь продемонстрировало повышенную миграционную активность. Микрперепись населения 2015 г. показала начало позитивной динамики местных уроженцев. Если обратиться к двум последним переписям населения, то можно отметить, что с 2010 г. по 2021 г. численность местных уроженцев увеличилась на 5668 чел., а их доля выросла на 20,4 п. п., в том числе у городского населения — на 20,1 п. п., а у сельского — на 22,3 п. п. В этот же период численность приехавших уменьшилась на 290,1 тыс. чел. Из чего можно сделать вывод, что республику покидает население — уроженцы других территорий (табл. 5).

Выше было отмечено, что анализ динамики распределения населения на местных уроженцев и приехавшее население косвенно свидетельствуют о завершенности процесса формирования населения. На структуру проживания с рождения / не с рождения существенное влияние оказывает специализация муниципальных образований, перспективы их развития. ВПН-2021 выявила новую зависимость от этнического состава МО. Будем считать, что население более постоянно там, где больше удельный вес проживающих с рождения.

Анализируя состав населения по месту рождения, можно отметить следующее: городское население в целом более постоянно, чем сельское (в шести МО из 12, имеющих городское население); мужчины постояннее женщин, эта тенденция характерна практически для всех МО, где доля мужчин — местных уроженцев выше женской доли. Исключение составили Троицко-Печорский и Усть-Куломский районы, где соотношение соответственно было 35,3 к 39,5 % и 49,7 к 53,1 %. Среди шести городских округов в ГО Вуктыл и Усинск доля проживающих с рождения ниже республиканского уровня, то есть население этих округов более подвержено миграционной активности. Из 14 МР в шести доля проживающих с рождения выше среднего уровня по республике, в семи ниже республиканского уровня, в МР Сосногорск равен республиканскому уровню — 58,4 %. Самая низкая доля местных уроженцев в Удорском — 32,6 %, Троицко-Печорском — 37,5 % и Сысольском районах — 42,7 % и в ГО Вуктыл — 41,4 % (табл. 6).

Сохраняется определенная зависимость между территориями рождения мигрантов и выбором ими местом жительства Республики Коми. С 2002 г. по 2021 г. произошло абсолютное и относительное сокращение уроженцев всех федеральных округов (ФО), исключение составил Северо-Западный ФО. По переписи населения 2021 г. большая часть жителей родилась в СЗ ФО, куда входит республика, на его долю приходится 88,76 %. На соседние области приходится совсем незначительная часть родившихся: на Архангельскую — 1,47 % и на Вологодскую обл. — 0,83 %. Вторым по значимости поставщиком населения является Приволжский ФО — 4,95 %, в нем можно выделить Кировскую обл. — 1,55 %, Пермский край — 0,58 % и Нижегородскую обл. — 0,57 %. Следующим по значимости выступает Центральный ФО — 2,67 %, а в нем Костромская обл. — 0,36 %. Можно также отметить вклад Южного ФО — 1,07 %, где более половины

Таблица 5

Распределение населения Республики Коми по проживанию в месте постоянного жительства с рождения / не с рождения, переписи населения 1979–2021 гг.¹, микроперепись населения 2015 г.²

Год	Всего, чел.	в том числе проживавшие в месте постоянного жительства		в % к итогу	
		с рождения непрерывно	не с рождения	с рождения непрерывно	не с рождения
<i>Все население</i>					
1979	1 110 361	394 516	715 845	35,5	64,5
1989	1 250 847	496 462	754 385	39,7	60,3
2002	986 747	474 890	511 857	48,1	51,9
2010	841 227	319 396	521 831	38,0	62,0
2015	18 907	7 437	11 470	39,3	60,7
2021	556 825	325 064	231 761	58,4	41,6
<i>Городское население</i>					
1979	786 518	233 400	553 118	29,7	70,3
1989	944 423	340 996	603 427	36,1	63,9
2002	743 758	334 599	409 159	45,0	55,0
2010	641 275	255 059	386 216	39,8	60,2
2015	11 519	4 992	6 527	43,3	56,7
2021	396 326	237 514	158 812	59,9	40,1
<i>Сельское население</i>					
1979	323 843	161 116	162 727	49,8	50,2
1989	306 424	155 466	150 958	50,7	49,3
2002	242 989	140 291	102 698	57,7	42,3
2010	199 952	64 337	135 615	32,2	67,8
2015	7 388	2 445	4 943	33,1	66,9
2021	160 499	87 550	72 949	54,5	45,5

¹ за 2002, 2010, 2021 гг. — население частных домохозяйств, указавшее продолжительность проживания в месте постоянного жительства;

² 2015 г. количество человек, попавших в выборку.

Источники: Жилищные условия населения. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 6: стат. сб. Комистат. Сыктывкар, 2013. 230 с. с. 174; Микроперепись населения 2015. Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html; Всероссийская перепись населения 2021. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

приходится на уроженцев Краснодарского края — 0,50 %. Доля остальных округов незначительна: Уральский ФО — 0,86, Сибирский ФО — 0,77 % и Дальневосточный ФО — 0,42 % (табл. 7).

Перепись населения 2021 г. зафиксировала, что в Республике Коми временно находились 183 иностранца, из которых 167 чел. указали причину приезда на территорию Российской Федерации. Основная масса иностранцев приехала работать — 67,6 %, причем у сельского населения эта доля составила 91,3 %, против 58,7 % у городского. Работа явилась основной причиной приезда в МР Княжпогостский, Сосногорск, Троицко-Печорский и Удорский. Приезжают работать иностранцы в ГО Воркута — 93,1 % и Усинск — 73,0 % и меньше всего в Сыктывкар — 31,4 % и Ухта — 17,6 %. Указали причину «учеба» — 15,6 % респондентов, в том числе в ГО Ухта — 82,4 %,

Усинск — 21,6 % и Сыктывкар — 11,4 %. Отметим причину «частная поездка» — 5,4 %, «туризм и отдых» — 4,8 % (Сыктывкар — 22,9 %) и другую цель — 6,6 % (Сыктывкар — 25,7 %). Однако следует отметить, что выборка явно мала, чтобы делать определенные выводы.

Таблица 6

Распределение населения муниципальных образований Республики Коми по проживанию в месте постоянного жительства с рождения / не с рождения, перепись населения 2021 г.

Муниципальные образования	Указавшие продолжительность проживания в месте постоянного жительства, чел.	в том числе непрерывно проживают в месте постоянного жительства		% указавших	
		с рождения	не с рождения	с рождения	не с рождения
Все население	556 825	325 064	231 761	58,4	41,6
Мужчины	254 637	153 542	101 095	60,3	39,7
Женщины	302 188	171 522	130 666	56,8	43,2
Городское население	396 326	237 514	158 812	59,9	40,1
Мужчины	177 766	110 252	67 514	62,0	38,0
Женщины	218 560	127 262	91 298	58,2	41,8
Сельское население	160 499	87 550	72 949	54,5	45,5
Мужчины	76 871	43 290	33 581	56,3	43,7
Женщины	83 628	44 260	39 368	52,9	47,1
<i>Городские округа</i>					
Сыктывкар	163 915	103 652	60 263	63,2	36,8
Воркута	39 638	24 601	15 037	62,1	37,9
Вуктыл	9 191	3 809	5 382	41,4	58,6
Инта	16 964	10 807	6 157	63,7	36,3
Усинск	24 097	11 520	12 577	47,8	52,2
Ухта	63 255	38 687	24 568	61,2	38,8
<i>Муниципальные районы</i>					
Ижемский	16 352	8 980	7 372	54,9	45,1
Княжпогостский	12 606	7 757	4 849	61,5	38,5
Койгородский	7 408	4 503	2 905	60,8	39,2
Корткеросский	18 634	11 017	7 617	59,1	40,9
Печора	30 327	16 919	13 408	55,8	44,2
Прилузский	17 264	10 947	6 317	63,4	36,6
Сосногорск	27 862	16 268	11 594	58,4	41,6
Сыктывдинский	19 821	11 834	7 987	59,7	40,3
Сысольский	11 655	4 971	6 684	42,7	57,3
Троицко-Печорский	10 080	3 782	6 298	37,5	62,5
Удорский	11 895	3 878	8 017	32,6	67,4
Усть-Вымский	23 022	15 040	7 982	65,3	34,7
Усть-Куломский	22 330	11 497	10 833	51,5	48,5
Усть-Цилемский	10 509	4 595	5 914	43,7	56,3

Источник: (Фаузер, 2023, с. 231).

Из 183 иностранцев 177 указали страну постоянного проживания: из них проживают в странах СНГ 90,4 %, в других странах мира — 9,6 %. Временно проживающие по странам СНГ распределились следующим образом: Узбекистан — 33,3 %,

Таблица 7

**Распределение населения Республики Коми по месту рождения
в разрезе федеральных округов, переписи населения 2002–2021 гг.**

Территория	Человек			%		
	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация, всего	915 519	794 950	538 706	100,00	100,00	100,00
в том числе:						
Центральный ФО	58 187	38 285	14 373	6,36	4,82	2,67
Брянская обл.	5314	3522	1319	0,58	0,44	0,24
Ивановская обл.	4024	2724	1094	0,44	0,34	0,20
Костромская обл.	6186	4578	1949	0,68	0,58	0,36
Тверская обл.	4356	2814	1023	0,48	0,35	0,19
Ярославская обл.	4166	3000	1234	0,46	0,38	0,23
Северо-Западный ФО	711 707	650 562	478 131	77,74	81,84	88,76
Республика Коми	663 572	613 224	461 042	72,48	77,14	85,58
Архангельская обл. без АО	19 987	16 449	8 197	2,18	2,07	1,47
Вологодская обл.	14 303	11 000	4 474	1,56	1,38	0,83
Южный ФО	17 176	12 250	5 769	1,88	1,54	1,07
Краснодарский край	9 301	6 787	2 673	1,02	0,85	0,50
Волгоградская обл.	3 282	2 309	1 051	0,36	0,29	0,20
Ростовская обл.	3 625	2 463	1 038	0,40	0,31	0,19
Северо-Кавказский ФО	8 967	5 512	2 683	0,98	0,69	0,50
Республика Дагестан	3 529	1 859	1 080	0,39	0,23	0,20
Приволжский ФО	82 944	62 302	26 688	9,06	7,84	4,95
Республика Башкортостан	9 416	7 449	2 659	1,03	0,94	0,49
Республика Татарстан	7 041	4 688	1 770	0,77	0,59	0,33
Удмуртская Республика	3 798	2 877	1 260	0,41	0,36	0,23
Чувашская Республика	5 502	3 985	1 627	0,60	0,50	0,30
Пермский край	8 421	6 630	3 137	0,92	0,83	0,58
Кировская обл.	21 164	17 303	8 340	2,31	2,18	1,55
Нижегородская обл.	10 663	7 378	3 047	1,16	0,93	0,57
Уральский ФО	14 554	11 040	4 617	1,59	1,39	0,86
Свердловская обл.	6 413	4 737	1 951	0,70	0,60	0,36
Тюменская обл.	2 787	2 316	1 055	0,30	0,29	0,20
Челябинская обл.	3 996	3 065	1 200	0,44	0,39	0,22
Сибирский ФО ¹	16 157	11 011	4 159	1,76	1,39	0,77
Дальневосточный ФО ¹	5 827	3 988	2 286	0,64	0,50	0,42

¹ в современном составе с 2017 г.

Источник: Жилищные условия населения. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 6: стат. сб. Комистат. Сыктывкар, 2013. 230 с. с. 168; Всероссийская перепись населения 2021. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

Киргизия — 13,6 %, Украина — 10,2 %, Азербайджан — 9,0 %, Армения — 6,8 %, Беларусь, Казахстан и Таджикистан — по 5,7 % и Молдова — 0,6 %.

Материалы переписей населения дают информацию о причинах смены места жительства. Впервые такая информация была получена при проведении микропереписи населения в 1994 г. На первое место респонденты поставили причину «по семейным обстоятельствам» — 52,2 %, на наш взгляд она включает такой широкий спектр возможных ответов, что эту причину как основную выбрало более половины респондентов. Менее значима эта причина для сельских жителей и лиц коми национальности. На втором месте стоит причина «в связи с переменой места работы» — 27,2 %, эта причина более значима для сельского населения и менее значима для лиц коми национальности. Такая значимость этой причины, возможно, связана с тем, что рыночные отношения предъявили новые требования к рабочей силе, с одной стороны, а с другой — резко сократилось число рабочих мест в связи с закрытием значительного количества предприятий.

Третье место занимает причина «в связи с учебой» — 7,7 %. Если для городского населения и русских эта причина не столь значима (ниже средней), то для коми она очень значима (ее указал каждый пятый респондент), значима она и для селян (ее указал каждый шестой). Объясняется это тем, что в Республике Коми сеть учебных заведений находится в городах и поселках городского типа. Следует отметить, что мотив переезда, вызванный учебой, сохраняет свое значение уже не один десяток лет. Как показали проведенные ранее обследования, в 1982 г. эту причину приезда в Республику Коми указали 9,3 % опрошенных, а в 1984 г. уже 14,3 % (Фаузер, 1992, с. 23). Данное обстоятельство необходимо учитывать при разработке миграционной политики по привлечению и закреплению молодежи в нужных для республики населенных пунктах.

На четвертое место респонденты поставили причину — «из-за неустроенности быта». Эта причина более значима для городского населения и русских, и вот почему: отсутствие постоянного жилья или неуверенность в его получении, а в условиях рынка его покупки, выступают важным фактором перемены места жительства. Для сельского населения, в абсолютном большинстве лиц коми национальности, эта причина хотя и занимает третью позицию, но не так существенна, поскольку данная категория мигрантов проживала в личных домах или домах родителей, и поэтому устроенность быта для них менее значима. Причина переезда «из-за невозможности устроиться на работу» не столь важна, хотя жители сельских поселений и коми ее указали чаще, чем другие респонденты (табл. 8).

Таблица 8

Распределение мигрантов по причинам смены постоянного места жительства, в зависимости от места проживания и национальности, микроперепись населения 1994 г., %

Причины смены места жительства	Все население	Городское население	Сельское население	Национальность	
				коми	русские
Все причины	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В связи с учебой	7,7	6,0	15,5	19,3	6,4
В связи с переменой места работы	27,2	26,9	28,9	24,1	26,2
Из-за невозможности устроиться на работу	1,6	1,5	2,2	2,0	1,5
Из-за неустроенности быта	5,2	5,7	3,0	3,3	5,4
По семейным обстоятельствам	52,2	54,4	42,5	45,3	55,0
Другие причины	6,1	5,5	7,9	6,0	5,5

Источник: Основные итоги микропереписи населения, 1994 г. Москва: Государственный Комитет Российской Федерации по статистике, 1995. 103 с.

Заключение

Миграции в формировании населения всегда играли решающую роль, касалось ли это количественных показателей или качественных структур. В период «колонизации» Коми края население стремительно увеличивалось, одновременно менялись и качественные характеристики формируемого населения. В населении стало больше мужчин, молодых дееспособных возрастов, были высокими показатели воспроизводства населения. У республики сложились устойчивые миграционные связи с определенными регионами России (История Коми, 2011). На основе генетической структуры населения показано, что в Республике Коми завершен процесс формирования населения. Отмечается, что если интенсивность убытия населения не уменьшится, то у республики возникнут проблемы в обеспечении отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the research project “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth” (No. 122012700169-9, 2022–2024).

Список источников

- Иванов, А. И. (1991). *Льготы для работников Севера*. Москва, 143.
- История Коми с древнейших времен до современности*. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. (2011). Сыктывкар: ООО «Анбур», 688.
- Исупов, В. А. (Ред.). (2014). *От первобытных стоянок — к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 296.
- Лаженцев, В. Н. (Ред.). (2002). *Социально-экономические проблемы развития северной дельты*. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 336.
- Лыткина, Т. С., Смирнов, А. В. (2019а). Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика. *Арктика и Север*, 37, 94–117.
- Лыткина, Т. С., Смирнов, А. В. (2019б). Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? *Мир России*, 28 (3), 27–47.
- Рыбаковский, Л. Л. (Ред.) (1993). *Социально-демографическое развитие российского Севера: Сборник статей Рос. АН, Ин-т социально-эконом. проблем народонаселения*. Москва: НИИ труда, 222.
- Рыбаковский, Л. Л. (1987). *Миграция населения: прогнозы, факторы, политика*. Москва: Наука, 200.
- Рыбаковский, О. Л. (2008). *Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа*. Москва: Экон-Информ, 288.
- Фаузер, В. В. (1992). *Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми*. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 293. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 32.
- Фаузер, В. В. (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение*. Ижевск: ООО «Принт», 308.
- Ходенко, С. В. (2010). *Миграционные процессы и их влияние на формирование постоянного населения России*. Москва: Экон-Информ, 375.

References

- Fauzer, V. V. (1992). *Vliyanie migratsii na chislennost i sostav naseleniya Respubliki Komi [The impact of migration on the size and composition of the population of the Komi Republic]*. Series of preprints "Scientific reports". Issue 293. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 32. (In Russ.)
- Fauzer, V. V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the Century: demography, migration, settlement]*. Izhevsk: Print LLC, 308. (In Russ.)
- Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do sovremennosti [The history of Komi from ancient times to the present]*. Vol. 2. 2nd ed., rev. and add. (2011). Syktyvkar: Anbur LLC, 688. (In Russ.)
- Isupov, V. A. (Ed.) (2014). *Ot pervobytnykh stoyanok — k gorodam. Ocherki istorii zaseleniya Respubliki Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka [From primitive sites to cities. Essays on the history of the settlement of the Komi Republic from ancient times to the end of the 20th century]*. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 296. (In Russ.)
- Ivanov, A. I. (1991). *Lgoty dlya rabotnikov Severa [Benefits for workers in the North]*. Moscow, 143. (In Russ.)
- Khodenko, S. V. (2010). *Migratsionnye protsessy i ikh vliyanie na formirovanie postoyannogo naseleniya Rossii [Migration processes and their influence on the formation of the permanent population of Russia]*. Moscow: Econ-Inform, 375. (In Russ.)
- Lazhentsev, V. N. (Ed.). (2002). *Sotsialno-ekonomicheskie problemy razvitiya severnoy derevni [Socio-economic problems of the development of the northern village]*. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 336. (In Russ.)
- Lytkina, T. S., & Smirnov, A. V. (2019a). Expulsions in the Russian North: migration processes and neo-liberal policy. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 37, 94–117. (In Russ.)
- Lytkina, T. S., & Smirnov, A. V. (2019b). The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 28(3), 27–47. (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L. (1987). *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Population migration: forecasts, factors, policies]*. Moscow: Science, 200. (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L. (Ed.) (1993). *Sotsialno-demograficheskoe razvitie rossiyskogo Severa [Socio-demographic development of the Russian North]*: Collection of articles RAS, Institute of Socio-Economic Studies of Population. Moscow: Labor Research Institute, 222. (In Russ.)
- Rybakovsky, O. L. (2008). *Migratsiya naseleniya mezhduraznyonimi: problemy metodologii i metodiki analiza [Migration of population between regions: problems of methodology and methods of analysis]*. Moscow: Econ-Inform, 288. (In Russ.)

Информация об авторе

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией демографии и социального управления, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (Российская Федерация, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru>).

About the author

Viktor V. Fauzer — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Head of the Laboratory of Demography and Social Management, Honored worker of science of the Russian Federation, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru>).

УДК 314.722

JEL classification: J11, J24, O15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-13>

Социальный портрет молодежи, переехавшей в Арктическую зону России¹

Е. А. Хотеева^а, А. В. Симакова^б

^{а, б} Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0003-4153-1142>

^б <https://orcid.org/0000-0002-1990-9826>

Автор для корреспонденции: Е.А. Хотеева (ehoteeva@petsru.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования молодежи в возрасте 16–35 лет, переехавшей в Арктическую зону России. Цель исследования — формирование социального портрета этой молодежи, дополняющего ограниченную статистическую информацию необходимой детализацией: уровень образования, пол, длительность проживания и потенциальная закрепляемость в арктических территориях. Исследование проведено по репрезентативной выборке (8583 чел.), подвыборка по переехавшим молодым людям составила 2156 чел. В АЗРФ приезжает квалифицированная молодежь, имеющая социальные связи, в основном с целью работы, учебы и «проверки себя на прочность».

Ключевые слова: молодежь; входящая миграция; Арктическая зона России; социальный портрет; Арктика

Social Portrait of Young People Who Moved to the Russian Arctic

Е. А. Khoteeva^а, А. V. Simakova^б

^{а, б} Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-1990-9826>

^б <https://orcid.org/0000-0003-4153-1142>

Corresponding author: E. A. Khoteeva (ehoteeva@petsru.ru).

Abstract. The article presents the results of a sociological survey of young people aged 16–35 who moved to the Russian Arctic. The research aims to develop a social portrait of these youth, supplementing the limited statistical information with necessary details: education level, gender, length of residence and potential placement in the Arctic territories. The study was conducted on a representative sample (8583 respondents) and the subsample of young people who moved (2156 respondents). Qualified young people with social connections come to the Russian Arctic mainly to work, study and “test their strength.”

Keywords: youth; incoming migration; Russian Arctic; social portrait; Arctic

Введение

В эпоху «нового освоения» Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) фокус исследовательского интереса смещается в сторону тематики человека в Арктике. Стратегия социально-экономического развития АЗРФ констатирует снижение миграционной убыли, но на фоне естественной депопуляции, усилившейся в период пандемии, механизмы притяжения мигрантов приобретают особую значимость и требуют проработанности.

¹ © Хотеева Е. А., Симакова А. В. Текст. 2024.

Сокращение численности населения представляет собой угрозу социально-экономическому развитию арктических территорий. Анализ миграционной ситуации в АЗРФ показал, что этот демографический аспект является ключевым риском развития территорий. Следует отметить, что за последнее десятилетие отток населения на фоне естественной депопуляции в АЗРФ сократился (Хотеева & Степуть, 2023). При этом убыль молодежи из арктического макрорегиона остается интенсивной, особенно в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 лет, по причине образовательной миграции, которую обуславливает недостаточная мощность системы профессионального образования арктических территорий (Симакова & Гуртов): ограниченный прием, сокращение разнообразия направлений подготовки, а в ряде территорий — отсутствие вузов, колледжей и техникумов. В силу этого стратегически важной задачей является привлечение, удержание и закрепление молодежи в АЗРФ как ключевого ресурса развития этих территорий.

Относительную стабилизацию миграционного оттока молодежи из АЗРФ, наблюдаемую последние несколько лет, не следует оценивать однозначно оптимистично (Руденко, 2015). Во многом объемы миграции снижает исчерпание демографического ресурса территорий: поколение, ранее привлеченное для освоения Севера, уехало, а в настоящее время активизировалась миграция третьего поколения, но уже в меньших объемах (Денисов, 2017) по причине ограниченной численности. Таким образом, миграцию молодежи можно рассматривать с двух позиций: с одной стороны, как угрозу социально-экономическому развитию арктических территорий (исходящий поток), а с другой стороны, как ресурс восполнения и разнообразия человеческого капитала этих территорий (входящий поток).

Динамика потока исходящей миграции в АЗРФ, ее причины и мотивы населения довольно подробно представлены в современных исследованиях, объектом которых, в частности, являлась и молодежь. Вектор представляемого исследования развернут в сторону входящих миграционных потоков молодежи в арктические территории, так как именно данный объект мало изучен, особенно с социологической точки зрения. В этом ключе необходимо кратко обозначить основные исследования, имеющиеся по изучению объекта — молодежи АЗРФ, проведенные за последние несколько лет.

Исследование Н.В. Мкртчяна и Ю.Ф. Флоринской показало, что выявить притягивающий и выталкивающий мотив миграции довольно сложно, отъезд из потенциально непривлекательных регионов или вселение в потенциально привлекательные регионы в большинстве случаев сочетают в себе комплекс мотивов и причин (Мкртчян & Флоринская, 2020), которые необходимо рассматривать в сочетании количественных и качественных методов.

Ученые из Кольского научного центра РАН подошли к изучению объекта миграции через биографический анализ опыта переехавшей в АЗРФ молодежи, а в качестве значимого выталкивающего фактора приехавших обозначили неудовлетворенность условиями жизни (Сулейманова, 2015).

Н.Ю. Замятина и А.Д. Яшунский предложили посмотреть на социальный феномен миграции молодежи «не изолированно, но как элемент единой семейной траектории, включающей приезд на Север родителей или даже бабушек-дедушек современных мигрантов» (Замятина & Яшунский, 2015), рассматривая миграцию шире в контексте формирования социального капитала мигрантов.

Исследование Э.З. Галлимулина показало, что молодежь неарктических регионов, оценивая потенциальную возможность переезда в АЗРФ, в меньшей степени

обращает внимание на комфорт и качество жизни арктических территорий, если рассматривает переезд с позиции «временщика» с целью заработка и получения материальных стимулов (Галлимулин, 2019).

На сегодняшний день, в силу ограниченности детализации статистических показателей о миграции населения (Мкртчян, 2020), в исследованиях и научной литературе отсутствуют информация о причинах переезда в АЗРФ и расширенный социальный портрет входящей миграции молодежи в АЗРФ, содержащий информацию об образовании, семейном положении, длительности проживания и потенциальной закрепляемости. Попытка раскрытия этих характеристик молодежи, приезжающей в АЗРФ, и представлена в данной статье.

Материалы и методы

В арктических регионах нового освоения в формировании населения значительный удельный вес принадлежит миграции. К постоянному населению заселяемых районов наряду с коренным населением относится и приезжее население из других районов и их дети, если они прожили в районе не менее 10 лет (старожилы). Остальное взрослое население, прожившее в районе вселения меньше 10 лет, вместе с детьми называется новоселами. В нем два слоя: слой переходный — лица, прожившие более 5 лет, и слой текущий — те, кто прожил менее этого срока (Рыбаковский, 2003). Составление социального портрета приезжей молодежи из неарктических регионов представляет собой аналитический инструмент, который дает обобщенное представление о входящем миграционном потоке. Социальный портрет базируется на описании основных характеристик: пол, возраст, уровень образования, семейное положение, длительность проживания. В контексте изучаемой проблематики входящего потока миграции в Российскую Арктику значимы и самооценка материального положения и статус обеспеченности жильем как индикаторы качества уровня жизни после переезда и смены места жительства.

Исследование социального портрета молодежи, мигрировавшей в Российскую Арктику на постоянное место жительства, осуществлено на материалах репрезентативного опроса молодежи в возрасте от 16 до 35 лет включительно, проведенного в 2022 г. методом онлайн-анкетирования во всех муниципальных районах, отнесенных к АЗРФ. Онлайн-анкета распространялась в открытых и доступных источниках информации (группы территориальных и молодежных сообществ в социальных сетях, непосредственное обращение в органы власти с дальнейшим информированием работодателей, образовательных организаций).

Выборочная совокупность репрезентирует молодежь по муниципальным образованиям и половозрастному признаку и составила 8583 респондента. Тип выборки — комбинированная: квотная на последнем этапе доступная. Предельная ошибка выборки по каждому субъекту АЗРФ составляет менее 5 %, что показывает высокую доверительную вероятность проведенного исследования. В ходе ремонта выборки применен метод весовых коэффициентов из-за смещения выборки по полу в сторону преобладания женского населения.

В силу постоянного миграционного движения статистически оценить масштабы приезжего населения, прожившего от 1 года до 10 лет, является недоступным. В связи с этим составление портрета приехавшей молодежи проведено на подвыборке проведенного опроса отметивших, что они приехали в арктический регион давно (более 10 лет), не так давно (от 9 до 5 лет назад), приехали недавно (от 1 до 5 лет назад),

приехали менее 1 года назад. Подвыборка переехавших составила 2 196 респондентов. Для проведения описательного анализа социального портрета на подвыборке были применен метод простых распределений и сопряженных таблиц.

Результаты

Распределение по гендерному признаку показало, что приехавшая в Арктику молодежь на 53,6 % состоит из мужчин и на 46,4 % из женщин (рис. 1). По возрастному критерию большинство опрошенных находятся в возрастном диапазоне от 24 до 35 лет, почти 40 % — от 30 до 35 лет.

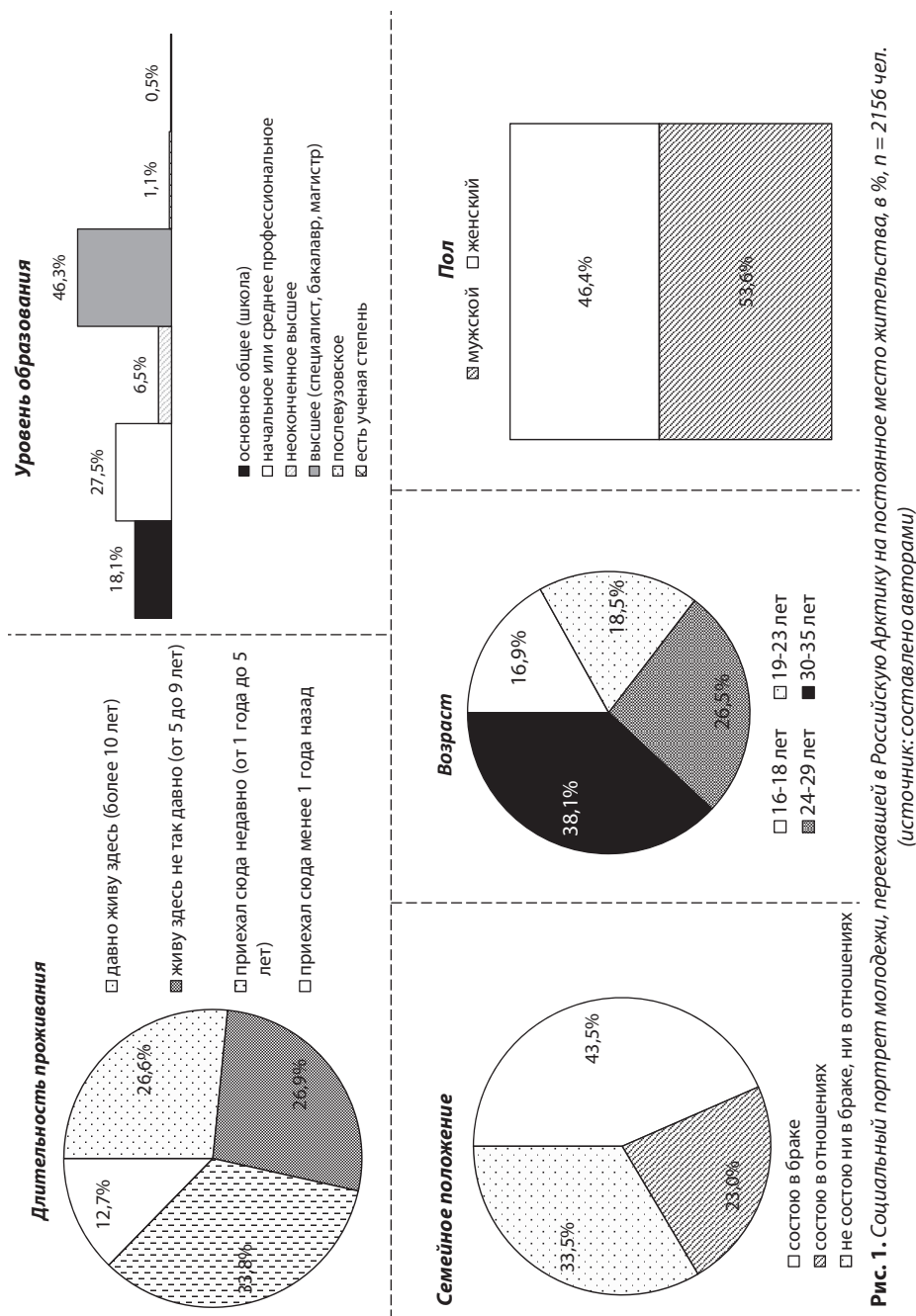
В Российскую Арктику мигрируют представители молодежи с достаточно высоким образовательным уровнем, это подтверждается тем, что у порядка 46,3 % переехавшей молодежи есть высшее образование и почти 2 % имеют послевузовское образование или ученую степень. Почти половина опрошенных состоят в официальном браке, и еще 23 % указали, что состоят «в отношениях». Половина опрошенных прожили на арктических территориях после переезда от 5 и более лет.

Порядка трети приехавшей молодежи проживает в съемной квартире / комнате, еще 15 % — в ведомственном / служебной жилье. Работодатели, функционирующие на территориях АЗРФ, в качестве привлечения кадров предоставляют жилье для проживания. Незначительная доля молодежи, а именно 8,2 %, проживают в жилье, приобретенном в ипотеку (рис. 2).

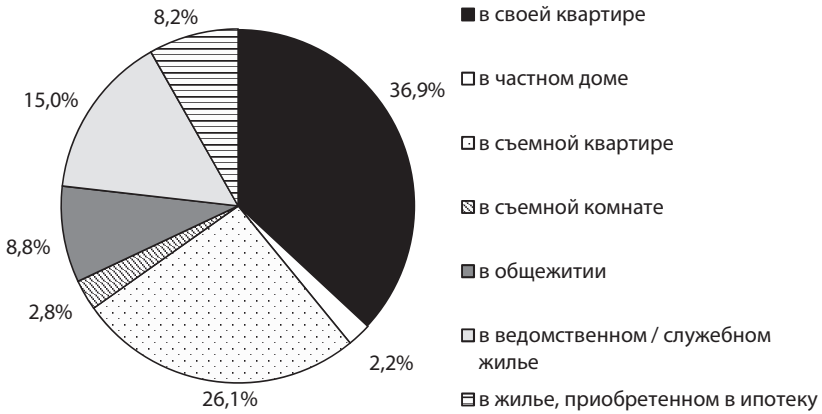
Основной причиной переезда в АЗРФ для большинства опрошенных стало трудоустройство, при этом 57,7 % отметили, что «приехали на работу» и еще 18,4 % отметили, что приехали «по приглашению работодателя» (рис. 3). Пятая часть опрошенных приехали вслед за «второй половинкой», так как миграция совершается семьями, если один из супругов трудоустраивается на предприятиях или в организациях социальной сферы АЗРФ. Порядка 4 % — это трудоустроенные по программам господдержки («Земский фельдшер», «Земский доктор», «Земский учитель» и др.). Немалая доля и тех, кто подчеркнул нематериальную мотивацию переезда, помимо переезда за супругом или супругой. Пятая часть респондентов воспринимает переезд как «личный вызов», как преодоление трудностей, и еще 6,6 % называют это «своей мечтой», что крайне интересно с точки зрения развития углубленного взгляда на мотивы миграции, который представлен авторами в отдельной публикации.

Достаточно позитивными выглядят результаты об оправданности ожиданий после переезда и намерении переехавшей молодежи «закрепиться» в АЗРФ на пять и более лет (рис. 4). Так, 80 % респондентов отметили, что их ожидания после переезда полностью, либо частично оправдались. Порядка 60 % выразили свое намерение закрепиться в АЗРФ на 5 и более лет. Основными причинами, по которым хотели бы покинуть свое место проживания в арктическом регионе, респонденты называют климатические условия (каждый второй), быть ближе / вернуться к родственникам / знакомым (каждый третий респондент), из-за более качественного здравоохранения и социального обслуживания (четверть опрошенных).

Исходя из характеристик социального портрета молодежи, переехавшей в АЗРФ, можно отметить, что существенные показатели необеспеченности «собственным жильем» являются наиболее серьезным риском «закрепляемости» молодежи на долгосрочное пребывание. Работодатели предоставляют служебное жилье на период действия программы «Молодой специалист» на три года, а рынок арендного жилья на северных территориях имеет существенные ограничения (удорожание, повышенный спрос

Рис. 1. Социальный портрет молодежи, переехавшей в Российскую Арктику на постоянное место жительства, в %, n = 2156 чел. (источник: составлено авторами)

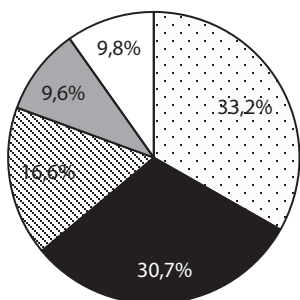

Рис. 2. Распределение ответивших на вопрос «Каковы Ваши жилищные условия на данный момент?» при оценке жилищных условий переехавших в на арктической территории субъектов АЗРФ, в % (n = 2156 чел.) (источник: составлено авторами)

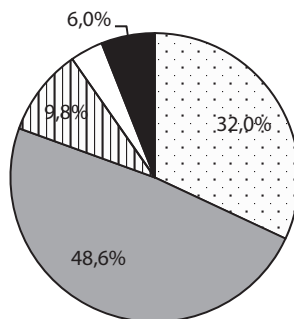
Рис. 3. Причины переезда в АЗРФ на постоянное место жительства, в % (n = 2156 чел.) (источник: составлено авторами)

Намерение закрепиться в АЗРФ на 5 и более лет

- да
- скорее да
- ▨ скорее нет
- нет

Оправданность ожиданий после переезда

- да, полностью оправдались
- ▨ да, частично оправдались
- ▨ нет, скорее не оправдались
- совсем не оправдались
- затрудняюсь ответить

Рис. 4. Распределение ответивших на вопросы о намерении закрепиться в АЗРФ на пять и более лет и оправданности ожиданий после переезда, в %, (n=2156 чел.) (источник: составлено авторами)

и др.). В то же время для «арктической ипотеки» установлены требования относительно возраста и семейного положения — данная программа рассчитана на «молодые семьи, в которых оба супруга не старше 35 лет»¹. Учитывая возраст молодежного потока в АЗРФ и семейный статус «свободный» для трети мигрировавших, требования относительно возраста и семейного положения необходимо смягчить либо вовсе снять эти ограничения. Кроме того, при строительстве объектов социального значения (школы, детские сады, учреждения здравоохранения) необходимо комплексно и превентивно подходить к вопросу кадрового обеспечения, а именно закладывать в проект строительства не только учреждение, но и жилье для его работников.

Учитывая, что четверть респондентов рассматривают возможность покинуть субъект АЗРФ из-за недостаточно качественного здравоохранения и социального обслуживания, необходимо способствовать развитию программ «Земский фельдшер», «Земский доктор», «Земский учитель», а также рассмотреть вариант применения «вахтового» метода организации труда наиболее дефицитных медицинских специалистов узкой специализации из других неарктических регионов России.

Заключение

Выявленный социальный портрет молодежи, переехавшей в АЗРФ на постоянное место жительства, позволяет дополнить недостающие пробелы об ее характеристиках как социальной группы, призванной «заместить» тех, кто покинул АЗРФ. В АЗРФ

¹ Об утверждении условий программы «Дальневосточная и Арктическая ипотека», правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающих его уставной капитал, для возмещения российским кредитным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам... Постановление Правительства РФ №1609 от 07.12.2019 (в ред. от 29.11.2023).

прибывает образованная молодежь, имеющая социальные связи, в том числе переезжающая вместе с семьей, в основном с целью работы, учебы и поиска собственного пути в жизни (вызов себе). Актуальным остается вопрос потенциальной закрепляемости и укорененности переехавшей в АЗРФ молодежи: большая часть молодых людей планирует задержаться в Арктике на ограниченное время, однако всю жизнь прожить в арктических условиях готовы далеко не многие. В данном направлении необходимо усиливать проводимую политику «якорения молодежи в АЗРФ» путем расширения северных льгот для молодых специалистов, корректировки института арктической ипотеки и поддержки молодых специалистов, вернувшихся в регион после получения профессионального образования.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-78-10148) «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No. 22-78-10148) "Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects".

Список источников

Галимуллин, Э. З. (2019). Миграционные установки и механизмы привлечения молодежи в Арктическую зону Российской Федерации. *Арктика и Север*, 36, 96–109. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.36.96>

Денисов, Е. А. (2017). Миграционные процессы в городах Российского Севера в 1990–2010 гг. *Региональные исследования*, 2, 44–55.

Замятина, Н. Ю., Яшунский, А. Д. (2015). Миграция с Севера: социальные сети и ментальная «близость». В: В. Н. Стрелецкий (ред.), *Внешиэкономические факторы пространственного развития. Сборник статей* (с. 148–174). Москва: Эслан.

Мкртчян, Н. В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменениями методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 1, 83–99.

Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. (2020). Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, 130–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>

Руденко, Д. Ю. (2015). Анализ демографических процессов в российской Арктике. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 4, 51–57. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57>

Рыбаковский, Л. Л. (Ред.) (2003). *Демографический понятийный словарь*. Москва: ЦСП, 352.

Симакова, А. В., Гуртов, В. А. (2020). Потенциал системы профессионального образования территорий Арктической зоны России. *Непрерывное образование: XXI век*, 3(31). <http://doi.org/10.15393/j5.art.2020.6053>

Сулейманова, О. А. (2020). «На Севере жить?»: опыт переезда и миграционные установки молодежи Мурманской области. *Труды Кольского научного центра РАН*, 6(19), 179–189. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.6.19.014>

Хотеева, Е. А., Степуть, И. С. (2023). Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами. *Проблемы развития территории*, 2, 110–128. <http://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.8>

References

- Denisov, E. A. (2017). Migration processes in the cities of the Russian north in the 1990–2000s. *Regionalnye issledovaniya [Regional studies]*, 2, 44–55. (In Russ.)
- Galimullin, E. Z. (2019). Migration attitudes and mechanisms for attracting young people to the Russian Arctic. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 36, 96–109. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.36.96> (In Russ.)
- Khoteeva, E. A., & Stepus, I. S. (2023). Population migration in the Russian Arctic in statistical estimates and regional management practice. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*, 2, 110–128. <http://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.8> (In Russ.)
- Mkrtychyan, N. V. (2020). Problems in the statistics of internal Russian migration caused by changes in accounting methods in 2011. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 1, 83–99. (In Russ.)
- Mkrtychyan, N. V., & Florinskaya, Yu. F. (2020). Why Some People Leave Certain Regions in Favor of Others: Motives Behind Interregional Migration in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 5, 130–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619> (In Russ.)
- Rudenko, D. (2015). The Population Dynamics in the Russian Arctic. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) [MIR (Modernization. Innovation. Research)]*, 4, 51–57. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57> (In Russ.)
- Rybakovsky, L. L. (Ed.) (2003). *Demograficheskiy ponyatiynnyy slovar [Demographic conceptual dictionary]*. M.: TsSP, 352. (In Russ.)
- Simakova, A. V., & Gurtov, V. A. (2020). Potential of the vocational education system of the Russian Arctic zone territories. *Neprerynoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the XXI century]*, 3(31). <http://doi.org/10.15393/j5.art.2020.6053> (In Russ.)
- Suleymanova, O. A. (2020). “In the North — to Live?": Experience of Moving and Migration Attitudes of Young People of the Murmansk Region. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN [Transactions of the Kola Science Center]*, 6(19), 179–189. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.6.19.014> (In Russ.)
- Zamyatina, N. Yu., & Yashunsky, A. D. (2015). Migration from the North: social networks and mental “proximity”. In: V. N. Streletsky (Ed.), *Vneshneekonomicheskie faktory prostranstvennogo razvitiya. Sbornik statey [Foreign economic factors of spatial development. Collection of articles]* (pp. 148–174). Moscow: Eslan. (In Russ.)

Информация об авторах

Хотеева Евгения Александровна — ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0003-4153-1142> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т. Ленина, 31; e-mail: ehoteeva@petsru.ru).

Симакова Анна Васильевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-1990-9826> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т. Ленина, 31; e-mail: simakova@petsru.ru).

About the authors

Evgeniya A. Khoteeva — Leading Specialist, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0003-4153-1142> (31, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: ehoteeva@petsru.ru).

Anna V. Simakova — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Associate, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-1990-9826> (31, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: simakova@petsru.ru).

VI. РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 314.44

JEL classification: I18

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-1>

Опыт медико-социальной реабилитации и абилитации инвалидов в Пермском крае¹

Д. А. Калугина ^а, А. С. Палаухин ^б

^{а, б} Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

^а <https://orcid.org/0009-0006-7835-1259>

Автор для корреспонденции: Д. А. Калугина (diana-kalugina@yandex.ru).

Аннотация. В статье поднимаются вопросы регулирования медико-социальной реабилитации и абилитации инвалидов, доступности социально значимых учреждений для маломобильных групп населения. Цель исследования – выявление актуальных проблем состояния инфраструктуры для обеспечения жизнедеятельности маломобильных граждан. На основе применения аналитических и синтетических методов исследования авторы делают вывод о том, какие меры поддержки получают граждане с ограниченными возможностями Пермского края, какова доступность необходимой структуры, мобильность, обеспеченность необходимым типом жилья.

Ключевые слова: поддержка; социальная реабилитация; социальная абилитация; инвалиды; региональная программа

Medical and Social Rehabilitation and Habilitation of Persons with Disabilities in Perm Krai

D. A. Kalugina ^а, A. S. Palaukhin ^б

^{а, б} Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia).

^а <https://orcid.org/0009-0006-7835-1259>

Corresponding author: D. A. Kalugina (diana-kalugina@yandex.ru)

Abstract. The article considers the regulation of medical and social rehabilitation and habilitation of persons with disabilities, as well as accessibility of socially significant institutions for people with limited mobility. The study aims to identify current infrastructure problems to ensure the well-being of people with limited mobility. To this end, analytical and synthetic research methods are applied. As a result, the study explains what support measures are implemented in Perm Krai for persons with disabilities, as well as shows the availability of the necessary structure, mobility, and the provision of housing.

Keywords: support; social rehabilitation; social habilitation; persons with disabilities; regional programme

Введение

До недавнего времени поддержка инвалидов осуществлялась в основном на федеральном уровне. В настоящее время большинство полномочий в сфере обеспечения прав инвалидов, уровень их жизни переданы на региональный уровень, что требует от правительства каждого региона определенного уровня территориальных подходов к этому вопросу.

¹ © Калугина Д. А., Палаухин А. С. Текст. 2024.

В литературе система реабилитации и абилитации понимается как совокупность мер по обеспечению лиц с инвалидностью жилищными условиями, научно-обоснованными, доступными, эффективными и безопасными реабилитационными (абилитационными) услугами и техническими средствами реабилитации в сочетании с мерами, направленными на их социальную адаптацию и интеграцию.

В данной статье раскрываются основные проблемы реабилитации и абилитации инвалидов и возможные варианты их решения, а также приводятся примеры реализации их на практике.

Методология исследования конкретизирована совокупностью теоретических и эмпирических методов исследования: анализ документов, синтез, наблюдение, статистический метод.

Обзор литературы

Вопросы соотношения понятий абилитации и реабилитации инвалидов поднимаются в литературе по медицине (Епифанов и др, 2017; Епифанов и др, 2021; Турабов и др, 2020; Старобина и др., 2022), использование этих понятий в нормативно-правовых актах и практике освещено в статье Е.А. Носыревой и В.А. Гавриловой (Носырева & Гаврилова, 2023). Актуальной является также проблема стандартизации услуг в обозначенной сфере. Научная работа по данной тематике для Пермского края ведется такими авторами, как В.А. Бронников, К.А. Скланная, М.И. Григорьев (Бронников и др., 2020; Бронников и др., 2021). Е.Т. Логинова и М.В. Матвеева обратили внимание на еще одну немаловажную проблему: подготовка кадров для реабилитации и абилитации инвалидов (Логинова & Матвеева, 2021).

Результаты

В Российской Федерации вопросы реабилитации и абилитации инвалидов регулируются Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ (последняя редакция), приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 апреля 2023 г. № 342н «Об утверждении перечня показаний и противопоказаний для обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации», а также иными нормативно-правовыми актами, речь о которых будет идти в данной статье.

В целом динамика развития инфраструктуры, которая обеспечивает инвалидам доступ к необходимым услугам, оценивается положительно (Кучмаева, 2018). Однако для небольших городов развитие данного направления значительно уступает крупным населенным пунктам. Проблема в том, что согласно действующему законодательству, финансирование и создание объектов инфраструктуры, необходимой для комфортного доступа инвалидов в социально значимые учреждения, возложены на региональные бюджеты. Бюджет каждого региона сильно разнится в зависимости от его экономической составляющей, соответственно, затраты на такую расходную часть бюджета, как развитие доступной среды для маломобильных групп населения также будут отличаться (Махова и др., 2018). Для примера можно взять два города: Пермь и Краснокамск. В первом случае это город-миллионник, имеющий соответствующий бюджет, который позволяет совершать траты на данную часть социальных расходов. Во втором случае - город с численностью населения не более 70 тыс. чел. Соответственно, социальные расходы еще меньше. Здесь оборудовать всю необходимую для инвалидов инфраструктуру могут позволить себе в основном бюджетные учреждения, поскольку именно

на них в первую очередь обращают внимание надзорные органы. Также необходимо указать на отсутствие необходимой инфраструктуры в домах, где проживают инвалиды и лица, их обслуживающие. В домах, построенных после 2010–2011 гг., при строительстве уже закладываются необходимые расстояния и пропорции для размещения пандусов, соответствующей ширины коридоры, дверные проемы и пр. В домах, построенных в 60–70-х гг. и позднее, вплоть до 2000-х гг., на этапе проектирования не закладывались необходимые метры для перемещения инвалидов. И в этом случае возникают проблемы, связанные даже с выходом из дома, даже если это будет первый этаж. В некоторых случаях, даже если такие приспособления присутствуют, они конструктивно выполнены таким образом, что по ним без посторонней помощи на средствах индивидуальной мобильности просто невозможно подняться. Этому мешают либо скользкая поверхность, либо слишком высокий угол подъема. Т. е. конструкции по документам существуют, но воспользоваться ими проблематично, если вообще возможно.

К этой же проблеме относится и неприспособленность транспортной отрасли для нужд маломобильных граждан. Здесь опять же можно сравнить состояние транспорта в городе-миллионнике и его не так далеко расположенном спутнике. В Перми на маршрутах задействованы в основном низкопольные автобусы, которые оборудованы автоматическими пандусами, но есть, правда, и такие, в которых пандусы приходится открывать вручную. Опять же, это не идет ни в какое сравнение с тем общественным транспортом, который ходит в г. Краснокамск, где используются в основном автобусы малопассажирские, автомобильного завода ПАЗ, именуемые в народе «пазики». Эти транспортные средства полностью не приспособлены для нужд инвалидов, в первую очередь, своей малогабаритностью. Здесь просто нет места для инвалидных колясок и иных средств индивидуальной мобильности. Также отсутствуют необходимые для подъема пандусы, которые просто не предусмотрены конструкцией. В итоге, поскольку таких автобусов в городе большинство, мы можем сделать вывод, что транспортная инфраструктура этого небольшого районного города не приспособлена для передвижения маломобильных групп населения. Хорошо, если близкие инвалида имеют финансовую возможность приобрести машину, оборудованную всем необходимым для перевозки своего родственника. Но здесь проживают также и те, чьи родственники не могут себе этого позволить, или, скажем, такие, кто близких родственников не имеет или проживают они в других городах. В Краснокамске транспорт обслуживается частными перевозчиками, и они в большинстве случаев работают фактически на грани рентабельности. Поэтому администрацией города выделяются средства для компенсации недостающей прибыли данным перевозчикам.

Как можно решить данную проблему? Можно предложить вариант создания муниципального перевозчика, который сможет осуществить закупку необходимой техники, которая будет отвечать требованиям для перевозок маломобильных групп населения. Но это будет дополнительной нагрузкой на бюджет города, который, судя по информации с сайта администрации города, является дефицитным. Еще вероятный вариант решения проблемы — выделение средств на таких перевозчиков из регионального центра.

Из описанной выше проблемы следует еще одна — это предоставление жилых помещений маломобильным группам населения. Поскольку региональные и муниципальные власти зачастую не обладают необходимым количеством жилищного фонда в виде новостроек, они вынуждены либо долго держать нуждающихся маломобильных людей в очередях на улучшение жилищных условий, либо предлагать им жилье,

которое по закону не является подходящим для них по социальному статусу. Из-за этого маломобильные граждане годами, а порой и десятилетиями ждут своего жилья. Ведь даже если администрация соответствующего населенного пункта предоставит им жилье, а оно по социальным критериям будет непригодно для проживания, по данному факту немедленно примется прокуратура, которая просто обяжет администрацию либо отменить соответствующее решение, либо предоставить жилье, отвечающее требованиям действующего законодательства.

Как можно решить проблему в условиях нехватки необходимого жилищного фонда, который будет отвечать хотя бы минимальным требованиям для проживания в нем маломобильных граждан? Одно из решений, по мнению авторов статьи, — создание с нуля необходимой инфраструктуры в тех домах, где она конструктивно архитектурой не предусмотрена. Сейчас существует различное оборудование, например, лифты, которые можно пристроить к стене такого дома, что позволяет инвалиду подниматься в квартиру напрямую, минуя лестничный пролет. Но в данном случае также необходимо учитывать интересы других жильцов, чтобы данный лифт не перекрывал окна или другие выходы.

Что касается приспособленности тротуаров, то здесь также прослеживаются различия между крупными и небольшими городами: в Перми на пешеходных переходах предусмотрены необходимые спуски, а также полосы торможения для инвалидных колясок. Есть специальная плитка с разметкой для незрячих лиц.

Все описанное выше относится к проблеме социальной абилитации инвалидов, т. е. включению людей с ограниченными возможностями в активную общественную жизнь, социализацию в обществе.

Более оптимистично развивается ситуация с предоставлением инвалидам рабочих мест. Здесь законодатель предусмотрел так называемые квоты, которые работодатели обязаны выполнять. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 25.12.2023) «О занятости населения в Российской Федерации»¹, а именно статья 13.2, говорит нам о том, что, если у конкретного работодателя численность персонала составляет более 100 чел., он должен создать рабочие места для инвалидов в количестве от 2 % до 4 % от среднесписочной численности работников. Таким образом, вопрос о предоставлении рабочих мест законодателем урегулирован.

Если рассматривать вопрос с точки зрения реабилитации, то в данном случае ситуация законодательно в большей степени урегулирована. Имеется соответствующий Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 апреля 2023 г. № 342н «Об утверждении перечня показаний и противопоказаний для обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации»², гарантирующий инвалидам бесплатную программу реабилитации в рамках ОМС. Если человек на комиссии медико-социальной экспертизы признан инвалидом со всеми присущими данному статусу правами, его должны обеспечить по необходимым стандартам средствами перемещения, или иными предметами, позволяющими ему принимать участие в общественной жизни, несмотря на какие-либо физические, либо психические недостатки. Данный человек становится на учет в базе МСЭ и, если есть такая необходимость, подтверждает

¹ О занятости населения в Российской Федерации. № 1032-1-ФЗ от 19.04.1991 (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении перечня показаний и противопоказаний для обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 апреля 2023 г. № 342н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ежегодно или в иной срок свое состояние. Он проходит медицинскую реабилитацию, которая заключается в восстановлении или компенсации утраченных способностей человека, профессиональную реабилитацию для трудоустройства на работу, социальную реабилитацию, социально-бытовую адаптацию.

Также активно развивается детская реабилитация детей-инвалидов и инвалидов с детства. Здесь необходимо дать некоторые пояснения, чтобы было понимание, чем отличаются эти социальные группы. Дети-инвалиды — это те, кто получил инвалидность с рождения, либо же в процессе жизнедеятельности, тогда как инвалиды с детства — это те, кто имел, либо же получил инвалидность в детском возрасте, и был признан комиссией медико-социальной экспертизы инвалидом после достижения восемнадцати лет.

В структуре медицинских учреждений, осуществляющих медико-социальную и медицинскую реабилитацию инвалидов на региональном и местном уровне, предусмотрены патронажная служба, которая включает работников, прошедших соответствующую подготовку и имеющих необходимую квалификацию, осуществляющая помощь детям-инвалидам на всех этапах, школа для родителей, которая обучает родителей и родственников детей-инвалидов навыкам реабилитационной помощи на бытовом уровне, проводит занятия с детьми и их родителями в зависимости от возраста инвалида, дневной стационар, где реализуются основные аспекты реабилитации — происходит перенос навыков реабилитации на уровень семьи.

Основными участниками реабилитации инвалидов являются органы здравоохранения, социальной защиты, территориальные органы службы занятости населения. Органы службы занятости организуют трудоустройство инвалидов, поиск вакансий, которые соответствуют человеку с определенными ограничениями. Органы соцзащиты осуществляют комплекс реабилитационных мероприятий, ведут учет инвалидов, нуждающихся в реабилитации, обеспечивают наблюдение за инвалидами, находящимися на профреабилитации. Органы образования на основании закона «Об образовании»¹ осуществляют профессиональное обучение инвалидов на базе специализированных учебных заведений и учебных заведений общего типа с выделением мест, которые позволяют инвалидам получать образование в зависимости от их заболевания, оказывают необходимую помощь для профессиональной реабилитации и содействию трудоустройства инвалидам.

Также для инвалидов формируется благоприятная спортивная среда, все современные спортивные объекты должны соответствовать законодательству о доступной среде, чтобы лица с ограниченными возможностями могли полноценно принимать участие в спортивных мероприятиях. Также, по мере возможности, реконструируются уже функционирующие спортивные сооружения, приспособляются для возможности комфортного пребывания лиц с ОВЗ, региональными властями активно поощряется участие инвалидов в соревнованиях параолимпийским и сурдоолимпийским видам спорта — членам сборных команд и их наставникам выплачивается стипендия.

Для более эффективной реализации мероприятий на практике Правительством РФ утверждены соответствующие нормы, регулирующие порядок их предоставления. К таким постановлениям относится, например, Правила предоставления услуг по сурдопереводу за счет средств федерального бюджета, которые утверждены Правительством РФ

¹ Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 25 сентября 2007 года №608¹, они определяют порядок предоставления инвалидам с нарушениями функции слуховых органов услуг по сурдопереводу, которые предусмотрены федеральным перечнем реабилитационных мероприятий.

В целом сроки использования технических средств реабилитации устанавливаются Приказом Министерством здравоохранения и социального развития РФ от 7 мая 2007 г. № 321².

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация программ поддержки инвалидов в плане реабилитации достаточно урегулирована, но в плане абилитации еще достаточно пробелов, которые необходимо устранять.

В данный момент идет активная работа в плане создания инфраструктуры. Если говорить более конкретно, то администрацией г. Краснокамск принято соответствующее постановление, а именно Постановление администрации Краснокамского городского округа от 30.01.2020 № 34-п «Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги „Предоставление жилых помещений муниципального жилищного фонда Краснокамского городского округа по договорам социального найма, договорам найма жилого помещения социального использования”»,³ которое подразумевает строительство и ввод в эксплуатацию нового жилья, соответствующего необходимым нормам для проживания лиц с ограниченными возможностями. Во исполнение требований федерального законодательства о доступной среде для инвалидов также принято постановление администрации Краснокамского городского округа «Об утверждении программы „Формирование доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения на территории Краснокамского городского округа на 2021–2023 годы”»,⁴ согласно которой МУП «Краснокамск благоустройство» должно взять на себя обязанность создать необходимую инфраструктуру, предусмотренную федеральным законом.

В г. Перми также имеются свои нормативные акты, согласно которым инвалидам должны создать условия для комфортного проживания. В частности, к таким относится Постановление Администрации г. Перми от 26.12.2022 № 1371 «Об утверждении положения о порядке реализации прав инвалидов и семей, имеющих в своем составе инвалидов, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных

---

¹ О порядке предоставления инвалидам услуг по переводу русского жестового языка (сурдопереводу, тифлосурдопереводу). Постановление Правительства РФ от 25 сентября 2007 г. № 608. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении сроков пользования техническими средствами реабилитации, протезами и протезно-ортопедическими изделиями до их замены. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 07.05.2007 № 321 (ред. от 07.04.2011). (Зарегистрировано в Минюсте РФ 23.05.2007 № 9529).

³ Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Предоставление жилых помещений муниципального жилищного фонда Краснокамского городского округа по договорам социального найма, договорам найма жилого помещения социального использования». Постановление администрации Краснокамского городского округа от 30.01.2020 № 34-п. <https://krasnokamsk.ru/Organy-vlasti/BD-NPA/2020/21-page/>

⁴ Об утверждении программы «Формирование доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения на территории Краснокамского городского округа на 2021-2023 годы». Постановление Администрации Краснокамского городского округа от 10.08.2020 431-п. <https://za-nas-zakon.ru/docs/gov/administratsiya-krasnokamskogo-gorodskogo-okruga/postanovlenie/>

условий, на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения садоводства на территории города Перми¹, в котором указаны условия предоставления инвалидам в собственность либо на условиях договора социального найма жилых помещений в многоквартирных домах, а также права на первоочередное предоставление им в пользование земельных участков для индивидуального жилого строительства или ведения садоводства.

В конечном итоге имеем следующее: государство, в лице как федеральных, так и региональных властей, принимает необходимые меры для реализации прав инвалидов и других лиц с ограниченными возможностями, чтобы обеспечить их всем необходимым для комфортной жизни, но предстоит еще многое сделать, включая обеспеченность необходимым типом жилых помещений и развитием жилой и социальной инфраструктуры, транспортной инфраструктуры в небольших городах, которая позволит лицам с ограниченными возможностями в полной мере использовать все общественные блага.

Список источников

Бронников, В. А., Григорьева, М. И. (2021). Система реабилитации людей с инвалидностью: социологический анализ (на материалах пермского края). *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 1, 125–141.

Бронников, В. А., Склянная, К. А., Григорьева, М. И. (2020). Стандартизация услуг по медико-социальной реабилитации и абилитации инвалидов в пермском крае. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*, 23(4), 28–38.

Епифанов В. А., Епифанов А. В., Глазкова И. И. и др. (2021). *Медико-социальная реабилитация больных после инсульта*. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 352.

Епифанов, А. В., Епифанов, В. А. (2017). *Медико-социальная реабилитация пациентов с различной патологией*. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 592.

Кучмаева, О. В. (2018). Мобильность инвалидов: проблемы и пути решения (по результатам выборочного обследования). В: *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах*, Т. 1 (с. 578–592). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.

Логинова, Е. Т., Матвеева, М. В. (2021). Новые подходы к вопросу подготовки кадров для системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов. *Вестник Нижневартовского государственного университета*, 4(56), 27–36. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-4/03>

Махова, О. А., Клочкова, Е. Н., Леднева, О. В. (2018). Дифференциация регионов России по уровню мобильности инвалидов. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, 1(53), 5303.

Носырева, А. Е., Гаврилова, А. В. (2003). Соотношение реабилитации и абилитации инвалидов. *Актуальные проблемы государства и права*, 7(1), 35–44. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-35-44>.

Старобина, Е. М., Рябоконь, А. Г., Гордиевская, Е. О. (2022). *Профессиональная реабилитация лиц с инвалидностью: состояние и направления развития*. Москва: НИЦ ИНФРА-М, 235.

¹ Об утверждении положения о порядке реализации прав инвалидов и семей, имеющих в своем составе инвалидов, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения садоводства на территории города Перми. Постановление Администрации г. Перми от 26.12.2022 №1371. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Турабов, И. А., Манерова, О. А., Рыков, М. Ю. (2020). *Организация медицинской помощи детям с онкологическими заболеваниями в Российской Федерации: рук. для врачей*. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 208.

References

Bronnikov, V. A., & Grigorieva, M. I. (2021). Rehabilitation system for persons with disabilities: sociological analysis (the case of the Perm Krai). *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]*, 1, 125–141. (In Russ.)

Bronnikov, V. A., Sklyannaya, K. A., & Grigorieva, M. I. (2020). Standartization of medical and social rehabilitation services in Perm region. *Mediko-sotsialnaya ekspertiza i reabilitatsiya [Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation]*, 23(4), 28–38. (In Russ.)

Epifanov, V. A., Epifanov, A. V., Glazkova, I. I. et al. (2021). *Mediko-sotsialnaya reabilitatsiya bolnykh posle insulta [Medical and social rehabilitation of patients after stroke]*. Moscow: GEOTAR-Media, 2021, 352. (In Russ.)

Epifanov, A. V., & Epifanov, V. A. (2017). *Mediko-sotsialnaya reabilitatsiya patsientov s razlichnoy patologiyey [Medical and social rehabilitation of patients with various pathologies]*. Moscow: GEOTAR-Media, 592. (In Russ.)

Kuchmaeva, O. V. (2018). The mobility of persons with disabilities: problems and solutions (results of a sample survey). In: *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseyey ustoychivogo razvitiya. Sbornik statey IX Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh, T. 1 [Demographic and family policy in the context of the Sustainable Development Goals. Collection of articles of the IX Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Vol. 1]* (pp. 578–592). Institute of Economics UB RAS. (In Russ.)

Loginova, E. T., & Matveeva, M. V. (2021). New approaches to the question of training for the system of comprehensive rehabilitation and habilitation of disabled. *Vestnik Nizhnevar'tovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevar'tovsk State University]*, 4(56), 27–36. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-4/03> (In Russ.)

Makhova, O. A., Klochkova, E. N., & Ledneva, O. V. (2018). Russian regions differentiation by the level of mobility disabled people. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Regional economy and management: electronic scientific journal]*, 1(53), 5303. (In Russ.)

Nosyreva, A. E., & Gavrilova, A. V. (2003). The ratio of rehabilitation and habilitation of disabled people. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava [Current issues of the state and law]*, 7(1), 35–44. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-35-44> (In Russ.)

Starobina, E. M., Ryabokon, A. G., & Gordievskaya, E. O. (2022). *Professional'naya reabilitatsiya lits s invalidnostyu: sostoyanie i napravleniya razvitiya [Professional rehabilitation of persons with disabilities: state and directions of development]*. Moscow: SIC INFRA-M, 235. (In Russ.)

Turabov, I. A., Manerova, O. A., & Rykov, M. Yu. (2020). *Organizatsiya meditsinskoy pomoshchi detyam s onkologicheskimi zabolevaniyami v Rossiyskoy Federatsii: ruk. dlya vrachey [Organization of medical care for children with oncological diseases in the Russian Federation: book for doctors]*. Moscow: GEOTAR-Media, 208.

Информация об авторах

Калугина Диана Александровна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0009-0006-7835-1259> (Российская Федерация, 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: diana-kalugina@yandex.ru).

Палаухин Андрей Сергеевич — магистрант, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: andrey.palaukhin1996@mail.ru).

About the authors

Diana A. Kalugina — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management Theory and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0009-0006-7835-1259> (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620219, Russian Federation; e-mail: diana-kalugina@yandex.ru).

Andrey S. Palaukhin — Master Student, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620219, Russian Federation; e-mail: andrey.palaukhin1996@mail.ru).

УДК 33

JEL classification: J10, O15, I15

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-2>

Экономический аспект важности сбалансированного питания: снижение нагрузки на здравоохранение¹

С. Н. Мастерова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0009-0002-9521-9576>

Автор для корреспонденции: С. Н. Мастерова (s.masterova@bk.ru).

Аннотация. Исследование важности сбалансированного питания в современном мире актуально из-за его влияния на здоровье и предотвращение заболеваний. Правильное питание помогает поддерживать физическое и психическое здоровье, повышает продуктивность и улучшает качество жизни. Неправильное питание и ожирение увеличивают расходы на здравоохранение из-за необходимости лечения связанных с этими проблемами заболеваний, что оказывает давление на бюджеты здравоохранения и может ухудшить доступность медицинской помощи.

Ключевые слова: сбалансированное питание; здравоохранение; экономика; рацион питания

Economic Aspect of the Importance of a Balanced Diet: Reducing the Burden on Healthcare

S. N. Masterova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0009-0002-9521-9576>

Corresponding author: S. N. Masterova (s.masterova@bk.ru).

Abstract. The study examines the importance of a balanced diet in the modern world due to its impact on health and disease prevention. Proper nutrition helps maintain physical and mental health, increases productivity and improves quality of life. Malnutrition and obesity increase healthcare costs because of the need to treat related diseases, which puts pressure on health budgets and can reduce the availability of medical care.

Keywords: balanced nutrition; healthcare; economy; diet

Введение

Исследование экономического аспекта важности сбалансированного питания имеет высокую значимость в современном мире по нескольким причинам. Во-первых, резкое увеличение заболеваемости ожирением, диабетом и сердечно-сосудистыми заболеваниями требует больших затрат на лечение и создает нагрузку на системы здравоохранения. Во-вторых, ожирение вызывает экономические потери через потерю производительности труда, увеличение расходов на медицинское обслуживание и снижение качества жизни. Неправильное питание также увеличивает расходы на здравоохранение, что может ограничить доступность медицинской помощи для других пациентов. Исследование может помочь выявить экономические выгоды от предотвращения заболеваний, связанных с неправильным питанием, и разработать эффективные стратегии предотвращения таких заболеваний.

---

¹ © Мастерова С. Н. Текст. 2024.

Целью исследования является оценка экономического аспекта важности сбалансированного питания. Задачи исследования включают изучение сущности сбалансированного питания, определение проблем здравоохранения, связанных с несбалансированным питанием, и рассмотрение роста численности больных ожирением как проблемы для системы здравоохранения.

Обзор литературы

Обзор литературы на тему экономического значения правильного питания для здравоохранения включает следующие исследования и статьи:

1. Исследование «Экономические последствия ожирения в Соединенных Штатах» анализирует воздействие ожирения на экономику и расходы на медицинское обслуживание. Авторы рассматривают возможности уменьшения экономической нагрузки на здравоохранение путем сбалансированного питания и профилактических мер (Hammond & Levine, 2010).

Авторы исследования анализируют воздействие ожирения на расходы в здравоохранении и обсуждают возможные способы уменьшения экономического давления путем внедрения мер по здоровому питанию и профилактике. В рамках исследования исследователи проанализировали данные о расходах на лечение ожирения и связанных с ним заболеваний, таких как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, артрит и другие. Они выявили значительный объем расходов, который приходится на лечение осложнений ожирения, и указали на то, что это создает серьезную нагрузку на систему здравоохранения. Авторы также обсудили потенциальные выгоды от принятия мер по здоровому питанию и профилактике ожирения. Они подчеркнули, что инвестиции в программы по снижению ожирения и поощрению здорового образа жизни могут привести к уменьшению расходов на лечение осложнений ожирения в будущем. Это может помочь не только снизить экономическое давление на систему здравоохранения, но и улучшить общее здоровье населения. Таким образом, исследование «Экономического влияния ожирения в Соединенных Штатах» подчеркивает важность принятия мер по здоровому питанию и профилактике ожирения для сокращения экономической нагрузки на систему здравоохранения и улучшения общественного здоровья.

2. В статье «Стоимость недоедания: почему необходимы действия» проводится анализ экономических последствий недостаточного питания и его влияние на расходы на здравоохранение. Авторы предлагают решения для снижения экономической нагрузки путем улучшения питания (Webb, 2016). Данное исследование представляет собой важный анализ последствий недостаточного питания на экономику и затраты на здравоохранение. Автор отмечает, что недостаточное питание может привести к развитию различных заболеваний, таких как малопитательность, ожирение, диабет, сердечно-сосудистые заболевания, что в конечном итоге увеличивает расходы на медицинское обслуживание и приводит к серьезным экономическим убыткам. Автор исследования предлагает несколько решений для снижения экономической нагрузки путем улучшения питания. Также отмечает важность разработки и внедрения политики, направленной на поощрение здорового питания среди населения. Это включает в себя проведение образовательных кампаний о здоровом питании, создание благоприятной среды для потребления полезных продуктов, поддержку производства качественных продуктов и повышение их доступности. Исследование также подчеркивает важность сотрудничества между правительственными органами, медицинскими учреждениями, предприятиями пищевой промышленности, образовательными учреждениями и другими заинтересованными сторонами

для успешной реализации мер по улучшению питания населения. Такой комплексный подход может помочь не только сократить расходы на лечение заболеваний, связанных с неправильным питанием, но и улучшить общее состояние здоровья населения и способствовать экономическому развитию. В целом данное исследование подчеркивает необходимость принятия срочных мер по улучшению питания для снижения экономических потерь и повышения общественного здоровья. Автор предлагает конкретные стратегии и рекомендации для достижения этих целей и подчеркивают важность осознанного подхода к решению проблемы недостаточного питания.

3. В статье «Экономические выгоды от здорового питания» рассматриваются плюсы здорового питания, такие как снижение расходов на лечение болезней, связанных с неправильным питанием. Авторы обсуждают эффективные стратегии по стимулированию сбалансированного питания для уменьшения нагрузки на здравоохранение (Anekwe & Rahkovsky, 2013).

Исследование о пользе здорового питания было опубликовано в журнале по питанию и пищевым наукам и рассматривает важность здорового питания с точки зрения его влияния на экономику. Авторы отмечают, что неправильное питание может привести к развитию различных заболеваний, таких как ожирение, диабет, сердечно-сосудистые заболевания и др., что в конечном итоге увеличивает расходы на медицинское обслуживание. В исследовании подчеркивается, что сбалансированное и правильное питание приносит экономические выгоды. Особенно важно сократить расходы на лечение заболеваний, связанных с неправильным питанием, чтобы уменьшить нагрузку на систему здравоохранения. Авторы выделили эффективные методы стимулирования здорового питания среди населения. А также предложили ряд рекомендаций и мероприятий для поощрения здорового питания, таких как образовательные программы, разработка политики по продвижению здорового питания, поддержка производства и доступности полезных продуктов. Также важно сотрудничество с различными заинтересованными сторонами для достижения целей по улучшению питания населения. Таким образом, исследование о пользе здорового питания подчеркивает важность правильного питания не только для здоровья, но и для экономического благополучия. Оно предлагает конкретные стратегии по снижению нагрузки на систему здравоохранения через поощрение сбалансированного питания.

4. Обзорная статья «Роль питания в продвижении здоровья и профилактике заболеваний» подчеркивает важность правильного питания для поддержания здоровья и предотвращения заболеваний. Авторы обсуждают экономические аспекты сбалансированного питания и его влияние на здравоохранение. Эти исследования и статьи помогают глубже понять экономическое значение правильного питания для здравоохранения и его роль в уменьшении нагрузки на систему здравоохранения (Lateef & Lucas, 2023).

Результаты

Сбалансированное питание имеет важное экономическое значение. Правильное питание может уменьшить расходы на медицинское обслуживание за счет снижения риска развития хронических заболеваний, таких как ожирение, болезни сердца и диабет. Это может привести к экономии средств для отдельных лиц и общества в целом. Кроме того, сбалансированное питание способствует повышению производительности труда и сокращению прогулов на работе, поскольку когда люди едят правильно, они меньше страдают от усталости, болезней и других недугов, что положительно сказывается на их работоспособности. Это также может способствовать экономическому росту.

Долгосрочные экономические выгоды от сбалансированного питания также значительны. Инвестиции в здоровое питание и поощрение здоровых привычек могут снизить нагрузку на медицинскую систему и улучшить общее благополучие. Это может сделать население более здоровым и продуктивным, что важно для экономического развития.

Экономические последствия правильного питания оказывают далеко идущее влияние на индивидуумов и общество в целом. Сбалансированное питание также способствует снижению нагрузки на систему здравоохранения. Правильное питание, богатое питательными веществами, может помочь предотвратить развитие хронических заболеваний, таких как ожирение, болезни сердца, диабет и рак. Эти заболевания могут вызвать значительные расходы на лечение, реабилитацию и уход за больными. Сбалансированное питание также способствует улучшению общего здоровья населения, что может снизить частоту посещений врачей и госпитализаций. Это может означать экономию на медицинских расходах и повышение эффективности системы здравоохранения. Улучшение здоровья и снижение расходов на лечение благоприятно сказываются на экономике страны.

Снижение нагрузки на систему здравоохранения может стимулировать экономический рост по нескольким причинам. Во-первых, уменьшение расходов на лечение хронических заболеваний позволит освободить дополнительные финансовые ресурсы для инвестиций в другие области, такие как образование, инфраструктура и новые отрасли экономики. Это способствует развитию экономики. Во-вторых, улучшение здоровья населения повышает производительность труда.

Здоровые работники более эффективны и реже сокращают рабочее время из-за болезней, что способствует росту производительности и конкурентоспособности экономики. Улучшение здоровья также снижает страховые выплаты и расходы на медицинское обслуживание, что способствует доступности финансовых ресурсов для инвестиций и потребления, способствуя экономическому росту (Абасова, 2021).

Таким образом, снижение нагрузки на систему здравоохранения благоприятно влияет на экономический рост за счет освобождения финансовых ресурсов, увеличения производительности труда и сокращения расходов на медицинское обслуживание.

Сбалансированное питание означает употребление разнообразных продуктов, содержащих все необходимые питательные вещества для поддержания здоровья и предотвращения заболеваний. Оно включает в себя белки, жиры, углеводы, витамины, минеральные вещества и воду. Ключевые принципы сбалансированного питания включают разнообразие продуктов, умеренное потребление пищи и сбалансированное соотношение питательных веществ. Различные типы сбалансированного питания включают средиземноморскую (средиземноморскую) диету, диету с высоким содержанием овощей и фруктов, а также вегетарианскую и веганскую диеты. Основные составляющие сбалансированного питания — овощи и фрукты, белки, углеводы и жиры. Умеренное употребление сладостей, соли и жиров также важно (Новосёлова, 2023).

В России возможны различные причины несбалансированного рациона питания, связанные с доступностью продуктов, экономическими факторами, культурными особенностями и уровнем образования населения. Региональные особенности могут оказывать влияние на выбор продуктов и предпочтения в питании. Для улучшения сбалансированности рациона питания в различных регионах России необходимы программы по повышению осведомленности о здоровом питании, а также улучшение доступности качественных продуктов и поддержка местных производителей.

Несбалансированное питание населения может привести к ряду серьезных проблем для здоровья. Например:

1. Ожирение и связанные с ними заболевания. Неправильное питание, содержащее много жиров и калорий, может способствовать развитию ожирения, что повышает риск сердечно-сосудистых заболеваний, диабета, артериальной гипертензии и других заболеваний.

2. Дефицит питательных веществ. Несбалансированное питание, бедное витаминами, минералами и другими питательными элементами, может привести к недостатку этих веществ в организме, что вызывает различные заболевания и нарушения функций органов и систем.

3. Риск детского ожирения. Неправильное питание детей, содержащее много быстрых углеводов, жиров и калорий, может привести к возрастанию детского ожирения, что увеличивает вероятность развития метаболических нарушений и сердечно-сосудистых заболеваний в будущем.

4. Увеличенный риск рака. Некоторые виды несбалансированного питания, особенно богатые обработанными продуктами, жареной пищей и добавками, могут увеличить вероятность развития рака.

5. Проблемы с пищеварением. Неправильное питание, не содержащее достаточного количества клетчатки и других важных элементов, может вызвать расстройства пищеварения, запоры и другие проблемы с ЖКТ.

6. Проблемы зубов. Избыточное потребление сладостей и кислотных напитков может привести к различным заболеваниям полости рта (Сирковская, 2020).

Все эти заболевания, вызванные несбалансированным питанием, создают дополнительную нагрузку для системы здравоохранения страны. Для предотвращения этих проблем необходимо проводить образовательные программы о правильном сбалансированном питании и информационные кампании о здоровом образе жизни и правильном питании.

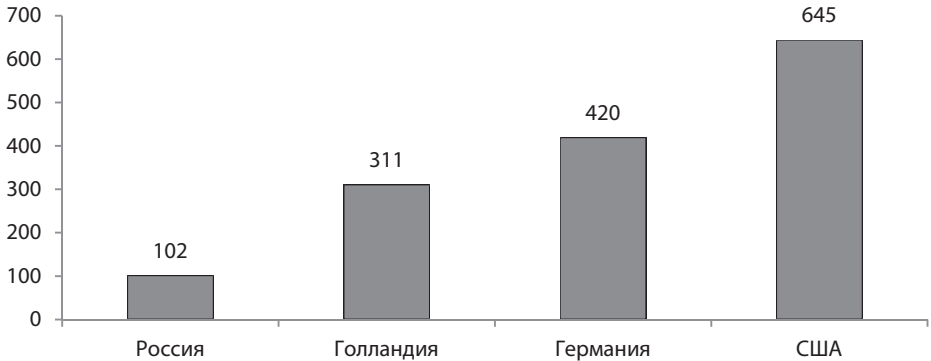
Люди, страдающие от ожирения, в 2,4 раза чаще обращаются за медицинской помощью. С увеличением числа людей с ожирением растут и затраты на медицину: как личные, так и со стороны страховых компаний и государства. Ожирение является причиной 60 % новых случаев диабета, 18 % — сердечно-сосудистых заболеваний, 11 % — деменции и 8 % — онкологии. Соответственно, растут и расходы на лечение этих заболеваний.

Самый высокий показатель в США: там 14 % всех медицинских расходов направлены на борьбу с ожирением и его последствиями. Это составляет впечатляющую сумму в 645 долл. на человека в год (рис. 1). В России цифры немного скромнее — 102 долл. на человека, но это все равно огромная проблема для системы здравоохранения и экономики страны в целом.

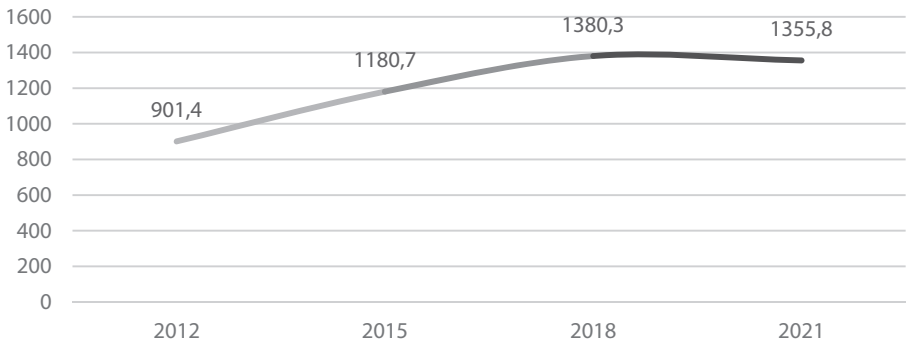
Как показано на рисунке 2, количество россиян, страдающих от ожирения, увеличилось на треть за период с 2012 г. по 2021 г.

Проблема ожирения является серьезной для общественного здоровья во многих странах, включая Россию. По данным ВОЗ, заболеваемость ожирением в России постоянно растет. Факторы, способствующие этому, включают изменения в образе жизни, увеличение потребления высококалорийных продуктов, снижение физической активности и другие социально-экономические и культурные изменения.

Увеличение расходов на медицину из-за ожирения является одной из главных проблем для систем здравоохранения по всему миру. Это связано с ростом числа людей, страдающих от ожирения и связанных с ним заболеваний, таких как диабет, сердечно-сосудистые

Рис. 1. Расходы на лечение ожирения и заболеваний, вызванных ожирением в среднем на одного человека, долл. США по ППС (источник: ОЭСР)

Рис. 2. Общая заболеваемость ожирением населения в РФ, случаев на расчете 100 тыс. населения (источник: сост. автором по данным ОЭСР)

заболевания, деменция и рак. Поэтому важно предпринимать меры по предотвращению ожирения и его последствий, а также обеспечивать доступ к эффективным программам лечения и реабилитации для тех, кто уже столкнулся с этой проблемой.

Профилактика ожирения и связанных с ними заболеваний может значительно снизить расходы на медицину и улучшить общее состояние здоровья населения. Увеличение числа больных ожирением из-за неправильного питания оказывает серьезное воздействие на систему здравоохранения страны, ее расходы и экономический рост.

Обсуждение

Влияние увеличения заболеваемости ожирением на систему здравоохранения и экономику:

1. Рост расходов на лечение. Увеличение числа людей с ожирением приводит к увеличению расходов на лечение связанных с ним заболеваний, таких как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, артериальная гипертензия и др. Это включает расходы на лекарства, госпитализацию, операции и другие медицинские процедуры.

2. Нагрузка на систему здравоохранения. Увеличение числа больных ожирением приводит к увеличению нагрузки на систему здравоохранения, что может вызвать перегрузку больниц, увеличение очередей к врачам и ухудшение качества медицинского обслуживания.

3. Снижение производительности труда. Люди с ожирением часто сталкиваются с проблемами со здоровьем, что может привести к снижению производительности труда и увеличению числа больничных дней. Это может отрицательно повлиять на экономический рост страны.

4. Социальные проблемы. Ожирение может привести к социальной изоляции, дискриминации на рабочем месте и другим социальным сложностям, что также негативно сказывается на экономике.

Проблемы здравоохранения в борьбе с ожирением населения России включают:

1. Недостаток информирования и образования о здоровом образе жизни и питании.

2. Ограниченный доступ к здоровой пище и ее разнообразию, особенно в сельских районах.

3. Недостаточное финансирование программ по предотвращению ожирения и лечению больных.

4. Недостаток квалифицированных специалистов в области диетологии и эндокринологии.

Для борьбы с этими проблемами необходимо проводить меры по популяризации здорового образа жизни, включая правильное питание, физическую активность и осведомленность населения о последствиях ожирения. Также важно разрабатывать и внедрять программы по предотвращению ожирения и связанных с ним заболеваний. Инвестиции в профилактику ожирения могут сократить расходы на лечение и улучшить общее здоровье нации, что способствует экономическому росту страны (Бухарбаева и др., 2010).

Перспективы здравоохранения в борьбе с ожирением населения России включают:

1. Развитие государственных программ по популяризации здорового образа жизни.

2. Контроль за рекламой вредных продуктов питания.

3. Обеспечение доступности здоровой пищи для всех слоев населения.

4. Развитие медицинской помощи для больных ожирением.

5. Обучение медицинских работников по диагностике и лечению ожирения.

6. Популяризация физической активности среди населения, особенно среди детей и молодежи.

В XX в. остро встала проблема избыточного потребления пищи, что стало результатом ожирения (Голубева, 2023).

Для решения проблемы ожирения необходимо использовать комплексный подход, включающий усилия государства, медицинских учреждений, образовательных институтов и общественных организаций. Экономические последствия ожирения оказывают существенное воздействие на общественную экономику. Хотя точная доля ВВП, направляемая на расходы по борьбе с ожирением, может различаться в разных странах, стоит выделить несколько основных экономических аспектов ожирения: увеличение расходов на здравоохранение, снижение производительности труда и социальные расходы. Точная доля ВВП, направляемая на борьбу с ожирением, зависит от конкретной страны и ее здравоохранительной системы. Однако можно утверждать, что экономические последствия ожирения могут быть значительными, и инвестиции в предупреждение и лечение ожирения могут сэкономить деньги в будущем за счет

уменьшения затрат на здравоохранение и повышения производительности труда. Здоровое питание — это, в первую очередь, безопасное питание (Тутельян, 2021).

На данный момент точные данные о доле ВВП России, направляемой на расходы по борьбе с ожирением, не являются общедоступной информацией. Однако можно выделить несколько способов сокращения экономического ущерба от ожирения россиян: профилактика ожирения, образование и информирование, поддержка здорового образа жизни и медицинская помощь. Эти меры могут помочь сократить экономический ущерб от ожирения россиян и улучшить общественное здоровье, что в конечном итоге приведет к экономическим выгодам для страны.

Заключение

Изучение экономического значения сбалансированного питания и его воздействия на систему здравоохранения является важным для разработки эффективных стратегий предотвращения заболеваний, связанных с неправильным питанием, и оптимизации расходов на медицинское обслуживание. Проблема ожирения представляет серьезную угрозу общественному здоровью в различных странах, включая Россию.

По данным ВОЗ, заболеваемость ожирением в России постоянно растет. Факторы, способствующие увеличению случаев ожирения, включают изменения в образе жизни, увеличение потребления высококалорийных продуктов, снижение уровня физической активности и другие социально-экономические и культурные изменения. Проблема ожирения оказывает серьезное воздействие на сферу здравоохранения и экономику.

Увеличение медицинских расходов, связанных с ожирением, становится одной из главных проблем для систем здравоохранения по всему миру. Это вызвано ростом числа людей, страдающих от ожирения, и связанных с ним заболеваний, таких как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, деменция и рак.

Следовательно, важно предпринимать меры по предотвращению ожирения и связанных с ним заболеваний, а также обеспечивать доступ к эффективным программам лечения и реабилитации для тех, кто уже страдает от этой проблемы. Снижение нагрузки на систему здравоохранения может оказать положительное влияние на экономический рост за счет освобождения финансовых ресурсов, повышения производительности труда и уменьшения расходов на медицинское обслуживание.

Список источников

- Абасова, З. У. (2021). К вопросу о рациональном питании. *Молодой ученый*, 12(354), 40–42.
- Бухарбаева, Л. Я., Каримова, Л. А., Франц, М. В. (2010). Эконометрическое обоснование концепции здоровья как детерминанты экономического благосостояния. *Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета*, 14(1(36)), 178–182.
- Голубева, А. Н. (2023). Правильное питание как основная составляющая здорового образа жизни человека. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 1–4(76), 40–42. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-pitanie-kak-osnovnaya-sostavlyayuschaya-zdorovogo-obraza-zhizni-cheloveka>
- Новосёлова, Е. Н. (2023). Рациональное питание как фактор здоровья: реалии и перспективы. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 29(1), 127–147. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-127-147>
- Сирковская, Т. В. (2020). Гендерные аспекты изучения нарушений пищевого поведения. *Молодой ученый*, 21(311), 454–458.
- Тутельян, В. А. (2021). Здоровое питание для общественного здоровья // *Общественное здоровье*, 1(1), 56–64. <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovoe-pitanie-dlya-obshchestvennogo-zdorovya>

Anekwe, T., & Rahkovsky, I. (2013). Economic Costs and Benefits of Healthy Eating. *Current Obesity Reports*, 2, 225–234. <https://doi.org/10.1007/s13679-013-0064-9>

Hammond, R. A., & Levine, R. (2010). The Economic Impact of Obesity in the United States. *American Journal of Public Health*, 3, 285–295. <https://doi.org/10.2147/DMSO.S7384>

Lateef, H., & Lucas, M. (2023). *The role of nutrition in disease prevention and management*. https://www.researchgate.net/publication/372750924_The_role_of_nutrition_in_disease_prevention_and_management

Webb, P. (2016). *The Cost of Malnutrition: Why Policy Action is Urgent*. Technical Brief 3. https://www.researchgate.net/publication/306372934_The_Cost_of_Malnutrition_Why_Policy_Action_is_Urgent

References

Abasova, Z. U. (2021). On the issue of rational nutrition. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 12 (354), 40–42. (In Russ.)

Anekwe, T., & Rahkovsky, I. (2013). Economic Costs and Benefits of Healthy Eating. *Current Obesity Reports*, 2, 225–234. <https://doi.org/10.1007/s13679-013-0064-9>

Bukharbayeva, L. Ya., Karimova, L. A., & Frants, M. V. (2010). Ecomometric substantiation health concepts as determinants economic well-being. *Vestnik Ufimskogo gosudarstvennogo aviatsionnogo tekhnicheskogo universiteta [Vestnik USATU]*, 14 (1(36)), 178–182. (In Russ.)

Golubeva, A. N. (2023). Proper nutrition as a main component of a healthy lifestyle. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*, 1–4 (76), 40–42. (In Russ.)

Hammond, R. A., & Levine, R. (2010). The Economic Impact of Obesity in the United States. *American Journal of Public Health*, 3, 285–295. <https://doi.org/10.2147/DMSO.S7384>

Lateef, H., & Lucas, M. (2023). *The role of nutrition in disease prevention and management*. https://www.researchgate.net/publication/372750924_The_role_of_nutrition_in_disease_prevention_and_management

Novoselova, E. N. (2023). Rational nutrition as a health factor: realities and prospects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]*, 29(1), 127–147. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-127-147> (In Russ.)

Sirkovskaya, T. V. (2020). Gender aspects of the study of eating disorders. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 21 (311), 454–458. (In Russ.)

Tutelyan, V. A. (2023). Healthy food for public health. *Obshchestvennoe zdorove [Public health]*, 1 (1), 56–64. (In Russ.)

Webb, P. (2016). *The Cost of Malnutrition: Why Policy Action is Urgent*. Technical Brief 3. https://www.researchgate.net/publication/306372934_The_Cost_of_Malnutrition_Why_Policy_Action_is_Urgent

Информация об авторе

Мастерова Светлана Николаевна — аспирант, Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0009-0002-9521-9576> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1; e-mail: s.masterova@bk.ru).

About the author

Svetlana N. Masterova — PhD Student, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0009-0002-9521-9576> (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: s.masterova@bk.ru).

УДК 316.35+364.3

JEL classification: I18

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-3>

О конкурсе «Доброволец в сфере охраны здоровья населения» в Свердловской области (2021–2023 гг.)¹

В. И. Медведева ^а, К. В. Кузьмин ^б, А. Ф. Киселев ^в

^а Министерство здравоохранения Свердловской области (г. Екатеринбург, Россия).

^{б, в} ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж» (г. Екатеринбург, Россия).

^б <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642>

Автор для корреспонденции: К. В. Кузьмин (konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Аннотация. Проанализированы особенности реализации добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья в рамках областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения», проводимого в Свердловской области с 2021 г. Конкурс организован по инициативе Министерства здравоохранения Свердловской области; его сопровождение ведется на базе государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Свердловский областной медицинский колледж». Итоги подводятся в декабре каждого года с награждением победителей и призеров во время торжественного приема регионального Министерства здравоохранения.

Ключевые слова: волонтерство; охрана здоровья населения; конкурс добровольцев в Свердловской области

About the Competition “Volunteer in the Field Of Public Health Protection” in Sverdlovsk Oblast (2021–2023)

V. I. Medvedeva ^а, K. V. Kuzmin ^б, A. F. Kiselev ^в

^а Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (Ekaterinburg, Russia).

^{б, в} Sverdlovsk Regional Medical College (Ekaterinburg, Russia).

^б <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642>

Corresponding author: K. V. Kuzmin (konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Abstract. The study analyses the implementation of volunteer activities for health protection within the framework of the regional competition “Volunteer in the field of public health protection”, held in Sverdlovsk oblast since 2021. The competition was organised by the Ministry of Health of the Sverdlovsk region; it is supported by the state budgetary professional educational institution “Sverdlovsk Regional Medical College”. The results are summed up in December of each year, when winners and prize-winners are awarded during the gala reception of the regional Ministry of Health.

Keywords: volunteering; public health protection; volunteer competition in Sverdlovsk oblast

Введение

В последние годы большое внимание уделяется развитию и совершенствованию организации добровольческой (волонтерской) деятельности, направленной на оказание целенаправленной безвозмездной помощи нуждающимся слоям населения, как одного из механизмов современного государственного управления в таких сферах, как здравоохранение, образование, культура, социальная поддержка и социальное

¹ © Медведева В. И., Кузьмин К. В., Киселев А. Ф. Текст. 2024.

обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций.

Добровольческая деятельность в сфере здравоохранения стала систематизированной и централизованной только около 10 лет назад. В частности, осенью 2017 г. был создан Федеральный центр поддержки добровольчества в сфере охраны здоровья, целью которого являются выработка общих подходов к формированию и работе волонтерских движений, продвижение добровольческих инициатив и объединение ресурсов для решения проблем в сфере охраны здоровья граждан Российской Федерации¹.

Согласно Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г.², утвержденной распоряжением Правительства РФ от 27.12.2018 г. № 2950-р, содействие добровольческой (волонтерской) деятельности отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики. При этом одной из основных задач признано создание условий, обеспечивающих востребованность участия добровольческих организаций и добровольцев в решении социальных задач, а также повышение признания значимости добровольчества в жизни обществе.

К числу основных направлений добровольческой деятельности в сфере здравоохранения, в частности, относятся: 1) содействие в оказании медицинской помощи гражданам, 2) содействие в формировании здорового образа жизни населения, профилактике возникновения и распространения заболеваний, 3) пропаганда донорства крови и ее компонентов, 4) информационная, консультативная, просветительская, досуговая и иная поддержка пациентов медицинских организаций по месту их нахождения, 5) помощь в уходе за пациентами в лечебных и реабилитационных учреждениях.

В то же время научные публикации, посвященные анализу состояния и развития добровольческого движения в сфере здравоохранения и, более широко, охраны здоровья населения, пока не столь многочисленны. Волонтерство в данной сфере рассматривается в основном в ключе изучения особенностей студенческого медицинского добровольчества, как на общероссийском, так и на региональном материале (Алюшина & Дроздова, 2021; Гончарова и др., 2011; Двойнев и др., 2020; Жукова и др., 2020; Миронова и др., 2020; Осадчая и др., 2019; Чуйков и др., 2022). Имеются работы, посвященные вопросам совершенствования нормативно-правового регулирования добровольческой деятельности в здравоохранении (Мадасова & Захарова, 2016), а также проблемам межведомственного взаимодействия в целях содействия развитию добровольчества в сфере охраны здоровья населения (Иванова, 2019).

При этом по Плану мероприятий по реализации Концепции развития добровольчества до 2025 г.³, утвержденному в июне 2019 г., в рамках развития молодежного добровольчества и добровольческой деятельности граждан предусматриваются организация и проведение всероссийских и окружных проектов и мероприятий по различным направлениям добровольчества, в том числе ориентированных на обобщение

¹ О Федеральном центре поддержки добровольчества в сфере охраны здоровья. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26.09.2017 N 678. <https://base.garant.ru/71790508/> (дата обращения: 07.02.2024).

² Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 года N 2950-р. <https://docs.cntd.ru/document/552050511> (дата обращения: 07.02.2024).

³ План мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: утв. Правительством РФ от 20.06.2019 N 5486п-П44. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328784/ (дата обращения: 07.02.2024).

лучших практик добровольческих организаций в сфере здравоохранения на федеральном, региональном, муниципальном уровнях и их тиражирование в субъектах Российской Федерации.

В частности, в принятом Стандарте поддержки добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья в субъектах Российской Федерации (2023)¹ предлагается назначить сотрудников профильных региональных органов государственной власти, ответственных за развитие добровольчества, создать консультативные группы по добровольчеству в сфере охраны здоровья, проводить мониторинг добровольческой среды с разработкой планов по развитию медицинского добровольчества и т. д.

В Свердловской области в декабре 2019 г. была утверждена Межведомственная программа «Развитие добровольчества (волонтерства) в Свердловской области на 2020–2024 годы»², одним из основных исполнителей которой стало региональное Министерство здравоохранения, а к числу заинтересованных участников были отнесены волонтерский инклюзивный центр Свердловской области «Абилимпикс», волонтерский центр ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж», региональные отделения ВОД «Волонтеры-медики» и Всероссийского студенческого корпуса спасателей и др. В ряду мер, способствующих развитию добровольческой деятельности в регионе, были заявлены, в частности, проведение мероприятий в рамках Дня добровольца (в декабре каждого года), а также организация работы по предоставлению гражданам, занимающимся добровольческой деятельностью и волонтерским организациям, мер нематериального поощрения.

Серьезным стимулом к развитию добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья населения стало распространение эпидемии новой коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг., потребовавшей консолидации огромных усилий по оказанию помощи наиболее уязвимым слоям общества, нуждающимся не только и не столько в получении доступной медицинской помощи, но и во всемерной социальной поддержке в трудное для них время с привлечением в том числе возможностей волонтерских организаций и сил добровольцев.

В сентябре 2020 г. был утвержден Порядок взаимодействия Министерства здравоохранения Свердловской области и подведомственных ему государственных медицинских организаций с организаторами добровольческой деятельности и волонтерскими организациями³, согласно которому последние могли предлагать свои услуги по оказанию помощи медперсоналу, организации медицинского и общего ухода за пациентами, досуговой и обучающей деятельности пациентов и их родственников, а также по осуществлению иной нерегулярной деятельности, в том числе

¹ Стандарт поддержки добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья в субъектах Российской Федерации (2023). <https://drive.google.com/file/d/1xRTOyBdxihSjH54T7j3cvLR6iIJRXr3a/view> (дата обращения: 07.02.2024).

² «Развитие добровольчества (волонтерства) в Свердловской области на 2020–2024 годы». Межведомственная программа. Утв. заместителем губернатора Свердловской области П. В. Крековым 25 декабря 2019 г. № 01-01-59/66. <https://minzdrav.midural.ru/uploads/2021/08/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2017.pdf>

³ Порядок взаимодействия Министерства здравоохранения Свердловской области и подведомственных государственных учреждений здравоохранения Свердловской области с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями. Утв. Приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 30.09.2020 N 1720-п. <https://minzdrav.midural.ru/uploads/2021/08/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2020.pdf>

не связанной с пациентами, на основе заключенных с учреждениями здравоохранения соответствующих соглашений о взаимодействии. В июне 2021 г. при областном Минздраве была создана постоянная консультативная группа по вопросам добровольчества (волонтерства) в сфере охраны здоровья в Свердловской области.

Цель. Анализ особенностей организации и проведения региональных конкурсов добровольцев в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области в 2021–2023 гг.

Материалы и методы

Использованы нормативные и распорядительные акты и документы органов исполнительной власти, материалы средств массовой информации, в том числе официальных сайтов Министерства здравоохранения и Информационного портала Свердловской области, а также отчетные и предварительные материалы работы экспертных комиссий, касающиеся организации и проведения региональных конкурсов «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области» в 2021–2023 гг.

Результаты

Инициатором проведения областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области» стало региональное министерство здравоохранения. Его сопровождение ведется на базе государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Свердловский областной медицинский колледж». По Положению о проведении конкурса, утвержденному приказом Минздрава от 25.11.2021 г. № 2684-п¹, его целью являются «выявление и поддержка лучших добровольческих (волонтерских) практик в сфере охраны здоровья населения».

К задачам конкурса отнесены: 1) оказание содействия развитию основных направлений добровольчества (волонтерства) в сфере охраны здоровья, 2) выявление, распространение и поддержка лучших добровольческих (волонтерских) практик, инновационных форм организации добровольческой (волонтерской) деятельности в сфере охраны здоровья населения, 3) повышение компетенций лидеров проектов в сфере охраны здоровья с использованием обучающих программ и системы наставничества, 4) информирование молодежи о роли добровольчества в сфере охраны здоровья населения в процессе формирования гражданского общества, 5) вовлечение в добровольческую (волонтерскую) деятельность молодежи и иных возрастных групп, в том числе людей с инвалидностью, 6) содействие повышению социального статуса и имиджа добровольца (волонтера) в обществе, в том числе среди молодежи.

Участниками конкурса являются: 1) физические лица — граждане Российской Федерации в возрасте от 16 лет, являющиеся добровольцами (волонтерами) государственных, некоммерческих организаций, коммерческих структур, реализующих социальные проекты в сфере охраны здоровья, 2) добровольческие (волонтерские) организации, осуществляющие социально полезную деятельность или реализующие социальные проекты в сфере охраны здоровья.

Обязательными условиями для участия в конкурсе являются наличие оформленной заявки, портфолио в форме видеоролика и / или презентации, в полной мере отражающего добровольческую деятельность конкурсанта, а также подписанного соглашения на обработку персональных данных.

---

¹ Положение о проведении Областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2021»: утв. Приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 25.11.2021 г. N 2684-п. <https://minzdrav.midural.ru/uploads/2021/12/2684-%D0%BF.pdf>

Участники конкурса из числа физических лиц имеют право подать заявки не более чем в две номинации, но могут быть признаны победителями или призерами только в одной из них. Необходимыми условиями подачи заявок является как представление проектов добровольческой деятельности, так и непосредственное участие конкурсанта в их реализации. Исключением является номинация «Организаторы добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья», к участию в которой допускаются, как правило, руководители либо неформальные лидеры некоммерческих организаций и волонтерских центров, ведущих систематическую деятельность по созданию эффективных условий для вовлечения граждан в волонтерскую деятельность либо для формирования добровольческих организаций в сфере охраны здоровья на территории Свердловской области.

Заявки физических лиц оцениваются независимыми экспертами (не менее трех по каждой номинации), представляющими органы законодательной и исполнительной власти Свердловской области, образовательные и общественные организации, по 4 основным критериям: 1) актуальность и социальная значимость, 2) достигнутые результаты и эффекты, в том числе результаты реализации проекта и / или участия в его реализации, 3) наличие логической связи между проблемой, целями, задачами и мероприятиями проекта при его предоставлении либо обоснования участия в его реализации, 4) открытость и прозрачность, в том числе отражение деятельности в социальных сетях и СМИ.

Заявку от лица добровольческой (волонтерской) организации для участия в конкурсе подает ее уполномоченный представитель. В рамках первого конкурса¹ (2021 г.) оценка участия таких организаций проводилась только в рамках номинации «Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья», в рамках второго конкурса² (2022 г.) — двух номинаций («Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья» и «Школьные отряды волонтеров-медиков»), третьего конкурса³ (2023 г.) — трех номинаций (прибавилась номинация «Местное отделение волонтеров-медиков»).

Заявки добровольческих организаций оцениваются экспертами по 7 критериям: 1) актуальность и социальная значимость деятельности, проекта или участия в реализации проекта, 2) достигнутые результаты и эффекты деятельности, 3) наличие логической связи между проблемой, целями, задачами, мероприятиями проекта, 4) качество и содержательность видеоролика / презентации проекта; 5) признание и вовлеченность в реализацию проекта местных сообществ и заинтересованных сторон (волонтеров, благополучателей, партнеров), 6) открытость и прозрачность процесса реализации проекта (отражение деятельности в социальных сетях, СМИ), 7) планы и перспективы дальнейшего развития проекта или участия в его реализации.

При проведении первого Областного конкурса были выделены 11 номинаций, второго — 13, третьего — 16 номинаций (табл. 1).

¹ Положение о проведении Областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2021». Утв. Приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 25.11.2021 г. № 2684-п. <https://minzdrav.midural.ru/uploads/2021/12/2684-%D0%BF.pdf>

² Положение о проведении II областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2022». Утв. Приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 11.11.2022 г. № 2584-п. <https://minzdrav.midural.ru/uploads/2022/11/2584-%D0%BF.pdf>

³ Положение о проведении III областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2022». Утв. Приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 17.10.2023 г. № 2416-п. <https://minzdrav.midural.ru/uploads/2023/10/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>

Таблица 1

Перечень номинаций конкурсов «Доброволец в сфере охраны здоровья населения» (2021–2023 гг.)

Конкурс 2021 г.	Конкурс 2022 г.	Конкурс 2023 г.
Волонтеры колл-центров медицинских организаций		Местное отделение волонтеров-медиков
Волонтеры вакцинации	Волонтеры донорства	
	—	Волонтеры Красного Креста Волонтеры акции #МыВместе
Волонтеры-медики	Волонтеры медицинских организаций	
	Волонтеры инклюзии	
	Школьные отряды волонтеров-медиков	
Волонтеры профилактики и здорового образа жизни		
—		Волонтеры трезвого образа жизни
Волонтеры паллиативной помощи		
Волонтеры первой помощи		Волонтеры помощи освобожденным территориям
—	Волонтеры гуманитарной помощи	
Волонтеры-спасатели		
Волонтеры-дезинфекторы	—	
Волонтеры проектов «Добро в село», «Добро в город»		
Организаторы добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья		
Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья		

Источник: составлена авторами на основе положений о проведении конкурсов в 2021–2023 гг.

Таким образом, по своему содержанию наполняемость конкурса постоянно меняется: так, вместо номинации «Волонтеры колл-центров медицинских организаций» (2021–2022) в 2023 г. была заявлена номинация «Местное отделение волонтеров-медиков»; вместо номинации «Волонтеры вакцинации» (2021) в 2022 г. — номинация «Волонтеры донорства», а в 2023 г. — также «Волонтеры Красного Креста» и «Волонтеры акции #МыВместе»; вместо номинации «Волонтеры-медики» (2021) в 2022–2023 гг. были заявлены 3 номинации: «Волонтеры медицинских организаций», «Волонтеры инклюзии» и «Школьные отряды волонтеров-медиков»; к номинации «Волонтеры профилактики и здорового образа жизни» в 2023 г. прибавилась номинация «Волонтеры трезвого образа жизни»; на место номинации «Волонтеры первой помощи» (2021–2022) в 2023 г. пришла номинация «Волонтеры помощи освобожденным территориям», а с 2022 г. добавилась номинация «Волонтеры гуманитарной помощи»; только один раз была заявлена номинация «Волонтеры-дезинфекторы» (конкурс 2021 г.).

Неизменными для всех трех конкурсов стали 6 номинаций: «Волонтеры профилактики и здорового образа жизни», «Волонтеры паллиативной помощи», «Волонтеры проектов „Добро в село“, „Добро в город“», «Волонтеры-спасатели», «Организаторы добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья» и «Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья».

Первый областной конкурс добровольцев¹, приуроченный к окончанию Года медицинского работника в Свердловской области (2021), включил в себя 2 этапа: 1)

¹ Итоги Областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2021». <https://minzdrav.midural.ru/article/show/id/10443>

заявочный этап — с 29 ноября по 10 декабря 2021 г., 2) работа экспертной комиссии — с 11 по 17 декабря 2021 г. К участию в конкурсе была допущена 61 заявка, в том числе 4 — от добровольческих (волонтерских) организаций (табл. 2).

Основными критериями отбора победителей, а также призеров по номинациям конкурса стали реальные дела, инициативы, проекты, направленные на помощь конкретным людям, особым социальным группам, находящимся в трудных жизненных ситуациях, медицинским организациям, здравоохранению региона в целом.

Награждение победителей конкурса состоялось в конце декабря 2021 г.¹ Как отметил на церемонии награждения руководитель консультативной группы по вопросам добровольчества (волонтерства) в сфере охраны здоровья, замминистра здравоохранения Свердловской области Д. А. Демидов, только в 2021 г. в период распространения COVID-19 волонтерами было проведено более 1 тыс. акций и мероприятий, благополучателями которых стали до 1,5 млн чел. по всей территории Свердловской области. По мнению директора ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж» И.А. Левиной, первый областной конкурс добровольцев в сфере охраны здоровья населения стал ярким и значимым итоговым праздничным событием Года медицинских работников в Свердловской области, а волонтерские команды представили на конкурс своих признанных лидеров.

Второй областной конкурс добровольцев в сфере охраны здоровья населения² также включил в себя 2 этапа: 1) заявочный этап — с 14 ноября по 13 декабря 2022 г.; 2) работа экспертной комиссии — с 5 по 13 декабря 2022 г. К участию в конкурсе были допущены 77 заявок, в том числе 14 — от добровольческих (волонтерских) организаций (табл. 3).

Награждение победителей было проведено в рамках торжественного приема Министерства здравоохранения Свердловской области в конце декабря 2022 г. Выступая при награждении победителей и призеров, Д. А. Демидов указал, что Свердловская область стала «одним из лидеров в России по добровольческому движению... волонтеры помогают медикам практически по всем фронтам: от работы в колл-центрах до сопровождения пациентов в профилактических проектах. „Зеленые субботы“, акции „Добро в село“, „Добро в город“, онкосубботники — везде задействованы неравнодушные добровольцы»³. В 2022 г. прошло 1939 акций, в рамках которых добровольцы совершили 36853 выхода с охватом более 800 тыс. жителей. Дополнительно за заслуги в добровольческой деятельности часть волонтеров получили благодарственные письма областного минздрава и Свердловского отделения Российского Красного Креста, а также почетные знаки Законодательного Собрания Свердловской области.

К участию в третьем Областном конкурсе добровольцев⁴, традиционно прошедшем в 2 этапа: заявочный этап — с 7 ноября по 12 декабря 2023 г. и работа экспертной комиссии — с 4 по 12 декабря 2023 г., было допущено 105 заявок, в том числе 20 — от добровольческих (волонтерских) организаций (табл. 4).

¹ Победителей конкурса добровольцев в сфере охраны здоровья наградили в Свердловской области Министерство здравоохранения Российской Федерации. 10 января 2022 г. https://minzdrav.gov.ru/regional_news/18162-pobediteley-konkursa-dobrovoltsev-v-sfere-ohrany-zdorovya-nagradili-v-sverdlovskoy-oblasti

² Результаты областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2022». <https://minzdrav.midural.ru/article/show/id/10562>

³ В Свердловской области наградили лучших волонтеров в сфере здравоохранения. <https://ntcgb.ru/actual/page/977>

⁴ Результаты областного конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области — 2023». <https://minzdrav.midural.ru/article/show/id/10633>

Таблица 2

Итоги конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения — 2021»

Номинация	Кол-во заявок	Победитель
Волонтеры колл-центров медицинских организаций	3	Потапова В. А. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры вакцинации	9	Плесовских Т. С. (Каменск-Уральский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры-медики	10	Порядин Е. И. (Красноуфимский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры профилактики и здорового образа жизни	8	Шайбакова Р. И. (Фармацевтический филиал ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры паллиативной помощи	5	Кайгородова В. С. (Асбестовско-Сухолоцкий филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры первой помощи	5	Хакиджанова Д. М. (Каменск-Уральский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры-спасатели	3	Мешкорудников Н. А. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры-дезинфекторы	3	Чухарев К. Д. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры проектов «Добро в село», «Добро в город»	5	Казакова А. А. (Красноуфимский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Организаторы добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья	6	Отческих А. А. (Каменск-Уральский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья	4	Школьный отряд волонтеров-медиков МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №49» (г. Новоуральск)
Итого	61	

Таблица 3

Итоги конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения — 2022»

Номинация	Кол-во заявок	Победитель
Волонтеры колл-центров медицинских организаций	8	Васильева-Романова С. А. (Ирбитский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры медицинских организаций	9	Казанцева Т. Н. (Алапаевский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры профилактики и здорового образа жизни	13	Долганова О. В. (Каменск-Уральский филиал ГБПОУ «СОМК») и Черных Е. А. (АНО «Школа трезвости им. Г. А. Шичко»)
Волонтеры проектов «Добро в село», «Добро в город»	6	Романов А. Н. (Алапаевский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры первой помощи	6	Хакиджанова Д. М. (Каменск-Уральский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры-спасатели	3	Галиахметов Д. Т. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры донорства	4	Исмаилова А. А. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры паллиативной помощи	6	Ошивалов А. А. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры инклюзии	4	Угриновский А. О. (Красноуфимский филиал ГБПОУ «СОМК»)

Окончание табл. 3 на след. стр.

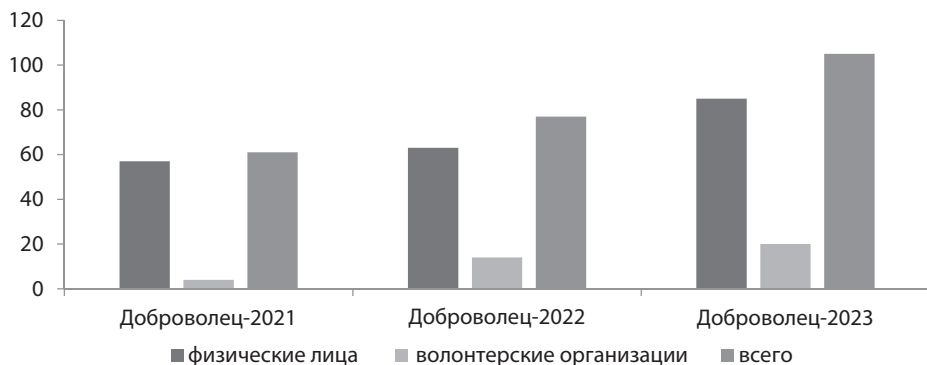
Окончание табл. 3

Номинация	Кол-во заявок	Победитель
Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья	10	Молодежное движение Алапаевского местного отделения общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест»
Организаторы добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья	10	Симанова А. С. (Ирбитский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры гуманитарной помощи	4	Верховодкина И. И. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Школьные отряды волонтеров-медиков	4	Школьный отряд волонтеров-медиков МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 49» (г. Новоуральск)
Итого	77	

Таблица 4

Итоги конкурса «Доброволец в сфере охраны здоровья населения – 2023» [13]

Номинация	Кол-во заявок	Победитель
Волонтеры медицинских организаций	6	Швецова Е. А. (Алапаевский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры гуманитарной помощи	4	Умеренков Р. А. (Алапаевский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры акции #МыВместе	3	Корелин А. А. (Алапаевский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры профилактики и здорового образа жизни	19	Турта Ю. А. (Нижнетагильский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры трезвого образа жизни	3	Устюгова В. В. «Дом культуры» п. Озерный Режевского р-на Свердловской области
Волонтеры помощи освобожденным территориям»	3	Асташов Н. С. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры-спасатели	4	Мальцев К. Е. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры инклюзии	14	Фурсов Д. А. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры паллиативной помощи	4	Симанова А. С. (Ирбитский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Волонтеры Красного Креста	8	Ошивалов А. А. (ГБПОУ «СОМК», г. Екатеринбург)
Волонтеры донорства	5	Шайхитдинова А. С. Медицинский колледж Уральского госуниверситета путей сообщения (г. Екатеринбург)
Волонтеры проектов «Добро в село», «Добро в город»	5	Рявкина А. Г. (Сухоложский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Организаторы добровольческой деятельности в сфере охраны здоровья	7	Вахрушева О. А. (Нижнетагильский филиал ГБПОУ «СОМК»)
Добровольческое объединение в сфере охраны здоровья	7	Свердловское региональное отделение ООО «Российский Красный Крест»
Школьные отряды волонтеров-медиков	6	Школьный отряд волонтеров-медиков «Призвание» МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 9» (г. Красноуфимск)
Местное отделение волонтеров-медиков	7	Местное отделение СВРО ВОД «Волонтеры-медики» (г. Красноуфимск)
Итого	105	

Рис. Количество участников конкурсов добровольцев в сфере охраны здоровья населения Свердловской области в 2021–2023 гг. (источник: составлено авторами)

Награждение победителей и призеров конкурса прошло 27 декабря 2023 г. в малом зале Дворца Молодежи г. Екатеринбург¹ [14].

Конкурс добровольцев в сфере охраны здоровья населения Свердловской области имеет еще очень краткую историю, однако можно увидеть, что год от года количество его участников неизменно возрастает (рис.), что свидетельствует о росте его популярности и узнаваемости как среди самих волонтеров, так и в кругах широкой общественности.

Обсуждение

Конкурс «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области» превратился в новый, набирающий популярность формат организации волонтерского движения в сфере здравоохранения в регионе. Опыт поощрения волонтеров был представлен на Всероссийском форуме «Медицинское добровольчество вуз — регион»², проведенного 4–6 декабря 2023 г. по инициативе Федерального центра поддержки добровольчества в сфере охраны здоровья, и был отмечен его организаторами.

Конкурс «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области» как проект ежегодного адресного поощрения волонтеров в сфере здравоохранения и популяризации добровольческой деятельности является уникальным и может быть тиражирован в других субъектах Российской Федерации в целях развития универсальной и эффективной системы коммуникации профильных региональных органов исполнительной власти, образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, медицинских организаций, социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих добровольческую деятельность, для обеспечения дальнейшего устойчивого развития медицинского добровольчества.

Заключение

Конкурс «Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области», проводимый с 2021 г. по инициативе регионального министерства здравоохранения,

¹ Доброволец в сфере охраны здоровья населения в Свердловской области. https://m.vk.com/wall-111496008_4593

² Всероссийский форум «Медицинское добровольчество вуз — регион» 2023. <https://xn--d1asetk.xn--p1ai/volunteering/forum-2023/>

привлекает к себе с каждым годом все больше и больше внимания, играя важную роль в реализации Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации, пропагандируя идеи безвозмездной помощи нуждающимся и способствуя гуманизации общества в целом. Участниками конкурса являются не только студенты-медики и их волонтерские объединения, но и учащиеся средних общеобразовательных учебных заведений, а также инициативные группы добровольцев.

Список источников

Алюшина, Д. С., Дроздова, Т. А. (2021). Волонтерская деятельность студентов медицинского вуза в контексте формирования здорового образа жизни. *Коллекция гуманитарных исследований*, 2 (27), 34–43. [http://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2\(27\)/4](http://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2(27)/4)

Гончарова, А. С., Ярунина, Т. Е., Насыбуллина, Г. М. (2011). Волонтерство студенту, врачу, здравоохранению. *Системная интеграция в здравоохранении*, 4, 33–38.

Двойнев, В. В., Сухова, Е. Е., Сидорова, А. С., Машкова, И. Ю. (2020). Подготовка волонтеров в сфере охраны психического здоровья (опыт социологической оценки эффективности мероприятий в рамках социального проекта «Здоровье души»). *Бюллетень науки и практики*, 6 (8), 244–250. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/57/27>

Жукова, Л. А., Кетова, Н. А., Монастырева, Д. Р., Дроздова, Т. А. (2020). Волонтерство в контексте формирования здорового образа жизни. *Коллекция гуманитарных исследований*, 2 (23), 56–62. [http://doi.org/10.21626/j-chr/2020-2\(23\)/8](http://doi.org/10.21626/j-chr/2020-2(23)/8).

Иванова, С. А. (2019). Обеспечение координации межведомственного взаимодействия в целях содействия развитию добровольчества (волонтерства) в России. *Образование и право*, 6, 75–79.

Мадасова, О. К., Захарова, Т. С. (2016). Правовые проблемы организации добровольческой деятельности в сфере здравоохранения Российской Федерации. *Евразийский Союз Ученых*, 2-1 (23), 126–129.

Миронова, А. А., Савчук, П. О., Наркевич, А. Н., Евминенко, С. А. (2020). Итоги деятельности программы медицинского добровольчества в Красноярском крае (2014–2019 гг.). *Социальные аспекты здоровья населения*, 66 (6), 5. <http://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-6-5>.

Осадчая, Т. Г., Ершова, Н. Б., Немкова, И. Н. (2019). Особенности интеграции иностранных студентов во всероссийское общественное движение «волонтеры-медики». *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 18, 2(40), 38–42. [http://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-2\(40\)-38-42](http://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-2(40)-38-42)

Чуйков, О. Е., Лагутин, И. Б., Свечников, В. А., Бабина, А. С., Батюков, В. В. (2022). Волонтерство как одно из направлений деятельности медицинского вуза. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 30 (2), 312–317. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-312-317>

References

Alushina, D. S., & Drozdova, T. A. (2021). Volunteer activity of students in the context of healthy lifestyle. *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy [The Collection of Humanitarian Studies]*, 2 (27), 34–43. [http://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2\(27\)/4](http://doi.org/10.21626/j-chr/2021-2(27)/4) (In Russ.)

Chuiikov, O. E., Lagutin, I. B., Svechnikov, V. A., Babina, A. S., & Batiukov, V. V. (2022). The volunteerism as an of trends of medical university functioning. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, 30 (2), 312–317. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-312-317> (In Russ.)

Dvoinev, V., Sukhova, E., Sidorova, A., & Mashkova, I. (2020). Training of volunteers in the field of mental health care (experience in sociological evaluation of the effectiveness of activities under the ‘soul health’ social project). *Byulleten nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]*, 6 (8), 244–250. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/57/27> (In Russ.)

Goncharova, A., Yarunina, T., & Nasybullina, G. (2011). Volunteering to students, doctors and health care. *Sistemnaya integratsiya v zdavookhraneni* [*System Integration in Health Care*], 4, 33–38. (In Russ.)

Ivanova, S. A. (2019). Ensuring coordination of interdepartmental interaction for assistance to development of volunteering in Russia. *Obrazovanie i pravo* [*Education and law*], 6, 75–79. (In Russ.)

Madasova, O. K., & Zakharova, T. S. (2016). Legal problems of the organization of voluntary activities in the healthcare sphere of Russian Federation. *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh* [*Eurasian Union of Scientists*], 2-1 (23), 126–129. (In Russ.)

Mironova, A. A., Savchuk, P. O., Narkevich, A. N., & Evminenko, S. A. (2020). Results of medical volunteer program in the Krasnoyarsk Region (2014–2019). *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya* [*Social aspects of population health*], 66(6), 5. <http://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-6-5> (In Russ.)

Osadchaya, T. G., Ershova, N. B., Nemkova, I. N. (2019). Features of integration of foreign students into the all-Russian social movement “medical volunteers”. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus* [*Psychological-Pedagogical Journal “Gaudeamus”*], 18(2(40)). [http://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-2\(40\)-38-42](http://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-2(40)-38-42) (In Russ.)

Zhukova, L. A., Ketova, N. A., Monastireva, D. R., & Drozdova, T. A. (2020). Volunteering in the context of forming a healthy lifestyle. *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy* [*The Collection of Humanitarian Studies*], 2 (23), 56–62. [http://doi.org/10.21626/j-chr/2020-2\(23\)/8](http://doi.org/10.21626/j-chr/2020-2(23)/8) (In Russ.)

Информация об авторах

Медведева Валерия Игоревна — ведущий специалист отдела территориального развития, Министерство здравоохранения Свердловской области (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 34б; e-mail: v.medvedeva@egov66.ru).

Кузьмин Константин Викторович — кандидат исторических наук, доцент, руководитель Координационного научно-методического центра по социальной работе в системе здравоохранения Свердловской области, ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж»; <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Репина, 2а; e-mail: konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Киселев Антон Фаритович — заведующий отделом воспитания и социализации, ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж» (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Репина, 2а; e-mail: ovpsomk@gmail.com).

About the authors

Valeria I. Medvedeva — Leading Specialist of the Territorial Development Department, Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (34B, Vaynera St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: v.medvedeva@egov66.ru).

Konstantin V. Kuzmin — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Coordinating Scientific and Methodological Center for Social Work in the Healthcare System of the Sverdlovsk Region, Sverdlovsk Regional Medical College; <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642> (2A, Repina St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Anton F. Kiselev — Head of the Department of Education and Socialization, Sverdlovsk Regional Medical College (2A, Repina St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ovpsomk@gmail.com).

УДК 314.143

JEL classification: J14, J18

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-4>

Система гериатрической помощи: оценка развития и соответствия потребностям стареющего населения (на примере Вологодской области)¹

Л. Н. Нацун

Вологодский научный центр РАН (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

Автор для корреспонденции: Л. Н. Нацун (leyla.natsun@yandex.ru).

Аннотация. В работе на данных статистики и репрезентативного обследования населения Вологодской области проведена оценка развития системы гериатрической помощи и ее соответствия актуальным потребностям стареющего населения региона. Показано, что на фоне растущей потребности населения в гериатрической помощи показатель обеспеченности населения специалистами данного профиля остается крайне низким. Это наряду с проблемами выполнения целевых показателей регионального проекта «Старшее поколение» препятствует эффективному выстраиванию трехуровневой системы гериатрической помощи. Установлено, что успешно функционируют ее второй и третий уровни, тогда как на первом уровне наблюдается дефицит специалистов нужного профиля.

Ключевые слова: благополучная старость; демографическое старение; гериатрическая помощь; доступность медицинской помощи

Geriatric Care System: Assessment of Development and Compliance with the Needs of an Ageing Population (Example of Vologda Oblast)

L. N. Natsun

Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

Corresponding author: L. N. Natsun (leyla.natsun@yandex.ru).

Abstract. Based on statistical data and a representative survey of population of Vologda Oblast, the present study assesses the development of geriatric care system and its compliance with the current needs of the region's ageing population. Amid growing demand of the population for geriatric care, an indicator of the availability of specialists in this field remains extremely low. This factor, along with the problems of meeting the targets of the regional project «The Older Generation», hinders the effective formation of a three-level system of geriatric care. It was established that its second and third levels are functioning successfully, whereas there is a shortage of specialists in this field at the first level.

Keywords: prosperous old age; demographic ageing; geriatric care; accessibility of health care

Введение

Демографическое старение выступает одним из ключевых вызовов современности. Увеличение доли населения старших возрастных групп диктует необходимость адаптации к изменяющимся потребностям населения не только самой физической среды обитания, но и образования, трудовой и культурной сферы, социальной защиты, здравоохранения. На индивидуальном уровне старение сопровождается снижением потенциала здоровья, накоплением бремени хронических заболеваний.

¹ © Нацун Л. Н. Текст. 2024.

При отсутствии необходимых адаптаций среды эти изменения могут приводить к существенным ограничениям жизнедеятельности.

Здравоохранение непосредственно сталкивается с последствиями демографического старения: растет заболеваемость, инвалидность взрослого населения и, как следствие, обращаемость за медицинской помощью и нагрузка на медицинских работников.

Оказание медицинской помощи пациентам старших возрастов сопровождается определенными трудностями, связанными, в первую очередь, с широкой распространенностью среди них случаев одновременного сочетания нескольких хронических заболеваний, требующих лечения. От лечащего врача требуется умение найти оптимальную схему лечения таких пациентов, позволяющую добиться улучшения их самочувствия и предотвратить или минимизировать побочные эффекты терапии. В принятом ООН Мадридском международном плане действий по проблемам старения особо отмечается необходимость включения гериатрической медицины в учебные программы университетов для обеспечения должного учета потребностей пожилых пациентов в сфере здравоохранения¹.

В системе отечественного здравоохранения до недавнего времени не уделялось должного внимания развитию гериатрического направления. Ситуация изменилась в связи с началом реализации нацпроектов «Здравоохранение» и «Демография» в 2019 г.

Цель данной работы состоит в оценке развития системы гериатрической помощи на примере Вологодской области и ее соответствия актуальным потребностям стареющего населения региона.

На данных выборочного наблюдения состояния здоровья населения, проводимого Федеральной службой государственной статистики, будут рассмотрены показатели, характеризующие здоровье населения старших возрастных групп на территории Вологодской области. Развитие системы гериатрической помощи будет оцениваться на основе данных региональной медицинской статистики за период с 2019 г. по 2022 г.

Обзор литературы

Повышение продолжительности здоровой жизни выступает одним из наиболее значимых направлений социально-экономической политики государства. Основные резервы роста этого показателя связаны с сокращением смертности в детских возрастах (особенно младенческой смертности), а также преждевременной смертности трудоспособного населения и населения старших возрастных групп. В направлении снижения детской смертности в последние десятилетия были достигнуты заметные положительные результаты (Баранов и др., 2020). Также наблюдалось снижение смертности населения трудоспособного возраста (Бухтияров и др., 2022). Однако достичь положительных результатов в отношении населения старших возрастных групп заметно сложнее. Поэтому актуальной задачей здравоохранения остается минимизация людских потерь, обусловленных предотвратимыми причинами смерти.

В структуре ведущих причин смертности населения старших возрастных групп ведущее место занимают болезни системы кровообращения, новообразования, а также последствия воздействий внешних причин (Ахунова & Абросимова, 2013). Результаты

---

¹Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. Принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002 года. ООН. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch2.shtml#sb2

международных сопоставлений демонстрируют, что в сравнении с европейскими странами в России хуже выявляемость онкологических заболеваний среди лиц старших возрастных групп (Мадыянова, 2020).

Российскими исследователями отмечалась повышенная уязвимость пожилых к воздействиям внешних причин. Так, в 2018 г. коэффициент смертности среди лиц старше трудоспособного возраста от падений был в 2 раза выше, чем среди трудоспособного населения (Мадыянова & Какорина, 2021).

Для эффективного выстраивания профилактики смертности лиц старших возрастов от неинфекционных заболеваний также важны результаты, свидетельствующие о сезонном повышении среди них смертности от болезней системы кровообращения в зимний период, а также об отсутствии у значительной части пожилых пациентов необходимых навыков заботы о своем здоровье (Григорьева & Суховеева, 2020).

Ухудшение здоровья может приводить к необходимости получения услуг по социальному обслуживанию в пожилом возрасте. В исследованиях отечественных авторов обсуждались подходы к созданию и регулированию системы предоставления таких услуг пожилым гражданам, в том числе с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Было обосновано, что формирование рынка гериатрических услуг требует обязательного учета особенностей состояния здоровья клиентов и возможного наличия у них возраст-специфических заболеваний (Горошко & Емельянова, 2019).

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили данные федеральной службы государственной статистики, региональной медицинской статистики, ежегодные отчеты о выполнении государственных программ Вологодской области. Сведения о состоянии здоровья населения старших возрастных групп были получены на основе анализа материалов Выборочного наблюдения состояния здоровья населения 2023 года (ВНСЗН-2023), проведенного Федеральной службой государственной статистики¹.

Результаты

По состоянию на 1 января 2023 г. среди населения Вологодской области 25 % составляли лица в возрасте 60 лет и старше². Ожидаемая продолжительность жизни населения региона в 2022 г. составила 71,6 года³. Сохранялся значительный гендерный разрыв в величине этого показателя: для женщин он составлял 77,1 года, для мужчин — 65,9 года⁴. С учетом того, что нижняя граница пенсионного возраста для мужчин значительно выше, чем для женщин, их ожидаемая продолжительность жизни по достижении пенсионного возраста отстает от аналогичного показателя для женщин еще более заметно. Причем этот разрыв практически не снижается ни в России в целом, ни в регионах Северо-Западного федерального округа, в том числе и Вологодской области (табл. 1).

¹ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения 2023 // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html

² Демографический ежегодник Вологодской области, 2022. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2023. 91 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни лиц старшего возраста* (лет)

Территория	2018		2019		2020		2021		2022	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Российская Федерация	16,56	26,28	16,86	26,56	15,20	24,99	14,42	23,22	16,71	26,08
Северо-Западный федеральный округ	16,78	26,59	17,16	26,83	15,55	25,51	14,52	23,70	16,66	26,06
Вологодская область	14,87	25,61	14,97	26,03	14,23	25,19	13,23	23,27	14,86	25,71

* В статистической форме приводятся данные для мужчин, достигших возраста 60 лет, и женщин, достигших возраста 55 лет.

Источник: Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>

На возрастные группы населения 60 лет и старше в 2019 г. приходилась большая часть смертей от таких классов причин, как симптомы, признаки, отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях (91 %), болезни системы кровообращения (84 %), новообразования (78 %), болезни мочеполовой системы (78 %), болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (76 %) (Короленко, 2021).

В Вологодской области наиболее распространенными заболеваниями среди лиц старше трудоспособного возраста были болезни системы кровообращения. А среди них по показателю общей заболеваемости лидирующие позиции занимали болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением, и церебрально-сосудистые болезни. По состоянию на 2021 г. на втором месте по общей заболеваемости находились болезни органов дыхания, а на третьем — болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани. Неблагоприятная динамика наблюдалась по показателю общей заболеваемости сахарным диабетом II типа — прирост, по сравнению с 2018 г., составил 15,6 %. В 2021 г. COVID-19 стал одной из наиболее распространенных болезней среди населения старшего возраста, опередив по показателю общей заболеваемости сахарный диабет (табл. 2).

Наибольший ущерб здоровью старшего поколения наносят хронические неинфекционные заболевания, симптомы которых могут приводить к появлению ограниченной жизнедеятельности, а также существенно снижать качество жизни. По данным ВНСЗН-2023, в Вологодской области среди лиц в возрасте 60 лет и старше 76 % имели хронические заболевания сердечно-сосудистой системы, 13 % страдали диабетом, 5 % имели онкологические заболевания. Для 72,5 % пожилых респондентов было характерно наличие сразу двух или нескольких хронических заболеваний. Среднее число заболеваний в расчете на одного человека было максимальным в возрастной группе респондентов 80 лет и старше — 4,7, а минимальным — в возрастной группе от 60 до 69 лет — 2,8. В целом среди пожилых людей в возрасте 60 лет и старше на одного человека приходилось 3,6 хронических болезни (табл. 3). Доля лиц с установленной группой инвалидности, по данным обследования, составляла 19 %. Среди всех опрошенных в возрасте 60 лет и старше испытывали трудности: при ходьбе — 48 %, в самообслуживании — 17 %, при выполнении привычной повседневной деятельности — 34 %. Испытывали в той или иной степени выраженные боль и дискомфорт большинство пожилых респондентов (72 %). Распространены среди пожилых были также тревожные и депрессивные состояния (отметили 58 % опрошенных). Приведенные

Таблица 2

**Общая заболеваемость населения Вологодской области старше трудоспособного возраста*,
на 100 тыс. чел.**

Классы и отдельные причины заболеваний	2018	2019	2020	2021
Всего	201729,1	206559,5	203838,0	206761,3
Болезни системы кровообращения	61857,9	62877,8	58382,6	57149,1
из них болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	28922,4	30283,2	28587,1	28149,0
церебрально-васкулярные болезни	11459,3	11724,5	10867,6	10481,8
Болезни органов дыхания	19196,4	19007,7	24694,0	25051,4
Болезни костно-мышечной соединительной ткани	22380,6	24070,0	22203,7	21365,3
Болезни глаза и его придаточного аппарата	24121,7	23836,2	20383,6	20351,6
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	18049,4	1122,5	17903,6	17658
сахарный диабет II типа	7615,9	8133,2	8790,7	8802,5
Новообразования	6835,9	7171,0	7610,5	7538,8
из них злокачественные новообразования	4271,7	4579,4	5240,6	5237,7
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	6076,6	6112,2	6106,8	5757,6
Болезни уха и сосцевидного отростка	5257,7	5231,4	4658,7	4638,4
Психические расстройства и расстройства поведения	3570,4	3770,6	4211,7	3830,3
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	2859,7	3013,4	2468,7	2395,1
COVID-19	—	—	3876,3	10038,4

*Возрастные границы трудоспособного возраста определялись в соответствии с законодательством РФ, действовавшим на момент фиксации показателей.

Источник: Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2021 год. Департамент здравоохранения Вологодской области Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 2022. 82 с.; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2019 год. Департамент здравоохранения Вологодской области Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 2020. 83 с.

Таблица 3

**Хронические заболевания среди населения Вологодской области в возрасте 60 лет и старше,
% от численности опрошенных**

Заболевания	60–69 лет	70–79 лет	80 лет и старше	Все респонденты 60 лет и старше
Сердечно-сосудистой системы	69,4	81,7	94,6	75,6
Онкологические	1,90	10,80	5,4	4,8
Сахарный диабет	13,10	15,10	5,4	12,8
Среднее количество хронических заболеваний в расчете на одного респондента	2,8	3,3	4,7	3,6

Источник: Выборочное наблюдение состояния здоровья населения 2023. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html

сведения указывают на высокую потенциальную потребность пожилых жителей региона в получении квалифицированной гериатрической помощи.

По данным выборочного наблюдения для старшего поколения региона характерна высокая медицинская активность. О том, что в случае плохого самочувствия обращаются к врачу, сообщили 88 % опрошенных. Большинство респондентов (92 %) пользовались услугами государственных учреждений здравоохранения. При этом 19 % опрошенных остались недовольны качеством оказания им медицинской помощи.

В 2019 г. в Вологодской области была начата реализация проекта «Старшее поколение»¹. Региональный проект носит межведомственный характер, его мероприятия обеспечивают преемственность работы, проводимой в области, в рамках реализации Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года² и федерального проекта «Старшее поколение» в составе нацпроекта «Демография».

Из-за негативного влияния пандемии COVID-19 не удалось обеспечить выполнение целевых показателей проекта на запланированном уровне. Аналогичная ситуация, впрочем, была характерна и для России в целом (Калачикова и др., 2022). По ряду целевых показателей плановые значения на 2021 г. были пересмотрены в сторону их уменьшения (табл. 4), что определялось высокой нагрузкой на медицинские учреждения области и приостановкой оказания плановой и профилактической помощи в этот период. По показателю охвата пожилых граждан профилактическими осмотрами и диспансеризацией к 2022 г. так и не удалось выйти на «допандемийный» уровень — уровень 2019 г. (табл. 4).

В результате выполнения проекта предполагалось к 2024 г. обеспечить активное развитие гериатрической службы области: создать региональный гериатрический центр Вологодской области, обеспечить оказание медицинской помощи гериатрического профиля в медицинских организациях региона (открыть кабинеты врача-гериатра в 13 медицинских организациях к 2023 г.), обеспечить оказание специализированной медицинской помощи по профилю «гериатрия» в стационарных условиях (не менее 43 гериатрических коек в медицинских организациях области к 2023 г.)³.

Региональная статистика свидетельствует, что в период с 2018 г. по 2021 г. показатель обеспеченности населения геронтологическими койками вырос незначительно (с 0,1 до 0,2 на 10000 чел. населения). Вместе с тем, в абсолютном выражении количество коек увеличилось с 15 по состоянию на конец 2018 г. до 26 в 2022 г. Однако их количество оставалось ниже запланированного. Обеспеченность населения врачами-гериатрами несмотря на запланированное увеличение численности специалистов данного профиля оставалась низкой (0,01 на 10000 чел. населения). В поликлиниках по специальности «гериатр» на конец 2018 г. в штате числилось 0,5 единицы, к концу

¹Паспорт регионального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения „Старшее поколение“ в Вологодской области». https://society.gov35.ru/deyatelnost/zadachi-funktsii/realizatsiya-ukazov-prezidenta-ru/files/204/news-2019/pasport_starshee_pokolenie.pdf?ysclid=lrfy3clszt48956289

²Об утверждении региональной комплексной программы повышения качества жизни граждан старшего поколения на территории Вологодской области на 2019–2024 годы. Постановление Правительства Вологодской области от 09.12. 2019 г. № 1193. <https://docs.cntd.ru/document/561641849?ysclid=lrfyf0xr3806391207>

³Паспорт регионального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения „Старшее поколение“ в Вологодской области».

Таблица 4

**Выполнение целевых показателей регионального проекта Вологодской области
«Старшее поколение»**

Показатель	2019	2020*	2021*	2022
<i>1. Уровень госпитализации на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения соответствующего возраста, условная единица</i>				
Плановое значение	13,90	31,70 / (15,91)	52,70 / (21,11)	52,70
Фактическое значение	22,1	20,9	36,9	32,98
<i>2. Охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию, %</i>				
Плановое значение	22,50	27,50 / (13,81)	33,50	55,70
Фактическое значение	30,5	13,8	18,8	21,76
<i>3. Доля лиц старше трудоспособного возраста, у которых выявлены заболевания и патологические состояния, находящихся под диспансерным наблюдением, %</i>				
Плановое значение	49,60	55,50 / (41,61)	61,80	69,10
Фактическое значение	46,8	48,2	50,1	69,22

* Примечание: в скобках указаны скорректированные в период пандемии COVID-19 плановые значения показателей.

Источник: Перечень мероприятий и ожидаемых результатов составлены по: Региональная комплексная программа повышения качества жизни граждан старшего поколения на территории Вологодской области на 2019–2024 годы. Утв. Постановлением Правительства Вологодской области № 1193 от 09.12.2020. <https://vologda-oblast.ru/dokumenty/2326751/>

2021 г. показатель вырос до 1,25 единицы. Уровень госпитализации пациентов на геронтологические койки круглосуточного пребывания с 2018 г. также вырос незначительно: с 0,04 до 0,1 на 100 тыс. чел.¹

В 2019 г. в рамках выполнения мероприятий регионального проекта «Старшее поколение» на базе Вологодского областного госпиталя для ветеранов войн открылся региональный гериатрический центр. Маршрутизация пациентов была построена таким образом, чтобы участковые врачи-терапевты, врачи общей практики поликлиник Вологды, а также врач-гериатр, который проводит общегородской прием, направляли в гериатрический центр тех, кому установлен диагноз «старческая астения»².

Заключение

Приведенные сведения указывают на то, что в регионе предприняты определенные шаги в направлении создания комплексной системы гериатрической помощи. В то же время эту работу необходимо продолжать ввиду нарастания потребности в услугах врачей-гериатров. На сегодняшний день показатель обеспеченности населения специалистами данного профиля остается крайне низким, что препятствует эффективному выстраиванию трехуровневой системы гериатрической помощи. Можно

¹ Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2021 год: статистический сборник. Медицинский информационно-аналитический центр Департамента здравоохранения Вологодской области. Вологда, 2022. 82 с.; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2019 год: стат. сб.. Медицинский информационно-аналитический центр Департамента здравоохранения Вологодской области. Вологда, 2020. 83 с.

² В Вологодском областном госпитале ветеранов войн заработал гериатрический центр // Официальный портал Правительства Вологодской области. https://vologda-oblast.ru/novosti/v_vologodskom_oblastnom_gospitale_veteranov_voyn_zarabotal_geriatricheskiy_tsentr/

отметить, что успешно функционируют ее второй (расширен специализированный коечный фонд в стационарах) и третий уровень (создан гериатрический центр), тогда как на первом уровне наблюдается дефицит специалистов нужного профиля.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>).

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, the grant No. 23-78-10128 (<https://rscf.ru/project/23-78-10128/>).

Список источников

Ахунова, Э. Р., Абросимова, М. Ю. (2013). Медико-статистические особенности смертности пожилых людей, проживающих в городской местности Республики Татарстан. *Казанский медицинский журнал*, 94(3), 389–392.

Баранов, А. А., Альбицкий, В. Ю., Намазова-Баранова, Л. С. (2020). Смертность детского населения в России: состояние, проблемы и задачи профилактики. *Вопросы современной педиатрии*, 19(2), 96–106. <https://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102>

Бухтияров, И. В., Тихонова, Г. И., Бетц, К. В., Брылёва, М. С., Горчакова, Т. Ю., Чуранова, А. Н. (2022). Заболеваемость, инвалидность и смертность населения трудоспособного возраста в России. *Медицина труда и промышленная экология*, 12, 791–796. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-12-791-796>

Горошко, Н. В., Емельянова, Е. К. (2019). Социально-демографические процессы современной России как индикатор рынка гериатрических услуг и социальной поддержки граждан пожилого возраста. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2, 241–255.

Григорьева, Е. А., Суховеева, А. Б. (2020). Здоровье населения старшего возраста в сезонном аспекте и профилактика заболеваемости (на примере юга Дальнего Востока России). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 28(Спецвыпуск 1), 705–710. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s1-705-710>

Калачикова, О. Н., Боброва А. Г., Короленко А. В., Нацун Л. Н., Ребенок О. Ю., Журкевич А. А., Щербина Н. М., Петракова Ю. Н. (2022). *Активное долголетие и его факторы в контексте демографического старения. Опыт исследования в России и Беларуси*. Вологда: ВолНЦРАН, 179.

Короленко, А. В. (2021). Нозологический и половозрастной профиль смертности населения Вологодской области и обусловленных ей демографических потерь. *Статистика и экономика*, 3, 27–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-27-45>

Мадьянова, В. В. (2020). Смертность лиц старше трудоспособного возраста от новообразований. *Проблемы стандартизации в здравоохранении*, 3–4, 63–70. <https://doi.org/10.26347/1607-2502202003-04063-071>

Мадьянова, В. В., Какорина, Е. П. (2021). Смертность лиц старше трудоспособного возраста от последствий воздействия внешних причин. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 29(5), 1094–1102. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1094-1102>

References

- Akhunova, E. R., & Abrosimova, M. Yu. (2013). Medical and statistical mortality features in urban elderly population of the Republic of Tatarstan. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal [Kazan Medical Journal]*, 94(3), 389–392. (In Russ.)
- Baranov, A. A., Albitskiy, V. Yu., & Namazova-Baranova, L. S. (2020). Child Mortality in Russia: Situation, Challenges and Prevention Aims. *Voprosy sovremennoy pediatrii [Current Pediatrics]*, 19(2), 96–106. <https://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102> (In Russ.)
- Bukhtiyarov, I. V., Tikhonova, G. I., Betts, K. V., Bryleva, M. S., Gorchakova, T. Yu., & Churanova, A. N. (2022). Morbidity, disability and mortality of the working-age population in Russia. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya [Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology]*, 12, 791–796. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-12-791-796> (In Russ.)
- Goroshko, N. V., & Emelyanova, E. K. (2019). Socio-demographic processes in modern Russia as an indicator of the market of geriatric services and social support for the elderly. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]*, 2, 241–255. (In Russ.)
- Grigorieva, E. A., & Sukhoveeva, A. B. (2020). Elderly mortality at the Russian Far East: seasonality and mitigation. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavoookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, 28(Special Issue 1), 705–710. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s1-705-710> (In Russ.)
- Kalachikova, O. N., Bobrova, A. G., Korolenko, A. V., Natsun, L. N., Child, O. Yu., Zhurkevich, A. A., Shcherbina, N. M., Petrakova, Yu. N. (2022). *Aktivnoe dolgoletie i ego faktory v kontekste demograficheskogo stareniya. Opyt issledovaniya v Rossii i Belarusi [Active longevity and its factors in the context of demographic aging. Research experience in Russia and Belarus]*. Vologda: VolSC RAS, 179. (In Russ.)
- Korolenko, A. V. (2021). Nosological and age- and sex-related mortality profile of the Vologda Oblast population and related demographic losses. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]*, 3, 27–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-27-45> (In Russ.)
- Madyanova, V. V. (2020). Neoplasms mortality for adults aged 60 and over. *Problemy standartizatsii v zdavoookhraneni [Health Care Standardization Problems]*, 3–4, 63–70. <https://doi.org/10.26347/1607-2502202003-04063-071> (In Russ.)
- Madyanova, V. V., & Kakorina, E. P. (2021). The mortality of individuals older than able-bodied age because of consequences of external causes effect. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavoookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, 29(5), 1094–1102. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1094-1102> (In Russ.)

Информация об авторах

Нацун Лейла Натиговна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-9829-8866> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

About the author

Leila N. Natsun — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Vologda Research Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-9829-8866> (56A, Gorkogo St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

УДК 316.346.32-053.6+316:61

JEL I15, H51 P36

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-5>

Здоровье российского студенчества: профилактика и сбережение (на примере вузов Ростовской области)¹

В. И. Филоненко

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-6967-7683>

Автор для корреспонденции: В. И. Филоненко (vfilonenko@sfedu.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического осмысления концепта «здоровье», введение в его структуру нового направления — нравственного (морального) здоровья. При исследовании социального самочувствия вузовской молодежи обосновывается аксиологическая значимость здоровья, здорового образа жизни для других критериев самочувствия. Представлен анализ отношения обучающихся к здоровью с позиций антропоцентристского подхода в условиях неопределенности современного российского общества, деструктивного идеологического воздействия западных стран на молодежь. Результаты статьи основываются на данных исследования студентов разнопрофильных университетов Ростовской области с применением качественных методов. Установлена растущая значимость ценности здоровья для большинства молодых людей, раскрывается специфический опыт медицинского обслуживания студентов Ростовской области.

Ключевые слова: студенчество; здоровье; здоровый образ жизни; социальное самочувствие; ценность

Health of Russian Students: Prevention and Saving (Case of Universities in Rostov Oblast)

V. I. Filonenko

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-6967-7683>

Corresponding author: V. I. Filonenko (vfilonenko@sfedu.ru).

Abstract. The article presents a theoretical understanding of the concept of health and introduces its new aspect, i. e. moral health. The study of social well-being of university youth substantiates the axiological significance of health and a healthy lifestyle for other criteria of well-being. The research analyses the attitude of students to health from the standpoint of an anthropocentric approach in the conditions of uncertainty in modern Russian society, the negative ideological impact of Western countries on young people. The findings are based on data from a study of students of various universities in Rostov oblast using qualitative methods. The growing importance of health for the majority of young people is established, and the specific experience of medical care for students of Rostov oblast is described.

Keywords: students; health; healthy lifestyle; social well-being; value

Введение

На протяжении последних десятилетий Россия сталкивается с серьезными проблемами воспроизводства населения, состояния здоровья различных категорий граждан, ответственности и эффективности системы здравоохранения. Нынешний потенциал российского общества обладает возможностью обеспечить здоровье жителей страны, здоровый образ их жизнедеятельности. Актуализация теоретического осмысления практической

---

¹ © Филоненко В. И. Текст. 2024.

деятельности различных государственных, общественных и политических учреждений и организаций по внедрению качественного медицинского обслуживания студенческой молодежи связана с увеличением и усложнением характера их нагрузки, изменением общественной жизни, возрастанием ее ритма, значимым повышением межличностных контактов. Специальная военная операция вызвала у большинства обучающихся университетов страхи, осмысление рисков личного будущего и будущего своего государства.

За последние пять лет в различных изданиях (РИНЦ) опубликовано, по нашим подсчетам, свыше 2500 статей, монографий, научных сборников по различным направлениям (отраслям знания), вопросам здоровья, здорового образа жизни, медицинского обслуживания студентов. Около 70 % общего числа публикаций посвящено проблемам искоренения вредных привычек, питания, режима, физической активности, досуга и отдыха молодых людей. И только 8 % научных работ обладают комплексным и системным подходом рассмотрения здоровья и здорового образа жизни.

Состояние здоровья индивида, социальной группы определяют уровень комфортности и удовлетворенности / дискомфорта, неудовлетворенности всех процессов их жизнедеятельности в определенной социальной среде и в определенное социальное время, качество реализации других составляющих самочувствия. Это положение подтверждается результатами многочисленных прикладных социологических исследований отечественных ученых. Показательными в этом отношении являются данные изысканий о жизнедеятельности, ценностных ориентациях и тенденциях, мировоззрении молодежи России, осуществленных Центром социального прогнозирования и маркетинга и Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2009–2019 гг. Используя факторный анализ, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги представили основные черты ценностной мозаики студентов как будущей элиты Российской Федерации (Горшков & Шереги, 2020). В статье Ю.А. Зубок и Н.А. Селиверстовой анализируются цели, с достижением которых российская молодежь связывает будущее страны (Зубок & Селиверстова, 2022). Определение здоровья ВОЗ позволяет выделить в его структуре три составляющих: физическое здоровье, душевное, или ментальное, здоровье и социальное здоровье (Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения). Но с учетом современных российских и общемировых трендов общественного развития этого явно недостаточно. По нашему убеждению, следует ввести еще один элемент в конструкцию здоровья — нравственное (моральное) здоровье.

Методология и методы

В качестве ориентира комплексного изучения здоровья студентов вузов Ростовской области были взяты исследования свердловских и ставропольских социологов социального самочувствия университетской молодежи (Горшков и др., 2011; Белова и др., 2016). Цель нашего исследования «Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине» — комплексный анализ социального самочувствия / адаптации современной студенческой молодежи вузов в связи с проведением специальной военной операции РФ на Украине. Одна из задач была посвящена разбору состояния здоровья студентов, их ближайшего социального окружения, отношения к проблемам здравоохранения, здоровому образу жизни.

Основой методологии нашего исследования стали именно качественные методы — фокус-группы и контент-анализ студенческих эссе (проведено 8 фокус-групп в разнопрофильных вузах в октябре — ноябре 2022 г.). В марте — апреле 2023 г. осуществлен

разбор данных медицинских учреждений о состоянии здоровья студентов, проведено фокусированное онлайн-интервью на тему «Здоровый образ жизни: понимание и отношение к нему обучающихся донских университетов» (выборка — 102 человека).

Результаты социсследования позволили выявить растущую значимость ценности здоровья различных категорий студентов, определить аксиологическую значимость здоровья для большинства респондентов, других критериев социального самочувствия вузовской молодежи.

Результаты исследования

Моральное / нравственное здоровье представляет собой совокупную характеристику моральных свойств, черт и качеств личности, направленных на формирование ценности здоровья как на индивидуальном уровне, так и на уровнях социальных общностей и общества в целом. Структура этого вида здоровья включает в себя смысложизненные идеалы и ориентации, взгляды и чувства, традиции, нормы и заповеди, категории добра и милосердия, чести и достоинства, совести и справедливости, счастья и любви, направленных на воспитание культуры здоровья. Результаты авторского социологического исследования выявили разнооценочные мнения студентов о здравоохранении и здоровье (цитирование производится с сохранением стиля и лексики студентов):

Здоровье — это личное дело каждого человека. Конечно, за ним надо следить, а если потребуется — идти к врачу. Мы еще очень молоды, и все болезни — у нас впереди.

Я — студент технического вуза. Жил и закончил среднюю школу в небольшом городишке. Кроме школьного фельдшера других медиков не знали и не видели. В университете у нас свой медицинский центр, с целой кучей врачей. На первом курсе мы были все в шоке. Нас планово таскали по всем медикам, прошли полное обследование. У меня обнаружили гастрит. Но не помню какой. Целый год я был на диете. И еще я хожу к психологу, на консультацию. Она рассказывает как избежать конфликтов с другими людьми.

Здоровье — залог хорошего самочувствия, хорошего настроения, а значит и хорошей учебы. Наш вуз прикреплен к городской студенческой поликлинике. Там хороший медперсонал. Но только находится она очень далеко от центра города.

Качественное и доступное здравоохранение позволит занять достойное место в жизни. Я совмещаю учебу в университете с работой по специальности. Ежегодно прохожу медицинский профосмотр. Все оплачивает фирма. Но отношение медиков к нам халявное, им до галочки наше самочувствие.

После производственной практики меня пригласили на работу по специальности. Коллектив молодой, энергичный. Работать приходится по 10 часов в сутки. Я не выдержал такого ритма, хотел уволиться. Но мой непосредственный руководитель попросил не топиться. Порекомендовал занятия физической подготовкой. Это здорово помогло мне. И понял, что без здорового образа жизни не будет продвижения по карьерной лестнице.

Вне всякого сомнения, на состояние здоровья студентов вузов повлияли события периода коронавирусной пандемии и специальная военная операция Российской Федерации на Украине. Об этом свидетельствуют данные профилактических мероприятий государственного бюджетного учреждения Ростовской области «Городская поликлиника студенческая г. Ростова-на-Дону». В 2020 г. число осмотров обучающихся в университетах / филиалах областного центра уменьшилось, по сравнению с показателями 2019 г., почти в 3,5 раза (с 31 758 до 8941 чел. соответственно). В последующие два года количество профосмотров и диспансеризаций приблизилось к доковидному уровню, но составило чуть более 80 % от обслуживаемого числа прикрепленных.

При проведении фокусированного интервью был зафиксирован устойчивый рост числа юношей и девушек, пользующихся услугами частных клиник, а не бюджетных медицинских организаций. Из 102 респондентов на это указали 23 чел. Вот мнение по этому вопросу некоторых из них:

Не хочется часами стоять в очереди с пожилыми людьми, чтобы попасть на прием к специалисту.

Убедился не только сам, но и некоторые мои однокурсники, что в частной клинике тебе уделяется больше внимания, оказываются более качественные услуги.

В поликлинике по месту жительства я ждал обследования на МРТ три месяца. В частной клинике — всего неделю. Конечно, это недешево, но быстро и качественно.

В последние годы произошли изменения и в структуре заболеваний университетской молодежи Ростова-на-Дону и области. Возросло количество девушек и юношей, страдающих болезнями глаза и его придаточного механизма с 25 % в 2020 г. до 35,5 % в 2022 г. Отметим рост болезней нервной системы — почти в два раза (с 4,2 % в 2020 г. до 8 % в 2022 г.). Остальные виды заболеваний остались примерно на том же уровне (болезни пищеварительной системы — от 11 % в 2019 г. до 9 % в 2022 г., болезни мочеполовой системы — от 5,6 % до 4,7 % соответственно, болезни сердечнососудистой системы — от 4,7 % до 4,3 % соответственно). В последние годы численность студентов с хроническими неинфекционными заболеваниями колеблется в районе 11 % от общего числа осмотренных.

По данным экспертов ВОЗ, на состояние здоровья учащихся влияют следующие факторы: плохая экология — 70,32 %, нездоровый образ жизни (вредные привычки) — 36,4 %, условия обучения — 26,15 %, бытовые условия (место жительства) — 6,71 %. Практически все (7 воздержавшихся) участники опроса считают территорию Ростовской области экологически достойно комфортной для проживания и 82 участника — для работы. Хотя отдельные студенты указали на плохое качество питьевой воды в некоторых шахтерских и отдаленных сельских поселениях. Но большинство респондентов, проживавших до поступления в вуз в средних и малых городах нашего региона, указали на отсутствие в них благоустроенных мест для отдыха, занятий физической культурой и спортом, проведения организованного досуга.

Около 90 проинтервьюированных молодых людей убеждены в том, что здоровый образ жизни — это, прежде всего, отсутствие вредных привычек (курение, употребление спиртных напитков и наркотических средств). Почти все они получали информацию о ЗОЖ от родителей и родственников, школьных педагогов (как правило, от учителей физкультуры и классных руководителей), медицинских работников, из интернет-источников. Около трети опрошенных рассматривают здоровый образ жизни через призму регулярного и рационального питания, систематических занятий физической культурой и спортом, активного отдыха.

Подобные самосохранительные стратегии молодежи были зафиксированы и исследователями в Белгородской области. Студенчество признает ключевую ценность здоровья, но в основном на вербальном уровне (Кисленко & Шаповалова, 2023).

Стоит указать, что около 80 % от опрошенных сторонников такого взгляда совмещают обучение в вузе с постоянной работой по специальности. Вместе с тем только около 10 % обучающихся (все — жители областного центра) «ежедневно» придерживаются режима питания, «иногда» — чуть более 60 % и не придерживаются вовсе — около 30 % респондентов.

Каждый второй из опрошенных регулярно недосыпает (сон длится 4–6 часов в сутки). Почти половина респондентов проводят за компьютером от 8 до 14 часов в день, для 32 чел. из них — работа связана с интернетом. 48 студентов отметили, что изменение привычного образа жизни (переезд на период обучения в другой город и даже в другой регион, смена режима и рациона питания, сна), большой объем и трудности изучаемого учебного материала, нехватка материальных средств для обеспечения приемлемого уровня собственной жизни приводят их в состояние психического и эмоционального напряжения.

И в этой связи следует обратить особое внимание на уровень индивидуальной воспитательной работы с иногородними студентами, их состояние здоровья. Итог приемной кампании в вузы донского региона в 2023 г. обозначили серьезные изменения в структуре набора. Выпускники школ и средних специальных учебных заведений Ростовской области составили около 42 % от общей численности студентов первого года обучения, остальные — «от Москвы и до самых до окраин» (Бондаренко, 2023). Почти 18 % контингента первокурсников текущего года — молодые люди из поселений Краснодарского и Ставропольского краев, 4 % — жители Донецкой и Луганской республик, а 1,5 % — из республик Северного Кавказа, около 35 % — из других регионов России и ряда зарубежных стран. За четыре прошедших года численность набора в вузы из числа жителей донского региона с 71 % в 2020 г. сократилась в 2023 г. до 29 %.

В конце нашего интервью студентам был задан вопрос «Повлияла ли специальная военная операция России на Украине на состояние Вашего здоровья, взаимоотношения с родственниками, друзьями и однокурсниками?». 14 чел. не стали отвечать на этот вопрос, 32 респондента заявили, что никаких изменений в медицинском обслуживании не произошло. А остальные — 56 обучающихся — отметили доброжелательность, деликатность и повышенное внимание медицинских работников к пациентам. И почти 80 интервьюированных озаботились повышением цен почти на все продукты, в особенности на фрукты и овощи, рыбу и морепродукты.

Каждый второй из опрошенных испытывает напряженность, а порою и стресс при обсуждении различных вопросов и проблем, связанных с СВО. В большей степени это происходит в кругу семьи, поэтому многие из молодых людей стараются избегать рассмотрения этих тем. Споры и дискуссии «до хрипоты» проходят в кругу друзей и коллег по учебе и работе. У некоторых из обучающихся в результате этих «дебатов» возникают недопонимание и даже антагонистическое отношение, что приводит к повышению психоэмоционального напряжения. В 2022 г. 24 чел. обращались за консультацией к психологу по месту жительства или учебы. Страхи российского студенчества в связи с проведением специальной военной операции были зафиксированы не только в приграничных регионах России. Актуализировалась мозаика страхов не только за себя, но и жизнь, здоровье своей семьи, ближайшее окружение (Певная и др., 2022). Следует обратить внимание на злостную тревожность студентов защитой своего социального здоровья и социальной безопасности в условиях не только проведения СВО, но и прошедшей пандемии (Дидковская и др., 2022).

В конце первого десятилетия текущего столетия в ряде университетов Ростовской области были созданы службы психологической поддержки обучающихся и преподавателей. Данные подразделения не только решали задачи профилактики психосоматических заболеваний и зависимостей, но и участвовали в формировании культуры общения, развитии творческого потенциала личности и утверждению здорового образа жизни студентов. Наиболее весомый опыт накоплен в Донском техническом

и Ростовском медицинском государственных университетах (Сидоров & Солдаткин, 2023). Начиная с 2021 г., студенты-первокурсники проходят тестирование на выявление психозмоциональных характеристик, что позволяет обеспечить эффективную адаптацию студентов. Для различных категорий обучающихся проводятся тренинги «Навыки эффективной коммуникации», «Взаимоотношение в группе», индивидуальное консультирование и обучение антистрессовым методикам. Особого внимания заслуживает успешная работа специально созданной в Ростове-на-Дону городской студенческой поликлиники, за которой закреплено около 40 тыс. студентов разных вузов и филиалов. Ежегодно профилактические осмотры проходят около 80–90 % прикрепленных к данному лечебному учреждению молодых людей.

Заключение

Содержательный анализ отношения студентов к своему здоровью позволяет сделать вывод, что вузовская молодежь использует его в основном как инструмент для достижения различных целей в своей жизнедеятельности. Здоровье как краеугольная духовная ценность наряду с жизнью не закрепились в сознании молодых людей. Отмечен резкий спад употребления спиртных напитков, табакокурения, рост занятий физической культурой и спортом.

В условиях проведения СВО выявлен высокий уровень идентичности обучающихся со своими локальными сообществами (семья, свое село, свой город, свой микрорайон, учебная группа, круг друзей). Наличие неявных угроз внутри страны (экстремизм, терроризм, межнациональная и религиозная рознь, растущая русофобия и др.) усилили социально-психологическое напряжение, ответственность и заботу о здоровье и безопасности не только за себя, но и за свою семью, ближайшее окружение. Усилилась социально-психологическая напряженность в среде университетской молодежи. Выявлен рост запросов на оказание психологической помощи. В большинстве вузов Ростовской области эта помощь оказывается своевременно и эффективно.

Необходимо продолжить изучение морального / нравственного здоровья, его влияния на другие критерии социального самочувствия молодежи.

Список источников

Белова, О. Р., Бочканова, Е. Н., Вишневский, Ю. Р., Дидковская, Я. В., Нархов, Д. Ю., Нархова, Е. Н., Осипчукова, Е. В., Рапопорт, Л. А., Сильчук, Е. В., Харитоновна, Е. В. (2016). *Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования*. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 205.

Бондаренко, Ю. Б. (2023). *Об итогах приемной кампании вузов Ростовской области в 2023 году. Текущий архив Совета ректоров вузов Ростовской области. Октябрь 2023 г.* <https://sr.donstu.ru>.

Горшков, М. К., Гриценко, Г. Д., Лепилкина, О. И., Маслова, Т. Ф., Стризов, А. Л., Шульга, М. М. (2011). *Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 176.

Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020). *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований*. Москва: ФНИСЦ РАН, 688. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>

Дидковская, Я. В., Вишневский, Ю. Р., Зырянова, О. Б. (2022). Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков. *Научный результат. Социология и управление*, 8(4), 57–70. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6>.

Зубок, Ю. А., Селиверстова, Н. А. (2022). Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи. *Наука. Культура. Общество*, 28(4), 56–74. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>.

Кисиленко, А. В., Шаповалова, И. С. (2023). Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? *Социологические исследования*, 2, 83–94. <https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6>.

Певная, М. В., Шуклина, Е. А., Киенко, Т. С., Тарасова, А. Н., Андрианова, Т. В., Худякова, М. В., Шаповалова, И. С. (2022). Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года). *Научный результат. Социология и управление*, 8(3), 116–136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>

Сидоров, А. А., Солдаткин, В. А. (2023). О психологической поддержке студентов и сотрудников РостГМУ. В: *Социальное самочувствие студенческой молодежи приграничных регионов России в событийном контексте СВО: информационно-аналитические материалы* (с. 143–151). Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 155.

Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. Всемирная организация здравоохранения. <https://www.who.int/ru/about/accountability/governance/constitution>

References

Belova, O. R., Bochkanova, E. N., Vishnevskiy, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Narkhov, D. Yu., Narkhova, E. N., Osipchukova, E. V., Rapoport, L. A., Silchuk, E. V., & Kharitonova, E. V. (2016). *Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi Sverdlovskoy oblasti v 2015 godu: itogi sotsiologicheskogo issledovaniya [The social well-being of the youth of the Sverdlovsk region in 2015: the results of a sociological study]*. Ekaterinburg: UMC UPI, 205. (In Russ.)

Bondarenko, Yu. B. (2023). *Ob itogakh priemnoy kampanii vuzov Rostovskoy oblasti v 2023 godu. Tekushchiy arkhiv Soveta rektorov vuzov Rostovskoy oblasti. Oktyabr 2023 g. [The current archive of the Council of Rectors of Universities of the Rostov region. October 2023]*. <https://sr.don-stu.ru>. (In Russ.)

Didkovskaya, Ya. V., Vishnevskij, Yu. R., & Zyrjanova, O. B. (2022). Social security of student youth as a subjective perception of risks. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie [Research Result. Sociology and management]*, 8(4), 57–70. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6>. (In Russ.)

Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2020). *Molodezh Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy [Russian Youth in the Mirror of Sociology. To the Results of Many Years of Research]*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 688. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020> (In Russ.)

Gorshkov, M. K., Gritsenko, G. D., Lepilkina, O. I., Maslova, T. F., Strizoe, A. L., & Shulga, M. M. (2011). *Sotsialnoe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regionalnyy aspekt [Social well-being of the population in the context of reforms: a regional aspect]*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoria, 176. (In Russ.)

Kisilenko, A. V., & Shapovalova, I. S. (2023). Designing the Course of Life or How Do Youth See Their Future? *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2, 83–94. <https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6> (In Russ.)

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kiенко, T. S., Tarasova, A. N., Andrianova, E. V., Khudyakova, M. V., & Shapovalova, I. S. (2022). Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022). *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie [Research Result. Sociology and management]*, 8(3), 116–136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>. (In Russ.)

Sidorov, A. A., & Soldatkin, V. A. (2023). About psychological support for students and staff of RostSMU. In *Sotsialnoe samochuvstvie studencheskoy molodezhi prigranichnykh regionov Rossii v sobytiynom kontekste SVO: informatsionno-analiticheskie materialy [The social well-being of the student youth of the border regions of Russia in the event context of SMO: information and analytical materials]* (pp. 143–151). Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University, 155. (In Russ.)

Ustav (Konstitutsiya) Vsemirnoy organizatsii zdravookhraneniya. Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya [Constitution of the World Health Organization. World Health Organization]. <https://www.who.int/ru/about/accountability/governance/constitution>

Zubok, Yu. A., & Seliverstova, N. A. (2022). Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Nauka. Kultura. Obshchestvo [Science. Culture. Society]*, 28(4), 56–74. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5> (In Russ.)

Информация об авторе

Филоненко Виктор Иванович — доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0001-6967-7683> (Российская Федерация, 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116, корп. 3, каб. 131; e-mail: vfilonenko@sfedu.ru).

About the author

Victor I. Filonenko — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Southern Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-6967-7683> (116/3, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: vfilonenko@sfedu.ru).

УДК 614.1:314.4.422.2

JEL classification: I18, J13

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-6>

Анализ медико-демографических результатов реализации регионального проекта «Развитие детского здравоохранения»¹

А. И. Цветков^а, Н. В. Ножкина^б, Т. В. Зарипова^в, Н. Н. Ларионова^г

^{а, б, в, г} Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-8751-6872>

Автор для корреспонденции: Н. Н. Ларионова (nnl@mail.ru).

Аннотация. Региональный проект «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», с 2019 г. реализуется в Свердловской области. В статье представлена оценка результативности проекта на основании анализа достижения целевых показателей детской смертности. Источниками информации служили официальные данные Федеральной службы государственной статистики, государственные доклады. Установлены положительные результаты внедрения мероприятий проекта, выраженные в снижении смертности детей основных возрастных групп. Более оптимистичные результаты достигнуты среди городского населения. Дальнейшая реализация мероприятий проекта направлена на закрепление тенденций по снижению смертности среди детей.

Ключевые слова: детское здравоохранение; региональный проект; младенческая смертность; детская смертность; причины смерти

Analysis of Medical and Demographic Results of the Regional Project “Development of Children’s Healthcare”

A. I. Tsvetkov^а, N. V. Nozhkina^б, T. V. Zaripova^в, N. N. Larionova^г

^{а, б, в, г} Ural State Medical University (Ekaterinburg, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-8751-6872>

Corresponding author: N. N. Larionova (nnl@mail.ru).

Abstract. A regional project “Development of children’s health care, including the creation of a modern infrastructure for the provision of medical care for children” has been implemented in Sverdlovsk oblast since 2019. The article assesses the effectiveness of the project based on the achievement of the child mortality targets. Official data of the Federal State Statistics Service are analysed. The overall positive results of the project activities are revealed, expressed in reducing the mortality of children aged 1 to 17 years. More optimistic results were achieved among the urban population. A number of measures are proposed to further reduce mortality among children in the future.

Keywords: children’s healthcare; regional project; infant mortality; child mortality; causes of death

Введение

Смертность в детском возрасте является важным критерием оценки состояния здоровья детского населения и системы здравоохранения в целом. Всемирной организацией здравоохранения для ликвидации случаев предупреждаемой смертности новорожденных детей принят Комплексный многосторонний план действий на период до 2035 года «Каждый новорожденный» (World health statistics, 2023).

---

¹ © Цветков А. И., Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Ларионова Н. Н. Текст. 2024.

Российская Федерация по уровню показателя смертности детей до 5 лет находится на 42-м месте из 193 стран мира (World health statistics, 2023). В условиях низкой рождаемости главной задачей системы охраны материнства и детства является сохранение каждой жизни и качества ее здоровья (Баранов и др., 2020).

Для достижения одной из ключевых национальных целей — снижения показателей смертности населения — в нашей стране с 2019 г. введены в действие национальные проекты «Демография» и «Здравоохранение», в рамках которых реализуется федеральный проект «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», имеющий важное значение и на федеральном, и на региональном уровнях. Проект направлен на снижение детской смертности через реализацию комплекса мер, таких как обеспечение доступности детских поликлиник и детских поликлинических отделений с созданной современной инфраструктурой оказания медицинской помощи, развитие профилактического направления в педиатрии и раннее взятие на диспансерный учет детей с хроническими заболеваниями.

Цель исследования — изучить результативность реализации регионального проекта Свердловской области «Развитие детского здравоохранения» на основании оценки достижения целевых показателей детской смертности.

Обзор литературы

Как отмечают исследователи, в последнее десятилетие значительно снизилась смертность детей всех возрастных групп от большинства основных причин, что привело к уменьшению доли умерших детей и подростков в общем числе смертей населения России; уменьшаются региональные различия между показателями младенческой смертности (Баранов и др., 2020).

Дальнейшему снижению младенческой и детской смертности препятствуют высокая летальность детей, родившихся на ранних сроках гестации (Симаходский и др., 2020), гибель детей от злокачественных новообразований и дорожно-транспортных происшествий, а среди подростков — от болезней системы кровообращения (Баранов & Альбицкий, 2018) и суицидов, которые могут маскироваться под смерть от поврежденной с неопределенными намерениями (Семенова и др., 2018).

Пандемия COVID-19 привела к снижению уровня здоровья беременных женщин, что может негативно сказаться на здоровье рожденных ими детей (Тлиашинова & Мингазова, 2022). Отдельной проблемой отмечена внезапная ненасильственная смерть детей, связанная с патологией центральной нервной системы и сердечно-сосудистой системы, инфекционными заболеваниями (Гальчиков и др., 2019).

Среди исследований по Уральскому региону указываются разнонаправленная динамика показателей младенческой смертности в субъектах Уральского федерального округа (Долгих и др., 2023), вклад в уровень смертности злокачественных новообразований (Рыков, 2019).

В качестве резервов снижения детской смертности определены необходимость совершенствования наблюдения беременных группы высокого риска и их своевременной маршрутизации (Долгих и др. 2023), развитие системы оказания экстренной медицинской помощи детям, профилактической работы участковой службы, ранней и непрерывной реабилитации детей (Одинаева и др., 2023), повышение доступности для детей с врожденными пороками развития высокотехнологичной хирургической помощи (Зубко & Сабгайда, 2019), развитие онкологической службы (Рыков, 2019), нейрохирургической и травматолого-ортопедической помощи детям (Баранов и др., 2020)

Материалы и методы

Исследование проведено ретроспективно за период 2018–2022 гг. Источниками информации служили официальные данные Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области¹ и Единой межведомственной информационно-статистической системы², Государственный доклад «О состоянии здоровья граждан, проживающих в Свердловской области, в 2022 году», паспорта федерального и регионального проектов «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям»³.

Проанализированы показатели, включенные в перечень целевых показателей проекта: младенческая смертность (на 1000 родившихся живыми), смертность детей в возрасте до 5 лет (0–4 года) (вероятность смерти от момента рождения, на 1000 родившихся живыми), смертность детей в возрасте 0–17 лет (на 100 000 детей в возрасте 0–17 лет). Выполнен анализ причин младенческой смертности по полу и месту проживания.

Статистическая обработка проводилась в программе Microsoft Excel, оценка достоверности определялась по критериям хи-квадрат и Стьюдента.

Результаты

Результаты исследования показали, что на начало реализации проекта в 2018 г. в Свердловской области показатели детской смертности были ниже, чем по Российской Федерации в целом: младенческая смертность — на 8,5 %, смертность детей — на 5 % (табл. 1). Поэтому учитывая уровень развития системы здравоохранения Свердловской области, в региональном проекте были определены более оптимистичные значения целевых показателей для областного здравоохранения по сравнению с аналогичными показателями федерального проекта.

Как показывают данные таблицы 1, к 2022 г. младенческая смертность в Свердловской области должна была быть снижена до 4,2 на 1000 родившихся живыми (по сравнению с 4,8 ‰ в федеральном проекте), смертность детей в возрасте 0–4 года — до 5,3 на 1000 родившихся живыми (по сравнению с 6,3 ‰), а смертность детей в возрасте 0–17 лет — до 52,0 на 100 000 детей соответствующего возраста (по сравнению с 57,5 на 100 000 детей, соответственно).

На протяжении 2019–2021 гг. даже в тяжелых условиях пандемии COVID-19 удавалось добиваться поставленного уровня по всем трем целевым показателям. В постковидном 2022 г. показатели младенческой смертности и смертности детей в возрасте 0–4 года возросли и превысили запланированный уровень, что требует более подробного анализа причин повышения показателей.

Показатель младенческой смертности в Свердловской области за изучаемые годы ежегодно снижался (табл. 2), однако в 2022 г. наблюдается его повышение до исходного уровня 2018–2019 гг. с превышением среднего уровня по Уральскому федеральному округу и по России в целом. Младенческая смертность среди городского населения ниже, чем среди сельского — в 1,4 раза в 2022 г. При этом в сельской местности

¹ Демографический ежегодник России, годы за 2019, 2021 и 2023 годы. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

² ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/59770>

³ Паспорта федерального и регионального проектов «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям». <https://pro-proekt.egov66.ru/files/AF698B3BFD7A480409172C862C86530B.pdf>; <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/detstvo>

Таблица 1

**Целевые показатели федерального и регионального проектов
«Развитие детского здравоохранения»**

Показатели	Исходный уровень	Целевые значения показателя					
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Младенческая смертность, на 1000 родившихся живыми:							
— Российская Федерация	5,1	5,4	5,2	5,0	4,8	4,6	4,5
— Свердловская область	4,7	4,5	4,4	4,3	4,2	4,1	4,0
Смертность детей в возрасте 0–4 года, на 1000 родившихся живыми							
— Российская Федерация	6,3	6,7	6,6	6,5	6,3	6,1	5,9
— Свердловская область	6,0	5,9	5,7	5,5	5,3	5,1	5,0
Смертность детей в возрасте 0–17 лет, на 100 000 детей в возрасте 0–17 лет							
— Российская Федерация	54,1	59,0	58,5	58,0	57,5	57,0	55,0
— Свердловская область	56,0	53,6	53,0	52,5	52,0	51,5	49,5

Источники: Демографический ежегодник России за 2019 год // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>; Паспорт федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям». <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/detstvo>; Паспорт регионального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям Свердловской области, до 2024 года». <https://pro-proekt.egov66.ru/files/AF698B3BFD7A480409172C862C86530B.pdf>

Таблица 2

Сравнительная динамика показателей младенческой смертности в Свердловской области, Уральском федеральном округе и Российской Федерации в 2018–2022 гг., на 1000 родившихся живыми

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Свердловская область, всего	4,7	4,7	4,1	4,0	4,7
в том числе:					
городское население	4,1	4,7	3,8	3,9	4,4
сельское население	8,1	4,9	6,1	4,6	6,2
Уральский федеральный округ	4,8	4,6	4,0	4,0	4,2
Российская Федерация	5,1	4,9	4,5	4,6	4,4

Источник: Демографический ежегодник России. 2019, 2021 и 2023 годов выпуска. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

ее уровень на протяжении четырех лет реализации проекта держится ниже исходного показателя 2018 г. Среди городского населения после периода снижения в 2019–2021 гг. в 2022 г. не удалось добиться дальнейшего снижения показателя.

Среди причин младенческой смертности в Свердловской области (табл. 3), также как и в России в целом, в 2022 г. первое место занимают отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде (42,6 %), второе — врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения — (18,3 %). При этом по сравнению

**Уровень и структура младенческой смертности по отдельным причинам
в Свердловской области, Уральском федеральном округе и Российской Федерации в 2022 г.**

Причины смерти	Класс, коды по МКБ-10	Свердловская область			Уральский федеральный округ		Российская Федерация	
		2021 г.		2022 г.	2022 г.		2022 г.	
		на 10000 родившихся живыми	на 10000 родившихся живыми	%	на 10000 родившихся живыми	%	на 10000 родившихся живыми	%
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	I (A00-B99)	4,6	4,9	10,5	2,8	6,6	2,0	4,5
Болезни органов дыхания	X (J00-J99)	1,6	1,7	3,6	1,9	4,5	2,4	5,4
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	XVII (Q00-Q99)	7,9	8,6	18,3	8,4	19,9	9,4	21,2
Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	XVI (P00-P96)	18,3	20,0	42,6	19,1	45,3	21,6	48,7
Внешние причины заболеваемости и смертности	XX (V01-Y98)	3,0	4,2	9,0	3,8	9,0	2,6	5,9
Прочие	—	5,0	7,5	16,0	6,2	11,7	6,6	14,5
Всего	—	40,4	46,9	100,0	42,2	100,0	44,4	100,0

Источник: Демографический ежегодник России, 2023 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

с Россией в целом уровень смертности младенцев от этих причин в Свердловской области ниже — на 8,0 % и 9,3 %.

В отличие от России в целом и от Уральского федерального округа, в Свердловской области на третьем месте в структуре причин младенческой смертности, как это видно из таблицы 3, находятся инфекционные и паразитарные болезни — 10,5 %, в то время как в России и УрФО — внешние причины. При этом смертность от инфекционных болезней среди детей до года жизни в Свердловской области в 2022 г. в 2,5 раза выше, чем в среднем по России. Уровень смертности от внешних причин в Свердловской области в 1,6 раза выше по сравнению со среднероссийским, и в 2022 г. он повысился в 1,4 раза.

Младенческая смертность в составе показателя смертности детей в возрасте 0–4 лет составляет 76,3 %, поэтому с ростом в 2022 г. в Свердловской области числа умерших детей до года идет рост и показателя смертности детей в возрасте 0–4 лет, превысив показатели по Уральскому федеральному округу и по России (табл. 4). Если исключить из смертности детей 0–4 лет компонент младенческой смертности, то в 2022 г. не наблюдается повышения смертности детей в возрасте 1–4 года — 1,3 на 1000 родившихся живыми в 2022 г. по сравнению с 1,4 на 1000 родившихся живыми в 2021 г.

Таблица 4

**Сравнительная динамика показателей смертности детей в возрасте до 5 лет (0–4 года)
в Свердловской области, Уральском федеральном округе и Российской Федерации
в 2018–2022 гг. (на 1000 родившихся живыми)**

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Свердловская область, всего	6,0	5,9	5,1	5,4	6,0
в том числе:					
мальчики	6,0	6,3	5,2	5,9	6,8
девочки	6,0	5,5	5,0	4,9	5,1
Уральский федеральный округ	6,2	5,8	5,0	5,3	5,3
Российская Федерация	6,3	6,0	5,5	5,8	5,6

Источник: Демографический ежегодник России. 2019, 2021 и 2023 годов выпуска. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

Как следует из данных таблицы 4, смертность в возрасте 0–4 года среди мальчиков на протяжении всего изученного периода выше, чем среди девочек — в 2022 г. 6,8 на 1000 родившихся живыми по сравнению с 5,1 на 1000 родившихся живыми соответственно. Динамика показателя по полу имеет разнонаправленный характер: в то время как среди мальчиков за изучаемый период показатель возрастает, среди девочек — снижается.

Анализ половозрастных особенностей детской смертности в различных возрастных группах за 2022 г. (табл. 5) показал, что уровень смертности среди мальчиков достоверно выше, чем среди девочек, во всех возрастных группах ($p < 0,03$). Во всех возрастных группах показатели статистически значимо выше в сельской местности по сравнению с городской ($p < 0,005$).

Показатель смертности детей в возрасте 0–17 лет в Свердловской области на протяжении всего изучаемого периода ниже целевого и имеет тенденцию к снижению: в 2022 г. его уровень составил 43,2 на 100 000 детей в возрасте 0–17 лет, что соответствует среднероссийскому уровню (табл. 6).

Таблица 5

**Детская смертность в Свердловской области по полу и месту проживания за 2022 г.
на 100 000 населения соответствующей возрастной группы**

Показатель детской смертности	всего	пол			место жительства		
		мальчики	девочки	p	городское население	сельское население	p
в возрасте 0–4 года	105,7	120,6	89,9	0,022	97,4	157,5	0,002
в возрасте 0–14 лет	42,6	49,5	35,3	0,002	38,5	60,0	0,001
в возрасте 0–17 лет	43,2	51,4	34,3	<0,001	40,3	58,8	0,003

Источник: Федеральная служба государственной статистики по Свердловской области. <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698>

Таблица 6

**Сравнительная динамика показателей смертность детей в возрасте 0–17 лет
в Свердловской области, Уральском федеральном округе и Российской Федерации
за 2018–2022 годы (на 100 000 детей в возрасте 0–17 лет)**

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Свердловская область	56,0	49,2	43,0	44,3	43,2
Уральский федеральный округ	54,7	47,5	42,0	41,8	41,4
Российская Федерация	54,1	48,6	44,6	47,1	43,4

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая системы (ЕМИСС) <https://www.fedstat.ru/indicator/59770>

Обсуждение

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что в целом реализация регионального проекта «Развитие детского здравоохранения» способствовала снижению смертности детского населения даже в условиях пандемии COVID-19. Рост показателя младенческой смертности, возможно, обусловлен последствиями массовой заболеваемости новой инфекцией, которая привела к ослаблению здоровья женщин и рожденных ими детей, а также снижением доступности медицинской помощи в период подъема заболеваемости COVID-инфекцией.

Выявленные тенденции более высокого уровня детской смертности в сельской местности могут указывать на меньшую доступность медицинской помощи для жителей сельских территорий, однако снижение показателей младенческой смертности в данной группе населения в 2019–2020 гг. по сравнению с 2018 г. свидетельствует об улучшении условий оказания акушерской и медицинской помощи детям первого года жизни в сельской местности в ходе реализации регионального проекта.

Достаточно высокий уровень оказания медицинской помощи беременным женщинам и новорожденным детям в Свердловской области способствует более благоприятной ситуации по смертности от отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде, и врожденных аномалий (пороков развития) по сравнению со среднероссийскими показателями.

Решение ситуации со смертностью детей в возрасте до года от инфекционных заболеваний требует детального разбора конкретных случаев смерти детей по базам данных первичных документов. Что же касается смерти от внешних причин, то, поскольку травматизм среди детей характерен для детей, выписанных из лечебных учреждений домой, требуется принятие мер по профилактике детского травматизма в быту, включая работу с социально неблагополучными семьями.

Устойчивое снижение смертности детей в возрасте 0–17 лет показывает результативность реализации мероприятий проекта, направленных на повышение доступности работы детских поликлиник и больниц и развитие профилактического направления в детском здравоохранении.

Заключение

В Свердловской области, благодаря реализации комплекса мер, предусмотренных в региональном проекте «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», показатели детской смертности соответствуют целевым значениям. Подъем младенческой смертности в 2022 г. может быть обусловлен последствиями ситуации с инфекцией COVID-19, повлекшей за собой неблагоприятное влияние на здоровье беременных женщин и временное снижение доступности медицинской помощи. При этом реализуемые меры показывают результативность проекта в снижении смертности детей старше года.

Для дальнейшего снижения детской смертности требуется продолжить реализацию мероприятий проекта с повышением доступности медицинской помощи населению, включая кураторские выезды в отдаленные населенные пункты, развитие телеконсультирования, своевременное выявление угрожающих состояний и маршрутизацию беременных, дальнейшее развитие неонатологической службы для выхаживания младенцев. Требуется продолжение реализации профилактического направления по снижению распространения среди детей инфекционных заболеваний, разъяснительной работе с родителями по необходимости профилактики заболеваний.

Для выявления резервов снижения младенческой смертности требуется провести более углубленный анализ случаев смерти детей по данным базы «Танатос» и исследование причин смерти.

Список источников

Баранов, А. А., Альбицкий, В. Ю. (2018). Состояние здоровья детей России, приоритеты его сохранения и укрепления. *Казанский медицинский журнал*, 99(4), 698–705. <http://doi.org/10.17816/KMJ2018-698>

Баранов, А. А., Альбицкий, В. Ю., Намазова-Баранова, Л. С. (2020). Смертность детского населения в России: состояние, проблемы и задачи профилактики. *Вопросы современной педиатрии*, 19, 96–106. <http://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102>

Гальчиков, Ю. И., Емельянова, Е. К., Любавина, А. Е., Павлов, А. В., Грушина, О. Н. (2019). Анализ детской смертности от ненасильственных причин. *Судебная медицина: вопросы, проблемы, экспертная практика*, 5(26), 88–91.

Долгих, Е. В., Башмакова, Н. В., Мальгина, Г. Б., Давыденко, Н. Б. (2023). Анализ младенческой смертности в Уральском федеральном округе по итогам 2022 г. *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ*, 9(3), 75–84. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2023-9-3-75-84>

Зубко, А. В., Сабгайда, Т. П. (2019). Смертность детей от врожденных пороков сердца как отражение доступности хирургической помощи. *Здравоохранение Российской Федерации*, 63(6), 300–307.

Одинаева, Н. Д., Захарова, Н. И., Серова, О. Ф., Петрова, А. С., Малютина, Л. В., Крикунова, В. Л., Брежнева, Е. В. (2023). Младенческая смертность в Московской области: анализ ситуации, основные тенденции, перспективы снижения. *Вопросы практической педиатрии*, 18(1), 95–102. <http://doi.org/10.20953/1817-7646-2023-1-95-102>

Рыков, М. Ю. (2019). Качество медицинской помощи детям с онкологическими заболеваниями в Уральском федеральном округе. *Злокачественные опухоли*, 9(1), 47–52. <http://doi.org/10.18027/2224-5057-2019-9-1-47-52>

Семенова, В. Г., Иванова, А. Е., Евдокушкина, Г. Н., Рязанцев, С. В. (2018). Смертность детей Москвы от причин, связанных с насилием. *Социальные аспекты здоровья населения: сетевой журнал*. <https://dx.doi.org/10.21045/20715021-2018-64-6-8>

Симаходский, А. С., Горелик, Ю. В., Горелик, К. Д., Иванов, С. Л., Лукашова, Ю. В. (2020). Смертность детей, родившихся на ранних сроках гестации, — непреодолимый барьер или резерв снижения младенческой смертности? *Вопросы современной педиатрии*, 19(5), 340–345. <http://doi.org/10.15690/vsp.v19i5.2209>

Тлиашинова, И. А., Мингазова, Э. Н. (2022). Смертность детского населения различных стран в условиях пандемии COVID-19. *Менеджер здравоохранения*, 5, 28–37. <http://doi.org/10.37690/1811-0185-2022-5-28-37>

World health statistics 2023: monitoring health for the SDGs, Sustainable Development Goals. (2023). Geneva: World Health Organization. https://cdn.who.int/media/docs/default-source/gho-documents/world-health-statistic-reports/2023/world-health-statistics-2023_20230519_.pdf

References

Baranov, A. A., Albitskiy, V. Yu., & Namazova-Baranova, L. S. (2020). Child Mortality in Russia: Situation, Challenges and Prevention Aims. *Voprosy sovremennoy pediatrii [Current Pediatrics]*, 19(2), 96–106. <http://doi.org/10.15690/vsp.v19i2.2102> (In Russ.)

Baranov, A. A., & Albitskiy, V. Yu. (2018). State of health of children in Russia, priorities of its preservation and improving. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal [Kazan medical journal]*, 99(4), 698–705. (In Russ.)

Dolgikh, E. V., Bashmakova, N. V., Malgina, G. B., & Davydenko, N. B. (2023). Analysis of infant mortality in the regions of the Ural Federal District by the results of 2022. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ [Healthcare Management: News, Views, Education.. Bulletin of VSHOUZ]*, 9(3), 75–84. (In Russ.)

Galchikov, Yu. I., Emelyanova, E. K., Lyubavina, A. E., Pavlov, A. V., & Grushina O. N. (2019). Analysis of child mortality from nonviolent causes. *Sudebnaya meditsina: voprosy, problemy, ekspertnaya praktika [Forensic medicine: questions, problems, expert practice]*, 5(26), 88–91. (In Russ.)

Odinaeva, N. D., Zakharova, N. I., Serova, O. F., Petrova, A. S., Malyutina, L. V., Krikunova, V. L., & Brezhneva, E. V. (2023). Infant mortality in the Moscow Region: analysis of the overall situation, main trends, and prospects for reduction. *Voprosy prakticheskoy pediatrii [Clinical Practice in Pediatrics]*, 18(1), 95–102. <http://doi.org/10.20953/1817-7646-2023-1-95-102> (In Russ.)

Rykov, M. Yu. (2019). Quality of medical care for children with cancer in Ural Federal District. *Zlokachestvennye opukholi [Malignant Tumours]*, 9(1), 47–52. <http://doi.org/10.18.027/2224-5057-2019-9-1-47-52> (In Russ.)

Semenova, V. G., Ivanova, A. E., Yevdokushkina, G. N., & Ryazantsev, S. V. (2018). Moscow child mortality from violent causes. *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya: setevoy zhurnal [Social aspects of population health]*. <https://dx.doi.org/10.21045/20715021-2018-64-6-8> (In Russ.)

Simakhodsky, A. S., Gorelik, Yu. V., Gorelik, K. D., Ivanov, S. L., & Lukashova, Yu. V. (2020). Mortality of Children Born on Early Gestational Age: is it the Impassable Barrier or the Reserve for Reducing the Infants Mortality? *Voprosy sovremennoy pediatrii [Current Pediatrics]*, 19(5), 340–345. (In Russ.)

Tliashinova, I. A., & Mingazova, E. N. (2022). Child mortality in different countries during the COVID-19 pandemic. *Menedzher zdravookhraneniya [Manager Zdravoochranenia]*, 5, 28–37. (In Russ.)

World health statistics 2023: monitoring health for the SDGs, Sustainable Development Goals. (2023). Geneva: World Health Organization. https://cdn.who.int/media/docs/default-source/gho-documents/world-health-statistic-reports/2023/world-health-statistics-2023_20230519_.pdf

Zubko, A. V., & Sabgayda, T. P. (2019). Child mortality from congenital heart diseases as a reflex of surgical treatment availability. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*, 63(6), 300–307. (In Russ.)

Информация об авторах

Цветков Андрей Игоревич — доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения, Уральский государственный медицинский университет; <https://orcid.org/0000-0002-8751-6872> (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: cp-gendir@mail.ru).

Ножкина Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Уральский государственный медицинский университет (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: nojkina@yandex.ru).

Зарипова Татьяна Викторовна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Уральский государственный медицинский университет (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: konisheva@list.ru).

Ларионова Наталья Николаевна — ординатор кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Уральский государственный медицинский университет (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: nnl@mail.ru).

About the authors

Andrey I. Tsvetkov — Dr. Sci. (Med.), Professor, Head of the Department of Public Health and Healthcare, Ural State Medical University; <https://orcid.org/0000-0002-8751-6872> (3, Repina St., Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; e-mail: cp-gendir@mail.ru).

Natalia V. Nozhkina — Dr. Sci. (Med.), Professor of the Department of Public Health and Healthcare, Ural State Medical University (3, Repina St., Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; e-mail: nojkina@yandex.ru).

Tatiana V. Zaripova — Cand. Sci. (Med.), Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, Ural State Medical University (3, Repina St., Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; e-mail: konisheva@list.ru).

Natalia N. Larionova — Intern of the Department of Public Health and Healthcare, Ural State Medical University (3, Repina St., Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; e-mail: nnl@mail.ru).

УДК 316.346.32 – 053.9

JEL classification: J12, J14

<https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-6-7>

Самооценка здоровья старшим поколением (опыт социологического исследования в Вологодской области)¹

Ю. Е. Шматова

Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1881-0963>

Автор для корреспонденции: Ю. Е. Шматова (ueshmatova@mail.ru).

Аннотация. С целью анализа субъективных оценок старшего поколения физического и психологического здоровья в условиях неопределенности и новых вызовов начала 2020-х гг. изучены выборочные данные трех социологических опросов в Вологодской области 2021–2022 гг. В рамках работы выявлены высокая ценность для лиц старше 65 лет здоровья, но низкая удовлетворенность его состоянием, снижение запросов на долголетие и физическую активность, забота о здоровье вызвана нежеланием быть обузой своим детям, меньшая стрессоустойчивость и применение некоторых деструктивных копинг-стратегий, осознание собственной ответственности за состояние здоровья, но отсутствие регулярных профилактических мероприятий, сниженная двигательная активность, нарушение принципов здорового питания, недоступность и низкое качество бесплатной медицины — острая проблема для значительной части представителей старшего поколения. В свою очередь, неудовлетворительное состояние здоровья является одной из причин отсутствия интереса к культурной и спортивной жизни. Часть пожилых ради сохранения здоровья отказались от курения и алкоголя, стараются совершать ежедневные пешие прогулки. Полученные данные могут быть использованы для научного основания программ по обеспечению благополучной старости.

Ключевые слова: старшее поколение; здоровье; стресс; здоровьесберегающее поведение; физическая активность

Self-Assessment of Health by the Older Generation: Sociological Research in Vologda Oblast

Yu. E. Shmatova

Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1881-0693>

Corresponding author: Yu. E. Shmatova (ueshmatova@mail.ru).

Abstract. In order to analyse the subjective assessments of physical and psychological health by the older generation in conditions of uncertainty and new challenges of the early 2020s, sample data from three sociological surveys in Vologda Oblast 2021–2022 were studied. The analysis revealed: the importance of health for people over 65 years of age, but low satisfaction with its condition; reduced demands for longevity and physical activity; health care caused by unwillingness to be a burden to their children; lower stress tolerance and the use of some destructive coping strategies; awareness of one's responsibility for the state of health, but the lack of regular preventive measures, reduced motor activity, violation of the principles of healthy nutrition; unavailability and low quality of free medicine as an acute problem. In turn, an unsatisfactory state of health is one of the reasons for the lack of interest in cultural and sports events. Some of the elderly have given up smoking and alcohol for the sake of maintaining their health, and are trying to take daily walks. The data obtained can be used to develop programmes to ensure prosperous old age.

Keywords: older generation; health; stress; health-saving behaviour; physical activity

---

¹ © Шматова Ю. Е. Текст. 2024.

Введение

Со второй половины XX в. демографическая ситуация в мире претерпела качественные трансформации возрастной и половой структуры населения. Снижение младенческой смертности привело к росту ожидаемой продолжительности жизни во всех возрастах, а снижение рождаемости спровоцировало сокращение доли лиц младшего возраста. В итоге население развитых и развивающихся стран начало стареть: доля пожилых людей перманентно увеличивалась. По оценкам ООН, в 2020 г. доля лиц старше 60 лет превысила число детей до 5 лет¹, а к 2030 г. — достигнет 1,4 млрд и обгонит долю детей младше 10 лет, к 2050 г. — приблизится к отметке 2,1 млрд чел.²

В России депопуляция также углубляется, процесс демографического старения нарастает, что повышает нагрузку на системы здравоохранения, социальной защиты и пенсионного обеспечения, замедляет экономический рост и т. д. На начало 2021 г. каждый четвертый житель нашей страны был старше трудоспособного возраста, а число людей в возрасте 65+ достигло 18,8 млн чел., коэффициент демографического старения составил 12,8 %.

Особенностью старения российского населения является его гендерная асимметрия с превалированием численности женщин старшего возраста. Увеличивается также показатель глубины старения (соотношение населения в возрасте 80+ к общей численности старого населения в возрастах 65+).

Позиции России в международных рейтингах по проблемам старшего поколения невысоки: по индексу активного долголетия (AAI) страна занимает 23-е место из 29 обследованных стран, по Global Age Watch Index (GAWI) — 65-е место из 96 стран, по Natixis Global Retirement Index (NGRI) — 38-е место из 43 стран (Доброхлеб, 2022).

Анализ численности населения Вологодской области также указывает на процесс депопуляции (за период 2015–2023 гг. сократилась на 69 тыс. чел.)³. Удельный вес старшего поколения вырос за минувшие 30 лет на 50 %. При этом доля пожилых мужчин увеличилась в 2,2 раза с 1990 г., а женщин — на 30 %.

В половозрастной пирамиде населения региона наблюдается преобладание численности женского населения над мужским не только в возрасте старше трудоспособного, а начиная с 40 лет. После 65 лет разница составляет более 1,5 раз, а после 75 лет — более 2,5 раз.

Одним из способов преодоления негативных социально-экономических последствий процесса демографического старения является внедрение политики активного долголетия, позволяющей использовать ресурс старшего поколения. Учитывая, что основой ресурсного потенциала человека и компонентом активного долголетия выступает здоровье, ВОЗ предложила концепцию активного долголетия, «здорового старения»⁴, а ООН объявила 2021–2030 гг. десятилетием здорового старения, под которым понимается «процесс развития и поддержания функциональных способностей, обеспечивающих благополучие в пожилом возрасте»⁵.

¹Ageing and health. 2022. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>

²World Population Prospects 2020. <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources/>

³Демографический ежегодник Вологодской области. Статистический сборник Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (за 2015–2023 гг.). Вологда: Вологдастат, 2015. (2016–2023 гг.)

⁴Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг. https://cdn.who.int/media/docs/defaultsource/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf?sfvrsn=64fd27ba_6

⁵World Health Organization. World Report on Aging and Health. 2015. https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789240694811_eng.pdf?sequence=1

Высокие показатели здоровья сопряжены с более высокой физической, социальной и экономической активностью, позволяют достичь преклонных лет без существенных ограничений жизнедеятельности, сохраняя высокое качество жизни. Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография» (включающий подпроект «Старшее поколение»¹) уделяют большое внимание вопросам профилактики заболеваний и укрепления здоровья населения старшего возраста.

Однако начало 2020-х гг. в России сопряжено с рядом серьезных социальных потрясений: пандемия новой коронавирусной инфекции и кризис здравоохранения, санкционное давление западных стран и общая геополитическая нестабильность, проведение специальной военной операции на Украине. Высокая степень неопределенности и утрата контроля над ситуацией способствуют возникновению тревожных и депрессивных расстройств, манифестации или усугублению хронических соматических заболеваний у населения, а в итоге снижению уровня и качества жизни.

В связи с этим целью данной работы стал анализ самооценки физического и психологического состояния старшего поколения Вологодской области в условиях неопределенности, трансформационных изменений и новых вызовов начала 2020-х гг.

На основе выборочных данных трех социологических опросов, проведенных Вологодским научным центром в 2021–2022 гг., мы получили информацию о значимости здоровья в системе ценностей для лиц старше 65 лет, субъективные оценки самочувствия, в т. ч. остроты переживания стрессовых ситуаций и копинг-стратегии, здоровьесберегающих практиках (медицинской и физической активности, отказа от курения и алкоголя, предпочтения правильного питания), и дополнительно оценили удовлетворенность системой здравоохранения.

Обзор литературы

Здоровьесбережение населения старше трудоспособного возраста является значимым аспектом социально-экономической политики. Большинство исследований посвящено проблеме объективных оценок состояния здоровья и проблемам медицинского обслуживания пожилых в эпоху демографического старения (Калининская и др., 2023). Так, отмечается, что заболеваемость населения пожилого возраста в 6 раз больше, чем у лиц трудоспособного возраста, и в 2 раза выше, чем у лиц старческого возраста (Мельникова & Поленова, 2020, Jacob et al., 2020). Это влечет в 11 раз больший объем медицинской помощи, чем для лиц трудоспособного возраста (Значкова, 2017).

Отмечается, что лица старшего возраста зачастую имеют хроническую патологию (с возрастом возрастает мультиморбидность, особенно среди малоимущих (Afshar et al., 2015)), нуждаются в диспансерном наблюдении, профилактической терапии и реабилитации.

Население в возрасте 65+ во всем мире было отнесено к группе повышенного риска здоровью в период распространения новой коронавирусной инфекции. Часть исследований посвящена данному аспекту. Именно старшее поколение оказалось в ситуации наиболее жестких социальных ограничений, которые имели негативные последствия (Доброхлеб, 2022). Самооценка здоровья и социально-медицинская грамотность пожилого населения в период пандемии рассматриваются также в недавнем исследовании Е.А. Новоселовой. В своей работе автор опиралась на данные

¹Национальный проект «Демография» Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. 2018. <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography>

исследований фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и др. (Новоселова, 2024).

По мнению сотрудника сектора социологии ФИНСЦ РАН к. э. н. К. А. Галкина, субъективные оценки самочувствия представителей старшего поколения, которые преимущественно рассматриваются в медицинских и гериатрических работах, не являются предметом социологических исследований. Он провел комплексный анализ популяционных количественных исследований разных стран, посвященных здоровью пожилых людей, представил социальные, психологические и медицинские факторы, воздействующие на субъективное здоровье старшего поколения (Галкин, 2022).

Ряд европейских исследований доказывают связь между улучшением субъективного здоровья пожилых людей с их медицинским обеспечением, а также развитием социальной политики, концепции социального государства (Leone et. al., 2016; Park et. al., 2021).

Ряд авторов изучает поведенческие особенности пожилых, связанные с соблюдением здорового образа жизни (López-López et. al, 2019; Kim et. al, 2020). Ежедневная физическая нагрузка лиц старшего возраста определяет их субъективную активность, которая крайне благоприятно отражается на их психологическом самочувствии (Clemente Remón et. al, 2020).

В исследованиях, посвященных социальной работе, основной акцент сделан на проблеме качества медицинской помощи и удовлетворенности медицинской помощью и социальным обеспечением (Григорьева и др., 2019).

Региональных исследований по социологии здоровья, отражающих весь комплекс проблем, недостаточно, а их значимость для развития и совершенствования программ поддержки старшего поколения, повышения качества их жизни и социального благополучия с учетом территориальных особенностей крайне значимы.

Учеными вологодского научного центра РАН совместно с белорусскими коллегами в 2021 г. было проведено исследование, посвященное активному долголетию, в рамках которого изучались аспекты самооценки здоровья лицами всех возрастов, физическая и медицинская активность старшего поколения (Калачикова, 2022). Выборочные результаты данного социологического опроса, на наш взгляд, могут быть дополнены более актуальными данными региональных эмпирических исследований с целью расширить спектр вопросов для анализа.

Материалы и методы

Информационная база исследования включает в себя некоторые данные федеральной службы государственной и региональной медицинской статистики, а также выборочные результаты трех социологических опросов населения Вологодской области, проведенных Вологодским научным центром РАН в 2021–2022 гг. (табл. 1). Опрашивались 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением а) пропорций между городским и сельским населением, б) пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); в) половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Характеристика выборки исследования

Наименование опроса, год	Всего старше 65*	Из них:			
		мужчин	женщин	город	село
Активное долголетие, 2021 г.	n = 193	n = 73 (37,8 %)	n = 120 (62,2 %)	n = 127 (65,8 %)	n = 66 (34,2 %)
Социокультурный портрет, 2021 г.	n = 221	n = 82 (37,1 %)	n = 139 (62,9 %)	n = 146 (66,1 %)	n = 75 (33,9 %)
Физическое здоровье, 2022 г.	n = 214	n = 83 (38,8 %)	n = 131 (61,2 %)	n = 143 (66,8 %)	n = 71 (33,2 %)

* Выбор объекта исследования был обоснован принятой экспертами отдела демографии ООН в качестве границы измерения процессов старения возраст 65 лет (см.: Доклад ООН о развитии в условиях старения населения мира. 2007. <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/wess2007.pdf>).

Источник: сост. автором

Результаты

Ценность здоровья для старшего поколения. Здоровье, по данным опроса, проведенного ВолНЦ РАН в 2022 г., выступало для пожилых жителей Вологодской области главной ценностью (94 %; среди женщин — 95 %, мужчин — 90 %). Даже семья заняла второе место (72 %). Видимо, это связано с утратой здоровья вследствие распространения новой коронавирусной инфекции и предпринятых мер по ее сдерживанию в предыдущие 2020–2021 гг.

Значимость здоровья как сферы жизнедеятельности оценили в 2022 г. 90 % лиц старше 65 лет, а удовлетворенность им выразили чуть более половины из них (51 %).

Самооценка здоровья. Каждый пятый опрошенный представитель старшего поколения в Вологодском регионе, опрошенный в 2022 г., характеризует свое здоровье как плохое или очень плохое. Чуть выше удельный вес таковых среди женщин и сельских жителей. Последние оценивают состояние своего здоровья хуже остальных (рис. 1).

Около 28 % респондентов старшего возраста в Вологодской области признались, что ежемесячно и чаще испытывают недомогания, снижающие их работоспособность. Тем не менее, почти 60 % опрошенных сообщили, что никогда не сталкивались с болезнью, приковывающей их к постели, приводящей к утрате дееспособности, в результате чего им требовалось обслуживание со стороны других людей.

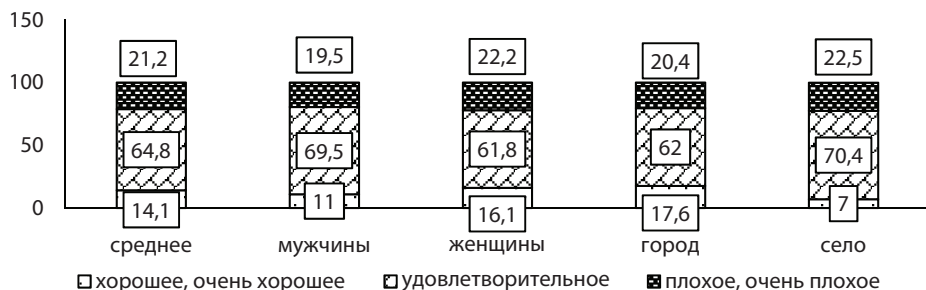

Рис. 1. Самооценка состояния здоровья лицами старше 65 лет (в %)

(источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье, 2022 г.»)

Практически каждый второй (47 %) респондент старше 65 лет признался, что имеет хроническое заболевание, а каждый седьмой — ту или иную группу инвалидности. По данным опроса, наиболее распространенное хроническое заболевание у старшего поколения — гипертония и ишемическая болезнь сердца (каждый второй). У каждого восьмого опрошенного стоит диагноз диабет, у каждого десятого — заболевания суставов.

Отметим, что согласно статистическим данным, в 2021 г. в Вологодской области в структуре общей заболеваемости лиц старшего возраста 28 % составили болезни системы кровообращения (половина из которых — гипертония), 12 % — болезни органов дыхания, 10 % — костно-мышечной соединительной ткани или глаза и его придаточного аппарата, 8,5 % — эндокринные заболевания, расстройства питания и нарушения обмена веществ. На COVID-19 пришлось 5 % общей заболеваемости, что в 2,5 раза больше, чем в предыдущем 2020 г. (2 %) ¹.

Психологическое самочувствие населения старшего возраста. Анализ психоэмоционального состояния представителей старшего возраста в регионе особенно актуален и показал, согласно опросу 2022 г., что более 55 % респондентов испытывали стресс несколько раз в год и чаще. Более подвержены ему городские жители и женщины: 8–9 % — сталкиваются с ним ежедневно или несколько раз в неделю, и еще каждый десятый — несколько раз в месяц.

По нашим данным, старшее поколение острее, чем представители других возрастов, восприняло новые вызовы начала 2020-х гг. (рис. 2). Лишь к ограничительным мерам (карантин, самоизоляция, QR-коды, штрафы и обязательная вакцинация) и ухудшению материального положения люди старшего возраста отнеслись спокойнее, чем население региона в целом.

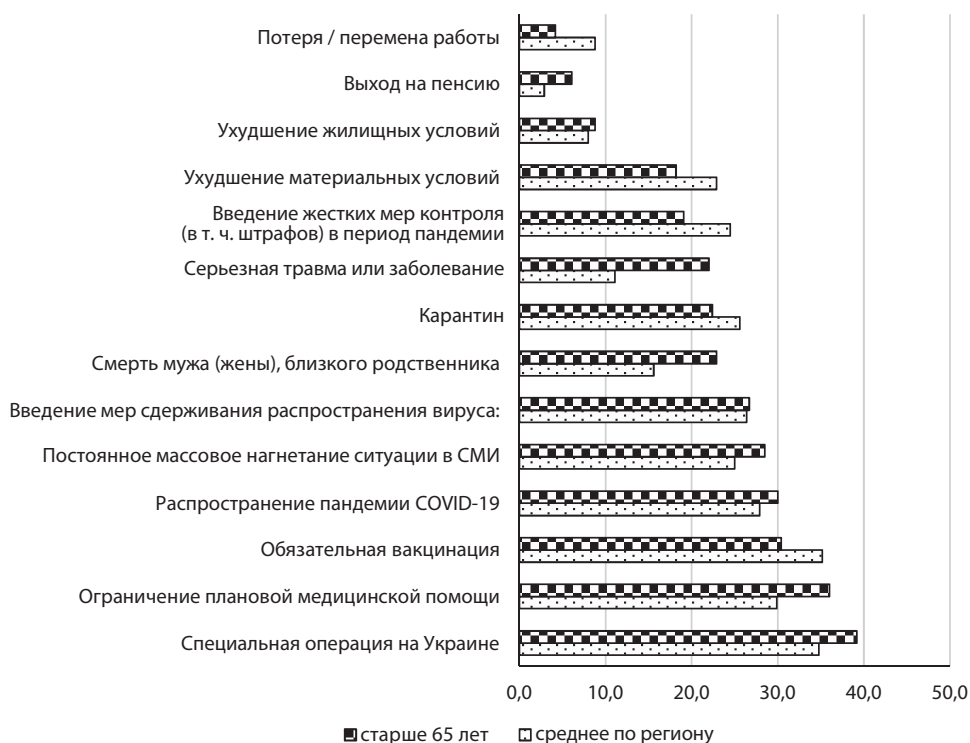
При этом среди когорты 65+ женщины сильнее ощущали выраженную тревогу и беспокойство по поводу СВО (46 %), самой пандемии (32 %) и сопряженные с ней ограничения плановой медицинской помощи (37 %), нагнетание ситуации в СМИ, ограничительные меры по сдерживанию вируса, вакцинацию, карантин и смерть близких.

Городские жители острее пережили предпринятые государством противозидемиологические меры. А сельские — смерть родных, собственное заболевание и ухудшение материального положения.

Среди представителей старшего поколения женщины более активны в поиске различных стратегий снятия напряжения и зачастую выбирают конструктивные способы. Тем не менее три четверти из них всячески пытаются скрыть от окружающих переживание стрессовой ситуации, а каждая четвертая срывает агрессию на «виновнике», что не способствует решению проблемы, а может привести к дополнительным трудностям и утрате своего здоровья. Мужчины (каждый третий) и жители городов (каждый четвертый), в свою очередь, чаще прибегают к саморазрушительному поведению (алкоголь, курение и запрещенные средства).

Активное долголетие. Около 40 % представителей старшего поколения хотели бы прожить до 80–90 лет, но лишь три четверти из них думают, что смогут достигнуть этой цели. Основные стимулы к долгой жизни — помощь детям, внукам и возможность общения с ними (особенно среди женщин и горожан — 45–50 %; табл. 2).

¹ Рассчитано автором на основе данных: Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2021 год. Департамент здравоохранения Вологодской области Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 2022. 82 с.

Рис. 2. «Сильно» и «очень сильно» выраженные стрессовые ситуации 2022 г., испытанные жителями Вологодской области старше 65 лет, %
(источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье, 2022 г.»)

Таблица 2

Основные мотивы прожить долгую жизнь у лиц старше 65 лет, %

Мотивы	Среднее	мужчины	женщины	город	село
Помогать своим детям, внукам	43,0	38,6	45,8	46,9	35,2
Общаться с внуками, правнуками	42,1	39,8	43,5	49,0	28,2
Не хочется расставаться со своими родными и близкими	34,6	31,3	36,6	33,6	36,6
Хочу как можно дольше наслаждаться жизнью	33,2	33,7	32,8	37,8	23,9
Интересно увидеть, как изменится мир в будущем	25,2	18,1	29,8	28,0	19,7
Боюсь умирать	24,8	19,3	28,2	25,9	22,5
Увидеть, каких успехов добьются мои дети	20,6	16,9	22,9	20,3	21,1
Хочу воспользоваться положенными с возрастом правами и преимуществами (льготы и прочие преференции)	5,1	8,4	3,1	4,9	5,6
Хочу успеть реализовать дело всей моей жизни	4,2	6,0	3,1	6,3	0,0

Источник: составлено автором по данным опроса «Активное долголетие, 2021 г.»

Каждый третий хочет наслаждаться жизнью, каждый четвертый — посмотреть, как изменится мир, каждый пятый — чего добьются его дети.

Здоровьесберегающее поведение. Подавляющее большинство представителей старшего поколения ответственным за свое здоровье считают себя. Однако каждый второй возлагает ответственность также на медицинских сотрудников, а каждый четвертый — на государство.

Две трети лиц старше 65 лет «заботятся о своем здоровье». Вариант ответа «очень забочусь» в 4 раза чаще выбирают женщины и городские жители.

При этом главной причиной внимания к собственному здоровью в старшем возрасте является нежелание быть обузой своим родным (более 60 %), а также потребность хорошо себя чувствовать (46 %). Примечательно, что среди мужчин выше доля тех, кто следит за своим здоровьем с целью достичь долголетия (36 % против 24 % женщин). Жители села (40 %) больше городских (33 %) берегут свое здоровье по причине страха заболеть и столкнуться с районной медициной. Городские жители и женщины чаще горожан и мужчин руководствуются стремлением быть примером своим детям и внукам (28 % и 20 % соответственно).

Рассмотрим самосохранительные практики вологжан старше 65 лет.

Медицинская активность. Более 40 % представителей старшего поколения регулярно обращаются к врачу в случае появления первых признаков заболевания. Отметим, что, по данным опроса, в течение последнего года обратились в медицинские учреждения за квалифицированной помощью более 70 % старшей возрастной группы. При этом жители городов чаще (трое из четырех), чем сельские жители (60 %). К услугам частных клиник прибегал каждый шестой представитель старшего поколения в регионе (каждый пятый горожанин). Каждая пятая городская женщина и каждый десятый сельский житель, которые ни разу за год не обратились к врачам, лечились самостоятельно. С профилактической целью лица старше 65 лет обращаются редко. Наиболее высокий удельный вес таковых отмечен в группе мужчин, проживающих в городах, — лишь каждый пятый.

Отметим, что недоступность здравоохранения и низкое качество бесплатных медицинских услуг является третей по значимости (выбрали 37 % представителей старшего поколения) из наиболее острых для них проблем современной жизни после инфляции (70 %) и низкого уровня жизни (47 %).

Почти каждый второй (46 %) пожилой житель региона черпает знания о сохранении здоровья именно от лечащего врача. Основным же источником информации у данной категории лиц являются средства массовой информации. А значит, данный ресурс необходимо активно использовать при профилактической работе со старшим поколением. Каждый третий респондент обращается за информацией к родственникам и знакомым. Лишь каждый десятый находит информацию в интернете (среди жителей села — лишь 3 %, а в городе — 15 %).

Здоровый образ жизни и физическая активность. Согласно опросу, проведенному в 2022 г., каждый шестой представителей старшего возраста в Вологодской области ничего не предпринимает (среди мужчин и сельских жителей — каждый пятый) с целью сберечь свое здоровье (табл. 3).

Более половины признались, что отказались от курения (55 %; табл. 3). Популярными мерами укрепления и поддержания здоровья среди старшего поколения являются пользование в быту специальными приборами, а также посещение бани,

Таблица 3

Меры, принимаемые старшим поколением для сохранения и укрепления своего здоровья, %

Меры	Среднее	мужчины	женщины	город	село
Ничего специально не предпринимаю	17,3	20,5	15,3	15,4	21,1
Не курю	55,1	51,8	57,3	57,3	50,7
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни	41,6	38,6	43,5	38,5	47,9
Пью чистую воду (использую приборы для очистки, покупаю, набираю в родниках)	28,5	25,3	30,5	30,1	25,4
Посещаю баню, сауну	28,5	37,3	22,9	25,2	35,2
Стараюсь больше ходить пешком	24,8	21,7	26,7	24,5	25,4
Соблюдаю режим питания	24,3	18,1	28,2	32,9	7,0
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	20,6	25,3	17,6	25,2	11,3
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	20,6	19,3	21,4	17,5	26,8
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	18,2	16,9	19,1	21,7	11,3
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	11,7	12,0	11,5	16,1	2,8
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья	17,8	12,0	21,4	22,4	8,5
Прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т. п.	12,1	13,3	11,5	14,0	8,5

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье, 2022 г.»

пешие прогулки, соблюдение режима питания и умеренность в употреблении алкоголя. Однако их доля не превышает 20–30 %.

Немаловажное значение для сохранения и укрепления здоровья человека имеет качественное питание. Каждый четвертый опрошенный пожилой житель региона старается соблюдать режим питания и баланс продуктов в рационе. Однако лишь каждый десятый оценивает свое питание как полноценное, три четверти — как нормальное, каждый десятый — неудовлетворительное. Две трети опрошенных старше 65 лет стараются употреблять здоровую пищу. Причем удельный вес тех, кто употребляет только полезные и экологически чистые продукты, среди жителей села в 2 раза больше (12 %), чем среди горожан. Каждый четвертый респондент признался, что зачастую употребляет и нездоровую пищу.

Каждый третий житель старшей возрастной группы употребляет спиртное (среди мужчин — каждый второй), каждый седьмой — курит (22 % мужчин).

К сожалению, лишь каждый восьмой представитель старшего поколения в регионе занимается физической культурой (на селе еще меньше — 3 %; табл. 3). Более трети из них просто не видят в этом необходимости (а среди сельских жителей так считает каждый второй). Практически столько же не имеют интереса к спорту, желая заниматься. Каждый четвертый причиной низкой физической активности назвал свой возраст и неудовлетворительное состояние здоровья. Каждый шестой признался, что ему просто лень и не хватает самоорганизованности, еще 8 % пожаловались на недоступную стоимость занятий спортом. Отметим, что практически никто не аргументировал свою низкую физическую активность отсутствием условий в виде спортзалов

и площадок. Можно сделать вывод, что значительная доля пожилых не осознает ценность повышения своей двигательной активности.

Выводы и обсуждение

Таким образом, анализируя субъективное состояние здоровья жителей Вологодского региона старшего возраста, можно сказать, что лишь малая часть из них оценивает его высоко.

Желание стать долгожителем присуще немногим (лишь 30 % верят, что проживут до 80–90 лет). Это вызвано преимущественно плохим здоровьем, неблагоприятными условиями жизни, пренебрежением самосохранительными практиками, несмотря на адекватное восприятие личной ответственности за свое здоровье.

Желание сохранить свое здоровье в большей степени обусловлено у представителей старшего поколения страхом стать обузой своим детям и внукам, а не желанием жить полноценной и активной жизнью. Хотя они признают, что плохое состояние здоровья является причиной их низкой социальной, физической и культурной активности.

Несмотря на богатый жизненный опыт, много пережитого в прошлом, они острее воспринимают большинство стрессовых ситуаций и нуждаются в психологической поддержке, особенно в периоды социальных катаклизмов.

Физическая нагрузка у старшего поколения снижена, лишь немногие занимаются физкультурой и спортом. Преимущественно по причине отсутствия желания и лени.

Качество питания в целом оценивают как нормальное, но каждый третий продолжает употреблять вредную пищу.

Внушает надежду, что часть жителей старше 65 лет отказались от курения, соблюдают умеренность в употреблении алкоголя, стараются больше ходить пешком, обращаются к врачам в случае болезни.

Тем не менее, несмотря на все принимаемые государством меры по нацпроектам «Демография» и «Здравоохранение», проблема качества и доступности бесплатных медицинских услуг для них остается острой проблемой.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили отразить широкий спектр показателей субъективного здоровья старшего поколения в непростой период жизни российского общества. Они могут быть применены для социологического обоснования и сопровождения управленческих решений, направленных на укрепление физического и психологического самочувствия представителей старшего поколения, на оптимизацию процессов их социальной адаптации. Следует совершенствовать систему доступного бесплатного медицинского наблюдения и повышать роль профилактической работы, пропаганду физической активности пожилых, что позволит повысить качество и продолжительность их жизни.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>).

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No. 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>).

Список источников

- Галкин, К. А. (2022). Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 47(1), 14–22. <http://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22>
- Григорьева, И. А., Уханова, Ю. В., Смолева, Е. О. (2019). Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 5, 124–140.
- Доброхлеб, В. Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность. *Народонаселение*, 25(2), 66–76. <http://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6>.
- Значкова, Е. А. (2017). *Совершенствование организации первичной медико-санитарной помощи пациентам пожилого и старческого возраста, страдающим множественными хроническими заболеваниями*: автореф. дисс. ... канд. мед. наук: 14.02.03. Москва, 24. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008714241?page=1&rotate=0&theme=white>
- Калачикова, О. Н. (Ред.). (2022). *Активное долголетие и его факторы в контексте демографического старения. Опыт исследования в России и Беларуси*. Вологда: ВолНЦ РАН, 179.
- Калининская, А. А., Васильев, М. Д., Лазарев, А. В., Кизеев, М. В., Смирнов, А. А. (2023). Анализ заболеваемости населения старше трудоспособного возраста в Российской Федерации и ее региональные особенности. *Менеджер здравоохранения*, 2, 59–67. <http://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-2-59-67>
- Мельникова, Л. А., Поленова, С. Н. (2020). Объемы медицинской помощи и их взаимосвязь с состоянием здоровья пожилого населения. *Экономические науки*, 192, 301–304.
- Новосёлова, Е. Н. (2024). Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 30(1), 40–68. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-40-68>
- Afshar, S., Roderick, P. J., Kowal, P., Dimitrov, B. D., & Hill, A. G. (2015). Multimorbidity and the inequalities of global ageing: A cross-sectional study of 28 countries using the World Health Surveys. *BMC Public Health*, 15, 776–785. <http://doi.org/10.1186/s12889-015-2008-7>
- Clemente Remón, Á. L., Jiménez Díaz-Benito, V., Jiménez Beatty, J. E., & Santacruz Lozano, J. A. (2020). Levels of physical activity among older adults in the European Union. *Journal of Aging and Physical Activity*, 29(2), 242–249.
- Jacob, M. E., Ni, P., Driver, J., Leritz, E., Leveille, S. G., Jette, A. M., & Bean, J. F. (2020). Burden and Patterns of Multimorbidity: Impact on Disablement in Older Adults. *American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation*, 99(5), 359–365. <http://doi.org/10.1097/PHM.0000000000001388>.
- Kim, J. I., & Kim, G. (2017). Socio-ecological perspective of older age life expectancy: income, gender inequality, and financial crisis in Europe. *Globalization and Health*, 13(1), 58. <http://doi.org/10.1186/s12992-017-0279-8>
- Leone, T., & Hessel, P. (2016). The effect of social participation on the subjective and objective health status of the over-fifties: evidence from SHARE. *Ageing & Society*, 36(5), 968–987. <http://doi.org/10.1017/S0144686X15000148>
- López-López, R., & Sánchez, M. (2019). The institutional active aging paradigm in Europe. *Gerontologist*, 60(3), 406–415. <http://doi.org/10.1093/geront/gnz094>
- Park, S., Lee, H. J., Jeon, B.-J., Yoo, E.-Y., Kim, J.-B., & Park, J.-H. (2021). Effects of occupational balance on subjective health, quality of life, and health-related variables in community-dwelling older adults: A structural equation modeling approach. *PLoS ONE*, 16(2), e0246887. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0246887>

References

- Afshar, S., Roderick, P. J., Kowal, P., Dimitrov, B. D., & Hill, A. G. (2015). Multimorbidity and the inequalities of global ageing: A cross-sectional study of 28 countries using the World Health Surveys. *BMC Public Health*, *15*, 776–785. <http://doi.org/10.1186/s12889-015-2008-7>
- Clemente Remón, Á. L., Jiménez Díaz-Benito, V., Jiménez Beatty, J. E., & Santacruz Lozano, J. A. (2020). Levels of physical activity among older adults in the European Union. *Journal of Aging and Physical Activity*, *29*(2), 242–249.
- Dobrokhleb, V. G. (2022). Demographic aging in Russia and new social reality. *Narodonaseleniye [Population]*, *25*(2), 66–76. (In Russ.)
- Galkin, K. A. (2022). Features of Social Inequalities in the Health of Older People in Russia and Europe: Research Review. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]*, *47*(1), 14–22. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22> (In Russ.)
- Grigor'eva, I. A., Ukhanova, Yu. V., & Smoleva, E. O. (2019). Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, *5*, 124–140 (In Russ.)
- Jacob, M. E., Ni, P., Driver, J., Leritz, E., Leveille, S. G., Jette, A. M., & Bean, J. F. (2020). Burden and Patterns of Multimorbidity: Impact on Disablement in Older Adults. *American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation*, *99*(5), 359–365. <http://doi.org/10.1097/PHM.0000000000001388>.
- Kalachikova, O. N. (Ed.). (2022). *Aktivnoe dolgoletie i ego faktory v kontekste demograficheskogo stareniya. Opyt issledovaniya v Rossii i Belarusi [Active aging and its factors in the context of demographic aging. Research experience in Russia and Belarus]*. Vologda: VolNTS RAN, 179. (In Russ.)
- Kalininskaya, A. A., Vasiliev, M. D., Lazarev, A. V., Kizeev, M. V., & Smirnov, A. A. (2023). Analysis of the incidence of the population older than working age in the Russian Federation and its regional features. *Menedzher zdravookhraneniya [Manager Zdravoochraneniya]*, *2*, 59–67. <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-2-59-67> (In Russ.)
- Kim, J. I., & Kim, G. (2017). Socio-ecological perspective of older age life expectancy: income, gender inequality, and financial crisis in Europe. *Globalization and Health*, *13*(1), 58. <http://doi.org/10.1186/s12992-017-0279-8>
- Leone, T., & Hessel, P. (2016). The effect of social participation on the subjective and objective health status of the over-fifties: evidence from SHARE. *Ageing & Society*, *36*(5), 968–987. <http://doi.org/10.1017/S0144686X15000148>
- López-López, R., & Sánchez, M. (2019). The institutional active aging paradigm in Europe. *Gerontologist*, *60*(3), 406–415. <http://doi.org/10.1093/geront/gnz094>
- Melnikova, L. A., & Polenova, S. N. (2020). Volumes of medical care and their relationship to the health status of the elderly population. *Ekonomicheskije nauki [Economic Sciences]*, *192*, 301–304. (In Russ.)
- Novoselova, E. N. (2024). Health and older adults: stereotypes and objective indicators. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]*, *30*(1), 40–68. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-40-68> (In Russ.)
- Park, S., Lee, H. J., Jeon, B.-J., Yoo, E.-Y., Kim, J.-B., & Park, J.-H. (2021). Effects of occupational balance on subjective health, quality of life, and health-related variables in community-dwelling older adults: A structural equation modeling approach. *PLoS ONE*, *16*(2), e0246887. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0246887>

Znachkova, E. A. (2017). *Sovershenstvovanie organizatsii pervich-noy mediko-sanitarnoy pomoshchi patsientam pozhilogo i starcheskogo vozrasta, stradayushchim mnozhestvennymi khronicheskimi zabolevani-yami: avtoref. diss. ... kand. med. nauk [Improving the organization of primary health care for elderly and senile patients suffering from multiple chronic diseases: abstract. diss. ...cand]*: 14.02.03. Moscow, 24. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008714241?page=1&rotate=0&theme=white> (In Russ.)

Информация об авторе

Шматова Юлия Евгеньевна — кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

About the author

Yulia E. Shmatova — Cand. Sci. (Econ.), Research Associate, Vologda Research Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (56A, Gorkogo St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы [Текст]: сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А. П. Багирова, канд. экон. наук Е. Б. Бедрина, д-р истор. наук, проф. Г. Е. Корнилов, д-р экон. наук Н. В. Кривенко, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б. Ю. Берзин, канд. экон. наук Н. П. Неклюдова, О. А. Пышминцева ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Электрон. текст. дан. (11,9 Мб). — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. — 651 с. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Текст: электронный.

ISBN 978-5-94646-689-9

Сборник научных статей включает работы ученых, посвященные наиболее актуальным вопросам демографического развития: социологическим и психологическим аспектам демографического поведения, современным проблемам трудовой миграции, взаимосвязи демографических процессов и устойчивости социально-экономического развития регионов России, демографической устойчивости в исторической ретроспективе, роли института семьи в XXI веке, вопросам здоровьесбережения населения. Статьи структурированы в сборнике в виде разделов в соответствии с их проблематикой. Издание представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

УДК 314

ББК 60.7 (2 Рос)

Научное издание

УСТОЙЧИВОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕСУРСЫ Сборник статей

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол Ученого совета №10 от 22.04.2004. Рег. №05(24) (протокол редсовета №3 от 19.04.2024)

Редактирование С. В. Кузовковой, А. Б. Уминской.
Компьютерная верстка Е. В. Леготиной

Электронное издание
1 оптический компакт-диск

Издание поставляется на одном CD-ROM диске и может быть использовано в локальном и сетевом режимах.

Подписано к использованию 31.05.2024.
Объем 11,9 Мб. Уч.-изд. л. 46.
Тираж 10 шт.

Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 32 Мб RAM; свободное место на HDD 16 Мб;
Windows 95/98; программа просмотра файлов .pdf; дисковод CD-ROM 2-х и выше; мышь.

Издатель: Институт экономики УрО РАН.
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, тел. +7(343) 371-45-36
Сайт: www.uiec.ru; e-mail: lavrikova.ug@uiec.ru.

Изготовитель: ООО «Сигнум»
620034, г. Екатеринбург, ул. Готвальда, 3, оф. 115.
тел.: +7 (343) 351-74-33.

